

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pslaw .176 .25

Bound

JAN 24 1907

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER

OF BOSTON

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER

(Class of 1817)

7

A fund of \$20,000, established in 1878, the income
of which is used for the purchase of books

P Slaw .176 .25

Bound

JAN 24 1907

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER

OF BOSTON

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER

(Class of 1817)

7

A fund of \$20,000, established in 1878, the income
of which is used for the purchase of books

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXXI. — ТОМЪ CDXV. — 1/14 СЕНТЯБРЯ 1906.

THE

LIBRARY

OF THE

UNIVERSITY

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОБЪ ПЕРВЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

Р. Слав 176.25

8547

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛѢТОПИСЬ.

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 9.

СЕНТЯБРЬ, 1906.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1906.

777

I.—АНГЛІЯ И ЕЯ АНТОНОМНЫЯ КОЛОНИИ. — Историческій очеркъ. — Паронъ П. Э. Нольде.	6
II.—ВЪ ПОРОГАХЪ. — Поэты. — Окончаніе. — I—XXVII. — П. Савирица.	68
III.—СЕМЬ ЛѢТЬ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ БАНКѢ. — По личнымъ воспоминаніямъ. — Окончаніе. — III—IV. — О. О. Воропихова.	127
IV.—ИММИГРАЦІЯ ВЪ С.-А. ШТАТЫ. — По повстанію лангитъ американской статистики. — К. Р. Веббъ.	186
V.—АМЕРИКА П ЛЮДИ. — Письмо изъ Америки. — П. А. Тверского.	100
VI.—НЕ РОДНОЙ СЫНЪ. — Романъ Эдмунда Фишера. — Einer Mutter Sohn. Rom. v. Edm. Viehdg. — Часть третья. — Окончаніе. — XIII. — Съ англ. О. Ч.	175
VII.—ИЗЪ ВОСПОМІНАНІЙ О Н. И. КОСТОМАРОВѢ И С. М. СОЛОВЬЕВѢ. — I—IX. — Д. А. Борсакъ.	231
VIII.—ДЕВРИ. — Романъ. — Prien Sclav. The Jungle. — V—XII. — Съ англ. Я. П.	279
IX.—ХРОНИКА. — „Рискозныя востанія“ Джи и Зейнабъ и др. — I—VI. — В. Д. Кузнецова-Караева.	316
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Тяжелое время. — Единственный выходъ изъ ужаснаго положенія. — Высочайшій указъ 12-го августа. — Насколько либеральное министерство. — Возможно ли теперь измѣненіе избирательнаго закона? — Партия мирнаго обилія и отношеніе къ ней другихъ конституціонныхъ партій. — Партия народной свободы и грабленіе Гіане. — Думскій акціонерскій и акціонерно-земельный вопросъ. — О. Р. Тернеръ †. — Репортъ.	243
XI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — I. Андреевъ, Л. Мелкіе рассказы. Т. III. — II. Домари-Заволжскій, М. В. Мемуары декабристовъ. — III. Изъ писемъ и показній декабристовъ, в. р. А. К. Борсакъ. — IV. Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Мендѣ (1697—1699), извѣст. П. В. Чародова. — Евг. Л. — V. Карлъ Каутскій, Этика и материалистическое пониманіе истории. — К. Ч. скіа. — Новые книги и брошюры.	363
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Годовщина Портсмутскаго мира. — Перемиріе въ обществѣ международномъ положеніи, вода измѣненія указовъ русскаго государства. — Либеральная политика Англіи. — Личная роль короля Георга VII. — Особые преимущества этой конституціоннаго правленія. — Выгоды II и его живости. — Неудобства безотвѣтственности правительства. — Церковный вопросъ во Франціи. — Балканскія дѣла.	396
XIII.—ПОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. John Galsworthy, „The Man of Property“. — II. Saint-Georges de Bouheller, „Le Roi sans couronne“. Pièces en 5 actes. — П. В.	407
XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Мельчъ, проваливъ собитій. — Военные бунты. — Попытки изъ П. А. Столыпина. — Что можетъ положить конецъ? — Попытки измѣнить внутреннее положеніе. — Отношенія крѣпостныхъ въ „террористическомъ“. — Критическое положеніе земства. — Изъ предстоящему началу дѣлѣнія пѣдъ. — Новая система борьбы съ революціонной пропагандой въ войскахъ.	122
XV.—БІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Панагратъ Захаровичъ Т. I, изд. 2-ой. — Проф. В. А. Косицкій. Въ аграрномъ вопросу. Виз. I. — Пространство и политическое развитіе. — Проф. П. П. Мигулинъ. Аграрный вопросъ. — М. Туланъ-Караевскій. Очеркъ изъ позднейшей исторіи политическаго экономіи и социализма.	
XVI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. — I—VIII.	

Sever Fund

АНГЛІЯ

И ЕЯ

АВТОНОМНЫЯ КОЛОНИИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Къ числу величайшихъ твореній политическаго генія чело-
вѣчества принадлежитъ несомнѣнно англійская колоніальная им-
перія. Собрать въ одно цѣлое населеніе, занимающее почти чет-
вертую часть земной поверхности и превосходящее по числен-
ности многочислѣннѣйшія государства міра, вдохнуть въ него жи-
вое чувство единства и солидарности, найти пути удовлетворенія
всѣхъ безконечно разнообразныхъ его потребностей, сдѣлать его
богатымъ и сильнымъ, насадить лучшія приобрѣтенія политиче-
скаго и культурнаго развитія метрополіи, — все это требовало
огромнаго труда, неослабной энергіи и глубокой вѣры въ свои
силы. Въ достиженіи этой цѣли поколѣніями, смѣнявшимися у
власти въ Англіи, проявлено было недюжинное умѣнье: основная
задача достигнута была не сразу, приходилось часто ошибаться
и дѣлать новые опыты, но въ концѣ концовъ средства преодо-
лѣть затрудненія находились и съ каждымъ годомъ дѣлался новый
шагъ на пути водворенія англійскаго „владычества за морями“,
о которомъ гордо говорится въ титулѣ короля Эдуарда. Процессъ
расширенія Англіи (expansion of England, говорятъ англичане)
можно описывать съ разныхъ точекъ зрѣнія, и всесторонне изу-
чить его — дѣло великой трудности, на которое у немногихъ, даже
въ Англіи, хватаетъ силъ. Но даже если взять одну сторону

вопроса—политическую, то и въ этихъ сравнительно узкихъ предѣлахъ задача изученія колониальной имперіи Англіи представить большой интересъ. Англичане всегда исходили изъ той совершенно правильной мысли, что управлять огромной британской имперіей „за морями“ можно, только безконечно варьируя пути и средства такого управленія. Они создали поэтому цѣлый арсеналъ разнообразнѣйшихъ приѣмовъ управленія, прилагавшихся въ зависимости отъ времени и мѣста въ той или другой части имперіи. Ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ вы не найдете ничего подобнаго этому разнообразію, и въ этомъ отношеніи англійская колониальная имперія представляетъ для государствовѣда какъ бы музей, въ которомъ сосредоточены всѣ образцы политическихъ формъ, отъ системы управленія черезъ военнаго губернатора, точно исполняющаго волю правительства метрополіи, до самыхъ сложныхъ формъ федеративнаго парламентаризма. Изученіе того, каковы эти типы, какъ происходитъ выборъ ихъ въ томъ или другомъ случаѣ и какъ они гармонически слиты въ единое государство, полно интереса.

Англійскіе юристы даютъ слѣдующую основную классификацію формъ англійскаго колониальнаго управленія. Первую группу составляютъ тѣ колоніи, которыя принято называть „коронными“ (crown colonies). Здѣсь метрополія имѣетъ полный контроль надъ законодательствомъ и управленіемъ: законодательные акты исходятъ или прямо отъ метрополіи, или отъ агентовъ послѣдней — губернаторовъ и, отчасти, коронныхъ законодательныхъ совѣтовъ при губернаторахъ, а управленіе сосредоточено въ рукахъ губернаторовъ и его подчиненныхъ. Вторая группа — колоніи, имѣющія представительныя учрежденія (colonies with representative government); въ нихъ законодательство принадлежитъ мѣстнымъ колониальнымъ парламентамъ, но управленіе сосредоточено въ лицѣ агентовъ метрополіи — губернаторовъ и его исполнительныхъ совѣтовъ въ составѣ назначаемыхъ членовъ. Наконецъ, третью группу образуютъ колоніи, обладающія, кромѣ представительства, еще и отвѣтственнымъ передъ мѣстнымъ парламентомъ министерствомъ (colonies with responsible government); здѣсь вліяніе метрополіи очень ограничено.

Внутри каждой изъ этихъ группъ мы видимъ рядъ вариантовъ: коронныя колоніи управляются то военною, то морскою, то гражданскою властью; исполнительные совѣты въ колоніяхъ съ представительнымъ управленіемъ состоятъ или изъ чиновниковъ, или изъ чиновныхъ и такъ называемыхъ „unofficial members“, нечиновныхъ, но назначаемыхъ членовъ; колоніи съ от-

вѣтственнымъ управленіемъ или представляютъ союзныя образованія и распадаются на отдѣльные штаты, или являются однимъ цѣлымъ, и т. д., и т. д. Такихъ вариантовъ очень много, и они иногда очень своеобразны.

Наблюдая все это разнообразіе типовъ и ихъ развѣтвленій, мы констатируемъ слѣдующій основной для пониманія англійской колониальной политики фактъ. Англія, считая въ однихъ случаяхъ необходимымъ приложить къ колониальному управленію максимумъ политической энергіи, въ другихъ довольствуется лишь частичной дозой этого максимума, и въ третьихъ почти отказывается отъ проявленія какой-либо активной власти въ колоніяхъ, сводя ее къ почти номинальной. На первый взглядъ, эта способность и рѣшимость произвольно сокращать или усиливать, въ зависимости отъ обстоятельствъ, размѣры собственной власти кажется удивительной. Лубочныя представленія объ Англіи и англичанахъ, къ сожалѣнію столь распространенныя въ Россіи, рисуютъ намъ картины неослабной жажды владычества и полного презрѣнія къ интересамъ подвластныхъ. Съ другой стороны, инстинкты имперіализма, заложенные въ глубинѣ огромнаго множества людей, какъ будто оскорблены этимъ страннымъ отказомъ сильной и цвѣтущей страны, — непрерывно воюющей во всѣхъ частяхъ свѣта и безспорно умѣющей пользоваться силой, когда ей это кажется необходимымъ, — отъ возможности вести по своему желанію и волѣ многочисленныя группы собственныхъ подданныхъ и подчинять ихъ своимъ видамъ и своимъ вѣлѣніямъ.

Фактъ между тѣмъ на лицо. И едвали мы ошибемся, если скажемъ, что именно въ немъ лежитъ ключъ къ объясненію того по истинѣ замѣчательнаго и завиднаго успѣха, къ которому привела колониальная политика Англіи. Умѣнье сокращать и усиливать предѣлы своей власти въ колоніяхъ есть свидѣтельство того же глубокаго политическаго такта и той же геніальной гибкости, которая проявлена была англичанами въ развитіи и своихъ внутреннихъ англійскихъ политическихъ порядковъ.

Лучше всего можно оцѣнить это умѣнье, когда мы наблюдаемъ за тѣмъ, какъ совершались переходы въ одной и той же колоніи отъ одного типа управленія къ другому. Въ жизни отдѣльныхъ колоній въ одинъ прекрасный день наступала минута, когда она переросла коронное управленіе и когда метрополія давала ей представительство; позднѣе она переросла и представительство и получала отвѣтственное министерство. Часто случалось и наоборотъ: политическая свобода, полученная колоніей, оказывалась ей не по плечу, и метрополія спокойно замѣ-

няла въ ней представительство короннымъ управленіемъ. Образъ дѣйствій Англіи въ минуты такихъ переходовъ и то, какое направленіе давалось ею политическимъ кризисамъ въ жизни отдѣльныхъ колоній — кризисамъ всегда и всюду очень серьезнымъ, — необходимо изучить, для того, чтобы опредѣленно установить тѣ основныя начала, которыя руководятъ англійскимъ колоніальнымъ управленіемъ въ теченіе послѣдняго вѣка. Этотъ историческій очеркъ даетъ лучшую характеристику организаціи британской имперіи. Подобно древнему Риму, англійское юридическое творчество чуждо отвлеченныхъ апріорныхъ построений. Коренное по существу дѣла измѣненіе въ политической организаціи остается незамѣтнымъ, если сравнивать законъ до и послѣ реформы: перемѣна содержанія или вовсе не отражается на старыхъ статутныхъ формулахъ, или же отражается появленіемъ какой-нибудь новой маленькой черточки, совершенно неуловимой для посторонняго взгляда. Поэтому догма закона, т.-е. изложеніе и толкованіе его, ничего не даютъ для характеристики приѣмовъ управленія имперіей за морями. Когда въ первый разъ берешь въ руки какое-либо руководство, написанное англійскимъ юристомъ, то невольно недоумѣваешь, видя вмѣсто привычной „интерпретаціи“ законодательства собраніе ряда историческихъ эпизодовъ изъ жизни то Канады, то Ямайки, то Капа, то Новаго Южнаго Уэльса. Попытаемся же воспользо-ваться этимъ историческимъ матеріаломъ по возможности систематически и дать на основаніи его очеркъ эволюціи англійской политики умѣлаго распредѣленія то большей, то меньшей степени политической энергіи на периферіи огромнаго государственнаго цѣлаго, составляющаго британскія владѣнія за морями.

I.

Для того, чтобы найти руководящія начала англійскаго колоніальнаго управленія, намъ нѣтъ надобности уходить въ далекое прошлое. Напротивъ того, всѣ политическія истины, на которыхъ оно покоится въ настоящее время, недавняго сравнительно происхожденія: онѣ въ своей окончательной формѣ выработаны въ царствованіе королевы Викторіи.

Первыя два столѣтія англійскаго колоніальнаго владычества представляютъ какъ бы подготовительную въ этомъ отношеніи эпоху. Какъ извѣстно, первое заморское владѣніе Англіи приоб-
рѣтено ею сравнительно съ другими европейскими колоніаль-

ными державами довольно поздно, — это маленькіе Бермудскіе острова на параллели Южной Каролины, занятые англичанами въ 1612 году. Въ семнадцатомъ вѣкѣ одна за другой намѣчаются другія колоніи въ Америкѣ — часть Антильскихъ острововъ съ Ямайкою и часть побережья нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ. Восемнадцатый вѣкъ есть эпоха завоевательная по преимуществу. „Расширеніе Англіи въ Новомъ Свѣтѣ и въ Азіи, — говоритъ одинъ изъ лучшихъ англійскихъ историковъ, — представляетъ ту формулу, которая суммируетъ для Англіи всю исторію XVIII-го вѣка“ (Seeley). И дѣйствительно, за этотъ вѣкъ кладется основаніе владычеству Англіи на сѣверѣ Америки (Ньюфаундлендъ и Канада), въ Индіи, въ Австраліи и Новой Зеландіи, въ Индо-Китаѣ, на африканскомъ западномъ побережьи, а въ началѣ XIX-го столѣтія и на югѣ Африки. Вопросы организаціи этого владычества стоятъ въ XVIII-мъ вѣкѣ на второмъ планѣ; пока жестокая борьба съ другими государствами изъ-за колоній не кончилась, трудно было всецѣло отдаться мирному строительству. Колоніями въ сущности управляли очень мало, предоставляя имъ жить собственною жизнью во всѣхъ внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Колоніальная политика представляетъ главнымъ образомъ орудіе развитія торговыхъ интересовъ, и лишь въ сферѣ торговыхъ отношеній метрополія придерживается системы внимательства въ жизнь колоній; какъ идетъ внутренняя ихъ жизнь — ее интересуетъ очень мало. Пусть колонисты устроятся въ этомъ отношеніи, какъ имъ угодно, пусть заводятъ себѣ представительныя учрежденія, пусть пишутъ свои законы, лишь бы принципы „Навигаціоннаго Акта“, гарантировавшіе монополію англійскаго торговаго посредничества, оставались неприкосновенными. Стоитъ открыть сочиненіе Адама Смиа, чтобы убѣдиться, насколько полно отождествляется весь вопросъ о колоніальномъ владыествѣ съ вопросомъ о торговыхъ рынкахъ, и насколько мало это вопросъ власти въ прямомъ и подлинномъ значеніи этого слова (книга 10, гл. VII). При этихъ условіяхъ естественно, что частно-правовой моментъ ярко выступаетъ въ организаціи колоній. Классическій и наиболѣе распространенный путь организаціи — есть уступка извѣстной территоріи за моремъ частной компаніи, отъ которой всецѣло зависитъ управленіе въ предѣлахъ переданной ей колоніи; рѣже такая уступка правъ управленія совершается въ пользу отдѣльнаго лица, — колоніальное „предпріятіе“ не всегда подъ силу одному, хотя бы богатому и предпримчивому человѣку; наконецъ, — первоначально также сравнительно рѣдко, — прибѣгаютъ и къ системѣ короннаго управленія, но и

тутъ по существу дѣла метрополія выступаетъ скорѣе въ качествѣ „казны“, частнаго предпринимателя, нежели въ качествѣ авторитетной носительницы извѣстныхъ правъ власти. Но каково бы ни было то основаніе, на которомъ покоится по закону англійское колоніальное управленіе прежняго времени, — въ главныхъ колоніяхъ, по мѣрѣ того, какъ колонисты дѣлаются многочисленнѣе и начинаютъ тверже обосновываться на мѣстахъ, уже въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ начинается своя внутренняя политическая жизнь, которая первоначально мало интересуетъ Лондонъ, но которая въ концѣ концовъ вынуждаетъ его сознательно отнестись къ колоніальному управленію и выдвигаетъ всѣ тѣ сложнѣйшія политическія проблемы, разрѣшеніе которыхъ принадлежитъ уже XIX-му вѣку.

Великую роль сыграла въ этомъ отношеніи американская революція, которая обнаружила совершенно наглядно и убѣдительно, что тѣ начала свободы, которыя принесли съ собою изъ Англіи сѣверо-американскіе колонисты, живучѣе и сильнѣе, нежели правовыя связи, которыя соединяли метрополію съ ея колоніями, и что конфликтъ между велѣніями парламента въ Уэстминстерѣ и волею отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ колоніальныхъ законодательныхъ собраній можетъ привести къ полному отпаденію самыхъ цѣнныхъ владѣній англійской короны. Принужденная послѣ многолѣтней борьбы признать Соединенные Штаты „свободнымъ, сувереннымъ и независимымъ“ государствомъ, Англія вынесла изъ событій серьезнѣйшій урокъ и поученіе, долго не исчезавшіе изъ ея сознанія. Урокъ этотъ сводился къ тому, что колоніальное управленіе требуетъ много такта и большого вниманія къ желаніямъ и потребностямъ колонистовъ, и что простого приказа не всегда достаточно для того, чтобы сохранить единство между отдѣльными частями имперіи.

Значеніе этого урока обнаружилось, однако, не сразу. Его заслонялъ сначала самый фактъ утраты лучшихъ колоніальныхъ владѣній Англіи. По сравненію съ тѣмъ, что было утрачено, то, что оставалось, казалось ничтожнымъ. И дѣйствительно, если имѣть въ виду, что англійскія владѣнія въ Австраліи и Африкѣ еще не существовали, что Индія еще только начинала переходить въ руки англичанъ и что въ твердомъ обладаніи послѣднихъ оставались только нѣкоторые Антильскіе острова и населенная французами Канада (представлявшая лишь ничтожную часть нынѣшней территоріи Dominion of Canada), то станетъ вполне понятнымъ, что въ моментъ подписанія версальскаго договора о независимости Соединенныхъ Штатовъ англичане могли

на минуту счесть свою колониальную историю законченною. Какъ бы ликвидируя ее, англійскій парламентъ въ 1782 году такъ называемымъ актомъ Бёрка (22 Geo. III, с. 82) уничтожилъ должность государственнаго секретаря для колоній и колониальное министерство, носившее тогда наименование „Присутствія по дѣламъ торговли и колонизаціи“ (Board of Trade and Plantations)¹⁾.

Но пассивное настроеніе, выраженіемъ котораго былъ актъ Бёрка, продолжалось недолго. Съ одной стороны, въ концѣ XVIII-го вѣка начинаетъ окончательно закрѣпляться власть Англіи въ Индіи и кладется основа колонизаціи Австраліи, и такимъ образомъ открываются новыя перспективы колониальнаго владѣчества, а съ другой стороны и старыя колоніи въ Америкѣ, оставшіяся въ рукахъ Англіи послѣ версальскаго договора, требуютъ постояннаго вниманія и заботы. И вотъ въ этихъ именно заботахъ о сохранности остатковъ колониальной имперіи въ Америкѣ и сказывается все значеніе урока, вынесеннаго изъ борьбы съ Соединенными Штатами.

Еще до ея окончанія, англійскій парламентъ ясно указалъ, въ какомъ направленіи будетъ имъ впредъ вестись колониальная политика—въ сторону ли активнаго вмѣшательства въ дѣла колоній, или, напротивъ того, принципиальнаго признанія колониальныхъ вольностей. Актомъ 1778 г. (18 Geo. III, с. 12) парламентъ отказался на будущее время отъ всякой попытки собирать въ колоніяхъ какіе-либо сборы въ пользу метрополіи; какъ извѣстно, именно подобная попытка и послужила поводомъ къ возстанію Штатовъ, и только-что указанный актъ служилъ поэтому выраженіемъ твердой воли не возобновлять опытовъ простаго и грубаго имперіализма на почвѣ взаимоотношеній между колоніями и метрополіей. Для оцѣнки вліянія, оказаннаго на колониальную политику Англіи возстаніемъ Штатовъ, весьма характерны тѣ усилія, которыя въ концѣ XVIII-го столѣтія прилагались къ тому, чтобы всячески удовлетворить пожеланія оставшихся вѣрными американскихъ колонистовъ. Рѣчь шла прежде всего о Канадѣ. Не представляя во второй половинѣ XVIII-го вѣка и сотой доли того абсолютнаго значенія, которое теперь имѣетъ эта колонія, Канада обладала, однако, въ тѣ времена, въ общей, значительно сократившейся послѣ потери Штатовъ, суммѣ колоній серьезную относительную цѣнность. Состав-

¹⁾ Council of Foreign Plantations (съ 1672 г. Council of Trade and Plantations) былъ учрежденъ въ 1660 году Карломъ II, должность Secretary of State for Colonies—въ 1768 году.

для сравнительно позднее приобрѣтеніе Англіи и связанная близостью съ Штатами, она, казалось бы, легко могла быть вовлечена въ борьбу, начатую послѣдними съ метрополіей, и въ этомъ смыслѣ ей дѣлались непосредственные предложенія инсургентами. Національныя различія мѣшали успѣху этой пропаганды; тогдашняя Канада, территоріально совпадавшая съ нынѣшней провинціей Квебекъ, была населена французами-католиками, не чувствовавшими себя солидарными съ англійскими протестантами на югѣ. Настроеніемъ этимъ слѣдовало воспользоваться, и здѣсь впервые англичанами примѣнена была система сознательнаго расширенія мѣстныхъ вольностей во имя сохраненія болѣе цѣнной принципіальной связи колоніи съ метрополіей. Еще вслѣдъ за окончательнымъ переходомъ Канады отъ Франціи въ Англіи король Георгъ III обѣщалъ канадцамъ представительныя учрежденія. „Мы дали“—гласила его прокламація 7-го октября 1763 года—„въ патентѣ за нашею большою великобританскою печатью губернатору Квебека право и приказали ему, *какъ только положеніе и обстоятельства названной колоніи то дозволятъ*, созвать, съ совѣта и согласія членовъ нашего совѣта, общее собраніе такимъ порядкомъ и въ такой формѣ, какъ принято и предписано въ тѣхъ колоніяхъ и провинціяхъ Америки, которыя находятся подъ непосредственнымъ нашимъ управленіемъ“. Но это обѣщаніе было достаточно неопредѣленно, и въ Англіи не думали его исполнять, пока не вспыхнула борьба съ Соединенными Штатами. Въ Квебекѣ царствовала система, за которою въ канадской литературѣ сохранилось наименованіе „правленіе солдатчины“ (the Rule of the Soldiery). Боязнъ утратить вѣстѣ съ другими колоніями въ Америкѣ и Квебекъ дала жизнь обѣщаніямъ 1768 года. Въ 1774 году парламентъ принялъ такъ называемый Квебекскій актъ (An act for making more effectual provision for the government of the province of Quebec in North America; 14. Geo. III, с. 83), въ которомъ впервые въ Канадѣ создавалось законодательное собраніе, получавшее власть издавать—по старинной и до сихъ поръ свято сохраняемой формулѣ—„правила для мира, благосостоянія и добраго управленія сказанной провинціи“. Но собраніе это было не выборнымъ, а назначалось королемъ изъ мѣстныхъ жителей. Мы увидимъ ниже, что этотъ типъ законодательнаго собранія, состоящаго изъ нечиновныхъ, по англійской терминологіи, членовъ (unofficial members), нерѣдко воспроизводился Англіей въ другихъ колоніяхъ, какъ переходная ступень къ выборнымъ палатамъ. Здѣсь равнымъ образомъ онъ знамено-

имъ собою первый шагъ на пути развитія канадскихъ вольностей. Черезъ семнадцать лѣтъ послѣ его изданія, Питтъ сдѣлалъ второй. Управленіе Квебекомъ на основахъ акта 1774 года представляло существенныя затрудненія въ виду того, что во время войны за независимость изъ предѣловъ Штатовъ во французскій Квебекъ,—французскій по языку, населенію, вѣрѣ, правовымъ и экономическимъ отношеніямъ,—переселилась масса англичанъ „лоялистовъ“, оставшихся вѣрными королю, и эти англичане тяготились зависимостью отъ французскихъ по составу учреждений Квебека; „лоялисты“ поселились въ восточныхъ округахъ Квебека, скоро составили тамъ преобладающую часть населенія и стали посылать въ Лондонъ жалобу за жалобой, прося даровать имъ „блага британскихъ законовъ и британскаго управленія“. Національный вопросъ началъ складываться во всей его остротѣ, и приходилось считаться съ нимъ, продолжая политику освобожденія Канады, начатую въ 1774 году. Питтъ остановился на слѣдующей простой комбинаціи: давая Канадѣ выборную палату вмѣсто палаты по назначенію, онъ рѣшилъ сдѣлать это, предварительно раздѣливъ старый Квебекъ на двѣ части: по преимуществу французскую—Нижнюю Канаду—и по преимуществу англійскую—Верхнюю Канаду (теперь, первая—провинція Квебекъ, а вторая—провинція Онтарио) и въ каждой изъ нихъ отдѣльно провести конституционную реформу. Парламентскій актъ 1791 года (An act to repeal certain parts of an act passed in the fourteenth year of H. M.' S. reign intitulated: An act for making more effectual provision for the government of the province of Quebec in North America; 31. Geo. III, c. 31) въ каждой изъ двухъ имъ созданныхъ провинцій учреждалъ двѣ палаты — „законодательный совѣтъ“ съ членами по назначенію и „собраніе“ съ членами по выбору. Не колеблясь, актъ 1791 года давалъ этимъ палатамъ Нижней и Верхней Канады всю полноту законодательныхъ полномочій, которыми въ Англіи обладалъ парламентъ. „Въ каждой изъ двухъ провинцій,—говорилось въ немъ (ст. 2),—его величество, наслѣдники его и преемники будутъ имѣть право, пока настоящій актъ дѣйствуетъ, по совету и съ согласіемъ законодательнаго совета и собранія каждой провинціи по принадлежности, издавать законы для ея мира, благосостоянія и добраго управленія“,— подобно тому, какъ король въ Англіи издаетъ законы „по совету и съ согласіемъ лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ и общинъ, бранныхъ въ настоящемъ парламентѣ“.

Какъ ни велико было для Канады значеніе акта 1791 года,

онъ все же остается въ общей исторіи колоній въ теченіе продолжительнаго времени изолированнымъ и стоитъ вѣдъ прямой связи съ тѣми событіями, которыя дали жизнь современной организации британской имперіи. Въ этомъ отношеніи онъ служитъ лишь провозвѣстникомъ, будущаго, но будущаго тогда еще довольно отдаленнаго. Онъ свидѣтельствуетъ, что Англія изъ пережитаго ею кризиса выноситъ твердое сознаніе пользы дарованія самоуправленія колоніямъ во имя сохраненія узъ, связывающихъ ихъ съ Соединеннымъ Королевствомъ; весьма возможно, что въ этому рецепту—свобода охранить во имя цѣлости государства—англійское политическое сознаніе приходитъ въ Канадѣ подъ вліяніемъ опасенія, чтобы тамъ не повторилось того, что случилось въ сѣвѣдной Америкѣ, но это обстоятельство не можетъ всецѣло подорвать авторитетность самаго принципа. Много разъ въ послѣдующей исторіи англійскихъ колоній Англія была безспорно настолько сильна, чтобы пустить въ ходъ и другія средства охраны единства имперіи, но она рѣдко сворачивала съ пути, намѣченнаго въ концѣ XVIII-го столѣтія въ Канадѣ. Какъ бы то ни было однако, послѣ 1791 года наступаетъ въ исторіи колониальнаго владычества Англіи долгій періодъ затишья, въ теченіе котораго лишь подготавливаются тѣ условія, которыя заставили англичанъ спокойно и сознательно вернуться къ канадскому прецеденту и пойти далеко впередъ въ развитіи его основъ. Какъ было уже указано, территоріальные предѣлы британской имперіи въ концѣ XVIII-го вѣка еще сравнительно очень узки, и въ этихъ узкихъ предѣлахъ почти нѣтъ колоній, окончательно сформировавшихся въ смыслѣ своего внутренняго развитія. Систематическая колонизація, въ смыслѣ постоянного притока постоянного населенія изъ метрополіи въ колонию, еще не началась въ большинствѣ отдѣльныхъ владѣній. Колонія представляютъ еще по большей части лишь торговые факторіи, служачія орудіемъ для обмѣна. Не мудрено, что на нихъ не распространяются свободныя учрежденія, дарованныя Канадѣ, и что всѣ онѣ продолжаютъ пребывать въ группѣ такъ называемыхъ „коронныхъ“ колоній или въ группѣ колоній, управлявшихся стариннаго происхожденія частными обществами ¹⁾).

¹⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что кромѣ Верхней и Нижней Канады въ Сѣвѣрной Америкѣ за Англіей остались еще, послѣ отпаденія Штатовъ, нѣсколько небольшихъ владѣній, объединенныхъ въ тѣ времена общимъ именемъ „Nova Scotia“ (теперешнія провинціи Nova Scotia, New Brunswick и Prince Edward Island). Новая Шотландія получила представительныя учрежденія еще до начала войны за независимость (1758) и сохранила ихъ послѣ войны; когда изъ состава ея выдѣ-

Это положеніе остается безъ перемѣнъ въ теченіе почти полулѣтія. Нельзя сказать, чтобы періодъ послѣ 1791 года и вплоть до начала сороковыхъ годовъ не представлялъ никакого интереса для колониальной исторіи Англіи; напротивъ того, онъ имѣетъ немаловажное значеніе въ томъ отношеніи, что предѣлы колониальной имперіи продолжали расширяться. Но онъ бѣденъ въ смыслѣ политическомъ; вновь приобрѣтавшіеся или въ силу завоеванія, какъ Капъ, или въ силу открытія и занятія, какъ Австралія, территоріи управлялись посылавшимися метрополіей губернаторами по указаніямъ возстановленнаго въ 1794 г. колониальнаго статсъ-секретаріата; потребности въ болѣе сложныхъ формахъ управленія на мѣстѣ не возникало, и Англія могла спокойно отдаваться другимъ великимъ своимъ интересамъ,—сначала борьбѣ съ Наполеономъ и переустройству континентальной Европы, а затѣмъ внутреннимъ вопросамъ, реформѣ парламента и коренному измѣненію основъ торговой политики.

Одинъ лишь фактъ можетъ быть отмѣченъ за это время въ политической исторіи колоній—дарованіе зачатковъ парламентаризма Новому Южному Уэльсу въ Австраліи. Открытіе австраійскаго материка было, какъ извѣстно, результатомъ астрономической экспедиціи. 9-го іюня 1769 года планета Венеры должна была пересѣчь путь солнца, и это явленіе можно было наблюдать только въ южныхъ водахъ Тихаго океана; англичане снарядили экспедицію для наблюденій и вручили начальство надъ нею капитану Куку, который, послѣ окончанія астрономическихъ наблюденій, рѣшилъ заняться географическими открытіями; съ острововъ Товарищества, около которыхъ онъ остановился, онъ пошелъ съ эскадрой на западъ, открылъ сначала Новую Зеландію, а затѣмъ и австраійскій материкъ, о которомъ существовали до того смутныя представленія, почти легенды, въ Европѣ. Въ 1772—1773 году онъ вновь посѣтилъ эти страны и окончательно выяснилъ пригодность ихъ для англійской колонизаціи. Англійское правительство только послѣ окончанія войны съ Америкой оказалось въ состояніи использовать открытіе Кука. Оно сдѣлало это въ грубо утилитарныхъ цѣляхъ, вовсе не задумываясь надъ высокими задачами насажденія культуры и систематической колонизаціи вновь открытой Terra Australis; независимость Америки заставила англичанъ отмѣнить ссылку въ амери-

онъ былъ сначала островъ Принца Эдуарда (1770), а затѣмъ Новый Брауншвейгъ (1784), представительство было оставлено въ нихъ.

канскія колоніи и искать другихъ краевъ для устройства пенитенціарныхъ поселеній; указомъ въ совѣтъ (order in council) 1786 года рѣшено было направить ссылку на восточные берега вновь открытой Новой Голландіи—тогдашнее названіе Австраліи. Послѣ астрономической экспедиціи Кука, пенитенціарная экспедиція капитана Филиппа, снаряженная въ 1787 году во исполненіе указа 1786 года, представляетъ вторую дату въ исторіи австралійскихъ колоній. Капитанъ Филиппъ оказался очень способнымъ руководителемъ вывезенныхъ имъ изъ Англіи 750 каторжниковъ и 200 моряковъ. Основавъ первое поселеніе въ Сидней (нынѣшней столицѣ Новаго Южнаго Уэльса и австралійской конфедераціи), онъ постепенно проникъ въ другія западныя части Австраліи, описалъ Тасманію, открылъ Куинслендъ, занялъ ближайшіе острова Полинезіи и положилъ основаніе правильной колонизаціи вокругъ Сиднея и на Тасманіи. Преемники капитана Филиппа продолжали его усилія, и къ началу тридцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія вдоль западныхъ, южныхъ и сѣверныхъ береговъ Австраліи тянутся уже поселенія англичанъ, — добровольныхъ колонистовъ, потомковъ каторжниковъ и каторжниковъ, отбывавшихъ наказаніе, — управленіе которыми представляетъ уже довольно сложную задачу, далеко выходящую за предѣлы вопросовъ устройства пенитенціарной колоніи. Изъ числа тѣхъ актовъ, которые посвящены были въ то время организаціи австралійскихъ колоній, два — такъ называемыя „конституціи“ 1823 и 1828 годовъ—заслуживаютъ вниманія и служатъ переходною ступеню къ послѣдующему конституціонному развитію этихъ колоній. Первый изъ этихъ актовъ (An act to provide until the 1-st day of July 1827, and until the end of the next session of Parliament, for the better administration of justice in New South Wales and Van Diemen's Land, and for the more effectual government thereof; 14. Geo. IV, c. 96) даровалъ Новому Южному Уэльсу, который обнималъ въ тѣ времена всѣ австралійскія владѣнія Англіи и отъ котораго впослѣдствіи были отдѣлены другія колоніи — штаты теперешняго австралійскаго союза, — законодательный совѣтъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Организація его отвѣчала той же, которую давалъ Канадѣ уже извѣстный намъ Квебекскій актъ 1774 года; — члены его назначались короною, но могли быть и не должностными лицами, такъ что уже въ 1825 году въ него вошло нѣсколько нечиновныхъ членовъ (unofficial members); но въ отличіе отъ Квебекскаго акта „конституція“ 1822 года даровала совѣту довольно ограниченныя права: губернаторъ обязанъ былъ, при исполненіи законодательныхъ функцій,

спрашивать заключенія совѣта, но этими заключеніями связанъ не былъ. „Конституція“ 1828 года (An act for the administration of justice in New South Wales and Van Diemen's Land, and for the effectual government thereof; 9. Geo. IV, с. 83) продолжала и развивала начала акта 1823 года, — число членовъ совѣта увеличивалось, что давало возможность усилить нечиновный составъ его, и, вмѣстѣ, права совѣта приобрѣтали болѣе опредѣленный характеръ, — губернаторъ не могъ издавать законовъ вопреки совѣту. Такимъ образомъ Новый Южный Уэльсъ и Тасманія („Van Diemen's Land“ по старой терминологіи), автономъ 1823 года отдѣленная въ самостоятельную колонію, достигли той точки первичнаго конституціоннаго развитія, которой Канада достигла по Квебекскому акту. Запозданіе это не должно насъ удивлять: въ Канадѣ Англія приходилось имѣть дѣло съ сравнительно развитымъ французскимъ населеніемъ, а въ Австраліи — съ населеніемъ, главнымъ образомъ, ссыльнымъ и постоянно обновлявшимся притокомъ новыхъ преступниковъ.

II.

При вступленіи въ 1837 году на престолъ королевы Викторіи, колониальная британская имперія представляетъ такимъ образомъ совокупность территорий, по общему правилу управляемыхъ коронною администраціею; лишь въ видѣ исключенія административный аппаратъ осложняется нѣкоторою долею автономныхъ началъ; высшую точку развитія самоуправленія даютъ двѣ Канады и прилежащія къ нимъ небольшія провинціи (Nova Scotia, Prince Edward's Island, New Brunswick, Newfoundland); рудиментарное участіе общественныхъ силъ въ управленіи получила Австралія. Изъ трехъ указанныхъ выше основныхъ въ настоящее время типовъ колоній извѣстны были только два — „коронная“ колонія и колонія „съ представительнымъ управленіемъ“; третій — „колонія съ отвѣтственнымъ управленіемъ“ — еще не зародился. Къ концу этого царствованія въ составѣ британской имперіи мы находимъ несравненно большее разнообразіе политическихъ формъ: дѣлается широко распространеннымъ только-что указанный третій типъ колониальнаго управленія, представляющій сочетаніе полноты мѣстной автономіи съ идеей единства имперіи; этотъ типъ осложняется фѣдеративнымъ характеромъ широкаго автономнаго управленія, полученнаго колоніями. Внутри второго типа колоній — колоній съ представительствомъ — равнымъ образомъ происходитъ

нѣкоторая дифференціація, благодаря появленію ряда новыхъ комбинацій автономныхъ и коронныхъ началъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получаетъ широкое развитіе и распространеніе. Въ результатѣ этого британская колоніальная имперія и получаетъ то совершенно своеобразное построеніе, о которомъ мы говорили выше и для котораго прежде всего характерна умѣлая и гибкая комбинація началъ автономнаго и короннаго управленія, — отъ максимума самоуправленія, съ одной стороны, до максимума централизаціи, съ другой.

Какъ совершилось это переустройство имперіи и откуда начинается процессъ перенесенія власти изъ центрального лондонскаго узла на периферію? Какъ это ни странно на первый взглядъ, но несомнѣнно, что непосредственной исходной точкой развитія вопроса послужила представленная парламенту официальная парламентская книга ¹⁾, произведшая глубокий и неизгладимый переворотъ въ политическомъ сознаніи англичанъ и вызвавшая въ жизни всѣ реформы имперскаго управленія въ царствованіе королевы Викторіи. Книга эта называлась „Отчетъ по дѣламъ Британской Сѣверной Америки графа Дергэма, верховнаго комиссара ея величества“ (Report on the Affairs of British North America from the Earl of Durham, Her Majesty's High Commissioner, etc., etc., etc.), и была 11-го февраля 1839 года „положена на столъ“ обѣихъ палатъ парламента. Англійская наука по справедливости высоко цѣнитъ эту книгу. Одинъ изъ историковъ Канады называетъ ее канадской „Magna Charta“; новѣйшій историкъ колоніальной политики Англіи прибавляетъ: „едвали много будетъ сказать, что отчетъ Дергэма представляетъ драгоценнѣйшій на англійскомъ языкѣ документъ, посвященный колоніальной политикѣ“. Мы готовы даже идти далѣе и сказать, что „Отчетъ“ Дергэма по праву долженъ былъ бы занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ общей исторіи міровой политической литературы, наравнѣ съ твореніями Монтескье и Токвилли, Гоббеса и Локка, „Федералистомъ“ и сочиненіями Бенжамена Констана.

Появленіе этого „Отчета“ вызвано было слѣдующимъ рядомъ событій. Актъ 1791 года, дарованный Канадѣ Питтомъ, первоначально сослужилъ свою службу: враждебныя отношенія, которыя нарождались въ прежней единой Канадѣ (Квебекѣ) между

¹⁾ На континентѣ привыкли говорить объ англійскихъ „синихъ“ книгахъ; эта терминологія не совсѣмъ отвѣчаетъ терминологіи англійской; часть „Parliamentary papers“ выходитъ въ синей обложкѣ и называется у англичанъ „blue books“, часть — безъ всякой обложки и называется „white books“.

англичанами и французами, стихли, благодаря превращенію этнографической границы въ границу политическую, сдѣланному въ этомъ актѣ. Но миръ продолжался не долго. Нижняя Канада, отданная французамъ, продолжала пополняться англійскими эмигрантами, и послѣдніе, вмѣстѣ съ англичанами, которыхъ актъ 1791 года засталъ въ предѣлахъ ея, составили съ теченіемъ времени довольно значительную часть населенія. Очень скоро поэтому въ составѣ представительнаго учрежденія, которымъ актъ 1791 года надѣлилъ Канаду, образовалось англійское меньшинство, искавшее поддержки у англійской администраціи. Среди французскаго населенія, подъ вліяніемъ появленія этого англійскаго меньшинства, постепенно начало зарождаться острое національное движеніе. Появилась французская пресса съ ярко выраженными національными требованіями, и началась націоналистическая пропаганда во имя охраны „французскихъ учреждений, французскаго языка и французскихъ законовъ“. Отчетъ Дергэма даетъ обстоятельную характеристику этого національнаго конфликта. „Двѣ различныхъ расы были сосредоточены въ предѣлахъ одной общественной единицы... Однимъ изъ коренныхъ недостатковъ англичанъ является то обстоятельство, что они смотрятъ свысока на всѣ формы, обычаи и законы, которые имъ кажутся чуждыми; привыкшіе высоко цѣнить свое превосходство, они не стараются скрывать отъ другихъ своего презрѣнія къ чужимъ обычаямъ и своей нетерпимости. Они встрѣтили во французскихъ канадцахъ одинаковый запасъ національной гордости... Французы не могли не чувствовать превосходства англійскихъ предпріятій; они не могли закрывать глаза на успѣхъ англичанъ во всякомъ начинаніи, съ которымъ они соприкасались, и на постоянное превосходство, котораго они достигали. Они смотрѣли на своихъ соперниковъ съ опасеніемъ, съ завистью и въ концѣ концовъ съ ненавистью. Англичане отвѣчали имъ злобою, которая скоро равнымъ образомъ приобрѣла характеръ ненависти. Французы жаловались на дерзость и несправедливость англичанъ; англичане приписывали французамъ всѣ недостатки слабого и побѣжденнаго народа и обвиняли ихъ въ низости и коварствѣ. Полное недовѣріе, которое двѣ народности привыкли питать по отношенію къ взаимнымъ намѣреніямъ, составляетъ ихъ придавать самый черный характеръ невиннѣйшимъ дѣйствіямъ; криво судить каждое слово, каждый актъ и каждое намѣреніе; приписывать самые преступные планы и отергать всякое проявленіе любезности и откровенности, какъ порывающее тайныя намѣренія обмана и хитростей. Вѣра равнымъ

образомъ не содѣйствовала сближенію... Общаго воспитанія не существовало для того, чтобы смягчать различіе въ происхожденіи и языкѣ... Они учились отдѣльно, и предметомъ изученія были для нихъ разныя вещи; всѣ идеи, которыя люди почерпаютъ изъ книгъ, приходили къ нимъ изъ разныхъ источниковъ... Сношенія въ зрѣломъ возрастѣ не сглаживали различій, происшедшихъ изъ разницы воспитанія и языка въ юности; дѣла и трудъ не приводили двѣ народности къ дружескому сотрудничеству, а лишь служили предлогомъ для взаимнаго соперничества. Похвальное движеніе привело недавно французовъ къ признанію необходимости выступить на той аренѣ, которая занята была прежде исключительно англичанами, и попытаться вступить съ ними въ соревнованіе въ сферѣ торговой; но, къ сожалѣнію, движеніе это началось только тогда, когда національная распря достигла высшей точки, и приводило только къ усиленію ранѣе существовавшей ненависти. Учрежденіе французами „Banque du Peuple“ представляетъ событіе, которое можетъ разсматриваться какъ свидѣтельство пробужденія коммерческой энергіи между французами, и можно лишь оплакивать, что успѣхъ новаго учрежденія былъ обезпеченъ путемъ прямого и полнаго исключительности апеллированія къ національнымъ чувствамъ расы. Нѣкоторые французы недавно учредили пароходную линію для борьбы съ монополіей, которая на р. св. Лаврентія принадлежала группѣ англійскихъ капиталистовъ, и, несмотря на малые размѣры и неудобства этихъ пароходовъ, на нихъ смотрѣли благопріятно въ виду превосходства въ скорости и точности. Но этого было мало для того, чтобы обезпечить за ними успѣхъ; постоянно дѣлались обращенія къ національнымъ чувствамъ французовъ для исключительнаго предпочтенія „французской“ линіи, и я видѣлъ, что въ газетахъ съ удовлетвореніемъ отмѣчался тотъ фактъ, что французскіе пароходы прибыли въ Монреаль съ многочисленными пассажирами, а англійскіе—съ очень малымъ ихъ числомъ. Англичане, съ своей стороны, апеллировали къ тѣмъ же точно чувствамъ и обычно примѣняли къ французскимъ пароходамъ эпитеты „радикальные“, „измѣнническіе“ и „невѣрные“... Общественныхъ связей между двумя народностями никогда не существовало, кромѣ какъ въ высшихъ слояхъ,—но и тамъ онѣ почти исчезли“...

На почвѣ остраго національнаго конфликта, характеристика котораго только-что дана, не могло не возникнуть конфликтовъ политическихъ. Государственный строй, созданный въ 1791 году, давалъ къ тому самыя благопріятныя условія. Онъ естественно

противопоставлялъ, съ одной стороны, исполнительную власть, находившуюся въ рукахъ англійскаго губернатора, и верхнюю палату, состоявшую изъ членовъ по назначенію этого послѣдняго, а съ другой—нижнюю палату, въ которой большинство принадлежало французамъ, а англичане находились въ меньшинствѣ. Такая политическая комбинація не могла не служить, при наличности глубокой и острой вражды между англичанами и французами, источникомъ постоянныхъ затрудненій. Эти затрудненія начались въ двадцатыхъ годахъ и къ концу тридцатыхъ достигли высшаго напряженія, выразившагося въ вооруженномъ возстаніи французскаго населенія, служившемъ свидѣтельствомъ полнаго разочарованія въ возможности мирнаго развитія внутри тѣхъ политическихъ формъ, которыя даровалъ актъ 1791 года. Прибѣгаемъ снова къ отчету Дергэма для описанія этого политическаго кризиса. Нижняя палата канадскаго парламента, въ которой преобладали французы, „смотрѣла съ завистью и недовольствомъ на ростъ и благосостояніе народности, которую она называла иностранной и враждебной; она считала провинцію достояніемъ своей народности; ея первую заботою было въ законодательствѣ блюсти интересы и чувства французскаго большинства населенія, интересы же новыхъ поселенцевъ разсматривались какъ второстепенные; она отказывалась увеличивать обложеніе путемъ установленія налоговъ на необходимыя улучшенія... Во всѣхъ рѣшеніяхъ собранія... англійское населеніе усматривало слѣды стремленія бороться съ приливомъ ихъ соплеменниковъ и ихъ успѣхами... Собраніе, на которое они жаловались, было, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ конфликтѣ съ исполнительной властью. Та часть населенія, которой принадлежала эта власть и которая при помощи законодательнаго совѣта (верхняя палата) держала въ постоянной уздѣ собраніе, съ радостью пользовалась недовольствомъ сильнаго и энергичнаго англійскаго меньшинства, предложила ему свое покровительство и приняла на себя защиту его воззрѣній; и такимъ образомъ порожденъ былъ своеобразный союзъ между англійскимъ населеніемъ и должностными лицами колоніи, которые соединились по совершенно разнымъ мотивамъ и съ совершенно разными цѣлями противъ общаго врага. Англичане ожидали реформъ и либеральныхъ мѣропріятій отъ собранія, которое отказывало въ нихъ, въ то же время требуя другихъ реформъ и прося другихъ либеральныхъ мѣропріятій отъ исполнительной власти; англичане жаловались, что они—меньшинство—страдали отъ притѣсненій власти, находившейся подъ вліяніемъ французскаго большинства. Такимъ образомъ, смѣлые и энергич-

ные демократическіе элементы вынуждены были, вслѣдствіе нетерпѣливаго ожиданія реформъ и племенной ненависти, принять сторону правительства, которое ссорилось съ большинствомъ по вопросу о народныхъ правахъ... Коварная попытка французскаго населенія достигъ своихъ политическихъ цѣлей посредствомъ обращенія къ оружію привела къ общей вооруженной борьбѣ двухъ народностей. Я не буду останавливаться на грустныхъ сценахъ этой борьбы, на бурѣ страстей, которой ничто не мѣшало развиваться во время возстанія и послѣ его подавленія. Не трудно понять, въ какой сильной мѣрѣ существовавшее, какъ сказано выше, гораздо ранѣе зло было увеличено войною; какъ страхъ и жажда мести питали въ каждой части населенія горькую и непримиримую взаимную ненависть и ненависть къ учрежденіямъ страны“.

Если въ Нижней Канадѣ положеніе въ концѣ тридцатыхъ годовъ приобрѣло угрожающій характеръ, то и въ другихъ сѣвероамериканскихъ колоніяхъ оно не могло быть признано удовлетворительнымъ. То англійское населеніе, которое въ Нижней Канадѣ поддерживало англійскаго губернатора изъ ненависти къ охранительному большинству палаты, въ другихъ колоніяхъ, подъ вліяніемъ того же прогрессивнаго настроенія, открыто враждовало съ исполнительною властью, стоявшею, по силѣ конституціи, внѣ вліянія народныхъ представителей. Одна особенность всякаго колоніальнаго общества питала этотъ конфликтъ; населеніе любой колоніи постоянно обновляется притокомъ новыхъ поселенцевъ; послѣдніе, попадая въ колонію, находятъ извѣстные сложившіеся до нихъ порядки и опредѣленную группировку вліяній и авторитета; прежнее населеніе естественно складывается въ своеобразный аристократическій классъ, и новая волна поселенцевъ естественно ищетъ уравниенія съ этимъ классомъ вліянія своего на направленіе мѣстныхъ дѣлъ. На нашей памяти — борьба буровъ и „уйтлэндеровъ“ въ Трансваалѣ; то же *mutatis mutandis* естественно происходитъ во всякой колоніи. Въ Верхней Канадѣ это явленіе за первыя десятилѣтія девятнадцатаго вѣка представляетъ основное значеніе. Управление провинціей сосредоточивалось всецѣло въ рукахъ небольшой сравнительно партіи, извѣстной подъ именемъ „семейнаго союза“ (*family compact*). Приѣзжавшіе изъ Англіи губернаторы заставляли эту партію у власти и, плохо освѣдомленные о мѣстныхъ дѣлахъ, не дѣлали попытокъ передать вліяніе въ другія руки; мало-по-малу въ рукахъ этой мѣстной аристократіи сосредоточились административныя и судебныя должности и мѣста въ верхней палатѣ, гдѣ по акту 1791 года

члены назначались короной. Все остальное население, постоянно нараставшее и искавшее власти, должно было довольствоваться своимъ правомъ избирать членовъ нижней палаты, что естественно придавало послѣдней оппозиціонный противъ „семейнаго союза“ характеръ; при помощи верхней палаты „семейный союзъ“ успѣшно боролся съ демократической половиной легислатуры, и такимъ образомъ создавался постоянный источникъ политической борьбы, менѣе острой, чѣмъ въ Нижней Канадѣ, — ибо борьба не осложнилась національнымъ конфликтомъ, — но все же очень серьезной. Вслѣдъ за началомъ вооруженнаго возстанія въ Нижней Канадѣ вспышка мятежа произошла и въ Верхней; здѣсь дѣятели его выступили демократическіе элементы англійскаго населенія, помышлявшіе о присоединеніи къ сосѣднимъ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ принципы народнаго управленія осуществлялись гораздо полнѣе, нежели подъ властью „семейнаго союза“. Вспышка эта не превосходила размѣровъ небольшого эпизода въ исторіи англійской Канады, но имѣла симптоматическое значеніе.

Болѣзненные явленія обнаруживались и въ маленькихъ провинціяхъ на берегахъ Атлантическаго океана, административно не связанныхъ съ двумя Канадами, но управлявшихся по той же схемѣ, что и эти послѣднія. Конфликтъ между народнымъ представительствомъ, съ одной стороны, и исполнительной властью и верхней палатой, съ другой, въ болѣе или менѣе острой формѣ имѣлъ мѣсто въ Новомъ Брауншвейгѣ, въ Новой Шотландіи, на о. Принца Эдуарда и на Ньюфаундлендѣ.

При такихъ условіяхъ естественно, что во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ англійское общественное мнѣніе, парламентъ и министерство не могли не относиться съ тревогою къ положенію дѣлъ въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ и искали путей разрѣшенія канадскаго вопроса; начавшееся въ Канадахъ возстаніе воскрешало воспоминанія борьбы за независимость Штатовъ, а сосѣдство этихъ послѣднихъ и несомнѣнное сочувствіе, съ которымъ они относились къ движенію, влекло опасность внѣшнихъ осложнений.

Первымъ рѣшеніемъ англійскаго правительства было подавить возстаніе; сдѣлать это оказалось нетруднымъ, и внѣшній порядокъ былъ быстро восстановленъ. Но государственная мудрость англичанъ не позволила имъ успокоиться на этомъ рѣшеніи. Вторымъ рѣшеніемъ было приостановить дѣйствіе конституціи въ Нижней Канадѣ и отправить чрезвычайнаго комиссара въ Канаду, облеченнаго неограниченными полномочіями по

умиротворенію и устройству страны. Оба эти акта слѣдовали почти непосредственно другъ за другомъ: 10 февраля 1838 года парламентъ принялъ билль о приостановкѣ конституціи (An act to make temporary provision for government of Lower Canada; 1—2 Vict., с. 9), а въ мартѣ даны были королевою „полномочія“ (commission) графу Дергэму, одному изъ видныхъ представителей виговъ, въ качествѣ „генеральнаго капитана и главнаго губернатора“ Нижней и Верхней Канады, Новой Шотландіи, Новаго Брауншвейга и о. Принца Эдуарда и, вмѣстѣ, „высокаго комиссара для урегулированія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ въ провинціяхъ Нижней и Верхней Канады касательно формы и будущаго правительства сказанныхъ провинцій“. Дергэмъ провель въ Канадѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ; официально миссія его кончилась неуспѣхомъ; нѣкоторыя его мелкія распоряженія въ Канадѣ, направленные на удовлетвореніе требованій мѣстнаго населенія, вызвали нападки оппозиціи; либеральное министерство не поддержало Дергэма, и послѣдній предпочелъ вернуться при этихъ условіяхъ въ Англію. Покидая Америку, Дергэмъ издалъ прокламацію, обращенную къ жителямъ Нижней Канады и спокойно и гордо заявлявшую, что онъ нашелъ рѣшеніе канадскаго вопроса. „Я готовъ буду предложить такое государственное устройство для владѣній ея величества на этомъ континентѣ, — говорила эта прокламація 9 октября, — которое возвратитъ народу Нижней Канады всѣ преимущества представительной системы безъ всего зла, проистекавшаго изъ неестественной борьбы партій, — которое обезпечитъ исцѣленіе несовершенствъ въ управленіи другихъ провинцій и которое создастъ во всей британской Америкѣ состояніе удовлетворенной преданности, основанной, какъ должна всегда быть основана колоніальная преданность, на чувствахъ благодарности къ материнскому государству“.

Ключъ къ такому рѣшенію вопроса лежалъ въ томъ отчетѣ, который лордъ Дергэмъ представилъ въ январѣ 1839 года колоніальному статсъ-секретарю Гленельгу; опубликованіе отчета произвело громадное впечатлѣніе въ Англіи, а успѣхъ его сторицею вознаградила Дергэма за внѣшнія неудачи миссіи. Практическое вліяніе, которое эта книга оказала на дальнѣйшее направленіе канадскихъ дѣлъ и на всю послѣдующую колоніальную политику Англіи, вполне оправдывало гордые слова прокламаціи 9 октября 1838 года.

Въ чемъ же заключался политическій рецептъ „Отчета“? Можно было представить себѣ двѣ политики въ Канадѣ: съ одной стороны, политику „усиленной охраны“ порядка и связей между

колоніями и Англіей; съ другой, политику уступокъ требованіямъ населенія—предоставленіе власти и вліянія французскому большинству нижней палаты въ Нижней Канадѣ и англійскому радикальному большинству нижней палаты въ Верхней Канадѣ. Государственная мудрость, проявленная лордомъ Дергэмомъ, заключалась въ томъ, что ни одно изъ двухъ простѣйшихъ рѣшеній его не остановило. Онъ понялъ, что слѣдовало идти на встрѣчу требованіямъ населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ, что имперскіе интересы и интересы мѣстные не позволяютъ сдѣлать это въ той формѣ, какой требовали недовольные обѣихъ провинцій, и что метрополия способна принести въ колонию свою „рах гомана“, даруя ей то государственное устройство, которое она считаетъ полезнымъ и благодѣтельнымъ, а не механически подчиняясь требованіямъ самихъ колонистовъ. Онъ исходилъ изъ слѣдующихъ соображеній. „Въ Нижней Канадѣ въ основѣ безпорядковъ лежитъ конфликтъ двухъ національностей, изъ которыхъ складывается ея населеніе; пока этотъ конфликтъ не устраненъ, никакое удовлетворительное управленіе невозможно; ибо будутъ ли политическія учрежденія реформированы или нѣтъ, будетъ ли правительственное вліяніе передано большинству или меньшинству, мы можемъ быть увѣрены, что, пока вражда двухъ національностей продолжается, какой бы изъ нихъ ни вручить власть, она будетъ пользоваться ею для своихъ исключительныхъ цѣлей“. „Первоначальная алая распря, которая служитъ причиною столькихъ бѣдъ,—продолжаетъ Дергэмъ,—въ настоящее время была бы лишь усугублена всякой перемѣной, при которой власть большинства усилилась бы. Планъ, которымъ имѣлось бы въ виду обезпечить спокойное управленіе въ Канадѣ, долженъ внутри себя заключать средство положить предѣлъ господству національной распри въ законодательномъ собраніи, устранивъ, сразу и навсегда, національный характеръ провинціи. Я не колеблюсь отвѣтить, какой національный характеръ долженъ быть данъ Нижней Канадѣ; она должна приобрѣсти характеръ британской имперіи,—характеръ большинства населенія британской Америки, характеръ той великой расы, которая въ недалекомъ будущемъ станетъ первенствующей на всемъ сѣверо-американскомъ континентѣ. Не дѣлая измѣненій быстрыхъ и рѣзкихъ, могущихъ оскорбить чувства и подорвать благосостояніе существующаго поколѣнія, мы должны, однако, впредь признать первою и серьезѣйшею обязанностью англійскаго правительства утвержденіе въ той провинціи англійскаго населенія, съ англійскими законами и языкомъ, и не ввѣрять управленія инымъ, какъ только без-

спорно англійскому парламенту". Такова задача, которую ставить себѣ Дергэмъ, и въ этомъ отношеніи не безъ основанія современные намъ англійскіе публицисты видятъ въ немъ одного изъ раннихъ представителей британскаго „имперіализма". Но въ отличіе отъ имперіализма континентальнаго этотъ ранній англійскій имперіализмъ представляетъ одновременно служеніе государственному единству и служеніе свободѣ. Только свободныя учрежденія и широкое самоуправленіе способны привести въ глазахъ его къ торжеству англійской народности въ Канадѣ. „Большая часть плановъ,—продолжаетъ Дергэмъ,—предложенныхъ для будущаго управленія Нижней Канадою, предлагаютъ или какъ постоянную, или какъ временную и посредствующую схему, чтобы правительство этой провинціи было построено всецѣло на деспотическихъ началахъ или на такихъ основаніяхъ, чтобы оно находилось всецѣло въ рукахъ британскаго меньшинства. Предлагается или ввѣрить законодательную власть губернатору, съ совѣтомъ изъ предводителей англійской партіи, или придумать такую схему представительства, которая, сохраняя формы, лишила бы большинство голоса въ завѣдываніи своими дѣлами... Основное возраженіе противъ всякаго абсолютнаго управленія заключается въ томъ, что оно неминуемо имѣетъ временный характеръ; что нѣтъ никакихъ основаній полагать, будто вліяніе его за немногіе годы, которые ему позволено будетъ существовать, оставитъ населеніе болѣе способнымъ къ самоуправленію; что, напротивъ, будучи временнаго характера, оно будетъ страдать недостаткомъ устойчивости, которая такъ необходима для правительства во времена смуты. Есть всѣ основанія полагать, что завѣдомо безотвѣтственная власть будетъ самой слабою властью изъ всѣхъ возможныхъ... Англійскій народъ не привыкъ надѣяться на честность и умѣренность абсолютной власти... Губернаторъ и совѣтъ будутъ чувствовать себя постоянно подъ контролемъ... и ихъ дѣйствія пріобрѣтутъ характеръ шаткости и слабости... Что касается плановъ искусственной передачи англійскому меньшинству большинства въ парламентѣ, то не въ Сѣверной Америкѣ люди дадутъ себя убаюкать подобіемъ представительнаго управленія и позволятъ себя убѣдить, что они обладаютъ избирательными правами, когда они на дѣлѣ лишены ихъ... Единственная власть, которая способна одновременно побѣдить настоящую смуту и впослѣдствіи справиться съ національностью французскихъ канадцевъ, есть власть численнаго большинства върнаго и англійскаго населенія; и единственнымъ устойчивымъ правительствомъ будетъ правительство болѣе народное, чѣмъ какое-либо до сихъ поръ существовавшее въ сѣ-

веро-американскихъ англійскихъ колоніяхъ... Я полагаю, что нѣтъ другого постояннаго и дѣйствительнаго средства уничтожить безпорядки въ Нижней Канадѣ, кромѣ административнаго объединенія ея съ одной или болѣе изъ сопредѣльныхъ провинцій. Въ униі я вижу единственное средство устранить сразу же и всецѣло основныя причины настоящаго неудовлетворительнаго положенія... Я, конечно, не могъ бы желать подчинить французскихъ канадцевъ англійскому меньшинству, тождественному съ тѣмъ, съ которымъ они воевали; но отъ большинства, исходящаго изъ источника несравненно болѣе широкаго, они не могутъ бояться притѣсненій или несправедливостей... При существующихъ условіяхъ общее заключеніе, къ которому приводятъ меня вышеизложенныя соображенія, сводится къ тому, что парламенту безъ замедленія долженъ быть предложенъ билль, отмѣняющій 31 Geo. 3, возстановляющій унию Канадъ подъ одною законодательною властью и устрояющій ихъ какъ одну провинцію“.

Въ этомъ проектѣ воссоединенія Канадъ—лишь одна сторона обширнаго, намѣченнаго въ отчетѣ графа Дергэма, плана реформъ, специально вызванная кризисомъ въ Нижней Канадѣ. Съ нею непосредственно и органически связанъ другой рядъ предложеній, который долженъ влить жизнь въ формы проектируемой новой политической единицы и вмѣстѣ испѣлать всѣ несовершенства соціального строя въ Верхней Канадѣ и другихъ провинціяхъ съ англійскимъ населеніемъ. Недостатковъ этихъ очень много,—разсуждаетъ Дергэмъ,—и онъ не въ силахъ ни указать всей ихъ совокупности, ни предложить всѣхъ частныхъ реформъ, которыя могли бы положить имъ конецъ. Испѣленіе всѣхъ бѣдъ лежитъ въ осуществленіи въ Канадѣ одного общаго принципа—принципа отвѣтственнаго управленія. „Я возлагаю надежды на реформу конституціонной системы для устраненія всякихъ злоупотребленій въ управленіи колоній... Если можно найти систему, которая положитъ основанія энергичному и демократическому управленію, обезпечитъ гармонію между разными государственными властями и создастъ вліяніе стойкаго общественнаго мнѣнія на всякую подробность общественныхъ дѣлъ, мы можемъ быть увѣрены, что этого будетъ достаточно для исправленія существующихъ золъ“. Эта коренная реформа должна носить демократическій характеръ; только устраненіе постояннаго вмѣшательства метрополіи и ея агентовъ и предоставленіе мѣстнымъ силамъ широкаго вліянія на направленіе дѣлъ страны способно создать „гармонію, планомѣрность и силу“ мѣстной власти. Для этого не надо выдумывать какой-либо новой конституціонной

теоріи, — „требуется только послѣдовательно примѣнять начала британской конституціи“. Для этого „корона должна подчиняться необходимымъ послѣдствіямъ представительныхъ учреждений; она должна вести управленіе въ согласіи съ народнымъ представительствомъ и должна поэтому согласиться управлять при содѣйствіи тѣхъ, кому это народное представительство довѣряетъ“. Итакъ, смута въ Канадахъ можетъ быть подавлена не какими-либо ограниченіями политическихъ правъ населенія, а переходомъ отъ „представительнаго управленія“ къ „управленію отвѣстственному“, т. е. смѣлымъ и громаднымъ шагомъ впередъ на пути развитія демократическихъ элементовъ канадскаго государственнаго устройства. Лордъ Дергэмъ, не колеблясь, совѣтуетъ сдѣлать этотъ шагъ, ибо онъ вѣритъ въ мудрость и политическія способности своего народа. „Британскій народъ въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ есть народъ, на который мы можемъ спокойно понадѣяться и съ которымъ мы не должны торговаться изъ-за власти, ибо не личностямъ, предъявлявшимъ громкія политическія требованія, предлагаю я ввѣрить отвѣтственность за колоніальное управленіе, а самому народу“.

Единая Канада съ единымъ парламентомъ и правительствомъ, отвѣственнымъ передъ этимъ парламентомъ, — таково то рѣшеніе, о которомъ говорилъ Дергэмъ, покидая Америку. Отчетъ прибавляетъ еще описаніе нѣкоторыхъ подробностей того политическаго зданія, которое Дергэмъ думалъ возвести на мѣстѣ фактически отчасти уже разрушеннаго смутами конца 30-хъ годовъ дуалистическаго построенія Питта. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ этихъ подробностяхъ, кромѣ одной, которая заслуживаетъ вниманія, такъ какъ она оставила слѣдъ въ исторіи колоніальной политики Англіи. Не слѣдуетъ, — полагаетъ Дергэмъ, — сосредоточивать всей политической жизни страны въ одномъ центрѣ; поглощеніе слишкомъ широкаго круга дѣлъ центральными органами (парламентомъ и министерствомъ) вредно. „Общій парламентъ, который регулируетъ частныя дѣла каждаго прихода, сверхъ общихъ дѣлъ страны, обладаетъ такою властью, которою ни одно учрежденіе, хотя бы народное по своему происхожденію, не должно обладать; такая власть уничтожаетъ политическое равновѣсіе“. Необходимо рядомъ съ общимъ парламентомъ создать систему мѣстныхъ самоуправляющихся учреждений; нужно, чтобы ее создалъ имперскій парламентъ, ибо напрасно было бы ждать добровольной жертвы своею властью со стороны парламента колоній.

III.

Отдѣльныя части „Отчета“ лорда Дергэма были тѣсно связаны между собою: онъ хотѣлъ объединенія Канады, потому что это давало возможность осуществить широкое внутреннее демократическое самоуправленіе, способное сплотить всѣ элементы страны; онъ желалъ осуществленія этого широкаго самоуправления лишь подъ условіемъ объединенія Канады, ибо только при такой обстановкѣ англійское большинство населенія получало первенствующую роль въ управленіи.

Цикль реформъ, предлагавшихся Дергэмомъ, не былъ сразу осуществленъ цѣликомъ. Консерватизмъ, свойственный даже либеральной Англіи, не позволилъ стоявшему тогда у власти министерству Мельбурна рискнуть полнымъ отреченіемъ отъ всѣхъ традицій колониальнаго управленія и передачей въ руки канадскаго населенія всей полноты мѣстной власти. Но очень скоро, рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, отъ перваго этапа, сдѣланнаго на пути осуществленія программы Дергэма, правительству пришлось силою вещей перейти на второй. Осуществивъ въ 1840 г. объединеніе Канады, англійское министерство къ 1847 г. должно было всецѣло признать принципъ отвѣтственнаго правительства. И это не было случайностью: внутри „Отчета“ лорда Дергэма лежало столько логической послѣдовательности и цѣлостности, что принятіе одной части заключавшихся въ немъ совѣтовъ требовало принятія и другой, хотя бы взаимная связь той и другой и ускользала отъ сознанія.

Мы сказали, что Magna Charta Канады, которую канадцы видятъ въ „Отчетѣ“ Дергэма, осуществлена была сначала въ той ея части, которая касалась воссоединенія Нижней и Верхней провинцій. Въ этой своей половинѣ проектъ Дергэма, можно сказать, почти не встрѣтилъ возраженій. Въ Канадѣ онъ былъ принятъ съ чувствомъ удовлетворенія. Прежде всего, для нея онъ являлся освобожденіемъ отъ режима военнаго положенія и исключительныхъ законовъ и, съ этой точки зрѣнія, одинаково цѣннымъ для французовъ и для англичанъ. Сверхъ того, для англичанъ онъ знаменовалъ собою вѣроятность преобладанія въ будущемъ строѣ; французы же мирились съ нимъ, сознавая, что Англія никогда не согласится предоставить имъ реальное преобладаніе въ Канадѣ. Правда, среди первыхъ раздавались голоса, полные шовинизма, громко заявлявшіе, что даровать оди-

наковыя права и преимущества вѣрному британскому населенію и „той части населенія, которая по воспитанію, привычкамъ и предразсудкамъ является чуждою нашему народу и нашимъ учрежденіямъ, и въ частности тѣмъ, кто участвовалъ въ открытомъ мятежѣ или измѣнническомъ заговорѣ противъ правительства“, значить разорвать нравственные узы между метрополіей и Канадою. Правда, французы шли на реформу безъ всякаго сочувствія и лишь въ сознаніи невозможности осуществить свои націоналистическіе идеалы. Тѣмъ не менѣе, извѣстіе о внесенномъ въ парламентъ метрополіи лордомъ Джономъ Росселемъ билль о воссоединеніи Канады на началахъ равнаго представительства всего населенія было встрѣчено большинствомъ съ чувствомъ несомнѣннаго удовлетворенія, и остававшееся неупраздненнымъ въ краѣ представительное учрежденіе (парламентъ Верхней Канады) ходатайствовало о скорѣйшемъ принятіи билля.

Билль Джона Росселя не встрѣтилъ серьезныхъ возраженій и въ Англіи. Пренія парламента свидѣтельствовали, что доводы Дергема въ пользу уніи произвели большое впечатлѣніе. Конечно, безъ возраженій дѣло не обошлось и тутъ. Говорилось о томъ, что Канада слишкомъ велика, что элементы населенія слишкомъ разнородны и что соединеніе ихъ въ одно цѣлое есть не что иное, какъ опасное узаконеніе анархій; говорилось о томъ, что лишить французское населеніе ихъ прежняго большинства несправедливо, что, въ виду начавшейся въ Канадѣ агитаціи въ пользу отвѣтственнаго управленія, объединеніе провинцій повлечетъ за собою отпаденіе ихъ отъ метрополіи, и т. д., и т. д.— Тѣмъ не менѣе, билль былъ принятъ въ обѣихъ палатахъ и сдѣлался закономъ. Согласно этому закону (3 and 4 Vict., с. 35: An act to reunite the provinces of Upper and Lower Canada, and for the government of Canada), Нижняя и Верхняя Канада должны были образовать одну колонію; въ этой колоніи создавался парламентъ изъ двухъ палатъ: законодательнаго совѣта и собранія; законодательная власть должна была впредь осуществляться „ея величествомъ съ согласія и совѣта“ этого законодательнаго совѣта и собранія; совѣтъ состоялъ изъ членовъ по назначенію, а собраніе—изъ членовъ въ равномъ числѣ отъ прежней Нижней и прежней Верхней Канады, избираемыхъ населеніемъ. Согласно биллю, время провозглашенія единства Канады должно было быть опредѣлено королевою въ совѣтъ; правительство не замедлило сдѣлать это, и въ 1841 г. былъ открытъ первый парламентъ Канады.

Вторая основная половина проекта реформы, изложеннаго въ

„Отчетъ“ лорда Дергэма—введеніе отвѣтственнаго управленія—не была воспринята англійскимъ правительствомъ. Въ законѣ о соединеніи Канады нѣтъ ни малѣйшаго намека на такую реформу; статья его, посвященная исполнительной власти, говоритъ, что въ помощь генералъ-губернатору Канады будетъ созданъ исполнительный совѣтъ, члены котораго будутъ назначаться королевой по ея выбору. Во время преній въ палатѣ общинъ одинъ изъ выдвигавшихся тогда вождей консервативной оппозиціи, Гладстонъ, рѣзко заявилъ, что принципъ отвѣтственнаго правительства въ колоніи при сохраненіи надъ нею верховной власти Англіи представляется ему „самымъ легкомысленнымъ заблужденіемъ“, и съ своей стороны правительство не считало возможнымъ осуществленіе этого начала. Еще до принятія билля осенью 1839 года, колоніальный статсъ-секретарь лордъ Джонъ Россель высказался противъ принятія проекта лорда Дергэма по этому вопросу, но сдѣлалъ это, однако, въ гораздо менѣе рѣзкой и категорической формѣ, нежели ораторы оппозиціи. Онъ готовъ былъ признать разумную въ основѣ своей сторону проекта. Въ одной изъ раннихъ инструкцій своихъ канадскому генералъ-губернатору Томсону онъ давалъ ему слѣдующій совѣтъ: „Важность сохранять возможно полную гармонію между политикою правительства и законодательной власти безспорна, и вы будете, конечно, стараться призывать въ качествѣ совѣтниковъ и брать на службу такихъ лицъ, которыя по своему положенію и характеру пользуются общимъ довѣріемъ и уваженіемъ *жителей провинціи*“. Формула эта по своей неопредѣленности, конечно, не равнозначна была проекту Дергэма, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не являлась и его отрицаніемъ. Возвращаясь въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ инструкцій къ тому же вопросу, лордъ Россель даетъ болѣе подробныя указанія. „Съ формулою „отвѣтственное правительство“ не соединено совершенно опредѣленныхъ представленій...—Англійская конституція послѣ долгой борьбы вылилась въ форму правительства, въ которой прерогативы короны безспорны, но никогда не осуществляются безъ совѣта. Поэтому только способъ осуществленія прерогативы подлежитъ возможному оспариванію, и хотя бы примѣненіе власти и было осуждено, тѣмъ не менѣе самая власть остается незатронутою... Таково практическое разрѣшеніе великой проблемы и результатъ спора, который за 1640—1690 гг. свергнулъ монархію и нарушилъ миръ страны... Но если мы будемъ пытаться примѣнять ту же практику къ колоніи, то мы сразу же сдѣлаемъ ошибку. Власть, за которую министръ отвѣчаетъ въ Англіи, не есть его власть, а власть

короны, которой органомъ въ это время онъ является. Очевидно, исполнительный совѣтникъ въ колоніи находится въ иномъ положеніи. Губернаторъ, подъ властью котораго онъ служитъ, получаетъ приказанія отъ короны Англіи. Но развѣ колониальный совѣтъ можетъ быть совѣтникомъ короны Англіи? Очевидно—нѣтъ, ибо корона имѣетъ другихъ совѣтниковъ для тѣхъ же дѣлъ, обладающихъ высшимъ авторитетомъ... Можетъ случиться поэтому, что губернаторъ получаетъ одновременно инструкціи отъ королевы и совѣты отъ своего исполнительнаго совѣта, совершенно различные по содержанію. Если онъ послушается инструкцій изъ Англіи, подобіе конституціонной отвѣтственности совершенно падаетъ; если, напротивъ того, онъ послѣдуетъ указаніямъ своего совѣта, то онъ будетъ не подчиненнымъ чиновникомъ, а независимымъ сувереномъ“. Изъ этихъ общихъ положеній можно было бы ожидать совершенно отрицательнаго вывода по вопросу объ отвѣтственномъ правительствѣ, и на континентѣ этотъ выводъ и былъ бы, вѣроятно, сдѣланъ; но Россель, какъ истинный англичанинъ, понимаетъ, что въ политикѣ не можетъ быть абсолютныхъ формулъ, и сейчасъ же вноситъ оговорку, которая совершенно мѣняетъ дѣло. Есть случаи,—продолжаетъ свои разсужденія Россель,—когда объ отвѣтственномъ министерствѣ въ колоніи и рѣчи быть не можетъ: таковы вопросы войны и внѣшнихъ сношеній; но даже и въ вопросахъ внутренняго управленія колоніи корона не всегда можетъ отказаться отъ непосредственнаго вѣдѣнія. Но это не всегда такъ, и поэтому общее заключеніе инструкціи сводится къ слѣдующему. „Правительство королевы не имѣетъ желанія идти наперекоръ тѣмъ реформамъ и улучшеніямъ, къ которымъ стремятся представительныя собранія британской Сѣверной Америки. Оно нисколько не хочетъ превратить эти провинціи въ поле для карьеры своихъ чиновниковъ. Оно настойчиво желаетъ дать таланту и характеру выдающихся дѣятелей колоніи тѣ же преимущества, которыми пользуются талантъ и характеръ на государственной службѣ въ Соединенномъ Королевствѣ“. Этотъ практическій совѣтъ, обращенный къ генералъ-губернатору, подкрѣпленъ слѣдующею общеою истиною: „Всякій государственный строй, въ которомъ высшая власть распредѣлена между разными учрежденіями, можетъ существовать лишь при взаимной уступчивости тѣхъ, между которыми распредѣлена власть. Губернаторъ долженъ противоdѣйствовать волѣ собранія лишь тогда, когда честь короны и интересы имперіи глубоко затронуты; а собраніе должно быть готово измѣнить нѣкоторые изъ своихъ мѣропріятій во имя взаимнаго

согласія и изъ почтительной преданности власти Великобританіи“.

Несмотря на ту сдержанность, которую англійское правительство въ лицѣ лорда Джона Росселя проявляло по вопросу объ утвержденіи началъ отвѣтственнаго правительства въ Канадѣ, и несмотря на довольно строгія подчасъ заявленія англійскихъ губернаторовъ въ томъ смыслѣ, что предложенный Дергэмомъ планъ „повлечетъ за собою результаты несовмѣстные съ положеніемъ колоніи, какъ владѣнія британской короны“, канадское общественное мнѣніе, ознакомившись съ этимъ планомъ, приняло его близко къ сердцу. Одинъ изъ мало расположенныхъ къ принципу „отвѣтственнаго правительства“ агентовъ англійской власти въ Канадѣ со скорбью доносилъ: „Горестны результаты „Отчета“ лорда Дергэма. Призывъ къ „отвѣтственному правительству“ былъ съ жадностью подхваченъ, и ядъ дѣйствуетъ губительно“. Дѣйствительно, читая синія книги, которыя изданы были за эти годы англійскимъ правительствомъ по дѣламъ Канады, мы видимъ, что онѣ полны горячими адресами со всѣхъ концовъ страны въ пользу осуществленія этой реформы во всей ея полнотѣ. Англійское правительство, сначала отвѣчавшее на эти адреса по образцу приведеннаго выше заявленія, должно было считаться съ этими единодушными пожеланіями и стало позднѣе особенно подчеркивать увѣреніе, изложенное въ заключительной части инструкціи лорда Джона Росселя, о томъ, что имперское правительство одушевлено желаніемъ вести управление Канады „въ согласіи съ чувствами населенія“.

Это настроеніе нашло себѣ полное выраженіе въ средѣ перваго, собравшагося послѣ провозглашенія уніи, парламента. Послѣдній пожелалъ оформить и закрѣпить въ болѣе точныхъ постановленіяхъ общія увѣренія, содержащіеся въ инструкціяхъ колоніальнаго статсъ-секретаря, лорда Джона Росселя, и въ заявленіяхъ губернаторовъ, образецъ которыхъ былъ только-что приведенъ. Въ іюнѣ 1841 года, при открытіи парламента, вновь назначенному генераль-губернаторомъ министру юстиціи (Attorney General) колоніи предъявленъ былъ запросъ, намѣрено ли правительство придерживаться началъ отвѣтственнаго управленія; министръ юстиціи отвѣтилъ въ утвердительномъ смыслѣ. Затѣмъ, по предложенію секретаря колоніи (должность, соотвѣтствующей которой гѣтъ въ министерствахъ другихъ государствъ, — министръ, вѣдающій государственную переписку), Гаррисона, парламентъ принялъ слѣдующія резолюціи: „1) глава исполнительнаго правительства провинціи, являющійся въ сферѣ своего управленія пред-

ставителемъ суверена, отвѣтственъ только передъ имперскою властью; тѣмъ не менѣе, управленіе нашими мѣстными дѣлами можетъ вестись имъ лишь съ помощью, по совѣту и на основаніи сообщеній подчиненныхъ чиновъ провинціи; 2) съ цѣлю охраны между различными отраслями провинціального управленія той гармоніи, которая необходима для мира, благополучія и добраго управленія провинціи, главные совѣтники представителя суверена, составляющіе ему подчиненную провинціальную администрацію, должны быть людьми, обладающими довѣріемъ народа; такъ создана будетъ гарантія, что разумныя желанія и интересы народа, которые, какъ заявила всемилостивѣйшая монархія наша, будутъ руководить провинціальнымъ управленіемъ, всегда будутъ вѣрно представлены и защищаемы; 3) народъ этой провинціи имѣетъ, сверхъ того, право ожидать отъ такой провинціальной администраціи всяческихъ стараній, направленныхъ на то, чтобъ имперская власть, внутри своихъ конституціонныхъ границъ, осуществлялась способомъ, наиболѣе соответствующимъ его разумнымъ желаніямъ и интересамъ".—Эти резолюціи были приняты съ согласія генераль-губернатора и составили такимъ образомъ „конституціонное соглашеніе“, по значенію своему и обязательной силѣ совпадающее съ тѣми конституціонными соглашеніями, на которыхъ покоится значительная часть нормъ государственнаго права въ Англіи. Канадскіе государствовѣды придаютъ большое значеніе этимъ резолюціямъ и связываютъ съ ними начало новой эры въ исторіи государственнаго строя своей страны. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что приведенныя резолюціи значительно опредѣленнѣе, нежели инструкція Росселя, но все же и здѣсь совершенно точной формулы отвѣтственного министерства—въ томъ смыслѣ, какъ это учрежденіе понимается въ парламентарныхъ странахъ—еще не дано: точная формула гласила бы, что совѣтниками короны, въ данномъ случаѣ генераль-губернатора, являются дѣятели, которые пользуются поддержкою большинства нижней палаты. „Правительство партій“, въ полномъ значеніи этого слова, на дѣлѣ еще не сложилось въ Канадѣ въ то время, когда приняты были эти резолюціи, да и не могло сложиться сразу и безъ всякихъ уклоненій въ сторону.

Первые годы послѣ объединенія Канады главною фігурою въ управленіи страны остается генераль-губернаторъ. Первое народное представительство состояло главнымъ образомъ изъ англійскихъ элементовъ, преданныхъ коронѣ, и вліяніе на нихъ генераль-губернатора Поулеттъ Томсона, потомъ лорда Сайден-

гэма, было настолько велико, что строгій парламентаризмъ не могъ найти себѣ мѣста; послѣ смерти лорда Сайденгэма и недолгаго генераль-губернаторства сэра Багота должность эту занялъ лордъ Меткафъ, въ 1844 году. Вступая въ нее, лордъ Меткафъ заявилъ, что будетъ руководствоваться принципами управленія, установленными въ резолюціяхъ парламента 1841 года, но не сумѣлъ сохранить того нейтралитета, который по отношенію къ отдѣльнымъ партіямъ въ парламентѣ былъ для него послѣ такого заявленія обязательнъ. Затрудненія начались съ того, что онъ разошелся во взглядахъ съ своимъ министерствомъ; послѣднее, располагавшее большинствомъ въ парламентѣ, вынуждено было, въ виду разногласія, выйти въ отставку; генераль-губернаторъ призвалъ для нихъ замѣщенія дѣятелей, раздѣлявшихъ его воззрѣнія, и распустилъ парламентъ, чтобы добиться большинства въ пользу своихъ единомышленниковъ; большинство это онъ получилъ, но общій результатъ его активнаго вмѣшательства въ управленіе былъ неблагопріятнымъ. Въ глазахъ той партіи, къ которой принадлежало вышедшее въ отставку министерство, да и въ глазахъ всего населенія, лордъ Меткафъ превращался въ сторонника противной политической группы, а новое министерство получало окраску его личнаго выбора. Прямого конфликта въ виду полученнаго въ новомъ парламентѣ большинства не было, но большинство это было незначительно, и представлявшійся весьма вѣроятнымъ переходъ послѣдняго въ будущемъ къ партіи, съ которой въ лицѣ ушедшихъ министровъ поссорился лордъ Меткафъ, грозилъ существенными осложненіями. Конфликтъ этотъ избѣгнуть былъ тѣмъ, что лордъ Меткафъ заболѣлъ и вышелъ въ отставку; миссія слѣдующаго генераль-губернатора, лорда Каткарта, носила временный характеръ: это былъ генералъ, присутствіе котораго во главѣ управленія вызывалось серьезнымъ конфликтомъ между Англіей и Соединенными Штатами изъ-за пограничной черты въ Орегонѣ. Тѣмъ временемъ въ Англіи власть перешла въ руки либеральнаго кабинета лорда Джона Росселя; англійскимъ либераламъ Канада обязана была актомъ 1840 года и первымъ шагомъ на пути осуществленія „отвѣтственнаго управленія“; они считали себя обязанными довершить начатое ими дѣло и исправить тѣ ошибки, которыя сдѣлалъ въ Канадѣ лордъ Меткафъ. Лордъ Каткартъ не былъ пригоденъ къ роли строго конституціоннаго правителя, и былъ замѣщенъ однимъ изъ лучшихъ дѣятелей Англіи „за моремъ“, знаменитымъ впоследствии посломъ въ Китаѣ и вице-королемъ Индіи, лордомъ, потомъ графомъ Эльджиномъ, мужемъ дочери лорда Дергэма.

Либеральное правительство предписало Эльджину осуществить принципъ отвѣтственного управленія Канадою. Казалось, задача эта не представляла особыхъ затрудненій. Между тѣмъ на дѣлѣ Эльджину пришлось столкнуться съ величайшими трудностями, и только твердая воля, недюжинная политическая выдержка и ясное сознаніе долга помогли ему преодолѣть эти трудности. Когда новый генералъ-губернаторъ прибылъ въ Монреаль, тогдашнюю столицу колоній, онъ нашелъ у власти министерство друзей лорда Меткафа, канадскихъ торіевъ; въ оппозиціи находилась смѣшанная группа, состоявшая изъ депутатовъ отъ французскаго населенія и отъ англійскихъ радикаловъ, объединенныхъ подъ главенствомъ французскаго дѣятеля Лафонтэна. Торіи твердо уповали на то, что въ лицѣ лорда Эльджина они найдутъ ту же поддержку, которую они имѣли въ лицѣ лорда Меткафа, въ свое время, черезъ голову парламента, призвавшаго ихъ къ власти. Такія надежды основывались на томъ, что либеральная оппозиція по своему личному составу совпадала съ тѣми общественными кругами Канады, которые несли нравственную отвѣтственность за возстаніе конца 30-хъ годовъ: французы Нижней Канады и радикалы Верхней одинаково казались враждебнымъ Англій „мятежнымъ“ элементомъ населенія въ глазахъ торіевъ, считавшихъ себя монополистами чувствъ англійскаго патріотизма и преданности коронѣ. Первая сессія парламента, по прибытіи лорда Эльджина, прошла благопріятно: торіи съ трудомъ, но все же находили поддержку въ немъ; съ своей стороны лордъ Эльджинъ оказывалъ имъ полное довѣріе и работалъ въ полномъ съ ними согласіи. Но въ началѣ новой сессіи положеніе измѣнилось; торіи утратили незначительное большинство, которымъ располагали; имъ оставался одинъ путь — распустить парламентъ и сдѣлать новые выборы; лордъ Эльджинъ въ строгомъ согласіи съ англійскою конституціонной доктриной подчинился совѣту своего министерства и назначилъ выборы. Результатъ былъ неблагопріятный для торіевъ, и первое голосованіе новаго парламента обнаружило, что палата не поддерживаетъ ихъ. Наступилъ тотъ моментъ, когда приходилось обратиться къ оппозиціи и призвать вождей ея составить министерство. Лордъ Эльджинъ, не колеблясь, обратился къ Лафонтэну, и передалъ власть „вчерашнямъ мятежникамъ“. Это вызвало взрывъ негодованія и обвиненій по адресу генералъ-губернатора въ измѣнѣ британскому дѣлу въ Канадѣ. Лордъ Эльджинъ спокойно отвѣчалъ на эти нападки: „Вы играете мнѣ на руку; я желаю, чтобы мнѣ довѣряли французскіе канадцы, а они крайне чувствительны и подозрительны,

какъ всѣ люди, которые чувствуютъ себя низшими и полагаютъ, что ихъ угнетаютъ...; но если вы еще годъ будете дѣйствовать такъ, какъ вы теперь дѣйствуете, объявляя меня своимъ врагомъ и ихъ другомъ, то вы въ концѣ концовъ убѣдите ихъ, что мнѣ „можно довѣрять“, и я останусь въ выигрышѣ“. Въ этихъ словахъ лежала глубокая истина, еще разъ подтвердившая государственную мудрость совѣтовъ лорда Дергэма; политика довѣрія населенію и дарованіе ему широкихъ политическихъ правъ во имя сохраненія рах *britannica* въ Канадѣ увѣнчалась успѣхомъ, и французскіе канадцы стали постепенно убѣжденными сторонниками англійскаго владычества.

Колоніальный статсъ-секретарь въ кабинетѣ Росселя, графъ Грей, на сообщеніе Эльджина о новомъ министерствѣ отвѣтилъ полнымъ одобреніемъ: принципъ отвѣтственного управленія впервые восторжествовалъ такимъ образомъ во всей полнотѣ. По отношенію къ министерству Лафонтэна лордъ Эльджинъ занялъ то же положеніе, какое онъ занималъ по отношенію къ министерству торіевъ, — положеніе конституціоннаго монарха, управляющаго съ совѣта отвѣтственного передъ парламентомъ партійнаго кабинета. Но уже съ первыхъ шаговъ дѣятельности новаго правительства обнаружились большія трудности. Кабинетъ Лафонтэна внесъ въ парламентъ билль о возмѣщеніи убытковъ, которые населеніе потерпѣло во время возстанія 1837—38 гг. Первоначально, когда вопросъ этотъ впервые былъ поднятъ, еще до генералъ-губернаторства Эльджина, имѣлись въ виду убытки, вызванные дѣйствіями мятежниковъ, но министерство Лафонтэна расширило этотъ проектъ и предложило возмѣстить и тѣ убытки, которые произошли отъ дѣйствій войскъ во время подавленія мятежа. Англійское населеніе, принадлежавшее къ торіямъ, усмотрѣло въ этомъ актѣ своего рода награду за мятежъ и подняло страшный крикъ какъ въ стѣнахъ парламента, такъ и внѣ ихъ. Въ парламентѣ не удалось добиться измѣненія билля; послѣдній былъ принятъ большинствомъ голосовъ, и всѣ усилія оппозиціи направились на то, чтобы заставить лорда Эльджина воспротивиться его введенію въ дѣйствіе. Со всѣхъ сторонъ къ нему стали стекаться самыя рѣзкія и рѣшительныя требованія, въ которыхъ говорилось, или что онъ долженъ распустить парламентъ, или что онъ долженъ отказать въ санкціи биллю. Несмотря на эти требованія и на угрозы, въ нихъ заключавшіяся, лордъ Эльджинъ, — въ противность господствовавшему въ оппозиціи убѣжденію, что онъ не рѣшится дать самъ королевскую санкцію (*royal assent*) закону о возмѣщеніи убытковъ, а передастъ во-

прось на рѣшеніе въ Лондонъ, на что онъ имѣлъ право, — сдѣлалъ это; по обычаю, санкція давалась въ присутствіи парламента чтеніемъ списка утверждаемыхъ биллей. „Когда влѣрекъ парламента, — повѣствуетъ біографъ лорда Эльджина, — прочелъ названіе: „Актъ объ индѣмнизациі населенія, коего собственность разрушена была во время возстанія 1837 и 1838 гг.“, въ палатѣ царило мертвое молчаніе; на минуту присутствующіе затили дыханіе: потомъ со стукомъ и ропотомъ часть аудиторіи бросилась къ дверямъ. По выходѣ на улицу, знаки неодобренія смѣнились криками и гнѣвными возгласами. Передъ зданіемъ парламента быстро собралась толпа... Около шести часовъ, покончивъ съ дѣлами, лордъ Эльджинъ собирался оставить зданіе парламента. Но какъ только онъ показался, толпа съ крикомъ набросилась на него. На короткомъ промежуткѣ ста ярдовъ до кареты онъ былъ засыпанъ гнилыми яйцами; одно изъ нихъ попало ему въ лицо, а другія покрыли его одежду. Его кучеръ, лошади, экипажъ были забросаны грязью, и онъ уѣхалъ, сопровождаемый криками и дождемъ грязи и камней. Около семи часовъ Монреаль находился въ состояніи дикаго возбужденія. Звучалъ набатъ и крикуны бѣжали по улицамъ, призывая на митингъ на Марсовомъ полѣ въ восемь часовъ... На митингѣ рѣшено было: „Довольно резолюцій мы принимали: настало время дѣйствовать“. Палата имѣла вечернее засѣданіе, и туда около девяти часовъ бросилась толпа. Яркое освѣщеніе оконъ было большой приманкой, и вскорѣ камни посыпались среди депутатовъ. Сразу начался всеобщій переполохъ... Толпа вбѣжала въ зданіе и быстро разогнала депутатовъ... Какой-то человѣкъ съ разбитымъ носомъ занялъ кресло спикера и съ смѣшнымъ кромвелевскимъ величіемъ торжественно заявилъ: „Я распускаю эту палату“. Повидимому, толпа не имѣла опредѣленнаго плана, но по случайности или вслѣдствіе заранѣе обдуманнаго намѣренія зданіе скоро загорѣлось. Оно заключало въ себѣ двѣ цѣнныя бібліотеки и большое количество казенныхъ изданій. Огонь распространился съ такой быстротой, что въ четверть часа зданіе было объято пламенемъ, и лишь небольшое удалось спасти... Около одиннадцати часовъ разрушеніе было полное и толпа разсѣялась“.

Мятежъ самъ по себѣ не имѣлъ послѣдствій; но чувства ненависти по отношенію къ лорду Эльджину, которыхъ выраженіемъ онъ служилъ, улеглись не скоро. Въ одной изъ синихъ книгъ, изданныхъ въ тѣ годы въ Англіи, напечатаны образцы прокламацій, которыя ходили въ Канадѣ среди англійскаго населенія во время монреальскихъ событій; вотъ выдержки изъ воззваній,

въ которыхъ ярко выражается настроеніе оппозиціонныхъ группъ: „Позоръ Великобританіи завершился! Канада продана и выброшена за бортъ! Билль объ убыткахъ за время возстанія прошелъ. Губернаторъ осыпанъ гнилыми яйцами!.. Конецъ начался. Англосаксы! Вы должны жить для будущаго. Оставляясь вѣрными самимъ себѣ, вы обязаны выше всего поставить свое кровное происхожденіе и свою народность. Вы будете англичанами, хотя бы и не оставаясь британцами. Подданными кого и чего вы являетесь теперь? Пусть каждый отвѣтитъ на это самъ. Кукла въ мантии (Эльджинъ) должна быть отозвана или изгнана всеобщимъ презрѣніемъ народа...“ Или въ другомъ листѣ: „Каждая минута, что вы (лордъ Эльджинъ) остаетесь, стѣитъ вашей августѣйшей монархіи потери преданности одного изъ ея подданныхъ, и если вы не желаете, чтобы потомки называли васъ сумасшедшимъ, который потерялъ Канаду,—отправляйтесь домой“. Всякое появленіе лорда Эльджина въ Монреаль сопровождалось самыми рѣзкими выходами по его адресу; на него сыпались камни и грязь, и всѣ его близкіе подвергались оскорбленіямъ толпы; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль лордъ Эльджинъ вынужденъ былъ безвыѣздно находиться въ загородномъ генераль-губернаторскомъ дворцѣ, и современная карикатура изображаетъ его въ видѣ навсегда удалившагося отъ свѣта отшельника въ пещерѣ.

Картина, которая представляется взору, когда знакомишься со всѣми подробностями этой страницы канадской исторіи, по истинѣ изумительна. Представитель имперской власти, спокойно подвергающій себя самымъ жестокимъ нападкамъ, ненависти и оскорбленіямъ со стороны англійскаго населенія, дышащаго преданностью идеѣ имперіи, и твердою рукою поддерживающій власть французскаго министерства, является во всякомъ случаѣ фигурою не банальною, если имѣть въ виду, что всѣ эти жертвы сознательно приносятся во имя имперскаго же идеала высшаго порядка. Довося о мятежѣ, лордъ Эльджинъ кончаетъ свою депешу колониальному секретарю, графу Грею: „Я твердо убѣжденъ, что еслибы я подчинился требованіямъ торіевъ, то управленіе провинціей конституціонными средствами сдѣлалось бы невозможнымъ и борьба между страстнымъ меньшинствомъ, поддерживаемымъ силою, и большинствомъ, опирающимся на законность и установленныя формы, борьба, которая такъ долго служила главнымъ зломъ Канады..., стала бы хроническою“. Такимъ образомъ, во имя охраны мира страны лордъ Эльджинъ принесъ временный интересъ, связанный съ удовлетвореніемъ мѣстнаго англійскаго шовинизма, въ жертву болѣе высокому интересу—устано-

вленію твердаго конституціоннаго порядка въ странѣ и сохраненію того, что въ одной изъ своихъ депешъ онъ называлъ „полнымъ достоинства нейтралитетомъ“ генераль-губернатора. Въ Лондонѣ держались тѣхъ же взглядовъ, и, отвѣчая лорду Эльджину, графъ Грей сообщалъ ему, что правительство относится съ полнымъ сочувствіемъ къ его дѣятельности въ Канадѣ и что отъѣздъ его былъ бы въ высшей степени вреднымъ для блага этой страны. Въ парламентѣ, правда, нашли себѣ откликъ крики канадской оппозиціи, но министерство Росселя твердо стало на сторону лорда Эльджина.

Событія, которыя только-что изложены, представляютъ конечный пунктъ въ исторіи утвержденія отвѣтственнаго управленія въ Канадѣ. Лордъ Эльджинъ, сумѣвъ отстоять принципъ „полнаго достоинства нейтралитета генераль-губернатора“ во время остраго взрыва націоналистическихъ страстей, навсегда закрѣпилъ это положеніе за представителями англійской власти въ Канадѣ. Дальнѣйшая жизнь колоніи протекаетъ, строго говоря, уже внѣ непосредственнаго воздѣйствія Англіи: въ ней назрѣваютъ свои потребности, и она сама ищетъ и находитъ пути къ ихъ удовлетворенію; англійское правительство и парламентъ даютъ лишь формально необходимую санкцію имперскаго законодательства установленнымъ самой Канадой проектамъ реформъ. Основная изъ этихъ реформъ—превращеніе въ 1867 году Канады въ союзное цѣлое—лучше всего иллюстрируетъ новѣйшія отношенія между колоніей и метрополіей. Въ 1861 г. въ одной изъ такъ называемыхъ „морскихъ провинцій“—Новой Шотландіи (слѣдуетъ имѣть въ виду, что эти „морскія провинціи“ въ сороковыхъ годахъ получили „отвѣтственное управленіе“ наравнѣ съ сосѣдней Канадой)—въ законодательномъ собраніи принята была резолюція въ пользу уніи отдѣльныхъ канадскихъ провинцій; эта резолюція была передана колоніальному секретарю, который въ свою очередь отослалъ ее представителямъ короны въ отдѣльныхъ сѣверо-американскихъ колоніяхъ; послѣдніе внесли ее въ подлежащія законодательныя учрежденія, гдѣ она въ принципѣ встрѣчена была сочувственно. Въ Шарлоттстоунѣ въ 1862 г. и въ Квебекѣ въ 1864 г. состоялись совѣщанія делегатовъ отдѣльныхъ провинцій, которыя и привели къ установленію проекта союзнаго акта; въ 1865 г. этотъ проектъ принять былъ Канадой, Новымъ Брауншвейгомъ и Новой Шотландіей; такъ какъ по силѣ квебекскихъ резолюцій этого числа участниковъ было достаточно, чтобы образовать унію, то въ Лондонѣ отправлены были делегаты для представленія имперскимъ властямъ проекта новой

колоніальной конституціи. Послѣдній внесенъ былъ въ парламентъ, принятъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ въ 1867 году и составилъ такъ называемый „Британскій сѣверо-американскій актъ“, дѣйствующую конституцію Канады, объединившую съ теченіемъ времени въ одно цѣлое (Dominion of Canada) всѣ колоніи Сѣверной Америки, за исключеніемъ Ньюфаундленда (An act for the union of Canada, Nova Scotia, and New Brunswick, and the government thereof, and for purposes connected therewith; 30—31 Vict., c. 3). Изъ этихъ немногихъ указаній видно, что въ исторіи возникновенія союзной Канады роль имперской власти сводится къ роли отчасти посредника, отчасти своего рода „регистратора актовъ гражданскаго состоянія“ колоніи; это и не могло быть иначе: принципы отвѣтственного управленія, внесенные въ Канаду имперской властью, дѣлали болѣе активную роль для короны невозможною.

IV.

Значеніе тѣхъ совѣтовъ, которые давалъ Англіи лордъ Дергэмъ въ 1839 году, и того опыта, который приобрѣтенъ былъ при проведеніи въ жизнь этихъ принциповъ, отнюдь не исчерпывается предѣлами Канады; напротивъ того, они постепенно превратились въ колоніальное credo Англіи, которымъ съ сороковыхъ годовъ англійскіе государственные люди начинаютъ руководствоваться, когда имъ приходится направлять въ ту или иную сторону управленіе отдѣльныхъ своихъ колоній. Конечно, этотъ новый колоніальный символъ вѣры не можетъ исчерпываться точнымъ и буквальнымъ примѣненіемъ Дергэмовскихъ рецептовъ въ любомъ мѣстѣ и въ любое время, ибо рецепты эти близки связаны съ особыми условіями той страны, для которой они предписывались, но основная мысль, которая вдохновляетъ „Отчетъ“ Дергэма и которая сводится къ тому, что политическія затрудненія въ колоніяхъ лучше всего исцѣляются перенесеніемъ туда англійскихъ конституціонныхъ образцовъ, проникаетъ глубоко въ англійское политическое совнаніе.

Изучая слѣдующій послѣ канадскаго эпизода колоніальной исторіи Англіи—дарованіе самоуправленія австраійскимъ колоніямъ,—мы лучше всего можемъ понять, какъ руководящая нить, выведенная изъ „Отчета“ Дергэма, помогаетъ Англіи справиться съ новыми, не имѣющими по содержанію своему почти ничего общаго съ канадскими, задачами колоніальнаго владычества.

Въ предшествующемъ изложеніи отмѣчалось, что въ началу тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ двухъ существовавшихъ тогда въ Австраліи колоніяхъ—Новомъ Южномъ Уэльсѣ и Вандименовой Землѣ (поздѣе Тасманіи)—военный режимъ, воплотивъ законный въ прежней пенитенціарной колоніи, смѣняется гражданскимъ, а съ нимъ вносятся въ жизнь двухъ провинцій элементарныя основы гражданственности; параллельно съ этимъ растутъ и внутреннее благосостояніе колоній: увеличивается населеніе и нарождается постоянное мѣстное общество, скоро достигающее такого уровня, при которомъ коронное управление оказывается уже недостаточнымъ. Въ Лондонѣ начинаютъ поступать постоянныя представленія въ пользу введенія представительнаго строя.

Дарованіе Канадѣ акта 1840 г. служить тѣмъ толчкомъ, который побуждаетъ имперское правительство приступить къ исполненію доходящихъ до него изъ Сиднея требованій. Несмотря на то, что консервативная партія въ Англіи проявляла при обсужденіи канадскаго акта гораздо болѣе холодности къ идеѣ самоуправленія колоній, нежели партія либеральная, проводившая этотъ актъ,—все же, когда консерваторы оказались у власти, они не признали возможнымъ отказаться сдѣлать первый шагъ на пути дарованія такого самоуправленія Австраліи. Колоніальный статсъ-секретарь лордъ Стэнли (впослѣдствіи графъ Дерби, консервативный премьеръ, осуществившій демократическую избирательную реформу 1867 г.), провелъ чрезъ парламентъ „Актъ объ управленіи Новаго Южнаго Уэльса и Вандименовой Земли“ 1842 г. (5—6 Vict., с. 76), который превратилъ первую изъ только-что названныхъ провинцій изъ „колоніи коронной“ въ „колонію съ представительнымъ управленіемъ“. „Въ колоніи Новаго Южнаго Уэльса будетъ существовать законодательный совѣтъ,—гласила ст. 1 этого акта,—и этотъ законодательный совѣтъ будетъ состоять изъ 36 членовъ, и 24 члена его будутъ періодически избираться... жителями сказанной колоніи“. „И да будетъ установлено,—добавляетъ на своеобразномъ языкѣ англійскаго законодательства ст. 29 акта,—что губернаторъ сказанной колоніи Новаго Южнаго Уэльса, съ совѣта и согласія сказаннаго законодательнаго совѣта, будетъ имѣть власть издавать законы для мира, благосостоянія и добраго управленія сказанной колоніи“. Новому представительному учрежденію, въ которомъ элементъ коронный занималъ все же довольно видное мѣсто, законодательныя права ввѣрялись не цѣликомъ: по двумъ пунктамъ большой важности для колоніи корона сохраняла право активнаго вмѣшательства;

первый касался аграрнаго законодательства, которое всецѣло оставалось въ компетенціи законодательнаго совѣта, а второй — таможенныхъ пошлинъ, установленіе которыхъ требовало непосредственной санкціи королевы (а не санкціи губернатора имени королевы, какъ для другихъ биллей). Изъятіе аграрнаго законодательства было особенно существенно, ибо колонія жила земледѣліемъ, и вопросъ о распредѣленіи необозримыхъ пространствъ „коронныхъ земель“ игралъ въ жизни ея первую роль. Въ этомъ смыслѣ строй, дарованный Новому Южному Уэльсу актомъ 1842 г., былъ еще очень далеко отъ полнаго самоуправленія.

Нельзя не отмѣтить еще одной особенности акта 1842 г. Консервативное министерство, проводившее актъ, пожелало воспользоваться одной изъ отмѣченныхъ выше рекомендацій лорда Дергэма, — его совѣтомъ отвлечь исключительное вниманіе населенія отъ центральныхъ органовъ власти путемъ созданія свѣти мѣстныхъ единицъ самоуправленія. Съ этою цѣлью актъ 1842 г. предусматривалъ образованіе въ Австраліи ряда окружныхъ совѣтовъ съ довольно обширными функціями. Въ основѣ этой мѣры лежалъ извѣстный элементъ неискренности: дробленіе власти между рядомъ маленькихъ центровъ дѣлалось во имя сокращенія полномочій впервые дарованнаго населенію представительства, и это обстоятельство компрометировало въ глазахъ населенія значеніе акта 1842 г.

Канада жила съ „представительнымъ управленіемъ“ около пятидесяти лѣтъ; Австралія прожила всего около тринадцати. Эта разница въ быстротѣ политическаго развитія очень понятна. Безспорно, ускоренію его содѣйствовалъ въ данномъ случаѣ, прежде всего, тотъ фактъ, что формула: „колонія съ отвѣтственнымъ управленіемъ“ — была уже изобрѣтена и представлялась уже не тѣмъ опаснымъ новшествомъ, какимъ она была въ моментъ обсужденія канадскаго акта 1840 г. Не меньшую роль игралъ и другой фактъ: Канада была старинной колоніей, пережившей вліяніе двухъ разнообразныхъ режимовъ, наложившихъ свою особую печать на отдѣльныя части населенія; кромѣ національныхъ группъ, въ ней сложились еще и группы сословныя; социальныя перегородки мѣшали торжеству чисто демократическаго идеала. Ювѣстѣмъ иное представляла социальная структура Австраліи; она была насквозь демократичной, и среди пришельцевъ, связанныхъ единствомъ языка и племени, не было элементовъ, которые могли бы поддерживать представителей англійской короны, еслибы юсѣдніе пытались установить въ Австраліи что-либо подобное

„семейному союзу“ въ Верхней Канадѣ или системѣ поощренія англійскаго меньшинства въ Нижней Канадѣ эпохи, предшествующей Дергэму.

Очень скоро послѣ 1842 года недостаточность акта лорда Стэнли выяснилась съ совершенною очевидностью, и какъ это ни странно на первый взглядъ, первые протесты раздались противъ введенныхъ актомъ окружныхъ совѣтовъ: протесты направлены были противъ дарованныхъ странѣ органовъ самоуправленія и въ то же время вдохновлялись идеей самоуправления, нѣсколько иначе понимаемой; вмѣсто дробнаго самоуправления на периферіи, Австралія требовала полноты автономныхъ правъ въ центрѣ. Настаивать на сохраненіи во чтѣ бы то ни стало измышленной для Новаго Южнаго Уэльса сложной административной системы было трудно: она совершенно не привилась на мѣстѣ. Не говоря объ общихъ политическихъ соображеніяхъ, уже отмѣченныхъ и вызывавшихъ нареканія на мѣстное устройство того типа, который осуществленъ былъ лордомъ Стэнли,—непригодность такого устройства вытекала уже изъ того, что населеніе распредѣлено было на пространствѣ Новаго Южнаго Уэльса крайне рѣдко, и внѣ крупныхъ центровъ организовать окружной совѣтъ было задачей, за рѣдкими исключеніями, матеріально невыполнимою. Одинъ изъ видныхъ агентовъ англійскаго управленія въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, разбирая систему окружныхъ совѣтовъ, резюмировалъ свои выводы слѣдующимъ трюизмомъ: „Вы можете сдѣлать учрежденіе подходящимъ къ условіямъ колоніи, но вы не можете заставить колонію сдѣлаться подходящею къ извѣстному учрежденію“.

Противъ такого положенія возражать не приходилось. То самое либеральное министерство лорда Джона Росселя и тотъ самый колоніальный статсъ-секретарь графъ Грей, которымъ принадлежитъ заслуга осуществленія принципа отвѣтственного управленія въ Канадѣ, тотчасъ по вступленіи во власть, рѣшили изыскать мѣры къ тому, чтобы и въ Австраліи „сдѣлать учрежденія подходящими къ условіямъ колоніи“. Англійскому политическому творчеству чуждъ всякій радикализмъ: графъ Грей,—незамѣтно внутри одной системы управленія Канадою создавшій другую, совершенно отличную отъ первой,—и въ Австраліи не рѣшился сразу же разорвать съ актомъ 1842 года. Въ депешѣ 31 іюля 1847 г. на имя губернатора Новаго Южнаго Уэльса, опубликованіе которой въ колоніи представляетъ немаловажную дату въ исторіи конституціоннаго развитія послѣдней, графъ Грей формулировалъ свой планъ реформы въ управленіи австралійскихъ провинцій. Онъ предлагалъ, прежде всего, продолжить начатый

въ двадцатыхъ годахъ раздѣлъ Новаго Южнаго Уэльса образова-
 ніемъ нѣсколькихъ новыхъ колоній—Викторіи, Южной Австраліи
 и Западной Австраліи; затѣмъ, онъ предлагалъ реформировать
 представительство путемъ образованія двухъ палатъ, одной—вы-
 борной и другой—по назначенію; наконецъ,—и въ этомъ скры-
 вался духъ консерватизма англійскаго государственнаго чело-
 вѣка,—онъ считалъ необходимымъ сохранить систему окружныхъ
 совѣтовъ, лишь преобразовавъ и вливъ въ совѣты новую жизнь:
 „необходимо обсудить,—говорилось въ депешѣ,—какія перемѣны
 должно внести въ дѣйствующій законъ объ учрежденіи мунци-
 палитетовъ, дабы обезпечить за этими учрежденіями вѣсъ и зна-
 ченіе, и въ особенности не слѣдуетъ ли въ этихъ видахъ уста-
 новить, что по отношенію къ нижней палатѣ они будутъ играть
 роль избирательныхъ коллегій“. Планъ, изложенный въ депешѣ
 Грея, вызвалъ взрывъ негодованія въ колоніи. Несмотря на то,
 что проектъ образованія двухпалатнаго представительства являлся
 существеннымъ шагомъ впередъ и въ этомъ отношеніи долженъ
 былъ бы найти сочувствіе колоніи,—приведенная выше фраза
 о муниципалитетахъ скомпрометировала весь тщательно обду-
 манный планъ графа Грея. Огромный митингъ, собравшійся въ
 Сидней, за которымъ слѣдовали такіе же митинги на простран-
 ствѣ всей колоніи, выразилъ свое негодованіе въ слѣдующей пе-
 тиціи королевы, которую, какъ характерный образецъ, можно
 привести почти цѣликомъ. „Опубликованіе депеши 31 іюля 1847 г.
 главнаго статсъ-секретаря вашего величества для колоній,.....
 наполнило насъ самыми серьезными опасеніями и отчаяніемъ...
 Измѣненіе конституціи этой колоніи, предложенное въ помянутой
 депешѣ, будетъ имѣть результатомъ лишеніе насъ избиратель-
 наго права, которое, мы утверждаемъ это, представляетъ наше
 прирожденное право, какъ британскихъ подданныхъ. Мы не мо-
 жемъ не полагать, что, делегировавъ наше право избирать на-
 шихъ представителей, мы не только лишаемъ себя права дѣлать
 выборъ по нашему усмотрѣнію, но и права контролировать нашу
 законодательную власть, безъ чего ни одинъ народъ не можетъ
 считаться свободнымъ. Мы съ нетерпѣніемъ жаждемъ воспользо-
 ваться формой управленія, которая по возможности близко под-
 ходила бы къ принципамъ британской конституціи, и не можемъ
 допустить, чтобы справедливо и политично было дѣлать эту ко-
 лонію полемъ теоретическихъ законодательныхъ экспериментовъ...
 Мы считаемъ себя вправѣ ожидать, что никакихъ существен-
 ныхъ измѣненій въ дѣйствующей конституціи не будетъ сдѣлано
 безъ предварительнаго согласія тѣхъ, кого личности и собствен-

ности эти измѣненія коснутся. Поэтому лица, подписавшія настоящую петицію, смиренно просятъ ваше величество не соглашаться ни на какія измѣненія въ конституціи этой колоніи, которыя предварительно не будутъ санкціонированы колонистами въ цѣломъ "... Эта резолюція и ей подобныя, и въ особенности пренія, которыя имъ предшествовали и которыя тщательно воспроизведены въ парламентскихъ англійскихъ изданіяхъ того времени, даютъ намъ ключъ къ пониманію послѣдующей исторіи Австраліи: колонисты возражаютъ противъ сложной системы управленія, рекомендуемой имъ колоніальнымъ управленіемъ, потому что видятъ въ ней нарушение „прирожденныхъ правъ“ англичанина; рѣзкость этихъ возраженій и ихъ полное единодушіе на всей территоріи Новаго Южнаго Уэльса свидѣлствуютъ, что въ сознаніе колоніи успѣла глубоко проникнуть потребность осуществленія въ ней англійскаго политическаго идеала, созданія мѣстнаго управленія „согласно принципамъ британской конституціи“. Что такое этотъ идеалъ—намъ хорошо извѣстно: двухпалатный парламентъ съ неограниченною законодательною властью и отвѣтственное передъ нимъ министерство. Говоря о „прирожденной свободѣ“ англичанъ, колонисты разумѣютъ всю совокупность принциповъ англійскаго управленія, какъ одно цѣлое; въ этомъ характерная особенность политическихъ требованій Австраліи: она не раздѣляетъ въ нихъ правильной организаціи парламента отъ введенія отвѣтственнаго управленія; силою вещей эти два требованія были разъединены въ Канадѣ; здѣсь они слиты въ одно. Это дѣлаетъ переходъ къ полному самоуправленію въ Австраліи еще болѣе незамѣтнымъ, нежели онъ былъ въ Канадѣ: какъ только требованія о правильномъ представительствѣ удовлетворены, это значитъ, что тѣмъ самымъ удовлетворены и требованія объ отвѣтственномъ управленіи, — послѣднее разумѣется, когда говорится о первомъ.

Волненіе, вызванное въ Австраліи депешей графа Грея, объяснялось гораздо болѣе напряженностью требованій политической реформы, нежели самымъ содержаніемъ этого документа. Не порывая съ организаціонными проектами лорда Стэнли, Грей въ этой депешѣ въ то же время съ великою мудростью и осторожностью оговаривалъ возможность отъ нихъ отказаться: депеша его кончалась обращеніемъ къ общественному мнѣнію Австраліи съ призывомъ высказаться по поводу сдѣланныхъ имъ предложеній. Когда отрицательное отношеніе къ нимъ колоніи выяснилось, лондонское министерство могло, оставаясь вѣрнымъ себѣ, отказаться отъ отдѣльныхъ частей плана, изложеннаго въ

депешѣ Грея. Оно выбрало для этого слѣдующій путь. Оно сказало колоніи приблизительно слѣдующее: хорошо, мы отказываемся отъ переустройства вашего представительства по первоначально предложенной вамъ схемѣ и удовлетворяемъ ваше пожеланіе, чтобы измѣненія въ государственномъ устройствѣ колоніи совершились съ согласія колоніи; въ нашей программѣ есть всего одинъ пунктъ, на которомъ мы настаиваемъ, — это раздѣлъ Новаго Южнаго Уэльса; — всѣ остальные реформы пусть осуществляетъ сама колонія; для этого ей будетъ дарована видоизмѣненная хартія 1842 г., въ которую будетъ внесень пунктъ о правѣ самой колоніи ее измѣнить; такая хартія, кромѣ Новаго Южнаго Уэльса, будетъ распространена на всѣ остальные уже существующія и уже намѣченныя къ осуществленію австралійскія колоніи.

Этотъ планъ былъ осуществлень биллемъ 1850 г. (An act for the better government of Her Majesty's Australian Colonies; 13 and 14 Vict., с. 59), который по существу дѣла представляетъ въ глазахъ его авторовъ мѣру чисто переходнаго характера. Созданіемъ представительства по образцу Новаго Южнаго Уэльса, въ Тасманіи, Викторіи, Западной и Восточной Австраліи и незначительнымъ расширеніемъ полномочій прежней законодательной власти Новаго Южнаго Уэльса исчерпывается его положительное содержаніе; весь центръ тяжести новаго закона и весь его смыслъ лежитъ въ ст. 32, которая предоставляетъ законодательнымъ совѣтамъ измѣнять какъ имъ угодно, подъ условіемъ послѣдующаго одобренія королевы, устройство законодательной власти въ подлежащей колоніи. Такимъ образомъ исполнялось пожеланіе колоній о предоставленіи имъ самостоятельнаго распоряженія своими судьбами.

Несмотря на то, что переходный характеръ акта 1850 г. былъ совершенно ясенъ самъ по себѣ и точно и открыто установленъ его текстомъ, Новый Южный Уэльсъ отнесся къ нему съ крайней враждебностью и выразилъ это чувство въ формѣ не менѣе рѣзкой, нежели та, въ которую облечены были протесты колонистовъ противъ первоначальныхъ проектовъ графа Грея. На этотъ разъ протестъ былъ принесень законодательнымъ совѣтомъ колоніи. Содержаніе его сводилось къ слѣдующему. Законодательный совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ выразить лондонскому правительству свое „глубокое разочарованіе и неудовольствіе“, испытанное при ознакомленіи съ актомъ 1850 г. Актъ этотъ не можетъ удовлетворить колонію потому, что не даетъ ей достаточныхъ предѣловъ самоуправленія; въ цѣломъ

рядъ существеннѣйшихъ пунктовъ право вмѣшательства метрополіи въ дѣла колоніи сохраняется непривоснованнымъ; съ этимъ положеніемъ Новый Южный Уэльсъ помириться не можетъ и требуетъ дарованія колоніи полноты законодательной власти, права неограниченно распоряжаться своимъ бюджетомъ и „коронными землями“ и признанія, что всѣ должности по колоніальному управленію, кромѣ единственно должности губернатора, должны замѣщаться лицами изъ состава населенія колоніи (1-го мая 1851 г.).

Графъ Грей въ книгѣ, напечатанной имъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ 1850 года, не можетъ удержать своей досады при воспоминаніи объ этомъ документѣ. „Законодательный совѣтъ, — говоритъ онъ, — въ своемъ „Объявленіи и Протестѣ“ (такъ именовали въ Австраліи этотъ документъ) впалъ въ такія грубыя ошибки съ логической и фактической точкою зрѣнія, что ихъ трудно объяснить себѣ иначе, какъ предположивъ, что „Объявленіе“ сочинялось и втировалось скорѣе подъ влияніемъ чувствъ возбужденія, нежели по зрѣлому обсужденію дѣла, какъ того требовала бы важность послѣдняго“. Этотъ отзывъ вполне понятенъ въ устахъ колоніальнаго секретаря, которому безконечныя австралійскіе протесты не могли не испортить много крови: ему справедливо казалось, что актъ 1850 г. шелъ навстрѣчу всѣмъ законнымъ пожеланіямъ колоніи и открывалъ ей возможность безпрепятственно перейти къ тѣмъ государственнымъ порядкамъ, какихъ она искала; избытокъ радикализма, проявленный законодательнымъ совѣтомъ Новаго Южнаго Уэльса, шокировалъ либеральнаго министра. Грею пришлось выслушать дѣйствительно незаслуженный упрекъ, и къ тому же выслушать его не разъ; и вновь избранное въ 1851 г. законодательное собраніе Новаго Южнаго Уэльса повторило протестъ предшествующаго собранія и снова формулировало тѣ же требованія, опредѣленнымъ образомъ ссылаясь на этотъ разъ на Канаду, какъ на образецъ того, чего добиваются колонисты. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ могъ служить для Грея лишь тотъ фактъ, что въ остальныхъ колоніяхъ Австраліи актъ его встрѣченъ былъ съ огромнымъ сочувствіемъ.

Въ намѣренія Англіи въ моментъ изданія билля 1850 года отнюдь, мы видѣли, не входило сколько-нибудь задерживать развитіе австралійскаго самоуправленія. Естественно, что въ отвѣтъ на повторный протестъ Новаго Южнаго Уэльса изъ Лондона отвѣчено было (преемникомъ Грея въ колоніальномъ статсъ-секретаріатѣ — сэромъ Джономъ Пакингтономъ) полнымъ согласіемъ

отказаться въ пользу колоніи отъ тѣхъ правъ, которыя по акту 1850 г. метрополія сохраняла за собою; для осуществленія этого перехода колониальный парламентъ долженъ былъ, по силѣ уже дарованныхъ ему актомъ Грея правъ, подвергнуть пересмотру свою конституцію, а эта послѣдняя должна была быть прислана для утвержденія въ Лондонъ. Насколько ясно сознавалась польза дарованія колоніи полного самоуправленія, вытекаетъ уже изъ того факта, что рѣшеніе, принятое имперскою властью въ отвѣтъ на протесты Новаго Южнаго Уэльса, было одновременно распространено и на другія австралійскія колоніи; имъ равнымъ образомъ дано было право перейти отъ режима, установленнаго въ 1850 г., къ новому, болѣе свободному.

Вопросъ въ принципѣ былъ рѣшенъ, и оставалось только оформить переходъ къ новымъ порядкамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, Викторіи, южной Австраліи и Тасманіи мѣстныя законодательныя учрежденія отдались усердной работѣ надъ установленіемъ новыхъ конституціонныхъ актовъ. Эти новые акты были отосланы на одобреніе въ Лондонъ и тамъ получили санекцію частью парламента (такъ: Новый Южный Уэльсъ и Викторія—акты 18 and 19 Vict., с. 54, и 18 and 19 Vict., с. 59), частью королевы непосредственно (такъ: Тасманія 1856, южная Австралія 1856). Они весьма схожи между собою и содержаніе ихъ сводится къ слѣдующимъ основнымъ пунктамъ: во-первыхъ, въ каждой колоніи законодательная власть вѣрруется двумъ палатамъ—одной выборной и другой по назначенію—совмѣстно съ мѣстнымъ губернаторомъ; во-вторыхъ, послѣдній „съ согласія и совѣта“ палаты (колониальный „король въ парламентѣ“) пользуется полнотою законодательной власти; ограниченія, установленныя по законамъ 1842 и 1850 гг., снимаются: бюджетъ дѣлается вполне автономнымъ, а коронныя земли переходятъ въ распоряженіе колониальной власти. Въ области законодательной осуществлено такимъ образомъ „полное самоуправленіе“, котораго требовали колоніи. Осуществлено ли другое требованіе, непосредственно связанное въ устахъ колонистовъ съ первымъ,—требованіе самоуправленія и въ области собственно административной? Ни одинъ изъ актовъ 1855—1856 гг. не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, и, читая ихъ, можно подумать, что объ „отвѣтственномъ управленіи“ въ колоніяхъ нѣтъ и рѣчи. Лишь при самомъ пристальномъ изученіи этихъ актовъ удастся открыть нѣкоторые слѣды и намеки на реформу въ организаціи исполнительной власти, но они чрезвычайно мало опредѣленны. Въ конституціяхъ Новаго

Южнаго Уэльса и Викторіи (ст. 37) говорится такъ: „Назначеніе должностныхъ лицъ... будетъ дѣлаться губернаторомъ по рекомендаціи исполнительнаго совѣта, за исключеніемъ назначеній тѣхъ должностныхъ лицъ, кои *могутъ покидать службу по политическимъ основаніямъ*, каковыя назначенія дѣлаются губернаторомъ“; въ конституціи Викторіи (ст. 18) мы читаемъ: „Изъ числа слѣдующихъ должностныхъ правительственныхъ лицъ — колоніальный секретарь или главный секретарь, главный прокуроръ (attorney general), колоніальный казначей или казначей-коммиссаръ общественныхъ работъ, сборщикъ таможенныхъ пошлинъ или коммиссаръ по торговлѣ, главный контролеръ таможенныхъ сборовъ или коммиссаръ по короннымъ землямъ и контролю, и главный адвокатъ — или лицъ, ихъ въ данное время замѣщающихъ, по крайней мѣрѣ четверо будутъ членами совѣта или собранія (верхняя и нижняя палаты)“, а противъ этихъ словъ на поляхъ (согласно англійскому обычаю при публикаціи законовъ) стоитъ слѣдующее резюме статьи: „кого надлежитъ признавать *отвѣтственными должностными лицами*“. Вотъ и все, что въ актахъ 1855—1856 гг. имѣетъ нѣкоторую связь съ вопросомъ объ отвѣтственности министерства; — изъ выписанныхъ нами положеній съ безспорностью вытекаетъ лишь одно: — въ австралійскихъ колоніяхъ группа высшихъ лицъ администраціи „можетъ“ выходить въ отставку по политическимъ соображеніямъ, назначается губернаторомъ непосредственно, а не губернаторомъ въ совѣтъ, принадлежитъ къ составу палатъ въ значительной своей части и члены ея именуются „отвѣтственными должностными лицами“. Совокупность этихъ скорѣе штриховъ, нежели опредѣленныхъ линій, даетъ въ результатъ очеркъ, представляющій думать объ отвѣтственномъ министерствѣ, но очеркъ этотъ не получаетъ ни малѣйшаго юридическаго чекана въ текстѣ закона, не облекается въ форму опредѣленныхъ правъ и обязанностей. Въ сущности внутри его могло бы помѣститься съ одинаковымъ успѣхомъ и министерство по назначенію губернатора въ точномъ смыслѣ этого слова. И тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что актами 1855—1856 гг. въ уже названныхъ выше колоніяхъ Австралія вводится та самая система отвѣтственного управленія, которую для Канады рекомендовалъ Дергэмъ и осуществилъ на практикѣ Эльджинъ.

Депеша, при которой колоніальный секретарь отправлялъ въ колоніи акты 1855 — 1856 гг., не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній: она содержитъ прямое приказаніе губернаторамъ перейти къ системѣ „отвѣтственного управленія“

въ подвѣдомственныхъ имъ колоніяхъ съ момента введенія въ дѣйствіе въ нихъ этихъ актовъ. Но и безъ нея утверженіе этого принципа метрополіей не могло бы подлежать спору: оно вытекало изъ всей переписки, за 1850—56 гг., ведшейся между Лондономъ, съ одной стороны, и Сиднеемъ, Мельбурномъ, Гобартомъ и Аделаидою—съ другой, начиная съ отмѣченныхъ выше первыхъ требованій колонистовъ о дарованіи имъ „полнаго самоуправления“, обнимающаго, въ ихъ глазахъ, какъ свое законодательство, такъ и свое управленіе.

Въ этомъ—отличительная особенность политическаго развитія Австраліи. Здѣсь развитая автономія въ сферѣ законодательной неразрывно слита съ автономіей административной: пока существуетъ старая организація законодательнаго совѣта, состоящаго изъ членовъ и по выбору, и по назначенію, и пока права послѣдняго ограничены, отвѣтственнаго министерства нѣтъ; но какъ только законодательный органъ пріобрѣтаетъ правильное устройство и полноту правъ, возникаетъ и отвѣтственное правительство. Въ послѣдующей исторіи австралійскихъ колоній мы можемъ еще дважды наблюдать переходы, гдѣ неразрывность связи между представительствомъ и отвѣтственностью министерства обнаруживается съ полною ясностью: въ первый разъ въ Куинслэндѣ и во второй разъ въ восточной Австраліи. Куинслэндъ представляетъ сѣверную часть Новаго Южнаго Уэльса, которую признано было въ 1859 г. необходимымъ выдѣлить въ особую колонію; сразу, безъ всякой переходной конституціи, подобной актамъ 1842 и 1850 гг., въ моментъ своего основанія Куинслэндъ получилъ государственное устройство по образцу, установленному въ конституціонныхъ хартіяхъ 1855—1856 гг., и одновременно отвѣтственное министерство. Здѣсь совмѣщалось не два, а даже три основныхъ момента политическаго развитія, раздѣльныхъ въ исторіи большей части колоній,—самостоятельное существованіе, автономное законодательство и отвѣтственное правительство. Восточная Австралія по акту Грея представительства не получила, а получила лишь право ходатайствовать, когда треть домохозяевъ въ ней выразитъ такое желаніе, объ учрежденіи смѣшаннаго законодательнаго совѣта по образцу установленныхъ актовъ Грея въ другихъ колоніяхъ; развитіе этой молодой и территоріально огромной колоніи шло настолько медленно, что населеніе въ теченіе двадцати лѣтъ довольствовалось юроннымъ управленіемъ, и лишь въ 1870 г. осуществило свое право просить о дарованіи того смѣшаннаго законодательнаго совѣта съ ограниченной компетенціей, которое другія колоніи

получили въ 1842 — 1850 гг. Въ 1883 г. въ колоніи начинается агитація въ пользу перехода къ болѣе развитому самоуправленію, агитація, которая приводитъ въ 1890 г. къ дарованію новой конституціонной хартіи по образцу хартій другихъ автономныхъ колоній. Здѣсь мы опять находимъ ту же странную особенность. Агитація эта пишетъ на своемъ знамени: „отвѣтственное управленіе“, а между тѣмъ, читая всю опубликованную въ свое время въ Англіи обширную переписку о перемѣнахъ въ управленіи восточной Австраліи и изучая затѣмъ самый текстъ конституціи 1890 г., мы нигдѣ не видимъ, чтобы говорилось прямо объ отвѣтственномъ министерствѣ; рѣчь всюду идетъ лишь о перемѣнахъ въ организаціи и компетенціи законодательнаго органа. Но съ этими перемѣнами въ политическомъ сознаніи настолько опредѣленно связано представленіе о переходѣ къ новому порядку управленія, что никому въ голову не приходитъ объ этомъ специально упоминать.

Съ переходомъ восточной Австраліи къ системѣ полного самоуправления, весь континентъ, на который всего сто лѣтъ передъ тѣмъ привезены были первые поселенцы въ лицѣ ссыльно-каторжныхъ капитана Филиппа, превратился въ группу англійскихъ обществъ, живущихъ полной, свободной и самостоятельной политической жизнью. Въ 1900 году эти общества слились въ одно союзное цѣлое, принявшее гордое наименованіе „Австралійское государство“ (Australian Commonwealth).

V.

Переходя отъ обзора дарованія самоуправления Канадѣ къ исторіи дарованія его австралійскимъ колоніямъ, мы отмѣчали уже огромную разницу въ быстротѣ политическаго развитія этихъ двухъ колониальныхъ группъ. Тотъ новый эпизодъ колониальной исторіи Англіи, котораго мы должны коснуться теперь, въ этомъ отношеніи еще характернѣе: здѣсь быстрота перехода отъ строго короннаго управленія къ полному самоуправленію достигаетъ своей высшей точки. Мы говоримъ о Новой Зеландіи. Еще въ концѣ 30-хъ годовъ Англія не признавала эти богатые и цвѣтущіе въ настоящее время острова своею собственностью. Туда направлялись въ небольшомъ числѣ англійскіе колонисты, наравнѣ съ представителями другихъ національностей, селились на берегахъ океана и устраивались совершенно свободно, внѣ всякаго контроля изъ Лондона. Въ 1840 году число англичанъ ока-

залось настолько значительнымъ, что англійское правительство, при всемъ своемъ нерасположеніи въ то время къ новымъ колониальнымъ предпріятіямъ, рѣшилось официально провозгласить свою власть надъ островами. Съ этого года основанія колоніи до момента полученія отвѣтственнаго управленія прошло всего пятнадцать лѣтъ. Въсто рѣдкихъ поселковъ случайныхъ колонистовъ, черезъ этотъ короткий промежутокъ времени выросла политическая единица, снабженная сложнѣйшимъ аппаратомъ англійскаго парламентаризма.

Казалось бы, только съ усиленной поспѣшностью и дѣйствуя второпяхъ, можно было достигнуть такого результата. На первый взглядъ уже самое число лѣтъ заставляетъ предположить, будто единственною заботою Англій было скорѣе сложить съ себя всякую дѣятельную власть въ колоніи и передать ее въ руки колонистовъ, хотя и недостаточно зрѣлыхъ для этой задачи.

На самомъ дѣлѣ было совсѣмъ иначе. Англійскіе государственные люди не отказались и здѣсь отъ привычной своей осмотрительности и точнаго политическаго разсчета; изъ только-что указанныхъ пятнадцати лѣтъ пять они потратили исключительно на то, чтобы задержать развитіе автономіи острововъ, которое, на ихъ взглядъ, началось слишкомъ рано, а затѣмъ быстро на-верстаки потерянное, утвердивъ эту автономію на фундаментѣ окрѣпшаго за годы задержки общественнаго строя.

Первоначальная исторія Новой Зеландіи сложилась такъ. Англійскіе и другіе колонисты заняли на островахъ сначала нѣсколько опредѣленныхъ пунктовъ, находившихся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и эксплуатировали районы этихъ первыхъ поселеній. Они нашли вокругъ способное и дѣятельное мѣстное населеніе, такъ называемыхъ маори, и сразу же стали во враждебное отношеніе къ нимъ; вражда эта объяснялась, прежде всего, земельнымъ вопросомъ; всякій захватъ земель колонистами дѣлался за счетъ маори. Англійскіе губернаторы поддерживали права этихъ послѣднихъ, гарантированныя при завладѣніи островомъ, но не въ состояніи были справиться съ колонистами. Отсюда происходитъ двойкій разладъ: съ одной стороны, между властью и поселенцами, а съ другой—между поселенцами и маори. Въ Лондонѣ начали поступать постоянныя жалобы мѣстнаго населенія на агентовъ администраціи, и въ Англій начали опредѣленно сознать, что необходимо что-нибудь предпринять для уушенія положенія.

Когда во главѣ англійскаго правительства оказался лордъ Джонъ Россель, а во главѣ колониальнаго управленія графъ

Грей, о которомъ намъ приходилось упоминать уже такъ часто, рѣшено было прибѣгнуть для исцѣленія всѣхъ бѣдъ на островѣ въ испытанному средству—дарованію свободныхъ учрежденій. Былъ составленъ въ 1846 г. очень сложный уставъ, напоминавшій во многомъ тотъ, который Грей предложилъ въ 1847 году Новому Южному Уэльсу: колонія раздѣлена была на двѣ части, и каждая изъ нихъ получала представительное учрежденіе, по избранію англійскаго населенія; эти учрежденія выбирали представителей въ высшее, общее для всей колоніи представительное законодательное собраніе; маори никакихъ правъ въ области управленія не получали.

Губернаторъ, отправленный въ Новую Зеландію для того, чтобы привести въ исполненіе эту новую систему управленія, прибывъ туда, засталъ положеніе дѣлъ еще значительно ухудшившимся. Раздоръ между колонистами и маори превратился въ открытую войну, грозившую гибелью англійскаго дѣла въ молодой колоніи. Губернаторъ, капитанъ, впоследствии сэръ Грей, сослужившій уже огромную службу Англіи въ южной Австраліи,—человѣкъ, которому Новая Зеландія больше, чѣмъ кому-либо, обязана своимъ развитіемъ¹⁾,—понялъ, что мечта о томъ, будто при данныхъ условіяхъ фактъ дарованія представительства могъ спасти колонію, была совершенной утопій. Онъ имѣлъ смѣлость открыто заявить колоніальному секретарю, что планъ его никуда не годился, а колоніальный секретарь имѣлъ смѣлость признать, что губернаторъ былъ совершенно правъ. Аргументація сэра Грея была очень проста. Съ одной стороны, маори,—говорилъ онъ,—достаточно интеллигентны, чтобы понять, что, платя подати и подчиняясь англійской власти, они отдаются на произволъ враждебно настроенныхъ колонистовъ; съ другой стороны, созданіе двухъ провинцій въ томъ видѣ, какъ ихъ проектировалъ уставъ 1846 года, было преждевременнымъ: англійское населеніе сосредоточено было пока въ нѣсколькихъ разбросанныхъ между собою центрахъ, и двухъ органовъ самоуправленія не могло хватить для удовлетворенія потребности участвовать въ направленіи государственныхъ дѣлъ всѣхъ остальныхъ. Губернаторъ предлагалъ поэтому совершенно забыть уставъ 1846 г. и поручить ему неограниченныя полномочія по управленію съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ (не болѣе пяти) онъ предложилъ коло-

¹⁾ Только однофамилецъ колоніальнаго статсъ-секретаря, впоследствии губернаторъ Капа и затѣмъ вторично Новой Зеландіи,—одно изъ самыхъ крупныхъ именъ въ колоніальной исторіи Англіи.

ніальному управленію проектъ новаго государственнаго устройства острововъ. Въ Лондонѣ, — „не колеблясь“, по свидѣтельству графа Грея, — приняли предложенія губернатора, и актомъ парламента 1847 г. приостановили силу акта предшествующаго года.

Замѣна сложной конституціонной системы единоличнымъ управленіемъ капитана Грея оказалась въ высшей степени цѣлесообразною. Грей сыгралъ въ исторіи Новой Зеландіи ту роль, которую лордъ Дергамъ сыгралъ въ Канадѣ; сосредоточивая въ своихъ рукахъ подобныя же чрезвычайныя полномочія, онъ сумѣлъ поставить столь же точный діагнозъ политическаго положенія и, когда пришелъ срокъ, сказать такъ же рѣшительно и твердо, что необходимо даровать колоніи политическія права.

Оріентировавшись въ колоніи, Грей констатировалъ, что англійскимъ поселенцамъ никогда не удастся справиться съ маори, если они объявятъ имъ открытую войну: европейскія поселенія, разбросанныя вдоль берега, были со всѣхъ сторонъ окружены ими, и послѣднія могли выбирать, гдѣ и когда напасть на англичанъ, тогда какъ англичане изъ-за отсутствія дорогъ не могли передвигаться внутри острова. Грей установилъ далѣе, что маори вполнѣ способны къ усвоенію европейской культуры; „они любятъ земледѣліе, — характеризовалъ Грей маори въ одной изъ своихъ депешъ колоніальному секретарю, — съ удовольствіемъ занимаются скотоводствомъ и коннозаводствомъ; привыкли къ морю и даютъ хорошихъ моряковъ; привязаны къ европейцамъ, восхищаются ихъ обычаями и манерами; страстно желаютъ пріобрѣсти цивилизацію и изучить европейскіе навыки; они способны къ наукѣ, во многихъ отношеніяхъ крайне добросовѣстны и вѣрны слову, любятъ отличія и представляютъ, вѣроятно, самую честолюбивую народность міра“. При такихъ условіяхъ, можно было, по мнѣнію Грея, пріобщить маори къ жизни колонистовъ и установить довѣрчивыя отношенія къ нимъ.

Эти соображенія послужили руководствомъ въ первыхъ шагахъ управленія Грея: онъ подавилъ мятежъ маори тамъ, гдѣ онъ начался, но отказался сразу же отъ мысли открыть войну противъ всего туземнаго населенія; напротивъ того, онъ сдѣлалъ все, чтобы пріобрѣсти расположеніе послѣдняго, и это ему мастерски удалось. „Въ теченіе послѣднихъ восемнадцати мѣяцевъ, — доносилъ Грей въ Лондонъ въ 1849 г., — туземцы въ нѣдѣ случаевъ самымъ яркимъ образомъ показывали, насколько увеличилось ихъ довѣріе къ нашимъ учрежденіямъ и насколько они цѣнятъ преимущества, сопряженныя съ включеніемъ ихъ въ составъ британской имперіи“.

Когда напряженное положеніе, вызванное мятежомъ маори, прошло, Грей призналъ, что настало время осуществленія общаанныхъ въ 1846 г. политическихъ реформъ. Но реформы эти не могли быть осуществлены въ той формѣ, въ какой ихъ проектировалъ колоніальный департаментъ. Онѣ должны были, на его взглядъ, признать двѣ особенности новозеландскаго строя: необходимость мирнаго сожитія колонистовъ съ маори и разрозненность европейскихъ поселеній; призывая населеніе къ участию въ управленіи колоніи, англійское правительство должно было подыскать такія формы, которыя отвѣчали бы этимъ особенностямъ. Съ этою цѣлью сэръ Грей выработалъ и представилъ въ 1852 г. колоніальному секретарю проектъ, какъ онъ выражался, „приложенія англійской конституціи и ея соотношенія властей къ особымъ условіямъ“ Новой Зеландіи. Колонія, по его проекту, должна была бы распадаться на пять частей, съ тѣмъ, чтобы каждая изъ нихъ включала въ себѣ европейскія поселенія, настолько близкія другъ къ другу, что внутри ея съ успѣхомъ могло функционировать самоуправленіе; въ этихъ пяти провинціяхъ и должна была сосредоточиться главная политическая жизнь Новой Зеландіи; къ участию въ провинціальныхъ законодательныхъ совѣтахъ призывались на ряду съ третью членовъ по назначенію двѣ трети выборныхъ отъ населенія безъ различія расы; компетенція этихъ законодательныхъ совѣтовъ ограничена была лишь въ пользу общаго ново-зеландскаго парламента. Послѣдній въ глазахъ Грея являлся учрежденіемъ меньшаго при тогдашнихъ условіяхъ колоніи значенія и компетенція его опредѣлялась ограничительнымъ перечнемъ вопросовъ; сюда входили вопросы о таможенныхъ пошлинахъ и о высшемъ судѣ, о монетѣ, почтѣ, банкротствѣ, брачномъ законодательствѣ и т. д. Новая Зеландія превращалась такимъ образомъ въ союзное цѣлое, и верховный его законодательный органъ былъ какъ бы прообразомъ позднѣйшихъ союзныхъ парламентовъ Канады послѣ 1867 г. и Австраліи послѣ 1900 г. Онъ состоялъ изъ законодательнаго совѣта, члены коего выбирались провинціальными законодательными учрежденіями, и представительнаго собранія изъ депутатовъ отъ населенія.

Планъ Грея, съ небольшими измѣненіями въ подробностяхъ, былъ принятъ англійскимъ правительствомъ, и въ 1852 г. утвержденный королевою парламентскій билль (*An act to grant Representative Constitution to the Colony of New Zealand; 15 and 16 Vict., c. 72*) даровалъ Новой Зеландіи самоуправленіе въ формѣ союзнаго цѣлаго, обнимавшаго всѣ части населенія колоніи. Лишь

послѣ того, какъ англійское населеніе сдѣлалось достаточно плотнымъ, чтобы покрыть всю территорію Новой Зеландіи, признано было, что провинціальныя учрежденія, введенныя актомъ 1852 года, отслужили свою службу, и ихъ полномочія переданы частью въ руки центрального парламента, частью въ руки органовъ муниципальныхъ обычнаго типа (реформа 1876 г.).

Когда сэръ Грей вырабатывалъ планъ государственнаго устройства Новой Зеландіи, онъ ошибся лишь въ одномъ. Ему казалось необходимымъ, чтобы исполнительная власть колоніи была цѣликомъ сосредоточена въ рукахъ агентовъ короны; въ этомъ, по словамъ его, лежалъ залогъ благосостоянія всего населенія колоніи безъ различія расъ; „я не думаю,—прибавлялъ онъ,—чтобы большинство подданныхъ ея величества, живущихъ въ Новой Зеландіи, желало въ настоящее время, чтобы корона отказалась отъ своихъ въ этомъ отношеніи правъ“. Это былъ несомнѣнный оптический обманъ: дарованіе представительства, какъ свидѣтельствовало опытъ другихъ колоній, неминуемо влекло за собою требованіе отвѣтственнаго правительства. Черезъ два года „большинство подданныхъ ея величества, живущихъ въ Новой Зеландіи“, въ лицѣ нижней палаты парламента заявило свои права на дальнѣйшее развитіе самоуправленія колоніи. Переходъ къ строго парламентарному строю совершился слѣдующимъ образомъ.

Сэръ Грей былъ только-что переведенъ въ 1854 г. изъ Новой Зеландіи въ Капъ, гдѣ возникшія затрудненія требовали присутствія энергичнаго и способнаго агента, и во главѣ управленія Новой Зеландіи находился временный замѣститель губернатора Уиніардъ. Палата представителей, засѣдавшая въ столицѣ Новой Зеландіи, Окландѣ, 6-го іюня 1854 г. приняла и передала ему такой адресъ: „Наиболѣе важной изъ задачъ, которыхъ немедленнаго осуществленія желала бы палата, ради обезпеченія необходимаго контроля надъ провинціальной администраціей и ради укрѣпленія въ народѣ довѣрія и преданности общему правительству, является установленіе министерской отвѣтственности въ дѣлѣ направленія законодательной и исполнительной власти губернатора“. Временный губернаторъ былъ крайне смущенъ этимъ категорическимъ требованіемъ: онъ не рѣшился всецѣло вѣряться на свои ограниченныя полномочія и временный халтеръ своей миссіи и отвѣтитъ отказомъ палатѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не рѣшился санкціонировать рѣшеніе послѣдней и вышелъ въ тому заключенію, что „при отсутствіи спеціального полномочія правительства ея величества во власти губер-

натора лежить лишь приготовить осуществленіе резолюціи палаты представителей и съ этой цѣлью привлечь въ составъ правительства новыхъ людей въ числѣ до трехъ, взятыхъ изъ числа членовъ нижней палаты парламента“. Когда три члена нижней палаты были назначены на министерскія должности, запротестовала верхняя палата и потребовала, чтобы въ составъ правительства вошли и ея члены. Временный губернаторъ подчинился и этому требованію, назначивъ четвертаго министра изъ состава законодательнаго совѣта. Всѣ свои распоряженія онъ сообщалъ въ Лондонъ.

Прежде чѣмъ, однако, онъ успѣлъ получить отвѣтъ, нормальное теченіе государственныхъ дѣлъ было нарушено. „Нѣсколько первыхъ недѣль,—говоритъ современный документъ,—управленіе шло согласно и успѣшно. Рядъ важныхъ биллей былъ внесенъ въ парламентъ и принятъ имъ. Но по мѣрѣ того, какъ сессія подвигалась впередъ, возникли новыя обстоятельства. Образовалась сильная оппозиція, которая, хотя до сихъ поръ и была съ успѣхомъ отражаема правительствомъ, дѣлала сомнительнымъ, что можно будетъ вести государственный дѣла въ палатахъ безъ образованія сильной и единообразной администраціи въ составѣ лицъ, занимающихъ главные исполнительныя должности. Съ каждымъ днемъ дѣлалось все болѣе и болѣе яснымъ, что временный компромиссъ, принятый въ іюнѣ мѣсяцѣ, не будетъ имѣть успѣха“. Въ результатѣ четыре парламентскихъ министра заявили временному губернатору, что признаютъ невозможнымъ оставаться въ составѣ правительства и что они совѣтуютъ ему составить отвѣтственное министерство во всемъ значеніи этого слова (августъ 1854 г.). Уиніардъ пережилъ новыя минуты тревоги и колебаній; отвѣтъ изъ Лондона еще не былъ полученъ, а онъ рисковалъ тяжелымъ конфликтомъ съ палатами, съ невозможностью провести бюджетъ и необходимыя законодательныя мѣры въ перспективѣ. Въ концѣ концовъ онъ нашелъ слѣдующій выходъ; открывая послѣ короткаго перерыва сессію парламента, онъ заявилъ ему: „я предполагаю предложить на обсужденіе ваше билль объ установленіи полной министерской отвѣтственности... Этотъ билль, по принятіи его, будетъ, конечно, представленъ на благоусмотрѣніе ея величества“; онъ просилъ далѣе палаты принять бюджетъ и самыя неотложныя билли. Такое рѣшеніе удовлетворило палаты: онѣ обратились къ королевѣ съ петиціей, прося разрѣшить губернатору санкционировать билль объ отвѣтственномъ правительствѣ, который онѣ должны были принять, вотировали насущнѣйшіе законопроекты и разошлись,

чтобы вскорѣ собраться для разработки этого билля. Имъ не пришлось, однако, разрѣшать эту трудную законодательную задачу ¹⁾, ибо во время перерыва сессіи Уиніардомъ получена была, наконецъ, нетерпѣливо ожидавшаяся имъ отвѣтная депеша колониальнаго статсъ-секретаря.

„Спѣшу, — говорилось въ этой депешѣ, — увѣдомить васъ, что правительство ея величества не встрѣчаетъ никакихъ препятствій къ установленію въ Новой Зеландіи системы, извѣстной подъ именемъ отвѣтственнаго правительства. Оно не сомнѣвается, что эта система окажется наиболѣе пригодной для удовлетворенія интересовъ и пожеланій страны“. Всѣ колебанія Уиніарда и сложный выходъ изъ положенія, имъ придуманный, признаются колониальнымъ секретаремъ напрасными. „Я не понимаю, — продолжаетъ депеша, — взгляда, находящаго себѣ мѣсто въ представленной вами перепискѣ и въ вашемъ посланіи палатамъ 31-го августа, будто для перехода къ отвѣтственному управленію необходима какая-то законодательная мѣра. Въ нашей странѣ всѣми признанная система парламентскаго управленія, въ силу которой министры отвѣтственны передъ парламентомъ и ихъ присутствіе у власти практически зависитъ отъ голосованій двухъ палатъ, опирается не на писанномъ законѣ, а только на обычай“... Никакихъ законодательныхъ актовъ поэтому не нужно для введенія новой системы...; они были бы не только излишни, но и вредны, ибо препятствовали бы разнообразнымъ частнымъ мѣрамъ, которыя, вѣроятно, необходимы будутъ для осуществленія подробностей системы, по самой природѣ своей измѣнчивой“ (депеша 8-го декабря 1854 г.).

Замѣнившій въ 1855 г. Уиніарда новый губернаторъ, полковникъ сэръ Броунъ, составилъ первое новозеландское парламентское министерство, и съ тѣхъ поръ система „отвѣтственнаго управленія“ беспрепятственно функционируетъ въ этой колоніи.

VI.

Сороковые и пятидесятые года прошлаго столѣтія по справедливости могутъ быть названы эпохою великихъ колониальныхъ реформъ въ исторіи Англіи. Мы видѣли, что за промежутокъ

¹⁾ Какъ извѣстно, политическая отвѣтственность министровъ ни въ одномъ конституціонномъ законодательствѣ не формулируется въ точныхъ и опредѣленныхъ подробныхъ правилахъ.

пятнадцати лѣтъ не только найдены были и установлены планъ этой реформы (отчетъ Дергэма), но эта реформа осуществлена была во всей полнотѣ въ трехъ крупнѣйшихъ колоніальныхъ группахъ имперіи—Канадѣ, Австраліи и Новой Зеландіи. Оставалась за этотъ періодъ неосуществленною лишь реформа въ четвертой изъ крупныхъ колоніальныхъ группъ—южной Африкѣ. Здѣсь приведеніе въ исполненіе Дергэмовской схемы было задержано на нѣсколько десятковъ лѣтъ, и въ эпоху „великихъ колоніальныхъ реформъ“ былъ положенъ лишь первый камень на пути развитія автономіи одной части южной Африки—Капа.

Это обстоятельство не должно насъ удивлять. Южная Африка давно уже признана англичанами „крестомъ“ ихъ колоніальной политики, и дѣйствительно, нѣтъ числа затрудненіямъ, которыя имъ пришлось тамъ пережить; затрудненія эти происходили, прежде всего, изъ того, что англійскіе колонисты встрѣтились въ южной Африкѣ лицомъ къ лицу съ враждебными имъ негрскими племенами, которыя постоянно угрожали вторженіями извнѣ и мятежомъ внутри границамъ колоніи, и съ не менѣе враждебнымъ голландскимъ—бурскимъ—населеніемъ, въ наслѣдіе переданнымъ Англіи прежнимъ сувереномъ Капа—Голландіей; имперскому правительству приходилось почти непрерывно бороться за свою власть въ южной Африкѣ, то обороняясь, то переходя въ наступленіе. Спокойное и мирное развитіе колоніальнаго быта исключалось этимъ созданнымъ силою вещей положеніемъ, и вниманіе, какъ въ колоніи, такъ и въ метрополіи, постоянно отвлекалось отъ вопросовъ внутренняго благоустройства колоніи къ вопросамъ обезпеченія безопасности колонистовъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Въ Лондонѣ не могли столь же охотно снять съ себя отвѣтственность за ходъ дѣлъ въ южной Африкѣ, какъ ее сняла съ себя Англія и перенесла въ руки колонистовъ въ Канадѣ, Австраліи и Новой Зеландіи. Мы наблюдаемъ здѣсь одно коренное свойство англійской колоніальной политики. Говоря объ „Отчетѣ“ лорда Дергэма, мы старались показать, какъ въ глазахъ его автора рекомендуемая имъ автономія Канады являлась средствомъ служенія чисто имперскому идеалу; эта автономія была цѣнною не сама по себѣ во имя какого-либо идеала справедливости или отвлеченной политической концепціи, не была выстѣсъ съ тѣмъ вынужденнымъ даромъ, неизбежною и непріятною уступкою,—напротивъ того, Дергэмъ исходилъ изъ той мысли, что интересы имперіи, какъ цѣлаго, требуютъ, чтобы населеніе каждой изъ ея частей чувствовало себя полноправнымъ членомъ этого цѣлаго, ощущало свою солидарность съ Англіей и знало,

что Англія приносить ему блага свободы и самоуправленія. Этотъ идеалъ „консолидаціи“ имперіи, какъ стали теперь выражаться, вдохновлялъ всѣ великія колоніальныя реформы сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Тотъ же имперскій идеалъ явился помѣхою для быстрого перехода южной Африки къ режиму самоуправленія. Здѣсь Англія долго не могла быть увѣренною, что автономія послужитъ идеалу консолидаціи, и лишь послѣ того, какъ положеніе колоніи, которое описано выше, измѣнилось, она признала, что осуществленіе въ отдѣльныхъ частяхъ южной Африки самоуправления во всей его полнотѣ стало возможнымъ.

Первыя требованія политическихъ правъ начинаютъ поступать изъ Капа въ Лондонъ одновременно съ первыми подобными же требованіями изъ Новаго Южнаго Уэльса, т.-е. въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ. Мы знаемъ, что эти послѣднія требованія были быстро осуществлены въ актѣ Дерби. Одновременно тотъ же лордъ Дерби на требованія Капа отвѣтилъ отказомъ (въ 1842 г.). Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ англійское правительство, несмотря на то, что петиціи о дарованіи представительства продолжаютъ приноситься королевѣ, продолжаетъ оставаться совершенно холоднымъ; его вниманіе поглощено завладѣніемъ территоріи, занятой кафрами, на сѣверо-восточной границѣ Капа (British Kaffaria) и такъ называемаго „Государства Оранжевой Рѣки“ (Orange River Sovereignty), нынѣшней колоніи Оранжевой Рѣки, населеннаго бурами. Только вступленіе во власть министерства лорда Джона Росселя нѣсколько подвигаетъ впередъ политическую реформу въ Капѣ. Въ 1848 г. колоніальный секретарь графъ Грей отправилъ въ колонию запросъ о томъ, благопріятна ли минута для введенія представительства, и получилъ отъ губернатора утвердительный отвѣтъ. Колонисты Капа несомнѣнно желали реформы и желали ее настолько страстно, что губернаторъ для успокоенія ихъ поспѣшилъ заявить, что вопросъ уже официально поставленъ на очередь. Повидимому, только это разглашеніе переписки колоніального секретаря съ губернаторомъ, сдѣланное въ Капѣ, заставило перваго дать нѣкоторый ходъ дѣлу, ибо въ Лондонѣ попрежнему существовали опасенія за судьбы колоніи въ случаѣ ограниченія власти агентовъ короны. Въ концѣ концовъ правительство рѣшилось на эту мѣру, но уже самая форма, въ которую вылилась первая конституція Капа, свидѣтельствовала о томъ, что Англія не считала возможнымъ связать себя окончательнымъ образомъ. Мы видѣли, что всюду конституціонный строй вводился парламентскими актами; здѣсь признали достаточнымъ дать подписанныя

королевою полномочія (Letters patent) губернатору на созывъ представителей на основахъ, выработанныхъ капскимъ законодательнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ лицъ по назначенію (май 1850 г.).

Колонисты не довѣряли этому законодательному совѣту и протестовали противъ полномочій, данныхъ губернатору. Протестъ этотъ былъ настолько силенъ, что губернаторъ, сэръ Гарри Смитъ, попытался безъ разрѣшенія колоніальнаго секретаря привлечь въ составъ законодательнаго совѣта нѣсколькихъ лицъ по указанію колонистовъ; опытъ этотъ, напоминавшій то, что сдѣлалъ Уиніардъ въ 1854 г. въ Новой Зеландіи, не удался; „нечиновные“ члены совѣта скоро вышли въ отставку, надѣясь тѣмъ затруднить положеніе губернатора. Поступокъ сэра Гарри Смита вызвалъ самый рѣзкій выговоръ колоніальнаго статсъ-секретаря и приказаніе строго руководствоваться полномочіями 1850 г. Несмотря на новые протесты колонистовъ, англійское министерство ни на юту не отступило отъ своего плана и въ концѣ концовъ заставило колонію подчиниться. Представительство Капъ получилъ въ формѣ изданнаго губернаторомъ 3-го апрѣля 1852 г. закона (ordinance), утвержденнаго съ нѣкоторыми измѣненіями англійской административной властью 31-го марта 1853 г. (An Order of Her Majesty in Council to confirm (with Amendments) a certain Ordinance enacted by the Governor and Legislative Council of the Cape of Good Hope for constituting a Parliament for the said colony). Актъ этотъ создавалъ въ Капѣ двѣ палаты, законодательный совѣтъ и палату собранія, вѣряя имъ совмѣстно съ губернаторомъ законодательную власть колоніи.

Во время продолжительныхъ переговоровъ, приведшихъ послѣ долгихъ лѣтъ къ дарованію представительства Капу, англійское правительство самымъ категорическимъ образомъ заявляло, что оно никоимъ образомъ не согласится на переходъ колоніи къ „отвѣтственному управленію“; актъ 1852 (1853) года носитъ на себѣ слѣды этой заботы въ ст. 79, которая запрещаетъ министрамъ колоніи вотиловать въ палатахъ, т.-е. устраняетъ совмѣстимость должности министра и члена палаты, которая характерна для „отвѣтственнаго управленія“ или, какъ выражаются въ Англии, „управленія партій“ (party government).

Англійское правительство осталось вѣрнымъ этому заявленію и не допустило столь естественнаго послѣ дарованія представительства перехода Капа къ полному самоуправленію вплоть до того момента, когда положеніе колоніи измѣнилось. Лишь черезъ два десятилѣтія послѣ эпохи великихъ колоніальныхъ реформъ

допущено было въ Капѣ осуществленіе системы отвѣтственнаго управленія, да и то предварительно Капѣ раздѣленъ былъ на двѣ части, и въ наименѣе обезпеченной въ смыслѣ безопасности и порядка сѣверной его части (Наталѣ) эта реформа задержана еще на два десятка лѣтъ, а въ самомъ Капѣ одному изъ губернаторовъ пришлось скоро нарушить принципъ отвѣтственности управленія съ одобренія и санкции колониальнаго департамента.

Въ теченіе двухъ десятилѣтій, слѣдующихъ за дарованіемъ Капу представительства, въ существованіи его происходятъ слѣдующія существенныя перемѣны. Прежде всего, въ 1856 г. отъ него въ цѣляхъ административныхъ и военныхъ отдѣляется Наталь, передовой клинъ, входившій въ самое сердце тѣхъ племенъ, съ которыми южно-африканской администраціи приходилось вести непрерывную борьбу; это приводитъ къ тому, что оборона восточныхъ границъ англійскихъ владѣній дѣлается задачей управленія Натала и снимается съ управленія Капа. Затѣмъ, въ 1865 г. окончательно покоряется Британская Кафрарія, внутренняя область, занятая кафрами, о борьбѣ съ которыми пришлось уже упоминать; въ 1871 г. занимается такъ называемый западный Грикалендъ, составляющій отнынѣ передовой оплотъ Капа съ запада; устанавливается болѣе или менѣе устойчивый *modus vivendi* по отношенію къ бурскому населенію путемъ признанія существованія двухъ республикъ — Оранжевой Рѣи и Трансваала, и такимъ образомъ временно устраняется всякая виѣшняя опасность. Наконецъ, въ колоніи обнаруживаются брилліантовые росыпи, что, въ связи съ открытіемъ золота въ Трансваалѣ, сразу же увеличиваетъ внутреннее благосостояніе колоніи и цифру ея населенія. Совокупность всѣхъ этихъ условій измѣняетъ настолько фیزیономію колоніи, что мысль о дальнѣйшемъ движеніи на пути политической реформы перестаетъ уже казаться совершенно невозможною. Въ 1869 г. колониальный статсъ-секретарь предлагаетъ Капу обсудить вопросъ объ отвѣтственномъ управленіи. Оказалось, что колонисты отнюдь не единодушно желали перенесенія на нихъ отвѣтственности за судьбы края, — такъ велико было сознаніе трудности задачъ государственной власти въ Капѣ; только черезъ два года настроеніе измѣнилось, и нижняя палата приняла предложенный губернаторомъ законопроектъ объ измѣненіи конституціи колоніи, необходимымъ для введенія парламентарнаго строя; верхняя палата — выборная по силѣ конституціи 1852 (1853) года — отвергла его. Лишь въ 1872 году этотъ билль прошелъ обѣ палаты и претворился въ законъ. Подобно тому, что мы наблюдали уже въ

австралийскихъ колоніяхъ, переходъ къ отвѣтственному управленію не вылился въ форму какихъ-либо специальныхъ правилъ, регулирующихъ механизмъ новаго строя; въ биллѣ 1872 г. (Constitution Ordinance Amendment Act) было сказано о положеніи министерства лишь слѣдующее: главы пяти министерствъ „могутъ“ быть членами палатъ и „могутъ“ удалиться отъ власти „по политическимъ соображеніямъ“. Мы знаемъ уже, что въ англійскомъ правѣ двухъ такихъ постановленій достаточно для полного обновленія всего порядка управленія.

Колебанія, предшествовавшія введенію полного самоуправленія, нашли себѣ скоро оправданіе. Въ 1877 г. на сѣверо-западной границѣ и въ восточныхъ округахъ Капа одновременно вспыхнуло кафрское возстаніе. Тогдашній губернаторъ колоніи, сэръ Бартль Фриръ (Sir Bartle Frere), въ сознаніи угрожавшей англійскимъ владѣніямъ опасности, считалъ настоятельно необходимымъ вызвать имперскія вспомогательныя войска, но его отвѣтственное министерство, поддерживавшееся большинствомъ въ палатахъ, воспротивилось вызову. Фриръ сдѣлалъ попытку убѣдить министерство отказаться отъ возраженій, но послѣднее очень опредѣленно отвѣтило ему, что онъ—конституціонный монархъ въ колоніи, что вопреки „совѣту“ своего кабинета дѣйствовать не можетъ и что послѣдній доведетъ войну до конца собственными средствами. Послѣ того какъ министры попытались самостоятельно принимать военныя мѣры, не спрашиваясь губернатора, сэръ Фриръ рѣшился на рѣзкое нарушеніе установленныхъ въ 1872 г. основъ государственнаго строя и замѣнить прежнее министерство новымъ изъ дѣятелей меньшинства парламента. Несмотря на совершенную неконституціонность этого поступка, колоніальный парламентъ, собравшійся нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ изложенныхъ событій, въ концѣ концовъ, въ принципѣ не отказываясь отъ защиты системы отвѣтственнаго управленія, ратификовалъ рѣшеніе губернатора, а колоніальный секретарь передалъ ему „горячее одобреніе отъ имени правительства ея величества“ (1878 г.).

Въ часъ опасности англичане сумѣли поступиться строгою послѣдовательностью; но въ томъ отличительное свойство ихъ политической мысли, что они сознавали необходимость вернуться тотчасъ же въ рамки правового порядка, и этотъ случай съ сэромъ Фриромъ остался въ исторіи Капа единственнымъ въ своемъ родѣ.

При образованіи Наталя, какъ отдѣльной колоніи (1856 г.), на него возложена была, мы сказали, значительная часть отвѣтствен-

ности за неприкосновенность английскихъ южно-африканскихъ владѣній, лежавшей прежде цѣликомъ на Капѣ. Немудрено, что тамъ конституціонное развитіе запоздало еще больше. При учрежденіи колоніи ему даровано было представительство по той схемѣ, съ которой мы знакомы уже въ Австраліи (по акту 1850 г.): часть законодательнаго совѣта сдѣлана была выборною. Послѣ дарованія отвѣтственнаго управленія Капу, въ Наталѣ законодательный совѣтъ принялъ въ 1874 г. билль, дополненный въ 1875 г., по которому колонія получала одновременно нормальный двухпалатный парламентъ и отвѣтственное министерство. Колонисты не были твердо убѣждены въ томъ, что система эта будетъ отвѣчать условіямъ колоніи, и ограничили дѣйствіе закона 1875 г. пятилѣтнимъ срокомъ. Въ 1880 г. этотъ срокъ истекъ, и Наталь вернулся къ первоначальному строю,—строю колоніи наполовину коронной, наполовину обладающей представительствомъ. Незадолго до истеченія этого срока, колониальный парламентъ высказался за то, чтобы полное самоуправленіе, включая и отвѣтственное управленіе, было за нимъ сохранено, но лондонское министерство самымъ категорическимъ образомъ заявило въ отвѣтъ, что считаетъ полезнымъ отложить возстановленіе системы отвѣтственнаго управленія; лордъ Кимберлей, тогдашній колониальный статсъ-секретарь, ссылаясь для оправданія этого рѣшенія на то, что при отвѣтственномъ управленіи „колонія обязана будетъ сама защищать себя отъ внутреннихъ безпорядковъ и вѣншихъ вторженій“, что она не въ состояніи этого сдѣлать и что лондонское правительство „не будетъ считать себя отвѣтственнымъ за политику Натала, если послѣдняя будетъ стоять внѣ его контроля“. Конкретно въ этихъ словахъ заключался намекъ на недавно съ грѣхомъ пополамъ улаженный вооруженный конфликтъ съ Трансваалемъ, и этого было достаточно, чтобы придать много вѣса категорическому отказу лорда Кимберлея. Наталь ограничился принятіемъ въ 1883 году билля о реформѣ представительства въ смыслѣ возстановленія двухъ палатъ, и лишь въ 1893 году получилъ новую конституцію, въ основныхъ чертахъ схожую съ послѣдней конституціей Капа 1873 года и даровавшую колоніи самоуправленіе въ его полномъ объемѣ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія южная Африка пережила новый тяжелый кризисъ, по своимъ размѣрамъ превосходившій, можетъ быть, всѣ предшествовавшіе, — всѣмъ памятную англо-бурскую войну, — въ результатъ котораго Англіи достались двѣ новыхъ колоніи — Трансвааль и колонія Оранжевой Рѣи, изъ

которыхъ вторая почти цѣликомъ, а первая въ значительной своей части населена только-что героически отстаивавшими свою независимость бурами. Задачи политическаго устройства вновь прибрѣтенныхъ земель были крайне сложны, но и здѣсь Англія на нашихъ глазахъ осторожно и умѣло справляется съ ними. Уніонистское министерство, которое присоединило послѣ жестокой войны эти двѣ колоніи къ британской имперіи, включило въ мирный договоръ съ бурами 1902 года слѣдующую статью седьмую: „Военное управленіе въ Трансваалѣ и колоніи Оранжевой Рѣки будетъ по возможности скоро замѣнено гражданскимъ управленіемъ и, какъ только обстоятельства позволятъ, представительныя учрежденія, ведущія къ самоуправленію, будутъ дарованы“. Кабинетъ Бальфура выждалъ три года прежде, чѣмъ приступить къ осуществленію второй части даннаго въ этой статьѣ обѣщанія. Подписанный 31-го марта 1905 г. королемъ Эдуардомъ декретъ даровалъ представительство Трансваалю; вопросъ о введеніи его въ колоніи Оранжевой Рѣки былъ временно отложенъ. Смѣнившее въ концѣ 1905 года уніонистовъ либеральное министерство сэра Кэмпбелля Баннермана сдѣлало второй рѣшительный шагъ на пути дарованія автономіи и однимъ изъ первыхъ его актовъ было заявленіе, что оно введетъ отвѣтственное управленіе въ обѣихъ колоніяхъ. Эта реформа еще не осуществлена, и мы позволимъ себѣ лишь сослаться въ заключеніе этого очерка конституціонной исторіи южной Африки на недавнюю рѣчь колониальнаго секретаря либеральнаго министерства въ палатѣ лордовъ. Въ тронной рѣчи короля, которою открытъ былъ новый парламентъ, заключалось обѣщаніе даровать свободныя учрежденія двумъ южно-африканскимъ колоніямъ. Колониальному статсъ-секретарю приходилось защищать эту часть тронной рѣчи; этотъ колониальный секретарь носитъ имя лорда Эльджина и могъ съ справедливою гордостью сказать, отстаивая дарованіе самоуправленія голландцамъ южной Африки: „семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, мой дѣдъ (лордъ Дергэмъ) и отецъ (лордъ Эльджинъ) защищали и осуществили такую же реформу, и она создала намъ благоденствующую и вѣрную Канаду!“

Въ этой близости именъ лежитъ своеобразный символъ величія и послѣдовательности политическаго генія Англіи. Ни одна капля государственнаго опыта не пропадаетъ въ этой странѣ и великія традиціи прошлаго въ ней никогда не умираютъ. Лордъ Эльджинъ, защищающій политическія права голландцевъ въ южной Африкѣ, продолжаетъ дѣло отца, защищавшаго политическія права французовъ въ Канадѣ, и обоими руководить одинъ и

тотъ же великій идеалъ торжества англійской гражданственности „за морями“. И какъ эхо звучить почти одновременно произнесенная премьеромъ Канады, французомъ сэромъ Лорье въ Торонто, рѣчь: „Римская имперія знаменовала собою деспотизмъ, обезличеніе и поглощеніе всѣхъ частей въ одну массу. Пришелъ день, когда она не могла больше справиться съ своимъ объемомъ, и она разсыпалась на части. Британская имперія знаменуетъ собою свободу, децентрализацию, самоуправленіе. Она будетъ жить и никогда не умретъ“.

Баронъ Б. Нольде.

ВЪ ПОРОГАХЪ

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Окончаніе.

I *).

Весна случилась ранняя, дружная. Снѣга скоро осѣли подъ густымъ, ими же поднятымъ, влажнымъ туманомъ. Сразу, быстро и шумно, разлилась Пехорка,—затопляя дуга, прорывая плотины; а потомъ, такъ же быстро и сразу, отступила, установилась въ зазеленѣвшихъ берегахъ и мѣрно покатила ясныя волны, точно любуясь закипѣвшею вокругъ жизнью, распустившимися пышно деревьями,—вплоть до поздняго, недовѣрчиваго дуба.

Здоровье Нины Иракліевны только ухудшалось. Какой-то глубокий душевный недугъ укоренялся въ ней; ожившая, засіявшая природа не придавала силъ слабѣвшему организму. Все по дому лежало на Кэтъ и миссъ Кэрби, вѣрная англійская дружба которой только росла и крѣпла по мѣрѣ того, какъ скоплялось нерадостное.

Не радовали и ртищевскія хозяйственныя дѣла. Юрловъ хлопоталъ съ обычною своею суетливостью. То, что звалось у него „faire la navette“, не ограничивалось уже пространствомъ между Ртищевымъ и Глѣбовымъ, а захватывало городъ, „губернію“. Онъ скакалъ въ англійскомъ шарбанѣ, скакалъ на почтовыхъ,

¹⁾ См. выше: августъ, 507 стр.

нѣлъ какъ бы абонированнымъ купѣ перваго класса на желѣзной дорогѣ. Успѣховъ не видѣлось, однако. Ртищевскія нѣдра не хотѣли давать золота, грандіозныя предпріятія оставались проектами, въ хозяйственныхъ оборотахъ наступала финансовая тѣснота...

Ступинъ, на правахъ объявленнаго жениха, бывалъ въ Ртищевѣ часто, — прѣзжая запросто, верхомъ. За зиму онъ много переѣзжался — возмужалъ, отпустилъ длинные волосы, бороду; между бровями легла у него замѣтная складочка. Отношенія между нимъ и Катъ были дружескія, безъ банальной „жениховской“ близости, и они оставались на „вы“.

Все улыбалось ему. Шипы въ розахъ составляло лишь дѣло съ крестьянами, неожиданно встрѣтившее на пути свой „порогъ“...

Псевдо-юридическихъ препятствій, затормозившихъ обмѣнъ крестьянскаго надѣла на новый, насчитывалось тысяча и одно... Первымъ изъ нихъ оказывалась статья подлежащаго тома, гласившая, что „мѣняться недвижимостью воспрещено“...

II.

Уже больше недѣли держался душный зной, безъ всякаго вѣтерка. Городъ N проводилъ цѣлые дни какъ бы въ отдыхѣ — съ притворенными ставнями, съ опущенными сторами. Хозяева безпокоились за урожай въ садахъ, дамы — за цвѣты въ палисадникахъ. Радовались только прачки, устилавшія бѣлымъ песчанымъ отмели рѣки, — оно сохло мгновенно.

Воробьи неустанно „купались“ въ тонкой горячей пыли среди улицъ, пророча дождь, но только доказывали истину: „не всякому пророку вѣрь“...

Ступинъ жилъ въ единственной „лучшей“ гостинницѣ „Петергофъ“, надѣясь съ каждымъ днемъ уладить крестьянское дѣло. Каждое утро, едва начинала закипать чиновничья дѣятельная праздность, онъ отправлялся дежурить въ присутственныхъ мѣстахъ, скитаться по квартирамъ должностныхъ лицъ, пытаться осуществить какую-нибудь придуманную Модестовымъ хитрость миновать „пороги“. Не добившись ничего, онъ, усталый, пасмурный, обѣдалъ у себя, въ общей залѣ, служившей мѣстомъ уѣздныхъ свиданій; а потомъ укладывался спать вмѣстѣ съ курами, чтобы начать наутро день, похожій, какъ двѣ капли воды, на вчерашній...

Предполагалось оставить надѣлъ у крестьянъ и только при-

рѣзать имъ въ даръ лѣсу и луговъ, но тогда выходило, что одаряются уже не „крестьяне“, а потому—„дарить родовое воспрещается“. Совершить просто купчую—значило отказаться отъ всякихъ условій, дать пропить второй надѣлъ.

Ступинъ выслушивалъ доводы, напоминалъ слова, но напрасно старался освоиться съ ихъ логикой, не понималъ, какъ могутъ законы,—составляя высшее выраженіе добра и нравственности,—не только не помогать насущному доброду дѣлу, а еще и мѣшать ему...

Да трудно было и добиться чего-либо толкового вообще. Въ уѣздѣ продолжалось междуначаліе. Консерваторы, на всѣхъ путяхъ и при всякой возможности, старались гасить все Ветлугинское; разрозненные, недоумѣвавшіе либералы бездѣйствовали. Назойливый, пользовавшійся случаемъ, Платоновъ игралъ роль какъ бы главы уѣзда, велъ дружбу съ Макушевымъ, предлагая ему предводительство со своею программой, обѣщая успѣхъ на выборахъ. Самъ онъ не отваживался еще выступать. Сбитый съ толку Макушевъ не зналъ, которому богу молиться, корчилъ изъ себя ослѣвленную циркулярами особу, важно повертывался своимъ большимъ животомъ при ходьбѣ, точно предъявляя его публикѣ, а дворянскую фуражку вздергивалъ спереди такъ, чтобы кокарда была вся на виду.

Однажды, проходя по площади, Ступинъ увидѣлъ у бакалейнаго магазина дорожный тарантасикъ, запряженный парю соловыхъ коней съ свѣтлыми хвостами и гривами. Рыжій меланхолическій кучеръ хмурился негодующе на бившіе ему въ глаза яркіе лучи солнца и выпрастывалъ осторожно вожжу изъ-подъ хвоста жавшейся пугливо пристяжной.

Изъ магазина вышелъ господинъ въ широкополой соломенной шляпѣ и хотѣлъ сѣсть въ тарантасикъ, но вдругъ кинулся къ поровнявшемуся Ступину и воскликнулъ радостно:

— Васъ-то мнѣ и надо!

Ступинъ узналъ Сергѣя Данилыча Бельтищева.

— Вы въ городѣ? Чтѣ вы дѣлаете тутъ? Поѣдѣте со мной!— продолжалъ Бельтищевъ, съ обычною своею живостью. — Въ „Земскіе“! — приказалъ онъ кучеру, усадивъ Ступина въ тарантасъ.

Это значило: въ „Земскіе нумера“ — недорогую гостинницу въ отдаленной улицѣ, издавна облюбованную стѣзжавшими на собранія гласными изъ числа не особенно состоятельныхъ.

— Есть законъ—таинственный, но неопровержимый,—опредѣляющій быть недоброму всегда вкупѣ, а доброму врозь!—

сталъ говорить Бельтищевъ.—Исполняется это и у насъ теперь: надобное Платонову—само лънетъ къ нему; а тѣхъ, кто долженъ противовѣсь составлять недоброму, собирать надо и держать вотъ какъ-съ!

Поднятый сжатый кулакъ показывалъ, что держать надо крѣпко.

— ...На то и гнетъ, чтобъ гнести!—продолжалъ онъ.—Удивляться этому нечего! И тѣмъ сильнѣе нажимаетъ онъ, тѣмъ интенсивнѣе должно проявляться въ человѣкѣ желаніе вывернуться! Ха-ха-ха! Не такъ ли?.. Не стало Артемія Петровича, угасъ личный авторитетъ, но завѣты его остались, осталось дѣло... И вотъ я хлопочу связать концы, собрать стадо воедино, вдохнуть мужество...

Дальше оказывалось, что онъ „откупилъ“ на цѣлый мѣсяцъ „Земскіе нумера“, куда выписываетъ и затаскиваетъ всѣхъ Велугинскихъ сторонниковъ, ведетъ дѣло объединенія либераловъ, чтобы потомъ устроить въ залѣ клуба совѣщательное собраніе дворянства и столковаться относительно кандидата въ предводители.

— Намѣченъ кто-нибудь?—спросилъ Ступинъ.

— То-то и бѣда, что нѣтъ!—отвѣтилъ Бельтищевъ чуть не со слезами.—Хотите вы послужить?

Ступинъ невольно отшатнулся и посмотрѣлъ на усерднаго вербовщика.

— Какой я предводитель!—воскликнулъ онъ, разсмѣявшись.

— Но почему же?

— Ничего не смыслю я ни въ какихъ дѣлахъ!

— Э, полноте! Не боги горшки обжигаютъ!—возразилъ Бельтищевъ, обнимая его ласково за талію.—Нѣмцы обстоятельный, разсудительный народъ, а они говорятъ: „Кому Богъ дастъ должность, тому дастъ и разумъ“... Право! Кромѣ васъ, нѣтъ никого...

— Почему вы сами не хотите?

— Я служу-съ! Я—присяжный enfant terrible!.. Ха-ха-ха! И меня хозяйство мое держитъ! Ахъ, если бы не оно! А вамъ—стыдно...

— Дайте должность по способностямъ.

— Тогда въ кандидаты. А?

— Это пожалуй!.. Князя Г* просили бы въ предводители!

— Не пойдетъ. Отстранился онъ давно отъ всего...

— Какъ знать?

— Правда... И онъ, дѣйствительно, былъ бы замѣстителемъ, авторитетомъ! Надо попытаться!

„Земскіе нумера“, когда подъѣхалъ тарантасикъ, гудѣли точно улей. Въ залѣ, у буфета, шли оживленные толки, въ бильярдной стучали изо всѣхъ силъ шарами; сверху, изъ номеровъ, доносилось визжанье и хрипѣнье грамофона.

Бельтищева обступили. Начались дѣловые спросы-разспросы, поздравленія съ кандидатомъ въ кандидаты...

Рѣшено было просить въ предводители князя Г*. Ступинъ получилъ списокъ либеральныхъ гласныхъ и дворянъ, не имѣвшихъ возможности быть въ городѣ и которыхъ слѣдовало объѣхать, чтобъ оповѣстить о готовившемся.

III.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, Бельтищевъ выѣхалъ въ Никольское.

Укатанная дорога шла то зеленымъ пространствомъ высокоподнявшихся всходовъ, то хрящеватыми окраинами чернолѣсья. Втанувшія почтовые лошади—исхудавшія, со спутанными гривами, а пристяжная даже съ отвисшею отъ старости губой,—бѣжали неумоимо, въ горку брали такъ рьяно, что колокольчикъ совсѣмъ захлебывался.

Показалась живописная княжеская усадьба.

Невдалекѣ отъ нея, на полянѣ, обнесенной пряслами изъ жердей, видѣлись столы подъ ветлами, толпились одѣтый по праздничному народъ. Происходило одно изъ празднествъ, которыя устраивалъ князь крестьянамъ нѣсколько разъ въ годъ, по разнымъ хозяйственнымъ случаямъ. Поляна представляла тогда собою какъ-бы библейскій „убѣжный городъ“, дѣлая каждому на ней несудимымъ, безопаснымъ отъ всякаго начальственнаго вмѣшательства. Открывая празднество, князь чокался со стариками рюмкою водки и говорилъ:—„Здѣсь міръ хозяинъ, и за все нехорошее отвѣчаетъ міръ!“—Затѣмъ онъ удалялся къ себѣ, а начинавшій праздновать „міръ“ держалъ такъ успѣшно порядокъ, что даже самые завѣдомо-безпокойные гуляки рѣшались шумѣть только потомъ, у себя дома...

Встрѣтить вышелъ лакей Пантелеймонъ и, несмотря на свою престарѣлость, твердо и съ силою помогъ Бельтищеву выбраться изъ тарантасика.

Онъ провелъ его въ садъ, гдѣ также шло празднество. На „гигантскихъ шагахъ“ бѣгали крестьянскія дѣти; въ вѣковой липовой аллеѣ парни и дѣвки водили хороводъ.

Князь сидѣлъ за столикомъ, бесѣдуя съ волостнымъ старшиной и сельскимъ старостой.

— Съ гречихой отсѣялись! Празднуемъ!—сказалъ онъ, приветствуя гостя.—Честъ и мѣсто!

— Сергѣю Давидычу!—выкрикнулъ старшина, бывшій навеселѣ, но тутъ же, осудивъ себя мысленно за развязность, всталъ и поклонился.

Всталъ и староста.

— У меня къ вамъ дѣло, князь,—сказалъ Бельтищевъ.

— Радъ всегда!

Онъ взялъ его подъ-руку, и они прошли въ домъ.

Въ кабинетѣ, не присаживаясь и принявъ плохо дававшійся серьезно-торжественный видъ, Бельтищевъ заговорилъ:

— Я къ вамъ, князь, отъ лица дворянства... отъ той части его, которая остается вѣрна завѣтамъ покойнаго Артемія Петровича и считаетъ себя призванною служить общему благу, стоять за идеалы человѣчества!.. Безвременная утрата главы грозитъ разстройствомъ всему дѣлу. Вы—единственное лицо, могущее замѣстить, стать на стражѣ... Князь, дворянство проситъ васъ въ предводители!

Князь подвинулъ вѣстнику кресло, сѣлъ самъ и провелъ съ минутой въ сосредоточенной задумчивости.

— Благодарю дворянство и васъ, горжусь оказанною мнѣ честью,—отвѣтилъ онъ потомъ.—Но не знаю, могу ли я оказаться полезнымъ... Вскорѣ, пожалуй, не будетъ у меня и собственности въ уѣздѣ...

— Какимъ образомъ?

— Я продаю имѣнне...

Остановленный встрѣтившимися „порогами“, князь Г* не покинулъ намѣренія помочь никольскимъ крестьянамъ, а только намѣнилъ планъ. Онъ рѣшилъ обратить недвижимость въ деньги, распродалъ исподволь лѣсъ, отдѣльныя пустоши, велъ переписку съ столичными маклерами касательно Никольскаго и отдавался выработкѣ своего духовнаго завѣщанія, въ которомъ создавалась цѣлая система мѣръ къ упорядоченію быта, а съ нимъ и нравовъ.

— Князь!—воскликнулъ Бельтищевъ съ перевѣсившею все живостью.—Это—вздоръ! Это не можетъ быть помѣхой! Мы фиктивный цензъ устроимъ вамъ, я свое имѣнне подпишу! Дорого, чтобъ вы стали во главѣ! Вы согласны? Да?

Князь окидывалъ его изъ-подъ нависшихъ бровей ласково-грустнымъ взглядомъ. Искренность, юношескій пылъ при сѣдницахъ трогали его.

— Очень возможно, что отчужденность моя эгоистична, мало-уважительна... Нѣтъ правъ безъ обязанностей... личная печаль не можетъ быть важнѣе общей... — промолвилъ онъ съ чувствомъ. — Но что было, то было, и иначе быть не могло... Да при Артеміи Петровичѣ и не надобилось много работниковъ... Иное дѣло, когда борецъ легъ костями, а врагъ наступаетъ... Какъ же стоять дѣла? Что предпринимается? Рассказывайте!.. Впрочемъ, нѣтъ, погодите!

Медлительно повернувшись въ креслѣ къ столу, князь позвонилъ въ старинный серебряный колокольчикъ.

Явился камердинеръ Аеанасій.

— Шампанскаго намъ! Сказать Арсенію (повару), что обѣдаютъ у меня! — распорядился князь. — Ну-съ, такъ что же предпринимается?

И онъ сталъ спрашивать, куря усиленно папироску, вслушиваясь, хмурясь.

IV.

На Ступина встрѣча съ Бельтищевымъ произвела неожиданно-живительное дѣйствіе.

Томившія его какая-то усталость отъ бездѣлья, нервная разбитость, гнетущее сознаніе какой-то тяжести на душѣ — отошли. Онъ точно окрылился подъ вліяніемъ подступившихъ силъ, исполнился жаждою впечатлѣній, дѣятельности. Первое столкновение съ дѣломъ, съ дѣловыми людьми волновало въ немъ кровь, рисовало предъ нимъ все въ увеличенныхъ размѣрахъ. Миссія по-видаться съ дворянами представлялась ему какою-то исключительностью, требующею всѣхъ силъ, всѣхъ способностей...

Вернувшись въ „Петергофъ“, онъ немедленно потребовалъ счетъ, послалъ за Модестовымъ, чтобъ передать въ его вѣдѣніе безконечныя и бесплодныя хлопоты по крестьянскому дѣлу, и принялся укладывать свой чемоданчикъ.

Въ Пензѣ — всего восемь верстъ по старо-почтовой дорогѣ съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ березами — онъ прибылъ еще засвѣтло, на городскомъ извозчикѣ. А на утро, распорядившись всѣмъ надобнымъ, отправился колесить по уѣзду, начавъ съ Ртищева, гдѣ не былъ уже больше недѣли.

Тамъ встрѣтило его уныніе. На бывшемъ наканунѣ консилиумѣ Оболяниновъ и земскіе врачи нашли Нину Иракліевну очень больной и посоветовали поѣзду за границу — въ Біаррицъ или Трувилль. Къѣ ходила опечаленная, съ заплаканными гла-

зами. Ступина всегда трогала жившая въ ней нѣжная родственная любовь. Самъ онъ, совсѣмъ не знавшій семейной жизни, не помнившій матери, не имѣвшій сестеръ, понималъ эту область чувствъ только разсудкомъ, и какъ бы поучался у Кэтъ въ минуты ея скорби, притихалъ благоговѣнно. Онъ притихъ и теперь, отзываясь ей внутренно, не отходя отъ нея, и чувствовалъ, что она желаетъ этого, видѣлъ сердечность, свѣтившуюся въ ея опечаленныхъ глазахъ.

Какимъ неотложнымъ дѣломъ ни казались ему предстоявшія свиданія, но онъ остался провести день въ Ртищевѣ.

Къ обѣду пріѣхала Вѣра Артемьевна съ дѣтьми. Юрловъ проводилъ вторую недѣлю въ „губерніи“, по экстреннымъ дѣламъ, совпавшимъ какъ разъ съ началомъ скачекъ и открытіемъ лѣтняго кафэ-шантана въ городскомъ саду.

Наступившій тихій, чудный вечеръ провели въ паркѣ, въ галерей. Вѣра Артемьевна и миссъ Кэрби занимались хозяйственными разговорами. Ступинъ передалъ Кэтъ о своихъ городскихъ мытарствахъ, о цѣли предпринимаго странствія по уѣзду; выслушалъ ея жалобы на судьбу, закончившіяся тихимъ ропотомъ: — „Столько горя, столько горя, Матвѣй...“ — она такъ звала его.

Когда надъ далекими темными зубцами лѣса всплыла яркая луна, а посвѣтлѣвшій ночной сумракъ наполнили трепетныя тѣни, Ступинъ двинулся въ путь.

Вѣра Артемьевна осталась на нѣсколько дней около матери: надо было обсудить заграничную поѣздку, рѣшить вопросъ о свадьбѣ Кэтъ, о приданомъ.

Однажды утромъ ей доложили, что съ нею желаетъ говорить управляющій Феллеръ.

Она вышла къ нему въ залу.

Послѣ приличныхъ случаю извиненій, Феллеръ освѣдомился, можетъ ли онъ затруднить ее дѣловымъ разговоромъ.

— Мужъ будетъ, вѣроятно, на дняхъ, — отвѣтила она.

— Но я желалъ бы передать собственно вамъ... — сказалъ Феллеръ, остановивъ на ней взглядъ спокойныхъ блѣдно-голубыхъ глазъ и какъ бы поддерживая бѣлыми пухлыми пальцами гладко-выбритый подбородокъ. — Нина Иракліевна нездоровы, Катерина Артемьевна не вступаются въ дѣла...

— А я — чужая въ ртищевскихъ дѣлахъ... Развѣ есть что-нибудь крайне-необходимое?

— Да-съ...

— Что же такое?

Она указала ему на стулъ, по одну сторону стола, и присѣла сама по другую.

Феллеръ, пунктуально и съ отличительной нѣмецкой безстрастностью, сталъ передавать, что ртищевскія дѣла замѣтно пошатнулись, что начинаютъ поступать въ протестъ векселя, что не предвидится возможности располагать надобными суммами на предстоящую уборку хлѣба...

Онъ пріостановился и посмотрѣлъ на нее, какъ бы спрашивая: все ли высказывать?

Вѣра Артемьевна вздрогнула и потупилась. Подумавъ, она подняла на него вопросительный взглядъ.

— Текуція поступленія Григорій Васильевичъ обращаютъ на извѣстныя имъ надобности, а ходъ хозяйства поставленъ въ зависимость отъ успѣха раскопокъ... неосуществимыхъ предприятий...— продолжалъ Феллеръ.—Послѣдній срокъ платежа въ банкъ прошелъ, и имѣніе можетъ быть назначено въ продажу...

— Я передамъ мужу... — промолвила она, то краснѣя, то блѣднѣя.

Феллеръ снова, но уже задумчиво, подперъ бѣлыми пальцами свой подбородокъ.

— Передавать что-либо Григорію Васильевичу—излишне...—сказалъ онъ.—Я безпокоилъ васъ въ надеждѣ, что вы сами вступите въ дѣла... примете мѣры... А если нѣтъ, то я прошу уволить меня.

Онъ всталъ и поклонился.

Вѣра Артемьевна сидѣла, какъ убитая. Мысли метались у нея въ головѣ; разсудокъ отказывался схватить все сразу, обсудить.

— Нѣтъ, Францъ Карловичъ, вы оставайтесь!—сказала она, вставъ и подавая ему руку.—Благодарю васъ за... разъясненія... Я подумаю. И если надобно мое вниманіе, то необходимо и ваше содѣйствіе.

Они разстались.

Вѣра Артемьевна, какъ въ туманѣ, миновала рядъ комнатъ, вышла чрезъ балконную въ паркъ, гдѣ на дорожкѣ кричали, играя, дѣти. Но растревоженные нервы не позволяли выдерживать ни шума, ни яркыхъ, ослѣпляющихъ красокъ дня. Она направилась въ глубь парка, и долго бродила тамъ въ тѣнистой, пустынной аллеѣ, разбираясь въ тѣснившихся мысляхъ, обдумывая, соображая...

Она не была героиней, не стремилась ни къ чему исключительному. Представленія ея были ясны и опредѣленны, правила—

тверды и естественны. И она такъ же естественно находила, что замужество—рискъ, и рискъ безповоротный, что семейный разрывъ ради услажденія собственныхъ чувствъ—недостойнъ истинной семьянинки; что дѣйствительная драма—не въ бурныхъ взрывахъ ради себя, ради своего личнаго, а въ готовности покориться выпавшему долгу, нести свой крестъ. Когда, мало-по-малу, она сознала, убѣдилась, что мужъ—далеко не совершенство, которое создали изъ него ея дѣвическія мечты, что частыя „дѣловыя“ отлучки его тѣсно связываются съ клубами, актрисами... что и самыя дѣла не въ весьма блестящемъ порядкѣ, она, правда, почувствовала обиду, испугъ, приступъ тоски о чемъ-то утраченномъ, погибшемъ... Но потомъ, такъ же мало-по-малу, пришла къ рѣшенію, что предъ нею не обида, а суровый опытъ, что его слѣдуетъ понять, пережить, что надо не малодушествовать, а нести твердо крестъ.

И она стала нести этотъ крестъ.

Она отдалась вся дѣтямъ, нашла утѣшеніе въ нихъ. Она отказалась отъ тратъ, отъ удовольствій, отъ жизни, сдѣлалась деревенскою хозяйкой, домохозякой въ Глѣбовѣ. Она все затаила въ себѣ, сжилась съ самою мыслью о необходимости этого, не выказывала ни однимъ косымъ взглядомъ неудовольствія мужу, не обмолвилась ни одною жалобой предъ отцомъ, предъ матерью.

Она не ждала ничего больше отъ грядущаго, не считала себя ни обвинительницею, ни судьей мужа и была заранее готова пережить всякое новое испытаніе, принести всякую жертву.

И испытаніе приходило неожиданно-негаданно. Съ интересами мужа связывались интересы близкихъ; долгъ передъ матерью и сестрой сталкивался съ чувствами жены...

Когда она возвращалась, въ самой походкѣ ея видѣлась точно старческаая разбитость; лицо было мертвенно-блѣдно. Переведа слышанное на простой, ясный языкъ, она знала, что Юрловъ запуталъ ртищевскія дѣла, растратилъ экономическія суммы; что опасность велика, если честный благовоспитанный труженикъ Феллеръ рѣшился вмѣшаться, выступить обвинителемъ мужа передъ женой; что къ малопохвальнымъ обычнымъ поступкамъ прибавилось нѣчто, при представленіи о чемъ она повторяла только, съ внутреннимъ содроганіемъ: „грязь, грязь, грязь“...

Въ окнѣ балконной виднѣлся наклоненный надъ пальцами профиль Кэтъ.

Вѣра Артемьевна повернула въ сторону по дорожкѣ и вышла къ заднему крыльцу дома. Ей было и боязно, и стыдно, и грустно вскрѣтаться теперь съ сестрой. Она боялась выдать безвременно

себя, огорчить ее; хотѣла обдумать обстоятельства, освоиться съ неожиданностью, въ надеждѣ взглянуть на все потомъ спокойнѣе, трезвѣе.

V.

Въ тотъ же день Вѣра Артемьевна отправилась въ Глѣбово.

На подорогѣ она свернула на желѣзнодорожную станцію и послала оттуда подробную телеграмму брату въ Петербургъ, извѣщая о плохомъ ходѣ дѣла, прося пріѣхать немедленно.

Отвѣтъ получился на слѣдующій день, эстафетой изъ города, — простой и короткий: „Пріѣхать не могу. Вручаю все тебѣ. Поступай какъ знаешь“, — телеграфировалъ Иванъ Артемьевичъ.

Все толкало въ развязкѣ, и Вѣра Артемьевна нашла въ себѣ силы не противиться.

Вызванный телеграммой по „важному дѣлу“, Юрловъ явился утромъ, спустя сутки.

— Что случилось? — безпокойно спросилъ онъ, видя заплаканные глаза, блѣдное лицо жены.

— Мы должны поговорить о ртищевскихъ дѣлахъ...

— О чемъ? — перебилъ съ удивленіемъ Юрловъ, запустивъ руки въ карманы фантастическаго дорожнаго вестона и всматриваясь въ жену. — Почему это пришло тебѣ въ голову?

— Вы должны знать, въ какомъ они положеніи, — продолжала Вѣра Артемьевна. — Все растрчено... тамап, Кэтъ... разорены... Надо искать выхода...

Она умоляла, задыхаясь отъ волненія, не справляясь съ тѣснившимися въ головѣ мыслями.

— Наболтали! Кто тебѣ наболталъ? Какъ ты можешь слушать! — заговорилъ Юрловъ, хлопнувъ себя по боку и морщась иронически.

— Еслибы наболтали!... — отвѣтила Вѣра Артемьевна.

Спокойствіе возвратилось къ ней. Блѣдная и серьезная, съ твердою рѣшимостью въ голосѣ, она передала слышанное отъ Феллера, показала телеграмму брата.

Юрловъ вспыхнулъ, закручивая смущенно усы обѣими руками.

Онъ давно зналъ и самъ, что зарвался въ ртищевскихъ дѣлахъ, что развязка когда-нибудь должна наступить, и только закрывалъ инстинктивно глаза на неизбежное, не давалъ воли мыслямъ въ этомъ направленіи. Да не легко было и передѣлать себя, разстаться съ врожденною вѣрой въ шальной успѣхъ... Чего не ожидалъ онъ, — такъ это натиска со стороны своихъ, развязки такой всесторонней.

Прожаживаясь по гостиной, онъ закурилъ папироску, затаился нѣсколько разъ, чувствуя, при обезпокоенныхъ нервахъ, особенную пріятность отъ куренья и быстро строя въ то же время мысли въ головѣ.

— Такъ нельзя однако, Вѣра... — заговорилъ онъ, хмурясь и съ суровостью. — Долгъ жены — не оппозицію дѣлать мужу, а быть... согласной съ нимъ, стоять за его... за общіе свои интересы...

— И... растрачивать?

Юрловъ вдрогнулъ, точно ужаленный, и искоса посмотрѣлъ на стоявшую у окна жену. Онъ всегда былъ увѣренъ, что знаетъ ее насквозь, что можетъ положиться на ея преданность, и теперь поражался, недоумѣвалъ.

— Ну, ты смотри... смотри сама, что за безсмыслица выходитъ! — сталъ говорить онъ, пропуская колеость мимо ушей и переходя къ добродушной наставительности. — Представь, что ты хотѣла... платье сшить, скажемъ... стала кроить... И вдругъ, когда ты нарѣзала понятные только тебѣ кусочки, матерію взяли... отняли! Что же вышло? Ни платья, ни матеріи! Виновата ты, или кто? А?... То же самое и съ ртищевскими дѣлами! Нельзя такъ — взялъ, вырвалъ, когда человѣкъ дѣлаетъ... планы свои жить!

Вѣра Артемьевна молчала.

— И эти рассказы Феллера?... А? — продолжалъ Юрловъ. — Прилично ли, чтобъ ты выслушивала ихъ, — ты, хозяйка, жена?... Не сумбуръ ли выходитъ теперь? Кю господинъ долженъ быть въ Ртищевѣ? Я? или Феллеръ?

— Всѣми дѣлами Феллеръ будетъ заниматься... — отвѣтила Вѣра Артемьевна.

Юрловъ позеленѣлъ. Злость, стыдъ подступали къ нему; съ дѣтства привытая выдержка покидала его.

— Тогда нога моя не будетъ въ Ртищевѣ! — воскликнулъ онъ, выпрямивъ грудь и сверкнувъ глазами.

— А довѣренность... бумаги? Когда вы можете прислать мнѣ все это?

— *Прислать?* Я не понимаю васъ!

— Я должна буду жить въ Ртищевѣ... Я обязана... предъ братомъ, предъ всѣми... заняться, спасти, что можно...

Она умоляла, сдерживая волненіе и отвернувшись лицомъ къ окну.

Юрловъ сразу, безотчетно понялъ смыслъ ея словъ, и такъ же безотчетно, не останавливаясь на этомъ смыслѣ, какъ на чемъ-то

слишкомъ невѣроятномъ, — проговорилъ съ напускною шутливостью:

— Что это? *Séparation de corps*?

— О *séparation de biens* уже поздно думать... — послышалось въ отвѣтъ.

Наступило молчаніе. Со двора доносилось истерическое сопереживание скворцовъ, какъ бы похвалявшихся своими мастерскими напѣвами — „кляканьемъ“, „ржаньемъ“, „полукураantomъ“... Раздумывавшій Юрловъ прохаживался по комнатѣ, закручивая усиленно усы, постукивая каблуками.

— Что съ вами, Вѣра? Я не узнаю васъ! — заговорилъ онъ, надумавшись. — Это... это... — Онъ повертѣлъ пальцемъ передъ лбомъ и продолжалъ: — Тамъ, на курсахъ всякихъ, люди безъ правилъ, безъ религій, могутъ сходиться, расходиться, видать другъ друга... Но чтобъ женщина воспитанная, давшая обѣтъ предъ алтаремъ... Это... это... Я не понимаю!..

Онъ продолжалъ морализировать, овладѣвая все больше и больше собою, осѣдывая своего охранительскаго *cheval de bataille*, превращаясь въ наставляющаго протестантскаго пастора.

Вѣра Артемьевна, повернувшись, смотрѣла на мужа, но не видѣла ничего предъ собою: глаза застилало у нея, въ горлу подступали судороги. Она до послѣдней минуты ждала объясненія, оправданія, надѣялась безотчетно на что-то. *Женщина* тихо и непримѣтно шевелилась въ ней, сердце готово было побѣдить волю, рассудокъ, готово было простить, примириться со всякою истиной... Прописная мораль, безъ связи съ тѣмъ, что внутри у оратора, и оскорбила, и ожесточила ее.

— Вы, не бывшій ни на какихъ курсахъ, прикрывающійся во всемъ правилами, религіей, чѣмъ похвалитесь вы? какими поступками? — стала отвѣчать она, выпрямившись и окаменѣвъ, точно статуя. — Вы, влывшійся предъ алтаремъ, обездолили дѣтей, кутя съ актрисами... Да, да! Всѣмъ извѣстны похождения ваши, и покойный рара зналъ о нихъ! — подтвердила она, видя протестующій жестъ мужа. — Вашими правилами руководятъ аферы, векселя, учеты... Ваша религія не помѣшала вамъ разорить беззащитныхъ близкихъ... промотать ихъ деньги...

Изумленный, уничтоженный Юрловъ отступилъ, моргая растерянно глазами. Въ грозный, мстительный призракъ выростала предъ нимъ покорная, всегда сдержанная жена.

— Вѣра... вы любите меня когда-то... — пробормоталъ онъ.

— Вы хотите и это... *учесть*?.. — отвѣтила она, выговоривъ твердо и презрительно ставшій давно ненавистнымъ ей терминъ.

Силы оставляли ее, слезы готовы были хлынуть. Не взглянувъ на мужа, не шевеля ни однимъ мускуломъ мертвенно-блѣднаго лица, она прошла въ смежную комнату и затворила за собою дверь.

VI.

Не раздвѣваясь, чувствуя себя, и отъ дорожныхъ неудобствъ, и отъ чрезмѣрнаго напряженія нервовъ и мыслей, совсѣмъ измученнымъ, Юрловъ повалился на диванъ въ кабинетѣ и заснулъ скоро, крѣпко—точно умеръ.

Проснулся онъ уже въ сумеркахъ и, поднявшись торопливо, сѣлъ на краю дивана, остановленный охватившими его вдругъ мыслями.

Все какъ-то не ладилось за послѣднее время. Лакей-камердинеръ запылъ, и его пришлось прогнать. Поваръ, уличенный въ стачкѣ съ наѣзжавшимъ мясникомъ, ходилъ сумрачный, въ ожиданіи кары, negliжировалъ обязанностями. Отправляясь въ „губернію“, Юрловъ рѣшилъ взять тамъ камердинера и повара. По обыкновенію, все откладывалось до послѣдняго дня. И все сдѣлалось бы, еслибъ не телеграмма...

Тутъ мысли обратились въ случившемуся, и Юрловъ всталъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не думать теперь объ этомъ.

Явившійся поваръ Лаврентій сталъ служить за камердинера, не умѣя ни разуть барина, ни подать какъ должно халать. Всегда взыскательный и капризный, Юрловъ не вспыхивалъ теперь, не дѣлалъ выговоровъ. Онъ вообще чувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то необычайной, спорадической снисходительности. Глядя на хмурое усатое лицо повара съ торчащими сѣдыми вихрами вокругъ лысины, онъ испытывалъ какъ бы раскаяніе предъ нимъ, находилъ, что вина его — собственно говоря, не вина, а лишь традиціонная профессиональная „коммерція“...

Юрловъ узналъ, что Вѣра Артемьевна съ дѣтьми отправилась въ Ртищево, и сдвинулъ сурово брови. При вопросѣ: не угодно ли кушать?—онъ только показалъ отрицательно головою, забралъ со стола послѣдніе французскіе романы, японскій бронзовый ножъ и улегся снова на диванъ.

Лежа навзничъ и держа стоймя на груди книжечку, онъ перевернулъ двѣ-три начальныхъ страницы. Затѣмъ мысли оторвались отъ строчекъ, побѣжали куда-то... Вспомнились, ни съ того, ни съ сего, изъ военной исторіи слова Благословеннаго вѣнценосца: „Il y avait des circonstances, où il fallait songer

de préférence à sa propre conservation"... Точно всплывая изъ темной глубины, стало скапливаться нерадостное... Онъ гналъ его, оправдываясь самъ предъ собою, вина обстоятельства; но оно вторгалось снова и снова...

Изъ дальнихъ комнатъ донесся медленный, мелодичный бой часовъ, звуча какъ съ башни. Они пробили полночь.

Юрловъ всталъ, изумляясь, что такъ быстро мелькнуло время. Голова была у него точно свинцомъ налита, на душѣ лежала смутная, мучительная тягость чего-то содѣяннаго...

Въ домѣ все уже спало.

Онъ взялъ лампу и пошелъ черезъ рядъ комнатъ въ столовую, ощущая какую-то успокоительную отрадность отъ одиночества, отъ царившей тишины.

Въ буфетѣ онъ отыскалъ графинъ съ водкой и выпилъ нѣсколько рюмокъ подрядъ, стараясь заглушить томившую его тягость. Вообще, онъ могъ выпить много. Онъ и пилъ много, но всегда соединялъ это съ бесѣдой, съ развлеченіемъ, съ тѣмъ, что зовется: „вутежъ“. Въ одиночку, по-„фельдфебельски“, онъ не могъ пить. У него и теперь, при попыткѣ выпить еще, явилось отвращеніе. Нерадостное все-таки отшатнулось, уступая мѣсто надеждамъ, веселости...

На слѣдующій день получилось съ посланнымъ письмо отъ Вѣры Артемьевны. Очевидно, со словъ Феллера, она просила прислать списокъ учтенныхъ векселей и кассовую книгу. Это совсѣмъ сгущало тучи. Векселя отъ имени наслѣдниковъ учитывались и для глѣбовскихъ, и для влубныхъ надобностей... Въ книгѣ съ надписью на ярлыкѣ: „Ртищевская касса“ не могъ бы разобраться никакой бухгалтеръ... Сперва думалось, что недочетъ можно будетъ „погасить прибылями отъ предпріятій“, или отнести на счетъ жениной наслѣдственной части, а потомъ... ничего не думалось... Теперь требовалось подвести итоги.

Разложивъ на письменномъ столѣ бумаги, Юрловъ принялся было работать; но вдругъ, осявненный мыслью, рѣшилъ отправить все такъ, какъ оно есть, — радуясь, что противъ него выступаетъ жена, а не официальный безпощадный повѣренный...

VII.

По приѣздѣ въ Ртищево, Вѣра Артемьевна тотчасъ же вызвала Феллера, и они пробесѣдовали въ угловой вплоть до самаго обѣда.

Вечеромъ, выйдя отъ матери, она поднялась къ Кэтъ.

Та была уже въ ночномъ капотѣ, собираясь ложиться спать.

— Что съ тобою? Ты разстроена?—сказала она, сжимая холодныя руки сестры съ слабо державшимися кольцами на тонкихъ пальцахъ.

— Намъ надо поговорить...

Кэтъ испуганно посмотрѣла на нее, подвинула ей стулъ, и онѣ сѣли у туалетнаго столика.

Пока Вѣра Артемьевна передавала слышанное отъ Феллера и дальнѣйшее, Кэтъ взглядывала на нее, сложивъ руки на груди и сжимаясь вся. Выраженіе лица у нея было странное, необычное—она какъ бы состарилась вдругъ подъ охватившею ее серьезностью; въ ласковыхъ сапфирныхъ глазахъ засвѣтились твердость и вдумчивость.

— Я должна завтра же написать Матвѣю... Быть можетъ, онъ въ Пенъбахъ уже...—промолвила она.

— О чемъ написать?

— Чтобы онъ пріѣхалъ. Онъ долженъ знать...

— Это лишнее пока... Я давеча говорила съ Феллеромъ: онъ приведетъ все въ ясность, обдумаетъ; тогда и видно будетъ.

Кэтъ какъ бы согласилась, но тутъ же заговорила, вставъ и прохаживаясь безпокойно по комнатѣ:

— Какъ же лишнее? Ни о расходахъ, ни о приданомъ мы теперь и думать не можемъ... свадьбу отложить надо... Матвѣй долженъ знать... я должна объясниться... Ты понимаешь?

— Не волнуйся только...

Вѣра Артемьевна, тая свои внутреннія слезы и утѣшая сестру, стала доказывать ей, усадивъ ее на мѣсто, что свадьбу, во всякомъ случаѣ, надо отсрочить до возвращенія Нины Ираклевны; что къ тому времени можно будетъ устроиться и насчетъ расходовъ, насчетъ всего...

— Помнишь правило рара?—заклчила она съ оживленіемъ и тряхнувъ энергично кудрями. Чѣмъ важѣе дѣло, тѣмъ больше требуетъ оно силъ и меньше тревоги...

— Мамѣ ты говорила о томъ, что случилось?..

— Какъ можно! Ее надо скорѣе, скорѣе отправить!.. Я сейчасъ отъ нея: она предпочитаетъ Біаррицъ, чѣмъ Трувилль съ его вульгарною суетой...

На слѣдующій день ртищевскій домъ наполнился хлопотами. Въ комнатахъ Нины Иракліевны шла укладка; укладывалась и миссъ Кэрби, отправлявшаяся съ нею въ качествѣ *dame de compagnie*. Домъ принимала въ свое вѣдѣніе Вѣра Артемьевна, сокращая штатъ прислуги, запирая парадныя комнаты.

Дѣятельная, подвижная, знакомая практически со всѣмъ хозяйственнымъ, она ничего не упускала изъ виду, входила во все, точно на душѣ у нея только эта забота и была... И она, дѣйствительно, какъ-то совсѣмъ равнодушно переносила свой разладъ съ мужемъ, удивлялась сама, что побѣда надъ собою далась ей такъ легко, просто... Она не подозрѣвала, что боролась въ себѣ не съ чувствами уже, а лишь съ бранными остатками ихъ; что дѣйствительная борьба шла давно уже—тихо, безсознательно...

Вскорѣ Кэтъ получила записочку отъ Ступина. Онъ писалъ съ полпути, сообщая восторженно, съ восклицательными знаками, объ успѣхахъ либеральной партіи, общая поразсказать многое, многое при свиданіи.

Прошло, однако, нѣсколько дней, а онъ не являлся. Кэтъ отправила ему письмо въ Пенъки, извѣщая о днѣ отъѣзда матери. Но онъ не возвращался еще, и письмо оставили тамъ. Онъ явился на проводы уже на желѣзнодорожный вокзалъ, верхомъ, только-что возвратившись и тотчасъ же поскакавъ.

На обратномъ пути сестры взяли его къ себѣ въ коляску и засыпали разспросами.

Онъ сообщилъ, что либеральное движеніе въ уѣздѣ растетъ, и тѣ, съ которыми видѣлся онъ, общали работать съ своей стороны, что вѣсть о согласіи князя Г* быть предводителемъ обезкураживаетъ вездѣ консерваторовъ.

Сестры, впервые слышавшія эту вѣсть, встрѣтили ее радостно и захолопали въ ладоши.

— Завтра будетъ въ клубной залѣ собраніе дворянъ,—продолжалъ Ступинъ.—Князь познакомится тамъ съ дѣятелями и обмѣняется мыслями. Мнѣ надо спѣшить въ городъ, и я попрошу у васъ верховую лошадь, потому что мой „Вьюнъ“ приуσταлъ...

— Но вѣдь собраніе завтра!—возразила Кэтъ.

— Да. А мнѣ необходимо видѣться съ Бельтищевымъ и другими сегодня, чтобъ передать о томъ, чтѣ должно быть извѣстно къ завтраму.

— Рыжій „Чарльсъ“, на которомъ мужъ ѣздитъ, живо до-
мчитъ васъ!—сказала Вѣра Артемьевна.

— Моего „Зефира“ возьмите!—предложила Кэтъ, положивъ
ласково свою ручку на руку Ступина.

Шелъ всего третій часъ, и у Ступина оставалось достаточно
времени, чтобъ побыть въ Ртищевѣ.

За чаемъ, раздумывавшая о чемъ-то Кэтъ заговорила, обра-
щаясь къ Ступину:

— Мнѣ очень, очень хочется взглянуть на ваше собраніе,
и у меня вотъ какія мысли: я приѣду къ началу, къ часу дня,
а потомъ вы проводите меня сюда и будете обѣдать у насъ;
если же собраніе кончится поздно, и вы задержитесь, то мы
пообѣдаемъ въ „Петергофѣ“, вдвоемъ, и приѣдемъ сюда къ чаю,
къ вечернему... Вы не были въ настоящемъ Петергофѣ? Нѣтъ.
А я была, съ папой, и фонтаны видѣла... Какъ вамъ нравится
мой планъ? Вы ничего не имѣете противъ? Скажите!

— Развѣ тутъ можетъ быть вопросъ, Кэтъ?—отвѣтилъ Сту-
пинъ, смотря на нее влюбленными глазами и тая отъ восторга.

— Я знала, что вы будете такой милый!

— А я не знала, что ты такая... Лорелея...—сказала,
разсмѣявшись, Вѣра Артемьевна, подмигивая женское лукавство
сестры.—Отчего ты не спросишь у Матвѣя Николаевича: что
станутъ говорить въ городѣ, увидѣвъ тебя одну?

— Ахъ, это мнѣ все равно!—воскликнула Кэтъ, зардѣв-
шись.—И почему одна, когда я съ женихомъ? Не такъ ли,
Матвѣй?

— И мнѣ кажется, Вѣра Артемьевна, что на городъ нельзя
вообще угодить,—сказалъ Ступинъ, поддерживая восхищавшій
его планъ Кэтъ.—Кумушвамъ рай не въ рай безъ разговоровъ,
и онѣ отыщутъ поводъ во всемъ!

VIII.

Пробудившись на утро, городъ К* самъ не узналъ себя...

По улицамъ, несмотря на совсѣмъ раннюю пору, сновали
экипажи всякихъ фасоновъ; у гостиницы „Петергофъ“, на пло-
щади, былъ цѣлый сѣздъ, а изъ раскрытыхъ оконъ залы несли
немолчный праздничный шумъ; умывшіеся, выбрившіеся городо-
вые щеголялы новенькими сѣрыми шинелями и охорашивались.
Къ этому, въ соборѣ благовѣстили, по какому-то каноническому
случаю, въ большой колоколъ, наполняя гуломъ воздухъ, по-

трясая старенькія оконныя рамы въ окружныхъ обывательскихъ домахъ...

Готовившееся въ клубной залѣ собраніе дворянъ выросло на этотъ разъ въ цѣлое событіе, заинтересовало всѣхъ, подняло на ноги полицію.

У предводителя Макушева собрались: Платоновъ, исправникъ и инвалидный начальникъ Шубинъ—какъ глава могущей потребоваться военной силы.

Платоновъ приравнивалъ случай къ экстренному дворянскому собранію и оказывалъ „давленіе“ на Макушева, требуя, чтобы тотъ или „санкціонировалъ фактъ“ своимъ присутствіемъ, или протестовалъ и обратился къ губернатору. Исправникъ видѣлъ въ случаѣ „запрещенное сходбище“ и обращался къ „главѣ сословія“ за „моральнымъ воздѣйствіемъ“ во избѣжаніе „принятія мѣръ“. Шубинъ только вслушивался, чтобы разнести потомъ новость по городу, и повторялъ съ безпокойною важностью:— „Будетъ приказъ, я готовъ!“—Но встревоженный, насторожившійся Макушевъ только запахивалъ плотнѣе халатомъ свою толстую бѣлую шею и отвѣчалъ съ явившеюся откуда-то непреклонностью:

— Я нездоровъ-съ и не выхожу... Не мое дѣло-съ!

Клубная зала между тѣмъ наполнялась.

Передняя половина ея занята была рядами вѣнскихъ стульевъ для дворянства; ближе къ хорамъ стоялъ традиціонный большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, и съ креслами у одной стороны для вожаковъ и кандидатовъ.

Бельтищевъ съ двумя своими сотоварищами, князь Г* и Ступинъ находились уже на мѣстахъ. Не успѣвшій въ своемъ „давленіи“ на предводителя, Платоновъ применилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, къ собранію и развалился въ креслѣ—пыхтя, отдуваясь, поправляя поминутно зачесъ на лысинѣ.

Ступинъ нетерпѣливо поглядывалъ то на часы, то на окно. Вскорѣ подкатила Ветлугинская вѣнская коляска; изъ нея вышла, мелькнувъ какъ видѣніе и скрывшись въ подъѣздѣ, Катъ—вся въ бѣломъ, въ кружевахъ, съ бѣлымъ кружевнымъ зонтикомъ. Переждавъ нѣсколько, онъ повернулъ голову и взглянулъ на хоры, пестрѣвшіе туалетами всѣхъ цвѣтовъ, рокотавшіе сдержаннымъ говоромъ, точно прибой волнъ; оттуда устремился на него бинокль бѣлаго призрака, облокотившагося на перила...

— Пріятно васъ видѣть, князь, снова среди насъ!—сказалъ Платоновъ, обращаясь къ князю Г*, стоявшему съ Бельтищевымъ по другую сторону стола.

Князь молча поклонился.

— Жаль только, что лишается васъ сторона, слѣдующая истинно-дворянскимъ завѣтамъ высокоуважаемаго покойнаго батюшки вашего, — продолжалъ Платоновъ.

„Сожалѣніе“ могло походить на насмѣшку, на замаскированную ругань, но князь зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

— Удивительнаго нѣтъ въ этомъ, — отвѣтилъ онъ: — *передовое* сословіе должно идти *впередъ*...

— Дворянство-съ — сословіе *высшее*, — поправилъ, также съ удареніемъ, Платоновъ.

— Высшее и передовое — синонимы.

— Традиціи его святы и только въ нихъ крѣпость его, — продолжалъ задириво Платоновъ. — Отступленіе отъ нихъ — отступленіе отъ исконныхъ вѣрованій народа!

Глаза князя сверкнули.

— При чемъ народъ? Чтò святого въ дворянскихъ традиціяхъ? — сказалъ онъ, вскинувъ голову.

— Все свято-съ!

— Напримѣръ?

— Его доблестное служеніе престолу, отечеству...

— При помощи связей, покровительства, проницства... съ титулами вмѣсто гимназическихъ аттестатовъ! — дополнилъ князь. — Много ли пользы въ такомъ служеніи?.. Что до связи дворянства съ исконными вѣрованіями народа, то ее и при помощи новѣйшихъ микроскоповъ не скоро отыщешь! — продолжалъ онъ. — А насколько „святы“ традиціи доблестнаго дворянства и къ чему привели онѣ, показываютъ факты! Самовластительное, не стѣсняемое ни законами, ни обычаями, дворянское сословіе владѣло чуть не половиною территоріи, двадцатью милліонами „подданныхъ“, представляло собою общественное мнѣніе страны, избирало изъ своей среды юстицію и полицію, пользовалось правомъ входить непосредственно съ заявленіями о государственныхъ нуждахъ и потребностяхъ... И что же сдѣлано? Какъ употреблены формальныя прерогативы? На чемъ и какъ отразилась совѣсть сословія?.. Результаты извѣстны, видимы: погрязшій въ невѣжествѣ, задавленный, измученный крестьянинъ... разоренныя, заложенныя вотчины... само, высшее въ государствѣ, сословіе — безъ политическаго смысла, безъ научныхъ знаній, безъ знакомства съ страной, съ окружающимъ, съ условіями и даже съ данными собственныхъ владѣній!.. Этимъ ли вичиться сословію? По этому ли пути слѣдовать дальше?..

— Князь... вы сами дворянинъ...—вымолвилъ, захлебываясь и трясущимися губами, Платоновъ.

— И горжусь этимъ!—отвѣтилъ князь. — Признаю, что на дворянствѣ лежитъ высокій, святой долгъ — загладить свое минувшее, послужить дѣйствительно отечеству, войти въ дѣйствительныя его нужды, потребности! А для этого путь одинъ—отъ мрака къ свѣту, къ свободѣ!.. Позвольте удивиться мнѣ, что не видно васъ на этомъ пути!

Онъ поклонился и отошелъ отъ стола.

Въ продолжавшей наполняться залѣ раздался одобрителный шумъ, подхваченный на хорахъ, точно эхомъ.

Черномазый, краснотубый мужчина среднихъ лѣтъ, съ торчавшею во всѣ стороны бородой, плохо причесанный, но, видимо, очень хорошо позавтракавшій, подошелъ вплоть къ Платонову и спросилъ:

— Почему вы смѣшиваете всегда законъ—съ приказомъ по полку, авторитетъ—съ самоуправствомъ?..

Его оттащили.

Какое-то замѣшательство, внесенное новоприбывшими, передавалось отъ одного къ другому; въ публикѣ стали перешептываться, переходить изъ залы въ буфетъ...

— Быть не можетъ! — воскликнулъ Бельтищевъ, выслушавъ что-то отъ подошедшаго дежурнаго старшины.

— Я вамъ говорю! Потому. городскихъ дворянъ и нѣтъ никого...

Новость была важная: передавали, что исправникъ телеграфировалъ губернатору о готовящемся „запрещенномъ сходбищѣ“ дворянства, и ждетъ отвѣта, чтобъ поступить по всей строгости...

Передъ клубомъ прохаживался уже по тротуару юркій, небольшого роста, помощникъ исправника, натягивая бѣлые перчатки. Вскорѣ подъѣхалъ на длинныхъ дрожжахъ и самъ исправникъ — рыжій, краснолицый „солдафонъ“ съ подстриженными усами.

Бельтищевъ, Ступинъ и дежурный старшина поспѣшили навстрѣчу, въ переднюю.

Еще при подъемѣ на лѣстницу, звеня шпорами, гремя саблей и какъ бы не узнавая въ старшинѣ своего вѣрнаго ежевечерняго партнера, исправникъ объявилъ:

— Я получилъ приказаніе закрыть незаконное собраніе ваше!

— Никакого незаконнаго собранія нѣтъ у насъ!—отвѣтилъ старшина. — Здѣсь клубъ, и собрались только члены да записанные ими гости!

— Полиціи извѣстно, что собраніе подготавливали вотъ они, Сергѣй Данилычъ,—возразилъ исправникъ, кивнувъ на Бельтищева.—А г. Ступинъ эмиссаромъ по уѣзду ѣздилъ...

— Прошу васъ быть разборчивѣе въ вашихъ выраженіяхъ!—сказалъ, вспыхнувъ, Ступинъ.—Дворянство подготавливается къ выборамъ, пользуясь законнымъ правомъ на это, и свиданія кандидатовъ съ избирателями—не преступная дѣятельность!

— Вы не начальство-съ, чтобъ дѣлать мнѣ выговоры!—отвѣтилъ исправникъ, вскинувъ надменно голову.

— Я защищаюсь отъ оскорбленія и буду жаловаться на васъ!

— У меня донесеніе пристава...

— Я не говорю съ вами!

Онъ отвернулся, взялъ Бельтищева подъ-руку, и они вошли въ залу.

Исправникъ побагровѣлъ и насупился, согнувъ шею и выпятивъ животъ.

— Приглашаю васъ быть при объявленіи распоряженія...—началъ онъ, обращаясь къ старшинѣ.

— По уставу клуба, полиція не имѣетъ права входить,—отвѣтилъ тотъ.

— Я дѣйствую по особому предписанію!

— Уставъ равенъ закону и можетъ быть отмѣненъ только установленнымъ порядкомъ.

— У администраціи есть сила-съ!

— Взламывайте двери!

— Вы знаете, Алфей Трофимычъ?..

— Да будетъ вамъ, Александръ Кузьмичъ!

Официальность кончилась.

Знакомцы отошли къ окну и повели мирно бесѣду.

Исправникъ, махнувъ рукою помощнику въ знакъ прекращенія дѣйствій, сталъ сумрачно и жадно сосать папиросу, выпуская дымъ носомъ.

Старшина—членъ земской управы изъ дворянъ, исправлявшій должность предсѣдателя за смертью Ветлугина,—заговорилъ, перебирая пальцами жгутикъ на плечѣ исправника:

— Ну, не безобразіе ли это, согласитесь сами: дворянство, совершенно законнымъ путемъ и на основаніи законовъ, обяванности свои исполняетъ, а на него за это крामолу взваливаютъ... То же и съ земствомъ!..

— Дѣло не въ обязанностяхъ...—буркнулъ исправникъ, оторвавшись отъ папиросы.—Пресѣдается противодѣйствіе наравленію, охраняющему основы...

— Но вѣдь на законной же почвѣ... по законамъ же, Боже ты мой! А нѣтъ — такъ привлекайте къ суду, къ отвѣтственности!.. не подрывайте сами основъ безпріавіемъ... произволомъ...

— Когда предписываютъ...

— Ну, и вашего тутъ „капля меду есть“! Шила въ мѣшкѣ вѣдь не утаишь у насъ!..

IX.

Въ залѣ, когда вернулись туда Бельтищевъ и Ступинъ, происходила диверсія... Охранители, отстраняясь отъ участія, толковали громко о карточной игрѣ, звали другъ друга въ буфетъ. — „Республиканцы!..“ — раздался чей-то насмѣшливый возгласъ.

Въ буфетѣ, стоя передъ рядомъ налитыхъ рюмокъ, Платоновъ угощалъ приверженцевъ, угощался самъ и ораторствовалъ.

Въ особенности относился онъ къ золотушному, съ „морскимъ канатомъ“ въ ушахъ, мелкопомѣстному дворянину Карелову, промышлявшему лошадинымъ барышничествомъ на ярмаркахъ въ Бабинѣ и отличавшемуся буйнымъ нравомъ во хмелю.

Скоро въ залѣ стало просторно, водворилась тишина.

Князь I*, поблагодаривъ дворянство за оказанную честь, объявилъ о своей готовности принять выборъ. Въмѣсто рѣчи, онъ сталъ очерчивать дѣятельность покойнаго Ветлугина, — „вдохнувшего жизнь въ земство, въ это зерно свободныхъ общественныхъ силъ“, — обѣщая слѣдовать во всемъ его программѣ, идти по его стопамъ...

Въ самую патетическую минуту показался изъ буфета Кареловъ, уже порядкомъ захмѣлѣвшій, разбурьявшійся. Онъ остановился, прислушиваясь къ словамъ князя, потомъ вдругъ ринулся къ столу и разразился во всю силу легкихъ:

— Господа дворяне! Милостивые государи! Отъ предковъ нашихъ, съ ихъ кровію, вручено по наслѣдію... чтобъ дворянинъ былъ во всемъ преданъ... до послѣдней капли крови... за вѣру, царя и отечество! Отступающійся — исключается! — Онъ запнулся, икнулъ, потомъ продолжалъ, шмыгнувъ ладонью по усамъ: — Господа! Нашъ долгъ — исполнять сказанное свыше! Андрей Демьянычъ Макушевъ — законный нашъ предводитель, ему вручаемъ мы власть и впродолженье!..

Послѣ первой минуты недоумѣнія вспыхнули протесты противъ непарламентарности пріема оратора; князя просили продолжать. Но Кареловъ уже ничего не слышалъ и не понималъ —

„закусилъ удила“ (такъ стали потомъ острить надъ нимъ). Онъ вскочилъ на столъ и закричалъ оттуда, размахивая руками:

— Доблестное дворянство! Не потерпимъ отступниковъ и преступниковъ! Повергнемъ адресъ въ вѣрности нашей! въ негодованіи!..

Негодование обратилось прежде всего на оратора. Раздались требованія назвать „отступниковъ и преступниковъ“. Поднялся шумъ. Въ воздухѣ, описывая параболу, мелькнуло что-то бѣлое, пронеслось мимо самага уха оратора и упало на столъ...

Ступинъ вздрогнулъ и помертвѣлъ: онъ узналъ хорошо извѣстный ему кружевной зонтикъ à point d'Alençon...

Схватить его со стола и очутиться на хорахъ было для него дѣломъ одной минуты.

Кэтъ стояла у входа, надѣвая перчатку. Полуприкрытое вуалеткой лицо ея дышало возбужденіемъ; въ сапфирныхъ глазахъ свѣтилась строгость. При видѣ Ступина она сдѣлала усиліе улыбнуться и протянула руку за зонтикомъ.

— Чтѣ съ вами, Кэтъ? Вы бросили...

— Могла просто уронить, — перебила она глухимъ голосомъ. — Пойдемте... уведите меня отсюда... — продолжала она, взявъ его подъ-руку и увлекая за собою съ лѣстницы. — Вы поѣдете со мной? Да?

— Вамъ нездоровится? — спросилъ онъ, смотря на ея взволнованное лицо, чувствуя, какъ дрожить она вся.

— Они убили рара...

Онъ вздрогнулъ и ничего не сказалъ ей.

Усадивъ ее въ коляску, онъ забѣжалъ въ залу, гдѣ отъ политики успѣли уже перейти къ вопросу о воспрещеніи Карелову входа въ клубъ, и сказалъ Бельтищеву, что вернется въ городъ вечеромъ же.

— Вы не сердитесь, Матвѣй? Не правда ли? — стала говорить дорогою Кэтъ, касаясь его плечомъ и заглядывая въ лицо. Она раскандалась въ своемъ невольномъ порывѣ, хотѣла разсвѣять казавшееся ей неудовольствіе жениха. Онъ, напротивъ, видѣлъ въ порывѣ новую пріятную черту, раздумывалъ надъ этимъ, и только улыбнулся ласково въ отвѣтъ. Кэтъ продолжала: — Я сама не понимаю, какъ могло случиться это... я просто потеряла самообладаніе... Какъ смѣлъ онъ бросить тѣнь на рара, на его дѣятельность!.. — И она торопливо утерла наворачнувшія слезы. — Тамъ много дамъ знакомыхъ встрѣтила я... Жена Макушева тоже была; — она очень милая, только смѣшная нѣ-

сколько... И вотъ теперь обо мнѣ будутъ говорить, говорить, говорить!.. А Вѣра... Нѣтъ, она тоже такъ бы поступила!..

Она положила свою руку на руку Ступину, усиленно сжала ее и засмѣялась сквозь слезы совсѣмъ дѣтскимъ веселымъ смѣхомъ.

Улыбалась сквозь слезы и природа вокругъ, послѣ только-что прошедшаго полоской „грибного“ дождя—теплаго и сквозь солнце. Все было свѣжо, зелено. Большія деревья—липа, кленъ, дубъ—тихо помавали вѣтками; яркая весенняя, еще клейкая листва веселила глазъ. Торопливо бѣжавшія по небу бѣловатыя тучи прихотливо мѣняли освѣщеніе, выдая перебѣгающія тѣни...

На поворотѣ повстрѣчалось тянувшееся съ водопоя стадо. Мокрыя, лоснившіяся коровы пугливо, тяжелою неловкою рысью, отбѣгали въ сторону; молодой пастухъ, съ едва опушившимся лицомъ и въ старенькой поярковой шляпѣ на густыхъ русыхъ волосахъ, звонко хлопалъ длиннымъ кнутомъ...

Х.

Встрѣтивъ свой „порогъ“, продолжатели Ветлугинскаго дѣла не замедлили съ изобрѣтеніемъ обхода.

Собранія стали происходить частичныя—то въ „Земскихъ нумерахъ“, то въ Пенъкахъ, то въ имѣніи Бельтищева; а являлись на нихъ только „десятники“, вѣдавшіеся уже потомъ каждый съ своимъ десяткомъ. Предметомъ обсужденія и усвоенія сдѣлалась выработанная мотивированная программа будущей земской и предводительской дѣятельности, причемъ докладчиками-секретарями были агрономъ Кравцовъ и статистикъ Андросовъ, стоявшіе какъ нельзя лучше въ курсѣ земскаго дѣла.

Среди такихъ хлопотъ, Ступинъ—кипятившійся, какъ истинный новичокъ, желавшій все узнать и постичь скорѣе, получилъ изъ Ртищева, гдѣ не былъ онъ уже нѣсколько дней, приглашеніе Вѣры Артемьевны на „семейный совѣтъ“.

Онъ отправился, несовсѣмъ хорошо понимая, въ чемъ дѣло. Встрѣтившая его Кэтъ, въ шерстяномъ траурномъ платьѣ, какъ бы съ осунувшимся неподвижнымъ лицомъ, показала ему такую трогательно горестною, что у него сердце дрогнуло.

— Мнѣ надо сказать вамъ многое, многое, Матвѣй...—проговорила она торопливо и неровнымъ голссомъ.

Мимо столовой, гдѣ раздавались голоса и распоряжалась Вѣра Артемьевна, Кэтъ провела Ступина въ маленькую гостиную, и они стали прохаживаться тамъ. И вспыхивая, и блѣднѣя, съ

волненіемъ, подступавшимъ къ горлу, заставлявшимъ обрывать слова, она рассказывала о положеніи ртищевскихъ дѣлъ, о разрывѣ сестры съ мужемъ, о томъ, что Феллеръ занимался все это время приведеніемъ дѣлъ въ извѣстность и представить сегодня балансъ всему...

Ступинъ слушалъ, понимая суть, улавливая отдѣльныя фразы, но мысли метались у него отъ одного къ другому—отъ освѣщенной неожиданнымъ свѣтомъ великолѣпной фигуры Юрлова къ здоровью Нины Иракліевны, къ положенію семьи,—сердце сжималось болѣзненно.

— Вотъ что я хотѣла сказать вамъ, Матвѣй... Я должна была сказать вамъ это,—заклчила Кэтъ.

Онъ не сразу собралъ свои мысли. Пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ, онъ остановился предъ Кэтъ, взялъ и поцѣловалъ ея блѣдную, холодную руку.

— Да, Кэтъ, вы *должны* были сказать мнѣ это,—отвѣтилъ онъ съ удареніемъ.—Должны были сказать потому, что все, касающееся васъ, вашей семьи, мнѣ близко, дорого! Но ни съ чѣмъ инымъ это не должно... не можетъ имѣть связи... и... мы не будемъ говорить объ этомъ... Я хочу только, чтобъ вы дали мнѣ слово не думать больше о ртищевскихъ дѣлахъ, какъ о чемъ-то... отдаляющемъ наше счастье... Дайте мнѣ это слово, Кэтъ!

Она покраснѣла и потупилась, потомъ вдругъ обняла его, и ихъ губы слились въ первый жгучій поцѣлуй...

Когда они вошли въ столовую, тамъ былъ готовъ чайный столъ, покрытый со всею деревенскою простотой,—даже стоялъ темный, запотѣвшій, горшокъ холоднаго молока, съ деревянною ложкой на немъ, чтобъ снимать сливки. Феллеръ, въ парадной темно-синей жакеткѣ, свѣже-выбритый и оживленный, разсуждалъ съ Вѣрою Артемьевною по-нѣмецки о чемъ-то по части хозяйственной ботаники.

Всѣ размѣстились за столомъ.

Пріятно-добродушное лицо Феллера омрачилось выраженіемъ дѣловитости. Онъ вынулъ изъ кармана балансъ и, деликатно обходя молчаніемъ касавшееся Юрлова, сталъ объяснять дѣйствительное состояніе дѣлъ: имущества было значительно больше, чѣмъ долговъ,—если имѣть въ виду продажу добровольную, а не форсированную, съ торговъ; урожай хлѣба и травъ ожидался очень хорошій, но на уборку требовались немалыя наличныя средства; кредитъ оказывался подорваннымъ, и веденіе хозяйства въ будущемъ признавалось труднымъ, невозможнымъ.

— Чтобъ получить средства на уборку, необходимо запро-
дать ожидающееся зерно,—сказалъ онъ въ заключеніе.

— А сколько надобно наличныхъ средствъ, чтобъ выйти изъ
затрудненія?—спросилъ Ступинъ.

— Много надо!—отвѣтилъ Феллеръ, какъ бы съ испугомъ
въ голубыхъ глазахъ.—Тысячъ пятьдесятъ рублей надо!

— И тогда что же?

— Тогда... О, тогда!—Онъ даже покраснѣлъ отъ охватившей
его эмоціи.—Тогда мы убрали бы хлѣбъ и сѣно, продали бы
ихъ въ-время, по хорошей цѣнѣ, и наладили бы кредитъ, какъ
было при Артеміи Петровичѣ... О, онъ могъ!...

— Да, это *тогда*, Францъ Карловичъ!—обратилась къ нему,
съ грустною шутливостью, Вѣра Артемьевна.—А какъ быть *те-
перь*? Запродавать зерно?

— Да-съ.

— А имѣніе продать?

— Это былъ бы лучший исходъ. Но гдѣ сыскать покупателя?
Онъ... „рѣденькій“ очень на такія большія имѣнія! (Несмотря
на свое полное обрусеніе, Феллеръ проговаривался иногда).—
Можно было бы выгодно продать... распродать, то-есть, участками,
крестьянамъ...

— Ну, вотъ видите!—воскликнула обрадованная Вѣра Ар-
темьевна.

— Такъ-то такъ-съ, да на операцію эту цѣлые годы уйдутъ,
а кредиторамъ вынь да подай сейчасъ...

Ступинъ между тѣмъ пересѣлъ поближе къ Кэтъ, и у нихъ
начался свой разговоръ. Когда Феллеръ откланился, она тоже
вышла.

— Дѣла не представляются мнѣ такими... отпѣтыми, — за-
говорилъ Ступинъ, обращаясь къ Вѣрѣ Артемьевнѣ.—Разъ что
имущества больше, чѣмъ долговъ, то чего же отчаиваться?.. Ахил-
лесова пята—наличные средства; безъ нихъ, разумѣется, труд-
новато вести большое хозяйство...

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, ткнулъ въ горшокъ съ
цвѣтами докуренную папиросу.

— Вамъ оборотный капиталъ необходимъ, а у меня деньги
лежатъ безъ пользы,—сказалъ онъ, остановившись предъ Вѣрой
Артемьевной.—Позвольте предложить...

— Ахъ, что вы!—воскликнула та, пораженная и выпрам-
ляясь въ креслѣ.

— Но если...

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ это можно!

— Да почему же?.. Помилуйте!

Онъ вспыхнулъ, какъ виноватый, не зная, что еще сказать, и ждалъ.

Она взглянула на него сквозь навернувшіяся слезы, тронутая его участвомъ, благородствомъ, радуясь за сестру.

— Можно ли, чтобъ вы рисковали еще деньгами, когда и безъ того ваши интересы... часть Кэтъ...

Онъ не далъ ей докончить, напавъ вдругъ на мысль, на доводы.

— Вотъ именно! Да!—воскликнулъ онъ, пользуясь ея словами.—Я въ моихъ интересахъ долженъ подумать! Долженъ позаботиться о дѣлахъ ради части Кэтъ!.. Неправда развѣ? И какой рискъ? Почему вы говорите: рисковать?

— Надо знать дѣла наши, надо гарантировать себя...

— Ну, хорошо-съ! Слѣдующая недѣля свободна у меня, и я... вмѣстѣ съ Феллеромъ... Словомъ, мы съ нимъ обсудимъ все, выяснимъ! Вы позволяете? Да?

Она хотѣла возразить, но Ступинъ поцѣловалъ у нея обѣ руки и объявилъ, что считаетъ дѣло конченнымъ.

XI.

Въ Ртищевѣ водворилась неожиданная радостная идиллія.

Все способствовало этому—отходившія въ даль дѣловыя тревоги, установившаяся прелестная погода, тихій деревенскій образъ жизни въ запертомъ наполовину домѣ.

Ступинъ помѣщался у Феллера, вникая подъ его руководствомъ въ ртищевскія дѣла, составляя смѣту потребностямъ и расходамъ. Все свободное время проводилъ онъ въ домѣ. Катанье на лодкѣ, прогулки въ лѣсъ, верховая ѣзда съ Кэтъ чередовались одно съ другимъ. Когда на сестеръ находило вдохновеніе, онѣ играли въ четыре руки симфоніи Шумана, Гайдна. По вечерамъ,—когда прудъ превращался въ небесную глубь съ тихо качавшеюся на днѣ серебристою луной, а въ вѣтвяхъ старой, развѣсистой черемухи въ углу парка соловей начиналъ „то нѣжно вдругъ ослабѣвать, то мелкой дробью рассыпаться“,—всѣ усаживались въ галерею—мечтать, перекидываться одиночными словами, грустить тою мягкой, неувимой грустью, въ которой не бываетъ печальнаго и съ которою сердце сливается само, какъ съ желаннымъ...

Въ концѣ недѣли Ступинъ сказалъ за вечернимъ чаемъ:

— Съ Феллеромъ мы во всемъ согласились, Вѣра Артемьевна. Завтра буду я въ городѣ и привезу вамъ изъ банка чековую книжку на деньги.

— Для чего? — спросила, не совсѣмъ понимая, Вѣра Артемьевна.

— Чтобы вы выдавали деньги Феллеру, на надобности.

— А вы сами развѣ не можете выдавать? Вѣдь вы знаете теперь, сколько и для чего надобно?

Произошло замѣшательство: Ступинъ покраснѣлъ и пробормоталъ, что такъ лучше; Кэтъ потупилась.

— Чтò съ вами? — спросила Вѣра Артемьевна, оглядывая ихъ удивленно.

Оказалось, что у нихъ созрѣлъ планъ... одинъ изъ тѣхъ плановъ, которые создаются въ блаженные минуты переполненія души, когда человѣкъ бываетъ такъ склоненъ чувствовать крылья за плечами, предупреждать горделиво событія... Они отправлялись въ Петербургъ, чтобы тамъ повѣнчаться; потомъ совершали свой voyage de pose — черезъ Парижъ въ Біаррицъ, къ Нинѣ Иракліевнѣ; возвращались въ Пеньки не раньше, какъ къ выборамъ...

XII.

Было уже довольно поздно, когда простился Ступинъ.

Поднявшійся мѣсяцъ на краю синеватаго звѣзднаго неба лилъ ровное, спокойное сіяніе. Тихъ былъ влажный, темноватый воздухъ; не шевелили ни одной вѣткой деревья, висившіяся въ тонкой мглѣ точно привраки; странно лежали темныя длинныя тѣни — точно таившіяся живыя существа... „Вьюнъ“, — прозванный такъ за особенность извиваться на бѣгу отъ пугливости, — бѣжалъ крупною рысью, постукивая звонко копытами по сухой, твердой дорогѣ, пофыркивая отъ щеботающей ноздри свѣжести, пугаясь собственной тѣни, выскакивавшей передъ нимъ при поворотахъ.

Ступинъ раздумывалъ, ослабивъ поводья и машинально уравнившиваясь въ сѣдлѣ въ тактъ бѣгу лошади. И думы танулись одна за другою — хорошія, свѣтлыя, надрывавшія радостно сердце, томившія сладостною болью...

При спускѣ съ пригорка вырисовались Пеньки съ темнымъ силуэтомъ дома... донесся хриплый лай собакъ... „Вьюнъ“ заржалъ, чуя конюшню, и прибавилъ шагу.

Оставивъ лошадь у крыльца людской и постучавъ въ окно,

чтобъ взяли ее, Ступинъ прошелъ къ дому. Онъ хотѣлъ позвонить, но дверь сама отворилась предъ нимъ, и онъ почувствовалъ за нею кого-то...

— Кто здѣсь?!—крикнулъ онъ, торопясь достать спичечницу изъ кармана.

— Я это... я... Не кричите... — послышался шопотъ Антоновны.—Сердце чуюло, что вы прїѣдете...

— Чтѣ случилось?

Антоновна ничего не отвѣтила, заперла торопливо дверь на задвижку и пошла съ нимъ, держась за его локоть.

Онъ чувствовалъ, какъ дрожить ее рука, понималъ, что есть важное что-то, и ускорилъ шаги.

Въ кабинетѣ теплилась, сверхъ обыкновенія, лампадка предъ образомъ — отцовскимъ „ангеломъ“. При трепетномъ свѣтѣ ее Ступинъ увидѣлъ помертвѣвшее лицо Антоновны.

— Да чтѣ такое? въ чемъ дѣло? — повторилъ онъ нетерпѣливо.

Она заговорила прерывистымъ шопотомъ:

— Вчера утромъ прїѣхали какіе-то... въ волости остановились... Бурмистру допросъ о васъ дѣлали... Машутка пошла за ягодами въ лѣсъ,—они ее обступили, разспрашивать стали... Приходили въ домъ—я сказала: уѣхали, не знаю куда...

Ступинъ слушалъ, стараясь осмыслить новость, связать слѣдствіе съ какою-нибудь разумною причиною.

Ставки у окна въ садъ скрипнули и прїотворились.

Ступинъ вздрогнулъ и выпрямился. Неприглядность слѣдственного прїема и оскорбила, и возмутила его: кровь закипѣла, застучала въ вискахъ.

Не помня себя, онъ кинулся къ стѣнѣ, гдѣ висѣла кобура съ револьверомъ.

— Ахъ, чтѣ вы... чтѣ вы!.. Грѣхъ какой!..—зашептала Антоновна, повиснувъ у него на рукѣ.

Онъ тутъ же одумался и самъ,—отступилъ, провелъ медленно рукою по лбу.

Изъ передней донесся рѣзкій, отрывистый звонокъ.

— Иди, отопри имъ!—сказалъ Ступинъ, зажигая свѣчу.

Вошелъ молодой жандармскій офицеръ и съ нимъ три штатскихъ.

Удостоверившись, что онъ имѣетъ дѣло съ хозяиномъ, офицеръ сказалъ:

— Я получилъ приказаніе произвести у васъ обыскъ.

— По какому поводу?

— Не знаю.

— Не могу препятствовать сильнѣйшему, — отвѣтилъ Ступинъ глухимъ голосомъ. Мускулы на лицѣ у него подергивались, на лбу выступила краска.

Начался обыскъ.

Славшая въ чуланчикѣ Маша получила приказъ не выходить, и стражемъ у двери остался одинъ изъ штатскихъ. При обыскѣ въ комнатахъ офицеръ выказывалъ крайнюю педантичность, обыскивалъ все, вплоть до ящиковъ съ провизіей въ кладовой. Въ кабинетѣ отодраны были панели отъ стѣнъ, приподняты половицы, обследована печь. Въ гостиной распоролъ старинную обивку на мебели. Въ библиотекѣ удалось отыскать „полочное“ — нѣсколько нумеровъ „Колокола“ и книжечъ „Полярной Звѣзды“ лондонскаго изданія, получавшихся покойнымъ Ступиннымъ по нравственной обязанности тогдашнихъ помѣщиковъ.

Совсѣмъ уже обутрѣло, когда Антоновна отперла дрожащею рукою послѣднее „закрытое помѣщеніе“ въ буфетѣ.

— Одѣвайтесь, намъ время ѣхать, — обратился офицеръ къ Ступину.

— Вы арестуете меня?! — воскликнулъ тотъ съ изумленіемъ.

— Помилуйте...

— Для чего же ѣхать?

— Вамъ надобно будетъ дать показаніе...

— О чемъ?

Офицеръ пожалъ плечами.

— О чемъ спросать.

— Я могу отвѣтить теперь же.

— Мнѣ не поручено допрашивать... И допросъ безъ участія прокурора — незаконенъ! — добавилъ онъ съ видомъ человека, боящагося и помыслить о незаконности.

Они вышли въ переднюю.

— Вы въ городъ?.. Какъ же такъ-то: надо платье, бѣлье собрать... — заговорила Антоновна, блѣдная и съ горѣвшими, какъ уголья, глазами.

— Для чего? Всего день какой-нибудь потребуется на формальности! — отвѣтилъ за Ступина офицеръ.

Ласковый тонъ его голоса успокоилъ, ободрилъ Антоновну. Она уныло, но уже безъ тревожности отворила дверь.

У крыльца стояли двѣ парныя телѣги...

XIII.

Попутное охранителямъ „вѣяніе“ не только наступало вполнѣ, но и превращалось въ цѣлый ураганъ, грозившій смести съ лица уѣзда все Ветлугинское...

Вслѣдъ за Ступиннымъ исчезли земскій агрономъ Кравцовъ и статистикъ Андросовъ. Бельтищеву запрещено было жить въ имѣніи.

Надъ Ртищевымъ вѣсть объ арестѣ Ступина разразилась точно громовый ударъ. Вѣра Артемьевна въ первую минуту ничего не поняла и только оторопѣла; потомъ, вдумываясь, она упала духомъ, пришла въ ужасъ. Кэтъ, выслушавъ извѣстіе отъ сестры, помертвѣла, пробыла съ минуту какъ окаменѣвшая, а затѣмъ сказала твердо:

— Это—недоразумѣніе какое-нибудь! Онъ мнѣ напишетъ!

Она продолжала и потомъ сохранять твердость, не выказывала ни волненія, ни отчаянія. Только на лицѣ у нея стало обозначаться выраженіе какъ бы суровости, а сапфирные глаза утрачивали свой обычный веселый блескъ...

Такъ протянулось съ недѣлю. Извѣстій отъ Ступина не получалось..

Однажды, за утреннимъ чаемъ, сидѣвшая задумчиво Кэтъ хотѣла сказать что-то сестрѣ, но вдругъ вскрикнула и зарыдала истерически.

Ее уложили въ постель.

Призванная земская фельдшерица Сперанская прописала прежде всего покой и немедленно усыпила пациентку какимъ-то порошкомъ.

Было уже время обѣда, когда пробудилась Кэтъ. Въ ногахъ кровати сидѣла Сперанская, сторбившись и уткнувшись въ книжку. Совсѣмъ еще молодая, но тщедушная, съ безвременными морщинами на безцвѣтномъ лицѣ, она казалась старушкой.

— Аппетитъ чувствуете?—спросила она, замѣтивъ движеніе пациентки.

— Нѣтъ...

— Чаю выпьете?

— Да.

Сперанская быстро и умѣло приготовила чай на спиртовой лампочкѣ, придвинула столикъ къ кровати.

— Я вамъ совсѣмъ слабенькаго налью,—сказала она, принимаясь хозяйничать.

Кэтъ улыбнулась въ знакъ согласія.

Александра Порфирьевна Сперанская служила давно уже въ Ртищевѣ и отличалась преданностью своему дѣлу. Кэтъ очень любила ее, слыша о ней хорошіе отзывы отца. Теперь ей пріятно было принимать ея добрыя, простыя услуги.

— Вы были замужемъ, Александра Порфирьевна?—спросила она, разговорившись.

— Я и теперь замужемъ.

— Гдѣ же вашъ мужъ?

— Тю-тю!

Сперанская засмѣялась, выказавъ рѣденье, испорченные зубы, и махнула рукою вдалѣ.

— Что это значить?

— Въ Целымѣ... пятый годъ!

Кэтъ содрогнулась и посмотрѣла на собесѣдницу, удивляясь мысленно ея равнодушію.

Какъ бы понявъ это и оправдываясь, Сперанская продолжала, со вздохомъ:

— Да, человѣкъ—самое выносливое животное! Все, все выносить онъ, со всѣмъ мирится... свыкается съ нарушеніемъ самыхъ естественныхъ своихъ правъ до того, что даже не сознаетъ, не чувствуетъ нарушенія... Мыслители, какъ Эразмъ Роттердамскій, напримѣръ,—и тѣ находятъ, что счастье состоитъ въ довольствѣ своимъ положеніемъ, въ примиреніи съ своею судьбой,—точно подобная благодать не одинаково доступна и простымъ, точно для этого стоитъ обладать разумомъ, волей!..

Она налила чашки и пригорюнилась, сжавшись на стулѣ, сощуривъ узенькіе голубенькіе глаза.

За окномъ, въ румяной полосѣ наступающаго заката, толклись и мелькали точно кружевнымъ узоромъ чуть примѣтныя прозрачныя мошки; изъ парка доносилось торопливое пѣнье птицъ, кончавшихъ свои послѣднія пѣсни.

— О Матвѣѣ Николаевичѣ такъ и неизвѣстно ничего?—спросила вдругъ Сперанская.

Кэтъ покачала отрицательно головой.

— Онъ въ „губерніи“...

— Вы слышали? Знаете что-нибудь? За что арестовали его?—стала спрашивать Кэтъ, не давъ ей договорить.

— Всегда въ „губернію“ отвозятъ жандармы,—отвѣтила Сперанская.—Тамъ слѣдствіе ведется, допросы дѣлаются; а потомъ отсылаютъ кого куда надо... Моего мужа—мы въ городѣ жили тогда и онъ уроки давалъ—такимъ же манеромъ схватили,

увезли... Три мѣсяца потомъ проскиталась я въ „губерніи“, пока свиданья добилась...

— Да? Это можно?

— Роднымъ только разрѣшается... Да и невѣстѣ должны дозволить!

Кэтъ привстала и сѣла на постели—оживившаяся, радостная.

— Какъ это дѣлается?—спросила она.

Сперанская закрыла глазки и потрясла плохо причесанной головой, такъ что нѣсколько шпилекъ выпало.

— И вспоминать тошно!

— Трудно?

— Надо узнать, тамъ ли арестованный, гдѣ онъ содержится, съ чѣмъ обвиняють его,—а это все секретъ составляетъ... Потомъ—отъ кого больше зависитъ дѣло: отъ губернатора или отъ жандармовъ?.. А тамъ и пойдутъ, и пойдутъ мятарства! Одного дома нѣтъ никогда, другой не принимаетъ, отъ третьяго ничего не зависитъ, будто бы... Я черезъ монашенокъ хлопотала.

— Черезъ монашенокъ?—переспросила изумленно Кэтъ.

— У нихъ вездѣ знакомства, имъ всюду доступъ... Досугъ у нихъ вѣчный, а женщина чѣмъ меньше бываетъ занята, тѣмъ больше пожирается любопытствомъ; монастырки, поэтому, всегда все знаютъ, все считаютъ касающимся до нихъ... и всегда въ фаворѣ именно у охранителей...

Кэтъ вслушивалась, хмурясь.

— Я поѣду,—сказала она съ рѣшимостью.

— У васъ тамъ знакомые есть?

— Нѣтъ.

— Никого?

— Никого.

— Что же вы будете дѣлать?

— Разыскивать, хлопотать...

— Да Боже ты мой!

Сперанская заломила сперва руки въ отчаяніи, потомъ вскочила и быстро прошла нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Но какъ же такъ?—спросила она, остановившись предъ кроватью и сложивъ руки на груди.—Ну, поѣдете вы, приѣдете въ городъ... Съ чего же начнете вы? къ кому обратитесь?

— Я хочу... должна его видѣть...—могла только отвѣтить Кэтъ, сдерживая подступающія слезы.

— Не волнуйтесь... примите капель...

Доставъ изъ аптечки пузырекъ, Сперанская налила въ ложку капель съ водой и переждала, пока Кэтъ выпила. При-

двинувъ потомъ стулъ свой ближе къ кровати, она сѣла и повела разсказъ о хлопотахъ по свиданію съ мужемъ, о претерпѣнныхъ мытарствахъ...

— Только тогда и дорогу нашла, когда съ монашенками столкнуться случилось!—заклчила она.—А вамъ съ этого и начать надо. У меня есть паціентки въ Тихвинскомъ монастырѣ нашемъ: я побываю тамъ, разузнаю...

Кэтъ вспыхнула и обняла ее, роняя радостныя слезы.

XIV.

Для Вѣры Артемьевны настали скорбныя, хлопотливыя дни. Она вся отдалась ртищевскимъ дѣламъ, вникая во все, придумывая съ Феллеромъ выходы, сама улаживая въ городѣ дѣла съ мелкими беспокойными кредиторами.

Среди этихъ тревогъ не переставала чувствовать и своя личная тревога. Изъ головы не выходили думы о воспитаніи дѣтей, о собственной дальнѣйшей судьбѣ, о неизбѣжности развода съ мужемъ—когда самаго дорогого, сокровеннаго коснутся судебныя дразги, бумаги... когда впутается неразлучное съ процедурою грязное,—извѣстное смутно по слухамъ...

Однажды, послѣ завтрака, отправляясь на скотный дворъ, она увидѣла подъѣзжавшій къ усадьбѣ англійскій шарабанъ... Сердце застучало у нея и замерло.

Она поспѣшно вернулась въ домъ и остановилась въ вестибюлѣ, стараясь собраться съ духомъ, съ мыслями.

Юрловъ предсталъ передъ женою совсѣмъ рыцаремъ печальнаго образа—похудѣвшій, унылый, съ повисшими, неподвижными усами. Онъ съ покорнымъ смиреніемъ поцѣловалъ у нея руку и объявилъ, что заѣхалъ повидать дѣтей и узнать, нѣтъ ли извѣстій о несчастномъ Ступинѣ. При всемъ своемъ охранительствѣ, онъ искренно возмущался подобною простотою расправы съ противниками.

Они прошли въ паркъ, въ галерею.

Относительно Ступина Вѣра Артемьевна знала только черезъ Феллера, что имѣніе взято въ опеку.

Свиданіе съ дѣтьми произошло точно на сценѣ. Юрловъ чинно поцѣловалъ мальчиковъ; они,—всегда стѣснявшіеся при отцѣ, хотя онъ не былъ съ ними строгъ, привыкшіе къ его отлучкамъ,—такъ же чинно остановились около его колѣнъ. Не

зная, что дѣлать дальше, Петя потрогалъ заинтересовавшую его юрнетку отца; Ваня спросилъ:—Ты опять уѣдешь?

— Ваше рѣшеніе неизмѣнно, Вѣра?—спросилъ Юрловъ, отпустивъ мальчиковъ.

Она вздрогнула.

Она сознавала, что, несмотря на совершившійся, давшійся легко передомъ, что-то осталось въ глубинѣ души при-
молкшимъ только, не разрѣшившимся, и въ чемъ слѣдуетъ раз-
зобраться безъ торопливости...

— Быть можетъ, я уѣду въ Англію, чтобъ воспитать тамъ дѣтей,—проговорила она.

— Это будетъ чуждое воспитаніе, Вѣра...

— Оно научитъ добывать хлѣбъ! Нельзя дѣлать изъ дѣтей дворянъ-офицеровъ и... пускать по міру ихъ...

Она умоляла, сдерживаясь, унимая подступившее волненіе.

— Ломка быта... Все сословіе распатано, колоссальныя со-
стоянія рушатся...—началъ значительно Юрловъ.

— Перестаньте!—перебила она, остановивъ на немъ тоск-
ливый взглядъ.—Точно ломка вчера началась и точно сословіе
изъ куколъ какихъ-то неподвижныхъ составлено! Сумѣлъ же
рара привести въ порядокъ Ртищевъ, понять, чего требуетъ
новая дѣйствительность... А вы... Вспомните, что вы дѣлали!

Она отвернулась и стала глядѣть на неподвижную гладь
пруда, скрывая набѣгавшія слезы.

При другихъ обстоятельствахъ Юрловъ прочелъ бы цѣлый
обвинительный актъ противъ „неинтенсивной“ системы теста,
пустился бы въ критику новой дѣйствительности. Теперь онъ
только вздохнулъ, бросилъ докуренную папиросу, прицѣпившись
ею въ прыгавшаго на дорожкѣ воробья, и сталъ задумчиво ка-
чать положенною одною на другую ногой.

— Каждый человѣкъ—смѣсь добра и зла, блага и чер-
наго,—сталъ говорить онъ, спустя минуту.—Я неставляю
себя совершенствомъ; не будьте и вы жестоки, не карайте за
отступленіе отъ безпримѣрно-идеальной нравственности... Жизнь
напряжна, и ошибки человѣка не всегда въ его власти... Глѣ-
бово... не спорю, могло бы быть въ лучшемъ порядкѣ; но те-
рять надежду не слѣдуетъ: два-три хорошихъ урожая, и все
можетъ быть исправлено... Дѣти не останутся безъ средствъ...
Я передумалъ о многомъ... Я готовъ... я буду трудиться!—
Онъ помолчалъ, а потомъ закончилъ, съ театральнымъ жестомъ:—
Вѣра, безъ васъ я—какъ безъ рукъ!

Это была истинная правда. Отсутствие вѣрной, знающей

помощницы давало чувствовать себя въ хозяйствѣ; еще больше чувствовалось оно для самого хозяина, лишавшагося возможности сказать, когда и куда вздумается...

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Вѣра Артемьевна и поняла его.

Сердце забилось у нея сильно, съ болью; краска кинулась въ лицо и тутъ же смѣнилась блѣдностью. Она поняла, какъ бы принимая на себя послѣдній, смертельный ударъ, плечи ея вздрагивали. — „И никогда слова правды... ни одного искренняго чувства!“ — пробѣгало въ туманившейся головѣ. Все казалось яснымъ теперь: разбираться было не въ чемъ больше и не для чего... Все ея личное какъ-то вдругъ умалилось передъ нею и отдалялось. Остались только дѣти, ихъ интересы...

— Что вы скажете, Вѣра? — раздался сдержанный голосъ Юрлова.

Она медленно, точно приходя въ себя, повернула голову и посмотрѣла на него.

— Годы связываютъ людей, или развязываютъ... — стала говорить она, съ оттѣнкомъ печальной ироніи. — У насъ случилось, кажется, послѣднее...

— Вѣра...

— Выслушайте до конца. — Она сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы принять спокойный видъ, и продолжала: — И все-таки... какъ бы окончательно ни были развязаны мы оба, — онъ замѣтилъ удареніе и вздрогнулъ, уязвленный въ своемъ самолюбіи, — дѣти всегда будутъ связывать насъ... Ради нихъ — но не теперь, а когда придемъ мы съ Феллеромъ къ чему-нибудь окончательному насчетъ ртищевскихъ дѣлъ, — я готова буду оставаться въ Глѣбовѣ...

— Ouf! — воскликнулъ съ комичною веселостью Юрловъ, готовый подняться и облобызать жену.

— Если вы пожелаете принять условія...

Онъ сдѣлалъ видъ, что поправляется на стулѣ, и спросилъ:

— Условія? какія условія?

— Чтобы вы предоставили мнѣ распоряжаться имѣніемъ и хозяйствомъ, какъ я хочу, и не вмѣшивались бы...

Онъ передернулся и вскинулъ на нее изумленно глаза.

— Обдумайте это серьезно, не торопясь: потому что если вы вмѣшаетесь, выдадите хотя бы одинъ вексель, или сдѣлаете какой-нибудь „учетъ“, я возьму дѣтей и уѣду навсегда...

Голосъ у нея дрогнулъ, что-то скорбное, горькое, тронуло судорожно уголки губъ.

Спусти секунду, она овладѣла собою и встала.

Шарабанъ безшумно катилъ по мягкой сельской дорогѣ, то сверкая ярво въ лучахъ солнца, то вдругъ тускнѣя въ тѣни. Мелькавшіе свѣтлыми точками слѣпни прилипали сразмаку къ шеямъ лошадей; тѣ сгоняли ихъ, наморщивая кожу и потомъ быстро распуская ее; изъ встрѣчавшихся болотистыхъ луговинокъ, поросшихъ куртинками низенькой корявой ольхи, налетали темныя станички комаровъ...

Юрловъ обводилъ взглядомъ скучную, однообразную мѣстность, зеленныя полосы полей съ кое-гдѣ чернѣвшими на нихъ кучками полощницъ, отвертывался отъ бившихъ въ глаза лучей солнца, отмахивался отъ комаровъ; но мысли его, сознаніе не участвовали въ этомъ.

Онъ думалъ, охватывая мыслями свое прошлое, настоящее, всю свою жизнь... Съ самаго того времени, когда очутился онъ на собственной волѣ, въ кавалерійскомъ училищѣ, получилъ возможность тратить отцовскія деньги и дѣлать долги при недохваткахъ на кутежи, счастье не переставало улыбаться ему. Не стѣсняясь предъявлялъ онъ самыя широкіе запросы къ людямъ, къ обстоятельствамъ, къ жизни вообще, даже къ кредиту, и — пожалуй, именно поэтому — получалъ во всемъ свыше заслугъ. Имѣя выдающимися качествами лоскъ и смѣлость, онъ замѣнялъ ими все, никогда ни надъ чѣмъ не задумываясь, клалъ въ основу морали „tout est bien, qui finit bien“... И все, дѣйствительно, кончалось хорошо, вплоть до ртищевского семейнаго совѣта... Потомъ все фатально пошло подъ-гору, и нѣтъ удержу, остановки... Теперь вотъ съ женою: семейная вспышка, размолвка — у кого и когда не бываетъ ихъ! — превращаются въ скандалъ, въ окончательный разрывъ...

Онъ утѣшалъ себя надеждой, что все „перемелется, мука будетъ“, что любящая женщина руководится только сердцемъ; а пробудившееся сознаніе говорило, что пока онъ размѣнивался всячески на мелочь, женщина эта росла и крѣпла нравственно; что теперь она сильнѣе его, и потому больше дорога ему; что его спасеніе — только въ покорности...

XV.

Спустя нѣсколько дней послѣ своего разговора съ Кэтъ, Сперанская, побывавъ въ Тихвинскомъ женскомъ монастырѣ, сообщила ей, что онѣ должны поѣхать туда, къ обѣднѣ, чтобы поведаться съ кѣмъ надо и переговорить.

Онѣ отправились на слѣдующій же день. Кэтъ сама правила парочкою породистыхъ черно-пѣгихъ пони, запряженныхъ въ желтенькую плетеную „корзинку“.

Утро выдалось хорошее, ясное. Пони дружно бѣжали по сухой, гладенькой дорогѣ, отмахиваясь и хвостами, и ушами отъ мухъ и слѣпней.

— Съ кѣмъ же мы будемъ видѣться?—спросила Кэтъ.

— Не знаю еще,—отвѣтила Сперанская.—Пациентки мои общались поговорить о васъ матери-казначейшѣ или сестрѣ-Клавдіи... Хорошо, кабы ей!

— А что?

— Она первая умница въ монастырѣ и всѣмъ ворочаетъ тамъ; у нея вездѣ знакомства... Она московская, изъ богатой семьи купеческой, и поступила въ монастырь потому, что не могла романъ свой пережить...

— Да что вы!

— Такъ рассказываютъ... Она убѣждала отъ родителей, чтобы выйти замужъ за любимого бѣднаго человѣка; а тотъ узналъ, что ее приданаго лишаютъ, и отказался... Вотъ ужъ не заточила бы себя изъ-за этого!

— А если она любила?

— Да какъ же любить такого?

Пони, забывъ про рысь и какъ бы прислушиваясь къ разговору, пошли мелкимъ щеголеватымъ шагомъ.

Кэтъ щелкнула бичомъ, и они кинулись со всѣхъ ногъ.

По расчету, надо было пріѣхать къ началу обѣдни. Но усердные монастыри поднимались рано, не запаздывали со службой: благовѣстили уже къ „Достойно“, когда корзинка въѣхала подъ арку точно крѣпостныхъ воротъ, продѣланныхъ въ высокой, зубчатой стѣнѣ.

Во дворѣ, поросшемъ низенькою шелковистою муравой и съ проложенными бѣлыми каменными дорожками, дежурила молоденькая послушница въ новенькомъ кукулѣ.

Она приняла пони и привязала ихъ въ тѣни, у стѣны.

— Мы не думали, что такъ запоздаемъ!—сказала Сперанская.

— Не блажить начало, а блажить конецъ,—отвѣтила нараспѣвъ послушница.

Въ церкви зажжено было, по случаю какого-то монастырскаго торжества, паникадило. Падавшія изъ оконъ полосы свѣта озарили богатый золоченый иконостасъ, цвѣты и ленты на образахъ. На кливросахъ странно звучали въ бассовыхъ нотахъ жиденькіе голоса монахинь.

Правильные ряды черныхъ матовыхъ фигуръ мѣрно и одновременно, точно по командѣ, крестились и кланялись...

Кэтъ и Сперанская уединились въ нишѣ окна.

По окончаніи службы, къ нимъ приблизилась не старая еще монахиня съ очень бѣлымъ, красивымъ лицомъ и пытливыми карими глазами. Окинувъ ихъ быстрымъ холоднымъ взглядомъ, она плавно поклонилась, держа руки сложенными въ рукавахъ ряски, и сказала тихимъ, смиреннымъ голосомъ:

— Сестры передавали мнѣ о васъ... Пожалуйста въ убогій пріютъ нашъ, чайку откушать.

Это была сестра Клавдія — приближенная игуменьи, первая искусница въ шитьѣ гладью, сборщица на храмъ, побывавшая и въ Кіевѣ, и въ столицахъ.

По узенькимъ дощатымъ мосткамъ, проложеннымъ около церковнаго фундамента, сестра Клавдія провела гостей въ сосѣдній выбѣленный двухъ-этажный флигель съ чисто-промытыми большими окнами.

— Не взывайте; прошу васъ... — промолвила она, поднимаясь по деревянной лѣстницѣ, покрытой сѣрымъ опрятнымъ ковромъ.

По обѣимъ сторонамъ широкаго, свѣтлаго корридора съ лакированнымъ поломъ, раскрашеннымъ черными шапками по желтому, и съ чистенькою холщевой дорожкой посрединѣ, располагались кельи. Тѣ, въ которыхъ были гости-мужчины, оставались съ отворенными дверями. Встрѣчавшіяся монашенки низко кланялись сестрѣ Клавдіи, говоря: „Благословите, сестра“ (она была рясофорная). Въ воздухѣ виталъ ощутительный запахъ благоуханнаго курева.

Въ кельѣ, хлопоча за самоваромъ и перетирая бранымъ полотенцемъ фарфоровыя чашечки, сестра Клавдія обратилась къ Кэтъ:

— Вы о нареченномъ своемъ болѣете?... Спаси васъ Господь! Унывая духъ гоните отъ себя!

Кэтъ сказала, что пріѣхала съ просьбой.

— Мірское это — чужое для насъ, искустельное, — стала говорить сестра Клавдія, вздохнувъ и опустивъ глаза: — но не грѣховное мірское, и помогать въ немъ сочетавающимся самъ Господь велить... — Она налила чашки, перекрестилась, взявъ свою, и продолжала: — Диво, что никакихъ слуховъ нѣтъ: увезли помѣщика Ступина, да и все тутъ!.. Съ матерью-игуменьею нашей прокурора жена очень хорошо знакома, и я просила вѣра сестеръ — въ городъ, по надобностямъ, которыя отправлялись, — чтобъ узнали у ней... Такъ, вѣрите ли, прокурору даже неизвестно ничего!

— Административнымъ порядкомъ взяли, — объяснила Сперанская, тономъ знатока.

Сестра Клавдія помолчала, недоумѣвая предъ непонятнымъ словомъ, потомъ сказала:

— И прокуроръ заключаетъ, что прямо изъ Петербурга вышло распоряженіе.

— Ну, да! — подтвердила Сперанская.

Сестра Клавдія подумала, отхлебывая изъ чашки и перебирая четки, обвинявшія кисть ея бѣлой, красивой руки.

Поднявъ потомъ на Кэтъ свои пытливые холодные глаза, она сказала:

— Въ „губернію“ могу я дать вамъ письмо къ генеральшѣ Струевой: ея мужъ при комитетѣ тюрепномъ...

— А монахини знакомой нѣтъ у васъ? — спросила Кэтъ.

— Да на что жъ она вамъ?! — съ удивленіемъ воскликнула сестра Клавдія.

На это стала отвѣчать Сперанская.

Умѣло и съ яркими иллюстраціями, она начала объяснять разницу между „политическими“ и „уголовными“, между судимыми и заточаемыми административно, приводя образчики начальственныхъ строгостей, капризовъ, равнодушія публики „ради страха іудейска“, касаясь собственныхъ мытарствъ...

Сестра Клавдія слушала съ замѣтнымъ волненіемъ и какъ бы съ испугомъ. Тонкіе, трепетавшіе пальцы ея все быстрѣе и быстрѣе скользили по зернамъ четокъ; пытливые, холодные глаза померкли и увлажились. Она похорошѣла какою-то особенною, трогательною красотой, — какъ похорошѣла бы классическая статуя, оживившись вдругъ, согрѣвшись приливомъ чувствъ...

— По наслышкѣ только знакома я съ монастырями тамошними, да это ничего! — отвѣтила она. — Женщины всегда вѣдь какъ бы въ согласіи между собою, а наша сестра и подавно... Я дамъ письмо къ рясофорной матери Дороевъ, въ Троицкій монастырь...

XVI.

Никто въ уѣздѣ не помнилъ такого обильнаго урожая на новости, какой объявился вдругъ весною...

Въ гостиныхъ не переводились темы для самыхъ захватывающихъ разговоровъ. Шипилиха сновала безъ усталости по селамъ и деревнямъ, не щадя колесъ тарантаса, чувствуя себя въ томъ радостно-тревожномъ восхищеніи, въ какомъ бываетъ актриса въ

свой удачный бенефисный вечеръ, и создавала сплетню за сплетней — исключительныя, махровыя...

Не успѣла исчерпаться новость о пошатнувшихся ртищевскихъ дѣлахъ, о растаявшемъ „милліонномъ“ Ветлугинскомъ состояніи, какъ посыпались, одна за другою, исторіи выборнаго движенія, переполошило всѣхъ исчезновеніе Ступина, организовавшаго чудовищное „потрясеніе основъ“ и подкопъ изъ Пенъ-ковъ подъ городской кафедральный соборъ...

Все это покрылось таинственнымъ для уѣзда, романтическимъ исчезновеніемъ Катъ, пропавшей безвѣстно и безслѣдно...

Вѣру Артемьевну рѣшеніе сестры и огорчило, и встревожило. Смотря на многое глазами уже установившагося человѣка, принадлежа во многомъ безвозвратно своей средѣ, своей эпохѣ, она видѣла въ подобной самостоятельности благовоспитанной молодой барышни авантюризмъ, непростительность. Она всячески старалась утѣшить сестру, отклонить, отговорить, но та, въ отвѣтъ на ея доводы и укоры, только обнимала ее и повторяла: — „Пойми меня... прости“...

Ртищевскія дѣла тоже не хотѣли радовать. Деньги на приближавшуюся уборку приходилось доставать частями, у ростовщиковъ, за самыя невозможныя проценты, обзывать неустойками. О засѣвѣ на будущій годъ нечего было и думать при такихъ условіяхъ. Слѣдовало торопиться съ продажей Ртищева, чтобъ не пошло оно съ торговъ въ банкъ, а покупатели точно въ землю попрятались. Да и вообще трудно было разсчитывать на успѣхъ такой серьезной операціи въ уѣздной глуши.

XVII.

Стала близиться замѣтно осень. Потянулись журавли „на Кіевъ“. Поблѣднѣла щетинистая отава на лугахъ; начинали желтѣть и отливать блѣднымъ золотомъ легкіе, дрожавшіе листья клена; рдѣла яркимъ багрянцемъ рано увядающая осина.

Былъ скучный, ненастный день.

Княжеская усадьба въ Никольскомъ, съ ея башенками, флюгерами на службахъ, съ купами вѣтвистыхъ, полюблѣвшихся деревьевъ, тонула въ дневномъ полусумракѣ, задернутая сѣткою моросившаго дождя. Въ саду, набѣгавшій порывистый вѣтеръ волочилъ по мокрымъ, грязнымъ дорожкамъ опавшіе, скорчившіеся листья; деревья точно дрались, видаясь одно къ другому, сѣбяся оголенными вѣтками.

Шелъ только второй часть, а въ домѣ было уже почти темно. Мелкій дождь стучалъ въ оконныя стекла, растекаясь по нимъ тонкими перепутанными струйками; уныло завывалъ осенній вѣтеръ въ трубахъ.

Князь сидѣлъ въ кабинетѣ, за чтеніемъ.

Онъ читалъ много, особенно если оставался въ комнатахъ. Любимымъ чтеніемъ его были поэты-классики и книги историческаго содержанія. За многіе годы его одиночества у него составила изъ нѣмецкихъ, французскихъ и русскихъ изданій огромная, разнообразная библіотека. Съ одиночествомъ онъ освоился до того, что совершенно не зналъ, что такое скука, и не видѣлъ, какъ бѣжитъ время.

Тѣ же годы одиночества приучили его думать, размышлять. Многое изъ родной дѣйствительности прошло за это время предъ его умственнымъ взглядомъ, очистилось отъ многихъ прикрасъ, отъ неясностей, явилось въ новомъ, истинномъ свѣтѣ... Онъ и въ себѣ многое откинулъ, многое возвысилъ, укрѣпилъ. Онъ не отторгся отъ сословія, ради новыхъ требованій жизни, а предъявилъ требованія къ сословію, къ себѣ,—находя, что кому много дано, съ того многое и спрашивается; что передовое сословіе должно быть впереди...

Еще холостымъ, бывая за границей, онъ ознакомился со всякими очередными социальными вопросами, читалъ появившіяся тамъ русскія революціонныя изданія. Переживая совершавшееся въ немъ тогда броженіе, онъ чувствовалъ готовность применить къ движенію, сознать легальность нелегальнаго, стать изъ созерцателя борцомъ... Потомъ—революціонная печать перестала интересовать его; отъ личныхъ сношеній оттолкнули вѣдшіяся въ дѣятелей макиавеллизмъ, конспираторство... Ему стало ясно, что подпольный терроризмъ способенъ быть противовѣсомъ надпольному, способенъ будить страсти, вызывать движеніе, но не можетъ насадить гражданскія качества, — потому что самъ не носить ихъ въ себѣ, не можетъ водворить господство *права*, — будучи самъ лишь *силой*.

Онъ остался чѣмъ былъ — прямымъ, благороднымъ человекомъ, увѣреннымъ въ себѣ нравственно, не отдѣляющимъ слово отъ дѣла, и только разобрался яснѣе, сознательнѣе въ должныхъ взглядахъ, вопросахъ.

Онъ вѣрилъ, что насажденіе гражданственности — лучший путь къ идеаламъ; что стойкая легальная солидарность — лучшее оружіе противъ врага.

Этимъ путемъ хотѣлъ онъ идти, этимъ оружіемъ хотѣлъ бо-

ротся, становясь замѣстителемъ Ветлугина. Согласно съ этимъ отвесся онъ и къ случившемуся, пославъ губернатору очень вѣжливый по формѣ, но прямой, правдивый протестъ противъ административнаго вторженія въ сферу законныхъ правъ дворянства, противъ каръ.

Предводительская кандидатура его оставалась попрежнему, и движеніе продолжалось.

XVIII.

Въ сюртукѣ широкаго англійскаго покроя, — халатъ онъ считалъ позорнымъ, татарскимъ одѣяніемъ, — и въ особыхъ, „читальныхъ“ очкахъ съ большимъ полемъ зрѣнія, князь сидѣлъ въ старинномъ кожаномъ креслѣ, у цѣльнаго зеркальнаго окна, выходившаго въ садъ.

Топившійся каминъ бросалъ изъ-за экрана неровный отсвѣтъ, озаряя стѣну, увѣшанную всякаго рода оружіемъ, и висившійся на треножникѣ сбоку письменнаго стола портретъ Юліи Арнольдовны, то выступавшей, казалось, изъ рамки, то какъ бы прятанной въ нѣжную радужную дымку кружева и шелковъ.

Вошелъ камердинеръ Аѳанасій и прислонился къ косяку двери.

Встрѣтивъ обратившіеся на него очки, онъ доложилъ:

— Со станціи монашенка пришла, желаетъ видѣть васъ.

— Ты знаешь, что ни монаховъ, ни монашенокъ не принимаю я! — отвѣтилъ князь, нахмуривъ брови. — Иди!

Но Аѳанасій только прижался плотнѣе къ косяку и сказалъ:

— Я въ залу пригласилъ ее.

Князь вздрогнулъ.

Положивъ нетвердою рукой книгу на стоявшій около столика, онъ всталъ и задумчиво прошелся, ступая неслышно по мягкому ковру. Было понятно, что въ докладѣ есть какая-то недомолвка, что вѣрный слуга не могъ не принять явившуюся... Кто жъ эта особа? Жена — Юлія Арнольдовна? Почему она монашенка и... „пришла“ со станціи?.. Чтѣ привело ее?.. Сердце стучало у него, руки холодѣли.

— Проси! — сказалъ онъ, повернувшись рѣзко и вскинувъ голову.

Заслышавъ шаги, онъ ступилъ къ двери.

Навстрѣчу ему показалась женская фигура въ черномъ платьѣ, перетанутомъ кожаными поясомъ, и въ грубыхъ башмакахъ, по-

крытыхъ грязью; послушническій порывѣвшій куколь окаймлялъ молодое блѣдное лицо...

— Катерина Артемьевна! Возможно ли?—воскликнулъ изумленный князь.—Что случилось?

— Да ничего, князь,—отвѣтила Кэтъ, поднявъ на него сапфирные глаза и улыбаясь.

— Вы—въ такомъ видѣ?

— Маскарадъ-то этотъ? Въ монастырѣ жила я въ „губерніи“. (Князь зналъ о ея поѣздѣ). А на полустанкѣ вашемъ, представьте,—ни одного дилижанса!—и мнѣ пришлось *rédestrement*... Сколько тутъ? Верстъ пять, не больше?.. Я собственно къ вамъ и ѣхала, съ огромною просьбой!.. А потомъ вы переправите меня въ Ртищевъ? Да? И я стану блюдомъ для нашихъ „вѣстовщицъ и болтуновъ“!..

Она продолжала говорить шутливымъ тономъ, но ни одинъ мускулъ лица не участвовалъ въ этомъ, и что-то жуткое чувствовалось подъ наружною шутливостью...

— Что же... розыскъ ваши?—спросилъ князь.

— Сейчасъ расскажу!

Онъ подвинулъ для нея кресло къ камину. Она опустилась въ него съ видимымъ пріятнымъ ощущеніемъ тепла, уюта и сняла куколь; волосы упали густыми слежавшимися прядями. Отъ башмаковъ поднялся легкій паръ.

Поданъ былъ чай.

Рассказъ Кэтъ былъ простъ и коротокъ: Ступинъ дѣйствительно отвезенъ былъ въ губернский городъ и пробылъ тамъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ. Она уже не застала его. По собраннымъ монахинями справкамъ, оказалось, что онъ сосланъ административно, на три года, въ глушь Сибири...

Князь вскочилъ при этомъ извѣстіи.

— Быть не можетъ!—воскликнулъ онъ. — Вамъ просто наврали.

Онъ быстро прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, то застегивая, то разстегивая сюртукъ, точно ризы на себѣ раздирая. Лицо его пылало гнѣвомъ, негодованіемъ.

— Монашенки справлялись черезъ приближенныхъ къ губернатору, и онъ такъ сказалъ,—объяснила Кэтъ.—Я послала письмо Матвѣю, но извѣстна только губернія, въ которую отправленъ онъ, и тамъ должны еще разыскать его...

— Ужасно! ужасно!—восклицалъ князь, прохаживаясь, что всегда умѣряло въ немъ нервность. — Сколько добраго, честнаго, плодотворнаго жертвить произволъ этотъ! Не легіонъ ли

нимъ жертвамъ! Какъ не расти общественному негодованію; какъ не плодиться всему подпольному!..

Онъ сѣлъ и взялся за свой стаканъ чаю, переводя тяжело духъ, отхлебывая торопливо.

— А просьба у меня къ вамъ вотъ какая, князь,—заговорила Кэтъ. — Губернаторъ сказалъ, что если похлопотать въ Петербургѣ, то можетъ все переимѣниться: Матвѣя могутъ если не совсѣмъ освободить, то перевести во внутреннюю губернію... Гдѣ и какъ надо хлопотать? Не можете ли вы помочь мнѣ?

— Безполезно! — отвѣтилъ сумрачно князь. — Всякій вліятельный человѣкъ скорѣе за убійцу, за проворовавшагося желѣзнодорожника заступится, чѣмъ за „политическаго“... Слизняки нравственные! И чтобъ имѣть успѣхъ, просьба должна быть унизительная самая, съ нелѣпымъ „рассказаніемъ“ какимъ-нибудь... Впрочемъ, это мы обсудимъ еще! А пока — вамъ надо отдохнуть, успокоиться. Напишите Вѣрѣ Артемьевнѣ, что вы здѣсь, что я прошу ее отобѣдать.

XIX.

Все оживилось въ усадьбѣ.

Для Кэтъ отворили комнаты наверху. Въ Ртищево поскакалъ верховой съ запискою отъ нея. На кухнѣ поваръ Арсеній — изъ крѣпостныхъ князя, бывавшій съ нимъ за границей, — поднялъ дымъ коромысломъ, готовясь отличиться по части обѣда. Сорбанный Пантелеймонъ выпрямился, по возможности, облекся во фракъ и бѣлый жилетъ.

Вѣра Артемьевна прибыла вскорѣ.

Она привезла Кэтъ цѣлое приданое, такъ что та явилась къ столу даже въ брилліантахъ.

Послѣ обѣда, готова сама кофе и продолжая начатый еще наверху разговоръ съ сестрою, Вѣра Артемьевна сказала:

— Появленіе твое только подниметъ снова всякіе толки уязвимые! Да и Ртищево можетъ продаться не нынче, такъ завтра... Мой совѣтъ: поѣзжай въ Петербургъ, къ Ивану, пережди тамъ, пока устроятся дѣла.

— И мы отправимся вмѣстѣ, завтра же, если вамъ угодно, — прибавилъ князь, курившій задумчиво папиросу.

— Вы тоже ѣдете! Вотъ кстати! — воскликнула Вѣра Артемьевна, радуясь за Кэтъ.

— Я думаю объ этихъ разразившихся невозможностяхъ, — продолжалъ князь, — и нахожу, что сыр-боръ горитъ изъ-за меня,

собственно... изъ-за моей предводительской кандидатуры... На мнѣ лежитъ нравственный долгъ вступиться, разъяснить недоразумѣніе, или раздѣлить участь жертвъ... Все зиждется, обыкновенно, на полуграмотныхъ доносахъ „агентовъ“ — провокаторовъ, замѣняющихъ собою слѣдственную и обвинительную власть, на административномъ усердіи не по разуму... Я поѣду, буду видѣться лично съ кѣмъ слѣдуетъ; добьюсь пересмотра нашихъ уѣздныхъ вопіющихъ несправедливостей!..

XX.

Въ губернскомъ городѣ Ступинѣ былъ заключенъ въ одиночную „секретную“ камеру, съ узенькимъ оконцемъ — подъ самымъ потолкомъ и съ матовымъ стекломъ, затемненнымъ еще съ обѣихъ сторонъ желѣзными рѣшетками, — свѣтъ изъ котораго падалъ тусклою наклонною полосой, терявшеюся въ черной высокой панели. Около грязно-желтыхъ стѣнъ размѣщались: столы, табуреты, желѣзная кровать съ тиковымъ мѣшкомъ на ней, набитымъ соломой.

Подъ поломъ скребла и возилась крыса. За матовымъ стекломъ вились ласточки, мелькая на немъ быстрыми тѣнями...

Близились уже сумерки.

Ступинъ повалился на соломенный мѣшокъ. Въ отяжелѣвшей головѣ стоялъ у него какой-то сумбуръ, думалось сразу о всемъ и ни о чемъ въ особенности. Допосившіеся изъ корридора окрики, лязгъ дверныхъ засововъ, звонъ кандаловъ заставляли вздрагивать. Форточка въ окованной желѣзомъ двери то-и-дѣло открывалась, и въ нее заглядывали солдатскія лица; глядѣлъ и самъ надзиратель. Ступинъ отвернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Полоса свѣта отъ окна исчезла. На матовомъ стеклѣ обрисовалась фосфорическою точкой одинокая звѣздочка. Зажегся жестяной узорчатый фонарь въ прорѣзѣ въ верхушкѣ двери и освѣтилъ камеру дрожащимъ свѣтомъ.

Принесли ужинъ — картофель съ лукомъ и подсолнечнымъ масломъ. Ступинъ отказался, не чувствуя голода.

Онъ сосредоточился на мысли, что завтра, при допросѣ, все разъяснится, что его освободятъ, и, незамѣтно, заснулъ.

Когда онъ пробудился, въ камерѣ было душно, и свѣтъ отъ фонаря казался поблекшимъ. Въ желѣзный козырекъ надъ оконцемъ стучали крупныя капли дождя. Блеснула молнія, бросивъ на матовое стекло ослѣпительный голубоватый свѣтъ. Прогрохо-

такъ громъ вдалекѣ... Первымъ чувствомъ было изумленіе, что онъ, Ступинъ, здѣсь, на тюремномъ соломенномъ мѣшкѣ, обвиняемый въ чемъ-то...

Онъ не могъ сообразить, близокъ ли разсвѣтъ (часы и даже запонки отъ рубашки были отобраны у него), и сталъ дремать въ полусонномъ забытіи, пока не заставилъ вздрогнуть загремѣвшій дверной засовъ.

Вошелъ сторожъ и поставилъ на столикъ оловянную кружку съ чѣмъ-то мутнымъ, тепловатымъ, сказавъ, что это чай.

— Который часъ? — спросилъ Ступинъ.

— На что тебѣ?

— Хочу знать.

— На повѣрку готовься!

— Что?

— Караулъ скоро смѣнять будутъ!

Ступинъ не появлялъ ничего.

Прозвенѣлъ колоколъ во дворѣ.

— Эй, ты! Какъ тебѣ?! — крикнулъ кто-то въ форточку.

Ступинъ привскочилъ испуганно.

Но провѣрившіе уже отмѣтили его на дощечкѣ и двинулись дальше.

Смѣняемый „разводящимъ“ солдатикъ забормоталъ за дверью торопливо и однообразно: — „Вотъ тебѣ честь и мѣсто; четверо арестованныхъ, семь дверей, пять замковъ, лѣстница, кадка... Не спать, не дремать, офицерамъ чести не отдавать“¹⁾.

Смѣнившійся караульный застучалъ сапогами, удаляясь. Новый сталъ „звучно, мѣрными шагами“ будить тишину корридора, задѣвая штыкомъ ружья стѣну, дверь...

Прошло нѣсколько такихъ дней, похожихъ, какъ двѣ капли воды, одинъ на другой. Разнообразіе состояло лишь въ томъ, что иногда смотритель распоряжался о комъ-то въ корридорѣ: — „Въ кандалы его, мерзавца!“ — Или, ночью, караульный офицеръ показывалъ свою власть, свидѣтельствуя съ громомъ и звономъ замки у дверей, эвзаменуя часового насчетъ обязанностей и „разнося“ его „на всѣ корки“...

Съ каждымъ утромъ Ступинъ ждалъ, что его потребуютъ въ допросу, но требованіе не приходило. На желаніе прогуляться, хотя бы по корридору, сторожъ отвѣтилъ, что политическимъ жандармскій полковникъ прогулокъ не дозволяетъ.

Физическая бездѣятельность, отсутствіе впечатлѣній, одно-

¹⁾ Внутренніе караулы не отдають чести.

образный, непонятный міръ тюремныхъ звуковъ съ барабаннымъ боемъ, со звономъ колокола, съ доносившеюся со двора хоровою пѣснью „уголовныхъ“ начинали томить, угнетать, будить смутно въ глубинѣ души протестъ, озлобленіе...

А за матовымъ оконцемъ кипѣла и сіяла жизнь; ласточки носились такъ весело, привольно...

XXI.

Однажды утромъ, присланная изъ жандармскаго управленія карета отвезла Ступина на допросъ.

Въ кабинетѣ, когда ввели его, сидѣли по одну сторону стола жандармскій полковникъ и прокуроръ; по другую — былъ свободный стулъ. У стѣны, позади стула, стояли два жандарма.

Въ сосѣдней комнатѣ, дверь въ которую была затворена, происходило что-то. — „Администрація всегда будетъ сильнѣе суда!“ — донесся голосъ.

Полковникъ всталъ и постучалъ въ дверь.

— Не угодно ли вамъ дать показаніе? — обратился онъ потомъ, съ нѣсколько преувеличенною вѣжливостью, къ Ступину, указавъ ему на стулъ.

Ступинъ сѣлъ.

Прокуроръ, молодой брюнетикъ въ золотомъ пенснѣ, любезно протянулъ ему раскрытый портсигаръ.

Въ тюрьмѣ Ступину запрещалось куреніе. Онъ отказался и теперь.

— Въ чемъ обвиняюсь я? — спросилъ онъ, хмурясь отъ свѣта, казавшагося ослѣпительнымъ послѣ полутемной камеры.

Переглянувшись выразительно съ прокуроромъ, полковникъ вынулъ изъ портфеля какіе-то неопрятные сѣрые листы, оказавшіеся донесеніями „агентовъ“, и сталъ читать ихъ.

Ступину приписывался „неблагонадежный образъ мыслей“, какіе-то „подстрекающіе“ разговоры, которыхъ не могъ слышать никто уже потому, что ихъ не было никогда. Тутъ же фигурировалъ списокъ ходившаго по рукамъ „запретнаго“ стихотворенія, выпрошенный у Ступина, — какъ припоминалъ онъ теперь, — въ городѣ, въ бытность у знакомаго Симонова, какими-то супругами Яковкиными.

— Ваше поведеніе по организаціи дворянской сходки обратило на себя вообще вниманіе администраціи, — сказалъ полковникъ. — Желаете вы дать объясненія?

— Позвольте заявить еще разъ, полковникъ, что я ожидаю опредѣленныхъ вопросовъ, если будетъ угодно предложить ихъ мнѣ, — отвѣтилъ Ступинъ.

— Мы не вынуждаемъ показаній, — вмѣшался прокуроръ. — Но заpiresательство, какъ вы сами понимаете, можетъ только углублять виновность.

— И имѣйте въ виду, — заговорилъ рѣшительно и сурово полковникъ, — что неприятность увеличивается еще вашимъ положеніемъ крупнаго собственника, дворянина и офицера...

— И я, какъ дворянинъ и офицеръ... я заявляю, что вторженіемъ въ мой домъ, лишеніемъ меня свободы поправы законы и человѣческія права! — воскликнулъ Ступинъ. Онъ хотѣлъ быть спокойнымъ, думалъ сказать совсѣмъ не то, но раздражительность неожиданно поднялась и закипѣла въ немъ. — То, что прочтено мнѣ, — продолжалъ онъ, — есть гнусный безымянный доносъ, лишенный человѣческаго смысла! Въ немъ нѣтъ и тѣни законнаго повода къ тому, что совершается надо мною, и я думаю, что это должно быть извѣстно г. прокурору!

По знаку полковника, жандармы отдѣлились отъ стѣны и остановились по бокамъ стула.

Прокуроръ поглядѣлъ выразительно на полковника; тотъ поглядѣлъ на прокурора, и всталъ.

— У васъ будетъ достаточно времени подумать, — сказалъ онъ, точно радуя этимъ Ступина.

XXII.

Въ тюрьму вернулся Ступинъ совсѣмъ радостный, успокоившійся, и продолжалъ оставаться потомъ въ этомъ настроеніи. Раскрывшееся обвиненіе казалось ему такимъ вздоромъ, что онъ не хотѣлъ больше и думать о немъ. Необъяснимая спасительная особенность тюрьмы — вселять въ узника чисто шальную надежду на избавленіе случаевъ, чудомъ, могла касаться и Ступина. Но отъ него не отходила и собственная увѣренность, что его, вотъ-вотъ, вызовутъ, отпустятъ...

И его, дѣйствительно, вызвали, спустя нѣсколько дней, но лишь за тѣмъ, чтобъ объявить объ административной ссылке.

Его везли долго — и по желѣзной дорогѣ, и на лошадяхъ; лежали затѣмъ на оленяхъ, а подъ конецъ — на собакахъ.

Пріютомъ ему сталъ якутскій „наслегъ“, а самъ онъ преисполнился въ ничтожную, чуждую для всѣхъ пылинку, смѣшать

которую съ бѣлымъ снѣжнымъ прахомъ не стоило ничего первой пурги... Наслегъ составлялъ собою границу людскаго обитанія—дальше проѣзжій трактъ не шелъ и тамъ было сосѣдство полярнаго круга. Солнце не показывалось въ наслегѣ по нѣсколькимъ суткамъ сряду; „днемъ“ ярко сіяли на небѣ звѣзды и свѣтила луна... Въ безбрежной, какъ океанъ, снѣжной пустыни отражался фосфорическій свѣтъ; разнообразили ее лишь гряды лѣсовъ, одѣтыхъ морознымъ инеемъ, а мѣстами завѣянныхъ снѣгомъ до самыхъ верхушекъ; какъ живыя существа, видѣлись въ ней только пасшіеся олени да грѣвшіеся на снѣжныхъ пригоркахъ собаки, когда показывалось солнце. Вокругъ десятка разбросанныхъ юртъ чернѣли изъ-подъ снѣга верхушки изгороди. Она составляла какъ бы тюремную ограду: переступить за нее воспрещалось ссыльному, и за нею превращался онъ въ бѣглеца—въ звѣря, лишеннаго послѣдняго покровительства законовъ...

Помѣщеніемъ служилъ уголъ за плетневою загородкой въ юртѣ - мазанкѣ, гдѣ жалкая семья нелюдиныхъ, лукавыхъ якутовъ гнѣздилась вмѣстѣ со скотомъ. Освѣщала уголъ чадившая сальная плошка. Холодъ и сырость заставляли не выходить изъ двойной мѣховой рубахи и такихъ же сапогъ, тѣсниться съ хозяевами у огня, всегда тлѣвшаго на земляномъ полу; дымъ, не успѣвавшій выходить въ отверстіе плоской крыши, душилъ ѣдимъ, отвратительнымъ запахомъ. Въ скучной, гнетущей тишинѣ слышались только завываніе пурги да движенія и непрестанное жеваніе коровы, грѣвшейся ѣдою.

Изъ якутскаго города, когда стало извѣстнымъ мѣсто ссылки, Ступинъ написалъ Кэтъ. Ожиданіе отвѣта поглотило его, заслонило собою все, а почта приходила всего три раза въ годъ, и назначенное ссыльнымъ переправлялось къ нимъ потомъ—на досугъ, послѣ досмотра исправникомъ. Никакихъ другихъ ссыльных не было въ наслегѣ. Все „общество“ составлялъ надзиратель Грегоръ. Изъ отставныхъ солдатъ, рослый, мускулистый и нескладный, съ красными пятнами на всегда хмельномъ, какъ бы раздраженномъ лицѣ и со впалыми, смотрѣвшими въ землю глазами, Грегоръ—такъ звали его всѣ въ наслегѣ—производилъ самое безотрадное впечатлѣніе. Онъ былъ скорѣе тихъ, чѣмъ буенъ, но и эта тихость только пугала въ немъ: на что-то затаенно-хищное смахивала она... Все будило въ немъ тупую подозрительность. Печатное слово онъ ненавидѣлъ, и однимъ изъ способовъ наказанія ссыльныхъ было у него сжиганіе присланныхъ книгъ.

Уже многое понявшій, освоившійся съ порядками, Ступинъ

зналъ, что тенденція властей — длить ссылку; что предложомъ, обыкновенно, ставится „дурное поведение“. Рѣшивъ быть неуязвимымъ съ этой стороны, онъ смотрѣлъ судьбѣ прямо въ глаза, мирился съ безвыходностью положенія и переносилъ все безъ ропота, съ твердостью. Для него не существовало никакой формы насилія и жестокости, которая могла бы заставить его вскипѣть, потерять самообладаніе, пойти на пробиваніе стѣны лбомъ...

Вскорѣ получилось догнавшее его письмо, Кэтъ изъ губернскаго города.

На исписанномъ кругомъ листѣ спаслось отъ цензорскихъ вымарокъ лишь нѣсколько строчекъ; въ концѣ стояло: „Читалъ исправникъ N“.

Для Ступина оставались тайною ея розыски, ея рѣшеніе прѣхать къ нему, какъ только онъ гдѣ-нибудь оснуется. Но для него и немногія разрозненные строчки были огромнымъ событіемъ, свѣтомъ во тьмѣ: онъ вновь связывали его съ живымъ міромъ, съ личнымъ дорогимъ, казались спасительною рукой, протянутой съ противоположнаго полюса...

XXIII.

Доставлена была ссыльная. Грегоръ помѣстилъ ее въ пустовавшей куртѣ-землянкѣ.

Малорослая, хрупкая, походившая въ дохѣ и пимахъ на какое-то странное существо, носящее съ усиленіемъ свой мѣхъ, она въ тотъ же день явилась къ Ступину и сказала, рекомендуясь:

— Содержательница конспиративной квартиры, Бобруйская!

Замѣтивъ вмазанный въ глиняную стѣнку кусочекъ стекла, замѣнявшій зеркало (у нея въ куртѣ не было и такой роскоши), она утонула въ него, разглядывая свое сѣрое, изможденное лицо, потомъ повернулась рѣзко, точно опечаленная собственнымъ видомъ, и присѣла къ столику, гдѣ готовился у Ступина чай на спиртовой лампочкѣ.

Выпивая одинъ за другимъ стаканы давно не виданнаго ею напитка, она стала, торопливо и задыхаясь, изливаться передъ давно не встрѣчавшимся живымъ человѣкомъ.

Открытіе, что можно потерпѣть и за участіе въ выборахъ, взумило ее.

Она обречена была довольствоваться казенными шестью рублями въ мѣсяцъ; а все—даже бѣлый хлѣбъ („черный“ приготавлился изъ какой-то молотой древесины)—стоило баснословно

дорого, и за провизіей приходилось посылать въ городъ, отстоявшій болѣе чѣмъ на сотню верстъ. У Ступина сердце надрывалось отъ одного вида ея всяческихъ лишеній, отъ молчаливой, суровой покорности судьбѣ. Онъ готовъ былъ дѣлиться съ нею всѣмъ, но нелегальныя мытарства, холодъ жизни надорвали уже ее, привили болѣзненную щепетильность, строптивость. Участіе принимало предъ нею видъ обиднаго соболѣзнованія; нужда заставляла только отдаляться, не выходить по цѣлымъ днямъ изъ землянки, имѣвшей видъ снѣжнаго конуса, изъ обледевшей верхушки котораго вился днемъ и ночью сѣроватый дымокъ.

Она тоскливо, до изнеможенія, ждала извѣстій отъ родныхъ, и скоро начала доходить до бреда, до галлюцинацій. Звонъ колокольчика сталъ чудиться ей наяву. Она выбѣгала къ изгороди, отличала звуки, точно плакавшіе въ морозномъ воздухѣ; видѣла оленя въ снѣжной дали, волочившаго за собою нарту, и все ждала, ждала,—пока не переставало дѣйствовать утомившееся воображеніе, пока сознаніе не убѣждало въ обманѣ... Но опытъ не велъ ни къ чему: колокольчикъ чудился, и Бобруйская снова бѣжала къ изгороди, вѣра твердо каждый разъ, что теперь—не обманъ...

Однажды вечеромъ, придя для обычной „провѣрки“, Грегоръ не ограничился стукомъ въ дверь и окликомъ, а вошелъ въ юрту и вытребовалъ Ступина изъ-за загородки.

— Смыслная у тебя?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. И я не видѣлъ ее сегодня...

— Сказывай!—проревѣлъ Грегоръ.

Ступинъ могъ только повторить свой отвѣтъ.

Грегоръ кинулся за загородку, разметалъ своими длинными жилистыми руками все, что лежало на импровизированной, дощатой кровати, заглянулъ подъ кровать.

— Убѣжала!—воскликнулъ онъ въ изступленіи.

Одна мысль, что хилая, изможденная товарка по несчастію бредетъ въ безконечной снѣжной пустынѣ, ночью, повергла Ступина въ ужасъ.

— Вы стучались къ ней?—спросилъ онъ.

— Не отозвалась; и огня нѣтъ въ юртѣ!

Они пошли виѣстъ.

Зажженная плошка освѣтила пустую, нахолодѣвшую юрту, съ ледяными сосульками на окнахъ и двери. На покрытыхъ соломой нарахъ лежала брошенная доха. Въ углу висѣла на деревянномъ гвоздѣ вытертая мѣховая шубка; рядомъ видѣлось еще что-то...

Грегоръ приблизилъ плошку: въ трепетномъ свѣтѣ ея обрисовалось посинѣвшее, съ выкатившимися глазами, лицо висѣвшей Бобруйской...

XXIV.

Прошло съ мѣсяцъ.

„Одѣваясь“ однимъ утромъ—что значило утирать лицо смоченнымъ въ ледяной водѣ полотенцемъ и надѣвать доху поверхъ не снимавшейся никогда мѣховой рубахи,—Ступинъ услышалъ за дверью загородки чье-то осторожное покашливанье и сквозь щели замѣтилъ рослую фигуру Грегора.

Онъ поспѣшилъ выйти.

Все хищное какимъ-то чудомъ схлынуло съ Грегора; оставалось только прежнее, солдатское... Точно окаменѣвъ въ подобострастной готовности и держа глаза „на начальство“, онъ впервые рѣзливо сказалъ:

— По приказу ихъ высочайшаго вѣдомства, освобождаетесь вы... полностью...

Затѣмъ онъ поклонился и подалъ казенный пакетъ.

Предъ Ступиннымъ все закружилось, въ глазахъ потемнѣло, руки дрогнули. Боясь выказать слабость, онъ молча скрылся за загородку.

Въ бумагахъ исправника было коротенькое извѣщеніе о свободѣ, съ приглашеніемъ въ полицейское управленіе.

Когда Ступинъ, переживъ первую минуту и овладѣвъ собою, вышелъ, Грегоръ былъ еще въ юртѣ, ожидая „приказаній“.

— Я отправлюсь теперь же, Грегоръ,—сказалъ ему Ступинъ.—И если вы желаете помочь мнѣ въ сборахъ, устройте все надобное, то я заплачу вамъ.

Грегоръ „желалъ“.

Судя по приѣмамъ, съ которыми началъ онъ оказывать „давленіе“ на переполошившихся якутовъ, можно было подумать, что онъ рѣшилъ не оставить въ наслѣгъ ни души живой, перевернуть вверхъ дномъ всѣ мазанки...

Спустя какой-нибудь часъ, все было готово.

Ступинъ оставилъ въ пользу Грегора всѣ свои казенные „раціоны“, отдалъ ему наличныя деньги (благодаря строгостямъ администраціи, ихъ было не очень много) и двинулся на собиравшійся въ ближайшему „оленьему“ пункту.

Въ городѣ слѣдовало получить изъ полиціи отобранныя вещи и вещи, дать всякія росписки и подписки. Изъ бумагъ

Ступинъ узналъ, что дѣло освобожденія выпѣло, что переписка шла телеграммами и эстафетами, за чей-то счетъ...

Адресованная лично ему поздравительная телеграмма, показывавшая, что Кэтъ и князь въ Петербургѣ, объясняла все.

Ступинъ повинулъ городъ въ тотъ же день.

Онъ отправилъ Кэтъ телеграмму, извѣщая о выѣздѣ и прося написать ему обо всемъ подробно на его первый будущій привалъ—на узловую желѣзнодорожную станцію.

XXV.

Странныя чувства и мысли волновали Ступина, когда покидалъ онъ свою ледяную могилу. Начиная оттаивать и разбираясь въ оживавшихъ впечатлѣнiяхъ, онъ не безъ удивленiя сознавалъ, что испытанное было какъ будто блѣднѣе представленiя о немъ, что всякіе ужасы страшны только издалека... Даже больше: онъ видѣлъ въ случившемся лучшую, плодотворную школу для себя—обновившую, придавшую силы и крѣпости духовной. Рѣзкое, открытое столкновение съ темною стороною дѣйствительности дало опытъ, расширило кругозоръ. Невольное одиночество, раздумье дали возможность осмыслить многое, надъ чѣмъ среди повседневной суеты не пришлось бы и остановиться никогда; позволили разобраться во многомъ, сознававшемся лишь слитно и смутно... Ступинъ почувствовалъ въ себѣ задоръ обстрѣляннаго, окрѣпшаго борца. Съ души у него точно бремя сваливалось. Мысль рвалась на просторъ, охватывала все свободно, широко, и онъ не имѣлъ власти сковать эту своевольную, непослушную мысль...

Опьяненный вѣявшимъ уже въ воздухѣ запахомъ весны, нахлынувшими родными впечатлѣнiями, утѣлся онъ въ вагонъ окраиннаго желѣзнодорожнаго поѣзда. Невѣроятнымъ, головокружительно-быстрымъ показался ему бѣгъ, что-то веселящее, побѣдное послышалось въ рѣзкомъ паровозномъ свистѣ; могучимъ чудовищемъ, несущимся въ волшебную безконечную даль, представилась коротенькая линiя малоопрятныхъ дребезжащихъ вагоновъ...

На узловой станціи, рано утромъ, Ступинъ чуть не бѣгомъ кинулся по узенькой платформѣ, торопясь въ городъ, за письмами. Навстрѣчу ему показалась стройная женская фигура вся въ черномъ и взволнованно остановилась передъ нимъ...

— Кэтъ!...—могъ только промолвить изумленный Ступинъ.

Да, это была она, блѣдная и счастливая, съ затуманившимися отъ слезъ глазами...

XXVI.

Въ Пенъкахъ Ступины показались лишь спустя годъ. Новость развезла по уѣзду Шипилиха, съ прибавленіемъ, что они и не думали вѣнчаться въ церкви. Свой voyage de pose они совершили заграницей — побывали въ Англіи и Германіи, восхитились Италіей, а потомъ — черезъ Парижъ — проѣхали въ Біаррицъ, гдѣ угасавшая Нина Иракліевна продолжала оставаться на печеніи вѣрной миссъ Кэрби.

Немало новостей ждало ихъ дома.

Благодаря побѣдѣ князя въ Петербургъ, административное неистовство стихло, позволивъ Бельтищеву довести дѣло до конца, и князь былъ избранъ; но бѣда явилась съ другой стороны: губернаторъ не утвердилъ его въ должности. Предводительство перешло къ избранному въ кандидаты Макушеву. Онъ былъ то, что зовется „ни рыба, ни мясо“ — не приносилъ особенной пользы либераламъ, но и не усиливалъ охранителей. Зато Дарья Зиновьевна сразу и высоко подняла знамя предводительши: она перестала принимать „безъ доклада“; вмѣсто домодѣльныхъ бриллиантовыхъ капотовъ появились у нея полковые, отъ модистки; говорить стала она еще изысканнѣе и съ французскимъ произношеніемъ въ ностъ.

Ртищевъ пошло давно съ торговъ за безцѣнокъ и досталось совсѣмъ „сѣрому“ фабриканту миткалей Щербакову. Слышно было, что въ голубой гостиной онъ заколотилъ мраморный камины досками и устроилъ кафельную печь съ лежанкой; что съ приказчиками и крестьянами онъ „строгъ“, что единственное спасеніе для попавшаго въ немилость — дожидаться на паперти выхода его изъ церкви и повалиться ему всенародно въ ноги...

Вѣра Артемьевна взяла окончательно верхъ надъ супругомъ и вступила въ полное распоряженіе Глѣбовомъ. Она прекратила шальную игру въ громадныя заставы и предприняла операцію распродажи земли окрестному крестьянству. Мѣстные кулаки предлагали ей ускорить дѣло — уступить часть земли имъ, но она не согласилась.

Юрловъ какъ-то сразу присмирѣлъ, вступилъ въ фазисъ полноты и облысѣнія, а въ политикѣ повернулъ къ крайнему охранительству, къ брюзжанью. Со своякомъ, успѣвшимъ за время

отсутствіа стать опредѣлившимся, пылкимъ либераломъ, онъ не поладилъ съ первой же встрѣчи. Не замедлила случиться и стычка. Начавъ однажды, за обѣдомъ въ Глѣбовѣ, спорить со Ступиннымъ, Юрловъ заговорилъ иронически:

— Либеральныя идеи хороши-съ! Да-съ!.. Только онѣ, какъ шампанское, игристы очень! Ихъ надо того...—онъ показалъ это руками:—надо закупоривать крѣпко и держать...

— Пока бутылку разорветъ...—докончилъ Ступинъ.

За столомъ всѣ расхохотались, а Юрловъ насупился обидчиво и впалъ въ окончательную холодность къ родственнику.

XXVII.

Пеньковский домъ ожилъ, мобилизовался. Всѣ комнаты были отворены; появились изъ города лакеи, камеристка; изъ Петербурга прибыли новенькіе, прекрасные экипажи, дорогой американскій рояль...

Общала возродиться и ртищевская гостиная. Честные, прямые взгляды Ступина, истинный, здоровый аристократизмъ Кэтъ, ея умъ, милая привѣтливость создавали почву, привлекали всякаго, кто искалъ людей съ общественнымъ интересомъ, въ комъ обскурантизмъ и охранительство не заглушили стремленія къ лучшему.

Вмѣсто дѣла съ крестьянами, затерявагося окончательно въ „порогахъ“, Ступинъ предпринялъ организацію цѣлаго учрежденія. Онъ обращалъ надобное количество земли въ „крестьянское поле“ и давалъ сѣмена, съ тѣмъ, чтобы общество принимало на себя обработку, подъ экономическимъ надзоромъ, и дѣлало изъ урожая общественный запасъ. Въ молодой березовой рощицѣ, рядомъ съ усадьбой, возводилось зданіе „учебной мастерской“. Въ нее предполагалось принимать—бесплатно и на полное содержаніе—ежегодно десять мальчиковъ изъ пеньковского общества для обученія мастерствамъ: столярному, шорному, сапожному и слесарному. „Обучателями“—Ступину очень понравилось это услышанное имъ слово, и онъ удержалъ его—приглашались изъ Бабина мастера-практики. Кэтъ должна была вести съ учениками бесѣды по исторіи каждаго ремесла и кругу жизненныхъ его примѣненій.

Тутъ же, въ рощицѣ, устраивался лѣтній пріютъ для дѣтей, матери которыхъ уходять на полевые работы. Онъ поступалъ въ полное вѣдѣніе Антоновны.

Былъ теплый лѣтній вечеръ, уже сливавшійся незамѣтно съ ночью. Садъ серебрился въ широкомъ и тихомъ сіяніи поднимавшагося мѣсяца. Не зажигая огня, притихнувъ, Ступинъ сидѣлъ въ кабинетѣ, у раскрытаго окна. На него набѣгала и какъ бы сковывала неясная, безотчетная раздвоенность, когда сознаніе и вѣрить, и не вѣрить, сомнѣнія и нарождаются, и отходятъ, и свѣтлыя непонятныя надежды тѣснятся въ душѣ... Наканунѣ обѣдали въ Красныхъ-Пенькахъ князь, Бельтищевъ и нѣсколько дворянъ—„десятниковъ“. И одновременный прїѣздъ ихъ, и что-то общее, скрыто-условное, соединявшее ихъ, навели Ступина съ первой же минуты на мысль, что это—не простой визитъ. Такъ и случилось: они представляли собою какъ бы комитетъ будущихъ выборовъ и предложили Ступину быть предводителемъ, посвятить молодыя силы продолженію дѣла, начатаго Ветлугинымъ. Ступинъ отказывался, ссылаясь на свою неопытность, но его убѣдили и уговорили. Кэтъ была рада, и веселость долго не сходила съ ея лица. Но тогда покончено было только съ формою, съ внѣшностью. Позже придется разобраться по существу, увѣриться въ себя... Предстояла не служба, собственно, не трудъ, не приложеніе силъ и способностей; предстояла борьба за право служить и трудиться, прилагать способности, непосильная оппозиція свѣтлаго темному, возможная стезя бѣдствій... И въ себя Ступинъ не сомнѣвался: по самой натурѣ своей онъ всегда отдавался всякому дѣлу весь, всѣми силами души. По прежнему былъ онъ и смѣлъ, и повтореніе испытаннаго не страшило его. Не задумывалась и Кэтъ надъ могущими быть невзгодами, и онъ вѣрилъ ея словамъ...

Наверху раздались мощные, торжественные звуки и хлынули потокомъ въ ночной, наполненный сіяніемъ воздухъ, разливая чарующую мелодію, трогая за сердце...

Ступинъ откинулся на спинку кресла и весь обратился въ слухъ.

Звуки затихли и умерли. Чьи-то шаги заставили Ступина повернуть голову: въ дверяхъ остановилась Кэтъ—вся въ бѣломъ, облитая луннымъ сіяніемъ.

— Чтѣ это ты играла?—спросилъ Ступинъ.

— Шумана—„Реквиемъ для Миньоны“.

— Мнѣ показалось не церковное что-то...

— Въ немъ и нѣтъ ничего церковнаго. Онъ не въ этомъ стилѣ—похоронномъ... Онъ—чистая поэзія...

Онъ взялъ ее за руку, смотря ей въ лицо, замѣчая невнятный еще имъ взглядъ, горѣвшій восторгомъ счастливаго,

удовлетвореннаго чувства... Ему вспомнился другой ея взглядъ— въ городѣ, послѣ случая на хорахъ,—такъ поразившій его тогда,—строгій взглядъ гнѣвной Минервы... И онъ только теперь постигъ этотъ взглядъ, полный непреклонной духовной силы, и понялъ, что съ нею можно смѣло идти въ жизнь...

Н. СѢВЕРОВЪ.

СЕМЬ ЛѢТЪ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ БАНКѢ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Окончаніе.

III *).

Отношеніе крестьянъ къ дѣлу.

Слишкомъ близко знакомиться съ отношеніемъ крестьянъ къ пользованію банковской помощью мы, конечно, не могли, такъ какъ совѣтъ находился въ большомъ отдаленіи отъ того, что происходило въ разныхъ русскихъ деревняхъ. При всемъ интересѣ къ этому предмету, обо многомъ онъ въ Петербургѣ могъ получать лишь ограниченныя свѣдѣнія, то отъ представителей мѣстныхъ отдѣленій, то отъ явившихся крестьянъ, то изъ самыхъ дѣлъ. Мимо насъ проходило много характерныхъ явленій изъ области самаго совершенія покупокъ: процессъ переговоровъ съ продавцами, употреблявшіеся при этомъ приемы, примѣры достаточной сознательности и самостоятельности дѣйствій крестьянъ, случаи, когда масса ихъ проявляла одну пассивность, поддаваясь уговорамъ продавцовъ или влиянію двухъ-трехъ вожаковъ изъ своей среды, и т. под. Къ словамъ самихъ явившихся крестьянъ

*) См. выше: августъ, стр. 477.

янскихъ уполномоченныхъ нельзя было не относиться съ нѣкоторою осторожностью, такъ какъ между ними - то встрѣчались иногда подобные вожаки, имѣвшіе при покупкахъ свои виды. Поэтому, хотя выдающихся, типичныхъ примѣровъ доходило до насъ и немало, но все же они были только частицею общей картины, на которой нельзя строить широкихъ обобщеній.

Больше приходилось узнавать при личныхъ объѣздахъ членами совѣта крестьянскихъ деревень въ разныхъ губерніяхъ. Тутъ исторія каждой покупки, отношеніе крестьянъ къ своимъ приобрѣтеніямъ и порядокъ пользованія послѣдними обрисовывались до мелочей, такъ что изученіе дѣла давалось если не вширь, то вглубь. Для обобщеній получалось уже больше основаній; только все-таки здѣсь было изслѣдованіе меньше чѣмъ десятой доли всѣхъ покупокъ. Поэтому, соблюдая осторожность, ограничусь здѣсь немногими, явственнѣе обозначившимися общими чертами.

Какъ разнообразенъ нашъ деревенскій міръ, среди котораго верѣдко даже сосѣднія деревни рѣзко отличаются одна отъ другой, такъ же различно бывало и отношеніе крестьянъ къ своему устройству путемъ земельныхъ покупокъ. Иные относились къ нему вполне активно, крѣпко держались за купленную землю, старались исправно вносить платежи и проявляли немало творчества въ организаціи внутренняго порядка по распоряженію землею и вообще по управленію общимъ дѣломъ. У другихъ преобладала пассивность. Землю купили, но къ удержанію ея относились небрежно и, запуская недоимки, не задумывались надъ опасностью продажи этой земли съ торговъ. Нѣкоторые изъ такихъ даже на сходы по общимъ дѣламъ почти не собирались. Это большею частью замѣчалось тамъ, гдѣ инициатива покупки исходила со стороны продавцовъ, а не отъ крестьянъ. Во многихъ случаяхъ, гдѣ крестьяне и очень стояли каждый за свои интересы, сильно вредили дѣлу внутреннія несогласія среди покупателей, особенно у полтавцевъ, большихъ приверженцевъ личнаго начала. Тамъ, при смѣшеніи въ составѣ участниковъ одной и той же покупки людей различной состоятельности, нерѣдко возникала острая борьба, и болѣе богатые старались вытѣснить бѣдняковъ. Въ подобныхъ случаяхъ на сходахъ выступала такая рознь, что иногда сходы расходились, не придя ни къ какому рѣшенію и оставляя запутавшееся дѣло идти къ развалу. Встрѣчались и примѣры крестьянскихъ злоупотребленій банковымъ кредитомъ: счистить цѣнный лѣсокъ на купленной землѣ, попользоваться землею годъ или два, иногда даже сдавая

части ея за деньги въ аренду, но не платя банку, а послѣ изъясненія подобныхъ выгодъ прикинуть банку эту землю и т. под. Наконецъ, большія затрудненія къ успѣшному веденію своего дѣла на купленныхъ земляхъ встрѣчали крестьяне въ недостаточности и неприспособленности къ ихъ новому виду владѣнія существовавшихъ законовъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Однако, если я отмѣчаю здѣсь столько видовъ неблагоприятныхъ явленій, то это не значитъ, чтобы они преобладали въ общей массѣ. Иныя явленія имѣли большій, а другія—довольно ограниченный размѣръ, взаимное же соотношеніе тѣхъ и другихъ трудно поддается учету. Указываю на эти явленія собственно для характеристики условий, отъ которыхъ приходилось терпѣть новому дѣлу. Въ такой огромной массѣ, какую представляла совокупность людей, воспользовавшихся помощью крестьянскаго банка, не могло не быть всякихъ элементовъ, подвергавшихся и всякимъ вліяніямъ.

Крайніе противники крестьянскаго банка увѣряли, что его дѣятельность будетъ только поддерживать въ народныхъ массахъ инстинктивное стремленіе къ захвату земель. Она-де идетъ на встрѣчу народному понятію, что земля, не будучи создана человекомъ,—ничья, а Божья или царская, и потому не должна быть частною собственностью, а слѣдуетъ ей быть въ рукахъ тѣхъ, кто воздѣлываетъ ее своимъ трудомъ. Каждый-де мужикъ смотритъ на землю, какъ на общее достояніе, считая за собою природное право на извѣстную въ немъ долю. Дайте только крестьянамъ—говаривали эти противники—взять землю фактически подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, хотя бы подъ предлогомъ покупки за казенный кредитъ,—они распорядятся ею по своему природному праву: раздѣлять сообща и ничего не станутъ платить, а попробуйте за неплатежъ взять землю назадъ—не вырвете: будутъ защищать силою, и выйдетъ общая смута; при недостаткѣ уваженія къ принципу собственности, каждый и самого себя будетъ считать не собственникомъ своего участка, а лишь хозяиномъ доли общаго владѣнія. Такъ толковали узкіе, односторонніе пессимисты; однако ихъ соображенія даже апріорно являлись совершенно несостоятельными. Каковы бы ни были народныя воззрѣнія на землю, покупки въ той формѣ, изъ какой онѣ совершались съ помощью банка, не могли быть понимаемы народомъ въ смыслѣ полученія общаго достоянія уже потому, что онѣ не всѣмъ были доступны и не представляли никакой равномерности въ основаніяхъ. Однимъ купить удалось, сосѣдямъ ихъ не удалось, даже когда послѣднимъ земля ну-

жиѣ; одни купили больше, а другіе меньше, слѣдовательно каждый пріобрѣтатель получалъ не въ силу общаго права на землю, а въ видѣ результата удачи, своихъ хлопотъ или жертвъ, даже отчасти какъ бы въ ущербъ другимъ, потому что нерѣдко крестьяне конкурировали между собою, и некупившіе завидовали купившимъ. Практика скоро и показала, что покупки съ помощью крестьянскаго банка больше возбуждали въ крестьянахъ духъ собственничества, чѣмъ благопріятствовали представленіямъ объ „общемъ“ достояніи.

Это можно было замѣтить уже въ самомъ началѣ, при раздѣлахъ покупокъ между ихъ участниками. Если были деревни, дѣлившія купленную землю на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежнюю свою надѣльную, т.-е. на „души“, иногда даже старшія ревизскія, то очень многія примѣняли къ купленной другія основанія, производя дѣлежъ подворно, на неравныя доли, и съ выраженіемъ стремленія закрѣпить подобный раздѣлъ на будущее время устраниеніемъ періодическихъ передѣловъ. Было ли тутъ причиною неравенство затратъ участниковъ покупокъ или неравенство силъ для обработки земли, или еще что-нибудь иное, только неравенство земельныхъ долей являлось самымъ обычнымъ явленіемъ не только у южныхъ „подворниковъ“, но и въ мѣстностяхъ стараго общиннаго владѣнія. Мнѣ приходилось видѣть у общинниковъ такіе приговоры о земельномъ раздѣлѣ, въ которыхъ выражалось, что раздѣлъ этотъ произведенъ „навсегда“, и до окончанія срока ссуды крестьяне не должны „отбивать“ другъ у друга полученныхъ участковъ, да и послѣ умершихъ земля должна переходить къ наследникамъ, но не идти въ міръ. Тутъ у крестьянъ образовывалось два одновременныхъ вида владѣнія, одинъ для надѣльной земли, а другой—для купленной, т.-е. послѣдняя явственна отдѣнялась отъ той, какою они владѣли на основаніи своей общей принадлежности къ составу крестьянства. При покупкахъ товарищескихъ, очень часто, въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, покупщики заранѣе предусматривали, что такой-то оставляетъ за собою 15 десятинъ, другой—5, третій—только одну или двѣ и т. д. Подобное означеніе долей вводилось въ самую купчую крѣпость, т.-е. предназначалось на всю будущность. Конечно, оно въ значительной степени поддерживалось вліяніемъ доплатъ къ ссудамъ,—гдѣ онѣ были,—такъ какъ не всѣ имѣли одинаковую возможность вносить ту или другую доплатную сумму, а кто вносилъ больше, тотъ требовалъ себѣ и большей доли земли. Но случалось, что доплаты бывали даже не причиною, а слѣдствіемъ заранѣе пред-

рѣшеннаго неровнаго раздѣла, потому что нѣкоторые зажиточные крестьяне сами желали вносить больше денегъ, чтобы получить на свою долю больше земли. Гдѣ неравенство было предрѣшено крестьянами при самой покупке, но не вошло въ купчую крѣпость, тамъ изъ-за этого возникали большіе раздоры. Всего рѣзче это выступало на югѣ, у подворниковъ. Особенно памятенъ мнѣ два такихъ товарищества, посѣщенные мною въ кievской губерніи. Тамъ, по предварительному уговору, часть крестьянъ оставила за собою большія земельныя доли, внося зато отъ себя на покупку значительныя суммы, тогда какъ другіе внесли гораздо меньше, а нѣкоторые почти ничего. Когда же покупка состоялась, внесшіе меньше стали требовать равнаго дѣлежа земли. Они не отрицали неравенства сдѣланныхъ денежныхъ жертвъ на общее дѣло, но стояли на томъ, что разъ въ купчей доли не означены — всѣмъ слѣдуетъ получить земли поровну, не стѣсняясь ни прежнимъ уговоромъ, ни требованіемъ добросовѣстности. То-есть, люди пытались уже строить свои права не на справедливости, а на одной *документальной* почвѣ. Выступало поползновеніе кляузничества. Внутренняя рознь выражалась иногда и въ другихъ формахъ. Напримѣръ, раздѣлили подворники между собою землю на полосы, но на тѣхъ частяхъ ея, которыя находятся подъ паромъ (т.-е. отдыхаютъ отъ посѣвовъ) пастбище не общее, а каждый пасетъ свою скотину только на своей паровой полоскѣ. На мое замѣчаніе, что вѣдь это неудобно, такъ какъ тутъ нужно больше пастуховъ для наблюденія, чтобы скотъ не заходилъ на чужія полосы, и споры неизбежны, тогда какъ отъ общаго пастбища никому ущерба нѣтъ, — крестьяне отвѣчаютъ: — Правда, мы видимъ, какъ это невыгодно, а все-таки... пусть каждый „знаетъ свою границу“; хоть води каждый свою скотину на веревочкѣ, а чужой межи не переступай!

Если многіе, и притомъ въ различныхъ мѣстностяхъ, такъ стояли за закрѣпленіе неравенства земельныхъ долей, если они такъ отгѣняли купленную землю отъ надѣльной и отграничивались другъ отъ друга, иногда даже стараясь больше держаться за документъ, чѣмъ за обычныя деревенскія воззрѣнія, то тутъ, очевидно, проявлялось усиленіе того же духа собственничества, какой господствуетъ въ другихъ классахъ населенія. При всей осторожности въ обобщеніяхъ и знаніи примѣровъ, гдѣ упомянутого усиленія не замѣчалось, приходится признать, что покупки съ помощью банка или поддерживали традиціонный порядокъ владѣнія, или вытѣсняли его возбужденіемъ инстинкта частной собственности и писанаго права, но не представляли

обратныхъ явленій, — слѣдовательно, въ итогѣ все-таки приносили извѣстный перевѣсъ личнаго начала надъ общественнымъ. Можно это хвалить или не хвалить, но здѣсь я касаюсь одной фактической стороны дѣла. — Что на купленную землю крестьяне смотрѣли какъ на частную собственность, а не владѣніе по праву ихъ принадлежности къ крестьянской массѣ — это выражалось и въ томъ, что когда приходилось отбирать эту землю за недоимку, то, вопреки пророчествамъ, нигдѣ не встрѣчалось сопротивленій, между тѣмъ какъ даже болѣе слабыя затрогиванія земли надѣльной часто вызывали оппозицію въ самыхъ рѣзкихъ формахъ, до массовыхъ бунтовъ.

Владѣніе купленною землею требовало отъ крестьянъ немалыхъ организаторскихъ усилій. Кромѣ раздѣла, надо было ввести способы обсужденія общихъ дѣлъ, сходы покупателей и порядокъ рѣшенія вопросовъ, установить платежныя раскладки, известіе должностными лицами для сбора платежей и счетоводства, для созыва людей, исполненія рѣшеній, сношеній съ властями и т. под. Одинъ земельный раздѣлъ былъ дѣломъ очень серьезнымъ. Нужна бывала съемка земли на планы, нарѣзка каждому участковъ и т. под. Особенно осложнялось дѣло, когда купленная земля отличалась большимъ разнообразіемъ по качеству. Умѣлость крестьянъ справляться съ подобными задачами, разумѣется, въ свою очередь, оказывалась далеко не одинаковою; но если въ однихъ случаяхъ проявлялись небрежность или недостатокъ сообразительности, то въ другихъ выступали даже выдающіеся образцы инициативы. Приведу два примѣра въ черниговской губерніи. Купили крестьяне землю съ очень разнообразною почвою, но при дѣлежѣ не захотѣли прибѣгать къ преобладающему у крестьянъ способу, т.-е. дѣлить землю на сорта и каждому отводить по кусочку cadaго сорта. Нѣтъ, они рассортировали всю площадь по своей собственной денежной оцѣнкѣ, отъ 60-ти до 150-ти рублей за десятину, а затѣмъ поставили вопросъ: кто хочетъ взять дешевую землю, кто — дорогую и кто желаетъ получить свою долю изъ двухъ или трехъ разныхъ сортовъ земли? Соглашеніе состоялось, а такъ какъ дорогая десятина стоила гораздо больше, чѣмъ пришлось на нее банковаго долга, а дешевая — значительно меньше, то взявшіе лучшую землю внесли отъ себя по расчету денежную приплату, а взявшіе худшую — получили изъ этой приплаты вознагражденіе. Такъ различія въ достоинствѣ земли покрылись взаимнымъ денежнымъ расчетомъ. Землю же сняли на планъ, съ указаніемъ на нѣтъ границъ cadaго хозяйскаго участка. Собравшіеся къ моему

пріѣзду крестьяне явились каждый съ особою книжкою, гдѣ было означено: сколько каждый получилъ земли, въ какомъ мѣстѣ находится каждый кусокъ, подъ какимъ номеромъ онъ значится на планѣ, каковы общественная оцѣнка данной земли, размѣръ годового платежа даннаго хозяина и сдѣланныя имъ уже уплаты. Независимо отъ того, велась общая книга съ такими же свѣдѣніями. Недомокъ не было ни копѣйки, взаимныхъ споровъ—ни-за-кѣхъ. Порядокъ блисталъ не только по существу, но и формально.—Въ другомъ случаѣ, крестьяне также расцѣнили разно-качественную землю съ отводомъ по желанію однимъ лучшей, а другимъ худшей земли, но рассчитались между собою не взаимными приплатами, а тѣмъ, что каждому дано было земли на опредѣленную оцѣночную сумму (худшей—больше, лучшей—меньше), платежи же разверстаны были между хозяевами не по числу полученныхъ ими десятинъ, а пропорціонально оцѣночной стоимости ихъ земельныхъ долей. Вотъ какія придумывались иногда системы!

Однако, даже при всей наличности крестьянской творческой инициативы, она во многихъ случаяхъ держалась, такъ сказать, на воздухѣ, потому что созданія ея не имѣли достаточной формальной опоры. Союзъ покупателей могъ устанавливать какую угодно организацію, могъ утверждать раскладки платежей, по-нуждать отдѣльныхъ членовъ ко взносу ихъ, рѣшать какія угодно общественныя дѣла, но авторитетъ его рѣшеній былъ только нравственный, не имѣющій принудительной силы, и потому держался лишь до тѣхъ поръ, пока ему добровольно подчинялись. Между тѣмъ, въ составѣ крестьянъ-покупщиковъ появлялось уже немало своевольныхъ людей или влязунковъ, не хотѣвшихъ признавать общественнаго авторитета и поддававшихся вліянію стороннихъ подговоровъ, а это было крупнымъ зерномъ разлада. Такіе люди не желали повиноваться тому, чего нельзя было заставить ихъ сдѣлать. Когда земля пріобрѣталась цѣлымъ сельскимъ обществомъ, управленіе новымъ земельнымъ дѣломъ могло применить къ готовому сельскому общественному управленію, имѣющему узаконенные сходы, опредѣленныхъ должностныхъ лицъ, обладающему правомъ обязательнаго исполненія рѣшеній, словомъ—могло подчиниться порядку, въ основаніи котораго—законъ, дающій указанія почти по всѣмъ вопросамъ обшденной общественно-хозяйственной деревенской жизни. Но совсѣмъ иное было, когда земельныя покупки совершались товариществами, т.-е. группами только-что соединившихся, собранныхъ изъ разныхъ деревень людей, не составлявшихъ прежде цѣльныхъ общественныхъ единицъ.

Дѣло въ томъ, что „Положеніе“ о банкахъ хотя и установило покупки „товариществами“, но въ законахъ не было ровно ничего опредѣляющаго—что это за товарищества, въ чемъ должна состоять ихъ внутренняя организація, что и какъ они могутъ дѣлать или рѣшать? Законъ зналъ только товарищества коммерческія, промышленныя, да и въ отношеніи къ нимъ давалъ очень поверхностныя указанія, совершенно неспособныя регулировать жизнь тѣхъ многочисленныхъ и разной величины земледѣльческихъ союзовъ, какіе подъ именемъ крестьянскихъ „товариществъ“ создавались дѣятельностью банка. Это былъ крупный пробѣлъ, отчасти характеризующій то отрывочное бумажное законодательство, которое, плохо считаясь съ бытомъ населенія, довольствуется нерѣдко созданіемъ новыхъ названій безъ опредѣленія сущности прикрываемыхъ ими дѣлъ. При такомъ положеніи, исходомъ для разрѣшенія товарищескихъ вопросовъ представлялся развѣ—судъ, а онъ могъ предложить лишь X томъ Свода Законовъ, приспособленный совсѣмъ къ другимъ слоямъ населенія. Прежде, чѣмъ судъ успѣвалъ бы разобрать не терпящія затяжки внутреннія крестьянскіе счета—товарищества успѣвали бы разваливаться отъ неурядицъ и земля ихъ пошла бы въ продажу съ торговъ. Понятно поэтому, что вопросъ о товариществахъ выступилъ однимъ изъ главныхъ для крестьянскаго банка.

До насъ, въ совѣтъ банка, не разъ доходили вѣсти, что въ жизни товариществъ, особенно переселенческихъ, возникаетъ уже немало неурядицы отъ недостатка опредѣленности ихъ внутреннихъ отношеній, и что если этотъ недостатокъ отчасти восполняется собственнымъ крестьянскимъ творчествомъ, то и оно въ значительной степени парализуется отсутствіемъ поддержки со стороны положительнаго закона. Отдѣльные примѣры указывали разные черты того, что необходимо. Стало ясно, что нужно изданіе новаго закона. Но какъ его составить? Сочинять его въ Петербургѣ—значило рисковать и неполнотою, и ошибками, тогда какъ задачею этого закона являлось—дать возможно полный и удачный отвѣтъ на запросы, предъявляемые практикою товарищескаго быта. Мы держались того мнѣнія, что содержаніе для новаго закона надо взять изъ самой жизни, а для этого—внимательно и какъ можно ближе изучить то, что происходитъ въ товариществахъ на мѣстѣ ихъ жительства, подробно переговоривъ притомъ съ крестьянскими массами. Исходя изъ такой мысли, мы пришли къ рѣшенію—произвести обстоятельное изслѣдованіе болѣе или менѣе значительной группы товариществъ въ разныхъ губерніяхъ. А такъ какъ въ то же время чувство-

валясь надобность выяснитъ и разныя стороны переселенческаго дѣла, то и товарищества избраны были нами именно переселенческія, какъ общающія большее полученіе искомаго матеріала.

Въ результатѣ, лѣтомъ 1885 года, я и Храповицкій, распредѣливъ между собою районы изслѣдованія, отправились въ губерніи: харьковскую, полтавскую, екатеринославскую и херсонскую, гдѣ посѣтили въ разныхъ углахъ 25 товариществъ.

При изслѣдованіи сразу обнаружился цѣлый рядъ явленій, показывавшихъ, что почти каждый шагъ въ дѣятельности товариществъ встрѣчаетъ тормазы и опасности, угрожающія самому ихъ существованію. Пришли, напримѣръ, на купленную землю переселенцы, записанные въ купчую крѣпость, но пришли, какъ это постоянно бывало, не всѣ, такъ какъ часть ихъ, во время покупки и переселенія, отстала отъ дѣла: одни раздумали переселяться, а другимъ встрѣтились серьезныя препятствія. На мѣсто части отказавшихся, пристало нѣсколько другихъ крестьянъ, но ихъ положеніе непрочно, потому что они въ купчей не означены, а для замѣны остальныхъ отказавшихся не хватаетъ охотниковъ. Многіе сторонніе и рады бы вступить въ товарищество, но останавливаются передъ такими опасеніями. Положимъ, я возьму здѣсь вакантную земельную долю, но тогда мнѣ надо будетъ построить и распахать цѣлинную землю, заплативъ за это рублей по восьми съ десятины, — такъ какъ для подъема цѣлины нужны быки, мы же имѣемъ только лошадей, — а вдругъ, когда я все это сдѣлаю, вздумаетъ явиться издалека формальный владѣлецъ этой земельной доли и потребуетъ ее на основаніи купчей; вѣдь онъ отниметъ ее у меня и воспользуется всѣми плодами моего труда и затратъ; нѣтъ, приставать къ товариществу опасно! Укрѣпить за собою владѣніе принятою земельною долею вступившему со стороны можно развѣ посредствомъ совершенія съ отсутствующимъ фактивнымъ владѣльцемъ новаго крѣпостного акта; но кромѣ того, что это дорого и хлопотно, — ищи означеннаго владѣльца гдѣ-то за нѣсколько сотъ верстъ! При томъ, не будучи заинтересованъ въ сдѣлѣ, этотъ владѣлецъ можетъ еще заикарничать и предъявлять разныя требованія. Съ другой стороны, и товариществамъ нельзя оставлять много земельныхъ долей нерозданными, такъ какъ распределеніе ихъ между остальными членами можетъ оказаться для послѣднихъ непосильнымъ, а пребываніе этихъ долей впустѣ лишаетъ товарищество значительной части средствъ для платежей банку, т.-е. ведетъ къ такой недомочности, которая грозитъ продажей земли *вслухъ* и уничтоженіемъ всего товарище-

ства. Становилась вполне ясною крайняя необходимость законно упрочить положеніе вновь принятыхъ членовъ и прекратить формальное право тѣхъ фактически отставшихъ отъ товариществъ, которые не приняли участія ни въ хлопотахъ, ни въ затратахъ на земельныя покупки. Сверхъ сказаннаго, всякое общее распоряженіе, касающееся купленной земли и требовавшее оформления при разрѣшеніи или содѣйствіи вышнихъ учреждений, представлялось невозможнымъ потому, что эти учрежденія требовали бы участія *всего* состава товарищества „по купчей“, тогда какъ этотъ составъ нигдѣ не былъ тождественъ съ дѣйствительнымъ, вслѣдствіе объясненныхъ выше отказовъ старыхъ и пріема новыхъ членовъ. — При такихъ условіяхъ, вступленія въ товарищества новыхъ членовъ хотя и практиковались, — даже съ ихъ жертвами, — но или по невѣдѣнію, или на рискъ, уменьшавшій ихъ численность. Словомъ, по *закону* — нельзя было дѣлать ни одного существеннаго шага, а безъ закона — все непрочно и рискованно.

Описанныя путаницы и затрудненія относились главнымъ образомъ къ товариществамъ переселенческимъ, но тотъ же недостатокъ закона сильно затруднялъ жизнь и всѣхъ прочихъ. Напримѣръ, во всякомъ селеніи нерѣдко встрѣчается необходимость передачи земельной доли или части ея однимъ хозяиномъ другому, и тогда это просто осуществляется разрѣшеніемъ сельско-общественнаго схода, но въ товариществѣ это было невозможно, потому что никакихъ сходовъ и общественныхъ рѣшеній для нихъ не было установлено. Значить, изъ-за каждаго двухъ-трехъ десятинокъ подымай громоздкую и непосильную процедуру совершенія крѣпостныхъ актовъ, съ участіемъ нотаріуса и нотаріальнаго архива находящагося въ губернскомъ городѣ окружного суда. Представится надобность надѣлать кому-нибудь вакантный земельный участокъ, товарищескій сходъ и сдѣлаетъ это, но его рѣшеніе доступно оспариванію каждаго на томъ основаніи, что самъ этотъ сходъ не узаконенъ. Вымерла семья какого-нибудь хозяина — въ сельскомъ обществѣ его доля пошла бы въ пользу этого самаго общества, а товарищество подобнаго права наслѣдованія не имѣетъ, — значить, означенная доля должна идти въ пользу того нерѣдко отдаленнаго общества, къ которому умершій былъ приписанъ; и если возникнетъ два-три случая выморочности, то въ составъ товарищества, на правѣ членовъ, войдутъ два-три находящіяся въ разныхъ мѣстахъ цѣлыя общества, что еще сильнѣе увеличитъ путаницу. Отсутствие узаконенности сходовъ вело къ юридической необязательности и, слѣдовательно, практической непрочности даже платежныхъ раскла-

докъ, потому что устанавливать ихъ фактически могъ только товарищескій сходъ. Кто-нибудь изъ членовъ не вносить платежей—надо взыскать эту недоимку изъ его имущества или передать его землю болѣе исправному хозяину; но недоимщикъ сопротивляется, говоря:—А по какому это закону вы имѣете право съ меня взыскивать? Не хочу я знать ни вашего незаконнаго схода, ни поставленнаго вами старосты, потому что какой же это староста, когда онъ „безъ медали“!—Бывали даже такіе примѣры: беспокойный и упрямый членъ товарищества владѣетъ землею и ничего не платитъ, а на понужденія отвѣчаетъ:—Да я и не думаю платить; взыскивать съ меня вы не имѣете права,—значитъ, я своими недоимками могу довести всю вашу землю до продажи; а если вы боитесь потерять землю—платите за меня сами!—Выходило, что хотъ предъявляя судебные иски къ каждому недоимщику изъ-за каждого полугодоваго платежа;—да и чтѣ бы еще вышло изъ подобныхъ исковъ? Впрочемъ, перечисленіе всѣхъ примѣровъ возникавшихъ ненормальностей потребовало бы слишкомъ много мѣста.

Вотъ къ чему приводило установленіе закономъ поземельныхъ „товариществъ“ при забвеніи о необходимости для нихъ внутренней организаціи. До извѣстной степени выручалъ еще здравый смыслъ крестьянъ-товарищей, понимавшихъ, что нельзя жить безъ порядка; однако и этотъ смыслъ часто оказывался бессильнымъ одолѣвать препятствія. Товарищества и сходы составляли, и неформальныхъ старостъ заводили, и приговоры постановляли, и письменныя сдѣлки практиковали, переселенческія—даже и судей для себя выбирали, только все это держалось на воздухѣ.

Послѣ обсужденія въ совѣтѣ банка собраннаго нами матеріала, для насъ съ полною убѣдительною выступила необходимость безотлагательной выработки спеціального законопроекта „о крестьянскихъ поземельныхъ товариществахъ“ и скорѣйшаго представленія его въ государственный совѣтъ. Медлить было невозможно, такъ какъ каждый пропущенный мѣсяцъ длилъ разстройство въ товариществахъ, мѣшая имъ сколько-нибудь успѣшно вести свое дѣло, подвергая ихъ лишнимъ и часто невознагражденнымъ потерямъ, а также усиливая образовавшуюся уже недоимочность. Н. Х. Бунге, прочитавъ наши отчеты объ изслѣдованіи и ознакомившись съ разными объясненіями по этому вопросу, тоже безусловно согласился съ совѣтскими предположеніями. Мы и взялись горячо за дѣло. Все добытое изслѣдованіемъ показывало, что наибольшее число возникавшихъ въ то-

вариществахъ вопросовъ могло быть разрѣшаемо предоставленіемъ товариществамъ такихъ же функцій, какія предоставлены сельскимъ обществамъ, владѣющимъ землями надѣльными, т.-е. нужно: узаконеніе сходоѡ, дача послѣднимъ права рѣшеній большинствомъ голосоѡ, права платежныхъ раскладоѡ, принятія мѣръ по взысканію платежей съ отдѣльныхъ членоѡ, передачи земельныхъ долей неисправныхъ плательщиковъ исправнымъ, распоряженія вакантными земельными долями, приѡма въ товарищества новыхъ членоѡ по простымъ приговорамъ безъ соблюденія крѣпостного порядка и т. под. Поэтому, нашъ законопроектъ и состоялъ главнымъ образомъ въ возможно близкомъ уподобленіи товарищескихъ порядкоѡ—порядкамъ сельскихъ обществъ, установленнымъ „Общимъ Положеніемъ“ 19-го февраля 1861 года. При этомъ, въ подобіе существующимъ въ обществахъ сельскимъ старостамъ, проектировалась въ товариществахъ должность „выборнаго“; предполагалось также прекращеніе земельныхъ правъ отказавшихся отъ товариществъ или неявившихся въ теченіе извѣстнаго срока на купленную землю членоѡ, а товариществамъ переселенцевъ, покинувшихъ родину, предоставлялось преобразовываться на мѣстѣ поселенія въ новые сельскія общества, дѣйствующія на основаніяхъ „Положенія“ 1861 года. Такимъ способомъ имѣлось въ виду вполне легализировать какъ существующій въ каждую данную минуту личный составъ товариществъ, такъ и всѣ необходимыя ему дѣйствія, т.-е. развязать ему руки.

Нужда въ новомъ законѣ была такъ настоятельна, а мотивировка составленнаго проекта представлялась настолько убѣдительною, что противъ него не встрѣтилось возраженій и со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, соглашеніе съ которымъ было необходимо, такъ какъ проектъ подлежалъ представленію въ государственный совѣтъ за подписями двухъ министровъ: финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Зато препятствія встрѣтились иного рода, и отчасти неожиданныя.

Первымъ явилась перемѣна нашего министра. Въ то самое время, когда проектъ былъ уже совершенно готовъ, Н. Х. Бунге долженъ былъ покинуть постъ министра финансовъ (1-го января 1887 года) и получилъ назначеніе въ председатели комитета министровъ, а на его мѣсто поступилъ И. А. Вышнеградскій—человѣкъ совсѣмъ другого типа. Старый желѣзнодорожный дѣлецъ, ловкій дѣятель промышленныхъ предпріятій, онъ интересовался не крестьянскимъ дѣломъ, а больше другими предметами: счетами съ желѣзнодорожными компаніями, усиленіемъ покрови-

тельственой таможенной системы, подкравиваніемъ государственныхъ росписей, биржевыми приѣмами и т. п. Въмѣстѣ съ Бунге, ушелъ изъ министерства финансовъ и солидарный съ нимъ его товарищъ П. Н. Николаевъ, не пожелавшій оставаться при Вышнеградскомъ. Тутъ интересы крестьянскаго банка, бывшіе прежде предметомъ особой участливости, отодвинулись на задній планъ, дѣла его стали затягиваться, а это, между прочимъ, привело къ тому, что законопроектъ о товариществахъ могъ попасть въ государственный совѣтъ едва къ лѣту 1887 года, когда уже наступилъ обычный сезонный перерывъ законодательныхъ работъ. Но еще большія затрудненія встрѣтились въ самомъ государственномъ совѣтѣ. Къ этому времени въ нашихъ правительственныхъ сферахъ возобладало уже большое нерасположеніе къ принципамъ „Положеній“ 19-го февраля 1861 года и вообще къ тому, что ихъ напоминало, а вмѣсто того получили силу старыя мудрованія: искусственное подавленіе въ крестьянской средѣ общественнаго начала личнымъ, стѣсненіе общиннаго владѣнія, сочиненіе для крестьянства новыхъ жизненныхъ нормъ съ пренебреженіемъ бытовыхъ требованій и т. под. Поднялись фонды такихъ идеаловъ, какъ умноженіе крупныхъ земельных участковъ богатыхъ крестьянъ, съ оставленіемъ безъ вниманія участи мелкоты, на манеръ остзейскаго крестьянскаго устройства, — словомъ, тенденціозное сочинительство брало верхъ надъ уваженіемъ къ голосу жизненныхъ нуждъ. Поэтому проектъ нашъ, основанный именно на обращеніи къ основамъ „Положеній“ 19-го февраля, не замедлилъ найти противниковъ, которые хотя и признавали необходимымъ придти на помощь устройству товариществъ, но хѣтели искать для того другихъ образцовъ. Между означенными противниками выдвинулись члены государственнаго совѣта Кахановъ и Дerviзъ, которые и приняли на себя предварительное рассмотрѣніе нашего проекта. Начались частныя совѣщанія; Картавцевъ объяснялся съ упомянутыми членами, отстаивая проектъ, но вполнѣ отстоять его уже не удалось.

Вслѣдствіе объясненныхъ выше препонъ, законъ о товариществахъ въ окончательномъ утвержденномъ видѣ появился только 30-го мая 1888 года, т.-е. уже черезъ полтора года послѣ составленія нашего проекта. Въ немъ ничего не упоминалось о „Положеніяхъ“ 1861 года, но вмѣстѣ съ узаконеніемъ порядка необходимыхъ дѣйствій товариществъ вводилось немало сочинительства. Такъ, постановлено было, что товарищества должны владѣть землею согласно съ условіями заключеннаго между ихъ членами при самой покупкѣ „договора“, отъ котораго не могутъ

отступать и впослѣдствіи, даже если изъ товарищескихъ поселеній будутъ образованы новыя сельскія общества. Этимъ имѣлось въ виду закрѣпить навсегда первоначальное распредѣленіе земли и порядокъ пользованія ею, парализовавъ попытки къ общинному владѣнію, но практически тутъ выходили или напрасное стѣсненіе, или безсодержательность. Когда крестьяне только приступаютъ къ покупке, имъ нерѣдко еще самимъ неясно, какъ имъ придется окончательно распорядиться землею; слѣдовательно, безъ вреда дѣлу имъ нельзя сразу и связывать себя договоромъ о владѣніи на всю будущность; а съ другой стороны, такъ какъ содержаніе означеннаго договора опредѣлялось глухо, неясно, съ просторомъ для существенныхъ недоразумѣній, то въ него могли включать вовсе не то, чего искали сочинители закона; да наконецъ крестьяне могли и совсѣмъ не заключать подобныхъ договоровъ. Еще большая путаница выходила изъ требованія соблюдать договоръ даже послѣ преобразованія товариществъ въ сельскія общества: какъ это — по всѣмъ дѣламъ дѣйствовать какъ общество, а по поземельнымъ — хранить порядокъ бывшаго когда-то товарищества! Для сходовъ дали крестьянамъ уже заимствованіе изъ законодательства объ акціонерныхъ собраніяхъ: если дѣло не рѣшится большинствомъ голосовъ на первомъ сходѣ, то оно обсуждается на второмъ, рѣшенія котораго становятся обязательными, сколько бы людей ни участвовало въ немъ, т.-е. хотя бы пятая или шестая часть товарищескаго состава. Между тѣмъ, крестьянскія понятія вовсе не мирятся съ возможностью рѣшать общія дѣла малою долею общества и всегда требуютъ большинства. Наконецъ, срокъ для отобранія товариществами земли у своихъ неплательщиковъ новый законъ увеличивалъ до трехлѣтняго, обязывая такимъ образомъ товарищества оказывать своимъ неплательщикамъ больше терпѣнія, чѣмъ „Положеніе“ оказывало самимъ товариществамъ. Особенно стѣснительнымъ это являлось въ отношеніи къ непришедшимъ на переселенческую покупку, которые, какъ извѣстно было, навѣрное не придутъ, а все-таки могли три года числить землю за собою, мѣшая укрѣпить ее за настоящимъ участникомъ товарищества. Вообще, придумыванія объѣдали большія неудобства, но — repeat дѣло, fiat сочинительство!

Впрочемъ, несмотря на объясненную порчу, новый законъ все-таки пособилъ товариществамъ, развязавъ имъ руки въ существенныхъ вопросахъ. Неудачныя же нововведенія можно было обходить на практикѣ. Порча являлась показателемъ тенденцій,

усиливавшихся тогда въ законодательной сферѣ, и спустя годъ эти тенденціи выразились въ еще болѣе откровенномъ видѣ.

При обсужденіи новаго вопроса, касавшагося крестьянскаго банка, государственный совѣтъ уже прямо высказалъ, что задачу банка должна составлять не поправка крестьянскаго устройства, не помощь малоземельнымъ, а напротивъ, банкъ долженъ содѣйствовать распространенію крупныхъ земельныхъ участковъ богатымъ крестьянъ; въ виду же того, что „Положеніе“ о банкѣ къ этому не приспособлено, государственный совѣтъ поручилъ министрамъ войти съ представленіемъ объ измѣненіи означеннаго „Положенія“ именно въ смыслѣ помощи богатымъ. — Значить, корми сытыхъ и отворачивайся отъ обездоленныхъ! Ломай характеръ учрежденія въ самомъ корнѣ, сдѣлавъ изъ симпатичнаго антипатичное. Забылось даже то, что банкъ и возникъ-то изъ-за вопроса о крестьянскомъ малоземельи, притомъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ. Сколько тутъ проявилось чуткости къ экономической нуждѣ населенія, и какимъ верхогляднымъ, слѣпымъ и самоувѣреннымъ оказалось отношеніе къ тому крупному дѣлу, положеніе котораго, обостраясь болѣе и болѣе, подготавливало грозный кризисъ! Но—такова была тогдашняя пора. Впрочемъ, предложеніе государственнымъ совѣтомъ столь рѣшительной „реформы“, по разнымъ причинамъ, осталось безъ исполненія.

Такъ, крестьянскому банку, борясь съ различными препонами и обходами въ самой сферѣ своей дѣятельности и оставаясь одинокимъ среди другихъ учреждений, приходилось еще опасаться и возбужденія законодательныхъ вопросовъ, чтобы при семъ удобномъ случаѣ ему не устраивали новаго вреда въ высшей законодательной инстанціи.

Однако, изъ-за того, чтобы досказать исторію вопроса объ организаціи товариществъ, я зашелъ нѣсколько впередъ. Надо вернуться къ тому, что было раньше.

IV.

Министерская перемѣна съ ея послѣдствіями.

Благополучное существованіе крестьянскаго банка, сопровождавшееся добрыми надеждами, длилось нѣсколько дольше первыхъ двухъ лѣтъ. Но затѣмъ стали выступать, одно за другимъ, неблагопріятныя явленія.

Первымъ былъ сильный неурожай 1885 года, поразившій особенно южную половину Россіи. Подрывая средства крестьянъ-покупщиковъ, онъ привелъ къ образованію за немногими изъ нихъ значительныхъ недоимокъ въ платежахъ банку. Невзбѣжными явились отсрочки и разсрочки, увеличивающія будущіе платежи, тогда какъ и съ текущими многимъ справиться было нелегко.

Далѣе наступилъ такъ называвшійся „сельско-хозяйственный кризисъ“, состоявшій въ рѣзкомъ пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ, отъ котораго зашатались и земельныя арендныя цѣны. Пониженіе это, въ болѣе слабой степени, чувствовалось и нѣсколько раньше, начавшись, примѣрно, около 1883 года, но тогда еще неясно было, представляетъ ли оно кратковременное, случайное явленіе или хроническое и возрастающее, какимъ оказалось впоследствии. Завопили помѣщики, пошли жалобы въ печати, но отразилось это и на многихъ крестьянахъ. Стала падать выгодность совершенныхъ крестьянами земельныхъ покупокъ, особенно въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ почти вся земля идетъ подъ зерновые посѣвы. Выходило иногда, что оплатить землю банковымъ платежомъ не легче, чѣмъ купить такое же количество хлѣба, какое съ этой земли получалось, а также что арендованіе сосѣдней десятины обходилось не дороже или дешевле, чѣмъ оплата десятины, купленной съ помощью банка. Подобныя условія, кромѣ жалобъ, вызывали въ нѣкоторыхъ крестьянахъ равнодушіе къ удержанію за собою приобрѣтенной земли, особенно тамъ, гдѣ покупка обошлась сравнительно дороже; а это, въ связи съ другими неблагоприятными обстоятельствами, опять порождало недоимки, въ результатѣ которыхъ являлись невзбѣжныя назначенія купленныхъ земель въ продажу. Такая невзгода тоже всего больше коснулась лучшихъ, черноземныхъ губерній. Понятно, что гдѣ земля производитъ почти исключительно хлѣбное зерно, тамъ кризисъ хлѣбныхъ цѣнъ отражается быстрѣе и чувствительнѣе. Цѣпче держались за землю крестьяне бѣлорусскіе, сѣверные и среднихъ нечерноземныхъ мѣстностей, но у нихъ и положеніе было нѣсколько иное; въ ихъ покупкахъ не было такого рѣшительнаго преобладанія пашень и много было другихъ угодій: луговыхъ, лѣсковъ, выгоновъ для скота и т. под., а выгодность такихъ и притомъ дешево купленныхъ угодій не такъ подвергалась кризису, какъ выгодность дорогихъ хлѣбныхъ полей. Оттого, между прочимъ, и платежи за землю въ худшихъ мѣстностяхъ не такъ затруднялись, какъ на центральномъ или малороссійскомъ черноземѣ.

Какъ бы то ни было, земельныя продажи и платежное дѣло причиняли намъ много огорченій.

Кромѣ такихъ стихійныхъ вліяній, неблагопріятно отозвалось на насъ еще устройство въ концѣ 1885 года новаго—дворянскаго земельного банка. Дѣло не въ томъ, чтобы этотъ послѣдній, по своимъ интересамъ, представлялся противоположнымъ крестьянскому; оба они могли бы существовать параллельно, не мѣшая одинъ другому. Конечно, съ самаго начала было видно, что начинается эпоха неблагоприятнаго „дворянствованія“, причемъ дѣло идетъ не о томъ только, чтобы новый банкъ давалъ дворянамъ оборотные капиталы для имѣній или помогалъ имъ замѣнять прежніе обременительные долги нестѣснительнымъ банковымъ долгомъ; напротивъ, уже ясно обрисовывалась перспектива преувеличенныхъ ссудъ подъ дворянскія имѣнія съ безграничными платежными индულгенціями;—однако, при полной разграниченности обрѣхъ банковъ, крестьянскій могъ бы оставаться свободнымъ отъ всякихъ стѣсненій со стороны своего сосѣда. Но на бѣду, тутъ-то и возникла несчастная мысль о соединеніи управленій дворянскаго и крестьянскаго банковъ. Финансовыя операціи ихъ, правда, поставлены были раздѣльно, но значительная часть должностей по дворянскому банку замѣщена была служившими въ крестьянскомъ, которые, такимъ образомъ, становились дѣятелями двухъ разныхъ дѣлъ. Явился общій управляющій обоими банками, общіе предсѣдатели ихъ мѣстныхъ отдѣленій, даже общій членъ совѣта и т. под.; изъ состава нашего совѣта не пошли въ дворянскій банкъ ни я, ни Храповицкій; не вошли также и нѣсколько предсѣдателей мѣстныхъ отдѣленій. Но въ общей массѣ совмѣстительство приняло такіе размѣры, которые не могли не отозваться чувствительными осложненіями въ жизни крестьянскаго банка. Совмѣстители должны были раздѣлять свой трудъ между служеніями разнымъ цѣлямъ, отчасти обезличивая свою дѣятельность; крестьянскія дѣла неизбѣжно тормазились, а впереди несчастный союзъ банковъ готовилъ еще болѣе скверные сюрпризы. Но онъ утвердился такъ прочно,—приведя вполнѣ къ обращенію крестьянскаго банка на службу дворянскимъ интересамъ,—что держится и до настоящаго времени.

Наконецъ, усилились тревоги за прочность положенія самого Н. Х. Бунге, который былъ дорогъ для крестьянскаго банка по его искренней участливости къ дѣятельности послѣдняго.

Бунге пробылъ министромъ финансовъ всего пять лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, но это короткое время успѣло ознаменоваться рядомъ такихъ выдающихся актовъ, которые дали министерству Бунге

несомнѣнное право на одну изъ самыхъ почетныхъ страницъ въ исторіи нашего финансоваго управленія. Достаточно упомянуть уже о томъ, что въ это время состоялись: пониженіе выкупныхъ платежей, отмена вѣковой подушной подати съ крестьянъ, основаніе крестьянскаго банка и учрежденіе фабричной инспекціи, которая впоследствии подверглась довольно коренному искаженію. Несмотря на трудность финансоваго положенія, которое принято было Бунге еще подъ свѣжимъ вліяніемъ недавно прошедшей турецкой войны и потомъ ухудшилось возникновеніемъ новыхъ политическихъ осложненій (столкновеніе изъ-за „Кушки“, вмѣшательство въ болгарскія дѣла изъ-за тамошней революціи) и неурожаями, Бунге старался не отягощать, а щадить и облегчать платежныя силы населенія, рѣзко отгнѣвившись въ этомъ отношеніи отъ своихъ ближайшихъ преемниковъ, не затруднившихся, при общей бѣдности страны, вытянуть ея бюджетъ до непомерной величины. Старался онъ также положить предѣлъ нашему застарѣлому финансовому грѣху — неумѣреннымъ обращеніямъ къ выпуску бумажныхъ денегъ, вмѣсто чего даже уничтожалъ наличные излишки кредитныхъ билетовъ. Къ государственнымъ средствамъ относился онъ съ заботливою бережливостью, избѣгая непроизводительныхъ затратъ, насколько это было возможно, хотя тутъ выдерживать борьбу было особенно трудно, при усиливавшихся съ разныхъ сторонъ требованіяхъ, поддерживаемыхъ давними привычками и настойчивостью вліятельныхъ лицъ, бывшихъ сильнѣе его. — Во всемъ этомъ проявлялась заботливость человѣка, ищущаго коренныхъ улучшеній общаго экономическаго и финансоваго положенія страны, руководимая притомъ научными взглядами. Однако все это пріобрѣтало Бунге не много сторонниковъ и очень много противниковъ. При объясненныхъ тенденціяхъ, неудобенъ онъ былъ для тогдашнихъ высшихъ правительственныхъ лицъ; не жаловали его въ промышленныхъ сферахъ, недовольныхъ недостаткомъ простора для спекуляцій и одностороннихъ выгодъ; травилъ его ретроградно-репентильная печать и жаловались всякіе представители неосновательныхъ притязаній.

На основаніи предшествовавшихъ государственныхъ актовъ, казалось бы, слѣдовало ожидать, что именно люди, подобные Бунге, должны пользоваться поддержкою высшаго государственнаго авторитета. У всѣхъ еще въ свѣжей памяти былъ объявленный въ 1881 году манифестомъ и разъяснительнымъ къ нему циркуляромъ „о взглядахъ правительства“ призывъ къ „истребленію неправды и хищеній“; тамъ съ рѣзкимъ укоромъ гово-

рилось о распространенности „равнодушія къ общему благу“ со стороны разныхъ дѣателей, о „корыстномъ отношеніи къ государственному и общественному достоянію“, о „снисходительномъ отношеніи къ незаконнымъ способамъ наживы“ и о необходимости „пресѣченія хищеній вездѣ, гдѣ бы они ни обнаруживались“. Все это давало право ожидать, что честными людьми, преданными интересамъ общей пользы, а не личной только, будутъ особенно дорожить, — простора же не будутъ имѣть люди противоположныхъ свойствъ и цѣлей или склонные пробиваться интригами, угодничествомъ, безразличные къ правдѣ и добру и т. п. Бунге представлялъ именно одинъ изъ выдающихся образцовъ безукоризненнаго по чистотѣ стремленій государственнаго дѣателя и самъ искалъ людей соотвѣствующихъ качествъ, а потому, казалось бы, имѣлъ особенное право и на довѣріе, и на прочность положенія. Но немного потребовалось времени, чтобы показать, какъ торжественно возвышаемыя стремленія къ высокимъ цѣлямъ успѣваютъ на нашей почвѣ расходиться съ реальною практикою, особенно когда первый порывъ къ означеннымъ цѣлямъ затихаетъ, уступая дѣйствию времени и новымъ, свойственнымъ означенной почвѣ мотивамъ. Интрига, искательство, подвопы умѣютъ ловко приспособляться ко всякому положенію, когда не встрѣчаютъ прозорливой оцѣнки и соотвѣствующаго отпора, а затѣмъ дѣлаютъ свое дѣло, не пренебрегая никакими средствами, такъ что, будучи даже ясно видны всѣмъ со стороны, остаются незамѣтными лишь тому, кому всего болѣе о томъ вѣдать надлежитъ. И скоро пришлось увидѣть немало административныхъ перемѣнъ далеко не въ духѣ упомянутого выше призыва. Не разъ уходили со своихъ постовъ люди несомнѣнно прямые, руководившіеся интересами общей пользы, а ходъ получали представители какъ разъ иного типа, иногда пользовавшіеся даже сложившеюся уже въ обществѣ неблагоприятною репутаціею, выѣзжавшіе на добытой неразборчивыми средствами протекціи, цѣнимые за безличность и т. п.; — видя это, невольно случалось задаваться вопросомъ: что же осталось отъ призыва, гдѣ его цѣли? Постепенно дошло до того, что увидѣли на министерскомъ посту и Кривошеина, который, какъ-ни-какъ, а пробылъ на немъ слишкомъ два года; на посту же члена государственнаго совѣта — да еще въ департаментѣ законовъ — прославившагося превышеніями власти черниговскаго губернатора Анастасьева.

Слухи о непрочности положенія Бунге стали возникать почти съ самаго начала его министерства и затѣмъ возобновлялись

предъ наступленіемъ cadaго новаго года, только всякій разъ болѣе и болѣе настойчиво, что въ свою очередь было не безсодержательнымъ признакомъ. Кандидатомъ на его постъ сначала называли безцвѣтнаго и податливаго министра государственныхъ имуществъ Островскаго, а потомъ указывали другихъ лицъ, болѣе подходящихъ къ требованіямъ современнаго правительственнаго антуража; только всѣ они какъ-то мало соответствовали роли руководителя государственныхъ финансовъ, во всякомъ случаѣ требующей нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условий. Слухи возбуждали недружелюбные толки противниковъ Бунге, но нѣсколько разъ оказывались не оправдавшимися; однако это часто объясняли тѣмъ, что не нашлся подходящий замѣститель. Бунге—говорили нѣкоторые—только тѣмъ и держится, что на его мѣсто не выскрывается сколько-нибудь удовлетворительный кандидатъ, а тѣ, которые готовы его замѣстить, очень ужъ плохи. Кромѣ иныхъ высшихъ лицъ, не любили Бунге и нѣкоторые чины самого финансоваго вѣдомства, въ прежнее время благоденственно дѣйствовавшіе по старымъ традиціямъ, а при немъ очутившіеся въ положеніи „не въ авантажѣ обрѣтающихся“. Противники односторонне критиковали реформы Бунге и способы его дѣйствій, не скупясь и на недоброжелательныя насмѣшки. Платежныя облегченія населенія выставляли какъ уменьшеніе государственныхъ доходовъ; паденіе курса подъ очевиднымъ вліяніемъ современныхъ внѣшнихъ политическихъ осложненій ставили въ счетъ его неумѣлости; бережливость финансовыхъ средствъ называли проявленіемъ напрасной скупости, и т. д. Одни, насмѣшливо сравнивая Бунге съ экономною монахиней, завѣдывающею въ женскомъ монастырѣ казначейскою частью, прозывали его „мать казначея“; а другіе, не имѣя возможности укорить его какими-нибудь личными поползновеніями и признавая въ немъ несомнѣнную ученость, отзывались, что, можетъ быть, онъ и хорошій „теоретикъ“, но не много понимаетъ въ практикѣ финансовыхъ операций,—что гораздо важнѣе,—а поэтому лучше бы было, еслибъ на его посту находился хоть не ученый, да болѣе ловкій дѣлецъ. Впрочемъ, нѣтъ надобности распространяться о симптомахъ, показывавшихъ, какъ многимъ желалось тогда министерской перемѣны. И дѣло не ограничивалось злорадствомъ или пассивнымъ выжиданіемъ подобной перемѣны. Среди правительственныхъ лицъ проявлялись и попытки активнаго, агрессивнаго воздѣйствія съ цѣлью поколебать положеніе Бунге. Въ этомъ отношеніи обратила на себя особое вниманіе одна очень характерная вылазка.

Товарищъ оберъ-прокурора св. синода Смирновъ составилъ брошюру съ критическими замѣчаніями на дѣятельность министерства Бунге. Здѣсь односторонне осуждались различныя дѣйствія послѣдняго, въ томъ числѣ и платежныя облегченія для населенія. Брошюра, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, отпечатана была въ синодской типографіи, которая, такимъ образомъ, на ряду съ изданіемъ акаѳистовъ, псалтырей и „житій“, поработала для политической полемики, проще — для личнаго похода. Сочиненіе это предназначено было не для публики, а почти исключительно для обращенія въ высшей правительственной сферѣ, почему если теперь у кого-нибудь существуетъ, то въ качествѣ библиографической рѣдкости. О сущности его критическихъ замѣчаній распространяться нечего, такъ какъ они особаго интереса не представляли, да и не въ нихъ была сила. Главная сила была въ одномъ пикантномъ замѣчаніи, гдѣ авторъ, будто попутно, привелъ заключающуюся въ одномъ изъ сочиненій „бывшаго кievскаго профессора Бунге“ фразу, выражающую мысль, что въ государствахъ съ представительнымъ правленіемъ экономическія и финансовыя дѣла могутъ быть ведены лучше, чѣмъ въ неограниченныхъ монархіяхъ. Фраза была выдернута безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, даже прямо оборвана, но ясно была рассчитана на эффектъ: вотъ каковъ бывшій профессоръ Бунге, ставшій теперь министромъ! Словомъ, выступилъ такой же отвратительный пріемъ, къ какому въ древности прибѣгли іерусалимскіе фарисеи, когда, за недостаткомъ обвинительной убѣдительности, такъ успѣшно приперли Пилата словами: если такъ, то ты „не другъ Кесарю“, ты — политически неблагонадеженъ! Однако, каковы бы ни были подобные пріемы по существу, но въ представленіи нѣкоторой категоріи людей они цѣнны тѣмъ, что при извѣстной обстановкѣ дѣйствуютъ успѣшнѣе самой солидной аргументаціи. Брошюра Смирнова надѣлала не мало шума, о ней сильно заговорили, рѣчи о ней проникли и въ печать; Бунге долженъ былъ отвѣтить на нее своею брошюрою, объясняясь и по поводу упомянутой фразы; вышла особаго рода печатная полемика, — только видимыхъ результатовъ на этотъ разъ все-таки не послѣдовало. Можетъ быть, понизился противъ прежняго политическій баллъ для Бунге, но Смирновскій походъ, во всякомъ случаѣ, явился характернымъ проявленіемъ интриги въ тогдашней высшей сферѣ.

Ретроградная печать, въ свою очередь, вела систематическую травлю на министерство Бунге во все время его существованія, причемъ, разумѣется, главную роль играли „Московскія Вѣдо-

мости Каткова, употреблявшаго здѣсь свои извѣстные, характерные приемы. Горячность этой травли ясно показывала, насколько эта темная сила видѣла въ духѣ означеннаго министерства препону своимъ стремленіямъ и покровительствуемымъ интересамъ, и какъ она жаждала скорѣйшей заміны Бунге другимъ министромъ, готовымъ согласоваться съ Катковскими тенденціями, какъ съ современною силою. Тутъ давалось Бунге прозваніе „доктринера“. Безоглядно поддерживая узко-сословные дворянскіе интересы, проповѣдуя широкіе выпуски кредитныхъ билетовъ, какъ самостоятельное средство созданія государственнаго богатства, охраняя выгоды фабрикантовъ и заводчиковъ чрезмѣрными ввозными пошлинами, отстаивая всемѣрное господство нанимателей надъ рабочими и помѣщичьяго класса надъ крестьянствомъ, постоянно вопія объ усиленіи мѣстной власти надъ населеніемъ и объ ограниченіи мѣстнаго самоуправленія, — московская газета громила министерство финансовъ и за осторожность при выдачѣ помѣщикамъ ссудъ изъ государственнаго банка, и за недостаточность таможеннаго покровительства „отечественной промышленности“, и за фабричную инспекцію, и за сокращеніе количества бумажныхъ денегъ, и за дѣятельность крестьянскаго банка, и за податныя реформы, и т. д., и т. д. Не было почти ни одного финансоваго шага, или явленія, въ которомъ бы тогдашній московскій ретроградный пророкъ не находилъ предлога къ обвиненію министерства финансовъ не только въ существенныхъ ошибкахъ, но и прямо въ „противоправительственной политикѣ“. И все это высказывалось такъ рѣшительно, что тутъ слышался тонъ громовержца, разгнѣваннаго существованіемъ не покорившагося доктринера; финансовое же вѣдомство выставлялось уцѣлѣвшимъ при очищеніи другихъ сферъ притономъ вредныхъ для отечества людей. Порядочно доставалось при этомъ и крестьянскому банку: онъ-де и землевладѣніе крестьянизируетъ, и въ народѣ возбуждаетъ вредныя инстинкты и надежды. Усердно вторилъ московской газетѣ и петербургскій „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго, только еще легкомысленнѣе и съ большою примѣсю грубости и пошлости, доходившихъ до того, что, порицая дѣйствія министерства, эта газета вышучивала даже наружность Бунге. Прогрессивная часть печати оппозировала означеннымъ темнымъ органамъ, но, разумѣется, это не могло имѣть почти никакого практическаго значенія въ столь реакціонную эпоху; да и тогдашняя цензура довольно явно покровительствовала нападкамъ на министерство финансовъ, не допуская, конечно, въ слабой доли подобнаго въ отношеніи, напр., къ министерству

ср. Д. Толстого или другимъ вѣдомствамъ, солидарнымъ съ усиливавшимся реакціоннымъ направленіемъ.

Ростъ и значеніе агитаціи противъ Бунге были такъ значительны, что министерство его въ 1886 году представлялось доживающимъ уже свои послѣдніе дни. Весною этого года появился знаменательный признакъ: въ члены государственнаго совѣта назначенъ былъ предсѣдатель правленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ И. А. Вышнеградскій. Это не совсѣмъ подходившее къ обычному порядку назначеніе многими было понято въ томъ смыслѣ, что, вотъ, выдвигается новый кандидатъ на постъ министра финансовъ. И, конечно, Вышнеградскій являлся болѣе лѣвымъ кандидатомъ, чѣмъ всѣ предыдущіе. Человѣкъ несомнѣнно умный, энергичный, ловкій промышленный дѣлецъ, сумѣвшій изъ ничего составить себѣ большое состояніе, пріобрѣтшій, какъ говорили, весьма вліятельную поддержку, не очень разборчивый въ способахъ дѣйствованія и подходящий къ духу современнаго правительства, онъ умѣлъ также искусно считаться со всякими вліятельными силами и требованіями. Въ обществѣ симпатіями онъ не пользовался, и сложившаяся предшествовавшей дѣятельностью его репутація была довольно сложная, но въ данную пору это нисколько не мѣшало его возвышенію. Въ сравненіи съ Бунге, онъ во многомъ представлялся его противоположностью. Неблагопріятное отношеніе къ Бунге въ чуткихъ къ текущимъ вѣтрамъ верхнихъ сферахъ болѣе и болѣе усилялось, выражаясь, между прочимъ, въ готовности содѣйствовать его паденію проваливаніемъ его представленій—благо кандидатъ уже готовъ. Яркій актъ подобнаго рода состоялся въ декабрѣ 1886 года при разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ одного такого представленія.

Дѣло касалось „Общества взаимнаго поземельнаго кредита“ (такъ называемый „золотой банкъ“). Это общество, основанное въ 1865 году для выдачи помѣщикамъ ссудъ подъ имѣнія, установило у себя веденіе всѣхъ расчетовъ на золотую валюту. И закладные листы оно выпускало, и купоны оплачивало, и текущіе платежи съ заемщиковъ требовало по расчету на золото. Нѣсколько лѣтъ, пока цѣнность кредитныхъ билетовъ на золото держалась довольно удовлетворительно или улучшалась, дѣла общества шли сносно; но когда, вслѣдствіе турецкой войны 1877 года, цѣна послѣднихъ сильно упала и положеніе рѣзко измѣнилось. Заемщики на каждый золотой платежъ приходилось отдавать больше, чѣмъ прежде, кредитныхъ рублей. Поднялись громкія жалобы, а

правительство, изъ участія къ помѣщикамъ, приняло на себя часть ихъ платежей, фиксировавъ размѣръ ихъ въ опредѣленной величинѣ. Существованіе „Общества“, такимъ образомъ, обратилось въ постоянный источникъ казенныхъ жертвъ, хотя, тѣмъ не менѣе, „Общество“ продолжало управлять своимъ дѣломъ самостоятельно. Подобное положеніе являлось совершенно ненормальнымъ, такъ какъ, при отсутствіи надеждъ на скорое и рѣзкое повышеніе курса кредитныхъ билетовъ, „Общество“ выбиться изъ затрудненій собственными силами не могло, — слѣдовательно, казнѣ оставалась перспектива платить въ теченіе очень долгаго времени, не имѣя вліянія на порядокъ управленія дѣломъ, въ которомъ къ тому же образовались крупныя растраты. Выходъ представлялся одинъ — взять дѣла „Общества“ въ управленіе министерства финансовъ, на что согласилось и общее собраніе „Общества“. Бунге представилъ въ государственный совѣтъ о присоединеніи дѣлъ „Общества“ къ дѣлу государственнаго дворянскаго банка. Но здѣсь противъ его представленія рѣшительно возстали два члена государственнаго совѣта: Вышнеградскій и Маркусъ. На этой позиціи положено было дать Бунге рѣшительный бой. Отклоняя сліяніе „Общества“ съ дворянскимъ банкомъ, эти два члена противопоставили проектъ конверсіи закладныхъ листовъ „Общества“ съ нѣкоторыми другими комбинаціями. Возникла новая полемика записками, а затѣмъ произошло горячее засѣданіе государственнаго совѣта, въ которомъ Бунге не былъ поддержанъ рѣшительно никѣмъ. Всѣ стали на противоположную сторону, и за представленіе Бунге оказывался одинъ только его собственный голосъ. Этотъ инцидентъ представился уже какъ бы послѣднею горькою каплею на вѣсахъ вопроса объ оставленіи имъ министерскаго поста. 1-го января на его мѣсто былъ уже назначенъ Вышнеградскій, а Бунге занялъ постъ предсѣдателя комитета министровъ. Положеніе почетное, но почти безвліятельное.

Добавочное освѣщеніе приведенному инциденту дала послѣдующая судьба „Общества взаимнаго поземельнаго кредита“, съ которымъ пришлось уже справляться Вышнеградскому. Была испытана и конверсія, но настолько неудачно, что все-таки пришлось обратиться къ сліянію съ дворянскимъ банкомъ. Скоро съ проектомъ такого рода выступилъ тотъ же Вышнеградскій, который при Бунге проваливалъ означенное сліяніе. И на этотъ разъ проектъ прошелъ уже совершенно благополучно, не встрѣтивъ сколько-нибудь серьезной оппозиціи, вслѣдствіе чего бывший „золотой банкъ“ донинѣ продолжаетъ быть особымъ отдѣломъ дворянскаго банка. Правда, на этотъ разъ дѣло не соединялось

съ вопросомъ объ ускореніи паденія одного министра для замѣны его другимъ, приобретающимъ, гдѣ надобно, силу.

Итакъ, на мѣсто Бунге сталъ Вышнеградскій. При полномъ несходствѣ ихъ личностей, эта перемѣна не могла не отразиться на всей фязіономіи министерства.

Для крестьянскаго банка описанная перемѣна, конечно, была очень ощутительна. Изъ предмета особой участливости онъ сталъ едва замѣчаемымъ учрежденіемъ, которое терпится потому, что уже создано и существуетъ, но интересоваться которымъ почти не стоитъ. Это обозначалось уже тѣмъ, что большую часть докладовъ по банку Вышнеградскій предоставилъ своему товарищу, Тернеру, рѣдко принимая ихъ самъ. Къ тому же, въ банкѣ, какъ и вообще въ министерствѣ, распространены были ожиданія не только измѣненій въ политикѣ, но и личныхъ перемѣнъ, такъ какъ, помимо обычности подобнаго явленія при смѣнѣ министровъ, извѣстно было, что къ людямъ, пользовавшимся расположеніемъ Бунге, Вышнеградскій относится совсѣмъ иначе и расположенъ къ другому подбору лицъ, причемъ въ своихъ кандидатахъ у него недостатка не будетъ. Все это вызывало въ нашей средѣ хронически-удрученное состояніе. Исчезала бодрость духа, инициатива теряла энергію, дѣла наши шли по инерціи, по заведенному прежде порядку, въ тревожномъ ожиданіи будущаго, и вообще наступила для насъ сѣрая, тоскливая пора.

Однако Вышнеградскій, больше всего занявшійся новыми налогами для подтагиванія бюджетнаго баланса, конверсіями, введеніемъ новой желѣзнодорожной и биржевой политики и т. д., съ личными перемѣнами не торопился, обнаруживая въ этомъ нѣкоторую выдержку, и приступилъ къ нимъ уже въ концѣ года. Началъ онъ со смѣщенія директора департамента окладныхъ сборовъ А. А. Рихтера—искреннѣйшаго и благороднаго дѣятеля съ большими заслугами по податной реформѣ. Пошли и нѣкоторые другія перемѣны, стали наплывать въ министерство желѣзнодорожники, служившіе прежде подъ началомъ Вышнеградскаго на юго-западныхъ дорогахъ и представившіе новый типъ и т. под. Но до крестьянскаго банка,—можетъ быть, вслѣдствіе меньшаго въ первое время вниманія къ нему,—очередь не доходила въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ. Объ этомъ времени и распространяться здѣсь не стану. Проходило оно для насъ въ обычной работѣ, не представляя чего-либо особенно выдающагося; мы, по возможности, поддерживали свои традиціи, хотя съ меньшимъ

успѣхомъ, и подозрительно относился къ каждому завтрашнему дню. Въ это время тяжелое впечатлѣніе произвела у насъ еще и личная потеря. Въ концѣ 1888 года скончался нашъ товарищъ Храповицкій—одинъ изъ членовъ первоначальнаго состава совѣта банка (Пасхаловъ ушелъ еще раньше), шесть лѣтъ искренно, съ увлеченіемъ и неутомимо принимавшій участіе въ работахъ по организаціи и веденію дѣлъ крестьянскаго банка.

Наконецъ, очередь дошла и до насъ. Хотя и прежде появлялись не совсѣмъ опредѣленные вѣсти о неудовольствіяхъ противъ крестьянскаго банка и его сосѣда—дворянскаго—со стороны разныхъ землевладѣльцевъ, между которыми были и вліятельные, и просто такіе, чьихъ голосъ доходилъ до извѣстныхъ сферъ,—причемъ на крестьянскій преимущественно жаловались за ограниченіе продажныхъ земельныхъ цѣнъ,—хотя иные говорили, что накопленіе подобныхъ неудовольствій способно разразиться большими непріятностями,—но такъ какъ и чувство опасливости отъ затяжки времени притупляется, то при отсутствіи явныхъ тревожныхъ симптомовъ нѣсколько ослабла у насъ острота ожиданій. Среди такого положенія пришелъ 1889 годъ. Начался онъ съ полнымъ наружнымъ спокойствіемъ. Управляющій банками Картавцевъ, въ началѣ этого года, уѣхалъ въ продолжительный отпускъ за границу, и вслѣдствіе того мнѣ пришлось управлять крестьянскимъ банкомъ около трехъ мѣсяцевъ. Все это время мнѣ приходилось быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Вышнеградскимъ, часто являясь къ нему съ личными докладами; разговоры при этомъ бывали сухіе, не очень продолжительные, но доклады проходили совершенно благополучно и не замѣчалось никакихъ признаковъ неудовольствій или какихъ-либо неодобреній. А когда Картавцевъ вернулся, самъ я уѣхалъ по обычаю въ южныя губерніи и, разъѣзжая тамъ, не имѣлъ даже подозрѣній о приближающихся перемѣнахъ. Но тутъ-то и готовился непріятный сюрпризъ. Около половины августа, возвращаясь изъ своей экспедиціи, какъ только я вышелъ изъ вагона на петербургскій вокзалъ николаевской дороги,—тутъ встрѣтилъ меня одинъ изъ членовъ совѣта съ извѣстіемъ, что Картавцевъ совершенно неожиданно уволенъ отъ службы. За день или за два до того, Вышнеградскій, вернувшись со всеподданнѣйшаго доклада, вызвалъ къ себѣ Картавцева и объявилъ ему, что онъ долженъ немедленно подать прошеніе объ отставкѣ. Отъ всякихъ объясненій о причинахъ Вышнеградскій отказался. Эти причины такъ и оставались загадкою. Говорили, будто тутъ отразились неудовольствія нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, не удовлетворен-

ныхъ по дворянскому банку, но вполне вѣрнаго никто ничего не высказывалъ.

На мѣсто Картавцева, управляющимъ обоими банками назначенъ былъ гр. Голенищевъ-Кутузовъ, чѣмъ закрѣпилась казавшаяся до того лишь случайною личною увією роковая связь управленій такихъ разнородныхъ учреждений, какъ дворянскій и крестьянскій банки. Въ крестьянскомъ изъ первоначальнаго состава совѣта остался я одинъ.

Завелись новые порядки. Дѣла стали напрасно задерживаться изъ за сомнѣній — слѣдуетъ ли чѣмъ-нибудь измѣнить заключеніе совѣта, или не слѣдуетъ. Рѣшительно стало отвергаться ограниченіе продажныхъ земельныхъ цѣнъ, чѣмъ открывался просторъ прогрессивному росту ихъ съ увеличеніемъ крестьянскихъ доплатъ къ ссудамъ и полагалось начало той игрѣ въ повышеніе цѣнъ, въ которой потомъ до такихъ „блистательныхъ“ результатовъ доигрались какъ крестьянскій, такъ и дворянскій банки. Усиливалась поддержка интересовъ продавцовъ за счетъ крестьянскихъ, устранялось преимущественное оказаніе помощи малоземельнымъ предъ болѣе сытыми землею, чѣмъ дѣятельность банка приближаема была къ безцѣтной кредитной операціи и т. под. Словомъ, — противодействие оказывалось тѣмъ самымъ началамъ, которыхъ банкъ семь лѣтъ держался, стремясь къ возможному ослабленію малоземелья и предотвращенію невыгодныхъ сдѣлокъ. Отклоняясь отъ первоначальныхъ цѣлей, работа банка становилась вялѣе и безхарактернѣе. При такомъ поворотѣ усилились горячіе споры въ совѣтѣ, и мнѣ пришлось вести неустанную борьбу за банковыя традиціи, испытывая всю остроту оппозиціи, „одного въ полѣ воина“ и потому почти не выходя изъ напряженнаго нервнаго состоянія. Возникали и личные непріятные эпизоды.

Но возможность въ совѣтѣ оппозиціи новому управленію призвана была неудобною; не мирились съ нею обезличивающія стремленія, и противъ нея придумана была оригинальная мѣра. Министромъ испрошено было Высочайшее разрѣшеніе — представить управляющему обоими банками, по своему усмотрѣнію; временно переводить членовъ совѣта крестьянскаго банка въ дворянскій, а дворянскаго — въ крестьянскій. Банкамъ, такимъ образомъ, предстояло временами обмѣниваться своими членами, а практическій результатъ тутъ выходилъ такой: если, напримѣръ, въ крестьянскомъ совѣтѣ оказывается членъ, по своей непокладности твердо стоящій на своемъ и тѣмъ затрудняющій искомыя рѣшенія тѣхъ или другихъ дѣлъ, — перевести его на время

въ дворянскій совѣтъ, гдѣ онъ будетъ нейтрализованъ прочими, и замѣститъ дворянскимъ членомъ, свободнымъ отъ оппозиціоннаго духа. Для устраненія оппозицій подобное средство, конечно, было пригодно, но помимо всего прочаго въ немъ выражалась даже принципиальная несообразность. Этимъ средствомъ обращались въ игрушку коллегіальное начало и независимость голосовъ, а члены совѣта, изъ людей, призванныхъ самостоятельно и по совѣсти охранять интересы дѣла, обращались въ безразличный привѣсокъ къ единоличнымъ тенденціямъ. Имъ выпадало положеніе мячика, произвольно перебрасываемаго съ одной стороны на другую и обратно. Впрочемъ, гдѣ ужъ тутъ было толковать о коллегіальномъ началѣ и независимости, когда само правительство помогало обходу ихъ въ пользу подбора людей для рѣшеній, въ интересахъ личнаго давленія! Мнѣ самому не довелось подвергаться объясненнымъ перебрасываніямъ, но оставшіеся послѣ моего ухода члены совѣта успѣли достаточно ихъ отвѣдать.

Въ началѣ зимы, мнѣ отъ имени министра было предложено—не пожелаю ли я перейти въ дворянскій банкъ, на мѣсто съ большимъ жалованьемъ? Такъ какъ у меня не было ни малѣйшей склонности работать для означеннаго банка, то я отвѣтилъ отрицательно, принявъ къ свѣдѣнію, что въ крестьянскомъ банкѣ меня считаютъ неудобнымъ. А немного спустя, мнѣ частнымъ образомъ сообщено было, что Вышнеградскій настроенъ ко мнѣ непріязненно,—значить, надо глядѣть въ оба.

Положеніе становилось невозможнымъ. Сознаніе безсилія въ отстаиваніи интересовъ дорогаго дѣла, на которое затрачено нѣсколько лѣтъ заботливаго труда, перспектива играть роль объясненнаго выше „мячика“, личные непріятныя отношенія, постоянное нервное волненіе, да еще при существованіи требованія государственнаго совѣта передѣлать крестьянскій банкъ въ смыслѣ оказыванія помощи богатымъ крестьянамъ, вмѣсто мало-земельныхъ,—все это не давало мнѣ возможности выходить изъ удрученнаго состоянія. Чувствовалось, что разрушительная рука заносится на самую суть полезности крестьянскаго банка,—на то, что привлекло меня къ нему. Еслибы дѣло касалось какого-нибудь другого, болѣе безразличнаго дѣла—можно бы замкнуться въ чиновничью скорлупу, ограничившись монотоннымъ исполненіемъ текущей работы; но вѣдь здѣсь дѣло шло о кровныхъ интересахъ живыхъ людей и очень часто отъ того или другого рѣшенія отдѣльнаго дѣла зависѣли или поправка, или разореніе той или другой крестьянской группы. Еслибы было казое-нибудь основаніе

видѣть въ наличномъ состояніи только кратковременный случайный эпизодъ, — можно бы переждать; но въ этомъ состояніи ясно представлялось отраженіе тѣхъ общихъ темныхъ тучъ, которыя въ данное время нависали надъ крестьянскими интересами вообще и надъ другими внутренними вопросами. Оставаться въ банкѣ значило, такъ или иначе, обрекать себя на участіе въ томъ, что претяло душѣ.

Надо было разстаться съ крестьянскимъ банкомъ. И, подыскавъ себѣ способъ выхода, въ началѣ 1890 года, я ушелъ изъ этого банка.

Банкъ пошелъ по новой дорогѣ. Трудно рождался онъ, много нужно было для фактическаго обращенія его въ специальное орудіе противъ опаснаго зла малоземелья — въ способъ исправленія прорѣхъ крестьянской реформы, — но сбиваться съ пути къ тому при новыхъ вѣяніяхъ было гораздо легче. И понадобилось дождаться острой аграрной смуты, чтобы спохватиться и вспомнить, чему долженъ былъ крестьянскій банкъ служить непрерывно и неуклонно.

Ө. Воропоновъ.

ИММИГРАЦІЯ

ВЪ

С.-А. ШТАТЫ

ПО НОВѢЙШИМЪ ДАННЫМЪ АМЕРИКАНСКОЙ СТАТИСТИКИ.

С.-А. Штаты, какъ раньше, такъ и теперь, служатъ притягательнымъ центромъ для всей европейской эмиграціи. Главный потокъ ея направляется въ эту страну, которая если и не течетъ молокомъ и медомъ, то во всякомъ случаѣ отличается необычайно высокими заработками,—а по нынѣшнимъ временамъ это болѣе существенно.

И въ то время, какъ европейская эмиграціонная статистика не можетъ похвалиться своей точностью, дѣло регистраціи иммигрантовъ въ С.-Штатахъ поставлено въ высшей степени удовлетворительно. Благодаря именно этому, и можно на основаніи данныхъ американской статистики установить черты развитія этого социальнаго явленія и отмѣтить характерныя измѣненія, происшедшія въ немъ въ наше время. Послѣдній отчетъ объ иммиграціи въ С.-Штаты содержитъ въ себѣ богатый матеріалъ по интересующему насъ вопросу ¹⁾.

Особый интересъ данныя американской статистики представляютъ для насъ еще и потому, что въ Россіи въ самые послѣдніе годы эмиграціонное движеніе приняло колоссальныя раз-

¹⁾ Annual report of the Commissioner general of Immigration to the secretary of Commerce and Labour. Washington, 1904.

мѣры. Теперь наше отечество справедливо занимаетъ мѣсто въ ряду странъ, отличающихся особенной интенсивностью эмиграціи.

Цифровой матеріалъ разработанъ въ американскомъ отчетѣ образцово. Кажется, отъ составителей не ускользнуло ни одно сколько-нибудь важное обстоятельство въ иммиграціонномъ движеніи. Отчетъ обильно снабженъ прекрасными діаграммами, картограммами и политипажами.

Правда, нѣкоторымъ картограммамъ можно поставить въ упрекъ слишкомъ уже большую детальность. Разсмотрѣніе ихъ требуетъ отъ читателя напряженного вниманія, что объясняется обиліемъ красокъ и сложностью фигуръ.

Общее число иммигрантовъ въ С.-А. Штаты равнялось:

въ 1903 г.	857.046	чел.
„ 1904 „	812.870	„
„ 1905 „	1.026.000	„

(Послѣдняя цифра взята нами изъ телеграфнаго сообщенія изъ Вашингтона. „Прав. Вѣстникъ“, № 253, 1905 г.).

Раньше, особенно интенсивная иммиграція въ Сѣв.-Амер. Штаты наблюдалась въ десятилѣтіе съ 1881 г. по 1890, но и тогда она не превышала, въ среднемъ, ежегодно 524 тыс. чел. Въ слѣдующее десятилѣтіе потокъ иммиграціи замѣтно ослабѣлъ, не превышая, въ среднемъ, въ годъ 386 тыс. Съ началомъ двадцатаго вѣка иммиграція опять поднялась до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ никогда раньше, — такъ что переживаемое нами десятилѣтіе будетъ выдѣляться своими грандіозными размѣрами иммиграціи въ С.-Штаты.

Переселенческое движеніе направляется преимущественно чрезъ портъ Нью-Йоркъ. Въ 1903 г. чрезъ него прошло 73% всей иммиграціи, а въ 1904 г. — 75%. Изъ другихъ американскихъ портовъ приходилось на Бостонъ — 7%, Балтимору — 6%, Филадельфію — 3% и т. д.

Иммигранты въ С.-Штаты такъ распредѣлялись въ 1904 г. по странамъ ихъ происхожденія:

итальянцевъ	196.228	чел.
евреевъ	106.236	„
нѣмцевъ	74.790	„
поляковъ	67.757	„

скандинавовъ	61.029	чел.
англичанъ	41.479	"
ирландцевъ	37.076	"
словаковъ	27.940	"
мадьяръ	23.883	"
хорватовъ и словенцевъ . .	21.242	"
японцевъ	14.382	"
литовцевъ	12.780	"
грековъ	12.625	"
чеховъ	11.911	"
шотландцевъ	11.483	"
французовъ	11.557	"
финляндцевъ	10.157	"
др. національностей . . .	70.515	"

Если мы обратимъ вниманіе на географическое распредѣленіе очаговъ эмиграціи въ Европѣ, то можемъ замѣтить, что центръ эмиграціоннаго движенія передвинулся съ запада на востокъ и югъ Европы. Въ разсматриваемомъ году одни славяне дали С.-Штатамъ 272.396 иммигрантовъ, затѣмъ итальянцы около 200 тыс.,—слѣдовательно, на долю этихъ двухъ національностей приходится больше половины всей иммиграціи въ Америку; между тѣмъ въ предшествующія десятилѣтія наибольшее число эмигрантовъ давали Ирландія, Англія и Германія. Теперь открылись новые источники эмиграціи, и кто можетъ предугадать, съ какою могучей силой они развернутся, быть можетъ, даже въ недалекомъ будущемъ. Волна эмиграціи докатилась и до тѣхъ странъ и народовъ, которые еще такъ недавно отличались кочевностью и неподвижностью.

Не было допущено на территорію С.-Штатовъ на основаніи послѣднихъ законоположеній 7.994 чел. Изъ нихъ 6% пауперовъ, 19% больныхъ заразными болѣзнями и столько же процентовъ законтрактованныхъ рабочихъ. По „Contract labour act“ 1884—85 г. запрещается письменное и словесное заключеніе договоровъ между рабочими и предпринимателями до высадки первыхъ на территорію С.-Штатовъ. Рабочіе, законтрактованные до высадки, не допускаются на территорію. Этотъ актъ, принятый подъ вліяніемъ агитаціи „рыцарей труда“, имѣлъ своей цѣлью, хотя нѣсколько, защитить туземныхъ рабочихъ отъ непосильной конкуренціи иностранцевъ.

Среди недопущенныхъ къ высадкѣ больше всего итальянцевъ, евреевъ и поляковъ. Число недопущенныхъ на террито-

рію С.-Штатовъ замѣтно увеличилось съ 1903 г.; въ этомъ году всѣ отдѣльныя постановленія, касающіяся иммиграціи, были консолидированы въ особомъ актѣ 3-го марта. Были введены нѣкоторые измѣненія въ процедурѣ осмотра иммигрантовъ и усилены наказанія за нарушеніе ихъ. До 1903 г., въ среднемъ, ежегодно не допускалось къ высадкѣ не больше 2—3 тыс., а въ послѣдніе два года—по 8 тыс.

По отдѣльнымъ мѣсяцамъ больше всего иммигрируютъ въ маѣ, апрѣлѣ, мартѣ и іюнѣ; вторая волна иммиграціи, хотя и болѣе слабая, приходится на осенніе мѣсяцы, сентябрь и октябрь. Минимальная иммиграція наблюдается въ январѣ и февралѣ.

Такое распредѣленіе иммиграціи по отдѣльнымъ мѣсяцамъ года вполне естественно. Весной, съ одной стороны, болѣе удобно морское путешествіе, а съ другой, въ это время года легче можно просуществовать въ чужой, незнакомой странѣ. Къ осени оканчиваются сельско-хозяйственныя работы, и крестьянинъ имѣетъ полную возможность, реализировавъ свой доходъ, отправиться въ морское путешествіе.

Кстати сказать, иммигранты прибываютъ въ Соединенные-Штаты далеко не съ пустыми руками. По даннымъ отчета, сумма денегъ, показанныхъ переселенцами, равнялась почти 21 милл. шиллинговъ, т.-е. свыше 10 милл. рублей.

О ростѣ иммиграціи въ Соединенные-Штаты изъ Россіи, включая и Финляндію, можно составить представленіе на основаніи слѣдующихъ цифръ:

Въ 1860 г. переселилось изъ Россіи въ Америку .	156 чел.
„ 1870 „ „ „ „ „ . .	1.130 „
„ 1880 „ „ „ „ „ . .	7.191 „
„ 1890 „ „ „ „ „ . .	35.598 „
„ 1900 „ „ „ „ „ . .	90.787 „
„ 1904 „ „ „ „ „ . .	145.141 „
„ 1905 „ „ „ „ „ . .	184.682 „

Всего Россія дала Соединеннымъ-Штатамъ иммигрантовъ съ 1820 г.—1.452.414 чел.

Эти цифры указываютъ прямо на сказочный ростъ русской эмиграціи. Еще въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ она была незначительна, и поэтому ее можно было игнорировать. Но уже къ концу XIX столѣтія цифра иммигрантовъ достигла

громадныхъ размѣровъ, которые съ каждымъ годомъ растутъ и будутъ расти. Съ восьмидесятаго года по 1900 г., наша иммиграція возросла болѣе чѣмъ въ 12 разъ. Въ послѣднее пятилѣтїе, прямо на нашихъ глазахъ, она удвоилась.

Русская иммиграція такъ распредѣлялась между отдѣльными народностями:

	1900 г.	1904 г.
евреевъ	37.011 чел.	77.544 чел.
поляковъ	32.797 "	32.577 "
финновъ	12.515 "	10.077 "
нѣмцевъ	5.349 "	7.128 "
русскихъ	1.165 "	3.907 "
литовцевъ	—	12.707 "
скандинавовъ	—	871 "

Центръ тяжести нашей эмиграціи лежитъ въ переселенческомъ движеніи среди инородцевъ. На коренное русское населеніе приходился въ 1904 г. всего лишь незначительный процентъ—2⁰/о, на долю евреевъ—53⁰/о, на долю поляковъ—23⁰/о, литовцевъ—8⁰/о, финновъ—7⁰/о, нѣмцевъ—5⁰/о. Сравнительно, съ 1900 г. особенно возросла эмиграція среди еврейскаго населенія, увеличившись за три года болѣе, чѣмъ въ два раза; увеличилось въ такой же пропорціи и число русскихъ эмигрантовъ ¹⁾.

Второе мѣсто по размѣрамъ эмиграціи занимаютъ у насъ поляки. Въ 1904 г. большое участіе въ нашей эмиграціи принимали и литовцы.

Для того, чтобы опредѣлить интенсивность эмиграціоннаго движенія среди отдѣльных инородческихъ группъ, вычислимъ пропорцію эмигрантовъ на тысячу.

На 1.000 человекъ эмигрировало изъ Россіи въ Соединенные-Штаты: евреевъ—15, въ 1905 г.—18; литовцевъ—10, поляковъ, нѣмцевъ, финновъ по—4. Слѣдовательно, и по относительнымъ размѣрамъ эмиграціи первое мѣсто принадлежитъ евреямъ, а затѣмъ уже идутъ литовцы. Для параллели укажемъ относительную интенсивность эмиграціи въ другихъ европейскихъ странахъ за 1904 г. Въ Норвегіи на 1.000 чел. эмигрировало—10, въ Ирландіи—8, Италіи—6, Швеціи—5, Германіи—0,7. Изъ

¹⁾ По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Соединенные-Штаты въ 1905 году эмигрировало изъ Россіи 184.682 чел., въ томъ числѣ 92.888 евреевъ.

этого сопоставленія видно, что наши евреи занимають первое мѣсто по силѣ эмиграціоннаго движенія среди всѣхъ европейскихъ народовъ; въ ровень съ ними не могутъ быть поставлены даже шведы и ирландцы, издавна отличавшіеся сильнымъ эмиграціоннымъ движеніемъ. Литовцы также даютъ высокую пропорцію эмигрантовъ. Что касается поляковъ, нѣмцевъ и финновъ, то они отличаются средней для Европы интенсивностью эмиграціоннаго движенія.

Среди еврейскаго населенія эмиграція приняла столь значительные размѣры, что почти поглощаетъ весь естественный приростъ его. Если эмиграція будетъ идти такимъ же темпомъ и дальше, то, безъ сомнѣнія, мы будемъ наблюдать убыль въ Россіи еврейскаго населенія, — нѣчто подобное тому, что наблюдалось въ Ирландіи. Съ такой силой эмиграція не проявлялась ни въ одной странѣ въ эпохи наибольшаго эмиграціоннаго возбужденія, исключая, конечно, одной Ирландіи, гдѣ, напримѣръ, въ началѣ 80-хъ годовъ эмиграція достигла 16 чел. pro mille.

Для полноты статистической картины иммиграціоннаго движенія въ Сѣверо-Американскіе Штаты, необходимо рассмотреть распредѣленіе иммигрантовъ по полу, возрасту и занятіямъ.

Въ 1903 г. на долю мужчинъ приходилось 72⁰/о, а въ 1904 г. — 67⁰/о. Среди отдѣльныхъ народностей замѣчаются существенныя отклоненія отъ этихъ цифръ.

Высокій процентъ женщинъ даютъ ирландцы — 60⁰/о, финляндцы — 45⁰/о, нѣмцы — 41⁰/о, скандинавы — 40⁰/о, евреи — 39⁰/о, поляки — 34⁰/о, литовцы — 30⁰/о, русскіе — 24⁰/о, итальянцы — 22. Только въ одной Ирландіи наблюдается перевѣсъ женской эмиграціи, какъ исключеніе изъ общаго правила. Это явленіе обратило на себя вниманіе ученыхъ изслѣдователей. Извѣстный статистикъ Г. Майръ объясняетъ его тѣмъ, что изъ Ирландіи многіе переселяются семьями. Новѣйшія статистическія данныя показали несостоятельность такого объясненія. Въ ирландской эмиграціи преобладаютъ одиночки, на семейную же эмиграцію приходится не больше 10 — 12⁰/о. Болѣе вѣрное объясненіе этого факта даетъ Майо-Смитъ. Высокій процентъ женщинъ онъ объясняетъ тѣмъ, что изъ Ирландіи эмигрируетъ много женской прислуги, на которую въ С.-Штатахъ предъявляется большой спросъ. Косвенное подтвержденіе этому мы находимъ въ распредѣленіи эмигрантовъ по занятіямъ: на женскую прислугу изъ Ирландіи приходится около 80⁰/о.

Любопытно, что подобный перевѣсъ женщинъ явленіе недавняго прошлаго; до начала восьмидесятыхъ годовъ перевѣсъ

былъ на сторонѣ мужчинъ. Кстати сказать, и въ отношеніи Германіи наблюдается тенденція къ возрастанію женской эмиграціи за счетъ мужской. Очень можетъ быть, что въ этомъ нужно видѣть общую тенденцію для современнаго эмиграціоннаго движенія.

Дѣтей ниже 14 лѣтъ среди всѣхъ иммигрантовъ было 13⁰/₀; въ возрастѣ свыше 45 лѣтъ—5⁰/₀; такимъ образомъ, болѣе ⁴/₅ иммигрантовъ приходится на самый продуктивный возрастъ—отъ 14 до 45 лѣтъ.

Иммигранты отдѣльныхъ народностей такъ распределяются по возрасту:

	ниже 14 л.:	45 и выше лѣтъ.
евреи	22 ⁰ / ₀	5 ⁰ / ₀
нѣмцы.	17 "	8 "
англичане	14 "	14 "
финляндцы	15 "	3 "
скандинавы	13 "	5 "
итальянцы	13 "	5 "
поляки	12 "	3 "
литовцы	10 "	1 "
русскіе	11 "	4 "
хорваты и словенцы	6 "	3 "

Наиболѣе высокій процентъ дѣтей даютъ евреи, а стариковъ—англичане. Среди народовъ юга и востока Европы наблюдаются минимальные проценты дѣтей и стариковъ. Откуда идутъ въ страну долларовъ преимущественно люди молодые, полные силъ и надеждъ.

По занятіямъ иммигранты въ С.-Штатахъ распределялись такъ въ процентныхъ величинахъ: на либеральныя профессіи приходилось всего лишь 2⁰/₀. Больше всего даютъ иммигрантовъ либеральныхъ профессій англичане и нѣмцы. Ремесленниковъ и квалифицированныхъ рабочихъ было 25⁰/₀, простыхъ рабочихъ—72⁰/₀. Такимъ образомъ, основное ядро иммигрантовъ составляли чернорабочіе. Иммигранты изъ Россіи распределялись слѣдующимъ образомъ:

	либер. профессіи	ремесленники и квал. раб.	простые рабочіе
евреи	1 ⁰ / ₀	66 ⁰ / ₀	32 ⁰ / ₀
поляки	0,2 "	7 "	92 "
литовцы	0,1 "	8 "	91 "

финляндцы	0,7 „	11 „	88 „
русскіе	3 „	17 „	78 „

Максимальный процентъ иммигрантовъ либеральныхъ профессій даютъ русскіе, евреи же даютъ больше всего ремесленниковъ, литовцы и поляки—простыхъ рабочихъ.

Неграмотныхъ среди иммигрантовъ въ С.-Штаты было 25⁰/о.

Среди иммигрантовъ изъ Россіи процентъ неграмотныхъ равнялся 27⁰/о, изъ Австро-Венгріи—25⁰/о; итальянскіе иммигранты давали максимумъ неграмотныхъ—47⁰/о.

Среди отдѣльныхъ нашихъ народностей процентъ неграмотныхъ значительно колебался: больше всего неграмотныхъ иммигрантовъ среди литовцевъ—54⁰/о, затѣмъ идутъ поляки—36⁰/о, русскіе—26⁰/о, евреи—23⁰/о; минимальный процентъ даютъ ямцы—4⁰/о и финляндцы—1⁰/о.

Иммиграція въ С.-Штаты преимущественно направляется въ сѣверный атлантическій округъ—67⁰/о—и въ сѣверный центральный—22⁰/о. Изъ отдѣльныхъ штатовъ больше всего иммигрантовъ осѣдаетъ въ штатѣ Нью-Йоркѣ—32⁰/о—и Пенсильваніи—18⁰/о.

Вопросъ объ иммиграціи имѣетъ первостепенное значеніе для Соед.-Штатовъ; въ цѣляхъ регулированія этого движенія ими принимаются тѣ и другія мѣры. Между прочимъ, въ прошлагодномъ посланіи президента Рузвельта къ конгрессу излагаются нѣкоторые desiderata американской иммиграціонной политики. Основной ихъ мотивъ—оградить Америку отъ наплыва въ нее нежелательныхъ элементовъ. Въ частности президентъ высказывается въ такомъ духѣ: „при допущеніи иммигрантовъ слѣдуетъ обращать вниманіе на ихъ нравственные качества. Не слѣдуетъ руководствоваться соображеніями національных или религіозныхъ различій, но нельзя допускать анархистовъ и людей, исповѣдующихъ анархистскія ученія, лицъ завѣдомо порочныхъ, неспособныхъ къ труду“ и пр. Подобныя слова въ устахъ руководителя государственной политики звучатъ нѣсколько наивно. Гдѣ найти критерій для оцѣнки нравственной порядочности иммигрантовъ? Нельзя же залѣзть имъ въ душу. Опредѣлять на основаніи внѣшнихъ признаковъ нравственный уровень иммигрантовъ—это значило бы дать мѣсто ничѣмъ не оправдываемому произволу.

Заслуживаетъ полнаго вниманія мысль президента о томъ, чтобы вопросъ объ иммиграціи передать на обсужденіе международной конференціи. Безъ сомнѣнія, эмиграціонный вопросъ

существенно затрагиваетъ интересы многихъ государствъ, и всѣ они такъ или иначе заинтересованы въ его разрѣшеніи.

Въ Россіи эмиграціонный вопросъ, несмотря на значительные размѣры нашего переселенческаго движенія, еще не былъ поставленъ на очередь. Помимо громаднаго экономическаго, социальнаго и политическаго значенія эмиграціи, даже изъ одного чувства гуманности необходимо поставить ее подъ контроль государства. Думается, что наши народные представители должны разрѣшить и эту весьма важную проблему государственной политики. Инициатива въ этомъ случаѣ должна идти со стороны представителей тѣхъ губерній, гдѣ особенно сильно проявляется эмиграціонное движеніе.

Принципы для рѣшенія эмиграціоннаго вопроса даны въ богатомъ западно-европейскомъ опытѣ. Можно указать два типа эмиграціоннаго законодательства — нѣмецкій и итальянскій. Въ первомъ сказывается бюрократическій принципъ и отсутствіе спеціализаціи органовъ; наоборотъ, во второмъ — проведенъ принципъ спеціализаціи эмиграціоннаго управленія, и къ широкому участию въ немъ привлечены мѣстныя, общественныя силы. Различаются они и по внутреннему принципу: германское законодательство, помимо защиты интересовъ эмигрантовъ, преслѣдуетъ еще и затаенную цѣль — сохраненіе среди нихъ нѣмецкой національности и направленіе переселенческаго движенія во благо отечества, — иначе говоря, помимо цѣлей эмиграціи оно преслѣдуетъ и цѣли колонизаціи. Напротивъ, итальянское законодательство исключительно имѣетъ въ виду защиту интересовъ эмигрантовъ. Можно указать только два постановленія, гдѣ помимо защиты интересовъ иммигрантовъ преслѣдуются и государственныя цѣли. Первое и главное — эмиграція допускается только чрезъ національные порты; второе — иностранные предприниматели платятъ большій налогъ. По организаціи эмиграціоннаго управленія и эмиграціоннаго судоустройства и судопроизводства, по всесторонней защитѣ интересовъ эмигрантовъ — итальянское законодательство слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, признать наиболѣе совершеннымъ изъ всѣхъ современныхъ эмиграціонныхъ законодательствъ.

Для Россіи ни тотъ, ни другой типъ въ его чистомъ видѣ не подходитъ. Необходимо, при выработкѣ эмиграціоннаго законодательства, принять во вниманіе мѣстныя условія. Въ частности, особенно серьезное вниманіе нужно обратить на эмиграціонныхъ

агентовъ, которые, въ виду отдаленности многихъ русскихъ губерній отъ моря съ одной стороны, а съ другой—въ виду низкаго культурнаго уровня населенія, играютъ у насъ большую роль. Ихъ необходимо поставить подъ строгій контроль. Агентскими записями можно было бы пользоваться, какъ матеріаломъ для статистическаго изученія нашего переселенческаго движенія, какъ это, напримѣръ, и дѣлается въ Швейцаріи.

Затѣмъ, настоятельно необходимо открыть специально русскую эмигрантскую линію въ одномъ изъ нашихъ портовъ, — скажемъ, напримѣръ, въ Либавѣ. Это дало бы сильный толчокъ развитію торговаго флота и отечественныхъ портовъ. Средняя стоимость эмигрантскаго билета на нѣмецкихъ пароходахъ равняется 80—90 руб. Принимая русскую эмиграцію въ 200 тыс. человекъ ¹⁾, мы можемъ сказать, что иностранныя пароходныя компаніи зарабатываютъ съ нашихъ эмигрантовъ 16—18 милл. рублей. А сколько же денегъ наши эмигранты оставляютъ въ портахъ, ожидая отплытія парохода?

Достаточно сказать, что нѣмцы давно уже опѣнили экономическое значеніе русской эмиграціи. Въ прошломъ году „*Vergl. T. 1904*“, предостерегая пароходныя общества отъ поощренія дѣятельности эмиграціонныхъ агентовъ, указывалъ, что если существующее положеніе дѣлъ будетъ продолжаться, тяготящее въ Гамбургъ русское переселенческое движеніе можетъ направиться на Либаву, что тяжело отзовется на интересахъ не только гамбургскихъ пароходныхъ обществъ, но и прусскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Кстати сказать, въ итальянскомъ законодательствѣ прямо запрещается эмиграція чрезъ иностранныя порты; она разрѣшается только въ исключительныхъ случаяхъ, точно указанныхъ въ законѣ.

Въ заключеніе приведемъ поучительныя слова Ромера: „Уже одно простое челоуѣколюбіе, не допускаетъ того, чтобы эмиграція была такъ же свободна, какъ свободенъ полетъ птицъ“.

К. Г. Вовалый.

¹⁾ По даннымъ англійской статистики, изъ Россіи, въ 1904 г., прибыло въ Антію свыше 40 тыс. эмигрантовъ, а у насъ еще существуетъ эмиграція въ Ю. Америку и въ Ю. Африку.

АМЕРИКА И ЯПОНИЯ

Письмо изъ Америки.

Слишкомъ годъ тому назадъ начался въ Китаѣ бойкотъ на американскіе товары—бойкотъ вначалѣ частный, но съ теченіемъ времени сдѣлавшійся общимъ, такъ что въ настоящій моментъ американская вывозная торговля въ Китаѣ, еще только два года тому назадъ превышавшая значительную сумму въ 30 милліоновъ долларовъ, сошла почти на нуль. Главными статьями вывоза были пшеничная мука, керосинъ и хлопчато-бумажные издѣлія. Американская пшеничная мука медленно, но вѣрно вытѣснила рисъ, какъ основу китайской діеты за многія прошлыя тысячелѣтія,—и этотъ вывозъ, быстро усиливавшійся, уже успѣлъ произвести цѣлую революцію на американскомъ пшеничномъ рынкѣ вообще и въ экономикѣ всего тихоокеанскаго побережья въ особенности. Пятнадцать-двадцать лѣтъ тому назадъ, съ паденіемъ цѣны на пшеницу на всемірномъ рынкѣ, ея производство на американскомъ тихоокеанскомъ побережьи было почти повсемѣстно оставлено, такъ какъ цѣны здѣсь стояли значительно ниже, чѣмъ на востокѣ Союза, за отдаленностью и дороговизной перевозки въ Англію, тогда главный покупной рынокъ американской пшеницы. Съ возникновеніемъ китайскаго спроса, тихоокеанское побережье опять взялось за воздѣлываніе пшеницы, сначала въ небольшихъ размѣрахъ въ наиболѣе плодородныхъ мѣстностяхъ, а затѣмъ все больше и больше, причемъ были открыты новыя обширныя пшеницу производящія районы въ восточныхъ частяхъ штатовъ Вашингтона и Орегона, до тѣхъ поръ пустынныхъ, и съ теченіемъ времени были выстроены большіе мукомольные за-

воды въ городахъ Споканѣ, Сіэттлѣ, Портлендѣ; появился цѣлый флотъ судовъ, занятыхъ перевозкой муки въ Китай, и закипѣла новая жизнь и земледѣльская, и промышленная, и транзитная, благодаря этому новому спросу, усиливавшемуся съ каждымъ годомъ и вызывавшему затрату огромныхъ капиталовъ. Цѣна на муку стояла довольно высокая, значительно выше цѣнъ на востокѣ Союза, и пшеничные фермеры и мукомолы побережья процвѣтали и благоденствовали. Особенно поразителенъ, даже для обще-американскихъ шировыхъ и быстрыхъ размаховъ жизни, былъ ростъ города Спокана и прилегающей къ нему восточной части штата Вашингтона, сказочно быстро обратившейся изъ считавшейся долгое время никуда негодной дикой пустыни въ цвѣтущій, богатѣйшій земледѣльский и промышленный районъ, въ которомъ привезенные въ долгъ голландскіе фермеры въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ поголовно превратились въ крупныхъ капиталистовъ. Бойкотъ сразу измѣнилъ положеніе; теперь пшеничныя цѣны здѣсь опять значительно ниже восточныхъ; большинство мукомольныхъ заводовъ было вынуждено закрыться, и благосостояніе цѣлыхъ обширныхъ районовъ кажется окончательно подорваннымъ. Бойкотъ, надъ которымъ сначала болѣе или менѣе остроумно подтрунивали, вдругъ сдѣлался серьезнѣйшимъ факторомъ, настоящимъ народнымъ бѣдствіемъ.

Когда начался бойкотъ, въ Китаѣ проживало около 6.000 американцевъ, включая женщинъ и дѣтей. Изъ нихъ около 3.000 были заняты самостоятельными торговыми дѣлами, экспортомъ и импортомъ китайскихъ и американскихъ товаровъ; 1.500 служили въ разныхъ китайскихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ, какъ профессора, инженеры, врачи и т. д., а 1.500 состояли на миссіонерской службѣ разныхъ вѣроисповѣданій ¹⁾.

Само собой разумѣется, сейчасъ же полетѣли донесенія принципаламъ, самымъ крупнымъ дѣловымъ тузамъ американской промышленности и торговли, съ одной стороны, и разнымъ религиознымъ обществамъ и совѣтамъ съ другой. Въ наше время успѣшная экспортная или импортная торговля требуетъ огром-

¹⁾ Въ Америкѣ глубоко укоренилось убѣжденіе, что только очень незначительная часть ея иностранныхъ миссіонеровъ занята въ дѣйствительности распространеніемъ христіанства,—большинство же ихъ только пользуется этимъ предлогомъ для болѣе успѣшнаго преслѣдованія разныхъ спекулятивныхъ цѣлей, часто прямо эксплуататорски неблаговидныхъ, и доставляетъ своей двойственной дѣятельностью немало самыхъ непріятныхъ хлопотъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ. Это въ сущности не что иное, какъ волки въ овечьей шкурѣ, беззащитныя, безпринципныя торгаши въ миссіонерской рясѣ.

ныхъ оборотныхъ капиталовъ, обширныхъ дѣловыхъ развѣтвленій, серьезныхъ и вліятельныхъ международныхъ связей. Вся эта, такъ неожиданно и существенно задѣтая въ своихъ прямыхъ интересахъ, коммерческая знать обрушилась на президента и министерство иностранныхъ дѣлъ. Послѣдовалъ официальный запросъ китайскому правительству. Хорошо извѣстно, что Вашингтонъ, и въ теченіе, и, въ особенности, послѣ международнаго подавленія китайскаго боксерскаго возстанія, открыто мирвоилъ Китаю, обеспечивая свои спеціальные коммерческіе интересы, въ будущемъ, и что поэтому онъ считъ себя вправѣ особенно возмутиться настоящимъ бойкотомъ. Пекинъ немедленно отвѣтилъ, что официально ему ничего неизвѣстно о бойкотѣ, что онъ приметъ всѣ возможныя мѣры къ его прекращенію, но что, въ то же время, онъ не можетъ признать себя отвѣтственнымъ за дѣйствія частныхъ лицъ, въ данномъ случаѣ китайскихъ купцовъ, которые, конечно, вольны покупать гдѣ и что имъ угодно. Въ то же время купцы эти, побуждаемые оставшимися безъ всякаго *raison d'être* резидентами, представителями американскихъ импортныхъ интересовъ, дали какъ объясненіе прекращенію своихъ заказовъ слишкомъ, якобы, строгое примѣненіе закона Гири о недопущеніи китайскихъ чернорабочихъ въ Соединенные-Штаты. Законъ этотъ дѣйствуетъ уже лѣтъ двадцать, и въ его примѣненіи на практикѣ не было и нѣтъ никакихъ переменъ; тѣмъ не менѣе, Рузвельтъ приказалъ произвести строжайшее изслѣдованіе его примѣненія за послѣдніе года, которое, конечно, закончилось констатированіемъ того факта, что на малѣйшихъ измѣненій не замѣчается. Было изслѣдовано множество отдѣльныхъ случаевъ, на которые ссылались китайскіе купцы,—якобы имѣвшихъ мѣсто въ разныхъ портахъ тихоокеанскаго побережья,—и ни въ одномъ изъ нихъ не было открыто ни малѣйшей неправильности. Сдѣлалось очевиднымъ, что дѣйствительныя причины бойкота были другія, а ссылка на примѣненіе закона Гири служила только предлогомъ для отвода глазъ ¹⁾. Когда все вышеизложенное выяснилось, извѣстная часть прессы пыталась-было приписать бойкотъ торговымъ интригамъ и острой конкуренціи другихъ европейскихъ странъ, преимущественно Англіи и Германіи,—но тщательное изслѣдованіе того, куда по-

¹⁾ Несомнѣнно, что ссылка эта была выбрана съ обычнымъ Дальнему Востоку утонченнымъ коварствомъ: въ Америкѣ хорошо извѣстно, что закону Гири и до сихъ поръ сильно оппозируютъ многіе самые могущественные у насъ капиталистическіе интересы, такъ какъ законъ этотъ былъ проведенъ исключительно по инициативѣ и требованіямъ рабочихъ элементовъ.

решили бывшіе покупатели американскихъ товаровъ съ своими заказами, установило, что вся эта торговля, насколько возможно, перешла цѣликомъ въ руки Японіи, а что европейцы не воспользовались почти ничѣмъ. Пова шли всѣ эти пререканія и изслѣдованія, произошли извѣстные безпорядки въ Шанхай, Кантонъ и другихъ мѣстахъ, и нападенія на нѣкоторыя отдаленныя миссіонерскія станціи, причемъ нѣсколько бѣлыхъ поплатились жизнью и учинены были разгромы имущества. Измѣнились мало-по-малу тонъ и американскихъ официальныхъ сообщеній, и частныхъ корреспонденцій и вѣстей изъ Китая; появились одно за другимъ указанія на то, что бойкотъ есть послѣдствіе рѣзкаго измѣненія китайцевъ къ иностранцамъ вообще, что Китай просыпается, что доктрина „Азія для азіатовъ“ все болѣе и болѣе овладѣваетъ въ немъ умами. Бойкотъ же тѣмъ временемъ все усиливается и распространяется, такъ что многіе американскіе экспортные торговые дома нашлись вынужденными закрыть въ Китаѣ свои конторы и отозвать своихъ представителей. Особенно неудовлетворительны послѣднія извѣстія изъ Манчжуріи. Портъ-Артуръ совершенно закрытъ для какой-либо иностранной торговли, кромѣ японской, а въ Нью-Чвангъ, Антунгъ, Мукденъ и другихъ коммерческихъ центрахъ официальная и неофициальная Японія не останавливается ни передъ чѣмъ, дабы уничтожить всякую иностранную конкуренцію, въ томъ числѣ, конечно, и американскую. Оказывается, что откровеннѣйшая протекціонистская торговая политика Россіи была несравненно безвреднѣе пресловутыхъ „открытыхъ дверей“ Японіи. Эти „открытыя двери“ совершенно замкнулись, и, для Америки, напр., уже успѣли сдѣлаться непроницаемыми относительно всего Дальняго Востока. Пресса наша въ теченіе послѣдняго полугода полна „восточнымъ вопросомъ“ и извѣстіями изъ Китая, Японіи и Кореи, болѣе или менѣе сенсационными въ смыслѣ неизбежности скорого, бѣстраго столкновенія на почвѣ принципа „Азія для азіатовъ“. Конечно, всѣ коммерческіе интересы вообще чрезвычайно трудны, и часто дѣлаютъ изъ мухи слова, какъ только почему-либо урѣзаются ихъ барыши, — а въ данномъ случаѣ бойкотъ несомнѣнно является главной причиной всѣхъ этихъ страховъ; — тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію и то, что и вашингтонскіе правительственные, и всѣ американскія официальныя сферы относятся къ положенію дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ съ большими опасеніями. Хотя Филиппинскіе острова давно официально умиротворены, и военный министръ Тафтъ, и генералъ-губернаторъ Ритъ, и недавно ихъ посѣтившая специальная конгрессиональная

комиссія единогласны въ томъ, что прошлой осенью войска тамъ было больше чѣмъ достаточно,—за послѣдніе три мѣсяца туда съ лихорадочной поспѣшностью отправляются и новыя войска, и огромное количество разнообразѣйшихъ военныхъ припасовъ. Сданные-было по окончаніи испанской войны и филиппинскаго возстанія въ архивъ въ гаваняхъ Санъ-Франциско и Пюджетъ-Саунди военные транспорты всѣ приведены въ порядокъ, и везутъ теперь въ Маниллу одинъ за другимъ все новыя полки, возвращаясь обратно пустыми. До 14.000 пѣхоты, кавалеріи и полевой артиллеріи уже отправлены или готовы къ отправленію; туда же только-что уѣхали считающіеся лучшими нашими боевыми генералами Бэтсъ и Уитонъ. И все свѣжія и свѣжія войска прибываютъ въ Санъ-Франциско для отправки туда же. Не отстаютъ отъ сухопутныхъ и военно-морскія приготовленія. Въ Маниллу отправленъ черезъ Суэцкій каналъ огромный пловучій докъ; туда же направлены съ разныхъ морскихъ станцій многія наиболѣе могущественныя военныя суда. На официальные запросы по поводу этой военной лихорадки правительство неизмѣнно отвѣчаетъ „опасеніями за положеніе дѣлъ въ Китаѣ“. Американскимъ посланникомъ въ Пекинъ теперь состоитъ нѣкто Рокгиллъ, прожившій въ разныхъ мѣстностяхъ Китая много лѣтъ въ разныхъ качествахъ и считающійся у насъ однимъ изъ немногихъ серьезныхъ знатоковъ дальне-восточной психологіи. Несомнѣнно, конечно, что всѣ эти огромныя по нашимъ порядкамъ военныя приготовленія идутъ по его совѣтамъ, и что, слѣдовательно, и онъ, и администрація считаютъ положеніе дѣлъ дѣйствительно опаснымъ и даже острымъ. Есть всяческія основанія думать, что настоящее китайское движеніе—и анти-правительственное вообще, и анти-династическое въ особенности, слѣдовательно—и чисто внутреннее, и анти-христіанское и анти-чужеземное въ то же время. Чтѣ составляетъ главный факторъ, и какое именно всѣ они имѣютъ между собою соотношеніе и какъ они взаимодействуютъ—сказать очень трудно; но вѣроятно, что американскій бойкотъ—не чтѣ иное, какъ случайное внѣшнее проявленіе этого движенія, которое, по всѣмъ видимостямъ, будетъ принимать ту или другую форму, смотря по обстоятельствамъ, и, надо полагать, будетъ расти съ теченіемъ времени, пока не дойдетъ до кризиса. Въ то же время, всѣ частныя источники свѣдѣній объ этомъ движеніи указываютъ на то, что позади этого всеобщаго китайскаго недовольства, дѣлающагося все болѣе и болѣе осознательнымъ, стоитъ во всеоружіи Японія съ ея тайнымъ, но напряженнымъ стремленіемъ

къ политической, промышленной и торговой гегемоніи надъ всѣмъ Дальнимъ Востокомъ, и что китайское возбуденіе и началось, и усиливается, и реагируетъ именно въ томъ направленіи, которое предписывалось и будетъ предписываться эгоистичными японскими интересами. А все положеніе дѣлъ въ міровой политикѣ существенно измѣнилось со времени боксерскаго возстанія 1900 года: — общій концертъ всѣхъ военныхъ державъ теперь невозможенъ, такъ какъ Англія состоитъ въ формальномъ союзѣ съ Японіей, и ея руки безнадежно связаны. Этотъ фактъ является такимъ осложненіемъ, которое исключаетъ возможность единодушнаго давленія бѣлыхъ расъ и на Китай, разъ Японія дѣйствительно тайно руководить имъ.

Современная Америка такъ вѣрить въ свою мощь, неуязвимость и непобѣдимость, что преобладающій тонъ разсужденій ея прессы по поводу войны съ Китаемъ и даже Японіей вызываетъ мысль объ очень интересномъ, веселомъ пикнике, у котораго можетъ быть только одинъ исходъ: быстрое возстановленіе поправленныхъ американскихъ коммерческихъ правъ и преимуществъ, съ приличнымъ вознагражденіемъ за убытки. Не такъ относится къ дѣлу маленькая далекая Австралія, пресса которой за послѣднее время совершенно обуяна страхомъ неизбежныхъ японскихъ притязаній и козней. Австралія переживаетъ очень тяжелыя времена. Она еще не успѣла даже отчасти оправиться отъ страшной многолѣтней засухи, совершенно разорившей ея еще неокрѣпшіе земледѣльческіе и въ особенности скотоводственные интересы, когда наступилъ острый политическій кризисъ, вызванный побѣдой рабочей партіи во всѣхъ колоніяхъ. Эта побѣда и послѣдовавшее за нею крутое классовое законодательство обострили и уяснили финансовую несостоятельность Австраліи, тотъ фактъ, что она живетъ за счетъ будущихъ поколѣній. Многолѣтніе эксперименты съ разными новыми общественными теоріями, производившіеся въ счетъ будущихъ благъ дѣною громаднхъ ежегодныхъ дефицитовъ, покрывающихся всецѣло тяжелыми вѣшними займами, обременили далеко еще не окрѣпшую въ хозяйственномъ отношеніи молодую страну съ очень рѣдкимъ населеніемъ совершенно непосильно ея дѣйствительнымъ ресурсамъ и производительности. Вѣшняя задолженность Австраліи *per capita* вообще, а нѣкоторыхъ ея частей въ особенности, чрезвычайно велика, далеко превышаетъ собою задолженность какого бы то ни было другого государства въ мірѣ и постепенно возрастаетъ, такъ какъ и проценты, и погашеніе по старымъ займамъ неизмѣнно оплачиваются новыми, а экспе-

рименты все расширяются и требуютъ все новыхъ средствъ. Большинство ея желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ многія были выстроены въ послѣдніе года только чтобы дать работу безработнымъ, далеко не оплачиваютъ высокихъ расходовъ по эксплуатаціи и ежегодно прибавляютъ новыя тяжести къ и такъ уже непосильному ярму задолженности. Японскія попятныя на разныя отрасли австралійской промышленности и торговли начались уже сравнительно давно, — а въ послѣднее время съ такою настойчивостью и послѣдовательностью, что вызываютъ въ ея прессѣ настоящую панику. Австралія думаетъ, что, благодаря ея географическому положенію и изолированности, задолженности и рѣдкости населенія, а главное, господству рабочей партіи, невнимательной и индифферентной къ внѣшнимъ опасностямъ, она представляетъ собою въ настоящее время страну съ наименьшей способностью къ сопротивленію японскимъ притязаніямъ всякаго рода, — причемъ, кромѣ того, англо-японскій союзъ лишаетъ ее нѣкоторыхъ, наиболѣе дѣйствительныхъ путей и средствъ къ такому сопротивленію. Насколько всѣ эти страхи и предположенія основательны, мы въ Америкѣ, конечно, знаемъ только очень мало; намъ ясно, однако, то, что въ послѣднее время они составляютъ главную австралійскую злобу дня, пересиливающую даже всѣ ея внутреннія неурядицы. Несомнѣнно и то, что международные результаты печальнаго исхода русско-японской войны начинаютъ уже осязательно ощущаться въ разныхъ мѣстахъ земного шара. Американскій Союзъ уже поплатился крайне существенно: и утратой своей китайской торговли, и усиленными военными издержками. Хотя правительство еще не требовало спеціальныхъ кредитовъ, благодаря блестящему положенію нашего государственнаго казначейства, — если эти лихорадочныя военныя приготовленія будутъ продолжаться, въ непродолжительномъ времени придется прибѣгнуть и къ особымъ финансовымъ мѣрамъ. Австралія тоже говоритъ о необходимости вооруженія, и даже отчасти уже вооружается — пока медленно, но только потому, что, во-первыхъ, у нея нѣтъ денегъ, а во-вторыхъ, британская гегемонія, конечно, оказываетъ существенное сдерживающее вліяніе.

Все вышеизложенное объяснить читателю, почему въ нашей прессѣ произвела огромную сенсацію недавно появившаяся въ „Collier's Weekly“ статья Фредерика Пальмера: „Почему Японія заключила миръ“. „Collier's Weekly“ — еженедѣльный иллюстрированный журналъ, превосходно обставленный во всѣхъ отношеніяхъ, очень серьезный и обстоятельный, съ огромной цирку-

ляцией и пользующійся большимъ авторитетомъ въ глазахъ нашихъ массъ. Во все теченіе войны онъ содержалъ до десятка специальныхъ корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ ея театра, не жалѣлъ никакихъ издержекъ, и его статьи и иллюстраціи сразу заняли первенствующее мѣсто во всей громадной журнальной литературѣ предмета, а Пальмеръ выдвинулся особенно, какъ безпристрастный и зоркій наблюдатель. Вѣроятно благодаря точности и обстоятельности своихъ свѣдѣній, „Collier's Weekly“ былъ однимъ изъ очень немногихъ крупныхъ американскихъ изданій, которыя не идолопоклонствовали передъ японскими успѣхами и объясняли ихъ не изъ ряду якобы выходящимъ японскимъ военнымъ и морскимъ превосходствомъ, а преступной неподготовленностью Россіи и поразительной деморализацией всей ея правительственной системы, отозвавшейся крайне пагубно и на ея арміи и флотѣ. Мукденъ и Цусима аналогичны съ Мепомъ и Седаномъ:—не особенное превосходство Германіи, а коренное развращеніе Франціи бонапартизмомъ было причиной результатовъ франко-прусской войны 1870—71 гг. Сущность вышеупомянутой статьи заключается въ слѣдующемъ: небольшая группа японскихъ государственныхъ людей, управлявшая политикой страны, начала войну, будучи увѣрена, что Японія будетъ въ состояніи одержать нѣсколько побѣдъ, но не сможетъ достигъ существенныхъ результатовъ въ смыслѣ обезсилія Россіи; что общественное мнѣніе всего міра относительно Дальняго Востока было искусно направляемо изъ Токио, и съ такимъ успѣхомъ, что вскорѣ финансовыя воротилы всемірнаго рынка сочли Японію непобѣдимой, и всѣ ея денежныя потребности были обезпечены за небольшіе проценты; что послѣ паденія Портъ-Артура Японія уже стремилась къ миру, но боялась заявить объ этомъ, опасаясь ободръть такимъ заявленіемъ Россію; что донесенія Ойямы о русскихъ потеряхъ въ битвѣ подъ Мукденомъ были умышленно вѣрны, и вся публицистическая кампанія для всеобщаго потребленія была руководима изъ Токио такъ искусно, что весь свѣтъ вѣрилъ лжи Ойямы и не вѣрилъ правдѣ Линевича; что послѣ битвы подъ Мукденомъ иностранные корреспонденты, собранные въ Токио, были умышленно введены японскимъ правительствомъ въ заблужденіе увѣреніями, что Ойяма тѣснилъ Линевича, тогда какъ въ дѣйствительности ничего подобнаго не было; что корреспондентовъ при арміи кормили недѣлю за недѣлей новостями изъ американскихъ газетъ, что Линевичъ былъ уже „окваченъ безудержно фланговыми движеніями“ Ойямы, и что ежеминутно ожились самыя рѣшительныя военныя новости, тогда какъ въ дѣй-

ствительности японская армія стояла на мѣстѣ и не дѣлала даже попытокъ къ наступленію на Линевица; что въ теченіе года, протекаго послѣ битвы подъ Лаояномъ, Ойяма подвинулся впередъ всего на сто двадцать миль, и что, наконецъ, Японія опасалась, что ей не выиграть слѣдующаго генеральнаго сраженія; битва же подъ Мукденомъ была настолько же нерѣшительна, какъ и битва подъ Антіетамомъ ¹⁾. Въ заключеніе Пальмеръ говоритъ, что хотя весь свѣтъ призналъ Японію побѣдительницей, а Россію побѣжденной, въ дѣйствительности положеніе было отнюдь не окончательно рѣшеннымъ. Японія выиграла войну, благодаря своему умѣнью устранивать свои дѣла и полной несостоятельности русскаго государственнаго и военнаго управленія. Такъ думаютъ теперь многіе въ Америкѣ.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

П. А. Тверской.

¹⁾ Антіетамъ или Шарпсбургъ—одна изъ самыхъ упорныхъ и кровопролитныхъ битвъ междоусобной войны 1861—1865 годовъ, въ которой Ли дрался въ 1862 году съ Макъ-Клеманомъ и отступилъ, причемъ, однако, и Макъ-Клеманъ былъ настолько истощенъ, что не могъ его рѣшительно преслѣдовать, такъ что битва эта не имѣла никакихъ осязательныхъ результатовъ.

НЕ РОДНОЙ СЫНЪ

Романъ Клары Фивихъ.

— Einer Mutter Sohn. Roman von Clara Viebig. Berlin. 1906.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Окончаніе.

ХІІІ *).

Часы въ домѣ стучали страшно громко. Они звучали въ ночной тишинѣ, какъ предостерегающіе голоса. Какъ безумно быстро несло время! Только-что былъ вечеръ, затѣмъ—полночь, а вотъ сейчасъ часы на каминѣ звонко, рѣзко и коротко пробили часъ.

Одинокая женщина, вздрогнувъ, прижала руки къ головѣ. У нея стучало въ виски, и мучительныя мысли проносились съ безумною быстротою, неудержимо и поспѣшно, подобно немолчному тиканью часовъ.

Всѣ въ домѣ спали — слуга, обѣ дѣвушки, даже мужъ ея. Она одна до сихъ поръ не спала. И внѣ дома все уже было погружено въ сонъ. Сосны неподвижно стояли вокругъ дома, и ихъ темныя силуэты рѣзко вырисовывались на серебристомъ ночномъ небѣ. Ни возгласа, ни звука шаговъ, ни грохота колесъ, ни пѣсни, ни смѣха, ни собачьяго лая. Лишь нѣчто похожее на

*) См. выше: августъ, стр. 596.

вдохъ проносилось вокругъ бѣлой виллы съ красною крышею и зелеными ставнями.

Мать, ожидавшая сына, прислушалась: кто тамъ? Но это былъ ночной вѣтеръ, пытавшійся пошевелить вѣтви старой сосны... Кэте Шлибенъ стояла теперь у окна; она перегнулась черезъ подоконникъ. Насколько она могла видѣть—ни души не было на улицѣ. Онъ все еще не возвращался. Пробило два. Уже не въ первый разъ Кэте просиживала здѣсь, ожидая Вольфганга, но такъ онъ никогда еще не запаздывалъ. Пауль ничего не имѣлъ противъ того, чтобы предоставить ему свободу. „Душа моя,—говорилъ онъ женѣ,—ты этого не передѣлаешь. Ложись и спи, это будетъ гораздо благоразумнѣе. У юноши есть ключъ, онъ вернется цѣлъ и невредимъ. Нельзя держать его на привязи. Если станешь удерживать его, ты заставишь его возненавидѣть домъ“.

Конечно, она не думаетъ держать его на привязи. Но можетъ ли она спокойно лечь въ постель? Вѣдь она все равно не заснетъ. Гдѣ онъ можетъ быть?

Кэте посѣдѣла. За три года, прошедшихъ со времени конфирмаціи сына, она очень измѣнилась наружно. По мѣрѣ того какъ Вольфгангъ росъ и набирался силъ, подобно молодому деревцу, она поникала, какъ растеніе, отягченное дождемъ и готовое завянуть. Ея нѣжныя черты были тѣ же, но кожа, долго сохранявшая дѣвическую свѣжесть, поблекла, глаза потускнѣли отъ слезъ; знакомые находили большую переимѣну въ фрау Шлибенъ. Теперь, смотря въ зеркало, Кэте не краснѣла отъ удовольствія, радуясь своей молодости; она даже не любила смѣтрѣться въ зеркало. Никто не зналъ, что подточило ее; зналъ это лишь Пауль, но тотъ никогда не касался въ разговорѣ съ нею этого предмета. Къ чему растравлять старыя раны?

Онъ остерегался упоминать о днѣ конфирмаціи. Такъ было удобнѣе. Разумѣется, онъ въ то время пробралъ юношу, выяснилъ ему всю его неблагодарность и потребовалъ болѣе любящаго и чуткаго отношенія къ матери. И тотъ, безъ сомнѣнія рассказавшись въ своемъ порывѣ, стоялъ какъ грѣшникъ, не говоря ни слова, не поднимая глазъ. Онъ позволилъ подвести себя къ матери, которая обвила его шею обѣими руками, цѣловала и плакала надъ нимъ. И затѣмъ о прошедшемъ больше не было рѣчи.

Бѣлая вила, утопавшая въ зелени, всѣмъ бросалась въ глаза своею уютностью. По воскресеньямъ наѣзжавшіе изъ Берлина гуляющіе останавливались у кованой рѣшетки, любуясь множе-

своимъ цвѣтовъ, чудными розами и вьющимися растеніями; зимою онъ видѣли свозъ толстыя стекла оранжерей азалий и камелий, пестрые тюльпаны и ранніе гіацинты. Дама въ бѣломъ суконномъ платьѣ, съ волнистыми сѣдыми волосами и кроткимъ лицомъ, на которомъ мелькала грустная улыбка, гармонировала съ домомъ, съ цвѣтами, съ уютностью этого угла. „Прелесть!“ — говорили прохожіе.

Когда Вольфгангъ, будучи еще мальчикомъ, слышалъ нѣчто подобное, онъ строилъ рожи этимъ людямъ. Какое было ему дѣло до красоты сада и дома? Теперь ему льстило восхищеніе людей. Да, здѣсь дѣйствительно не дурно. Онъ сталъ это сознавать.

Кэте и Пауль никогда не придавали особой цѣны деньгамъ; они были богаты, и хорошая обстановка казалась имъ естественной; они и не подозревали, что сынъ научился цѣнить богатство. Теперь, когда Вольфгангъ вспоминалъ, какъ онъ, въ мальчишеской необузданности, пренебрегалъ всѣмъ этимъ, бѣжалъ невѣдомо куда, безъ денегъ, безъ куска хлѣба—онъ насмѣшливо улыбался: до чего по-дѣтски! А когда онъ припоминалъ, что, будучи уже старше, онъ потребовалъ того, что было равносильно отреченію отъ пріятной и удобной жизни, онъ качалъ головою: до чего глупо!

Теперь онъ не безъ самодовольства сравнивалъ себя съ другими. Кессельборнъ еще корпѣлъ въ школѣ, — ему предстояло изучать теологію; Леману приходилось помогать отцу при упаковкѣ и отправкѣ мебели; а у Кульриха оказалась, какъ у его матери, чахотка. Печальное наслѣдство!

Вольфгангъ полу-презрительно, полу-сострадательно улыбался, вспоминая школьныхъ товарищей. Развѣ это значить жить? А жизнь такъ прекрасна!

У Вольфганга было сознаніе его силы: казалось, онъ могъ бы вырывать съ корнями деревья, ломать стѣны, преграждающія ему путь. Съ его наклонностями нельзя было усидѣть на школьной скамьѣ, у него уже пробивалась борода.

Сначала Шлибенъ намѣревался отправить сына за границу тотчасъ же по окончаніи курса, но, по совѣту стараго своего друга доктора, отложилъ это на годъ. У юноши—черезчуръ широкая натура,—лучше, чтобъ онъ былъ покуда у нихъ на глазахъ. Въ дѣтствѣ онъ перенесъ тяжелую болѣзнь, она могла отозваться отчасти на его сердцѣ... А вѣдь онъ ни въ чемъ не знаетъ удержу.

Шлибенъ былъ пораженъ.—Вы считаете его больнымъ?

— И не думать!—Докторъ даже разсердился.—Что за пре-

увеличеніе? Кто вамъ говорить о болѣзни? Нельзя только злоупотреблять здоровьемъ. А въ молодости мы всё не святые. Вспомните-ка наше время!

Пріятели переглянулись и разсмѣялись.

Вольфгангу подарили лошадь; онъ долженъ былъ ежедневно ѣздить верхомъ и не слишкомъ засиживаться въ конторѣ: еще успѣетъ приобрести свѣдѣнія по торговой части. Оба компаньона были въ восторгѣ отъ дышавшаго здоровьемъ юноши, который являлся въ контору съ хлыстикомъ въ рукѣ. Никто не жаловался Шлибену на сына; весь персоналъ служащихъ, люди, служившіе въ ихъ фирмѣ десять, двадцать лѣтъ,—хорошо смазанныя, безукоризненно дѣйствующія машины,—вращались вокругъ молодого человѣка, ихъ будущаго патрона. Все шло гладко.

Родителямъ часто говорили комплименты по поводу сына, и Шлибенъ въ душѣ ощущалъ при этомъ удовольствіе; а Кэте полугрустно улыбалась. Она вообще утратила способность радоваться, какъ радовалась ранѣе, держа на колѣняхъ своихъ ребенка, ставшаго теперь взрослымъ человѣкомъ. Въ теченіе одного дня, одного часа способность эта была вырвана съ корнемъ изъ ея души въ то несчастное мгновеніе, когда онъ сказалъ: „Я пойду, я буду думать о моей матери... Гдѣ-то она теперь?“ Она желала ему всего лучшаго, но она сдѣлалась равнодушной: она устала. Онъ слишкомъ тяжело растопталъ ея сердце словами, тяжелѣе, чѣмъ топталъ своими маленькими, но сильными ножками ея колѣни.

Съ глубокимъ вздохомъ высунулась она изъ окна. Не было ли неслыханнымъ, непростительнымъ съ его стороны такъ поздно возвращаться домой? Развѣ онъ не зналъ, что она ждетъ его? Въ порывѣ несвойственнаго ей гнѣва она схватила руку въ кулакъ. Какъ она глупа, что ждетъ его! Ему уже восемнадцать лѣтъ,—не къ чему ждать его, какъ ребенка, впервые возвращающагося съ елки въ гостяхъ. Онъ засидѣлся съ компаніей молодежи въ какомъ-нибудь берлинскомъ кафѣ.

Она топнула ногою. Отъ ея горячаго дыханія въ воздухѣ холодной весенней ночи поднимался паръ; ее лихорадило отъ бессонницы и тревоги. Она вспоминала бессонные часы, проведенные ею изъ-за него, и душа ея переполнилась горечью, ощущавшейся даже на языкѣ. Нѣтъ, она уже не чувствовала любви прошлыхъ лѣтъ. Тогда и самыя страданія изъ-за него—доставляли ей наслажденіе; теперь она ощущала глухой гнѣвъ. Почему онъ вторгся въ ея жизнь? Какою ровною, безтревожною, счастливою,—да, безконечно болѣе счастливою, чѣмъ теперь,—была

эта жизнь! Послѣ того, какъ онъ такъ разбилъ ее, можетъ ли она снова наладиться?

Нѣтъ! короткое жесткое: нѣтъ! Ей вспомнился мужъ. И его онъ отнял у нея. Не были ли они ранѣе однимъ существомъ? Но между ними двумя вторгся третій, и пути ихъ разошлись.

Острая боль пронизала ее; жалость къ самой себѣ вызвала слезы на ея глаза; онѣ падали горячими каплями на ея руки, державшіяся за холодный подоконникъ.

Тутъ ея плеча коснулась чья-то рука. Съ быстротою молніи она обернулась.

— Это ты? Наконецъ-то!

— Это я,—сказалъ Шлибенъ. Онъ проснулся и, не видя ея, разсердился: опять сидитъ и ждетъ мальчишку. Этакое безуміе! Отъ досады онъ не могъ заснуть; и набросивъ на себя кое-какое платье, онъ въ туфляхъ, ощупью пошелъ по дому; онъ дрожалъ отъ холода и былъ не въ духѣ. Она не только помѣшала ему спать и навиветъ себѣ на завтра мигрень, но что еще хуже—выведетъ Вольфганга изъ себя подобнымъ наблюденіемъ.

— Что тутъ дурного, еслибы онъ и запоздалъ, Кэте? Это просто смѣшно съ твоей стороны! Всѣ молодые люди покучиваютъ, и со мною это случалось, но, слава Богу, мать моя была достаточно благоразумна. Пойдемъ, Кэте, лягъ!

Она отстранилась. — Ты — другое дѣло, — сказала она, и снова повернулась къ окну.

Шлибенъ постоялъ съ минуту, подождалъ, но, видя, что она даже не оборачивается, покачалъ головою и побрелъ обратно: ее не убѣдишь. Глаза у него смыкались отъ сна и усталости, члены отяжелѣли, и несмотря на это, мысль работала ясно и опредѣленно, безъ всякихъ уклоненій, какъ это иногда бываетъ днемъ. Онъ ощущалъ потребность въ женѣ, кроткой и ласковой снугницѣ его уже немолодыхъ лѣтъ, въ женѣ, улыбка которой не была бы тѣнью улыбки, какъ у его Кэте. Но, увы, Кэте не была такою женой.

Онъ улегся со вздохомъ разочарованія и долго не могъ заснуть. Хотя бы Вольфгангъ скорѣе возвращался! Эти кутежи заходятъ слишкомъ далеко.

Забрезжило утро, когда на улицѣ показались дрожки. Онѣ остановились передъ виллою, и двое мужчинъ высадили третьяго, котораго поддерживали подъ мышки, а кучеръ съ любопытствомъ оборачивался къ нимъ: — Не помочь ли, господа?

Они прислонили товарища къ калиткѣ, дернули за звонокъ и затѣмъ, прыгнувъ въ коляску, приказали кучеру: — Пошелъ!

Звукъ колокольчика пронесся какъ тревожное, слабое дуновение, и Кэте его услышала, несмотря на то, что она заснула въ креслѣ. Она испуганно вскочила, — онъ отдался у нея въ ушахъ. Скорѣе къ окну! Къ рѣшеткѣ кто-то прислонился. Вольфгангъ? Да, это онъ! Но почему же онъ не входитъ? Чтѣ съ нимъ случилось? Она хотѣла позвать Фридриха, мужа, позвонить... Съ нимъ, навѣрное, что-нибудь случилось, — почему онъ не идетъ?

Онъ такъ тяжело навалился всѣмъ тѣломъ на рѣшетку... Какъ странно! Голова свѣсилась у него на грудь, шляпа съѣхала на затылокъ. Не боленъ ли онъ? Не раненъ ли злодѣями?

Ноги ея похолодѣли; — она едва дотащилась до входной двери, едва могла найти ключъ и вложить его въ отверстіе — такъ у нея дрожали руки. Случилось нѣчто ужасное, какое-нибудь несчастье, — она это чувствовала.

Наконецъ ей удалось повернуть ключъ въ замѣкъ, — она винулась къ калиткѣ, холодный утренній воздухъ пахнулъ ей въ лицо. — Вольфгангъ!

Онъ не отвѣчалъ, лицо его она плохо видѣла, онъ не велился. Мать схватила его за руку.

— Вольфгангъ! Вольфгангъ! — Въ страхѣ она принялась трясти его; онъ такъ сильно покачнулся, что едва не сбилъ ее съ ногъ, и пролепеталъ заплетающимся языкомъ: — *Par... don!*

Ей пришлось вести его, — отъ него сильно несло алкоголемъ; невыразимое отвращеніе, болѣе ужасное, чѣмъ тревога, охватило ее. Вотъ оно — то самое страшное, чего она ожидала. Онъ былъ пьянъ, пьянъ!

Кэте никогда не видѣла пьяныхъ вблизи. Отъ ужаса зубы у нея стучали. Какъ отвратительно, какъ грубо! Какъ низко онъ упалъ и унижалъ ее вмѣстѣ съ собою! Это уже не былъ ея сынъ, — это былъ самый обыкновенный грубый человѣкъ съ улицы, съ которымъ у нея не могло быть ничего, рѣшительно ничего общаго! Ей хотѣлось оттолкнуть его, убѣжать въ домъ, затвориться, но онъ тяжело оперся рукою объ ея плечо, словно пригибая ее къ землѣ: приходилось поневолѣ вести его. И она, внутренне возмущаясь, вела его. Она не могла отдать его на посмѣище слугамъ, цѣлой улицѣ. Чтѣ еслибы кто-нибудь увидѣлъ его въ такомъ состояніи? Въ скоромъ времени появятся торговцы молокомъ, булочницы, рабочіе, больные, пьющіе карлсбадскую воду. Не дай Богъ, чтобы кто-нибудь заподозрилъ, до какой глубины паденія онъ дошелъ!

— Обопрись объ меня, крѣпче обопрись, — говорила она дрожащимъ голосомъ, — вотъ такъ!

Онъ былъ до того пьянъ, что у порога хотѣлъ лечь на ступени, но она подвела его, повелительно повторяя: — „Иди! иди!“ — и онъ послѣдовалъ за нею, какъ ребенокъ, „какъ собака“, — подумала она. Они уже были въ передней, и тутъ она снова стала опасаться встрѣчи со слугами. Скоро придетъ въ кожаныхъ туфляхъ Фридрихъ, спустится внизъ дѣвушки, начнется уборка, открываніе оконъ, и свѣтъ, безжалостный дневной свѣтъ проникнетъ во всѣ уголки. Надо ввести его вверхъ по лѣстницѣ въ его комнату такъ, чтобы никто не слышалъ. Позвать развѣ мужа? Нѣтъ, никто не долженъ видѣть его такимъ. Съ силою, какой она въ себѣ не подозрѣвала, она втащила его по ступенямъ, не переставая его уговаривать шопотомъ, но настойчиво: — „Не шуми! Тише!“ — Ей приходилось прибѣгать къ ласкѣ, иначе онъ не шелъ: — „Тише, Вольфъ, иди, мой мальчикъ, вотъ такъ! Хорошо“...

Это были муки ада. Онъ спотыкался и оступался, и при каждомъ скрипѣ ступеней она вздрагивала и страхъ парализовалъ ея члены. Слова ея звучали просьбою и вмѣстѣ съ тѣмъ — приказаніемъ. Должно быть, всѣ въ домѣ оглохли, если они не слышали этого шума. Каждый шагъ казался Кэте громовымъ раскатомъ, проникающимъ до отдаленнѣйшихъ уголковъ.

Наконецъ они достигли его комнаты.

— Слава Богу! — прошептала она, доведя его до постели.

Она была такъ же блѣдна, какъ и онъ. Лицо его казалось мертвеннымъ въ полумракѣ занимающагося утра.

Вотъ та комната, гдѣ она — какъ давно это было! — дрожала за дорогую ей жизнь ребенка. Лучше бы онъ умеръ.

Эта мысль — подобно стрѣлѣ, пущенной изъ туго-натянутого лука, — пронизала ея смятенный мозгъ. Она сама испугалась ея безсердечности, но не могла отдѣлаться отъ нея. Здѣсь она прижила юношѣ его востокъ передъ конфирмаціей. Теперь ей пришлось раздѣвать взрослого человѣка: стаскивать съ него smokingъ, панталоны, расшнуровать ботинки, что было не легко при полной его безсознательности.

Откуда онъ? Отъ него пахло виномъ, папиросами, духами такъ сильно, что у нея захватывало дыханіе. На стѣнѣ висѣло то самое зеркало, въ которомъ она видѣла рядомъ со своимъ — смуглое лицо мальчика, упрямое и грубоватое, но такое симпатичное въ его дѣтской невинности и непосредственности. А теперь?..

Взоръ ея скользнулъ по его блѣдному, помятому лицу съ раскрытымъ ртомъ, затѣмъ она увидѣла въ зеркалѣ свои собственныя черты, искаженные тревогою и бессонницей, утратившія всякую мягкость, жесткія и страдальческія. Она вздрогнула и

провела холодною рукою по лбу, разглаживая спутавшіяся сѣдые пряди волосъ. Глаза ея заморгали, но она подавила подступавшія слезы. Теперь не время плакать.

Съ минуту она постояла у его кровати, задерживая дыханіе; онъ вѣрнѣе спалъ, и она на цыпочкахъ пробралась къ себѣ въ спальню. Спать она не могла, но необходимо было лечь въ постель, — иначе что подумаютъ Пауль и прислуга? Надо будетъ встати умыться, одѣться, сойти къ завтраку, говорить, улыбаться, словно ничего не случилось.

Кэте чувствовала себя безнадежно одинокою; она не можетъ искать поддержки у Пауля, — онъ не пойметъ ее, онъ совсѣмъ измѣнился. Страшное опасеніе терзало ее. Что, если онъ... этотъ человѣкъ проснется и примется стучать въ дверь?.. Вѣдь она заперла его на ключъ. Дрожа отъ лихорадки, она лежала въ постели, не смѣя встать ранѣе, чѣмъ обыкновенно, чтобы не подать повода къ подозрѣнію.

За завтракомъ Пауль спросилъ ее, поздно ли вернулся Вольфгангъ, и она отвѣтила:

— Вскорѣ послѣ твоего ухода.

Какъ только Шлибенъ уѣхалъ въ городъ, а кухарка ушла на кухню, Кэте довольно рѣзко отослала горничную, копавшуюся нестерпимо долго въ спальнѣ, и пошла къ Вольфгангу. За дверью ничего не было слышно. Неужели онъ все еще пьянъ? Какъ воръ, проскользнула она къ нему и заперла за собою дверь. Она осторожно приблизилась къ постели, но такъ поспѣшно отступила, что опрокинула стулъ. Что это такое?!

Противный запахъ, наполнявшій запертую комнату, вызвалъ у нея тошноту. Она отшатнулась къ окну, распахнула его — и тутъ она увидѣла.

Онъ лежалъ какъ животное, — онъ, пріученный къ такой опрятности, что, будучи ребенкомъ, плавалъ, бывало, когда ему случилось замарать ручки, и требовалъ, чтобы ихъ вымыли. Теперь онъ лежалъ и спалъ свинцовымъ сномъ. Кэте не понимала, что съ нею дѣлается. Ей хотѣлось поднять руку, ударить его въ лицо, бросить ему оскорбительное слово... Изъ открытаго окна струился потокъ солнечнаго свѣта, въ саду звонко и чисто пѣлъ дроздъ. Тамъ было солнце, красота, а здѣсь?..

Ей хотѣлось закрыть лицо и убѣжать, — но кто уничтожить слѣды безобразно проведенной ночи? Если она уже не любитъ его, — гордость не позволяетъ ей унижить его передъ слугами. Скорѣе! скорѣе! Стиснувъ зубы, борясь съ подступавшею ей къ горлу тошнотой, Кэте принялась мыть, чистить, таская воду въ

ведръ. Боже, съ какинъ шумомъ струилась вода въ ведро, когда она открыла края! Только бы никто ничего не замѣтилъ.

Она отыскала половую тряпку и принялась за работу, какой никогда еще не дѣлала: она ползала на коѣннхъ передъ постелью, вытягивала руки, чтобы достать до стѣны. Все должно быть омыто свѣжею, чистою, уничтожающею всѣ слѣды водою. Все въ комнатѣ казалось ей загрязненнымъ,—она готова была бы сорвать дорогіе обои. Еще ни разу въ жизни она такъ не работала; отъ страха и утомленія нарядный утренній капотъ съ кружевами и шолковою вставкою прилипалъ у нея къ тѣлу; отъ ползанья на коѣннхъ, на шелку платья появились темныя пятна, шейфъ былъ замоченъ въ водѣ, волосы распустились и безпорядочно падали ей на разгоряченное лицо. Никто не узналъ бы фрау Шлибенъ въ такомъ видѣ.

Наконецъ все въ порядкѣ. Кэте поднялась со вздохомъ облегченія и оглядѣлась кругомъ. Совсѣмъ другой воздухъ былъ теперь въ спальнѣ. Вѣтеръ освѣжилъ его. Только хозяинъ комнаты былъ пятномъ среди окружающей чистоты; лобъ его былъ покрытъ липкимъ потомъ, щеки—землистаго цвѣта, губы распули, волосы торчали. Она обмыла и его, причесала и пригладила его волосы, опрыскала его туалетною водою. Онъ не просыпался; онъ лежалъ, какъ бревно, и не чувствовалъ, какъ ея дрожащія руки оправляли и обмывали его. Кэте не замѣтила, сколько времени она провозилась съ нимъ, ее привелъ въ себя стукъ въ дверь. Кто тамъ?

— Я, Фридрихъ.

— Что вамъ нужно?

— Барыня, баринъ просятъ васъ къ столу.

— Къ столу?.. Баринъ?..—она схватила за голову.—Пауль уже вернулся? Обѣденное время? Да который же это часъ?—Ей даже не пришло на умъ взглянуть на часы.

— Половина третьяго, барыня,—отвѣтилъ Фридрихъ и добавилъ почтительнымъ тономъ стараго слуги:—Быть можетъ, молодой баринъ нездоровъ? Не могу ли я помочь баринъ?

Кэте колебалась. Не посвятить ли ей Фридриха въ свою тайну? Это было бы такимъ облегченіемъ! Но стыдъ заставилъ ее отвѣтить:—Ступайте, ничего не нужно. У молодого барина голова болитъ, онъ полежитъ еще съ часъ.

Кэте бросилась въ свою комнату; переодѣваться было некогда, она подколола волосы, пригладила ихъ и падѣла кокетливый чепчикъ.

— Ты еще въ капотѣ?—не безъ удивленія и даже упрека спросилъ Шлибенъ, любившій порядокъ.

— Ты вернулся сегодня слишкомъ рано,—извинилась Кэтъ, не поднимая глазъ. Ъсть она не могла,—кусокъ становился у нея поперекъ горла.

— Гдѣ же Вольфгангъ?

Она должна была бы ждать этого вопроса, но онъ, тѣмъ не менѣе, сразилъ ее. Сказать, что онъ боленъ? Но тогда отецъ войдетъ къ нему. Она поблѣдѣла и покраснѣла, губы ея дрогнули, но она ничего не сказала.

— Ага!—Шлибенъ полудобродушно, полунасмѣшливо разсмѣялся и протянулъ ей руку черезъ столъ.

— Нечего волноваться, Кэте, если у мальчика шумитъ въ головѣ со вчерашняго. Каждой матери приходится пережить нѣчто подобное.

— Но не такъ ужасно, не такъ ужасно!—выкрикнула она, не сдержавъ своего гнѣва и отчаянiя. Она уцѣпилась холодными руками за руку мужа и прошептала, задыхаясь:—Онъ былъ пьянъ... совсѣмъ пьянъ—до безчувствiя.

— Вотъ какъ?—Шлибенъ нахмурился, но улыбка не совсѣмъ сбѣжала съ его губъ.—Ну, я потолкую съ нимъ, когда онъ проспится. До безчувствiя, говоришь ты? Ну, вѣроятно, оно не совсѣмъ такъ? Но, конечно, этого не должно быть. Навеселѣ—другое дѣло. Я помню свою первую выпивку. Хорошее воспоминанiе, хотя на другой день плохо мнѣ пришлось.

— Какъ? И ты—ты былъ однажды пьянъ?

— Пьянъ—это не подходящее слово. Навеселѣ!—поправилъ онъ.—Не надо преувеличивать, Кэте.—И онъ продолжалъ ѣсть, словно ничего особеннаго не случилось.

Къ вечеру Кэте услышала шаги Вольфганга, стукъ затворяемаго и отворяемаго окна. Пауль курилъ сигару, прогуливался по саду. Кэте еще въ первый разъ нынѣшнею весною сидѣла на верандѣ и слѣдила глазами за мужемъ. Былъ теплый, мягкiй вечеръ. Она чувствовала, что идетъ Вольфгангъ, и не хотѣла повернуть головы, но все же повернула ее. Онъ стоялъ въ дверяхъ столовой, ведущихъ на веранду, и шурился, такъ какъ заходящее солнце было ему прямо въ глаза. Отъ этого или, быть можетъ, отъ стыда лицо его было красно? Что онъ скажетъ? Съ чего начать?

— Добрый вечеръ!—сказалъ онъ громко и весело, а затѣмъ прибавилъ, подавляя легкое замѣшательство:—Прости, мама, я

проспалъ; я и не подозрѣвалъ, что такъ поздно. Я былъ страшно уставшимъ.

Кэте ничего не отвѣтила. Ея молчаніе нѣсколько смутило его.

— Дѣло въ томъ, что я очень поздно вернулся домой.

— Да?—она отвернулась отъ него и продолжала смотрѣть въ глубину сада, гдѣ Пауль говорилъ съ Фридрихомъ.

— По крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

Что могъ онъ сказать ей? Сердится она что-ли? Онъ не помнилъ, когда и какъ онъ вернулся. Сначала онъ отвратительно себя чувствовалъ, но теперь ему было такъ хорошо, такъ легко! Ну, пускай себѣ сердится!

Сложивъ губы, словно онъ собирался свистнуть, и засунувъ руки въ карманы модныхъ панталонъ, Вольфгангъ намѣревался сойти съ веранды въ садъ, когда она окликнула его.

— Что прикажешь, мама?

— Ты былъ пьянъ,—сказала она тихо, но рѣзко.

— Я?..—Онъ вдругъ смутился. Неужели онъ дѣйствительно былъ пьянъ? Весьма возможно,—вѣдь онъ не помнитъ, какъ вернулся домой.

— Ты, вѣроятно, опять сидѣла и ждала меня?—Онъ косо взглянулъ на нее, на лбу его залегла такая глубокая складка, что брови почти сошлись къ переносицѣ.—Ты не должна ждать меня,—проговорилъ онъ со скрытою досадой, но дѣлая видъ, что тревожится о ней:—это отнимаетъ у меня всякое удовольствіе. Пожалуйста, мама, больше этого не дѣлай!

— Больше не буду,—отвѣтила она, опустивъ глаза. Она не могла взглянуть на него—до такой степени она его презирала. Какъ развязно пожелалъ онъ ей добраго вечера! Притворился онъ, или въ самомъ дѣлѣ не помнилъ, что нѣсколько часовъ тому назадъ онъ хотѣлъ идти на четверенькахъ и лечь поперекъ порога, словно онъ былъ собакой или тамъ была его постель. Нѣтъ, никогда она уже не будетъ въ состояніи обнять и поцѣловать его; онъ вдругъ сдѣлался для нея постороннимъ человекомъ.

Кэте ничего не сказала, не сдѣлала ему ни одного упрека; она безучастно прислушивалась къ его разговору съ отцомъ.

Шлибенъ строго обратился къ сыну.—Онъ вернулся домой въ пьяномъ видѣ. Неужели ему не стыдно? Все равно, отъ кого бы это ни узналось—фактъ на лицо.

— Она сказала?—проговорилъ Вольфгангъ съ горечью:—мама всегда преувеличиваетъ. Вовсе не былъ я пьянъ; такъ,

немножко подъ хмелькомъ... Съ жѣмъ этого не случается? Видишь, я опять молодцомъ?

И онъ такъ потрясъ вишневое деревцо, возлѣ котораго онъ стоялъ, что на дорожку посыпался цѣлый дождь бѣлыхъ цвѣтовъ.

— Оставь мое деревцо въ покоѣ!—сказалъ, улыбнувшись, отецъ.

Какъ могъ Пауль смѣяться? Значить, все происшедшее не кажется ему серьезнымъ? Но Кэте уже не могла возмущаться попрежнему; все въ ней словно застыло, замерло. Ей казалось, что голоса ихъ доносятся къ ней откуда-то издали, а между тѣмъ они говорили громко и оживленно. Шлибенъ считъ догомъ сдѣлать юношѣ серьезное внушеніе, хотя и думалъ, что Кэте дѣйствительно преувеличила. Смуглыя щеки Вольфганга были такъ свѣжи, его небольшіе, но глубокіе глаза сверкали сегодня такимъ блескомъ, что нельзя было замѣтить въ его наружности никакихъ слѣдовъ кутежа.

Шлибенъ положилъ руку на плечо сына.

— Итакъ, для того, чтобы мы остались друзьями, это не должно повторяться, Вольфгангъ.

Сынъ беззаботно пожалъ плечами.—Право, не знаю, папа, въ чемъ я провинился. Это не совсѣмъ легко для меня, но, разумѣется, такой случай не повторится!—И они пожали другъ другу руку. Что-то шевельнулось въ душѣ Кэте,—ей захотѣлось всоичить, закричать: „Не вѣрь ему, Пауль, онъ снова напьется. Я не могу ему вѣрить. Еслибы ты видѣлъ его такимъ, какимъ я видѣла его!“—И передъ нею внезапно явилось видѣніе: кабаки въ деревнѣ, мужики, сидящіе вокругъ стола, курящіе вонючій табакъ и напивающіеся до безчувствія. Такъ сидѣли его отецъ, его дѣдъ, весь родъ его. Страшный испугъ овладѣлъ ею: нѣтъ, это не можетъ кончиться добромъ.

— Какъ ты блѣдна, Кэте!—сказалъ Шлибенъ за ужиномъ:—ты слишкомъ долго была на воздухѣ.

— Ты нездорова, мама?—спросилъ вѣжливо-озабоченно Вольфгангъ.

Кэте не отвѣтила сыну, но, взглянувъ на мужа, отрицательно повела головою.—Нѣтъ, я здорова.

Вольфгангъ проявилъ особенный аппетитъ, притомъ сегодня были его любимыя вещи: фрикассе изъ цыплятъ, раки, ростбифъ, масло, сыръ и молодая редиска.

— Не пей такъ много!—сказалъ Шлибенъ, видя, что Вольфгангъ постоянно тянется къ бутылкѣ.

— У меня жажда, — отвѣтил сынъ не безъ упрямства и, наливъ себѣ стаканъ до краевъ, однимъ духомъ осушилъ его.

— Послѣдствія увлеченія! — сказалъ отецъ, шутливо погрози́ть ему пальцемъ.

„Послѣдствіе перепоя!“ — подумала Кэте и снова содрогнулась отъ отвращенія; прежде она и мысленно не допускала подобнаго выраженія, — теперь же ничто не казалось ей достаточно грубымъ, рѣзкимъ и презрительнымъ.

Несмотря на уютность комнаты, красиво убранный столъ, хрустальную вазу съ цвѣтами и мягкій свѣтъ лампы, — разговоръ какъ-то не клеился. Кэте отвѣчала такъ односложно, что Пауль скоро взялся за газету, а сынъ звѣвалъ сквозь зубы. „Вотъ скучища-то здѣсь сидѣть!“ Онъ думалъ, что лучше: снова махнуть въ Берлинъ или лечь въ постель? Онъ самъ не зналъ, на что рѣшиться.

— Ты идешь спать! — Кэте сама чувствовала, что тонъ у нея не вопросительный.

— Разумѣется, спать, — отвѣтилъ отецъ, опустивъ на мигъ газету: — онъ усталъ. — Покойной ночи, Вольфгангъ.

— Я совсѣмъ не усталъ! — Вольфгангъ вспыхнулъ. Что это его укладываютъ спать, какъ маленькаго!

Тонъ матери въ особенности злилъ его. „Ты идешь спать!“ Вѣдь это приказаніе.

Въ его темныхъ глазахъ засверкалъ огонь возмущенія, выраженіе дерзкаго упорства исказило его лицо, но отецъ со словами: „спокойной ночи!“, не глядя, протянулъ ему руку изъ-за газеты. Мать тоже проговорила: — Спокойной ночи!

Сынъ взялъ и ея руку, съ тѣмъ, чтобы, по обыкновенію, поцѣловать ее, и также произнесъ:

— Спокойной ночи!

XIV.

Шлибенъ былъ очень пораженъ непріятнымъ открытіемъ. У Вольфганга долги? При такомъ изобиліи карманныхъ денегъ? Почему же у него не хватило духу придти и сказать откровенно: „Отецъ, выручи меня!“ Неужели онъ, Шлибенъ, былъ такимъ суровымъ отцомъ? А ему еще казалось, особенно за послѣднее время, что сынъ привязался къ нему. Въ дѣтствѣ онъ былъ откровененъ до дерзости, — неужели онъ такъ измѣнился? Что могло вызвать въ немъ такую переменъ?

Отецъ рѣшилъ не говорить ему покуда о письмѣ своего ста-

раго друга и компаньона, но распросить его при случаѣ о его денежныхъ дѣлахъ. Что-то онъ отвѣтитъ?

Въ теченіе дня Вольфгангъ два раза ненадолго показывался въ конторѣ. Отецъ былъ, очевидно, не въ духѣ, и сынъ удивлялся, какъ можно быть не въ духѣ въ подобную погоду? Вольфгангъ съ дѣтства любилъ солнце, и въ сильные жары, когда на лбу у него проступалъ каплями потъ, грудь его дышала особенно легко и свободно. Сегодня онъ три раза безъ передышки переплывалъ озеро взадъ и впередъ. Такъ было чудно!

— Очень неблагоприятно! — замѣтилъ Шлибенъ, вспомнивъ, что Гофманъ былъ противъ злоупотребленія плаваніемъ. — Можешь проявлять свои таланты по части спорта во время отбыванія воинской повинности.

Послѣ обѣда Вольфгангъ, бывшій въ восторгѣ для лаунъ-тенниса, остановился въ нерѣшимости на вокзалѣ Зоологическаго сада. Не поѣхать ли ему въ городъ? Тамъ душно и пыльно, но зато не придется сидѣть съ глазу на глазъ съ отцомъ и матерью. Не лучше ли поискать общества въ Берлинѣ? Онъ стоялъ въ нерѣшимости, глядя на извивающуюся змѣю толпу людей, спѣшившихъ въ двери вокзала, когда замѣтилъ впереди себя матросскую шляпу съ синею лентою, лихо посаженную на свѣтлые шелковистые волосы, свернутые съ кажущеюся небрежностью громаднымъ узломъ на затылкѣ. Онъ узналъ голубые глаза и дерзкій носикъ... Фрида Лемке! Какъ долго не видѣлъ онъ ее! Онъ совсѣмъ забылъ о существованіи этихъ добрыхъ людей. И вдругъ онъ сразу почувствовалъ, что ему недостаетъ ихъ. Однимъ прыжкомъ онъ очутился возлѣ нея.

— Здравствуй, Фрида! Какъ поживаешь?

Она вздрогнула, но затѣмъ узнала его, покраснѣла и оттопырила губы. Какимъ бариномъ сталъ Вольфгангъ! И она отвѣтила полунасмѣшливо, полужеманно:

— Благодарю васъ. А вы какъ?

Вольфгангъ не позволилъ ей говорить ему „вы“; тонъ его былъ такой простой и сердечный, что она почувствовала себя съ нимъ на прежней ногѣ, хотя со времени ихъ послѣдняго свиданія прошло болѣе года. Гуляющая въ „Тиргартенѣ“ публика вѣроятно принимала ихъ за влюбленную парочку; они пропустили свой поѣздъ и все больше углублялись въ зеленый сумракъ аллеи. Соловьи замолкли, слышался лишь сдержанный говоръ уединившихся парочекъ, порою — взрывы смѣха, и кое-гдѣ вспыхивали, какъ свѣтляки, огоньки папиросъ.

Вольфгангъ съ Фридою говорили о фрау Лемке, начавшей

сильно прихваривать. Вольфгангъ искренно огорчился этимъ извѣстіемъ и упросилъ Фриду взять отъ него ассигнацію на ея леченіе; онъ силою втиснулъ дѣвушкѣ въ руку зеленую бумажку.

Фрау Лемке отнеслась къ этому съ большою простотою, когда Фрида, по возвращеніи домой, со слезами признательности рассказала ей о встрѣчѣ съ товарищемъ дѣтства и о его подаркѣ.

— Ну, что жъ? Отъ пятидесяти марокъ онъ не обидѣть, дай Богъ ему здоровья, а я съѣзжу погостить къ брату или къ сестрѣ на Рейнъ; поправлюсь немного и отдохну...

Вольфгангъ вернулся домой съ радостнымъ чувствомъ; золотыя очи звѣздъ привѣтливо глядѣли на него съ темнаго неба, стукъ колесъ затихъ, отъ цвѣтовъ распространялось благоуханіе, въ тѣни сосенъ было свѣжо и прохладно, а на душѣ у него было легко отъ сознанія, что онъ помогъ бѣдной фрау Лемке.

Родителей онъ засталъ еще въ столовой, но удивился, что они уже отуживали. Фридрихъ поставилъ передъ нимъ холодную закуску, и тутъ только Вольфгангъ замѣтилъ, до чего онъ проголодался. Неужели уже одиннадцать часовъ? Развѣ за ужиномъ ничего больше не было? Нельзя ли поджарить кусокъ миса? Гдѣ Мари?

Кѣте, подвигая къ нему тарелочку съ закуской, отвѣтила, что Мари легла спать, а Шлибенъ прибавилъ, что, возвращаясь домой въ неопредѣленный часъ, онъ не можетъ требовать, чтобы его ждали съ горячимъ ужиномъ. Прислуга тоже имѣетъ право на отдыхъ. А онъ со своей стороны не такъ уже много работаетъ—заглянеть на какихъ-нибудь два часа въ контору,—чтобы требовать къ себѣ исключительнаго вниманія со стороны домашнихъ...

Вольфгангъ хотѣлъ что-то возразить, но отецъ прервалъ его. — Нечего артачиться и дерзить! Онъ еще деньги тайкомъ занмаетъ. Только этого недоставало! Брауиоллеръ писалъ ему... Какой срамъ!—Дипломатическіе планы Шлибена пошли прахомъ. Въ минуту раздраженія онъ проговорился и сразу почувствовалъ облегченіе. Кѣте сидѣла блѣдная и безмолвная. Онъ не только напивается до безчувствія, онъ и на это пошелъ? Взоръ ея съ мольбою обратился къ Вольфгангу. Онъ долженъ это опровергнуть.

— Что за вздоръ, папа! — Вольфгангъ постарался улыбнуться. — Я обратился къ твоему компаньону съ просьбою объ одолженіи, но я намѣревался не далѣе, какъ на дняхъ, отослать ему деньги...

— На дняхъ?—Въ тонѣ Шлибена послышалось легкое недоумѣріе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣкоторое успокоеніе. Ему такъ

хотѣлось вѣрить.—Послушай, если я узнаю, что ты меня обвиняешь, я... я не знаю, что я съ тобою сдѣлаю! Я откажусь отъ тебя...

Шлибенъ заговорилъ съ несвойственною ему рѣзкостью, и Кэте испугалась. Онъ отрѣзывалъ молодому человѣку всякую возможность сознаться въ его грѣхахъ. Кэте видѣла, какъ поблѣднѣло лицо юноши.

Губы Вольфганга дрогнули; онъ дѣйствительно собирался сказать правду, но отецъ такъ чертовски корректенъ,—онъ не понимаетъ, что, имѣя деньги въ карманѣ, нельзя не тратить ихъ. Что онъ за преступникъ, что отецъ позволяетъ себѣ отчитывать его въ такомъ тонѣ! Ну, что же изъ того, что у него есть долги? И онъ проговорилъ холодно:—Не знаю, изъ-за чего ты такъ волнуешься, папа? У меня нѣтъ никакихъ долговъ.

— Это правда?—Отецъ серьезно взглянулъ въ лицо Вольфганга, но сквозь эту суровость во взорѣ его засвѣтилась надежда. И когда Вольфгангъ повторилъ: — Нѣтъ! — Шлибенъ протянулъ сыну руку черезъ столъ и проговорилъ: — Сердечно этому радуюсь.

Весь этотъ вечеръ родители были очень внимательны къ нему, и Вольфгангъ замѣтилъ это съ самодовольствомъ. Еще бы: они оказывались передъ нимъ виноваты, и потому онъ позволилъ имъ ухаживать за собою. Зато, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, Вольфгангъ почувствовалъ себя крайне удрученнымъ. Ночь ли была такъ нестерпимо душна, или на душѣ у него было такъ скверно? Онъ злился на отца, на мать, на себя за то, что былъ принужденъ лгать имъ. Стоя у окна, онъ простиралъ руки къ чему-то далекому, иному, смутно привлекавшему его... Чего онъ хотѣлъ? Къ чему стремился? Онъ и самъ не зналъ.

Вольфгангъ жадно прислушивался въ поднявшемся nocturnu вѣтру, развѣвавшему его волосы. Какъ славно! Сердце стучало у него въ груди. Что это за вѣчныя придиры? Взрослый онъ человѣкъ или нѣтъ? Сынъ ли онъ богатыхъ родителей? Нѣтъ и нѣтъ!

Вдали прогремѣлъ громъ. Сверкнула ослѣпительная молнія. Нѣтъ, онъ не сынъ, онъ чужой въ этомъ домѣ, и еслибы онъ не былъ чужимъ—все было бы иначе. Что было бы—онъ не зналъ, но все было бы по иному.

Днемъ Вольфгангу, вслѣдствіе обилія развлеченій, рѣдко приходилось надъ чѣмъ-нибудь задумываться, но въ эту темную, бурную ночь думы прорывались съ тою же силою, какъ вѣтеръ, шумѣвшій въ вершинахъ деревь. Буря свирѣпствовала безъ удержа.

Въ лѣсу шумѣло, гремѣло, сверкало, грохотало; это былъ настоящий бой, но сколько тутъ было красоты! Вольфгангъ выпрямился, подставляя свою грудь ударамъ вѣтра,—никогда онъ не ощущалъ такого наслажденія. Молодая кровь, неиспользованная сила—били въ немъ ключомъ, требовали исхода. Вольфгангу вдругъ показалась отвратительною его жизнь. Надо зажить по иному, совсѣмъ по иному... Пусть эта жизнь будетъ тяжела, но лучше стать поденщиномъ, чѣмъ сидѣть за счетами въ конторѣ. Онъ не рожденъ купцомъ. Завтра же онъ скажетъ это, онъ порветъ съ прошлымъ. Онъ хочетъ быть свободнымъ во что бы то ни стало.

Вольфгангъ высунулся изъ окна и жадно вдыхалъ свѣжесть дождя, хлынувшего потоками. Въ душѣ его что-то вдругъ смягчилось, гроза гнѣва улеглась.

— Мать!—шепталъ онъ задумчиво, подставляя руки и лицо съ закрытыми глазами дождю для того, чтобы падавшія съ неба капли освѣжали его сухія вѣки, между тѣмъ какъ горячія губы его жадно пили эти освѣжающія слезы небесъ.

Но на слѣдующее утро, когда песокъ аллеи впиталъ въ себя дождевую влагу и воспоминаніемъ о ночной грозѣ остался лишь аромат сосенъ, освѣщенная трава и осыпавшіеся каштаны съ сосновыми шишками, утѣявшія аллею,—думы Вольфганга приняли другое направленіе. День былъ прекрасный; онъ могъ плавать, ѣздить верхомъ, заглянуть въ контору, поиграть въ теннисъ, сговориться съ пріятелями относительно какой-нибудь поѣдки... Стоило ли портить себѣ и отцу такой чудный день? Онъ отгонялъ серьезныя мысли, но въ душѣ у него была тревога, которую онъ старался заглушить.

Въ эту ночь Кэте опять долго не могла заснуть, хотя она понялась, что сидѣть и ждать его она больше не будетъ. Опять, какъ тогда, часы стучали необыкновенно громко среди глубокой тишины, и она была увѣрена, что услышитъ, какъ онъ повернетъ ключъ въ замѣ входной двери.

Но она ничего не слышала; часы проходили; сквозь запертыя ставни въ комнату скользнулъ блѣдный лучъ свѣта, отразившійся на противоположной стѣнѣ. Онъ становился все свѣтлѣе и ярче и наконецъ окрасился золотымъ оттѣнкомъ. Должно быть, она спала, сама этого не сознавая, такъ какъ не видѣла, что наступило утро, и потому не слыхала, какъ онъ вернулся домой.

Это успокоило ее, но все же она поспѣшно одѣлась и по-

шла къ нему, посмотрѣть, спитъ ли онъ? Онъ не спалъ. Испуганными глазами Кэте глядѣла на застланную, заманчиво бѣлѣвшую постель, на которой вѣсто не лежалъ. Постель не была смята, комната была пуста.

Сердце ея застыло въ ледяномъ ужасѣ. Она не спала, она не пропустила его прихода. Тогда онъ, хотя и пьяный, все же вернулся домой; сегодня онъ совсѣмъ не вернулся.

XV.

— Вольфганга опять нѣтъ? — сказалъ Шлибенъ, вернувшись домой изъ города. — Въ контору онъ не является... Гдѣ же онъ?

Онъ вопросительно и раздраженно смотрѣлъ на жену. Кэте пожала плечами. Пурпуровый лучъ заката, видѣвшася изъ высокаго окна столовой, заигралъ на ея лицѣ. — Не знаю, — проговорила она тихо, и мужъ почувствовалъ, что мысли ея блуждаютъ гдѣ-то далеко.

— Кэте, — сказалъ онъ обидчиво, — уже восемь часовъ, я пріѣхалъ голодный, усталый и не вижу на твоемъ лицѣ даже пріятливой улыбки...

Она поспѣшно встала, позвонила, чтобы давали обѣдать, и попыталась улыбнуться, но это было жалкое подобіе улыбки, еще болѣе разстроившее Шлибена. Усталый сѣлъ онъ за столъ и ѣлъ машинально, не понимая, чтѣ ѣстъ.

Въ этотъ осенній вечеръ столовая казалась слишкомъ большою для двоихъ. Кэте вздрогнула отъ холода.

— Пора начать топку, — сказалъ Шлибенъ, и это было единственное замѣчаніе, которымъ они обмѣнялись. Послѣ обѣда Шлибенъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, а Кэте осталась наединѣ со своими тревожно-блуждающими мыслями. Она не могла плакать, но внутри у нея кипѣли и подтачивали ея жизнь невыплаканныя слезы.

Есть нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ смерть: это — сознаніе, что мы сами навлекли на себя горе. Почему она упорно желала того, въ чемъ природа отказала ей? Не видѣла ли она, что семейное счастье, любовь, довѣріе, взаимное пониманіе — все это гибнетъ, что съ каждымъ днемъ мужъ отдаляется отъ нея и она сама становится къ нему равнодушнѣе? Сынъ — разлучилъ ихъ. Какъ жалки оказались всѣ ея теоріи о воспитаніи, о „духовномъ рожденіи“! Вольфгангъ не былъ сыномъ отъ плоти и духа

ихъ,—онъ былъ и остался имъ чужимъ. И душа у него была чужая. Бѣдный сынъ!

Въ душѣ, гдѣ цѣлыми годами накопились горечь и обида, вдругъ зародилось состраданіе. Какъ она могла негодовать на него, привоаннаго всѣми фибрами своего существа въ родномъ дому? Онъ инстинктивно чувствовалъ, что домъ его—не здѣсь, и вотъ онъ блуждаетъ въ поискахъ за нимъ и вступаетъ на ложный путь...

Въ этотъ вечеръ Кэте долго плакала, много думала и боролась съ собою и, наконецъ, приняла великое рѣшеніе: она достала изъ ящика документы, относившіеся къ происхожденію Вольфганга, которыхъ она не довѣрила даже своему мужу. Она покажетъ ихъ Вольфгангу, она откроетъ ему свою такъ долго и тщательно оберегаемую ею тайну.

Недовольный женою, Шлибенъ рано ушелъ спать, а Кэте, ожидая Вольфганга, ходила по своей комнатѣ: это утомляло ее физически и успокаивало ее.

Ея тонкая, хрупкая фигура словно выросла, когда она двинулась въ переднюю, навстрѣчу Вольфгангу. Всѣ въ домѣ спали, никто не помѣшаетъ имъ.

Она ласково встрѣтила его и поцѣловала въ щеку; онъ изумился, но его усталые, окаймленные синими кругами, глаза безучастно глянули мимо нея. Онъ страшно усталъ или, быть можетъ, онъ боленъ? Все равно! Теперь все поправится, все пойдетъ хорошо.

Взявъ его за руку, полная радостной надежды, она увлекла его въ свою комнату; онъ повиновался, но проговорилъ, зѣвая:

— Ну, что такое тамъ случилось?

— Я должна что-то сказать тебѣ,—и затѣмъ она прибавила поспѣшно, словно опасаясь, что у нея неостанетъ мужества договорить:—нѣчто важное, касающееся тебя, твоего происхожденія...

Какъ онъ отнесется къ ея словамъ? Она инстинктивно протянула руки, чтобы поддержать его.

Онъ снова зѣвнулъ.—Почему именно сегодня, мама? Завтра вѣдь тоже будетъ день. Я смертельно усталъ. Покойной ночи!—И быстро повернувшись, онъ вышелъ и поднялся по лѣстницѣ въ свою комнату.

Она застыла на мѣстѣ, затѣмъ схватилась за голову. Такъ ли она поняла? Быть можетъ, она ослѣпла, оглохла, потеряла сознаніе? Или наоборотъ,—онъ ослѣпъ, оглохъ, былъ не въ своемъ умѣ? Она пришла къ нему съ открытымъ сердцемъ, желая по-

говорить о его будущности, и какъ онъ отнесся къ этому? Не въ этой ли самой комнатѣ, четыре года тому назадъ, онъ кричалъ: „Мать моя! Гдѣ моя мать?“ А теперь онъ не хочетъ ничего знать о ней?..

Не можетъ быть. Или онъ ее, или она его не поняла. Надо это выяснитъ сейчасъ, сію минуту.

Въ своемъ сѣромъ платьѣ она, какъ тѣнь, безшумно скользнула наверхъ. Нѣтъ, она не тѣнь,—она несетъ ему счастье.

Кэте вошла безъ стука и присѣла на край его постели.

— Вольфгангъ,—сказала она мягко, и, видя на лицѣ его досаду и даже недоумѣніе, продолжала еще нѣжнѣе:—Дитя мое!

— Ну, что еще тамъ такое?

Онъ, очевидно, сердился, и это лишило ее мужества. Но его когда-то круглое лицо такъ исхудало, удлинилось, онъ страдалъ, и она обязана сказать ему правду.—Вольфгангъ, я должна наконецъ сказать тебѣ... Такъ будетъ лучше... Помнишь ли ты то воскресенье,—это былъ день твоей конфирмаціи,—когда ты... спрашивалъ насъ?..

Сколько предисловія! Она мысленно укоряла себя за малодушіе, но онъ не пошевелинулся, не прервалъ ее ни однимъ словомъ. Кэте избѣгала глядѣть на него. Его молчаніе было страшнѣе взрывовъ его гнѣва, и вдругъ она выкрикнула съ рѣшимостью отчаянія:—Ты не нашъ сынъ, не родной нашъ сынъ!

Онъ продолжалъ молчать и не двинулся. Тогда она взглянула на него и увидѣла, что глаза его невольно смыкаются, что онъ борется со сномъ. Онъ можетъ спать въ такую минуту?!

Она отчаянно встряхнула его, дрожа отъ внутренней лихорадки.

— Слышишь ты или не слышишь? Ты не сынъ нашъ, не родной нашъ сынъ.

— Знаю,—отвѣтилъ онъ устало,—оставь меня!—и онъ сдѣлалъ движеніе рукою, словно отстраняя ее.

— И это тебя не волнуетъ?..—Она сразу осыла, даже голосъ у нея упалъ.—Ты принимаешь это такъ холодно?

— Холодно?..—Онъ пожалъ плечами, и въ его усталыхъ, тусклыхъ глазахъ вспыхнулъ какой-то огонекъ.—Кто тебѣ сказалъ, что я отношусь, что я относился къ этому холодно? Но прежде вы съ этимъ не считались, а теперь—я ничего не хочу знать... Теперь я усталъ. Я спать хочу.

Онъ повернулся къ стѣнѣ и продолжалъ лежать безъ движенія.

Кэте встала. Онъ уже спалъ или дѣлалъ видъ, что спитъ.

Она простояла надъ нимъ съ минуту, ожидая, что онъ обернется къ ней и скажетъ: „Ну, говори, я слушаю тебя!“—Но онъ не повернулся. Поздно! Слишкомъ поздно!

Эти безнадёжныя слова огнемъ жгли ея душу; она знала, что у нея уже не хватитъ духу возобновить этотъ разговоръ.

Шлибены возвращались изъ Шильдгорна, куда Пауль, желая развлечь Кэте, предложилъ ей прокатиться. Надъ озеромъ пламеняли лучи заката, отъ луговъ и лѣса вѣяло меланхолическимъ покоемъ. Они вздумали пройтись немного по лѣсу, усыпанному сосновыми иглами, но Кэте вдругъ ощутила дрожь: по близости находилось кладбище самоубійцъ, и при этой мысли изъ руки ея выпали собранные ею по дорогѣ послѣдніе цвѣты. Ее осаждали мучительныя предчувствія и опасенія. Вольфгангъ былъ легкомысленъ, но что если онъ станетъ дурнымъ человекомъ, что если онъ плохо кончитъ? Спасти его можетъ только чудо, а чудесъ не бываетъ теперь.

Вдругъ ее испугалъ звонкій смѣхъ. Въ саду ресторана, мимо котораго проѣзжало ихъ ландо, всѣ столики были заняты; публика состояла преимущественно изъ бюргеровъ и скромнаго люда. Звонкій женскій смѣхъ повторился, кто-то крикнулъ:—Держи, лови ее!—и сердце Кэте замерло. Она узнала голосъ Вольфганга.

Онъ гнался за дѣвушкою, свѣтлое платье которой мелькало между деревьями. Вѣроятно, онъ поймалъ ее, такъ какъ Кэте услышала, какъ она взвизгнула, и вся эта сцена показалась ей вдругъ безобразною и оскорбительною. Съ какими людьми водить онъ знакомство? Коренастый увалень съ толстымъ лицомъ что-то кричалъ вслѣдъ юной парочкѣ, исчезнувшей за деревьями, а худосочный долговязый парень хитро ухмылялся...

Кэте отступила въ уголъ экипажа. Пауль ничего не замѣтилъ, и когда онъ указалъ женѣ на выплывшую надъ вершинами сосенъ луну и проговорилъ:—Не правда ли, какъ это прекрасно?—она холодно отвѣтила:—Да!

Это его раздосадовало. Какъ любила она прежде природу, доставлявшую ей величайшія и самыя чистыя радости! Теперь и этого нѣтъ. Ничего нѣтъ. Онъ вздохнулъ.

И оба они молчали. Грустными глазами смотрѣли они въ сгущавшійся сумракъ. Наступаетъ вечеръ, и ихъ день также склоняется къ заходу.

Вольфгангъ предпринялъ въ обществѣ Фриды Лемке, брата ея и ея жениха, Ганса Флеббе, давно уже предполагавшуюся прогулку. Они объѣхали весь лѣсъ, катались на лодеѣ и на каруселяхъ, брали билетикъ въ лотерею. Гансъ держался поодаль, и кавалеромъ Фриды былъ все время элегантный молодой господинъ. Сегодня Вольфгангъ ощущалъ потребность вести подружку молодую дѣвушку, хотя бы даже она была и въ половину не такъ мила, какъ Фрида. Онъ втайнѣ завидовалъ толстому Гансу, надъ которымъ дѣвушка такъ потѣшалась; онъ жаждалъ любви, веселія, наслажденія жизнью. Будь онъ съ Фридою наединѣ, онъ сжалъ бы ее въ объятіяхъ и, сомкнувъ ей губы поцѣлуемъ, не выпустилъ бы ее. За невозможностью этого, онъ обхватилъ Артура и въ порывѣ бѣшеннаго веселія принялся кружить его въ вихрѣ вальса, а въ заключеніе два раза приподнял его отъ земли, при громкомъ одобреніи остальной компаніи.

Сердце Вольфганга сильно билось. На возвратномъ пути они зашли въ садъ, гдѣ подъ звуки рояля кружились на деревянномъ помостѣ танцюющія пары, и онъ два раза протанцовалъ съ Фридою. Онъ долженъ былъ прикусить губы, чтобы удержать рвавшійся изъ его груди крикъ восторга. Его такъ и подмывало на какую-нибудь безумную выходку, но вдругъ его смутилъ глухой кашель. Можно ли такъ страшно кашлять?! Онъ невольно посторонился.

— А извозчика нѣтъ, — проговорилъ пожилой человѣкъ, на руку котораго опирался больной. — Ну что, можешь ли ты идти?

— Могу, — хрипло отвѣтилъ молодой, и Вольфгангъ сразу узналъ этотъ голосъ. Кульрихъ! Какъ страшно онъ измѣнился!

— Здравствуй, Кульрихъ! — проговорилъ онъ, подходя къ нему.

— Шлибентъ! — Больной улыбнулся безвровными губами, обнаруживъ длинныя бѣлыя зубы, и протянулъ непріятно влажную руку. Вольфгангъ слышалъ, что у Кульриха чихотка, и поспѣшилъ спросить его о здоровьи, выразивъ надежду, что товарищъ уже поправляется. О, да, онъ скоро уѣдетъ отсюда на югъ!..

— И вернется совсѣмъ здоровымъ, — вмѣшался отецъ. — Сегодня онъ слишкомъ понадѣлся на свои силы, но я полагаю, что это не повредитъ ему... Тебѣ не холодно? Не хочешь ли покуда присѣсть? — съ тревогою обратился онъ къ сыну. — Присядь, Фрицъ, покуда не подѣдетъ извозчикъ.

— Не могу ли я сбѣгать за извозчикомъ? — предложилъ Вольфгангъ, съ эгоизмомъ юности невольно отстраняясь, чтобы дыханіе больного не коснулось его; этотъ кашель произво-

дѣлѣ на него удручающее впечатлѣніе. Каково бѣдному отцу его слушать!

Старый Кульрихъ рабсыпался въ благодарностяхъ, когда Вольфгангъ, запыхавшійся и едва переводившій дыханіе, привелъ извозчика. Онъ усадилъ сына, укуталъ его пледомъ; кучеръ далъ еще попону, которою Вольфгангъ прикрылъ ноги больного.

— Спасибо,—прошепталъ тотъ совсѣмъ беззвучно, между тѣмъ какъ отецъ просилъ г. Шлибена навѣстить ихъ.

— Только приходи скорѣе!—сказалъ больной, улыбнувшись своею странною улыбкой.—Прощай!..

— Прощай!—Вольфгангъ стоялъ и глядѣлъ вслѣдъ каретѣ, увозившей Кульриха—къ его матери.

Веселость его отлетѣла, когда остальная компанія нашла его. Гансъ, вѣроятно, цѣловалъ свою Фриду, такъ какъ шляпка ея съѣхала набокъ, а глазки блестѣли. Вольфгангъ поспѣшилъ съ ними проститься. Смерть какъ бы коснулась его своимъ дыханіемъ.

Дома ему неожиданно пришлось выдержать сцену. Кэте не утерпѣла: рассказала мужу о томъ, что видѣла, и Шлибенъ разсердился сильнѣе, чѣмъ она ожидала. Вотъ въ какое общество онъ попалъ! Что это за женщина, съ которою онъ таскается?

— „Таскается“? „Женщина“?.. Такія слова въ примѣненіи къ Фридѣ Лемке—вывели Вольфганга изъ себя.—Во-первыхъ, она не женщина, во-вторыхъ,—онъ и не думалъ таскаться.

— Ну, словомъ, та, съ которою мы тебя видѣли,—поправился Шлибенъ.

Вольфгангъ густо покраснѣлъ. Они подсматриваютъ за нимъ?

— Кто же она, смѣю спросить?

— Моя пріятельница.

— Пріятельница, ну, да! Но для тебя еще рано имѣть такихъ подозрительныхъ пріятельницъ.

— Она не подозрительная!—Глаза Вольфганга засверкали; ему вспомнились слова фрау Лемке, говорившей: „Не ходите къ намъ слишкомъ часто, Вольфгангъ. Фрида — бѣдная дѣвушка“. Онъ набросился на отца. Какъ онъ можетъ такъ говорить о порядочной, безупречной дѣвушкѣ? Какъ онъ осмѣлив....

— „Осмѣливается“?—Шлибенъ готовился вспылить, но честное негодованіе, выражавшееся на лицѣ юноши, обезоружило его. Нѣтъ, онъ еще не былъ испорченъ,—такія особы привязываются преимущественно къ неиспорченнымъ молодымъ людямъ. Онъ смягчилъ тонъ и посоветовалъ сыну поскорѣ раздѣлаться съ этою исторіей. Онъ даже готовъ помочь ему.

— Благодарю!—Вольфгангъ засунулъ руки въ карманы панталонъ и дерзко смотрѣлъ на отца. Отъ его размягченнаго состоянія ничего не осталось; онъ не могъ имъ простить того, что они опорочили Фриду.

Что сдѣлалось съ нимъ? Кэте съ ужасомъ глядѣла на него. Онъ сталъ совсѣмъ, совсѣмъ инымъ.

И вдругъ она проговорила съ любовью:—Вольфгангъ, не будь такимъ, прошу тебя... Вольфгангъ, вѣдь мы желаемъ тебѣ добра.

Онъ смѣрилъ ее неподдающимся описанію взглядомъ и отвелъ глаза.

— Лучше мнѣ уйти отсюда, — произнесъ онъ вдругъ совравшимся голосомъ, и вызовъ, звучавшій въ его тонѣ, былъ заглушенъ острымъ сознаніемъ того, что онъ правъ, что такъ оно и есть.

XVI.

— Вы говорите, его уже цѣлыхъ два дня нѣтъ дома?

Кэте стояла совсѣмъ растерянная передъ хозяйкою меблированныхъ комнатъ, въ которыя переѣхалъ Вольфгангъ послѣ того, какъ они сообща рѣшили, что ему лучше жить отдѣльно. Онъ не баловалъ родителей своими посѣщеніями; съ отцомъ онъ видался въ конторѣ, а Кэте изъ гордости не давала ему понять, что она желала бы чаще видѣть его дома. Но зато она постоянно забѣгала къ нему, заботилась о его туалетѣ, и это была не ея вина, если онъ за послѣднее время какъ-то опустился. Онъ уже цѣлую недѣлю не былъ на виллѣ, подъ предлогомъ простуды; наконецъ, сегодня она не выдержала—зайхала къ нему передъ театромъ. Они съ мужемъ собирались на „премьеру“ Гауптмана, но она еще поспѣетъ къ началу спектакля; Вольфгангъ съ минуты на минуту можетъ вернуться. Слова улыбавшейся не безъ злорадства квартирной хозяйки совершенно поразили ее. Гдѣ же онъ пропадаетъ? Въ конторѣ онъ бываетъ часа на два,—гдѣ же онъ проводитъ остальные дни и ночи, въ особенности—ночи?

Не будь здѣсь этой женщины съ жесткими любопытными глазами, Кэте громко вскрикнула бы отъ боли; теперь она вонзила свои ногти въ ладонь руки, для того, чтобы физическимъ страданіемъ заглушить свою муку; голосъ ея понизился до шопота:

— А вы... не имѣете ли вы какого-нибудь понятія о томъ, гдѣ онъ можетъ быть?

— Ужъ, право, не могу сказать, сударыня...— Она прищурила глаза и, казалось, соображала.— Вотъ развѣ что... Барышня одна къ нему частенько заходила: въ театръ, говорятъ, отправлялась... Можетъ быть, и въ театръ. Бѣлокурая такая, хорошенькая...

— Съ очень свѣтлыми, зачесанными на уши волосами?— Кэте вспомнила блондинку въ Шильдгорфѣ.

— Вотъ именно. Волоса самые что ни на есть свѣтлые, на затылкѣ—толстымъ узломъ связаны. Они говорили другъ другу: „ты“, и онъ называлъ ее Фридою.

— Фридою?!

— Да, Фридою... Это уже я навѣрно помню. Да поостойте... Нѣтъ ли отъ нея письмаца?

Женщина вытащила изъ-подъ стола корзину и принялась шарить въ ней опытной рукою. — Тагъ и есть... Не угодно ли поглядѣть?—и она съ торжествомъ протянула матери доскутки разорваннаго письма. Нѣсколькихъ кусочковъ не хватало, но, тѣмъ не менѣе, имъ удалось разобрать содержаніе:

„...больше не приходишь...

сержусь на тебя...

на дняхъ зайду къ тебѣ

„твоя

„Фрида Лемке“.

— Фрида Лемке?—Кэте громко вскрикнула. Этого она не ожидала. Дѣвочка, игравшая у нея въ саду?.. Положимъ, у нея всегда были дерзкіе глаза.

— Вы знаете ее?—спросила хозяйка, глаза которой засверкали любопытствомъ.

Кэте не отвѣчала. Она сидѣла, устремивъ глаза на узоръ ковра. Лучше это или хуже? Она какъ-то ничего не могла сообразить. Одно было ясно ей: скорѣе туда, къ Лемке!

— Хорошо, благодарю васъ,—машинально проговорила она, вставая, и почти выбѣжала изъ комнаты мимо пораженной изумленіемъ хозяйки.

Кэте никогда не бывала ночью одна на улицѣ; она выбѣжала съ мужемъ, или Фридрихъ сопровождалъ ее, и теперь ей стало страшно, хотя Фридрихштрассе была ярко освѣщена. Сколько мужчинъ, сколько женщинъ! Они увлекли ее въ своемъ потокѣ. Шуршація, пропитанная запахомъ крѣпкихъ духовъ платья и мужскія фигуры — молодые люди, старики, почти мальчики... Куда они всѣ стремились? Неужели это называется веселыми

берлинскими ночами? Это ужасно и отвратительно. Подъ шляпою не видно, что у нея сѣдые волосы. Что если и ее примутъ за одно изъ такихъ созданий, какъ-нибудь оскорбятъ?..

Дрожа отъ страха, она подозвала экипажъ и велѣла ѣхать домой. Скорѣе—туда, въ свой порядочный, чистый домъ, стѣны котораго служатъ оплотомъ отъ уличной грязи! Какъ тащится экипажъ! Кэте забыла о своемъ намѣреніи ѣхать къ Лемке; она жаждала одного: укрыться въ объятіяхъ мужа, который, вѣроятно, безпокоится о ней, отъ всего этого кошмара. Уже поздно. У Лемке она найдетъ мать,—быть можетъ, такую же несчастную и одинокую, какъ она сама. Погибшія дѣти—что можетъ быть ужаснѣе? Погибшій сынъ,—погибшая дочь?

Подъѣзжая къ дому, Кэте начала успокаиваться. Она овладѣла собою и рѣшила, что покуда ничего не скажетъ мужу, но сначала сама попытается спасти утопающаго.

На слѣдующій день она отправилась къ Лемке. Ноги у нея подкашивались, она не знала, съ чего начнетъ разговоръ: тамъ видно будетъ.

Ощупью спускалась Кэте въ подвальное помѣщеніе Лемке. Постучалась и, не дожидаясь отвѣта, вошла.

Фрау Лемке мыла полъ.

— Барыня, фрау Шлибенъ?!

Совершенно смутившаяся блѣдная женщина, торопливо опраля высоко поднятое платьѣ, ясными, недоумѣвающими глазами спокойно смотрѣла на входившую.

— Здравствуйте, фрау Лемке, — ласково сказала Кэте. — Ваша дочь Фрида дома? Мнѣ надо съ ней поговорить.

— Нѣтъ, Фриды нѣтъ дома! — Женщина смотрѣла, все болѣе удивляясь: что понадобилось барынѣ? вѣдь ей никогда не было дѣла до Фриды! — Фрида на службѣ!

— Такъ; и вы въ этомъ вполне увѣрены?

Фрау Лемке не почувствовала извѣтельности вопроса.

— Фрида никогда не опаздываетъ; у нея два свободныхъ часа на обѣдъ, по вечерамъ она возвращается около десяти... Если барыня пожелаетъ, Фрида можетъ зайти къ ней послѣ обѣда. Она сдѣлаетъ это очень охотно.

Любопытство мучило фрау Лемке: зачѣмъ понадобилась Фрида?

— Если вы позволите, я подожду, — сказала Кэте.

— Будьте добры присѣсть!

Быстро вытерла фрау Лемке стулъ своимъ чернымъ передникомъ и сердечно осведомилась о здоровьи молодого барина:

вѣдь, спускаясь къ Фриде въ подвалъ, мать Вольфганга, оказывала имъ все-таки почетъ!

Кэте не отвѣчала: какая невѣроятная дерзость! Какъ смѣетъ эта женщина, не содрогаясь, еще спрашивать? Но... можетъ быть, она вообще ничего не подозрѣваетъ,—ея взоръ такъ ясенъ! Эта женщина здѣсь такъ же обманута, какъ она сама. У Кэте нѣтъ духу разоблачить истину—несчастливая мать!

Объ молчали, чувствуя неловкость. Фрау Лемке чистила къ обѣду картофель, искоса поглядывая на госпожу. Кэте, блѣдная, подавляла зѣвоту: ея возбужденіе смѣнилось невѣроятнымъ утомленіемъ. Она ждала напрасно, и эта мать также будетъ ждать напрасно! Лицебѣрная дѣвчонка вѣдь не идетъ! И мысль о бѣлокурой дѣвушкѣ приводила ее въ ярость. „Всегда твоя—твоя Фрида Лемке“—вокетство чулось ей въ словахъ письма; онъ, видимо, хотѣлъ отдалиться, но—„если ты не придеши, я приду къ тебѣ“—о, съ такой не развяжешься, она сумѣетъ удержать!

Кэте не вѣрила, что Фрида можетъ придти. Уже шель второй часъ: мать лгала и, можетъ быть, сама была заодно.

Но послышались на лѣстницѣ шаги, и мать радостно сказала:

— Вотъ и Фрида!

Напѣвая пѣсенку, вошла дѣвушка.

Взволнованная вскочила Кэте и горящими глазами смотрѣла на дѣвушку. Она дѣйствительно пришла! Она—здѣсь, но Вольфгангъ, онъ гдѣ?!

— Знаете вы, гдѣ сынъ мой Вольфгангъ, — Вольфгангъ Шлибенъ?!

Ошеломленная Фрида поблѣднѣла. Она хотѣла что-то сказать, запнулась, закусил губы и густо покраснѣла.

— Почему я должна знать? Я вовсе не знаю!

— Вы прекрасно знаете! Не лгите!

И госпожа Шлибенъ съ жаромъ схватила дѣвушку за руки. Она бы хотѣла вцѣпиться ей въ бѣлокурые волосы и кричать: „Мальчикъ мой! Отдай мнѣ моего мальчика!“ Но у нея не было силъ трясти стройныя руки дѣвушки такъ долго, чтобы добиться признанія.

Голубые глаза Фриды смотрѣли открыто, совершенно искренно, хотя въ глубинѣ ихъ сквозило легкое безпокойство.

— Я давно его не видала, сударыня, — сказала Фрида честно, и загнѣвъ прибавила болѣе слабымъ голосомъ, слегка озабоченно: — Прежде онъ заходилъ, а теперь совсѣмъ его не видно, — правда, мать?!

Фрау Лемке покачала головой. — Да, совсѣмъ его не видно.

Ей было не по себѣ, все было такъ странно: госпожа Шли-

бенъ здѣсь, въ подвалѣ,—и что ей, наконецъ, надо отъ Фриды? Что-то неладно! Но какъ бы ни было, ея Фрида невиновна,—пусть госпожа Шлибенъ это помнить.

— Вы очень ошибаетесь, сударыня, въ чемъ-то подозрѣвая мою Фриду! Моя Фрида уже давно помолвлена съ Флеббе—Гансомъ Флеббе, сыномъ кучера—и вообще Фрида совсѣмъ приличная дѣвушка,—что вы, право, воображаете о моей дочери? Богъ мой, это всегда такъ: молодой дѣвушкѣ нашего круга не полагается быть приличной,—нѣтъ!—Оскорбленная мать становилась теперь запальчивой.—Моя Фрида была очень хорошей пріятельницей вашего Вольфганга, и я вѣдь къ нему также очень расположена. Когда я лѣтомъ болѣла, онъ мнѣ прислалъ пятьдесятъ марокъ, чтобы я могла на три недѣли уѣхать поправиться,—но пусть бы онъ попробовалъ теперь придти,—я его хорошо выставлю, болвана!

Блѣдное лицо ея ярко покраснѣло отъ неопредѣленного страха, что о ея Фридѣ могутъ что-нибудь сказать.

Фрида бросилась къ ней и обняла ее.

— Не сердись, мать, не волнуйся! Это тебѣ вредно.

Къ Фридѣ вернулась вся ея энергія; держа еще мать въ объятіяхъ, она повернула свою блѣлую голову къ госпожѣ Шлибенъ.

— Сударыня, вамъ слѣдовало бы обратиться по другому адресу. Я ничего не могу сказать вамъ о вашемъ сынѣ. Еще на дняхъ мы говорили съ матерью, что онъ насъ совсѣмъ забылъ. И я ему даже написала записочку, чтобы онъ къ намъ зашелъ,—потому что я его цѣлую вѣчность не видала,—а прежде онъ охотно со мною бывалъ! Но онъ мнѣ даже не отвѣтилъ. А я вѣдь ему ничего не сдѣлала! Онъ теперь очень измѣнился!—Фрида прибавила не по лѣтамъ озабоченно:—Сударыня, я думаю, было бы лучше, еслибы онъ жилъ у васъ.

Кѣте посмотрѣла на нее пристально: что она предчувствовала—что она знала—знала ли она вообще что-нибудь?! Сомнѣнія возникали, и наконецъ явилась увѣренность: не эта дѣвушка была виной ея горя,—иначе она не могла бы такъ говорить! Испорченная не могла бы отнестись такъ чистосердечно! А эта вѣдь сама такъ откровенно подтвердила, что на дняхъ писала Вольфгангу... Нѣтъ, такой дурной она не была; то была, несомнѣнно, другая блондинка! Но гдѣ искать ту,—гдѣ, гдѣ найти Вольфганга?

Поднявъ руки, какъ бы съ мольбой, жалобно обратилась она къ дѣвушкѣ:

— Но неужели же вы ничего не знаете, неужели у васъ нѣтъ предчувствія, гдѣ онъ можетъ быть? Вчера ровно два дня, какъ онъ пропалъ—совсѣмъ пропалъ—его хозяйка не знаетъ, куда.

— Совсѣмъ пропалъ—уже два дня?!—Фрида широко открыла глаза.

— Я же вамъ это говорю—потому я васъ и спрашиваю—онъ совсѣмъ, совсѣмъ пропалъ!

Дикое нетерпѣніе овладѣло матерью и, виѣстъ съ тѣмъ, острое сознаніе своего горя,—она закрыла лицо руками и громко застонала.

Мать и дочь Лемке посмотрѣли другъ на друга сочувственно. Фрида поблѣднѣла, затѣмъ покраснѣла, какъ будто у нея что-то хотѣло сорваться съ губъ, но промолчала.

— Онъ все-таки не негодяй, нѣтъ, онъ все-таки не негодяй,—прошептала фрау Лемке.

— Кто же это говорить?!—Кѣте опустила руки; все страданіе многихъ лѣтъ, вся безнадежность отразились въ ея голосѣ:—Онъ обманутъ, запутанъ,—погубленъ, погубленъ!

Фрида громко плакала.—Ахъ, не говорите этого! Онъ справится съ этимъ, онъ навѣрное съ этимъ справится! Еслибы я только...—она запнулась и задумчиво сдвинула брови:—еслибы я навѣрное знала!

— Помогите мнѣ! Ахъ, неужели вы мнѣ не можете помочь?!

Услышавъ эти слова, фрау Лемке всплеснула руками и задрожала отъ волненія: какъ ужасно переживать все это изъ-за собственнаго ребенка, котораго рождаешь въ страданіяхъ! Она схватила холодную, ослабѣвшую руку Кѣте и горячо заговорила:

— Боже мой, какъ мнѣ это горько, ужасно горько! Но утѣштесь! Вы знаете, у матери есть особая сила, совсѣмъ особая, и дитя не можетъ забыть мать навсегда!—Лицо ея прояснилось при этой мысли.

— Но это совсѣмъ не мой сынъ—не мой родной сынъ,—и вѣдь совсѣмъ не его настоящая мать!

То, въ чемъ Кѣте никогда не могла признаться, теперь говорила она. Это признаніе вырвалось отъ страха и надежды услышать, что и не родная мать навѣрное не будетъ забыта!

Но фрау Лемке промолчала. Съ сомнѣніемъ покачала она головой: ей вѣдь ни на минуту не приходило на мысль, чтобы это не была настоящая мать Вольфганга!

Въ тяжелое молчаніе погрузилась комната. Слышалось лишь прерывистое дыханіе, пока, наконецъ, Фрида не проговорила своимъ голосомъ:

— А сегодня вы развѣ уже заходили къ хозяйкѣ? Нѣтъ? Кэте молча покачала головой.

— Но тогда, сударыня... вчера было два дня, вы говорите?... Онъ могъ возвратиться сегодня! Надо еще разъ освѣдомиться. Я живо сбѣгаю!

И она была уже у двери, не слушая, что мать кричала ей вслѣдъ: — Фрида, Фрида, ты бы хоть немного перекусила, ты вѣдь не пообѣдала!

Фрида съ добродушной торопливостью, полная сердечнаго сочувствія, уже взбѣгала по ступенямъ лѣстницы.

Кэте бросилась вслѣдъ за нею.

Но на Фридрихштрассе онѣ не узнали ничего новаго. Хотя комнаты были вытоплены, пыль вытерта и даже приготовленъ завтракъ, — какъ будто молодой баринъ могъ каждую минуту войти, — хозяйка ожидала особаго вознагражденія за свои заботы, — но молодой баринъ все еще не показывался.

Кэте лежала больная. Докторъ пожалъ плечами: помочь было трудно, — это была полнѣйшая апатія. Еслибы явилось что-нибудь, что встряхнуло бы и заставило ее встать, то дѣло пошло бы на поправку! Пока же онъ прописалъ укрѣпляющія средства — пульсъ былъ очень слабъ.

У постели жены сидѣлъ Шлибенъ; онъ только-что возвратился домой изъ города. Теперь сидѣлъ онъ съ опущенной головой, съ сдвинутыми бровями.

— Все никакнхъ вѣстей о немъ? Что сказала женщина? По-прежнему ничего не извѣстно? — прошептала Кэте слабымъ голосомъ.

Онъ сказалъ только: — Намъ придется-таки обратиться къ полиціи!

— Нѣтъ, нѣтъ, только не къ полиціи! Искать его какъ преступника?! Ты жестокъ, Пауль! Молчи же, Пауль!

Ея слабый голосъ становился почти крикомъ.

Онъ пожалъ плечами: — Намъ ничего другого не остается, — озабоченно взглянулъ на нее и молча поникъ головою.

Его горе казалось ему безграничнымъ. Уже восемь дней, какъ Вольфгангъ исчезъ — ужасъ, ужасъ, сколько заботъ доставилъ имъ этотъ человекъ! Чѣмъ все это кончится?! Повышенная нервность жены была опасна, особенно при такомъ упадкѣ силъ! Кэте никогда не была богатыремъ, но теперь она стала такъ тонка, такъ худа; за эти восемь дней ея рука, безжизненно

лежащая на одѣялѣ, стала почти прозрачной. И какъ посѣдѣли ея волосы!

Грустными глазами искалъ мужъ на лицѣ жены слѣдовъ бывшей красоты: горе избородило это лицо слишкомъ многими складками и глубокими морщинами. Онъ готовъ былъ плакать, — такъ горько ему было видѣть ее больною. Отвернувшись, онъ закрылъ глаза рукою.

Онъ сидѣлъ, не шевелясь; она лежала неподвижно, какъ бы спала.

Постучали. Испуганный Шлибенъ взглянулъ на больную: не потревожили бы ее? Но она не раскрыла глазъ.

Онъ подошелъ на цыпочкахъ къ двери и открылъ. Фридрихъ принесть почту, разные письма и газеты. Только по привычѣмъ взялъ ихъ Шлибенъ, — теперь все его мало интересовало. Первые дни послѣ исчезновенія Вольфганга, Кäte все боялась, что прочтеть о немъ въ газетѣ, — страшныя предчувствія ее мучили; теперь она перестала спрашивать. Но у мужа глубоко въ душѣ поднималась тревога, хотя онъ и старался сдѣлаться черствымъ: что еще предстоитъ пережить?! Онъ не могъ взяться за газету безъ нѣкотораго содроганія.

— Не шурши же такъ нестерпимо! — сказала раздраженно слабая женщина. Тогда онъ поднялся, чтобы выскользнуть изъ комнаты: лучше онъ уйдетъ, — она, видимо, тяготится его присутствіемъ! Взглядъ его остановился на одномъ изъ писемъ. Почеркъ неустановившійся, ученическій? Должно быть, просьба о пособіи? Письмо было адресовано его женѣ, но ей теперь не до писемъ; это побуждало его открыть именно это письмо. Не изъ любопытства, но онъ чувствовалъ необходимость это сдѣлать.

Онъ открылъ письмо быстрее, чѣмъ обыкновенно. Писала женщина, по всей вѣроятности дѣвушка: невыписанныя, вычурныя буквы; стремленіе измѣнить почеркъ бросалось въ глаза.

„Если вы хотите что-нибудь узнать о нашемъ сынѣ, вы должны отправиться на Путкаммерштрассе, 140, и подняться въ третій этажъ, во дворъ, и найти у звонка надпись „Кнаппе“. Тамъ живетъ она!“

Подписано было: „Добрый другъ“.

У Шлибена было такое чувство, какъ будто бумага горѣла у него въ рукахъ — обыкновенная бумага, только нѣжно-розовая и съ запахомъ дешеваго мыла, — анонимное письмо, фи! Онъ уже хотѣлъ его смять, когда послышался голосъ Кäte: — Что у тебя тамъ, Пауль? Письмо? Покажи-ка сюда!

При его робкомъ приближеніи, она кинулась къ нему и вы-

рвала у него изъ рукъ письмо. Она прочла и громко закричала: — Это написала Лемке! Я увѣрена, что она. Она вѣдь хотѣла его искать — и ея братъ, ея женихъ — они навѣрное его нашли! Путкаммерштрассе, — гдѣ это? 140... мы должны туда отправиться! Сейчасъ, сію минуту! Позвони дѣвушку! Мои башмаки, мои вещи — ахъ, я ничего не могу найти! Да позвони же! Она должна меня причесать... Ахъ, да оставь же, я вѣдь все сама сдѣлаю!

Она соскочила съ постели, дрожа отъ торопливости; сидя у туалетнаго столика, она сама причесывала свои длинные волосы. Они были спутаны отъ лежанія въ постели, и она рвала ихъ въ безжалостной поспѣшности.

— Только бы намъ не опоздать! Мы должны торопиться. Онъ навѣрное, навѣрное тамъ! Ну, что ты стоишь и на меня такъ смотришь? Собирайся же! Я сейчасъ готова, мы сейчасъ можемъ идти. Пауль, милый Пауль, мы его навѣрное тамъ найдемъ... О, Господи! — Отъ слабости у нея кружилась голова, но воля преодолевала слабость. Теперь она уже твердо держалась на ногахъ.

Никто бы не повѣрилъ, что она только-что лежала совсѣмъ безпомощная! Шлибенъ не рѣшался ее удерживать: что худшее могло еще случиться?! Худшаго нельзя было ждать, и, по крайней мѣрѣ, она не упрекнетъ его больше, что онъ недостаточно любить мальчика.

Когда менѣе чѣмъ черезъ полчаса они садились въ экипажъ, который былъ вызванъ Фридрихомъ по телефону, Кэте была не такъ блѣдна и казалась менѣе старой, чѣмъ Пауль.

XVII.

Когда Фрида Лемке встрѣчалась теперь съ Вольфгангомъ, онъ опускалъ глаза и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ее. Онъ на нее сердился: проклятая маленькая жаба — выдала его! Только она, она одна могла направить родителей на его слѣдъ! Какъ иначе могли они это узнать? Онъ готовъ былъ побить себя за то, что намекнулъ этой змѣѣ о своемъ знакомствѣ на Путкаммерштрассе. Эта Фрида со своей дружбой... пусть бы попробовала она ему еще разъ сказать объ его дружбѣ! Женщины вообще всѣ ничего не стоятъ!

Юноша былъ полонъ свирѣпаго презрѣнія къ женщинамъ. Женщины всѣ... грошъ имъ цѣна, — о, теперь онъ хорошо ихъ знаетъ, досыта, даже до отвращенія!

Еще не достигшій девятнадцатилѣтняго возраста, Вольфгангъ

чувствовалъ себя усталымъ и старымъ. Когда онъ вспоминалъ о недавно пережитомъ, ему оно казалось какимъ-то сномъ. И когда ему встрѣчалась Фрида Лемке—а избѣгнуть ея было трудно, такъ какъ онъ аккуратно ѣздилъ въ контору и обратно,—это было ему всегда ножъ въ сердце. Онъ не могъ заставить себя даже поклониться ей.

Еслибы только сбросить тяжесть, которую онъ на себѣ чувствовалъ! Они вѣдь ему ничего не дѣлали,—нѣтъ, они были даже очень добры, но онъ не могъ отдѣлаться отъ чувства, что онъ только терпимъ. Это его раздражало и въ то же время печально. Они его не упрекали, но отецъ былъ постоянно серьезенъ и холоденъ, а взглядъ матери былъ даже мучителенъ. Обидное недоверіе испытывалъ онъ: отчего они прямо не скажутъ, что презираютъ его?

По ночамъ, когда Вольфгангъ не могъ спать, его терзало почти раскаяніе. Началось сильное сердцебіеніе, онъ садился—лежать былъ не въ силахъ—и едва дышалъ. Въ тревогѣ, широко раскрытыми глазами смотрѣлъ онъ въ темноту: о, какое это было отвратительное состояніе! Утромъ, когда припадокъ проходилъ, когда кошки,—„моральныя кошки“, какъ онъ это называлъ шутя,—переставали скрести сердце, онъ сердился на свою сентиментальность. Что же дурного онъ сдѣлалъ? Не больше того, что дѣлаютъ сотни другихъ молодыхъ людей,—только тѣ не такъ глупы, какъ онъ! Эта Фрида, эта проклятая сплетница! Онъ бы ее задушилъ.

Послѣ тяжелыхъ ночей Вольфгангъ становился еще нелюбезнѣе, неразговорчивѣе, сердитѣе, еще болѣе уходилъ въ себя.

„Онъ возстановленъ противъ насъ!“ — рѣшилъ Шлибенъ. Женѣ онъ этого не сказалъ,—зачѣмъ ее еще болѣе волновать? А что она уже тревожилась,—это онъ видѣлъ по тому, какъ она баловала Вольфганга. Не словами и ласками,—эти времена прошли,—но особенно заботливо относилась она къ его питанію; его положительно откармливали. Человѣкъ его лѣтъ долженъ былъ вѣдь быть гораздо сильнѣе! Спина казалась недостаточно широкой, грудь мало выпуклой, черные глаза впали и были окружены темной полосой. Онъ плохо держался и настроеніе его было угрюмое. Настроеніе, да, настроеніе! Это былъ корень всей бѣды, но тутъ никакой уходъ, никакое лекарство не могли помочь. Юноша былъ собой недоволенъ,—развѣ это удивительно?! Онъ стыдился!

И передъ глазами Шлибена ярко вставала вся картина, во всемъ ея безобразіи.

Онъ оставилъ Катю внизу,—хотя она и думала непремѣнно

подняться съ нимъ вмѣстѣ, но онъ настоялъ, чтобы она осталась внизу, на дворѣ, на этомъ узкомъ и темномъ дворѣ, гдѣ пахло плѣсенью и щебнемъ. Онъ поднялся одинъ. Третій этажъ. Ему показалось очень высоко, еще никогда его колѣни такъ не уставали отъ лѣстницы. Вотъ и „Кнаппе“. Онъ взялся за колокольчикъ и вздрогнулъ, когда онъ зазвонилъ. Зачѣмъ въ сущности онъ здѣсь? По анонимному письму, вторгается онъ въ чужимъ людямъ, онъ, Пауль Шлибенъ?!—Кровь бросилась ему въ голову, но женщина уже открывала ему, женщина въ свѣтлоглубомъ халатѣ, совсѣмъ немолодая, но роскошная, съ добродушными глазами. При свѣтѣ северной кухонной лампочки, которою даже въ полдень освѣщалось непроглядно-темное помѣщеніе, онъ увидалъ на вѣшалкѣ элегантное пальто и изящную войлочную шляпу; это были вещи Вольфганга. Значитъ, онъ дѣйствительно здѣсь?! Здѣсь?! Итакъ, анонимное письмо не обмануло?

Что было потомъ—онъ въ точности не помнилъ; онъ зналъ только, что остался безъ денегъ. Потомъ онъ за руку свелъ внизъ по лѣстницѣ молодого человѣка,—скорѣе, впрочемъ, стащилъ, чѣмъ свелъ. Уже на половинѣ лѣстницы встрѣтила ихъ Кате. Время тянулось для нея томительно; вокругъ нея собрались дѣти съ открытыми ртами, изъ оконъ выглядывали женщины. Она приходила въ отчаяніе: отчего Пауль такъ возмутительно долго пропадаетъ?!—Ей вѣдь въ голову не приходило, что ему пришлось разбудить сына, непробудно спавшаго на беспорядочной кровати. Этого она не должна была никогда узнать.

И вотъ мальчикъ опять дома,—но принесло ли это имъ радость? Какъ ни былъ примирительно настроенъ Шлибенъ, но ему приходилось себѣ рѣзко отвѣтить: „нѣтъ“. Радости нельзя было ждать. Быть можетъ, только въ далекомъ, далекомъ будущемъ передъ ними блеснетъ лучъ свѣта! Самое лучшее теперь, чтобы молодой человѣкъ отбылъ воинскую повинность!

Вольфгангъ всегда мечталъ поступить въ гусары, но, наведя справки, Шлибенъ нашелъ болѣе подходящимъ устроить его въ пѣхотѣ.

Прежде сынъ горячо воспротивился бы—въ кавалерію онъ хотеть, во что бы то ни стало,—теперь онъ объ этомъ и не подумалъ. Если надо непременно служить, то не все ли равно гдѣ? Онъ былъ смертельно утомленъ. У него было одно только желаніе—хоть разъ хорошенько выспаться. Кульрихъ умеръ—около Рождества отецъ его прислалъ увѣдомленіе,—а онъ? Онъ прогулялъ слишкомъ много ночей.

Вольфгангъ не былъ принятъ на службу; это былъ большой

ударъ для Шлибена. „Негоденъ“ — жестокое слово; но почему негоденъ?!

„Порокъ сердца“ — прочли родители; они не вѣрили своимъ глазамъ, читали снова...

Вольфгангъ возвратился послѣ испытанія совѣмъ разбитымъ, но незамѣтно было, чтобы онъ былъ взволнованъ своей негодностью. Онъ ничѣмъ это не выражалъ, — но такъ ли это было?!

Правда, докторъ, послѣ изслѣдованія, старался изобразить все какъ можно утѣшительнѣе: — Неправильность сердца, Боже ты мой! Да много ли есть людей, у которыхъ совѣмъ нормальное сердце! Если вы немного за собой послѣдите, Вольфгангъ, и будете вести правильную жизнь, — вы можете дожить до глубокой старости!

Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ.

Шлибены осыпали доктора упреками: зачѣмъ онъ ихъ не предупредилъ раньше? Онъ вѣдь не могъ этого не знать! Зачѣмъ оставлялъ онъ ихъ въ невѣдѣніи?!

Гофманъ защищался: развѣ онъ не твердилъ всегда объ осторожности? Послѣ скарлатины, бывшей у мальчика, онъ всегда боялся за его сердце и не скрывалъ своихъ опасеній. Но правда, онъ никакъ не могъ предположить, чтобы дѣло могло такъ обостриться. Мальчикъ былъ слишкомъ предоставленъ самому себѣ.

„Порокъ сердца“ — это звучало смертнымъ приговоромъ. Вольфгангъ былъ сраженъ. Онъ вдругъ потерялъ силы бороться съ ночными припадками. То, что прежде онъ переживалъ одинъ въ постели, даже не зажигая огня, теперь заставляло его вставать, бросаться къ окну, распахивать его, выбѣгать изъ комнаты, пока онъ не находилъ успокоенія въ креслѣ. Страданіе заставляло его звать родителей: — Вы спите? Мнѣ такъ страшно! Побудьте со мною!

Мучительныя ночи повторялись долгое время. Вольфгангъ страдалъ, и мать вмѣстѣ съ нимъ. Какъ могла она спать, когда она знала, что рядомъ съ ней кто-нибудь мучится?!

Наконецъ стало ему лучше. Лекарства стараго друга помогли, Вольфгангъ прошелъ правильный курсъ леченія: ванны, растираніе, массажъ, особая діета помогли; онъ прибавился въ вѣсѣ, глаза заблестѣли, и лицо посвѣжѣло. Всѣ стали надѣяться — только онъ не чувствовалъ желанія жить.

Апрѣль былъ суровый и бурный, необычайно холодный; въздоровливавшій не могъ проводить на воздухѣ столько времени, какъ было желательно, тѣмъ болѣе, что согрѣвающія движенія — теннисъ, ѣзда на велосипедѣ и верхомъ — пока были для него

утомительны. Докторъ предложилъ отправить Вольфганга на Ривьеру, чтобы воспользоваться нѣсколькими недѣлями до наступленія тамъ жаровъ.

Шлибенъ былъ готовъ устроить путешествіе юноши: если это ему полезно, такъ и прекрасно! Кэте выразила желаніе его сопровождать.

— Но зачѣмъ же? Мальчикъ прекрасно можетъ поѣхать одинъ, — возразилъ докторъ.

Но она настаивала, она должна его сопровождать. Это больше не тревога, что онъ пропадетъ, теперь это ея обязанность, если даже онъ будетъ недоволенъ. Къ этому присоединялось едва сознаваемое собственное желаніе побывать на югѣ. Еслибы поѣхать, напримѣръ, въ Сестри, гдѣ они когда-то провели съ мужемъ по-истинѣ счастливыя дни? Тамъ у синяго моря широкія пинія зеленѣе и тѣнистѣе, чѣмъ южныя пальмы; тамъ, при всей мягкости воздуха, вѣетъ что-то освѣжающее; тамъ нѣтъ ничего заснуваго, а всюду жизнь!

Мужъ улыбнулся: конечно, они могли бы туда поѣхать! Его такъ радовало оживленіе жены.

Вечеромъ наканунѣ отъѣзда Вольфгангъ долго убиралъ свою комнату. Кэте, безпокоясь, чтобы онъ не утомился укладкой, послала ему на помощь Фридриха. Но юноша отослалъ его обратно: онъ хотѣлъ все сдѣлать одинъ!

Когда Вольфгангъ все уложилъ, онъ задумчиво оглядѣлъ комнату. Здѣсь онъ выросъ, эту комнату онъ такъ часто называлъ клѣткой, — вернется ли онъ опять сюда?

„Нѣтъ у насъ здѣсь отчизны — мы ищемъ ее въ грядущемъ“.

Передъ нимъ на стѣнѣ въ дорогой рамѣ висѣло его конфирмаціонное изреченіе. Давно онъ на него не заглядывалъ. Теперь онъ его прочелъ, слегка улыбаясь, насмѣшливо, но съ нѣкоторой грустью. Да, онъ опять вернется сюда, — онъ уже привыкъ къ клѣткѣ!

И вдругъ онъ рѣшилъ сдѣлать послѣднее, то, что оставалось сдѣлать — пойти къ Фридѣ.

Фрау Лемке онѣмѣла отъ удивленія, почти испугалась, когда къ ней вошелъ молодой Шлибенъ. Она совсѣмъ растерялась: „Нѣтъ, Фриды нѣтъ, — Артура также, — отецъ въ швейцарской, — но еслибы вы пока у меня присѣли!“ — И она съ большимъ шумомъ пододвинула ему стулъ.

Онъ придвинулъ стулъ близко къ столу, у котораго она сидѣла. Вотъ онъ опять здѣсь сидитъ, какъ нѣкогда. Онъ такъ ясно помнилъ первое приглашеніе къ Лемке — это было десять

лѣтъ назадъ, въ день рожденія Фриды:—тогда онъ сидѣлъ здѣсь съ дѣтьми, и кофе со сладостями казался ему такимъ вкуснымъ.

Воспоминанія тѣснились — все пріятныя воспоминанія, — но разговоръ съ фрау Лемке не вязался. Волновала ли его предстоящая встрѣча съ Фридой? Или что другое тревожило его здѣсь?! Да, и здѣсь онъ былъ лишній.

Печаль сквозила въ его голосѣ, когда, протянувъ руку фрау Лемке, онъ сказалъ:—Ну, такъ прощайте!

— Добраго здоровья,—до свиданья!

Онъ еще разъ пожалъ ей руку и пошелъ; лучше онъ встрѣтитъ Фриду на дорогѣ, чѣмъ здѣсь сидѣть. Сердце у него билось. Она шла ему навстрѣчу.

Хотя было темно, освѣщеніе было не такъ ярко, какъ въ центрѣ города, но онъ узналъ ее издали.

У нея была все та же матросская шапочка съ синей лентой, которая къ ней такъ шла. Фрида была удивительно свѣжа.

Они поровнялись. Вольфгангу вдругъ показалось, что до нея онъ никогда не зналъ ни одной женщины: братскую глубокую нѣжность почувствовалъ онъ къ ней. Ахъ, она вѣдь только добра ему желала!

Онъ молча поклонился. Она весело сказала: „Ахъ, Вольфгангъ, это ты?“ — и протянула ему руку.

Онъ пошелъ съ ней рядомъ, какъ бывало; она невольно замедлила шагъ. Она не совсѣмъ знала, какъ себя съ нимъ держать, одно она опредѣленно чувствовала: онъ на нее не сердится.

— Мы завтра ѣдемъ,—сказалъ онъ.

— Что такъ, куда же?

И онъ все ей рассказалъ.

Она его прервала. — Ты на меня не сердишься?—прошептала она.

Онъ покачалъ головой, но не заговорилъ объ этомъ.

Ей хотѣлось сказать Вольфгангу, что иначе она не могла поступить, что Гансъ его выслѣдилъ, что она общала его матери найти его, и сама за него боялась,—но все, что камнемъ лежало у нея на душѣ, — все осталось невысказаннымъ. Все было ненужно. Прошлое умерло для него, какъ будто онъ его совсѣмъ позабылъ.

Когда онъ рассказывалъ ей о Ривьерѣ, его снова охватило желаніе жить. Ахъ, скорѣй бы только отсюда, скорѣй! Тамъ все опять пойдетъ хорошо! Онъ еще неясно представлялъ себѣ, а къ все тамъ будетъ; къ рассказамъ матери о югѣ онъ оста-

вался равнодушнѣ. Ему самому пріятно было сознавать въ себѣ прежнюю радость жизни.

— Пришли ты мнѣ оттуда открытку, съ красивымъ пейзажемъ!—просила она.

— Конечно, множество!—Онъ обнялъ рукой ея узкія плечи и привлекъ ее къ себѣ.

Она не противилась.

Они стояли на улицѣ, по краямъ которой на кустахъ уже распускались почки и зацвѣтала сирень,—они стояли крѣпко обнявшись.

— Пріѣзжай опять здоровымъ!—всхлипывала она.

Онъ нѣжно цѣловалъ ея щеки. — Фрида! о, какъ я тебя благодаренъ!...

Когда на другой день утромъ Фрида уходила на службу — была половина восьмого, — она сказала матери: — Ну, вотъ онъ уѣхалъ! — Она была задумчива весь день. Долго она не видѣлась съ Вольфгангомъ — и ей это было безразлично — но со вчерашняго вечера у нея болѣла душа. Она много думала о немъ, она не могла его забыть.

XVIII.

Теперь Кэте была одна съ сыномъ. Наконецъ онъ принадлежалъ ей вполнѣ. Ей было дано все, чего она такъ ревниво домогалась. Его не могла привлечь даже роскошная природа, которая такъ заманчиво смотрѣла въ ихъ окна. Кэте удивлялась его равнодушію, почти сокрушалась имъ. Они проѣхали по Швейцаріи, — онъ видѣлъ ее впервые, но то, что трогало до слезъ — эти высокія горы, съ снѣговыми вершинами, пропадавшими въ облакахъ, все это едва привлекало его вниманіе. Время отъ времени онъ вглядывалъ въ окно, но по большей части сидѣлъ, забившись въ уголъ, и грезилъ, устремляясь взоромъ въ иностранство.

— Ты усталъ?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ; короткое „нѣтъ“, но безъ рѣзкой краткости, обычной у него въ послѣднее время. Въ его тонѣ не было нелюбезной уклончивости.

Озабоченными глазами смотрѣла Кэте на сына: повидимому, путешествіе его утомляло. Хорошо, что она съ нимъ. Ей казалось, что она необходима, и чувство внутренняго удовлетворенія брало верхъ надъ тяжестью далекаго пути.

Въ Миланѣ, гдѣ они остановились на день, Вольфгангъ мало

интересовался соборомъ. — Да, великолѣпнѣе, — сказалъ онъ, когда она восхищалась замѣчательнымъ сооруженіемъ. Но онъ не захотѣлъ подняться на верхнюю площадку, откуда сегодня, въ ясный день, раскрывалась богатѣйшая панорама далекихъ Альпъ. — Пойди одна, оставь меня здѣсь!

Ей казалось смѣшнымъ, что она, старая женщина, одна поднимется, когда онъ, юноша, останется внизу. Но она не могла преодолѣть желаніе еще разъ увидѣть ту красоту, которой она нѣкогда наслаждалась. Она отправилась, а онъ разложилъ складной походный стулъ и опустил на него, прислонившись спиной къ мраморной колоннѣ.

Ахъ, какъ онъ хорошо здѣсь отдыхалъ! Послѣ базарнаго шума на площади, пестрыхъ разнообразныхъ красокъ, здѣсь его охватила пропитанная ладаномъ сумеречная атмосфера. Ему не мѣшали ни хлопаніе дверей, ни группы людей, которые то входили, то выходили... Ничто не мѣшало ему, онъ ничего не замѣчалъ. Чудныя сумерки овладѣвали имъ, усыпляли его, онъ погружался въ блаженное оцѣпенѣніе. Его затуманившимся взорамъ такъ ласково улыбались святые, сладчайшія Маріи и толстощекіе, похожіе на амуровъ ангелы. Ему было здѣсь чудно. Чудо свѣта, миланскій соборъ терялъ для него свое чуждое величіе, далекія стѣны сдвигались и становились близкими, хотя и обнимали міръ, міръ умиротворенный, гдѣ колѣнопреклоненные грѣшники встаютъ очищенными. Вольфгангъ почувствовалъ страстное желаніе также опуститься здѣсь на колѣни. Опять вернулся къ нему порывъ его дѣтскихъ лѣтъ! Какъ онъ любилъ тогда ту церковь, куда его свела дѣвушка Цилла! Онъ ее еще любилъ, онъ любить ее опять; сегодня онъ ее любить болѣе страстно, чѣмъ когда-либо. Здѣсь онъ былъ дома, здѣсь было у него теплое чувство, что онъ свой.

— „Qui vivis et regnas in saecula saeculorum!“ — высоко свѣтилась золотая дарохранительница, низко кланялись молящіеся, божественные звуки парили подъ высокимъ куполомъ все прекраснѣе и прекраснѣе, слабѣе, слабѣе. Вѣки его закрылись.

Онъ увидѣлъ Циллу. Свѣжую, прекрасную, какъ жизнь. О, такую прекрасную! Она прежде была не такая?! Онъ сознавалъ, что грезить, но не хотѣлъ проснуться. Она приближалась къ нему — все ближе! Она перекрестила его — слышались вѣжные звуки органа — что она говоритъ, что она шепчетъ ему? Онъ хотѣлъ схватить ея руку, разспросить ее, но его разбудилъ другой голосъ:

— Вольфгангъ, ты спишь?

Рука Кэте нѣжно легла на его руку.—Я, должно быть, долго пробыла наверху? Ты не соскучился?

— О, нѣтъ, нѣтъ!—Онъ сказалъ это съ увлеченіемъ.

Они вмѣстѣ вышли изъ собора, откуда разносились далеко звуки органа. Кэте была совсѣмъ подъ впечатлѣніемъ чудеснаго вида, и потому не замѣчала таинственнаго блеска глазъ Вольфганга. Онъ затихъ и былъ на все согласенъ.

Его манера начинала беспокоить мать. То, что прежде ее ошастливило бы — какъ она въ былые годы мечтала о богѣ мягкомъ ребенкѣ! — теперь разстраивало ее болѣзненно. Неужели онъ боленъ серьезнѣе, чѣмъ всѣ предполагали?

Они прибыли на берегъ моря, въ Сестри. Это были еще тѣ самыя пинні, подъ которыми, восемнадцать лѣтъ назадъ, она рисовала, совсѣмъ молодой женщиной. Кэте хотѣла совсѣмъ уединиться и жить для одного Вольфганга; но время отъ времени у нея являлась потребность поболтать съ тѣмъ или другимъ, потому что, оставаясь съ Вольфгангомъ, она чувствовала себя одинокой. О чемъ онъ думалъ? Что онъ думалъ, это было видно по его лбу и глазамъ; но онъ не высказывалъ своихъ думъ. Былъ ли онъ озабоченъ — безпеченъ? веселъ — грустенъ? Мучило ли его что-нибудь и скорбѣлъ ли онъ о чемъ — а можетъ быть онъ скучалъ здѣсь?! Этого она не знала.

Нѣсколько капризно удалялся онъ отъ всѣхъ. Напрасно уговаривала его Кэте поиграть въ теннисъ съ молодыми дѣвушками, искавшими партнера; его звали кататься на парусахъ, но, казалось, онъ сталъ совсѣмъ равнодушенъ къ спорту.

Большую часть времени проводилъ онъ на дамбѣ, о скалистый конецъ которой синее море неутомимо разбивалось бѣлой пѣной; онъ подолгу смотрѣлъ вдаль на берегъ, окутанный красно-лиловой дымкой, или назадъ, на голыя вершины Апеннинъ, по склонамъ которыхъ ютились бѣлые и красные домики Сестри.

Когда лодки рыбаковъ, какъ усталыя птицы, возвращались со спущенными парусами въ гавань, онъ вставалъ и медленно шелъ къ пристани, имъ навстрѣчу. Онъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ рыбаки выгружали рыбу. Если уловъ былъ невеликъ, онъ давалъ имъ все, что у него было въ карманѣ.

О, еслибы мать знала, о чемъ думалъ сынъ! Еслибы она могла предвидѣть, что его душа стремилась далеко, далеко, какъ чайка черезъ безграничное море!

Тоска по родинѣ томила Вольфганга. Здѣсь ему не нрави-

лось. Здѣсь было чересчуръ мягко, красиво; это ему надоѣдало. Только благовонныя пиніи радовали его; онѣ были лучше, чѣмъ сосны въ Грюнвальдѣ. Но не по Грюнвальду онѣ тосковалъ. И здѣсь, и тамъ мучило его стремленіе. Къ чему—куда? Онѣ скорбѣлъ. И чаще, чѣмъ когда-либо въ жизни, у него вырывалось ласковое слово.

Наконецъ, наконецъ-то! Кэте часто наблюдала за нимъ украдкой: неужели это былъ тотъ, кто когда-то былъ такъ ей враждебенъ? Этотъ юноша, взглядъ котораго необычайно тронулъ ее въ миланскомъ соборѣ, неужели это тотъ же, который лежалъ на порогѣ пьяный? Тотъ самый, который такъ низко палъ... ахъ, лучше не вспоминать!

Кэте хотѣла забыть: она хотѣла, даже старалась забыть. Когда она нашла его въ соборѣ, прислоненнымъ къ колоннѣ, со сложенными руками и мечтательно закрытыми глазами, онѣ показался ей трогательно юнымъ; его лобъ былъ гладокъ и чистъ. Она невольно подумала: не многого ли отъ него требовали? Были ли всегда къ нему справедливы? Всегда ли былъ онѣ понятъ? Въ ея душу закрадывалось сомнѣніе. Она считала себя хорошей матерью; но послѣ того дня, въ соборѣ, ей казалось, что за ней были также ошибки. Какія—она не могла сказать. Но къ удовольствію, что сынѣ къ ней возвращается, примѣшивалась горечь и много сердечной боли. Теперь онѣ былъ добръ, былъ, по крайней мѣрѣ, доступенъ, былъ такимъ, какъ она хотѣла, болѣе мягкимъ, притягательнымъ,—но... чего же не доставало?!

„Вольфгангъ меня заботитъ,—писала она мужу.—Здѣсь такъ прекрасно, но онѣ этого не замѣчаетъ. Мнѣ часто становится жутко“.

Когда Шлибенъ предложилъ ей поѣхать всѣмъ вмѣстѣ,—онѣ это сдѣлалъ, думая облегчить многое женѣ,—Кэте отклонила это предложеніе. Она предпочла быть вдвоемъ съ Вольфгангомъ; она считала, что это для нихъ обоихъ будетъ лучше. Теперь она много думала о своемъ мужѣ и писала ему почти ежедневно. У нея явилась потребность обмѣняться съ нимъ хотя бы нѣсколькими строками. Онѣ восхищался бы съ ней вмѣстѣ всѣмъ, что казалось ей такимъ прекраснымъ, чѣмъ они восхищались когда-то вмѣстѣ! Теперь, на прогулкахъ, ей такъ нужна была его твердая рука. Ахъ, тогда были лучшіе, счастливые года!

Кэте совсѣмъ забыла, чего она въ то время такъ страстно желала, и какъ омрачала мужу лучшіе часы. Теперь она, забывая о сынѣ, грустно смотрѣла вдаль взоромъ, въ которомъ горѣлъ

еще лучъ утраченной молодости: ея бѣдный мужъ былъ такъ одинокъ! Думалъ ли онъ о ней такъ, какъ она о немъ?!

Вечеромъ, когда Вольфгангъ уходилъ къ себѣ въ комнату,— что онъ тамъ дѣлалъ, она не знала,—она писала мужу.

Не то радовало Шлибена, что письма ея были длинны и обстоятельны,—она изъ Франценсбада писала ему также длинныя письма,—нѣтъ, теперь между строкъ онъ читалъ невыраженное желаніе, потребность, стремленіе его видѣть. И онъ рѣшилъ также поѣхать на югъ: прожито столько лѣтъ, что желаніе быть вмѣстѣ понятно, одинъ безъ другого слишкомъ одинокъ!

Съ большимъ рвеніемъ принялся Шлибенъ за текущія дѣла. Онъ надѣялся не позже, какъ черезъ недѣлю, быть готовымъ къ отъѣзду, но рѣшилъ ничего не писать впередъ, не предупреждать,—пусть это будетъ совершенно неожиданно!

Въ полдень солнце жгло въ Сестри, но къ вечеру, при закатѣ, несмотря на яркіе лучи его, было пріятно и живоительно. Все кругомъ благоухало. Сердце Кэте переполнилось: слава Богу, она еще не окончательно разбита и разслаблена, она еще сохранила способность чувствовать прекрасное! О, еслибы здѣсь былъ Пауль! На крайнемъ выступѣ берега, гдѣ ненасытное море, разбиваясь бѣлой пѣной о скалы, казалось, хотѣло подняться высоко къ кипарисамъ и пиніямъ, къ вѣковымъ дубамъ, къ благоухающимъ розамъ, раскинулся садъ богатаго маркиза. Здѣсь молча сидѣли мать съ сыномъ. Они смотрѣли, какъ исполинское солнце медленно, задумчиво и торжественно заходило за море.

Кэте вздрогнула: о, вѣдь это то самое громадное солнце, которое когда-то медленно опускалось въ просторъ безбрежной степи!

Ахъ, прочь это воспоминаніе! Зачѣмъ оно теперь? Съ боязливой заботой посмотрѣла она на Вольфганга — о, еслибы онъ зналъ!? Но онъ сидѣлъ совершенно равнодушно на камнѣ, положивъ ногу на ногу, полузакрывъ глаза. О чемъ онъ грезилъ!? Она должна его пробудить.

— Какъ величественно, прекрасно?!

— О, да!

— Оно опускается — смотри, какъ оно опускается! — Кэте вскочила, протянувъ впередъ руку, вдохновенная пурпурнымъ моремъ, блестящимъ свѣтиломъ, которое умирало въ такомъ великолѣпіи. Ея глаза стали влажны, они были ослѣплены. Когда она отвела ихъ отъ солнца, ее поразила блѣдность Вольфганга.

— Тебѣ холодно?—Внезапная прохлада повѣяла съ моря.

— Нѣтъ, но я бы хотѣлъ, — онъ широко открытыми темными глазами въ упоръ посмотрѣлъ на нее, — я бы хотѣлъ что-нибудь узнать о моей матери. Ты можешь говорить — я слушаю!

— О твоей — твоей... — она загнулась, все было такъ неожиданно. О, солнце, о, степное солнце! Теперь она охотно бы молчала, она потеряла прежнее мужество.

Но онъ настаивалъ. — Расскажи! — Было что-то жалкое въ его голосѣ. — Какъ ее зовутъ? — гдѣ она живетъ? — жива ли она еще?!

Бояливо оглядывалась Кэте. „Жива ли она еще?“ — на это она не могла отвѣтить. Но конечно — навѣрное — она жива!

Она рассказала ему все. Рассказала, какъ они его взяли, какъ бѣжали съ нимъ, будто съ добычей.

Краска заливала ей лицо — о, какъ онъ разразится, какъ страстно онъ взволнуется! И будетъ сердиться на нее. Позаботились развѣ они о его матери хоть разъ, съ тѣхъ поръ, какъ взяли его?! Больше ей рассказывать было нечего.

Онъ больше и не спрашивалъ. Но онъ и не взволновался, какъ она думала; ей не пришлось защищаться и извиняться. Онъ дружелюбно поглядѣлъ на нее и только сказалъ: — Ты думала, что хорошо дѣлаешь, я увѣренъ!

Когда они выходили изъ парка и поднимались по каменной лѣстницѣ въ городокъ, онъ предложилъ Кэте руку. Повидимому, онъ ее велъ, но ей думалось, что онъ самъ нуждается въ поддержкѣ; онъ шелъ пошатываясь.

Позади сада маркиза было кладбище. Бѣлые памятники выдѣлялись въ вечернемъ сумракѣ; надъ каменной оградой поднимались крылья громаднаго ангела. Кэте оглянулась: вѣяло ли оттуда предчувствіемъ или надеждой? То ли испытывалъ Вольфгангъ, и испытывалъ ли онъ что-либо — она не знала, но она вѣжно сжала его руку, и онъ ласково слабо отвѣтилъ пожатіемъ.

Въ тотъ вечеръ она слышала, какъ онъ тревожно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Она собственно рѣшила предоставить его самому себѣ, — прежде она слишкомъ о немъ заботилась, — но теперь она подумала, что онъ еще выздоравливающій, и волненіе послѣ ея рассказа могло ему повредить. Она хотѣла къ нему войти, но дверь его была заперта. Только по ея настоятельной просьбѣ онъ открылъ.

— Что тебѣ надо? — спросилъ онъ сухо, какъ бывало прежде.

— Я думала, что ты хотѣлъ бы еще поговорить о томъ, — сказала она мягко.

— Что мнѣ дѣлать?! — вскрикнувъ онъ, заломилъ руки и сталъ опять быстро ходить по комнатѣ. — Еслибы хоть кто-нибудь

могъ сказать, что мнѣ дѣлать! Но вѣдь этого никто не знаетъ! Никто и знать не можетъ! Что мнѣ дѣлать—что мнѣ дѣлать?!

Ошеломленная стояла Кэте: такъ вотъ о чемъ онъ думаетъ! Она видѣла, что онъ плакалъ. Съ горячимъ сочувствіемъ подошла она къ нему; она его поцѣловала, чувствуя упрекъ въ его словахъ, и, глубоко имъ потрясенная, она заговорила:— Не мучь себя! Не томи себя! Если хочешь, мы туда поѣдемъ — мы ее найдемъ—мы навѣрное ее найдемъ!

Но онъ покачалъ головою и простоналъ:—Теперь поздно—слишкомъ поздно! Что мнѣ теперь тамъ дѣлать?—Негоденъ ни на что! О, мать, мать!—Обнявъ Кэте обѣими руками, онъ тяжело упалъ передъ ней и обнялъ ее колѣни.

Онъ горько рыдалъ.

— О, еслибы я зналъ, что мнѣ дѣлать!

Онъ громко всхлипывалъ, и она плакала съ нимъ вмѣстѣ. Еслибы Пауль былъ тутъ! Сама она не находила словъ утѣшенія, но чувствовала себя такой разстроенной, что не ждала успокоенія. Передъ ней вставалъ одинъ страшный вопросъ: „Чѣмъ все это кончится?“

Кэте не знала, вызвать ли ей мужа. Вольфгангъ несомнѣнно былъ опять боленъ. Онъ не жаловался, онъ говорилъ только, что не можетъ спать, и что это его утомляетъ. Она не могла рѣшить, болѣлъ ли онъ душою или тѣломъ. Она была въ большой тревогѣ, но пока не вызывала мужа. Зачѣмъ звать его въ такой дальній путь? Здѣсь ничѣмъ не поможешь! Ей пока не было ясно, что она хочетъ его пріѣзда для себя.

Вольфгангъ подолгу лежалъ на кушеткѣ съ закрытыми ставнями; онъ даже не читалъ. Она часто заходила къ нему, чтобы его развлечь,—но мысли его были не здѣсь.

Когда она изъ глубины комнаты наблюдала за нимъ, ей казалось, что онъ уже не такъ боленъ. Еслибы она только сумѣла вывести его изъ оцѣпенѣнія! Но какія заманчивыя развлеченія она ни предлагала ему, на все онъ отвѣчалъ: „Право, я сегодня слишкомъ утомленъ!“

Она приходила въ отчаяніе. Съ каждымъ днемъ убѣждалась она все болѣе, что поѣздка сюда была напрасна. Прелесть новизны оживила его всего на нѣсколько дней. Теперь все прежнее вернулось. Даже стало хуже.

Онъ постоянно чувствовалъ недостатокъ воздуха. Во время прогулокъ онъ то-и-дѣло останавливался, чтобы вздохнуть. Часто

ей становилось жутко: „Вернемся домой, тебѣ нехорошо!“ Но эти короткіе припадки быстро проходили, такъ что она уворяла себя даже въ преувеличенной заботливости.

Но однажды ночью съ нимъ сдѣлался такой сильный припадокъ, какого раньше не бывало.

Около полуночи Кэте разбудилъ стукъ въ дверь и жалобный стонъ:—Мать, ахъ, мать!—Она бросилась къ Вольфгангу:—Что съ тобой?—Онъ стоялъ разлѣтый у дверей и дрожалъ:—Мнѣ такъ дурно!—Онъ посмотрѣлъ на нее взглядомъ, полнымъ ужаса, и упалъ прежде, чѣмъ она успѣла его поддержать.

Кэте отчаянно звонила. Прибѣжала прислуга.—Скорѣе телеграфируйте моему мужу: „Приѣзжай немедленно!“

Больного перенесли на кровать, послали за докторомъ. Горничная рыдала. Хозяинъ гостинницы принесъ лучшаго шампанскаго и коньяку изъ своего погреба. Всѣмъ было безконечно жаль молодого человѣка, а онъ лежалъ въ глубокомъ забытіи.

Кэте не могла плакать, какъ добродушная горничная, у которой отъ жалости слезы текли ручьями. Кэте надо было довести заботу до конца. До конца — теперь она это знала. Не надо было доктору качать головой и таинственно перешептываться съ хозяиномъ гостинницы. Принесли лекарства, голову больного положили низко, ноги выше, сдѣлали подкожныя впрыскиванія — сердца не могли подогнать.

Кэте не покидала больного. Во всемъ великолѣпнѣ вставало золотое солнце, вѣчное свѣтило степи. Вольфгангъ немного пошевелился. Она наклонилась къ нему такъ близко, какъ наклонялась, бывало, къ тому спавшему мальчику, которому хотѣла вдохнуть свою душу, дать жизнь отъ своей жизни. Теперь она его отпускала. И когда сейчасъ она такъ близко приныкала къ его губамъ, то только для того, чтобы уловить его послѣднее желаніе...

„Мать?!...“ Это было его послѣднее слово. Онъ еще разъ открылъ глаза, посмотрѣлъ вокругъ, простоналъ и заснулъ навѣки.

Солнце ярко блистало. У окна стояла женщина съ сухими глазами и въ глубокой задумчивости смотрѣла на блестящій свѣтъ чуднаго утра. Взоръ ея тонулъ въ безконечномъ величїи природы. Долго, долго стояла Кэте, погруженная въ тяжелыя мысли: тамъ, извнѣ была яркая жизнь, а здѣсь — мрачная смерть. Правда, есть страданія больше смерти. Глубоко вздохнула она, подошла къ кровати, опустила на колѣни, сложила руки покойнаго и поцѣловала ихъ.

Она не слыхала легкаго стука въ дверь.

Просунулась голова горничной:—Мадамъ!—Кете не слышала.

— Мадамъ!—повторила дѣвушка.—Баринъ, баринъ пріѣхалъ!

— Мой мужъ?!

Шлибенъ отстранилъ дѣвушку и вошелъ блѣдный, въ сильнѣйшемъ волненіи. Бѣдная женщина! Все это пришлось пережить ей одной! Мальчикъ умеръ! Его встрѣтили этимъ извѣстіемъ, когда онъ, ничего не подозрѣвая, думалъ застать своихъ за утреннимъ кофе.

— Пауль!—Это былъ крикъ блаженной радости, истиннаго избавленія. Она бросилась въ его объятія. — Пауль, Пауль!... Вольфгангъ умеръ.—Она залилась слезами, горячими, неудержимыми, но благотворными.

Эти слезы унесли всю горечь, которую причинялъ ей при жизни сынъ.—Бѣдный, бѣдный нашъ дорогой мальчикъ!

Эти слезы омыли его такъ чисто, что онъ казался опять невиннымъ младенцемъ, который съ ясными глазенками лежалъ въ цвѣтущей степной травѣ и радовался блестящему солнцу. О, лучше бы она оставила его тамъ! О, она никогда не избавится отъ этого тяжелаго упрека, который у нея вырвался!

— Пауль, Пауль!—рыдала она.—Слава Богу, что ты здѣсь! Могли ли мы все это предвидѣть! Да, ты предчувствовалъ! Еслибы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело!—И какъ много лѣтъ назадъ, она обняла его въ юношескомъ порывѣ: — О, еслибы не ты... Ахъ, дитя, бѣдное дитя!

— Не убивайся!—Онъ хотѣлъ ее утѣшить, но у него самого текли по щекамъ слезы.

— Лучше бы я его оставила тамъ!..

Терзанія жены глубоко проникали въ душу Шлибена, но онъ указалъ на умершаго, лицо котораго было прекрасно, какъ-то облагородилось, и, казалось, онъ нашелъ покой,—такимъ умиротвореннымъ лежалъ онъ.

— Не плачь! Ты все-таки сдѣлала его человѣкомъ,—не забывай этого!

— Ты думаешь? Ахъ, Пауль! — съ горечью она покачала головой.—Этимъ я его не сдѣлала счастливымъ!

Ей надо было выплакаться... Дрожащей рукой схватила она руку мужа; тѣсно обнявшись, опустили они на колѣни у постели сына.

Въ глубокомъ раскаяніи прошептали они:

— Прости намъ прегрѣшенія наши!

Съ нѣм. О. Ч.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О

Н. И. КОСТОМАРОВЪ И С. М. СОЛОВЬЕВЪ.

4-го октября 1904 г. исполнилось *четверть вѣка* со дня кончины С. М. Соловьева, а въ апрѣлѣ и маѣ 1905 года минуло *двадцать лѣтъ*, какъ не стало среди насъ Н. И. Костомарова и К. Д. Кавелина. Всѣ эти имена вписаны неизгладимыми чертами въ исторію русской образованности XIX-го в., а потому припомнить нѣкоторые факты изъ ихъ жизни и дѣятельности теперь, когда русское общество стремительно рвется на новые пути, и интересно, и поучительно.

Предлагаемыя вниманію читателей воспоминанія касаются Костомарова и Соловьева, съ которыми я познакомился въ 1867 г., съ первымъ въ январѣ, а со вторымъ—въ апрѣлѣ, въ бытность мою въ этомъ году въ Петербургѣ и въ Москвѣ ¹⁾. О Кавелинѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я сообщилъ и свои воспоминанія, и извлеченія изъ его переписки ²⁾. Общественно-политическимъ воззрѣніемъ его я намѣренъ въ недалекомъ будущемъ посвятить особый очеркъ.

Моимъ воспоминаніямъ о Костомаровѣ и Соловьевѣ считаю нелишнимъ предпослать общія характеристики этихъ двухъ выдающихся русскихъ историковъ XIX-го в., потому что для теперешней „интеллигенціи“,—для людей 90-хъ годовъ прошлаго

¹⁾ Въ этомъ году я велъ дневникъ, которымъ и пользуюсь для воспроизведенія во рѣшительности моихъ разговоровъ съ Костомаровымъ и Соловьевымъ.

²⁾ „Вѣсти. Европы“ 1886, 1887 и 1888 гг. и „Русская Мысль“ 1892, 1895, 1896, 1897 и 1899.

вѣка и для дѣятелей начала XX-го вѣка, — личности Костомарова и Соловьева представляются далеко не въ столь опредѣленныхъ и ясныхъ чертахъ, въ какихъ запечатлѣлись онѣ въ памяти насъ, людей „шестидесятыхъ годовъ“.

I.

Нервный, впечатлительный, увлекающійся, съ необыкновенно живымъ воображеніемъ и широкимъ *художественнымъ* творчествомъ, Костомаровъ перенесъ въ своей личной жизни, съ самаго ранняго дѣтства, множество невзгодъ и злключеній. Я не стану приводить ихъ здѣсь, такъ какъ они подробно рассказаны имъ въ его автобіографіи, къ которой читатель и можетъ обратиться для провѣрки приводимыхъ выводовъ ¹⁾. Вслѣдствіе отмѣченныхъ нравственныхъ свойствъ и подъ вліяніемъ обстоятельствъ жизни складывались общее міросозерцаніе и историческія воззрѣнія Костомарова, которыя были у него въ высшей степени *субъективны*, болѣе чѣмъ у кого-либо изъ русскихъ историковъ XIX-го вѣка. Костомаровъ можетъ быть по справедливости названъ *историкомъ-мирикомъ* по преимуществу. Его натура и жизнь не могли создать въ немъ почвы для того равновѣсія душевныхъ силъ, которое опредѣляетъ столь необходимое для объективнаго историческаго изслѣдованія *эпическое спокойствіе*. Но зато Костомаровъ вносилъ жизнь и движеніе въ прошлое, и міръ исторіи не былъ для него отжившимъ міромъ археологическихъ обломковъ, преданій и хартій, а переживаемой имъ дѣйствительностью прежнихъ вѣковъ. Всѣ неровности своего нервнаго темперамента, всѣ увлеченія, переносилъ онъ въ прошлое, которое его волновало столь же сильно, какъ происходившее на его глазахъ. Онъ симпатизировалъ однимъ историческимъ дѣятелямъ и отрицательно относился къ другимъ. Въ его живой фантазіи возникали яркіе историческіе образы, лица и цѣлыя событія, отъ которыхъ онъ неспособенъ былъ отрѣшиться. Когда онъ занятъ былъ какимъ-нибудь историческимъ вопросомъ, когда работалъ надъ какой-нибудь монографіей, — онъ любилъ вести бесѣды на историческія темы, его занимавшія, не только съ близкими ему людьми, но и съ посторонними; любилъ и въ интимномъ кругу, и въ общественныхъ собраніяхъ рассказывать цѣлые эпизоды изъ своихъ работъ и передавать результаты своихъ домысловъ и со-

¹⁾ См. сборникъ „Литературное наслѣдіе“. Спб. 1890 г.

ображеній: такая устная бесѣда выясняла Костомарову многое, о чемъ молчали историческіе источники.

Близкій по своему рожденію къ южно-русскимъ народнымъ массамъ, онъ отражалъ въ своей психикѣ характерныя душевныя свойства этихъ массъ. Еще въ дѣтствѣ и юности онъ возмущался произволомъ помѣщичьяго вѣрнопостного права, которое въ Малороссіи, въ правобережной, осложнялось тѣмъ, что тамъ помѣщиками были польскіе паны, а крестьянство было русскимъ народомъ; отсюда происходила усиленная ненависть Костомарова ко всему, что давило въ Малороссіи русскій народъ: къ польскому панству, шляхетству, къ польскому римско-католическому духовенству, а также и къ евреямъ, столь жестоко эксплуатировавшимъ православное населеніе Малороссіи. Ненависть къ притѣснителямъ невольно возбуждала въ его впечатлительной душѣ чувство состраданія, а затѣмъ любовь къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, т.-е. къ малорусскому хлопу-крестьянину. Къ великорусскому крестьянину Костомаровъ также относился сочувственно, но всегда отдавалъ предпочтеніе южноруссу. Костомаровъ не симпатизировалъ великорусскому общественному и государственному укладу, видя и тутъ и тамъ произволъ и насиліе вышнихъ надъ низшими. Но глубоко ошибаются тѣ противники и недруги Костомарова, которые обвиняютъ его въ *тенденціозномъ* предубѣжденіи противъ великоруссовъ. „Тенденція“ непремѣнно обуславливается разсудочностью, теоретичностью воззрѣній, къ чему Костомаровъ не былъ совершенно способенъ, какъ историкъ-художникъ, историкъ-лирикъ.

Такое міросозерцаніе сложилось у Костомарова къ тридцатилѣтнему его возрасту, ко времени его первой профессуры въ Кіевѣ, послѣ того, какъ онъ написалъ *два магистерскія* диссертациі, изъ которыхъ первая, о западно-русской церковной уніи, была уничтожена, а вторая, объ историческомъ значеніи русской народной повѣи, не встрѣтила одобренія, какъ со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ харьковскаго университета, такъ и со стороны корифея тогдашней русской критики Бѣлинскаго ¹⁾. Послѣдующія обстоятельства жизни Костомарова всего менѣе могли измѣнить такой образъ мыслей; они, напротивъ, еще болѣе его укрѣпляли. Въ 1847 г., наканунѣ своей свадьбы, онъ былъ арестованъ за принадлежность къ панславистскому „Кирилло-Мефодіевскому обществу“, вывезенъ изъ Петербурга, а затѣмъ

¹⁾ Сочин. Бѣлинскаго, изд. Е. Солдатенкова и М. Щепкина. М. 1860 г., т. IX, стр. 111—112.

водворенъ на жительство въ Саратовъ, съ запрещеніемъ печатать свои сочиненія и заниматься преподаваніемъ. Въ Саратовѣ онъ пробылъ до 1856 г., и лишь въ 1859 г., т.-е. черезъ тринадцать лѣтъ послѣ первой своей профессуры, ему снова привелось занять кафедру русской исторіи, на этотъ разъ въ столичномъ, петербургскомъ университетѣ, но на очень короткій срокъ: въ 1862 г. Костомаровъ долженъ былъ оставить кафедру вслѣдствіе замѣшательства среди учащейся молодежи. Съ тѣхъ поръ, до конца жизни, въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ, онъ занятъ былъ исключительно такъ называемыми историческими работами.

Еще во второй своей магистерской диссертациі — „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ — въ 1843 г., Костомаровъ выставляетъ три тезиса, въ которыхъ выражается сущность его историческихъ воззрѣній: 1) народная поэзія особенно важна для историка, потому что въ ней виденъ *взглядъ народа на свою жизнь*; 2) *жизнь народа*, разсматриваемаго въ его произведеніяхъ, можетъ быть раздѣлена на духовную, историческую и общественную; 3) народъ русскій раздѣляется на двѣ коренныя отрасли: южноруссовъ, или малоруссовъ, и сѣверноруссовъ, или великоруссовъ; а потому подъ именемъ русской народной поэзіи должно разумѣть чисто народныя произведенія, какъ малорусскія, такъ и великорусскія. Въ этихъ трехъ тезисахъ заключаются все историческое міровоззрѣніе Костомарова и вся программа его послѣдующихъ историческихъ изысканій. Этнографическое изученіе русскаго народа, и, главнымъ образомъ, юго-западной его вѣтви, малорусской, нравовъ, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій и поэтическихъ произведеній малоруссовъ, кладется имъ въ основу изученія минувшей судьбы этого племени, его исторіи. Увлеченный поэтическими „думами“ и преданіями о малорусскомъ казачествѣ и въ особенности о герояхъ этого казачества, „батькѣ Хмельницкомъ“, борцѣ за независимость Украйны отъ поляковъ и за неприкосновенность православной религіи народа, — Костомаровъ еще на студенческой скамьѣ занимался этими вопросами. Его „Сава Чалый“, изданный въ 1838 г., является результатомъ первоначальныхъ его полу-литературныхъ, полу-историческихъ занятій.

Подъ вліяніемъ отмѣченныхъ выше симпатій и антипатій, въ художественной фантазіи Костомарова возсталъ идеализированной древняя южная Русь, съ ея народно-вѣчевой свободой, съ ея будто бы федеративнымъ строемъ и затѣмъ съ казачествомъ, борцомъ за ту же народную свободу. Исходя изъ такого идеализи-

рованнаго представленія, Костомаровъ написалъ лучшее свое произведение „Богданъ Хмельницкій“, въ основу котораго положены народныя вѣснопѣнія о „старомъ батькѣ“. Этой же идеализаціей вызваны на свѣтъ Божій его статьи: „Черты народной южнорусской исторіи“, „О федеративномъ началѣ въ древней Россіи“ и „Двѣ русскія народности“. Затѣмъ, увлекшись значеніемъ южно-русской народности, онъ всякое проявленіе народной свободы въ русской жизни неизбѣжно связывалъ съ южной Русью. Такъ сильное развитіе вѣчевого строя въ Новгородѣ и Псковѣ онъ иначе не могъ объяснить, какъ ближайшимъ расовымъ родствомъ ильменскихъ славянъ съ полянами-Русью, не замѣтивъ совершенно въ „сѣвернорусскихъ народоправствахъ“ руководящаго значенія богатаго землевладѣльческо-торговаго класса новгородскихъ земскихъ бояръ, этихъ заправилъ новгородскаго вѣча. Въ повстаніи довскаго казака Разина онъ усмотрѣлъ, по аналогіи съ южно-русскимъ казачествомъ, борьбу за свободу великорусской народной массы. Симпатіи и антипатіи Костомарова особенно ярко выражены въ двухъ его монографіяхъ: „Смутное время Московскаго государства“ и „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“. Обѣ монографіи нельзя почесть строго научными историческими изслѣдованіями, потому что онѣ проникнуты ненавистью къ польской шляхтѣ, понятною въ Костомаровѣ человѣкѣ, но не допустимою въ историческомъ изслѣдованіи.

Такимъ же субъективнымъ писателемъ является Костомаровъ и въ своихъ полемическихъ статьяхъ. Высказывая новое положеніе въ русской исторіи, смотря на историческое явленіе или историческую личность съ новой, своей субъективной точки зрѣнія, Костомаровъ съ замѣчательной энергіей, даже упорствомъ, всегда отстаивалъ свои воззрѣнія, отвѣчая на дѣлаемые ему возраженія. Съ кѣмъ и изъ-за чего не полемизировалъ онъ! Онъ бралъ съ бою каждое свое воззрѣніе, устраивая даже публичныя словесныя состязанія, какъ, напримѣръ, въ 1860 году съ Погодинымъ о происхожденіи Руси. Этотъ духъ полемики, жаръ спора, во многихъ случаяхъ оставлялъ истину на сторонѣ его противниковъ, но полемика выясняла вопросъ и ставила новые вопросы на разрѣшеніе. Костомаровъ своими полемическими статьями возбуждалъ мысль къ изслѣдованію, къ работѣ. Въ числѣ его полемическихъ статей на первомъ планѣ должна быть поставлена полемика съ поляками изъ-за историческаго и современнаго назначенія и положенія русскаго народа и изъ-за отношеній къ нему Польши. Въ этой полемикѣ Костомаровъ всегда являлся истинно-русскимъ патриотомъ, въ большинствѣ

случаевъ даже слишкомъ преувеличивая историческія и политическія неправды Польши по отношенію къ Россіи.

Художественная сторона историческихъ произведеній Костомарова внѣ всякаго спора. Она признана даже его противниками и врагами. Во главѣ этихъ историко-художественныхъ произведеній долженъ быть поставленъ „Богданъ Хмельницкій“, появившійся въ 1857 г. Послѣдующія изученія личности и эпохи Хмельницкаго (главнымъ образомъ Кулиша, Карпова, Будзинскаго и самого Костомарова) доказали неопровержимыми фактами, сколь много пробѣловъ и какъ много увлеченія находится въ этомъ трудѣ Костомарова. Но какъ бы строго ни относилась историческая критика къ этимъ промахамъ Костомарова, его книга о Хмельницкомъ, по картинности изложенія историческихъ событій и живости характеристики самого Богдана и другихъ дѣятелей его эпохи занимаетъ почетное мѣсто среди художественныхъ историческихъ произведеній не только русскихъ (каковыхъ весьма немного), но и обще-европейскихъ. Столь же яркіе портреты историческихъ дѣятелей и живыя изображенія историческихъ событій переполняютъ страницы многочисленныхъ „монографій и изслѣдованій“ Костомарова. Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ Удалой, Иванъ III, Иванъ Грозный, первый Лжедмитрій, Василій Шуйскій и цѣлая галерея живыхъ образовъ новгородскихъ „владыкъ“ и подвижниковъ пустынножителей—памятны хорошо всѣмъ, кто знакомъ съ историческими трудами Костомарова. Множество историческихъ сценъ изъ древней южнорусской исторіи, какъ, напримѣръ: появленіе Мстислава Удалого въ Новгородѣ, осада Новгорода войсками Андрея Боголюбскаго и Ивана III, вѣздъ перваго Лжедмитрія въ Москву, осада Смоленска Сигизмундомъ III-мъ и народныя сцены въ Москвѣ во время смутъ и лихолѣтъ—это цѣлая картинная историческая галерея. Костомаровъ своими многочисленными историко-художественными этюдами распространилъ знаніе по русской исторіи такъ широко, какъ никто до него. Многотомная „Исторія государства Россійскаго“ Карамзина, впервые познакомившая широкіе слои русской публики съ общимъ ходомъ исторіи и расходившаяся по тому времени въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, несмотря на свои несомнѣнные литературныя достоинства, въ описаніи историческихъ событій и изображеніи лицъ не можетъ сравниться съ портретной и жанровой исторической живописью Костомарова: характеристики историческихъ дѣятелей у Карамзина риторичны и дидактичны; это не живые образы, а манекены съ приколотыми къ нимъ ярлыками, на которыхъ обозна-

ченъ или порицаніе, или похвала, а изложеніе событій—риторическое краснорѣчіе.

Та же художественная жилка влекла Костомарова къ исторической драмѣ, историческому роману и повѣсти. Чтò не подавалось болѣе точной формулировкѣ въ исторической монографіи, для того онъ избиралъ форму драмы, романа, повѣсти. Его „Кудеяръ“ исполненъ цѣлаго ряда поэтическихъ красотъ и въ бытовомъ отношеніи представляетъ даже важное пособие для изученія русскаго XVI-го в. Точно также талантливо сгруппированы бытовые черты изъ жизни русскаго служилаго человѣка XVII-го в. въ его исторической повѣсти „Сынъ“.

II.

Совершенно другой типъ историка представляетъ собой Сергій Михайловичъ Соловьевъ. Въ противоположность Костомарову, онъ, какъ великоруссъ по происхожденію, является носителемъ типическихъ чертъ этого племени, которыя онъ столь чутко подмѣтилъ въ характерѣ сѣверо-восточныхъ русскихъ лѣтописцевъ. Соловьевъ—прежде всего человѣкъ стойкаго, постояннаго труда, спокойный наблюдатель, аналитикъ и систематикъ, „думающій думу безъ шуму“. Это—ученый, всецѣло преданный интересамъ науки и далеко стоящій отъ современной ему общественной жизни. Для него занятіе русской исторіей было главнѣйшимъ жизненнымъ долгомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, службой государству и народу. Большая публика не знакома съ совокупностью всѣхъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ Соловьева, который извѣстенъ ей лишь по своей многотомной „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, да по учебнику русской исторіи, выдержавшему со второй половины XIX-го в. до начала XX-го—одиннадцать изданій. Поэтому большая публика не имѣетъ вѣрнаго представленія о Соловьевѣ, какъ историкѣ. Она смотритъ на него, какъ на передатчика фактической, выѣшенной, государственной исторіи Россіи, притомъ передатчика весьма скучнаго, тяжелымъ слогомъ и подробно излагающаго крупныя и мелкія событія изъ исторіи Русскаго государства. На самомъ дѣлѣ, Соловьевъ гораздо шире и глубже понималъ задачи исторической науки.

По его воззрѣнію, исторія есть наука народнаго самопознанія, которое достигается путемъ сравненія исторіи одного, даннаго, народа съ исторіей другихъ народовъ, а потому, чтобы изучить исторію русскаго народа, чтобы опредѣлить его „самò-

познаніе“, необходимо сравнить его исторію съ исторіей другихъ народовъ (что Соловьевъ и исполнилъ въ цѣломъ рядѣ ученыхъ монографій). „Народъ“ понимался Соловьевымъ не въ смыслѣ только низшихъ слоевъ того или другого племени, а въ смыслѣ совокупности всѣхъ слоевъ.

Воззрѣнія на народную исторію Соловьева можно формулировать такъ: народъ, какъ живой организмъ, родится, живетъ и наконецъ вымираетъ. Такъ было съ древними народами востока и запада; такъ, очевидно, произойдетъ и съ теперешними европейскими народами, и на смѣну имъ могутъ занять мѣсто цивилизованныхъ народовъ народы монгольскаго, малайскаго или негритянскаго племени. Географическія условія страны, въ которой расселится народъ, опредѣляютъ ходъ его исторіи, а правительство народа является существенной стороной его жизни, произведеніемъ его исторіи; вслѣдствіе этого для историка представляютъ важное значеніе личные характеры правителей, какъ въ монархіяхъ, неограниченныхъ и ограниченныхъ, такъ и въ республикахъ. Народная масса доступна для наблюденія историка только въ лицѣ ея вождей, во время массовыхъ народныхъ движеній. Историческая личность есть продуктъ своего народа, времени и среды, въ которыя она жила и дѣйствовала. Такъ называемые великіе люди въ исторіи—это такіа историческія личности, которыя являются представителями своего народа въ извѣстное время, носителями и выразителями народной мысли, которыя, вслѣдствіе этого, удовлетворяя сильной народной потребности, выводятъ свой народъ на новую дорогу, необходимую для продолженія его исторической жизни. Въ этомъ смыслѣ „великимъ человѣкомъ“ въ нашей исторіи былъ Петръ I. Такимъ образомъ, въ основу научныхъ историческихъ изученій Соловьевъ ставитъ *сравнительный методъ* и пониманіе „народа“ въ смыслѣ соціального организма. Вслѣдствіе того сущность историческаго процесса заключается, по его воззрѣнію, въ *развитіи*, въ *прогрессѣ* народнаго организма, и изученіе исторіи народа должно быть *физиологическое*, а не анатомическое (т.-е. внѣшне-описательное), какъ было прежде. При такомъ пониманіи исторіи Соловьевъ не могъ не придавать важнаго значенія исторической критикѣ. Свои сужденія историкъ—по его требованію—долженъ основывать на строгомъ критическомъ изученіи источниковъ и воззрѣній историческихъ писателей, ибо каждый изъ этихъ писателей указывалъ на новую сторону историческаго развитія и тѣмъ способствовалъ лучшему пониманію его.

Въ общемъ ходѣ исторіи Россіи Соловьевъ, прежде всего,

обращаетъ вниманіе на *географическія условія* русской государственной области, восточной европейской равнины, условія совершенно противоположныя съ западно-европейскими горными странами; затѣмъ разсматриваетъ *разселеніе*—колонизацію по этой восточной европейской равнинѣ славянъ среди инородческихъ племенъ литовскихъ, финскихъ и тюрескихъ,—процессъ, посредствомъ котораго сформировался *русскій народъ*,—и опредѣляетъ изъ этихъ двухъ факторовъ—географическихъ условій и колонизаціи славянъ среди инородцевъ—противоположность хода исторіи западно-европейскихъ народовъ съ исторіей русскаго народа и самобытность его исторіи. Эту самобытность онъ видитъ въ *родовомъ бытѣ*, который легъ въ основу славянской общественности и, развиваясь въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, постепенно смѣнялся бытомъ *государственнымъ*, возникшимъ въ Москвѣ и опредѣленнымъ выразителемъ котораго явился московскій царь Іоаннъ IV. До московскаго великаго князя Іоанна III, государство Московское и всея Руси жило замкнутою жизнью, оторвannoю отъ жизни западно-европейскихъ народовъ; съ Іоанна III, мало-по-малу, стали проникать къ намъ западно-европейскіе элементы, которые восторжествовали при Петрѣ Великомъ, такъ какъ общественность русскаго народа, усложняясь все болѣе и болѣе, не могла уже удовлетворяться своими, такъ сказать, домопощенными основами. Торжество западно-европейскихъ началъ въ жизни Россіи опредѣляетъ весь послѣдующій ходъ русской исторіи.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, схема органическаго развитія исторической жизни русскаго народа, какъ она представлена Соловьевымъ. Въ ней нѣтъ ничего случайнаго; одно начало органически вытекаетъ изъ другого и въ общей послѣдовательности представляетъ прогрессивное измѣненіе содержанія и формъ русской общественности. Сравнительно съ царившими во время начала ученой дѣятельности Соловьева, въ исходѣ 40-хъ годовъ XIX в., историческими воззрѣніями Карамзина, Погодина и Устрялова—его воззрѣнія на общій ходъ русской исторіи безспорно являлись значительнымъ и очень смѣлымъ шагомъ впередъ, но они не охватывали всего содержанія исторической жизни русскаго народа. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на слабыхъ сторонахъ исторической схемы Соловьева, своевременно указанныхъ ему его противниками, главнымъ образомъ изъ лагеря московскихъ славянофиловъ. Достаточно замѣтить лишь нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его упущеній.

Соловьевъ преувеличилъ значеніе географическихъ условій

въ исторической жизни русскаго народа и мало обратилъ вниманія на этнографическія различія трехъ отраслей русскаго народа: великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ; онъ не выникъ въ жизнь народныхъ массъ всѣхъ этихъ отраслей, преувеличилъ значеніе родовыхъ началъ въ жизни русскаго народа и неполно представилъ развитіе у него государственнаго начала. Онъ не признаетъ этого начала въ эпоху удѣльную, не видитъ его ни въ Кіевѣ, ни въ Новгородѣ, исключаетъ изъ семьи русскаго народа государство Литовское и государственное начало усматриваетъ исключительно лишь въ московской Руси. Вслѣдствіе этого много весьма важныхъ политическихъ и общественныхъ явленій, какъ въ удѣльной Руси, такъ и въ позднѣйшихъ политическихъ организаціяхъ—новгородской, московской, литовской и южно-русской—совершенно ускользнули изъ поля его историческихъ наблюденій. Русская община, городская и сельская, вѣче, земскій соборъ—остались имъ совершенно невыясненными въ ходѣ русской исторической жизни, а соединеніе Литвы съ Польшей, казачество—поняты и опредѣлены односторонне.

III.

16-го декабря 1866 г. я выѣхалъ изъ Казани въ Петербургъ, для занятій въ тамошнихъ библіотекахъ и совѣщанія со специалистами по вопросамъ, занимавшимъ меня въ то время, при моихъ работахъ по диссертациі на степень магистра русской исторіи. Тема этой диссертациі была историко-этнографическая. Меня привлекала къ себѣ задача разъяснить „зачинъ“ великорусскаго племени путемъ колонизаціи славянъ среди финскихъ племенъ; при этомъ я съ особеннымъ интересомъ останавливался на первоначальной колонизаціи славянъ въ верховьяхъ Волги, среди финскаго народа мери, такъ какъ путемъ этой колонизаціи образовалось то ядро великорусскаго племени, изъ котораго впоследствии выросло Московское государство.

20-го декабря я прибылъ въ Петербургъ. Я ждалъ познакомиться съ Костомаровымъ, историческими монографіями котораго я восторгался еще въ университетѣ, на студенческой скамьѣ, и считалъ его мнѣніе о моихъ замыслахъ по диссертациі особенно для меня важнымъ, потому что Костомаровъ ставилъ въ основу своихъ историческихъ изученій этнографическія данныя.

Въ это время Костомаровъ, покинувшій кафедру въ петербургскомъ университетѣ въ началѣ 1862 года, стоялъ *онъ* то-

гдашнихъ общественныхъ теченій Петербурга и замкнулся въ тѣсный кружокъ немногихъ своихъ знакомыхъ, усердно работая въ Публичной библіотекѣ надъ исторіей смутнаго времени въ Московскомъ государствѣ въ началѣ XVII в. Когда я прибылъ въ Петербургъ, трудъ этотъ уже печатался въ новомъ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, возникшемъ въ 1866 году. Въ исходѣ 1865 года М. М. Стасюлевичъ задумалъ издавать специальный журналъ историко-политическихъ наукъ „Вѣстникъ Европы“, который являлся „возобновленіемъ“ Карамзинскаго „Вѣстника Европы“ и, по примѣру англійскихъ трехмѣсячныхъ обзорѣній, долженъ былъ выходить четыре раза въ годъ. Въ со-редакторы Стасюлевичъ пригласилъ Костомарова, имѣвшаго въ то время громкое имя среди русскихъ историковъ. „Если русская исторія и вообще исторія славянъ будутъ у насъ отдѣлены отъ всеобщей—читаемъ мы въ объявленіи о „возобновленіи“ „Вѣстника Европы“ съ 1866 г.,—то только въ силу закона о раздѣленіи труда. Всѣмъ тѣмъ, что относятся къ исторіи Россіи и исторіи славянъ вообще, будетъ завѣдывать нашъ постоянный сотрудникъ-учредитель, Н. И. Костомаровъ, при главномъ содѣйствіи котораго мы возобновляемъ нынѣ „Вѣстникъ Европы“¹⁾.

Приближались рождественскіе праздники. Петербургскіе архивы и библіотеки были закрыты, такъ что въ Императорскую Публичную Библіотеку я попалъ только 10-го января 1867 г. Я началъ заниматься въ рукописномъ ея отдѣленіи и предполагалъ познакомиться тамъ съ Костомаровымъ, зная, что онъ занимается также въ рукописномъ отдѣленіи, для своей новой монографіи о „послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, которая должна была появиться въ „Вѣстникѣ Европы“. Но проходили дни, а Костомарова не было въ библіотекѣ, и я рѣшился наконецъ, безъ всякой рекомендаціи, прямо отправиться къ нему. Жилъ въ то время Костомаровъ на Васильевскомъ Островѣ, на углу набережной и 1-й линіи, въ домѣ Карамановой. Определенныхъ дней или, правильнѣе, вечеровъ, впослѣдствіи столь оживленныхъ вторниковъ, у него тогда не было,—и я отправился къ нему 30-го января 1867 г., въ понедѣльникъ вечеромъ, часу въ восьмомъ.

Не безъ волненія остановился я у двери и прочелъ на мѣдной дощечкѣ надпись: „Н. И. Костомаровъ“. Я робко позво-

¹⁾ См. объявленіе объ изданіи „Вѣстника Европы“ въ 1866 г., стр. VI, при 1-мъ изд. „Опыта историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи“ М. М. Стасюлевича. Спб. 1866 г.

нилъ. Мнѣ отперъ человѣкъ средняго роста, пожилой, въ золотыхъ очкахъ, худощавый, немного сутуловатый, съ красноватымъ цвѣтомъ лица, съ темноволосатыми съ пресѣдью усами, такого же цвѣта небольшой бородой и волосами на головѣ; волосы на головѣ были плохо причесаны и падали прядями на лобъ и затылокъ. Я догадался, что передо мной самъ Костомаровъ, хотя онъ и мало былъ похожъ на незадолго передъ тѣмъ изданный Мюнстеромъ его портретъ (въ „Галлерей русскихъ дѣятелей“, Спб. 1862 г.). Въ началѣ 1867 года Костомарову шелъ пятидесятый годъ, но выглядѣлъ онъ гораздо старше.

— Имѣю честь рекомендоваться, — сказалъ я, — и назвалъ себя.

— Прошу покорно, — сказалъ Костомаровъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: — Чтѣ вамъ угодно?

Мы вошли въ его кабинетъ. То была довольно большая комната, съ тремя окнами въ стѣнѣ, противоположной отъ входа; направо отъ входа стоялъ диванъ, обитый темнымъ савьяномъ; противъ него — круглый столъ съ керосиновой лампой подъ абажуромъ; вокругъ стола нѣсколько креселъ, а надъ диваномъ висѣлъ большой гравированный портретъ Т. Г. Шевченки. Направо отъ входной двери помѣщался письменный столъ; около него нѣсколько стульевъ, а за письменнымъ столомъ — два небольшихъ шкафа съ книгами.

Костомаровъ былъ, повидимому, удивленъ неожиданнымъ появленіемъ совершенно незнакомаго ему молодого человѣка.

— Занимаясь на магистра русской исторіи, — сказалъ я, когда Костомаровъ сѣлъ на диванъ, а я возлѣ него на кресло, — я желалъ бы услышать ваше мнѣніе о нѣкоторыхъ вопросахъ изъ предполагаемой мною диссертациі...

Прежде чѣмъ повести бесѣду на историческія темы, Костомаровъ спросилъ меня, курю ли я.

На утвердительный отвѣтъ съ моей стороны, Костомаровъ, быстро вставъ, почти побѣжалъ къ маленькому круглому столику, стоявшему гдѣ-то въ углу кабинета, взялъ съ него ящикъ съ папиросами и, возвращаясь ко мнѣ, задръ за стулъ, уронилъ ящикъ, — папиросы разсыпались на полъ; я бросился подбирать ихъ, Костомаровъ тоже. Я обратилъ вниманіе на ящикъ; то былъ довольно большой черный лакированный ящикъ работы извѣстнаго Лукутина, съ портретомъ царя Алексѣя Михайловича на крышкѣ.

Я сталъ кратко излагать мои соображенія о мерянахъ и о Ростовѣ, какъ первомъ славянскомъ поселеніи среди нихъ. Долго Костомаровъ какъ бы нѣхотя отвѣчалъ на мои вопросы, обращенные къ нему; наконецъ, мало-по-малу, разговорился. Онъ вы-

сказать нѣсколько мыслей и соображеній весьма интересныхъ. Теперь многія изъ нихъ сдѣлались уже общезвѣстными, а инныя не оправдались позднѣйшими научными изысканіями,—но тогда, во второй половинѣ 60-хъ годовъ, они были новы. Въ 1863 г. вышла книга Костомарова „Сѣверно-русскія народоправства“, а потому для него новгородская славянорусская колонизація была болѣе знакома, чѣмъ колонизація другихъ великорусскихъ областей, и онъ, въ разговорѣ со мной, болѣею частью затрогивалъ культурную исторію Новгорода. Вотъ главнѣйшія изъ мыслей, высказанныхъ Костомаровымъ.

1) Ростовъ — это колонія новгородцевъ въ землѣ мерянь, которая, повидимому, въ IX в. уже была колонизирована выходцами изъ Новгорода, а можетъ быть и отъ кривичей (бѣлорусовъ). Это, между прочимъ, доказывается тѣмъ, что въ преданіи о призваніи трехъ братьевъ, варяжскихъ князей, упоминается союзъ изъ новгородцевъ, кривичей и мерянь. Последніе являются въ данное время только географическимъ терминомъ; въ землѣ мерянь въ половинѣ IX в. было, по всей вѣроятности, уже немало славянскихъ насельниковъ, а финны не могли стоять по своей культурѣ наравнѣ съ племенами славянскими—ильменскими новгородцами и кривичами. Новгородцы рано начали свои поѣздки по Волгѣ, къ чему ихъ побуждала прежде всего ихъ торговля съ камской Болгаріей. Вслѣдствіе этого слѣдуетъ предположить, что до Ростова они основали какую-нибудь торговую факторію на Волгѣ, изъ которой рѣчнымъ путемъ и достигли озера Неро, при которомъ и возникъ Ростовъ. Иначе Ростовъ не могъ появиться въ такой глуши, какой было въ то время озеро Неро съ окрестностями. Первоначальное новгородское поселеніе на Волгѣ могло быть на мѣстѣ теперешняго Ярославля, откуда новгородцы и проникли рѣкою Нерлю въ озеро Неро. Въ IX в. мы видимъ три главнѣйшихъ, *крайнихъ*, пограничныхъ пункта поселеній славянъ среди финновъ. Это Новгородъ, Бѣлоозеро и Ростовъ; но они далеко не *единственные* ихъ поселенія; ими опредѣлялась только *восточная граница* того времени расселенія славянъ среди финновъ.

2) Ростовскихъ рукописей дошло до насъ немного, хотя, повидимому, въ XII—XIII вв. въ Ростовѣ стала развиваться книжная дѣятельность. Но все это погибло въ татарскихъ и междукняжескихъ опустошеніяхъ, которыя въ такомъ изобиліи испыталъ Ростовъ, наряду съ другими сѣверо-восточными русскими городами. Новгородъ не испыталъ такихъ опустошеній, а потому въ немъ и его пригородахъ и монастыряхъ сохранилось до

нашихъ дней гораздо болѣе древнихъ рукописей. Таковы, на примѣръ, новгородскіе служебники, въ которыхъ находится много отличій отъ теперешнихъ православныхъ церковныхъ обрядовъ, житіе псковскаго князя Всеволода-Гавріила, представляющее не мало важныхъ данныхъ для внутренней исторіи Пскова. Впрочемъ, къ житіямъ русскихъ святыхъ, какъ въ историческому источнику, слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью. Всѣ житія святыхъ, а въ томъ числѣ и русскихъ, составлены по одному рецепту; для изображенія чудесъ святого брались готовые образцы чудесъ ветхаго и новаго заветъ. Такъ, на примѣръ, эпизодъ съ пророкомъ Іоной во время плаванія корабля по морю являлся образчикомъ и для чудесъ св. Николая, Мурликійскаго чудотворца, и для чудесъ Исидора Твердислава, ростовскаго святого. То же вліяніе видно и въ другихъ житіяхъ ростовскихъ святыхъ: Леонтія, Исаіи, Авраамія, Петра, царевича Ордннскаго и проч. Ветховавѣтныя и новозавѣтныя чудеса усвоивались и народнымъ былиннымъ творчествомъ. Слѣды вліянія сказаній о пророкѣ Іонѣ мы можемъ наблюдать, на примѣръ, въ былинѣ о „Саидѣ, гостѣ новгородскомъ“.

3) Ростовская древность вся исчезла и указанія на ея обломки, какіе только уцѣлѣли до нашего времени, собраны въ книгѣ графа М. В. Толстого „Древнія святыни Ростова Великаго“, М. 1847 г. — Лѣтомъ 1866 года Костомаровъ былъ въ Ростовѣ и не нашелъ тамъ ничего старѣе XVI и XVII вв. Исключеніе составляетъ весьма интересный и очень древній католическій служебникъ св. Исидора Твердислава, лежащій на его ракъ съ мощами. Какъ онъ попалъ въ Ростовъ? По преданію, Исидоръ Твердиславъ былъ иностранецъ римско-католическаго вѣроисповѣданія и потомъ принялъ православіе.

Послѣ нѣсколькихъ словъ о торговлѣ Ростова, объ участіи его въ торговлѣ новгородской, — я пришелъ къ заключенію, что мое непрошенное посѣщеніе утомляетъ Костомарова, и сталъ съ нимъ прощаться.

— Нѣтъ, посидите еще, — сказалъ Костомаровъ.

Разговоръ перешелъ отъ Ростова къ Казани. Костомаровъ разсказывалъ, какъ онъ прошлымъ лѣтомъ (т. е. въ 1866 году) совершилъ поѣздку по Волгѣ и проѣзжалъ мимо Казани, какъ на пароходѣ онъ познакомился съ одной барыней, давшей ему свой фотографическій портретъ и просившей прислать ей его, съ очень „смѣшнымъ“ казанскимъ помѣщикомъ Г—нымъ, желавшимъ блеснуть передъ Костомаровымъ своею ученостію, и сумасшедшимъ симбирскимъ помѣщикомъ М—мъ, который увѣ-

рѣлъ его, что онъ, М—въ, открылъ наконецъ „настоящій, дѣйствительный рай на землѣ“. — Костомаровъ рассказывалъ очень хорошо, съ большимъ юморомъ. Онъ сталъ оживляться. Безпрестанно вскакивалъ и скоро ходилъ, почти бѣгалъ по комнатѣ во время разсказа; много курилъ и очень смѣялся, постоянно поправляя очки. Рѣчь Костомарова была очень оригинальна. Говорилъ онъ неровно, то отрывисто, то нѣсколько растягивая фразы, слегка картава (виѣсто *p*—произносилъ *x*) и не совсѣмъ ясно выговаривая нѣкоторыя слова. Голосъ его былъ хриплый. Лицо его подергивало, особенно правую сторону и правый глазъ.

Подали чай. — Вскорѣ пришелъ Е. А. Бѣловъ съ своей маленькой дочкой. Бѣловъ былъ давній знакомый Костомарова по Саратову и заслуживаетъ, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

Е. А. Бѣловъ былъ тоже историкъ, но труды его совершенно неизвѣстны большой публикѣ. Нижегородецъ родомъ, товарищъ по тамошней гимназій съ двумя русскими историками — С. В. Ешевскимъ и К. Н. Бестужевымъ - Рюминымъ, Е. А. Бѣловъ виѣстъ съ ними былъ ученикомъ П. И. Мельникова, извѣстнаго исследователя русскаго раскола и беллетриста, писавшаго подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго. Мельниковъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка былъ учителемъ исторіи въ нижегородской гимназій и сумѣлъ вселить любовь въ этому предмету въ своихъ ученикахъ. Бѣловъ, окончивъ курсъ въ казанскомъ университетѣ въ 1849 г. кандидатомъ историко-филологическихъ наукъ, вступилъ на педагогическое поприще среднеучебныхъ заведеній. Началъ онъ свое учительство въ Пензѣ, въ Дворянскомъ институтѣ, а затѣмъ въ Саратовѣ въ мужской гимназій и въ женскомъ институтѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ переехалъ онъ въ Петербургъ, получивъ уроки исторіи въ двухъ тамошнихъ женскихъ гимназійхъ — Покровской и Васильеростровской. Позднѣе Бѣловъ преподавалъ исторію въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ. Скончался онъ въ Петербургѣ 2 ноября 1905 г., на 70-мъ году отъ роду. — Бѣловъ былъ прекрасный учитель, много знающій и снискавшій любовь своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ; но какъ ученый онъ отличался двойственностью воззрѣній и парадоксальностью выводовъ. Онъ стоялъ на перепутьи между ученіемъ школы родового быта и народническими теоріями. Примыкая къ государственной теоріи Соловьева, Бѣловъ являлся неумѣреннымъ панегиристомъ Іоанна Грознаго и бичомъ московскаго дворянства, и виѣстъ съ тѣмъ былъ ревностнымъ заступникомъ массы русскаго народа, съ отъчуждомъ націонализма, что сближало его съ славянофилами. Пи-

салъ онъ довольно много, — и учебники для средней школы, по русской и всеобщей исторіи, и отдѣльныя монографіи — но двойственность своихъ историческихъ воззрѣній полиѣ всего выразилъ въ двухъ трудахъ: 1) Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII в. (Ж. М. Н. Пр. 1886 г., кн. 1, 2 и 3 и отд. изд. тамъ же); 2) Курсъ русской исторіи, Спб., 1895 г., т. I. (Продолженія по смерти автора не появлялось).

Зашелъ разговоръ о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Костомаровъ еще болѣе оживился. Глаза его заблистали. Онъ весьма краснорѣчиво выражалъ сочувствіе польскому мужику и громилъ шляхту, порицалъ русское правительство за то, что оно не желаетъ различить римско-католическаго религіознаго пониманія польскаго народа отъ шляхетско-католическаго воззрѣнія высшихъ классовъ. Между тѣмъ и другимъ — утверждалъ Костомаровъ — нѣтъ ничего общаго. Польскій крестьянинъ и польскій сельскій всендѣзъ религіозны, но не фанатичны и не клерикальны, что составляетъ особенность шляхты. Такъ, наприимѣръ, около Кельца народъ очень религіозенъ въ католическомъ смыслѣ, но совсѣмъ не знаетъ „Рѣчи Посполитой“; многіе польскіе всендзы, при нарушеніи русскимъ правительствомъ конкордата съ Римомъ, выразили желаніе вступить въ бракъ.

— Это вы, великоруссы, — обратился Костомаровъ ко мнѣ и къ Бѣлову, — насильно желаете выдѣрать ваше „обрусеніе“ въ польскій народъ, смѣшивая его со шляхтой, и навязать ему и свой языкъ, и ваше православіе. — Костомаровъ со злобой говорилъ о такихъ „обрусителяхъ“ Польши, съ Н. А. Милютинимъ и кн. В. А. Черкасскимъ во главѣ.

Затѣмъ разговоръ отъ великоруссовъ и Польши незамѣтно перешелъ къ Іоанну Грозному: въ то время только-что была поставлена на Маріинской сценѣ трагедія графа А. К. Толстого: „Смерть Іоанна Грознаго“. Въ первое представленіе трагедіи (12 января 1866 г.) роль Іоанна IV игралъ П. В. Васильевъ, а роль Бориса Годунова — Нильскій. Костомаровъ не вполне былъ доволенъ игрой Васильева, который, дѣйствительно, не имѣлъ природныхъ данныхъ для полного воспроизведенія характера грознаго царя. Костомаровъ справедливо находилъ, что у Васильева очень удачно вышли — сцена 2-й картины 1-го дѣйствія, гдѣ Іоаннъ IV, въ монашеской рясѣ, вспоминаетъ свои прегрѣшенія, а также покаяніе царя передъ боярами. Хорошъ былъ также Васильевъ — по мнѣнію Костомарова — въ концѣ 3-го дѣйствія, когда Іоаннъ IV, сидя на престолѣ и выведенный изъ себя посломъ Стефана Баторія Гарабурдой, получивши

извѣстіе о пораженіи своихъ войскъ, — задыхается отъ гнѣва и прерывающимся и упавшимъ голосомъ, хрипло кричитъ:

...Смерть всякому, кто скажетъ,
Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
Мои полки! Вѣсть о моей побѣдѣ
Должна придти! И нынѣ же молебны
Побѣдныя служить по всѣмъ церквамъ!

— послѣ чего падаетъ въ изнеможеніи на престольныя кресла.

Костомаровъ находилъ Васильева очень слабымъ, а иногда даже просто нехорошимъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ царь Іоаннъ былъ грозенъ, надмененъ, золъ и гордъ, — эти черты у него совсѣмъ не выходили. Что касается до Нильскаго, то, по справедливому мнѣнію Костомарова, тотъ совсѣмъ не понималъ Бориса Годунова и изобразилъ его какимъ-то шаблоннымъ трагическимъ злодѣемъ изъ переводныхъ французскихъ мелодрамъ.

Замѣчу здѣсь встать, что 18-го марта 1867 г., въ годовщину смерти царя Іоанна IV, Костомаровъ собирался въ новгородское имѣніе графа А. К. Толстого, справлять, по его приглашенію, „тризну“ по Грозномъ, но опоздалъ на поѣздъ. Это въ послѣдствіи рассказывалъ мнѣ самъ Костомаровъ.

Бѣловъ собирался уходить, я тоже сталъ прощаться, но Костомаровъ меня во второй разъ удержалъ.

Бесѣда моя съ Костомаровымъ снова перешла въ спеціальнымъ вопросамъ, связаннымъ съ моей диссертацией. Эту бесѣду прервалъ новый гость: А—скій, южноруссъ, старинный знакомый Костомарова.

А—скій былъ спиритъ, и разговоръ перешелъ на животный магнетизмъ и спиритизмъ. Костомаровъ очень былъ заинтересованъ магнетизированіемъ, какъ реальнымъ фактомъ, но необъяснимымъ для него, и сталъ рассказывать, какъ въ Саратовѣ онъ съ успѣхомъ занимался магнетизированіемъ, какъ онъ тамъ успѣлъ неоднократно магнетическими пассами Тихменева ¹⁾, который въ магнетическомъ сомнамбулизмѣ рассказывалъ весьма интересныя вещи, и сталъ предлагать мнѣ тотчасъ же меня усыпить. Я, разумѣется, отказался отъ такого опыта.

А—скій говорилъ, что посредствомъ такъ-называемаго спиритизма лучше всего доказывается, что въ природѣ человѣка два начала: физическое и духовное, и что духовное начало — душа — бессмертно.

¹⁾ Тихменевъ, филологъ, окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ въ 50-хъ годахъ; въ началѣ 80-хъ годовъ издалъ въ Петербургѣ сочиненія Веневитинова.

Костомаровъ сталъ горячо возражать, что спиритизмъ не можетъ его убѣдить въ безсмертіи души, что для него магнетическій сонъ очень любопытенъ, какъ фактъ, но того, что говорятъ во время его усыпленные, онъ не можетъ принять на вѣру.

— Привыкнуши заниматься исторіею, я на все ищущу реальныхъ фактовъ, служащихъ для меня доказательствомъ, а рѣчами разныхъ „медіумовъ“ вы меня не убѣдите. Дайте мнѣ доказательство,—и я вамъ повѣрю.

— Ищите сами,—заявилъ ему А—скій.—Вы вотъ, ученые,—продолжалъ онъ,—ничему не вѣрите. Вѣрите вы въ душу?—обратился онъ къ Костомарову.

— Я не могу вѣрить въ то, чего не знаю,—отвѣчалъ тотъ,—и продолжалъ:—Я бы желалъ думать, что я не умру на землѣ; я бы желалъ знать, какъ я буду жить за гробомъ; я бы желалъ знать, что такое душа; но покуда я этого не знаю, и вашъ спиритизмъ мнѣ ничего не докажетъ...

А—скій, бросивши нѣсколько укоровъ Костомарову за его неустойчивость, удалился. Костомаровъ долго въ раздумьи ходилъ по комнатѣ. Я снова сталъ прощаться, но онъ опять меня удержалъ, и мы проговорили до 12-ти часовъ ночи. Разговоръ вертѣлся на разныхъ историческихъ темахъ. Вотъ что говорилъ Костомаровъ:

— Я убѣжденъ, что славянскія племена ближе всѣхъ аріевъ къ грекамъ. Это доказывается, какъ сходствомъ старославянскаго, такъ-называемаго „церковнаго“ языка, съ древне-греческими діалектами, такъ и сходствомъ первоначальнаго общественнаго строя у славянъ и грековъ. Семейно-родовой бытъ одновременно съ общиннымъ строемъ легли въ основу „народоправствъ“ (республикъ) и древне-греческихъ, и древне-славянскихъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ западной Европѣ. Нѣтъ у славянъ и аристократіи въ западно-европейскомъ смыслѣ; у славянъ аристократія вездѣ является въ социальномъ, общественномъ значеніи, а не въ политическомъ. У великоруссовъ, въ Московскомъ государствѣ, аристократія существовала только въ смыслѣ высшаго служилаго класса, который былъ учрежденъ правительствомъ для его военныхъ и административныхъ цѣлей. Изъ всѣхъ русскихъ племенъ нашего времени самый чистый славянскій типъ сохранился на Волини. Въ южной Руси, въ Кіевщинѣ и въ лѣво-бережной Украинѣ замѣчается сильная примѣсь племенъ тюркскихъ и татарскихъ. Бѣлоруссы (кривичи)—одного племени съ первоначальными великоруссами, въ которыхъ впоследствии

уюшо немало крови финской и татарской. Позднѣйшіе великоруссы—это метисы изъ славянъ, финновъ и татаръ, и въ народномъ характерѣ великоруссовъ, и въ ихъ общественно-политическомъ строѣ, выразителемъ котораго явилась Москва, имѣется большое сходство съ древнимъ Римомъ: недаромъ московскіе князья XVI в. называли Москву „третьимъ Римомъ“. Финны имѣли свои города, т. е. *огороженные* населенныя мѣста, и славянскіе колонисты, завладѣвая ими, могли перемѣнять ихъ названія на свои, славянскія. Возможно, что на мѣстѣ теперешняго Ростова былъ какой-нибудь первоначальный финскій городъ-поселокъ, которымъ завладѣли новгородскіе славяне и назвали его по своему „Ростовъ“, по имени какого-нибудь своего предводителя *Роста*. Это было у славянъ въ обычаѣ. Ярославль—отъ Ярослава, городъ Ярослава; Ростиславль—отъ Ростислава; Мстиславль—отъ Мстислава; Ростовъ—городъ Роста. Города Ростовско-Суздальской земли—всѣ происхожденія славянскаго; это доказывается тѣмъ, что во всѣхъ городахъ этой земли, даже княжескихъ, были вѣча—старинное славянское общинное учрежденіе.

Затѣмъ Костомаровъ сталъ распространяться о важности изученія для бытовой народной исторіи мѣстныхъ говоровъ, названій населенныхъ мѣстъ, рѣкъ, озеръ, урочищъ и вещественныхъ памятниковъ. Наблюденія надъ теперешнимъ бытомъ народа той мѣстности, гдѣ нѣкогда обитали меряне, также весьма важны,—говорилъ онъ;—но это источникъ уже не прямой, а, такъ сказать, дополнительный, провѣрочный. Необходима крайняя осторожность въ выводахъ при заключеніи отъ *теперешняго* къ явленіямъ прошлой жизни. Общественный укладъ ростовско-суздальской земли очень интересенъ по своей самобытности. Въ этой землѣ не было прочной территоріальной связи; всѣ подзудѣльныя княжества Ростова и Суздаля отпадали отъ этихъ городовъ, отваливались, какъ отростки отъ главнаго корня, какъ ворешки. Въ ростовско-суздальской землѣ младшій городъ постоянно бралъ перевѣсъ надъ старшимъ и въ политическомъ и въ церковномъ отношеніи, и младшіе города враждовали другъ съ другомъ. Тамъ давалъ всему перевѣсъ князь. Вотъ отъ Новгорода Великаго отпалъ политически только одинъ Псковъ, но до конца былъ зависимъ отъ него въ церковномъ отношеніи.

Костомаровъ говорилъ на этотъ разъ съ большимъ увлеченіемъ.

— Надѣюсь, что не въ послѣдній разъ бесѣдную съ вами,—сказалъ онъ, подавая мнѣ на прощанье руку,—я въ вашимъ услугамъ во всякое время.

Костомаровъ проводилъ меня въ переднюю и ушелъ. Когда я надѣлъ уже шубу, онъ скорымъ шагомъ опять вышелъ изъ кабинета и, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Просмотрите хорошенько „Списки населенныхъ мѣстъ“, издавныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по тѣмъ губерніямъ, гдѣ было и отчасти есть и въ настоящее время финское населеніе, и провѣрьте всѣ финскія названія рѣкъ, урочищъ и населенныхъ мѣстъ по словарямъ финскихъ языковъ, — это будетъ громадная заслуга съ вашей стороны. Это крайне важно и интересно, но этого еще никто не касался въ наукѣ.

Мы снова простились. Костомаровъ ушелъ въ кабинетъ. Лакей Костомарова отворилъ уже передо мною выходную дверь на лѣстницу, но вдругъ Костомаровъ опять появился въ передней.

— По моему, въ письменныхъ памятникахъ вы мало найдете себѣ пищи. Все общезвѣстно!.. До свиданія! — сказалъ онъ скороговоркой.

IV.

Черезъ день послѣ моего перваго визита къ Костомарову, 1-го февраля 1876 года, я засталъ его въ Публичной библіотекѣ, въ рукописномъ отдѣленіи. Здѣсь работалъ я съ нимъ за однимъ столомъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, до 29-го марта включительно. Это, такъ сказать, книжное сосѣдство очень сблизило меня съ Костомаровымъ; съ тѣхъ поръ наши отношенія съ каждымъ годомъ становились все прочнѣе и прочнѣе.

Рукописное отдѣленіе Публичной библіотеки — это своего рода руда научныхъ драгоценностей, доселѣ еще не разработанная должнымъ образомъ. Кромѣ хранящихся тамъ подлинниковъ двухъ древнихъ нашихъ рукописныхъ памятниковъ — Остромирова Евангелія и Лаврентьевской лѣтописи, рукописныхъ коллекцій изъ „Древлехранилища“ М. П. Погодина и собранія графа Ѳ. А. Толстого, въ немъ находятся рукописныя собранія чуть ли не на всѣхъ языкахъ міра, цѣлыя архивы и автографы замѣчательныхъ русскихъ государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, рѣдкія рукописи изъ собранія польскаго графа Залусскаго и изъ архива парижской Бастиліи, добытыхъ польскимъ ученымъ Дубровскимъ и принесенныхъ имъ въ даръ нашей Публичной библіотекѣ. Въ главной залѣ отдѣленія господствуетъ какой-то священный покой, наводящій религіозное настроеніе, близкое къ настроенію, получаемому въ старинныхъ монастыр-

сихъ храмахъ. Въ такой обстановѣ поневолѣ отрѣшаешься отъ „злости дня“, отъ суеты мірской, несмотря на то, что зала рукописнаго отдѣленія помѣщается на очень бойкомъ мѣстѣ Петербурга: въ нижнемъ этажѣ бібліотеки, на углу Невскаго и Садовой, близъ Гостиного Двора. Невольно погружаешься въ этомъ хранилищѣ въ древнія и старинныя хартии, невольно припоминаешь русскихъ монаховъ лѣтописцевъ давно прошедшихъ „временныхъ“ лѣтъ,—и иконописные облики преподобнаго Нестора, монаха Лаврентія и Пушкинскаго Пимена — живо встаютъ въ воображеніи и вдохновляютъ на занятія „старинной“ и „дѣянiями“ минувшихъ лѣтъ.

Рукописное отдѣленіе въ то время находилось подъ начальствомъ Аѳ. Феод. Бычкова, знатока не только славяно-русской старой письменности, но палеографіи вообще, человѣка въ высшей степени обязательнаго и авторитетнаго руководителя въ ученыхъ занятіяхъ.

Костомаровъ вступалъ иногда въ весьма оригинальные диспуты съ А. Ѳ. Бычковымъ, котораго въ шутку любилъ называть „Бычокъ“. Разъ онъ присталъ къ Аѳанасію Феодоровичу съ такимъ предложеніемъ:

— Аѳанасій Феодоровичъ, когда я умру, похороните меня здѣсь въ рукописномъ отдѣленіи, подъ поломъ.

Тотъ, съ смѣющимися изъ-подъ золотыхъ очковъ глазами, уставился на Костомарова и, конечно, ничего не отвѣчалъ.

— Вы думаете, я шучу? — продолжалъ Костомаровъ. — Нисколько. Позвольте васъ спросить: чѣмъ Публичная бібліотека хуже Успенскаго собора или Чудова монастыря? Вѣдь бібліотека — храмъ науки; а чѣмъ я хуже московскихъ митрополитовъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа?

Эту шутку Костомаровъ выражалъ серьезнымъ тономъ, такъ что всякаго, кто его не зналъ близко, она могла ввести въ невольное заблужденіе.

Костомаровъ, просматривая рукописные фоліанты и дѣла, любилъ вступать въ бесѣды по поводу находимыхъ имъ историческихъ фактовъ, и иногда, вслѣдствіе своей живой фантазіи, уходилъ въ сторону и предавался „историческимъ мечтаніямъ“, которыя принимали у него ярко-художественные образы. Взявши какую-нибудь связку официальныхъ бумагъ, онъ не давалъ себѣ труда просматривать ее послѣдовательно, документъ за документомъ, а невольно останавливалъ свое вниманіе лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые подтверждали ему уже заранѣе составившееся у него мнѣніе о томъ или другомъ вопросѣ. Такъ, очень хо-

рошо помню, какъ 16-го марта 1867 года, онъ принесъ и положилъ на столъ толстую кипу бумагъ въ картонѣ и нетерпѣливо, лихорадочно, сталъ ихъ перелистывать. Быстро просматривалъ Костомаровъ бумаги, то въ началѣ кипы, то въ концѣ, торопливо дѣлая отмѣтки карандашомъ на отдѣльныхъ листочкахъ... Лицо его подчасъ принимало злобное выраженіе. Наконецъ онъ захохоталъ, и откинулся на спинку стула.

— Вотъ вамъ,—обратился онъ ко мнѣ:—въ этомъ картонѣ вся исторія Польши!—и хлопнулъ рукой по картону.

Я смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Начинается картонъ—продолжалъ Костомаровъ—велерѣчивой рѣчью Станислава Понятовскаго къ польскимъ жолнерамъ, а кончается подорожной, за подписью Екатерины II, поляку русской службы, полковнику Сѣраковскому. Тутъ все—и польская шляхетская спѣсь, и пустота Понятовскаго, и распадѣніе „Рѣчи Посполитой“, результатъ польскаго безправія и отсутствія у поляковъ государственнаго смысла, тѣмъ ловко воспользовалась Екатерина II.

— Умная была баба!—въ восторгѣ восклицалъ Костомаровъ:—мастерски надула поляковъ! А Станиславъ Понятовскій—этотъ послѣдній ихъ „круль“—типическій представитель польскаго шляхетскаго неразумія и разврата! Я увѣренъ, что, говоря льстивую благодарственную рѣчь „храброму польскому воинству“, онъ не заплатилъ солдатамъ жалованья, по крайней мѣрѣ, за два мѣсяца!.. Вотъ интересный источникъ для характеристики Понятовскаго! Какъ ярко рисуется психика Понятовскаго въ его перепискѣ!—Въ его дружескихъ письмахъ, обнимающихъ большой періодъ времени, — въ молодости онъ распространяется о вѣзоткахъ, а въ старости—о типахъ мадоннъ у разныхъ извѣстнѣйшихъ живописцевъ и скульпторовъ.—Не правда ли, характерно?

Затѣмъ Костомаровъ сталъ рѣзко бичевать польскую шляхту и духовенство.

— Русский народъ, мѣткій въ своихъ приговорахъ и выраженіяхъ, говоритъ полякамъ: „Вы про...морали Польшу“, а я прибавляю: „и про...развратничали!“—восклицалъ онъ.

Костомаровъ выразился гораздо рѣзче. Вообще, онъ любилъ употреблять весьма рѣзкія и несправедливыя выраженія для характеристики поляковъ, и охотно рассказывалъ о нихъ прямо скандальные анекдоты. Такихъ анекдотовъ онъ передалъ мнѣ на этотъ разъ нѣсколько...

Рѣчь зашла объ отношеніяхъ Польши къ малоруссамъ и запорожскимъ казакамъ. Костомаровъ всталъ, выпрямился, сталъ

даже какъ будто выше ростомъ и быстро зашагалъ взадъ и впередъ по довольно узкому пространству рукописнаго отдѣленія, гдѣ стоялъ нашъ столъ,—и рѣчь его лилась плавно и увлекательно, когда онъ заговорилъ о столѣ близкой его сердцу „Украинѣ“. Массу анекдотовъ разсказалъ онъ изъ разныхъ эпохъ исторіи Запорожья. Особенно остался у меня въ памяти одинъ, изъ эпохи Екатерины II, относящійся къ концу ея царствованія, т.-е. къ закату и прекращенію „Січи Запорожской“.

Радѣтелемъ „казацкихъ вольностей“ въ это время былъ одинъ изъ видныхъ представителей запорожской „старшины“, Ант. Вас. Головатый, ловко умѣвшій пользоваться обстоятельствами, заслужившій одновременно и расположеніе Екатерины II съ Потемкинымъ, а позднѣе Павла I, и своихъ „лыцарей казаковъ“. Онъ нѣсколько разъ посылался отъ запорожцевъ депутатомъ къ императрицѣ Екатеринѣ, хлопотать о нуждахъ войска, и наканунѣ уничтоженія „Січи“, передъ самымъ 1775 г., и въ девяностыхъ годахъ, когда остатки „Січи“ перешли на западное черноморское побережье. Повидимому, анекдотъ относится къ депутаціи конца 1791 г., когда Головатый былъ уже черноморцемъ и имѣлъ чинъ полковника.

Послѣ приѣма запорожской депутаціи, оставшись, по обыкновенію, очень довольна умомъ и тактомъ Головатаго, Екатерина II сама надѣла на него какой-то крупный орденъ. Депутація должна была еще пробыть нѣсколько времени во дворцѣ. Головатому надобно ждать, и онъ вышелъ, безцеремонно разсматривая парадныя комнаты. Одинъ изъ дежурныхъ камеръ-юнкеровъ былъ пораженъ такимъ поведеніемъ „казака“, свободно разгуливавшего по дворцовымъ аппаратамъ. Головатый это сразу замѣтилъ.

— Эй, хлопецъ! — обратился онъ къ расфранченному придворному: — а какъ пройти у васъ...? (Онъ захотѣлъ осмотрѣть на досугъ разные дворцовыя помѣщенія).

— Какъ смѣешь ты, мужикъ, такъ со мной разговаривать! — оборвалъ Головатаго камеръ-юнкеръ.

Головатый лукаво усмѣхнулся и, отворотивъ лацканъ своего чекмена, указалъ на орденъ и сказалъ:

— А эту птицу знаешь?

Камеръ-юнкеръ совершенно былъ уничтоженъ такой неожиданностью. Низко кланяясь и извиняясь, онъ немедленно исполнилъ желаніе Головатаго.

Въ другой разъ Костомаровъ долго бесѣдовалъ со мной о политическихъ дѣлахъ при Екатеринѣ II и передалъ мнѣ свѣдѣніе изъ

какого-то польскаго мемуариста эпохи раздѣловъ Польши (автора мемуаровъ я не помню) о покушеніи со стороны поляковъ на жизнь императрицы во время поѣздки ея въ Бѣлоруссію послѣ перваго раздѣла Польши.

— А вѣдь какъ бы все измѣнилось въ Россіи, а въ особенности сложились бы иначе наши послѣдующія отношенія къ Польшѣ, еслибы покушеніе исполнилось!—воскликнулъ Костомаровъ.—Императоръ Павелъ, тогда молодой человѣкъ, почти юноша и еще не испорченный послѣдующими глетворными на него вліяніями Екатерининскихъ „фаворитовъ“, по всей вѣроятности совсѣмъ бы иначе взглянулъ на задачи внутренней и внѣшней политики Россіи; и къ Польшѣ отнесся бы онъ не такъ, какъ Екатерина II: это можно заключить изъ его позднѣйшихъ отношеній къ Станиславу Понятовскому и Костюшкѣ.

„Историческая“ фантазія Костомарова разгорѣлась, и онъ сталъ вышивать по реальной канвѣ послѣдующихъ событій русской политической исторіи самые разнообразные узоры...

Затѣмъ его воображеніе нарисовало эффектную картину погребенія Екатерины II. Подробно рассказывая всю процессію, какъ будто онъ былъ ея очевидцемъ, Костомаровъ остановился надъ разрѣшеніемъ детальныхъ вопросовъ, вродѣ, напримѣръ, такого: кто бы изъ тогдашнихъ придворныхъ несъ въ похоронной процессіи ту или другую изъ императорскихъ регалій.

— Императорскую корону, по-моему, непременно несъ бы Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, — убѣжденно утверждалъ Костомаровъ.

Личности Екатерины II и Станислава Понятовскаго особенно интересовали Костомарова. Онъ постоянно къ нимъ возвращался. Помню, разъ—это было 14-го марта 1867 г., незадолго передъ вышеприведеннымъ мною эпизодомъ съ картономъ польскихъ документовъ — Костомаровъ велъ со мной въ Публичной библіотекѣ продолжительный разговоръ о послѣднемъ королѣ польскомъ и объ его отношеніяхъ къ Екатеринѣ II.

— А видали вы могилу Станислава Понятовскаго?—вдругъ обратился ко мнѣ Костомаровъ.—Вѣдь онъ погребенъ здѣсь, въ католической церкви на Невскомъ проспектѣ.

— Нѣтъ, не видалъ,—отвѣчалъ я.

— Такъ пойдемте.—Костомаровъ быстро всталъ и побѣжалъ къ выходу изъ библіотеки. Я послѣдовалъ за нимъ.

Было часа три пополудни. День былъ пасмурный, ненастный.

Когда мы подошли къ католической церкви, —она оказалась запертой. Намъ не удалось найти никакого клирика или сто-

рожа, чтобы отпереть церковь. Костомаровъ выражалъ нервное нетерпѣніе, началъ ворчать, затѣмъ браниться вслухъ: жестоко выпадалъ сначала на непорядки въ петербургскомъ католическомъ приходѣ, потомъ на католическихъ священниковъ вообще и польскихъ въ частности; наконецъ, на поляковъ, на ихъ политическое неустройство и на Станислава Понятовскаго. Говорилъ онъ громко, почти кричалъ.

Около насъ стала собираться кучка любопытныхъ. Снѣгъ валялъ хлопьями. Мѣховая шапка Костомарова и мѣховый воротникъ на его пальто были совсѣмъ мокры.

— Кто этотъ господинъ, который такъ сердится, и за что сердится?—обратился ко мнѣ какой-то человѣкъ изъ толпы.

— Это Костомаровъ,—отвѣчалъ я.

— Какой Костомаровъ? Неужели извѣстный историкъ?—спросилъ кто-то другой.

— Онъ самый.

Мои разъясненія были, очевидно, услышаны многими. Толпа начала расти. Мы съ Костомаровымъ поспѣшили удалиться.

Мои отношенія съ Костомаровымъ по Публичной библіотекѣ были бы не вполне очерчены, еслибы я пропустилъ трактиръ Балабина на Садовой, почти рядомъ съ библіотекой. Въ этотъ трактиръ Костомаровъ издавна, съ самаго своего появленія въ Петербургѣ, ходилъ завтракать и обѣдать. Онъ не замедлил и меня сводить къ Балабину.

Въ зиму 1866—1867 года въ этомъ трактирѣ собиралась особая „компанія“ близкихъ Костомарову лицъ, которую онъ прозвалъ „освященнымъ соборомъ“. Въ „компаніи“, въ подражаніе такому же шутивому учрежденію Петра Великаго, всѣ участники именовались монастырскими чинами: о. архимандритомъ (настоятелемъ), іеромонахами, іеродіаконами, о. казначеемъ, рядовыми монахами,—братією и послушниками. Не было только въ этомъ „соборѣ“ винопитія; въ противоположность „собору“ Петра Великаго, „соборъ“ Костомарова отличался трезвенностью и умѣренностью въ пищѣ. Костомаровъ не пилъ вообще никакого цѣльнаго вина; онъ чаю даже не пилъ, а замѣнялъ его „теплотой“, какъ онъ выражался, т.-е. теплой водой, съ прибавленіемъ краснаго вина. Настоятелемъ, о. архимандритомъ собора, состоялъ С. В. Максимовъ, извѣстный этнографъ-беллетристъ, авторъ „Года на сѣверѣ“, „Бѣлаго моря и его прибрежій“ и „Сибири и каторги“; въ его отсутствіе обязанности „настоятеля“ исполнялъ Костомаровъ.

Когда мы вошли съ Костомаровымъ въ залу Балабинскаго трактира 15-го марта 1867 г., Максимовъ тамъ не было; на лѣво находились только Д. Е. Кожанчиковъ и Яковлевъ. Кожанчиковъ († 1877 г.)—купецъ, родомъ изъ Рязани, открылъ въ Петербургѣ, въ концѣ 1850-хъ годовъ, книжную торговлю и сталъ издавать входившія въ то время въ моду книги по русской старинѣ и исторіи. Онъ составилъ себѣ устойчивую репутацію въ публикѣ весьма солидными и дорогими изданіями, а среди ученыхъ и литераторовъ сумѣлъ свести даже короткія и дружескія отношенія. Въ челѣ изданій Кожанчикова стояли впервые вышедшія изъ-подъ типографскаго станка подлинныя сочиненія нашихъ раскольниковъ-старообрядцевъ, какъ „Исторія Выговской пустыни“ и другія, и столь дорогія и изящно-изданныя книги, какъ „Очерки изъ исторіи русской народной словесности и искусства“ Ѳ. И. Буслаева. Кожанчиковъ явился издателемъ и сочиненій Костомарова, и вскорѣ сталъ съ нимъ на дружескую, очень короткую ногу. Имъ были изданы въ 1859 г. „Богданъ Хмельницкій“ и „Бунтъ Стеньки Разина“, въ 1863 г. „Сѣверо-русскія народоправства“ и два первыхъ тома „Монографій и изслѣдованій“; въ началѣ 1867 г. печатался Кожанчиковымъ 3-й томъ „Монографій“ Костомарова. Яковлевъ—одинъ изъ неудачниковъ ученыхъ. Занимался онъ въ то время „Домостроемъ“, затѣмъ былъ доцентомъ исторіи русской литературы въ Дерптѣ, Одессѣ и Варшавѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Костомаровъ занялъ во главѣ длиннаго стола предсѣдательское мѣсто.

— Младенецъ!—крикнулъ онъ, стуча ножомъ о тарелку, одному изъ мальчиковъ-прислужниковъ въ сѣрыхъ курточкахъ:— „теплоты“!

Костомарову была сейчасъ подана чашка краснаго вина, сильно разбавленнаго водой, и небольшой ломтикъ бѣлаго хлѣба.

— Отче Димитріе!—обратился онъ ко мнѣ.—Трапеза наша скудна есть, монастырская. Кое брашно угодно тебѣ, отче?

Я что-то заказалъ,—кажется, бифштексъ.

— Отче Димитріе!—снова обратился ко мнѣ Костомаровъ,— а не хотите ли сдѣлать экзаменъ „младенцамъ“ изъ исторіи Смутнаго времени?—Костомаровъ, собирая матеріалы для своей монографіи о Смутномъ времени, рассказывалъ въ Балабинскомъ трактирѣ разные эпизоды изъ исторіи Смуты и разсуждалъ объ этой эпохѣ съ членами „освященнаго собора“, вслѣдствіе чего многіе изъ прислуги трактира запомнили его разказы.

— Ну, разкажи намъ,—обратился Костомаровъ къ маль-

чаку, принесшему мнѣ порцію, — какія сохранились преданія о томъ, кто былъ первый Лжедимитрій?

Мальчикъ весьма обстоятельно передалъ эти преданія очень близко къ тексту Костомаровской монографіи.

Я задалъ мальчику вопросы о Маринѣ Мнишекъ и ея свадьбѣ съ Лжедимитріемъ, и также получилъ весьма обстоятельные отвѣты.

Костомаровъ, войдя въ роль „настоятеля“, сталъ рассказывать на правильномъ церковно-славянскомъ языкѣ разные „житія“ и описанія чудесъ русскихъ святыхъ, преимущественно новгородскихъ. Онъ прекрасно *говорилъ* по церковно-славянски и могъ импровизировать на этомъ старо-книжномъ русскомъ языкѣ цѣлыя повѣствованія, которыя плохо знакомый со старинной русской книжностью принялъ бы за пересказъ подлинныхъ писаній.

Изученіе житій русскихъ святыхъ и вообще старинной русской церковной письменности давало обильный матеріалъ для роскошной поэтической фантазіи Костомарова. Такъ изъ житія Св. Ефросина Псковскаго, въ которомъ разсматривается вопросъ о правильности „сугубой аллилуйи“ и о неправильности „трегубой“, — Костомаровъ составилъ программу для „фееріи“. Подробности этой программы не сохранились въ моей памяти. Помню только, что „сугубая аллилуйя“ олицетворена была въ образѣ Саламандры, которая и вылетаетъ въ эпилогѣ фееріи изъ пламени...

Бѣсовскія „искушенія“, которымъ обыкновенно подвергаются святые подвижники, очень занимали Костомарова. Вопросъ о „бѣсѣ“, съ религіозной и психологической точки зрѣнія, привлекалъ особенно его вниманіе, и развитіе представленія „бѣса“, какъ въ Священномъ писаніи, такъ и въ преданіяхъ разныхъ народовъ и русскаго народа въ частности — составляли одну изъ любимѣйшихъ темъ его разговоровъ. И какъ живо и картинно передавалъ онъ всѣ приключенія „бѣсовъ“, которые у него выходили прямо художественными обликами съ индивидуальными чертами! Особенно запечатлѣлись въ моей памяти повѣствованія Костомарова на церковно-славянскомъ языкѣ о бѣсовскихъ искушеніяхъ свв. Варлаамія Хутынскаго и Прокопія Устюжскаго и цѣлый рядъ народныхъ рассказовъ о бѣсахъ великорусскихъ и малорусскихъ. Въ этихъ рассказахъ бѣсы являлись и мрачными людьми, сокрушителями человечества, и благодушными шалунами, которыхъ народъ въ шутку называетъ „Захарками“ и „(авоськами“. Да не подумаетъ кто-либо изъ читателей, что Костомаровъ глумился надъ православными религіозными кни-

гами и преданіями. Наоборотъ. Онъ былъ не только очень религиозный человѣкъ въ истинно христіанскомъ смыслѣ, но придавалъ большое значеніе всѣмъ православнымъ церковнымъ обрядамъ и церковнымъ службамъ, которые зналъ превосходно. Но обрядъ не застилалъ передъ нимъ сущности религіи. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на временную, преходящую формулу вѣщнаго выраженія религіи. Не иронія руководила имъ при его „творчествахъ“ въ религиозной области, а присущіе ему юморъ и пылкая фантазія. Костомаровъ близко былъ знакомъ съ обрядовой стороною православія и изучалъ ея исторію. Это доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ:

19-го марта 1867 г. я отправился къ обѣднѣ въ греческую церковь св. Димитрія Солунскаго, находящуюся на Лиговской площади. Послѣ этого посѣщенія я видѣлся съ Костомаровымъ, который былъ близко знакомъ съ настоятелемъ этой церкви, греческимъ архимандритомъ, если не ошибаюсь, Неофитомъ, и мы разговорились о различіи въ церковныхъ обрядахъ у грековъ и у русскихъ. Обиходъ церковнаго служенія у грековъ, какъ извѣстно, отличается въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отъ сложившагося обихода въ русской церкви. Такъ, напримѣръ, Евангеліе читается діакономъ, обращеннымъ лицомъ къ молящимся, а не къ алтарю, какъ у насъ (въ иныхъ греческихъ церквяхъ, какъ въ церкви св. Георгія въ Венеціи, діакономъ читаетъ Евангеліе не съ солей, а съ боковой каедрѣ на сѣверной стѣнѣ храма); „Символь вѣры“ и „Отче нашъ“ не поются, какъ у насъ, а читаются, и т. д.

— Литургія есть основное христіанское богослуженіе, — говорилъ Костомаровъ, — и первоначально имѣла задачей *воспроизвести въ дѣйствіи* земную жизнь Іисуса Христа и символически выразить сущность этой жизни — искупленіе Имъ отъ первороднаго грѣха рода человѣческаго. Это, однимъ словомъ, христіанская драма. Василій Великій, Григорій Двоесловъ и Іоаннъ Златоустъ именно и поняли такъ литургію и ея задачу. Но теперь, не говоря уже о литургіи римско-католической, въ греко-восточной церкви символика литургіи стала непонятной для молящихся въ храмѣ, вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ. Первая изъ нихъ — это хронологическая отдаленность нашего времени отъ первыхъ вѣковъ христіанства; вторая — различіе въ тогдашнемъ строѣ христіанскихъ обществъ отъ теперешняго состоянія православной церкви, и наконецъ третья — различіе въ религиозномъ пониманіи грековъ и русскихъ. Русский человѣкъ, въ особенности великорусъ, придаетъ чрезмѣрное значеніе обряду:

онъ изъ-за него не видитъ сущности христіанства. Но съ этимъ необходимо бороться. Реформа обрядовой стороны православія необходима. Теперь, для русскаго вѣрующаго челоѣка, литургія — не общедоступная религіозная христіанская драма, а механическое спѣшеніе какихъ-то обрядовъ, чуждыхъ его обыденной жизни. Вслѣдствіе всего этого необходимо измѣнить литургію сообразно теперешнимъ нашимъ жизненнымъ условіямъ и пониманію. Нужно, чтобы литургія вновь стала христіанскою общедоступною драмой.

Костомаровъ сообщилъ мнѣ, что у него имѣется набросокъ литургіи, составляющій именно такую передѣлку самой распространенной православной литургіи св. Іоанна Златоуста.

V.

Послѣ моего перваго посѣщенія Костомарова я бывалъ у него неоднократно по вечерамъ въ теченіе февраля и марта 1867 г. Посѣтителей встрѣчалъ я у него немного: онъ жилъ въ то время, какъ уже замѣчено выше, уединенно, — да и тѣ, кого я у него видалъ, являлись какъ бы случайно. Не всѣ изъ его гостей принадлежали къ литературнымъ и ученымъ кругамъ; были среди нихъ его знакомые и по Саратову и нѣкоторые кіевляне-помѣщики. Чаще всего въ это время я встрѣчалъ у Костомарова А. Н. Пыпина, Е. А. Ёфлова, Д. Л. Мордовцева, Н. П. Барсукова, Д. Е. Кожанчикова. Иногда бывали: Н. В. Калачевъ, въ то время директоръ московскаго архива министерства юстиціи, наѣзжавшій въ Петербургъ, С. И. Палаузовъ, болгаринъ родомъ, служившій въ одномъ изъ министерствъ и авторъ нѣсколькихъ весьма интересныхъ монографій по исторіи Болгаріи и Румыніи, и самоучка-археологъ В. А. Прохоровъ, издававшій „Христіанскія древности“.

На этихъ вечерахъ разговоры касались не столько вопросовъ текущей жизни, сколько разныхъ эпизодовъ изъ русской исторіи. Костомаровъ нерѣдко читалъ вслухъ литературныя произведенія, связанныя съ исторіей, иногда рассказывалъ историческіе анекдоты и сообщалъ о своихъ походахъ въ московскихъ архивахъ и своихъ отношеніяхъ къ русскимъ ученымъ, иногда выражалъ свои воззрѣнія на нѣкоторые явленія русской исторической жизни.

Читалъ Костомаровъ вслухъ весьма выразительно, сопровождая чтеніе замѣчаніями и объясненіями. Такого, на примѣръ, было

его чтеніе по корректурѣ сдѣлать изъ пьесы Островскаго: „Дмитрій Самозванецъ и Василий Шуйскій“, помѣщенной въ I т. „Вѣстника Европы“ за 1867 годъ.

Изъ анекдотовъ, рассказанныхъ Костомаровымъ, особенно памяты мнѣ три, относящіеся къ императору Павлу I. Рассказывалъ онъ ихъ превосходно, съ большимъ юморомъ. Вотъ эти анекдоты.

I. Разъ императору Павлу графъ Паленъ доложилъ, что имъ арестованъ важный „политическій“ преступникъ. Императоръ велѣлъ немедленно доставить его къ себѣ во дворецъ.

Когда того доставили, Павелъ, сурово взглянувъ на него, спросилъ:

— Умѣешь играть въ шахматы?

— Умѣю, государь.

— Кутайсовъ!—крикнулъ императоръ:—подай шахматы!

Павелъ усадилъ „политическаго“ преступника передъ шахматной доской—и самъ сѣлъ играть съ нимъ.

Тотъ выигралъ у императора подрядъ три партіи.

— Да ты прекрасно играешь!—воскликнулъ Павелъ въ восхищеніи:—*даже* меня обыгралъ! (онъ считалъ себя прекраснымъ шахматнымъ игрокомъ).

Преступникъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

— Кутайсовъ!—крикнулъ опять Павелъ. Когда тотъ явился, императоръ сказалъ ему:

— Немедленно освободить! Такой прекрасный шахматный игрокъ не можетъ быть преступникомъ!

II. Въ началѣ марта, въ скверную погоду, когда на петербургскихъ улицахъ уже стояла весенняя распутица и рыхлый снѣгъ смѣшивался съ грязью, — поздно вечеромъ, возвращался императоръ Павелъ отъ А. П. Лопухиной, въ открытыхъ саняхъ. Проѣзжая передъ одной изъ гауптвахтъ, онъ былъ пораженъ аккуратнымъ исполненіемъ всѣхъ вычурныхъ приемовъ введеннаго имъ воинскаго артикула выбѣжавшимъ изъ кордегардіи карауломъ. Императоръ пришелъ въ восторгъ и, приказавъ остановиться своему вучеру, съ похвалой обратился къ офицеру, начальнику караула.

— Какъ фамилія?—спросилъ императоръ.

По тогдашнему этикету, офицеръ подошелъ къ санямъ и преклонилъ передъ императоромъ колѣна, несмотря на страшную грязь.

— Лопухинъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Родственникъ?—лаконически спросилъ Павелъ.

— Такъ точно, ваше императорское величество,—сказалъ офицеръ, продолжая стоять на колѣняхъ въ грязи.

— Есть имѣніе?

— Небольшое у отца, въ такой-то губерніи, при громадной семьѣ.

— Чинъ?—продолжалъ Павелъ свой допросъ.

— Поручикъ,—отвѣчалъ офицеръ.

— Жалую триста душъ крестьянъ твоему отцу, а тебѣ приказываю встать и служить мнѣ и впредь столь же усердно.

Ошеломленный офицеръ продолжалъ стоять на колѣняхъ.

Быть можетъ, онъ вовсе не былъ родственникомъ Анніи Петровнѣ Лопухиной,—прибавилъ Костомаровъ,—и испугался серьезной отвѣтственности.

— Встань, *генерал-поручикъ!*—уже сердитымъ голосомъ произнесъ императоръ.

Произведенному такъ оригинально изъ поручиковъ въ генералы и „награжденному“ тремястами душъ крестьянъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ исполнить это высочайшее повелѣніе, облобызавъ предварительно милостиво протянутую ему руку.

III. Въ другой разъ императоръ днемъ ѣхалъ по Петербургу верхомъ въ сопровожденіи одного изъ своихъ адъютантовъ,—кажется, Кутлубицкаго. Повстрѣчалъ онъ гдѣ-то въ переулкѣ во весь карьеръ мчавшагося верхомъ какого-то офицера. Лошадь офицера очень понравилась Павлу, а быстрая ѣзда по улицамъ Петербурга всѣмъ вообще, а офицерамъ въ частности, была строго воспрещена. Павелъ рѣшилъ во что бы то ни стало догнать офицера и подвергнуть его должному взысканію; но быстрый конь выносилъ ловко офицера, искусно скрывавшагося отъ преслѣдовавшаго его императора, на поворотахъ улицъ и въ переулкахъ. Такъ и не удалось императору догнать офицера. Павелъ, не привыкши къ быстрой верховой ѣздѣ, очень утомился и былъ страшно разсерженъ тѣмъ, что офицеръ отъ него ускокалъ.

Тотчасъ же былъ отданъ приказъ собраться на другой день на вахтъ-парадъ всѣмъ офицерамъ того полка, къ которому принадлежалъ провинившійся.

На вахтъ-парадѣ негодующій императоръ Павелъ обратился къ офицерамъ съ грознымъ требованіемъ выдать вчерашняго виновника; въ противномъ случаѣ всѣхъ офицеровъ этого полка грозился сослать въ Сибирь.

Виновный офицеръ, чиномъ подпоручикъ, весьма хорошо понявшій, что такая угроза будетъ приведена въ исполненіе,—выходитъ изъ строя и падаетъ передъ Павломъ на колѣна...

Такой поступокъ тронулъ императора. Онъ моментально пришелъ въ отличное расположеніе духа.

— Прекрасная у тебя лошадь!— обратился онъ къ офицеру.— У меня такой нѣтъ. Продай мнѣ ее. Чтѣ она стоитъ?

— Ваше величество!—восклицаетъ пораженный офицеръ:— я сочту за особое счастье, если вы изволите соблагovolить принять отъ меня лошадь въ подарокъ.

— Я не принимаю подарковъ отъ подпоручиковъ,—возразилъ Павелъ.— Встань, *полковникъ!*—повелительно произнесъ онъ.

Разсказывалъ Костомаровъ съ большой горечью о недружелюбныхъ къ нему отношеніяхъ московскихъ историковъ—Погодина, Соловьева и Бѣляева, въ бытность его въ Москвѣ, для его ученыхъ занятій, въ 1863 и 1864 гг. Особенно раздражали Костомарова нападенія на него Г. Θ. Карпова, занимавшагося исторіею юго-западной и южной Россіи. Въ половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка Карповъ только словесно, въ разговорахъ, выражалъ свое недовольство на Костомарова за пристрастіе его къ южной Руси, за неправильное пониманіе имъ историческихъ заслугъ великоруссовъ и Москвы и за отсутствіе въ его историческихъ трудахъ строгой исторической критики и должной научной объективности. Три года спустя, въ 1870 году, Карповъ представилъ въ московскій университетъ свою печатную докторскую диссертацию: „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время съ 8 января 1654 по 30 мая 1672 г.“, въ которой Костомаровъ могъ впервые прочесть въ печати нападенія на себя этого московскаго историка. Нападенія были выражены въ столь рѣзкой и неподходящей формѣ, что историко-филологическій факультетъ московскаго университета былъ вынужденъ просить Г. Θ. Карпова перепечатать нѣкоторыя страницы ¹⁾.

— Да, вообще, въ Москвѣ меня не любятъ,—говорилъ Костомаровъ,—считаютъ меня заядлымъ украинофиломъ, сепаратистомъ и ненавистникомъ Москвы. Но не могу же я называть черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Исторія—не панегирикъ. Я никогда не стану отрицать историческаго значенія ни Москвы, ни великорусскаго племени, но восторгаться московскими „порядками“ и

¹⁾ Фактъ перепечатки прямо доказывается страницами, вклеенными послѣ сброшюровки книги и набранными разгонисто на шпонахъ, а не тѣмъ наборомъ, какимъ набраны остальныя страницы.

великорусской культурой я не могу! Хуже московской общест-
венности XVI и XVII вв. я ничего не могу себѣ представить.

— А въ московскихъ архивахъ не приведи Богъ заниматься, — продолжалъ Костомаровъ. — Такъ, напримѣръ, работая надъ Богданомъ Хмельницкимъ для новаго изданія, я, конечно, не могъ обойти московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ, какъ извѣстно, хранятся обширныя собранія „Малороссійскихъ дѣлъ“. Но меня не допустилъ до просмотра этихъ дѣлъ тогдашній директоръ архива, князь М. А. Оболенскій. Сперва онъ отлынивалъ подъ разными предлогами, а подъ конецъ *се сумѣлъ ничего умнѣе придумать, какъ утверждать, что онъ потерялъ будто бы ключи* отъ того отдѣленія, въ которомъ хранятся малороссійскія дѣла, а потому-де очень сожалѣть, что не можетъ меня допустить заняться ими. Вотъ причина, почему во второмъ изданіи моей книги о Хмельницкомъ имѣется очень много пробѣловъ, за которые корили и корятъ меня многіе мои противники съ московскими историками во главѣ, обвиняя меня въ *намеренномъ замалчиваніи нѣкоторыхъ фактовъ*.

— Московскій архивъ министерства юстиціи, съ тѣхъ поръ какъ управляетъ имъ Н. В. Калачевъ, — это совсѣмъ не то, что архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ при кн. Оболенскомъ, — говорилъ Костомаровъ въ другой разъ. — Но съ Калачевымъ у меня вышло затрудненіе совершенно иное, чѣмъ съ кн. Оболенскимъ. Калачевъ безусловно всегда предупредителенъ и внимателенъ. Я и вздумалъ, будучи въ Москвѣ въ 1863 г. и приступая къ занятіямъ по исторіи Смутаго времени, поинтересоваться количествомъ писцовыхъ книгъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи. Показали мнѣ нѣсколько комнатъ, наполненныхъ писцовыми книгами XVII в. Я съ ужасомъ посмотрѣлъ на огромныя связки, наполнявшія комнату сверху до низу, и отказался отъ заманчивой мысли воспользоваться столь важнымъ и обширнымъ матеріаломъ для общественной исторіи Московскаго государства.

Изъ „историческихъ“ разговоровъ на вечерахъ у Костомарова особенно памяты мнѣ два: 1) объ отношеніяхъ Новгорода къ Москвѣ и 2) объ Іоаннѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ.

Въ этихъ разговорахъ Костомаровъ становился на любимую имъ почву „историческихъ мечтаній“. Въ первомъ изъ нихъ долго разсуждалъ онъ на тему: что было бы, еслибы не Москва осилила Новгородъ, а Новгородъ Москву. Не припомню всѣхъ фантастическихъ предположеній Костомарова, но помню лишь, какъ онъ утверждалъ, что при такомъ поворотѣ исторіи Россіи

не могло бы быть ни Иоанна Грознаго, ни Смутаго времени, да и сближеніе Московскаго государства съ западною Европою произошло бы не въ такомъ видѣ, какъ оно проявилось въ реформѣ Петра Великаго.

Ни Иоанну Грозному, ни Петру Великому Костомаровъ не симпатизировалъ, находя въ нихъ много общихъ чертъ. Воззрѣнія его на Иоанна Грознаго извѣстны изъ его монографіи „Личность царя Иоанна Грознаго“, но о Петрѣ Великомъ нашъ историкъ не имѣлъ времени высказаться столь же опредѣленно и полно: очеркъ жизни и дѣятельности перваго русскаго императора въ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“ напоминаетъ черновой набросокъ не обдѣланной монографіи, а въ нѣкоторыхъ изъ своихъ монографій, какъ напримѣръ: „Царевичъ Алексѣй Петровичъ“ и „Екатерина I“, Костомаровъ касается лишь мимоходомъ личности и реформы Петра.

Костомаровъ, считавшій Иоанна Грознаго человѣкомъ ненормальнымъ, разнузданнымъ, безвольнымъ и съ болѣзненной фантазіей, не могъ, разумѣется, видѣть тѣхъ же чертъ въ Петрѣ Великомъ, сильные умъ и воля котораго были для него вѣ всякаго сомнѣнія. Общими чертами въ характерахъ Иоанна IV и Петра I онъ, по справедливости, признавалъ: жестокость, самодурство и склонность къ женщинамъ.

— Оба они были женолюбивы, какъ Соломонъ, какъ выразился нашъ древній лѣтописецъ о св. Владимірѣ!—воскликаетъ Костомаровъ.

Интересно слѣдующее соображеніе Костомарова, относящееся къ Петру Великому.

— Обратите вниманіе,—говорилъ онъ,—на то, что Петръ въ началѣ своей самостоятельной политической дѣятельности слѣдовалъ традиціонному пути русскаго народа — стремленію съ сѣвера къ югу, къ Черному морю. Сначала онъ хотѣлъ попасть „въ Греки“, и только послѣ неудачи азовскихъ походовъ устремилъ свое вниманіе на балтійское побережье, на начало великаго воднаго пути, который лѣтописецъ ведетъ „изъ Варягъ въ Греки“. Удайся Петру азовскіе походы, онъ увѣрился бы на Черномъ морѣ, сокрушилъ бы власть Крыма и основалъ бы свою столицу гдѣ-нибудь на Таврическомъ полуостровѣ, вродѣ Севастополя, или на черноморскомъ побережьи, гдѣ при Екатеринѣ II возникла Одесса.

— А вѣдь по другому бы пошелъ ходъ русской исторіи XVIII в.,—сталъ фантазировать Костомаровъ,—еслибы свой „парадизъ“ Петръ Великій основалъ въ Черноморьи, а не на гни-

люмъ сѣверномъ болотѣ: южный „Санктъ-Петербургъ“ былъ бы не чета теперешнему, и вопросы балтійскій, польскій и самый важный для Россіи — восточный — разыгрались бы совершенно иначе, да и европеизированіе-то Россіи, по всей вѣроятности, пошло бы другимъ путемъ!.. Петръ I могъ бы тогда войти въ близкія сношенія съ юго-славянскими народностями.

VI.

Послѣ моего знакомства и сближенія съ Костомаровымъ въ 1867 г., — наши сношенія не прекращались до самой его кончины.

Въ 1872 г. я получилъ доцентуру русской исторіи въ казанскомъ университетѣ, а съ 1873 г. почти ежегодно ѣздилъ или въ Петербургъ, или за границу. Во всѣ эти поѣздки я навѣщалъ Костомарова. Онъ продолжалъ усердно трудиться надъ русской исторіей, но замѣтно съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе утрачивалъ прежнюю бодрость духа и работоспособность: событія въ его личной жизни, за послѣднее время, недомоганія и естественная усталость организма — брали свое. Съ 1873 года зрѣніе Костомарова, плохое и раньше, ухудшалось все болѣе и болѣе, такъ что онъ не всегда могъ писать статьи самъ, а вынужденъ былъ диктовать ихъ. Въ 1873 г. лѣтомъ Костомаровъ пріѣхалъ въ Кіевъ для участія въ предварительномъ комитетѣ Ш-го археологическаго съѣзда, имѣвшаго быть въ Кіевѣ, и встрѣтился тамъ съ бывшей своей невѣстой. Алина Леонтьевна Крагельская въ 1873 году уже была вдовой Кисель съ тремя дочерьми-подростками. Эта встрѣча не могла, разумѣется, не взволновать до глубины души впечатлительнаго и нервнаго Костомарова. Въ январѣ 1873 г. Костомаровъ перенесъ сильный тифъ, во время котораго умерла также тифомъ его мать, жившая съ нимъ. Эта утрата и собственная болѣзнь также имѣли на него удручающее вліяніе.

Кромѣ посѣщеній Костомарова въ Петербургѣ, я встрѣтился съ нимъ въ іюль 1874 г. на III-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, и эта встрѣча открыла передо мной въ Костомаровѣ новыя стороны, которыя я не имѣлъ возможности наблюдать въ немъ въ Петербургѣ.

На кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ Костомаровъ былъ предсѣдателемъ отдѣленія исторической географіи и этнографіи и предложилъ мнѣ быть секретаремъ его отдѣленія. Мы усердно

разбирали съ нимъ рефераты, поступавшіе въ намъ, и распределяли ихъ по засѣданіямъ. Разъ, занимаясь такой работой, Костомаровъ взялъ въ руки одну очень толстую тетрадь, листовъ въ пятьдесятъ писчей бумаги, сталъ ее нервно перелистывать и, передавая ее мнѣ, сказалъ, смѣясь:

— *Господинъ секретарь!* Потрудитесь просмотрѣть эту книжицу—я надъ ней глазъ портить не намѣренъ—и затѣмъ *доложите мнѣ* ваше заключеніе.

„Книжица“ оказалась твореніемъ NN, члена „Одесскаго Общества исторіи и древностей“, и рассматривала вопросъ о „полюды“ южнорусскихъ князей по Константину Багрянородному. То была забракованная профессоромъ В. И. Григоровичемъ медальная работа. Масса фактовъ, безъ должныхъ критики и освѣщенія, и многословіе составляли ея отличительныя качества. Въ этомъ смыслѣ я и представилъ своему „предсѣдателю“ заключеніе о работѣ. Рефератъ былъ забракованъ.

Костомаровъ очень мило шутилъ со мной, называя себя моимъ „начальствомъ“ и требуя отъ меня, какъ секретаря, подчиненной субординаціи.

Придешь къ нему, бывало, до засѣданія, или встрѣтишься съ нимъ гдѣ-нибудь въ помѣщеніи сѣзда (засѣдавшего въ зданіи университета),—онъ немедленно спрашиваетъ:

— Ну, что новаго въ „нашемъ“ отдѣленіи, „господинъ секретарь“?—и при этомъ весело смѣется.

Между рефератами, доложенными на кievскомъ сѣздѣ, по отношенію къ Костомарову, остались мнѣ особенно въ памяти три:

1) Сообщенія кievскаго профессора М. П. Драгоманова о малороссійскихъ думахъ и историческихъ пѣсняхъ, вызвавшія очень интересныя и оживленныя пренія по вопросу: почему былины о богатыряхъ Владимірова цикла забыты въ Кіевѣ и на югѣ Россіи вообще и, наоборотъ, доселѣ живутъ въ устахъ народа на русскомъ сѣверѣ, главнымъ образомъ въ губерніяхъ архангельской и олонецкой? 2) Сообщеніе Я. Θ. Головацкаго о галиційскихъ русинахъ и 3) Сообщеніе самого Костомарова: объ образованіи южно-русской княжеской дружины.

Первое изъ означенныхъ сообщеній было особенно интересно. Оно касалось одного изъ коренныхъ вопросовъ южнорусской культурной исторіи: происхожденія теперешней отрасли русскаго народа — малоруссовъ и ихъ отношенія къ древнимъ населеніямъ кievскаго подлѣпровья — полянамъ-Руси, и въ срединѣ 70-хъ годовъ XIX в. было вопросомъ жгучимъ и моднымъ. Въ то время

В. В. Стасовъ отрицалъ совершенно самобытность кіевскихъ быль Владимірова цикла, что повело къ очень оживленной полемикѣ, а Некрасовъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній высказался по поводу этой полемики въ слѣдующихъ многозначительныхъ строфахъ:

...Мудреными путями Богъ ведетъ тебя, многострадальная Россія:
 Попробуй, усомнись въ богатыхъ донисторическаго вѣка,
 Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
 Все поколѣнье два-три человѣка...

Костомаровъ, само собою, живо интересовался вопросами сообщенія М. П. Драгоманова: вопросы эти слишкомъ близко касались его долготѣльныхъ изученій и самыхъ дорогихъ его симпатій къ южнорусскому народу и его пѣсенному творчеству. Внимательно изучая изданную къ сѣзду книжку кіевскихъ профессоровъ, М. П. Драгоманова и В. Б. Антоновича: „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, Костомаровъ припоминалъ всѣ предыдущія изданія по южнорусскому пѣсенному творчеству, между которыми, какъ извѣстно, находится и „Запорожская Старина“, сборникъ, изданный въ исходѣ тридцатыхъ годовъ XIX в. ученымъ славистомъ Изм. Ив. Срезневскимъ. Изм. Ив. Срезневскій, родомъ изъ разанской губерніи (фамилія его произошла отъ названія села „Срезнева“, въ которомъ, если не ошибаюсь, дѣдъ его былъ священникомъ), принимался многими, не знавшими его происхожденія, по окончанію его фамиліи, за южнорусса. Это мнѣніе находило себѣ серьезное подтвержденіе въ его занятіяхъ южнорусскимъ народнымъ бытомъ, народной поэзіей и стариной. Кіевскіе ученые и Костомаровъ, знавшіе дѣйствительное происхожденіе Срезневскаго, обвиняли его въ *неточной* передачѣ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсней, занесенныхъ имъ въ „Запорожскую старину“, и доказывали, что многія якобы „народныя“ пѣсни и былины въ этомъ сборникѣ происхожденія книжнаго.

Готовясь къ одному изъ рефератовъ Драгоманова, Костомаровъ говорилъ мнѣ, смѣясь:

— А я готовлюсь къ предстоящему сегодня „штурму Измаила“, — т.-е. къ обличенію ошибокъ Измаила Ивановича Срезневскаго.

Но „штурмъ“ не послѣдовало. Отчасти онъ былъ ловко отклоненъ самимъ Срезневскимъ, отчасти „штурмъ“ не произошелъ вслѣдствіе принятаго преніями направленія. Преніями завладѣлъ петербургскій профессоръ Орестъ Θεод. Миллеръ, преувеличенно комментировавшій нашъ былинный эпосъ въ смыслѣ „самобыт-

наго“ русскаго народнаго творчества и написавшій объ Ильѣ Муромцѣ книгу страницъ въ 800. Въ этомъ изслѣдованіи проф. Миллеръ силился выяснитъ цѣлый рядъ „наслоеній“ русскаго былиннаго эпоса.

Въ связи съ рефератами о южнорусскомъ пѣсенномъ творествѣ находятся пѣснопѣнія одного изъ послѣднихъ украинскихъ „кобзарей“, слѣпца Остапа Вересая. Вересай былъ приглашенъ вечеромъ, послѣ одного изъ засѣданій археологическаго съѣзда, въ университетскій садъ.

Съ восхищеніемъ вспоминаю я этотъ теплый іюльскій южный малорусскій вечеръ. На площадѣ, окруженной тополями, стояла густая толпа, состоявшая изъ лицъ разныхъ возрастовъ, профессій и различныхъ славянскихъ племенъ. Тутъ были и штатскіе „генералы“, академики, профессора, учителя среднихъ учебныхъ заведеній, мѣстные литераторы и люди изъ „всенародья“; были старцы, убѣленные сѣдинами, люди среднихъ лѣтъ и юноши, были и великоруссы, и бѣлоруссы, и поляки, и чехи, но преобладали южноруссы. И вся эта разнообразная толпа внимала крестьянину-слѣпцу, который сидѣлъ въ полукругѣ, среди толпы, и дребезжащимъ, но весьма симпатичнымъ старческимъ теноромъ пѣлъ, аккомпанируя на своей бандурѣ, разные южнорусскія думы и пѣсни. Нѣкоторые южноруссы просили Вересая пропѣть ту или другую извѣстную имъ думу, произнося первыя ея строки, другіе—слегка подпѣвали... Костомаровъ сосредоточенно, въ глубокой задумчивости внималъ Вересая... Что-то торжественно-величавое было во всей этой обстановкѣ и въ тѣхъ словахъ, которыя пѣлъ „кобзарь“.

Я. О. Головацкій, родомъ галицкій русинъ, нѣкогда католическій патеръ, а затѣмъ принявшій православіе и превратившійся въ русскаго статскаго и послѣдовательно въ дѣйствительнаго статскаго совѣтника — былъ въ 30-хъ годахъ XIX в. виднымъ представителемъ того патріотическаго направленія въ австрійской Галиціи, которое впоследствии стало извѣстно подъ именемъ „старорусовъ“, „твердыхъ русинъ“, или „москвофиловъ“. Это направленіе исповѣдывало общность малорусскаго племени съ племенемъ великорусскимъ и, подъ вліяніемъ австрійскихъ „порядковъ“, направленныхъ въ пользу польской шляхты, всѣми своими симпатіями стояло на сторонѣ русскаго правительства и почитало великорусскій языкъ и его литературу общерусскимъ культурнымъ языкомъ. Къ этому языку Головацкій желалъ приблизить народный языкъ галицкихъ русиновъ, и съ этой цѣлью издавалъ во Львовѣ, въ шестидесятыхъ годахъ XIX в.,

газету „Слово“, являвшуюся органомъ вышеозначеннаго наименованія. Языкъ „Слова“ былъ механически сфабрикованнымъ языкомъ и не имѣлъ ничего общаго съ русинскимъ, украинскимъ языкомъ народнымъ ¹⁾. Позднѣе, когда началось послѣ польскаго повстанія 1863 года такъ называемое „обрусеніе“ русскаго сѣверо-западнаго края, въ 70-хъ годахъ XIX в., Головацкій изъ католическихъ патеровъ перешелъ на русскую гражданскую службу и сталъ ревностнымъ проводникомъ этого обрусенія. Костомаровъ не могъ, конечно, ни въ чемъ сочувствовать Головацкому.

Головацкій читалъ длинный и скучный рефератъ о бытѣ галиційскихъ русиновъ вообще, обставивъ свое сообщеніе цѣлымъ рядомъ фотографій и географическихъ картъ.

Сообщеніе самого Костомарова происходило при особыхъ условіяхъ. Я былъ у Костомарова, когда онъ собирался идти на засѣданіе съѣзда, въ которомъ онъ долженъ былъ дѣлать сообщеніе въ присутствіи Алины Леонтьевны Кисель и ея трехъ дочерей... Онъ очень волновался. Долго не могъ завязать галстуха, и то всталъ въ карманъ фрака рукопись реферата, то снова вынималъ ее. Лицо его носило на себѣ печать глубокой и скорбной думы. Онъ привѣтствовалъ меня лишь короткимъ восклицаніемъ: „здравствуйте“. Затѣмъ сталъ быстро ходить, почти бѣгать по комнатѣ и курить папиросу за папиросой; лицо его судорожно подергивало... Очевидно, вся его молодость и послѣдующая жизнь проносились передъ нимъ въ эти минуты.

— Пойдемте однако,—вдругъ обратился онъ ко мнѣ, быстро взглянувъ на часы,—а то опоздаемъ.

Онъ остановился и снова задумался.

— Да,—сталъ Костомаровъ мыслить вслухъ: — двадцать-восемь лѣтъ тому назадъ, въ тѣхъ же самыхъ стѣнахъ, гдѣ я буду сейчасъ докладывать мой рефератъ,—я читалъ свою вступительную лекцію...

На томъ же кievскомъ съѣздѣ я былъ очевидцемъ одного любопытнаго эпизода, непосредственно связаннаго съ молодостью Костомарова,—съ его арестомъ въ Кіевѣ въ 1847 году.

Члены археологическаго съѣзда направились какъ-то вечеромъ въ одинъ изъ общественныхъ кievскихъ садовъ. Много было въ саду и посторонней публики, съ любопытствомъ глазѣвшей на пріѣзжихъ ученыхъ гостей. Я стоялъ въ небольшой группѣ членовъ съѣзда и постороннихъ лицъ, въ которой находился и

¹⁾ Подробности см. въ книгѣ проф. *М. Грушевскаго*: „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. Спб. 1904 г., стр. 348—361.

Костомаровъ. Вдругъ подходитъ къ Костомарову старикъ, совершенно сѣдой, но еще бодрый на видъ, и, протягивая къ нему обѣ руки, громко восклицаетъ:

— Ахъ, Николай Ивановичъ, какъ я радъ съ вами встрѣтиться! Давненько мы не видались.

Костомаровъ злобно, въ упоръ посмотрѣлъ на старика.

— Да, давно,—сухо произнесъ онъ.—Но руки-то вамъ я все-таки не подамъ!—и онъ быстро повернулъ спину передъ старикомъ и удалился.

Старикъ этотъ былъ Ю... Въ сороковыхъ годахъ онъ занималъ видный административный постъ въ управленіи кievскимъ учебнымъ округомъ и сыгралъ весьма неблаговидную роль въ дѣлѣ ареста Костомарова въ 1847 году.

На засѣданіяхъ съѣзда, въ частныхъ собраніяхъ у разныхъ мѣстныхъ кievскихъ ученыхъ и литераторовъ, на ученыхъ экскурсіяхъ съѣзда, -- мнѣ приходилось наблюдать Костомарова среди такъ называемыхъ украинофиловъ разныхъ поколѣній. Украинофилы старшихъ поколѣній, ближайшіе къ Костомарову по возрасту, чтили въ немъ своего вождя. Но такихъ было немного. Большинство состояло изъ „нео-украинофиловъ“ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. „Нео-украинофилы“ разныхъ оттѣнковъ относились къ Костомарову съ почтеніемъ, какъ къ писателю и ученому, не только много сдѣлавшему для выясненія самобытности украинской, но и сильно пострадавшему за свои убѣжденія. Но онъ уже былъ для нихъ человѣкомъ прошлаго—они сознавали отлично, что пошли дальше его, что онъ принадлежитъ къ другому, старому поколѣнію украинофиловъ, а потому въ тонѣ ихъ отношеній къ Костомарову проглядывало нѣкоторое покровительство: такъ русская военная молодежь эпохи Наполеоновскихъ войнъ смотрѣла на своихъ отцовъ, сражавшихся подъ знаменами Румянцева-Задунайскаго и Суворова. Нео-украинофилы называли Костомарова „дідъ“ и „старче“.

Отлично помню экскурсію въ с. Гатное для раскопки кургана. Въ то время какъ курганъ раскапывался подъ руководствомъ графа А. С. Уварова, группа членовъ археологическаго съѣзда, состоявшая изъ нео-украинофиловъ и изъ нѣкоторыхъ стороннихъ ученыхъ, осталась въ рошѣ, вдали отъ кургана, в расположилась подъ тѣнью деревъ въ разныхъ непринужденныхъ позахъ: кто сидѣлъ, кто лежалъ на сочной травѣ, кто стоялъ. Въ центрѣ группы былъ Костомаровъ; въ числѣ „стороннихъ“ членовъ съѣзда находился и я. Очень оживленно шли разговоры на разные темы, и прежде всего, разумѣется, о важности архе-

логическихъ раскопокъ для южно-русской исторіи и о задачахъ и цѣляхъ т.-наз. украинофильства. Молодежь украинская очень горячилась... Костомаровъ тоже...

VII.

Съ 1875 г. началъ выходить въ Петербургѣ историко-этнографическій и археологическій ежемѣсячный журналъ „Древняя и Новая Россія“, подъ редакціей Сергѣя Николаевича Шубинскаго. Костомаровъ явился усерднымъ сотрудникомъ этого журнала, главнымъ образомъ по вопросамъ изъ русской исторіи XVIII в. Статьи его въ этой, сравнительно мало знакомой ему, области писались имъ по предложенію С. Н. Шубинскаго, по поводу разныхъ явленій тогдашней современности. Такъ, напримеръ, въ началѣ 70-хъ годовъ появилась картина Н. Н. Ге: „Петръ Великій, допрашивающій царевича Алексѣя Петровича по доставленіи его изъ-за-границы“. Картина эта обратила на себя большое вниманіе петербургской публики. Такъ какъ „Древняя и Новая Россія“ была журналомъ съ иллюстраціями, то С. Н. Шубинскій, весьма естественно, пожелалъ дать читателямъ снимокъ съ картины Ге и предложилъ Костомарову написать объяснительный текстъ къ картинѣ. Статья Костомарова: „Царевичъ Алексѣй Петровичъ“, появившаяся въ 1-й тетради „Древней и Новой Россіи“ на 1875 г., сразу упрочила успѣхъ новаго журнала.

Имя Костомарова продолжало быть весьма популярнымъ въ большой публикѣ, которая съ жадностью прочитывала все, что выходило изъ-подъ пера талантливаго историка. Въ подтвержденіе этого могу привести слѣдующій фактъ. Сіжу я какъ-то разъ въ редакторской комнатѣ при конторѣ „Древней и Новой Россіи“ и веду разговоръ съ С. Н. Шубинскимъ. Все это время шла подписка на „Древнюю и Новую Россію“ (если не измѣняетъ мнѣ память, то было осенью 1876 года), и въ контору являлось немало лицъ, желавшихъ подписаться. Услыхавъ разговоры публики съ завѣдующимъ конторой, С. Н. Шубинскій поспѣшилъ туда, и до меня долетѣли слѣдующія фразы:

— А что въ наступающемъ году въ вашемъ журналѣ будетъ статья Костомарова?—спрашивалъ кто-то.

— Будетъ, непременно будетъ,—отвѣчалъ С. Н. Шубинскій.

— Такъ позвольте подписаться.

За „Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ“ появились въ

„Древней и Новой Россіи“ монографіи Костомарова: „Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица“, въ 1877 г., и „Самодержавный отрокъ“ (Петръ II) въ 1878 г. Всѣ эти статьи изъ русской исторіи не отличались тщательностью изученія источниковъ и писались вѣскомо.

Съ 1875 г. Костомаровъ продолжалъ заниматься излюбленными имъ вопросами изъ южно-русской исторіи и изъ народной поэзіи, какъ южно-русской, такъ и великорусской. Въ количественномъ отношеніи работы Костомарова съ 1875 г. увеличались, сравнительно съ предыдущими годами: онъ участвовалъ въ большинствѣ тогдашнихъ журналовъ и газетъ; но въ качественномъ отношеніи эти работы стояли несравненно ниже его трудовъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ¹⁾. Въ 1879 г. началась печатаніемъ въ „Вѣстникѣ Европы“ большая монографія Костомарова „Руина“, обнимающая собою время бурное и смутное въ малорусской исторіи и весьма мало разработанное, — время трехъ гетмановъ: Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича, съ 1663 по 1687 г. Костомаровъ торопился съ печатаніемъ и уже былъ не въ силахъ должнымъ образомъ обработать собранный имъ матеріалъ. Монографія тянулась въ пяти книгахъ „Вѣстника Европы“ 1879 года и затѣмъ продолжалась еще въ трехъ книгахъ того же журнала 1880 года.

Въ 1876 г., въ концѣ лѣта, я былъ въ Петербургѣ, на предварительномъ комитетѣ IV-го, казанскаго, археологическаго съѣзда и, посѣтивъ Костомарова, познакомился съ супругой его, Алиной Леонтьевной, рожденной Крагельской. Въ моихъ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ не могу не посвятить хоть нѣсколькихъ строкъ этой почтенной особѣ.

Судьба разлучила ее съ любимымъ человѣкомъ во дни ихъ общей молодости и снова соединила съ нимъ почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ того. Они встрѣтились навзлунѣ ихъ общей старости, и Алина Леонтьевна явилась заботливымъ другомъ и

¹⁾ Въ *одиннадцать* лѣтъ, съ 1875 по 1885 годъ включительно, напечатано Костомаровымъ *сто* монографій и статей, а съ 1888 по 1875 г., въ *тридцать-семь* лѣтъ—*сто-девятъ*. Съ 1875 по 1885 г. включительно Костомаровъ печатался въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: „Вѣстникъ Европы“, „Порядокъ“, „Древней и Новой Россіи“, „Русской Старинѣ“, „Новомъ Времени“, „Газетѣ Гаттука“, „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Русской Мысли“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, „Кіевской Старинѣ“, „Южномъ Краѣ“, „Нови“, „Книжкахъ Недѣли“. — Кроме того, за эти года помѣщались историческіе документы подъ редакціей Костомарова въ специальныхъ ученыхъ изданіяхъ, какъ напр. „Сборникъ Русскаго Историческаго Общества“, и въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи и при отдѣльныхъ книгахъ, въ видѣ предисловій и объясненій.

усердной помощницей Костомарова въ тѣ дни, когда его жизнь и его талантъ стали клониться къ закату. Когда онъ былъ боленъ тифомъ — она была неустанной при немъ сидѣлкой; когда глаза его все болѣе и болѣе слабѣли — она стала его секретаремъ; а во время постоянного недомоганія Костомарова въ послѣдніе годы его жизни она заботливо отстраняла всѣ случайности, которыя могли имѣть плохое вліяніе на его здоровье, на его все болѣе и болѣе ослабѣвавшій организмъ...

7-го апрѣля 1885 г. Костомарова не стало.

VIII.

Съ С. М. Соловьевымъ я познакомился при иныхъ условіяхъ, чѣмъ съ Н. И. Костомаровымъ. Уѣзжая изъ Петербурга въ исходѣ марта 1867 г., я получилъ рекомендательное письмо къ нему отъ составителя нѣкогда столь распространенной „Христоматіи по русской словесности“, А. Д. Галахова. Въ сороковыхъ годахъ XIX в. Галаховъ проживалъ въ Москвѣ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ тогдашними московскими учеными и литераторами, въ томъ числѣ и съ Соловьевымъ.

Первое мое посѣщеніе Соловьева было вечеромъ 12 апрѣля 1867 г. Въ то время онъ былъ проректоромъ московскаго университета и занималъ казенную квартиру въ старомъ университетскомъ зданіи. Отправился я къ Соловьеву довольно поздно, въ девять часовъ вечера. До того побывалъ у него съ утреннимъ визитомъ, въ началѣ апрѣля, но не засталъ дома; отдалъ свою визитную карточку и письмо Галахова. Такимъ образомъ Соловьевъ былъ уже предупрежденъ обо мнѣ. 12-го апрѣля я засталъ Соловьева и былъ принятъ имъ въ кабинетѣ.

Кабинетъ Соловьева не заключалъ въ себѣ никакого особаго убранства. Даже шкафовъ съ книгами не было. То была довольно большая комната, съ оштукатуренными стѣнами, покрашенными клеевой краской (цвѣта ея я не могъ разсмотрѣть при вечернемъ и весьма слабомъ освѣщеніи). Налѣво отъ двери, въ которую я вошелъ, у оконъ, перпендикулярно къ нимъ, помѣщался большой письменный столъ. За нимъ у стѣны было наложено нѣсколько тюковъ книгъ въ зеленыхъ бумажныхъ обложкахъ, перевязанныхъ бичевками, — то были экземпляры разныхъ томовъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Прямо противъ входной двери въ лѣвомъ углу висѣла большая икона въ окладѣ, и передъ ней теплилась лампадка. Немного отступя отъ пись-

меннаго стола сидѣлъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ въ креслѣ и внимательно читалъ какую то книгу (какъ мнѣ показалось — французскую), при двухъ свѣчахъ подъ абажуромъ, стоявшихъ на маленькомъ столикѣ.

Соловьевъ поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ на встрѣчу и молча пригласилъ меня сѣсть на кресло, стоявшее около того, на которомъ онъ только-что сидѣлъ. Наружность Соловьева, его манеры, поступъ — все было оригинально и типично. Въ коротко обстриженныхъ бѣлокурыхъ волосахъ на головѣ была замѣтна сѣдина. Лицо было гладко выбрито — ни усовъ, ни бороды (позднѣе, въ 70-хъ годахъ Соловьевъ отростилъ усы и бороду); широкий, выступавшій впередъ лобъ, сосредоточенное выраженіе голубыхъ глазъ, вдумчиво смотрѣвшихъ изъ-за золотыхъ очковъ, и глубокія линіи около тонкихъ губъ свидѣтельствовали о сильномъ умѣ и твердомъ характерѣ. На щекахъ игралъ здоровый румянецъ. Соловьевъ былъ средняго роста, довольно полнаго, но не тучнаго сложенія. Поступъ Соловьева была медленная, размыренная; столь же медленно и размыренно онъ говорилъ.

Изъ письма Галахова Соловьевъ зналъ о цѣли моего посѣщенія, но повелъ бесѣду очень издалека, а именно началъ разговоръ „о погодѣ“, о климатѣ петербургскомъ и казанскомъ. Конечно, ни тотъ, ни другой климатъ не заслужили моего одобрения; петербургскій климатъ не похвалилъ и Соловьевъ.

— Да, по вашимъ словамъ, — сказалъ Сергѣй Михайловичъ, — климатъ въ Казани не завидный. И вѣдь гдѣ построили свою столицу ваши татары, — продолжалъ онъ: — въ ложбинѣ, на луговой сторонѣ Волги! Что бы имъ построить на горѣ, на горной сторонѣ. Всѣ эти инородцы, татары, финны, — не умѣли положительно отыскивать удобныхъ мѣстъ для своихъ поселеній. Вотъ славяне — такъ тѣ умѣли. Москва, Ярославль, Кострома, Нижній-Новгородъ — посмотрите, на какихъ славныхъ мѣстахъ выстроены; а Ростовъ, финскій городъ, въ какой глуши появился! Озеро, при которомъ онъ построенъ, мерзвѣйшее, тивистое... Туманы все вокругъ него... сырость.

Дальнѣйшія разсужденія Соловьева относительно темы моей диссертации сводились къ слѣдующимъ: онъ признавалъ вопросъ о точномъ опредѣленіи географическихъ границъ различныхъ финскихъ инородцевъ между собой и всего финскаго племени съ племенемъ славянскимъ — вопросомъ чрезвычайно труднымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣднымъ результатами. Трудность эта заключается, по его мнѣнію, прежде всего въ изученіи названій урочищъ и поселеній. Для этого нужно основательно изучить всѣ

финскія нарѣчія и предпринять цѣлый рядъ ученыхъ экскурсій. Это задачи многолѣтнія, для многихъ ученыхъ лингвистовъ, — заявлялъ Сергій Михайловичъ, — и ученыхъ обществъ. А теперь въ какомъ хаотическомъ положеніи находятся эти изученія! Полагаются на утвержденія мѣстныхъ „дилеттантовъ-самоучекъ“. А развѣ это возможно съ серьезной научной точки зрѣнія? Недавно, напримѣръ, на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (въ рецензіи на „Списки населенныхъ мѣстъ Архангельской губерніи“) появилась замѣтка, изъ которой видно, что редакторъ этой книги открылъ гдѣ-то въ архангельской губерніи особый народъ „Чудь“. Такого народа, разумѣется, никогда не было. Теперь мы можемъ высказывать только рядъ предположеній, а эти предположенія зачастую бываютъ болѣе чѣмъ произвольны. Свои поселенія славяне *могли* ставить на мѣстѣ прежнихъ финскихъ поселковъ, но иногда перемѣняли прежнее финское названіе на свое славянское, а иногда удерживали чуждое имъ финское. Самый разительный примѣръ такого названія — *Москва*; развѣ это славянское имя? По моему, гораздо плодотворнѣе была бы работа изъ исторіи вашего Поволжья, Казанскаго края.

— Впрочемъ, — добавилъ Соловьевъ, — магистерскія темы не задаются. Занимающийся работаетъ, ему бросаются въ глаза новыя стороны вопроса, новые „углы“, новые вопросы возникаютъ въ его умѣ — и такимъ образомъ создается тема магистерской диссертациі. Я и не задаю вамъ темы...

Такъ разсуждалъ ученый, придававшій громадное значеніе колонизациі славянъ среди финскихъ инородцевъ и поступательному движенію путемъ этой колонизациі русскаго народа на востокъ. Мнѣ очень интересно было выслушать отъ него болѣе подробныя воззрѣнія именно на этотъ вопросъ, и я продолжалъ бесѣду съ нимъ на эту тему.

Вотъ сущность того, что говорилъ мнѣ Соловьевъ.

Очень важно прослѣдить расселеніе русскаго народа на сѣверо-востокѣ среди финновъ и татаръ; тщательно изучить построеніе русскими городовъ на этомъ пути, до взятія Казани и послѣ. Первымъ славяно-русскимъ поселеніемъ на этомъ пути является Ростовъ, а затѣмъ главнымъ колонизаціоннымъ узломъ былъ Нижній-Новгородъ. Исторія Нижняго и его княжества очень интересна и въ политическомъ, и въ торгово-промышленномъ отношеніи.

Соловьевъ высказывался противъ „гаданій“ и „историческихъ гипотезъ“. „Историкъ, — говорилъ онъ, — всегда долженъ имѣть твердую, фактическую почву подъ ногами. Мало ли что инте-

ресно? Надо соображать — достижимо ли, стоитъ ли работать. Вотъ „умная“ Академія (наукъ) тоже вообразила, что *должно быть* очень „интересно“ изученіе византійскихъ историковъ по отношенію къ русской исторіи. Покойный профессоръ Зеринъ ¹⁾ сколько времени и труда убилъ на изученіе этого вопроса по предложенію Академіи — и ни до чего не добился...”

Затѣмъ Соловьевъ сталъ меня спрашивать о К. Д. Кавелинѣ, о которомъ за послѣднее время не имѣлъ никакихъ свѣдѣній.

— А знакомы вы съ Пекарскимъ? — спросилъ съ улыбкой Соловьевъ. — Онъ вашъ, казанскій ²⁾. — Соловьевъ сталъ припоминать извѣстныхъ ему ученыхъ русскихъ историковъ и историческихъ писателей изъ питомцевъ казанскаго университета. Упомянулъ о Шишкинѣ и спросилъ меня: — А не знаете, куда онъ дѣвался?

Въ то время я не зналъ печальной судьбы Шишкина, а потому и не могъ отвѣчать на вопросъ Соловьева. Я узналъ о ней впоследствии. Личность Шишкина мало извѣстна, но она стоитъ, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ.

Іакинфъ Ивановичъ Шишкинъ, кандидатъ историко-филологическихъ наукъ казанскаго университета, выпуска начала 50-хъ годовъ, помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Русскомъ Словѣ“ рядъ талантливыхъ монографій по русской исторіи XVIII-го в. Монографіи эти — „Панегиристы и порицатели Петра Великаго“, „Событія въ Петербургѣ въ 1740 и 1741 г.“, „А. П. Волинскій“ и др., по живости изложенія и по новостямъ матеріала — главнымъ образомъ, рѣдкихъ въ то время свѣдѣтельств иностранцевъ и неизданныхъ архивныхъ документовъ — обратили на себя вниманіе не только читающей публики, но и специалистовъ-историковъ. Къ несчастью, І. И. Шишкинъ предавался пороку, столь свойственному многимъ талантливымъ русскимъ людямъ — алкоголизму, который и свелъ его въ могилу: проживая постоянно въ Петербургѣ, онъ глухою осенью 1862 г. вышелъ изъ своей квартиры и... пропалъ безъ вѣсти ³⁾.

— А вотъ еще нашъ казанецъ, — замѣтилъ я, — А. И. Артемьевъ, магистръ русской исторіи нашего университета.

¹⁾ Профессоръ всеобщей, а затѣмъ русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ съ 1847 по 1866 годъ.

²⁾ П. П. Пекарскій — академикъ по отд. русск. яз. и словесности, извѣстный изслѣдователь русскаго просвѣщенія въ XVIII в.; кандидатъ камеральныхъ наукъ казанскаго университета, выпуска 1850 года, род. въ мѣѣ 1828, ум. 12 іюля 1872 г.

³⁾ Подробности о Шишкинѣ см. въ книгѣ „Знакомые“, альбомъ М. И. Семевского, стр. 21.

— А о чемъ его диссертация?—спросилъ Соловьевъ.

— О варягахъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Имѣли ли варяги вліяніе на славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло?“ Она вышла въ 1845 году.

На лицѣ Соловьева выразилось удивленіе.

— Совершенно мнѣ неизвѣстна!—воскликнулъ онъ.—Въ одинъ годъ вышла съ моей магистерской диссертацией: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ московскимъ великимъ князьямъ“. Этотъ Артемьевъ, стало быть, немолодой человѣкъ. Гдѣ онъ теперь?—спросилъ Соловьевъ.

— Да,—отвѣчалъ я,—ему подъ пятьдесятъ. Служить онъ теперь въ Петербургѣ, въ центральномъ статистическомъ комитетѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

Послѣдовала значительная пауза. Затѣмъ Соловьевъ сталъ мнѣ предлагать отдѣльные вопросы. Послѣ всякаго моего отвѣта наступала снова пауза. Привожу для примѣра нѣсколько такихъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Соловьевъ. А скоро Бестужевъ напишетъ свою диссертацию?

Я. Не знаю... Онъ все болѣетъ.

Соловьевъ. Видали ли вы Костомарова?

Я. Да, мы занимались съ нимъ вмѣстѣ въ Публичной библиотекѣ. Онъ работаетъ теперь надъ вторымъ и третьимъ раздѣлами Польши.

Соловьевъ. Онъ постоянно въ Публичной библиотекѣ сидитъ... А не знаете, почему онъ не съ перваго раздѣла Польши началъ, а со второго?

Я отвѣчалъ, что не знаю.

Соловьевъ. Тамъ (въ Публичной библиотекѣ) для исторіи польскихъ раздѣловъ имѣются только польскіе источники; главнѣйшіе—русскіе, находящіеся въ здѣшнемъ, московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Я. Костомаровъ, вѣрно, воспользуется этими источниками послѣ. Говорятъ, доступъ въ московскіе архивы труденъ, въ особенности въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Соловьевъ. Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ я совершенно свободно занимаюсь, да и другіе тоже: Карповъ и многіе еще.. Занимающихся всегда много.

Послѣ этого Соловьевъ заговорилъ со мной о современныхъ молодыхъ дѣятеляхъ на поприщѣ русской исторіи.

Только что появившіяся въ свѣтъ магистерскія диссертации—Н. Я. Аристова „Промышленность въ древней Россіи“ и Н. А.

Өирсова „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ“ — признавалъ хорошими, но не талантливыми. О Г. Ө. Карповѣ отзывался уклончиво; Шапова считалъ талантомъ, но сбившимся съ пути. Очень невысокаго мѣнѣя былъ о Плат. Вас. Павловѣ, весьма популярномъ въ 60-хъ годахъ среди молодежи историкѣ Россіи.

— Въ томъ-то и бѣда наша,—заключилъ авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ свой критическій разборъ современныхъ русскихъ историковъ,—что люди талантливые или задаются ложною, предвзятою идеею, или дѣлятся. Вотъ, напримеръ, Костомаровъ—человѣкъ безспорно талантливый... А Иловайскій—тоже талантъ, да заглѣнился. Говорить, „боленъ, не могу лекцій читать“!..

На этихъ характеристикахъ бесѣда наша кончилась. Я распрощался.

20-го апрѣля я былъ снова у Соловьева, тоже вечеромъ, но не очутился уже съ нимъ съ глазу-на-глазъ въ полусвѣщенномъ кабинетѣ, а засталъ въ его гостиной большое общество, состоявшее главнымъ образомъ изъ профессоровъ и молодыхъ ученыхъ московскаго университета. То былъ одинъ изъ пріемныхъ дней Соловьева. Изъ прежнихъ моихъ знакомыхъ находилось среди этого общества только трое: Нилъ Александровичъ Поповъ, преподававшій русскую исторію въ казанскомъ университетѣ съ 1858 по 1860 г., Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, бывшій профессоръ политической экономіи въ томъ же университетѣ, и почти въ тѣ же года, и Евгенийъ Ѳеодоровичъ Коршъ, въ то время только-что начинавшій свою преподавательскую дѣятельность, приватъ-доцентъ римской словесности въ московскомъ университетѣ, а въ настоящее время академикъ. Остальными гостями Соловьева, которыхъ я встрѣтилъ впервые, были профессора московскаго университета: всеобщей исторіи Вл. Ив. Герье, юристы—Б. Н. Чичеринъ и М. Н. Капустинъ, натуралистъ С. А. Рачинскій, впоследствии оригинальный педагогъ, основатель и руководитель школъ особаго типа въ смоленской губерніи, славистъ Дювернуа, и молодые тогда ученые—магистръ всеобщей исторіи Трачевскій и магистрантъ русской—В. О. Ключевскій; затѣмъ: извѣстный историкъ стараго московскаго быта И. Е. Забѣлинъ, преподаватель исторіи искусствъ въ московскомъ университетѣ К. К. Герцъ; медикъ по профессіи и переводчикъ Шекспира по влеченію, другъ Герцена и Грановскаго—Кетчеръ и Александръ Влад. Станкевичъ, родной братъ знаменитаго вдохновителя Бѣлинскаго и друга Грановскаго, Ник. Вл. Стан-

кевича. Въ то время Ал. Вл. Станкевичъ собиралъ матеріалы для біографіи Грановскаго, которая и вышла въ свѣтъ черезъ три года—въ 1869 году. Только одинъ гость не былъ официально, такъ сказать, причастенъ наукѣ и литературѣ—то былъ братъ Б. Н. Чичерина, служившій, если не ошибаюсь, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, я очутился въ интересномъ обществѣ московскихъ представителей знанія и мысли нѣсколькихъ поколѣній, начиная съ „людей сороковыхъ годовъ“ и кончая моими сверстниками, выступавшими на поприще умственного труда въ шестидесятихъ годахъ.

Гости Соловьева оживленно разговаривали между собою, то раздѣляясь на группы, то ведя общую бесѣду. Самъ Сергій Михайловичъ мало принималъ участія въ разговорѣ, изрѣдка вставляя отдѣльныя замѣчанія и отрывочныя фразы.

Въ 1867 г. въ Москвѣ произошло два событія, которыя и составляли главнѣйшія темы разговоровъ: 1) въ началѣ 1867 г. въ московскомъ университетѣ разыгралась такъ называемая „Лешковская исторія“. В. Н. Лешковъ, профессоръ полицейскаго права, или общественнаго права, какъ онъ любилъ называть эту „науку“, баллотировался, согласно новому университетскому уставу 1863 г., на пятилѣтіе, по выслугѣ 25-ти лѣтъ. Эта баллотировка повела къ цѣлому ряду „недоразумѣній“ среди членовъ московскаго университетскаго совѣта, и результатомъ недоразумѣній былъ выходъ въ отставку нѣсколькихъ профессоровъ, съ Б. Н. Чичеринымъ, Ѳ. М. Дмитріевымъ и С. А. Рачинскимъ во главѣ. Соловьевъ, сколько помнится, тоже подавалъ въ отставку, но она не была принята. 2) Устройство этнографической выставки въ Москвѣ и ожидавшійся тамъ по этому поводу съѣздъ „братьевъ-славянъ“, представителей славянской науки и литературы. По выставкѣ много хлопоталъ Н. А. Поповъ, организовавшій на ней славянскій отдѣлъ.

IX.

Послѣ 1867 г. я видался съ С. М. Соловьевымъ еще нѣсколько разъ, а именно: въ 1872, 1876 и 1878 годахъ.

Въ 1872 г. я находился въ Москвѣ по случаю празднованія двухсотлѣтняго юбилея дня рожденія Петра Великаго. Въ то время Соловьевъ состоялъ ректоромъ московскаго университета и директоромъ Оружейной Палаты. По этой послѣдней должности онъ пользовался лѣтнимъ казеннымъ помѣщеніемъ въ

„Нескучномъ“, одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, нѣкогда помѣсть графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго.

Къ Петровскому юбилею была снова устроена въ Москвѣ выставка—на этотъ разъ такъ называемая политехническая съ „историческимъ“ отдѣломъ, посвященнымъ исключительно памяти императора Петра Великаго. Въ этомъ отдѣлѣ были собраны вещи, принадлежавшія первому императору Россіи и доставленные изъ Петербурга. Во главѣ ихъ находился знаменитый „ботикъ“. Къ торжеству открытія выставки, назначеннаго на 30 мая, день рожденія Петра Великаго, прибылъ изъ Петербурга генералъ-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ. Соловьевъ былъ очень озабоченъ приѣмомъ великаго князя и объясненіемъ ему „Петровскаго“ павильона на выставкѣ, всюду сопровождая его въ мундирѣ придворнаго вѣдомства, съ звѣздой и лентой Бѣлаго Орла.

Вечеромъ въ тотъ же день, въ актовомъ залѣ университета, происходило торжественное собраніе, посвященное памяти Петра Великаго. На этомъ собраніи присутствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ и, по свойственному ему такту, такъ сказать, подчеркивалъ высокое значеніе ректора университета: попечитель московскаго учебнаго округа, князь Ширинскій-Шихматовъ, хотя и присутствовалъ на актѣ, но совершенно былъ незамѣтенъ. Великій князь прибылъ въ университетъ въ коляскѣ съ Соловьевымъ, вошелъ въ актовъ залъ рядомъ съ нимъ, любовно разговаривая, и ушелъ точно такъ же. Соловьевъ читалъ на актѣ рѣчь о Петрѣ Великомъ и—что меня поразило—читалъ по тетради, съ большимъ затрудненіемъ разбирая собственный почеркъ (весьма, впрочемъ, мелкій) и постоянно приближая листы рукописи то къ одному, то къ другому канделябру, стоявшимъ на каедрѣ. Очевидно, Соловьевъ затруднялся публично *говорить* о хорошо извѣстномъ ему вопросѣ. Онъ ли не зналъ вопроса о Петрѣ Великомъ и его реформѣ, напечатавши до 1872 г. не только нѣсколько монографій по исторіи Петра, но цѣлыхъ четыре тома исторіи всего его царствованія, а въ началѣ 1872 г. читавши о немъ рядъ публичныхъ лекцій.

Въ Нескучномъ я былъ у Соловьева два раза. Особенно памятно мнѣ послѣднее изъ этихъ посѣщеній, въ которое я обѣдалъ у Сергѣя Михайловича. Здѣсь было въ сборѣ все его семейство, и тогда я впервые познакомился съ сыномъ его, философомъ Влад. Серг. Соловьевымъ. Во время обѣда Сергѣй Мих. почти все время молчалъ, изрѣдка только вставляя фразы въ общій разговоръ. Зато не умолкалъ его зять, Нилъ Александровичъ Поповъ.

Прѣѣздомъ черезъ Москву въ Петербургъ, въ августѣ 1876 г., я посѣтилъ Соловьева. Въ этотъ разъ я видѣлъ его въ исключительномъ для него расположеніи духа: онъ вышелъ изъ своего общаго спокойствія и былъ очень раздраженъ. Что же могло такъ возмутить его, этого уравновѣшеннаго человѣка? Соловьевъ только-что вернулся изъ Петербурга, съ засѣданія университетской комиссіи, которая, подъ предсѣдательствомъ И. Д. Делянова, имѣла задачей уже въ то время передѣлку университетскаго устава 1863 г. Соловьевъ въ волненіи ходилъ по своему кабинету, передавая мнѣ подробности изъ дебатовъ въ комиссіи, и съ горечью въ голосѣ произнесъ:

— Я имъ сказалъ, что чиновниковъ вродѣ тѣхъ, которые у нихъ пользуются особымъ довѣріемъ и сидятъ въ ихъ комиссіи, они всегда найдутъ, а профессоровъ найти не такъ легко!..

Онъ назвалъ фамилію чиновника министерства народнаго просвѣщенія, который, занимая въ то время высокій служебный постъ въ министерствѣ, игралъ въ комиссіи особо вліятельную роль.

Вскорѣ послѣ этого Соловьевъ оставилъ службу въ московскомъ университетѣ, но продолжалъ въ немъ чтеніе лекцій въ качествѣ частнаго преподавателя.

Зиму 1877—1878 гг. я провелъ въ Петербургѣ, занимаясь въ тамошнихъ архивахъ, главнымъ образомъ въ государственномъ, для моей докторской диссертациі о воцареніи императрицы Анны Іоанновны. Соловьевъ работалъ въ томъ же архивѣ по эпохѣ Екатерины II для продолженія своей „Исторіи Россіи“, выпустивъ въ свѣтъ въ 1877 году 27-й томъ этой исторіи. Соловьевъ интересовался моими занятіями и спрашивалъ меня неоднократно, что я нахожу „новаго“ по тому вопросу, который онъ уже рассмотрѣлъ въ своей исторіи.

— Я не имѣлъ возможности останавливаться на многихъ деталяхъ, которыя очень важны,—говорилъ онъ,—потому что вообще планъ моей „Исторіи Россіи“ не позволялъ этого. Хочется закончить обзоромъ царствованія Екатерины II и дать общій очеркъ царствованія Павла Петровича, остановивъ наконецъ свою работу на порогѣ XIX вѣка. Усталъ. Но не знаю, удастся ли мнѣ это!

Соловьеву не удалось выполнить его программы: 29-й томъ „Исторіи Россіи“ былъ изданъ его семействомъ уже послѣ его кончины. Въ немъ внѣшнія событія доведены до Кучукъ-канарджійскаго мира, а внутреннія—до кануна Пугачевщины.

По вопросамъ изъ моей докторской диссертациі изрѣдка разговаривали мы съ Соловьевымъ въ государственномъ архивѣ, но

то не были тѣ оживленныя и непринужденныя бесѣды, какія велись у меня, десять лѣтъ тому назадъ, съ Костомаровымъ въ Публичной библіотекѣ. Медленно, спокойно входилъ Соловьевъ въ залу государственнаго архива; садился за свой столикъ и молча дѣлалъ выписки и отмѣтки изъ лежавшихъ передъ нимъ документовъ. Ни слова не проронить онъ во время своихъ занятій. Только, бывало, слышишь шелестъ перевортываемыхъ имъ листовъ. Когда онъ окончить очевидно заданный себѣ дневной урочъ, сдѣлаетъ опредѣленные на день выписки, тогда онъ встанетъ, аккуратно сложитъ документы въ картонъ и столь же спокойно, не торопясь, какъ вошелъ въ залу, такъ и уходитъ изъ нея.

Короткіе разговоры то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ работавшихъ въ архивѣ, въ томъ числѣ и со мной, происходили обыкновенно или до начала его занятій, или по окончаніи ихъ.

Послѣдній разъ я видѣлся съ Соловьевымъ въ Москвѣ, лѣтомъ 1878 года. Санъ-стефанскій миръ, закончившій турецкую войну, былъ заключенъ, и „освобожденная“ Болгарія должна была начать самостоятельную политическую жизнь въ формѣ конституціоннаго княжества. Помню, какъ у Соловьева вечеромъ собралось довольно большое общество. Находился тутъ и его старшій сынъ, Всеволодъ Сергѣевичъ, авторъ многочисленныхъ историческихъ романовъ; въ то время онъ служилъ, сколько помнится, или въ государственной канцеляріи, или въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Разговоръ касался преимущественно только-что оконченной войны и дальнѣйшей политической жизни Сербіи, Болгаріи и Румыніи. Рѣчь, разумѣется, зашла и о болгарской конституціи.

— Трудное это дѣло — сказалъ кто-то. — Какъ-то устроится на правовыхъ политическихъ основахъ народъ, не только не привыкшій ни въ какой государственной формѣ, но еще сегодня только вышедшій изъ рабства.

— А это вотъ вы у *нихъ* спросите, — обратился Сергѣй Михайловичъ къ сыну. — *Они* тамъ въ канцеляріи, — продолжалъ онъ иронически, — пишутъ болгарскую конституцію, взявши за образецъ бельгійскую.

Въ 1879 году, лѣтомъ, я снова былъ въ Москвѣ, но уже не могъ видѣть Сергѣя Михайловича: онъ былъ опасно боленъ и скончался 4-го октября этого года.

Д. Корсаковъ.

Казань, 1906.

Д Е Б Р И

РОМАНЪ.

— Upton Sinclair. The Jungle. London 1906 (W. Heinemann).

V *).

Домъ былъ купленъ, но прежде, чѣмъ переѣзжать въ него, нужно было обзавестись мебелью и хозяйствомъ. Это не представляло никакой трудности. Стоило пройти по главной улицѣ фабричнаго района, читая вывѣски и объявленія, или же пройтись въ электрическомъ трамваѣ, чтобы узнать точнѣйшимъ образомъ, что нужно для полнаго человѣческаго благополучія во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Заботы разныхъ благодѣтелей о здоровьи и удобствахъ ближнихъ были положительно трогательны. Хотите курить—на каждомъ шагѣ вамъ мозолятъ глаза объявленія о лучшихъ въ мірѣ сигарахъ и папиросахъ: „пятипроцентныя перфекто Джеферсона“; зачѣмъ же покупать другія! Хотите бросить курить?—вотъ объявленіе о порошкахъ съ ручательствомъ, что восемь дозъ вылечатъ васъ навсегда. И такъ относительно всего: всѣ потребности, всѣ желанія пріѣзжаго предусмотрѣны, всѣ мѣры приняты къ тому, чтобы ему жилось легко и пріятно. Стиль объявленій въ фабричномъ районѣ Чикаго—совершенно особый, приспособленный къ характеру населенія, необыкновенно участливый.—Ваша жена блѣдна?—спрашиваютъ васъ.—Подавлена, едва волочить ноги, все не по ней, не правда ли? Почему же не попробуете полечить ее „жизненнымъ эликсиромъ“ д-ра Чанагана? Другое объявленіе шуточное; въ немъ васъ точно по плечу хлопаютъ: „Не зѣвайте, бѣгите скорѣе купить мозольную

*) См. выше: августъ, стр. 687.

мазь Голіааа!“. Или же: „Да ну, прибавьте шагу! Чего ползете какъ черепаха? Ходить быстро не мудреная штука; нужно только носить сапоги Эврика въ два съ полтиной“.

Наши литовскіе друзья особенно заинтересовались однимъ объявленіемъ: на немъ была картинка съ изображеніемъ двухъ хорошенъкихъ птичекъ, вьющихъ себѣ гнѣздо. Марія попросила одну знакомую прочесть, что написано подъ картинкой, и рассказала своимъ, что это объявленіе магазина, гдѣ можно купить домашнюю обстановку по очень сходной цѣнѣ. „Свейте себѣ гнѣздышко“, говорилось въ объявленіи, „вы можете купить полную обстановку для четырехъ комнатъ за семьдесятъ-пять долларовъ“. Вначалѣ, какъ излагалось подробно въ объявленіи, нужно было внести только небольшую часть этой суммы, а затѣмъ выплачивать по нѣскольку долларовъ въ мѣсяцъ. Это имъ оказалось очень на руку. Они всѣ порастратили свои маленькія сбереженія, такъ что могли купить обстановку только на выплату. Этотъ выходъ былъ для нихъ спасительнымъ. Домъ былъ вскорѣ обставленъ всѣмъ необходимымъ—отъ мебели до посуды включительно. Когда все было разставлено, развѣшано и разложено по мѣстамъ, когда Юргисъ перенесъ самъ на плечахъ весь ихъ скарбъ отъ пани Аньели,—ему пришлось два раза продѣлать довольно длинный путь съ тяжелыми узлами платья, тюфяковъ и подушекъ на спинѣ,—вся семья почувствовала себя наверху блаженства. Несмотря на всѣ свои недостатки, ихъ домикъ имѣлъ теперь очень привлекательный, уютный видъ—совсѣмъ какъ на картинкѣ. Кузина Марія сочла необходимымъ посидѣть поочередно на каждомъ стулѣ и заставила Юргиса продѣлать то же самое; одинъ стулъ даже затрещалъ подъ его тяжестью, и всѣ очень перепугались. Дѣти прыгали отъ радости по комнатамъ, а Юргисъ и Она долго сидѣли рядышкомъ, держась за руку, и радовались близкому осуществленію своихъ надеждъ. Теперь уже можно будетъ скоро отпраздновать свадьбу. Маленькая комната наверху предназначена была для нихъ.

И долго еще послѣ переѣзда вся семья занималась украшеніемъ домашняго очага, прикупая то тѣ, то другое по хозяйству. И какая бы это мелочь ни была,—солонка ли, или нѣсколько самыхъ простыхъ стакановъ,—покупка торжественно разсматривалась всѣми и возбуждала дикіе восторги дѣтей. Покупать ходили всегда Юргисъ и Она, и конечно, только по субботамъ, послѣ работы. Много веселой суматохи было съ вбиваніемъ гвоздей; вся семья обсуждала, гдѣ ихъ вбить въ спальняхъ и въ кухнѣ. Затѣмъ нужно было рѣшить, гдѣ кому спать, такъ какъ отдѣль-

нихъ кроватей не хватало для всѣхъ членовъ семьи, вопреки общаніямъ полной обстановки. Столовый столъ поэтому поставили въ кухнѣ, а столовая превращена была въ спальню тети Елизаветы съ ея пятью дѣтьми. Она сама и двое младшихъ спали на кровати, а остальные трое на тюфякѣ, который клали прямо на полъ. Марія и Она устраивались на ночь въ гостиной, а тремъ мужчинамъ и старшему мальчику отведена была вторая комната, — причемъ всѣ они ложились прямо на полъ. Это не мѣшало имъ спать очень крѣпко, и тетѣ Елизаветѣ приходилось недолго стучать въ дверь, когда она будила ихъ по утрамъ въ четверть шестого. Она готовила имъ къ завтраку горячій чернѣй кофе, овсянку, хлѣбъ и сосиски, а на обѣдъ давала съ собой въ жестянахъ хлѣбъ съ саломъ, лукъ и сыръ.

Теперь наконецъ Юргисъ имѣлъ случай убѣдиться, что бываетъ работа, отнимающая всѣ силы у человѣка. Когда онъ глядѣлъ на работу въ бойнѣ сверху, съ галереи для зрителей, его поражали только быстрота и ловкость движеній; люди казались какими-то изумительно точными машинами. Но теперь, когда онъ снялъ куртку и сталъ самъ на работу внизу, все представилось въ другомъ свѣтѣ — онъ увидѣлъ самую сущность дѣла. Быстрота работы требовала напряженія всѣхъ силъ и способностей. Съ того момента, какъ падалъ на земь первый быкъ, оглушенный ударомъ молота, и до обѣденнаго свистка въ полдень, а затѣмъ отъ половины перваго до самаго вечера не было ни минуты отдыха ни для рукъ, ни для глазъ, ни для головы. Юргисъ понималъ теперь, какъ достигается такая быстрота. Для той работы, которая опредѣляла скорость всей остальной процедуры, выбирали особенно сильныхъ людей; имъ платили больше, чѣмъ другимъ, и ихъ часто мѣняли. Ихъ сейчасъ же можно было отличить отъ другихъ; они работали на глазахъ у надзирателей съ бѣшенною быстротой. Это называлось „подгонять работу“, и если кто-нибудь изъ остальныхъ не могъ угнаться за ними, его сейчасъ рассчитывали — на его мѣсто было достаточно охотниковъ въ толпѣ, стоявшей у воротъ по утрамъ.

Юргисъ ничего не имѣлъ противъ такой быстрой работы. Онъ былъ сильнѣе другихъ и легко поспѣвалъ за товарищами; онъ могъ бы даже обогнать ихъ, еслибы это требовалось. Работа его была, конечно, не изъ пріятныхъ; но вѣдь кому-нибудь нужно было ее исполнять, а платили за нее хорошо, такъ что онъ не считалъ себя вправѣ жаловаться. Но когда онъ говорилъ въ такомъ духѣ о своей работѣ товарищамъ, на него посматривали съ неприязнью. Онъ скоро убѣдился, что всѣ ненавидятъ свою

работу и все связанное съ ней — хозяевъ, надзирателей, весь фабричный районъ, все Чикаго. Даже женщины и дѣти возмущались и говорили, что на фабрикахъ продѣлываются невообразимыя гадости. Но когда Юргисъ начиналъ допытываться, въ чемъ собственно дѣло, на него смотрѣли съ недовѣріемъ и уклончиво отвѣчали, что онъ самъ все узнаетъ современемъ.

Черезъ нѣсколько времени Юргису предложили вступить въ рабочій союзъ, но онъ никакъ не могъ понять цѣль этого союза. Когда ему стали говорить о борьбѣ рабочихъ за свои права, онъ искренно удивился и спросилъ, о какихъ такихъ правахъ они говорятъ? Онъ зналъ только про одно право — искать работу и исполнять ее, когда она у него есть. Его наивность раздражала товарищей, и одинъ ирландецъ, членъ комитета, обозвалъ его дуракомъ, когда онъ отказался вступить въ союзъ, узнавъ, что нужно уплатить членскій взносъ. Юргисъ въ свою очередь взбѣсился, и тогда ирландецъ понялъ, что угрозами съ такимъ силачомъ ничего не подѣлаешь. Юргисъ постепенно уяснилъ себѣ, что борьба ведется главнымъ образомъ противъ возмутительной системы „подгонять“ работу на бойнѣ до того, что иные тутъ же падали отъ изнеможенія. Но Юргисъ не сочувствовалъ протестамъ. Ему работа была вполне по плечу, а слабше пусть ищутъ другого дѣла полегче. Политической экономіи Юргисъ, конечно, не изучалъ, и о „laissez faire“ не имѣлъ представленія, но у него было достаточно жизненнаго опыта, чтобы знать, что каждый долженъ заботиться о себѣ и что другіе за него не отвѣтчики.

Въ своихъ разсужденіяхъ и чувствахъ Юргисъ, однако, не обнаружилъ большой послѣдовательности. Принципіально онъ готовъ былъ осудить на погибель всѣхъ слабыхъ и неспособныхъ къ работѣ, а самъ въ то же время болѣлъ душой за отца, которому все не удавалось пристроиться. Старикъ Антонъ былъ усердный работникъ съ малыхъ лѣтъ и отличался рѣдкой честностью и исполнительностью. А теперь, на старости лѣтъ, онъ вдругъ оказался выброшеннымъ на улицу. Ему не было мѣста въ жизни, — какъ больной собакѣ. Хорошо, что у него была семья, которая его кормила. Но Юргисъ думалъ о томъ, что стало бы со старикомъ, не будь у него опоры въ сынѣ. Антонъ Рудкусъ обошелъ всѣ фабрики, всѣ мастерскія, магазины, оптовые склады, кабаки, прося какой бы то ни было работы. Но ему всюду отказывали, а иногда даже прогоняли съ руганью.

Вѣра Юргиса въ благоустройство американской жизни еще болѣе пошатнулась, когда отецъ его поступилъ наконецъ на

мѣсто: условія, на которыхъ ему доставили работу, были возмутительными. Однажды вечеромъ Антонъ Рудкусъ пришелъ домой сильно возбужденный и рассказалъ слѣдующее: на фабрикѣ Дургема, въ корридорѣ у копильни, къ нему подошелъ человѣкъ и сказалъ, что опредѣлить старика на мѣсто, если онъ согласенъ отдавать ему треть своего заработка. Старикъ спросилъ его, состоитъ ли онъ служащимъ на фабрикѣ, но онъ отвѣтилъ, что это никого не касается; обѣщаніе свое онъ можетъ сдержать, и этого достаточно.

Юргисъ узналъ отъ знакомыхъ, главнымъ образомъ отъ музыканта Тамошиса Кушлейки, работавшаго въ убойной камерѣ, что таковъ обычный пріемъ надзирателей. Они обираютъ черезъ своихъ посредниковъ рабочихъ, чтобы увеличить такимъ путемъ свои доходы. Подкупы, эксплуатація, шантажъ практикуются здѣсь всѣми служащими. Система у всѣхъ одна и та же: выжимать наибольшее количество работы изъ человѣка за наименьшую плату и пользоваться всякой возможностью эксплуатировать подчиненныхъ. Рабочіе тоже относятся другъ къ другу недоувѣрчиво и недоброжелательно: каждый боится потерять работу, если другой его обгонитъ. Каждая фабрика—котель, гдѣ кипятъ низменные страсти соперничества и ненависти. Человѣческое достоинство ни въ грошъ не ставится, честности въ поминѣ нѣтъ. Такъ велось дѣло съ самаго основанія фабрики, отцомъ теперешняго владѣльца, а сынъ его унаслѣдовалъ принципы отца вмѣстѣ съ его милліонами. Кушлейка увѣрялъ Юргиса, что онъ самъ современемъ убѣдится въ правдѣ его словъ. Онъ увидитъ, что здѣсь могутъ преуспѣть только негодяи и обманщики. Если же человѣкъ хочетъ приносить пользу и честно работать, то ему не мѣсто на чинагскихъ фабрикахъ. Здѣсь живутъ только такіе люди, какъ тотъ, который предлагалъ мѣсто старику Антону, или же доносяки и лгуны. А человѣка честнаго, работающаго здѣсь будутъ „подгонять“ и выжмутъ изъ него всѣ силы.

Юргисъ пришелъ въ ужасъ отъ обвиненій Тамошиса, но утѣшалъ себя тѣмъ, что это онъ говоритъ какъ плохой работникъ. Онъ играетъ по цѣлымъ ночамъ на свадьбахъ да на вечеринкахъ, и конечно работа ему въ тягость. Потому онъ и ругается. Къ тому же онъ такой тщедушный,—гдѣ ему угнаться за настоящими работниками! Однако съ каждымъ днемъ Юргисъ узнавалъ все больше и больше подробностей, приводившихъ его въ большое уныніе, и сталъ думать, что Тамошисъ-то, пожалуй, правъ.

Отецъ Юргиса не послушался совѣтовъ сына и согласился

платить посреднику. Тогда его въ тотъ же день опредѣлили на мѣсто въ копильнѣ—въ подвальномъ этажѣ фабрики. Тамъ было очень сыро. Во всей комнатѣ не было сухого мѣста, гдѣ поставить ноги, и весь заработокъ первой недѣли ушелъ у старика на покупку сапогъ съ толстыми подошвами. Работа эта заключалась въ томъ, чтобы ходить съ губкой, насаженной на длинную палку, и вытирать полъ.

Антонъ Рудкусъ былъ человѣкъ мягкій по природѣ, но вонъ уже послѣ двухъ дней работы принялся ругать и проклинать Дургэма и его фабрику. Когда онъ сталъ рассказывать дома подробности своей работы, вся семья пришла въ ужасъ. Ему поручена была чистка траповъ, въ которые спускались отбросы съ верхняго этажа. Работалъ онъ въ комнатѣ, гдѣ мясо препарировалось для консервовъ. Мясо стояло въ чанахъ съ химическими растворами; его оттуда вынимали большими вилами и клали на тачки для перевоза въ отдѣленіе, гдѣ оно варилось. Вынувъ изъ чановъ все, что можно было ловить вилами, рабочие опрокидывали чаны на полъ, подбирали лопатами остатки съ полу и тоже клали на тачки. Полъ покрывался густымъ слоемъ грязи, и Антонъ долженъ былъ вылавливать губкой отбросы изъ этой грязи и спускать ихъ черезъ отверстіе въ трубу, ведущую въ особый бассейнъ; тамъ ихъ подбирали и снова выжимали. Кромѣ того, въ самой трубѣ устроена была еще сѣтка, задерживающая твердыя частицы. Трубу эту старикъ долженъ былъ вычищать разъ въ два-три дня, собирать отбросы въ ней и класть ихъ на тележки съ мясомъ для консервовъ.

Вотъ что пришлось наблюдать Антону, работавшему въ подвалѣ. Остальные члены семьи тоже возвращались каждый съ рассказами о разныхъ ужасахъ. Марія работала на одной изъ мелкихъ фабрикъ и чрезвычайно гордилась тѣмъ, что такъ много зарабатываетъ, раскрашивая жестянки. Но однажды ее землячка, блѣдная, болѣзненная Ядвига Марцикусъ, рассказала ей, когда онѣ вмѣстѣ возвращались домой, какъ ей досталось ее мѣсто. Предшественница Маріи, по словамъ Ядвиги, была ирландка. Она работала на этой фабрикѣ съ самаго ея основанія, уже лѣтъ пятнадцать. Теперь у нея развилась чахотка, и ее постоянный кашель мѣшалъ другимъ работать. У нея былъ незаконный сынъ, калѣка, котораго она безумно любила. Когда Марія пришла просить работы, надзирательница обрадовалась возможности замѣнить плохую работницу другой, болѣе сильной и здоровой,—ей вѣдь тоже дана была инструкція „подгонять“. Ей, конечно, не было никакого дѣла до того, что ирландка нажила свсю

болѣзни на этой же фабрикѣ,—она даже, быть можетъ, не знала этого, такъ какъ сама служила тутъ года два-три, не больше. О томъ, что сталося теперь съ бѣдной ирландкой, Ядвига не могла сказать, такъ какъ сама все хворала. У нея образовалась какая-то внутренняя болѣзнь отъ того, что она по цѣлымъ днямъ держала въ рукахъ жестянки въ четырнадцать фунтовъ вѣсомъ.

Ионасъ тоже обязанъ былъ своимъ мѣстомъ несчастію другого человѣка. Его работа заключалась въ томъ, чтобы доставить повозки съ окороками изъ копильни на элеваторъ, а оттуда въ упаковочную. Повозки были тяжелыя, желѣзныя, и окорока накладывались на нихъ въ три ряда, такъ что въ общемъ получалась тяжесть болѣе чѣмъ въ четверть тонны. Къ тому же при неровности половъ самое трудное было сдвинуть повозку съ мѣста. Сдвинувъ ее, уже нужно было стараться довести до мѣста, не останавливаясь, чтобы не начинать самого труднаго сызнова. Надзиратели подгоняли, ругались, давали кулакомъ въ спину, если рабочіе были литовцы или словаки. Повозки поэтому катились съ невообразимой быстротой, и одна изъ нихъ задавила на пути предшественника Ионаса, придавивъ его къ стѣнѣ.

Все это было ужасно,—но то, что Юргисъ вскорѣ увидалъ самъ, было еще гораздо хуже. Въ качествѣ „потрошителя“ онъ съ перваго же дня былъ посвященъ въ одно изъ мошенничествъ, практикуемыхъ на фабрикѣ. Извѣстно, что мясо тельной коровы не годится въ пищу. Каждый день среди пригоняемаго на убой скота были и такіе непригодныя коровы. Можно было бы, конечно, продержать ихъ на скотномъ дворѣ, пока онѣ отелются. Но это было бы излишней возней, и во избѣжаніе ея ихъ приводили въ убойную камеру вмѣстѣ съ другими. Объ этомъ только предупреждали надзирателя; въ надлежащій моментъ онъ начиналъ разговаривать съ инспекторомъ и уводилъ его пройти, — а тельную корову тѣмъ временемъ убивали и потрошили. На обязанности Юргиса лежало сплавлять внутренности—вмѣстѣ съ теленкомъ—въ нижній этажъ, гдѣ и мясо, и кожа теленка подвергались надлежащей обработкѣ.

Разъ одинъ рабочій поскользнулся и повредилъ себѣ ногу; Юргису поручено было замѣстить его въ исполненіи какого-то дѣла, которое совершалось послѣ ухода всѣхъ рабочихъ. Было уже поздно, почти темно, инспектора ушли, и рабочихъ оставалось всего человѣкъ двадцать, не больше. Въ этотъ день убито было около четырехъ тысячъ головъ скота; всѣ они привезены были изъ далекихъ штатовъ и многіе были изувѣчены. У однихъ были сломаны ноги, у другихъ изранены бока, и нѣкоторые уже

пали отъ неизвѣстныхъ причинъ. А теперь ихъ всѣхъ подняли по особому элеватору въ убойную камеру и всѣхъ зарѣзали и выпотрошили съ полнымъ спокойствіемъ и обычной быстротой; — видно было, что это было привычнымъ дѣломъ. Часа черезъ два туши уже были въ холодильнѣ, и ихъ нарочно такъ развѣстили промежъ другихъ, здоровыхъ, чтобы онѣ не бросались въ глаза. Послѣ этой работы Юргисъ вернулся домой очень мрачный, удивившись наконецъ, что его вѣра въ Америку дѣйствительно должна казаться смѣшной людямъ, знающимъ дѣйствіе порядки.

VI.

Юргисъ и Она очень любили другъ друга и уже два года ждали возможности жениться. Все, что происходило, даже безобразія на скотныхъ дворахъ, интересовали Юргиса лишь посколькѣ они касались его женитьбы. Онъ бы давно обвѣнчался, но тетя Ельзбета и старикъ Антонъ ни за что не соглашались на скромное вѣнчаніе безъ свадебнаго пира. Они и такъ опасались, что молодежь совершенно забудетъ завѣты родины. Тетя Ельзбета настояла поэтому на томъ, чтобы вся семья ходила по воскресеньямъ въ церковь, и кромѣ того она купила и поставила на каминѣ въ гостиной гипсовое изображеніе ясель Господнихъ съ фигурами Богородицы съ Младенцемъ и волхвовъ. Ей казалось, что деньги, потраченные на это украшеніе, не потеряны, что онѣ какимъ-нибудь таинственнымъ образомъ будутъ имъ возмѣщены.

Они, конечно, считали, что расходы по свадьбѣ тоже покроются потомъ взносами гостей, но все-таки нужно было имѣть деньги на предварительныя затраты, — кредита вѣдь у нихъ здѣсь не могло быть. Юргисъ и Она сдѣлали самый точный подсчетъ, — и оказалось, что меньше двухъ сотъ долларовъ свадьба не можетъ обойтись. Кое-что имъ могъ одолжить Шедвила, затѣмъ Іонасъ и Марія охотно давали имъ въ долгъ всѣ свои сбереженія, но этого не хватало; приходилось ждать мѣсяца четыре или пять, прежде чѣмъ удастся собрать недостающую сумму. Тогда и Она рѣшила поискать занятій гдѣ-нибудь на фабрикѣ, считая, что своими заработками она сможетъ ускорить свадьбу на два мѣсяца. На этомъ они порѣшили и успокоились, готовясь терпѣливо ждать. Но вдругъ новая катастрофа надолго разсѣяла ихъ надежды.

По сосѣдству съ ними жила одна литовская семья — восьмь-

десятилѣтняя „бабушка Маюшкене“ съ сыномъ. Они свели знакомство, и старуха стала имъ рассказывать вещи, отъ которыхъ у нихъ стыла кровь. Она-то сама такъ долго жила среди постоянныхъ несчастій, что свыклась съ ними и говорила, о го-лѣдѣ, болѣзни и смерти, какъ другіе говорятъ о свадьбахъ и праздникахъ. Она стала мало-по-малу разоблачать имъ правду, и съ каждымъ ея словомъ рушилась какая-нибудь изъ ихъ надеждъ. Прежде всего оказалось, что домъ ихъ вовсе не новый, а построенъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ; его только перекрашивали заново каждый годъ или каждые два года, такъ какъ краска дольше не держалась. Такіе дома строились всегда по цѣлому ряду сразу—все съ цѣлью грабить бѣдныхъ людей. Вотъ съ нихъ берутъ за ихъ домикъ полторы тысячи, а хозяину онъ новый стоилъ не болѣе пятисотъ долларовъ. Бабушка Маюшкене говорила объ этомъ съ полной увѣренностью, такъ какъ знала подрядчика, строившаго эти дома; онъ принадлежалъ къ той же политической организаціи, въ которой состоялъ членомъ сынъ старухи. Матеріалъ для постройки брался самый дрянной,—старались только придать постройкѣ красивую внѣшность. Вѣдь она-то это хорошо знаетъ,—они купили свой домъ на тѣхъ же основаніяхъ. Но они надули хозяина. Сынъ ея зарабатываетъ сто долларовъ въ мѣсяцъ и не женатъ; поэтому они смогли выплатить весь долгъ хозяину.

На вопросъ, почему выплатить значить надуть хозяина, старуха объяснила, что предприниматели рассчитываютъ главнымъ образомъ на то, что покупатели не смогутъ выплатить до конца мѣсячные взносы, — а если пропустить хоть одинъ мѣсяцъ, то всѣ сдѣланные взносы потеряны, и домъ снова переходитъ къ прежнему владѣльцу. — Неужели же это бываетъ? — спросила съ ужасомъ тетя Елизабета. — Еще бы! Да вотъ хоть бы ихъ домъ. — Бабушка вѣдь знала всѣхъ жившихъ въ немъ до нихъ. Четыре семьи пытались приобрести его въ собственность, но ни одной это не удавалось, и домъ опять переходилъ къ прежнему хозяину. Она имъ подробно рассказала про прежнихъ жильцовъ. Всѣ они были иностранцы, — фабрики стараются черезъ своихъ агентовъ собрать сюда бѣдняковъ со всѣхъ странъ, нѣмцевъ, ирландцевъ, а еще охотнѣе поляковъ, литовцевъ и словаковъ, потому что они самые беспомощные изъ всѣхъ эмигрантовъ, и ихъ можно эксплуатировать сколько угодно. Ихъ приманивали рассказами о большихъ заработкахъ — про дороговизну жизни имъ не говорили. А пріѣхавъ сюда, они уже были въ западнѣ; изъ нихъ выжимали всѣ силы, а потомъ вы-

гоняли на всѣ четыре стороны. Первые покупатели дома, который перешелъ теперь къ Рудкусамъ, были нѣмцы. Отецъ былъ честный, хорошій работникъ. Онъ уже выплатилъ больше половины долга, но потомъ погибъ, упавъ съ элеватора на фабрикѣ Дургэма. Домъ купленъ былъ послѣ того ирландцами. Ихъ была огромнѣйшая семья. Мужъ запивалъ, колотилъ дѣтей, и тамъ по цѣлымъ ночамъ стоялъ крикъ и вой. Ирландецъ этотъ занимался политикой, принадлежалъ къ мѣстному клубу, гдѣ скупаютъ голоса. Поэтому полиція его никогда не трогала. Когда его разъ поймали на томъ, что онъ увелъ корову у бѣдныхъ сосѣдей, онъ отбѣлался тремя днями тюрьмы и даже не потерялъ мѣста на фабрикѣ. Но онъ погибъ отъ пьянства; сынъ его поддерживалъ семью года два, потомъ умеръ отъ чахотки. Домъ этотъ какой-то злосчастный. Почему-то всѣ въ немъ заболѣвали чахоткой. Такихъ домовъ въ этомъ районѣ Чикаго множество. Иногда бываетъ такъ, что одна изъ комнатъ въ домѣ приноситъ несчастье. Кто въ ней поспитъ,—заболѣваетъ и умираетъ. Въ этомъ же домѣ было еще больше смертныхъ случаевъ, чѣмъ въ другихъ. Въ каждой семьѣ кто-нибудь умиралъ, большей частью дѣти,—и неизвѣстно, отъ чего. Впрочемъ, всѣ дѣти, работающія на фабрикахъ, не выживаютъ. Въ тѣ времена не было еще закона о дѣтскомъ трудѣ, и дѣтей брали на работу совсѣмъ крошками. Теперь, вотъ, постановлено, что до шестнадцати лѣтъ не принимаютъ на фабрики.

— Да неужели?—спросилъ Юргисъ. Они было - собирались пристроить гдѣ-нибудь маленькаго Станислава. Старуха ихъ успокоила.—Законъ ничего не мѣняетъ,—объяснила она.—Его обходятъ, прибавивъ нѣсколько лѣтъ ребенку. Какъ не посылать дѣтей на работу при такой нищетѣ?—Къ тому же дѣтямъ легче достать работу на фабрикахъ, чѣмъ взрослымъ. Тамъ постоянно ставятъ какія-нибудь новыя машины, которыми можетъ управлять каждый ребенокъ, и хозяева предпочитаютъ пользоваться болѣе дешевымъ дѣтскимъ трудомъ.

Старуха принялась снова рассказывать ужасы о всѣхъ дальнѣйшихъ обитателяхъ „новаго“ дома. Слушатели ея не знали, правда ли все это, или она преувеличиваетъ, но имъ становилось страшно. Вотъ она все про чахотку говоритъ. Они ничего не знали о чахоткѣ, кромѣ того, что отъ нея кашляютъ,—а дѣдъ Антонъ вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ не перестаетъ кашлять. Но все это поблѣднѣло передъ тѣмъ, что они узнали въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ бабушкой Маюшкене. Они стали ее спрашивать, почему никто изъ прежнихъ покупателей не смогъ выпл-

тить всего долга, и стали доказывать цифрами, что это вполне возможно. Но старуха заспорила:—Вы считаете только двѣнадцать долларовъ въ мѣсяцъ,—сказала она—А проценты?

— Какіе проценты?—съ ужасомъ спросили они хоромъ.—Мы условились платить двѣнадцать долларовъ въ мѣсяцъ—и ни гроша больше.

Она разсмѣялась.—Ну, конечно,—сказала она.—Васъ обманили, какъ и всѣхъ до васъ. Старая исторія! Вѣдь за срочку платежа всегда взимаются проценты. Прочтите хорошенько условіе.

Тетя Ельзета, охваченная ужасомъ, вынула бумагу, доставившую имъ уже и до того столько горя, и дала старухѣ, которая сейчасъ же нашла, чего искала.—Ну, конечно, посмотрите,—сказала она.—Вотъ же тутъ стоятъ: „съ мѣсячной уплатой процентовъ изъ семи годовыхъ“.

— Чтѣ это значить?—прошепталъ Юргисъ послѣ долгаго молчанія.

— Это значить, что въ слѣдующій мѣсяцъ, кромѣ двѣнадцати долларовъ, вамъ еще придется заплатить процентовъ восемь долларовъ и сорокъ центовъ.—Опять всѣ долго молчали отъ ужаса. Они точно упали на дно пропасти, и почувствовали себя въ когтяхъ беспощадной судьбы. Они попали въ западню и осуждены на гибель. Наконецъ тетя Ельзета начала громко стонать, а Марія заломила руки и стала рыдать. А бабушка Машкене, явившаяся къ нимъ какъ воплощеніе горькой судьбы, продолжала втолковывать имъ о томъ, какъ ихъ надули. Наконецъ злобѣщая гостья ушла, но они провели весь вечеръ въ слезахъ и жалобахъ на судьбу. Дѣти проснулись и тоже стали плакать.

Но слезами, конечно, нельзя было помочь горю. Съ утра всѣ пошли на работу,—на фабрикахъ никому не было дѣла до ихъ печалей. Тетя Ельзета и Она отправились къ агенту, и стали громко осыпать его упреками. Онъ спокойно заявилъ имъ, что проценты, конечно, должны быть уплачены, и что онъ объ этомъ не говорилъ раньше, такъ какъ это само собой разумѣлось. Около полудня Она пошла на фабрику Дургэма и во время обѣденнаго перерыва сообщила Юргису о печальномъ результатѣ свиданія съ агентомъ. Юргисъ уже заранѣе предвидѣлъ это и выслушалъ ее спокойно.—Я буду больше работать,—сказалъ онъ, повторяя свою обычную успокоительную фразу. Но они тутъ же рѣшили, что и маленькаго Станислава нужно будетъ опредѣлить куда-нибудь, и что сама Она тоже поищетъ работы.

Одинъ Юргисъ, очевидно, не могъ справиться за всѣхъ. Прежде онъ бы протестовалъ, но теперь долженъ былъ согласиться, въ виду обстоятельствъ.

Вскорѣ Марія узнала отъ одной знакомой, что можно достать мѣсто для Оны на фабрикѣ Броуна,—но надзирательница тамъ изъ такихъ, которымъ нужно сунуть десять долларовъ въ руку, прежде чѣмъ начать переговоры. Юргисъ уже не возмущался; онъ только освѣдомился о размѣрахъ платы, и рѣшилъ, что стоитъ попытаться. Послѣ перваго разговора съ надзирательницей Она вернулась домой обнадеженная. Надзирательница была съ ней очень любезна, сказала, что поручить ей шить чехлы для окороковъ; этимъ она сможетъ заработать около десяти долларовъ въ недѣлю. Послѣ обсужденія вопроса на семейномъ совѣтѣ, рѣшено было принять предложеніе, и Она отправилась на вторичное свиданіе съ надзирательницей, зажавъ въ рукѣ десять долларовъ.

Маленькаго Станислава тетя Ельзбета повела прежде всего къ священнику, чтобы получить отъ него свидѣтельство о томъ, что мальчику шестнадцать лѣтъ,—хотя ему въ дѣйствительности было на два года меньше. И съ этимъ свидѣтельствомъ мальчикъ вступилъ въ жизнь. Случилось какъ разъ, что у Дургема завели новую машину для собиранія сала, и къ ней-то былъ приставленъ Станиславъ. Пройдя черезъ длинный каменный корридоръ и поднявшись на лѣстницу, мальчикъ очутился въ комнатѣ, освѣщенной электричествомъ, гдѣ стояли новыя машины для нацѣживанія сала въ жестянки. Сало приготовлялось этажемъ выше и стекало маленькими струйками, на подобіе красивыхъ, извивающихся бѣлоснѣжныхъ змѣекъ съ непріятнымъ запахомъ. Струи были разнаго вида и разной величины, но каждая автоматически останавливалась послѣ того, какъ вытекало опредѣленное количество; диковинная машина дѣлала затѣмъ поворотъ и подставляла жестянку подъ другую струю, и такъ далѣе, пока сосудъ не наполнялся до края. Для управленія этой машиной и для того, чтобы наполнить нѣсколько сотъ жестянокъ въ часъ, достаточно было двухъ человекъ, изъ которыхъ одинъ умѣлъ бы ставить пустую жестянку на опредѣленное мѣсто каждыя нѣсколько секундъ, а другой—снимать готовые жестянки и ставить ихъ на подносъ. Когда маленький Станиславъ явился туда, къ нему подошелъ смотритель и спросилъ, сколько ему лѣтъ; не удовольствовавшись его отвѣтомъ: „шестнадцать“, онъ ввѣлъ у него свидѣтельство, чтобы удостовѣриться. Во избѣжаніе всякихъ непріятностей, на фабрикахъ слѣдовали

буквъ закона; дѣйствительная правда ихъ не касалась. Смотритель показалъ мальчику, куда ставить жестянку, когда пустая ручка машины повернется къ нему, и въ эту минуту определено было мѣсто маленькаго Станислава во вселенной и его участь до конца его дней. Часъ за часомъ, изо дня въ день онъ будетъ по волѣ судьбы стоять на определенномъ мѣстѣ въ этой комнатѣ отъ семи часовъ утра до двѣнадцати, и отъ половины перваго до половины шестого, не дѣлая ни одного свободного движенія и занятый исключительно надѣживаніемъ сала въ жестянки. Лѣтомъ запахъ сала вынуждалъ тошноту, зимой жестянки почти примерзали къ пальцамъ мальчика въ нетопленномъ погребѣ. Полгода онъ не видѣлъ по буднямъ дневного свѣта. И за все это въ концѣ недѣли онъ приносилъ домой три доллара—свою долю въ общей суммѣ того, что зарабатываютъ два милліона дѣтей, работающихъ на фабрикахъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Но пока все-таки Юргисъ и Она опять нѣсколько воспріянули. Они рассчитали, что заработокъ Станислава покроетъ лишній расходъ по уплатѣ процентовъ, что такимъ образомъ положеніе ихъ не ухудшилось. Мальчикъ же радовался тому, что работаетъ и зарабатываетъ столько денегъ.

VII.

Послѣ лѣта, проведеннаго семьей Рудкусовъ въ упорной работѣ, поздно осенью въ ноябрѣ отпразднована была наконецъ свадьба Юргиса и Оны, послѣ чего у нихъ оказалась тысяча долларовъ долгу. Это было ужасно. Молодое ихъ счастье было сразу омрачено. Бичъ нужды превратилъ ихъ жизнь въ безысходные будни. На слѣдующее же утро всѣ должны были къ семи часамъ явиться на работу, въ томъ числѣ и маленький Станиславъ, совсѣмъ больной послѣ того, какъ онъ обѣлся тухой колбасой на свадьбѣ. Онъ едва держался на ногахъ, стоя у своей машины; смотритель, нѣсколько разъ толкавшій его въ бокъ, когда у него слипались глаза, чуть было не выгналъ его совсѣмъ.

Проняло около недѣли, прежде чѣмъ жизнь вошла въ обычную колею; всѣ ходили по дому подавленные и раздраженные. Юргисъ былъ еще сравнительно кротокъ, благодаря Онѣ. Одинъ ее взглядъ тушилъ въ немъ всякій гнѣвъ, если онъ даже иногда и готовъ былъ вспылить. Всѣ его мысли заняты были теперь

молодой женой. Онъ зналъ, что онъ—ея единственная опора въ жизни, и готовъ былъ вступить въ бой съ цѣлымъ міромъ для того, чтобы оградить ее отъ печали и страданій. Онъ уже утра- тилъ прежнюю вѣру въ людей. Онъ зналъ, что жизнь заклю- чается въ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, и что слабые должны погибнуть въ этой борьбѣ. Нужно поэтому относиться ко всѣмъ съ подозрѣніемъ и ненавистью, знать, что всюду обманываютъ и грабятъ, и быть на сторожѣ. Всѣ рекламы въ лавкахъ—завѣдо- мая ложь. Заборы, фонари, телеграфные столбы обвѣшаны об- явленіями, на которыхъ тоже все выдуманно съ начала до конца. Хозяева фабрикъ лгутъ, надуваютъ рабочихъ, продаютъ покупа- телямъ поддѣльный товаръ, надуваютъ и обираютъ всю страну. Все здѣсь—ложь и обманъ.

Юргисъ это зналъ и былъ готовъ въ борьбѣ, но шансы его на побѣду были слишкомъ слабы. Несмотря на всѣ его заботы о женѣ, она уже черезъ недѣлю пострадала—и очень чувстви- тельно—отъ обстоятельствъ, съ которыми онъ былъ безсиленъ бороться. Она отправилась на работу въ холодный декабрьскій ливень. Дождевого плаща у нея, конечно, не было. Юргисъ по- садилъ ее въ трамвай. Но оказалось, что на полъ-пути была пересадка,—причемъ мошенничество трамвайнаго общества за- ключалось въ томъ, что кондуктора выдавали пересадочные би- леты только по требованію пассажировъ. Застѣнчивая Она не заявила своевременно о томъ, что хочетъ пересѣсть, и не полу- чила билета на проѣздъ по второй линіи. Ей пришлось пройти остальной путь пѣшкомъ подъ дождемъ, потомъ работать въ подвальный помѣщеніи, и послѣ этого она проболѣла цѣлыми двѣ недѣли. Но она, все-таки, приходила на работу больная, такъ какъ ей не дали ни одного дня отпуска. Надзирательница стала относиться къ ней очень сурово послѣ свадьбы.

Было еще много другихъ непобѣдимыхъ бѣдствій. Почему-то всѣ дѣти постоянно болѣли. Старшіе не знали, что въ домѣ имѣется постоянный источникъ заразы въ виду отсутствія канализаціи и того, что за пятнадцать лѣтъ подъ домомъ образовалась выгребная яма, за- ражавшая воду. Не знали они также, что синеватое молоко, которое они покупали въ ближайшей молочной, было подкрашено химиче- скимъ составомъ. У себя на родинѣ тетя Ельзбета лечила дѣтей травами, которыя собирала и сушила сама, а здѣсь приходилось по- купать лекарство въ аптекѣ. И откуда ей было знать, что все, что тамъ продавалось, было поддѣльное, а также что и все остальное, чай, сахаръ, кофе, мука, было съ примѣсью всевозможныхъ вред- ныхъ суррогатовъ, что консервы зеленого горошка подкрашива-

лись мѣдными солими, варенье—анилиномъ, и что вообще ничего настоящаго нельзя было достать въ лавкахъ? Они купили зимнюю одежду, но она ихъ не грѣла, потому что ткань была сдѣлана изъ стараго трипья, прошедшаго вторично черезъ ткацкій станокъ. А еслибы они и заплатили дороже, разница была бы въ болѣе нарядной отдѣлкѣ,—материалъ всегда употреблялся самый дрянной. Во всѣхъ лавкахъ старались обмануть покупателей. Одинъ знакомый Шедвилы, приказчикъ большого магазина, рассказывалъ со смѣхомъ, какъ у нихъ надули какого-то доверчиваго покупателя. Ему нуженъ былъ будильникъ, и ему показали два совершенно одинаковыхъ, запросивъ за одинъ на полъ-доллара дороже на томъ основаніи, что будто бы онъ звонить вдвое дольше. Чтобы убѣдить въ этомъ покупателя, одинъ будильникъ завели полнымъ заводомъ, а другой—половиннымъ. Покупатель не понялъ обмана, и купилъ болѣе дорогой, говоря, что у него крѣпкій сонъ и что его нужно долго будить.

Поэты утверждаютъ, что страданія возвышаютъ человѣка,—но они, конечно, не имѣютъ при этомъ въ виду страданій, связанныхъ съ нуждой. Эти страданія до того унизительны и уродливы, что на языкѣ поэзіи для нихъ нѣтъ и словъ. Какъ, на-примѣръ, рассказавъ бы поэтъ о томъ, что домъ несчастной литовской семьи кишѣлъ паразитами, отъ которыхъ не было возможности избавиться? Они покупали разные порошки, но такъ какъ все это были патентованныя средства, то они были совершенно безвредны для насѣкомыхъ.

Много горя было со старикомъ Антономъ. Кашель его отъ работы въ сыромъ подвалѣ усиливался. Кромѣ того, ноги у него промокали, несмотря на толстыя подошвы, и впитывали всѣ сильныя химическіе составы, которые выливали тамъ на полъ. Отъ этого онъ былъ весь покрытъ нарывами и язвами. Докторъ призналъ „профессіональное отравленіе крови“ и совѣтовалъ немедленно бросить работу, а то ноги у него будутъ совсѣмъ разѣдены и пальцы станутъ сами собой отпадать. Антонъ не сдавался; обвязавъ ноги тряпками, онъ продолжалъ работать. Но это не долго продолжалось; онъ вскорѣ слегъ и у него хлынула кровь горломъ. Онъ крѣпился, и все еще надѣялся, что оправится; его увѣрили, что мѣсто осталось за нимъ, хотя въ дѣйствительности его сейчасъ же замѣнили другимъ, здоровымъ рабочимъ. Вскорѣ припадокъ кашля повторился, опять хлынула кровь, и наконецъ разъ утромъ его нашли уже холоднымъ въ постели. Времена были очень плохія, и, къ великому огорченію тети Ельзеты, старика не пришлось даже похоронить съ надле-

жащей торжественностью. Похороны были самыя скромныя, и то Юргисъ провелъ цѣлое воскресенье въ томъ, что торговался съ гробовщикомъ и могильщикомъ—въ присутствіи свидѣтелей, чтобы потомъ съ него не потребовали больше, чѣмъ было условлено. Онъ уже привыкъ къ американскимъ правамъ и зналъ, что это необходимо. Впрочемъ, для Юргиса было даже лучше, что ему пришлось торговаться и думать о дешевомъ устройствѣ похоронъ. А то бы онъ еще острѣе чувствовалъ потерю отца.

Наступила зима съ снѣжными метелями—страшное время для населенія фабричнаго района. Болѣзни, воспаления легкихъ, инфлуэнца, выскивали для своей разрушительной работы слабыя организмы. Особенно плохо приходилось теперь чахоточнымъ. Страшно было ходить на работу, въ имѣя теплой одежды,—но стояло пропустить одинъ день, чтобы уже мѣсто было занято кѣмъ-нибудь изъ толпы безработныхъ, приходившихъ каждое утро къ воротамъ фабрикъ, какая бы ни была погода. Они отмораживали себѣ руки и ноги, но приходили неизмѣнно каждый день—больше вѣдь имъ некуда было идти. Когда Дургемъ помѣстилъ въ газетахъ объявленіе, что требуется двѣсти человѣкъ для рубки льда, то цѣлый день и всю слѣдующую ночь толпы бездомныхъ и голодныхъ людей потянулись на фабрику со всѣхъ сторонъ, съ трудомъ пробираясь по глубокому снѣгу. Они заполнили станцію городской желѣзной дороги, всѣ корридоры и приѣмныя, спали, сбившись въ кучу, чтобы согрѣться. На утро у воротъ Дургема оказалось три тысячи человѣкъ. Изъ нихъ выбрали двадцать наиболѣе сильныхъ,—оказалось, что „двѣсти“ было опечаткой. Объявляли только о двадцати. Въ нѣсколькихъ миляхъ къ востоку было озеро, и оттуда дули страшные вѣтры. Морозъ доходилъ иногда до двадцати градусовъ ниже нуля и по утрамъ улицы были засыпаны снѣгомъ до оконъ перваго этажа. Пробирались по снѣгу было страшно тяжело, особенно безъ теплой одежды.

Женщинамъ и дѣтямъ было еще тяжелѣе, чѣмъ сильнымъ мужчинамъ. Иногда они ѣздили по трамваю, но при заработкѣ въ пять центовъ въ часъ маленькому Станиславу не хотѣлось платить столько же за проѣздъ. Дѣтей обматывали платками, такъ что ихъ совсѣмъ не видать было,—и все-таки случались несчастія. Разъ въ суровую стужу, въ началѣ февраля, мальчикъ, приставленный вмѣстѣ съ Станиславомъ къ машинѣ для собиранія сала, пришелъ часомъ позже на работу и сталъ кричать отъ боли. Его развернули и стали растирать изо всѣхъ силъ уши,—но они совсѣмъ отмерзли, и когда ихъ стали тереть,

они отпали. Съ тѣхъ поръ Станиславъ сталъ страшно бояться мороза, и каждое утро поднималъ вой, когда его отправляли на работу. Юргису пришлось водить его съ собой и потомъ возвращаться съ нимъ домой, неся его на плечахъ, когда снѣгъ былъ слишкомъ глубокий. Но иногда Юргисъ работалъ въ убойной камерѣ до поздняго вечера, и мальчику приходилось дожидаться его въ корридорѣ, или въ углу убойной камеры, гдѣ онъ могъ бы легко заснуть и замерзнуть.

Убойныя камеры не отапливались, и люди работали въ нихъ какъ на морозѣ. Все зданіе не отаплилось, кромѣ помѣщеній для варки и копченія, — и работавшіе тамъ подвергались наибольшей опасности простудиться, проходя по холоднымъ корридорамъ безъ куртки и жилета, иногда даже въ рубахѣ безъ рукавовъ. А въ убойныхъ камерахъ кровь животныхъ примерзала къ рукамъ рѣзниковъ. Нельзя было прислониться къ стѣнѣ или коснуться лезвія ножа безъ того, чтобы не содрать себѣ кожу. Рабочіе заворачивали ноги въ газетную бумагу и старые мѣшки, но все это пропитывалось кровью и примерзало; поверхъ промокшей бумаги наворачивалась новая, которая опять промокала. Къ концу рабочаго дня ноги у мясниковъ были какъ у слоновъ. Тайкомъ отъ надзирателей они грѣли ноги, ставя ихъ въ дымящіяся внутренности зарѣзаннаго быка, или же подъ краны горячей воды. Самое ужасное было то, что рѣзники должны были работать съ голыми руками. Руки у нихъ были бѣлыя отъ мороза, а пальцы коченѣли, — и это было причиной несчастныхъ случаевъ. Къ тому же въ воздухѣ стояла полумгла отъ испареній кипятка и горячей крови, и нельзя было видѣть на нѣсколько шаговъ впередъ себя. И если представить себѣ, что среди этой полумглы работа шла съ головокружительной быстротой, и что у каждого въ рукѣ былъ острый ножъ, то можно было только удивляться, какъ это людей не погибаетъ здѣсь столько же, сколько скота. Но со всѣмъ этимъ можно было бы еще примириться, еслибы хоть было куда пойти поѣсть во время обѣденнаго перерыва. Юргису приходилось или сѣдѣть принесенный съ собой обѣдъ тутъ же, среди грязи и зловонія убойной камеры, или же идти, какъ и всѣ, въ одинъ изъ кабаковъ по сосѣдству. Вдоль Аплендъ-Авенью, составлявшей западную границу дворовъ, шелъ непрерывный рядъ кабаковъ; ее такъ и называли „водочнымъ рядомъ“. На сѣверѣ, по Сорокъ-седьмой улицѣ, было тоже по нѣскольку кабаковъ на кварталъ. А на перекресткѣ этихъ двухъ улицъ находилась „водочная площадь“ — пространство акровъ въ пятнадцать-двадцать, на которомъ помѣщался

желатиновый заводъ и около двухсотъ кабаковъ. Изъ нихъ можно было выбрать любой, смотря по тому, гдѣ больше нравилось меню обѣда: „Тушеная капуста и горячія франкфуртскія. Пожалуйста“. „Гороховый супъ и тушеная баранина. Милости просимъ“, и т. д. Все это напечатано было на нѣсколькихъ языкахъ, и названія кабаковъ были тоже заманчивыя: „Уютный уголокъ“, „Домашній очагъ“ или же „Дворецъ наслажденій“, „Замокъ грезъ“ и т. д. Всюду усталый рабочій находилъ пріютъ, мѣстечко у печки и пріятелей. Условіе было только одно: пить. Кто приходилъ и ничего не заказывалъ, того безжалостно выгоняли на морозъ, да еще иногда пускали ему бутылкой въ голову, если онъ медлилъ уходить. Но это было извѣстно, и потому каждый пилъ. За одинъ стаканъ можно было съѣсть хорошій горячій обѣдъ — казалось какъ будто даже, что ѣда дается даромъ. Но, конечно, однимъ стаканомъ дѣло не ограничивалось. Обыкновенно пріятель подносилъ стаканчикъ, потомъ нужно было его поподчивать, а потомъ приходилъ еще кто-нибудь знакомый, и съ нимъ нужно было выпить, — лишній стаканчикъ вѣдь рабочему только впрокъ идетъ. Онъ возвращался на работу бодрѣе, забывъ про однообразіе и безнадежность своей трудовой жизни. А на дорогѣ домой послѣ работы онъ тоже заходилъ въ одинъ, другой кабачокъ погрѣться. А такъ какъ тамъ и ѣсть давали, то незачѣмъ было торопиться къ ужину домой, и онъ оставался въ кабакѣ на весь вечеръ. Тогда жена приходила за нимъ — иногда одна, иногда съ однимъ или двумя дѣтьми, — имъ тоже хотѣлось согрѣться, — такъ вся семья постепенно и спивалась. Для довершенія несчастія, на фабрикахъ платили не деньгами, а чеками. А гдѣ размѣнять чекъ, какъ не въ кабакѣ, гдѣ хозяину платили за любезность тѣмъ, что часть денегъ расходовали тутъ же.

Юргиса отъ этихъ опасностей спасала Она. За обѣдомъ онъ выпивалъ одинъ стаканъ — и не больше. На него за это косились, считали дурнымъ товарищемъ. По вечерамъ онъ прямо шелъ домой, предварительно посадивъ въ трамвай Ону и Станислава. А придя домой, онъ еще иногда шелъ по свѣгу за углемъ и тогда только возвращался отдыхать и ужинать. Но дома было не очень уютно въ эту суровую зиму. На весь домъ была только одна маленькая печка въ кухнѣ, и вокругъ нея всѣ тѣснились по вечерамъ, и тутъ же ужинали, ставя каждый тарелку на колѣни. Юргисъ и Ионасъ выкуривали свои трубки и потомъ всѣ ложились спать, не раздѣваясь и прикрываясь всѣмъ, чтó у нихъ было теплаго въ домѣ. Но холодъ былъ такой, что часто невозможно

было уснуть, и ихъ охватывало тогда полное отчаяніе. А утромъ нужно было вставать чуть свѣтъ и отправляться на работу. Съ каждымъ днемъ силы ихъ падали, и казалось, что скоро и они дойдутъ до полного изнеможенія, — какъ и другіе до нихъ.

VIII.

Но и среди этой тяжелой зимы у нихъ проснулась какая-то надежда на лучшія времена; спасительницей была на этотъ разъ Марія. Въ жизни ея произошло радостное событіе — въ нее влюбился Тамошисъ Куплейка. Маленькаго, тщедушнаго скрипача Марія привлекла сначала своей силой и энергіей. Онъ сталъ приходить по воскресеньямъ къ тетѣ Елизабетѣ, и, приглядѣвшись къ Маріи, онъ увидѣлъ, что у нея чистая, дѣтская душа, и тѣмъ болѣе привязался къ ней. Онъ былъ очень застѣнчивъ и все больше молчалъ, сидя на кухнѣ у Рудкусовъ по воскресеньямъ. Но когда его просили поиграть на скрипкѣ, онъ изливалъ свою любящую и страдающую душу въ печальныхъ страстныхъ звукахъ.

Дружба съ Тамошисомъ представляла для Маріи и болѣе матеріальныя выгоды. Его часто приглашали играть на вечерахъ за плату, или звали просто въ гости, зная, что онъ принесетъ скрипку и не откажется поиграть, когда молодежь захочетъ танцевать. Разъ онъ попросилъ Марію пойти съ нимъ на такой вечеръ, и былъ неизмѣрно счастливъ, когда она согласилась. Послѣ того онъ уже никогда не ходилъ на вечера безъ нея, а если вечеринка была у кого-нибудь изъ его друзей, то онъ бралъ съ собой всю семью. Но и когда Марія ходила съ нимъ одна, это было праздникомъ для всѣхъ. Она возвращалась съ карманами, набитыми сладкими для дѣтей, а взрослыхъ занимала разсказами о вкусныхъ вещахъ, которыми она сама угощалась въ теченіе вечера. Это было въ сущности ея единственнымъ удовольствіемъ на вечерахъ, потому что Тамошисъ былъ очень ревнивъ и не позволялъ ей танцевать ни съ кѣмъ, кромѣ стариковъ и женатыхъ людей. Но во всякомъ случаѣ все это вносило разнообразіе въ жизнь семьи. Они жили до того особнякомъ, не имѣли знакомыхъ, а теперь черезъ Марію узнавали подробности о сосѣдяхъ; она рассказывала, какъ кто одѣвается, сколько кто зарабатываетъ, кто въ кого влюбленъ, кто обманулъ свою невѣсту, кто пьянствуетъ и колотитъ жену. Все это, конечно, были сплетни, — но онѣ давали интересный матеріалъ для бесѣдъ въ субботу вечеромъ. Въ одну такую субботу, возвращаясь съ Ма-

ріей со свадебной вечеринки у знакомыхъ, Тамошисъ собрался съ духомъ и сказалъ Маріи о своей любви къ ней. Она пришла въ восторгъ, на радостяхъ обняла его и на слѣдующій день сообщила радостную вѣсть о своей помолвкѣ. Тамошисъ сталъ приходить по вечерамъ и сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, обнявшись съ Маріей въ уголку въ кухнѣ; остальные дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ихъ. Рѣшено было, что свадьба будетъ весной и что имъ отведутъ комнатку наверху. Тамошисъ зарабатывалъ довольно много, а семья Юргиса понемногу выплачивала свой долгъ Маріи, такъ что въ общемъ у нихъ была возможность основать семью. Марія къ тому же очень усовершенствовалась въ раскрашиваніи жестянокъ, — ей платили четырнадцать центовъ за каждыя сто жестянокъ, а она изготовляла ихъ по двѣ въ минуту. Въ виду такого благополучія, она чувствовала себя наверху блаженства, и ея веселый смѣхъ и пѣніе слышны были всѣмъ сосѣдямъ.

Но ея знакомые покачивали головами и совѣтовали ей не слишкомъ полагаться на временную удачу: мало ли какія бываютъ случайности и несчастія. Марія не слушала ихъ и строила радужные планы, а когда дѣйствительно произошла катастрофа, — она пришла въ такое отчаяніе, что на нее жалко было глядѣть. Случилось, дѣйствительно, нѣчто ужасное: закрыли фабрику, на которой она работала. Этого Марія никакъ не могла предвидѣть — огромное заведеніе казалось ей неизблемымъ, вѣчнымъ, какъ свѣтила небесныя. А тутъ вдругъ конецъ, — сразу, безъ малѣйшаго предупрежденія. Въ одну субботу вывѣсили объявленіе, что послѣ работы всѣхъ расчитываютъ по случаю прекращенія производства. Подруги объяснили Маріи, что послѣ праздниковъ наступило затишье, какъ это иногда случается, и что, можетъ быть, работы не будетъ до самаго лѣта. По слухамъ всѣ склады были переполнены товаромъ и на всѣхъ фабрикахъ расчитали больше половины рабочихъ. Это значило, что нѣтъ заказовъ, такъ что безработица можетъ продолжиться очень долго.

— Вѣдь здѣсь все обманъ! — говорили Маріи ея подруги. — Ты, вотъ, радовалась, что зарабатываешь четырнадцать долларовъ въ недѣлю и можешь откладывать половину. Но всѣ твои сбереженія уйдутъ во время безработицы, — такъ что въ сущности заработокъ-то на половину меньше, чѣмъ кажется.

Марія вернулась домой, вся дрожа отъ негодованія. Чтобы употребить на что-нибудь свой избытокъ энергіи, она сначала предприняла генеральную чистку всего дома, а потомъ стала искать мѣста — безъ всякаго успѣха. Всѣ консервные фабрики закрывались. Она пробовала искать мѣсто служанки въ трактирѣ или гдѣ-

нибудь въ семьѣ, но безъ знанія англійскаго языка ее нигде не принимали.

Застой въ дѣлахъ отозвался и на рабочихъ, служившихъ на бойняхъ. Но тамъ это сказывалось иначе, и, какъ вскорѣ убѣдился Юргисъ, съ еще болѣе большимъ безучастіемъ къ интересамъ рабочихъ; ихъ не рассчитывали, но часы работы сокращались. Рѣзники обязаны были являться попрежнему въ семь часовъ, хотя скотъ приводили на бойню только часовъ въ одиннадцать, а иногда даже только въ послѣобѣденные часы. Имъ приходилось такимъ образомъ проводить безъ дѣла цѣлые часы въ температурѣ двадцати градусовъ ниже нуля, и когда наконецъ приводили скотъ, они едва могли начать работу окоченѣлыми отъ холода руками. А тогда сразу закипала работа и надзиратели принимались „подгонять“. Бывали недѣли, когда Юргисъ приносилъ домой не болѣе шести долларовъ, такъ какъ оплаченной работы выходило не болѣе шести часовъ въ день, хотя онъ проводилъ весь день въ убойной камерѣ, поджидая привоза скота, иногда очень поздняго въ виду снѣжныхъ заносовъ на всѣхъ дорогахъ. Несмотря на всѣ просьбы, хозяева не соглашались ничего мѣнять и держали людей на холоду въ ожиданіи работы. Юргису пришлось провести на бойнѣ сочельникъ и въ первый день Рождества быть на мѣстѣ съ утра—въ ожиданіи возможнаго подвоза скота. И при этомъ рабочихъ немилосердно обшчитывали при платѣ денегъ. Одно изъ фабричныхъ правилъ заключалось въ томъ, что если рабочій опаздывалъ на минуту, у него высчитывали часть работы, но если онъ начиналъ работать раньше назначеннаго часа,—ему ничего не платили за лишнее рабочее время. А между тѣмъ надзиратели нерѣдко сгоняли рабочихъ съ мѣста за четверть часа до свистка. Затѣмъ, за неполный часъ совсѣмъ не платили. Если человѣкъ работалъ полныхъ пятьдесятъ минутъ, но ему не хватало дѣла на остальные десять минутъ, то за пятьдесятъ минутъ ему ничего не платили. Такъ что расчетъ былъ всегда какой-то лотереей. Между рабочими и надзирателями шла открытая борьба: рабочіе старались растянуть время, надзиратели — сократить. Они-то, конечно, не были виноваты: они исполняли только инструкціи хозяевъ.

Теперь наконецъ Юргисъ сталъ понимать необходимость борьбы рабочихъ за свои права. Ему самому хотѣлось принять дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, и когда ирландецъ, членъ союза рѣзниковъ, вторично предложилъ ему применить къ нимъ, онъ уже иначе отнесся къ его предложенію, чѣмъ въ первый разъ.—Вѣдь правда, — говорилъ онъ себѣ, — что, сплотивъ свои

силы, рабочіе могутъ одолѣть хозяевъ. И кому это первому пришло въ голову? Когда ему объяснили, что въ Америкѣ всегда такъ дѣлается, онъ впервые сталъ понимать, что значить жить въ свободной странѣ. Ему объяснили организацію союза, и Юргисъ согласился стать членомъ. Не прошло и мѣсяца, какъ вся его семья присоединилась къ союзу; они носили свои членскіе значки съ особой гордостью и въ теченіе цѣлой недѣли чувствовали себя на седьмомъ небѣ: имъ казалось, что со вступленіемъ въ союзъ всѣмъ ихъ несчастьямъ конецъ. Но какъ разъ черезъ десять дней послѣ того, какъ и Марія вступила въ союзъ, закрылась ея фабрика. Этотъ ударъ сразилъ всю семью. Они не могли понять, почему союзъ не предотвратилъ бѣдствія. На первомъ же собраніи союза, на которое она пришла, Марія встала и произнесла громкую рѣчь по этому поводу. Собраніе было дѣловое и всѣ говорили по-англійски, но Маріи до этого не было дѣла. Она высказала все, что у нея было на сердцѣ, не обращая вниманія на знаки предсѣдателя и на протесты въ залѣ. Помимо личнаго горя, она вся кипѣла негодованіемъ противъ эксплуатаціи рабочихъ и высказала свои взгляды на фабрикантовъ и на то, что ихъ дѣйствія принимаются безъ протеста. Кончивъ, она сѣла съ краснымъ отъ волненія лицомъ, а собраніе перешло къ текущимъ дѣламъ и занялось выборомъ новаго секретаря.

У Юргиса тоже вышло приключеніе на первомъ же собраніи, куда онъ попалъ,—но совершенно помимо его желанія. Онъ пришелъ съ тѣмъ, чтобы сидѣть въ сторонѣ и посмотреть, что тутъ дѣлается; но эта скромная поза сдѣлала его жертвой одного изъ ораторовъ, ирландца Финегана, который любилъ излагать свои своеобразныя общественныя теоріи, но никогда не могъ найти слушателей. Онъ схватилъ Юргиса за пуговицу и дыша ему прямо въ лицо, — это было весьма непріятно въ виду его испорченныхъ зубовъ, — сталъ ему говорить про духовъ и про ихъ вліяніе на рѣшеніе общественныхъ вопросовъ. Юргисъ испугался до того, что у него выступилъ холодный потъ на лбу, и онъ не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ его испугъ и поспѣшилъ избавить его отъ приставаго къ нему краснорѣчиваго ирландца. Юргисъ еще долго сидѣлъ забывшись въ уголъ, боясь вторичнаго нападенія.

Но все-таки съ тѣхъ поръ Юргисъ не пропускалъ ни одного собранія. Онъ уже сталъ понимать по-англійски, а чего не понималъ—ему объясняли земляки. На собраніяхъ бывало очень шумно, — много людей говорили заразъ, на самыхъ разнообраз-

ныхъ англійскихъ нарѣчіяхъ, но ораторы были люди убѣжденные, искренніе, и Юргисъ очень волновался, слушая ихъ; вѣдь дѣло шло о защитѣ его же интересовъ. Прежде онъ никому не довѣрялъ, кромѣ членовъ собственной семьи, а теперь увидѣлъ, что у него есть товарищи, что ихъ общее спасеніе въ единеніи, и предстоящая борьба представлялась ему святымъ дѣломъ — крестовымъ походомъ. Юргисъ былъ равнодушенъ къ церкви, исполняя обряды только въ угоду женѣ и ея матери. А теперь онъ позналъ новую религію, которой отдался со всѣмъ рвеніемъ новообращеннаго. Онъ даже сталъ убѣждать другихъ литовцевъ, еще не вступившихъ въ союзъ, и когда они не сдавались на его доводы, онъ часто выходилъ изъ себя и готовъ былъ обратить ихъ въ спасительную вѣру при помощи кулаковъ.

IX.

Поступивъ въ союзъ, Юргисъ рѣшилъ научиться англійскому языку, чтобы понимать все, что происходитъ на собраніяхъ, и самому въ нихъ участвовать. Онъ началъ прислушиваться и учиться отъ кого только могъ, — въ особенности отъ дѣтей, научившихся въ школахъ свободно болтать по-англійски. Кромѣ того, Она читала ему вслухъ изъ книжки, которую одолжилъ ему одинъ пріятель. Потомъ Юргисъ захотѣлъ и самъ научиться читать и сталъ посѣщать вечерніе классы; каждый вечеръ онъ ходилъ въ школу хотя бы на полчаса, если не было больше времени. Тамъ его учили читать и писать — и научили бы еще многому другому, будь у него больше досуга.

Принадлежность къ союзу оказала вліяніе на Юргиса еще въ одномъ отношеніи: онъ сталъ присматриваться къ американской жизни, и ему понемногу выяснилось, что такое демократическое правленіе. Рабочій союзъ былъ своего рода маленькимъ государствомъ, республикой въ миниатюрѣ, гдѣ каждый принималъ участіе въ общихъ дѣлахъ. Другими словами, Юргисъ научился говорить о политикѣ. У себя на родинѣ онъ въ политику не вмѣшивался; на правительство и на его дѣйствія на родинѣ Юргиса смотрѣли какъ на грозу, на губительный градъ. — „Согни спину, пританцъ, братецъ, — говорили тамъ старики, — авось пройдетъ, не задѣвъ!“ — И въ первое время по пріѣздѣ въ Америку Юргисъ думалъ, что и тутъ то же самое. И здѣсь все принадлежало богатымъ, а не имѣя работы, бѣдные люди такъ же голодали, какъ и тамъ, откуда онъ пріѣхалъ.

Послѣ того, какъ Юргисъ проработалъ недѣли три на фабрикѣ Дургэма, къ нему подошелъ во время обѣденнаго перерыва человекъ, служившій ночнымъ полицейскимъ, и спросилъ, не хочетъ ли онъ сдѣлаться американскимъ гражданиномъ. Онъ объяснилъ ему всѣ выгоды, которыя онъ могъ бы изъ этого извлечь. Во-первыхъ, это ему ровно ничего не будетъ стоить и сейчасъ же дастъ право не работать полъ-дня, не теряя плати за это время. А затѣмъ, когда настанетъ время выборовъ, онъ будетъ имѣть право голоса, а это весьма выгодная штука. Юргисъ, конечно, согласился; тогда полицейскій сказалъ нѣсколько словъ надзирателю, и Юргиса отпустили на весь день. Когда онъ просилъ отпуска на одинъ день по случаю свадьбы, ему отказали, а тутъ отпустили, да еще безъ вычета за пропущенные часы работы,—ему это показалось прямо-таки чудомъ. Юргисъ пошелъ за полицейскимъ, который по дорогѣ захватилъ съ собой еще нѣсколько новоприбывшихъ эмигрантовъ,—поляковъ, литовцевъ, словаковъ. Всѣхъ ихъ онъ усадилъ въ ожидавшій ихъ большой дилижансъ, запряженный четверкой лошадей. Тамъ уже сидѣли человекъ пятнадцать, двадцать. Ихъ прокатили по всему городу, угощали пивомъ и подвезли наконецъ къ огромному гранитному зданію. Тамъ ихъ ждалъ чиновникъ, уже приготовившій для всѣхъ документы,—нужно было только вписать имена. Каждый долженъ былъ принести присягу, т.-е. произнести какія-то непонятныя слова, и затѣмъ ему вручили очень внушительный документъ съ печатью и національнымъ гербомъ Соединенныхъ Штатовъ. Ему объявили затѣмъ, что онъ—гражданинъ американской республики, равный самому президенту.

Мѣсяца два спустя, тотъ же человекъ объяснилъ Юргису, куда онъ долженъ пойти записаться. А когда пришелъ день выборовъ, во всѣхъ фабрикахъ вывѣсили объявленія, что желающіе подавать голоса могутъ пойти и не возвращаться раньше девяти въ это утро. Тотъ же полицейскій забралъ Юргиса и остальныхъ, повелъ ихъ въ отдѣльную комнату въ ближайшемъ кабакѣ и объяснилъ процедуру подачи голосовъ. Затѣмъ онъ далъ каждому по два доллара и повелъ ихъ туда, гдѣ происходила подача голосовъ. Юргисъ очень гордился своей удачей,—а по дорогѣ домой онъ встрѣтилъ Іонаса, который рассказалъ, что онъ предложилъ полицейскому подать три раза свой голосъ за четыре доллара, и что его предложеніе было принято.

Товарищи по союзу объяснили Юргису всю эту непонятную для него организацію выборовъ. Онъ узналъ, что Америка отличается отъ его родины тѣмъ, что въ ней демократическій образъ

праменія. Чиновники, которые ею управляютъ и обираютъ население въ свою пользу, — выборные. Существуютъ двѣ соперничающія компаніи грабителей — это такъ называемыя политическія партіи. Какой партіи удастся купить больше голосовъ, та и захватываетъ власть. Иногда борьба очень обостряется, и тогда начинаютъ ухаживать за бѣдными людьми. Въ фабричномъ районѣ это случается только при общегосударственныхъ выборахъ, въ мѣстныхъ же демократическая партія все равно всегда побѣждаетъ.

Въ фабричномъ районѣ ховяйничалъ демократъ — маленький нриландецъ. Скелли, — видный человекъ въ своей партіи. Онъ очень гордился своимъ положеніемъ и говорилъ, что можетъ всѣхъ купить. Онъ былъ страшно богатъ, такъ какъ имѣлъ крупную долю въ грабительствѣ, которое совершалось въ фабричномъ районѣ. Ему принадлежало огромное мѣсто для свалки нечистотъ въ сосѣдствѣ съ фабриками, а также и кирпичный заводъ, построенный тамъ: онъ сначала бралъ оттуда глину и дѣлалъ кирпичи, затѣмъ заставлялъ городъ сваливать туда мусоръ, чтобы заполнить ямы; а на выровненной почвѣ онъ строилъ дома и продавалъ ихъ бѣднымъ на мошенническихъ условіяхъ. Ему же принадлежалъ прудъ со стоячей водой рядомъ съ свалочнымъ мѣстомъ. Тамъ онъ кололъ ледъ. Кирпичи же онъ продавалъ городу по установленной имъ же цѣнѣ, и они увозились съ завода на счетъ города. Всѣ постройки на его землѣ дѣлались городскими рабочими на счетъ города, а когда какая-нибудь изъ его продѣлокъ становилась извѣстной, и о ней начинали говорить въ газетахъ, онъ всегда находилъ кого-нибудь, кто бралъ вину за себя — за соотвѣтственную плату — и потомъ исчезалъ. Онъ умѣлъ выходить всегда сухимъ изъ воды, — да и никому не хотѣлось ссориться съ Мэйкомъ Скелли. Одного его слова или записки за его подписью было достаточно, чтобы найти работу на любой фабрикѣ, и у него самого было много рабочихъ; они работали не больше восьми часовъ въ день и за очень хорошую плату. Поэтому у него было много сторонниковъ, и всѣ они состояли членами основанной имъ политической лиги. Она имѣла отличное помѣщеніе и тамъ устраивались состязанія на призы, бои пѣтуховъ и даже собачьи бои. Всѣ полицейскіе въ околотеѣ принадлежали къ лигѣ Скелли и членовъ ея называли „краснокожими“. Въ дни выборовъ они ходили сотнями по улицамъ, съ карманами, набитыми деньгами, и съ правомъ пить сколько угодно даромъ во всѣхъ кабакахъ. Говорили, что всѣ кабатчики были тоже „краснокожіе“, — иначе имъ закрывали бы ихъ заведенія по

воскресеньямъ и не допускали бы никакихъ азартныхъ игръ. Вся пожарная часть была тоже въ рукахъ у Скелли, и вообще все, изъ чего можно было извлечь пользу. Всѣ должности въ округѣ, инспекторы водопроводовъ, смотрители улицъ и тротуаровъ заняты были „краснокожими“, и всѣ торговцы старались ладить съ Скелли, чтобы не подвергаться постояннымъ штрафамъ.

Даже собственники скотныхъ дворовъ боялись Скелли, и рабочіе этимъ до нѣкоторой степени гордились; Скелли былъ свой человѣкъ, и во время выборовъ хвасталъ своимъ происхожденіемъ изъ простаго класса. Нуженъ былъ очень, напримѣръ, мостъ на Аплендъ-Авеню, но хозяева скотныхъ дворовъ не могли добиться этого, пока не вошли въ соглашеніе съ Скелли. Точно также относительно „Шипучей рѣчки“. Городъ хотѣлъ заставить фабрикантовъ засыпать ее, и опять-таки ихъ выручилъ Скелли. „Шипучей рѣчкой“ называли рукавъ рѣки Чикаго, составлявшій южную границу скотныхъ дворовъ. Туда стекали отбросы фабрикъ, и такъ какъ вода въ рѣкѣ была стоячая, то грязь тамъ оставалась уже навсегда. Жиръ и химическіе составы, попадавшіе туда, подвергались всевозможнымъ реакціямъ, и вода была въ состояніи постояннаго кипѣнія. Оттуда и названіе „Шипучей рѣчки“. На поверхности ея постоянно лопались пузыри углерода. Въ иныхъ мѣстахъ жиръ и грязь сгущались въ нѣчто вродѣ лавы, на которой разгуливали цыплята. Иногда туда проваливались прохожіе, незнакомые съ мѣстностью. Случалось, что поверхность рѣки загоралась, и пожарные пріѣзжали тушить. Кто-то разъ сталъ снимать жиръ, покрывавшій рѣчку, и топить сало. По настоянію фабрикантовъ, дѣлать это было воспрещено всѣмъ, кромѣ фабрикантовъ.

Существовали еще большія злоупотребленія: на фабрикахъ были потайныя трубы, которыми у города крали миллиарды ведеръ воды. Газеты подняли-было шумъ, но дѣло было затушено, и кража воды продолжалась попрежнему. Но самое ужасное — это былъ способъ изготовленія мясныхъ консервовъ. Населеніе Чикаго знало, что на фабрикахъ есть правительственные инспекторы, и видѣло въ этомъ гарантію доброты продуктовъ. Но всѣ какъ-то забыли, что эти сто-шестьдесятъ-три инспектора назначены были по просьбѣ самихъ фабрикантовъ. Они состояли на жалованьи у Соединенныхъ Штатовъ только для успокоенія другихъ странъ. Они свидѣтельствовали, что порченное мясо не вывозится, а остается въ самой странѣ. Этимъ исчерпывались ихъ обязанности, а также права. Они были отвѣтственны за

доброкачественность консервовъ, предназначенныхъ для вывоза; такъ было совершенно опредѣленно сказано въ правилахъ наблюдения за скотными дворами и фабриками консервовъ. А что касается осмотра мяса для внутренней торговли, то этимъ завѣдывали три члена мѣстной политической партіи. Одинъ изъ нихъ, врачъ по профессіи, увидѣлъ разъ, какъ завѣдомо туберкулезную тушу везли на продажу въ городъ, и потребовалъ, чтобы злокачественныя туши вспрыскивались по крайней мѣрѣ керосиномъ для дезинфекціи. За это его сейчасъ же отставили отъ должности. Возмущенные владѣльцы скотныхъ дворовъ потребовали, чтобы городъ уничтожилъ инспекціонное бюро, и съ тѣхъ поръ уже никто не вмѣшивался въ ихъ дѣла. Говорили, что хозяева дворовъ уплачивали до двухъ тысячъ долларовъ въ недѣлю за пропускъ туберкулезныхъ бычачьихъ тушъ. И столько же—за свиней, павшихъ отъ холеры по дорогѣ на бойни; ихъ каждый день отправляли цѣлыми вагонами въ городъ Глобъ въ Индіанѣ для выдѣлки сала.

Обо всемъ этомъ Юргисъ узнавалъ изъ разговоровъ съ рабочими, очевидцами ужасовъ, происходящихъ на консервныхъ фабрикахъ. Одинъ литовецъ, рѣзникъ на той фабрикѣ, гдѣ работала Марія, рассказывалъ, что у нихъ специально скупаютъ для консервовъ больной, искалѣченный скотъ. Для скупки его имѣются особые агенты, разъѣзжающіе по всей Америкѣ. На бойни приводятъ, напримѣръ, быковъ, вскормленныхъ отбросами изъ пивоваренъ; они ужасны на видъ, такъ какъ покрыты нарывами, которые лопаются, когда въ нихъ всадить ножъ. Гной брызжетъ въ лицо, рѣзникъ не имѣетъ даже возможности утереться,—рукава рубахи у него въ крови. И вотъ изъ этого отвратительнаго мяса готовятъ консервы для войскъ, и отъ него въ Соединенныхъ Штатахъ погибло вдвое больше солдатъ, чѣмъ отъ испанскихъ пуль,—тѣмъ болѣе, что въ армію доставлялись даже не свѣжіе консервы, а старые, лежавшіе въ погребахъ уже нѣсколько лѣтъ.

Разъ въ воскресенье вечеромъ, курия трубку въ кухнѣ, у печки, Юргисъ разговорился съ однимъ старымъ рабочимъ, пришедшимъ въ гости къ Іонасу; онъ узналъ отъ него много любопытнаго про знаменитые по всей странѣ консервы Дургэма. Оказалось, что фабриканты—настоящіе алхимики. Они продаютъ, напримѣръ, грибные экстракты, а рабочіе, изготовляющіе ихъ, никакихъ грибовъ и въ глаза не видятъ. Или же они пускаютъ въ продажу „консервы изъ пыли“, которые дѣлаются изъ бычачьихъ кишекъ, свиного сала, бычачьяго жира, потроховъ и

обрѣзковъ телятины, если таковыя имѣются. Смѣсь дѣлается въ различныхъ пропорціяхъ и продается по различнымъ цѣнамъ, причемъ составъ всегда одинъ и тотъ же. И то же самое относительно „консервовъ изъ дичи“, „консервовъ изъ рябчиковъ“ и т. д. Все готовится изъ потроховъ, окрашенныхъ химически въ какой угодно цвѣтъ, изъ картофельной шелухи, обрѣзковъ ветчины, всяческихъ другихъ отбросовъ—и приправляется разными пряностями для вкуса. За изобрѣтеніе новой поддѣлки Дургэмъ готовъ заплатить очень много, — но ужъ гдѣ тамъ придумать что-нибудь новое для фабрики, гдѣ столько людей работало въ этомъ направленіи много лѣтъ и гдѣ ничѣмъ не брезгали для мошенническихъ цѣлей, предпочитая туберкулезный скотъ здоровому, потому что онъ скорѣе жирѣетъ, скуная прогорклое масло и химически устраняя его запахъ, дѣлая консервы изъ конины и козлятины, которыя выдавались за баранину!

Другая печальная сторона мясного дѣла заключалась въ болѣзняхъ рабочихъ. Когда Юргисъ осматривалъ въ первый день скотные дворы съ Шедвиллой, онъ поражался разнообразіемъ производствъ, связанныхъ съ бойнями; теперь же онъ увидѣлъ, что каждая отдѣльная отрасль мясной торговли—своего рода адъ въ миниатюрѣ, не менѣе ужасный чѣмъ центръ и источникъ всего—бойни. Въ каждой отдѣльной мастерской свирѣпствовала своя специальная болѣзнь, и если посѣтитель могъ еще сомнѣваться въ мошенническихъ приѣмахъ производства, невидимыхъ для постороннихъ, то въ болѣзняхъ рабочихъ сомнѣнія быть не могло: каждый носилъ явные признаки отравленія на своемъ тѣлѣ; достаточно иногда было взглянуть на ихъ руки, чтобы придти въ ужасъ.

Въ копильняхъ, гдѣ заболѣлъ старикъ Антонъ, рабочіе были всѣ въ язвахъ. Стоило тамъ опарапать себѣ руку, вывозя повозки съ мясомъ, чтобы образовалась язва, иногда сводившая въ могилу. Всѣ сочлененія были изъѣдены кислотами. Рѣзники большей частью не могли двигать большимъ пальцемъ; отъ постоянныхъ порѣзовъ онъ превращался въ безформенный комокъ мяса. Всѣ они теряли ногти въ работѣ надъ тушами, а суставы рукъ вспухали такъ, что пальцы были растопырены какъ вѣеръ. Въ помѣщеніяхъ для варки мяса всѣ болѣли ревматизмомъ и очень многіе умирали отъ чахотки. Была еще другая страшная работа: носить туши въ двѣсти фунтовъ въ холодильники. Работа началась въ четыре часа утра, и самый сильный рабочій не выдерживалъ ее больше чѣмъ два-три года. Ужасной работой было также сниманіе шерсти съ овечьихъ тушъ: кислоты, которыми

при этомъ мочили шерсть, съѣдали пальцы. У рабочихъ, готовившихъ жестянки для консервовъ, руки были сплошь изрѣзаны, и каждый порѣзъ могъ повлечь за собой зараженіе крови. Были рабочіе, приводившіе въ дѣйствіе штемпельныя машины, и быстрота работы нагонялась такая, что при малѣйшей неосмотрительности у рабочаго отрубало кусокъ руки. Другіе рабочіе нажимали рычагъ, поднимающій убитую тушу съ пола. Они должны были бѣжать вдоль галереи и все время глядѣть внизъ, сквозь паръ высматривая туши. Чтобы не стукаться о балки надъ головами, они ходили согнувшись и пріобрѣтали сгорбленную поступь; черезъ нѣсколько лѣтъ такой работы они ходили какъ пимпанзе. Но хуже всего было рабочимъ по изготовленію искусственнаго удобрения и затѣмъ работавшимъ въ отдѣленіи для варки мяса. Ихъ посѣтителемъ не показывали, потому что запахъ человѣка, приготавливавшего искусственное удобрение, былъ невыносимъ на разстояніи ста ярдовъ. А что касается тѣхъ, которые работали въ комнатахъ для варки, въ густыхъ клубкахъ пара, причѣмъ иногда у самыхъ дверей стояли чаны съ кипяткомъ, то ихъ главной заботой было не упасть въ какой-нибудь изъ этихъ чановъ. А когда случалось, что они все-таки попадали, то оттуда извлекали ужъ только небольшія частицы ихъ. Иногда ихъ оставляли тамъ цѣлыми днями,—и тогда все въ нихъ, кромѣ костей, шло на изготовленіе знаменитаго „Дургэмовскаго чистаго сала“.

X.

Въ началѣ зимы семья Юргиса имѣла достаточно денегъ, чтобы жить, не голодая, и выплачивать часть долговъ; но когда заработки Юргиса упали съ десяти долларовъ въ недѣлю до пяти или шести, то уже ничего не оставалось сверхъ самаго необходимаго. Къ веснѣ стало совсѣмъ плохо; Марія была тоже въ отчаяніи, потому что ея фабрика все еще была закрыта, и почти всѣ ея сбереженія ушли. О свадьбѣ уже не могло быть и рѣчи. Она не могла оставить родныхъ въ нуждѣ,—но и такъ она боялась стать имъ теперь обузой. Когда у нея уже выйдутъ всѣ деньги, то имъ придется содержать ее въ уплату ихъ долга ей. Юргисъ, Она и тетя Ельзбета все совѣтовались, думали, но совсѣмъ не могли придумать, какъ справиться со всѣми несчастьями, которыя одно за другимъ обрушивались на нихъ.

Каждый день являлись совершенно непредвидѣнные расходы. Вдругъ, напримѣръ, замерзли водопроводныя трубы, а когда тетя

Ельзбета стала по неопытности грѣть ихъ, чтобы онѣ оттаяли, то весь домъ залило водой. Пришлось позвать водопроводчика, который потребовалъ съ нихъ семьдесятъ-пять центовъ въ часъ для себя, столько же для человѣка, который пришелъ съ нимъ и смотрѣлъ, какъ онъ работалъ, да еще поставилъ имъ въ счетъ какіе-то матеріалы. Потомъ, когда въ январѣ тетя Ельзбета пошла платить агенту, онъ сказалъ, что они должны застраховать домъ на свой счетъ, что будетъ стоить семь долларовъ. Въ тотъ же вечеръ Юргисъ пришелъ къ агенту очень сердитый и попросилъ сказать ему наконецъ, какіе еще сборы будутъ съ нихъ взиматься.—Вѣдь ужъ условіе подписано, такъ можно говорить безъ опасенія,—прибавилъ Юргисъ съ горькой усмѣшкой. Агентъ не обидѣлся его тономъ и спокойно отвѣтилъ, что они должны платить каждый годъ страховку и затѣмъ около десяти долларовъ въ годъ налоговъ, и уже больше ничего сверхъ мѣсячныхъ взносовъ и процентовъ. Конечно, можетъ еще случиться, что городъ рѣшитъ устроить канализацію, и тогда всѣ хозяева должны участвовать въ расходахъ.

Юргисъ пошелъ домой, нѣсколько облегченный тѣмъ, что ужъ хоть не предстоитъ никакихъ неожиданностей. Онъ теперь ясно видѣлъ, что они попались, и рѣшилъ, что нужно бороться и не поддаваться.

Пришла весна, избавившая ихъ отъ стужи. Но оказалось, что тепло принесло въ свою очередь новыя бѣдствія. Каждое время года оказывалось источникомъ особыхъ испытаній. Весною приходилось плохо отъ холодныхъ дождей, превращавшихъ улицы въ непролазныя лужи. Нельзя было идти на работу, не промочивъ себѣ ногъ, и это было въ особенности тяжело для женщинъ и дѣтей. А потомъ наступало лѣто, страшная духота, превращавшая бойни у Дургема въ настоящій адъ,—иногда по нѣскольку человѣкъ въ день умирали отъ солнечнаго удара. Весь день текли рѣки горячей, дымящейся крови, и смрадъ ея подъ палящими лучами солнца могъ сразить на мѣстѣ. Всѣ застарѣлые запахи разливались въ воздухъ отъ зноя: въ бойняхъ никогда не мыли стѣны и потолокъ, и грязь накоплялась годами. Рѣзники пропитывались насевомъ этимъ страшнымъ смрадомъ и уносили его съ собой. Запахъ рѣзника чувствовался на пятидесяти футахъ разстоянія. Содержать себя въ чистотѣ не было никакой возможности, и самые опрятные рабочіе должны были въ концѣ концовъ примириться съ грязью. Негдѣ было даже вымыть рукъ, и часто приходилось обѣдать съ запачканными кровью руками. Во время работы нельзя было вытереть лица,—некогда и нечѣмъ.

А когда лицо покрывалось потомъ, то его облѣпляли мухи, которыя здѣсь лѣтомъ были положительно египетской казнью, и въ домахъ, и на фабрикахъ. Лѣтомъ работа шла такъ же безостановочно, какъ и зимой, и рабочее населеніе никогда въ глаза не видѣло свѣжей зелени, не дышало свѣжимъ воздухомъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ нихъ были голубыя воды Мичиганскаго озера, но онѣ были такъ же недоступны имъ, какъ еслибы были на другомъ краю свѣта. Въ воскресенье рабочіе были слишкомъ измучены для далекихъ прогулокъ, а всю недѣлю у нихъ не было ни одного свободного часа.

Въ концѣ весны фабрика, на которой работала Марія, снова возобновила производство. Опять стало раздаваться веселое пѣніе Маріи, и музыка Тамопшиса звучала менѣе меланхолично. Но это не долго длилось — черезъ два мѣсяца въ жизни Маріи произошла катастрофа: ей отказали отъ мѣста. Произошло это очевидно оттого, что Марія слишкомъ выделялась на собраніяхъ въ рабочемъ союзѣ своими мятежными рѣчами и восстанавливала своихъ земляковъ противъ фабрикантовъ. Объ этомъ фабричная инспекція знала черезъ своихъ шпионовъ, которые аккуратно доносили о всемъ, что дѣлалось въ рабочей средѣ. Непріятности начались у Маріи изъ-за того, что ее разъ обсыпали, не доплативъ за триста раскрашенныхъ жестянокъ. Она подняла скандалъ. Научившись уже свободно говорить по-англійски, она энергично поругалась съ надзирательницей. Когда и на слѣдующую недѣлю повторилась та же исторія, — Марія была увѣрена, что надзирательница не просто ошибается, а нарочно обсыпываетъ ее, — она пожаловалась завѣдующему отдѣленіемъ, хотя ей совѣтовали промолчать и покориться. Завѣдующій сказалъ, что справится, но былъ съ ней очень суровъ, — и въ концѣ слѣдующей недѣли надзирательница заявила ей, что фабрика не нуждается больше въ ея работѣ. Марія была ошеломлена и прямо не хотѣла вѣрить своимъ ушамъ. Она стала браниться, грозить, что никого не пуститъ на свое мѣсто, на которомъ работала болѣе года, но, конечно, ея бѣшенство ни къ чему ни привело. Видя свое безсиліе, она сѣла на полъ среди комнаты и стала громко рыдать.

Этотъ новый ударъ случился какъ разъ въ самое неподходящее время, такъ какъ у Оны ожидался ребенокъ, и Юргисъ старался отложить хоть немного денегъ на ея роды. Онъ слышалъ всякіе ужасы про мѣстныхъ бабокъ и рѣшилъ призвать къ Онѣ настоящаго доктора, сколько бы это ни стоило, и хотя бы ему пришлось голодать самому, чтобы уплатить доктору. У Маріи

оставалось всего около двадцати-пяти долларовъ; она ходила повсюду просить работы, но совершенно не надѣялась на удачу. Она могла работать не хуже сильнаго мужчины, когда все было благополучно, но упадокъ духа подвѣсилъ ея физическія силы. Ей дорого достался первый жизненный опытъ. Она теперь поняла — и вся ея семья вмѣстѣ съ нею, — что здѣсь нельзя давать волю своимъ чувствамъ. Если досталъ человѣкъ работу, то ужь долженъ не упускать ее, что бы ни случилось.

Прошелъ мѣсяцъ, и она все еще была безъ мѣста. За это время она прекратила взносы въ союзъ, проклиная день, когда на свою бѣду вступила въ него. Наконецъ, уже недѣль черезъ пять, она получила мѣсто на бойняхъ, — ей поручили счищать мясо съ бычачьихъ костей. Это была мужская работа, и ее взяли потому, что у нея были мускулы какъ у мужчины, а платить ей нужно было гораздо меньше. Она оказалась выгоднымъ приобрѣтеніемъ для хозяевъ. Прежде Марія отказалась бы отъ той работы, какую ей дали на новомъ мѣстѣ; ее именно приставили къ работѣ надъ больными тушами. Ее запирали въ одномъ изъ тѣхъ помѣщеній, куда никогда не проникалъ дневной свѣтъ. Подъ нею были холодильни, гдѣ замораживали мясныя туши, а надъ ея головой были помѣщенія для варки мяса, такъ что она стояла весь день на холодномъ какъ ледъ полу, а головѣ было такъ жарко, что она едва могла дышать. Работа же ея заключалась въ томъ, что она съ утра до поздняго вечера срѣзывала съ костей мясо сотнями фунтовъ, съ постояннымъ страхомъ лишиться работы во время застоя производства, и работая за ту же плату много лишнихъ часовъ въ горячее время. Напряженность работы была такая, что отъ нервности и спѣшки легко было ежеминутно порѣзаться и погибнуть отъ зараженія крови. Таковы были условія работы Маріи, но она не унывала и была весела. Она могла теперь опять платить за свое содержаніе и еще помогать своимъ, а все остальное ее не беспокоило. Что касалось свадьбы, то вѣдь они такъ долго ждали, что не бѣда подождать еще немного. На одно жалованье Тамошиса они вѣдь не могли прожить, и кромѣ того родные ея не могутъ обойтись безъ ея помощи. Тамошисъ приходилъ къ Маріи по вечерамъ, сидѣлъ въ кухнѣ, держа ее за руку, и долженъ былъ этимъ довольствоваться. Но съ каждымъ днемъ музыка его становилась все болѣе страстной и печальной, а Марія иногда слушала его, сжавъ руки, съ мокрыми отъ слезъ щеками и дрожа всѣмъ тѣломъ, — ей слышался въ его печальныхъ мелодіяхъ плачь неродившихся дѣтей, взывающихъ къ ней о жизни.

Печальный опыт Маріи послужилъ урокомъ и для Оны. Она тоже была недовольна своимъ мѣстомъ—и съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ Марія. Чтобы не мучить напрасно Юргиса, она не рассказывала ему о томъ, что ей приходилось терпѣть. Оказалось, что невзлюбившая ее надзирательница, миссъ Гендерсонъ, была очень темной личностью. Она состояла прежде въ связи съ управляющимъ одного изъ отдѣленій фабрики, и онъ доставилъ ей мѣсто надзирательницы, чтобы избавиться отъ нея. Но это ему не удавалось. Она устраивала ему и теперь сцены, и ссоры ихъ слышны были въ мастерскихъ. Она была очень злая, сварливая женщина и бушевала въ своемъ отдѣленіи съ утра до вечера. Нѣкоторые работники угождали ей, доносили на другихъ, такъ что тамъ всегда былъ настоящій адъ. Но хуже всего было то, что у нея, кромѣ мѣста на фабрикѣ, былъ еще другой источникъ дохода. Она имѣла пріятеля, пьянаго прилѣпца; они вдвоемъ содержали въ городѣ притонъ и сманивали туда работницъ. Иногда жилицы притона поступали на фабрику и работали рядомъ съ честными дѣвушками,—часто даже честныхъ дѣвушекъ смѣщали, чтобы освободить мѣсто для тѣхъ. Работая въ мастерскихъ, нельзя было не помнить о домѣ въ городѣ, такъ какъ все здѣсь находилось въ связи съ тѣмъ, что происходило тамъ. Работницы постоянно говорили о „городскомъ домѣ“ и поглядывали при этомъ на непосвященныхъ. Еслибы не призракъ нищеты и безработицы, Она бы сама не оставалась на такомъ мѣстѣ,—а теперь, напротивъ того, она же боялась, что ей откажутъ. Она теперь поняла, что миссъ Гендерсонъ дурно относится къ ней, потому что она честная замужняя женщина, и что по той же причинѣ ее не любятъ всѣ остальные работницы. Но она знала, что на всѣхъ фабрикахъ происходитъ то же самое, что вездѣ продажной женщинѣ безконечно легче удержаться на мѣстѣ, чѣмъ честной работницѣ. На фабрикахъ работали нищія женщины, жизнь которыхъ была во власти грубыхъ людей, ничѣмъ не отличавшихся отъ прежнихъ работоторговцевъ. Полное растлѣніе нравовъ было неизбежнымъ послѣдствіемъ такихъ условий, и на всѣхъ фабрикахъ происходили ужасы, которыми даже никто не возмущался. Они казались нормальнымъ явленіемъ. Это только не такъ бросалось въ глаза, какъ торговля неграми, въ виду того, что рабыни не отличались по цвѣту кожи отъ рабовладѣльцевъ.

Наступило утро, когда Она не могла пойти на работу. Юргисъ призвалъ доктора, и жена его родила здороваго мальчика. Юргисъ прямо не вѣрилъ своему счастью, глядя на пре-

лестнаго ребенка съ черными глазами. Съ этого дня онъ обовчательно превратился въ примѣрнаго семьянина, и уже совсѣмъ не ходилъ послѣ работы пить въ кабакъ, а проводилъ все свободное время дома, мечтая о томъ, какъ сынъ его вырастетъ и будетъ болѣе счастливъ въ жизни, чѣмъ его отецъ. Юргисъ гордился своимъ ребенкомъ и въ первое время относился въ уходу за нимъ какъ къ священнодѣйствію. Ему бы хотѣлось нанять ребенка самому, — но это было невозможно. Онъ даже рѣдко видѣлъ своего сына. Ребенокъ уже спалъ, когда онъ возвращался съ работы, а утромъ онъ тоже едва успѣвалъ взглянуть на него передъ уходомъ на фабрику; только воскресенья онъ могъ посвящать своему ребенку. Но еще печальнѣе было то, что и Она не имѣла возможности кормить ребенка и нанять его; — она должна была уходить на работу, оставляя маленькаго Антошу на попеченіе тети Ельзеты, которая кормила его жидкой синеватой отравой, покупаемой въ лавочкѣ подъ названіемъ молока. Послѣ родовъ Она пробыла дома одну только недѣлю. Ей бы отказали отъ мѣста за большую отлучку, а это было бы страшнымъ несчастьемъ именно теперь, когда у нихъ увеличались расходы изъ-за ребенка. Они чувствовали на себѣ теперь болѣшую отвѣтственность — нужно вѣдь обезпечить сыну лучшее существованіе, чѣмъ ихъ, и поэтому нужно было работать еще съ удвоеннымъ усердіемъ, чтобы успѣшно бороться противъ враждебныхъ жизненныхъ обстоятельствъ.

Поэтому Она и поспѣшила вернуться въ работѣ, не успѣвъ какъ слѣдуетъ оправиться. Этимъ она сразу же нажила внутреннюю болѣзнь — одно изъ множества недуговъ, обычныхъ у женщинъ рабочаго класса. Она даже не знала, въ чемъ сущность ея болѣзни, потому что никогда не лечилась у спеціалиста. Но она страдала отъ головныхъ болей, и когда приходилось идти на работу въ дождь, у нея сильно болѣла спина и становилось дурно. Большинство женщинъ, работавшихъ на фабрикахъ, страдали тѣми же болѣзнями, и ни одна не обращалась изъ-за этого къ доктору. Какъ и другія, Она пробовала лечиться разными патентованными лекарствами, а такъ какъ они всегда приготавливались съ примѣсью наркотическихъ средствъ или алкоголя, то на время помогали и придавали надежды на полное выздоровленіе.

XI.

Лѣтомъ работа на фабрикѣ снова закипѣла во всю, и Юргисъ сталъ опять больше зарабатывать. Но все-таки заработки его уменьшились сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, потому что хозяева стали нанимать больше рабочихъ, съ тѣмъ чтобы продержатъ ихъ до слѣдующаго застоя въ производствѣ. Благодаря этой системѣ заработки каждаго отдѣльнаго рабочаго понижались, но почти все рабочее населеніе Чикаго научалось фабричной работѣ, и въ случаѣ стачки всегда было достаточное количество новыхъ рабочихъ силъ.

Но увеличенное количество рабочихъ рукъ ничуть не облегчало работу. Смотрители всячески подгоняли скорость работы и придумывали разные способы навалить какъ можно больше дѣла на каждаго въ отдѣльности. То они нанимали новыхъ силачей, которые „подгоняли“ работу за высокую плату, то ставили новыя машины, требовавшія ускоренной работы. Закалываніе свиней шло опредѣленнымъ темпомъ, и темпъ этотъ незамѣтно усиливали, ускоряя ходъ часоваго механизма, который регулировалъ работу. Поштучную работу тоже ускоряли, ухитряясь въ то же время уменьшать плату за нее въ виду большей скорости производства. Эта система доводила рабочихъ иногда до взрыва отчаянія. Черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ Маріи отказали отъ мѣста на ея бывшей фабрикѣ, жалованье работницамъ урѣзали на половину; онѣ взбунтовались, вышли всей толпой на улицу и подняли шумъ. Одна изъ работницъ гдѣ-то читала, что въ такихъ случаяхъ носятъ красный флагъ; она привѣсила красную тряпку къ пальцѣ, и вся компанія помчалась по улицамъ съ криками негодованія. Но эта стачка ни къ чему не привела, такъ какъ на слѣдующее утро цѣлая толпа другихъ работницъ готова была замѣстить взбунтовавшихся. И въ концѣ концовъ дѣвушка, которая ходила съ краснымъ флагомъ, поступила куда-то въ большой магазинъ въ городѣ, съ жалованьемъ въ два съ половиной доллара въ недѣлю.

Юргисъ и Она съ ужасомъ слѣдили за всѣмъ этимъ, боясь несчастія и для себя. Уже шли слухи о томъ, что у Дургема плату рабочимъ на бойняхъ хотятъ понизить до пятнадцати центовъ въ часъ, и Юргисъ уже зналъ, что плата устанавливается одна для всѣхъ фабрикъ, такъ какъ это вовсе не отдѣльныя

предпріятія, а одинъ большой „скотопромышленный трѣстъ“, держащій все въ своихъ рукахъ.

Одна только Марія была опять въ самомъ лучшемъ настроеніи. Она усовершенствовалась въ своей работѣ, и положеніе ея было твердое, въ виду ея исключительной работоспособности. У нея опять завелись деньги. За лѣто Юргисъ и Она выплатили ей все, что были должны, и у нея лежали деньги въ банѣ. У Тамошиса тоже уже былъ банковый счетъ, и они опять стали разсчитывать и мечтать о возможности свадьбы. Но оказалось, что и богатство влечетъ за собой большія заботы. Марія въ скоромъ времени убѣдилась въ этомъ. Всѣ ея деньги лежали въ банѣ на Аплендъ-Авешю. Она не знала, что это за банкъ и можно ли довѣрить ему свои сбереженія, — она видѣла только, что зданіе банка — очень большое и внушительное. Все-таки она постоянно дрожала за свой капиталъ, и утромъ, по дорогѣ на фабрику, проходила всегда мимо банка, чтобы удостовѣриться, что все обстоитъ благополучно. Больше всего она боялась пожара, такъ какъ внесла деньги банковыми билетами и думала, что если онѣ сгорятъ, то банкъ не выдастъ ей другихъ. Юргисъ смѣялся надъ ней и объяснилъ ей, что у нихъ имѣются негоряемые шваши; но она ничего не поняла и продолжала тревожиться.

И вдругъ, когда она разъ проходила мимо банка рано утромъ, она къ ужасу своему увидѣла стоявшую тамъ толпу народа, и вся похолодѣла отъ страха. Она бросилась въ толпу, спрашивая, въ чемъ дѣло, и узнала, что „ломаются въ банкъ“. Въ чемъ дѣло — неизвѣстно, такъ какъ банкъ откроется только черезъ три часа. Марія стала спрашивать, выдадутъ ли ей ея деньги, но этого ей не могли сказать; можетъ быть, и не выдадутъ — сколько вѣдуть вкладчиковъ собралось требовать деньги обратно. Марія въ ужасѣ стала проталкиваться черезъ толпу, чтобы стать одной изъ первыхъ у дверей, но потомъ вспомнила, что не взяла съ собой чековой книжки, и помчалась домой. Черезъ полчаса она уже опять была на мѣстѣ вмѣстѣ съ тетей Ельзбетой; имъ пришлось стать въ хвостѣ длиннаго ряда людей. Человѣкъ пятьдесятъ полицейскихъ слѣдили за порядкомъ. Съ девяти часовъ банкъ открылся, и началась выплата вкладовъ; цѣлый день до закрытія тнулся рядъ ожидавшихъ на дождѣ и холодѣ людей, — ихъ было нѣсколько тысячъ. Марія рѣшила, что не уйдетъ, пока не получитъ денегъ, — и рѣшила стоять ночь. Юргисъ принесъ ей вечеромъ поѣсть и теплый платокъ, чтобы укрыться на ночь. Но такъ какъ и вся остальная толпа не уходила, то къ утру Марія не подвинулась ближе къ дверямъ. Къ утру собралась

еще большая толпа и пришло больше полицейских из города. Марія получила свой вкладъ только уже поздно послѣ полудня на слѣдующій день. Когда она получила деньги въ серебряныхъ долларахъ и завязала ихъ въ платокъ, весь ея страхъ исчезъ, и ей захотѣлось сейчасъ же положить деньги обратно. Но человекъ у кассы былъ очень сердитъ и сказалъ, что отъ тѣхъ, кто взяли назадъ деньги, не примутъ вкладовъ. Огойдя отъ кассы съ деньгами, Марія стала еще больше бояться, чтобы ее не ограбили. Дома она зашила деньги въ платье и пошла съ этой тяжестью на фабрику—въ ужасѣ, что она уже потеряла свое мѣсто. Но, къ счастью, ей не отказали, такъ какъ около десяти процентовъ рабочихъ всего района были вкладчиками этого банка и не пришли на работу во время переполоха. Всѣхъ разсчитать не хотѣли, и рѣшили оставить дѣло безъ послѣдствій. Причиной паники была попытка полицейскаго арестовать пьянаго въ кабацѣ рядомъ съ банкомъ. Рабочіе, проходившіе мимо по дорогѣ на фабрику, стали останавливаться и глазѣть; собралась толпа—и такимъ образомъ возникла тревога.

Около того же времени у Юргиса и Оны тоже поправились обстоятельства. Они отдали весь долгъ Іонасу и Маріи, выплатили за мебель и имѣли еще кое-что въ банкѣ. Пока каждый изъ нихъ приносилъ домой долларовъ по десяти въ недѣлю, жаловаться было нечего—хватало на все. Затѣмъ наступили опять выборы, и Юргисъ заработалъ въ одинъ день половину недѣльнаго жалованья. Выборы были очень бурные, и каждая изъ двухъ партій старалась привлечь на свою сторону рабочихъ; устраивали вечеринки, фейерверки, произносили рѣчи. Юргисъ хотя и не разбирался хорошенько въ политикѣ, однако уже понималъ, что торговать своимъ голосомъ нехорошо. Но такъ какъ всѣ это дѣлали, и его отказъ ничего бы не измѣнилъ, то ему и въ голову не приходило отказаться отъ выгодной сдѣлки.

Вскорѣ настали холодные вѣтры и дни сдѣлались зимѣтно коротче: наступала зима. Передышка была такъ коротка, что они не успѣли приготовиться какъ слѣдуетъ къ ожидавшимъ ихъ бѣдствіямъ. У маленькаго Станислава снова появилось выраженіе страха въ глазахъ. И Юргису было страшно; онъ зналъ, какъ слаба Она, и какъ трудно ей будетъ переносить холодъ и метели. А если будутъ снѣжные заносы и перестанутъ ходить трамваи, ей придется оставаться дома,—и мѣсто могутъ передать другой работницѣ, которая живетъ ближе и сможетъ аккуратно являться на работу.

Первая метель разразилась за недѣлю до Рождества, и

тогда только Юргисъ понялъ, что значить дѣйствительно бороться съ судьбой. Всѣ прежнія трудности были дѣтской игрушкой сравнительно съ тѣмъ, что наступило для него теперь. Но онъ рѣшилъ не сдаваться—и боролся противъ судьбы съ львиной отвагой. Въ теченіе четырехъ дней на Ашлэндъ-Авэню не ходили трамваи. Въ первый день Юргисъ завернулъ Ону въ одѣла и взвалилъ ее себѣ на плечи, какъ куль муки, а Станиславъ, закутанный такъ, что онъ ничего не видѣлъ передъ собой, крѣпко держался за него. Ледяной вѣтеръ дулъ Юргису прямо въ лицо, а снѣгъ доходилъ почти до колѣнъ. Вѣтеръ такъ взметалъ снѣгъ, что на каждомъ шагѣ образовывалась стѣна, и Юргисъ врѣзывался въ нее съ яростью дикаго звѣря. Такъ онъ пробивалъ себѣ путь шагъ за шагомъ и добрался наконецъ до Дургэма, шатаясь отъ напряженія, почти ослѣпнувъ отъ снѣга, засыпавшаго ему глаза. Хорошо еще, что въ этотъ день позже пригнали скотъ на бойню: подвозъ опоздалъ изъ-за снѣжныхъ заносовъ. Юргисъ не могъ бы стать сразу на работу. Вечеромъ приходилось возвращаться тѣмъ же порядкомъ. А такъ какъ Юргисъ не зналъ, когда кончится работа, то попросилъ знакомаго кабатчика пустить Ону въ нему обогрѣться и ждать его. Разъ имъ пришлось возвращаться уже въ одиннадцатомъ часу, среди полной тьмы, но они все-таки кое-какъ добрались до дому. За время этой метели многіе рабочіе лишились мѣста, такъ какъ не могли явиться во-время на работу; хозяйка же не дѣлала ни малѣйшей льготы. А Юргисъ побѣдилъ судьбу, и могъ гордиться своей побѣдой. Но, одолѣвъ врага въ открытомъ бою, онъ вскорѣ попался въ предательскую западню.

Однимъ изъ очень опасныхъ моментовъ работы на бойнѣ былъ тотъ, когда быкъ вырывался изъ рукъ рѣзаниковъ. Иногда первый ударъ молота не вполне оглушалъ его. Онъ падалъ, но сейчасъ же вскакивалъ и бросался бѣжать. Тогда поднимался страшный крикъ, всѣ бросали работу и бѣжали прятаться за колонны, сваливая съ ногъ другъ друга. Это было опасно и лѣтомъ,—и тѣмъ болѣе зимой, когда среди морознаго пара ничего не видать было передъ собой. Быка, конечно, нечего было бояться—онъ ни на кого не нападалъ и старался только удрать. Но какъ легко было напороться на ножъ: у всѣхъ въ рукахъ были остро наточенные ножи. Кромѣ того, иногда вбѣгалъ надвиратель съ ружьемъ, чтобы пристрѣлить быка,—и никто не былъ застрахованъ отъ его шальныхъ пуль.

Во время одной изъ такихъ суматохъ и случилось несчастіе съ Юргисомъ. Сначала дѣло казалось пустякомъ: убѣгая отъ

была, онъ слегка повредилъ себѣ ногу, оступясь. Было больно, но Юргисъ продолжалъ работать, не обращая вниманія на боль. Но когда онъ пошелъ пѣшкомъ домой, боль усилилась, а къ утру нога такъ распухла, что онъ не могъ надѣть сапогъ. Юргисъ злился, бранился, но все-таки завернулъ ногу въ тряпки, сѣлъ въ трамвай и кое-какъ добрался до фабрики. Какъ разъ въ этотъ день было очень много работы; Юргису становилось все больнѣе, и какъ онъ ни крѣпился, все-таки пришлось сказать надзирателю, что ему плохо. Призвали фабричнаго врача. Онъ осмотрѣлъ ногу и сказалъ Юргису, что онъ долженъ немедленно лечь въ постель. Онъ сказалъ также, что напрасно Юргисъ велъ себя такъ легкомысленно и продолжалъ работать съ поврежденной ногой. Теперь ему придется цѣлые мѣсяцы лежать въ постели. Но такъ какъ фабричное начальство не отвѣчало за такіа случайности, то врачу нечего было больше дѣлать. Юргисъ вернулся домой, невыразимо страдая отъ боли въ ногѣ, но еще больше отъ сознанія надвинувшейся на нихъ всѣхъ бѣдъ. Тетя Ельзбета уложила его въ постель, перевязала ногу и старалась не обнаруживать передъ нимъ своей тревоги. Когда остальные вернулись домой послѣ работы, то, послѣ предупрежденія тети Ельзеты, тоже входили къ нему съ бодрымъ видомъ и успокаивали его, говоря, что черезъ недѣлку-другую все пройдетъ. Но, собравшись потомъ въ кухнѣ, они стали шептаться о случившемся съ полнымъ ужасомъ. Они очутились въ безысходномъ положеніи. У Юргиса въ банкѣ было долларовъ шестьдесятъ, не больше. Юнасъ и Марія зарабатывали теперь не больше того, что стоило ихъ содержаніе, такъ что все остальное должно будетъ покрываться заработками Оны и маленькаго Станислава. Изъ этого нужно будетъ платить за домъ, еще немного за мебель, за уголь, за страховку. А теперь середина зимы, самое страшное время. Кто будетъ провожать Ону на работу? А маленький Станиславъ тоже сталъ хныкать и говорить, что не можетъ идти одинъ на работу.

Юргисъ, конечно, понималъ все это, какъ ни старались скрыть отъ него правду. Онъ чувствовалъ, что семья его близка къ голодной смерти, и это его такъ мучило, что онъ черезъ нѣсколько дней имѣлъ совершенно обезумѣвшій видъ. Неподвижное лежаніе на спинѣ было полнымъ ужасомъ для силача Юргиса. Тяжелыя мысли приходили ему теперь въ голову. Прежде онъ любилъ жизнь и никогда не приходилъ въ отчаяніе; онъ вѣрилъ, что человѣкъ можетъ все одолѣть, если только захочетъ. А теперь оказалось, что бѣда побѣждаетъ человѣка, какъ бы онъ ни бо-

ролся. Онъ убѣдился теперь, что въ этомъ огромномъ городѣ, гдѣ накоплено столько богатствъ, человѣческія существа могутъ быть затравлены на смерть стихійными силами, дикими звѣрями, какъ и въ пещерный періодъ.

Жена Юргиса зарабатывала около тридцати долларовъ, Станиславъ—около тринадцати. Къ этому прибавлялось еще долларовъ сорокъ-пять отъ Маріи и Іонаса за содержаніе. За вычетомъ платъ за домъ, за проценты, мебель и уголь, у нихъ оставалось пятьдесятъ долларовъ въ мѣсяцъ. Они сократили расходы до послѣдней возможности, носили лохмотья, и Она ходила пѣшкомъ на работу, страшно вредя себѣ этимъ. Они, буквально, ничего не покупали, кромѣ пищи, — и все-таки пятьдесятъ долларовъ не хватало, главнымъ образомъ, потому, что имъ продавали поддѣльные продукты за безбожно дорогую цѣну. Какъ иностранцевъ, ихъ обманывали на каждомъ шагѣ. Дома они привыкли ѣсть колбасу—и продолжали ѣсть ее и на своей новой родинѣ. Но они не знали, что колбаса здѣсь поддѣльная, что цѣтъ ея произведенъ химически, а начинка сдѣлана почти исключительно изъ картофельной муки—того, что остается въ картофелѣ послѣ извлеченія изъ него крахмала и алкоголя. Въ ней столько же питательности, какъ въ деревѣ, и такъ какъ въ Европѣ продажа этого суррогата запрещается закономъ, то тысячи тоннъ отправляются ежегодно въ Америку. И, конечно, нужны огромныя количества такого рода пищи для семьи изъ одиннадцати голодныхъ человѣкъ. Деньги таяли, и Она должна была каждую недѣлю брать понемногу изъ ихъ сбереженій. Такъ какъ деньги положены были въ банкъ на ея имя, то она могла не говорить Юргису, и терзалась, скрывая отъ него свою тревогу.

Юргису было тѣмъ болѣе тяжело, что больная нога не лишала его возможности думать. Онъ томился, раздражался, иногда отъ нетерпѣнія пробовалъ вставать, и бѣдной тетѣ Ельзбетѣ трудно было управиться съ больнымъ, который часто кричалъ на дѣтей, жалуясь, что они своей возней не даютъ ему никогда заснуть. Единственной отрадой бѣдной женщины былъ въ эти дни маленькій Антоша, прелестный, кроткій ребенокъ, который вѣчно улыбался. Для Юргиса тоже ребенокъ былъ большимъ утѣшеніемъ. Его люльку придвигали къ его постели, и онъ часами любовался своимъ Антошей, радовался его сходству съ собой и примирялся съ жизнью, глядя на улыбку ребенка.

XII.

Юргисъ пролежалъ три недѣли, и ему все не становилось лучше. Опухоль не опадала, и боль продолжалась попрежнему. Наконецъ онъ не могъ больше выносить бездѣйствія, и сталъ каждый день подниматься съ постели и дѣлать нѣсколько шаговъ, стараясь увѣрить себя, что ему лучше. Черезъ четыре дня, несмотря на общіе протесты, онъ рѣшилъ пойти на работу. Хромая и едва двигаясь, онъ добрался до трамвая и явился къ Броуну. Оказалось, что смотритель оставилъ мѣсто за нимъ, — т.-е. готовъ былъ выгнать на морозъ несчастнаго, котораго нанялъ на это время. Юргисъ сталъ на работу, но отъ времени до времени ему приходилось останавливаться отъ нестерпимой боли въ ногѣ; онъ все-таки проработалъ весь день и только за часъ до окончания работъ долженъ былъ перестать, чувствуя, что ему дѣлается дурно. Онъ былъ такъ опечаленъ, что плакалъ, какъ ребенокъ, прислонившись къ столбу. Два товарища проводили его до трамвая, а когда онъ сошелъ на улицѣ, гдѣ жилъ, то сѣлъ на снѣгъ, въ ожиданіи, что пройдетъ кто-нибудь знакомый и доведетъ его до дому. Его опять уложили въ постель и послали за докторомъ. Оказалось, что ему нужна была хирургическая помощь, безъ которой онъ бы никакъ не поправился. Докторъ сталъ выправлять ему его вывихъ, и цѣлыхъ полчаса Юргисъ терпѣлъ невообразимую боль. Онъ крѣпко сжалъ губы при этомъ и ни разу не застоналъ. Докторъ ушелъ, заявивъ, что Юргису необходимо пролежать два мѣсяца, и что если онъ раньше станетъ на работу, то останется хромымъ на всю жизнь.

Черезъ три дня послѣ того опять поднялась метель. Іонасъ, Марія и маленькій Станиславъ вышли всѣ выѣсть за часъ до рассвѣта, чтобы попасть на скотные дворы не около полудня. Станиславъ и Она вернулись. Они не доѣхали, и метель ихъ чуть не занесла. Станиславъ, повидимому, отморозилъ себѣ пальцы, и тетя Елизабета стала отогрѣвать ихъ у огня. Ему, конечно, сдѣлалось только хуже отъ этого, и онъ прыгалъ по комнатѣ, крича отъ боли, пока Юргисъ не пригрозилъ въ сердцахъ, что убьетъ его, если онъ не перестанетъ реветъ. Весь день они всѣ были въ тревогѣ, боясь, что Она и мальчикъ потеряли мѣсто. На утро мальчикъ заупрямился и отказался идти на работу, — морозъ нагонялъ на него паническій страхъ. Юргису пришлось поить его, чтобы сломить его упрямство; бѣдный мальчикъ не

понималъ еще, что лучше ему замерзнуть во время метели, чѣмъ упустить свою работу у машины, нацѣживающей сало. Къ счастью, Она не потеряла мѣста; сама надзирательница не смогла попасть въ мастерскую изъ-за метели и принуждена была оказать снисхожденіе и работницамъ.

Послѣдствіемъ этого эпизода было то, что у Станислава повреждены были верхніе суставы на трехъ пальцахъ, и что теперь его приходилось каждый день бить по утрямъ для того, чтобы онъ отправлялся на работу. Это было обязанностью Юргиса, и онъ изливалъ иногда на несчастномъ мальчикѣ свое озлобленіе противъ превратностей судьбы. У него все болѣе ожесточался характеръ, — какъ у пса на привязи. Но стояло, однако, Онѣ только взглянуть на него печальными глазами, чтобы гнѣвъ его проходилъ. Онъ былъ теперь такой жалкій, обросшій бородой, худой, съ провалившимися щеками. У него не было никакого аппетита, и онъ говорилъ, что это тѣмъ лучше, — по крайней мѣрѣ экономія на его ѣду. Въ концѣ марта ему попала въ глаза банковая книжка Оны, — и онъ узналъ, что у нихъ осталось всего три доллара денегъ.

Самое печальное послѣдствіе этой серіи несчастій было исчезновеніе Іонаса. Въ одну субботу онъ не вернулся домой вечеромъ и исчезъ навсегда. У Дургэма сказали, что онъ взялъ жалованье и послѣ того не показывался. Можетъ быть, это была неправда. Часто про рабочихъ, погибшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, говорили, что они пропали. Если, напримѣръ, человѣкъ попалъ въ чанъ и вошелъ въ составъ наилучшаго сала или патентованнаго химическаго удобренія, то зачѣмъ печалить его семью, сообщая ей такой фактъ? Но все-таки гораздо вѣроятнѣе было то, что Іонасъ отправился искать счастья гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Онъ былъ недоволенъ устройствомъ своей жизни. Платилъ онъ достаточно за свое содержаніе, а долженъ былъ жить въ голодающей семьѣ. Но онъ не могъ отказаться отъ своей доли въ общихъ расходахъ, въ виду того, что Марія давала столько же, сколько и онъ. Ему надобѣлъ дѣтскій плачь, нищета вокругъ, захотѣлось тишины, удобствъ — вотъ онъ и рѣшилъ попытать счастья гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Два года онъ работалъ какъ лошадь, перевозя туши на тяжелыхъ повозкахъ у Дургэма, не зная отдыха и свободнаго дня, кромѣ воскресеній, и вѣчно выслушивая ругань надзирателей. Теперь пришла весна, — и стоило пройти пѣшкомъ одинъ день, чтобы очутиться вдали отъ фабричнаго дыма, среди зелени и цвѣтовъ.

Но съ его исчезновеніемъ семья лишилась трети своего при-

хода, и это было большимъ несчастіемъ. Они опять стали брать деньги у Маріи, тратя ея сбереженія; брали деньги и у Кушлейки, такъ что опять вопросъ объ ихъ свадьбѣ отодвинулся на неопредѣленное время. Пришлось даже взять изъ школы младшихъ дѣтей. Кромѣ Станислава, у тети Ельзеты была дѣвочка Котрина, двѣнадцати лѣтъ, и два мальчика, Вильмась одиннадцать и Николай десяти лѣтъ. Они были очень смышленные дѣти, и рѣшено было послать ихъ продавать газеты. Разъ утромъ имъ дали по куску хлѣба съ колбасой и отправили въ городъ съ наставленіями, какъ продавать газеты. Первый день былъ неудачный—они вернулись въ слезахъ; у нихъ отобрали всѣ деньги, ихъ поколотилъ взрослый газетчикъ, потому что они, по невѣдѣнію, стали продавать въ его районѣ; но все-таки они кое-что продали, такъ что тѣ деньги, которыя имъ дали на дорогу, они принесли обратно. Черезъ недѣлю они приноровились къ своему дѣлу, узнали названія газетъ, узнали, гдѣ продавать, кому предлагать. Уходя изъ дома въ четыре часа утра, бѣгая весь день по улицамъ, сначала съ утренними, потомъ съ вечерними газетами, они приносили вечеромъ домой по двадцати-тридцати центовъ. Съ этой суммы приходилось отсчитывать за проѣздъ по трамваю въ городъ; но понемногу они научились мошенничать, вскакивать въ вагонъ, когда тамъ была такая толпа, что кондукторъ не требовалъ у нихъ билетовъ; или же, въ случаѣ если онъ требовалъ плату, они дѣлали видъ, что потеряли кошелекъ, и такъ плакали, что иногда какая-нибудь сѣрдобольная дама платила за билетъ. Всѣ эти продѣлки они считали совершенно дозволенными,—вѣдь собственники трамвая принадлежали все къ той же шайкѣ грабителей, управляющей городомъ,—и надуть ихъ не грѣхъ.

Съ наступленіемъ весны сдѣлалось легче и Юргису, который ужъ какъ-то свыкся съ положеніемъ больного, не выходящаго изъ дома. Жена его это замѣтила и старалась не нарушать его душевнаго покоя; она скрывала отъ него свои душевные страданія. Наступили весенніе дожди, и Она должна была непременно ѣздить по трамваю; ей однако было все-таки непріятно, что Юргись даже не замѣчаетъ, до чего она больна и истощена. Ей казалось, что онъ охладѣлъ къ ней, потому что она всегда виѣ дома, а когда возвращается, то говорить только объ ихъ несчастіяхъ. Иногда ей становилось невыразимо тяжело; она ночью будила мужа и со слезами спрашивала, любить ли онъ ее попрежнему. Бѣдный Юргись, подавленный нуждой, пересталъ понимать болѣе тонкія чувства. Онъ растерялся, ста-

рался припомнить, не сказалъ ли онъ женѣ что-нибудь сердитое невзначай. А Она долго еще рыдала и не могла заснуть.

Въ концѣ апрѣля Юргисъ сходилъ къ доктору. Докторъ далъ ему биндажъ для бинтованія ноги, и сказалъ, что онъ можетъ опять работать. Но оказалось, что мѣсто его у Броуна уже занято, — т.-е., что нашелся человекъ, работающій не хуже его, и надзирателю не хочется смѣщать его. Юргисъ постоялъ въ дверяхъ, поглядѣлъ, какъ работали его бывшіе товарищи, и почувствовалъ себя выброшеннымъ за бортъ. Онъ ушелъ и сталъ въ толпѣ безработныхъ у воротъ. Теперь онъ уже не былъ такъ увѣренъ въ себѣ, какъ прежде. У него былъ больной, измученный видъ—такой же, какъ у множества другихъ, искавшихъ мѣсяцами работы на скотныхъ дворахъ. Это былъ тяжелый моментъ въ жизни Юргиса, и будь онъ послабѣе, онъ бы погибъ, какъ и всѣ. Большинство стояло каждое утро у воротъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не разгонялъ полицейскій. Тогда они разсыпались по сосѣднимъ кабакамъ. Мало кто рѣшался проникнуть во внутрь фабрикъ, чтобы повидаться съ смотрителями,—они знали, что ихъ ждетъ отказъ. Имъ оставалось одно—сидѣть по кабакамъ весь день и весь вечеръ, чтобы съ утра начать снова ждать у воротъ. Юргиса спасала отъ такой жизни мысль о женѣ. Онъ видѣлъ передъ собой блѣдное личико Оны, и рѣшалъ бороться до конца. Онъ долженъ найти мѣсто и отложить деньги, чтобы въ слѣдующую зиму ей уже не пришлось такъ страдать.

Но онъ не находилъ работы. Онъ обратился сначала къ членамъ рабочаго союза, прося ихъ похлопотать за него, потомъ обращался ко всѣмъ знакомымъ, побывалъ на всѣхъ фабрикахъ,—но нигдѣ никакой работы для него не оказалось. Кончилось тѣмъ, что его всѣ надзиратели запомнили въ лицо, и выгоняли съ угрозами, когда онъ вторично приходилъ. Ему ничего другого не оставалось, какъ стоять съ толпой по утрамъ и ждать, а потомъ онъ возвращался домой и развлекался, играя съ маленькой Котриной и со своимъ младенцемъ.

Юргисъ зналъ, почему его не нанимали,—и это было самое горькое. Вначалѣ онъ получилъ работу въ первый же день,—потому что онъ былъ сильный работникъ, и всѣ рады были взять его. Теперь онъ уже сталъ похуже сортомъ, и никто въ немъ не нуждается. Изъ него вытянули всѣ силы, а теперь его выбросили на улицу. Разговаривая съ товарищами по несчастью, Юргисъ убѣдился, что всѣ прошли черезъ то же самое. Нѣкоторые пришли сюда издалека, съ другихъ фабрикъ, гдѣ потеряли всѣ силы; иные были сами виноваты въ своихъ несчастяхъ

тѣмъ, что поддались соблазну и стали пить, но большинство были, какъ и онъ, использованными до конца и выброшенными за необходимостью частями машины, изготовляющей мясные консервы. Многие изъ нихъ работали съ той скоростью, которая требовалась на фабрикахъ, въ теченіе десяти, иногда по двѣнадцати лѣтъ,—а когда они уже не могли работать въ ногу съ другими, имъ откровенно заявляли, что они слишкомъ стары, и что на ихъ мѣсто нуженъ человѣкъ болѣе сильный. Нѣкоторые—очень немногіе—лишались мѣста по собственной винѣ, по неисполнительности или неумѣнью работать. Но большинство было въ такомъ же положеніи, какъ Юргисъ. Они такъ долго работали сверхъ силъ и не дождались, что первая случайная болѣзнь окончательно сваливала ихъ съ ногъ. Или же съ ними случалось несчастье—зараженіе крови послѣ порѣза ножомъ, и они мѣсяцами лежали въ постели. Если послѣ такой болѣзни человѣкъ приходилъ обратно просить мѣста, ему неизмѣнно отказывали,—кромѣ того случая, когда онъ пострадалъ по винѣ фабрики. Тогда къ нему подсылали адвоката и старались убѣдить его не подавать жалобы въ судъ. Если же онъ оказывался не дуракомъ и настаивалъ на своихъ правахъ, то его уговаривали не поднимать исторіи, обѣщая за это доставлять работу ему и его семьѣ. Это обѣщаніе держали ровно два года. Этимъ исчерпывался срокъ, въ теченіе котораго можно было жаловаться,—и тогда съ нежелательнымъ слабымъ рабочимъ быстро кончали расчеты. Позднѣйшая участь рабочаго, утратившаго способность къ труду, зависѣла отъ обстоятельствъ. Если онъ принадлежалъ къ разряду искусныхъ специалистовъ, то обыкновенно успѣвалъ достаточно отложить, чтобы жить потомъ, не работая. Самую высокую плату получали рабочіе, „разсвѣжающіе тушу“; они зарабатывали по пяти-шести долларовъ въ день въ горячее время и не менѣе двухъ въ самое плохое. На это можно было жить и еще откладывать. Но такихъ „разсвѣкателей“ было человѣкъ шесть на каждой бойнѣ,—не больше. А обыкновенный средній рабочій зарабатывалъ около десяти долларовъ въ недѣлю въ горячее время и около пяти во время застоя дѣлъ; его судьба зависѣла отъ того, какая у него была семья. Неженатый человѣкъ могъ дѣйствительно откладывать,—но только въ томъ случаѣ, если онъ былъ не пьющій и, кромѣ того, былъ совершенно равнодушенъ къ судьбѣ голодающихъ родителей, маленькихъ братьевъ и сестеръ и къ товарищамъ, умирающимъ отъ голода рядомъ съ нимъ.

Съ англ. З. В.

„РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВЫСТУПЛЕНІЕ“ ДУМЫ

И

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

I.

Со времени роспуска Государственной Думы прошелъ первый мѣсяцъ. Какъ ни быстро въ переживаемое время текутъ событія и мѣняются настроенія, роспускъ Думы все же продолжаетъ быть центральнымъ вопросомъ дня. И такимъ онъ останется еще долго.

Иначе, конечно, быть не можетъ. Въ ходѣ русской революціи роспускъ первыхъ представителей народа, какъ бы ни оцѣнивать этотъ актъ, навсегда останется событіемъ глубокаго историческаго значенія. Все равно—оправдаются ли надежды министерства, что за нимъ наступитъ успокоеніе, которое дастъ возможность начать черезъ полгода мирное обновленіе государственнаго строя, обратившагося въ разсыпанную хламину, или надежды реакціи—что имъ будетъ положенъ конецъ попыткамъ выйти изъ рутинны археологическихъ „исконныхъ русскихъ началъ“, или надежды революціонеровъ—что онъ приблизитъ, съ ихъ точки зрѣнія неизбежный и потому необходимый, боевой періодъ.

Но мѣсяцъ времени сгладилъ остроту впечатлѣній. Роспускъ Думы, самъ по себѣ—независимо отъ послѣдствій—отошелъ назадъ и его можно обсуждать, если не съ безстрастностью историка, то, во всякомъ случаѣ, хоть съ условной объективностью.

Почему Государственная Дума была распущена 8 іюля? На комъ лежитъ отвѣтственность за ея роспускъ или—что то же—чье имя будетъ покрыто за роспускъ Думы славой, если будущее покажетъ, что роспускъ ея былъ фактомъ положительнымъ, а не отрицательнымъ? Падаетъ ли эта отвѣтственность—о славѣ мы не думаемъ, о ней пусть думаютъ другіе—на бывшихъ членовъ Государственной Думы?

Ни одинъ изъ бывшихъ членовъ Думы не можетъ по совѣсти сказать на послѣдній вопросъ: нѣтъ. Какія бы слова ни выходили изъ его устъ или изъ-подъ его пера, это все будутъ объясненія и оправданія. Въ глубинѣ души онъ долженъ испытывать ощущенія горькаго,

ничѣмъ невзгладимаго осадка: доля отвѣтственности упала на „меня“. Людямъ, бойкотировавшимъ выборы и говорившимъ, что учрежденіе Думы страдаетъ органическимъ порокомъ, вслѣдствіе котораго Дума предстоитъ скорый „разгонъ“ и больше ничего, онъ отвѣчалъ: это неправда. Въ людяхъ, вѣрившихъ въ жизнеспособность Думы, онъ поддерживалъ эту вѣру. Онъ, наконецъ, принималъ отъ нихъ избраніе, сознавая, что Дума, въ ихъ глазахъ, послѣдній авторитетъ и могущественный якорь спасенія, знаменующій конецъ безысходнаго горя, голодной нужды и безпросвѣтной темноты. Дума распущена — значитъ, онъ былъ неправъ. Значитъ — онъ переоцѣнилъ реальную силу воли народа, выраженной его первыми избранниками, или ошибся въ опредѣленіи внѣшнихъ условій дѣятельности представительства. Или: онъ не сумѣлъ побѣдить эти условія, у него не хватило для того силы убѣжденія, такта, знаній...

Съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть, политическая отвѣтственность передъ родиной за послѣдствія роспуска Думы лежитъ не только — и не столько даже — на министрахъ — Горемыкинѣ или Столыпинѣ, все равно, — сколько на коллективномъ „я“ бывшихъ членовъ Думы. Горемыкина и Столыпина народъ не зналъ и своимъ довѣріемъ не облакалъ. Народъ облакъ величайшимъ довѣріемъ членовъ Думы и ихъ послалъ, чтобы они мирнымъ, легальнымъ путемъ добились для него воли и земли. Они ничего не добились и распущены. Близость разрѣшенія правового и экономическаго кризисовъ отодвинулась. Отъ отвѣтственности за это ничто не можетъ освободить ни трудовиковъ, ни октябристовъ, ни польское коло, ни кадетовъ, ни представителей всѣхъ другихъ парламентскихъ группъ.

Автору настоящихъ строкъ особенно приходится испытывать чувство отвѣтственности. Ему принадлежала инициатива обращенія отъ лица Думы къ населенію, т.-е. совершенія того дѣйствія, которое въ манифестѣ 9 іюля названо „явно незаконнымъ“ и которое, какъ показываютъ даты, послужило поводомъ для роспуска Думы.

Да, мы, бывшіе избранники, отвѣтственны за всѣ неизвѣстныя еще слѣдствія роспуска Думы. Мы отвѣтственны за то, что, работая надъ рѣшеніемъ земельного вопроса, хотѣли непосредственно сказать народу, какими мѣрами имѣемъ мы въ виду утолить земельный голодъ крестьянской деревни. Мы отвѣтственны за то, что въ моментъ, когда аграрный пожаръ готовъ былъ разгорѣться, обратились къ населенію съ призывомъ не терять вѣры въ мирный и успѣшный для него исходъ борьбы съ внуками крѣпостниковъ. И намъ предстоитъ судъ, — судъ потомства — во-первыхъ, — судъ избирателей — во-вторыхъ. Чтò скажемъ мы при предстоящихъ новыхъ выборахъ?

II.

Что представляло собою вотирированное 6 іюля обращеніе отъ лица Думы къ населенію? Знаменовало ли оно намѣренное „революціонное выступленіе“ большинства членовъ Думы—по формѣ и по содержанию? Съ другой стороны, было ли оно, по замыслу того же большинства, только боевымъ ударомъ въ борьбѣ съ министерствомъ—ударомъ, въ которомъ сила средства не была согласована съ цѣлью?

Въ первомъ смыслѣ обращеніе трактовалось вѣтъ стѣнъ Думы въ теченіе всѣхъ десяти дней, прошедшихъ отъ внесенія предложенія о немъ и до принятія его текста, и трактуется до сихъ поръ въ официальныхъ и реакціонныхъ кругахъ. Петербургскій губернаторъ, на примѣръ, рекомендуетъ земскимъ начальникамъ говорить крестьянамъ, что „такія обращенія и воззванія ни въ какихъ, даже республиканскихъ, странахъ не допускаются; по нашимъ законамъ въ подобномъ образѣ дѣйствій можно видѣть только преступную измѣну присягѣ“.

Во второмъ—его трактовали съ думской каеэды нѣкоторые изъ октябристовъ и изъ представителей польскаго кола. Особенно характерна была въ этомъ отношеніи рѣчь г. Скирмунта. „Еслибы — говорилъ онъ—Государственная Дума ограничилась, согласно предложенію отъ 23 іюня, представленіемъ срочнаго запроса министерству по поводу правительственнаго сообщенія, то я не просилъ бы слова, чтобы возражать противъ этого. Но теперь дѣло идетъ о совершенно иномъ. Мы находимся въ остромъ недоразумѣніи съ властью. Оказалось желательнымъ нанести ударъ министерству. Да, но не всякіе удары дозволены; нельзя убивать назойливую муху на чужой щекѣ. Передъ подобной борьбой необходимо тщательно и осторожно избрать для нея почву“ ¹⁾.

Прежде чѣмъ разбирать оба воззрѣнія, возобновимъ факты.

20 іюня на страницахъ „Правительственнаго Вѣстника“ появилось „правительственное сообщеніе“. Оно начиналось словами: „Исполняя Высочайшее повелѣніе Государя Императора о немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію быта земельнаго крестьянства, правительство внесло въ Государственную Думу свои предположенія о способахъ улучшенія и расширенія крестьянскаго землевладѣнія и объ измѣненіи порядка землепользованія крестьянъ на ихъ надѣльныхъ земляхъ“. Послѣ этой вступительной фразы и краткихъ мотивовъ, перечисля-

¹⁾ Не имѣя въ рукахъ официальнаго стенографическаго отчета засѣданія 4 іюля, цитирую по отчету „Страны“ (№ 116).

лись въ десяти пунктахъ „предположенныя правительствомъ и внесенныя имъ на разсмотрѣніе Государственной Думы мѣры для улучшенія земельного быта крестьянъ“. Среди предположенныхъ мѣръ были упомянуты и слѣдующія двѣ, болѣе чѣмъ рискованныя: а) „вслѣдствіе недостаточности казенныхъ земель для удовлетворенія земельной нужды всей малоземельной части крестьянства, купить для той же цѣли за счетъ государства отъ частныхъ владѣльцевъ добровольно продаваемыя ими земли, и б) продавать приобрѣтенныя за счетъ государства земли нуждающимся въ ней малоземельнымъ крестьянамъ по цѣнамъ, доступнымъ для крестьянъ, *съ принятіемъ, въ случаѣ необходимости, разницы между цѣной, по которой земля приобрѣтена отъ частныхъ владѣльцевъ, и цѣной, по которой она будетъ предоставлена крестьянамъ, на счетъ общихъ государственныхъ средствъ*“. Въ заключеніе перечня, сообщеніе оповѣщало, что „для того, чтобы, не теряя времени, немедленно облегчить положеніе наиболее нуждающейся части крестьянства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянская нужда особенно настоятельно требуетъ удовлетворенія, одновременно съ симъ учреждены особыя комиссіи изъ мѣстныхъ людей, въ составъ которыхъ войдутъ и крестьяне, выбранные на волостныхъ сходахъ“. Но кѣмъ и на основаніи какого закона „одновременно съ симъ учреждены особыя комиссіи изъ мѣстныхъ людей“—сообщеніе умалчивало.

Вся вторая часть сообщенія носила рѣзко полемическій характеръ. Сперва, главнымъ образомъ при помощи произвольно комбинируемыхъ среднихъ цифръ, правительство оспаривало „распространяемое (безъ указанія кѣмъ) среди сельскаго населенія убѣжденіе, что земля не можетъ составлять чьей-либо собственности, а должна состоять въ пользованіи только трудящихся на ней, и что поэтому необходимо произвести принудительное отчужденіе *всѣхъ* частновладѣльческихъ земель“. А затѣмъ—„распространяемые въ народѣ слухи, будто правительство не соглашается на принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, отстаивая выгоды помѣщиковъ“. „Это—говорилось въ сообщеніи—невѣрно: правительство охраняетъ законныя права всѣхъ и cadaго, но въ давномъ случаѣ полагаетъ, что не землевладѣльцамъ нанесло бы ущербъ принудительное отчужденіе отъ нихъ земель, а самому крестьянству. Землевладѣльцы получаютъ за свою землю выкупъ по справедливой оцѣнкѣ, т.-е. превращаютъ свое земельное имущество въ деньги, которыя будутъ приносить имъ одинаковый и даже болѣе вѣрный доходъ, нежели хозяйство на землѣ. Пострадаетъ отъ предположенной мѣры земледѣльческое сословіе. Болѣе обезпеченные крестьяне лишатся части своей земли, малоземельные получатъ незначительную прибавку. Все крестьянство лишится зара-

ботковъ во владѣльческихъ экономіяхъ и, слѣдовательно, лишится значительной части получаемыхъ имъ нынѣ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, мѣра эта ввергла бы все населеніе страны въ безысходную нищету, а въ годы неурожая обрекла бы его на вѣрный голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями“.

Наконецъ, въ третьей части вспоминались „прошлыя заботы русскихъ Государей о земельной нуждѣ крестьянства“, которые „неопровержимо свидѣлствуютъ, что и въ будущемъ всякія мѣры, направленные къ этой цѣли и отвѣчающія народной пользѣ, будутъ неуклонно осуществляться исполняющимъ Царскую волю правительствомъ“. Последней фразой въ сообщеніи стояло: „Русское крестьянство должно знать и помнить, что не отъ смутъ и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ о немъ заботъ Государя Императора“.

По поводу правительственнаго сообщенія отъ 20-го іюня, 116 членовъ конституціонно-демократической партіи, трудовой и социаль-демократической группъ внесли въ Государственную Думу срочное заявленіе о запросѣ. Авторы заявленія исходили изъ признанія сообщенія незаконномѣрнымъ—„въ виду того, что министерство отнюдь не можетъ претендовать на исключительное единеніе съ верховной властью послѣ учрежденія Государственной Думы и отождествлять себя съ правительствомъ“ — и изъ утвержденія, что сообщеніе „можетъ, при современномъ положеніи государства, повести лишь къ обостренію земельныхъ отношеній“.

Утвержденіе это они обосновывали, во-первыхъ, на томъ, „что широкому оглашенію преданы основы аграрной реформы, находящіяся въ полномъ и явномъ противорѣчій съ заявленными Государственной Думою предположеніями“. Во-вторыхъ, на томъ, что слова сообщенія, будто „прибавленіе земли крестьянамъ можетъ ихъ разорить, а уничтоженіе помѣщичьихъ имѣній грозитъ крестьянамъ голодомъ и вѣчной нищетой, равно предостереженія его о якобы грядущемъ отнятій у крестьянъ ихъ земель и отчужденія всей земли въ пользу государства, являясь съ одной стороны совершенно произвольными, съ другой—имѣютъ нескрываемую цѣль опорочить въ глазахъ населенія работу Государственной Думы по земельному вопросу“.

Въ резолютивной части заявленія предлагалось запросить председателя совѣта министровъ: „1) На какомъ основаніи сдѣлано означенное сообщеніе отъ имени правительства? 2) Приняты ли мѣры къ тому, чтобы означенное сообщеніе, какъ не исходящее отъ правительства, было немедленно изъято изъ обращенія и опровергнуто въ органахъ печати, его опубликовавшихъ? 3) Сдѣлано ли распоряженіе о томъ, чтобы подобные акты болѣе не повторялись?“

Формулируя запросъ въ этихъ выраженіяхъ, авторы заявленія, очевидно, имѣли въ виду буквальный смыслъ ст. 66 основныхъ законовъ, допускающій запросы не по существу совершеннаго дѣйствія, а по поводу его формальной законности. Для этого они и въ мотивахъ выдвинули на первое мѣсто неправильное, по ихъ мнѣнію, наименованіе сообщенія „правительственнымъ“, и въ выводахъ сочли себя вынужденными остаться въ предѣлахъ отрицанія за министрами права говорить отъ имени правительства.

Но такая конструкція дѣлала запросъ явно искусственнымъ. Министерство распубликовало сообщеніе исключительной важности и построило его такъ, что при поверхностномъ чтеніи получалось впечатлѣніе, будто въ немъ излагаются не воззрѣнія на способы рѣшенія земельного вопроса, высказывавшіяся въ Думѣ гг. Стишинскимъ и Гурко, а воля Монарха. Эту волю оно умѣло и ловко противопоставило намѣреніямъ представителей народа. Оно дало понять, что не отъ Думы народъ можетъ получить и долженъ ожидать дѣйствительнаго удовлетворенія его жгучей нужды; оно заявило, что помимо законодательной власти имъ учреждены какія-то мѣстныя комиссіи... А Дума будетъ играть словами и спрашивать: почему къ заголовку сообщенія прибавленъ эпитетъ „правительственное“, почему оно не названо просто „сообщеніемъ“ или не выпущено безъ всякаго заголовка?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторы заявленія упустили изъ виду, что дѣйствующій законъ вообще не опредѣляетъ понятія „правительство“ и что въ манифестѣ 17-го октября правительствомъ было названо впервые образованное объединенное министерство. А потому текстъ вопросовъ, съ которыми предлагалось обратиться къ предсѣдателю совѣта министровъ, заранее обрекалъ запросъ на безрезультатность. Г. Горемыкинъ несомнѣнно, отвѣчая на первый вопросъ, сослался бы на манифестъ 17-го октября и оставилъ бы безъ отвѣта коварные второй и третій. Такимъ образомъ, получилось бы нѣчто вродѣ выстрѣла изъ орудія большого калибра въ пустое пространство. Шумъ, грохотъ, остроуміе — и больше ничего.

26-го іюня Государственная Дума выслушала передъ тѣмъ напечатанное и розданное заявленіе. Я предложилъ перередактировать его резолютивную часть. Вошедшій послѣ меня на кафедру, членъ Думы Обнинскій, первымъ подписавшій заявленіе, присоединился къ моему предложенію. Онъ просилъ отложить принятіе запроса до слѣдующаго засѣданія, высказавъ при этомъ, однако, опасенія, что въ распоряженіи министерства для отвѣта на запросъ остается, въ силу закона, цѣлый мѣсяцъ, и что въ теченіе этого мѣсяца оно „успѣетъ сдѣлать много такихъ правительственныхъ сообщеній“. „Я положи-

тельно теряюсь—говорилъ г. Обнинскій,—какія можно изобрѣсти средства, чтобы парализовать вредную дѣятельность министерства“¹⁾.

Слѣдующій ораторъ, А. А. Мухановъ, высказался одинаково со мною противъ принятія запроса въ предложенной редакціи и за необходимость реагировать на правительственное сообщеніе отъ 20-го іюня, но въ другой формѣ. „По моему,—сказалъ онъ,—незаконмѣрность этого правительственнаго сообщенія лежитъ вовсе не въ его названіи, а въ его существѣ. Всякое правительственное сообщеніе имѣетъ опредѣленную цѣль—выяснить извѣстное опредѣленное отношеніе. Правительственное сообщеніе въ области политики международной имѣетъ цѣлью выяснить отношеніе императорской власти къ другому государству. Въ области внутренней политики правительственное сообщеніе должно преслѣдовать двѣ цѣли, если въ нихъ имѣется надобность: разъяснить какой-нибудь вопросъ, или успокоить населеніе, взволнованное какимъ-нибудь событіемъ. Въ данномъ правительственномъ сообщеніи разъясненія никакого нѣтъ; нѣтъ также и успокоенія; напротивъ, вносится смута въ самый острый, жгучій вопросъ. Народъ нашъ можетъ не видѣть разницы между правительствомъ и министерствомъ, и, такимъ образомъ, это сообщеніе можетъ быть имъ понято, какъ сообщеніе, исходящее отъ Монарха, Государственной Думы и министровъ, словомъ, отъ всей совокупности правительства. Такимъ образомъ, вмѣсто разъясненія вопроса и успокоенія взволнованной народной массы, мы видимъ здѣсь попытку (я не стану распространяться послѣ рѣчи члена Государственной Думы Кузьмина-Караваева) внести новую смуту, потому что въ сообщеніи дѣлаются указанія на планы правительства, противорѣчащія тому, что говорила Государственная Дума передъ лицомъ всей страны и что она сказала Монарху. Народъ подумаетъ, что Дума его обманула и отступила отъ своихъ обѣщаній“²⁾.

Послѣ рѣчи А. А. Муханова, я, сославшись на внесенный издательской комиссіей, но еще Думой не рассмотрѣнный проектъ „публикованія и разсылки отдѣльных постановленій и рѣчей“, заявилъ, что положеніе, безвыходное по мнѣнію члена Думы Обнинскаго, въ сущности таковымъ не представляется. Я разбилъ свое первоначальное предложеніе на два: „передать запросъ въ постоянную комиссію 33-хъ (образованную специально для этой цѣли) для перередактированія, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручить той же комиссіи, или комиссіи аграрной, какъ болѣе компетентной въ настоящемъ дѣлѣ, выработать проектъ мотивированнаго постановленія Государственной Думы — по-

¹⁾ Официальный стенографическій отчетъ, стр. 1750.

²⁾ Тамъ же, стр. 1751.

становленія или формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, это все равно—во всякомъ случаѣ, по содержанію проектъ контръ-сообщенія, — такого контръ-сообщенія, которое могло бы быть опубликовано отъ лица Государственной Думы“.

Далѣе говорилъ В. Е. Якушкинъ. Указавъ на то, что наблюдавшееся въ послѣднее время усиленіе аграрнаго движенія въ тульской и курской губ. было въ прямой связи съ министерской деклараціей отъ 13 мая, онъ отмѣтилъ однородность по мысли правительственнаго сообщенія съ деклараціей, почему есть полное основаніе ожидать, что однородны же будутъ и послѣдствія. „Мы обязаны—закончить г. Якушкинъ—отвѣтить на это сообщеніе, которое возмущаетъ народъ, такимъ сообщеніемъ отъ имени Государственной Думы, которое должно его успокоить, чтобы народъ видѣлъ, что она, Государственная Дума, не отказалась отъ своихъ начинаній, что она стремится достигнуть возможности удовлетворенія земельной нужды народа“ ¹⁾. На баллотировку была поставлена слѣдующая формула: „передать запросъ для редактированія въ комиссію 33-хъ и поручить аграрной комиссіи представить проектъ сообщенія отъ Думы“. Возраженій никто не заявилъ, и формула была объявлена принятой.

III.

Вотъ точное воспроизведеніе по стенограммѣ обстоятельствъ и мотивовъ принятаго 26 іюня рѣшенія.

На слѣдующій день, 27 іюня, Государственная Дума слушала докладъ издательской комиссіи. Комиссія отвергла, въ виду крайней дороговизны и громоздкости матеріала, разсылку полныхъ стенографическихъ отчетовъ во всѣ волостныя правленія. Отвергла она также печатаніе и разсылку извлеченій изъ отчетовъ, справедливо находя, что „сокращеніе преній, исключивъ ихъ живость и всѣ особенности противорѣчій во взглядахъ, сдѣлало бы ихъ не только сухими и безжизненными, но придало бы имъ внѣшнюю кажущуюся безсодержательность“. „Съ другой стороны, необходимость измѣненій, непремѣнно связанная съ отсутствіемъ точности, создать—докладывала комиссія—возможность обвиненій въ предвзятости и односторонности, какую бы тщательность ни прикладывали редакторы, которымъ поручался бы пересказъ“. Но въ то же время комиссія полагала, что если Дума сочтетъ нужнымъ, она можетъ установить существующій единственно во Франціи изъ парламентскихъ странъ обычай

¹⁾ Тамъ же, стр. 1752.

распубликованія и разсылки по всей странѣ такихъ законопроектовъ, рѣшеній или даже рѣчей, которые она сочтетъ выдающимися и желаетъ довести до свѣдѣнія народа“. Сообразно съ этимъ коммиссія внесла въ проектъ подъ пунктомъ первымъ второго отдѣла слѣдующее опредѣленіе: „Когда Дума признаетъ необходимымъ поставить все населеніе имперіи въ извѣстность о своемъ постановленіи, или о принятомъ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, или объ отдѣльной, по поводу одного изъ этихъ событій, рѣчи,—она постановляетъ о распубликованіи ихъ“.

Разъясняя проектъ, докладчикъ, М. А. Стаховичъ, сказалъ немного: „По пункту первому коммиссія имѣла въ виду не исключительно одинъ изъ перечисляемыхъ для примѣра случаевъ, а, конечно, всю полноту рѣшеній Думы. Дума можетъ постановить распубликовать полный стенографическій отчетъ дѣлаго засѣданія или отдѣльные его моменты, или отдѣльные законопроекты, или одну какую-либо рѣчь, или мотивированный переходъ къ дѣламъ. Это перечисленіе имѣетъ только примѣрное значеніе и не исключаетъ возможности распубликовать полностью все засѣданіе, буде Государственная Дума о томъ постановитъ“. Никто не представилъ возраженій, и проектъ коммиссіи былъ принятъ ¹⁾. А такъ какъ вопросъ разсматривался въ порядкѣ наказа, т.-е. не подлежалъ ни передачѣ въ Государственный Совѣтъ, ни послѣдующей санкции Государя, то изложенное выше опредѣленіе немедленно вступило въ силу. Министры въ засѣданіи Думы 27 іюня во обычаю отсутствовали.

Работа аграрной коммиссіи по составленію проекта обращенія отъ Государственной Думы замедлилась. Докладъ былъ представленъ 3 іюля, и тогда же Дума опредѣлила обсудить его 4 іюля. Коммиссія предложила повторить въ обращеніи касающуюся аграрнаго вопроса часть отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, затѣмъ указать, что Дума послѣ министерской деклараціи выразила министрамъ недоувѣріе „и немедленно приступила сама къ выработкѣ новаго земельного закона“ и перечислить принятыя уже въ коммиссіи главныя начала этого закона. Далѣе предлагалось напомнить, „что по манифесту 17 октября 1905 г. никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ одобренія Государственной Думы“. А въ заключеніе проектировалось сказать: „Что же касается до принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, то Государственная Дума отъ сего основанія новаго земельного закона не отступить, отклоняя всѣ предположенія, съ этимъ началомъ не согласованныя. Указывая, наконецъ, что только тщательно обдуманнѣйшій и правильно составленнѣйшій

¹⁾ Тамъ же, стр. 1774.

законъ можетъ дать народу земельное обезпеченіе, Государственная Дума надѣется, что населеніе будетъ покойно и мирно ожидать окончанія ея работы по изданію такого закона“.

Все засѣданіе 4 іюля, затянувшееся почти до 12 ч. ночи, было посвящено общимъ преніямъ по докладу аграрной комиссіи. Въ началѣ засѣданія, кажется, присутствовалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Столыпинъ, но участія въ преніяхъ не принималъ.

Наиболѣе энергичныя возраженія противъ проекта обращенія къ народу состояли въ указаніи на несоотвѣтствіе между значеніемъ предложенной мѣры и преслѣдуемой ею цѣлью. Съ точки зрѣнія однихъ, содержаніе проекта не отвѣчало цѣли потому, что было слишкомъ блѣдно и слабо. Съ точки зрѣнія другихъ—если не проектируемый текстъ, то самый фактъ обращенія отъ лица Государственной Думы къ населенію представлялся, сравнительно съ тѣмъ, что имѣлось въ виду, какъ цѣль, чрезвычайно крупнымъ.

Кромѣ г. Скирмунта, среди этихъ другихъ были кн. Волконскій, кн. Друцкой-Любецкій, г. Ярцевъ, гр. Гейденъ, Л. І. Петражицкій. „Я представляю себя—говорилъ Л. І. Петражицкій—такое обращеніе къ народу, какъ актъ великой важности, какъ обращеніе съ новымъ и великимъ словомъ для достиженія великаго эффекта, великой цѣли. И вотъ, съ этой точки зрѣнія, меня прежде всего поражаетъ крайнее несоотвѣтствіе между характеромъ задуманнаго акта—обращеніемъ Думы къ народу, ко всѣмъ народамъ, населяющимъ имперію,—и тѣмъ, что въ этомъ сообщеніи говорится. Какое великое слово сообщается отъ Думы народу? Здѣсь сообщается о разныхъ постановленіяхъ аграрной комиссіи Думы. Въ этихъ сообщеніяхъ не имѣется ничего существенно новаго по сравненію съ тѣмъ, что Дума въ торжественной формѣ выразила въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Сообщение, говоря лишь о работахъ аграрной комиссіи, будетъ представлять нѣчто весьма скромное и неновое“. Ораторъ заявлялъ, что разъясненіе фактическаго положенія дѣла, искаженнаго въ правительственномъ сообщеніи, можетъ быть достигнуто иначе: „можно, наприимѣръ, постановить, чтобы аграрная комиссія представила отчетъ о работахъ, и этотъ отчетъ опубликовать“¹⁾. Гр. Гейденъ, раздѣляя тотъ же взглядъ, полагалъ, что было бы болѣе правильно рѣшить сообщать во всеобщее свѣдѣніе о ходѣ работъ по аграрному вопросу регулярно—одинъ или два раза въ мѣсяцъ.

Блѣднымъ и слабымъ находили внесенный проектъ гг. Жилкинъ, Ледницкій, Рамисвили, Сафоновъ, Галецкій. Ораторы этой группы, кромѣ г. Ледницкаго, смотрѣли на обращеніе къ народу, какъ на

¹⁾ Эта и дальнѣйшія цитаты—см. „Страна“, №№ 116, 117, 118 и 119.

средство установленія живой связи Думы съ народомъ. Г. Жилкинъ особенно возражалъ противъ послѣднихъ словъ проекта. „Миръ и спокойствіе!—говорилъ онъ.—Но развѣ Государственная Дума явилась благодаря миру и спокойствію?.. По моему мнѣнію, нужно подчеркнуть мысль, что не миръ и спокойствіе, а безпокойство въ хоромѣхъ и великомъ смыслѣ этого слова можетъ организовать массы, силотить ихъ около Думы и добиться вмѣстѣ съ Думой осуществленія и другихъ широкихъ и великихъ народныхъ законовъ“. Рѣчь г. Ледницкаго носила условный характеръ. Если имѣть въ виду цѣль, намѣченную г. Жилкинымъ, то текстъ проекта, по словамъ г. Ледницкаго, „является ничтожнымъ“. Если становиться на путь воззванія къ народу, „то нужно его выработать въ такой формѣ, чтобы она дѣйствительно отвѣчала намѣченной цѣли“. Но становиться на этотъ путь г. Ледницкій не рекомендовалъ, а предложилъ ограничиться принятіемъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ „съ надлежащей рѣзкой мотивировкой, какъ дѣйствій министерства, такъ и положенія страны“.

На оба фронта отвѣчали гг. Котлиревскій, Гредескулъ, Якушкинъ, Бокоскинъ. Всѣ они стремились ввести вопросъ въ рамки рѣшенія, принятаго Думою 26 іюня. „Прежде всего—такъ началъ г. Котлиревскій—я хотѣлъ бы ввести наше теперешнее обсужденіе въ рамки того вопроса, который насъ занимаетъ. Я думаю, что, предпринимая этотъ шагъ, мы ни на какой новый путь не вступаемъ. Ничего революціоннаго въ нашемъ актѣ нѣтъ уже потому, что всякій революціонный призывъ есть призывъ къ дѣйствіямъ, а здѣсь этого нѣтъ. Мы должны просто разсѣять тотъ туманъ, который сталъ между нами и населеніемъ. Никакой перемены тактики здѣсь нѣтъ, новаго тоже ничего нѣтъ. Это сообщеніе имѣетъ лишь цѣлью извѣстить населеніе о томъ, что происходитъ, и главное, что есть въ этомъ актѣ,—это широкое освѣдомленіе народа. Разъ это такъ, то, въ сущности говоря, форма не играетъ особенной роли. Здѣсь самое важное, самое главное, чтобы не было никакой неопредѣленности, никакой недоговоренности, но чтобы въ каждомъ нашемъ словѣ чувствовался безусловный авторитетъ истинности и правдивости“.

6 іюля Дума перешла къ обсужденію доклада аграрной комиссіи во второмъ чтеніи, т.-е. по частямъ. И. И. Петрункевичъ отъ имени партіи народной свободы внесъ поправку, заключающую въ себѣ новую редакцію всего текста обращенія. Онъ мотивировалъ необходимость отказаться отъ редакціи аграрной комиссіи ея недостаточной опредѣленностью, что подтвердили пренія 4 іюля, и вообще слѣдующими соображеніями: „Мнѣ кажется, было бы въ высшей степени важно, еслибы Дума своимъ постановленіемъ ясно и опредѣленно

показала, что въ ея задачу вовсе не входитъ въ настоящій моментъ ни захватъ исполнительнѣйшей власти, ни вообще революціонизированіе страны. Дума всегда до сихъ поръ стремилась, напротивъ, къ разрѣшенію той смуты, которая создана въ странѣ, къ разрѣшенію исключительно мирными путями. Въ этомъ была ея задача и ея заслуга. Тѣмъ болѣе важно, что она встрѣтила на своемъ пути противодействие правительства, которое по странности своего режима шло въ этомъ случаѣ на перерѣзъ Думѣ, и, вмѣсто того, чтобы принимать мѣры, которыя могли бы успокоить страну, оно принимало цѣлый рядъ мѣръ, которыя, напротивъ, вносили волненія и смуту“.

Г. Жилкинъ, „вмѣсто двусмысленнаго и опаснаго—какъ онъ сказалъ—призыва къ спокойствію и миру“, предложилъ отъ имени трудовой группы включить въ обращеніе слѣдующія слова: „Государственная Дума выражаетъ увѣренность, что населеніе съ прежнимъ довѣріемъ будетъ относиться къ ея работамъ и обезпечить ей своей мощной, организованной поддержкой полную возможность провести начинанія Государственной Думы въ жизнь“.

Открылись горячія пренія между представителями двухъ наиболѣе многочисленныхъ думскихъ партій. Принимали въ нихъ участіе также, съ одной стороны, социаль-демократы, съ другой — октябристы. Съ обычнымъ остроуміемъ возражалъ г. Жилкину г-ръ Гейденъ, заявившій въ концѣ, что „слѣдуетъ поддержать поправку, которая внесена партіей народной свободы“.

Прежде всего баллотировалась поправка г. Жилкина и была отвергнута. Эта баллотировка вызвала со стороны социаль-демократовъ мотивированный отказъ отъ участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи проекта обращенія. „Въ виду того—заявилъ отъ имени ихъ г. Ишперскій,—что большинство Думы приняло такой текстъ обращенія, главный смыслъ котораго сводится къ упору народа и призыву его къ спокойствію, а не къ обличенію тѣхъ правительственныхъ насильниковъ, которые сдѣлали Думу безсильной и не оставляютъ народу другого пути, какъ путь насильственной борьбы за свободу и землю, мы видимъ себя вынужденными отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ обсужденіи проекта обращенія, а при окончательномъ голосованіи будемъ голосовать противъ него, оставляя за собой право самостоятельнымъ обращеніемъ выяснять народу истинное положеніе дѣлъ“.

Послѣ этого пренія сразу приняла дѣловой характеръ и сосредоточилась на частныхъ измѣненіяхъ текста поправки г. Петрункевича. Болѣе существенно было отвергнутое Думой предложеніе г. Гралевскаго, отъ лица польскаго кола, включить въ обращеніе слова: „будетъ примѣнено устройство земельного дѣла согласно съ мѣстными условіями, по волѣ мѣстнаго населенія“. Принятіемъ этой вставки

330 ВСТАНІЯ ВРОСІ.
члены кола обусловливали голосованіе за редакцію партіи народно-отчуж-
дены.

Въ конечномъ результатѣ большинство 124 голосовъ противъ 101 воздержавшихся, приняло слѣдующій текстъ съ заголовкомъ „Отъ Государственной Думы“:

„20 іюня министерство опубликовало правительственное сообщеніе, въ которомъ оно объявляетъ свои предположенія о земельномъ законѣ.

„Это сообщеніе подрываетъ въ населеніи вѣру въ правильность разрѣшеніе земельного вопроса законодательнымъ путемъ.

„Государственная Дума стремилась и стремится къ мирному устро-
новленію новаго порядка въ странѣ. Дума надѣется, что разъясненіе
истиннаго положенія, въ которомъ находится вопросъ о земельномъ
законѣ, дастъ возможность населенію покойно и мирно ждать окон-
чанія работы по изданію земельного закона.

„Прежде всего Государственная Дума считаетъ необходимымъ по-
мнить, что, согласно манифесту 17 октября 1905 года, никакое
предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ
одобренія Государственной Думы.

„Еще 5 мая, въ отвѣтъ на тронную рѣчь Государя Императора
Дума слѣдующими словами высказалась о земельномъ вопросѣ:

„Наиболѣе многочисленная часть страны—трудовое крестьянство
съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды,
и первая Русская Государственная Дума не исполнила бы своего
долга, еслибы она не выработала закона для удовлетворенія этой
сущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель-
казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ
принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ“.

„На это выраженіе воли народныхъ представителей совѣтъ мини-
стровъ заявилъ, что принудительное отчужденіе частно-владѣльческихъ
земель безусловно недопустимо. Тогда Государственная Дума выра-
зила министерству свое недовѣріе и немедленно приступила къ со-
ставленію новаго земельного закона. Особая коммиссія, образованная
Думою изъ представителей всѣхъ мѣстностей Россіи, разрабатываетъ
теперь этотъ законъ.

„Въ основаніе новаго земельного устройства полагаются начала,
указанныя Государственной Думой въ отвѣтномъ адресѣ Государю
Императору. Принудительное отчужденіе должно совершиться на осно-
ваніи особаго о томъ закона, имѣющаго цѣлью надѣленіе отчуждаемою
землею трудящагося крестьянства.

„По вопросу о томъ, какія земли подлежатъ принудительному
отчужденію, коммиссія предположила, что, во всякомъ

быть отчуждаемы „надѣльныя земли всѣхъ наименованій“, а также и мелкія владѣнія.

той же комиссіи вырабатывается законъ объ особомъ мѣстнѣнныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ населеніе черезъ своихъ представителей приметь участіе въ правильномъ и справедливомъ устройствѣ дѣлъ.

Предположенныхъ Государственной Думою основаній новаго закона Государственная Дума не отступить и никакія предложенія, съ ними несогласованныя, не могутъ быть ею одобрены“.

IV.

не безъ умысла привелъ текстъ обращенія „отъ Государственной Думы“ полностью, безъ всякихъ сокращеній, и наложилъ съ собою, быть можетъ утомительной, сущность преній, происшедшихъ 4-го и 6-го іюля. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ дѣятельности общества ежедневно получало, въ видѣ газетныхъ отчетовъ, не множество матеріала захватывающаго интереса, что положительно не имѣло возможности слѣдить съ достаточнымъ вниманіемъ къ тому, что въ Думѣ говорилось и что Думою рѣшалось. Газеты по необходимости прочитывались наспѣхъ, и прежде, чѣмъ усвоивались ихъ извѣстія, печать несла уже другія. Отъ чтенія оставалось только общее впечатлѣніе, причемъ рѣшенія естественно смѣшивались съ предложеніями и рѣчами—и наоборотъ.

Какъ справедливо говорилъ 4-го іюля С. А. Котляревскій, всякій революціонный призывъ непременно предполагаетъ призывъ къ дѣйствію. Ибо идейная революція не есть революція въ обычномъ смыслѣ понятія: въ такомъ смыслѣ она составляетъ одинъ изъ элементовъ развившагося общественнаго движенія—не больше. Къ какому же дѣйствію призвала Дума населеніе? Можно ли, применяя къ изобретенныя символическіе приемы, разыскать въ строкахъ и между строкъ думскаго обращенія призывъ къ какому бы то ни было дѣйствію? Можно ли назвать революціоннымъ по содержанію такой актъ, которымъ учрежденіе, его выпускающее, говорить, что оно „стремится и стремится къ мирному установленію новаго порядка въ жизни“ и затѣмъ выражаетъ надежду на покойное и мирное ожиданіе окончанія законодательной работы? Дума даже позаботилась о томъ, чтобы и мысли не возникло у народа о принудительномъ отчужденіи ~~надѣльных~~ владѣльческихъ земель въ порядкѣ самовольнаго захвата принудительное отчужденіе должно совершиться на томъ законѣ“.

Правда, Думѣ сдѣлано было предложеніе придать обращенію иной характеръ. Трудовая группа желала видѣть въ его текстѣ слова, которыя, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, возможно считать замаскированнымъ призывомъ къ революціи. Но это предложеніе было отвергнуто. И то, что оно было внесено и, несмотря на энергичную поддержку, было отвергнуто, развѣ не служить лучшимъ доказательствомъ, что большинство Государственной Думы—т.-е. Дума, какъ учрежденіе—вполнѣ сознательно отнеслось къ каждому слову обращенія и отнюдь не имѣло ни явнаго, ни скрытнаго намѣренія сходить съ пути конституціоннаго на путь революціонный? Правда, по поводу обращенія нѣкоторые ораторы и группа социаль-демократовъ въ своемъ мотивированномъ заявленіи шли еще дальше, чѣмъ предложеніе г. Жилкина. Одинъ изъ ораторовъ говорилъ: „Государственная Дума должна взять въ свои руки временную исполнительную власть“. Но отразились ли и въ чемъ эти слова и это заявленіе въ принятомъ Думою рѣшеніи?

„Революціонное выступленіе“, выразившееся въ письменномъ актѣ, —бесмыслица, если содержаніе акта не революціонно. Какъ отдѣльный человѣкъ, совершившій дѣйствіе, формально неправильное, но не революціонное по содержанію, не можетъ быть обвиненъ въ посягательствѣ на ниспроверженіе существующаго государственнаго строя, такъ нельзя называть революціоннымъ выступленіемъ нарушеніе учрежденіемъ его компетенціи или установленныхъ закономъ формъ отиравленія дѣятельности. Иначе пришлось бы преслѣдовать, какъ революціонера, всякаго, оказывающаго сопротивленіе органамъ власти, или даже каждаго вора, и признавать революціоннымъ выступленіемъ приговоръ суда, постановленный съ отступленіемъ отъ правилъ подсудности, или формально неправильное постановленіе административной коллегіи.

Такимъ образомъ, уже одно отсутствіе революціоннаго содержанія въ принятомъ Думою обращеніи къ народу устраниваетъ возможность его трактованія, какъ „революціоннаго выступленія“. Но и по формѣ его отнюдь нельзя назвать революціоннымъ, въ смыслѣ прямого отрицанія опредѣленныхъ закономъ рамокъ дѣятельности Думы, или тѣхъ границъ, которыя, не будучи начертаны въ законѣ, обозначаются основами конституціоннаго строя.

По словамъ петербургскаго губернатора, подобныя „обращенія ни въ какихъ, даже республиканскихъ, странахъ не допускаются“. Это мнѣніе, какъ явно основанное на незнаніи фактовъ, не требуетъ опроверженій. Что же касается того, что во Франціи—не конституціонная монархія, а республика, то въ данномъ случаѣ важно только соотношеніе между представительной палатой и министерствомъ, для чего

безразлична организація верховной власти. По словамъ того же губернатора, „по нашимъ законамъ въ подобномъ образѣ дѣйствій можно видѣть только преступную измѣну присягѣ“. Авторъ руководства для бесѣдъ земскихъ начальниковъ съ крестьянами умалчиваетъ, по какимъ „нашимъ законамъ“, и ни одного изъ общезвѣстныхъ текстовъ присяги не приводитъ. И, конечно, онъ самъ не станетъ спорить, что предлагаемая имъ къ вѣдѣнію въ умы крестьянъ фраза — просто наборъ „страшныхъ“ словъ. Преступно только то, что воспрещено уголовнымъ закономъ подѣ страхомъ наказанія. Обращеніе же отъ Государственной Думы къ населенію ни одной статьей уголовного уложенія и уложенія о наказаніяхъ не предусмотрено. А подѣ измѣною законъ разумѣть нѣчто совсѣмъ другое.

Не только обложеннаго уголовной карой запрета обращаться отъ Государственной Думы къ населенію не существуетъ, но и вообще такое дѣйствіе закономъ не запрещено. Дѣйствительно, нѣтъ въ законѣ указаній и на право дѣлать такого рода обращенія. Но гдѣ указанія, что это право принадлежитъ правительству — въ лицѣ отдѣльныхъ министровъ или объединеннаго министерства? Вновь созданной Государственной Думѣ приходилось, безъ сложившихся практикой обычаевъ, опредѣлять приемы своей работы. Обязательными для нея были лишь прямые указанія и запреты основныхъ законовъ и учрежденія Думы. Она рѣшила полныхъ стенографическихъ отчетовъ въ исключительно большомъ количествѣ экземпляровъ не печатать и не распространять, но для особыхъ случаевъ усвоить обычай, существующій во Франціи. Это рѣшеніе не вызвало протеста, и Дума послѣ 27-го іюня распущена не была. А между тѣмъ обращеніе, вотирированное 6-го іюля, было не чѣмъ инымъ, какъ первымъ примѣненіемъ рѣшенія 27-го іюня.

Абсолютно нельзя понять, въ чемъ была бы разница, еслибы Государственная Дума придала обращенію характеръ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, какъ предлагалъ А. Р. Ледницкій, или отчета аграрной комиссіи, какъ предлагалъ Л. І. Петражицкій. Суть въ томъ, что Дума постановила распубликовать обращеніе особо отъ стенографическаго отчета. И именно этимъ, а вовсе не заголовкомъ и не вышнимъ характеромъ изложенія, объясняется, почему министерство, не реагировавшее на принимавшіяся раньше гораздо болѣе рѣзкія переходныя формулы, объявило обращеніе недопустимымъ по формѣ актомъ. Также точно оно отнеслось бы, разъ желало найти поводъ для роспуска Думы, и къ постановленію объ особомъ распубликованіи мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, отчета аграрной комиссіи и т. п. Слишкомъ наивно думать, что измѣненіе вышняго вида „обращенія“ сыграло бы какую-либо роль. Какъ разъ-

яснялъ М. А. Стаховичъ, принятый 27-го іюня перечень подлежащихъ опубликованію актовъ — постановленіе, мотивированный переходъ, рѣчь — имѣлъ примѣрное значеніе. И независимо отъ этого разъясненія, развѣ принятіе обращенія не было въ техническомъ смыслѣ постановленіемъ?

Что обращеніе отъ Государственной Думы не было, по замыслу подавшихъ за него голосъ, только боевымъ ударомъ въ борьбѣ съ министерствомъ — объ этомъ, послѣ воспроизведенія текста обращенія и сущности преній, едвали нужно особенно расиространяться. Всѣ говорившіе въ пользу обращенія высказывали гораздо болѣе глубокія мысли. Подрывъ авторитета Думы, разрушеніе вѣры народной въ Думу — вотъ что считали они главнымъ зломъ правительственнаго сообщенія 20-го іюня. Для нихъ, конечно, было ясно, что обращеніе явится ударомъ по адресу министерства, но въ ихъ глазахъ это было обстоятельство попутное — послѣ всѣхъ вотумовъ недовѣрія неизбежно-обычное и по послѣдствіямъ малозначащее, такъ какъ нравственный авторитетъ бюрократическаго министерства уже помимо Думы многолѣтними предшественниками гр. Витте, И. Л. Горемыкина и П. А. Столыпина давно низведенъ къ нулю. Специфическій характеръ боевого удара неизмѣримо болѣе имѣло правительственное сообщеніе, чѣмъ отвѣтное на него обращеніе Думы. Прочтите второе непосредственно послѣ перваго и скажите: гдѣ полемическій тонъ, гдѣ субъективизмъ, гдѣ краснорѣчивые кивки и намеки?.. Правительство, забывъ, что одному Монарху принадлежитъ право апелляціи къ народу въ конфликтѣ съ представителями — путемъ ихъ роспуска и назначенія новыхъ выборовъ, — своимъ сообщеніемъ передавало на усмотрѣніе народа его споръ съ Думой. А Дума самое большее, что говорила по адресу правительства — что она ему не довѣряетъ, за нимъ не пойдетъ и ему не уступитъ.

Глубоко неправъ былъ г. Скирмунтъ, положившій въ основу своей рѣчи слова: „оказалось желательнымъ нанести ударъ министерству“. Нѣтъ, оказалось необходимымъ сдѣлать шагъ для предотвращенія того, чтобы правительственное сообщеніе не произвело вреднаго дѣйствія, чтобы оно не уронило авторитета Думы и чтобы извѣрившееся крестьянство не дошло логически — при содѣйствіи революціонной агитаціи — до мысли: „мы сами возьмемъ“. И чувство ни на кого не перелагаемой отвѣтственности подсказало большинству Думы, что оно должно обратиться къ крестьянамъ съ искреннимъ и правдивымъ словомъ успокоенія. Для этого ему пришлось напомнить смыслъ манифеста 17-го октября, повторить твердое рѣшеніе не отступать отъ начала принудительнаго отчужденія земель, находящихся въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, и сказать, что между Думой и министерствомъ лежитъ непреходимая

бедна. Въ расчеты большинства Думы не входилъ призывъ народа къ активной революціонной борьбѣ съ правительствомъ—и она такого призыва не сдѣлала. Но въ его расчеты также не входило—нанести только лишній ударъ министерству.

И не одни „зловредные“ члены распушенной Государственной Думы въ концѣ іюня и въ началѣ іюля полагали, что насталъ моментъ для Думы обратиться къ крестьянству. Та же мысль была даже у представителей администраціи. 27 іюня, на другой день послѣ внесенія мною предложенія о такомъ обращеніи, я получилъ изъ Воронежа отъ управлявшаго губерніей вице-губернатора слѣдующую телеграмму, поданную тогда, когда въ Воронежѣ еще не могли придти извѣстія ни о моемъ предложеніи, ни о рѣшеніи Думы. „Во имя любви къ многострадальному народу, умоляемъ Думу издать воззваніе къ крестьянамъ. Призовите ихъ къ терпѣнію, твердой вѣрѣ въ плодотворность работы Думы. Потухающая надежда, безысходная нужда толкаютъ ихъ на безумства. Только-что вернулся съ аграрныхъ беспорядковъ. Сердце сжимается отъ пережитого. Едва сдерживаешь рыданія. Одной лаской, любовью можно предотвратить предстоящія кровопролитія, въ чемъ лично убѣдился. Другого способа нѣтъ. Спѣшите. Пожалуйте родину. Вице-губернаторъ Кохъ“ ¹⁾.

V.

Что поводомъ роспуска Думы послужило обращеніе къ населенію, или, вѣрнѣе, что министерство ухватилося за обращеніе, чтобы создать поводъ для роспуска—это стоитъ внѣ спора. Но дѣйствительная причина, почему 8-го іюля Государственная Дума была распушена, лежитъ, конечно, ни въ обращеніи, какъ анти-конституціонномъ актѣ, ни въ его содержаніи. Она коренится глубоко: еще не настало время для реализаціи объявленнаго перехода Россіи къ новому государственному строю и для обновленія законодательства—въ частности регламентирующаго социальное-экономическія отношенія. Это время

¹⁾ Ни тогда, ни потомъ я не дѣлалъ изъ этой телеграммы тайны, но и не предполагалъ, само собою разумѣется, ее печатать. Дѣлаю это только потому, что она уже была напечатана — не знаю, кто доставилъ текстъ—въ „Воронежскомъ Словѣ“ и оттуда была заимствована нѣкоторыми другими изданіями. Кстати: эта телеграмма послужила поводомъ къ тому, что г. Кохъ былъ немедленно вызванъ въ Петербургъ и затѣмъ уволенъ отъ должности. Любопытно, что г. Коху въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была предъявлена ея копія. Я никому телеграммы г. Коха для снятія копій не давалъ; онъ, надо думать,—также. Какъ же она попала въ министерство? Остается предположить, что и корреспонденція управляющихъ губерніями не свободна отъ перлюстраціи.

настанетъ—и настанетъ скоро,—но пока необходимая эволюція еще не завершилась.

Бюрократія, особенно высшая, всегда стояла внѣ жизни — и такою же она осталась послѣ созыва Думы. Въ Думѣ оказались призванными для совмѣстной работы люди, абсолютно чуждые другъ другу, говорившіе на разныхъ языкахъ и потому другъ друга не понимавшіе. Избранные народомъ представители пришли перестроить съ фундамента все зданіе государства. А встрѣтившіе ихъ министры, — быть можетъ, совершенно искренно желавшіе обновленія, — и въ мысляхъ не имѣли, что невозможно ограничиться чистой фасада, перемѣной балокъ и отдѣльныхъ камней изъ фундамента.

Въ отвѣтномъ адресѣ Государю Дума сказала, что она „почитаетъ неотложно необходимымъ обезпечить страну точнымъ закономъ о неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати, свободѣ союзовъ, собраній и стачекъ“. Министерство въ деклараціи 13-го мая на это заявленіе не возражало, но поспѣшило оговорить: „при выполненіи этой законодательной работы необходимо вооружить административную власть дѣйствительными способами къ тому, чтобы и при дѣйствіи законовъ, рассчитанныхъ на мирное теченіе государственной жизни, правительство могло предотвращать злоупотребленія дарованными свободами и противоудѣйствовать посягательствамъ, угрожающимъ обществу и государству“. Министры явно этимъ говорили: пусть живущіе милостью начальства обыватели обратятся въ гражданъ, обладающихъ свободой и правами; но пусть въ рукахъ администраціи, все-таки, останется право на произволъ, — это есть единственно дѣйствительный способъ управленія. Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ и его товарищъ, г. Макаровъ, не разъ сообщали Думѣ, какъ нѣчто, что должно ее удовлетворить, что о тысячѣ слишкомъ административно сосланныхъ и арестованныхъ дѣла въ министерствѣ пересматриваются и что нѣсколько сотъ лицъ уже освобождено. И имъ, очевидно, въ голову не приходило, насколько больно бьютъ по нервамъ членовъ Думы ихъ слова. Они не понимали, что въ глазахъ представителей народа, пришедшихъ установить начала гражданской свободы, не то важно, что Х былъ посаженъ въ тюрьму, а У сосланъ, а то, что они были арестованы и сосланы безъ суда и безъ вины, по произвольному усмотрѣнію, и затѣмъ по тому же усмотрѣнію освобождены.

Бюрократія, катясь по наклонной плоскости уступокъ, докатилась до возвѣщенія гражданской свободы, до конституціоннаго строя и до признанія необходимости широкихъ коренныхъ реформъ. Но всего значенія поставленныхъ на очередь вопросовъ она, если была искренна въ торжественныхъ обѣщаніяхъ и возвѣщеніяхъ, не усвоила. Ея и

послѣ созыва Думы казалось, и теперь, повидимому, кажется, что ни отношенія ея къ населенію, ни отношенія къ ней населенія не измѣнились, что не предстоитъ переворота въ понятіяхъ, отказа отъ старыхъ приѣмовъ управленія и перехода къ совершенно инымъ — словомъ, что ничего особеннаго не произошло и не предстоитъ. Въ помощь министрамъ былъ прежде Государственный Совѣтъ изъ старцевъ-сановниковъ. Теперь Совѣтъ — наполовину изъ старцевъ, наполовину изъ дворянъ, земцевъ, и т. д., и Государственная Дума изъ представителей отъ всѣхъ сословій и классовъ. И прежній Государственный Совѣтъ, случалось, журилъ министровъ, но, главное, онъ имъ помогалъ въ ихъ отвѣтственномъ дѣлѣ. Призывомъ Думы къ помощи и закончилъ свое величаво-поучительное чтеніе И. Л. Горемыкинъ 13-го мая: „Совѣтъ министровъ питаетъ увѣренность, что Государственная Дума, въ убѣжденіи, что мирное преуспѣяніе Россійскаго государства зависитъ отъ разумнаго сочетанія свободы и порядка, своей спокойной созидательной работой *поможетъ ему внести столь необходимое для страны успокоеніе во всѣ слои населенія*“.

Не разъ приходилось въ Думѣ вспоминать обстоятельства, предшествовавшія первому земскому съѣзду въ ноябрѣ 1904 года. Благожелательный къ проявленіямъ общественной самодѣятельности, князь Святополкъ-Мирскій, сначала съѣздъ разрѣшилъ, и начальникъ управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства предлагалъ даже устроителямъ съѣзда для засѣданій залы министерства. Но когда была представлена программа намѣченныхъ для обсужденія вопросовъ, все сразу измѣнилось. Разрѣшеніе было взято обратно, и, какъ рассказывали, начальникъ управленія, увидя программу, съ горечью говорилъ тѣмъ же устроителямъ: „а я думалъ, соберемся, потолкуемъ о земскихъ нуждахъ и дѣлахъ, вы намъ поможете своимъ опытомъ и знаніями“... Такъ и на Государственную Думу хотѣла смотрѣть бюрократія.

VI.

Земельный вопросъ въ современной Россіи — самый грандіозный, жгучій и больной, и не случайно конфликтъ произошелъ на почвѣ этого вопроса. По отношенію ко всему остальному, что было выражено въ отвѣтномъ адресѣ Думы, совѣтъ министровъ ограничивался оговорками. А по отношенію къ земельному вопросу заявилъ, что разрѣшеніе его на предположенныхъ Думою основаніяхъ „безусловно недопустимо“. Какъ только имъ былъ изготовленъ проектъ земельной реформы, совѣтъ министровъ счелъ нужнымъ издать „правительствен-

ное сообщеніе" и разослать его кнѣзьямъ земскимъ начальникамъ, чтобы оно дошло до каждаго крестьянина.

Въ чемъ же состояла основа разногласія между Думой и министерствомъ по земельному вопросу? Почему министерство придавало столь исключительное значеніе этому разногласію и во всеоружіи власти ополчилось на предположенія Государственной Думы?

Предметомъ разногласія былъ голый принципъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Именно голый, — потому что за два мѣсяца работы Думы почти ничто изъ средствъ проведенія его въ жизнь еще не опредѣлилось. Въ отвѣтномъ адресѣ Дума сказала: „первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, еслибы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности (трудоваго крестьянства), путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и *принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ*“ — и поставила точку. Имѣла ли Дума въ виду отчужденіе возмездное или безвозмездное, всѣхъ частновладѣльческихъ земель или нѣкоторыхъ, въ зависимости ли отъ возможности удовлетворить иными мѣрами мѣстную нужду крестьянъ въ землѣ или нѣтъ, предполагала ли она передачу отчужденныхъ земель на правѣ собственности или на правѣ арендномъ, и т. д., и т. д., — все это еще оставалось въ области открытыхъ вопросовъ. Безконечно долгія пренія, предшествовавшія образованію аграрной комиссіи, напротивъ, показали, что, при единодушномъ отношеніи къ принципу, внутри самой Думы существуетъ крайнее различіе взглядовъ на средства его проведенія, и что всякій радикализмъ въ развитіи принципа скорѣе будетъ отвергнутъ, нежели получить торжество. Подтвержденіемъ послѣдняго не могъ также не служить условный и далекій отъ радикализма характеръ аграрной программы главенствовавшей въ Думѣ партіи.

Чисто принципиально мотивировало свои знаменитыя слова: „безусловно недопустимо“ и министерство въ деклараціи 13-го мая. Оно говорило: „Не можетъ государственная власть отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество“. „Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является, во всемъ мірѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни, краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и общественнаго развитія, кореннымъ устоемъ государственнаго бытія, безъ коего немыслимо и самое существованіе государства“. Но это были, очевидно, болѣе слова, чѣмъ доводы. Ни одинъ изъ устоевъ государственнаго бытія не чуждъ ограниченій, ибо жизнь никогда не укладывается цѣликомъ въ рамки отвлеченныхъ теоретическихъ формулъ. Начало неотъемлемости и неприкосновен-

ности собственности мирно живетъ рядомъ съ экспроприацией имущества на общественныя надобности—для проведенія желѣзныхъ дорогъ, устройства крѣпостей, даже войсковыхъ стрѣльбищъ. Оно не помѣшало освободить въ 1861 г. крестьянъ съ землею,—позже—издать лѣсоохранительный законъ, рѣзко нарушившій „краеугольный камень народнаго благосостоянія и общественнаго развитія“.

Но вскорѣ затѣмъ министерство раскрыло свои карты. Въ засѣданіи Думы 19-го мая товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Гурко, говорилъ: „Не думайте, господа, что выгоды землевладѣльцевъ я отстаиваю, стремлюсь доказать пагубность для нашей страны предложенной мѣры. Наоборотъ, я того мнѣнія, что если стать исключительно на точку зрѣнія личныхъ, преходящихъ выгодъ землевладѣльцевъ, то предложенная мѣра, въ томъ видѣ, какъ она изложена въ запискѣ 42-хъ членовъ Государственной Думы, въ высокой степени соответствуетъ этимъ интересамъ. Дѣйствительно, что предположено? Купить у землевладѣльцевъ принадлежащія имъ земли по справедливой цѣнѣ. Но вѣдь это именно то, что они нынѣ всѣ желаютъ сдѣлать. Всѣмъ извѣстно, что въ настоящую минуту предложеній о продажѣ земель поступаетъ въ крестьянскій банкъ свыше мѣры. При современныхъ обстоятельствахъ едвали кто-либо признаетъ, что владѣніе землей составляетъ завидное преимущество, по сравненію съ владѣніемъ деньгами. Если же говорить, что многіе помѣщики дорожатъ своими усадьбами, доставшимися имъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, то въ этомъ отношеніи имъ опасаться нечего. Эти усадьбы за ними благосклонно сохраняются предложеніемъ, внесеннымъ въ Думу. Нѣтъ, не ради выгодъ землевладѣльческаго сословія я стою на той точкѣ зрѣнія, что мѣра эта пагубна, а ради выгодъ всей страны, ради сохраненія мощи Россіи, и прежде всего ради интересовъ сельскихъ народныхъ массъ. Не землевладѣльцевъ эта мѣра ввергнетъ въ нищету и обездолить, а тѣ самыя сельскія массы, участь которыхъ вамъ такъ близка и васъ столь серьезно озабочиваетъ. Увы, нашихъ землевладѣльцевъ приходится убѣждать не въ необходимости разстаться со своей землею, а наоборотъ, въ томъ, что ихъ патріотическій долгъ состоитъ въ сохраненіи хотя бы части ихъ земельныхъ владѣній, не взирая на тѣ тяжелыя условія, въ которыя они нынѣ поставлены“ ¹⁾.

Эти слова говорилъ г. Гурко, формально не входившій въ составъ кабинета, но это были мысли всего министерства. 20-го іюня оно ихъ повторило, частью въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ правительственномъ сообщеніи. Г. Гурко повѣдалъ Думѣ давно извѣстную истину:

¹⁾ Оффц. стенографическій отчетъ, стр. 522.

нашихъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ „убѣждать въ необходимости разстаться со своей землей не приходится“. Они завалили предложеніями крестьянскій банкъ. Въ общемъ правилъ, они всё хотятъ продать земли—только продать какъ можно дороже. Но все остальное въ словахъ г. Гурко—рядъ сложенныхъ софизмовъ, которые не въ силахъ прикрыть, что онъ—а за нимъ министерство—отстаиваетъ именно „личныя преходящія выгоды землевладѣльцевъ“.

Правительственное сообщеніе, не безъ кивка въ сторону кадетской программы и составлявшихъ ее помѣщиковъ-земцевъ, иронизировало надъ выкупомъ по „справедливой“ оцѣнкѣ. А само противопоставляло ей цѣну добровольно продаваемой земли, т. е. оцѣнку продавца. Не вѣря въ патріотизмъ землевладѣльцевъ и ограждая крестьянъ отъ передачи имъ земель по „справедливой“ оцѣнкѣ, оно объявляло, что государство должно покупать лишь добровольно продаваемые земли—значить, по цѣнамъ продавцовъ. Да вѣдь всё землевладѣльцы, какъ говорилъ г. Гурко, только и мечтаютъ продать земли. И неужели они ихъ не продадутъ по имъ самими назначенной цѣнѣ? А если продадутъ,—для чего проектъ, изложенный въ правительственномъ сообщеніи, раскрываетъ не двери, а ворота,—то причѣмъ окажутся заботы о сохраненіи частнаго землевладѣнія въ интересахъ крестьянъ, дабы они не лишились заработковъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ?

Бюрократія неисчислимымъ количествомъ нитей связана съ служилымъ сословіемъ—дворянствомъ—и съ крупнымъ землевладѣніемъ. Она въ теченіе десятилѣтій всячески поддерживала помѣстное дворянство. Она не останавливалась и нынѣ не останавливается передъ тѣмъ, что дворянскій и крестьянскій банки вздули цѣны на землю до того, что вынужденное ее покупать крестьянство платитъ больше процентовъ, чѣмъ получаетъ чистаго дохода. Она готова пожертвовать за счетъ государства всѣмъ, только бы дворяне-землевладѣльцы могли продать земли по дорогой цѣнѣ. Принудительное отчужденіе означаетъ полученіе платы по „справедливой“ для двухъ сторонъ оцѣнкѣ. Добровольно же „я“ продамъ за то, чего потребую. Очевидно—первое „безусловно недопустимо“. А дабы не пострадать „мужичокъ“, разницу между дѣйствительной стоимостью земли и покупною министерство предупредительно принимаетъ „на счетъ общихъ государственныхъ средствъ“. Подобнымъ образомъ не разъ воспособлялось дворянство. Только впередъ этимъ воспособленіямъ за счетъ государственной казны, т. е. того же мужицкаго кармана, уже „заказаны пути“. Какова бы ни была Дума второго созыва, она не пойдетъ за гг. Горемыкинымъ, Столыпинымъ, Стишинскимъ, Гурко и не покроетъ себя позоромъ принятія правительственнаго земельного проекта.

Итакъ, вотъ какъ проста причина „безусловной недопустимости“

принудительного отчуждения земель! Вотъ почему министерство со всѣмъ могло мириться, но разъ только Дума рѣшила сказать крестьянамъ, что отъ этого начала земельной реформы она не отступить—для министерства явился поводъ Думу распустить. И что бы ни говорили въ министерскихъ кругахъ наши аграріи въ защиту той же „недопустимости“, главное ихъ соображеніе—какъ бы выгодноѣ и дорожѣ ликвидировать имѣнія. Для немногихъ — еще присоединяется сознаніе, что мѣстное влияніе и значеніе состоятельныхъ классовъ стоять въ прямой зависимости не отъ обладанія капиталомъ въ процентныхъ бумагахъ или городской недвижимостью, а именно отъ обладанія землей. Для этихъ немногихъ ясно, что только съ потерей состоятельными классами земли наступать новыя социально-экономическія отношенія и дѣйствительная демократизація общества. Отъ нихъ приходилось слышать: „Да, это будетъ, будетъ неизбежно, но зачѣмъ дѣлать сегодня, если можно еще отложить до завтра?“

Среди сторонниковъ сохраненія крупной частной земельной собственности стоять почти поголовно землевладѣльцы царства польскаго и западнаго края. Справедливость требуетъ признать, что они занимаютъ между единомышленниками обособленное мѣсто. Всѣ мѣропріятія мудраго бюрократическаго режима всегда давали обратный результатъ. Сорокъ лѣтъ правительство ограждало интересы помѣстнаго дворянства въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, — а оно безудержно таяло и остатки его „не приходится убѣждать въ необходимости разстаться съ землей“. Сорокъ лѣтъ правительство не стѣснялось мѣропріятіями, дабы вырвать земли изъ рукъ польскаго дворянства въ царствѣ и особенно въ западномъ краѣ, — а польское землевладѣніе тамъ окрѣпло и стало высоко-культурнымъ. Подъ влияніемъ мѣръ правительства, тамъ сохраненіе имѣній стало долгомъ чести и связало владѣльцевъ съ землей не одними узами воспоминаній о пиррахъ, охотахъ и вольготной жизни въ дѣдовскихъ и прадѣдовскихъ усадьбахъ. Понятно, поэтому, что принципъ принудительнаго отчужденія землевладѣльцевъ царства польскаго и западнаго края быть не только по карману, а по самымъ дорогимъ чувствамъ привязанности къ гонимому въ теченіе столѣтія родному краю. И понятно также, почему ихъ представители въ Думѣ всѣми силами стремились къ тому, чтобы рѣшеніе аграрнаго вопроса было передано изъ центра на мѣста: они видѣли, что ихъ отношеніе къ землѣ и отношеніе къ землѣ массы русскихъ землевладѣльцевъ—не единица—глубоко различны.

Понять—конечно, не значитъ согласиться. Я отмѣчаю данное явленіе, какъ фактъ, не входя въ его разборъ и оцѣнку и не дѣлая изъ него выводъ.

Государственная Дума распущена потому, что тѣ, кто еще достаточно сильны, дабы фактически распоряжаться судьбами Россіи, не докатились по пути уступокъ до сознанія, что они должны, если не уйти совсѣмъ, то отойти въ сторону. Вина бывшихъ членовъ первой Государственной Думы—въ томъ, что они повѣрили въ искренность намѣренія стараго режима добровольно капитулировать. За это—они отвѣтственны передъ исторіей и передъ избирателями.

Въ эволюціонномъ ходѣ событій ничто не совершается быстро, но и ни одинъ моментъ предшествующій не пропадаетъ безслѣдно для послѣдующихъ. Два мѣсяца дѣятельности Думы были могучимъ толчкомъ для ускоренія наступленія времени обновленія Россіи. Дума въ идейномъ отношеніи сдѣлала колоссально большое дѣло. Второй созывъ народныхъ представителей не замедлитъ это обнаружить.

Долженъ ли роспускъ первой Думы повлечь разрывъ съ прошлыми идеалами и прежними недавними надеждами на мирную эволюцію? По совѣсти говорю: нѣтъ! Идеѣ единенія царя съ народомъ, какъ основѣ государственнаго строя, судьба сулила и послала тяжкое испытаніе, но она ее не низвергла. Роспускъ Думы лишь показалъ, что для торжества этой идеи нужна большая по напряженію и болѣе долгая по времени борьба, чѣмъ казалось.

Старый режимъ не можетъ не капитулировать и капитулируетъ непремѣнно. Насиліе только подниметъ его энергію, которая выразится въ тысячахъ жертвъ. Насиліе, располагая миллиономъ организованныхъ штыковъ, онъ раздавитъ. Мирнаго же хода освободительнаго движенія онъ не имѣетъ средствъ остановить.

Путь мирной эволюціи тяжелъ и труденъ. Мысли и слову приходится бороться съ силой. За то конечная побѣда на этомъ пути всегда остается за правдивымъ словомъ и прочувствованной мыслью. Они шагъ за шагомъ отнимаютъ у силы ея позиціи, бьютъ ее и принуждаютъ къ уступкамъ. Частные успѣхи силы никогда не долговѣчны.

Дай Богъ, чтобы предстоящіе мѣсяцы прошли безъ крайнихъ эксцессовъ съ обѣихъ сторонъ! Дай Богъ, чтобы народъ нашелъ въ себѣ силы для спокойнаго терпѣнія и ожиданія! Тѣмъ вѣрнѣе онъ обезпечитъ успѣхъ, когда мощнымъ голосомъ скажетъ во второй разъ своимъ новымъ избранникамъ: „земли и воли!“.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1906.

Тяжелое время.—Единственный выходъ изъ ужаснаго положенія.—Височайшій указъ 12-го августа.—Несостоявшееся либеральное министерство.—Возможно ли теперь измѣненіе избирательнаго закона?—Партія мирнаго обновленія и отношеніе къ ней другихъ конституціонныхъ партій.—Партія народной свободы и крайніе лѣвые.—Думскій законопроектъ о неприкосновенности личности.—Θ. Г. Тернеръ †. — Post-scriptum.

Три военныхъ бунта, серія исполненныхъ смертныхъ приговоровъ, безконечная цѣпь политическихъ убійствъ и покушеній на убійство—вотъ итогъ немногихъ недѣль, истекшихъ со времени распущенія Государственной Думы. Два вывода вытекаютъ съ поразительною ясностью изъ трагическихъ событій, прошедшихъ и проходящихъ передъ нашими глазами: безсиліе полицейскихъ и судебныхъ репрессій и безплодность революціоннаго террора. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли теперь сомнѣваться въ томъ, что угроза смертной казнью ничего не останавливаетъ, никого не устрашаетъ, менѣе всего дѣйствуя на тѣхъ, кто рискуетъ жизнью въ самый моментъ совершенія преступленія? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что каждая совершившаяся казнь, возбуждая чувства отчаянія или мщенія, влечетъ за собою рядъ новыхъ посягательствъ? Не очевидно ли, что до крайности ограниченна предупредительная сила самой напряженной полицейской охраны и что противъ средствъ разрушенія, въ настоящее время, слишкомъ часто оказываются недостаточными средства защиты?... Съ другой стороны, чтò достигается смертью должностныхъ лицъ, офицеровъ, солдатъ, полицейскихъ чиновъ? Рѣшительно ничего: мѣсто погибшихъ тотчасъ же заступаютъ другіе, и все идетъ по старому или еще хуже; для глубокихъ переимѣнъ нужны столь же глубоко проникающія причины. То же самое можно сказать и о военныхъ бунтахъ: сколько ихъ ни было въ послѣднее время, они всегда находили отпоръ въ той самой средѣ,

въ которой возникали, и жертвы съ обѣихъ сторонъ падали напрасно, увеличивая только сумму взаимнаго озлобленія.

Элементомъ, до крайности усложняющимъ и обостряющимъ положеніе, является форма, въ которую такъ часто облакаются теперь политическія убійства. Чтобы уничтожить одного, обрекаемого ими на смерть, террористы не отступаютъ передъ дѣйствіями, угрожающими жизни десятковъ, сотенъ ни въ чемъ, и съ ихъ точки зрѣнія, неповинныхъ людей. „Какое потрясающее впечатлѣніе“ — писали мы три мѣсяца тому назадъ — „производитъ телеграмма изъ Севастополя, изображающая послѣдствія покушенія на жизнь генерала Неплюева! Генераль и другія начальствующія лица остались невредимыми, но изъ публики, пришедшей посмотрѣть на церковный парадъ, убито 6, тяжело ранено 14, легко 40—человѣкъ. Какой неизгладимый слѣдъ должны оставить въ народной памяти эти ключья человѣческихъ тѣлъ, покрывавшіе площадь, церковную ограду, сосѣдніе дома! Какъ низко упала цѣнность жизни, если для бросанія бомбъ избирается какъ разъ то мѣсто и тотъ моментъ, гдѣ и когда должна была собраться и дѣйствительно собралась толпа!“ Теперь ужасы севастопольской катастрофы превзойдены ужасами той, которая произошла, 12-го августа, на Аптекарскомъ островѣ, въ дачномъ помѣщеніи министра внутреннихъ дѣлъ. Покушеніе на жизнь П. А. Столыпина было произведено именно тогда, когда въ его домѣ, кромѣ его семьи и прислуги, находилось множество лицъ, собравшихся на пріемъ министра. Отсюда, при громадной силѣ брошеннаго или упавшаго снаряда, страшное число убитыхъ и тяжело раненыхъ, всякаго возраста, всякаго общественнаго положенія. Большаго пренебреженія къ человѣческой жизни нельзя себѣ и представить. Повторяясь почти изъ дня въ день, такіе гекатомбы не могутъ не отражаться на настроеніи народа. Въ однихъ онѣ притупляютъ отзывчивость къ чужому страданію, опасно понижая, тѣмъ самымъ, уровень общественной нравственности; въ другихъ онѣ возбуждаютъ вражду къ освободительному движенію, идеями котораго, извращенными до неузнаваемости, мотивируется ни передъ чѣмъ не останавливающаяся жестокость. Не въ продолженіи политическихъ убійствъ, а въ ихъ прекращеніи — залогъ наступленія новой жизни, которой такъ жаждетъ Россія.

Пойдемъ далѣе: спросимъ себя, къ чему привели бы успѣхъ военнаго бунта или крушеніе всего существующаго, подъ ударами безпрерывно повторяющихся политическихъ убійствъ? Въ первомъ случаѣ намъ предстоялъ бы длинный рядъ военныхъ провозглашеній, несовмѣстныхъ съ нормальнымъ теченіемъ народной жизни. Россію постигла бы судьба Испаніи, въ которой на одного Ріеро приходится столько Нарваэсовъ. Сдѣланное вооруженною рукою ею же передъ

ливалось бы до безконечности. Во второмъ случаѣ революціонная волна, одинаково смывая доброе и злое, оставила бы страну надолго разоренною и обезсиленною. А между тѣмъ, впереди видѣется возможность достигнуть, мирнымъ путемъ, самыхъ радикальныхъ преобразованій. Работа, прерванная роспускомъ Государственной Думы, должна возобновиться. Какія бы препятствія она ни встрѣтила, они будутъ преодолены, потому что въ этомъ заинтересованъ весь народъ. Зданіе, воздвигнутое дружно соединенными силами, окажется цѣлесообразнымъ и прочнымъ. Для приступа къ его постройкѣ нѣтъ надобности ожидать успокоенія, которое можетъ быть дано именно имъ и только имъ. Что роспускъ Думы былъ ошибкой — это становится все болѣе и болѣе очевиднымъ. Ошибку, пока еще не поздно, можно и должно исправить. Повторяемъ, съ еще болѣею увѣренностью, сказанное нами подъ влияніемъ перваго впечатлѣнія: необходимо ускорить, значительно ускорить созывъ Государственной Думы. Если вѣрить газетамъ, именно въ этомъ смыслѣ высказались, 13-го августа, собравшіеся въ Петербургѣ члены Государственнаго Совѣта по назначенію. Предвыборная дѣятельность, по ихъ мнѣнію, дастъ въ которое успокоеніе странѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, они просятъ правительство отнѣнить чрезвычайную охрану и военное положеніе, такъ какъ то и другое, раздражая и стѣсняя мирные классы населенія, ничуть не уменьшаютъ, а напротивъ, увеличиваютъ случаи преступныхъ покушеній.

Государь Императоръ, въ цѣляхъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, въ 12-й день августа мѣсяца сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

„I. Передать крестьянскому поземельному банку для продажи черезъ его посредство крестьянамъ: а) состоящія въ селско-хозяйственномъ пользованіи удѣльныя земли, не входящія въ границы лѣсныхъ дачъ, по мѣрѣ прекращенія арендныхъ на нихъ договоровъ; б) тѣ лѣсные участки, которые расположены чрезполосно съ посторонними владѣніями или окружены ими, и в) въ губерніяхъ Архангельской и Вологодской тѣ части лѣсныхъ угодій, которыя представится возможнымъ назначить въ продажу крестьянамъ.

„II. Изъ состава удѣльныхъ земель, передаваемыхъ крестьянскому банку, исключить: а) участки, отведенные подъ фабрики, промышленныя заведенія и подъ разработку ископаемыхъ; б) тѣ части удѣльныхъ имѣній, которыя заняты дачами и прочими цѣнными строеніями, садами, высокими культурами, или представляютъ собою угодья, не отвѣчающія обычнымъ условіямъ крестьянскаго хозяйства, и в) зе-

мельныя угодья, принадлежащія удѣламъ въ Крыму, въ Закавказьи и Бѣловѣжской пущѣ.

„III. Распределение между крестьянами передаваемыхъ крестьянскому поземельному банку земель, а также расцѣнку ихъ по отдѣльнымъ участкамъ возложить на учрежденныя Именнымъ Высочайшимъ Указомъ 4-го марта сего года землеустроительныя комиссіи, при участіи крестьянскаго банка“.

Какъ первый шагъ къ радикальному разрѣшенію аграрнаго вопроса, эта мѣра можетъ имѣть существенно важное значеніе. Сама по себѣ она мало увеличитъ крестьянское землевладѣніе: удѣльныхъ земель сравнительно немного, и между различными мѣстностями Россіи онѣ распределены весьма неравномѣрно.

Мы заключили наше предыдущее обзоріе замѣткой о переговорахъ предсѣдателя совѣта министровъ съ общественными дѣятелями, въ видахъ образованія, съ ихъ участіемъ, умѣренно-либеральнаго министерства. Эти переговоры не привели къ цѣли; кабинетъ, пополненный нѣсколькими новыми назначеніями, сохранилъ свой чисто-бюрократическій характеръ. О причинахъ неудачи, различно объясняемыхъ сторонами, теперь говорить уже слишкомъ поздно; постараемся только опредѣлить ея значеніе.

Нигдѣ вѣсть о возможности либеральнаго министерства не была встрѣчена съ такимъ озлобленіемъ, какъ на страницахъ реакціонной печати, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, служившей отголоскомъ довольно широкихъ и слишкомъ вліятельныхъ сферъ. Насмѣшками была осыпана самая мысль о призваніи *общественныхъ* дѣятелей на тѣ мѣста, занимать которыя подобаетъ только питомцамъ присутствій и канцелярій. Пущены были въ ходъ притупившіяся отъ долгаго употребленія стрѣлы, выкованныя въ эпоху травли передовыхъ земскихъ людей. Въ каждомъ словѣ, направленномъ противъ опаснаго плана, чувствовался панический страхъ—страхъ за позицію, до сихъ поръ остававшуюся неприступной. И дѣйствительно, мысль о министрахъ, обязанныхъ своимъ положеніемъ не продолжительной „безпорочной“ службѣ, а свободной работѣ на общую пользу, не могла не встревожить всѣхъ благоденствовавшихъ и благоденствующихъ подъ сѣнью стараго порядка. Непріятна для нихъ, конечно, была уже и громкая рѣчь, раздававшаяся въ печати, на митингахъ и, наконецъ, въ Государственной Думѣ; но все же это было не такъ страшно, какъ перемѣщеніе *власти*, которымъ грозила новая система назначенія министровъ. Въ нашихъ глазахъ тревога, овладѣвшая „темными людьми“, служить яркимъ доказательствомъ тому, что либеральное

министерство отвѣчало потребностямъ времени. Чтò, въ настоящую минуту, всего нужнѣе? Ускореніе созыва Думы и прекращеніе дѣйствія исключительныхъ узаконеній. И то, и другое входило, повидимому, въ число требованій, исполненіемъ которыхъ лица, къ которымъ обратился г. Столыпинъ, обусловливали вступленіе свое въ составъ кабинета. Само собою разумѣется, далѣе, что при приступѣ къ выборамъ они явились бы сторонниками системы неувѣщательства и не допустили бы официальныхъ кандидатуръ, о которыхъ уже теперь идетъ рѣчь въ лагерѣ ихъ противниковъ. Въ изданіи всякаго рода временныхъ правилъ они не вышли бы за предѣлы закона и дѣйствительной необходимости. Между законопроектами, которые были бы приготовлены ими для внесенія въ Думу, было бы, безъ сомнѣнія, немало такихъ, которые, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, могли бы быть приняты народнымъ представительствомъ. Тяжелые мѣсяцы, отдѣляющіе насъ отъ созыва Думы, могли бы, благодаря всему этому, пройти сравнительно благополучно, и самая сессія Думы открылась бы при обстановкѣ сравнительно благопріятной. Весьма возможно, что прочное согласіе между либеральнымъ министерствомъ и демократическимъ большинствомъ Думы оказалось бы невозможнымъ; но со стороны министровъ, настроенныхъ конституціонно, переходъ власти въ другія руки не встрѣтилъ бы упорнаго сопротивленія, и мирное теченіе государственныхъ дѣлъ не было бы нарушено новымъ, еще болѣе опаснымъ кризисомъ. Все это вмѣстѣ взятое приводитъ насъ къ заключенію, что неосуществленіе мысли о либеральномъ министерствѣ было большимъ несчастьемъ для Россіи.

Сдѣшнимъ оговориться: существенно важной пережѣвной къ лучшему было бы именно образованіе *либеральнаго министерства*, съ ясно и твердо опредѣленной либеральной программой, а не вступленіе въ кабинетъ г. Столыпина *нѣсколькихъ либеральныхъ министровъ*. Совершенно понятенъ и правиленъ, поэтому, отказъ общественныхъ дѣятелей отъ единичныхъ министерскихъ портфелей, не обезпечивавшихъ за ними руководящаго вліянія на ходъ управленія. Наиболѣе послѣдовательна была точка зрѣнія Д. Н. Шипова и кн. Г. Е. Львова, считавшихъ нужнымъ—какъ видно изъ ихъ письма, появившагося въ газетахъ,—вступленіе въ кабинетъ не менѣе семи лицъ ¹⁾, призванныхъ изъ среды общества, съ порученіемъ, притомъ, одному изъ нихъ политически наиболѣе важныхъ обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ. Только такимъ путемъ могло быть создано солидарное, едино-

¹⁾ При такой комбинаціи обновленіе не коснулось бы только специальныхъ отраслей управленія—министерствъ военнаго, морского, иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора.

душное министерство, готовое и способное отказаться отъ традицій и пріемовъ стараго режима, и достаточно сильное, чтобы противостать закулиснымъ вліяніямъ и вѣяніямъ. Въ томъ составѣ и съ той программой, какіе были намѣчены общественными дѣятелями, министерство располагало бы не только безупречной политической репутацией, но и большою дѣловитостью, широкимъ административнымъ опытомъ и ораторскими талантами. И ему, конечно, нелегко было бы преодолѣть, хотя бы на время, громадныя затрудненія, созданныя политикою его предшественниковъ; шансы пораженія и побѣды были бы для него почти равны — но даже первое было бы болѣе плодотворно, чѣмъ новый опытъ бюрократическаго управленія и законодательства.

Мы только-что сказали, что при изданіи временныхъ правилъ единственныхъ возможныхъ при отсутствіи Думы—либеральное министерство навѣрное не вышло бы за предѣлы основного закона, по которому законодательныя мѣры, принимаемыя въ промежутокъ между сессіями, не могутъ вносить измѣненій ни въ учрежденія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, ни въ постановленія о выборахъ въ Совѣтъ и Думу. По отношенію къ бюрократическому кабинету такой увѣренности имѣть нельзя. Вопросъ о необходимости измѣнить избирательную систему возникъ вслѣдъ за роспускомъ Думы и обсуждается весьма подробно въ реакціонной печати. „Избирательный законъ“—говорятъ „Московскія Вѣдомости“ отъ имени „русской монархической партіи“ и всей *русской Россіи* (1)—„можетъ и долженъ быть цѣлесообразно измѣненъ до назначенія новыхъ думскихъ выборовъ“. „Съ государственной стороны“, по мнѣнію газеты, къ этому нѣтъ никакихъ препятствій. „Если русскій монархъ“—такъ разсуждаютъ наши ультра-монархисты—„до 27-го апрѣля могъ издать собственною своею властью основные законы имперіи, то своею же властью можетъ онъ измѣнить эти законы, а тѣмъ болѣе оказавшіеся чрезвычайно вредными законы о выборахъ въ Государственную Думу. Ничего съ тѣхъ поръ не произошло, что бы умалило царское самодержавіе“. Царское самодержавіе, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“, остается *неограниченнымъ*; для нихъ не существуетъ ни манифестовъ 17-го октября и 20-го февраля, ни знаменательнаго пропуска термина *неограниченная* въ опредѣленіи верховной власти (ст. 4-ая новой редакціи основныхъ законовъ), ни категорическихъ постановленій о порядкѣ изданія законовъ. Торжественныя обѣщанія, много разъ повторенныя — обѣщанія, несомнѣнно равносильныя обязательствамъ—разсматриваются этими своеобразными „охранителями“ какъ безсодержа-

тельныя слова, во всякую данную минуту замѣняемыя другими, прямо противоположными... Възаконное измѣненіе избирательнаго закона — только одно изъ требованій, настойчиво предъявляемыхъ „Московскими Вѣдомостями“. Ихъ конечная цѣль — возвращеніе къ абсолютизму: Государственную Думу „слѣдуетъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше совершенно упразднить и довольствоваться законосовѣщательнымъ Государственнымъ Совѣтомъ, состоящимъ исключительно изъ членовъ, выбранныхъ самимъ Государемъ“¹⁾. Къ такому рѣшительному скачку назадъ едва ли расположены, въ настоящую минуту, единомышленники московской газеты, ближе стоящіе къ правящимъ сферамъ; но мысль объ ограниченіи, хотя бы и вопреки закону, избирательнаго права легко можетъ найти благоприятную почву и за предѣлами реакціонной печати. Кабинетъ г. Столыпина, судя по газетнымъ слухамъ, не намѣренъ вступать теперь на этотъ путь; но можно ли поручиться за ближайшее будущее?.. Легальный способъ дѣйствій, во всякомъ случаѣ, есть только одинъ: производство выборовъ на основаніи дѣйствующаго закона. Недостатковъ въ этомъ законѣ много (хотя, конечно, они заключаются не въ томъ; въ чемъ видятъ ихъ ретроградная пресса); но исправить ихъ можно только въ легальномъ порядкѣ... Съ беззащитностью реакціонной прессы соединена большая доза лицемерія. Она старается увѣрить, что вовсе не стоитъ за восстановленіе стараго режима, говорить противъ бюрократизма и бюрократовъ, отрицаетъ, наравнѣ съ господствомъ народнаго представительства, господство канцелярій. Кто же, однако, поддерживалъ, одобрялъ, восхвалялъ правительственную систему, приведшую Россію на край гибели? Кто писалъ панегирики такимъ представителямъ ея, какъ гр. Д. А. Толстой, К. П. Побѣдоносцевъ, Д. С. Сипягинъ, В. К. Плеве? Кто старался заглушить и подавить все несовмѣстное съ административнымъ всевластіемъ? Не къ этой ли цѣли были направлены, въ теченіе четверти вѣка, всѣ усилія Каткова и его эпигоновъ? „Московскія Вѣдомости“ говорятъ теперь о „возмутительной комиссіонной постройкѣ флота“, о „знаменитыхъ предпріятіяхъ на Ялу“, о „нелѣпой организаціи арміи“; но почему же все это — и многое другое — стало возможнымъ, почему сгустилась тьма, подъ покровомъ которой росли и множились всяческія злоупотребленія? Самодержавный режимъ былъ „искаженъ“, это безспорно; но могъ ли онъ не быть искаженнымъ, не заключались ли въ немъ самомъ причины его порчи? Мыслимъ ли абсолютизмъ, въ обширномъ государствѣ, безъ могущественной бюрократіи — и мыслима ли бюрократія, дающая просторъ всѣмъ сторонамъ народной жизни? Когда Александръ III-й, по выраженію „Москов-

¹⁾ См. № 197 „Московскихъ Вѣдомостей“.

скихъ Вѣдомостей“, „поднялъ стягъ самодержавія“, развѣ это не привело къ безмѣрному увеличенію числа чиновниковъ, къ усиленію бюрократическаго гнета надъ обществомъ и надъ народамъ? Нѣтъ, никакими софизмами не удастся затушевать смыслъ уроковъ, которыми такъ богато наше недавнее прошлое. Понявъ его, верховная власть вступила на новый путь, съ котораго нѣтъ возврата.

Большое вниманіе обращала на себя, въ послѣднее время, вновь образовавшаяся партія „мирнаго обновленія“, во главѣ которой стали Н. Н. Львовъ, гр. П. А. Гейденъ, Д. Н. Шиповъ, М. А. Стаховичъ. Не воплиѣ опредѣлилось еще отношеніе ея къ союзу 17-го октября, въ составъ котораго входили раньше многіе ея члены. Новая партія идетъ значительно дальше прежней и нисколько не расположена, по видимому, къ сближенію съ правыми группами. Весьма интересенъ вопросъ объ отношеніи ея къ партіямъ, стоящимъ отъ нея влѣво, въ особенности къ партіи народной свободы. Этому вопросу посвящена статья В. М. Гессена (въ № 133 газеты „Рѣчь“), къ сожалѣнію—въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки—еще не оконченная. „Мирное обновленіе“—говоритъ почтенный авторъ—„считаетъ роспускъ Государственной Думы величайшей политической ошибкой; оно требуетъ скорѣйшаго созыва Думы. Мирное обновленіе стоитъ за парламентарный режимъ; оно требуетъ отвѣтственнаго передъ Думой министерства. Мирное обновленіе чуждается національнаго шовинизма; оно требуетъ уваженія къ правамъ національностей, населяющихъ Россію. Наконецъ, мирное обновленіе признаетъ необходимость коренной социальной реформы; оно требуетъ принудительнаго отчужденія, въ потребныхъ размѣрахъ, частновладѣльческой земли ¹⁾. Казалось бы, отнынѣ нѣтъ болѣе непримиримыхъ и коренныхъ программныхъ разногласій между конституціонно-демократической партіей и партіей мирнаго обновленія. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не быть союзу между ними? Нашъ отвѣтъ категориченъ и простъ: союзъ съ партіей мирнаго обновленія невозможенъ потому, что этой партіи не существуетъ, потому что она не можетъ и не будетъ существовать“. Въ подтвержденіе столь рѣшительнаго приговора В. М. Гессенъ ссылается на составъ союза 17-го октября, разношерстный, случайный и лишь поверхностно воспринявшій конституціонныя идеи. Совершенно инымъ является составъ конституціонно-демократической партіи, сьумѣвшей

¹⁾ Къ этому перечню слѣдуетъ прибавить, что партія мирнаго обновленія включаетъ въ свою программу равноправность сословій и дѣйствительное осуществленіе свободы.

не только объединить подъ своимъ знаменемъ широкіе и вліятельные общественные круги, земскіе и городскіе, но и пробить себѣ путь къ еще болѣе широкимъ и вліятельнымъ народнымъ массамъ. Создать, правѣ конституціонныхъ демократовъ, такую партію, которая была бы и истинно-конституціонной, и истинно-демократической, менѣе чѣмъ когда-либо возможно въ настоящую минуту: общественное мнѣніе несомнѣнно передвинулось влѣво. Положеніе лидеровъ партіи мирнаго обновленія В. М. Гессенъ называетъ трагичнымъ: „истинные конституціоналисты, они вынуждены—можетъ быть, противъ своей воли—служить дѣлу политической реакціи. Ихъ можно жалѣть, но вступать съ ними въ соглашеніе невозможно“.

Итакъ, партія мирнаго обновленія отлучается В. М. Гессеномъ отъ общенія съ болѣе прогрессивными группами. Посмотримъ, прежде всего, въ чемъ могло бы заключаться это общеніе. Пока партія сохраняетъ свою особую программу, свою особую организацію, она дѣйствуетъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, отдѣльно отъ другихъ, хотя бы болѣе или менѣе къ ней близкихъ. Только въ критическія минуты становится возможнымъ и желательнымъ соглашеніе, временное и поставленное въ строго опредѣленныя рамки. Для того, чтобы оно состоялось, необходима—и достаточна—общность хотя бы одной, существенно важной задачи, при отсутствіи, во всемъ остальномъ, *непримиримыхъ* принципиальныхъ разногласій. Въ союзникахъ, особенно передъ выборами, могутъ нуждаться не только слабыя, малочисленныя партіи, но и болѣе крупныя, если имъ приходится имѣть дѣло съ противникомъ болѣе или менѣе равносильнымъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно въ такомъ положеніи можетъ оказаться, при предстоящихъ выборахъ, партія народной свободы. За нее голосовали, въ мартѣ и апрѣлѣ, не только ея члены, не только ея приверженцы, но и многіе сторонники болѣе лѣвыхъ партій, бойкотировавшихъ Думу и никого изъ своей среды въ кандидаты не представлявшихъ. При слѣдующихъ выборахъ бойкотъ, очевидно, не повторится; крайнія партіи примутъ дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи ¹⁾. Лучше, чѣмъ прежде, приготовленными и вооруженными выступать, по всей вѣроятности, монархисты всѣхъ оттѣнковъ; и надъ ними, быть можетъ, не всегда легко будетъ одержать побѣду конституціонно-демократической партіи, предоставленной собственнымъ своимъ силамъ. Союзникомъ ея въ обоихъ случаяхъ можетъ оказаться партія мирнаго обновленія, если она останется вѣрной своей программѣ и не станетъ искать поддержки тамъ, гдѣ, на свою гибель, пробовалъ найти

¹⁾ Принявшимъ результатъ выборовъ за Кавказомъ, происходившихъ послѣ того, какъ крайніе лѣвые перестали бойкотировать Думу.

точку опоры, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, союзъ 17-го октября. Какими силами будетъ располагать, во времени выборовъ, партія мирнаго обновленія—это теперь трудно предвидѣть; но что она, вопреки предсказанію В. М. Гессена, можетъ и будетъ существовать—въ этомъ мы убѣждены, какъ въ виду уваженія, которымъ заслуженно пользуются многіе ея лидеры, такъ и въ виду отголосковъ, находимыхъ ея идеями въ различныхъ слояхъ общества. Наше сочувствіе попрежнему принадлежитъ всецѣло партіи демократическихъ реформъ, во многомъ близкой къ партіи народной свободы; но, при наличности условий, упомянутыхъ нами выше, объ эти партіи, оставаясь сами собою, могутъ, думается намъ, отнестись невразлужденно къ партіи мирнаго обновленія.

Намъ могутъ возразить, что временныхъ союзниковъ партія народной свободы найдетъ, въ случаѣ надобности, въ средѣ крайнихъ лѣвыхъ партій. Съ нашей точки зрѣнія такой союзъ былъ бы гораздо менѣе нормаленъ, чѣмъ временное, условное соглашеніе съ партіей мирнаго обновленія. Партія народной свободы всегда высказывалась противъ насилія, во всѣхъ его формахъ, рѣшительно отдѣляясь, тѣмъ самымъ, отъ социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ. Не менѣе рѣзко отличалась она отъ нихъ и въ своемъ отношеніи къ аграрному вопросу, признавая необходимость вознагражденія владѣльцевъ за отчуждаемую отъ нихъ землю и суживая самую область принудительнаго отчужденія. Оба разногласія—далеко, притомъ, не единственные,—принадлежать, безспорно, къ числу „непримиримыхъ“. Еслибы о нихъ и могла забыть партія народной свободы, то ея примѣру едва ли послѣдовали бы крайнія партіи, и до созыва Думы, и во время думской сессіи открыто возстававшія противъ „буржуазныхъ“ демократовъ. Ни изъ чего не видно, чтобы этотъ антагонизмъ ослабѣлъ послѣ роспуска Думы... Вотъ что говорится въ брошюрѣ, только-что выпущенной въ свѣтъ „извѣстнымъ большевикомъ“¹⁾: „цѣлью возстанія (въ крестьянской средѣ) должно быть не только полное разрушеніе или устраненіе всѣхъ и всякихъ мѣстныхъ властей, съ замѣной ихъ новыми народными властями, но также изгнаніе помѣщиковъ и захватъ помѣщичьихъ земель. Впредь до рѣшенія всенароднаго учредительнаго собранія крестьяне, несомнѣнно, должны стремиться къ фактическому уничтоженію помѣщичьяго землевладѣнія. Объ этомъ не приходится много говорить, потому что крестьянскаго возстанія безъ *расправы съ помѣщиками* и захвата земель никто не сталъ бы представлять себѣ. Понятно, что чѣмъ сознательнѣе

¹⁾ Заглавія этой брошюры и имени автора ея мы не знаемъ; выписку изъ нея мы заимствуемъ изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 175).

и организованнѣе будетъ это движеніе, тѣмъ рѣже будутъ случаи истребленія зданій, имущества, скота и т. п. Съ военной точки зрѣнія, для достиженія извѣстныхъ военныхъ цѣлей, сожженіе зданій, а иногда уничтоженіе имущества есть мѣра вполне законная и обязательная въ извѣстныхъ случаяхъ. Только педанты (или измѣнники народа) могутъ особенно оплакивать то, что крестьяне прибѣгаютъ всегда къ такимъ средствамъ. Но незачѣмъ скрывать отъ себя, что иногда истребленіе имущества является лишь результатомъ неорганизованности, неумѣнья взять себя и удержать за собой имущество врага вмѣсто уничтоженія его, или результатомъ слабости, когда воюющій мститъ врагу, не имѣя силъ уничтожить, раздавить врага. Мы должны, конечно, въ своей агитаціи всячески разъяснять крестьянамъ, съ одной стороны—полную законность и необходимость безпощадной борьбы съ врагомъ вплоть до истребленія имущества, а съ другой стороны—показывать, что отъ степени организованности зависитъ возможность гораздо болѣе разумнаго и выгоднаго исхода: *истребленіе врага* (помѣщиковъ и чиновниковъ, полиціи особенно) и передача всѣхъ и всякихъ имуществъ во владѣніе народа или во владѣніе крестьянъ безъ всякой порчи имущества“. Итакъ, имущество лучше отнимать, чѣмъ истреблять, но *истребленіе* враговъ—помѣщиковъ и чиновниковъ—рекомендуется одинаково и при неорганизованномъ, и при организованномъ движеніи. Возможна ли совмѣстная дѣятельность партіи, исповѣдующей такіе взгляды, и партіи народной свободы, „отвергающей всякую форму террора, какъ средство политической борьбы“ (см. „Рѣчь“, № 137)?

Нѣсколько иначе, чѣмъ „Рѣчь“, смотритъ на партію мирнаго обновленія другая газета, также очень близкая къ партіи народной свободы. „Каковы бы ни были“—читаемъ мы въ „Правѣ“ (№ 31)—„дальнѣйшія предположенія партіи мирнаго обновленія и ея шансы на прочный успѣхъ, въ настоящій моментъ всѣ партіи¹⁾, которыя ставятъ своей задачей политическія реформы, являющіяся предпосылкой дальнѣйшей дѣйствительно культурной, не только разрушительной, но и созидательной борьбы, могутъ объединиться въ стремленіи къ достиженію этой общей цѣли“. Правда, участвовать въ такомъ объединеніи партія мирнаго обновленія можетъ, по мнѣнію „Правы“, только подъ условіемъ искреннаго, полнаго и открытаго разрыва съ партией 17-го октября—разрыва, осуществленіе котораго кажется „Праву“ мало вѣроятнымъ; но хорошо уже и то, что въ принципѣ признается возможной совмѣстная, въ извѣстныхъ предѣлахъ, дѣятельность

¹⁾ Въ подлинникѣ сказано: *каждая партія*, но, какъ показываетъ дальнѣйшая конструкция предложенія, это—несомнѣнно описка или опечатка.

всѣхъ партій, въ программу которыхъ входитъ широкая политическая реформа. Въ искренности партіи мирнаго обновленія мы пока не видимъ причины сомнѣваться, а ручательствомъ въ томъ, что она не повторитъ ошибокъ союза 17-го октября, служить, въ нашихъ глазахъ, присоединеніе къ ней Н. Н. Львова.

Прерванная почти въ самомъ своемъ началѣ, законодательная работа Государственной Думы осталась, однако, далеко не безплодной. Законопроекты, составленные или намѣченные думскими комиссиями, должны лечь въ основаніе новаго государственнаго и общественнаго строя. Особого вниманія заслуживаетъ одинъ изъ нихъ, напечатанный недавно въ „Правѣ“, вмѣстѣ съ подробными объясненіями профессора Новгородцева. Его предметъ—неприкосновенность личности, т.-е. одно изъ главныхъ условій нормальной политической и гражданской жизни.

Менѣе чѣмъ гдѣ бы и когда бы то ни было неприкосновенность личности обезпечена въ современной Россіи. Не благоприятствовалъ ей издавна весь складъ русской государственности, оставившій мало мѣста для идей о правѣ, о достоинствѣ человѣка и гражданина. Попытка создать гарантіи личной свободы, сдѣланная въ эпоху великихъ реформъ, не привела къ цѣли, какъ потому, что рядомъ съ новыми законами остались въ силѣ старыя, проникнутыя прямо противоположнымъ духомъ, такъ и потому, что для верховной власти, а иногда и для властей подчиненныхъ, не было, *de facto*, обязательно соблюденіе закона. Единичныя его нарушенія были возведены въ систему изданіемъ положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. До тѣхъ поръ преданіе военному суду, для сужденія по законамъ военного времени, допускалось въ исключительныхъ случаяхъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ; теперь оно вошло въ составъ полномочій генералъ-губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣднее время рядомъ съ положеніемъ объ охранѣ стало широко примѣняться военное положеніе, еще дальше доводящее отступленія отъ общей подсудности и общаго порядка судопроизводства. Понятно, что именно къ предупрежденію подобнаго безправія долженъ быть, прежде всего, направленъ законъ о неприкосновенности личности. „Никто“—гласитъ вторая статья упомянутаго выше думскаго законопроекта,—„никто не можетъ быть судимъ иначе, какъ въ общемъ порядкѣ, для дѣлъ даннаго рода установленномъ; преданіе военному суду лицъ, не состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, можетъ быть допускаемо исключительно во время войны съ иностраннымъ государствомъ и только въ мѣстности, занятой дѣйствующею арміею“.

Съ ужасомъ и негодованіемъ отнеслась къ этой части законопроекта реакціонная печать. „Борьба съ врагомъ внутреннимъ“ — восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“, — „врагомъ во много разъ болѣе опаснымъ чѣмъ врагъ внѣшній, приравнивается, стало быть, къ нормальному положенію вещей! Пускай десятками, сотнями и даже тысячами валатся жертвы политическихъ убійствъ — рѣшительныхъ мѣръ противъ этого принять нельзя. Пускай массовые дневные грабежи разоряютъ страну, дѣлаютъ въ ней невозможною всякую правильную дѣятельность — никакихъ исключительныхъ мѣръ правительство принимать не можетъ. Пускай строятся баррикады, убиваются и оскорбляются солдаты — отвѣтомъ на это должна служить обычная уголовная волокита, съ надеждою на безнаказанность и амнистію“. Итакъ, *рѣшительной мѣрой* противъ государственныхъ преступленій можно считать только смертные приговоры, произносимые военнымъ судомъ? И это говорится теперь, когда безпримѣрно многочисленныя казни скорѣе увеличили, чѣмъ уменьшили число политическихъ убійствъ! Положить конецъ чрезвычайному расширенію военной подсудности — не значило бы обезоружить правительство, не значило бы создать безнаказанность преступниковъ. Не военнымъ судомъ берутся баррикады и подавляются возстанія. Противъ открытой силы по неволѣ приходится пускать въ ходъ открытую силу; весь вопросъ въ томъ, что дѣлать съ побѣжденными, съ безоружными, находящимися въ рукахъ власти. Ихъ дѣйствія предусмотрѣны общимъ уголовнымъ закономъ, для примѣненія котораго существуетъ общій уголовный судъ; пускай же этимъ судомъ, на основаніи этого закона, и опредѣляется ихъ участь... Не можетъ военный судъ замѣнить собою и полицію, не можетъ предотвращать убійства и грабежи. Страхъ наказанія — плохое предупредительное средство, особенно въ критическія минуты, когда возбуждены страсти и все ниже и ниже цѣнится жизнь. Если обычная уголовная процедура похожа на „уголовную волокиту“, нужно принять мѣры къ ея ускоренію, а не бросаться въ противоположную крайность и жертвовать, изъ-за быстроты, самыми существенными гарантіями правосудія. Хотя производство дѣлъ въ военныхъ судахъ покрыто, въ большинствѣ случаевъ, непроницаемою тайной, тѣмъ не менѣе есть достаточное основаніе полагать, что поспѣшность, неизбѣжно связанная съ стѣсненіемъ защиты, приводитъ иногда къ судебнымъ ошибкамъ, далеко не каждый разъ поправимымъ.

Не быстрота производства, впрочемъ, заставляеть, въ большинствѣ случаевъ, обращаться къ военному суду: главной побудительной причиной такого обращенія служитъ суровость каръ, налагаемыхъ этимъ судомъ. Общегражданское законодательство крайне рѣдко допускаеть примѣненіе смертной казни; военнымъ судомъ, дѣйствующимъ

шимъ по законамъ военного времени, она назначается сплошь и рядомъ, назначается, во многихъ случаяхъ почти неизбежно. Преданіе военному суду почти равносильно присужденію къ смертной казни. Получается, такимъ образомъ, противорѣчіе, не совмѣстное съ достоинствомъ государства: смертная казнь, *de jure* заключенная въ самыя тѣсныя предѣлы, *de facto* обнимаетъ собою широкую, все болѣе и болѣе растущую область. И это происходитъ въ то время, когда съ поразительной силой заявляетъ себя теченіе, безусловно враждебное смертной казни! Законопроектъ о полной и абсолютной ея отміну, единогласно принятый Государственною Думой и встрѣтившій большое сочувствіе даже въ средѣ Государственного Совѣта, остался безъ дальнѣйшаго движенія, вслѣдствіе роспуска Думы—но онъ сохраняетъ свою нравственную силу, какъ признакъ настроенія, господствующаго во всѣхъ слояхъ русскаго общества и русскаго народа. Безсильной, въ виду этого настроенія, окажется злоба, изливаемая на страницахъ реакціонныхъ газетъ. Основная мысль, выраженная во второй статьѣ думскаго законопроекта, скоро, мы въ этомъ убѣждены, осуществится на самомъ дѣлѣ.

Стремясь къ возможно болѣшему сокращенію изъятій изъ общихъ началъ подсудности и процесса, разбираемый нами законопроектъ допускаетъ расширеніе круга дѣйствій военного суда во время войны съ иностраннымъ государствомъ, но не въ видѣ общаго правила, а лишь факультативно. Все должно зависѣть отъ того, прекращено ли въ данной мѣстности дѣйствіе обыкновеннаго суда: если прекращено, то распространеніе военной подсудности становится неизбежнымъ. Ошибочно было бы думать, что только военный судъ можетъ обезпечить соблюденіе условій, необходимыхъ для успѣшнаго хода военныхъ операций. Нарушеніе мѣръ предосторожности, устанавливаемыхъ военнымъ начальствомъ въ виду требованій военного времени, можетъ быть карасемо и гражданскимъ судомъ; дѣла этого рода могутъ быть разрѣшаемы внѣ очереди. Можно, наконецъ, усилить отвѣтственность за преступленія, особенно опасныя въ военное время—но нѣтъ никакого основанія доводить ее до высшаго предѣла и предоставлять опредѣленіе ея, безъ крайней необходимости, учрежденіямъ, мало подготовленнымъ и приспособленнымъ къ правильному отправленію судебныхъ функций.

Не меньше возраженій встрѣчаютъ со стороны реакціонной печати другія статьи законопроекта, направленные къ охранѣ самыхъ элементарныхъ, самыхъ необходимыхъ правъ личности. По ст. 1-ой никто не можетъ быть наказанъ безъ суда; по ст. 3-ей никто—за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 4-ой и 5-ой—не можетъ быть задержанъ, заключенъ подъ стражу или подвергнутъ иному ограни-

ченію свободы иначе, какъ по предъявленію приказа надлежащей судебной власти; по ст. 13-ой никто не можетъ быть принуждаемъ къ пребыванію въ какой-либо мѣстности и никому не можетъ быть воспрещаемо пребываніе въ какой-либо мѣстности иначе какъ по постановленію судебной власти или по вошедшему въ законную силу судебному приговору. Надъ такимъ умаленіемъ административнаго произвола „Московскія Вѣдомости“ проливаютъ горькія слезы. Съ ихъ точки зрѣнія это—„не проектъ неприкосновенности личности, а проектъ неприкосновенности преступниковъ“. „Еслибы онъ осуществился“ — восклицаетъ газета, — „честные люди потеряли бы возможность работать, а всевозможные проходимцы могли бы безнаказанно снимать кого угодно съ работъ, прекращать по собственному усмотрѣнію телеграфныя, желѣзнодорожныя, почтовыя и судоходныя сношенія, оставлять населеніе безъ хлѣба и воды, безъ врачебной и лекарственной помощи. Жизнь, здоровье, собственность частныхъ лицъ — все предавалось бы игрушкой въ руки *освободителей*“. Отличаясь полнымъ отсутствіемъ чувства мѣры, эта тирада заключаетъ въ себѣ свое собственное опроверженіе. Жизнь, здоровье, собственность частныхъ лицъ, общественное спокойствіе, общественный порядокъ находятся подъ охраной закона, примѣняемаго общимъ судомъ; думскій законопроектъ ничего не измѣняетъ ни въ содержаніи уголовныхъ нормъ, ни въ правахъ и функціяхъ уголовного суда; какимъ же образомъ онъ можетъ имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе общественной и личной безопасности? Въ той мѣрѣ, въ какой „снятіе съ работъ“, перерывъ почтовыхъ и другихъ сношеній, прекращеніе водоснабженія и т. п. подходятъ подъ дѣйствіе уголовного закона, они будутъ подлежать преслѣдованію и наказанію, какъ бы ограничена ни была дискреціонная власть администраціи; въ той мѣрѣ, въ какой они не составляютъ преступленія, они не могутъ и не должны служить предметомъ репрессіи, ни судебной, ни административной. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Если „снятіе съ работъ“ сопровождается насиліемъ или угрозами, оно пріобрѣтаетъ преступный характеръ и можетъ повлечь за собою личное задержаніе виновнаго, по распоряженію судебной власти; если оно совершается путемъ увѣщанія, совѣта, угрозы, оно не выходитъ—при существованіи права стачекъ—за предѣлы закона и, слѣдовательно, не должно имѣть никакихъ неблагоприятныхъ для „снимающаго“ послѣдствій.

Возставая, съ обычною неразборчивостью въ выборѣ аргументовъ, противъ законопроекта о неприкосновенности личности, реакціонная печать ратуетъ, въ сущности, не за общественную и личную безопасность, которой законопроектъ нисколько не угрожаетъ, а за полноту административнаго произвола. Воспитанная и вскормленная старымъ

режимомъ, она никакъ не можетъ примириться съ мыслью объ умаленіи той власти, которою онъ располагалъ безгранично и безконтрольно. Администрація, лишенная права арестовать, высылать, воспрепятствовать пребыванію въ данной мѣстности, кажется ей обреченной на безсиліе и бездѣйствіе, а государство, довольствующееся такою администраціею—обреченнымъ на гибель. Таковъ обманъ зрѣнія, обусловливаемый долготѣною привычкою къ раболовству. Кто сохранилъ, въ какой бы то ни было степени, свободу и независимость сужденія, тому нетрудно придти къ прямо противоположному выводу. Отбить только спросить себя, къ чему привели безчисленные акты полицейской расправы, повторявшіеся въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій и особенно участившіеся въ послѣдніе годы? Помѣшали ли они распространенію неудовольствія, обостренію оппозиціонныхъ настроеній? Не во времени ли полного ихъ расцвѣта—къ эпохѣ управленія Сипягина и Плеве — относится организація наиболѣе крайнихъ партій? Чего достигъ, въ 1905-мъ году, генераль Треповъ, чего достигъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, П. Н. Дурново? Рѣже ли стали политическія убійства и политическіе грабежи по мѣрѣ увеличенія, въ послѣдніе мѣсяцы, числа мѣстностей, объявленныхъ на военномъ положеніи или на положеніи чрезвычайной охраны? Не ясно ли, что обезпеченіе неприкосновенности личности, проектированное Государственной Думой, необходимо не только для спокойствія и благосостоянія отдѣльных лицъ, но и для мирнаго теченія общественной и государственной жизни? Во имя чего можно поддерживать явно несправедливыя мѣры, разъ что онѣ идутъ прямо въ разрѣзъ съ своей ближайшей практической цѣлью?

Возможны, однако, чрезвычайныя обстоятельства, при которыхъ немислимо строгое соблюденіе порядка, установленнаго для нормальнаго времени. Необходимость исключеній изъ общаго правила сознавала и думская коммиссія, предполагавшая сдѣлать ихъ предметомъ особаго закона. „Само собою разумѣется“, — говоритъ г. Новгородцевъ, — „что коммиссія не допускала мысли о созданіи законовъ сколько-нибудь подобныхъ нынѣ дѣйствующему положенію объ охранѣ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Тотъ новый законъ, который коммисіи представлялся необходимымъ, имѣлъ въ виду условія дѣйствительно исключительныя и чрезвычайныя, и поэтому примѣненіе его могло бы быть разсчитано лишь на краткій срокъ, соотвѣтствующій временному дѣйствію такихъ условій, и притомъ поставленный въ зависимость отъ одобренія законодательной власти“. При выработкѣ относящагося сюда закона коммиссія имѣла въ виду „держаться практики англійскаго института пріостановки дѣйствія Habeas Corpus Act, а не континентальныхъ законовъ объ осадномъ

положеніи". И дѣйствительно, англійскій порядокъ имѣетъ существенно важныя преимущества. Не говоря уже о томъ, что пріостановка дѣйствія закона, обеспечивающаго личную свободу, допускается въ Англіи не иначе какъ съ согласія парламента и только на короткій срокъ (не свыше года), она не снимаетъ съ должностныхъ лицъ гражданскую и уголовную отвѣтственность за неправильное лишеніе свободы. Безотвѣтственными они становятся лишь въ силу особаго акта объ амнистіи (Act of indemnity), издаваемаго, обыкновенно, въ концѣ періода пріостановки дѣйствія Habeas Corpus Act. „Если при пользованіи исключительными полномочіями“,—говоритъ проф. В. О. Дерюжинскій, спеціально изучившій данный вопросъ,—„совершены будутъ большія злоупотребленія, парламентъ можетъ либо вовсе не согласиться на изданіе акта объ амнистіи, либо ограничить ея примѣненіе“. Этого достаточно, чтобы сдержать усердіе административныхъ властей въ должныхъ предѣлахъ. У насъ созданіе аналогичнаго порядка особенно необходимо, такъ какъ все наше прошлое воспитало въ администраціи привычку къ произволу и пренебреженію къ правамъ и достоинству частныхъ лицъ.

Не довольствуясь установленіемъ главныхъ началъ, обеспечивающихъ неприкосновенность личности, думскій законопроектъ входитъ въ подробности ихъ примѣненія. Лицо, задержанное безъ судебного приказа, должно быть препровождено къ ближайшему представителю судебной власти (мировому судѣ, судебному слѣдователю, уѣздному члену окружнаго суда) въ теченіе 24 часовъ со времени задержанія; при отдаленности разстояній этотъ срокъ увеличивается лишь настолько, насколько того безусловно требуетъ необходимость. Надзоръ за соблюденіемъ этого правила и привлеченіе къ отвѣтственности за его нарушеніе составляютъ обязанность вышепоименованныхъ представителей судебной власти; имъ же принадлежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто не содержался въ заключеніи безъ надлежащаго судебного приказа. Начальникъ мѣста заключенія обязанъ освободить лицо, задержанное полиціею, если въ теченіе 24-хъ часовъ не послѣдуетъ судебного приказа о дальнѣйшемъ содержаніи его подъ стражей. Жаловаться на дѣйствія должностныхъ лицъ, несогласныя съ вышеизложенными постановленіями, можетъ какъ самъ задержанный, такъ и всякое другое лицо. Это послѣднее правило, издавна дѣйствующее въ Англіи, представляется особенно цѣлесообразнымъ, не только потому, что оно уменьшаетъ вѣроятность закононарушеній, но и потому, что оно благопріятствуетъ общественной самодѣятельности. Гдѣ на стражѣ закона призваны стоять каждый гражданинъ, тамъ, мало-по-малу, должно исчезнуть равнодушіе къ общему дѣлу, выраженіемъ

котораго служатъ девизы: „моя хата съ краю“ или „chacun chez soi, chacun pour soi“.

Столь же рациональными, какъ постановленія, ограждающія личную свободу, слѣдуетъ признать и тѣ отдѣлы думскаго законопроекта, которые касаются неприкосновенности жилища и корреспонденціи. Санкціей всѣхъ намѣчаемыхъ правилъ служатъ двѣ послѣднія статьи проекта, по которымъ должностныя лица, виновныя въ нарушеніи закона, предаются суду и судятся на общемъ со всѣми гражданами основаніи и отвѣчаютъ за убытки, причиненные ихъ дѣйствіями или упущеніями, въ цифрѣ, опредѣляемой по усмотрѣнію суда. Это значитъ, что преступныя дѣянія должностныхъ лицъ не должны быть прикрываемы ни особымъ порядкомъ преданія суду, ни особою подсудностью, а препятствіемъ къ вознагражденію за убытки не должна служить невозможность опредѣлить ихъ цифру. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, доказать документально размѣръ матеріальной потери, причиненной незаконнымъ задержаніемъ, незаконнымъ обыскомъ, незаконной выемкой? А между тѣмъ, фактъ потери можетъ быть совершенно очевиденъ, да и самый переводъ ея на деньги можетъ не представлять непреодолимыхъ затрудненій, если не требовать математически точныхъ данныхъ, а положиться на здравый смыслъ и житейскую опытность судей. Если въ настоящее время такъ рѣдко удается частнымъ лицамъ добиться личной и имущественной отвѣтственности должностного лица, это объясняется именно рѣшающею ролью, предоставленною, въ такихъ дѣлахъ, начальству обвиняемыхъ—и, съ другой стороны, недостаточной свободой суда въ опредѣленіи суммы понесенныхъ убытковъ... Законопроектъ о неприкосновенности личности, составленный думскою комиссіею, имѣетъ еще одно важное значеніе: онъ ярко освѣщаетъ цѣль, къ достиженію которой слѣдуетъ стремиться, и раскрываетъ, тѣмъ самымъ, недостаточность полумѣръ и палліативовъ. Если вѣрить газетнымъ слухамъ, совѣтъ министровъ занятъ приведеніемъ въ систему всѣхъ исключительныхъ законоположеній, въ видахъ согласенія ихъ между собою и болѣе точнаго опредѣленія условій, при которыхъ допустимо ихъ примѣненіе. Авторитетнымъ противоязіемъ этому плану служить думскій законопроектъ, послѣдовательный, широкій и не останавливающийся на полъ-дорогѣ.

Скончавшійся въ ночь на 7-ое августа членъ Государственнаго Совѣта Ѳ. Г. Тернеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ у насъ государственныхъ людей, которые и въ преклонномъ возрастѣ, достигнувъ высокаго положенія, сохраняютъ дѣятельный интересъ не только къ практической, но и къ теоретической сторонѣ народно-хозяй-

ственныхъ вопросовъ. Въ то время, когда для высшихъ сферъ крестьянство представлялось преимущественно объектомъ административныхъ экспериментовъ, О. Г. Тернеръ не переставалъ изучать его нужды, заботиться о подъемѣ его благосостоянія. Свои труды по этому предмету О. Г. помѣщалъ, главнымъ образомъ, въ нашемъ журналѣ. Сюда относятся слѣдующія статьи, вполнѣ въшедшія, отчасти, въ составъ книги „Государство и Землевладѣніе“ (2-ое изд. 1901): „Общинное владѣніе и частная собственность“ (1895, май и іюнь), „Крестьянскіе платежи и способъ ихъ взысканія“ (1895, октябрь), „Переселенческое дѣло“ (1897, мартъ, апрѣль и май), „Экономическое положеніе крестьянъ въ Россіи“ (1898, іюль), „Крестьянскій кредитъ“ (1899, январь), „Крестьянское законодательство и его движеніе за послѣднія десять лѣтъ“ (1900, январь). Три статьи О. Г. были посвящены дворянству и землевладѣнію (1903, мартъ; 1905, августъ и сентябрь). Много лѣтъ тому назадъ онъ напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ (май, 1870) описаніе своей поѣздки на Суэзскій каналъ. — Если литературная дѣятельность О. Г. Тернера была особенно велика въ 90-хъ годахъ, это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что раньше все его время поглощала служебная работа въ министерствѣ финансовъ: онъ былъ единственнымъ товарищемъ министра, тогда какъ теперь занятія по этой должности раздѣлены между нѣсколькими лицами. Очень много ему приходилось трудиться и въ самые послѣдніе годы, послѣ назначенія его предсѣдателемъ департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ. По словамъ „Новаго Времени“, послѣ О. Г. остались записки, представляющія большой историческій интересъ.

Р. С. — Наше обозрѣніе было уже отдано въ печать, когда въ „Странѣ“ (№ 134) появилась статья кн. Е. Н. Трубецкого: „Къ вопросу о предвыборномъ союзѣ“. Разбирая мнѣніе „Рѣчи“ о невозможности сближенія между партіей мирнаго обновленія и партіей народной свободы, глубокоуважаемый авторъ приходитъ къ выводамъ, совершенно сходнымъ съ тѣми, которые изложены нами выше. „Правительство и крайніе“ — говоритъ кн. Трубецкой — „толкуютъ конституціоналистовъ, правыхъ и лѣвыхъ, къ взаимному сближенію... Не надо провозглашать невозможнымъ союзъ, который въ недалекомъ будущемъ можетъ стать необходимымъ... Та полемика, которая ведется на страницахъ „Рѣчи“, въ высокой степени вредна для дѣла освобожденія. Въ минуту, когда приходится напрягать всѣ силы въ борьбѣ противъ правительства и противъ крайнихъ, опасно поддерживать расколъ въ либеральномъ лагерѣ... Для правительства не можетъ быть болѣе страшнаго удара, нежели блокъ между кадетами и обновленцами...

Рѣчь идетъ о спасеніи или гибели русской культуры, о жизни или смерти русскаго либерализма. Отъ насъ зависитъ предупредить грозящій ему послѣдній и окончательный крахъ“. Неужели не будетъ слышанъ этотъ правдивый и сильный голосъ — первый, открыто заговорившій, два года тому назадъ, о „дортуарѣ въ участкѣ“?...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1906.

I.

— Андреевъ, Л.—Мелкіе рассказы. Томъ третій. Изд. товарищества „Знаніе“. Спб. 1906 г.

Изъ трехъ томиковъ, составляющихъ къ нашему времени собраніе сочиненій г. Л. Андреева, настоящій своимъ подборомъ рассказовъ выражаетъ наиболѣе яркія и симпатичныя стороны писателя. Въ нихъ нѣтъ той кривливой претенціозности, которой отличались нѣкоторыя его литературныя начинанія, нѣтъ и того нагроможденія всякаго рода ужасовъ и ненормальностей, которое, выступая за предѣлы художественности, часто приводило писателя къ образамъ изступленнымъ, полнымъ насильственныхъ эффектовъ и безцѣльно терзавшимъ душу. Въ этомъ томикѣ почти сплошь — вдумчивость, простота и правда непосредственнаго воспріятія, которая, удерживая отъ погони за яркими красочными тонами, въ то же время подкупаетъ мѣткостью наблюденія и кристальной, подчасъ суховатой прозрачностью изображеній.

Писатель задумался не надъ жизнью вообще, надъ которой задумывались мыслители и поэты всѣхъ временъ и народовъ, и тайны которой не могли разрѣшить въ тысячахъ глубочайшихъ системъ и міросозерцаній,—но надъ отдѣльными, конкретными ея проявленіями, такъ, какъ они даются наблюдательному глазу и чуткому сердцу. И въ эти наблюденія свои онъ такъ много вложилъ стремленія пробиться сквозь призму видимости, конкретного факта, къ тому, что, какъ лава подъ земной корой, кипитъ и клокочетъ внутри, или, какъ эфирно-воздушнымъ поясомъ, окутавшимъ землю, согрѣваетъ ее, принося живительныя лучи солнца,—къ той сущности всѣхъ вещей, ко-

торая связала человѣческое существованіе гордіевымъ узломъ страданій, роковыхъ случайностей и неразрѣшимыхъ загадокъ... И такимъ состраданіемъ и сочувствіемъ согрѣлъ писатель свои наблюденія, что они, по духовному сродству, единящему всѣхъ людей въ одну братскую семью, исполнились живого человѣческаго интереса, стали близки всякому отзывчивому сердцу. Дума о жизни автора „мелкихъ разсказовъ“ — отнюдь не философія, которую такъ любятъ подчасъ отыскивать охотники до эффектныхъ заглавій и громкихъ словъ у мало-мальски популярныхъ писателей, но чисто человѣческая, сердечная и потому близкая людямъ дума о томъ, какъ непостижима та великая и роковая сила, которая дробится въ безконечно малыхъ проявленіяхъ всего видимаго и ощущаемаго міра. Она ложится въ основу всего міросозерцанія г. Леонида Андреева.

Прежде всего, по г. Леониду Андрееву, роковая сила эта, представляя собою мировую сущность и дѣйствительность, не есть то, что мы видимъ. То, что мы видимъ, — это *очевидность*, — ею довольствуются всѣ ординарные люди, не проснувшіеся для высшихъ запросовъ души и разума, и потому имѣющіе возможность быть ординарно счастливыми и несчастными, добрыми и злыми, а *дѣйствительность* — это нѣчто другое, тревожное, немолчно зовущее, какое-то бездонное, безвременное и безпространственное. Люди, пробившіеся духовнымъ взоромъ къ смутному постиженію ея, не знаютъ покоя: она дразнитъ и пытается мысль, опустошаетъ душу и наполняетъ ее призраками какого-то другого, нездѣшняго міра, дѣлая ее безразличной къ „очевиднымъ“ благамъ и удобствамъ непосредственнаго существованія. Чтобы вернуть себѣ полноту будничныхъ ощущеній и отзывчивость къ будничнымъ наслажденіямъ и печалямъ, нужно погасить въ себѣ малѣйшіе лучи этой дѣйствительности, разлагающей, подобно лучамъ спектра, безформенный душевный комокъ на его составныя части, нужно оглушить себя шумомъ и суетой повседневности, отуманить виномъ и стать „какъ всѣ“. Естественно, что люди далекіе отъ всякихъ проклятыхъ вопросовъ должны или инстинктивно ненавидѣть ее, какъ своего злѣйшаго врага, или отрицать ее — равнодушно и безпечно. Молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго Толпенниковъ защитилъ, по порученію своего патрона, генеральшу фонъ-Брезе отъ обвиненія въ томъ, въ чемъ по существу она была виновна. Но съ формальной стороны были поводы къ оправданію, — онъ взялся оправдать ее, но затѣмъ въ немъ заговорила совѣсть, заговорила неувѣренно, ненадолго, но душа дрогнула слабымъ порывомъ къ дѣйствительности. Опытный и солидный патронъ поддержалъ юношу въ трудную минуту и помогъ загасить порывъ. „Но вѣдь въ дѣйствительности она виновна?“ — „Въ дѣйствительности! — нетерпѣливо

сказалъ Алексѣй Семеновичъ. — Откуда мы можемъ знать, что происходитъ въ дѣйствительности? Можетъ быть, тамъ чортъ знаетъ что, въ этой дѣйствительности. И нѣтъ никакой дѣйствительности, а есть очевидность“.

„Дѣйствительность“ неуловима не только для своего постиженія, но даже и для своего опредѣленія, которе хотя отдаленнымъ образомъ соотвѣтствовало бы ея сущности, а не отраженіямъ на процессахъ нашихъ мысли и чувства. Между ней и очевидностью существуетъ столь же неуловимая и тонкая грань, при которой явленія послѣдней безпрестанно принимаются за дѣйствительныя, т.-е. единственно реальныя, единственно необходимыя и важныя для сознательной человѣческой жизни. Въ неуловимости этой грани и заключена роковая загадка нашего бытія. Въ чемъ его важность и цѣнность? Въ томъ ли, что имѣетъ для насъ положительное значеніе своей очевидностью, своей осязаемостью и непосредственнымъ воспріятіемъ? или въ смутныхъ порывахъ души къ чему-то неясному, бесконечно глубокому, мучительному и манящему? Въ страстныхъ ли поискахъ, томящихъ душу таинственными призывами ея родной стихіи, вѣчности, отъ которой она оторвана капризнымъ мгновеніемъ? И полно, можно ли считать эту вѣчно-неясную область гаданій чѣмъ-то объемлющимъ міръ нашихъ ощущеній, извнѣ давящимъ на него, вліяющимъ на ихъ характеръ и формы? Не цѣлесообразнѣ ли, не отдаваясь во власть гаданій, сосредоточить всю силу нашего вниманія и способностей на бесконечно разнообразной области очевидностей, на которыхъ разбивается все наше существованіе, разобраться въ массѣ взаимоотношеній и, признавъ одни изъ явленій цѣнными и важными для жизни, выступить за нихъ борцомъ противъ явленій отрицательнаго порядка?

Но грань между конкретной очевидностью и метафизической дѣйствительностью (по г. Андрееву) слишкомъ тонка, почти неощутима, — и въ этомъ причина мукъ нашего сознанія, двойственности нашихъ чувствъ. Мы постоянно сознаемъ или, если можно такъ выразиться, испытываемъ сознаніе, что наша жизнь — „не то“. Отчего это происходитъ и какъ сдѣлать ее тѣмъ, чѣмъ она должна быть, мы не знаемъ. Какъ быть и что дѣлать? — стоитъ передъ нами неотступный вопросъ, на который такъ и нѣтъ общаго отвѣта. Приходится допустить одно, что и міръ „очевидностей“, даже если очертить свою жизнь ихъ магическимъ кругомъ, не дастъ удовлетворенія человѣческому сознанію, которое жалкимъ повседневнымъ опытомъ убѣждается, что и сами эти очевидности не Богъ вѣсть какой положительной цѣны, что и онѣ, если всмотрѣться въ нихъ попристальнѣе, переходящи, какъ формы, и призракны по существу. И отсюда все то, что

мы называемъ человѣческой жизнью, является призрачнымъ, суетнымъ, по мудрому слову притчей, болѣзненнымъ и жалкимъ... Писатель Владиміръ Михайловичъ, въ разсказѣ „Другъ“, жилъ только очевидностями и только за ними и гнался. Единственному другу своему, собацѣ, онъ сулилъ въ ласковыя минуты печенку, а самъ стремился къ знаменитости, къ славіѣ. И, стремясь къ ней, жилъ „какъ всѣ“—нервно работалъ, пилъ водку, проводилъ угарныя ночи,—и, наконецъ, дождался. Свѣтлымъ призракомъ пришла слава, а съ ней и любовь къ красивой дѣвушкѣ. Все пошло по иному въ пустой квартирѣ Владиміра Михайловича. „Шаги тетки тонули въ топотъ дружескихъ ногъ, призракъ одиночества исчезъ и замолкъ тихій шопотъ. Исчезла и водка, этотъ зловѣщій спутникъ одинокихъ, и Владиміръ Михайловичъ болѣе не оскорблялъ ни тетки, ни друзей. Радовалась и собака“. Но не прочно было счастье Владиміра Михайловича. Прошли годы, и слава ушла отъ него такъ же, какъ и пришла, загадочная и жестокая. „Онъ обманулъ надежды, которыя возлагали на него, и всѣ были злы на этотъ обманъ и выместили его негодующими рѣчами и холодными насмѣшками. А потомъ, точно крыша гроба, опустилось на него мертвое, тяжелое забвеніе. Женщина покинула его: она также считала себя обманутой“. Околѣла и собака, такъ и не дождавшись печенки, и снова потянулись „угарныя, чадныя ночи и безпощадно карающіе бѣлые дни“... „Призракъ одиночества“ чаще другихъ является въ творествѣ г. Леонида Андреева, которое можно опредѣлить, по преимуществу, какъ грустную, сумеречную поэзію сиротливости, болѣзненного раздвоенія слишкомъ углубленной въ себя и мучительно чуткой ко всѣмъ своимъ переживаніямъ души.

Жизнь—царство роковыхъ и неизбѣжныхъ случайностей. Отъ нихъ зависитъ все—и счастье, и спокойствіе духа, и свобода, и самое существованіе. Ихъ нельзя предусмотрѣть, отъ нихъ нельзя избавиться, и всѣ усилія разума и воли—ничто передъ ихъ прихотью и капризомъ. Случай завелъ, читаемъ въ одномъ изъ разсказовъ, заѣзжаго денежнаго молодца въ компанію двухъ оборванцевъ и гулящей дѣвки Таньки Бѣлоручки. Имъ показывалъ молодецъ кошель съ деньгами, а на другой день былъ найденъ на огородахъ задушеннымъ и ограбленнымъ. И Танька, и оборванцы были задержаны—и вотъ ихъ будутъ судить. Молодой адвокатъ Колосовъ будетъ защищать Таньку, которая, какъ онъ увѣрился на предварительномъ свиданіи, была, дѣйствительно, въ убійствѣ неповинна. Однако защита казалась ему очень трудною. „Ну, что онъ скажетъ на судѣ? Вѣдь надо разсказать все, что есть горькаго и несправедливаго на свѣтѣ, разсказать о вѣс-

ной, неумолкающей борьбѣ за жизнь, о столахъ побѣжденныхъ и побѣдителей, одной грудой валяющихся на кровавомъ полѣ... Но развѣ объ этихъ столахъ можно разсказать тому, кто самъ ихъ не слышалъ и не слышитъ?"

Подготовка къ защитѣ была удачна. Возбудивъ себя крѣпкимъ чаемъ и папиросами, Колосовъ составилъ горячую, убѣдительную рѣчь и легъ спать, увѣренный въ своей побѣдѣ. Но къ моменту защиты явился на сцену цѣлый рядъ случайностей, который все испортилъ. Бессонница сдѣлала Колосова вялымъ. Рѣчь, связанная безъ воодушевленія, оказалась искусственной — и банальной. Таня, вмѣсто откровеннаго и истиннаго разсказа о томъ, что было на самомъ дѣлѣ, давала явно лживыя и ненужныя показанія. Всѣ эти случайности соединились какъ бы въ одно темное пятно и, послѣ логики прокурора, „лживѣ которой нѣтъ ничего на свѣтѣ, когда ея мѣряютъ человѣческую душу“, превратились въ грозовую тучу, а туча разразилась десятью годами каторги для несчастной дѣвушки, явившейся *случайной* соучастницей преступленія, по *случайнымъ* обстоятельствамъ не сумѣвшей обнаружить свою невинность и ставшей жертвой новаго преступленія, *случайнымъ* соучастникомъ котораго сдѣлался ея неудачный защитникъ.

И какими ужасами полна человѣческая жизнь, если присмотрѣться къ ней поближе! Ужасъ сторожить одинокаго безпріютнаго человѣка, какъ ту собаку, у которой нѣтъ единственной отрады быть собственностью человѣка („Кусака“). Ужасъ безпомощности и заброшенности отравляетъ послѣднія минуты жизни портняжнаго мальчика Сенисты, брошеннаго въ больницу и забытаго загулявшимъ другомъ. Безысходнымъ ужасомъ полны порывы темной и сильной души, у которой нѣтъ своихъ словъ ни для молитвъ, ни для жалобъ и которая всѣми фибрами жизни рвется выразить свои муки въ поднимающихся къ небу мощныхъ звукахъ бездушной мѣди. И страданія такъ велики, и такъ напрягается воля страстными усиліями задавленной жизни, что металлъ проникается ими, и звуки его сливаются въ сплошной безутѣшный вопль о нечеловѣческихъ страданіяхъ и скорби. Такъ изливалъ свою душу темный, совсѣмъ темный кузнецъ Меркуловъ, свои лучшіе часы проводившій на колокольнѣ и звонившій такъ, что вся его душа рвалась на части отъ желанія сбросить съ себя опутавшія ее сѣти темноты и рабства и подняться вмѣстѣ со стонущими звуками къ голубому, безпредѣльному небу. „Меркуловъ звонилъ руками, звонилъ сердцемъ, которое судорожно и часто ворочалось въ его груди; звонилъ всей тоской и горемъ наболѣвшей человѣческой души, одинокой и всѣми забытой. Онъ звонилъ всей своей жизнью и о всей своей темной жизни звонилъ онъ — и все

ярости и требовательности билъ онъ желѣзомъ по мѣднымъ бокамъ. Будто разбудить онъ хотѣлъ кого-то, кто находится въ невѣдомой голубой дали и спитъ непробудно и не слышитъ, какъ плачетъ и стонетъ земля. — Отзовись, невѣдомый! — гудѣлъ и надрывался дрожащій колоколъ. — Отзовись, могучій и жалостливый! Взгляни на прекрасную землю; печальна она, какъ вдовица, и плачутъ ея голодные, обиженные дѣти. Каждый день всходитъ надъ землею солнце и въ радости совершаетъ кругъ свой, но весь великій свѣтъ его не можетъ размять великой тьмы, которой полно страдающее сердце человѣка“...

И только мелькомъ тоскливую мглу одиночества и скорби прорывають свѣтлые лучи, проносятся призраки счастья тоже загадочные — и капризные. Свое ли, чужое ли счастье — не все ли равно? — оно освѣщаетъ душу, согрѣваетъ ее любовью и лаской, а тамъ — призракъ проносится, и снова сдвигаются тѣни, и снова наступаетъ ненастная осенняя ночь, вродѣ той, въ которую одинокій измученный путникъ — въ разсказѣ „Мелькомъ“ — вдругъ изъ-за чащи лѣса увидалъ тоскливо освѣщенный полустанокъ и, пріютившись подъ его кровлей, сталъ невольнымъ свидѣтелемъ безпечной бесѣды двухъ молодыхъ и юныхъ, мужественныхъ и любящихъ людей. „Милый, тебѣ не холодно? — Конечно, нѣтъ, — отвѣтилъ онъ съ тѣмъ пренебреженіемъ, какимъ мужчины отвѣчаютъ на женскую заботливость. — А мнѣ (продолжаетъ разсказчикъ) уже становилось холодно, и я забюжился въ своемъ одинокомъ и жесткомъ углу.“ — Ему было холодно холодомъ одиночества и тоски, а ихъ грѣла любовь, молодость, здоровье... Но долго ли они будутъ любить другъ друга, вѣчно ли будутъ молоды и знаютъ ли они, какія испытанія, невзгоды и болѣзни сулить имъ завтрашній день? И не тѣ ли же жалкія очевидности создаютъ счастье молодыхъ людей, счастье, которое исчезнетъ, какъ призракъ, какъ мечта, лишь только за яркими цвѣтами внѣшности дастъ себя почувствовать скрытая „дѣйствительность“, таинственная, жестокая, равно смѣющаяся и уму, и безумію людей?

Но и въ доли случайныхъ призрачностей и мимолетностей художникъ сумѣлъ найти одну изъ силъ, движущихъ міромъ и, можетъ быть, связующихъ оба конца — сущаго и воображаемаго, дѣйствительнаго и очевиднаго. Эта сила удержала художника на краю бездны отчаянія и пессимизма и помогла ему сберечь, можно думать, угасавшую вѣру въ человѣка и его призваніе въ жизни, какова бы она ни была. Сила эта — любовь человѣка къ человѣку, старая, какъ преданіе о сотвореніи міра, и вѣчно новая, какъ созиданіе новой жизни, какъ символъ побѣды свѣта надъ тьмой. Г. Леонидъ Андреевъ, во

слѣдъ 'прозорливымъ истолкователямъ духовныхъ глубинъ человѣческой жизни, сумѣлъ отыскать ее на днѣ безконечныхъ ужасовъ, страданій и тьмы, тамъ, откуда люди обыкновенно выносятъ окаменѣлое сердце, жажду мести, ненависть и злобу. „Высокій, толстый, сильный, громогласный Баргамотъ составлялъ на полицейскомъ горизонтѣ видную фигуру, и давно, конечно, достигъ бы извѣстныхъ степеней, еслибы душа его, сдавленная толстыми стѣнами, не была погружена въ богатырскій сонъ“. А Гараська былъ бездомный пьяница, бродяга и скандалистъ. Отношенія между нимъ и Баргамотомъ установились давно и прочно. Гараська скандальничалъ, и пилъ, и ругался съ такой утонченной язвительностью, что никто изъ обитателей Пушкирской не могъ бы сравняться съ нимъ въ этомъ искусствѣ, а Баргамотъ хваталъ его властной рукой, билъ и тащилъ въ участокъ, — словомъ, все совершалось обычнымъ порядкомъ. Но въ ночь подъ свѣтлый праздникъ сонная душа Баргамота, стоявшаго на посту, была какъ-то особенно настроена: она была полна ласковой тишины, согрѣвавшейся радостными думами о предстоящемъ рѣзговѣннѣ, о томъ, какъ онъ преподнесетъ яичко, „настоящее, мраморное“, своему Ванюшкѣ. И въ эту минуту подвернулся пьяный Гараська, направлявшійся къ нему нетвердой поступью, съ какимъ-то неяснымъ намѣреніемъ. Долгъ повелѣвалъ тащить безобразника въ участокъ, но по дорогѣ оказалось, что у Гараськи было желаніе похристосоваться съ Баргамотомъ и поднести ему крашеное яичко, которое, по несчастью, разбилось при паденіи Гараськи, отчего онъ завопилъ слезами оскорбленія и горя. Сердце городского дрогнуло: „похристосоваться хотѣлъ, по христіанскому обычаю, яичкомъ, а онъ, Баргамотъ, его въ участокъ пожелалъ отправить. Можетъ, откуда онъ это яичко несъ, а теперь вонъ разбилъ его. И плачетъ. Баргамоту представилось, что мраморное яичко, которое онъ бережетъ для Ванюшки, разбилось, и какъ это ему, Баргамоту, было жаль“... И вмигъ, подъ вліяніемъ тихой предпраздничной ночи и ласковыхъ думъ, все величіе городского исчезло, сердце его залилось любовью брата къ брату, и онъ, неожиданно для самого себя, повинувшись лишь смутному инстинкту встрепенувшейся души, повелъ Гараську къ себѣ домой разговляться, и тамъ семейный праздникъ скрасился умиленнымъ по своей обстановкѣ событіемъ любви и всепрощенія. Первый разъ въ жизни согрѣлась Гараськина душа лаской и кроткимъ признаніемъ и въ немъ челоуѣческаго достоинства, и онъ, можетъ быть, тоже впервые заплакалъ горячими слезами умиленія, а не униженія и обиды. Конечно, на завтра Гараська будетъ снова пьянъ и начнетъ безобразничать, а Баргамотъ приступитъ къ своимъ обязанностямъ съ прежнимъ сознаніемъ долга, но то, что совершилось надъ сердцемъ Гараськи, въ

ночь подъ свѣтлый праздникъ, въ избушкѣ городского, останется въ его душѣ яркимъ воспоминаніемъ, свѣтлымъ призракомъ, который въ лучшія Гараськины минуты будетъ вызывать тѣ же умиленные слезы. Свѣтлый призракъ... о, еслибы этихъ свѣтлыхъ призраковъ было побольше въ жизни, какъ бы просвѣтлѣла и сама жизнь, и какъ побѣждали бы отъ нея владѣющіе ею темные кошмары, тяжелые сны, ужасы одиночества, ненависти и злобы!..

Но какъ бы ни стремился г. Леонидъ Андреевъ выбраться изъ гущи очевидностей, ища способовъ прорваться въ тотъ міръ, который представляется ему дѣйствительнымъ, — именно, эти очевидности и даютъ всѣ краски и тона его художнической палитрѣ. И если бы г. Андреевъ давалъ этимъ „очевидностямъ“ свѣтиться самимъ собою, и не слишкомъ старался налагать на нихъ печать подчеркнутыхъ индивидуальныхъ настроеній, идущихъ изъ постиженія „дѣйствительности“, — его краски, можно думать, могли бы быть гораздо богаче, а кисть сочнѣе. Когда неразбавляемые психологическими отвлеченіями образы непосредственной жизни овладѣваютъ писателемъ, онъ даетъ превосходныя, жизненные и яркія изображенія. Подобныя изображенія составляютъ отличительную черту именно третьяго томика рассказовъ, написанныхъ, въ большинствѣ, въ первые годы литературной дѣятельности г. Андреева. Судя по хронологіи его послѣдующихъ произведеній, онъ уходилъ отъ непосредственныхъ впечатлѣній все дальше и дальше въ міръ тѣхъ отвлеченностей и экстатического своеволія, гдѣ образы переставали быть послушнымъ орудіемъ художника и уносили его въ міръ искусственной, риторически-холодной, вымученной аффектаціи и полной разнузданности творческой воли. Читателю всегда слѣдуетъ имѣть въ виду, что г. Андреевъ отъ „Баргамота и Гараськи“ шелъ къ „Стѣнѣ“, къ „Молчанію“, къ „Василію Оливейскому“, и по мѣрѣ этого шло обезцвѣчиваніе красокъ очевидности. Онъ началъ „Весенними обѣщаніями“, гдѣ было много жизни, движенія, солнца, но „обѣщанія“ эти такъ и останутся обѣщаніями, если г. Андреевъ отъ осеннихъ и мглистыхъ блужданій „Въ туманѣ“ „дѣйствительности“ не вернется къ изображеніямъ той жизни, которая, пусть сквозь прорывы весеннихъ облаковъ, даже грозovýchъ тучъ, все же бываетъ освѣщена солнцемъ, дарующимъ ей и краски, и радость.

И какъ мастерски освѣщались г. Леонидомъ Андреевымъ въ его первыхъ рассказахъ различные бытовые мірки! Напомнишь очерки хотя бы дѣтскаго быта, образчикомъ которыхъ могутъ служить сценки изъ „Весеннихъ обѣщаній“. „А дѣтей было много на Стрѣлецкой, и нельзя было понять, куда прячутся они зимой такіа живыя, громкія

и неудержимыя. Какъ муха на солнцѣ, они бѣгали, ползали, кружились, и каждый въ своей живой подвижности походилъ на тронка, а смѣхъ ихъ былъ какъ неумолчное жужжанье. И тутъ же вертѣлись собаки, расхаживали озабоченныя куры и на припекѣ грѣлись бѣлыя тощія кошки, и все это жило шумной, безпокойной и веселой жизнью. На солнечной сторонѣ, подѣ заборомъ, уже слегка зеленѣла трава, и по ней безъ призора катался крохотный круглый мальчишка, едва начавшій ходить. Его уже успѣла испугать собака, потомъ воробей, онъ долго и громко плакалъ, но прилетѣло откуда-то бѣлое легонькое перышко и сѣло по близости, шевелясь и собираясь съ силами для новаго полета. И онъ старался накрыть его маленькой грязной рукой и задумчиво бормоталъ:

— Голубосекъ. Миленкій. Подозди. — Но перышко поднялось и улетѣло, и онъ опять вспомнилъ страшнаго вертляваго воробья, и заплакалъ. Подошла дѣвочка немного побольше, чѣмъ онъ, въ большихъ материнскихъ башмакахъ, наклонилась, опершись ладонями на колѣни, и спросила:

— Мишка! Ты что плачешь?

— Кусается.

— Собака кусается?

— Собака кусается и птичка кусается.

Дѣвочка подумала и презрительно отвѣтила:

— Дуракъ!

Нарисовавъ эту сценку, г. Андреевъ словно спохватывается, какъ бы не стать самопроизвольно художникомъ-бытовикомъ, и, вспомнивъ о „дѣйствительности“, тотчасъ забирается отъ яркаго солнца въ маленькую, темную душу „крохотнаго круглаго мальчишки“. Призракъ одиночества, какъ Мефистофель, является предъ г. Андреевымъ и заклоняетъ собой прежній образъ Мишки.

„И опять Мишка остался одинъ, ему хотѣлось ѣсть, и домъ былъ страшно далекъ и не было возлѣ близкихъ людей,—и все это было такъ ужасно, что онъ поднялся, всхлипнулъ и, опустившись на четвереньки—для быстроты,—поползъ, куда глаза глядятъ“.

Одиночество породило ужасъ,—и онъ вскорѣ застелетъ искрами „солнечнаго безумія“ небосклонъ надъ Василиемъ Оивейскимъ,—и превратитъ землю въ сплошную „бездну“ страданій и скорби, гдѣ муки „молчанія“ разрѣшатся истерическимъ „краснымъ смѣхомъ“ безумія и смерти.

Еслибы г. Андреевъ не далъ психическимъ судорогамъ „крохотнаго Мишки“ развиться въ пожаръ, отъ котораго сгорѣлъ Василий Оивейскій, докторъ Керженцевъ, герой „Краснаго смѣха“, онъ все равно не остался бы на роли только наблюдателя-бытовика. Вдумчи-

вость, углубленность—вотъ тѣ свойства, которыя сдѣлали бы не менѣе „дѣйствительными“ тѣ „очевидности“, которыя онъ изображалъ, чѣмъ очевидно изображаемую имъ теперь „дѣйствительность“,—лишь бы онъ не отрывалъ своихъ глазъ отъ того, что дается его непосредственному воспріятію. И здѣсь, въ этой области, г. Андреевъ могъ сдѣлать наглядность изображенія углубленной и вызывающей у читателя глубокія эмоціи мысли и чувства. За примѣрами ходить недалеко. Въ цитированномъ нами рассказѣ „Первый гонораръ“ къ адвокату Толпенникову, тотчасъ же послѣ оправданія генеральши фонъ-Брезе, подошелъ ея приказчикъ. „Это пестро одѣтый человѣкъ, съ острымъ лицомъ, острой рыжеватой бородкой и толстымъ перстнемъ-печаткой на указательномъ пальцѣ, покрытомъ, какъ и вся рука, частыми крупными веснушками. Острые глаза его косаты и весь онъ дышитъ фальшью, угодничествомъ и нестерпимой фамильярностью“. Не чувствуется ли здѣсь связь уже между этимъ виѣшнимъ видомъ пройдохи приказчика, одобряющаго защиту пройдохи-генеральши, и сознаніемъ, мучающимъ адвоката, „дѣйствительной цѣны“ одержанной имъ побѣды? И когда по душѣ читателя прошла волна впечатлѣнія, освѣжающихъ ее думой о жизни, извѣстнымъ осмысленіемъ ощущаемыхъ вокругъ жизненныхъ процессовъ, съ образомъ, навѣявшимъ отвращеніе и тоску, можно разстаться и вызвать изъ рассказовъ г. Андреева колоритныя представленія иного порядка, яркія, свѣжія, благоуханныя. Вотъ, напр., курсистка изъ очерка „Нѣтъ прощенія“,— „молоденькая, такая молоденькая,—совсѣмъ еще дѣвочка. Носъ тонкій красивый, но по-дѣтски еще незаконченный, не то онъ прямой, не то съ горбинкой, не то просто вздернутый; и такія же незаконченныя, пухлыя губы, отъ которыхъ какъ будто пахнетъ шоколадными конфетами и красной карамелью. И такъ щедры, такъ пышны тонкіе волосы, густой и ласковой волной окутавшіе голову, что при взглядѣ на нихъ приходятъ мысли обо всемъ самомъ хорошемъ и свѣтломъ, что есть на землѣ: о золотомъ утрѣ на голубомъ морѣ, о весеннихъ жаворонкахъ, о ландышахъ и пахучей разросшейся сирени. Безоблачное небо и сирень, огромные, безконечные кусты сирени и жаворонки надъ ними. Или вотъ еще вспоминается что. Когда въ майскій полдень проходишь подъ цвѣтущими яблонями, то съ нихъ падаютъ бѣлорозовыя лепестки и нѣжно ложатся на плечо, на шляпу, на черный рукавъ—бѣлорозовыя нѣжныя лепестки“.

Образъ смѣняется образомъ,—одинъ другого нагляднѣе. Читатель такъ и видитъ этого толстаго дряблага генерала, который въ рассказѣ „Оригинальный человѣкъ“ наставительно раскрываетъ предъ подчиненнымъ свое *profession de foi*: „Э, вы не стѣсняйтесь, мой милый,—я люблю въ моихъ подчиненныхъ проявленія самостоятель-

ности и, вообще, самодѣтельности, если онѣ, конечно, не переходятъ извѣстныхъ законныхъ границъ“. Черточки юмора весьма удачно иногда проскальзываютъ въ изображеніяхъ г. Андреева и вызываютъ у читателя невольную улыбку, которая, однако, никогда не переходитъ въ добродушный смѣхъ. Вообще юморъ не составляетъ сильной стороны въ творчествѣ г. Андреева, и тамъ, гдѣ писатель пытается выдвинуть его на первый планъ, попытки эти выходятъ напряженными и нѣсколько напоминаютъ, по манерѣ, русскіе переводы англійскихъ юмористовъ. Юморъ г. Андреева мѣткій, но какой-то грустный и тусклый... „Денщикъ Кукушенинъ стягиваетъ съ капитана сапоги и, увлеваемый усердіемъ, тащитъ съ кровати и капитана. Капитанъ упирается и побуждаетъ усердіе денщика. Нѣжно прижимая къ себѣ сапоги, конфузливо смотряще на свѣтъ продыравленной подошвой, Кукушенинъ на цыпочкахъ выходитъ“. Здѣсь ничтожная черточка быта, но она выражена съ той отчетливой выпуклостью, которая обличаетъ въ писателѣ большую чуткость къ тѣмъ „очевидностямъ“, которыя онъ все стремится подмѣнить формулами отвлеченной „дѣйствительности“.

Темна проходитъ туча въ небесахъ,
Но въ ней таятъ пламень роковой...

Г. Андреевъ чувствуетъ этотъ пламень, но пламень не прорывается у него изъ-за тучъ, отраженіе которыхъ въ его творчествѣ даетъ превосходные, въ высокой степени выразительные этюды. Но самое ощущеніе огня въ душѣ писателя согрѣваетъ его изображеніе и приводитъ къ признанію тѣхъ началъ, которыя вносятъ свѣтъ и тепло въ людскія отношенія,—началь любви, равенства, братства.

Темна проходитъ туча въ небесахъ... медленно и тягуче развертывается въ жизни ея тоска, ея скука, когда люди не живутъ, но вращаются на себѣ колесо жизни. И здѣсь г. Леонидъ Андреевъ умѣетъ согрѣть ее своими предвосхищеніями „рокового пламени“, и сердце читателя отзывается на нихъ состраданіемъ и жалостью. Въ чемъ проходила жизнь учителя математики Митрофана Васильевича Крылова? — г. Андреевъ на этомъ подробно не останавливается, но даетъ одно изъ частныхъ и ярко-типичныхъ изображеній, одинъ моментъ, въ которомъ отражается все,—и быть, и прошлое, и будущее. „Возвращался Митрофанъ Васильевичъ изъ своей гимназіи, послѣ пятого урока, былъ утомленъ и очень голоденъ, а вагонъ былъ набитъ биткомъ и негдѣ было присѣсть и почитать газету. И погода была слякотная, ноябрьская, и городъ былъ надоѣвшій, скверный, и дешевая

жизнь—какъ коночный билетъ съ надорваннымъ угломъ. Отъ дома до гимназій и обратно: всѣ дни можно сосчитать по билетамъ, а сама жизнь похожа на клубокъ, изъ котораго грязные пальцы вытягиваютъ бумажную ленту и отрываютъ по билету,—по дню“. И не трагична ли, сама по себѣ, однимъ прочувствованнымъ изображеніемъ „очевидности“ жизнь „оригинальнаго человѣка“ Семена Васильевича, котораго только тогда и замѣтили, когда за обѣденнымъ столомъ, среди минутной тишины, услышали отъ него некстати выплывшую изъ общаго разговора фразу: „А я люблю негритянокъ!..“ „И тутъ только впервые всѣ увидѣли“, — рассказываетъ г. Андреевъ, — „дробное личико съ рыжими усиками, концы которыхъ намокли въ воде и щакъ и темнѣли, безцвѣтные маленькіе глазки и тщательно причесанную головку Семена Васильевича Котельникова. Пять лѣтъ служили они вмѣстѣ съ Котельниковымъ, каждый день здоровались съ нимъ и прощались, и о чемъ-то говорили, всякое двадцатое число послѣ получки жалованья вмѣстѣ съ нимъ обѣдали въ ресторанахъ, какъ сегодня,—и первый разъ увидѣли его. Увидѣли его и изумились. Оказалось, что Семенъ Васильевичъ даже не дурень, если не считать усиковъ и веснушекъ, похожихъ на грязные брызги отъ резиновой шины, что онъ хорошо одѣвается, и высокій бѣлый воротничокъ у него самый чистый, хотя и бумажный“ („Оригинальный человѣкъ“).

И развѣ трагизмъ жизни бываетъ болѣе ужасенъ, когда его отвлекаютъ отъ тѣхъ конкретныхъ формъ, въ которыхъ онъ выражается, и нужно ли прибѣгать къ формамъ метафизическихъ построеній или лирико-философскимъ изліяніямъ, какъ это дѣлаетъ г. Андреевъ въ „Мысли“, „Стѣны“, „Красномъ смѣхѣ“, если наиболѣе сильная сторона его таланта заключается не въ глубинѣ философски-психологическаго анализа, а въ яркости, мѣткости и логической экспрессіи изображенія? Развѣ не трагичнѣе судьба денщика Кукушкина, который, только благодаря исключительному случаю, явился на мгновеніе человѣкомъ передъ капитаномъ, видѣвшимъ его около себя мѣсяцы и годы и ни разу не давшимъ себѣ до той поры труда подумать, какая душа таилась въ этомъ неповоротливомъ съ виду и туповатомъ человѣкѣ? Наконецъ, г. Леониду Андрееву превосходно знакомъ міръ людей, отверженныхъ обществомъ, обиженныхъ судьбой, ютящихся по трущобамъ и притонамъ, гдѣ ужасы и трагизмы рождаются каждую минуту и встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Вообще, кругъ наблюденій г. Леонида Андреева чрезвычайно великъ,—среда адвокатская, военная, чиновничья и просто обывательская изображается имъ съ большимъ мастерствомъ и типичностью. Но трагизмы жизни, поскольку они не глядятъ изъ конкретныхъ фактовъ, повидимому, не удовлетворяютъ писателя, и онъ схематизируетъ ихъ, словно

пытаясь свести къ той психической первоосновѣ, которая проявляетъ себя въ безконечномъ разнообразіи формъ. И въ своихъ безплодныхъ попыткахъ представить молнію безъ тучъ, чистую психику внѣ времени и пространства, г. Андреевъ неразсчитливо теряетъ тѣ богатія средства изобразительности, которыми онъ владѣетъ съ такимъ искусствомъ. Онъ словно отъ соблазновъ міра бѣжитъ въ Палестину и тамъ въ выжженной солнцемъ пустынѣ рождаетъ болѣзненные образы, которые мерещатся путнику, изнемогающему отъ жажды и зноя, образы безъ линій и контуровъ, — нечеловѣческіе, кровавые...

И чѣмъ болѣе разрабатываетъ г. Андреевъ свои сюжеты внѣ времени и пространства, тѣмъ блѣднѣе и блѣднѣе становятся его образы. Упрощая ихъ, схематизируя, онъ стремится обнаружить ихъ духовную сущность, и во всемъ живущемъ дѣйствуетъ и проявляется у него одна и та же міровая душа. И эта міровая душа звучитъ въ стонущихъ раскатахъ колокола, въ который ударяютъ сотни Меркуловыхъ, рвущихся темной душою на просторъ изъ своей душевной и жалкой жизни, отражается она въ понятливомъ взорѣ собаки, жаждущей челоѣческой отзывчивости и ласки, она вездѣ, гдѣ только есть сознаніе и сердце, способныя радоваться и страдать. Она угадывается въ той непостижимой связи, какая ощущается между челоѣкомъ и природой, не безучастная и нѣмая, но, напротивъ, полная живого и дѣятельнаго участія, она поетъ его радостью, скорбитъ его слезами. Вѣяніемъ таинственныхъ силъ, связующихъ челоѣка съ міромъ внѣшнихъ явленій, такъ поэтически проникнуть одинъ изъ послѣднихъ рассказовъ г. Андреева — „Воръ“, напечатанный въ сборникѣ „Знанія“. Подъ звуки такта вагонныхъ колесъ складывалась мелодія природы — гибкая и прозрачная волна звуковъ. Такъ казалось Юрасову, и онъ не могъ не слиться съ этой мелодіей своимъ сердцемъ, — и запѣлъ тою же пѣсней, какою запѣли бы зеленые поля, еслибы имъ дать голосъ. „Юрасовъ пѣлъ, и багровый отсвѣтъ заходящаго солнца горѣлъ на его лицѣ... Онъ пѣлъ, провожая солнце, и все грустнѣе становилась его пѣсня: какъ будто почувствовала птица всю звонкую ширь небеснаго пространства, содрогнулась невѣдомою тоскою и зоветъ кого-то: прійди!

„Солнце зашло, и сѣрая паутина легла на тихую землю и тихое небо. Сѣрая паутина легла на лицо, меркнуть на немъ послѣдніе отблески заката и мертвѣетъ оно. Прійди ко мнѣ! Отчего ты не приходишь? Солнце зашло, и темнѣютъ поля. Такъ одиноко и такъ больно одинокому сердцу. Такъ одиноко, такъ больно. Прійди. Солнце зашло. Темнѣютъ поля. Прійди же, прійди!

„Такъ плакала его душа. А все темнѣло“...

Въ концѣ этого разсказа, конечно, ужасъ и трагическая развязка:

связь съ міровой душой порывается, и весь человѣкъ превращается въ одинъ безформенный комокъ смятенія и страха, а вмѣстѣ съ тѣмъ порывается и та сердечная связь съ читателемъ, которая создается на первыхъ страницахъ разсказа. Эта связь—лучшее, чѣмъ дороги читателямъ разсказы третьяго томика. При другихъ своихъ художественныхъ достоинствахъ, они въ большинствѣ случаевъ отличаются чувствомъ мѣры. Это чувство ведетъ къ тому, что правда жизни невольно передается изъ нихъ, окрашенная ровнымъ, мягкимъ колоритомъ тонко-чувствующей и грустно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любовно настроенной души. И о какихъ бы ужасахъ ни разсказывалъ г. Леонидъ Андреевъ, о безуміи ли „очевидности“ или непостижимости „дѣйствительности“, печальное раздумье, сквозь призму котораго проходитъ настроеніе читателя, разрѣшается у него не страхомъ или отвращеніемъ къ жизни, но еще болѣе привязанностью къ ней, желаніемъ сдѣлать ее свѣтлѣе и чище. Въ этомъ заключена одна изъ тѣхъ, пока еще не постигнутыхъ тайнъ творчества, которая является существеннѣйшимъ признакомъ несомнѣннаго дарованія.

II.

— Довнаръ-Запольскій, М. В.—Мемуары декабристовъ. (Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственного дѣла, съ вводной статьей). Кіевъ, 1906.

Изданіе „Мемуаровъ декабристовъ“, насколько о немъ можно судить безъ сличенія съ подлинникомъ, сдѣлано очень внимательно и сопровождается обстоятельной вводной статьей, которая даетъ общее понятіе о характерѣ издаваемыхъ документовъ и ихъ отношеніи къ основнымъ вопросамъ изученія декабрьскаго заговора. Г. Довнаръ-Запольскій остановился на тѣхъ мемуарахъ, которые, вмѣстѣ съ отвѣтами на вопросы слѣдственной комиссіи находились въ самомъ слѣдственномъ дѣлѣ. Въ этихъ мемуарахъ авторы излагали исторію тайныхъ обществъ съ своей точки зрѣнія, степень участія въ дѣлѣ, какъ своего, такъ и другихъ лицъ, раскрывали свои побужденія, планы и т. д. Нѣкоторые облекали свои объясненія въ форму писемъ къ имп. Николаю Павловичу, къ предсѣдателю суда вел. кн. Михаилу Павловичу или къ ген. Левашову, черезъ руки котораго проходили эти письма. Записки эти писались съ цѣлью или дать одинъ общій отвѣтъ на многочисленные частные вопросы, или же выяснить въ возвышенные патріотическіе идеалы, ради которыхъ создалось тайное общество; нѣкоторые лица не могли отказаться отъ мысли обратить вниманіе государя еще разъ на необходимость тѣхъ реформъ, въ-

деніе которыхъ было возможно даже при сохраненіи самодержавнаго строя.

Такимъ образомъ мемуары, печатаемые г. Запольскимъ, слѣдуетъ отличать отъ многочисленныхъ, извѣстныхъ уже мемуаровъ, написанныхъ впослѣдствіи, каковы мемуары Бѣльева, Розанова, Басаргина, Якушкина, Лорера, Фонъ-Визина и др. Г. Запольскій умалываетъ ихъ значеніе сравнительно съ записками, извлеченными имъ изъ слѣдственнаго дѣла. Несомнѣнно заключающійся въ мемуарахъ названной группы лицъ фактический матеріалъ богаче, разнообразнѣе, подлиннѣе, но, какъ безпристрастное осмысленіе, много лѣтъ спустя, всего дѣла 14-го декабря, какъ „мемуары“ (г. Запольскій не совѣтъ точно приимяетъ это слово) гг. Якушкина, Штейнгеля, Фонъ-Визина, и т. д. представляютъ для историка, изучающаго общій характеръ эпохи, интересъ не меньшій, чѣмъ пространныя показанія, данныя слѣдственной комиссіи. Вотъ что, впрочемъ, говоритъ г. Запольскій о важности печатаемыхъ имъ документовъ изъ слѣдственнаго дѣла: „Эти мемуары были написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшедшихъ событій. Они писались въ казематѣ и для неправдаго и немилостиваго суда. Но мы сейчасъ увидимъ, что есть причины отнести ко многимъ показаніямъ съ большимъ довѣріемъ, а во всякомъ случаѣ, независимо отъ фактической точности того или иного показанія, записки эти представляютъ собою огромный интересъ. Разумѣется, не всѣ декабристы считали нужнымъ ввести слѣдственную комиссію въ сложный лабиринтъ исторіи хода общества. Далеко не всѣ были настроены такъ, чтобы явить волновавшія ихъ чувства. Многие, огромное большинство даже, только отвѣчали на вопросы. Такого рода отвѣты, конечно, имѣютъ большое значеніе, какъ историческій матеріалъ но они не столь интересны въ качествѣ самостоятельныхъ произведеній. Въ издаваемомъ I-мъ выпускѣ матеріаловъ для исторіи декабристовъ мы выбрали именно наиболѣе интересные матеріалы и притомъ такіе, которыми еще не пользовались изслѣдователи“.

Матеріалъ перваго выпуска частью обнимаетъ цѣликомъ дѣла первыхъ декабристовъ, частью же извлеченія изъ нихъ, которыя представлялись издателю наиболѣе интересными и существенными. Историческую критику документовъ г. Запольскій предполагаетъ дать въ особомъ трудѣ, посвященномъ изложенію исторіи тайныхъ обществъ. Тѣмъ не менѣе, онъ даетъ въ той же вводной статьѣ нѣсколько частныхъ замѣчаній о тѣхъ лицахъ, чьи записки издаются въ настоящей книгѣ. Эти замѣчанія цѣнны въ томъ отношеніи, что они представляютъ попытку помочь разобраться въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ впечатлѣній, производимыхъ документами.

Останавливаясь на вопросѣ о томъ, какъ держали себя декабристы

всѣхъ категорій на слѣдствіи, авторъ изображаетъ общія условія, при которыхъ велось слѣдствіе, и, въ частности, на личномъ участіи императора Николая въ занятіяхъ комиссіи. Впечатлѣніе г. Запольскаго, вынесенное изъ пересмотра документовъ, любопытно въ томъ отношеніи, что въ печати нерѣдко отмѣчалось „рыцарское отношеніе“ императора къ декабристамъ. „Приемы самого верховнаго слѣдователя“ приводятъ г. Запольскаго къ нѣскольکو инымъ заключеніямъ. „Передъ этими приемами, говоритъ онъ, поневолѣ останавливаешься съ изумленіемъ. Императоръ Николай I-й виртуозъ въ дѣлѣ выпытыванія откровенныхъ признаній. Является во дворецъ Булатовъ и отдаетъ императору свою шпагу. Николай I-й его цѣлуетъ, благодаритъ, называетъ товарищемъ. Каховской, въ отвѣтъ на свои пламенные рѣчи о любви къ Россіи и всему русскому, слышитъ изъ устъ императора заявленіе, что и онъ — тоже русскій. Штейнгелю онъ напоминаетъ о многочисленномъ его семействѣ и общается взять на свое попеченіе. Розену общается спасти его. Гангеблова беретъ подъ руку и дружественно рассказываетъ по комнатѣ съ юнымъ поручикомъ. Якушкина велитъ заковать въ оковы, Трубецкого выталкиваетъ пинкомъ изъ кабинета. Общанія „заступничества“, „спасенія“, „покровительства“ разсыпались широко. Все это сильно дѣйствовало. Многимъ просто могло казаться: надо быть откровеннымъ, и тогда никто не пострадаетъ. Нѣкоторые и не пострадали“.

Остановившись затѣмъ на психическомъ состояніи подсудимыхъ и на уловкахъ слѣдственной комиссіи, не останавливавшейся ни передъ чѣмъ, чтобы вызвать допрашиваемыхъ на откровенныя признанія, г. Запольскій дѣлаетъ попытку отвѣтить на вопросъ, былъ ли судъ надъ декабристами правымъ и милостивымъ. Знакомство съ судопроизводствомъ приводитъ г. Запольскаго къ тому выводу, что судъ надъ декабристами былъ и не правымъ, и не милостивымъ. „Не говоримъ о формѣ судопроизводства, о тѣхъ уловкахъ, къ которымъ прибѣгали слѣдователи, о системѣ письменнаго допроса и осужденія по этимъ допросамъ. Всѣ эти недостатки — были общими недостатками тогдашняго суда; здѣсь они были еще усугублены. Но даже при такой формѣ судопроизводства нельзя не признать, что при осужденіи не была принята во вниманіе относительная виновность подсудимыхъ. Въ этомъ отношеніи судъ исторіи надъ судопроизводствомъ комиссіи, надъ ея отношеніями къ подсудимымъ, совершенно совпадаетъ съ тѣмъ убѣжденіемъ въ неправотѣ суда, которое о немъ вывели сами декабристы. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые лица были совершенно отпущены и избавлены отъ суда, тогда какъ менѣе замѣшанные подверглись осужденію... Можно было бы указать и на случайность отнесенія подсудимыхъ въ тотъ или другой разрядъ, очевидно по соображеніямъ посторонняго хара-

тера. На примѣръ такой случайности можно указать снисходительное отношеніе къ Александру Бестужеву и явную несправедливость по отношенію къ Батенькову. Первый былъ однимъ изъ руководителей Общественнаго Общества и вывелъ солдатъ на площадь; между тѣмъ какъ вина Батенькова заключалась лишь въ томъ, что онъ зналъ о существованіи общества и о подготовлявшейся революціи, но ни въ обществѣ, ни въ революціи активнаго участія не принималъ: онъ былъ осужденъ за тѣ мысли, въ которыхъ онъ признался комиссіи, но которыхъ онъ даже никому не высказывалъ; о самомъ существованіи общества онъ узналъ не болѣе какъ за мѣсяцъ до 14-го декабря“.

Документальный текстъ книги составилъ изъ показаній, записокъ, писемъ и проектовъ Н. Комарова, Н. Муравьева, С. Трубецкого, А. Бестужева, Батенькова, Поджіо, Булатова, М. Муравьева-Апостола, Вобрицева-Пушкина.

Среди интереснѣйшихъ матеріаловъ, имѣющихъ различную цѣну, какъ для изученія дѣла о декабристахъ, такъ и для сужденія объ общемъ характерѣ эпохи, остановимся на рассказѣ подполковника А. Поджіо о началѣ своего „вольнодумства“. Путь, пройденный имъ отъ полнѣйшаго индифферентизма до протеста изъ общественныхъ побужденій, былъ тѣмъ путемъ, которымъ шли тысячи молодыхъ людей, образовывавшихъ своими стремленіями и идеями опредѣленное направленіе въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи характеристика, данная Поджіо, очень типична. Она—подлинный документъ къ тому общему представленію о причинахъ и источникахъ идей протеста, которое стало историческимъ достояніемъ, какъ результатъ обобщенія свѣдѣній, шедшихъ съ различныхъ сторонъ. Въ показаніи Поджіо мы имѣемъ сжатый, но чрезвычайно полный рассказъ современника о конкретныхъ причинахъ возникшаго и разросшагося въ немъ общественнаго недовольства. „До 1819 года,—сообщаетъ Поджіо,—всѣ сіи мысли мнѣ были чужды, равно какъ все, что только требовало занятій и размышленій. Въ 1819 году начался мой ропотъ, а съ 1820 первоначальное мое вольнодумство. Сношенія мои со многими изъ членовъ способствовали къ сему. Въ сихъ сношеніяхъ однакожъ я усматривалъ не одно негодованіе, не одно роптаніе, но и устремленіе понятій и занятій ихъ къ изслѣдованію худого и лучшаго. Сравненіями предметовъ человекъ познаетъ и опредѣляетъ цѣну имъ; но прежде сего необходимо ему извѣдать сущность и свойство предметовъ сихъ, каждаго порознь, чтобы не впасть въ сравненіе однихъ съ другими, въ заключенія неосновательныя и часто неотносительныя къ своимъ началамъ. Въ кругу людей образованныхъ, всегда разсуждающихъ и разсуждающихъ словомъ ученыхъ, я не имѣлъ ни о чемъ понятій, видя себя невѣждой во многихъ предметахъ, утративъ время, посвятивши

на безплодные занятія и со всѣмъ тѣмъ пылая къ пользѣ, -- я тутъ обратился самъ къ предметамъ симъ, сталъ вникать, обращать все вниманіе къ нимъ и напрягать всѣ усилія къ познанію всего, что счелъ я нужнымъ, чтобъ не отставать въ благомысленныхъ преніяхъ тѣхъ людей, коихъ однихъ сталъ изыскивать мнѣніе о себѣ. Такимъ образомъ, я сталъ отклоняться отъ общества, сближаться съ людьми, съ мнѣніями и съ цѣлью общества тайнаго. Съ симъ предубѣжденіемъ уже взялся я за ученіе всего, что только могъ, и тутъ книги возымѣли свое вліяніе надъ умомъ, получившимъ уже *направленіе*. Политическая экономія, права, однимъ словомъ все, что касается до составленія и управленія общества вообще, все это я пожиралъ съ умомъ жаднымъ и любопытнымъ. Послѣ сего перешелъ я къ управленію государствъ, каждаго порознь; сталъ вникать въ образъ правленія каждаго изъ нихъ, для чего и прибѣгнулъ къ Делалану, Констану, Филанджіери и прочимъ. Предубѣжденный уже, впалъ въ сравненія и тутъ сталъ убѣждаться въ необходимости видѣть и свое отечество, какъ бы какимъ волшебствомъ стать на ряду съ просвѣщеннѣйшими народами! Обратилъ вниманіе къ политикѣ тѣхъ временъ, увидѣлъ время, гдѣ духъ переобразованія взволновалъ народы. Испанія, Неаполь, Пьемонтъ, Греція въ слѣдъ одно за другими приняли образъ свободнаго правленія. Съ тѣхъ поръ журналы съ рукъ моихъ не сходили, и я съ величайшимъ вниманіемъ слѣдовалъ до маглѣйшаго происшествія. Слѣдовалъ всѣ пренія палаты депутатовъ во Франціи и всѣмъ сужденіямъ издателей *Constitutionnel*, не упустилъ ходъ англискаго парламента; однимъ словомъ, я былъ въ духѣ тогда монархическаго представительнаго правленія. Скажу къ сему, что при желаніи моемъ введенія сего образа правленія въ Россіи, я нисколько тогда еще не помышлялъ въ содѣйствіи, а еще менѣе въ возможности какого-нибудь у насъ возстанія, но стану продолжать съ такою же откровенностью, дабы пояснить Высочайшему учрежденному комитету, какимъ образомъ сіи мысли измѣнились и по мѣрѣ оныхъ измѣнялись и правила мои“.

Затѣмъ Поджіо рассказываетъ о томъ, какое значеніе имѣли для его міросозерцанія отечественная война, послѣдовавшая позже событія во Франціи и вообще политическое положеніе Европы. Въ дальнѣйшемъ, довольно сбивчивомъ изложеніи интересны указанія на тѣ причины въ современномъ ему государственномъ строѣ, которыя возбуждали недовольство и распространяли ропотъ. Мы остановились на запискѣ Поджіо въ виду ея выдающагося интереса; своеобразно интересны и записки С. П. Трубецкаго, и письмо М. И. Муравьева-Апостола. Вообще книга, изданная г. Довнаръ-Запольскимъ, чрезвычайно содержательна.

III.

— Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства. Подъ редакціей А. К. Бороздина. Сиб., 1906.

„Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства“—подзаголовокъ не вполне точный для того отрывочнаго матеріала изъ исторіи общественнаго движенія, связаннаго съ 14 декабря, изъ котораго составилаь книга. Матеріалъ этотъ, въ своей большей части, уже извѣстенъ въ печати въ большихъ или меньшихъ извлеченіяхъ, иное же помѣщено было цѣликомъ, какъ это и указывается въ предисловіи г. Бороздина. Заслуга редактора сводится къ извлеченію изъ государственнаго архива, въ полномъ видѣ, тѣхъ документовъ, которыми пользовались уже различные изслѣдователи, какъ русскіе, такъ и иностранные. И въ этомъ смыслѣ работа г. Бороздина можетъ быть признана полезной, хотя отсутствіе обобщающаго очерка и широкихъ историческихъ примѣчаній утверждаетъ за ней только значеніе сборника матеріаловъ, ничѣмъ внѣшнимъ образомъ не объединенныхъ въ „критику современнаго состоянія Россіи“.

А сами по себѣ матеріалы чрезвычайно любопытны, особенно письма Каховскаго къ императору Николаю Павловичу и генералъ-адъютанту Левашеву. Въ нихъ прежде всего обрисовывается личность благороднаго, порывистаго, самоотверженнаго, искреннаго и въ то же время загадочнаго Каховскаго, одного изъ пяти декабристовъ, повѣшенныхъ Николаемъ Павловичемъ. Глубокій и разносторонній умъ Каховскаго свидѣтельствовавшій объ основательныхъ познаніяхъ въ области политическихъ наукъ и исторіи, былъ направленъ на сопоставленіе современной ему Россіи съ тою, какою она могла бы быть, не связанная рабствомъ, не подчиненная произволу, свободная и просвѣщенная. Самодержавіе было тѣмъ Рубикономъ между дѣйствительностью и идеаломъ, черезъ который ему не удалось перешагнуть. Идеалъ этотъ казался близокъ Каховскому: стоило только „доброму“ Николаю Павловичу пожелать осчастливить своихъ подданныхъ и обезпечить осуществленіе въ нашемъ отечествѣ стремленія людей, преданныхъ идеямъ свободы и культуры,—и преображеніе Россіи осуществится. Въ высокой степени трогательны и вмѣстѣ съ тѣмъ простительны для человѣка своего времени сердечныя, пламенныя убѣжденія, съ которыми обращался Каховскій къ самодержцу, забывая въ своемъ увлеченіи, что, идя навстрѣчу идеаламъ свободнаго развитія, самодержецъ переставалъ существовать. Есть извѣстіе, что Каховскій

произвелъ сильное впечатлѣніе на государя, но въ имп. Николаѣ само-держецъ слишкомъ уничтожалъ человѣка, чтобы конфликтъ двухъ началъ, выразившихся въ борьбѣ абсолютизма съ декабристами, могъ выйти изъ рамокъ принципиальныхъ отношеній, изъ которыхъ одно неминуемо стремилось къ уничтоженію другого. Письма Каховскаго поразительны своей преданностью освободительной идеѣ, своей горячей любовью къ родинѣ, которой отдавалось все—и заветнѣйшія стремленія вѣнечей мысли, и лучшіе порывы горячей самоотверженной души.

Яркой отличительной чертой писемъ Каховскаго служить ихъ обстоятельность и сила изложенія. Онъ мыслить конкретно и каждое свое положеніе подтверждаетъ фактами, которые, на первый взглядъ, могутъ показаться мелочными, но, если всмотрѣться въ нихъ глубже, чрезвычайно характерными для режима своего времени. Мы позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ извлеченіяхъ, не безынтересныхъ, можетъ быть, и въ томъ смыслѣ, что они невольно напрашиваются на сопоставленіе съ тѣми успѣхами, какихъ достигло наше отечество въ переживаемое нами время. Остановившаяся, въ письмѣ къ Левашеву, на повсемѣстныхъ превышеніяхъ власти и соединенныхъ съ ними правонарушеніяхъ, Каховскій касается вопроса о томъ, какую роль при этомъ играютъ генераль-губернаторы. „Большія суммы денегъ,—говоритъ онъ,—истрачиваются на жалованье генераль-губернаторамъ и на содержаніе ихъ штатовъ. Признаюсь, сколько ни стараюсь вникнуть, никакъ не могъ понять, къ чему служатъ вновь возстановленные генераль-губернаторы, во внутреннихъ губерніяхъ государства. Пользы отъ нихъ нигдѣ не замѣтилъ; равно вездѣ видѣлъ и слышалъ, что они тяготятъ лично собой, какъ лишней бесполезной властью и раздорами съ гражданскими губернаторами губерній. Для отъ нихъ, какъ и изъ губернскихъ правленій, поступаютъ въ Сенатъ, да и можно ли одному лицу допустить рѣшать ихъ? Если генераль-губернаторы учреждены для новаго образованія присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ, то выборъ сдѣланъ весьма неудачно: и отличный дивизионный начальникъ можетъ быть весьма плохимъ генераль-губернаторомъ“.

Далѣе, указавъ на разницу между интересами государства, „казни“ и народа, въ частномъ случаѣ финансовой политики, и восходя отсюда къ причинамъ общимъ, Каховскій ставитъ возстаніе 14 декабря въ прямую связь съ самодержавнымъ правительствомъ имп. Александры I. Безплодными представляются ему усилія правительства открыть всѣхъ членовъ тайнаго общества, задавагоса цѣлью измѣнить управленіе страной. „Начало и корень общества должно искать,—пишетъ Каховскій,—въ духѣ времени и положенія, въ которомъ мы находимся. Я

съ немногими членами тайнаго общества быть знакомъ и вообще думаю, число ихъ невелико. Но изъ большого числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ никакимъ тайнымъ обществамъ, очень немногіе были противнаго со мной мнѣнія. Смѣло говорю, что изъ тысячи молодыхъ людей не найдется ста человѣкъ, которые бы не пылали страстью къ свободѣ. И юноши, пламенѣя чистой, сильной любовью къ благу отечества, къ истинному просвѣщенію, дѣлаются мужами.

„Народы,—продолжаетъ Каховскій,—постигли святую истину, что не они существуютъ для правительства, но правительства для нихъ должны быть устроены. И вотъ причина бореній во всѣхъ странахъ; народы, почувствовавъ сладость просвѣщенія и свободы, стремятся къ нимъ; правительства же, огражденные милліонами штыковъ, селятся оттолкнуть народы въ тѣму невѣжества. Но тщетны ихъ всѣ усилія: впечатлѣнія, разъ полученные, никогда не изглаживаются. Свобода, сей свѣточъ ума, теплотворъ жизни! была всегда и вездѣ достояніемъ народовъ, вышедшихъ изъ грубаго невѣжества. И мы не можемъ жить подобно предкамъ нашимъ, ни варварами, ни рабами“.

Съ замѣчательной для своего времени смѣлостью мысли и ясностью представленія изображаетъ Каховскій, въ письмѣ къ имп. Николаю Павловичу отъ 4-го апрѣля 1826 г., состояніе Россіи въ правленіе Александра I. „Покойный Императоръ, объѣзжая области государства, винилъ ли гдѣ въ состояніе народное? Нѣтъ, онъ смотрѣлъ лишь войска. Мѣстное начальство старалось представить Его Величеству все въ лучшемъ видѣ, чѣмъ есть оно на самомъ дѣлѣ; въ нѣкоторыхъ городахъ цѣлыя улицы заносились заборами, чтобы скрыть лачуги бѣдныхъ жителей отъ взора Императора. Были частныя лица за ничто, за притворное привѣтствіе награждаемы, а несчастный народъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проѣзжалъ Его Величество, раззорился тяжкими земскими повинностями. И общее негодованіе громко говорило во всей Россіи: Императоръ занимается лишь солдатами, играетъ ими, какъ игрушкой, не печется о благосостояніи нашемъ, тратитъ сотни милліоновъ на арміи, бесполезнымъ содержаніемъ въ мирное время милліона войскъ изсушаетъ источники богатства народнаго. У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли,—что составить для насъ штыки внутри Государства? Они не прокормятъ насъ, мы чрезъ нихъ голодаемъ. Что винить министровъ? Они что значутъ? У насъ правленіе самодержавное. Государственный Совѣтъ—игрушка! Мы знаемъ мнѣнія, съ которыми соглашаются и которыя отвергаютъ. Государь не подчинилъ себя ему, а посредствомъ учрежденія онаго сжалъ лишь власть сената. Поѣздки на конгрессы какую принесли намъ прибыль? Развѣ только то, что деньги наши вывозятъ изъ отечества. Мы не можемъ страшиться вѣнскихъ враговъ, но у насъ внутренніе

враги терзають Государство: отсутствіе закона, справедливости, убитокъ торговли, тяжкіе налоги и повсемѣстная бѣдность“.

Отвѣтивъ, въ томъ же письмѣ, что вмѣсто ожидаемаго закона „постановительнаго и преобразованія судопроизводства, послѣднія двѣнадцать лѣтъ царствованія Александра I принесли лишь перемѣну формы чиновъ гражданскихъ, въ теченіе же двадцати лѣтъ его величество ни разу не удостоилъ, бывая ежедневно у развода, верховное правительствующее мѣсто государства—сенатъ, Каховскій останавливается на томъ впечатлѣніи, какое было произведено на людей либеральныхъ и благонамѣренныхъ вѣстью о смерти Александра. Мнѣніе о наслѣдникахъ его было столь невысоко, что, по словамъ Каховскаго, общія слова были: „вотъ въ какомъ мы положеніи, что и императора Александра жалѣть должно!“—„Такъ, государь,—продолжаетъ Каховскій,—мы равно страшились всѣхъ его наслѣдниковъ,—причина сему вамъ должна быть извѣстна; я только доложу вамъ, что и самые люди къ вашему величеству преданные не оправдываютъ въ васъ страсти къ фрунту. Сіе занятіе государей нашихъ въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно. Самыя войска чрезмѣрно тяготятся имъ и ужасно ропчуть“...

Читая эти открытыя чистосердечныя строки, трудно отдѣлаться отъ чувства невольнаго оскорбленія за Каховскаго и тѣхъ изъ его единомышленниковъ, которые, при всемъ личномъ достоинствѣ своего тона, умоляли имп. Николая Павловича перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, т.-е. самовластнымъ фрунтовикомъ, окруженнымъ льстецами, и обратиться лицомъ къ лицу къ нуждамъ многомилліоннаго народа; было бы лучше, казалось, еслибы они не унижались до выраженій мольбы и сошли въ могилу съ гордостью побѣжденныхъ, но не сдавшихся борцовъ. Однако, вспомнимъ невыносимо тяжкія условія ихъ дѣятельности, когда ясною представлялась одна конечная цѣль, средства же борьбы были далеко не опредѣлены, и мы поймемъ, что въ этихъ предсмертныхъ попыткахъ томившихся въ тюрьмахъ энтузіастовъ вспыхивалъ послѣдній пламень угасавшей надежды, послѣдній актъ личнаго самопожертвованія во имя идеи.

Извѣстно, чѣмъ отвѣтило на эти горячія мольбы сердце имп. Николая. Чистосердечныя признанія и просьбы объ улучшеніи способовъ правленія были приняты какъ „вранье“, за которое виновные поплатились—одни головою, другіе—многолѣтней ссылкой въ сибирскіе рудники.

Тотъ же интересъ историческихъ матеріаловъ имѣютъ и помѣщенные далѣе письма и записки А. А. Вестужева, Г. С. Батенькова, В. И. Штейнгеля, А. И. Якубовича, показанія П. И. Пестеля, К. Ф. Рылѣева, извлеченія изъ бумагъ гр. Мамонова, а также „катехизисъ

и воззваніе“ С. И. Муравьева-Апостола. Въ сжатой и удивительно ясной формѣ Якубовичъ изложилъ практическія задачи необходимыхъ реформъ и слѣдующимъ образомъ резюмировалъ свой выводъ: „Десять лѣтъ мирнаго спокойствія не облегчило Россіи отъ налоговъ, не введены лучшіе способы взиманія податей и тягость государственныхъ обязанностей не уравнена между всѣми сословіями, прочныя законы не обезпечили каждаго, торговля не процвѣла, изящныя искусства не украсили отечества; но народная образованность значительно поднялась впередъ, и желаніе лучшаго содѣлалось первымъ чувствомъ каждаго..... Вѣтхое зданіе государственнаго управленія требуетъ важныхъ измѣненій. Имперія, слишкомъ сто лѣтъ вышедшая изъ мрака грубаго невѣжества, всякіе четверть вѣка совершенно измѣняется въ образованности идей, и нравственныхъ потребностяхъ. Облегчите и обезпечьте состояніе хлѣбопашца. Сравняйте преимуществами вашихъ воиновъ, уменьшивъ срокъ службы, рѣшительными законами и строгимъ ихъ исполненіемъ введите каждаго въ его обязанности, распространите свѣтъ наукъ и просвѣщенія, дайте ходъ торговой дѣятельности, ободрите вашимъ благоволеніемъ робкую добродѣтель, и недовольные, или карбонаріи, исчезнутъ, какъ тѣмъ передъ лицомъ солнца“.

Предоставляемъ любителямъ архивныхъ изысканій рѣшить, насколько точно воспроизведены у г. Бороздина тексты документовъ. Сличая записку Штейнгеля въ книгѣ „Общественныя движенія“ и въ настоящемъ изданіи, мы замѣтили нѣкоторые, несущественныя впрочемъ, разночтенія. Но въ гораздо большее недоумѣніе повергаетъ читателя сличеніе текстовъ письма А. Бестужева къ имп. Николаю Павловичу у г. Бороздина и у г. Довнаръ-Запольскаго („Мемуары декабристовъ“), гдѣ довольно многочисленныя разночтенія наполовину имѣютъ отношеніе къ смыслу отдѣльныхъ фразъ. Отмѣтимъ нѣкоторые: Такъ, у г. Бороздина: „правду безъ прикраски“, „кликъ русскаго монарха“ (стр. 35), „опять тиранятъ“, „способіемъ“, „голодали“ (стр. 36), „слѣдствіемъ сего былъ еще большій упадокъ“ (стр. 38). У г. Запольскаго: „правду безъ прикрасъ“, „коихъ (?) русскаго монарха“, „вновь тиранятъ“, „пособіемъ“, „голодали другіе края“, „слѣдствіемъ сего сталъ еще большій упадокъ“. У г. Бороздина: „указъ, чтобы мѣщане и мелкіе торговцы или записывались въ полиціи, или платили бы налогъ“. У г. Запольскаго: „...или записывались въ полиціи...“ У г. Бороздина: „слѣдственно, мы, дѣйствуя въ лицѣ народа, шли на *противу* вашего величества“... У г. Запольскаго: „слѣдовательно, мы, дѣйствуя въ лицѣ народа, шли *не противу* вашего величества“... Наконецъ, у г. Бороздина на стр. 36, пропущена, сравнительно съ текстомъ г. Запольскаго, цѣлая фраза. Такъ, за фразой: „притѣсненіе начальствомъ заслуженныхъ офицеровъ разгорячало (у

г. Запольскаго „разгорало“) умы“ у г. Запольскаго читаемъ: „Предпочтеніе нѣмецкихъ фамилій передъ русскими обижало народную гордость“. У г. Бороздина этой фразы нѣтъ. Мы останавливаемся на этихъ, на первый взглядъ, мелочахъ — съ единственной цѣлью отмѣтить, насколько весьма понятное стремленіе опубликовать какъ можно поспѣшнѣе интересные документы подчасъ отражается вредно на ихъ точности, если въ основу изданія не положено самое тщательное изученіе текста.

IV.

— Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694). Съ портретомъ Петра Великаго и многими иллюстраціями. Изслѣдованіе Н. В. Чарыкова. Слб., 1906.

Роскошно изданное г. Сувориннымъ изслѣдованіе Н. В. Чарыкова представляетъ собой одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ исторіи нашего просвѣщенія въ ту эпоху, когда оно совершалось по преимуществу при посредствѣ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію. Въ изслѣдованіи этомъ разсмотрѣны и критически освѣщены документы, касающіеся жизни и дѣятельности шотландца Павла Менезія, бывшаго на московской службѣ, исполнявшаго посольскую миссію отъ царя Алексѣя Михайловича въ 1672 г. къ папѣ Клименту X, для переговоровъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ государствъ противъ турокъ, и позже игравшаго нѣкоторую роль при малолѣтнемъ царевичѣ Петрѣ. Авторъ собралъ свѣдѣнія о Менезіи, какія имѣлись въ печатныхъ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ, а также въ архивахъ Рима, Парижа, Венеціи, Вѣны, Единбурга и Абердина и въ русскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи въ Москвѣ и военнаго министерства въ Петербургѣ. Многочисленные неизданные рукописи упомянутыхъ архивовъ, непосредственно касающіеся Менезія, или упоминаящіе о немъ, дѣйствительно очень интересны для исторіи эпохи, и опубликованіе ихъ составляетъ прежде всего крупную заслугу автора. Заключающійся въ нихъ историческій матеріалъ невольно вызываетъ на мысль о широкихъ историческихъ построеніяхъ, но авторъ скромно ограничилъ свою задачу детальнымъ изученіемъ фактовъ, относящихся къ предмету его біографіи, лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ останавливаясь на различныхъ моментахъ русской внѣшней политики въ изучаемую эпоху. Такой характеръ носить его обширная статья, уже напечатанная лѣтъ шесть тому назадъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и служащая объяснительнымъ текстомъ къ напечатаннымъ матеріаламъ. Въ качествѣ особаго этюда, авторъ присоеди-

илъ критическій обзоръ извѣстій о Павлѣ Менезіи, содержащихся въ извѣстномъ „Сказаніи о Московіи“ Невилля.

Біографія Павла Менезія, любопытная сама по себѣ, интересна еще въ томъ отношеніи, что онъ, какъ объ этомъ уже предполагали некоторые историки, былъ первымъ наставникомъ Петра Великаго, къ которому приблизилъ его, въ послѣдніе годы своей жизни, царь Алексѣй Михайловичъ. Если это было такъ — а выводы г. Чарыкова подтверждаютъ это положеніе, — то нельзя не признать, что лучшаго выбора Алексѣй Михайловичъ не могъ бы сдѣлать. Много путешествовавшій, образованный, обходительный, знатный по происхожденію, Менезій обладалъ всѣми качествами человѣка, который могъ сообщить мысли царевича облагораживающее культурное направленіе и удовлетворить его любознательность съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Такое впечатлѣніе оставилъ, между прочимъ, Менезій въ Римѣ, гдѣ былъ оцѣненъ его тактъ, свободный и умный разговоръ на многихъ языкахъ, вѣжливость, а также преданность царю Алексѣю Михайловичу, котораго онъ восхвалялъ и характеризовалъ, какъ государя любознательнаго и пламенно желавшаго цивилизовать свой народъ.

Разсмотрѣвъ различныя свидѣтельства и мнѣнія историковъ о возможной роли Менезія при Петрѣ, еще недостаточно разъясненной вслѣдствіе неразработанности нашихъ архивовъ, авторъ справедливо указываетъ на важность опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса. Вѣдь еслибы было доказано, что Алексѣй Михайловичъ приблизилъ Менезія къ четырехлѣтнему Петру, въ качествѣ наставника, то отсюда слѣдовало бы, что первое знакомство Петра съ „нѣмцемъ“ не было дѣломъ случая, но осуществленіемъ намѣренія его отца, вообще весьма расположеннаго къ иностранцамъ. Въ то же время выяснилось бы, что первымъ иноземцемъ-наставникомъ Петра былъ не Зоммеръ и не Циммерманъ, а одинъ изъ выдающихся иностранцевъ того времени, дипломатъ, опытный военачальникъ, человѣкъ благороднаго характера. Изысканіе привело г. Чарыкова къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: „Вдумываясь въ характеръ Менезія, невольно кажется, что еслибы мягкій и разсудительный Павелъ остался дольше вблизи царевича, многія шероховатости характера Петра Великаго не проявились бы, и его знакомство съ Нѣмецкой слободой принесло бы ему больше пользы и меньше вреда. Кажется также, что легкость, съ которой Петръ сталъ сближаться съ иностранцами изъ Нѣмецкой слободы, нельзя не приписать, хоть отчасти, доброй памяти, оставленной иноземцемъ Менезіемъ въ душѣ Петра, на разсвѣтъ его сознательной жизни, и тому обстоятельству, что важнѣйшіе изъ этихъ иностранцевъ — Гордонъ, Лефортъ, Страсбургъ и др. — были друзья и родственники Менезія.

„Можно также предположить, что Алексѣй Михайловичъ, предугадывая въ Петрѣ будущую опору государства, преобразование котораго озабочивало царя и было въ извѣстной мѣрѣ имъ начато, задумалъ, по совѣту Матвѣева и Нарышкиныхъ, дать царевичу воспитаніе болѣе широкое, чѣмъ то, которымъ пользовались старшія царскія дѣти, и черезъ большее ознакомленіе Петра съ Западной Европой лучше подготовить его къ новымъ потребностямъ государственнаго управленія. Весьма вѣроятно, что допущеніе къ царевичу иностранца-наставника было самымъ смѣлымъ изъ тѣхъ нововведеній, дальнѣйшее осуществленіе коихъ было прервано преждевременной кончиной Алексѣя Михайловича. Въ Россіи, въ отличіе отъ Запада, реформы всегда начинались съ верху. Соотвѣтственно этому, надлежало основать преобразование государства на образованіи преобразователя“. Авторъ выражаетъ увѣренность, что тою же мыслью руководствовался и самъ Петръ Великій, назначивъ въ 1701 г. наставникомъ къ своему сыну Алексѣю Нейгебауера, воспитанника лейпцигскаго университета, а черезъ два года другого иностранца—барона Генриха Гизена, чловека выдающагося ума и образованія. Къ сожалѣнію, здѣсь результатъ оказался другой, но, какъ замѣчаетъ авторъ, — „біографія Менезим можетъ выяснитъ, что въ этомъ отношеніи Петръ Великій не былъ новаторомъ: онъ сдѣлалъ для сына то, что для него было начато его отцомъ“.

Текстъ книги сопровождается превосходно выполненными иллюстраціями на отдѣльныхъ таблицахъ и въ текстѣ. Вообще работа г. Чарыкова представляетъ собой богатый вкладъ въ нашу историческую литературу, и желательно, чтобы знакомство съ ней не ограничилось однимъ небольшимъ кружкомъ спеціалистовъ.—Евг. Л.

V.

— Карлъ Каутскій. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи. Опытъ изслѣдованія. Одесса. 1906.

Положенія, которыя защищаетъ Каутскій, такъ общезвѣстны, что останавливаться на нихъ самихъ по существу—не представляется никакой надобности. Но примѣненіе этихъ положеній врядъ ли у него основательно. Популяризируя марксистскую доктрину, авторъ упрощаетъ не способъ ея изложенія, а ее самое, отчего она становится вульгарной, поверхностной и научно-несостоятельной. Для того, чтобы свести всѣ духовныя явленія нашего бытія къ производственнымъ отношеніямъ,—какъ это, вотъ уже двадцать лѣтъ, дѣлаетъ Каут-

скій,—необходимо прослѣдить цѣлый рядъ посредствующихъ причинъ, необходимо наблюсти тотъ долгій и сложный процессъ, который привелъ подземные корни экономики къ пышнымъ и вѣжнымъ цвѣтамъ нашей психической жизни. Но Каутскому хочется, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ,—какъ бы сложенъ онъ ни былъ,—экономика выныкала тотчасъ же, сію минуту, безъ промедленія.

Такъ, когда заходитъ у него рѣчь о взаимномъ отношеніи половъ, онъ, по старой привычкѣ, объясняетъ разную степень почета, которымъ пользуется въ обществѣ тотъ или иной полъ,—его участіемъ въ хозяйственной дѣятельности. Нужно ли говорить, что даже сторонники экономическаго матеріализма не согласятся съ такой его интерпретаціей? Форма, въ которой выражается причитающійся полу почетъ, несомнѣнно вся лежитъ въ области хозяйственной,—но *только форма*: рыцарь-феодалъ оказываетъ почетъ своей дамѣ совершенно иначе, чѣмъ оказываетъ его современный промышленникъ. Самый же фактъ этого почета объясняется внѣ-соціальными причинами; поскольку же онъ является фактомъ соціальнымъ, онъ обладаетъ далеко не тѣми предпосылками, которыя указываетъ Каутскій. Уваженіе къ данному полу находится въ обратной зависимости отъ количественнаго отношенія этого пола къ другому полу, что въ свою очередь устанавливается многими причинами, въ числѣ которыхъ главную роль играютъ войны, процентъ рождаемости, иммиграція, эмиграція и т. д. А послѣднія въ свою очередь порождаются причинами, которыя—съ этимъ никто не споритъ—имѣютъ несомнѣнную хозяйственную подкладку.

Только такимъ кропотливымъ путемъ можно подойти къ тѣмъ основаніямъ, на которыя указываетъ авторъ „Этики“. Ему же некогда провѣрять себя, онъ увѣренъ въ правотѣ своей заранѣе, ему бы только создать иллюзію, будто онъ „изслѣдуетъ“, будто онъ на глазахъ у читателя подходитъ къ тѣмъ или другимъ выводамъ. Порою такой методъ „ложной дедукціи“ жестоко метитъ за себя: такъ, напр., Каутскій объясняетъ равнодушіе къ смертной казни со стороны нѣмецкой интеллигенціи—возобновленіемъ въ Германіи всеобщей воинской повинности, — чего немедленнымъ опроверженіемъ служитъ страстный протестъ противъ смертной казни со стороны русской интеллигенціи, которая тѣмъ не менѣе все прошла сквозь всеобщій рекрутскій наборъ.

Но еще худшія послѣдствія такого „субъективнаго метода“ постигли книжку Каутскаго въ расправѣ съ Кантомъ. Расправа у него, дѣйствительно, коротка: тутъ, конечно, и „общественный застой“, и „пріостановка развитія“, и „притупленіе общественныхъ противорѣчій“, вмѣсто „ихъ преодоленія въ борьбѣ“,—словомъ, всѣ элементы самаго непривлекательнаго „фундамента“. Но при этомъ обнаружи-

вается, что авторъ, по мѣрѣ надобности, можетъ замѣнить одинъ фундаментъ другимъ,—и метафизика Канта попеременно является у него то протестомъ противъ весьма конкретнаго феодальнаго общества, съ его отношеніями личной зависимости (стр. 31), то—безсильнымъ отказомъ отъ протеста противъ этого общества (стр. 24).

Два „фундамента“—это не снислось даже автору „Zur Kritik“!

Сильная сторона Каутскаго—въ его биологическихъ предпосылкахъ социализма; въ его работахъ всегда чувствуется блестящій авторъ статей „Darwin und der Socialismus“. Классовая борьба у него всегда идетъ рука объ руку съ борьбой за существованіе. Такъ это и быть должно, но, къ сожалѣнію, и здѣсь конечные выводы Каутскаго далеко не такъ совершенны, какъ исходные его пункты. И здѣсь онъ не разъ обрушивается на тѣ явленія, которыя, *сообразно его же критеріямъ*, мы готовы признать закономѣрными и полезными.

Для примѣра попробуемъ развить хотя бы одно изъ подобныхъ положеній — само по себѣ чрезвычайно банальное — и посмотримъ, куда оно приведетъ насъ. Оно гласитъ: „У тѣхъ животныхъ семействъ, для которыхъ общественный союзъ становится серьезнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, эта борьба развиваетъ общественные инстинкты. Эти инстинкты достигаютъ у нѣкоторыхъ семействъ и нѣкоторыхъ индивидуумовъ изумительной силы, такъ что они въ состояніи преодолѣть даже инстинкты самосохраненія и продолженія рода, разъ они приходятъ съ ними въ конфликтъ“. Иными словами, руководимый инстинктомъ самосохраненія, „общественный“ индивидуумъ можетъ — при извѣстныхъ условіяхъ — отречься *именно отъ этого инстинкта*. Стремленіе къ личному благополучію можетъ принудить его отречься именно отъ этого стремленія. И чѣмъ болѣе будетъ тѣхъ орудій, отъ которыхъ отречется личность, тѣмъ болѣе могучимъ станетъ то орудіе, ради котораго произошло это отреченіе—общество. Средство усиливается, если его сдѣлать цѣлью. Служите орудію, станьте сами орудіями его бытія и процвѣтанія—и вы усилите, усовершенствуете его. Борьба за существованіе поэтому-то и вырабатываетъ, укрѣпляетъ, поддерживаетъ въ насъ представленіе объ *этихъ орудіяхъ* нашего бытія, какъ о чемъ-то, чего мы сами являемся орудіями, чему мы должны служить, не ожидая никакихъ выгодъ, даже наперекоръ выгодамъ, даже побуждаемые отсутствіемъ выгодъ. Наука, справедливость, богатство, мораль—все это мощныя орудія, требующія огромныхъ неустанныхъ жертвъ со стороны тѣхъ, кому они служатъ, и жертвоприношеніе это возможно только тогда, если орудійность ихъ будетъ скрыта. Отсюда *вся необходимость, весь утилитарный смыслъ* науки для науки, искусства для искусства. „Чистая наука“, „естественное право“, „категорическій императивъ“ — вѣ

рядъ нужныхъ, выгодныхъ, утилитарныхъ иллюзій, которыя всячески укореняетъ и поддерживаетъ въ насъ ревнующая нашему благу борьба за существованіе. При ростѣ общественности всякая вещь является Ding für uns именно тогда, когда она въ наибольшей мѣрѣ кажется намъ Ding für sich. Оттого-то тѣмъ больше въ обществѣ фетишей, тѣмъ больше въ немъ несуществующихъ цѣнностей и ложныхъ самоцѣлей, тѣмъ оно совершеннѣе, тѣмъ оно могущественнѣе въ борьбѣ за бытіе и благо личности. Сила организма—въ томъ, чтобы каждый органъ стремился къ самостоятельному развитію. (См. хотя бы G. Adler, „Die Zukunft der Socialen Frage“).

Итакъ, тотъ же самый утилитарный принципъ, изъ котораго вышелъ Каутскій, неизбежно приводитъ къ признанію и къ утвержденію абсолютныхъ, самодовлѣющихъ идей и представлений. Посмотримъ же, какъ относится къ нимъ нашъ авторъ. Вотъ его мнѣніе объ абсолютной морали: „Какъ только моральныя предписанія получаютъ самостоятельное бытіе, они этимъ самымъ перестаютъ служить элементомъ общественнаго прогресса. Они застываютъ, становятся консервативнымъ элементомъ, тормазомъ дальнѣйшаго развитія“.

Выводъ совершенно непослѣдовательный. Моральныя предписанія только тогда и дѣйствительны, только тогда и властны надъ нами, когда мы мыслимъ ихъ застывшими, вѣчными, самостоятельными. Самостоятельность (иллюзорная, мнимая) моральныхъ предписаній, независимость ихъ отъ нуждъ и цѣлей человѣка—именно и является могучимъ стимуломъ ихъ вліянія,—а Каутскій считаетъ ихъ „тормазомъ“. Вѣдь это же отрицаніе своихъ собственныхъ положеній. Точно такимъ же отрицаніемъ могутъ быть названы нападки Каутскаго на чистое познаніе: „Познаніе вещей въ себѣ—иронизируетъ онъ — можетъ казаться иному философу важной задачей; для нашего же существованія совершенно безразлично, что бы ни понималось подъ вещью въ себѣ“. Точно также, только забывая свои же положенія, можно было заявить, что „раздѣленіе труда не должно никогда заходить такъ далеко, чтобы отдѣльныя части организма становились самостоятельнѣе: это повело бы къ распаденію индивидуума“. Напротивъ: къ его усилению. Ибо при самостоятельномъ развитіи каждый органъ, каждое орудіе укрѣплялось бы, закалялось,—а что же нужно организму, какъ не закаленные орудія? Противъ этого-то „самостоятельнаго развитія“ и возстаетъ книжка Каутскаго—и въ этомъ вся ея недалекость. „Самостоятельное развитіе“ — это абсолютная истина, абсолютное добро, абсолютная справедливость,—а вѣдь только ради нихъ, только ради этихъ абсолютовъ, Сократы могутъ выгивать цыкуту, Джордано Бруно идти на костры, Галилеи повторять: „а все таки вертится!“—и тѣмъ самымъ укрѣплять, усиливать утилитарное

значеніе этихъ цѣнностей, закалять ихъ для нашей борьбы. Каутскій скажетъ, что это усиленіе, этотъ закалъ покупается слишкомъ большими жертвами, что эта застывшая, абсолютная самоцѣль является тормазомъ въ социальномъ развитіи (стр. 113, 114). Онъ скажетъ, что еслибы не было, напр., мнимо-абсолютной, застывшей морали, то переходъ къ новымъ общественнымъ условіямъ совершался бы безъ жертвъ, безъ крови, безъ мучительной ломки. Онъ скажетъ, что самоцѣль вредна для динамической стороны общественнаго бытія, такъ какъ она споспѣшествуетъ—на нѣкоторое время—развитію уже устарѣвшихъ, вредныхъ элементовъ—и во всемъ этомъ, несомнѣнно, онъ будетъ правъ. Но зачѣмъ же упускать изъ виду статическую сторону жизни? Съ этой стороны самоцѣль, „самостоятельное развитіе“—могущественнѣйшій стимулъ для бытія этихъ нормъ, для ихъ осуществленія, условіе ихъ полноты и силы. Она влечетъ огромную трату энергіи, это правда, но что значитъ въ экономіи природы эта трата, сравнительно съ тѣмъ, что пріобрѣтается ею. Влюбленный увѣренъ, что любитъ ради любви, а не ради созданія потомства. И только благодаря такой иллюзорной самоцѣльности—любовь служитъ истинной своей цѣли—продолженію рода. Правда, слѣдствіемъ этой мнимой „самостоятельности“ любви, слѣдствіемъ ложной ея абсолютности явилась проституція, но что значитъ этотъ „тормазъ общественнаго развитія“ въ сравненіи съ его величайшей ролью—ролью императива къ продолженію рода?

Такимъ образомъ, мы видимъ, что на тѣхъ основаніяхъ, изъ которыхъ вышелъ Каутскій, ему никакъ не выполнить своей задачи: абсолютная мораль, благодаря этимъ основаніямъ, пріобрѣтаетъ только большую силу и значительность. Только благодаря этимъ основаніямъ, понятна *соціальная полезность* величавой максимы Канта: „если завтра наступитъ кончина міра, послѣдній преступникъ долженъ быть казненъ сегодня, во имя абсолютной справедливости“.

Противъ собственной воли Каутскій своими предпосылками не разрушилъ, а подтвердилъ эту максиму.—К. Ч—скій.

Въ теченіе августа мѣсяца поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бернштейнъ, Эд.—Парламентаризмъ и социаль-демократія. Перев. съ рукописи.—Задачи социалистической культуры. Изд. Б. Ревзина и И. Постмана въ Берлинѣ. 68 стр. Ц. 15 к.

Блюзъ, В.—Французская революція. Перев. съ нѣмецкаго Н. С. Тютчевъ. Спб. Книгоизд. „Паллада“. 1906 г. 48 стр. Ц. 65 к.

Вьлюконскій, И. И.—За что и почему? Изд. Н. Парамонова. „Донская Рѣчь“. Ростовъ-на-Дону. 31 стр.

- Фейга. Изд. Н. Парамонова. „Донская Рѣчь“. Ростовъ-на-Дону. 20 стр.
- Виндереде*, Эм.—Соціалистическій строй. Перев. съ рукописи. — Задачи соціалистической культуры. Изд. и переводъ Б. Ревзина и І. Постмана въ Берлинѣ. 50 стр. Ц. 15 к.
- Виктоферъ*, А.—Цѣнность человѣческой жизни. Книгоизд. „Югъ“. 15 стр. Ц. 5 к.
- Галина*, Г.—Предразсвѣтныя пѣсни. Спб. 906. стр. 112. Ц. 1 р.
- Гиппиусъ*, З.—Алый Мечъ. Спб. 906. Стр. 480. Ц. 2 р.
- Жеффруи*, Густавъ.—Бланки, его жизнь и революціонная дѣятельность. Переводъ А. Серебряковой. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушикова. 311 стр. Ц. 1 р.
- Койлентъ*, Д., д-ръ.—Мировоззрѣніе социализма. — Задачи социалистической культуры. Изд. І. Постмана и Б. Ревзина въ Берлинѣ. 146 стр. Ц. 25 к.
- Брасинскій*, З.—Небожественная комедія. М. 906. Стр. 102. Ц. 60 к.
- Крассовскій*, С. С.—О языкахъ и нравахъ. О душевныхъ ощущеніяхъ, связанныхъ съ членораздѣльными звуками. Опытъ отыскиванія законовъ слова. Вып. І. Спб. 906. Стр. 64. Ц. 50 к.
- Лпренко*, П.—Страдные дни Шортъ-Артура. Изд. П. А. Артемьева. Ч. II.—319 стр. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.
- Либровичъ*, С. Ф.—Не русская кровь въ русскихъ писателяхъ. Спб. 906. Стр. 18. Ц. 40 к.
- Луи*, Поль.—Будущее социализма. Книгоизд. „Дѣло“. Переводъ съ франц. Н. Вилика и Я. Кернеса. 206 стр. Ц. 60 к.
- Мельницъ*, Л.—*Бравскій*, Р.—Виѣсто Шлиссельбурга. Книгоизд. „Русское Богатство“. 40 стр. Ц. 8 к.
- Меринъ*, Фр.—Сущность научнаго коллективизма. Эскизъ эконо. ученія К. Маркса. Перев. съ нѣм. А. Козлова. Изд. книжн. магаз. С. И. Иванова и К°. Киевъ. 20 стр. Ц. 5 к.
- Плетневъ*, Алексѣй.—Исповѣдь террориста. Книгоизд. „За право и правду“. 63 стр. Ц. 30 к.
- Пушбинева*, Станиславъ.—Заупокойная Месса. М. 906. Стр. 154. Ц. 1 р.
- Реманъ*, Эрнестъ.—Жизнь Іисуса Христа. Изд. книжнаго магазина С. И. Иванова и К°. Киевъ. 336 стр. Ц. 50 к.
- Рубежнѣй*, В.—Борьба со зломъ. Книгоизд. „Югъ“. Харьковъ. 1906. Изд. Грекова. 23 стр. Ц. 10 к.
- Рудинскій*, Н.—Записки земскаго врача. Спб. 906. Стр. 198. Ц. 1 р.
- Рудинъ*, Е. К.—Портретъ Козьмы Индикоплова въ русскихъ лицевыхъ спискахъ его сочиненія. Спб. 905. Стр. 20. Ц. 75 к.
- Искусство и археологія. Библиографія. Спб. 906. Стр. 24. Ц. 40 к.
- Семизманъ*, Эдвигъ.—Экономическое объясненіе исторіи. Перев. съ англійск. Н. Козеренко. Изд. книжн. магаз. С. И. Иванова и К°. 91 стр. Ц. 15 к.
- Чеховъ*, М. П.—Очерки и рассказы. Изд. 3-е. 285 стр. Изд. А. С. Суворина. Спб. 906. Ц. 1 р.
- Шаблюевскій*, В. К.—Школьные воспоминанія о каменецъ-подольской гимназій. Каменецъ-Подольскъ, 906. Стр. 68. Ц. 40 к.
- Шершенко*, А. И.—Правовое и экономическое положеніе иногороднихъ на Сѣверномъ Кавказѣ въ связи съ хозяйственнымъ развитіемъ края. Статистич. очеркъ. Вып. І. Кубанская область. Съ 13 диаграммами и хронологическимъ указателемъ узаконеній и распоряженій объ иногороднихъ. Екатеринодаръ, 906. Стр. 131. Ц. 1 р.

Штаммлеръ, Рудольфъ.—Теоретическія основы анархизма. Перев. съ нѣм. Книгоизд. „Свободная мысль“. М. 906. 70 стр. Ц. 35 к.

Штаудинеръ, Ф., проф.—Этика и политика. Перев. съ рукописи.—Задачи социалистической культуры.—Изд. I. Постмана и В. Ревзина въ Берлинѣ. 37 стр. Ц. 15 к.

— Дешевая бібліотека товарищества „Знаніе“:

1. *Горькій, М.*: Тюрма. 47 стр. Ц. 8 к. — Двадцать шесть и одна. 18 стр. Ц. 5 к. — Пѣсня о соколѣ. Пѣсня о буреѣ вѣстникѣ. Легенда о Марко. 8 стр. Ц. 2 к. — Человѣкъ. 8 стр. Ц. 2 к. — Магавъ Чудра. 16 стр. Ц. 3 к. — О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ, любителѣ истины. 8 стр. Ц. 2 к. — Дѣдъ Архипъ и Ленъка. 27 стр. Ц. 5 к. — Ежельякъ Пыляй. 15 стр. Ц. 3 к. — Челкашъ. 42 стр. Ц. 7 к. — Старуха Изергиль. 28 стр. Ц. 5 к. — Однажды осенью. 10 стр. Ц. 3 к. — Мой спутникъ. 37 стр. Ц. 6 к. — Дѣло съ застѣжками. 15 стр. Ц. 3 к. — Проходимецъ. 44 стр. Ц. 7 к. — Скуки ради. 21 стр. Ц. 5 к. — Ярмарка въ Голтѣвѣ. 15 стр. Ц. 3 к. — Кашъ и Артемъ. 40 стр. Ц. 6 к. — Дружки. 19 стр. Ц. 4 к. — Разсказъ Филиппа Васильевича. 19 стр. Ц. 5 к. — Васья Красный. 20 стр. Ц. 5 к. — Кирилка. 16 стр. Ц. 3 к. — Зазубрина. 10 стр. Ц. 3 к. — Мальва. 62 стр. Ц. 10 к. — Въ степи. 16 стр. Ц. 3 к. — Товарищи. 18 стр. Ц. 4 к. — Озорникъ. 28 стр. Ц. 5 к. — Бывшіе люди. 80 стр. Ц. 12 к. — Супруги Орловы. 72 стр. Ц. 12 к. — Ханъ и его сынъ. 8 стр. Ц. 2 к. — Коноваловъ. 64 стр. Ц. 10 к. — Тоска. 54 стр. Ц. 10 к. — На плотяхъ. 16 стр. Ц. 3 к. — Болесь. 6 стр. Ц. 2 к. — 2. *Скиталецъ*: Сквозь строй. 77 стр. Ц. 12 к. — Стихотворенія. Книга I, 24 стр. Ц. 5 к. — Стихотворенія. Книга II, 30 стр. Ц. 6 к. — За горешной стѣной. 23 стр. Ц. 5 к. — Октава. 70 стр. Ц. 12 к. — *Серафимовичъ, А.*: На льдинѣ. 19 стр. Ц. 5 к. — Сѣвѣникъ. 16 стр. Ц. 3 к. — Ночью. 12 стр. Ц. 3 к. — На заводѣ. 22 стр. Ц. 5 к. — Подъ землей. 34 стр. Ц. 6 к. — Подъ уловъ. 14 стр. Ц. 3 к. — Въ камышахъ. 15 стр. Ц. 3 к. — Местъ. 21 стр. Ц. 4 к. — 3. *Гусевъ-Оренбургскій, С.*: Злой духъ. 20 стр. Ц. 4 к. — Въ приходѣ. 62 стр. Ц. 12 к. — Ометъ. 12 стр. Ц. 3 к. — На родину. 18 стр. Ц. 4 к. — Сквозь преграды. 9 стр. Ц. 2 к. — Кахетинка. 13 стр. Ц. 3 к. — Послѣдній часъ. 34 стр. Ц. 6 к. — Миша. 8 стр. Ц. 2 к. — Конокрадъ. 8 стр. Ц. 2 к. — Жалоба. 21 стр. Ц. 5 к. — Вѣдний приходъ. 10 стр. Ц. 2 к. — 4. *Андреевъ, Л.*: Въ темную даль. 18 стр. Ц. 4 к. — Валя. 16 стр. Ц. 3 к. — На рѣкѣ. 19 стр. Ц. 4 к. — Въ подвалѣ. 14 стр. Ц. 3 к. — Петька на дачѣ. 13 стр. Ц. 3 к. — У окна. 28 стр. Ц. 5 к. — Жили были. 27 стр. Ц. 5 к. — Молчаніе. 16 стр. Ц. 3 к. — Набатъ. 5 стр. Ц. 2 к. — 5. *Купринъ, А.*: Дознаніе. 17 стр. Ц. 3 к. — 6. *Сомовъ, О.*: Справедливый налогъ. 70 стр. Ц. 12 к. — 7. *Ольминскій, М.*: Права Государственной Думы. 21 стр. Ц. 5 к. — Свобода печати. 76 стр. Ц. 12 к. — 8. *Энгельсъ, Ф.*: Статьи 1871—1875 г. Съ нѣмецкаго пер. В. Смирнова, 77 стр. Ц. 12 к. — 9. *Марксъ, К.*: Либералы у власти. Съ нѣмецк. перев. А. Р., подъ редакц. и съ предисловіемъ А. Луначарскаго. 48 стр. Ц. 8 к. — 10. *Телешовъ*: Пѣснь о трехъ юношахъ. 10 стр. Ц. 3 к. — Противъ обычая. 16 стр. Ц. 3 к. — Домой. 16 стр. Ц. 3 к. — Хлѣбъ-Соль. 11 стр. Ц. 3 к. — 11. *Михайловичъ, С.*: Что такое рабочая партія. 8 стр. Ц. 3 к. — 12. *Елпатьевскій, С.*: Пожалѣй меня. 8 стр. Ц. 2 к. — Присяжники застѣжелемъ. 16 стр. Ц. 3 к. — Спирька. 50 стр. Ц. 8 к. — 13. *Бальмонтъ, К.*: Стихотворенія. 15 стр. Ц. 2 к. — 14. *Клейнбортъ, Л.*: Русскій империализмъ въ Азіи. 47 стр. Ц. 8 к. — О партіяхъ и партійности. 30 стр. Ц. 5 к. — 15. *Бсбелъ, Августъ*: Профессиональное движеніе и политическія партіи. Съ нѣмец. перев. Мих. Ольгина, подъ редакц. В. Величиной. 40 стр. Ц. 5 к. — Интеллигенція и социализмъ. Рефератъ, прочитанный въ публич. собраніи студентовъ 14 дек. 1897 г. въ Берлинѣ. 32 стр. Ц. 5 к. — 16. *Юшкевичъ, С.*: Убийца. 10 стр. Ц. 3 к. — Невинные. 17 стр. 4 к. — Кабатчикъ Гейманъ. 40 стр. Ц. 7 к. — Евреи. 169 стр. Ц. 30 к. — 17. *Процессъ противъ комитета рейскихъ демократовъ по поводу призыва къ вооруженному сопротивленію* (9-го февр. 1849 г.). Изъ „Новой Рейнской газеты“. Съ предисловіемъ Фридриха Энгельса. 63 стр. Ц. 10 к.

— Обзоръ вѣншей торговли Россіи по европейской и азиатской границамъ за 1904 годъ. Изд. департамента таможенныхъ сборовъ. Спб. 906. In folio. Стр. 110+906.

— Обзоръ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка за 1883—1904 гг. Спб. 906. Стр. VIII+294. — Таблицы къ обзору дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка за 1883—1904 гг. Стр. 131.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1906 г.

Годовщина Портсмутскаго мира.—Перемѣны въ общемъ международномъ положеніи, подъ вліяніемъ упадка русскаго могущества.—Либеральная политика Англіи.—Личная роль короля Эдуарда VII.—Особыя преимущества его конституціоннаго положенія.—Вильгельмъ II и его министры.—Неудобства безотвѣтственности правительства.—Церковный вопросъ во Франціи.—Балканскія дѣла.

Ровно годъ тому назадъ, русское общество съ чувствомъ облегченія и надежды встрѣтило вѣсть о подписаніи Портсмутскаго мира. Казалось, что страшные удары тяжелой войны, затѣянной съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ, должны положить конецъ безконтрольному владычеству придворныхъ кружковъ и привести къ кореннымъ государственнымъ преобразованіямъ во имя спасенія Россіи и всего ея будущаго; предъ нами открывалась перспектива мирной внутренней работы, и всѣ видѣли благоприятный для насъ симптомъ въ неожиданномъ дипломатическомъ успѣхѣ С. Ю. Витте, считавшагося уже призваннымъ къ руководящей роли въ дѣлѣ нашего политическаго обновленія и возрожденія. Нѣтъ надобности напоминать о горькихъ испытаніяхъ, пережитыхъ русскимъ обществомъ и народомъ въ этотъ короткий срокъ, съ конца августа 1905 года. Мы успѣли за это время получить конституцію 17 октября и тотчасъ же потерять ее; мы имѣли первый конституціонный кабинетъ, оказавшійся на дѣлѣ кабинетомъ департамента полиціи; мы видѣли позорное паденіе репутаціи графа Витте, какъ государственнаго человѣка; мы дождались созыва первой Государственной Думы и опять лишились ея,—и это движеніе взадъ и впередъ, съ безплодными порывами въ разныя стороны, стоило намъ огромнаго количества жертвъ. Желанная развязка мучительнаго внутренняго кризиса столь же далека отъ насъ въ настоящее время, какъ и въ моментъ подписанія Портсмутскаго мира.

[Въ области вѣншей политики русско-японскій миръ вызвалъ значительную перемѣну въ группировкѣ великихъ державъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Съ одной стороны Германія чувствуетъ себя свободною отъ прежнихъ опасеній, связанныхъ съ существованіемъ франко-русскаго союза, а съ другой—Англія избавилась отъ многолѣтней боязни честолюбивыхъ плановъ и наступательныхъ дѣйствій Россіи; Франція осталась фактически безъ союзника, сохранивъ только огромную массу его денежныхъ обязательствъ, отчасти падающихъ въ

цѣнѣ.) Упавокъ русскаго могущества въ одно и то же время развѣ-
 зываетъ руки Вильгельму II и либеральному британскому правитель-
 ству; а такъ какъ между Англіею и Германіею существовали на-
 тянутыя отношенія, вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія и соперниче-
 ства въ колоніальныхъ дѣлахъ и вопросахъ, то предприимчивость
 германской дипломатіи не могла получить значительнаго простора
 и замѣтно парализовалась противодѣйствіемъ лондонскаго кабинета.
 какъ это ясно обнаружилось на мароккской конференціи. Англія еще
 болѣе сблизилась съ Франціею, и англо-французское соглашеніе, имѣю-
 щее въ нѣкоторыхъ случаяхъ характеръ молчаливаго союза, соста-
 вляетъ безспорно одну изъ существенныхъ особенностей современнаго
 международнаго положенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ подготовилась почва для
 ✓ англо-русскаго сближенія, которое не облеклось еще въ реальныя
 дипломатическія формы единственно лишь въ виду отсутствія у насъ
 прочнаго отвѣтственнаго правительства. Будучи несравненно смѣлѣе
 Германіи на моряхъ и не опасаясь уже враждебныхъ замысловъ
 Россіи на сушѣ,—тѣмъ болѣе, что новый союзный договоръ съ Япо-
 ніею распространяется и на защиту Индіи,—Великобританія извле-
 каетъ наибольше выгоды изъ совершившейся перемѣны политическихъ
 условій; она сразу сокращаетъ предположенные расходы по морскому
 вѣдомству на 2½ милліона фунтовъ стерлинговъ (около 25 милліоновъ
 рублей) и рѣшительно высказывается, въ лицѣ своихъ руководящихъ
 министровъ, за общее сокращеніе вооруженій и военныхъ бюджетовъ
 путемъ формальнаго международнаго соглашенія въ Гаагѣ. Статсъ-
 секретарь адмиралтейства, Робертсонъ, представилъ палатѣ общины
 любопытныя дѣловыя соображенія въ пользу новой морской программы,
 опираясь на техническіе доводы специалистовъ и на авторитетное
 заключеніе „морскихъ лордовъ“. Обыкновенно британское адмирал-
 теѣство вырабатывало свои проекты усиленія флота съ такимъ раз-
 счетомъ, чтобы морскія вооруженныя силы Англіи всегда превосхо-
 дили соединенные боевые флоты двухъ первоклассныхъ континенталь-
 ныхъ державъ—прежде Франціи и Россіи, теперь—Франціи и Германіи:
 поэтому въ Англіи всегда сообразовались съ планами морскихъ соору-
 женій, принятыми въ другихъ государствахъ. Теперь же Россія не
 имѣетъ активнаго флота и надолго лишена возможности дѣйствовать
 въ какомъ бы то ни было отношеніи враждебно противъ англичанъ;
 Франція никогда не соединится съ Германіею противъ Англіи. съ
 которою, напротивъ, ищетъ болѣе тѣснаго сближенія, соответствующаго
 интересамъ обѣихъ націй, и слѣдовательно Англія не имѣетъ
 повода стремиться непремѣнно къ тому, чтобы флотъ ея превосходилъ
 соединенные флоты Германіи и Франціи,—такъ что программа воору-
 женій, принятая при прежнемъ консервативномъ кабинетѣ, можетъ

быть сокращена въ соответственной мѣрѣ. Конечно, всякое другое правительство, не озабоченное добросовѣстнымъ соблюденіемъ финансовыхъ интересовъ государства и народа, продолжало бы сооружать установленное количество броненосцевъ, хотя и признанное чрезмѣрнымъ и ненужнымъ,—особенно если съ такимъ сооруженіемъ связаны могущественные частные интересы и крупныя денежныя выгоды должностныхъ лицъ; но министерство сэра Кемпбелля-Баннермана сочло своимъ долгомъ сдѣлать изъ данныхъ обстоятельствъ практическій выводъ, полезный для страны, вопреки обычнымъ возраженіямъ одностороннихъ патріотовъ-империалистовъ. Оппозиція въ парламентѣ осуждала предложенія Робертсона и „морскихъ лордовъ адмиралтейства“, хотя и не признавала ихъ опасными для морского могущества Великобританіи; господство англичанъ на моряхъ остается пока неприкосновеннымъ, но многіе указывали на неудобство и преждевременность принятыхъ мѣръ, которыя лучше было бы, по ихъ мнѣнію, отложить въ ожиданіи результата предстоящей Гаагской конференціи. Однако либеральная партія приняла власть не для того, чтобы откладывать осуществленіе своей программы, и она дѣйствуетъ вообще съ замѣчательнымъ прямотою и послѣдовательностью во всѣхъ областяхъ внутренней и вѣншей національной политики.

Империализмъ, такъ долго питаемый „русскою опасностью“ и находившій въ ней свое главное оправданіе, замѣтно теряетъ почву въ Англіи, и широкіе либеральные принципы—принципы справедливости и дальновиднаго разсчета—смѣло примѣняются и тамъ, гдѣ прежде возлагались всѣ надежды на превосходство военной силы. Вопросъ о введеніи конституціи въ Трансваалѣ разрѣшенъ согласно желаніямъ побѣжденныхъ буровъ: бывшая республика получила не только свой особый парламентъ, но и право имѣть правительство, отвѣтственное передъ этимъ мѣстнымъ парламентомъ. Министръ по дѣламъ колоній, лордъ Эльджинъ, и товарищъ его, Черчилль, сообщая объ этомъ важномъ рѣшеніи обѣимъ палатамъ британскаго парламента, 31-го іюля, старались объяснить необходимость возможно полнаго и дѣйствительнаго умиротворенія южно-африканскихъ колоній, а вѣрнѣйшимъ способомъ умиротворенія считается у англичанъ удовлетвореніе справедливыхъ національных требованій подвластныхъ народностей. Бывшій консервативный кабинетъ также предоставлялъ Трансваалю свободное народное представительство, но безъ прямого участія въ управленіи, которое должно было лежать всецѣло на органахъ британской власти; буры волновались по этому поводу, и непріязненные чувства ихъ къ англичанамъ поддерживались въ прежней силѣ, выражаясь иногда въ крайне рѣзкихъ формахъ; это тревожное настроеніе въ свою очередь побуждало англійскихъ консерваторовъ отказы-

вать въ дальнѣйшихъ уступкахъ, и взаимный антагонизмъ между бурами и англичанами въ южной Африкѣ обострялся все болѣе и болѣе, несмотря на то, что буры въ сущности пользовались всѣми политическими и гражданскими правами и ни въ какомъ смыслѣ не могли считать себя угнетенными. Дѣло шло не о какихъ-нибудь элементарныхъ правахъ, въ родѣ свободы мнѣній, печати и собраний, а о предѣлахъ мѣстной автономіи, о свободахъ политическаго самоуправленія Трансвааля. Право „дѣйствительной“ личной неприкосновенности безспорно принадлежало бурамъ и раньше, съ самаго момента признанія ихъ подданными короля Эдуарда VII; никто не отнималъ у буровъ свободы слова, печати и сходахъ, послѣ покоренія ихъ силою оружія, — ибо Англія вовсе не предполагала навязать себѣ путемъ побѣдоносной войны новый бурскій вопросъ, а напротивъ, имѣла въ виду предупредить на будущее время повтореніе такихъ національно-политическихъ конфликтовъ, какъ трансваальскій. Опасною для англичанъ оказалась государственная самостоятельность Трансвааля и Оранжевой республики, а не автономія ихъ; самостоятельность уничтожена войною, но автономія должна была остаться для пользы самой Англіи. Разница между консерваторами и либералами въ этомъ отношеніи заключалась лишь въ томъ, что первые ограничивались полумѣрами и думали постепенно расширять конституціонныя права бывшихъ республикъ, а вторые предпочитали сразу успокоить буровъ предоставленіемъ имъ полнаго политическаго самоуправленія, съ отвѣтственнымъ парламентскимъ министерствомъ, подъ верховнымъ контролемъ Англіи. Авторитетный знатокъ южно-африканскихъ дѣлъ, лордъ Мильнеръ, рѣшительно возражалъ въ палатѣ лордовъ противъ радикальной реформы лорда Эльджина, опираясь на свой многолѣтній административный опытъ, и этотъ голосъ признается чрезвычайно вѣскимъ въ значительной и вліятельной части англійскаго общества, какъ можно видѣть, между прочимъ, изъ отзывовъ и разсужденій газеты „Times“; но въ дѣйствительности именно лордъ Мильнеръ всего менѣе могъ считаться безпристрастнымъ авторитетомъ въ такомъ вопросѣ, котораго онъ не сумѣлъ разрѣшить въ свое время и который, благодаря его прямолинейному упорству, при содѣйствіи Чемберлена, разыгрался кровавой эпопеей, оставившею до сихъ поръ глубокіе и печальные слѣды въ южной Африкѣ. Для того, чтобы прочно привязать бурскую народность къ Англіи, нужно было дѣйствовать не по совѣтамъ лорда Мильнера, а въ духѣ прямо противоположномъ, какъ и поступило правительство сэра Кемпбелля-Баннермана; оттого и предостерегающіе доводы консервативной оппозиціи въ обѣихъ палатахъ не могли произвести большого впечатлѣнія на массу англійской публики. Впрочемъ, для успокоенія противниковъ была включена въ

трансваальскую конституцію одна существенная охранительная пристройка, въ видѣ верхней палаты изъ пятнадцати членовъ, назначенныхъ корономъ; но это учрежденіе, которымъ очень недовольны буры, имѣть только временный характеръ и не можетъ оказывать серьезное вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ странѣ, при господствѣ принципа министерской отвѣтственности предъ выборнымъ народнымъ представительствомъ. Въ томъ же истинно-либеральномъ, благотворномъ для государства направленіи намѣчается правительственная реформа и для Индійской имперіи, по почину одного изъ старыхъ сотрудниковъ Гладстона, весьма извѣстнаго писателя и публициста, Джона Морлея, занимающаго нынѣ постъ статсъ-секретаря по дѣламъ Индіи. Предполагается привлечь туземныя народности къ участию въ управленіи на общихъ началахъ представительства, и это нововведеніе, въ какихъ бы формахъ оно ни осуществилось, должно оживить традиціонный государственный бытъ Индіи, укрѣпляя въ то же время внутреннюю политическую связь ея съ метрополіей. Сэръ Кемпбелль-Баннерманъ могъ съ спокойною совѣстью предложить парламенту, 4-го августа, отсрочить засѣданія до 23-го октября: съ начала года палата общинъ сдѣлала не особенно много крупныхъ перемѣнъ въ области законодательства, но она успѣла съ достаточною ясностью показать, въ какомъ духѣ будутъ вестись государственныя дѣла Великобританіи при новомъ либеральномъ кабинетѣ.

Миролюбіе, доходящее до идеи постепеннаго разоруженія, и общій подъемъ либерализма—таковы для Англіи несомнѣнные положительные результаты паденія русскаго могущества въ Европѣ. Король Эдуардъ VII является теперь главнымъ официальнымъ представителемъ идеи мира между государствами; его путешествія приобрѣтаютъ значеніе событій, усердно обсуждаемыхъ во всей европейской печати, и личная роль его во многихъ случаяхъ гораздо болѣе значительна, чѣмъ принято думать. При всей кажущейся ограниченности своихъ конституціонныхъ функций, англійскій король, въ согласіи съ своими официальными парламентскими совѣтниками, можетъ фактически весьма существенно вліять на общій ходъ политики и въ частности на разрѣшеніе щекотливыхъ международныхъ вопросовъ, что не всегда доступно такъ называемымъ неограниченнымъ или самодержавнымъ правителямъ, лишеннымъ живого и правильнаго общенія съ своимъ народомъ. Свиданіе короля Эдуарда VII съ императоромъ Вильгельмомъ II въ Кронбергѣ и Фридрихсгофѣ, 15 августа (нов. ст.), должно было имѣть серьезное политическое значеніе уже потому, что оно сопровождалось совѣщаніями, въ которыхъ участвовали официальные дипломаты, — постоянный секретарь англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, бывший посланникъ въ Петербургѣ, сэръ Чарльзъ

Гардингъ, британскій посланникъ въ Берлинѣ, сэръ Ласелль, и имперскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, Чиршкій. Комментаріи офиціозной прессы усиливали интересъ этого свиданія въ глазахъ европейской публики и давали матеріалъ для различныхъ догадокъ и предположеній, болѣе или менѣе правдоподобныхъ, а иногда совершенно произвольныхъ и фантастическихъ. Естественнѣе всего предположить, что оба монарха имѣли въ виду улучшить взаимныя отношенія своихъ государствъ и правительствъ, устранить раздѣляющія ихъ недоразумѣнія или разногласія и положить начало официальному сближенію между Англіею и Германіею въ интересахъ общаго мира. Король Эдуардъ VII обладаетъ всѣми данными для успѣшнаго выполненія миссіи миротворца: по своимъ родственнымъ связямъ онъ является авторитетнымъ дядюшкою главныхъ европейскихъ монарховъ, а своими личными качествами,—добродушіемъ, общительностью, житейскимъ опытомъ и тактомъ,—онъ легко вызываетъ симпатіи и сглаживаетъ всякія шероховатости въ личныхъ и національныхъ отношеніяхъ. Англійскій король, по конституціи, не можетъ сдѣлать ничего дурного или несправедливаго; если же отъ его имени совершается какая-нибудь неправда, то за нее отвѣчаютъ министры, безъ участія которыхъ не обходится ни одинъ официалъный актъ королевской воли. Огражденный такимъ образомъ отъ всякой отвѣтственности за ошибки или упущенія своего правительства, онъ стоитъ вышѣ и выше партійной борьбы, вышѣ политическихъ споровъ и общественной критики, такъ какъ за самый выборъ министровъ отвѣчаетъ, не онъ, а выдвинувшій ихъ парламентъ. Король Эдуардъ VII свободенъ отъ закулисныхъ совѣтниковъ, самозванныхъ спасителей отечества, льстивыхъ честолюбцевъ и интригановъ, обыкновенно окружающихъ неограниченнаго монарха; онъ не можетъ—и даже не можетъ желать—внезапно уволить министровъ, пользующихся довѣріемъ парламента и общественнаго мнѣнія, и замѣнить ихъ какими-нибудь ничтожными креатурами придворной клики; онъ не можетъ устраивать международныя дѣла и предпріятія по внушенію случайныхъ фаворитовъ, не можетъ самовольно затѣять разорительную войну, обременять государство долгами и отдавать народъ въ безконтрольное распоряженіе своихъ офицеровъ;—въ этомъ смыслѣ онъ ограниченъ не только законами и обычаями, но и своимъ собственнымъ чувствомъ долга передъ націею и отечествомъ; но, будучи ограниченъ въ правѣ причинять вредъ государству и народу по наущенію дурныхъ совѣтниковъ, онъ зато обладаетъ широкою свободою личной жизни и ничѣмъ не стѣсненъ въ исполненіи своихъ королевскихъ обязанностей. Послѣ дипломатическихъ бесѣдъ съ своимъ германскимъ племянникомъ, послѣ поѣздокъ на автомобилѣ въ Гомбургъ и по окрестностямъ

Фридрихсгофскаго замка, король Эдуардъ VII отправился для леченія въ Маріенбадъ, наравнѣ съ простыми смертными, и могъ тамъ спокойно совершать свои ежедневныя прогулки, безъ всякихъ исключительныхъ мѣръ охраны. Номинально неограниченный и самовластный турецкій султанъ фактически лишень этихъ важныхъ личныхъ правъ и преимуществъ; онъ вынужденъ жить затворникомъ въ своемъ Ильдизъ-кіоскѣ, въ обществѣ покорныхъ евнуховъ и исполнительныхъ слугъ, въ вѣчномъ страхѣ заговоровъ и покушеній. Кто изъ нихъ обоихъ въ сущности болѣе ограниченъ въ правахъ—турецкій султанъ или англійскій король? Не завидѣе ли въ тысячу разъ свободное существованіе короля Эдуарда, чѣмъ горделивое добровольное затворничество султана Абдуль-Гамида? Вся Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за извѣстіями о передвиженіяхъ и разговорахъ конституціоннаго англійскаго короля; неужели его дѣйствія возбуждали бы еще болѣшій интересъ или имѣли бы болѣе значенія, еслибы онъ оставался чуждъ своему народу и не признавалъ никакихъ народныхъ правъ, подобно турецкому падишаху? Король Эдуардъ VII, конечно, не промѣнялъ бы своего нынѣшняго спокойнаго и безопаснаго положенія на мнимую неограниченную власть правителя, вынужденнаго бояться своихъ собственныхъ подданныхъ; для самого монарха конституціонныя ограниченія только спасительны, и если они для кого-нибудь невыгодны, то только для его приближенныхъ. Англійскій король не располагаетъ ни государственнымъ казначействомъ, ни роскошно оплачиваемыми должностями; а не будь конституціи и парламента, онъ свободно раздавалъ бы великія казенныя милости своимъ придворнымъ, чиновникамъ и слугамъ. Но такъ какъ свободная раздача казенныхъ денегъ и мѣстъ нужна только тѣмъ, которые окружаютъ монарха, то всѣ страстные споры о конституціи вертятся въ сущности около предметовъ, не имѣющихъ никакой связи съ вопросомъ о монархическихъ или антимонархическихъ чувствахъ; истинные друзья монархіи, не имѣющіе заднихъ мыслей относительно безпрепятственнаго распредѣленія государственныхъ благъ, должны непремѣнно стоять за конституцію. И въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого всеобщаго уваженія и даже благоговѣнія къ царствующей династіи, какъ въ конституціонной Англіи, и ни одинъ монархъ не чувствуетъ себя такъ хорошо въ своемъ отечествѣ, какъ король Эдуардъ VII;—и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ народъ не управляется такъ справедливо и разумно, какъ англичане.

Вильгельмъ II, несомнѣнно, пользуется болѣе значительною реальною властью и играетъ болѣе крупную политическую роль, чѣмъ его англійскій дядя; но и личность его сама по себѣ—несравненно болѣе выдающаяся и самостоятельная, и потому проводить какую-нибудь

параллель между обоими монархами было бы не совсѣмъ удобно. Можно сказать только, что болѣе отвѣтственное и самостоятельное положеніе германскаго императора сопряжено съ такими трудностями и опасностями, какихъ не знаетъ англійскій король, и что значительная доля этихъ трудностей зависитъ отъ недостатковъ германской конституціи и отъ слабости прусскаго парламентаризма. Въ Пруссіи существуетъ парламентъ, но нѣтъ отвѣтственнаго правительства; то же самое видимъ мы и въ имперіи. И не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ порядокъ вещей вредно отражается и на составъ и дѣятельности правительства, и на интересахъ народа, и на положеніи самого монарха. Вмѣсто того, чтобы министры отвѣчали за короля, какъ въ Англіи, здѣсь наоборотъ, король отвѣчаетъ за министровъ и за всю администрацію. Всякая неудачная или непопулярная мѣра правительства, проводимая съ нѣкоторымъ упорствомъ, приписывается въ послѣднемъ счетѣ королю, ибо онъ назначаетъ министровъ по своему усмотрѣнію и внушаетъ имъ извѣстный способъ дѣйствій; если министръ или какой-нибудь крупный чиновникъ оказывается не на высотѣ положенія, то опять-таки невольно поднимаются толки о личныхъ ошибкахъ и слабостяхъ Вильгельма II, — и это вполне естественно и неизбежно, пока король и императоръ беретъ на себя выборъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, не заботясь объ общественномъ мнѣніи. Король выбираетъ своихъ должностныхъ лицъ преимущественно изъ чиновничьяго класса и изъ привилегированнаго дворянства, причемъ отдаетъ предпочтеніе военнымъ чинамъ передъ гражданскими; часто военные генералы назначаются на важные министерскіе посты, не имѣющіе ничего общаго съ военнымъ дѣломъ, и если большинство этихъ служебныхъ дѣятелей недурно справляется съ своими обязанностями и ведетъ себя умѣло даже передъ парламентомъ, то это объясняется прежде всего общимъ высокимъ образовательнымъ уровнемъ высшихъ классовъ нѣмецкаго общества. Съ другой стороны, крѣпкія традиціи честности и добросовѣстности, сохраняющіяся въ рядахъ прусскаго чиновничества, не позволяютъ укорениться сознательнымъ злоупотребленіямъ и отчасти парализуютъ недостатки и увлеченія отдѣльных лицъ; тѣмъ не менѣе, постоянно случаются непріятные инциденты, малозначительные сами по себѣ, но свидѣтельствующіе о какомъ-то скрытомъ антагонизмѣ между высшею администраціею и общественнымъ мнѣніемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нѣмецкая печать усердно занимается обсужденіемъ неправильныхъ поступковъ прусскаго министра земледѣлія, Подбѣльскаго, который, какъ раскрылось недавно, участвуетъ въ дѣлахъ одной коммерческой фирмы, получившей монополію на поставку разныхъ издѣлій и предметовъ обмундированія для колоніальныхъ войскъ; во

этому дѣлу уже арестованъ ближайшій организаторъ такихъ незаконныхъ поставокъ, служившій въ колоніальномъ управленіи, майоръ Фишеръ, но Подбѣльскій даже считалъ лишнимъ отвѣчать на настойчивыя обвиненія печати, ибо, въ качествѣ гусарскаго генерала, онъ пользуется особымъ покровительствомъ короля и не боится за прочность своего положенія. Произошелъ даже явный разладъ между канцлеромъ Бюловомъ и генераломъ Подбѣльскимъ, и временное торжество осталось за послѣднимъ: Бюловъ напечаталъ уже въ своемъ офиціозномъ органѣ, „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, что въ отвѣтъ на его предложеніе объясниться по поводу участія въ фирмѣ Типпельскирхъ Подбѣльскій заявилъ свою готовность выйти въ отставку; но Подбѣльскій печатно же опровергъ это сообщеніе въ другомъ офиціозномъ органѣ, утверждая, что министр-президентъ невѣрно понялъ его письмо, и что онъ, Подбѣльскій, вовсе не думалъ предлагать свою отставку, которая всецѣло и исключительно зависитъ отъ высшей власти. Канцлеръ Бюловъ, въ качествѣ прусскаго министра-президента, имѣлъ о дѣлѣ министра земледѣлія особый докладъ у короля и долженъ былъ послѣ этого самъ же сообщить въ газетахъ, что пока рѣшено отложить вопросъ о Подбѣльскомъ до окончанія судебного слѣдствія по дѣлу Фишера и Типпельскирха; такимъ образомъ, Подбѣльскій остался министромъ, несмотря на разоблаченія и нападки печати и даже вопреки печатному заявленію министра-президента. Понятно, что газетная полемика обратилась затѣмъ противъ самого короля, — конечно, съ соблюденіемъ извѣстной мѣры, чтобы не давать повода къ преслѣдованіямъ за оскорбленіе величества, — и не только законный авторитетъ короны, но и личная популярность Вильгельма II страдаетъ въ данномъ случаѣ, безъ всякой къ тому надобности. Изъ этого можно видѣть, что отсутствіе парламентской системы управленія представляетъ собою большое практическое неудобство и отчасти также источникъ серьезныхъ опасностей для монархіи.

Французскіе клерикалы поставлены въ крайне затруднительное положеніе прямолинейной отрицательной политикой римскаго папы: новая энциклика, отъ 10 августа, запрещаетъ примѣнять законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, какъ законъ безбожный и преступный, и признаетъ безусловно недопустимымъ образованіе „въроисповѣдныхъ ассоціацій“ въ какой бы то ни было формѣ, а между тѣмъ только этимъ ассоціаціямъ могутъ быть по закону переданы церковныя зданія, религіозныя принадлежности и имущества. Папа не предлагаетъ отъ себя никакого опредѣленнаго способа дѣйствій, чтобы обезпечить открытіе храмовъ для богослуженія въ теченіе установленнаго

закономъ годичнаго срока; онъ совѣтуетъ только „бороться въ защиту церкви, съ настойчивостью и энергіею, но безъ мятежнаго насилія“, однако „съ твердостью, способною сломить упорство враговъ“; для этого всѣ католики должны сплотиться воедино, по примѣру своихъ противниковъ: „подобно тому какъ тѣ сдумѣли наложить на націю клеймо этого позорнаго закона, наши сотрутъ его и заставятъ его исчезнуть силою своего согласія“. Но какъ достигнуть этой цѣли, какъ уничтожить законъ, предписывающій передачу храмовъ только ассоціаціямъ извѣстнаго рода, и какъ вести упорную борьбу безъ мятежа и насилія, — объ этомъ ничего не говорится въ папскихъ инструкціяхъ. Общій тонъ энциклики — необыкновенно рѣзкій и даже грубый, нисколько не напоминающій мягкаго и изящнаго стиля прежняго папы, Льва XIII; это скорѣе ругательный стиль знаменитаго Пія IX, котораго теперешній папа принялъ какъ будто за образецъ. Французскіе епископы были вообще склонны подчиниться закону, осуждая его въ принципѣ; они придумывали уже такіа формы религиозныхъ ассоціацій, которыя совмѣстимы были бы съ интересами и идеями римской церкви, и архіепископъ Безансонскій выработалъ въ этомъ духѣ обстоятельный проектъ, который и подлежалъ обсужденію на общемъ епископскомъ конгрессѣ. Эти попытки компромисса сразу устраняются папскою энцикликою, безъ замѣны ихъ какими-нибудь другими комбинаціями, и церковная борьба, казавшаяся уже затихшею во Франціи, обѣщаетъ опять разгорѣться съ новою силою. Авторитетъ римскаго папы не подвергается сомнѣнію въ массѣ французскихъ католиковъ и признается безусловно обязательнымъ для вѣрующихъ; французскіе епископы заранѣе объявили, что покорно примутъ къ точному руководству указанія святѣйшаго отца, и такимъ образомъ данный изъ Рима боевой сигналъ можетъ въ ближайшемъ будущемъ привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, — печальнымъ не только для французской республики, но и для римской церкви. Воззваніе Пія X, обращенное къ французскимъ гражданамъ, представляетъ собою въ сущности чисто революціонную прокламацію; оно третируетъ французскихъ правителей и всѣхъ вообще республиканцевъ, какъ враговъ, съ которыми необходимо воевать безпощадно; оно требуетъ отъ французовъ прямого неповиновенія законамъ и выражаетъ ничѣмъ не прикрытыя злобныя чувства къ людямъ, не раздѣляющимъ убѣжденій и взглядовъ римской католической іерархіи. Папа Пій X обязываетъ французовъ заступиться не за христіанскую вѣру, не за свободу религиознаго богослуженія, а преимущественно за церковныя имущества, за неприкосновенность правъ духовенства и римской церкви; во всей энцикликѣ не чувствуется ни слѣда истинной религіи, и она производитъ вообще тягостное впечатлѣніе на всякаго

безпристрастнаго читателя. Французское правительство, разумѣется, не можетъ отнестись равнодушно къ такому воинственному вызову римскаго папы; большинство французскихъ республиканцевъ охотно займется изобрѣтеніемъ дальнѣйшихъ мѣропріятій противъ духовенства и іезуитовъ—и никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ взаимнаго и всеобщаго раздраженія, при этомъ не предвидится. Религіозное чувство также не поднимется отъ подобныхъ призывовъ къ борьбѣ, и церковь рискуетъ оставить свою паству безъ храмовъ и безъ богослуженія, если останется вѣрною возвѣщенной Ватиканомъ программѣ. Весьма возможно, что вліятельные французскіе клерикалы постараются истолковать папскія инструкціи безъ ущерба для интересовъ религіознаго мира и что на этой почвѣ возникнетъ внутренній разладъ среди различныхъ элементовъ французскаго духовенства, — разладъ, болѣе или менѣе опасный для внѣшняго единства католической церкви во Франціи.

На Балканскомъ полуостровѣ національно-политическія отношенія все болѣе запутываются: взаимное соперничество и вражда различныхъ племенъ оттѣснили на задній планъ старый вопросъ объ освобожденіи отъ турецкаго гнета. Болгарія попрежнему играетъ руководящую роль въ балканскихъ дѣлахъ; она съ терпѣливою упорною энергіею расширяетъ свое вліяніе въ пограничныхъ турецкихъ областяхъ, внимательно слѣдитъ за движеніемъ въ Македоніи, дѣятельно охраняетъ свои интересы передъ Турціею и другими державами, и заставляетъ вообще забывать о своей вассальной зависимости отъ турецкаго султана. Сербія перестала спорить о первенствѣ съ Болгаріею; будучи номинально независимою, она постоянно чувствуетъ на себѣ давленіе могущественнаго австрійскаго сосѣдства и вынуждена подчиняться даже явно неправильнымъ и произвольнымъ требованіямъ вѣнскаго кабинета: недавно еще австрійское правительство, при переговорахъ о новомъ торговомъ трактатѣ съ Сербіею, ставило обязательнымъ условіемъ, чтобы сербское военное вѣдомство дѣлало свои военные заказы въ Австріи, и уклоненіе отъ этихъ невыгодныхъ заказовъ было признано достаточнымъ поводомъ къ принятію такой чувствительной для сербовъ мѣры, какъ закрытіе австрійской границы для ввоза сербскихъ свиней, составляющихъ главный предметъ сербскаго экспорта. Само правительство Сербіи не обнаруживаетъ признаковъ политической устойчивости и выдержки, что зависитъ отчасти и отъ личнаго характера короля Петра; до сихъ поръ еще не сходитъ со сцены странный вопросъ о привилегированномъ положеніи офицеровъ, участвовавшихъ въ убійствѣ короля Александра, и въ проектъ новаго закона о печати—если вѣрить появившимся о немъ газетнымъ

сообщеніямъ—включенъ даже особый параграфъ, запрещающій обсуждать въ ту или другую сторону этотъ кровавый эпизодъ новѣйшей сербской исторіи. Неудивительно поэтому, что о Сербіи приходится теперь рѣдко говорить по поводу общаго балканскаго кризиса, который въ послѣднее время принимаетъ характеръ какой-то озлобленной племенной борьбы.

Въ Македоніи и въ другихъ мѣстахъ происходятъ уже не стычки возставшихъ христіанъ съ турецкими солдатами и вообще мусульманами, а жестокія битвы христіанъ между собою, сраженія грековъ съ болгарами и купо-валахами, истребительные набѣги греческихъ отрядовъ на болгарскія села, и наоборотъ. нападенія болгаръ на грековъ; организаторами и подстрекателями этой убійственной національной травли являются во многихъ случаяхъ представители греческаго духовенства, которое примѣшиваетъ къ политическому соперничеству свои старые счеты съ отдѣлившимся отъ вселенскаго патріаршества болгарскою церковью. Недавно, на территоріи Болгарскаго княжества, было почти уничтожено мѣстечко Анхіало, недалеко отъ Бургаса, у Чернаго моря, послѣ неоднократныхъ кровавыхъ столкновеній между мѣстными греками и болгарами; греческій монастырь, находящійся по близости, былъ занятъ военнымъ болгарскимъ отрядомъ, захватившимъ въ немъ значительные запасы оружія; окрестные болгарскіе крестьяне стали посѣщать монастырь, который прежде былъ для нихъ закрытъ, и этимъ вызвали негодованіе греческаго населенія Анхіало; греки устроили засаду по дорогѣ къ монастырю и стрѣляли въ проходившихъ болгаръ; собралась большая толпа болгарскихъ крестьянъ, чтобы преслѣдовать грековъ, скрывшихся въ церкви и другихъ зданіяхъ мѣстечка; стрѣльба съ обѣихъ сторонъ окончилась настоящимъ штурмомъ со стороны болгаръ; произошелъ пожаръ, истребившій болѣе восьмисотъ домовъ, двѣ церкви и одну мечеть. Многіе греки погибли, и въ числѣ оставшихся въ живыхъ оказался руководитель всего дѣла, горячій защитникъ монастыря отъ болгарскихъ посягательствъ, епископъ Василій. Болгарское княжество не можетъ справиться съ разгорѣвшимся національнымъ движеніемъ противъ грековъ; Греція съ своей стороны безсильна, а международный европейскій контроль фактически не существуетъ. Европѣ теперь не до балканскихъ дѣлъ,—а между тѣмъ дипломатія великихъ державъ все-таки имѣетъ извѣстные обязательства относительно народностей ближняго Востока.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— *John Galsworthy. „The Man of Property“. Сrp. 376. London, 1906. (W. Heinemann).*

Въ Англіи появился въ текущемъ году романъ, заслуживающій особаго вниманія искреннимъ и своеобразнымъ изображеніемъ англійскаго національнаго характера. Это „The Man of Property“ („Собственникъ“) молодого еще писателя, Джона Гольсворси. Если слѣдуетъ говорить о „инколѣ“, разсматривая писателя вполне самобытнаго, преслѣдующаго свои обособленныя идейныя цѣли, то Гольсворси слѣдуетъ причислить къ послѣдователямъ Мередита. Подобно Мередиту, онъ занятъ психологіей самоувѣренныхъ преуспѣвающихъ англичанъ зажиточныхъ классовъ. Онъ изображаетъ ихъ національныя черты, т.-е., главнымъ образомъ, цѣльность этихъ островитанъ, ихъ рѣзкій и твердый индивидуализмъ, столь различный отъ болѣе сложной психологіи континентальныхъ націй, съ ихъ противорѣчіями, неожиданностями въ дѣйствіяхъ и чувствахъ, съ ихъ безотчетными порывами. Цѣльность англичанъ проявляется съ наибольшей силой въ людяхъ, не поглощенныхъ борьбой за существованіе, имѣющихъ досугъ и просторъ для жизни, соответствующей ихъ понятіямъ и традиціямъ. Поэтому Мередитъ изучаетъ англичанъ въ лицѣ представителей родовой аристократіи. Гольсворси, напеминающій отчасти Мередита своей склонностью къ сжатымъ и выразительнымъ психологическимъ формуламъ, изображаетъ другой, болѣе характерный для общей англійской жизни классъ—высшую буржуазію, то, что въ Англіи называется „вышнимъ среднимъ классомъ“ (upper middle class). Изъ характеристики этого класса Гольсворси дѣлаетъ интересные выводы въ смыслѣ опредѣленія устоевъ англійской жизни, того, что въ ней неизблемо—и что своей неизблемостью идетъ въ ущербъ духовному росту страны.

„Собственникъ“—второй романъ Гольсворси. Ту же среду, среднее англійское общество, необыкновенно самоувѣренное, живущее условными понятіями и, главное, неизблемое, стойкое. Гольсворси изображалъ уже въ „Островѣ фарисеевъ“. Но онъ не умѣлъ справиться въ первомъ романѣ съ обиліемъ матеріала, и дѣйствіе его слишкомъ загромождено эпизодами, подробностями. Эти недостатки въ значительной степени сглажены въ новомъ его романѣ, и критика справедливо отвѣтила его большими похвалами художественному таланту ав-

тора, его умѣнью изображать типичныя фигуры „солидных“ англичанъ.

Идейная тема романа Гольсворси—представить жизнь англійскихъ буржуа со стороны ея паюса, ея идеаловъ и святыхъ. Для этого онъ изображаетъ ихъ борьбу съ силами, враждебными ихъ интересамъ.

Въ центрѣ романа изображена типичная семья Форситовъ—и имъ противопоставлены люди иной стихійности. Они сталкиваются на самомъ существенномъ для Форситовъ вопросѣ—на вопросѣ о собственности въ различныхъ значеніяхъ этого понятія; результаты столкновения и характеризуютъ жизнь націи. Форситы, представители „высшаго среднего класса“, создаютъ стиль житейскаго обихода, совершенствуютъ формы жизни. Когда имъ встрѣчаются на жизненномъ пути люди страсти, люди съ жаждой внутреннихъ удовольствій и равнодушные къ формамъ, къ внѣшнему „чину“ жизни, то неминуемо должна загорѣться борьба: Форситы чувствуютъ въ этихъ людяхъ враждебную силу и не могутъ успокоиться, не сломивъ ее. И таковы условія англійской жизни, что побѣду одерживаютъ они, Форситы.

Семья, изображенная въ романѣ Гольсворси, до того національна, что въ своей дифференціи утрачиваетъ общечеловѣческія черты. Это не Ругонъ-Макары, всемірные типы всѣхъ чловѣческихъ подъемовъ и паденій, а плодъ исключительнаго индивидуалистическаго развитія островитянъ. Въ этомъ въ сущности главный интересъ романа. Нужно представить себѣ именно этихъ людей, проникнуться ихъ самосознаніемъ, ихъ безграничнымъ равнодушіемъ ко всему, что выходитъ за предѣлы ихъ горизонта, чтобы понять, до какого совершенства внѣшней формы можетъ быть доведена жизнь, а какъ цѣлыя поколѣнія могутъ по инерціи жить завѣтами чиннаго декоративнаго существованія. И эта жизнь имѣетъ свой паюсъ, который Гольсворси и раскрываетъ въ своемъ романѣ.

Для того, чтобы ярче изобразить силу своихъ типичныхъ представителей высшаго среднего класса, членовъ семьи Форситовъ, Гольсворси выводитъ на сцену стариковъ, уже доказавшихъ жизненность своихъ принциповъ. Они стоятъ на высотѣ и озираются спокойно назадъ, на пройденную жизнь. Старшему изъ нихъ, Жюліону Форситу, восемьдесятъ слишкомъ лѣтъ. О смерти онъ еще и не помышляетъ, хотя, конечно, завѣщаніе его въ полномъ порядкѣ. Форситы такъ крѣпки и стойки, что смерть какъ будто не рѣшается коснуться ихъ. Никто изъ старшаго поколѣнія еще не умеръ; всѣ они такъ оберегаютъ здоровье и спокойствіе духа, что почти не чувствуютъ старости. Жюліонъ Форситъ продолжаетъ, какъ и прежде, соблюдать церемоніалъ жизни и относится любовно ко всѣмъ подробностямъ. Онъ довелъ до совершенства культъ жизненныхъ формъ. Уже отецъ его,

переселившись изъ деревни въ городъ, разбогатѣлъ, занявшись строительствомъ, и оставилъ сыновьямъ большое состояніе. Онъ привилъ имъ семейную черту — обостренный инстинктъ собственности. Жоліонъ Форситъ—дѣлецъ. Онъ ведетъ свои дѣла въ Сити на очень широкую ногу, и къ старости у него огромное состояніе, которое его радуетъ, какъ своего рода залогъ вѣчности. Это—то, что въ его жизни священо, что его переживетъ: поэтому, вопросу о завѣщаніи, также какъ всякому приобрѣтенію дорогихъ предметовъ, украшенію дома, онъ придаетъ чрезвычайно важное значеніе. Это—культъ жизни, культъ собственности, переходящей изъ рода въ родъ. Въ личной жизни Жоліонъ Форситъ по-своему прекрасенъ своей цѣльностью, своимъ спокойнымъ индивидуализмомъ, тѣмъ, что его собственныя желанія и мысли для него законъ. Онъ не замѣчаетъ возраженій, не видитъ препятствій своей волѣ. Его привязанности сосредоточены на семьѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ его любви къ собственности является любовь къ младшимъ поколѣніямъ, къ дѣтямъ, къ продолжателямъ рода, будущимъ собственникамъ его собственности. У него была тяжелая минута въ жизни. Его единственный сынъ бросилъ жену и дочь, влюбившись въ другую женщину, въ гувернантку, и этимъ грубымъ нарушеніемъ семейной „респектабельности“ порвалъ всѣ нити съ родней. Старикъ Жоліонъ отрезалъ отъ него для того, чтобы сосредоточить свои заботы на его дочери. Когда мать дѣвочки умерла, онъ взялъ къ себѣ маленькую Джуэ, и теперь внучка живетъ постоянно у него въ домѣ. Онъ балуетъ ее и радуется проявленію въ ней семейныхъ чертъ самостоятельности и рѣшительности. Ко всѣмъ братьямъ и ихъ семьямъ Жоліонъ относится скорѣе холодно,—сентиментальность не въ нравахъ и принципахъ Форситовъ,—но онъ объединенъ съ ними чувствомъ солидарности, культомъ семейной собственности. Удовольствія жизни—общество, хорошій столъ, театръ,—потеряли для него остроту прежнихъ лѣтъ, но онъ продолжаетъ жить по прежнему плану съ корректностью, замѣняющей всякое иное отношеніе къ жизни. Другіе его братья представляютъ каждый другую разновидность эгоистическаго стяжательства. Но всѣ они солидарны въ твердости принциповъ, въ презрѣніи къ стоящимъ внѣ ихъ жизненной сферы. Одинъ братъ, толстякъ Свитонъ, остался холостякомъ. Ему семьдесятъ лѣтъ, онъ давно ничего не дѣлаетъ, коллекционируетъ произведенія искусства, ничего въ искусствѣ не смысля, живетъ праздною жизнью клубмена и—главное — бережетъ свое здоровье и свое душевное равновѣсіе. Его братъ Джемсъ не такъ спокоенъ. У него большая семья и съ этимъ связаны разныя столкновенія, непріятности; но онъ тоже совершенно твердъ, руководствуясь во всемъ семейнымъ принципомъ—культомъ собственности. Есть еще сестры, престарѣлыя дѣвы, одна

вдова и младшіе братья—самому младшему, впрочемъ, подъ пятьдесятъ. Эта семья, связанная своими дѣлами съ интересами имущихъ классовъ Лондона, охватываетъ собой всѣ круги общества; члены ея заняты только событіями въ своемъ тѣсномъ кругу и принимаютъ къ сердцу только то, что входитъ въ жизненный обиходъ другихъ Форситовъ, изъ которыхъ составляется общество. Они относятся скорѣе недружелюбно другъ къ другу, но соблюдаютъ при этомъ солидарность общихъ интересовъ своего клана и преисполнены самодовольства и вѣры въ себя. „Форситы“,—объясняетъ авторъ отъ лица одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа,—„это половина Англіи и наиболѣе солидная ея половина; Форситы—это тѣ, на кого можно положиться, тѣ, которые живутъ трехпроцентными государственными бумагами. Именно ихъ богатство и твердость положенія создаютъ твердую почву для всего, для развитія искусства, литературы, науки,—даже религіи. Безъ Форситовъ, которые сами ни во что не вѣрятъ, но изъ всего извлекаютъ пользу, ничего нельзя было бы осуществить въ искусствѣ. Форситы—посредники между производителями и потребителями въ духовной жизни; они—коммерсанты, столпы общества; они—душа всякой условности, они—во главѣ всего, чѣмъ восторгаются въ Англіи“.

Это общее опредѣленіе служить фономъ для дѣйствія романа; оно подтверждается красочнымъ и разработаннымъ въ деталяхъ изображеніемъ жизни братьевъ Форситовъ. Общія черты всѣхъ Форситовъ и рѣзкая индивидуальность каждаго вырисовываются въ ихъ общеніи между собой и въ отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Очень характерны изображенныя въ романѣ пиршества у Форситовъ по поводу разныхъ семейныхъ событій, приемъ у старика Жюліона, обѣдъ для родныхъ у холостяка Свитона, ѣда по всѣмъ традиціямъ стараго англійскаго стола, болѣе плотнаго, нежели тонкаго (по мнѣнію младшаго поколѣнія, этому столу недостаетъ фантазіи и легкомыслія французской кухни). Характерны ихъ разговоры о здоровьи, о докторахъ, съ видомъ неприступнаго превосходства, согласное, не допускающее возраженій, осужденіе всего непохожаго на нихъ самихъ, злословіе на твердой основѣ разъ навсегда установленныхъ принциповъ, затѣмъ своеобразное покровительство искусству въ видѣ пріобрѣтенія всего дорогаго, слѣдовательно цѣннаго, щеголяніе другъ передъ другомъ пріобрѣтеніями. Во всѣхъ ихъ разговорахъ есть одна неизбѣжная тема,—толки о томъ, насколько каждый членъ семьи приумножилъ свое состояніе. Это—то, что для нихъ самое главное, и что ихъ исключительно интересуетъ. Въ понятіе о собственности входитъ не только денежный капиталъ. Форситы высоко цѣнятъ все, что имъ принадлежитъ, свои дома, свои картины, своихъ женъ и дѣтей, и становятся безпощадны, когда кто-нибудь оспариваетъ у нихъ что-либо

изъ ихъ имущества. Тогда выступаетъ во всѣхъ нихъ духъ солидарности, тогда всѣ они — собственники прежде всего, — и плохо приходится тому, кто посягнулъ на ихъ священный принципъ собственности.

Въ этой характеристикѣ англійской высшей буржуазіи любопытно отличие ея отъ буржуазіи другихъ странъ. Вездѣ буржуа, прежде всего, некрасивы своимъ суетливымъ характеромъ выскочекъ, неуверенныхъ въ себѣ и потому хвастливыхъ, дѣлающихъ все на показъ. А французская буржуазія, кромѣ того, извѣдена пороками и безпринципной погоней за удовольствиями: грубое обжорство и мелкій развратъ характеризуютъ низшіе ея слои; тѣ же черты, только доведенныя до наибольшей утонченности, — высшіе. И этой необузданностью матеріальныхъ интересовъ континентальная буржуазія обрекаетъ себя на гибель, растративая свою жизнеспособность, вырождаясь — и, быть можетъ, выполняя именно этимъ свое назначеніе. Особенность англійскаго „высшаго средняго класса“, тѣхъ Форситовъ, которыхъ изображаетъ Гольсворси въ своемъ интересномъ романѣ, — въ томъ, что они обладаютъ большою жизненностью. Они живутъ чисто и нравственно — это главное; они абсолютно порядочны; они такъ спокойны въ сознаниіи своего превосходства и своей силы, что совершенно не ведутъ показного существованія, а живутъ для себя, неустанно заботясь о физическомъ здоровьи и о выработкѣ душевнаго равновѣсія, своего и своихъ дѣтей. Они — столпы; они поощряютъ культурное творчество вокругъ себя, поскольку оно не нарушаетъ незыблемости ихъ устоевъ, и такимъ образомъ сильны тѣмъ, что правы передъ самими собой. У нихъ есть своя историческая роль — усовершенствованіе формъ жизни, пользованіе всѣмъ, что создаетъ культура; у нихъ есть свой пафосъ, культъ собственности, обеспечивающей „чинность“ жизни. Всю эту положительную сторону англійской буржуазіи Гольсворси съ большою ясностью изображаетъ въ своемъ романѣ, не впадая въ обличительный тонъ, столь обычный въ лучшихъ англійскихъ романахъ, когда рѣчь идетъ о жизни имущихъ классовъ, — и въ то же время не раздѣляя ихъ идеаловъ, подобно большинству среднихъ романистовъ, имѣющихъ въ виду вкусы средней читающей публики. Выяснивъ всѣ права своихъ Форситовъ на ихъ положеніе въ обществѣ и въ національной жизни, изобразивъ ихъ со всѣмъ, что въ нихъ есть привлекательнаго и, главное, декоративнаго, онъ тѣмъ убѣдительнѣе возстаетъ противъ того, что превращаетъ ихъ въ мертвящую силу. Въ нихъ нѣтъ жизненнаго творчества — вотъ проклятіе англійскихъ Форситовъ. Формы жизни доведены ими до совершенства, ихъ общественная нравственность и чистота ихъ частной жизни безупречны; но они и только стоятъ на мѣстѣ, но являются органическими врагами

жизненнаго творчества, всего, что мѣняетъ направленіе русла, въ которомъ имъ такъ бездумно, такъ почтенно и такъ пріятно живетъ. А такъ какъ они сильны, здоровы тѣломъ и духомъ, то и борются успѣшно, отыскивая свой идеалъ жизни—права собственности и собственникова. Во имя творчества жизни слѣдовало бы желать, чтобы классъ этотъ былъ менѣе живучимъ и крѣпкимъ. Именно своимъ безпристрастнымъ изображеніемъ классовой психологіи Форситовъ авторъ „Собственника“ порождаетъ отрицательное отношеніе къ этимъ „столпамъ общества“.

Событія, изображенные въ романѣ, характеризуютъ именно мертвенность жизненнаго принципа Форситовъ, т.-е. культа собственности. Они сталкиваются именно на этой почвѣ съ людьми другого внутренняго міра, съ людьми творческой души и творческой воли, и между ними происходитъ роковая борьба. Къ ней и сводится фабула романа: внучка старика Жоліона Форсита, своевольная Джунъ, полюбила молодого архитектора Бусинэ. Онъ совершенно не подходитъ къ идеалу семьи, такъ какъ не только самъ не „собственникъ“, но съ легкомысліемъ относится къ принципу собственности, къ условнымъ приличіямъ, къ священному чину жизни. Но Жоліонъ знаетъ, что внучка его упряма и всегда настоитъ на своемъ, и поэтому соглашается сразу на помолвку ея съ Бусинэ,—заранѣе говоря, однако, что пока у него не будетъ обезпеченнаго положенія, свадьбы не будетъ. Поддерживать лѣтъ неимущихъ своимъ состояніемъ—противно принципамъ Форситовъ. Вся семья собирается въ полномъ составѣ на праздникъ помолвки Джунъ, и всѣ сразу чувствуютъ въ Бусинэ „не своего“. Всѣ искренно возмущены небрежностью его костюма и манеръ, и всѣ согласны въ порицаніи своевольнаго, необдуманнаго поступка Джунъ. На вечеръ къ Жоліону является также и сынъ одного изъ братьевъ, Джемса, Сомсъ Форситъ съ своей молодой женой Иреной. Она необыкновенно красива, и странное соединеніе золотисто-рыжихъ волосъ съ темно-кариими глазами составляетъ ея особую привлекательность. Она возбуждаетъ общіе восторги, куда бы она ни являлась, и мужу ея это только пріятно: этой собственностью онъ гордится больше всего, хотя она для него—источникъ большихъ страданій. Ирена согласилась стать его женой послѣ очень долгаго настойчиваго ухаживанія съ его стороны и очень неохотно. Онъ знаетъ, что она его не любитъ, но все-таки надѣется покорить ее. Въ семьѣ къ Сомсу относятся съ недоброжелательствомъ, потому что онъ богаче всѣхъ и потому что онъ поступилъ такъ непрактично, женившись съ урономъ для своего самолюбія. Исторія ихъ брака—не тайна для другихъ. Ирена въ дружбѣ съ Джунъ, и смѣлая, рѣшительная дѣвушка все совѣтуетъ ей разойтись съ мужемъ, котораго она, при всемъ стараніи, не можетъ полюбить. Ирена не такъ рѣшительна. Она знаетъ, что Сомсъ не дастъ

ей свободу, а на борьбу она не способна, и продолжает тянуть невозможное по существу положение.

Бусинэ и Ирена — родственные души. Для Ирены нѣтъ жизни вѣкъ любви, и молодой архитекторъ тоже живетъ сильными ощущеніями, свободенъ въ своихъ художественныхъ замыслахъ и въ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ. Онъ сразу чувствуетъ влеченіе къ подругѣ своей невѣсты, и случай — въ лицѣ мужа Ирены — способствуетъ ихъ сближенію. Джуль все подговариваетъ своихъ дядей строить дома и поручить работу ей жениху, что ускорило бы ея свадьбу. Старшіе дяди не поддаются ей, но мысль о постройкѣ загороднаго дома приходитъ въ голову Сомсу. Онъ надѣется, что, устроивъ Иренѣ пріятное, соответствующее ея артистическому вкусу жилище подальше отъ города, онъ возбудитъ въ ней привязанность къ семейному углу и къ мужу. Сомсъ ѣдетъ съ Бусинэ на выбранное имъ мѣсто, — и постройка дома становится фактомъ. При этомъ практическія желанія Сомса приобрѣсть самое дешевое мѣсто и вообще соблюсти экономію разбиваются о широкіе замыслы архитектора. Смѣлость Бусинэ, безденежнаго, но презирающаго деньги художника, импонируетъ Сомсу, и онъ соглашается на всѣ смѣты, чувствуя себя во власти этого человѣка, въ которомъ инстинктивно чувствуетъ врага. Начинается постройка дома; Бусинэ дѣлается частымъ гостемъ въ домѣ Сомса, и постройка дома подвигается параллельно съ развитіемъ драмы въ семьѣ Сомса. Ирена и Бусинэ роковымъ образомъ полюбили другъ друга. Джуль чувствуетъ отчужденіе жениха и глубоко страдаетъ; Сомсъ тоже начинаетъ понимать, что Ирена равнодушна къ архитектору. Но, оставаясь джентльменомъ, онъ не подозреваетъ жену, не мѣшаетъ ей встрѣчаться съ Бусинэ. Любовь Ирены и архитектора — скрытая. Они оба какъ въ западѣ, за ними зорко слѣдитъ — если не самъ Сомсъ, то вся семья; каждая ихъ встрѣча имѣетъ случайныхъ свидѣтелей, комментируется. У нихъ нѣтъ силы сдѣлать рѣшительный шагъ, и они мечутся, беззащитные въ своей страсти, среди холодныхъ властныхъ „хозяевъ положенія“ — Форситовъ. Сомсъ не желаетъ уступить свою собственность: онъ долженъ сразиться съ Бусинэ, и это происходитъ какъ разъ на той почвѣ, на которой онъ, Форситъ, сильнѣе. У нихъ дѣловые отношенія. Бусинэ хочетъ построить идеально прекрасный домъ, достойный красоты Ирены, и полетъ его художественныхъ замысловъ не можетъ удержаться въ предѣлахъ смѣты Сомса. Нѣсколько разъ между ними происходятъ споры, и всякій разъ Бусинэ одерживаетъ верхъ тѣмъ, что отказывается продолжать строить. Пока дѣло идетъ только о постройкѣ, Сомсъ, какъ ему ни тяжело, уступаетъ и позволяетъ архитектору не стѣсняться въ расходахъ. Но когда его любовь къ Иренѣ становится предметомъ общихъ разговоровъ, когда Ирена

говорить мужу о разводѣ, онъ окончательно выходитъ изъ себя, и тогда въ рыцарѣ культурной Англіи просыпается грубый звѣрскій инстинктъ стяжательства. Онъ мститъ женѣ тѣмъ, что, придравшись къ дальнѣйшему перерасходу Бусинэ въ 500 фунтовъ стерл., взыскиваетъ съ него по суду эти деньги, зная, что ему нечѣмъ заплатить, съ единственной цѣлью разорить и погубить его. Въ то же время, среди своей отчаянной борьбы за право собственности, онъ окончательно отталиваетъ жену грубымъ поведеніемъ съ ней. Она уходитъ изъ дому—ее видятъ въ обществѣ Бусинэ наканунѣ разбора дѣла между нимъ и Сомсомъ. Дѣло рѣшается въ пользу Сомса, но Бусинэ уже не узнаетъ о томъ, что онъ разоренъ. Онъ шелъ по улицѣ, разставшись съ Иреной, послѣ того какъ она рассказала про грубость мужа, и, не обращая вниманія на дорогу, попалъ въ туманъ подь дилижансъ. Его привозятъ въ больницу уже мертвымъ, и только на слѣдующій день всѣ узнаютъ о гибели того, кто сталъ тигаться съ Форситами. Онъ погибъ отъ несчастнаго случая, но это—символическое указаніе на невозможность бороться съ сильными „собственниками“. Ирена, какъ раненный звѣрь, приходитъ обратно въ домъ мужа. Сомсъ застаётъ ее у камина, вернувшись домой. Онъ знаетъ теперь про ея близость къ погибшему, знаетъ, что слѣдуетъ прогнать ее съ позоромъ изъ его дома, но чувствуетъ, что не можетъ побѣдить своей любви къ ней. Онъ страдаетъ отъ необычной для Форсита сложности чувствъ, но въ концѣ концовъ онъ побѣждаетъ обстоятельства, проникаясь сознаниемъ, что главное—быть хозяиномъ, собственникомъ. Ирена—его жена, они не разведены, и все должно остаться попрежнему.

Эта драма, разрѣшающаяся пораженіемъ двухъ импульсивныхъ и беззащитныхъ натуръ, стоитъ въ центрѣ романа. Къ ней примыкаютъ другіе эпизоды, исторія Джунъ, жертвы трагическаго столкновенія, исторія старика Жоліона, который въ концѣ жизни проявляетъ сильную индивидуальную волю и, вопреки общему осужденію своего сына, отца Джунъ, мирится съ нимъ и дѣлаетъ его, Джунъ и дѣтей сына отъ второго брака наслѣдниками своего огромнаго состоянія. Онъ видитъ въ сынѣ умѣнье подчинять себѣ жизнь и „выдерживать стиль“, каковы бы ни были преграды и обстоятельства. Это—то, что составляетъ силу собственниковъ-Форситовъ. И Жоліонъ Форситъ младшій, сынъ старика, продолжить расу „собственниковъ“—*man of property*, какъ прозвали въ семьѣ Сомса послѣ постройки злополучнаго геликопнаго дома. Таковъ этотъ романъ, объясняющій психологію той англійской буржуазіи, съ которой такъ трудно бороться, потому что она обладаетъ добродѣтелями, здоровьемъ и силой, но которую необходимо побороть, чтобы расчистить дорогу жизненному творче-

ству. Съ нею и борется въ Англіи все, идущее противъ традиционныхъ устоевъ, все единичное, мятежное.

II.

Saint Georges de Bouhelier. „Le Roi sans couronne“. Pièce en 5 actes. Paris, 1906. (Libr. Charpentier et Fasquelle).

Въ сложные историческіе моменты, когда въ общественной жизни сталкиваются для роковой борьбы враждебныя жизненныя силы, въ литературѣ наблюдается изобиліе „учителей жизни“,—не отвлеченныхъ философовъ, изучающихъ законы познанія, не метафизиковъ, занятыхъ скрытыми законами бытія, далекими отъ переживаемаго момента, а писателей, отвѣчающихъ на самый жгучій вопросъ: какъ быть сейчасъ, какой правдой жить, какую программу дѣйствія начертать себѣ. Главное, какую программу. Нане время—одинъ изъ такихъ моментовъ. Культурный міръ въ мукахъ разрѣшаетъ назрѣвшій социальный вопросъ,—вопросъ объ общественной справедливости, и съ нимъ столкнулся другой вопросъ неизмѣримой важности—индивидуализмъ въ его острыхъ формахъ, вопросъ о творческой свободной личности, попирающей требованія равенства. На одномъ изъ этихъ двухъ полюсовъ стоятъ всѣ современные „учителя“, и каждый, кто приходитъ съ новымъ словомъ, произноситъ его именно на одномъ изъ этихъ двухъ полюсовъ, т.-е. проповѣдуетъ или нивелирующую истину общественной справедливости, или богатство жизни, связанное съ преобладаніемъ личной силы. И параллельно съ этимъ проповѣдуютъ или завоевательную борьбу сознавшихъ свои права—или мирное совершенствованіе путемъ идейнымъ, а не насильственнымъ, путемъ созидающей любви, а не разрушительнаго гнѣва.

Все лучшее, что создается въ современной литературѣ разныхъ странъ, связано съ этими вопросами, и всякое искреннее произведеніе, вдохновленное желаніемъ разрѣшить именно этотъ коренной вопросъ, заслуживаетъ вниманія. Къ этой очень современной идейной литературѣ принадлежитъ и драма молодого французскаго писателя, Жоржа де-Буалье, „Король безъ вѣнца“ (*Le Roi sans couronne*). Сценическія достоинства этой драмы—спорныя. Въ очень искреннемъ предисловіи автора къ печатному изданію пьесы слышится отголосокъ газетныхъ полемикъ по поводу ея постановки въ *Théâtre des Arts*. Авторъ утверждаетъ, что драма его имѣла успѣхъ у демократической части публики; „верхи“ слушали ее съ захватывающимъ интересомъ. Этому вполне можно повѣрить. При чтеніи основная мысль драмы,

многія положенія и лиризмъ отдѣльныхъ сценъ производятъ сильное впечатлѣніе. Другія сцены расколаживаютъ своей смутностью. Какъ цѣльная драма, пьеса Буалье не удовлетворяетъ читателя. Она разбита на чрезмѣрное количество отдѣльныхъ эпизодовъ. И кромѣ того ея внутренній недостатокъ—въ отсутствіи догматизма. Авторъ не настаиваетъ на одной правдѣ, не утверждаетъ опредѣленнаго принципа, а воплощаетъ нѣсколько истинъ въ борьбѣ, оставляя все подѣ знакомъ вопроса. У автора „*Roi sans couronne*“ есть свои теоріи относительно драмы и трагедіи, и онъ излагаетъ ихъ въ концѣ книги въ формѣ письма къ Катюлю Мендесу. Но сама драма значительнѣе его теорій, и при своихъ большихъ недостаткахъ представляетъ и большой интересъ. Изъ Франціи рѣдко раздаются призывы къ созиданію новыхъ жизненныхъ устоевъ, къ духовному совершенствованію. Франція—страна художественнаго вкуса; она перерабатываетъ творческія мысли другихъ народовъ въ общечеловѣческое достояніе,—въ этомъ была всегда ея культурная роль. Тѣмъ внимательнѣе слѣдуетъ отнестись къ каждой попыткѣ жизненнаго строительства во Франціи, хотя бы строитель выступалъ скромно, безъ догматизма—подѣ знакомъ вопроса. Вотъ что дѣлаетъ интересною драму Буалье.

Санъ-Жоржъ-де-Буалье — молодой писатель; вмѣстѣ съ Морисомъ Леблонъ и нѣсколькими другими онъ составляетъ небольшую литературную группу „натуристовъ“. Ихъ идейная цѣль — противопоставить символизму съ его туманностью и отрѣшенностью отъ дѣйствительности близость къ источникамъ жизни, исканія радости и полноты бытія. Они празднуютъ—или думаютъ, что могутъ праздновать—побѣду надѣ пессимизмомъ во имя неисчерпанныхъ и неисчерпаемыхъ силъ человѣческой души. Они по темпераменту не мистики—въ противоположность символистамъ—или лучшимъ изъ символистовъ, которые потому и уходятъ отъ жизни, что ищутъ простора для творческихъ силъ души. Но у натуралистовъ есть свой мистицизмъ — вѣра въ силы человѣческаго духа, въ то, что еще не проявилось въ человѣкѣ, потому что еще не побѣдила мудрость и не открылся чело-вѣку чело-вѣкъ. Таковъ приблизительно философскій фонъ, на которомъ создалась драма Буалье со всѣми ея достоинствами и со всѣми ея коренными недостатками.

Въ драмѣ „Король безъ вѣнца“ рѣчь идетъ о пересозданіи современнаго общества, о жизни на основахъ справедливости, т. е., другими словами, о разрѣшеніи соціального вопроса. На языкѣ поэта это называется „разбудить мертвыхъ“, „воскресить ихъ къ истинной жизни“. Необходимость переворота признана всѣми жертвами стараго порядка. Но каковъ путь, по которому надо идти? Правы ли тѣ, которые прибѣгаютъ къ насилию,—или же существуютъ пути торже-

ствующей любви, которая все покорить и преобразить мирным путем? Автор драмы не отвечает на это; онъ только изображает трагедию человѣка, который пришелъ будить людей проповѣдью любви и свободы.

Сюжетъ драмы—не новый (въ своемъ теоретическомъ очеркѣ Буалье утверждаетъ, что всѣ новыя трагическіе сюжеты сводятся къ тѣмъ же вѣчнымъ темамъ, уже составляющимъ содержаніе античнаго театра); это—трагедія Христа, перенесенная въ обстоятельства современной социальной жизни. Вся религіозно-мистическая глубина евангельской трагедіи оставлена въ сторонѣ авторомъ французской драмы, — въ этомъ, конечно, ея коренной недостатокъ. Только французу, конечно, можетъ придти въ голову мысль разработать евангеліе такъ, какъ легенду о Фаустѣ или о какомъ-нибудь другомъ героѣ пылкой человѣческой мысли. Есть примѣры изображенія Христа въ обстановкѣ современной дѣйствительности: художникъ Уде написалъ цѣлую серію картинъ, представляя появленіе Христа въ жилищахъ бѣдныхъ рабочихъ; но у нѣмецкаго художника Христосъ знаменуетъ именно связь трудовыхъ будней съ вѣчнымъ неземнымъ началомъ любви. Образъ Христа, который бы явился среди теперешнихъ людей, служить частой темой для англичанина Эдуарда Карпентера, проповѣдующаго „опрощеніе жизни“. Но всегда при этомъ Христосъ является образомъ идеальнаго, сверхчеловѣческаго подвига любви. А въ драмѣ Буалье онъ человѣкъ, „пришедшій неизвѣстно откуда“ въ страну, объятую пламенемъ вражды. Онъ увлекаетъ своимъ привывомъ къ свободѣ—и потомъ переживаетъ трагедию великихъ разочарованій и завершаетъ ее великой жертвой самоотверженной любви. Имя этого человѣка неизвѣстно, но его прозвали „Чернымъ Христомъ“. При всѣхъ возраженіяхъ, которыя сразу возникаютъ противъ этого замысла, нельзя, однако, не признать, что трагедія этого слишкомъ человѣчно задуманнаго Христа въ его борьбѣ противъ тѣхъ, къ кому онъ пришелъ, представлена очень сильно, и въ ней затронуто самое больное, самое трагичное въ междоусобныхъ битвахъ современной культуры.

Начало драмы соединяетъ полный реализмъ съ символическимъ значеніемъ, т. е., вѣрнѣе, съ болѣе углубленнымъ, но тоже вполне реальнымъ психологическимъ смысломъ изображаемыхъ на сценѣ вѣщныхъ событій. Ненасная ночь. Мать сидитъ у постели больной дочери. Молодая дѣвушка, Нель, мечется въ бреду и проситъ мать повторить сказку, которой она ее усыпляла, сказку о принцѣ-нищемъ, который обмѣнялъ свою корону на посохъ нищаго, ходитъ подъ бурей безъ плаща и живетъ подаяніемъ. Мать старается успокоить больную и поджидаетъ съ тревогой сына Гаспара, служащаго на каменоломняхъ. Рабочіе возмутились противъ него и бросили работу, требуя

удаленія Гаспара. Передъ домою матери Гаспара его возвращенію дожидается одинъ изъ рабочихъ. Вокругъ все очень тревожно, и больная волнуется всѣмъ, что доносится до нея. Приходитъ наконецъ Гаспаръ, и Нель слышитъ его грубые окрики рабочихъ, его упреки ихъ въ бездѣльничаньи, и всѣмъ своимъ слабымъ существомъ возмущается противъ него, отталкиваетъ его, когда онъ подходитъ приласкать ее. Онъ говоритъ, что рабочихъ смущаетъ какой-то бродяга, прозванный Чернымъ Христомъ. Онъ ведетъ за собой разный сбродъ, какую-то презрѣнную женщину, могильщика, который говоритъ, что ему надобно закапывать мертвыхъ въ землю, и что онъ хочетъ ихъ воскресить. Этотъ Черный Христосъ, какъ объясняетъ матери Гаспаръ, проповѣдуетъ бездѣлье, говоритъ, что нужно бросать работу на каменоломняхъ, потому что камни, которые оттуда извлекаютъ, служатъ на пользу эгоизму, идутъ на постройку жилищъ для мертвыхъ. Всѣ дома—могилы... Истинная жизнь—за стѣнами, на свободѣ. Этой проповѣдью онъ увлекъ уже многихъ, въ томъ числѣ одного рабочаго, которымъ Гаспаръ особенно дорожилъ, Захарія. Нель слушаетъ слова брата, вѣя себя отъ волненія и возмущенія противъ него; она мечется въ кровати и говоритъ о своей близкой смерти, бредитъ о принцѣ, который ходитъ подъ бурей безъ плаща. Буря все усиливается и раздаются настойчивые стукі въ дверь. Чей-то голосъ проситъ пріюта отъ бури. Это „Черный Христосъ“ со своими послѣдователями. Гаспаръ не пускаетъ и глумится надъ тѣми, которые преслѣдуютъ вдова, проповѣдая, чтобы дома разрушали. Просьбы и требованія пустить продолжаютъ, гроза все усиливается; Нель волнуется—и, къ общему ужасу, встаетъ съ постели и идетъ отворить сама дверь. При свѣтѣ молніи видны въ дверяхъ Христосъ и съ нимъ Захарій, могильщикъ Эліасъ и Марія. Нель бросается къ ногамъ Христа, и онъ, улыбаясь, говоритъ: „А они думали, что она умираетъ, —она, единственно живая среди нихъ!“

Маленькая община Христа, послѣ присоединенія къ ней Нель, состоитъ изъ двухъ женщинъ, невинной, чистой Нель и Маріи. Прежде Марія была послѣдней изъ послѣднихъ и стояла на перекресткахъ, прося любви у каждаго встрѣчнаго, пока не пришелъ тотъ, кто и есть совершенная любовь. И за нимъ она пошла, раздѣляя его бродяжническую жизнь. Кромѣ двухъ женщинъ—аналогія съ евангеліемъ очевидна—у „Чернаго Христа“ два послѣдователя, рабочій Захарій и могильщикъ Эліасъ. Но вся трагедія и заключается въ наступающей роковой розни съ ними. Маленькая община остановилась въ маленькомъ глѣску по дорогѣ въ Парижъ. Двѣ женщины говорятъ нѣжныя слова о своей любви къ Христу, открывшему имъ свѣтъ въ жизни. И Христосъ приходитъ къ нимъ съ улыбкой и учитъ ихъ вникать

въ языкъ полевыхъ лилій, слушать музыку цвѣтовъ, всей природы, которая славить невѣдомаго Бога, — славить жизнь. И вся жизнь людей, по его восторженнымъ словамъ, тоже такое ритмическое славословіе жизни — у каждаго на свой ладъ. Рѣзкая дѣйствительность сейчасъ же становится опроверженіемъ его словъ. Входятъ нищіе, слѣпой, однорукий и искалѣченная женщина. Они считаютъ это мѣсто своимъ. Имъ тутъ можетъ перепастъ нѣсколько грошей отъ прохожихъ, идущихъ на праздникъ святаго Антонія Падуанскаго въ Парижъ, и они видятъ въ Христѣ и двухъ женщинахъ соперниковъ, и ругаютъ ихъ, требуя, чтобы они ушли отсюда. Христосъ переходитъ отъ своихъ высокихъ мечтаній къ пониманію грубой правды жизни — и видитъ, каковы тѣ, которыхъ онъ хочетъ спасти. „Имъ не нужна любовь и свобода... они возвышаютъ голосъ только потому, что они голодны“. И онъ имъ даетъ то, что имъ нужно. Изъ своей нищенской сумы онъ вынимаетъ драгоценный алмазъ. Нищіе, презиравшіе его, потому что онъ въ такихъ же лохмотьяхъ, какъ они, ослѣплены и, уродливо вырывая другъ у друга алмазъ, убѣгаютъ, забывъ о своемъ слѣпомъ товарищѣ. А Христосъ продолжаетъ мечтать о томъ, чтобы истребить уродство, чтобы „облагородить лохмотья“, столь униженные голодомъ. И тотчасъ же онъ видитъ второе доказательство своей розни съ окружающей жизнью на примѣрѣ своихъ ближайшихъ послѣдователей. Захарій и Эліасъ тащатъ захваченнаго ими Гаспара, на которомъ они вымещаютъ всю свою злобу. Они требуютъ, чтобы Христосъ былъ судьей между ними и ненавистнымъ начальникомъ, — но Христосъ съ грустью слушаетъ ихъ слова, преисполненные ненависти. Чтобы спасти Гаспара — ради Нель, страдающей за брата, — Христосъ уговариваетъ Захарія привязать Гаспара гдѣ-нибудь подальше къ дереву и оставить до вечера. Тогда — какъ онъ даетъ понять Нель — они смогутъ тайно придти къ нему и освободить его. Рабочіе соглашаются, уводятъ Гаспара, и во время ихъ отсутствія приходятъ прежніе нищіе. Они въ отчаяніи: въ дракѣ они потеряли свой алмазъ, — онъ скатился въ обрывъ. И Христу жаль ихъ съ ихъ рабскими печалами. Возвращаются Захарій, Эліасъ и другіе, торжествуя. Они привязали Гаспара къ дереву, а сами направляются въ Парижъ — устроить манифестацію во имя свободы, т.-е. того, что они называютъ свободой. Христосъ не идетъ съ ними; онъ остается „сторожить плѣнника“. И въ разговорѣ съ Захаріемъ обнаруживается ихъ рознь. „У васъ желанія, которыхъ я не раздѣляю“, — говоритъ Христосъ, когда Захарій упрекаетъ его въ снисходительности къ Гаспару. А когда Захарій говоритъ, что нужно разрушить церкви, Христосъ возражаетъ: „Не зданія нужно разрушать, — говоритъ онъ, — а идеи, которыя ихъ поддерживаютъ“. Когда Захарій возмущается тѣмъ, что идоловъ одѣваютъ въ шолкъ,

и золото, когда рабочіе голодаютъ, и чей-то голосъ кричить: „Сокрушимъ идола!“,—Христосъ отвѣчаетъ: „Идолы сами собой разсыплются въ прахъ“. Когда рабочіе хоромъ призываютъ къ походу противъ богачей,—Христосъ тихо отвѣчаетъ: „Богаты тѣ, въ комъ нѣтъ зависти... Величайшее благо всѣмъ одинаково принадлежить: это благо—мудрость. Достаточно знать“. Когда могильщикъ требуетъ равенства, того, чтобы „всѣ были равны на землѣ, какъ и подъ землею“, и Захарій говоритъ о наступающемъ воскресеніи обездоленныхъ,—Христосъ пламенно призываетъ къ „воскресенію мертвыхъ—но только путемъ любви; отъ нея все недостойное жить само умретъ и все зло земли само разсыплется въ прахъ. Не нужно ненависти,—нужно превратить жизнь въ прекрасный подвигъ“. Къ этой проповѣди его послѣдователи глухи; они уходятъ въ городъ совершать свои дѣла—дѣла гнѣва и мести. А онъ остается съ Маріей и съ еще однимъ новообращеннымъ—Гаспаромъ. Его онъ освобождаетъ и покоряетъ проповѣдью свободы. Гаспаръ ненавидитъ общество людей, и Христосъ его привлекаетъ обѣщаніемъ свободы, т.-е. жизни въ пустынѣ.

Въ третьемъ актѣ слова Христа раздаются среди враждебной обстановки. Въ Парижѣ—церковный праздникъ; освящается новая церковь на Монмартрѣ, и возбужденная толпа балагуритъ съ парижскимъ легкомысліемъ, перемѣшивая богохульство съ суетвѣрнымъ преклоненіемъ передъ церковью и ея властью, ея чудесными исцѣленіями. Эта сцена прекрасно сдѣлана въ драмѣ,—очень красочная, полная движенія. Въ добродушное настроеніе праздничной толпы влѣшиваются вдругъ грозные звуки надвигающейся грозы: пришелъ Захарій съ своими спутниками—мститъ, восстанавливаетъ справедливость. Захарій произноситъ мятежныя рѣчи, восстанавливаетъ толпу противъ церкви, кричитъ, что нужно всѣхъ уничтожить. Голосъ Христа, спрятавшаго въ толпѣ, возражаетъ: „Нужно уничтожить только заблужденія—и только въ себѣ самомъ“. Захарій убѣждаетъ толпу, что камни для этой церкви добыты тяжкимъ трудомъ рабочаго,—и Эліасъ поддерживаетъ его, крича, что зданія, созданныя народомъ, нужно превратить въ дома для народа. И опять возвышается голосъ Христа. Онъ защищаетъ идею церковнаго строительства:—она свидѣлствуетъ о духовномъ величій человечества, которое воздвигаетъ зданія, предназначенныя оставаться нежилыми... стать пріютомъ для скорбныхъ душъ, обиталищемъ... одной только мечты. Но слова Христа непонятны толпѣ. Дѣло разрушенія совершается... „Я не могу ничего измѣнить,—говоритъ Христосъ Маріи.--Только тираны повелѣваютъ. Еслибы я хоть на минуту навязывалъ свою волю... Я ничего не измѣню“. Актъ кончается совершившимся дѣломъ мщенія—церковь взрываютъ.

Христось—драмы Буэлье—не пришелъ мѣнять жизнь; онъ только убѣждается, что люди и тогда, когда они добиваются справедливости, все же живутъ подѣ знакомѣ гнѣва и насилия. А онъ хочетъ преподавать законъ любви—единственно созидательный. И онъ преподаетъ его на себѣ. Два послѣдніе акта завершаютъ трагедію подвигомъ самопожертвованія. Всѣхъ составляющихъ общину „Чернаго Христа“ преслѣдуютъ послѣ взрыва церкви. Имъ трудно укрыться—за ихъ голыи назначена высокая цѣна. Захарій и Эліась убиваютъ рыбака, чтобы, воспользовавшись его лодкой, спастись. Они предлагаютъ Христу и тѣмъ, кто ему вѣрны, Нель, Гаспару и Маріи, спастись съ ними; но Христось знаетъ, какой цѣной они спасаются, и даетъ имъ уплыть однимъ. Себя и своихъ, т.-е. понявшихъ законъ всепобѣдной любви, онъ оставляетъ для послѣдней жертвы. Его и Марію настигаютъ—онъ беретъ на себя преступленія, совершенныя не имъ, и его вѣшаютъ, также какъ Марію. Ихъ казнь видитъ Гаспаръ. Его и Нель тоже ждутъ великія муки. Нель выкололи глаза. Имъ мстять за дѣйствія ихъ товарищей,—и палачи ихъ считаютъ себя правыми. Для завершения муки, къ нимъ приводятъ мать, и она послѣ долгой разлуки видитъ своихъ дѣтей тогда, когда наступилъ ихъ послѣдній часъ. Нель умираетъ просвѣтленная, прося мать въ послѣдній разъ рассказать ей сказку про принца-нищаго, и она умираетъ со словами: „Рай вездѣ... гдѣ любовь!“

Такова эта драма, воздвигающая любовь въ краугольный камень жизни. Во всякомъ случаѣ, тотъ человѣчный Христось, трагедію котораго изображаетъ Буэлье, говоритъ нужное и истинное, — то, что слѣдуетъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо напоминать людямъ, умножающимъ несправедливость на землѣ своимъ эгоизмомъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1906.

Мѣсяцъ кровавыхъ событій.—Военные бунты.—Покушеніе на П. А. Столыпина.—Что можетъ положить конецъ?—Попытка реакціи повернуть общественное строеніе.—Отношеніе деревни къ „черносотенцамъ“.—Критическое положеніе земства.—Къ предстоящему началу учебнаго года.—Новыя средства борьбы съ революціонной пропагандой въ войскахъ.

Конецъ іюля и весь августъ ознаменовались длиннымъ рядомъ кровавыхъ событій. Жизнь человѣческая какъ будто утратила всякую цѣну... Давно ли время, когда рука террористовъ направлялась исключительно на лицъ, чья смерть дѣйствительно могла—въ ту или другую сторону—имѣть крупное государственное значеніе, и когда каждое политическое убійство было явленіемъ, надолго привлекавшимъ общественное вниманіе. Теперь—убиваютъ полиціймейстеровъ, приставовъ, стражниковъ, городскихъ, жандармскихъ унтеръ-офицеровъ—и убиваютъ ихъ, буквально, каждый день повсемѣстно. Газеты перестали даже печатать полностью телеграммы объ убійствахъ и ограничиваются помѣщеніемъ извлеченій...

Давно ли время, когда судебные приговоры къ смертной казни приводились въ исполненіе лишь въ отношеніи лицъ, непосредственно совершившихъ тѣмъ-нибудь особенно выдающееся политическое преступленіе или руководившихъ подготовкой многихъ удавшихся или неудавшихся покушеній? Давно ли время, когда число казненныхъ опредѣлялось и въ годъ, и въ пятилѣтія единицами?.. Теперь разстрѣливаютъ безразлично: главныхъ виновныхъ, второстепенныхъ участниковъ, пособниковъ, случается—прикосновенныхъ. Теперь рѣдкій день въ газетахъ не приходится читать о разстрѣляніи двухъ, трехъ, восьми человѣкъ. Разстрѣливаютъ по приговору суда, образованнаго и дѣйствующаго на основаніи закона. Разстрѣливаютъ по вердикту суда импровизированнаго. Разстрѣливаютъ безъ всякаго судебного разбирательства... Начали разстрѣливать людей, абсолютно ни въ чемъ неповинныхъ—односельчанъ преступника...

Революціонное движеніе породило полную разнузданность подонковъ общества. Нынѣшніе революціонеры не гнушаются похищеніемъ денегъ. Прежніе—смотрѣли иначе. Мы помнимъ процессъ 1887 года и рѣчь Германа Лопатина. Мы помнимъ, какъ, принимая на себя отвѣтственность за самыя тяжкія посягательства, онъ съ нескрываемой

мымъ чувствомъ гадливости отстранялъ обвиненіе въ организаціи двухъ случаевъ ограбленія почты. Но нападеніе на банки и т. п. съ революціонною цѣлью, само собою разумѣется, ничтожныя единицы въ томъ сплошномъ, какомъ-то повальномъ, грабежѣ, который все растетъ и множится. О кражѣ денегъ изъ винныхъ лавокъ уже не говоримъ. Сколько за мѣсяцъ ограблено почтальоновъ или желѣзнодорожныхъ артельщиковъ, перевозившихъ въ вагонахъ кассовыя выручки станцій! И каждый разъ—хорошо усвоенные приемы революціонеровъ: браунинги, „руки вверхъ“ и проч.

Поразительнѣе всего та легкость, съ которой совершаются грабежи. Шесть-семь вооруженныхъ грабителей останавливаютъ цѣлый поѣздъ съ сотнями пассажировъ, затѣмъ, безъ малѣйшей попытки противодѣйствія, дѣлаютъ, что хотятъ, и, спокойно удалившись, безслѣдно исчезаютъ. Никому почему-то въ голову не приходитъ, что движущемуся поѣзду никакого вреда не могутъ причинить выстрѣлы изъ браунинговъ. Никто не рѣшается сразу, дружно, напасть массой на грабителей. обезоружить ихъ и связать. Словомъ, есть множество способовъ, чтобы пассажирскій поѣздъ оборонился отъ шайки грабителей. Но ни одинъ изъ нихъ не примѣняется, и грабители безпрепятственно отнимаютъ и уносятъ деньги на глазахъ оторопѣлой толпы, стоящей съ поднятыми руками и не смѣющей двинуться съ мѣста... Были случаи прямо изумительные: на желѣзнодорожной станціи, въ переполненной публикой залѣ III-го класса, тѣми же обычными приемами, грабители отняли у начальника станціи тысячу съ чѣмъ-то рублей; въ Москвѣ, въ ресторанахъ, днемъ, когда за столами сидѣло нѣсколько десятковъ человѣкъ, четыре-пять благополучно потомъ скрывшихся грабителей унесли всѣ деньги изъ кассы... Обыватель отъ всего совершающагося оторопѣлъ. А полиція... борется съ революціей. Другихъ объясненій не найти.

Наиболѣе крупными кровавыми событіями послѣдняго времени были: свеаборгскія и кронштадтскія военныя возстанія и бунтъ на крейсерахъ „Память Азова“ съ послѣдующей за нихъ расправой; затѣмъ—одновременное убійство, 2 августа, въ Варшавѣ, въ разныхъ частяхъ города, двадцати-восьми полицейскихъ чиновъ, тоже съ послѣдующей расправой, въ результатъ которой въ больницы было доставлено свыше ста убитыхъ и раненыхъ, и наконецъ—покушеніе на жизнь премьеръ-министра П. А. Столыпина, сопровождавшееся смертью и тяжкимъ поврежденіемъ здоровья шестидесяти лицъ... Мы написали эти строки и невольно спросили себя: а убійство въ Варшавѣ генераль-губернатора Вонлярларскаго, покушеніе на генерала Скалона, на генерала барона Каульбарса, убійство генерала Мина, убійство „по ошибкѣ“ генерала Козлова, убійство солдатами командира и нѣсколькихъ офи-

церовъ въ одномъ изъ полковъ на Кавказѣ и т. д., и т. д.—неужели все это не крупныя событія? Приходится съ грустью сказать: нѣтъ. Крови столько льется, что масштабъ оцѣнки каждаго потрясающаго факта насильственной смерти сталъ какой-то вовсе необычный. Чувство притупилось, и мысль скользитъ по извѣстіямъ объ убійствахъ и казняхъ, задерживая въ памяти только случаи, выдающіеся или по обстановкѣ, или по числу жертвъ. Какъ будто мы, современные русскіе, или снова переживаемъ давно минувшіе вѣка, или перенесены певѣдомой силой въ Китай. Только тамъ царить такое самоистребленіе людей. Только тамъ узнать объ убійствѣ или о казни—все равно, что узнать о пожарѣ, о карманной кражѣ или о приговорѣ мирового судьи къ аресту на недѣлю...

И какая ничѣмъ необъяснимая, явно нечѣлвесообразная жестокость! Зачѣмъ понадобилось солдатамъ и матросамъ въ Кропштадтѣ и въ Свеаборгѣ убивать офицеровъ? Возставшихъ были если не тысячи, то сотни. А офицеровъ—единицы. Почему было ихъ не арестовать или не связать или вообще другимъ способомъ не сдѣлать для возставшихъ безвредными? Особенно выпукло эта жестокость для жестокости выразилась на „Памяти Азова“. На крейсерахъ было обнаружено нарушение порядка—среди матросовъ оказался посторонній. Его арестовали... Отвѣтъ—стрѣльба, кровь. Стрѣляли изъ ружей, стрѣляли изъ пушекъ... Начальникъ отряда и офицеры покинули крейсеръ. Они спустились въ баркасъ и плывутъ къ берегу. Они уже не могутъ противодѣйствовать захватившимъ крейсеръ въ свои руки матросамъ. Но матросы немедленно начинаютъ преслѣдованіе. Посылаютъ за ними паровой катеръ и осыпаютъ баркасъ пулями и артиллерійскими снарядами... Новыя жертвы: оторваны ноги у одного, другой убитъ наповаль, третій, четвертый... смертельно ранены... Оставшіеся въ живыхъ офицеры высадились на берегъ, скрылись въ лѣсу—и тутъ за ними продолжается погоня... Одна мечь, движимая злобой и страстью, руководила этими озвѣрѣлыми людьми... Гдѣ смыслъ? Гдѣ челоѣческій разумъ? Гдѣ чувство, отвращающее челоѣка отъ крови?..

Войско—организмъ глубоко своеобразный. Его компактность и силу опредѣляетъ чрезвычайно сложная система своеобразныхъ же отношеній, покоящаяся на долгомъ воспитаніи воли отдѣльныхъ людей, входящихъ въ его составъ. Индивидуальная воля челоѣка въ войскѣ всегда неизбѣжно бываетъ болѣе или менѣе подавлена. Это необходимо, дабы войско могло удовлетворять своему назначенію—быть силой въ рукахъ государства при международныхъ столкновеніяхъ. И если изъ войска вырвать подавленіе индивидуальной воли, оно моментально обращается въ толпу,—въ толпу, страшную своей численностью и смертоносностью имѣющагося у нея оружія, въ толпу—менѣе, чѣмъ

всякая другая, способную регулировать свои дѣйствія и въ то же время безкомечно инертную и слабую. Солдатскій бунтъ—всегда кровавый и жестокий, но также всегда недолговѣчный. Солдатскій бунтъ, во имя какихъ бы высокихъ идей онъ ни былъ начатъ, быстро обращается въ разнузданное нѣяство и въ грабежъ.

Нужно ли это напоминать послѣ того, какъ стали извѣстны эпизоды, сопровождавшіе октябрьское возстаніе въ Кронштадтѣ и возвращеніе запасныхъ съ Дальняго Востока? Оказывается, что—нужно. Мы понимаемъ, поскольку въ борьбѣ съ правительствомъ активная революція, стремясь ослабить врага, разрушаетъ войско, какъ правительственную силу. Но мы понимаемъ также, что революція, въ данномъ случаѣ, играетъ съ огнемъ и тѣмъ сама себѣ—при успѣхѣ—готовитъ гибель. „Свободное“ войско, управляемое „всеобщей, прямой, равной и тайной“, войско съ митингами, съ бойкотомъ и съ забастовками—абсурдъ. Такое войско—безсмысленно-кровавая, алчная, разнузданная толпа, болѣе вредная тому, съ кѣмъ она, чѣмъ тому, противъ кого... Прочтите безыскусственно написанныя путевыя записки „По Манчжуріи домой“ въ июльской книгѣ нашего журнала...

Въ петербургскомъ покушеніи 12-го августа тоже приковываетъ вниманіе безудержность въ жестокости. Замыслившимъ лишить жизни председателя совѣта министровъ удобнѣе и вѣрнѣе казалось проникнуть къ нему и привести планъ въ исполненіе въ *приемный* день. Разрывной снарядъ ужасной силы казался имъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ. Ихъ не остановило, что они неизбѣжно причиняютъ смерть или страданія десяткамъ представляющихъ, просителей, чиновниковъ канцелярій, прислуги. Они знали и шли на то, что рухнуть стѣны, потолки, что будутъ раздавленные и заживо погребенные, что ужасной опасности подвергается семья П. А. Столыпина, что погибнетъ нанятый ими кучеръ... Они знали, что и сами могутъ спастись только чудомъ. Но развѣ это оправданіе? Жертвуй собой—своей жизнью,—но если на твоёмъ пути къ цѣли стоятъ чужія жизни—ты обязанъ ихъ шадить. Еще недавно террористы неуклонно этого держались. Вспомните разсказъ Коллева или объясненія Сазонова, какъ они не разъ отказывались отъ приведенія замысла въ исполненіе, когда все остальное имъ благопріятствовало, но взрывъ долженъ былъ поразить много неповинныхъ жертвъ...

Убить швейцаря, прослужившій сорокъ лѣтъ. Убиты генералы, камергеры, жандармы, убиты неизвѣстные, чьи имена нельзя установить. Не все ли равно—кто?.. Убиты люди... Разбита жизнь ихъ близкихъ—родныхъ, друзей, отцовъ, дѣтей, женъ, матерей... Остались

горе, слезы, потерянные надежды, быть можетъ—нищета... У дочери П. А. Столыпина раздроблены ноги. У сына двухъ лѣтъ — сломано ребро, разбита голова... За что? Затѣмъ?..

П. А. Столыпинъ остался живъ. А еслибы онъ погибъ, развѣ то, во имя чего покушавшіеся на его жизнь пожертвовали собой и пролили столько крови, получило бы несомнѣнное торжество? Развѣ воли одного человѣка движеть нынѣ событіями?... Двадцать-пять лѣтъ назадъ былъ убитъ даже царь! И что же? Что наступило послѣ 1-го марта 1881 года?.. Будемъ откровенны! Смерть Плеве совпала съ поворотомъ въ общественномъ настроеніи и во внутренней политикѣ. Да, она ускорила поворотъ въ политикѣ. Но только ускорила. Опредѣлили поворотъ—война и то, что изжившая себя система дошла до разложенія...

Возьмемъ, однако, другую сторону. На слѣдующій день послѣ возстанія въ Кронштадтѣ былъ собранъ трибуналъ. Это былъ именно трибуналъ—не судъ. Судъ образуется и дѣйствуетъ по закону. Этотъ—былъ образованъ и дѣйствовалъ вопреки правиламъ закона... Черезъ сутки восемь человѣкъ были разстрѣляны... Преступниковъ съ „Памяти Азова“ тоже судилъ импровизированный судъ. Тоже разстрѣляли безъ изслѣдованія вины и тщательнаго разбора... Среди разстрѣлянныхъ былъ „штатскій, именующій себя“... Одинъ матросъ передъ казнью клялся, что онъ былъ взятъ и осужденъ по ошибкѣ... Какъ отъ руки революционеров гибнутъ неизвѣстные и къ политикѣ не причастные, такъ и власть лишаетъ жизни неизвѣстныхъ и въ пылу борьбы совершаетъ непоправимыя судебныя ошибки...

И съ этой стороны—пули, штыки, сабельные удары. И съ этой стороны—невинныя, случайныя жертвы: прохожіе, любопытные. И съ этой стороны—отцамъ, матерямъ, дѣтямъ людское звѣрство несетъ горе, слезы... И съ этой стороны безцѣльность крови. Отъ рукъ разстрѣливающихъ по волѣ власти солдатъ кровь потоками льется почти годъ. Число разстрѣлянныхъ навѣрное уже перешло за тысячу. А гдѣ результатъ?..

Покушеніе 12-го августа заставило всѣхъ пишущихъ остановиться передъ вопросомъ: что можетъ положить конецъ безудержно совершающимся кровавымъ насиліямъ? Въ теченіе нѣсколькихъ дней газеты были переполнены самыми разнообразными разсужденіями и проектами. Кто-то гдѣ-то писалъ, что главное—не нужно жалѣть лѣсовъ на устройство висѣлицъ... До любопытнаго и простаго средства спасенія додумался и князь Мещерскій. „Мы постоянно читаемъ—пишетъ онъ—объ обыскахъ въ квартирахъ, гдѣ находятъ бомбы и матеріалы для ихъ изготовленія. Тогда является вопросъ: а хозяинъ

дома, а старший дворник привлечены къ отвѣтственности? Оказывается—нѣтъ; никогда доселѣ ни о какой отвѣтственности ихъ не было и рѣчи. Безопасность города требуетъ, чтобы каждый хозяинъ дома и каждый старшій дворникъ узнавали, дѣлаются ли въ какой-либо квартирѣ бомбы, и при малѣйшемъ подозрѣніи усиливали бы надзоръ за этой квартирой и сообщали полиціи. Эта отвѣтственность должна быть не минимая, а дѣйствительная и строгая, и влечь за собою для подлежащихъ этой отвѣтственности чувствительныя наказанія. И ни малѣйшаго въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что когда надъ домохозяиномъ и надъ старшимъ дворникомъ будетъ висѣть Дамокловъ мечъ, въ видѣ угрозы тяжкимъ наказаніемъ за дѣланіе или храненіе бомбъ въ домѣ, то каждый домохозяинъ и каждый старшій дворникъ, въ интересахъ прежде всего собственной шкуры, сумѣютъ въ своемъ домѣ устроить тайную полицію не хуже, а даже лучше правительственной“. Не правда ли, какъ просто и гениально?! „Планъ, конечно, прекрасный—остроумно замѣчаетъ по этому поводу новая газета „Понедѣльникъ“ (№ 3),—но мы являемся все же врагами полумѣръ... Реформировать такъ ужъ реформировать, чортъ возьми! И если князь Менцерскій предлагаетъ возложить на каждого изъ домовладѣльцевъ обязанность содержать въ своемъ домѣ тайную полицію, то мы скажемъ бы, что эту обязанность надо возложить и на квартирантовъ... Пусть каждый изъ нихъ устроитъ полный штатъ тайной полиціи для своей квартиры. Еще лучше, конечно, если каждый обыватель въ отдѣльности будетъ обязанъ организовать и содержать тайную полицію для своей собственной особы“...

Изъ серьезныхъ отвѣтовъ на роковой вопросъ приведемъ слова „Страны“ и „Ока“. „Возможность покушенія на предсѣдателя совѣта министровъ Столыпина—пишетъ „Страна“—не убѣждаетъ ли окончательно, что старые, выработанные полицейской практикой, приемы борьбы съ революціоннымъ броженіемъ безсильны вывести потрясенную страну изъ состоянія анархіи?.. Единственнымъ средствомъ противъ кровавыхъ революціонныхъ вспышекъ является охрана правительства не чинами полиціи, а самимъ обществомъ. И чѣмъ скорѣе пойметъ правительство эту истину, чѣмъ скорѣе вступить на путь искренняго сближенія съ обществомъ, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе страна выйдетъ изъ атмосферы разрушеній“...

„Начало конца бойнѣ—говоритъ газета „Око“—наступить тогда, когда правящая власть сойдетъ съ революціоннаго пути и прекратить безсудныя казни, преступное сѣченіе, поджоги. Затѣмъ, не видя ни на что, она должна приступить къ осуществленію возвышеннаго обновленія. Обновленіе возвыщено широкое, полное. Отступленіе отъ возвышеннаго невозможно. Всѣ основы законодательства под-

лежать пересмотру. И, конечно, мечты о субсидированіи состоятельныхъ классовъ, путемъ покупки у нихъ земель по дорогой цѣнѣ для передачи за счетъ казны крестьянамъ по дешевой, должны быть раз навсегда оставлены. Или мечты о сохраненіи смертной казни... Смертную казнь, какъ вѣнецъ карательной системы, безповоротно вычеркнули изъ русскаго кодекса разстрѣлы въ Голутвинѣ, Перовѣ, Остзейскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Варшавѣ, въ Кроунштадтѣ... А всего раньше, какъ говорится у насъ во „Внутреннемъ Обзорѣніи“, долженъ быть ускоренъ созывъ второй Думы....

Распускъ Думы и эксцессы революціи, выражающіеся въ непрерывныхъ убійствахъ и породившіе сплошной повсемѣстный грабежъ, создали удобный моментъ для реакціонныхъ попытокъ повернуть общественное настроеніе. Средній обыватель способенъ лишь на короткое время подниматься надъ привычками пассивнаго прозябанія подъ властной рукой попечительнаго начальства. Выборы и предвыборные мѣсяцы минувшей весны, а съ другой стороны совпавшіе съ ними кровавые эксцессы правительства унесли его въ область идеаловъ и заставили на мигъ отрѣшиться отъ вѣками сложившейся привычки. Но и тогда чувствовалось, что обыватель ждетъ отъ Государственной Думы, главнымъ образомъ, тихой пристани, которая дастъ ему возможность снова погрузиться въ спокойствіе.

Этого ожиданія Дума не оправдала. Напротивъ, она раскрыла, что тихая пристань еще очень и очень далека. Она воочию показала, что ни въ отношеніи задачъ правового и экономическаго обновленія, ни въ отношеніи средствъ и способовъ осуществленія этихъ задачъ, единства воззрѣній не существуетъ. А нѣтъ единства воззрѣній—значить предстоитъ борьба или, по крайней мѣрѣ, постоянная забота о возможности ея. Выѣстъ съ тѣмъ, обыватель услышалъ съ думской каедръ такіа слова и требованія, которыа его напугали своимъ радикализмомъ. Это были слова—не рѣшенія. Но могъ ли никогда не жившій политической жизнью обыватель разбираться въ тонкостяхъ и не смѣшивать рѣчей и предложеній съ рѣшеніями, особенно когда ему умышленно первыа выставлялись подъ видомъ вторыхъ?

Въ Думѣ произносились „страшныа“ слова—на улицахъ убивали. Думу распустили—на улицахъ убиваютъ вдвойнѣ и грабятъ. Когда же царствовалъ режимъ Плеве—на улицахъ было тихо. Нуженъ немалый запасъ знаній и вѣры въ правоту конституціонной идеи, чтобы не передаться на сторону реакціи. Не мудрено, что, какъ сообщаетъ „Саратовскій Листокъ“, на устроенномъ 9 августа въ Саратовѣ собраніи „кружка“ истинно-русскихъ людей, вмѣсто обычно присутствовавшихъ

на такихъ собраніяхъ 20 — 30 человекъ, было человекъ 200 — 250. Заимствуемъ изъ названной газеты кое-что, касающееся этого собранія. „Приватъ-доцентъ Никольскій произнесъ „зажигательную“ рѣчь, въ которой заявилъ, что гордится званіемъ „черносотенца“. Содержаніе рѣчи г. Никольскаго сводилось къ тому, что поддерживаютъ государство не крестьяне, а помѣщики, что если надѣлать крестьянъ землею по 4 десятины, то Россія разорится, что Государственная Дума состоитъ изъ революціонеровъ, и что евреямъ не слѣдуетъ давать ни земли, ни правъ. Другой гастролеръ Родовичъ-Родзевичъ посвятилъ свою рѣчь, главнымъ образомъ, евреямъ и Думѣ. Первые, по его мнѣнію, сами устраиваютъ еврейскіе погромы, а Дума защищаетъ ихъ. При этомъ разслѣдованіе погромовъ членами Думы ораторъ назвалъ „нахапствомъ“, а членовъ Думы „негодяями“. Въ заключеніе ораторъ призвалъ всѣхъ истинно-русскихъ людей „объединиться“ и „стать грудью“ на борьбу съ „краснолюдами“, которую пускаютъ „красноотрапичники“, „защитить неограниченную власть царя“. Священникъ Шенсовичъ также ругалъ членовъ Думы „негодяями“, которые только и дѣлали, что „толковали объ отмѣнѣ смертной казни“ и надѣленіи землею вовсе не тѣхъ, кому она нужна. Вмѣстѣ съ Думою заодно дѣйствовали жидовскій „бундъ“. Ораторъ также призывалъ истинно-русскихъ людей сплотиться и бороться съ краснолюдами“.

Еще болѣе шумное собраніе было устроено въ Тулѣ при участіи гг. Грингмута и Шмакова, по поводу дарованія прощенія казакамъ Начешникову и Тапилину. Описаніе беремъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Названные казаки 18 октября прошлаго года избили нагайками учителя Дампеля. За это насиліе они были преданы военно-окружному суду, который приговорилъ перваго къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на два мѣсяца съ законными послѣдствіями наказанія, т. е. съ лишеніемъ званія урядника и шевроновъ. 24 іюля предсѣдатель „тульскаго союза русскаго народа за вѣру, царя и отечество“ отправилъ всеподданнѣйшую телеграмму о помилованіи осужденныхъ и одновременно съ ней прошеніе на имя военнаго министра. Въ этомъ прошеніи, „не входя въ критику суда“, онъ указывалъ на недопросъ свидѣтеля, „который видѣлъ и слышалъ, что Начешниковъ, водворяя порядокъ въ Тулѣ 18 октября 1905 г. по Суворовской улицѣ, дѣйствительно ударилъ нагайкой Дампеля, преподавателя коммерческаго училища, за то, что, на просьбу разойтись, Дампель позволилъ себѣ ругать площадными словами обожаемаго монарха, вмѣстѣ съ какимъ-то гимназистомъ, неизвѣстнымъ свидѣтелю“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предсѣдатель союза предупредительно доносилъ на генерала, предсѣдательствовавшего въ судѣ, приводя безъ всякой надобности его фамилію, и „принималъ смѣлость“ — „ходатайствовать предъ вашимъ высокопре-

восходительствомъ дать знать министру финансовъ, въ вѣдѣніи коего находятся коммерческія училища, объ увольненіи Дампеля отъ должности“.

Черезъ нѣсколько дней былъ полученъ отвѣтъ о полномъ помилованіи и восстановленіи въ правахъ обоихъ казаковъ. Для торжественнаго объявленія имъ объ этомъ было назначено собраніе союза 6 августа. „Прибывшимъ на собраніе казакамъ Начешникову и Таплину, при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ, была прочитана милостивая царская резолюція и были вручены отъ союза, на память объ этомъ столь драгоценномъ для нихъ днѣ, серебряные часы съ соотвѣствующей надписью“ (любопытно бы узнать, съ какой!). Затѣмъ начались рѣчи. Вотъ выдержка изъ отчета о рѣчи г. Грингмута. „А какъ вы думаете? Стала бы Дума просить за невинно-осужденныхъ доблестныхъ воиновъ русскихъ? (*Нѣтъ, нѣтъ, никогда!*) Вѣрно вы говорите: за этихъ мучениковъ, конечно, не заступились бы ни Аладыны, ни Винаверы, ни Родичевы, ни Петрунkevичи, ни даже Гейдены и Стаховичи, и ужъ, конечно, не вашъ князь Львовъ! (*Онъ не нашъ, не нашъ!*) Какъ не вашъ? Вы его выбирали! (*Нѣтъ, мы его не выбирали! Это кадеты! Они обманщики!*) Ну, ладно! Но только смотрите, какъ бы они васъ опять не обманули! Какъ бы вы князя Львова опять не послали въ Думу! (*Нѣтъ, теперь мы ихъ знаемъ! Не быть князю въ Думѣ!*)“.

Мы привели эти образчики „черносотенной“ пропаганды, какъ весьма, по нашему мнѣнію, характерные. Они показываютъ, на какихъ струнахъ намѣреваются вести игру „монархисты“, „истинно-русскіе люди“ и иныхъ толковъ и наименованій реакціонеры. Въ основѣ всего — застрашиваніе и возбужденіе грубыхъ инстинктовъ. Далѣе — брань и оправданіе насилія, когда оно идетъ справа. Потомъ — клевета по адресу политическихъ противниковъ. А попутно — доносы по начальству. Все это давно извѣстные, старые приемы, заранѣе обрѣкающіе начатую кампанію на проигрышъ.

При революціонномъ настроеніи тѣхъ, на кого имѣется въ виду произвести психическое воздѣйствіе, самое пагубное — излишества и утрата чувства мѣры. Анархизированная мысль недоувѣрчива и ничего не принимаетъ безъ послѣдующихъ критики и анализа. А потому успѣхъ момента, выпадающій на долю яркихъ словъ и всякаго рода рѣзкостей, отнюдь еще не обезпечиваетъ прочнаго закрѣпленія въ головахъ слушателей того, для чего произносятся эти слова. Пока пропагандирующій остается въ предѣлахъ, отграничивающихъ ненужныя излишества, онъ гораздо сильнѣе, чѣмъ когда ихъ переходитъ. И эти простыя соображенія позволяютъ спокойно относиться къ побѣдамъ по

Россіи для агитаціи гг. Никольскаго, Грингмута, Шмакова и К°. Они нагѣрное, выражаясь вульгарно, переборщатъ.

Обыватель утомленъ сутолокой революціи, напуганъ эксцессами слѣва и жаждетъ покоя. Онъ ищетъ авторитета, которому могъ бы отдаться. Но онъ, во всякомъ случаѣ, уже пережилъ другое настроеніе—онъ революціонизированъ, и старый авторитетъ бюрократическаго всевластнаго кулака въ его глазахъ погибъ безвозвратно. Какъ только онъ вдумается—а вдумывается теперь каждый лавочникъ, каждый пенсіонеръ-чиновникъ, не говоря уже о крестьянахъ—въ тишину и спокойствіе недавняго режима доносовъ и своеволія, передъ нимъ встаетъ призракъ все развивающихся кровавыхъ событій—справа и слѣва,—которыя этотъ режимъ породилъ. Не споримъ, настоящий моментъ благоприятенъ для разрушенія вѣры въ конституціонализмъ, но никоимъ образомъ не для замѣны ея вѣрою въ „черносотенные“ идеалы.

Г. Никольскій гордится званіемъ „черносотенца“, а въ деревнѣ этого званія стыдятся. Мы провели лѣто въ одной изъ губерній промышленнаго раіона, съ сильно развитымъ отхожимъ промысломъ преимущественно въ Петербургъ на фабрики и заводы, и не разъ наблюдали любопытное явленіе: „черносотенный“ на языкѣ крестьянъ почти то же, что былъ лѣтъ двадцать назадъ „сицилистъ“. Внутреннее различіе между прежнимъ „сицилистомъ“ и нынѣшнимъ „черносотеннымъ“ крестьяне знаютъ и понимаютъ. Однородность касается отношенія къ обремененнымъ званіемъ, которымъ гордится г. Никольскій. „Черносотеннаго“ чуждаются; въ его присутствіи держатъ языкъ за зубами; въ обращеніи съ нимъ чувствуется боязнь, смѣшанная не то съ презрѣніемъ, не то съ сожалѣніемъ о погибшемъ человѣкѣ. Если онъ сдѣлаетъ что-нибудь хорошее, съ недоумѣніемъ говорятъ: „а вотъ поди-жъ ты—черносотенный“. Матери и жены вступаютъ въ страстные споры съ пріѣзжими изъ Петербурга, которые имъ сообщаютъ, что ихъ сыновья или мужья „записались тамъ въ черную сотню“. Когда получаютъ неопровержимыя доказательства—вздыхаютъ и искренно горюютъ. Не то онѣ боятся за нихъ—„бьютъ такихъ шибко на заводахъ“, рассказываютъ въ деревнѣ,—не то страшатся ихъ самихъ—„какъ бы чего и тутъ отъ нихъ не вышло“. Намъ ни разу не приходилось видѣть „черносотеннаго“ что-либо говорящимъ на деревенской улицѣ. Они держатся особнякомъ, какъ будто чувствуя на себѣ какую-то „печать проклятій“. Про то, что имъ платятъ деньги и что у нихъ имѣются особые знаки, въ деревнѣ ходятъ легенды, но они на всѣ вопросы упорно отмалчиваются и знаковъ никому не показываютъ. А ужъ на что любятъ хвастнуть пріѣзжіе питейяки привезенными деньгами, какимъ бы способомъ онѣ ни были пріобрѣтены, и

разными украшеніями, начиная съ зонтика и калошъ и кончая часовой цѣпочкой и брелоками! Не даромъ судебные слѣдователи только и ждуть, чтобы заподозрѣнный въ крупной кражѣ уѣхалъ въ родную деревню: ни за что тамъ не удержится и прохвастанется... Одинъ разъ намъ пришлось бесѣдовать съ крестьянами по поводу дѣятельности Государственной Думы. Собралось довольно много народа, но при такой обстановкѣ, которая, казалось, исключала возможность карательныхъ воздѣйствій за „преступное“ сборище. Вышло, однако, такъ, что потомъ моихъ собесѣдниковъ вызывало начальство и хотя въ смысле никого не отправило, но грозило и шумѣло на тему: „какъ смѣли“ и т. п. Крестьяне долго ломали голову, кто донесъ, и вдругъ ихъ осенила мысль: „да вѣдь червоточенный былъ“. И они все пеняли на себя: „какъ это, молъ, мы не догадались и пустили его“. Никакія увѣренія, что бѣдный парень, испугавшійся готовившейся на заводѣ, гдѣ онъ работалъ, забастовки и пріѣхавшій въ деревню, ни въ чемъ не виноватъ, ихъ разубѣдить не могли.

Загадочный сфинксъ и великій молчальникъ—русскій крестьянинъ себя обнаружилъ. Онъ не то, что городской обыватель. Онъ не экспансивенъ, не такъ податливъ на революціонный подъемъ настроенія, но и не склоненъ къ скачкамъ назадъ. „Мужикъ—что быкъ: втемяшится въ башку какая блажь, коломъ ее не вышибешь“... И ему втемяшлось: „земли и воли“!..

Однимъ изъ первыхъ по времени отрицательныхъ результатовъ освободительнаго движенія было критическое положеніе земскаго хозяйства. Финансы земства никогда не были въ блестящемъ состояніи. Непочатый край потребностей мѣстнаго населенія, во-первыхъ, и ограниченность источниковъ земскаго обложенія—во-вторыхъ—заставляли всегда земство напрягать въ высокой степени платежную способность основного источника—земли. Собственно земское обложеніе, въ общемъ, не было чрезмѣрнымъ, но, какъ добавокъ къ выкупнымъ платежамъ и къ мірскимъ сборамъ, оно нелегко отражалось на крестьянствѣ. Недоимки за крестьянами были явленіемъ неизбѣжнымъ. Нельзя забывать, что еще пять лѣтъ всего прошло съ тѣхъ поръ, когда изъ поступающихъ отъ сельскихъ обществъ денегъ сперва полностью отчислялись выкупные платежи и лишь затѣмъ—земскіе сборы. Понутро росли недоимки за частными собственниками. Ихъ земли, кромѣ земскаго обложенія, несли ничтожное государственное и немногимъ большее—дворянское. Но аккуратностью частные землевладѣльцы никогда не отличались. Въ конечномъ итогѣ, рѣдкій уѣздъ не имѣлъ въ недоимкахъ полугодового оклада. Въ нѣкоторыхъ—недоимки превышали годовой окладъ въ два или три раза. Такое накопленіе не-

домножь вынуждало обращаться къ кредиту, переплачивать поставщикамъ и, конечно, нарушало стройность веденія хозяйства. Въ земствахъ издавна такъ повелось, что управы съ половины весны начинали жить въ долгъ и расплачивались въ послѣдніе три мѣсяца года.

Какъ разъ съ этими мѣсяцами совпало усиленіе общественнаго движенія, которое однимъ изъ лозунговъ выставило: не платить повинностей. Лозунгъ былъ направленъ противъ государственнаго хозяйства, а поразилъ онъ земское. Въ основѣ государственнаго хозяйства лежать неуволимыя для этого лозунга косвенныя налоги, и потому существеннаго значенія для казны неплатежъ прямыхъ сборовъ имѣть не можетъ. Единственное хозяйство, цѣликомъ покоящееся у насъ на прямомъ обложеніи — земское... Кто и когда любитъ платить деньги! Если можно заплатить не сегодня, а завтра, то едвали многіе заплатятъ сегодня! Иное дѣло въ другой формѣ противодѣйствовать закону и властямъ. Для этого нужно проявить извѣстную активность, и это представляетъ извѣстный рискъ. А не платить, особенно если не требуютъ, что можетъ быть легче? И въ земство прошлой осенью платить сборы перестали: одни, весьма немногіе, по принципу, другіе, громадное большинство, безъ всякаго принципа. Земство лишено было возможности покрыть накопленные за годъ долги. На немедленную же ликвидацію всѣхъ дѣлъ ни одно собраніе естественно не пошло. Стали разсчитывать на сбереженія по расходнымъ смѣтамъ и на ссуды изъ казны.

Въ такомъ положеніи оказалось дѣло къ 1-му января 1906 года. Казна ассигновала на ссуды пять милліоновъ рублей. Деньги, при нынѣшнемъ состояніи казны — немалыя. Но существенной помощи стомилліонному земскому бюджету они, конечно, не оказали. Сбереженія коснулись дорожнаго капитала и разнообразныхъ отчисленій — дальше же идти не могли. Въ земскомъ бюджетѣ подавляющую цифру составляютъ расходы на народное образованіе и на медицину, а въ этихъ расходахъ — содержаніе личнаго состава. При подобныхъ условіяхъ, если не трогать школъ, больницъ, акушеровъ, фельдшеровъ, врачей и учителей, никакого крупнаго сбереженія произвести невозможно. А ликвидировать эти отрасли земскаго хозяйства — значитъ причинить надолго непоправимый вредъ населенію. Въ глазахъ большинства земскихъ дѣятелей выбора не было: лучше вести дѣло на авось, нежели лишать крестьянъ медицинской помощи и школъ. И они такъ вели дѣло до настоящаго момента. Въ результатъ: долгъ казнѣ, долги по векселямъ, долги по заборамъ въ лавкахъ, неуплаченное за два-три мѣсяца жалованье даже прислугѣ...

У насъ передъ глазами отчетъ одной изъ уѣздныхъ земскихъ управъ за 1905 годъ. Вотъ выводы управы изъ длинныхъ столбцовъ

цифръ, касающихся поступления сборовъ вообще и въ особенности за отчетный годъ: „Такимъ образомъ, въ процентномъ отношеніи къ окладу, недоимка распредѣляется по группамъ населенія такъ: задолженность помѣщиковъ составляетъ 82,8⁰/о оклада (въ 1904 г. 73,62⁰/о); церковей и монастырей 26,2⁰/о (въ 1904 г. 21,2⁰/о); крестьянъ-собственниковъ 130,8⁰/о (въ 1904 г. 81,7⁰/о); сельскихъ обществъ (надѣльные земли) 38,57⁰/о (въ 1904 г. 4,55⁰/о); за торгово-промышленныя заведенія 69,5⁰/о (въ 1904 г. 49,34⁰/о); за городскія недвижимыя имущества 21,5⁰/о (въ 1904 г. 18,6⁰/о) и за жилые дома въ уѣздѣ 97⁰/о (въ 1904 г. 77,1⁰/о). Недоимка возросла, какъ видно изъ приводимыхъ данныхъ, по всѣмъ безъ исключенія слоямъ населенія, кромѣ казны и удѣльнаго вѣдомства. Процентъ роста недоимокъ различенъ; наибольшій все-таки падаетъ на имущества частновладельческія (59,28⁰/о) и, въ особенности, крестьянъ-собственниковъ, долгъ которыхъ возросъ до 130,8⁰/о всего оклада. Недоимка сельскихъ обществъ также поднялась съ 4,55⁰/о до 38,57⁰/о, т.-е. увеличилась на 34⁰/о, разомъ превысивъ сумму, бывшую за ними въ долгу до сложенія недоимки Высочайшимъ манифестомъ 11-го августа 1904 г.“

Приведенные выводы чрезвычайно характерны. Наибольшая задолженность и наибольшій ея ростъ въ 1905 г. падаетъ на земельныхъ собственниковъ—на помѣщиковъ и на крестьянъ, имѣющихъ купленные земли. За этими категоріями всего состоитъ въ недоимкѣ 86 тыс. руб., а за надѣльными крестьянами—62 тысячи. Въ теченіе протекшихъ девяти мѣсяцевъ 1906 года платежей не поступало почти вовсе. А потому для выясненія положенія дѣлъ въ уѣздѣ къ 1-му сентября эти цифры должно увеличить, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза, если не въ два.

Тяжесть положенія усиливается тѣмъ, что неуплаченные населеніемъ въ 1905 году деньги, само собою разумѣется, не остались у землевладельцевъ и у крестьянъ-общинниковъ на рукахъ и не были ими внесены въ сберегательныя кассы, а по-просту были израсходованы. Въ бюджетѣ мелкаго собственника и надѣльнаго крестьянина всегда есть нехватки, на которыя и ушли невнесенные въ земскія кассы рубли. Изъ доходовъ отъ урожая 1906 г. населенію придется, слѣдовательно, заплатить два оклада. А въ двадцати-восьми губерніяхъ—неурожаемъ, граничащій съ голодомъ. Между тѣмъ, чтобы земскіе финансы вернулись хотя къ тому состоянію, въ какомъ они находились къ 1-му января 1905 г., безусловно необходимо поступленіе осенью 1906 г. окладовъ за оба года. Окладъ одного года дать только возможность расплатиться за старое, т.-е. истраченное до осени 1905 года.

Положеніе—близкое къ отчаянному. Гибель грозитъ самому доро-

тому, что есть въ Россіи изъ созданнаго общественной самодѣлательностью—народной школь и народной медицинѣ. Земство—наканунѣ коренной реформы. Это вопросъ рѣшенный. Когда земство изъ сословно-дворянскаго, зависимаго отъ администраціи, связаннаго во всѣхъ своихъ начинаніяхъ по рукамъ и по ногамъ, лишеннаго исполнительныхъ органовъ внутри уѣзда—обратится въ народное и самостоятельное и когда падутъ преграды развитія идеи земскаго безсословнаго самоуправленія вширь и вглубь,—тогда крестьяне несомнѣнно будутъ платить деньги на *свое* дѣло и найдутъ способы заставить быть акуратными землевладѣльцевъ прочихъ сословій. Но для такой реформы нужно время: конституціонный строй способенъ устранить намѣренную предварительную волокиту бюрократіи, техника же разсмотрѣнія законопроектовъ при немъ еще болѣе продолжительна. Только черезъ шесть мѣсяцевъ вопросъ можетъ быть поставленъ на очередь. А гибель стучится въ дверь. Въ сентябрѣ нужно начинать учебныя занятія—какъ начать ихъ учителя, не получившіе жалованья за лѣто, и чѣмъ обезпечить ихъ земство отъ голода на восемь мѣсяцевъ учебнаго года? Сидѣлки бросаютъ больницы. Частныя фирмы, торгующія медикаментами, прекратили кредитъ. Запасовъ въ земскихъ аптекахъ не можетъ хватить на мѣсяцъ.

Пока была Дума, достаточно было ей сказать слово — и земскіе платежи стали бы поступать. И она это слово непременно бы сказала—до него только не дошла очередь. Была и другая возможность помочь бѣдѣ. Если чрезвычайно сложно коренное реформированіе земскихъ учреждений, то отнюдь не представляется таковымъ устраненіе того, что особенно лишаетъ земство довѣрія со стороны плательщиковъ. Въ теченіе самаго короткаго срока можно было возвратиться законодательнымъ путемъ къ системѣ представительства положенія 1864 г., отмѣнить законъ 1900 г. о фиксациі земскаго обложенія, отмѣнить право администраціи отказывать въ утвержденіи выбранныхъ должностныхъ лицъ и право останавливать постановленія земскихъ собраній по несоотвѣтствію ихъ интересамъ мѣстнаго населенія. Съ роспускомъ Думы эта возможность упала. Осталась одна надежда на личную энергію земскихъ дѣятелей, на то, что ихъ любовь и преданность дѣлу помогутъ имъ спасти хоть кадры тѣхъ долгими годами складывавшихся организаций, разрушить которыя проще простого и легче легкаго, а возродить будетъ безконечно трудно. Слабая надежда! Но и надъ ней, кажется, приходится поставить крестъ...

Какъ разъ въ настоящій моментъ, земство очередными выборами вспомнило, что оно есть земство сословно-дворянское. Газетныя сообщенія показываютъ, что въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга

губерніяхъ на выборахъ восторжествовали реакціонные элементы. Явленіе это не стоитъ въ связи съ тяжелымъ положеніемъ земскихъ финансовъ. Его причина коренится въ томъ, что подъ вліяніемъ дѣятельности Государственной Думы и обнаружившейся необходимости широкаго размаха при рѣшеніи земельного вопроса, въ русскомъ дворянствѣ проснулся внукъ крѣпостника—аграрій. Онъ спалъ во время выборовъ въ первую Государственную Думу, теперь проснулся и далъ бой на той почвѣ, гдѣ ему нетрудно было обезпечить побѣду... Эти элементы съ легкимъ сердцемъ ликвидируютъ и земскую школу, и земскую медицину. Откуда возьмется исключительная энергія для ихъ сохраненія у тѣхъ, кто и въ лучшія времена считалъ, что въ области медицины крестьянину довольно и фельдшера, а что школы нужно передать въ духовное вѣдомство?..

Полтора года въ университетахъ и во всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вовсе не было занятій, а занятій непрерывныхъ и въ полномъ смыслѣ слова правильныхъ въ нихъ не было уже въ теченіе лѣтъ трехъ-четырехъ, если не больше. Явленіе—глубоко печальное. Чѣмъ оно было вызвано, насколько оправдывалось общимъ политическимъ положеніемъ и насколько способствовало возникновенію и развитію освободительнаго движенія—этого мы теперь касаться не будемъ. Намъ интересуетъ въ настоящій моментъ явленіе само по себѣ и его прямые, непосредственные результаты.

Въ странѣ, безконечно бѣдной знаніями и научными силами, на цѣлые годы произошла остановка въ довершеніи образованія многими тысячами молодыхъ людей, принадлежащихъ къ нѣсколькимъ послѣдовательнымъ возрастнымъ классамъ. Для родившихся въ восьмидесятихъ годахъ нормальный срокъ полученія образованія, вмѣсто двѣнадцати лѣтъ, затянулся или затянется на четырнадцать или даже на шестнадцать. Уже одно это обстоятельство не можетъ не отражаться пагубно на самыхъ разнообразныхъ интересахъ населенія, начиная отъ высшихъ духовныхъ и кончая экономическими. Лишнихъ два или четыре года люди, вполне зрѣлые физически, обречены стоять внѣ производительнаго труда. Они должны были двѣнадцать только лѣтъ брать изъ народной сокровищницы, ничего не внося въ нее съ своей стороны, а оказалось, что судьба судила имъ стать въ ряды производительныхъ тружениковъ на долгіе два-четыре года позже. Эти долгіе годы они проводили, съ учебной точки зрѣнія, въ праздности. Если и занимались наукой, то безъ систематическаго руководительства. Будучи оторваны отъ школы, они естественно топились ухватить чтеніемъ конечные выводы научныхъ положеній и

столь же естественно постепенно отвыкали отъ усидчивости изученія, приучаясь схватывать все на-спѣхъ, на-лету. Не показываютъ развѣ повседневныя наблюденія, что истинно научные запросы молодежи понизились?

Въ началѣ послѣдняго учебнаго полугодія общество ясно видѣло, что возобновленіе занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ невозможно. Тогда всѣ жили на-пока—„до Думы“. И ожидавшійся скорый созывъ ея успокаивалъ, что съ осени все пойдетъ по новому—пойдутъ и занятія. Роспускъ Думы снова возбудилъ тревогу и беспокойство. Откроются ли аудиторіи? Вернется ли правильный ходъ учебныхъ занятій?

На первый вопросъ можно теперь почти съ увѣренностью. сказать: да. И студенты, и профессора, и все общество этого прямо жаждутъ. Газеты наполнены письмами, какъ отъ самихъ студентовъ, призывающихъ товарищей къ отказу отъ обращенія академическихъ аудиторій въ залы для общедоступныхъ митинговъ, такъ и отъ ихъ отцовъ и матерей, взывающихъ къ благоразумію студенчества. Писемъ противоположнаго содержанія, кажется, нигдѣ не появлялось. Наконецъ, какъ сообщали газеты, социаль-демократы и социалисты-революціонеры „высказались опредѣленно за открытіе высшихъ учебныхъ заведеній“, не обусловливая открытія ихъ обязательнымъ раскрытіемъ дверей для народныхъ митинговъ.

Мы не случайно написали: *почти съ увѣренностью*... При нынѣшнемъ положеніи вещей, ни въ чемъ не можетъ быть увѣренности полной. Вездѣ и во всемъ могутъ возникнуть острые конфликты и за ними совершенно неожиданныя послѣдствія. Въ средѣ же, гдѣ одну сторону представляетъ изнервничавшаяся и наэлектризованная молодежь, а другая распадается на профессорскую коллегію и враждебно относящуюся, какъ къ этой коллегіи, такъ и къ студенчеству, администрацію, конфликты возможны каждую минуту. Уже годъ, какъ высшія учебныя заведенія объявлены автономными. А что такое академическая автономія—студенты толкуютъ по своему, профессора по своему и учебная администрація тоже по своему. Весьма характерная рознь взглядовъ у администраціи и представителей профессоровъ проявилась на происходившемъ 14-го и 15-го августа совѣщаніи, посвященномъ разсмотрѣнію вопросовъ, связанныхъ съ открытіемъ высшихъ учебныхъ заведеній. „Въ теченіе второго дня разбирались вопросы о томъ, какія мѣры могутъ быть приняты совѣтами университетовъ для поддержанія „порядка“ въ высшей школѣ и въ чемъ можетъ заключаться содѣйствіе министерства. Присутствовавшіе представители учебныхъ заведеній высказались въ томъ смыслѣ, что постановка подобнаго рода вопроса со стороны центральной власти со-

вѣтамъ университетовъ является по крайней мѣрѣ странной: ясно, что у совѣта нѣтъ ни физической, ни какой иной силы для воздѣйствія на правильный ходъ академической жизни, что является прямымъ слѣдствіемъ общаго настроенія общества и политики переживаемаго момента; правильнымъ являлся бы поэтому вопросъ, обращенный совѣтами высшей школы къ центральной власти, вопросъ о томъ, что намѣрена она предпринять для того, чтобы сдѣлать возможнымъ нормальное теченіе академической жизни“ („Рѣчь“, № 141).

Большую опасность представляетъ далѣе возникшее разногласіе между правленіемъ и студентами петербургскаго университета по вопросу о платѣ за второе полугодіе минувшаго учебнаго года. Приводимъ репортерскую замѣтку, одновременно появившуюся въ нѣсколькихъ газетахъ: „Въ университетѣ, въ канцеляріи по студенческимъ дѣламъ, сошлось нѣсколько тысячъ студентовъ, пришедшихъ продлить срокъ видовъ на жительство. Согласно постановленію правленія университета, студентамъ, не внесшимъ платы за весеннее полугодіе, отсрочекъ видовъ на жительство произведено не было. Среди возбужденнаго подобной репрессивной мѣрою студенчества говорятъ, что если совѣтъ профессоровъ не будетъ выдавать видовъ на жительство, согласно постановленію прошлагодной общестуденческой сходы, независимо отъ взноса платы за ученіе, то возможно возникновеніе чисто академической забастовки, чѣмъ къ сожалѣнію можетъ сильно затормозиться открытіе университета“.

По существу вопроса едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что студенты протестуютъ вполне основательно. Университетъ былъ закрытъ, учебнаго курса они не проходили—за что же они будутъ платить деньги? Уплата ими за весеннее полугодіе явится или штрафомъ, неизвѣстно за что, или оплатой вида на жительство двадцатью-пятью рублями, что никакимъ закономъ не предусмотрено и явно противорѣчить отмѣнѣ паспортнаго сбора даже съ лицъ податныхъ состояній. Но на эту почву студенты вопроса не ставятъ. Въ основу протеста они кладутъ состоявшееся „постановленіе прошлагодной общестуденческой сходы“, отрицая, слѣдовательно, формальное право правленія университета требовать плату и относя рѣшеніе вопроса къ компетенціи самого студенчества. Разъ имъ удастся выиграть споръ при такой постановкѣ, начнется дальнѣйшее съ ихъ стороны толкованіе въ томъ же направленіи понятія университетской автономіи, и всѣ условія для конфликта съ профессорскою коллегіей будутъ налицо.

Мы не менѣе опасаемся и объясненій правленія университета, если оно не поспѣшитъ отказаться отъ своего явно несправедливаго и по существу неосновательнаго требованія. Что оно можетъ привести въ его защиту? Ничего другого, кромѣ того, что въ теченіе весенняго

полугодія ректоръ, профессора, чины университетской канцеляріи и т. д. продолжали получать жалованье, что зданіе отоплялось, что потомъ въ немъ былъ произведенъ ремонтъ и проч. Если же оно это скажетъ, то переведетъ вопросъ на почву частно-правовыхъ обязательственныхъ отношеній и тѣмъ дастъ право студенчеству спросить: а насъ спрашивали, продолжать ли платежъ вамъ жалованья и ремонтировать ли зданіе университета?..

Вернется ли правильное теченіе учебныхъ занятій—будетъ зависеть отъ того, какъ они начнутся, а главное—отъ хода событій за стѣнами высшихъ учебныхъ заведеній.

У насъ оставалось въ распоряженіи, до сдачи рукописи въ наборъ, менѣе часа, когда мы прочли опубликованный 23 августа законъ объ усиленіи отвѣтственности за пропаганду въ войскахъ. Законъ вводитъ двоякаго рода изыятія: въ области матеріальнаго права и въ области процесса. Первое состоитъ въ повышеніи наказаній за возбужденіе къ бунтовщическимъ и т. п. дѣйствіямъ, предусмотрѣнное 129 ст. уголовного уложенія, отъ исправительнаго дома и поселенія до каторги, съ ограниченіемъ объема правъ суда на смягченіе — если преступленіе совершено „во время исполненія военнотрудовыми обязанностями военной службы или въ мѣстѣ, находящемся въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, или же въ помѣщеніи, временно занятомъ войсковою частью“. Второе—устанавливаетъ подсудность военному суду за совершенныя при изложенныхъ условіяхъ дѣянія, предусмотрѣнныя ст. 129, 130 и 131 уголовного уложенія.

Изъ настоящей хроники видно, насколько мы отрицательно относимся къ революціонизированію войскъ. Но это отнюдь насъ не дѣлаетъ сторонниками новаго закона. Не суровостью каръ должно бороться съ явленіемъ. Войско должно стоять внѣ политическихъ теченій и не должно въ немъ совершаться тѣхъ мелочныхъ злоупотребленій, которыя создаютъ почву для справедливаго недовольства солдатъ. Если же въ армію широкой волной будетъ вливаться черносотенная пропаганда, то никакая суровость каръ не остановитъ притока пропаганды и революціонной. вмѣстѣ съ этимъ бросается въ глаза случайность усиленія репрессіи. Если виновный соберетъ гдѣ угодно толпу солдатъ и станетъ возбуждать ее къ бунтовщическимъ дѣйствіямъ, то онъ понесетъ нормальное наказаніе. Если же онъ то же самое совершитъ въ казармахъ, гдѣ къ услугамъ власти имѣется неизмѣримо болѣе мѣръ предупрежденія, то наказаніе ему будетъ назначено усиленное—каторга. Получается, такимъ образомъ, огромное усиленіе наказанія за фактъ проникновенія въ казармы.

Еще болѣе возраженій вызываетъ замѣна общей подсудности военною. Она вноситъ въ наше право начало, отъ котораго законодатель категорично отказался при утвержденіи судебныхъ уставовъ 1864 года. До судебной реформы существовало безконечное множество случаевъ — порой курьезныхъ — подсудности военному суду частныхъ лицъ, внѣ условій военнаго положенія и исключительныхъ законовъ объ охранѣ. Теперь одинъ изъ этихъ случаевъ возродился. Не явится ли слѣдующимъ шагомъ подсудность военному суду за оскорбленіе военнослужащихъ, за кражу у нихъ и т. д.? Изъ органа судебной власти въ войскѣ военный судъ готовъ преобразиться въ органъ охраны войска. Кстати, объявлена новая форма „скоропалительнаго“ военнаго суда — безъ слѣдствія и дознанія, безъ вызова свидѣтелей, безъ кассаци и безъ участія юристовъ...

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 10.

ОКТАВРЬ, 1906.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1906.

- I.—ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ АНГЛИИ.—I.—III.—В. Ф. Дурновоичева.
- II.—ГРАФЪ А. В. ТОЛСТОЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ.—I—V.—А. Ле-
винский.
- III.—МАТЭЙ ПОРИНА.—Земля.—По последнему роману Рейнхольда „Сбори“—
А. Коломисаго.
- IV.—НАНИ ЗАТАЧИ НА БЛИЖИМЪ ВОСТОКЪ.—А. Н. Казинна.
- V.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—Источники.—I—II.—О. Н. Чюминой.
- VI.—ДЕБРИ.—Романы.—Гримо Sinclair. The Jungle —XIII—XXII.—Съясн. З. В.
- VII.—МЕРТВЫЙ ПРАВДА.—Рассказы.—В. В. Удальова-Кавлуновскаго.
- VIII.—БЪГОРАХЪ НОРВЕГИИ.—Изъ путевыхъ записокъ.—I—XII.—Сергея Драго-
ваго.
- IX.—МИССИЯ МИСТЕРА БЛЕЙСА ГРИНА.—Рассказы Галича.—The black crea-
tion and other stories by H. Nichols.—I—VII.—Съясн. Ф. Ч.
- X.—ХРОНИКА.—Указованія охъ военной полициею.—Законъ 18-го авгу-
ста 1906 г.—В. Д. Кузнецина-Караваева.
- XI.—КУЛЬТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.—Правительственное сообщеніе 24-го августа.—
Предлагъ въ интересъ пасажъ законъ можетъ быть отразился на-впередъ.—
Военно-полевые суды и диктатура.—Где такія власть власти?—Почемъ
малъ, привлекательны бракъ.—Вопросъ, принадлежность интеллигенціи.—
Земство и подомки.—Возможно ли избрание избирательнаго закона?—
Какъ о партіи жиролю обновленіи.—Общественная организация организа-
ционной помощи.
- XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.—I. Довларъ-Давидовскій, М. П., пром.—Новые
литературныя.—II. Л. Г. Кирбъ, Дневники существовала изъ Москвитинъ, пром.
А. И. Максимовъ.—III. Фаррелъ, Мужики и паталисты.—IV. Е. Н. Пату-
ковъ, Императорскій университетъ, бывший деретскій университетъ, 1805—
1902 г.—V. Ларенко, Страшное дѣло Порты-Артура.—Веревкинъ, Н. и По-
жаръ, Е. К.—оба ослѣдъ Порты-Артура.—Кузнецкий, Ф. Изъ писемъ по-
мощи.—Евг. Л.—VI. Г. Галича, Прозрачность итца.—К. Ч.—VII. Ка-
чаровскій, Народное право.—VIII. В. К. Озерова, Политика по рабочему
вопросу въ Россіи, за послѣднее годы.—IX. Культурный уровень крестьян-
скаго населения на западной землѣ и его значеніе на политическомъ во-
просѣ, послѣдъ П. П. Соловьева.—В. П.—Новые книги и брошюры.
- XIII.—ВЪ С. ТУРГЕНЕВЪ ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ И ПЪ
ЕГО ПИСЬМАХЪ КЪ НИМЪ.—Einführung, Leben und Studien von
Ludwig Friedländer, Erster Theil.—I. Воспоминанія о Тургеневѣ П. Писа-
ковъ изъ Фридрихсбурга.—Съ пѣмъ Сергѣй Бергелъ.
- XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.—Речь Вильгельма II и друшія монархическія.
—Консервативная оппозиція противъ короля.—Внутреннія дѣла Пруссіи и
Германіи.—Социалистическія съѣзды въ Мюнхенѣ.—Краткій вопросъ.—
Реформа въ Китаѣ и Персін.
- XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Georg Brandes, Henrik Ibsen.
—В. В.
- XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Дѣя террора.—Начало Л. П. Гуми-
на.—Торжественное речеисполненіе элементнаго свѣдѣнія.—Политическія свѣдѣнія
членовъ Думы изъ сурового дворянскаго собранія.—Родительскія обязанности
въ предѣлахъ учебныхъ заведеній.—Прибыль англійской иммиграціи.—А. Т.
Облиновскій.
- XVII.—ИНТЕРЕСНОЕ.—I. Отъ Комитета Литературнаго Фонда.—II. Отъ Русскаго
Общества изданія народнаго здравія.—III. Отъ Общества экономическо-
наго студентства или университета съ. Владивостокъ.—IV. Отъ университета
для отставныхъ дѣтей, М. Н. Мазаровскаго и Е. П. Ратова.
- XVIII.—ИЛЛЮСТРАЦИОННЫЙ ЛИСТОКЪ.—Черемисинъ, Ил.—Изъ русскихъ картинъ.
—А. П. Шинка, Характеристики литературныхъ мѣсяцъ отъ 20-хъ до
50-хъ годовъ. Третье изданіе.—В. Святловскій, Изъ исторіи политическаго
мнѣнія и статистики въ Россіи.—М. Овсянко, Талл-политическаго „Характеръ
жизни“.—Жоржъ Вейль, Исторіе социальнаго движенія во Франціи
(1850—1902 г.).
- XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I—VIII.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ

И

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ АНГЛІИ

A. V. Dicey, Lectures on the Relation between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century. London, 1905.

А. В. Дайси пользуется и у насъ широкою и заслуженною извѣстностью, какъ глубокой и блестящей истолкователь основ-ныхъ началъ англійской конституціи. Сочиненіе его по этому предмету въ русскомъ переводѣ выдержало два изданія, что уже много выпадаетъ на долю ученыхъ произведеній. Новый трудъ знаменитаго оксфордскаго профессора, изданный имъ „Лекціи о соотношеніи между законодательствомъ и общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи въ теченіе XIX-го вѣка“, представляетъ также огромный интересъ и отличается тѣми же достоинствами, глубиною и ясностью анализа сложныхъ явленій и вопросовъ, которыми такъ ярко выступаютъ въ его „Основахъ англійскаго конституціоннаго права“.

Задача лекцій профессора Дайси, какъ то видно и изъ заглавія книги, состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить связь или соотношеніе между развитіемъ англійскаго законодательства въ XIX вѣкѣ и теченіемъ англійской общественной мысли, какъ она выразилась въ теченіяхъ общественнаго мнѣнія, которыя послѣдовательно мѣнялись другъ друга. Въ предисловіи авторъ указываетъ, что у него не есть изслѣдованіе, а скорѣе рядъ выводовъ и замечаній. „Она написана не съ цѣлью раскрытія новыхъ фактовъ, а съ тѣмъ, чтобы изъ многихъ хорошо извѣстныхъ

фактовъ политической, соціальной и правовой исторіи извлечь заключенія, которыя нерѣдко, при всей очевидности ихъ, проходятъ незамѣченными, и которыя не лишены большого значенія“.

Въ исторіи Англіи XIX-й вѣкъ представляется знаменательнымъ періодомъ первостепенныхъ политическихъ реформъ и важныхъ соціальныхъ преобразованій. Изъ страны съ аристократическимъ управленіемъ она постепенно превратилась въ демократію; широкое преобладаніе индивидуалистическихъ началъ въ ея законодательствѣ мало-по-малу уступило мѣсто инымъ теченіямъ въ духѣ развитія государственнаго вмѣшательства въ различныя стороны соціальной жизни. Глубокій переворотъ въ строѣ управленія и въ направленіи законодательства совершился безъ какихъ-либо катастрофъ и потрясеній, путемъ спокойной эволюціи общественнаго сознанія. Важнѣйшіе моменты и проявленія этой эволюціи находятъ себѣ яркое и разностороннее освѣщеніе въ книгѣ проф. Дайси.

I.

Разсмотрѣніе главныхъ теченій общественнаго мнѣнія, повліявшихъ на развитіе англійскаго законодательства въ XIX-мъ вѣкѣ, профессоръ Дайси предваряетъ нѣкоторыми общими замѣчаніями. На нихъ необходимо остановиться, такъ какъ въ нихъ выясняется основная точка зрѣнія автора на соотношеніе между общественнымъ мнѣніемъ и законодательствомъ, а также указываются главные особенности, характеризующія развитіе и значеніе общественнаго мнѣнія въ Англіи.

Зависимость законодательства отъ измѣняющихся теченій общественнаго мнѣнія пользуется широкимъ признаніемъ. „Всѣ мы, — говоритъ Дайси, — такъ привыкли надѣлять общественное мнѣніе таинственною и почти сверхъестественною силою, что мы упускаемъ изъ вида необходимость отдать себѣ отчетъ въ томъ, что именно разумѣмъ мы подъ общественнымъ мнѣніемъ, а также измѣрить настоящіе предѣлы его вліянія и опредѣлить способы его воздѣйствія“.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что устойчивость человѣческихъ учрежденій находится, вообще, всюду и всегда въ тѣсной зависимости отъ убѣжденій и чувствъ того общества, въ которомъ создались эти учрежденія. Но это обстоятельство еще не даетъ возможности утверждать, что законодательство каждой страны

само представляет собою результатъ того, что мы разумѣемъ подъ „общественнымъ мнѣніемъ“. Этимъ терминомъ, въ примѣненіи его къ законодательству, обозначается наличность въ данномъ обществѣ господствующаго убѣжденія въ томъ, что такіе-то законы благотѣльны и потому должны быть сохраняемы, или — что они пагубны и потому должны быть измѣнены или отмѣнены. Утвержденіе, что въ такой-то странѣ законодательство направляется общественнымъ мнѣніемъ, означаетъ, что законы въ ней сохраняются или отмѣняются въ соотвѣтствіе съ взглядами или желаніями обитателей этой страны. Между тѣмъ, это утвержденіе, будучи вѣрнымъ по отношенію къ современной Англіи, не всегда можетъ быть признано вѣрнымъ для всѣхъ странъ и для всѣхъ временъ, при чемъ и для Англіи оно не всегда было вѣрнымъ.

Во-первыхъ, во многихъ обществахъ едвали даже можно признать наличность общественнаго мнѣнія, — если подъ этимъ терминомъ разумѣть сознательные взгляды населенія на измѣненіе или улучшеніе его учреждений. Члены такихъ обществъ живутъ скорѣе подъ вліяніемъ привычекъ, чѣмъ сознательнаго мышленія, и обнаруживаютъ традиціонную вѣрность укоренившимся обычаямъ и нежеланіе какихъ-либо перемѣнъ. Таковы восточныя страны. Въ нихъ, какъ и на Западѣ, также господствуетъ общественное мнѣніе, въ широкомъ смыслѣ этого слова; но присущее имъ нежеланіе перемѣнъ въ отношеніи къ вѣковымъ устоямъ представляет собою нѣчто совершенно отличное отъ общественнаго мнѣнія, которое въ Англіи XIX-го и XX-го вѣковъ постоянно требуетъ улучшеній въ законодательствѣ страны.

Во-вторыхъ, возможно указать на государства, въ которыхъ законы и учрежденія подвергались коренному измѣненію не подъ вліяніемъ идей или стремленій населенія или значительной части его, а въ силу убѣжденій, исповѣдуемыхъ небольшимъ числомъ людей и даже отдѣльными лицами, въ рукахъ которыхъ оказывалась власть. Реформы Петра Великаго въ Россіи и Фридриха Великаго въ Пруссіи проведены были не подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія русскаго народа или пруссаковъ, а силою убѣжденій этихъ отдѣльных личностей, давшихъ новое направленіе законодательству и учрежденіямъ двухъ великихъ государствъ.

Въ-третьихъ, законодательство страны можетъ не отражать общественнаго мнѣнія вслѣдствіе отсутствія законодательнаго органа, который соотвѣтствовалъ бы требованіямъ времени. Скопленіе тѣхъ злоупотребленій, которыя вызвали французскую революцію, обуславливалось въ значительной степени отсутствіемъ

законодательнаго учрежденія, которое обладало бы достаточною силою и волею, чтобы осуществить реформы, давно выдвигавшіяся французскимъ образованнымъ обществомъ. Съ другой стороны, можно признать, что замедленіе въ области необходимыхъ реформъ въ Англіи конца XVIII и начала XIX вѣковъ обуславливалось не только реакціонными теченіями подъ впечатлѣніемъ французской революціи, но и несовершенствомъ законодательнаго органа, какимъ являлся до-реформенный парламентъ.

Тѣсная и непосредственная связь, существующая въ современной Англіи между общественнымъ мнѣніемъ и законодательствомъ, представляетъ собою своеобразный и заслуживающій вниманія фактъ, подобнаго которому трудно найти въ другомъ мѣстѣ. Нигдѣ перемѣны въ народныхъ убѣжденіяхъ и желаніяхъ не получали такого быстрого выраженія въ измѣненіяхъ законодательства, какъ въ Великобританіи въ XIX-мъ вѣкѣ и особенно во второй половинѣ его. Францію называютъ страню революцій, Англія славится консерватизмомъ; но бѣлаго взгляда на законодательную исторію обѣихъ странъ достаточно, чтобы убѣдиться въ ошибочности ходячаго противоположенія между французскою перемѣнчивостью и англійскою неизмѣнностью. Не взирая на рядъ революцій, происходившихъ въ Парижѣ, основныя постановленія кодекса Наполеона сохраняются неизмѣнными со времени его изданія въ 1804 году. Въ Англіи въ 1804 г. престолъ занималъ Георгъ III, и англійское общественное мнѣніе въ ту пору не было склонно къ какимъ-либо законодательнымъ или политическимъ перемѣнамъ; и однако едвали можно указать какую-либо часть англійскаго собранія статутовъ, которая между 1804 г. и настоящимъ временемъ не подверглась измѣненіямъ по существу или по формѣ, при чемъ сверхъ измѣненій, проведенныхъ черезъ парламентъ, нужно имѣть въ виду не менѣе важныя нововведенія, явившіяся въ результатѣ правотворческой дѣятельности судовъ. Съ другой стороны, Соединенные Штаты Сѣверной Америки живутъ подъ режимомъ чистой демократіи, и ни въ одной странѣ нѣтъ такой свободы выраженія мнѣній; между тѣмъ, вся исторія Соединенныхъ Штатовъ показываетъ, что, во всякомъ случаѣ, федеральное законодательство не легко поддается широкимъ и внезапнымъ перемѣнамъ, да и въ законодательствахъ отдѣльныхъ штатовъ не обнаруживается глубоко или рѣзкихъ перемѣнъ.

Общественное мнѣніе, находящее выраженіе въ законодательствѣ, представляетъ собою весьма сложное явленіе и часто принимаетъ форму компромисса, возникающаго изъ борьбы меж у

идеями правительства и чувствами или привычками населенія. „Верховная власть,—говоритъ Дайси,—можетъ находить извѣстную законодательную мѣру цѣлесообразною, но въ то же время не желать или даже не быть въ состояніи осуществить такое свое убѣжденіе, и это изъ опасенія оскорбить чувства подданныхъ, которые, хотя вообще и не принимаютъ активнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, могутъ проявить неодолимое противодѣйствіе законамъ, нарушающимъ ихъ привычки или возмущающимъ ихъ нравственное чувство“.

Сказанное примѣнимо ко всѣмъ странамъ, какова бы ни была форма правленія, но особенно рѣзко это выражается въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ законодательство, проходящее черезъ парламентъ, постоянно носитъ на себѣ слѣды компромисса „между просвѣщеніемъ и предрасудкомъ“. Дайси отмѣчаетъ рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ XVIII-мъ вѣкѣ и позднѣе законодательство нерѣдко считалось съ невѣжествомъ и предрасудками населенія. Вальполь и его сотрудники-виги были свободны отъ ханжества, однако Вальполь никогда не согласился бы освободить диссентеровъ отъ дѣйствія Test Act'a (присяги въ отреченіи отъ папской власти), хотя диссентеры были его надежными сторонниками. Актъ 1753 года, облегчавшій натурализацію евреевъ, былъ—во вниманіе къ народному ропоту—отмѣненъ въ ближайшую сессію послѣ его изданія. Скромная мѣра 1778 г. о смягченіи уголовныхъ законовъ противъ католиковъ вызвала въ 1780 г. вспышку революціоннаго насилія; происшедшій въ этомъ году бунтъ лорда Гордона объясняетъ, если не оправдываетъ, замедленіе на долгое время эмансипаціи католиковъ. Да и самый актъ 1829 года объ эмансипаціи католиковъ является весьма интереснымъ памятникомъ законодательнаго компромисса. Мѣра эта была проведена реформистами, желавшими полнаго устраненія политическихъ ограниченій, подъ которыми находились католики въ Соединенномъ Королевствѣ; однако, въ этотъ актъ были внесены (ст. 28—36) суровыя постановленія объ изгнаніи изъ королевства „всякаго іезуита и всякаго члена какого-либо другого ордена, союза или общества римской церкви, связанныхъ монашескими или религіозными обѣтами“. Какимъ образомъ случилось, что въ законъ о возстановленіи гражданскихъ правъ католиковъ внесены были уголовныя кары противъ іезуитовъ и монаховъ?—спрашиваетъ Дайси. „Отвѣтъ ясенъ. Общій характеръ закона отражаетъ просвѣщенные взгляды правящаго класса, который, пользуясь благоприятными обстоятельствами, провелъ мѣру религіозной терпи-

мости, въ разрѣзъ съ предразсудками народа. Уголовныя постановленія, грозящія іезуитамъ и монахамъ изгнаніемъ, которое никогда, однако, ни въ единомъ случаѣ не было примѣнено, являются памятникомъ уступки, сдѣланной народному ханжеству государственнымъ тактомъ парламентскихъ дѣятелей“.

Положенію, по которому развитіе законодательства зависитъ отъ общественнаго мнѣнія, можетъ быть противопоставлено указаніе, что въ вопросахъ законодательства люди руководствуются главнымъ образомъ своимъ интересомъ, а не убѣжденіемъ въ хорошихъ качествахъ того или другого закона. Внимательный анализъ показываетъ, однако, что между этимъ указаніемъ и приведеннымъ положеніемъ нѣтъ никакого противорѣчія.

Совершенно вѣрно, что въ законодательствѣ люди руководствуются болѣе всего своимъ дѣйствительнымъ или кажущимся интересомъ. Это до такой степени вѣрно, что изъ обзорѣнія законовъ страны часто нетрудно догадаться, какому классу принадлежала или принадлежитъ господствующая власть въ данное время. Стоитъ бросить бѣглый взглядъ на законы и учрежденія въ эпоху среднихъ вѣковъ, чтобы сейчасъ же замѣтить, что господствующая власть была связана съ землевладѣніемъ. Кто, ознакомившись съ сборникомъ законовъ Ямайки или Южной Каролины, не обнаружитъ, что въ извѣстное время бѣлые были деспотическими властями надъ черными? Кто изъ контраста между англійскимъ земельнымъ правомъ и современнымъ земельнымъ законодательствомъ Франціи не усмотритъ, что въ Англіи политическая власть сосредоточивалась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а въ современной Франціи она находится въ рукахъ мелкихъ собственниковъ? Законы о свободѣ торговли 1846 г. и позднѣйшихъ годовъ показываютъ намъ, что политическая власть въ Англіи перешла въ то время въ руки промышленниковъ и торговцевъ. Даже незнакому съ исторіею парламентскихъ реформъ въ Англіи легко было бы, по важнѣйшимъ изъ новыхъ статутовъ, замѣтить, что въ теченіе XIX-го вѣка усилилась политическая власть сначала среднихъ классовъ, затѣмъ городскихъ рабочихъ и наконецъ сельскихъ рабочихъ. Словомъ, связь между законодательствомъ и интересами законодателей вполне очевидна.

На указанное выше противопоставленіе Дайси отвѣчаетъ слѣдующими словами Юма: „Хотя люди въ значительной степени управляются интересомъ, однако самый интересъ и всѣ человѣческія дѣла всецѣло управляются *убѣжденіемъ*“. Слѣдовательно, если мы и допустимъ, что люди, имѣющіе власть въ дѣлѣ изда-

нія законовъ, всецѣло руководствуются желаніемъ обезпечить свои личныя и эгоистическіе интересы, то все-таки пониманіе ими своего интереса и, стало быть, самое законодательство ихъ опредѣляются ихъ взглядами, ихъ убѣжденіями; и потому тамъ, гдѣ общество имѣетъ вліяніе, развитіе законодательства направляется общественнымъ мнѣніемъ.

Въ связи съ этимъ Дайси высказываетъ нѣсколько глубокихъ соображеній о соотношеніи между интересомъ и убѣжденіемъ.

Граждане цивилизованной страны, какъ Англія, большею частью вовсе не проявляютъ узкаго эгоизма въ обычномъ смыслѣ этого слова. Они, безъ сомнѣнія, стремятся обезпечить свои интересы, т.-е. увеличить свои удобства и уменьшить свои неудобства, но они вовсе не имѣютъ въ виду принести въ жертву своимъ частнымъ выгодамъ благополучіе своихъ ближнихъ или благосостояніе государства. Правда, отдѣльныя лица и еще чаще классы постоянно поддерживаютъ законы и учрежденія, которые они считаютъ благотѣльными для себя, но которые на дѣлѣ оказываются вредными для другихъ. Однако, такой образъ дѣйствій, въ девяти случаяхъ изъ десяти, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что люди легко приходятъ къ убѣжденію, что мѣры, выгодныя для нихъ, благотѣльны и для другихъ. Англійскіе мануфактуристы искренно вѣрили въ протекціонизмъ, пока считали его благотѣльнымъ для промышленности, и стали такъ же искренно вѣрить въ свободу торговли съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ окрѣпло убѣжденіе, что свобода хлѣбной торговли окажется благопріятной для торговли вообще и принесетъ дополнителныя выгоды для мануфактурной промышленности. Крупные землевладѣльцы и фермеры, извлекавшіе выгоды отъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, были вообще совершенно честными протекціонистами; они были убѣждены, что протекціонизмъ, вынуждая страну обходиться собственными средствами и расширяя сферу земледѣлія, составлялъ большое благодѣяніе для націи. Въ настоящее время рабочій, думающій, что благосостояніе рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственное благополучіе, развивается благодаря трэдъ-юніонизму, добросовѣстно убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ ничего худого въ тѣхъ приѣмахъ дѣятельности, которые, хотя ими и стѣсняется личная свобода отдѣльныхъ рабочихъ, увеличиваютъ вліяніе рабочихъ союзовъ.

Дайси находитъ нужнымъ подчеркнуть, что изъ разнообразныхъ видовъ общественнаго мнѣнія онъ въ своей работѣ имѣетъ дѣло только съ тѣми проявленіями общественнаго мнѣнія, которыя отражаются въ законодательствѣ, — съ тѣмъ, что онъ назы-

ваетъ „законодательнымъ общественнымъ мнѣніемъ“ (law-making or legislative public opinion). Поэтому теченія общественной мысли, какъ индивидуализмъ и социализмъ, получаютъ у него лишь общее освѣщеніе, при которомъ не приходится вникать въ такіе оттѣнки, какъ, напр., различіе между абсолютнымъ индивидуализмомъ Герберта Спенсера и практическимъ или утилитарнымъ индивидуализмомъ Д. С. Милля и Г. Сиджвика. Съ другой стороны, ему не приходится касаться также и крайнихъ формъ индивидуализма и социализма. „Крайнія и логически послѣдовательныя теоріи, — говоритъ Дайси, — не оказывали существеннаго воздѣйствія на развитіе англійскаго права въ теченіе XIX вѣка. Только умѣренный индивидуализмъ, хотя бы и непослѣдовательный, какъ, съ другой стороны, только умѣренный социализмъ, хотя бы и непослѣдовательный, повліяли на разработку англійскихъ законовъ и потому могутъ быть признаны законодательнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Намъ нечего касаться того индивидуализма, который требуетъ даже уничтоженія государственной организаціи почтоваго дѣла, какъ и того социализма, который требуетъ націонализаціи земли“.

Говоря объ общественномъ мнѣніи, не слѣдуетъ забывать, что оно можетъ проявляться и отрицательнымъ образомъ, — вліять не только на созданіе законовъ, но и на остановку въ ихъ развитіи, какъ это было въ Англіи въ началѣ XIX вѣка. Впрочемъ, въ Англіи, — замѣчаетъ Дайси, — періоды оживленной законодательной дѣятельности всегда были исключительными. Ихъ можно свести къ четыремъ, а именно: эпоха Эдуарда I, вѣкъ Тюдоровъ, періодъ реставраціи и эпоха, слѣдовавшая за актомъ о реформѣ 1832 г. и начавшаяся немного раньше. „Не слѣдуетъ и удивляться, — говоритъ Дайси, — что отсутствіе оживленнаго законодательства было общимъ правиломъ, а не исключеніемъ. Во всякой странѣ, управляемой согласно съ желаніями населенія, вообще не существуетъ особеннаго стремленія къ перемѣнамъ. И это соображеніе заслуживаетъ вниманія, такъ какъ законодательная дѣятельность, болѣе или менѣе преобладавшая въ послѣднія семьдесятъ лѣтъ, вызываетъ въ англичанахъ иллюзію, что народное чувство всегда благопріятствуетъ дѣятельному законодательству. Во всякомъ случаѣ, опытъ демократическихъ странъ, въ которыхъ конституція обезпечиваетъ регулярный способъ апеллированія отъ законодательнаго собранія къ народу, показываетъ, что голосъ народа можетъ быть одинаково склоненъ къ задержанію, какъ и къ возбужденію энергій парламентскихъ законодателей. По крайней мѣрѣ, возможно, что въ Англіи з -

конодательная дѣятельность парламента снова ослабѣетъ и страна вступить въ новый періодъ законодательнаго затишья“.

Въ общественномъ мнѣніи Англіи, въ соотношеніи его съ развитіемъ законодательства XIX вѣка, можно усмотрѣть нѣсколько характерныхъ особенностей, которыя могутъ быть сведены къ пяти пунктамъ: наличность въ каждый данный періодъ преобладающаго теченія общественнаго мнѣнія; происхождение такого теченія; непрерывность въ развитіи его; сдержки, встрѣчаемыя имъ отъ теченій противныхъ и перекрестныхъ; вліяніе самихъ законовъ на развитіе общественнаго мнѣнія.—Разсмотримъ эти особенности.

1) Въ каждый данный моментъ существуетъ совокупность вѣрованій, убѣжденій, чувствъ, усвоенныхъ принциповъ или укоренившихся предразсудковъ, которые вмѣстѣ образуютъ общественное мнѣніе извѣстной эпохи. Вліяніе такого господствующаго или преобладающаго теченія прямо или косвенно опредѣляетъ въ Англіи развитіе законодательства.

Такія теченія общественнаго мнѣнія приобрѣтаютъ свою силу и размахъ постепенно и сами въ свою очередь задерживаются или замѣняются другими теченіями, которыя получаютъ силу лишь по прошествіи извѣстнаго промежутка времени.

2) Теченіе общественнаго мнѣнія, оказывающее вліяніе на законодательство, возникаетъ нерѣдко, по крайней мѣрѣ въ современной Англіи, подъ воздѣйствіемъ какого-нибудь одного мыслителя или какой-либо школы. Хотя и говорятъ иногда, и не безъ основанія, что такое-то убѣжденіе „носится въ воздухѣ“ и составляетъ какъ бы общее достояніе, однако рѣдко бываетъ, что такое убѣжденіе развивается въ массахъ самопроизвольно.

Вотъ какъ обыкновенно складываются теченія общественнаго мнѣнія въ Англіи. У какого-нибудь оригинальнаго или гениальнаго мыслителя зарождается новая и, допустимъ, совершенно вѣрная идея; онъ самъ, или восторженный послѣдователь его, проповѣдуетъ ее своимъ друзьямъ или ученикамъ; послѣдніе въ свою очередь также проникаются убѣжденіемъ въ важности и истинности идеи, и мало-по-малу ее принимаетъ уже цѣлая школа. Апостолы новой вѣры производятъ, наконецъ, впечатлѣніе либо на публику въ широкомъ смыслѣ, либо на какого-нибудь выдающагося государственнаго дѣятеля, который своимъ вліяніемъ обезпечиваетъ новой идеѣ поддержку націи. Однако, конечный успѣхъ новой идеи, религіозной, экономической или политической, лишь въ слабой степени зависитъ отъ силы аргументаціи, съ которою защищается идея, или даже отъ энтузіазма

васть
ог лед
мысли
лишь
въ та
инди
литар
друго
форм
слѣд
ствен

XIX

послѣ
соціа
ботку
закон
сатьс
госуд
ціали

Г
что о
не то
вити,
въ Ан
тельно
свести
ровъ,
реформ
и удив
законод.
Во вся
нія, во
намъ. И
конодате
послѣдні
что наро
конодате
странъ, в
сообъ аппе
показывае
въ задс
законо

принципъ, что религіозное вѣрованіе или отсутствіе религіозныхъ убѣжденій не должно лишать человѣка политическихъ правъ, былъ наконецъ признанъ, но понадобился длинный рядъ актовъ, между 1721 и 1888 годами, чтобы принципъ этотъ получилъ полное осуществленіе даже по отношенію къ праву засѣдать въ парламентѣ. Сводъ рабочаго законодательства есть результатъ болѣе сорока мѣръ, изданныхъ въ XIX вѣкѣ. Смягченіе уголовного законодательства Англіи совершилось путемъ изданія серіи отдѣльныхъ актовъ, изъ которыхъ каждый касался отдѣльныхъ видовъ преступленій. Если число преступныхъ дѣяній, караемыхъ смертною казнью, упало съ 160 до 2, то эта гуманизация англійскаго права составляетъ результатъ многихъ актовъ, проведенныхъ главнымъ образомъ между 1827 и 1861 годами.

Рядомъ съ медленностью развитіе англійскаго общественнаго мнѣнія характеризуется непрерывностью, которая въ рѣдкихъ случаяхъ нарушается какими-либо отклоненіями. Въ связи съ этимъ Дайси отмѣчаетъ нѣсколько характерныхъ свойствъ англійскаго общественнаго мнѣнія.

Общественное теченіе, вызывающее измѣненіе въ законодательствѣ, есть, въ извѣстномъ смыслѣ, теченіе того момента, когда совершается дѣйствительная перемѣна въ законодательствѣ; въ другомъ смыслѣ оно нерѣдко являлось въ Англіи теченіемъ, господствовавшимъ лѣтъ двадцать или тридцать передъ тѣмъ; въ дѣйствительности оно является теченіемъ не сегодняшнимъ, а вчерашняго дня.

Законодательное теченіе, конечно, должно быть теченіемъ дня, потому что, когда измѣняются законы, измѣненіе осуществляется законодателями, дѣйствующими въ убѣжденіи, что эта перемѣна есть исправленіе; но такое теченіе является также и теченіемъ вчерашняго дня, потому что убѣжденія, укоренившіяся настолько, чтобы вызвать измѣненіе закона, созданы были мыслителями и писателями, которые проявляли свое вліяніе задолго до совершившейся перемѣны въ законодательствѣ. Вполнѣ возможно, что какое-либо нововведеніе осуществляется уже тогда, когда люди, ратовавшіе въ пользу него, покоятся въ могилахъ, или даже когда обнаружилось уже движеніе противъ идей, получающихъ осуществленіе въ законодательствѣ.

„Нѣтъ ничего мистическаго, — говоритъ Дайси, — въ томъ, что, которымъ вчерашняя мысль или чувство направляетъ сегодняшнюю политику или законодательство. Законодательная работа совершается въ Англіи людьми пожилыми; политическіе дѣтели, руководящіе палатою общинъ, не говоря уже о пэрахъ,

руководящихъ палатою лордовъ, имѣютъ очень немногіе менѣе тридцати лѣтъ, а большинство изъ нихъ свыше сорока лѣтъ. Ихъ убѣжденія и, что еще важнѣе, ихъ предубѣжденія сложились въ пору ранней молодости, которая является единственнымъ періодомъ жизни, когда люди легко поддаются новымъ идеямъ. Поэтому англійскіе законодатели сохраняютъ предрасудки или привычки мышленія, усвоенныя ими въ юности, и когда въ болѣе пожитомъ возрастѣ имъ приходится принимать активное участіе въ законодательствѣ, они ведутъ свою законодательную работу въ соотвѣтствіи съ доктринами, господствовавшими вообще или въ кругу, къ которому они принадлежали, въ дни ихъ молодости. Слѣдовательно, законодатели 1850 года могутъ осуществлять теченія 1830, а законодатели 1880 могутъ внести въ книгу статутовъ убѣжденія 1860 гг., или, скорѣе, тѣ идеи, которыя привлекали юношей—въ первомъ случаѣ 1830-хъ годовъ, во второмъ—1860-хъ“.

4) Рядомъ съ господствующимъ направленіемъ общественнаго мнѣнія обыкновенно существуютъ теченія противныя и теченія перекрестныя (*counter-currents and cross-currents of opinion*).

Подъ теченіемъ противнымъ разумѣется совокупность взглядовъ, вѣрованій и чувствъ, болѣе или менѣе противоположныхъ господствующему направленію. Съ одной стороны, такія теченія являются отраженіемъ идей и убѣжденій, утрачивающихъ свое вліяніе на данное поколѣніе, особенно на юную часть его. Съ другой стороны, они могутъ быть выраженіемъ новыхъ идеаловъ, начинающихъ оказывать вліяніе на молодежь; надежды и мечты поколѣнія, вступающаго въ жизнь, подрываютъ силу господствующаго направленія.

Теченія противныя, каковы бы ни были ихъ источники, имѣютъ одно непремѣнное и одно возможное послѣдствіе.

Непремѣннымъ послѣдствіемъ является то, что теченія противныя оказываются тормазомъ для проявленій господствующаго направленія. Такъ, въ періодъ отъ 1830 до 1850 гг. тогдашній либерализмъ бентамовскій, въ ту пору достигшій высшаго авторитета, встрѣчалъ тормазъ въ старомъ торизмѣ, терявшемъ свое значеніе. Этимъ тормазился процессъ парламентской реформы, движеніе въ сторону демократіи. Первый актъ о реформѣ (1832 г.) оставался безъ измѣненія болѣе тридцати лѣтъ, хотя онъ далеко не удовлетворялъ ни радикаловъ, желавшихъ тайной подачи голосовъ, ни рабочихъ-демократовъ, ратовавшихъ за „народную хартію“. Реформисты не въ меньшей степени, чѣмъ

тори, испытали на себѣ вліяніе противнаго теченія. Нѣкоторые изъ выдающихся членовъ министерства, проведшаго реформу 1832 г., въ 1834 г. сдѣлались консерваторами и въ 1841 г. вошли въ составъ консервативнаго кабинета.

Возможнымъ, но не необходимымъ послѣдствіемъ сильнаго противнаго теченія можетъ быть отсрочка реформы на столь значительное время, что или ее оказывается невозможнымъ провести, или она получаетъ характеръ совершенно отличный отъ первоначально задуманной мѣры. Напримѣръ, когда въ 1785 г. вліяніемъ торизма было отвергнуто предложеніе Питта о лишеніи избирательныхъ правъ 36 „гнилыхъ“ мѣстечекъ, съ вознагражденіемъ ихъ владѣльцевъ, и о предоставленіи дополнительныхъ мѣстъ графствамъ и Лондону, то это имѣло своимъ результатомъ далеко не одну отсрочку парламентской реформы почти на пятьдесятъ лѣтъ. Актъ 1832 года о реформѣ по существу явился мѣрою совершенно отличною отъ предложенія Питта. Въ свою очередь въ самый разгаръ торжества либерализма 1830 года вліяніе его встрѣтило противодѣйствіе со стороны отживавшаго торизма, и движеніе въ сторону демократіи задержалось до 1867 года. Но эта задержка была не простою отсрочкою либеральныхъ реформъ. Старый торизмъ погибалъ медленно. Успѣлъ возникнуть новый торизмъ, въ которомъ демократическое чувство, съ сильнымъ оттѣнкомъ социализма, сочеталось съ тою вѣрою въ „попечительный деспотизмъ государства“ (*paternal despotism of the State*), которая входила въ составъ убѣжденій стараго торизма. Въ самомъ либерализмѣ въ концѣ концовъ видное мѣсто заняла увѣренность въ благотѣльномъ значеніи государственнаго вмѣшательства—черта, совершенно чуждая либерализму 1832 года.

Подъ терминомъ „перекрестныя“ теченія общественнаго мнѣнія Дайси разумѣетъ совокупность убѣжденій и чувствъ, которыя, будучи достаточно сильными, чтобы оказывать воздѣйствіе на законодательство, являются, однако, до извѣстной степени независимыми отъ господствующаго направленія, хотя, быть можетъ, и не прямо враждебными ему.

Такія перекрестныя теченія являются часто, если не всегда, отраженіемъ особеннаго положенія или предубѣждений отдѣльныхъ классовъ, каковы духовенство, армія или рабочіе, въ міровоззрѣніи которыхъ выступаетъ ихъ особенная точка зрѣнія. Такое теченіе отличается отъ теченія противнаго тѣмъ, что оно не столько прямо противодѣйствуетъ господствующему направленію, сколько вызываетъ отклоненіе или видоизмѣненіе въ его проявленіи.

ніяхъ. Такъ, чтобы надлежащимъ образомъ понять церковное законодательство послѣ 1832 года, историку необходимо принять въ соображеніе какъ главное теченіе общественнаго мнѣнія, съ характеромъ болѣе или менѣе антиклерикальнымъ, такъ и сильное перекрестное теченіе клерикальное, которое, будучи благоприятнымъ авторитету установленной церкви, повліяло на законодательство не только по чисто церковнымъ дѣламъ, но и въ такой области, какъ народное образованіе, которое за первый взглядъ стоитъ внѣ воздѣйствія религіозныхъ вѣрованій.

5) Законы, развивающіеся подъ воздѣйствіемъ общественнаго мнѣнія, сами въ свою очередь могутъ быть факторомъ въ развитіи теченій общественной мысли.

Въ каждомъ законѣ въ основѣ лежитъ какой-либо общій принципъ, который становится предметомъ общественнаго вниманія и можетъ оказать значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе законодательныхъ теченій. Нерѣдко значеніе законовъ выражается не столько въ непосредственныхъ результатахъ ихъ, сколько въ томъ воздѣйствіи, которое они оказываютъ на чувства и убѣжденія населенія.

Актъ о реформѣ 1832 года лишилъ нѣкоторые бурги избирательныхъ правъ и надѣлилъ извѣстное число гражданъ, принадлежавшихъ главнымъ образомъ къ среднимъ классамъ, правомъ участвовать въ избраніи членовъ парламента. Но дѣйствительное значеніе этого акта выразилось въ томъ вліяніи, какое онъ оказалъ на общественное мнѣніе. Съ этой точки зрѣнія реформа явилась революціею. Она измѣнила народное воззрѣніе на государственный строй и показала англичанамъ, разъ навсегда, что учрежденія, которыя по традиціи представлялись какъ бы неизмѣнными, могутъ быть, легко и безъ насилія, измѣнены. Она придала авторитетность демократической доктринѣ и содѣйствовала укрѣпленію убѣжденія или иллюзіи, что воля народа можетъ быть выражаема только черезъ избранныхъ представителей.

Актъ о разводѣ 1857 года, повидимому, только облегчалъ возможность полученія развода. На самомъ дѣлѣ онъ далъ національную санкцію воззрѣнію на бракъ, какъ на договорное отношеніе, и укрѣпилъ убѣжденіе въ томъ, что брачный договоръ, подобно всякому соглашенію, можетъ подлежать расторженію, когда онъ не достигаетъ своей цѣли. Этотъ актъ и порожденные имъ теченія находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ актами 1870—1893 гг. объ имущественныхъ правахъ замужнихъ женщинъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эти мѣры въ свою очередь содѣйствовали укрѣпленію того взгляда, что женщины должны

быть передъ закономъ въ одинаковомъ съ мужчинами положеніи, и помогли развитію законодательства въ духъ такого уравниенія. Въ этомъ отношеніи законы оказали глубокое воздѣйствіе не только въ области законодательныхъ теченій, но и въ области социальныхъ воззрѣній страны на положеніе женщинъ.

Вліяніе законовъ на общественное мнѣніе есть лишь одно изъ проявленій того соотношенія, какое существуетъ между развитіемъ политическихъ идей и политическими фактами; въ ряду такихъ фактовъ законы представляются важѣйшими, и потому совершенно естественно ихъ вліяніе на общественное мнѣніе.

Для уясненія факторовъ развитія законодательства заманчивой и правдоподобной является теорія, въ силу которой ходъ англійскаго законодательства опредѣлился подъ вліяніемъ тенденціи въ сторону демократіи. Этотъ тезисъ Дэйси подвергаетъ внимательному разсмотрѣнію, высказывая рядъ весьма существенныхъ и интересныхъ соображеній.

Въ 1800 году государственный строй Англіи представляется аристократическимъ. Господствующее положеніе занималъ классъ землевладѣльцевъ и крупныхъ промышленниковъ; общественныя условія, чувства и взгляды англичанъ 1800 года были еще болѣе аристократическими, чѣмъ сами политическія учрежденія. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что въ 1900 году, и даже значительно раньше, англійская конституція превратилась въ своего рода демократію. Преобладающее положеніе землевладѣльцевъ исчезло; уничтоженіе великимъ актомъ о реформѣ „гнилыхъ“ мѣстечекъ было основою и признакомъ глубокой перемѣны въ системѣ управленія. Избирательныя права, принадлежавшія прежде главнымъ образомъ землевладѣльцамъ, были расширены, такъ что преобладающее положеніе перешло къ среднему классу и промышленникамъ. Въ 1867 г. избирательныя права были предоставлены городскимъ рабочимъ. Послѣдующее законодательство, завершившееся актами 1884—1885 гг., надѣлило тѣми же правами домохозяевъ въ графствахъ, и въ концѣ концовъ въ Англіи установилась система, при которой она управляется демократіею домохозяевъ. Эти измѣненія въ политическихъ учрежденіяхъ сопровождались еще болѣе замѣчательными перемѣнами, въ демократическомъ направленіи, общественныхъ чувствъ.

Такимъ образомъ, переходъ отъ аристократіи къ демократіи представляется несомнѣннымъ. Не кроется ли именно въ этомъ переходѣ главная причина всѣхъ существенныхъ измѣненій въ законодательствѣ страны?

На этотъ вопросъ нужно отвѣтить, прежде всего, указаніемъ,

что выраженіе „успѣхи демократіи“ или, скорѣе, идеи, вкладываемая въ это и подобныя ему выраженія, представляется неясною и неопредѣленною, и что, каковъ бы ни былъ смыслъ термина „успѣхи демократіи“, развитіе новѣйшаго законодательства Англіи можетъ быть объяснено этими успѣхами въ гораздо меньшей степени, чѣмъ то кажется на первый взглядъ.

Терминомъ „демократія“ обозначается или извѣстный общественный строй, или форма правленія. Такъ, въ сочиненіяхъ Токвиля подъ словомъ „демократія“ разумѣется не государственная форма, а совокупность общественныхъ условий, при которыхъ существуетъ общее равенство въ правахъ и общность мыслей, чувствъ и идеаловъ. Демократія въ такомъ смыслѣ не имѣетъ необходимой связи ни съ индивидуальною свободою, ни съ народнымъ управленіемъ; съ послѣднимъ она совмѣстима въ такой же степени, какъ и съ деспотизмомъ или имперіализмомъ. При такомъ пониманіи термина „демократія“, какъ совокупности общественныхъ условий, развитіе демократіи не можетъ быть ключомъ къ объясненію особенностей въ развитіи англійскаго права. Допустимъ, въ интересахъ аргументаціи (хотя въ дѣйствительности это предположеніе требуетъ значительныхъ ограниченій), что въ исторіи англійской, какъ и вообще европейской цивилизаціи проявляется постоянное, хотя и безсознательное движеніе въ сторону созданія условий равенства и общности, и что всякая перемѣна, въ томъ числѣ и измѣненія въ законодательствѣ, связана съ ростомъ демократіи или составляетъ его проявленіе,—и мы придемъ къ совершенно вѣрному, но безплодному заключенію, что развитіе англійскаго права и вообще англійскихъ учрежденій въ XIX вѣкѣ обусловливается общимъ состояніемъ англійскаго общества. Это одно изъ тѣхъ объясненій, которыя, объясняя все, именно поэтому не объясняютъ въ сущности ничего.

Въ томъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, который англійскими писателями обыкновенно связывается со словомъ „демократія“, подъ нею разумѣется не общественное состояніе, а форма государственнаго устройства, въ которой верховная власть принадлежитъ численному большинству гражданъ мужескаго пола. Въ этомъ смыслѣ „успѣхи демократіи“ означаютъ переходъ верховной власти отъ одного лица или отъ привилегированнаго и немногочисленнаго класса къ большинству гражданъ.

Въ такомъ пониманіи формулы „успѣхи демократіи“ или дѣйствительно объясняются измѣненія въ англійской конституціи, хотя опять-таки до извѣстной степени. Нѣкоторыя замѣчательныя явленія, даже въ области конституціоннаго права, не пол-

чаютъ объясненія въ самомъ фактѣ демократическаго прогресса. Почему, напр., конституція Англіи, податливой къ воздѣйствію общественнаго мнѣнія въ большей степени, чѣмъ какая-либо другая страна, не сдѣлалась вполне демократическою и во всякомъ случаѣ представляется не столь демократическою, какъ конституція Франціи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ, или (что еще замѣчательнѣе) самоуправляющихся англійскихъ колоній, каковы Канада и Австралійскій союзъ? Не даетъ движеніе въ сторону демократіи объясненія и тому, какимъ образомъ о требованіи всеобщаго избирательнаго права, которое такъ рѣшительно заявлялось въ эпоху чартистскаго движенія въ срединѣ XIX вѣка, теперь почти не слышно вовсе.

Въ еще меньшей степени въ успѣхахъ демократіи можно почерпнуть объясненіе развитію тѣхъ отраслей законодательства, которыя не имѣютъ отношенія къ распредѣленію политической власти. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Мысль о томъ, что уже самымъ фактомъ существованія въ извѣстной странѣ демократическихъ учреждений объясняется ходъ развитія законодательства въ ней, опирается на признаніе, что демократія повсюду влечетъ за собою появленіе однородныхъ законовъ и учреждений. Это признаніе, весьма распространенное, не имѣетъ, однако, достаточнаго фактическаго обоснованія. Правда, мы съ большимъ вѣроятіемъ можемъ допустить, что въ демократической странѣ не можетъ быть проведенъ или, по крайней мѣрѣ, оставаться долговѣчнымъ ни одинъ законъ, противный желаніямъ народа или, другими словами, тѣмъ чувствамъ, которыя преобладаютъ въ большинствѣ гражданъ. Однако больше этого отрицательнаго заключенія нельзя извлечь изъ соотношенія между успѣхами демократіи и развитіемъ законовъ, не касающихся распредѣленія политической власти. Эта невозможность выступаетъ изъ того очевиднаго обстоятельства, что хотя въ демократической странѣ издаваемые законы должны соответствовать желаніямъ и вкусамъ народа, безусловно невозможно по апріорнымъ соображеніямъ предсказать, изданія какихъ законовъ пожелаетъ народъ въ данное время.

Объясненіе того, что это положеніе, при всей его основательности, не пользуется общимъ признаніемъ, Дайси усматриваетъ въ странной иллюзіи, которой подвержены одинаково какъ сторонники, такъ и противники демократическихъ перемѣнъ. Демократія представляетъ собою сравнительно новую государственную форму. Реформисты, стремящіеся къ проведенію извѣстныхъ перемѣнъ, какъ, напр., отдѣленіе церкви, созданіе крестья-

янской собственности или регулированіе труда государствомъ въ интересахъ рабочихъ, находятся въ положеніи, похожемъ на положеніе людей, ожидающихъ великихъ для страны благъ отъ возведенія на престолъ новаго монарха; они предполагаютъ, что новый суверенъ — въ данномъ случаѣ демократія — осуществитъ тѣ идеи благодѣтельнаго законодательства и хорошаго управленія, которыя исповѣдуются реформистами, обезпечившими за сувереномъ государственную власть. Виги 1830 г. полагали, что реформированный парламентъ осуществитъ идеи, которыя проводились на страницахъ главнаго органа ихъ — „Edinburgh Review“. Фритредеры 1846 г., несмотря на бывшій передъ ними примѣръ Франціи и Америки, отождествляли прогрессъ демократіи съ принятіемъ свободы торговли. Противники демократическихъ новшествъ также не были свободны отъ заблужденія, подобнаго тому, въ которомъ пребывали демократы со своими обманутыми ожиданиями. Тори и консерваторы, съ ужасомъ и отвращеніемъ наблюдавшіе успѣхи демократіи, полагали, что суверенный народъ непремѣнно будетъ поддерживать законодательство, ненавистное людямъ съ консервативными склонностями. Во время дебатовъ по биллю о реформѣ 1832 года тори, въ своихъ нападкахъ на него, предрекали развитіе несправедливыхъ законовъ. Люди, ненавидѣвшіе революцію, были не въ силахъ повѣрить, что демократы могутъ быть консервативны. Вообще, въ основѣ всѣхъ разсужденій о послѣдствіяхъ развитія демократіи постоянно лежитъ предположеніе о существованіи, такъ сказать, спеціальнаго демократическаго законодательства, которое непремѣнно будетъ проводиться во всякой демократической странѣ. Однако уроки исторіи не подтверждаютъ основательности этого предположенія.

Въ развитіе этой мысли Дайси останавливается на нѣкоторыхъ особенностяхъ, выступающихъ въ жизни двухъ великихъ демократическихъ государствъ нашего времени — Англіи и Франціи.

Демократія въ современной Англіи проявила характерную терпимость, чтобы не сказать — почтеніе, къ тому социальному неравенству, какое выступаетъ въ существованіи короны и наследственной и титулованной пэріи. Народъ англійскій не проявилъ никакой враждебности ни къ большимъ помѣстьямъ, ни къ крупнымъ состояніямъ и въ теченіе XIX вѣка не обнаружилъ особенно горячаго желанія къ созданію большого класса крестьянъ-собственниковъ, въ чемъ передовые либералы видѣли средство облагодѣтельствовать страну. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣленіе имущества поровну между дѣтьми или ближайшими родственниками умершаго, представляющее собою существенное условіе для сохраненія мел-

вой собственности, находится въ рѣшительномъ противорѣчій съ абсолютною свободою завѣщательныхъ распоряженій, къ которой англичане привыкли съ давнихъ поръ до такой степени, что она представляется имъ какъ бы естественнымъ правомъ. Съ другой стороны, англійское церковное устройство, какъ ни противорѣчить оно многимъ демократическимъ началамъ, не подвергалось существеннымъ нападкамъ, и установленная церковь оказывается въ 1904 г. болѣе вліятельною и болѣе популярною, чѣмъ въ 1830 г. Характерно также, что Англія, одна изъ всѣхъ демократій, сохраняетъ полную свободу торговли. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что настроеніе и склонности англійскаго народа (и это примѣнимо ко всякому другому великому народу) опредѣляются не столько однимъ развитіемъ демократіи, сколько историческими и даже, такъ сказать, случайными обстоятельствами. Отношеніе судебной власти къ власти исполнительной, къ парламенту и къ народу остается и теперь такимъ же, каково оно было въ началѣ XIX вѣка, и никому и въ голову не придетъ утверждать, чтобы правительство и администрація не были подчинены законному контролю и законному вмѣшательству судей. Наконецъ, англійская система управленія представляется, со времени 1689 года, всецѣло парламентарною. А верховенство парламента предполагаетъ въ Англіи постоянное измѣненіе законодательства страны. Англійскій парламентъ является въ настоящее время законодательнымъ механизмомъ, который, какава бы партія ни стояла у власти, находится постоянно въ дѣйствіи.

Франція представляетъ собою нѣчто совершенно иное.

Французская демократія относится отрицательно къ различіямъ по положенію, влекущимъ за собою политическое неравенство. Самую основу французскаго политическаго и общественнаго строя составляетъ обширный классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Завѣщательной свободы, въ англійскомъ смыслѣ слова, французы не знаютъ. Раздѣленіе имущества умершаго поровну между членами его семьи вполне соответствуетъ французскимъ понятіямъ справедливости и препятствуетъ тому образованію большихъ наслѣдственныхъ имѣній, которое въ теченіе долгаго времени составляло замѣчательную особенность англійской соціальной жизни. О личной свободѣ и о томъ, что англичане разумѣютъ подъ религіозною свободою, означающею дѣйствительное право каждого человѣка защищать и проповѣдывать любую религіозную догму, которую онъ пожелаетъ принять, и о свободѣ ассоціаціи вообще — французская демократія до сихъ поръ мало заботилась. Отношеніе, существующее въ ней между

судами и исполнительною властью, англичанамъ трудно понять; начало раздѣленія властей, которое, надо замѣтить, до сихъ поръ остается однимъ изъ священныхъ принциповъ 1789 года, оказывается, въ толкованіи, какое это начало получаетъ во Франціи, безусловно несовмѣстимымъ съ вмѣшательствомъ судей въ дѣятельность правительства или администраціи. Въ области промышленности и торговли французская демократія держится столь же ревностно протекціонизма, какъ англійская демократія — свободы торговли. Въ общемъ, французская демократія унаслѣдовала и восприняла традиціи монархіи и еще болѣе наполеоновской имперіи; и демократическая Франція, переживая революціи, едва затрогивающія обычную жизнь народа, оказывается, по сравненію съ Англіею, страню законодательнаго консерватизма.

Такимъ образомъ, въ успѣхахъ демократіи, какъ таковой, какъ бы ни было велико значеніе ихъ во многихъ отношеніяхъ и болѣе всего въ области распредѣленія суверенной власти, нельзя найти объясненія развитію англійскаго законодательства. Это объясненіе слѣдуетъ искать въ тѣхъ различныхъ теченіяхъ общественнаго мнѣнія, которыя господствовали въ тѣ или другіе періоды XIX вѣка въ Англіи. Сообразно съ этими теченіями Дайси находитъ возможнымъ раздѣлить исторію XIX вѣка въ этой странѣ на три періода.

1) Первый періодъ — эпоха стараго торизма или затишья въ законодательствѣ (1800—1830 гг.). Въ этомъ періодѣ политическія и иныя реформы встрѣчаютъ задержку, съ одной стороны, въ чувствѣ удовлетворенности существующимъ строемъ, нашедшей себѣ наилучшее выраженіе въ ученіи оптимизмѣ Блэкстона, и съ другой стороны — въ реакціонномъ настроеніи, которое развилось подъ впечатлѣніемъ крайностей французской революціи. Вторая часть этого періода характеризуется усиленіемъ реакціи: торизмъ 1815 и 1817 гг. менѣе разуменъ и болѣе суровъ, чѣмъ торизмъ 1800 г. Законы, изданные въ эти десятилѣтія, проникнуты реакціоннымъ духомъ и направлялись главнымъ образомъ къ подавленію якобинизма и агитаціи въ пользу реформъ. Наличие такого рода законовъ не нарушаетъ, однако, преобладающей особенности этого періода, выразившейся въ затишьяхъ или даже застоѣ въ области правового развитія.

2) Второй періодъ (1825—1870 гг.) Дайси называетъ періодомъ бентамизма или индивидуализма. Это — эпоха реформъ на основахъ утилитаризма. Законодательство направляется доктриною, съ которою обыкновенно — и въ общемъ правильно — связывается имя Бентама. Движеніе, имѣвшее въ немъ если не

творца, то во всякомъ случаѣ вдохновителя и выразителя, было прежде всего движеніемъ въ области правовыхъ реформъ, проникнутыхъ духомъ широкой индивидуальной свободы.

3) Третій періодъ—періодъ коллективизма (1865—1900 гг.). Подъ терминомъ „коллективизмъ“,—говорить Дайси,—здѣсь разумѣется доктрина, нерѣдко именуемая (обыкновенно людьми, относящимися болѣе или менѣе враждебно къ ней) социализмомъ,—доктрина, благопріятствующая вмѣшательству государства, хотя бы и съ нѣкоторымъ ущербомъ для индивидуальной свободы, въ цѣляхъ обезпеченія интересовъ народныхъ массъ ¹⁾. Это теченіе общественной мысли, по крайней мѣрѣ въ Англіи, не связывается съ какимъ-либо именемъ или даже съ названіемъ какой-нибудь опредѣленной школы. Оно усилилось и получило большее распространеніе во второй половинѣ XIX вѣка, и едва ли, по наличнымъ признакамъ, можно думать, что сила этого теченія исчерпана или что вліяніе его клонится къ упадку. Практическія тенденціи этого движенія общественной мысли въ Англіи лучше всего выступаютъ въ рабочемъ законодательствѣ и въ количественномъ развитіи правовыхъ нормъ, направленныхъ къ урегулированію экономическихъ отношеній въ интересахъ рабочихъ классовъ и, какъ полагаютъ коллективисты, ко благу націи.

Въ дальнѣйшихъ частяхъ книги своей Дайси подвергаетъ тщательному анализу отмѣченные теченія общественнаго мнѣнія въ ближайшемъ соотношеніи ихъ съ развитіемъ законодательства. Послѣдуемъ за талантливымъ авторомъ въ эту интересную и поучительную область и постараемся извлечь изъ его изложенія и разсужденій все наиболѣе существенное. Предварительно отмѣтимъ нѣкоторыя общія замѣчанія Дайси объ отношеніи къ правовому развитію каждаго изъ трехъ теченій.

Застой въ законодательствѣ, въ началѣ XIX вѣка, не былъ вызванъ какою-либо правовою теоріею. Какимъ бы то ни было реформамъ противодействовало чувство консерватизма, прости-

¹⁾ Дайси подчеркиваетъ, что въ его работѣ съ терминомъ „коллективизмъ“ связывается смыслъ нѣсколько иной сравнительно съ тѣмъ, какой усвоенъ ему въ социалистической литературѣ, какъ наименованію извѣстнаго направленія социалистическаго ученія. Онъ употребляется имъ въ качествѣ удобнаго противоположенія индивидуализму въ области законодательства. „Извѣстное лицо можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ коллективистомъ,—т.-е. держаться взглядовъ, не гармонирующихъ съ идеями индивидуализма,—и однако не раздѣлять тѣхъ общихъ убѣжденій, которыми усвоено названіе социализма. Впрочемъ, хотя болѣе туманный терминъ „коллективизмъ“ для моихъ настоящихъ задачъ представляется болѣе предпочтительнымъ, тѣмъ „соціализмъ“, я буду иногда пользоваться и этимъ послѣднимъ, какъ болѣе привычнымъ и распространеннымъ, въ смыслѣ эквивалентномъ „коллективизму“.

кавшее отъ оптимизма въ отношеніи къ существующимъ условіямъ и отъ возмущенія передъ революціею.

Бентамизмъ являлся опредѣленною доктриною, прямо направленною къ реформамъ въ правовой области. Отсюда ея непосредственное и огромное вліяніе на развитіе англійскаго права.

Коллективизмъ, въ XIX вѣкѣ, является скорѣе чувствомъ, чѣмъ доктриною, и, поскольку онъ можетъ быть отождествленъ съ социализмомъ, представляетъ собою совокупность скорѣе экономическихъ и социальныхъ положеній, чѣмъ правовыхъ.

Выясненіе характера и вліянія коллективизма представляетъ извѣстныя трудности сравнительно съ изученіемъ стараго торизма или бентамовскаго индивидуализма, который, въ соотвѣтствіе съ привычнымъ словоупотребленіемъ, можно назвать либерализмомъ.

Эпоха торизма, въ своихъ особенностяхъ, выражается въ хорошо извѣстныхъ историческихъ фактахъ. Бентамизмъ является опредѣленнымъ ученіемъ, формулы котораго легко можно раскрыть въ сочиненіяхъ Бентама и его учениковъ, а практическіе результаты его выступаютъ въ длинномъ рядѣ статутовъ. Съ другой стороны, коллективизмъ даже теперь остается скорѣе чувствомъ, чѣмъ доктриною; онъ, если и отнестись къ нему какъ къ доктринѣ, никогда не былъ, по крайней мѣрѣ въ Англіи, формулированъ какимъ-либо мыслителемъ съ дарованіями и авторитетностью Бентама. Его принципы не сведены къ опредѣленнымъ положеніямъ политическаго или социальнаго *credo*, и еще въ меньшей мѣрѣ были они примѣнены, хотя бы теоретически, къ правовой области съ тою ясностью и тою глубиною, какія были обнаружены Бентамомъ и его послѣдователями въ дѣлѣ примѣненія утилитаризма къ реформѣ въ законодательствѣ. Отсюда своеобразный контрастъ въ способахъ распознаванія законодательнаго вліянія, съ одной стороны, бентамизма, съ другой — коллективизма. Въ первомъ случаѣ для объясненія измѣненій въ англійскомъ законодательствѣ изслѣдователю достаточно обратиться къ извѣстнымъ идеямъ или положеніямъ бентамовскаго либерализма; между тѣмъ наличность коллективистическихъ идей онъ можетъ доказать лишь путемъ обнаруженія социалистическаго характера или тенденцій тѣхъ или другихъ парламентскихъ мѣръ.

II.

Первыя десятилѣтія XIX вѣка представляются годами застоя въ развитіи англійскаго законодательства — застоя, вызваннаго, съ одной стороны, оптимизмомъ, господствовавшимъ въ общественномъ настроеніи въ отношеніи ко всему англійскому, съ другой — реакціонными теченіями, сложившимися подъ впечатлѣніями крайностей французской революціи.

Въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху, которую Дайси называетъ вѣкомъ Блэкстона, — „въ англійскомъ обществѣ выступали рѣзкіе, хотя и поверхностные политическіе конфликты, но общему характерною чертою времени, несмотря на ударъ, нанесенный англійскому престижу успѣшнымъ возмущеніемъ тринадцати американскихъ колоній, являлось чувство самодовольства и патриотической гордости передъ величіемъ Англіи и политическими и социальными результатами второй революціи (1688 г.)“.

Типическимъ выразителемъ этого чувства можно признать Блэкстона, въ „Комментаріяхъ“ котораго рѣзко сказывается преклоненіе передъ англійскими учрежденіями, „представляющими собою, въ гармоническомъ сочетаніи отдѣльныхъ частей, — по выраженію Блэкстона, — изящное цѣлое“.

Столь же оптимистическое отношеніе встрѣчается и у другихъ авторитетныхъ писателей того времени, и даже въ области организаціи представительства, реформа котораго становилась одною изъ главныхъ потребностей. Интересна слѣдующая выдержка, приводимая у Дайси изъ трактата Палей: „Нравственная философія“, причемъ Дайси обращаетъ особенное вниманіе на то, что Палей высказалъ свои взгляды на представительство въ Англіи въ 1785 г., такъ что въ его сужденіяхъ не могли отразиться впечатлѣнія отъ французской революціи. „Прежде чѣмъ стремиться къ чему-нибудь большому, — говоритъ Палей, — посмотримъ хорошенько, что уже есть у насъ. У насъ есть палата общинъ, состоящая изъ 548 членовъ, въ числѣ которыхъ находятся наиболѣе значительные землевладѣльцы и коммерсанты королевства, выдающіеся представители арміи, флота и юриспруденціи, высшія должностныя лица государства, вмѣстѣ со многими частными лицами, выдающимися по своимъ знаніямъ, краснорѣчію или дѣятельности. Если интересы страны не безопасны въ такихъ надежныхъ рукахъ, то кому же она можетъ избрать ихъ? Если такіе люди въ столь значительномъ числѣ

подвержены вліянію нечистыхъ побужденій, то какое собраніе окажется свободнымъ отъ подобной опасности? Можетъ ли какая-нибудь новая схема представительства обезпечить большую опытность или безкорыстіе? Съ этой точки зрѣнія и озабочиваясь не стремленіемъ къ гармоніи и пропорціональности (чѣмъ увлекаются многіе), а единственно практическими результатами, мы можемъ найти разумныя оправданія тѣмъ элементамъ теперешняго представительства, которые поверхностному наблюдателю кажутся въ высшей степени предосудительными и нелѣпыми.

Такіе взгляды на старинную систему представительства раздѣлялись большинствомъ государственныхъ дѣятелей того времени. И объясненіе или оправданіе оптимизма въ отношеніи къ политическому строю Англіи, — говоритъ Дайси, — нетрудно найти, если принять во вниманіе условія той эпохи.

На долю XVIII вѣка выпала задача умиротворенія. Проблема, выдвинутая обстоятельствами времени передъ мыслителями и государственными дѣятелями, состояла въ томъ, чтобы найти наилучшій способъ положить конецъ распрямъ, порожденнымъ болѣе всего религіозными раздорами, и по возможности открыть путь къ мирному развитію. Эта проблема была разрѣшена въ Англіи раньше и полнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ европейскомъ государствѣ. Революція 1688 года нанесла смертельный ударъ произвольной власти и прочно обезпечила индивидуальную свободу. Съ другой стороны, актомъ о вѣротерпимости (въ 1689 г.) было положено основаніе широкой свободы мысли и обсуждения. А установленіе религіознаго мира послужило базисомъ для національнаго величія; оно сдѣлало возможнымъ соединеніе съ Шотландією, что удвоило могущество Великобританіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе XVIII вѣка развились гуманитарныя теченія, вызвавшія значительное смягченіе на практикѣ многихъ суровыхъ положеній устарѣвшаго законодательства. Все это порождало въ умахъ англичанъ горделивое сознаніе своего превосходства передъ другими странами; англійская свобода, хотя и не достигшая всей полноты своего развитія, вызывала преклоненіе по разительному контрасту съ нетерпимостью и деспотизмомъ, которые губили Францію.

Подъ впечатлѣніемъ ужаса, возбужденнаго крайностями французской революціи, мягкій и оптимистическій консерватизмъ въ первые десятилѣтія XIX-го вѣка преобразился въ суровый и реакціонный торизмъ. Послѣдствіемъ этого были, съ одной стороны, задержка въ проведеніи преобразованій, необходимыхъ для устраненія многочисленныхъ злоупотребленій, съ другой — изданіе ряда законовъ въ реакціонномъ духѣ.

Въ 1819 году появилась знаменитая „Черная Книга“ (Black Book), которая произвела сильное впечатлѣніе и содѣйствовала возбужденію требованій реформъ и экономности въ государственныхъ расходахъ—требованій, въ 1830 году ставшихъ непреодолимыми. Въ этой книгѣ фактами и цифрами доказывалось, что всѣ отрасли государственнаго и церковнаго управленія полны злоупотребленій, что государственныя средства, извлекаемыя при помощи налоговъ, обременявшихъ народъ, тратятся непроизводительно на пенсіи, синекюры и т. под.

Застой въ законодательствѣ получилъ характерное выраженіе въ равнодушномъ отношеніи къ тѣмъ злоупотребленіямъ, о которыхъ говорилось въ „Черной Книгѣ“. Еще болѣе выразительно сказался онъ въ индифферентизмѣ, который проявлялся и законодателями, и обществомъ въ отношеніи ко многимъ законамъ и обычаямъ, затрогивавшимъ частныя интересы и причинявшимъ немалый вредъ и несправедливость. Землевладѣльцы, напр., широко пользовались пружинными ружьями и волчьими ямами для охраны дичи на своихъ земляхъ, отъ чего могли серьезно пострадать даже и невинные прохожіе. Однако пользованіе такими опасными смертоносными орудіями санкціонировалось англійскими судами (въ Шотландіи оно было признано преступнымъ) и было воспрещено парламентомъ только въ 1827 году. Еще примѣръ. За обвиняемымъ въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи (felony), напр., въ убійствѣ или кражѣ, не признавалось право имѣть защитника. Это правило поражаетъ своею жестокостью и несправедливостью. Оно не отличалось и послѣдовательностью, такъ какъ законъ разрѣшалъ имѣть защитника обвиняемому и въ легкомъ уголовномъ проступкѣ (misdemeanor), и въ государственной измѣнѣ (treason). Однако въ 1824 и 1826 годахъ палата общинъ отказала въ разрѣшеніи внести билль объ устраненіи этой несправедливости, и только въ 1836 г., черезъ четыре года послѣ акта о парламентской реформѣ, изданъ былъ законъ, предоставляющій каждому обвиняемому имѣть защитника.

Періодъ законодательнаго зстоя ознаменовался, однако, изданіемъ нѣсколькихъ законовъ двоякаго рода: одни носятъ характеръ реакціонныхъ мѣръ, отражая теченія напуганнаго торизма; другіе являются реформами, либо вызванными непреодолимыми требованіями времени, либо навѣянными вліяніемъ гуманизма, который съ 1800 года получалъ все болѣе широкое распространеніе.

Рѣзкимъ примѣромъ реакціоннаго законодательства представляется актъ 1800 года о коалиціяхъ въ промышленной области.

Главною задачею его было воспрещеніе всякаго рода коалицій, временныхъ или постоянныхъ, среди рабочихъ, въ цѣляхъ добиться увеличенія заработной платы или другихъ требованій въ отношеніи къ условіямъ найма. Онъ направлялся противъ стачекъ и рабочихъ союзовъ (трэдъ-юніоновъ). Правда, этотъ статутъ воспрещалъ, подъ угрозою наказаній, и коалиціи хозяевъ съ цѣлью пониженія заработной платы или увеличенія продолжительности работы и количества послѣдней. Для историка направленій общественной мысли это обстоятельство имѣетъ значеніе, такъ какъ изъ него видно, что въ 1800 г. парламентъ былъ противъ всякаго рода коалицій. Но практическаго вліянія эта мѣра въ отношеніи къ предпринимателямъ не имѣла.

Для рабочихъ тяжесть запретовъ акта 1800 г. увеличивалась особенно тѣмъ, что онъ долженъ былъ примѣняться въ связи съ нормами о преступномъ соглашеніи (conspiracy). При широкомъ толкованіи послѣдняго въ результатъ оказывалось, что всякій рабочий, который изобличался въ организаціи стачки или въ участіи въ трэдъ-юніонѣ, признавался преступникомъ и подлежалъ тюремному заключенію; стачка считалась преступленіемъ, а трэдъ-юніонъ—противозаконнымъ союзомъ.

Съ точки зрѣнія идей XX-го вѣка, — замѣчаетъ по этому поводу Дайси,— такое положеніе вещей представляется малопонятнымъ и нестерпимымъ. „Кто, спросимъ мы, были тиранами, лишившими рабочихъ всякой свободы, и каково было состояніе общественнаго мнѣнія, санкціонировавшаго такую тиранію? Придется отвѣтить, что люди, проводшіе актъ о коалиціяхъ, не были деспотами и что этотъ актъ вполнѣ отвѣчалъ господствовавшимъ теченіямъ времени. Парламентъ 1800 г. дѣйствовалъ подъ руководствомъ Питта. Въ числѣ его членовъ были Фоксъ и Вильберфорсъ, и такое собраніе, конечно, нельзя назвать равнодушнымъ къ чувствамъ гуманности. Могутъ замѣтить, что идеи рабочихъ классовъ не были въ немъ представлены. Это вѣрно, но рабочіе были представлены и въ парламентъ 1824 года не лучше, чѣмъ въ парламентъ 1800 г., однакоже парламентъ 1824 г. отмѣнилъ актъ о коалиціяхъ и освободилъ экономическіе союзы отъ дѣйствія законовъ о преступныхъ соглашеніяхъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что законы о коалиціяхъ 1799 и 1800 гг. прошли черезъ парламентъ безъ обсужденія, отъ котораго остался бы слѣдъ, имѣетъ рѣшительное значеніе. Въ законѣ 1800 года отразилось господствующее теченіе дня“.

Это теченіе опредѣлялось, прежде всего, страхомъ передъ союзами, обусловленнымъ свѣжими еще воспоминаніями о цар-

ствѣ террора во Франціи. Со стороны англичанъ, бывшихъ свѣдѣтелями деспотизма якобинскаго клуба, который въ послѣднемъ періодѣ своего владычества отправлялъ на гильотину, въ одномъ Парижѣ, около двухсотъ гражданъ въ недѣлю, довольно понятенъ этотъ страхъ передъ клубами или союзами. Такого рода опасенія сказались и въ нѣсколькихъ другихъ актахъ (1797, 1729 и 1817 гг.), направленныхъ противъ обществъ съ мятежными замыслами.

Съ другой стороны, въ то время выступала традиція попечительнаго управленія, которая была унаслѣдована отъ предшествующей эпохи и которая вполне гармонировала съ торизмомъ. Эта традиція выразилась въ двухъ проявленіяхъ. Однимъ было убѣжденіе, что рабочіе обязаны довольствоваться разумнымъ, т.-е. обычнымъ вознагражденіемъ. Другимъ проявленіемъ той же традиціи было обезпеченіе государствомъ (на средства состоятельныхъ классовъ и особенно землевладѣльцевъ) поддержки рабочимъ, которые не могли найти работы. Поддержка эта оказывалась въ видѣ пособій, которыя выдавались рабочимъ изъ сборовъ въ пользу бѣдныхъ, въ соотвѣтствіи съ составомъ ихъ семей, если ихъ заработокъ не достигалъ установленной въ данной мѣстности нормы.

Что касается реформъ, проведенныхъ въ періодъ законодательнаго застоя, то въ нихъ Дайси усматриваетъ разительное подтвержденіе зависимости законодательства отъ господствующихъ теченій общественнаго мнѣнія. Большинство этихъ реформъ носитъ гуманитарный характеръ; таковы, напр., воспрещеніе торга рабами (1806), частичная отмѣна примѣненія позорнаго столба (1816), отмѣна тѣлесныхъ наказаній женщинъ (1820), первая попытка воспретить жестокое обращеніе съ животными (1822), упраздненіе государственныхъ лотерей (1826—1827).

Всѣ эти мѣры были вызваны требованіями гуманизма, который получалъ все болѣе широкое распространеніе среди представителей самыхъ разнообразныхъ политическихъ, религіозныхъ и философскихъ воззрѣній. Свободомыслящихъ послѣдователей Бентама, виговъ-филантроповъ вродѣ Фокса, тори-гуманитаристовъ, какъ Питтъ, послѣдователей евангелизма, съ Вильберфорсомъ во главѣ, — всѣхъ объединяло одинаковое стремленіе устранить жестокости и страданія физическія или нравственныя.

„Эти факты, — говоритъ Дайси, — имѣютъ безграничное значеніе для всѣхъ интересующихся изученіемъ общественнаго мнѣнія; они напоминаютъ намъ, что въ эпоху, омраченную общею грубостью, реформисты разныхъ направленій объединились въ кре-

стовомъ походѣ противъ жестокости; они говорятъ намъ также, что періодъ политической реакціи можетъ быть эпохою постоянного возрастанія гуманныхъ чувствъ. Между 1800 и 1830 годами бентамизмъ заложилъ основы своего будущаго господства. Еще не достигнувъ преобладающаго положенія, онъ уже оказывалъ около 1830 г. замѣтное вліяніе въ государственной жизни. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ области религіозной выступило движеніе евангелизма, которое въ не меньшей степени, чѣмъ бентамизмъ, проводило идеи гуманности.

Типичнымъ образчикомъ филантропическаго законодательства Дэйси признаетъ первый фабричный законъ 1802 года (Health and Morals Act).

До того времени не было вовсе фабричнаго законодательства. Этотъ первый актъ въ данной области былъ проведенъ сэромъ Робертомъ Пилемъ (отцомъ знаменитаго министра), который самъ былъ мануфактуристомъ по профессіи и тори по политическимъ убѣжденіямъ. Мѣра эта была выраженіемъ не какого-либо общаго принципа, а практическихъ потребностей момента. Въ Манчестерѣ появилась эпидемія, жертвами которой погибли многіе изъ подростковъ на бумагопрядильной фабрикѣ. Распространеніе болѣзни объяснялось плохимъ питаніемъ и дурными условіями, въ которыхъ приходилось работать этимъ подросткамъ, — болѣею частью находившимся на попеченіи приходскихъ органовъ призрѣнія, помѣстившихъ ихъ на фабрику въ обученіе. Актомъ 1802 г. регулировалась, до извѣстной степени, работа такихъ учениковъ на бумажныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ. Онъ устанавливалъ нѣкоторыя нормы санитарнаго и нравственнаго характера; напр., помѣщенія должны два раза въ годъ вымываться негашеною известью съ водою; каждому ученику должны быть выданы двѣ смѣны платья; ученики не могутъ быть занимаемы работою болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки; ученикамъ разныхъ половъ должны быть отводимы отдѣльныя помѣщенія; на одной кровати могутъ спать не болѣе двоихъ; по воскреснымъ днямъ ученики должны быть обучаемы въ теченіе часа началамъ христіанской религіи. Этотъ законъ, заслуживающій особеннаго вниманія по связи съ фабричнымъ законодательствомъ послѣдующей эпохи, о которомъ намъ придется много говорить въ дальнѣйшихъ главахъ, не находится ни въ малѣйшемъ несоотвѣтствіи съ теченіями, господствовавшими въ ту пору. Онъ былъ дѣломъ благожелательныхъ тори и являлся моральнымъ протестомъ противъ жестокости; онъ возникъ изъ потребностей момента и ни въ чемъ не былъ обязанъ ни росту демократіи, ни идеямъ социализма.

Конецъ періода стараго торизма можетъ быть приуроченъ къ 1830 году, когда съ особенною силою проявилось движеніе, въ результатъ котораго затишье въ области законодательства смѣнилось оживленною и энергичною работою по реформѣ различныхъ отраслей англійскаго права. Потребность въ этой реформѣ была порождена тѣмъ несоотвѣтствіемъ, которое обнаруживалось между быстро измѣнявшимися социальными условіями и неизмѣнностью правовыхъ нормъ и которое становилось все болѣе нестерпимымъ для тѣхъ слоевъ населенія, которые въ новыхъ условіяхъ выступали все болѣе замѣтными факторами общественной и государственной жизни.

Первыя десятилѣтія XIX-го вѣка, бывшія въ области законодательства періодомъ застоя, въ жизни народа явились эпохою знаменательныхъ социальныхъ перемѣнъ. Особенно рѣзко проявились эти послѣднія въ ту пору, когда, по успѣшномъ завершеніи долгой борьбы съ Франціею, для Англіи начался періодъ расцвѣта ея промышленнаго развитія. Рядъ замѣчательныхъ изобрѣтеній въ машинномъ дѣлѣ, прорытіе каналовъ, широкое примѣненіе пара, открытіе залежей каменнаго угля,—все это, вызывая ростъ промышленныхъ предпріятій, содѣйствовало тому, что Англія изъ страны земледѣльческой быстро превращалась въ страну промышленную. Количество населенія росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершалось и перемѣщеніе центровъ населенія. До конца XVIII вѣка наиболѣе населенными частями Англіи были южныя и западныя графства. Съ начала XIX вѣка происходятъ отливъ населенія и сосредоточеніе богатствъ на сѣверѣ; возникаютъ новые центры въ Ланкаширѣ и въ сѣверныхъ графствахъ, которыя прежде представляли собою пустынные пространства съ кое-гдѣ разбросанными маленькими городками и селеніями. Города, какъ Манчестеръ, Бирмингамъ и Ливерпуль, получали все большее значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе промышленныхъ предпринимателей росло и отодвигало прежде столь вліятельные классы землевладѣльцевъ и коммерсантовъ.

Между тѣмъ, измѣнявшимся социальнымъ условіемъ совершенно не отвѣчали нормы устарѣвшаго законодательства, и прежде всего система парламентскаго представительства. Палата общинъ, до соединенія съ Ирландіею, состояла изъ 548 членовъ, изъ которыхъ 200 избирались не болѣе какъ 7.000 избирателей. Большинству этихъ 7.000 человекъ принадлежалъ голосъ, перебивавшій взгляды и желанія многихъ милліоновъ. Доля политической власти, которою располагалъ человекъ, опредѣлялась въ зависимости отъ весьма случайныхъ обстоятельствъ. Если его

владѣніе находилось въ такой-то части королевства, ему принадлежала одна десятитысячная доля вліянія при избраніи одного представителя; въ другой части—одна тысячная; въ какой-либо другой мѣстности онъ могъ оказаться однимъ изъ двадцати лицъ, избирающихъ двухъ представителей, а въ другомъ мѣстѣ онъ самъ могъ располагать правомъ назначить двухъ членовъ. Живя въ такомъ-то городѣ, онъ могъ вовсе не имѣть права участія въ выборахъ; тогда какъ Корнваллисъ оказывался щедро надѣленнымъ правомъ избрать 42 представителей,—ни Бирмингемъ, ни Манчестеръ не имѣли ни одного представителя.

Эти несообразности въ системѣ представительства, вызывавшія попытки измѣненія ея уже во второй половинѣ XVIII вѣка, становились все болѣе чувствительны для населенія по мѣрѣ того, какъ совершались указанныя перемѣны въ социальныхъ и экономическихъ условіяхъ. Наиболѣе сильный аргументъ въ защиту до-реформеннаго парламента, а именно—что въ немъ были представлены всѣ болѣе значительные элементы въ государствѣ, съ каждымъ годомъ терялъ свое значеніе. Классъ промышленный и городскіе рабочіе получили большое значеніе въ странѣ, а между тѣмъ въ парламентъ они не имѣли надлежащаго представительства. Реформа послѣдняго становилась поэтому неотложною потребностью времени.

Рядомъ съ этимъ все болѣе ощущалась необходимость въ преобразованіи и другихъ отраслей управленія и законодательства, совершенно не отвѣчавшаго новымъ условіямъ и запросамъ.

Проведенію этихъ преобразованій не могло уже препятствовать одно изъ главныхъ основаній, вызывавшихъ отрицательное отношеніе торизма къ какимъ-либо реформамъ. Ужасы французскаго террора отошли въ прошлое и являлись простымъ преданіемъ для людей, которые вступили въ общественную жизнь между 1815 и 1830 годами. Эти люди ознакомились на опытѣ съ узкостью взглядовъ тори, тѣмъ болѣе, что торизмъ, по странной случайности, становился все менѣе разсудительнымъ и все болѣе реакціоннымъ какъ разъ въ то время, когда Ватерлоо и прочный миръ, за нимъ послѣдовавшій, лишили противодѣйствіе реформамъ и ограниченіе свободы того оправданія, какое они имѣли въ эпоху рѣшительной борьбы за національную независимость.

Въ еще бѣльшей мѣрѣ дѣлу преобразованій помогла наличность новаго, вполне сложившагося направленія общественной мысли. Это направленіе нашло своихъ учителей въ лицѣ Бентама и его учениковъ. Ими была обезпечена пріемлемая про-

грамма реформъ. „Утилитарный индивидуализмъ, — говоритъ Дайси, — который, подъ названіемъ либерализма, на многіе годы опредѣлилъ ходъ развитія англійскаго законодательства, былъ не чѣмъ инымъ, какъ бентамизмомъ съ тѣми модификаціями, которыя вносились опытною, благоразуміемъ или осторожностью практическихъ политиковъ. Созданіе этого либерализма было смертельнымъ ударомъ старому торизму; имъ положенъ былъ конецъ періоду законодательнаго застою“.

III.

Второй изъ тѣхъ трехъ періодовъ, на которые Дайси дѣлитъ исторію законодательства въ Англіи въ XIX вѣкѣ, онъ называетъ эпохою индивидуализма или бентамизма.

Эпохою индивидуализма этотъ періодъ, обнимающій время между 1825 и 1870 годами, можетъ быть названъ потому, что въ развитіи законодательства здѣсь выступаетъ, въ качествѣ преобладающаго теченія, стремленіе обезпечить за личностью возможно болѣе широкую индивидуальную свободу; а „бентамизмомъ“ онъ можетъ быть названъ потому, что преобладавшее въ области законодательства теченіе общественной мысли имѣло главными своими вдохновителями и выразителями — Бентама и его учениковъ.

„Бентамъ, — говоритъ Дайси, — родился въ 1748 г., два года спустя послѣ крушенія послѣдней попытки возвратить престолъ Стюартамъ; умеръ онъ въ 1832 году, передъ самымъ проведеніемъ акта о парламентской реформѣ. Такимъ образомъ, восемьдесятъ-четыре года его жизни покрываютъ періодъ, отдѣляющій послѣднюю попытку установить дѣйствительное верховенство короны отъ начала современнаго демократическаго правленія въ Англіи. Этотъ періодъ выходитъ за предѣлы XVIII вѣка, но хотя Бентамъ и прожилъ почти до конца первой трети XIX вѣка, однако по духу онъ былъ всецѣло сыномъ XVIII вѣка и въ Англіи является лучшимъ представителемъ гуманизма и просвѣтительныхъ стремленій этого столѣтія“.

Бентамъ съ юныхъ лѣтъ сосредоточился на изученіи англійскаго права. Отецъ его, богатый стряпчій (атторней) въ Лондонѣ, подмѣтивъ выдающіяся дарованія сына, мечталъ сдѣлать изъ него блестящаго юриста, который современемъ могъ бы занять со славою положеніе Мансфилда или Эльдона въ должности лорда-канцлера. Честолюбивые замыслы отца были для

сына источникомъ немалыхъ мученій, но въ результатъ изученія дѣйствующаго права Іеремія Бентамъ явился замѣчательнымъ знатокомъ англійскаго законодательства, что весьма пригодилось ему въ его дальнѣйшей ученой и литературной дѣятельности. Сильный логическій умъ, весьма выдающіеся критическія способности и умѣнье схватывать общіе принципы направили работу Бентама въ сторону обнаруженія многихъ существенныхъ недостатковъ англійскаго права и отысканія способовъ наилучшаго и наиболѣе цѣлесообразнаго устраненія ихъ. Не сдѣлавшись самъ практическимъ юристомъ, Бентамъ оказалъ, однако, огромныя услуги проведенію многихъ важныхъ реформъ въ различныхъ отрасляхъ законодательства. Онъ находилъ, что эти реформы должны быть проводимы по извѣстному плану, на основахъ твердыхъ принциповъ. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ Бентамъ развилъ и этотъ планъ, и эти принципы, создавъ систематическое ученіе, нашедшее многихъ послѣдователей въ средѣ писателей и политическихъ дѣятелей.

Принципами, легшими въ основу ученія Бентама, были принципы утилитаризма. Примѣненіе начала полезности къ законодательству приводило къ установленію коренного положенія, по которому главною задачею каждаго закона является обезпеченіе возможно большаго благополучія возможно большаго числа людей ¹⁾. Въ виду же того, что каждый человекъ самъ можетъ быть признанъ наилучшимъ судьей своего счастья, законодательство должно стремиться къ устраненію всѣхъ тѣхъ ограниченій свободной дѣятельности индивида, которыя не представляются необходимыми для обезпеченія такой же свободы за другими.

Этотъ послѣдній принципъ, обозначаемый обыкновенно формулою „laissez faire“, занялъ въ правовой доктринѣ Бентама очень видное мѣсто и оказалъ огромное вліяніе и на интенсивность, и на характеръ движенія въ области законодательныхъ реформъ ²⁾. Для Бентама и его послѣдователей съ принципомъ „laissez faire“

¹⁾ Эту формулу Бентамъ воспринялъ, въ самомъ началѣ своихъ работъ, отъ Пристлея изъ брошюры, въ которой цѣль жизни опредѣлялась какъ обезпеченіе „возможно большаго счастья за возможно большимъ числомъ людей“. „Этою брошюрою и этою формулою, — говорилъ Бентамъ, — опредѣлились мои принципы въ области морали публичной и частной. Изъ этой брошюры я заимствовалъ формулу, слова и смыслъ которой получили такое широкое распространеніе въ цивилизованномъ мірѣ. При видѣ ея я пришелъ въ экстазъ и, какъ Архимедъ при открытіи закона гидростатики, воскликнулъ — *Eureka*“.

²⁾ Дайси оговариваетъ, что не слѣдуетъ забывать о вліяніи Адама Смита и его послѣдователей въ области правовыхъ реформъ, но въ ту пору экономисты и бентамисты составляли одну школу.

вовсе не была связана готовность мириться съ наличными условиями жизни. Это былъ боевой кличъ протеста противъ всякаго ограниченія въ отношеніи къ свободѣ человѣческаго существованія и развитія индивидуальныхъ свойствъ, — противъ всякаго ограниченія, не оправдываемаго каимъ-нибудь опредѣленнымъ требованіемъ полезности.

Изъ указанныхъ положеній англійскіе индивидуалисты выводили существенное для практики заключеніе: — законодательство должно расширить область договорныхъ отношеній и обезпечить обязательность выполненія договорныхъ условий. Признавая, что вообще А, В и С могутъ каждый лучше кого-либо другого судить о своемъ интересѣ, естественно придти къ заключенію, что, при условіи отсутствія насилія или обмана, имъ должна быть предоставлена полная возможность связывать себя другъ передъ другомъ всякими соглашеніями, какія они считаютъ желательными, т.-е. которыя въ ихъ глазахъ благопріятствуютъ ихъ интересамъ или, другими словами, обезпечиваютъ ихъ благополучіе. Въ свободѣ договоровъ индивидуалисты видѣли лучшее средство уничтожить рядъ старинныхъ институтовъ, представлявшихъ серьезное препятствіе гармоническому развитію общества. Поэтому они энергически возставали противъ всего того, что ослабляло обязательную силу договоровъ или что ограничивало свободу индивидовъ вступать въ договорныя отношенія. Не случайными обстоятельствами было то, что Бентамъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, возставалъ противъ законовъ о ростовщичествѣ, или что свобода денежнаго обращенія, свобода торговли и труда являлись лозунгами для государственныхъ людей, которые держались идей Бентама. Съ другой стороны, индивидуализмъ обезпечилъ легализацію развода, которая представляется не чѣмъ инымъ, какъ расширеніемъ области договорной свободы.

Однако самое стремленіе къ обезпеченію договорной свободы, будучи проявленіемъ индивидуализма, приводитъ къ возникновенію ряда вопросовъ, на которые не легко дать отвѣтъ съ точки зрѣнія индивидуализма. Между индивидуальной свободой и свободой договорною возможна рѣзкая коллизія, на которую Дайси находитъ нужнымъ обратить особенное вниманіе въ интересномъ анализѣ.

Должно ли быть признано за заемщикомъ право получить известную сумму, которой онъ настойчиво требуетъ, предлагая уплатить самые ростовщическіе проценты? Должна ли быть признана за человѣкомъ возможность заключить договоръ, обязывающій его быть всю жизнь чѣмъ-либо слугою? Въ болѣе общей

формѣ вопросъ можетъ быть поставленъ такъ: должно ли быть признано право налагать на себя обязательство по договору за всякимъ совершеннолѣтнимъ, который дѣйствуетъ сознательно и не подъ вліяніемъ обмана, но который однако находится въ такомъ положеніи, при которомъ, подъ давленіемъ своихъ нуждъ, онъ не можетъ вступить въ выгодную для себя сдѣлку?

Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на эти и имъ подобные вопросы за индивидомъ обеспечивается полная свобода вступать въ договоры, но онъ въ силу самого договора, который ему предоставляютъ заключить, находится въ опасности потерять всю свою дѣйствительную свободу. Если же, напротивъ, указанные вопросы рѣшаются отрицательно, то, конечно, многіе окажутся защищенными отъ извѣстныхъ проявленій жестокости или несправедливости, но договорная свобода будетъ принесена въ жертву, при чемъ теряетъ свое значеніе основная идея индивидуалистическаго законодательства о томъ, что люди сами лучшіе судьи своего интереса. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и во многихъ другихъ, которые легко себѣ представить, затрудненіе заключается въ наличности постоянной опасности того, что неограниченная договорная свобода, признаваемая проявленіемъ и какъ бы развитіемъ индивидуальной свободы, можетъ однако оказаться для индивида, ее осуществляющаго, источникомъ лишенія его той самой свободы, проявленіемъ которой она признается. Вопросъ объ опредѣленіи надлежащей границы договорной свободы представляетъ собою проблему большой практической важности.

Желательно ли установить извѣстные предѣлы осуществленія права ассоціаціи или права союзовъ, которое есть не что иное, какъ право двухъ или болѣе гражданъ вступать въ соглашеніе о совмѣстномъ преслѣдованіи какой-либо общей цѣли?

Это право отличается той особенностью, что оно имѣетъ двѣ различныя и даже противоположныя стороны, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія оно разсматривается. На него можно, съ одной стороны, смотрѣть какъ на дальнѣйшее развитіе индивидуальной свободы каждаго гражданина—права его распоряжаться своими дѣлами по своему усмотрѣнію, поскольку онъ не затрогиваетъ законныхъ правъ своихъ ближнихъ, откуда слѣдуетъ, что тому образу дѣйствій, котораго могутъ законно держаться X, Y или Z, дѣйствуя каждый въ отдѣльности, они могутъ законно слѣдовать и дѣйствуя совмѣстно въ силу соглашенія между собою. Но, съ другой стороны, право ассоціаціи можетъ быть разсматриваемо какъ право весьма своеобразное въ томъ отношеніи, что осуществленіе его можетъ, при извѣстныхъ обстоя-

тельствѣхъ, сильно ограничивать свободу индивидовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ угрожать авторитету государства. Это обуславливается тѣмъ, что люди, дѣйствуя совмѣстно въ преслѣдованіи какой-либо общей задачи, имѣютъ склонность создать сообщество, которое, не по какой-нибудь юридической фикціи, а по самому существу своему отличается отъ индивидовъ, изъ которыхъ оно составилось. Корпоративный духъ есть реальное и сильное чувство, понуждающее людей въ своихъ дѣйствіяхъ или подниматься выше, или—еще чаще—опускаться ниже обычнаго нравственнаго уровня, которымъ они сами, какъ отдѣльные лица, регулируютъ свое поведеніе. Кромѣ того, сообщество, созданное соглашеніемъ,—естественная корпорація, если можно такъ выразиться,—будетъ ли то политическая лига, церковь или рабочій союзъ, уже самымъ существованіемъ своимъ ограничиваетъ свободу своихъ членовъ и постоянно тяготѣетъ къ ограниченію свободы постороннихъ лицъ. Комбинированная сила общества создается вслѣдствіе отказа отъ извѣстной доли индивидуальной свободы со стороны каждаго изъ его членовъ, и въ результатъ такого отказа общество можетъ располагать силою гораздо большею, чѣмъ та, которую могли бы проявить всѣ его члены, дѣйствуя въ отдѣльности; дисциплинированный полкъ въ тысячу человекъ, дѣйствующихъ подъ командою, обладаетъ силою нападенія гораздо болѣе грозною, чѣмъ когда тысяча человекъ, хотя и вооруженныхъ, дѣйствуютъ безъ дисциплины и порознь. Такимъ образомъ, ассоціація можетъ постоянно пріобрѣтать новыя силы, которыя ограничиваютъ свободу третьихъ лицъ. Для отдѣльнаго гражданина часто оказывается невозможнымъ не подчиниться велѣніямъ какой-либо политической ассоціаціи или церковнаго союза. Поэтому право ассоціаціи, разсматриваемое даже съ чисто теоретической точки зрѣнія, имѣетъ какой-то парадоксальный характеръ. Право, которое представляется, повидимому, необходимымъ развитіемъ индивидуальной свободы, можетъ, какъ оказывается, стать фатальнымъ для индивидуальной свободы, проявленіемъ которой оно должно бы быть. И этотъ теоретическій парадоксъ приводитъ къ практическому вопросу, который въ Англіи запутывалъ все законодательство о союзахъ.

Могутъ ли X, Y и Z законно обязаться другъ передъ другомъ дѣйствовать совмѣстно ради достиженія того, что каждый изъ нихъ можетъ совершить, дѣйствуя отдѣльно и безъ уговора съ другими?

Если этотъ вопросъ разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ, договорная свобода и, слѣдовательно, индивидуальная свобода дѣй-

ствій получаетъ законное, повидимому, развитіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу вещей, непосредственно появляются два результата. Свобода дѣйствій X, или Y, или Z ставится на будущее время, въ силу заключеннаго ими соглашенія, въ ограниченные предѣлы, а ихъ комбинированная дѣятельность можетъ сильно затронуть свободу какого-либо третьяго лица T. Такъ, если X, Y и Z, будучи предпринимателями, обяжутся никогда не принимать какого-нибудь рабочаго, участвовавшаго въ стачкѣ, или же если они, будучи рабочими, обяжутся никогда не работать вмѣстѣ съ какимъ-либо лицомъ, которое не состоитъ членомъ рабочаго союза,—то и свобода индивида X вести свои дѣла или работать на желательныхъ для него условіяхъ, и свобода T, бывшаго лидеромъ стачки или отказавшагося применить къ рабочему союзу, могутъ быть сведены на нѣтъ, при чемъ онъ можетъ лишиться средствъ къ существованію.

Если, съ другой стороны, поставленный выше вопросъ разрѣшается отрицательно и, въ интересахъ индивидуальной свободы, законъ воспрещаетъ X, Y и Z объединяться для цѣлей, которыя каждый изъ нихъ, дѣйствуя порознь, можетъ законно преслѣдовать, то договорная свобода X, Y и Z, или, другими словами, свобода ихъ дѣйствій подвергается существенному стѣсненію.

Какое же рѣшеніе указанной проблемы представляется болѣе правильнымъ съ точки зрѣнія принциповъ индивидуализма? По мнѣнію Дайси, бентамиты не дали на этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта. Въ сущности они никогда не отдавали себѣ яснаго отчета ни въ значеніи, ни въ трудности тѣхъ проблемъ, которыя въ теченіе послѣднихъ 50—60 лѣтъ возникали по вопросу о тѣхъ предѣлахъ, въ которые должно быть поставлено право ассоціаціи. Этотъ недочетъ въ доктринѣ бентамитовъ имѣетъ весьма большое значеніе. Онъ,—говоритъ Дайси,—тѣсно связанъ съ тенденціею всѣхъ индивидуалистовъ пренебрегать соціальною стороною человѣческой природы. Въ области же законодательства, какъ и вездѣ, неясность мысли приводила—и всегда будетъ приводить—къ неясности въ дѣйствіяхъ.

Затѣмъ Дайси указываетъ, что изъ основныхъ положеній утилитаризма выводилось заключеніе, которое образуетъ соединительное звено между бентамизмомъ и демократіею. Оно состоитъ въ признаніи, что каждому человѣку должна быть предоставлена одинаковая доля участія въ политической власти; логическое же развитіе этого положенія приводило къ установленію, что наилучшею формою государственнаго устройства является демокра-

тія. Мнѣ въ своей монографіи о демократіи слѣдующимъ образомъ характеризуетъ взгляды бентамитовъ въ этомъ отношеніи. „Каждый человѣкъ преслѣдуетъ свой собственный интересъ такъ, какъ онъ понимаетъ его, и, слѣдовательно, та часть общества, которой принадлежитъ политическая власть, будетъ пользоваться ею въ своихъ собственныхъ цѣляхъ. Для того, чтобы предотвратить это, нужно надѣлать политическою властью все общество. Невозможно, чтобы оно злоупотребило ею, такъ какъ интересъ, который оно будетъ стараться преслѣдовать, есть интересъ всѣхъ, а интересъ всѣхъ и является настоящею цѣлью всякаго законодательства“.

Стоя на почвѣ строгихъ утилитарныхъ принциповъ, нельзя ожидать, чтобы какое-либо другое правленіе, кромѣ демократіи, могло проводить законы въ интересахъ общаго благополучія: настоящий монархъ будетъ преслѣдовать свой собственный интересъ; олигархія будетъ управлять въ интересахъ не всѣхъ, а лишь части гражданъ. Значеніе этихъ логическихъ соображеній усиливалось дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ ту эпоху въ Европѣ вообще и въ частности въ Англіи. Во всѣхъ отрасляхъ права, какъ публичнаго, такъ и частнаго, обнаруживалось преобладаніе извѣстныхъ классовъ, вліяніе узкихъ интересовъ. Вотъ почему бентамиты вообще являлись демократами и, обратно, демократы того времени — бентамитами.

Переходя къ анализу причинъ того успѣха, который имѣли доктрины бентамизма, Дайси говорить, что онъ объясняется отчасти переходными обстоятельствами той эпохи, отчасти же нѣкоторыми постоянными свойствами англійской общественной мысли.

Бентамизмъ, прежде всего, отвѣчалъ непосредственнымъ запросамъ времени. Около 1825 года въ Англіи широко распространилось убѣжденіе въ необходимости коренныхъ измѣненій въ учрежденіяхъ страны; но англичане всѣхъ классовъ, виги и реформисты не въ меньшей степени, чѣмъ тори, относились съ недовѣріемъ къ теоріи естественныхъ правъ и остерегались усвоенія какихъ-либо яacobинскихъ принциповъ. Догматизмъ и риторика французской революціи потеряли свою прелесть даже въ глазахъ радикаловъ англійскихъ. Тотъ, кто могъ бы повести Англію по пути реформъ, не долженъ былъ говорить ни объ общественномъ договорѣ, ни о естественныхъ правахъ, ни о правахъ человѣка, ни о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Этимъ условіямъ вполнѣ отвѣчали Бентамъ и его ученики. Они ненавидѣли и подвергали насмѣшкамъ туманныя обобщенія, сентиментализмъ

и реторику; они отвергали ученіе объ общественномъ договорѣ, а революціонный догматизмъ никогда не вызывалъ такой рѣзкой критики, какъ та, которой Бенхамъ подвергъ „Декларацію правъ человека и гражданина“.

„О чемъ всего болѣе нужно напоминать народу, — писалъ онъ, — такъ это объ его обязанностяхъ; что касается его правъ, то, каковы бы они ни были, онъ достаточно склоненъ самъ позаботиться о нихъ...; великими врагами общественного мира являются своекорыстныя и антисоціальныя страсти... Какова была цѣль, цѣль постоянная и очевидная, этой деклараціи такъ называемыхъ правъ? По возможности еще болѣе усилить эти страсти, безъ того слишкомъ сильныя, разорвать то, что сдерживало ихъ, сказать корыстнымъ страстямъ: „смотрите, все это ваша добыча!“ и — страстямъ раздраженнымъ: „смотрите, всюду враги ваши!“

Бенхамъ былъ не агитаторомъ, а глубокимъ и систематическимъ мыслителемъ, который поставилъ передъ собою не туманные и неопредѣленные идеалы, а совершенно ясный и опредѣленный планъ реформъ съ цѣлью практическаго улучшенія англійскаго законодательства — реформъ, отвѣчавшихъ лучшимъ стремленіямъ англійскихъ среднихъ классовъ.

Однако въ еще большей степени сила утилитаризма обуславливалась соотвѣтствіемъ его нѣкоторымъ постояннымъ тенденціямъ англійской общественной мысли, традиціонному консерватизму англичанъ.

Большинство бенхамитовъ были демократы, но наиболѣе демократическіе изъ утилитаристовъ не покушались на основы англійскаго общественного строя. Они оставались вѣрными господствующимъ представленіямъ объ индивидуальномъ благополучіи и національномъ благосостояніи. Къ социализму всякаго рода они относились вполнѣ отрицательно; съ неодобреніемъ смотрѣли они на проявленія государственнаго вышаташества; къ мѣрамъ скрытаго социализма они относились гораздо болѣе враждебно, чѣмъ тори-филантропы, представителемъ которыхъ въ литературѣ былъ Соути, а въ области частной благотворительности — лордъ Шефтсбери. „Философскіе радикалы“ предлагали реформировать англійское законодательство не посредствомъ коренной революціи, а путемъ обезпеченія за всѣми англичанами тѣхъ правъ собственности и индивидуальной свободы, которыя теоретически принадлежали всѣмъ англичанамъ, но которыми, вслѣдствіе недостатковъ законодательства, цѣлые классы не могли пользоваться. Въ видѣ примѣра Дайси указываетъ, что за каждымъ признавалось

право на возвращеніе долговъ, но до созданія судовъ графства (County Courts) бѣдному человѣку часто было трудно, если не невозможно, взыскать слѣдующее ему по причинѣ страшной договоризны судебного процесса.

Утилитаризмъ въ примѣненіи къ законодательству являлся не чѣмъ инымъ, какъ систематизированнымъ индивидуализмомъ, а индивидуализмъ всегда былъ присущъ англичанамъ.

Въ теченіе долгихъ конфликтовъ, которыми ознаменовалась конституціонная исторія Англіи, индивидуализмъ означалъ ненависть къ произвольной прерогативѣ короны или, другими словами, къ коллективной и самодержавной власти государства; онъ питалъ и осмысливалъ инстинктивное и упорное стремленіе обезпечить за каждымъ англичаниномъ, безъ различія положенія, господство закона. Бентамизмъ былъ логическимъ и систематическимъ развитіемъ этихъ индивидуальныхъ правъ, и особенно права индивидуальной свободы, которая была всегда такъ дорога англійскому общему праву (common law).

Въ какой мѣрѣ прочно и глубоко былъ усвоенъ бентамизмъ или индивидуализмъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ совершенно опредѣленно и точно. Начиная съ 1832 года, преобладаніе индивидуализма въ средѣ классовъ, имѣвшихъ вліяніе на законодательство, представляется въ теченіе многихъ лѣтъ безспорнымъ и очевиднымъ.

Со времени проведенія акта 1832 г. о парламентской реформѣ политическая жизнь развивалась подъ руководствомъ лидеровъ, которые, несмотря на различія въ партійныхъ отгнѣнкахъ, были прежде всего индивидуалисты и утилитаристы. Философскіе радикалы, Гротъ, Ребукъ и Молесвортъ были ревностными послѣдователями Бентама. Брумъ, Россель, Маколей и другіе виги, называли ли они себя бентамитами или нѣтъ, были убѣжденными сторонниками утилитаризма.

Лидеры манчестерской школы не могутъ быть причислены къ философскимъ радикаламъ; это были просвѣщенные дѣловые люди, которые стремились скорѣе къ реформамъ въ области промышленности, чѣмъ политическимъ или социальнымъ. Но въ области политики они слѣдовали идеямъ Бентама въ большей степени, чѣмъ какая-либо другая группа либераловъ.

Бентамизмъ не былъ монополіею либераловъ. Консерваторы, слѣдовавшіе за Пилемъ, иронически улыбнулись бы передъ наименованіемъ ихъ утилитаристами, но вмѣстѣ съ людьми своего поколѣнія они въ значительной степени восприняли доктрины

Бентама. Они примыкали къ старымъ тори въ противодѣйствіи дальнѣйшимъ конституціоннымъ измѣненіямъ, но подъ руководствомъ Пилля они признавали, что постепенныя реформы и умѣлое завѣдываніе внутреннимъ управленіемъ, въ связи съ обезпеченіемъ внѣшняго мира, приведутъ къ національному благополучію.

Наконецъ, даже руководители рабочихъ классовъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, были бентамитами. Сами трэд-юніонисты восприняли формулы, если не принципы экономистовъ того времени, и надѣялись, что начало „laissez faire“, при правильномъ его истолкованіи, обезпечитъ за рабочими надлежащія средства соціальнаго и политическаго усовершенствованія. Среди чартистовъ можно встрѣтить нѣсколькихъ приверженцевъ социалистическихъ идеаловъ, но чартизмъ не былъ движеніемъ социалистическимъ. Народная хартія, сформулированная въ 1838 году, была чисто политическою программою, которая соотвѣтствовала доктринѣ демократическаго бентамизма.

Либерализмъ бентамовскаго типа не только былъ господствующимъ теченіемъ въ эпоху реформъ, но вплоть до второй половины XIX вѣка не обнаруживалъ, по крайней мѣрѣ въ парламентѣ, серьезныхъ признаковъ упадка. Въ этомъ вполне убѣждаетъ направленіе общественнаго мнѣнія, напр., въ 1850 или 1852 году. Философскіе радикалы (которымъ суждено было быть защитниками народнаго дѣла и никогда не снискать народнаго довѣрія или расположенія) почти уже исчезли, какъ партія, но практическій индивидуализмъ былъ господствующимъ теченіемъ времени. Если въ ту пору оставалось мало ревностныхъ учениковъ Бентама, какими были Джонъ Милль и его друзья, когда за двадцать или тридцать лѣтъ передъ тѣмъ они горячо пропагандировали утилитаризмъ, то въ дѣйствительности то время было торжествомъ Бентама и умѣренный утилитаризмъ являлся общепринятымъ политическимъ credo. Пореформенный парламентъ, хотя его законодательство и не удовлетворило всѣхъ стремленій философскаго радикализма, оказался надлежащимъ орудіемъ для постепеннаго проведенія утилитарной реформы. Крупнымъ политическимъ перемѣнамъ насталь, повидимому, конецъ. Чартизмъ рушился 10 апрѣля 1848 года, и со стороны рабочихъ прекратились требованія демократическихъ нововведеній. По соображеніямъ партійной борьбы, въ 1852, 1854, 1859 и 1860 гг. вносились билли о парламентской реформѣ, но они не возбуждали общаго интереса. Въ 1859 году Брайтъ предпринялъ агитацію въ пользу распространенія политическихъ

правъ на всѣхъ домохозяевъ; его краснорѣчіе собирало обширныя аудиторіи, но не зажгло народнаго энтузіазма, и ораторъ, какъ говорятъ, сравнилъ свои усилія съ бесплоднымъ „стеганіемъ палой лошади“.

Событія 1848 года и непосредственно за нимъ слѣдовавшихъ дискредитировали республиканизмъ и въ Англіи затормозили успѣхи демократіи. Они имѣли даже болѣе значительныя послѣдствія: въ глазахъ англійскаго здраваго смысла они изобличили социализмъ не только во вредоносности, но и въ абсурдности. Бокль въ 1857 году восхищалъ всю Англію своими красивыми періодами, въ которыхъ излагались принципы и общія мѣста царившаго въ ту пору либерализма, а Джонъ Милль, наслѣдственный представитель бентамизма, два года спустя издалъ свой трактатъ „О свободѣ“, въ которомъ тысячи его горячихъ послѣдователей видѣли окончательное развитіе безусловной истинности индивидуализма и твердое обоснованіе доктрины о томъ, что охрана свободы есть единственно великая задача мудраго законодательства и здоровой политики. Въ качествѣ характернаго признака времени можно отмѣтить, что единственнымъ значительнымъ законодательнымъ актомъ, который проведенъ былъ Пальмерстономъ, былъ законъ 1857 г. о разводѣ — законъ, отбѣжавшій всецѣло доктринѣ бентамизма. Ко всему этому нужно прибавить огромное нравственное и умственное воздѣйствіе, которое было оказано непрерывнымъ развитіемъ законодательства въ духѣ бентамизма, и болѣе всего отмѣною хлѣбныхъ законовъ и тѣмъ ростомъ благосостоянія, причиною котораго считалась эта отмѣна. Эта непрерывность въ развитіи законодательства въ духѣ бентамизма является главнымъ проявленіемъ, а съ извѣстной точки зрѣнія и главною причиною господства индивидуализма въ теченіе почти всего періода существованія реформированнаго парламента (т.-е., до второй крупной реформы его въ 1867 г.).

Самый обзоръ законодательства въ періодъ бентамизма Дайси производитъ не въ порядкѣ его хронологическаго развитія, а сообразно съ тѣми главными задачами, осуществленіе которыхъ составляло цѣль вдохновителей и выразителей этого направленія. Такихъ задачъ было четыре: 1) переходъ политической власти въ руки того класса, который признавался достаточно обширнымъ и интеллигентнымъ для того, чтобы интересы его могли быть отождествлены съ интересами наибольшаго числа; 2) проведеніе началъ гуманности; 3) развитіе и расширеніе области индивидуальной свободы; 4) созданіе правового механизма, со-

отвѣтствующаго задачѣ охраненія равныхъ правъ всѣхъ гражданъ.

1) *Переходъ политической власти.*—Актъ о реформѣ 1832 года, проведенію котораго энергически содѣйствовали послѣдователи Бентама, не представляется, съ современной точки зрѣнія, очень широкою демократическою реформою. Цѣлью его было уменьшить власть джентри и сосредоточить преобладающую политическую власть въ рукахъ среднихъ классовъ. Эта цѣль и была вполнѣ достигнута. Но, можно спросить, почему демократы-бентамиты такъ ревностно содѣйствовали проведенію закона, который представлялъ собою такой скромный шагъ на пути развитія демократіи? Отчасти на этотъ вопросъ можно отвѣтить, что виги не имѣли ни желанія, ни возможности пойти далѣе въ демократическомъ направленіи; но болѣе полное объясненіе указанного заключается въ томъ, что актъ о реформѣ въ значительной мѣрѣ удовлетворялъ желанія и стремленія бентамовскаго либерализма. Бентамизмъ былъ по существу своему выраженіемъ мировоззрѣнія среднихъ классовъ, и именно средніе классы болѣе, чѣмъ какой-либо другой слой общества, были склонны осуществить стремленія утилитаризма.

Реформа городского управленія актомъ 1835 года является дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи демократическаго бентамизма. Она устранила массу практическихъ недочетовъ, которые были особенно ненавистны утилитаристамъ. Она, вѣсть съ тѣмъ, передала управленіе городовъ среднимъ классамъ и даже тѣмъ обывателямъ бурговъ, которые принадлежали къ болѣе низкимъ слоямъ.

2) *Проведеніе началъ гуманности.*—Эта задача вытекала изъ основныхъ принциповъ философіи Бентама, которые побуждали утилитаристовъ выступить съ рѣшительнымъ протестомъ противъ жестокости и ненужныхъ страданій. Къ этой области относится рядъ реформъ въ уголовномъ законодательствѣ: отмѣна тѣлесныхъ наказаній женщинъ; упраздненіе позорнаго столба (1837); постепенное (за время между 1827 и 1861 годами) сокращеніе числа преступленій, караемыхъ смертною казнью, которая оставлена лишь для случаевъ убійства; реформированіе тюремъ; почти полная отмѣна тѣлесныхъ наказаній, какъ кары за преступленіе; упраздненіе публичности смертной казни убійцъ. Результатомъ того же гуманитарнаго движенія были различныя мѣры защиты дѣтей, рядъ законовъ (начиная съ 1828 г.), составившихъ цѣлый кодексъ мѣръ защиты душевно-больныхъ и обезпеченія людеи здоровыхъ отъ незаконнаго помѣщенія въ дома для умалишенныхъ.

ныхъ. Къ этой же области относятся законы о воспрещеніи жестокаго обращенія съ животными.

Побужденіями гуманности вызвана была также эмансипація негровъ, но эта мѣра относится скорѣе къ другой области индивидуалистическаго законодательства, предметомъ которой является—

3) *Расширеніе области индивидуальной свободы.*—Терминъ „индивидуальная“ или „личная свобода“ понимается здѣсь въ очень широкомъ смыслѣ. Развѣтіе индивидуальной свободы, какъ объектъ бентамовскаго законодательства, безъ сомнѣнія, включаетъ въ себя ту свободу личности или то право безпрепятственнаго распоряженія собою, которое защищается институтомъ Habeas Corpus и привлеченіемъ къ отвѣтственности за противозаконное лишеніе свободы, но оно включаетъ въ себя также и устраненіе всякихъ ненужныхъ ограниченій, которымъ законъ или обычай подвергаетъ свободу дѣйствій индивидуальнаго гражданина. Цѣлью реформистовъ-бентамитовъ было обезпечить за каждымъ лицомъ всю ту свободу, которая совмѣстима съ предоставленіемъ такой же свободы каждому другому гражданину. Въ этихъ видахъ въ теченіе сорока лѣтъ, слѣдовавшихъ за актомъ о реформѣ, въ различныя области права внесены были соотвѣтственные измѣненія.

Однимъ изъ главныхъ руководящихъ началъ въ этихъ реформахъ было обезпеченіе свободы договора. Во имя этого принципа перестали (1844) считаться преступными скупка и барышничество, отмѣнены (1833—1854) законы о ростовщичествѣ, навигаціонные законы (1846 и 1849). Актомъ 1835 г. и позднѣйшимъ законодательствомъ бракъ сталъ считаться договоромъ, могущимъ подлежать расторженію (1857 г.), подобно всякимъ другимъ договорамъ, съ соблюденіемъ однако нѣкоторыхъ особенныхъ условій и черезъ высшій судъ.

Стремленіемъ расширить свободу договоровъ вызвана была также реформа законовъ о коалиціяхъ и союзахъ рабочихъ, въ силу актовъ 1824 и 1825 гг.

Актомъ 1824 года были отмѣнены всѣ существовавшія, въ силу статутовъ и общаго права, ограниченія въ отношеніи къ возможности для рабочихъ соединеній предъявлять требованія о сокращеніи рабочаго времени, увеличеніи заработной платы и о другихъ условіяхъ труда, а также вынуждать другихъ къ отказу отъ работы. Такого рода коалиція не подлежали уголовному преслѣдованію и освобождались отъ примѣненія къ нимъ карательныхъ нормъ за преступное соглашеніе (conspiracy). Одинаковыя права предоставлялись и соединеніямъ предпринимателей.

Съ другой стороны, актъ 1824 года установилъ наказаніе (двухмѣсячное тюремное заключеніе) за насиліе, угрозы и умышленное причиненіе вреда.

Въ этомъ актѣ выразились два характерныхъ убѣжденія бентамитовъ и экономистовъ: 1) трудъ долженъ быть столь же свободно предметомъ обмѣна, какъ всякій другой товаръ, и 2) рабочіе и предприниматели должны подлежать дѣйствию одинаковыхъ правовыхъ нормъ.

Немедленное измѣненіе акта 1824 года было вызвано слѣдующими обстоятельствами. „Рабочіе, впервые получившіе обезпеченіе права коалицій,—говоритъ Дайси,—воспользовались своимъ новымъ правомъ неблагоразумно, чтобы не сказать несправедливо. Произошли многочисленныя стачки, и эти стачки сопровождались актами насилія и давленія. Въ Глазго рабочіе „бойкотировали“, какъ сказали бы мы теперь, одного непопулярнаго мануфактуриста и старались разорить его. Классы, имѣвшіе вліяніе въ парламентѣ, были объаты паникою, и тревога ихъ не была безосновательною. Отсюда требованіе отмѣны акта 1824 года“.

Въ 1825 году изданъ былъ новый актъ по тому же предмету. Онъ поставилъ свободу соединеній въ болѣе тѣсныя рамки и установилъ мѣры предосторожности противъ давленія со стороны рабочихъ массъ на предпринимателей и на тѣхъ рабочихъ, которые не находили для себя желательнымъ примѣнить къ движенію. За рабочими, какъ и за предпринимателями, актъ 1825 г. признавалъ право, при посредствѣ коалицій, устанавливать условія рабочаго времени и заработной платы, но осуществленіе этого права въ формахъ острыхъ могло вызвать уголовное преслѣдованіе участниковъ по обвиненію ихъ въ преступномъ соглашеніи (conspiracy). При такихъ условіяхъ стачка, не будучи сама по себѣ явленіемъ преступнымъ, могла при извѣстныхъ условіяхъ быть призвана „conspiracy“; съ другой стороны, принадлежность въ рабочему союзу сама по себѣ не являлась преступленіемъ, но рабочій союзъ не пользовался признаніемъ закона и не могъ разсчитывать на какую-либо юридическую защиту.

При всемъ различіи обоихъ актовъ въ нихъ въ сущности нѣтъ коренного противорѣчія. „Закономъ 1824 года бентамиты и экономисты расширили право соединеній въ цѣляхъ расширенія области индивидуальной свободы; актомъ 1825 года искрѣпленіе индивидуализма, къ числу которыхъ, конечно, можетъ быть отнесенъ Пиль, ограничило право соединеній въ цѣляхъ охранить договорную свободу рабочихъ и хозяевъ. Люди, проводившіе актъ 1824 г., имѣли въ виду примѣнить въ отношеніи къ труду

начало свободной торговли; они не хотѣли ограничивать договорную свободу тѣхъ, которые предпочитали не присоединяться къ тредъ-юніонамъ или противодействовали имъ. Оба акта, по видимому противоположные, въ дѣйствительности являются лишь различными выраженіями того принципа „laissez faire“, который былъ однимъ изъ жизненныхъ убѣжденій утилитаристовъ“.

Къ области расширенія индивидуальной свободы должны быть отнесены также многочисленные статуты, задачей которыхъ было обезпечить свободу распоряженія собственностью, въ частности земельною собственностью. Сюда же можетъ быть отнесена реформа (1834) системы призрѣнія бѣдныхъ въ томъ ея значеніи, какое она имѣла для охраненія права собственности отъ тѣхъ жертвъ, которыя это право несло при прежнихъ порядкахъ въ области общественнаго призрѣнія, когда на счетъ сборовъ съ состоятельныхъ людей давались обязательныя пособія людямъ, уклонявшимся отъ работы и предпочитавшимъ жить подаянками.

Дайси упоминаетъ, наконецъ, о тѣхъ актахъ, которые расширяли сферу свободы мнѣній и свободу религіозную, подчеркивая въ особенности отмѣну тѣхъ ограниченій, которыя закрывали доступъ въ парламентъ представителямъ тѣхъ или другихъ исповѣданій, не допускавшихъ принесенія присяги въ формулѣ установленной для членовъ англиканской церкви.

4) *Надлежащее охраненіе правъ.*—Бентамъ и его послѣдователи проявили большую энергію въ обезпеченіи за каждымъ дѣйствительной возможности защитить свои права. Въ этихъ видахъ они старались преобразовать судебную процедуру и, освободивъ ее отъ устарѣлыхъ приемовъ, поставить ее въ уровень съ современными потребностями: сдѣлать суды болѣе доступными, удешевить процессъ и упростить его. Судебная процедура, со всѣми техническими деталями ея, составляла излюбленный предметъ вниманія и изученія Бентама, который видѣлъ въ ея усовершенствованіи средство обезпечить за каждымъ правовую защиту. Право, не получающее защиты, не имѣетъ реальнаго существованія; медленность и дороговизна суда, недостаточная доступность его порождаютъ несправедливости не менѣе значительныя, чѣмъ формальное отрипаніе правъ. „То увлеченіе,—говоритъ Дайси,—съ какимъ относился Бентамъ къ улучшенію процедуры, было проявленіемъ желанія его дать защиту индивидуальной свободѣ, и результатомъ этого увлеченія, возбужденнаго Бентамомъ, было то, что въ теченіе семидесяти лѣтъ постоянно дѣлались усилія въ цѣляхъ улучшенія правового механизма—усилія, увѣнчавшіяся замѣтнымъ успѣхомъ“.

Обозрѣніе періода бентамизма или индивидуализма Дайси заканчивается слѣдующими соображеніями:

„Чѣмъ глубже вникаешь въ изученіе того обновленія, которому подверглись англійскія учрежденія подъ вліяніемъ Бентама, тѣмъ болѣе рѣзко выступаетъ вліяніе, оказываемое на развитіе права общественнымъ мнѣніемъ. Ничто не дѣлается путемъ насилія; всякая перемѣна производится или задерживается или предотвращается подъ вліяніемъ, — и вліяніемъ, повидимому, непреодолимымъ, — какою-то невидимой силы. Старанія обструкціонистовъ или реакціонеровъ не приводятъ ни къ чему; торизмъ Эльдона, военная суровость герцога Веллингтона, разумный консерватизмъ Пила и, позднѣе, гораздо менѣе разумный консерватизмъ лорда Пальмерстона, все это на самомъ дѣлѣ задерживаетъ движеніе перемѣнъ лишь на такіе періоды времени, которые въ жизни народовъ являются простыми моментами. Съ другой стороны, стремительность демократовъ и пылкость энтузіастовъ достигаютъ немногаго въ дѣлѣ ускоренія перемѣнъ. Въ XVIII вѣкѣ одинъ герцогъ былъ склоненъ рекомендовать всеобщее избирательное право. Его требовали чартисты, которымъ, казалось, между 1830 и 1848 годами, суждено было довести парламентскую реформу до ея логическаго заключенія. И однако теперь, когда Англія представляется гораздо болѣе демократическою, чѣмъ въ серединѣ XIX-го вѣка, избиратели, которые могли бы легко добиться любого желательнаго для нихъ измѣненія, довольствуются условіями значительно менѣе демократическими, чѣмъ даже предоставленіе избирательныхъ правъ всѣмъ домохозяевамъ безъ ограниченія извѣстнымъ цензомъ; можно даже найти доказательства (хотя не слѣдуетъ забывать, что не все доказуемое оказывается вѣрнымъ), что реформы или измѣненія, произведенныя за послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ, значительно увеличили популярность короны, пэрія и церкви. Вникнувъ въ тѣ измѣненія, которыя осуществились, и — что столь же важно — въ тѣ измѣненія, которыя не осуществились въ законодательствѣ страны, мы всюду замѣтимъ воздѣйствіе общественнаго мнѣнія, и чудится намъ, что мы въ рукахъ какаго-то таинственнаго вліянія, которое дѣйствуетъ съ неизбѣжною рокою. Но это суевѣрное чувство исчезнетъ, если мы вспомнимъ, что общественное мнѣніе есть не что иное, какъ мнѣніе общества, — т.-е. господствующіе взгляды неопредѣленнаго числа англичанъ“.

Владиміръ Дерюжинскій.

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ

25-го сентября прошедшаго года исполнилось тридцать лѣтъ со дня смерти графа Алексѣя Константиновича Толстого. Много прошло времени съ тѣхъ поръ, а все же у насъ не пришли еще къ соглашенію въ оцѣнкѣ его личнаго характера и творческаго таланта, и даже встрѣчаются, или, по крайней мѣрѣ, встрѣчались прямо противоположныя воззрѣнія какъ на то, такъ и на другое.

Если вѣрить цифрамъ, т.-е. числу изданій, которое въ послѣднее время выдержали его сочиненія, и безчисленному числу представленій его „Трилогія“, то можно констатировать, какъ несомнѣнный фактъ, именно то, что графъ А. К. Толстой сдѣлался теперь однимъ изъ самыхъ популярныхъ нашихъ поэтовъ. Но, съ другой стороны, и теперь можно встрѣтить въ печати слѣды старой неприязни къ нему. Въ виду того, мы и предприняли, въ настоящемъ очеркѣ, собрать во-едино тѣ данныя, которыя разбросаны на страницахъ разныхъ журналовъ, и представить картину жизни покойнаго поэта, характеристику его личности и оцѣнку богатой, разносторонней его работы.

I.

Графъ А. К. Толстой родился 24-го августа 1817 г. въ Петербургѣ, въ богатой дворянской семьѣ. Его мать, Анна Алексѣевна Перовская, которая славилась въ высшемъ обществѣ

столицы своимъ умомъ и красотою, вышла въ 1816 г. замужъ за графа Константина Петровича Толстого, брата извѣстнаго скульптора и вице-президента академіи художествъ. Бракъ этотъ не былъ счастливъ, и, вскорѣ послѣ рожденія сына, супруги развѣхались. Графъ К. П. Толстой, женившись во второй разъ, былъ значительно старше своей молодой жены; онъ уступалъ ей и по уму, и по образованію. По крайней мѣрѣ, братъ его, Ѳ. П. Толстой, цѣнившій свою невѣстку, высказался по поводу этого разрыва въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Братъ Константинъ никогда и не долженъ былъ жениться на Аннѣ Алексѣевнѣ. Она слишкомъ умна для него... Тутъ ладу и ожидать было трудно...“¹⁾.

Немедленно послѣ разрыва съ мужемъ, графиня Анна Алексѣевна съ шестинедѣльнымъ ребенкомъ покинула Петербургъ и поселилась на югѣ, въ имѣніи Красный-Рогъ, мглинскаго уѣзда, черниговской губерніи. Съ этого времени всѣ связи съ семьей Толстыхъ, съ которыми ранѣе графиню соединяла самая тѣсная дружба, были порваны²⁾.

Анна Алексѣевна была не только умная, но и безпредѣльно добрая женщина³⁾, которая всю свою любовь сосредоточила на своемъ сынѣ и сумѣла сдѣлать изъ него хорошаго человѣка. Въ трудной работѣ воспитанія „Алеши“ графиня нашла полную поддержку въ своемъ братѣ, Алексѣѣ Алексѣевичѣ Перовскомъ, который всей душой привязался къ ребенку и замѣнилъ ему отца. Въ виду того вліянія, которое этотъ интересный человѣкъ оказалъ на всю дальнѣйшую судьбу гр. А. К. Толстого, необходимо нѣсколько остановиться на немъ и на той семьѣ, въ которой онъ родился⁴⁾.

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій и его сестра были побочными дѣти извѣстнаго вельможи Александровскаго времени, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, и дѣвицы Марьи Михайловны Соболевской. Семья эта была очень многочисленна: кромѣ Алексѣя и Анны, у графа было еще два сына—Василій и Левъ—и пять дочерей: Ирасковья, Елизавета, Ольга, Марія и Софія⁵⁾. Въ 1807 г. всѣ эти дѣти, по Высочайшему повелѣнію, были уза-

¹⁾ Воспоминанія его дочери, М. Ѳ. Каменской („Историческій Вѣстникъ“ 1894 г., т. 55, стр. 307).

²⁾ Воспоминанія Ек. Ѳ. Юнге, второй дочери гр. Ѳ. П. Толстого („Вѣстникъ Европы“ 1905 г., т. II, стр. 801).

³⁾ Воспоминанія Льва Жемчужникова („Вѣстникъ Европы“ 1899 г., № 11).

⁴⁾ А. Кирпичниковъ. Былыя знаменитости русской литературы. Антоній Погорѣльскій (А. Перовскій). „Истор. Вѣстн.“ 1870 г., октябрь.

⁵⁾ Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, II, стр. 118.

воены, получили дворянское званіе и фамилію Перовскихъ, отъ подмосковнаго имѣнія ихъ отца, которое называлось Перово. Благодаря вліянію, средствамъ и обширнымъ связямъ графа Алексѣя Кирилловича, который при Александрѣ I былъ министромъ народнаго просвѣщенія, дѣти его получили прекрасное образованіе и блестяще пошли по службѣ; его сынъ Василій былъ генераль-губернаторомъ въ Оренбургѣ, другой—Левъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ; даже Алексѣй, который не отличался усердіемъ къ службѣ, а увлекался литературой и искусствомъ, былъ назначенъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа и состоялъ въ этой должности съ 1825 по 1830 г. Помимо связей, гр. А. К. Разумовскій оставилъ дѣтямъ большія средства, которыя достались ему въ видѣ обширныхъ помѣстій его отца, Кирилла Разумовскаго, послѣдняго гетмана Малороссіи. Главное изъ этихъ имѣній было мѣстечко Почепъ, мглинскаго уѣзда, гдѣ до своей смерти, которая послѣдовала въ 1822 г., жилъ самъ гр. Алексѣй Кирилловичъ; по сосѣдству были расположены помѣстья его дѣтей: Погорѣльцы, въ которомъ поселился А. А. Перовскій, и Красный-Рогъ, гдѣ въ старой гетманской усадьбѣ, въ красивомъ охотничьемъ домѣ, построенномъ знаменитымъ архитекторомъ Растрелли, жила графиня Анна Алексѣевна Толстая.

Дворецъ этотъ, какъ и всѣ загородные дома гетмана, былъ деревянный, но отличался красотой фасада и удобствомъ расположенія комнатъ. Онъ стоялъ вдали отъ крестьянскихъ хатъ, и широкія липовыя аллеи вели къ его главному подъѣзду; съ другой стороны къ дому примыкалъ обширный садъ, спускавшійся къ красивой рѣкѣ. Средину зданія занимала большая столовая, надъ которой былъ устроенъ бельведеръ, откуда открывался прекрасный видъ на всю усадьбу, рѣку и безграничныя лѣсныя дали. Не было здѣсь лишней роскоши, но весь домъ производилъ впечатлѣніе барской усадьбы, въ которой все красиво, просто и удобно.

Мы такъ подробно остановились на описаніи усадьбы Краснаго-Рога потому, что въ этомъ имѣніи маленькій Алеша провелъ свое счастливое дѣтство. Мальчикомъ онъ бѣгалъ по саду и по окружающимъ лѣсамъ, а юношей—читалъ и мечталъ, сидя подъ тѣнистыми деревьями парка. Недаромъ онъ всю жизнь любилъ этотъ клочокъ земли всѣми фибрами своей души.

Домъ А. А. Перовскаго находился, какъ мы сказали, въ его имѣніи Погорѣльцахъ ¹⁾. Тамъ онъ устроилъ себѣ садъ въ ан-

¹⁾ Послѣ смерти Перовскаго, это имѣніе перешло къ гр. А. К. Толстому, а теперь принадлежитъ Н. М. Буддѣ-Жемчужникову.

гійскомъ вкусѣ и собралъ обширную библіотеку, которою впоследствии часто пользовался гр. А. К. Толстой. Хозяинъ этой усадьбы былъ для своего времени человѣкъ весьма образованный. Въ 20-хъ годахъ Перовскій занялся литературой и написалъ, подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго, цѣлый рядъ фантастическихъ разсказовъ: „Лафертова мельница“, „Двойникъ или вечера въ Малороссіи“, „Монастырка“ и др. Всѣ эти разсказы написаны бойко, талантливо и безъ малѣйшей тенденціозности. „Монастырка“, по крайней мѣрѣ ея первая часть, не лишена интереса и въ настоящее время; въ особенности, описаніе жизни и быта Малороссіи заслуживаетъ, по живости красокъ, полного вниманія. Нельзя не упомянуть еще о прелестной сказкѣ „Черная Курица, или Подземные жители“, которая, по преданію, написана Перовскимъ для „Алеши“¹⁾.

Но возвратимся къ біографіи самого гр. А. К. Толстого.

Проживъ лѣтъ шесть въ деревнѣ, графиня Анна Алексѣевна вернулась въ Петербургъ. Зимой 1826 года мы ее снова видимъ среди столичнаго свѣта, двери котораго были ей широко открыты. Благодаря знакомству гр. Василя Алексѣевича Перовскаго съ воспитателемъ наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича, Жуковскимъ²⁾, девятилѣтній Алеша Толстой былъ представленъ наслѣднику и допущенъ въ число дѣтей, которыя по воскресеньямъ составляли общество цесаревича Александра Николаевича. Съ этого времени его соединяли съ будущимъ государемъ самыя теплыя, дружескія отношенія.

Въ 1827 году графиня виѣстъ съ братомъ и сыномъ отправилась за границу. Обширныя связи и большія средства повсюду открывали имъ двери. Въ своей автобіографіи гр. Толстой вспоминаетъ, что они были приняты въ Веймарѣ, при дворѣ великаго герцога, и въ домѣ Нестора европейской литературы, Вольфганга Гёте, къ которому въ тѣ годы стекались со всего міра поклонники его генія. Величественный старикъ принялъ своихъ гостей очень привѣтливо и, обласкавъ мальчика, посадилъ его къ себѣ на колѣни.

Западъ съ его высокой культурой чрезвычайно понравился нашимъ путешественникамъ, и съ тѣхъ поръ поѣздки за границу предпринимались ими очень часто. Наибольшее впечатлѣніе на мальчика произвело путешествіе по Италіи, которое они предпри-

¹⁾ „Монастырка“ и „Черная Курица“ изданы А. А. Суворинимъ въ его „Дешевой библіотекѣ“.

²⁾ Языковъ. Гр. А. К. Толстой. М., 1901 г., стр. 14.

или въ 1831 г. Изъ дневника, сохранившагося въ семейномъ архивѣ ¹⁾, видно, съ какимъ интересомъ четырнадцатилѣтній Алексѣй Толстой воспринималъ богатые впечатлѣнія, интересовался природой, людьми и упивался искусствомъ. Теперь, когда желѣзныя дороги прорѣзали всю страну, трудно себѣ представить путешествіе того времени. Но въ богатыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ можно изрѣдка найти старинную карету, въ которой ѣздили наши магнаты. Этотъ экипажъ былъ такъ помѣстителенъ, что на ночь въ немъ дѣлали постель; сзади были устроены особые мѣста для прислуги, а на крышѣ привязывались сундуки; его везли 4—6 лошадей, при перевалахъ черезъ горы впрягали быковъ, а при путешествіи по Италіи въ Апенниннахъ, а также между Римомъ и Неаполемъ, иностранцевъ эскортировалъ пикетъ папскихъ карабинеровъ. Недаромъ маленькій Толстой такъ подробно описываетъ въ своемъ дневникѣ продѣлки разбойниковъ, которые, опустошая карету, клали путешественниковъ лицомъ къ землѣ.

Это маленькое общество ѣхало необычной теперь дорогой: они посѣтили Венецію, Верону, Миланъ, Геную, Пизу, Лукку, Флоренцію, Фолиню, Civita Castellana и черезъ Piazza del Popolo въѣхали въ Римъ. Оттуда они черезъ Гаѣту проѣхали въ Неаполь и моремъ вернулись въ Геную.

Поѣздка была роскошная въ полномъ смыслѣ этого слова. Перовскій и его сестра всюду останавливались, разыскивали знакомыхъ, посѣщали художниковъ и дѣлали большія покупки. Въ Римѣ они познакомились съ К. П. Брюлловымъ, которому маленький Толстой такъ понравился, что знаменитый художникъ нарисовалъ ему картинку въ альбомъ.

Изъ этого періода сохранился акварельный портретъ будущего поэта ²⁾. Неизвѣстный живописецъ изобразилъ на немъ прелестнаго мальчика, въ короткой курточкѣ, вродѣ той, которую носятъ ученики англійскихъ школъ. Милое выраженіе овальнаго лица и привѣтливая улыбка объясняютъ, почему этотъ ребенокъ пользовался всеобщей симпатіей.

На Толстого это путешествіе имѣло громадное вліяніе. „Изобразить всю силу моихъ впечатлѣній и весь переворотъ, совершившійся во мнѣ, когда открылись сокровища искусствъ душъ моей, предчувствовавшей ихъ еще до той минуты, когда довелось ихъ видѣть — было невозможно“, — пишетъ онъ въ своей автобіографіи ³⁾. „Въ Венеціи мой дядя купилъ во дворцѣ Гримани

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1905 г., № 1.

²⁾ „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ“. Сезонъ 1900—1901 г.

³⁾ Полное Собраніе сочиненій. Т. I, стр. XII.

бюсть молодого фавна, приписываемый Микель-Анджело, — одна изъ великолѣпнѣйшихъ вещей, какія я только знаю... Когда бюсть принесли въ отель, гдѣ мы жили, я не отходилъ отъ него. Ночью я вставалъ посматрѣть на него, и нелѣпнѣйшій страхъ мучилъ мое воображеніе. Я задавалъ себѣ вопросъ, что мнѣ дѣлать, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и пробовалъ, могу ли я въ такомъ случаѣ унести статую на своихъ рукахъ... По мѣрѣ переѣзда на югъ, росли во мнѣ энтузіазмъ и любовь къ искусству, такъ что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ по Италіи въ настоящую тоску по родинѣ, въ какое-то отчаяніе, вслѣдствіе котораго я днемъ ничего не хотѣлъ ѣсть, а по ночамъ рыдалъ, когда сны мои уносили меня въ мой потерянный рай“...

Эти впечатлѣнія остались у Толстого на всю жизнь. Не даромъ онъ до гробовой доски остался вѣренъ поклоненію прекраснаго и такъ охотно возвращался въ Римъ.

Въ 1834 году мы застаемъ всю семью въ Москвѣ. А. А. Перовскій жилъ здѣсь баринѣмъ и меценатѣмъ. Онъ даже залучилъ къ себѣ въ домъ К. П. Брюллова, надѣясь заставить его работать и написать за крупный гонораръ семейные портреты. Но своеобразная натура художника взяла свое. Брюлловъ закутилъ и, къ великому огорченію мецената, чуть не тайкомъ убѣжалъ изъ его дома ¹⁾. Въ это время были написаны К. П. Брюлловымъ портреты А. А. Перовскаго ²⁾ и гр. А. К. Толстого ³⁾; портрета графини Анны Алексѣевны Брюлловъ даже не начиналъ. Графъ А. К. Толстой изображенъ стройнымъ юношей, въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ и лягавой собакой. По мнѣнію А. В. Мещерскаго, портретъ этотъ вполне удался художнику, который „достигъ разительнаго сходства и опоэтизировалъ тѣ черты, которыя заслуживали художественной отдѣлки“. Недаромъ все семейство было отъ этого портрета въ восторгѣ.

Въ это время Толстой поступилъ на службу въ московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Служба едва ли была утомительная, потому что онъ одновременно числился студентомъ университета. Черезъ годъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ получилъ отпускъ за границу, вернулся 4-го ноября 1835 г. и почти тотчасъ же подалъ прошеніе о допущеніи его къ экзамену. Вѣроятно, требованія были въ то время не особенно строгія, или Толстой былъ достаточно хорошо подготовленъ. Экзаменъ онъ

¹⁾ Письма Пушкина. (Сочиненія. Изд. Литературнаго Фонда. 1884 г., т. VII, стр. 399 и 402).

²⁾ Музей Александра III. „Историч. Вѣстн.“, 1870 г., октябрь.

³⁾ „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ“. Сезонъ, 1900—1901 г.

выдержалъ, и 4 января 1836 г. совѣтъ университета выдалъ ему аттестатъ на вступленіе въ первый разрядъ чиновниковъ государственной службы ¹⁾).

Изъ этого періода сохранились воспоминанія кн. А. В. Мещерскаго, который особенно подружился съ Толстымъ и говорилъ о немъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ: „подобной ясной и свѣтлой души, такого отзывчиваго и нѣжнаго сердца, такого вѣчно присущаго въ человѣкѣ высокаго нравственнаго идеала, какъ у Толстого,—пишетъ кн. Мещерскій,—я въ жизни ни у кого не видалъ“. Изъ умственныхъ его качествъ авторъ отмѣчаетъ необыкновенную память. Толстой всѣхъ поражалъ тѣмъ, что, бѣгло прочитавъ большую страницу прозы, онъ могъ, закрывъ книгу, дословно и безъ ошибки передать прочитанное.

13-го іюня Толстой вновь получилъ заграничный отпускъ на четыре мѣсяца для поѣздки въ Ниццу, куда онъ долженъ былъ сопровождать больного А. А. Перовскаго. Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, гр. Алексѣй Константиновичъ выѣхалъ изъ Москвы, но не попалъ за границу. Болѣзнь А. А. Перовскаго неожиданно обострилась такъ сильно, что пришлось прервать путешествіе и остановиться въ Варшавѣ. Старанія врачей были тщетны, и 9-го іюля 1836 г. Перовскій умеръ на рукахъ своего Алеши.

Для Толстого это былъ большой ударъ, такъ какъ Перовскій любилъ и ласкалъ его, какъ родного сына, и назначилъ его наслѣдникомъ своего большого состоянія.

II.

Въ Москву гр. А. К. болѣе не вернулся. Похоронивъ дядю, онъ посѣщилъ къ матери, которую смерть брата очень опечалила. Чтобы остаться при ней, онъ перевелся на службу въ Петербургъ, въ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ, потомъ числился при нашей миссіи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, а вернувшись въ Россію, служилъ при II отдѣленіи Собственной его величества канцеляріи. Кромѣ того, онъ состоялъ сначала камеръ-юнкеромъ, а съ 1851 г. церемоніймейстеромъ двора его императорскаго величества. Къ наслѣднику гр. Толстой, какъ

¹⁾ С. Казанскій. Замѣтка о службѣ гр. А. К. Толстого въ Московск. Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ („Русская Старина“, т. 104, стр. 685—7).

²⁾ „Изъ моей старинѣ“ („Русскій Архивъ“ 1900 г., № 370). Языковъ. Гр. А. К. Толстой, стр. 17.

мы видѣли, былъ очень близокъ и имѣлъ право во всякое время входить къ нему безъ доклада ¹⁾).

По словамъ В. Д. Давыдова, Толстой въ 40-хъ годахъ жилъ общемо всѣмъ молодымъ людямъ свѣтскою жизнью, влюблялся съ увлеченіемъ, волочился съ настойчивостью, плясалъ на балахъ, билъ на охотѣ медвѣдей и лосей,—словомъ, участвовалъ во всѣхъ развлеченіяхъ молодежи ²⁾. Свѣтская жизнь была для него не безъ обаянія, но часто онъ убѣгалъ отъ нея, чтобы по цѣлымъ недѣлямъ пропадать въ лѣсахъ, иногда съ товарищемъ, но обыкновенно—одинъ ³⁾.

Внѣшность его въ значительной степени содѣйствовала его свѣтскимъ успѣхамъ. В. А. Инсарскій, встрѣчавшій его нерѣдко у кн. Барятинскаго, описываетъ его наружность слѣдующимъ образомъ: „Графъ Толстой былъ красивый молодой человекъ съ бѣлокурыми волосами и румянцемъ во всю щеку“. „Нѣжность и деликатность настолько проникали всю его фигуру, что онъ похожъ былъ на красную дѣвицу“. Но въ то же время Толстой славился среди товарищей своей силой: онъ „свертывалъ въ трубку столовыя ложки и вилки, вгонялъ пальцемъ въ стѣну гвозди и разгибалъ подковы“ ⁴⁾.

Однако, несмотря на веселую свѣтскую жизнь, Толстой въ 40-хъ годахъ принялся уже серьезно за литературный трудъ. Въ своей автобіографіи Толстой сообщаетъ, что онъ „съ шести лѣтъ маралъ бумагу и писалъ стихи, а затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ продолжалъ упражняться и совершенствоваться въ версификаціи“. Тѣмъ не менѣе, первымъ его опытомъ была повѣсть „Упырь“, написанная прозой. Это фантастическій рассказъ въ стилѣ Гофмана. Вліяніе А. А. Перовскаго чувствуется настолько, что Толстой даже выбралъ псевдонимъ по его примѣру. Перовскій извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ Погорѣльскаго, такъ какъ свою фамилію онъ замѣнилъ названіемъ своего имѣнія „Погорѣльцы“; а Толстой, идя той же дорогой, назвался „Красно-рогскимъ“, въ честь своего любимаго имѣнія Красный-Рогъ.

Къ разбору этой повѣсти мы еще вернемся, но пока приведемъ только письмо, при которомъ молодой авторъ, 11-го мая 1841 года, передалъ свой трудъ цензору, профессору А. В. Никитенкѣ.

„Препровождая къ вамъ мою рукопись „Упырь“, я васъ по-

¹⁾ Записки Инсарскаго. „Русская Старина“ 1894 г., т. 81, стр. 4.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1879 года, т. II, стр. 331.

³⁾ Автобіографія, стр. XIV.

⁴⁾ А. В. Мещерскій. „Изъ моей старини“. Воспоминанія. („Русскій Архивъ“ 1900 г., № 7, стр. 3731).

корнѣйше прошу принять на себя трудъ оную рассмотреть. Не полагая, что она въ себѣ заключаетъ что-либо противное законамъ цензуры, я почти увѣренъ, что вы, милостивый государь, какъ опытный и просвѣщенный цензоръ, не найдете нужнымъ въ ней дѣлать перемѣны. Впрочемъ, еслибы сверхъ моего чаянія, что-нибудь отъ меня ускользнуло, то я въ скоромъ времени буду имѣть честь просить васъ, дабы вы сообщили мнѣ свои замѣчанія“.

Повѣсть была весьма дружелюбно встрѣчена критикой, и Бѣлинскій, обратилъ вниманіе на талантливаго автора и высказалъ, что, „отъ него можно въ будущемъ надѣяться многого“.

Въ это приблизительно время возникли, вѣроятно, и произведенія „Козьмы Прутова“, потому что сотрудники по этому изданію, его двоюродные братья Владиміръ и Алексѣй Жемчужниковы, служили въ 40-хъ годахъ въ Петербургѣ и удивляли весь столичный міръ своими веселыми шутками, которые и въ наши дни еще не забыты.

Въ 1849 году мы находимъ Толстого въ Калугѣ; онъ былъ командированъ туда въ качествѣ чиновника при сенаторѣ кн. Давыдовѣ, которому было поручено ревизовать калужскую губернію. Здѣсь онъ близко сошелся съ семьею мѣстнаго губернатора Смирнова; его жена Александра Іосифовна, урожденная Росетти, была женщина выдающагося ума и хорошо извѣстна въ нашей литературѣ по своимъ отношеніямъ къ Пушкину, Гоголю, Вяземскому и И. С. Аксакову. Толстому, повидимому, очень понравилось въ Калугѣ; онъ гостилъ въ имѣніи Смирновыхъ Бѣгичевѣ, охотился вмѣстѣ съ хозяиномъ, читалъ хозяйкѣ своей стихи и бесѣдовалъ съ ея друзьями ¹⁾. Зимой 1850 г. Толстой цѣликомъ провелъ въ Калугѣ, послѣ того, какъ онъ съѣздилъ въ Почепъ провѣдать больного дядю, Василя Алексѣевича Перовскаго. — Исполняя разные порученія для кн. Давыдова, Толстой находилъ время заниматься литературой и много работалъ надъ „Княземъ Серебрянымъ“ ²⁾. Въ 1850 г. онъ читалъ лицамъ избраннаго калужскаго общества первыя главы этого романа, а также рядъ своихъ стихотвореній, былинъ и даже планъ „Трилогіи“.

Въ числѣ лицъ, гостившихъ у Смирновыхъ, былъ и Гоголь, который очень полюбилъ молодого поэта. Съ нимъ Толстой встрѣтился впервые въ концѣ 30-хъ годовъ ³⁾, но только въ Калугѣ у Смирновой они познакомились и оцѣнили другъ друга.

¹⁾ „Русская Старина“ 1888 г., т. 58, стр. 67 и 1890 г., т. 68, стр. 654.

²⁾ Воспоминанія Н. М. Колмакова. „Русская Старина“ 1886 г., т. 52, стр. 519—520.

³⁾ Кулишъ. Записки о жизни Гоголя, т. 1, стр. 231—233.

Въ это время Гоголь сталъ хлопотать о полученіи паспорта для поѣздки на Востокъ. Толстой совѣтовалъ ему прямо обратиться къ наслѣднику Александру Николаевичу и составилъ ему даже черновикъ письма. Съ отъездомъ изъ Калуги, отношенія эти не порвались, и во время тяжелой болѣзни Гоголя графъ А. К. Толстой принималъ горячее въ немъ участіе ¹⁾).

Такъ шла жизнь его въ теченіе 40-хъ и начала 50-хъ годовъ. Жилось ему весело и беззаботно, какъ богатому, независимому человѣку, для котораго занятіе службой и литературой является пріятной забавой, а не средствомъ въ борьбѣ за кусокъ хлѣба. Но грянулъ громъ, который заставилъ восторженности все русское общество. Настало грустное время крымской войны. Рядъ дипломатическихъ и военныхъ неудачъ убѣдилъ русское общество въ томъ, что въ нашей странѣ творится неладное. Въ то же время любовь къ родинѣ и сознаніе своихъ обязанностей предъ отчизной заставили многихъ молодыхъ людей стать въ ряды ополченія. Въ числѣ послѣднихъ былъ и гр. Толстой. Сначала онъ вздумалъ набравъ и вооружить на свои средства отрядъ добровольцевъ; потомъ, когда эта затѣя не удалась, онъ носился съ мыслью купить корабли и повести каперскую войну противъ Англіи. Но всѣ его планы разбились, ибо нельзя частному лицу вести борьбу со всемірной державой. Тогда Толстой пошелъ прямой дорогой и перешелъ на военную службу. Получивъ чинъ майора, онъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ и близкимъ другомъ, Владиміромъ Жемчужниковымъ, поступилъ въ стрѣлковый полкъ Императорской Фамиліи. Въ это время подъема патріотическаго чувства Толстой написалъ двѣ пѣсни: „Слава“ и „Чарочка“, которыя очень понравились царю и царицѣ и вскорѣ были приняты для пѣнія въ полковыхъ хорахъ. Особенно распространена „Слава“, появившаяся въ печати подъ заглавіемъ: „Пѣсня стрѣлковъ Императорской Фамиліи“ ²⁾. Неизвѣстно, почему эти двѣ пьесы не попали въ „Полное Собраніе сочиненій“ нашего поэта ³⁾).

Въ сентябрѣ 1855 г. Толстой выступилъ съ своимъ полкомъ въ походъ ⁴⁾. Въ дорогѣ онъ написалъ небольшое стихотвореніе, которое прекрасно рисуетъ настроеніе его и тогдашняго общества:

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки,

¹⁾ Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. IV, стр. 780.

²⁾ Языковъ. „Гр. А. К. Толстой“, стр. 28.

³⁾ Онъ напечатанъ въ „Отечеств. Запискахъ“ 1855 г., т. 51, кн. 8, стр. 315—316.

⁴⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1897 г., IV, стр. 624.

Онъ же вздрогнулъ—и къ народу могучіе мѣдныя звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой призывая.

Гр. А. К., какъ и всѣ лучшіе люди того времени, стремился въ Севастополь, чтобы грудью стать противъ врага. Но полкъ его былъ направленъ не въ Крымъ, а для защиты Одессы. Несмотря на то, что общество офицеровъ было для Толстого чужимъ, онъ скоро освоился съ своимъ положеніемъ и приобрѣлъ общія симпатіи. С. М. Загоскинъ отзывается о немъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ¹⁾. „Умнѣйшимъ и интереснѣйшимъ изъ всѣхъ офицеровъ,—говоритъ онъ,—былъ, безспорно, гр. А. К. Толстой. Несмотря на свое видное уже тогда общественное положеніе, онъ былъ, какъ и во всю свою остальную жизнь, скромнымъ и привѣтливымъ челоукомъ, чрезвычайно мягкаго характера и рѣдкаго остроумія. Товарищи его искренно любили, а его появленіе въ обществѣ доставляло не только молодежи, но и людямъ пожилымъ не одно простое удовольствіе, а какое-то отрадное чувство, превращающееся въ поклоненіе его уму и сердцу“.

Однако судьба чуть не сыграла съ нимъ очень злой шутки. Англійскихъ пулъ и штыковъ онъ подъ Одессой не видалъ; но зато появился врагъ самаго предательскаго свойства. Въ полку развился сильный тифъ. Заболѣваемость и смертность стали усиливаться съ ужасающей быстротой, и къ январю 1856 года чуть не половина полка лежала уже въ лазаретѣ. Здоровая и крѣпкая натура Толстого долго боролась съ надвигавшейся опасностью, но, наконецъ, въ началѣ февраля и онъ свалился. Болѣзнь оказалась настолько серьезной и къ началу марта такъ обострилась, что врачи стали опасаться за жизнь паціента. Зная, насколько государь императоръ интересовался судьбой своего сверстника и друга, командиръ полка ежедневно доносилъ ему по телеграфу о состояніи больного. Къ счастью, молодыя силы взяли свое, и Толстой выздоровѣлъ.

Надо сказать, что и уходъ за больнымъ былъ совершенно исключительный. Года за три до войны, гр. Толстой познакомился въ петербургскомъ обществѣ съ женой полковника Софьей Андреевной Миллеръ, урожденной Бахметьевой. Одно изъ его лучшихъ стихотвореній говорить объ ихъ первой встрѣчѣ:

Средь шумнаго бала случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты.

¹⁾ „Историческій Вѣстникъ“, 1900 г., № 6.

Судя по письмамъ, съ 1851 или 1852 года между ними установились сердечныя отношенія, и Толстой всей душой отдался обаянію этой женщины. Когда онъ заболѣлъ, Софья Андреевна, презрѣвъ всѣ свѣтскія условности, пріѣхала въ зараженный тифомъ городъ, чтобы ходить за дорогимъ человѣкомъ.

Прошла болѣзнь, миновала опасность, кончилась кровопролитная война. Желая возстановить свои силы, гр. Толстой, Владимиръ Жемчужниковъ, который также проболѣлъ тифомъ, и Софья Андреевна ¹⁾ отправились на нѣсколько недѣль въ Крымъ.

Этой поѣздкѣ мы обязаны „Крымскими очерками“ ²⁾. Читая эти стихотворенія, увлекаешься картинami южной природы и поддаешься обаянію автора, юморъ котораго бьетъ ключомъ. Да это и понятно: человѣкъ, который всталъ съ одра болѣзни, счастливъ, когда онъ дышетъ полной грудью и можетъ двигаться до усталости.

Эти стихотворенія уже въ 1856 г. появились въ печати, только самое граціозное и самое интимное изъ нихъ, —

„Ты помнишь ли вечеръ, какъ море шумѣло“...

— было напечатано три года позднѣе.

Вернувшись изъ Крыма, наши путешественники остановились въ Кіевѣ, а затѣмъ Толстой, выѣстъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Львомъ Жемчужниковымъ, уѣхалъ въ Красный Рогъ, гдѣ ждала его мать.

Несмотря на радость свиданія послѣ долгой разлуки и миновавшей опасности, между Анной Алексѣевной и ея сыномъ произошли рѣзкія объясненія: „она не только не сочувствовала тѣмъ отношеніямъ, которыя установились между ея Алексѣемъ и Софьей Андреевной, но была прямо возмущена ими и относилась съ полнымъ недовѣріемъ къ искренности его невѣсты. Не разъ между ней и Львомъ Жемчужниковымъ ³⁾, тайно отъ сына, шли бесѣды. Графиня была до того взволнована, что во время рѣчи слезы такъ и капали изъ ея глазъ. Съ другой стороны, у сына сердце разрывалось на части. Толстой обожалъ свою мать, но и любилъ Софью Андреевну самымъ искреннимъ образомъ. Однажды у него завязалось горячее объясненіе съ Львомъ Жемчужниковымъ... Забравшись въ березнякъ, они усѣлись на траву, и Толстой сталъ говорить о томъ, что наболѣло у него на душѣ.

¹⁾ Воспоминанія Льва Жемчужникова. „Вѣстн. Европы“, 1899 г., кн. 12.

²⁾ „Вѣстн. Европы“, 1897 г., кн. 5, стр. 269.

³⁾ Его воспоминанія („Вѣстн. Европы“, 1899 г., № 11, стр. 260).

„Сколько въ его глазахъ и словахъ выражалось любви къ Софѣ Андреевнѣ, которую онъ называлъ умной, милой, талантливой, доброй, образованной и — прекрасной души! Его глубоко огорчало, что мать безконечно груститъ, ревнуетъ и предубѣждена противъ Софьи Андреевны, несправедливо обвиняя ее въ лживости и расчетахъ. Такое обвиненіе должно было перевернуть все существо такого добраго, честнаго и рыцарски-благороднаго челоуѣка, какимъ былъ Толстой“...

Нельзя не сознаться, что въ этихъ недоразумѣніяхъ играла значительную роль материнская ревность графини. Много лѣтъ тому назадъ, Толстой увлекся сестрою своего университетскаго товарища, княжной Мещерской, и хотѣлъ сдѣлать ей предложеніе, но графиня Анна Алексѣевна безъ всякой уважительной причины этому воспротивилась. Алексѣй Константиновичъ, который обожалъ свою мать, подчинился ея волѣ и почти до сорока лѣтъ оставался холостякомъ ¹⁾.

Но всякой борьбѣ и колебаніямъ бываетъ конецъ. Прошло нѣсколько времени, и горячая любовь взяла верхъ. Въ 1857 г. Софья Андреевна, получивъ разводъ отъ своего мужа, Л. Ф. Миллера, сдѣлалась женой гр. А. К. Толстого ²⁾, — и вся ихъ жизнь доказала, насколько онъ былъ правъ, настоявъ на своемъ выборѣ.

Прошла „гроза военной непогоды“, наступило свѣтлое царствованіе императора Александра II. Толстой былъ обласканъ и приближенъ въ особѣ государя. Въ коронацію 26-го августа онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ; его старались втянуть въ административную машину, давая ему разные порученія, и назначали, напримѣръ, членомъ комиссіи о сектантахъ. Но Толстой исполнялъ эти работы весьма неохотно. Онъ тяготился своимъ положеніемъ при дворѣ, обязанностью носить мундиръ, порученіями, для исполненія которыхъ у него не хватало специальныхъ свѣдѣній, наконецъ — своимъ отношеніемъ къ сослуживцамъ, среди которыхъ многіе косились на него за его прямой характеръ, чуждый всякой корысти и интриги. Въ то же время, безсиліе устроить злоупотребленія, которыя онъ видѣлъ на каждомъ шагу, вызывало у него самыя грустныя мысли: „государь всѣмъ желаетъ добра, но ему такъ дурно служить“, — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.

¹⁾ А. В. Мещерскій. „Изъ моей старины“ („Русск. Архивъ“ 1900 г., № 7, стр. 370).

²⁾ Языковъ, стр. 27. „Русскій Архивъ“ 1896 г., I, стр. 132.

Нелюбовь къ службѣ сидѣла у него въ душѣ уже много лѣтъ; только влияніе матери и старшихъ родственниковъ удерживало его отъ рѣзкаго поступка. Еще въ 1851 г. онъ жалуется въ одномъ изъ своихъ писемъ, что ему противны „люди, которые подъ предлогомъ, что они служатъ, — живутъ интригами, одна грязнѣе другой“. Въ томъ же письмѣ у него вырывается слѣдующая фраза: „Помоги мнѣ жить внѣ мундировъ и парадовъ. Съ ранняго дѣтства я чувствовалъ влеченіе къ художеству и отвращеніе къ чиновничеству и каприализму“¹⁾. Столь сильное чувство не можетъ заглохнуть въ груди; сколько бы его ни удерживали, оно рано или поздно вырвется наружу.

1-го іюня 1857 г. умерла Анна Алексѣевна, которую гр. Алексѣй Константиновичъ любилъ самымъ искреннимъ образомъ. При ея жизни онъ не рѣшался отказаться отъ службы. Но когда ея смерть уничтожила это препятствіе, Толстой, собравшись съ духомъ, подалъ государю просьбу объ отставкѣ, изложивъ въ пространномъ письмѣ тѣ соображенія, которыя побудили его къ этому поступку. Письмо это настолько интересно, что мы считаемъ своимъ долгомъ привести его цѣликомъ²⁾.

„Ваше Величество.

„Долго думалъ я о способѣ, какимъ слѣдовало бы мнѣ изложить Вашему Величеству одно дѣло, близкое моему сердцу, и пришелъ къ заключенію, что прямой путь, какъ и во всемъ, самый лучшій. Служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей природѣ. Я сознаю, что всякій, по мѣрѣ силъ, долженъ быть полезенъ своему отечеству, но есть разные способы быть полезнымъ. Способъ, указанный мнѣ Провидѣніемъ, — мое литературное дарованіе, и всякій другой путь для меня невозможенъ. Я всегда буду плохимъ администраторомъ, плохимъ чиновникомъ, но думаю, что безъ самообольщенія могу сказать, что я хорошій писатель. Это призваніе для меня не ново, я бы слѣдовалъ ему давно, еслибъ въ продолженіе нѣкотораго времени (д сорока лѣтъ) не почиталъ себя обязаннымъ насиловать свое влеченіе изъ уваженія къ моимъ родителямъ, которые не раздѣляли моихъ взглядовъ на этотъ счетъ. Такимъ образомъ, я сперва служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Когда разразилась крымская война, я, какъ всѣ, сдѣлался военнымъ. Когда война окончилась, я собирался бросить службу, чтобы всецѣло посвятить себя литературѣ. Вашему Величеству угодно было увѣдомить меня че-

¹⁾ „Вѣстн. Европы“ 1897 г., IV, стр. 598—5.

²⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и „Южный Край“.

резъ дядо моего, графа Перовскаго, о намѣреніи Вашемъ назначить меня состоять при Вашей Особѣ. Я изложилъ моему дядѣ мои сомнѣнія и колебанія въ письмѣ, которое онъ Вамъ представилъ, но такъ какъ онъ повторилъ мнѣ Высочайшую Вашего Императорскаго Величества Волю, то я подчинился и сдѣлался флигель-адъютантомъ. Я надѣялся тогда побѣдить мою природу—художника, но опытъ доказалъ мнѣ, что я боролся съ ней напрасно. Служба и искусство несовмѣстимы. Одно вредитъ другому, и нужно выбирать одно изъ двухъ. Конечно, большаго одобренія заслуживало бы дѣятельное участіе въ государственной машинѣ, но въ способности къ службѣ судьба мнѣ отказала, между тѣмъ какъ другое призваніе мнѣ дано.

„Ваше Величество, меня смущаетъ мое положеніе, ибо я вошу мундиръ, связанныя же съ нимъ обязанности достойно исполнять не могу.

„Благородное сердце Вашего Величества простить мнѣ, если я теперь умоляю его окончательно уволить меня въ отставку, не для того, чтобы удалиться отъ Вашего Величества, но чтобы вступить на ясно начертанный путь и перестать быть птицей, наряженной въ чужія перья.

„Что же касается Васъ, Государь, котораго я никогда не перестану любить и уважать,—я имѣю способъ служить Вашей Особѣ, и я счастливъ предложить его Вашему Величеству: это быть безстрашнымъ сказателемъ правды—единственная должность, которая мнѣ подходитъ, и къ счастью не требуетъ мундира. Я не былъ бы достоинъ этой должности, Ваше Величество, еслибы я въ моемъ настоящемъ положеніи что-нибудь скрывалъ или искалъ предлоговъ. Я открылъ Вашему Величеству все мое сердце, какъ я всегда готовъ это сдѣлать, потому что предпочитаю навлечь на себя неудовольствіе, чѣмъ потерять уваженіе Вашего Величества. Еслибы, тѣмъ не менѣе, Ваше Величество рѣшило предоставить право приближаться къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества лишь тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ официальное положеніе, позвольте мнѣ опять скромно сдѣлаться камеръ-юнкеромъ Двора Его Императорскаго Величества, каковымъ я былъ до войны, ибо единственное честолюбіе мое оставаться Вашего Императорскаго Величества самымъ преданнымъ подданнымъ.—Графъ А. Толстой“.

Отставка была принята нѣсколько холодно ¹⁾, но государь, желая, чтобы другъ его дѣтства оставался въ придворномъ зва-

¹⁾ „Вѣстн. Европѣ“ 1897 г., V, стр. 287.

нѣн, назначилъ его егермейстеромъ. Это званіе гр. Алексѣй Константиновичъ носилъ до конца своей жизни.

Выходъ въ отставку является краеугольнымъ камнемъ въ жизни Толстого. Только съ этого времени онъ могъ отдаться всецѣло творчеству и въ короткій періодъ—менѣе двадцати лѣтъ—обогатить нашу литературу цѣлымъ рядомъ крупныхъ произведеній. Еслибы у него не хватило характера, и онъ остался на службѣ, то о такой производительной работѣ не было бы и рѣчи.

Неоднократно было указано критикой, что поэма „Іоаннъ Дамаскинъ“ содержитъ массу автобіографическихъ чертъ. Дѣйствительно, параллель напрашивается сама собою. Та же близость къ престолу, та же милость монарха, и въ то же время полное презрѣніе къ власти и желаніе отдаться всецѣло своему призванію. Вторая глава этой поэмы начинается съ слѣдующихъ восторженныхъ строфъ:

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ края и до края,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей нищій я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду...

Князь Церетелевъ ¹⁾ безусловно правъ, утверждая, что это замѣчательно красивое и сильное мѣсто—не объективная передача стариннаго преданія, а выраженіе того радостнаго чувства, которое охватило Толстого, когда онъ вырвался на свободу и вздохнулъ полной грудью.

Однородный мотивъ мы находимъ въ прелестномъ лирическомъ стихотвореніи:

Звонче жаворонка пѣнье,
Ярче вѣшніе цвѣты,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвавъ тоски оковы,
Цѣпи пошлыя разбивъ,
Набѣгаетъ жизни новой
Торжествующій приливъ.

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1900 г., № 11.

И звучить свѣжо и юно
Новыхъ силъ могучій строй,
Какъ натянуты струны
Между небомъ и землей...

III.

Съ выходомъ въ отставку, отношенія гр. Толстого къ государю стали нѣсколько холоднѣе, хотя государь попрежнему уважалъ его, какъ честнаго и искренняго человѣка. Зато съ государыней Маріей Александровной у него установилась самая сердечная дружба. Онъ всегда былъ любимымъ гостемъ, котораго она цѣнила, какъ веселаго и любезнаго собесѣдника. Поэтому онъ подолгу гостилъ у нея въ Ливадіи, Швальбахѣ, Сорренто и С.-Ремо. Всѣ его произведенія: лирическія вещи, „Донъ-Жуанъ“, „Трилогія“ и даже сатирическія поэмы, „Исторія Россіи“ и „Сонъ Попова“, читались ей прежде, чѣмъ они появлялись въ печати. Ея полное вниманіе было достойной наградой поэта, а ея остроумныя замѣчанія доказывали, что она умѣла понимать и цѣнить достоинства художественнаго произведенія. Когда гр. Толстой прочелъ свои „Колокольчики“, государыня выразила желаніе, чтобы онъ посвятилъ ей весь сборникъ; при этомъ она прибавила: „Я не хочу, чтобы цензура скромсала его“ ¹⁾. Понятно, что, при такомъ отношеніи къ нему, гр. А. Е. преклонялся передъ своей державной покровительницей. „Императрица все дѣлаетъ, что ей позволяетъ ея добрый и мягкій характеръ, — писалъ онъ ²⁾. — Это женщина, которую я люблю и уважаю всѣмъ сердцемъ... Я нахожу, что ее не умѣютъ цѣнить достаточно“. Онъ чрезвычайно охотно читалъ ей свои произведенія: „Какое удовольствіе имѣть государыню ³⁾ своей слушательницей! Изъ всѣхъ слушателей, настоящихъ и прошедшихъ, я ей читаю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Ничто отъ нея не ускользаетъ. Она все понимаетъ, все отгадываетъ, и ея подвижное лицо отражаетъ всѣ оттѣнки и подбодряетъ чтеца вносить выраженіе въ его чтеніе“.

Приведенные факты чрезвычайно важны, такъ какъ они объясняютъ намъ тѣ чувства, которыя вылились у поэта въ его прекрасномъ посвященіи. Это стихотвореніе настолько тепло,

¹⁾ „Вѣстн. Европы“ 1897 г., V, стр. 273.

²⁾ „Вѣстн. Европы“ 1897 г., V, стр. 271.

³⁾ Тамъ же 1895 г. № XI, стр. 170.

красиво и искренно, что оно занимает видное мѣсто среди многочисленныхъ его произведеній.

Выйдя въ отставку, гр. А. К. Толстой поселился въ деревнѣ и только временами заглядывалъ въ столицу. Ему достались отъ дяди два имѣнія: Пустынка, близъ Любани, и большое помѣстье Красный-Рогъ въ мглинскомъ уѣздѣ, т.-е. въ сѣверномъ углу Малороссіи.

Пустынка имѣла ту прелесть, что она находилась вблизи Петербурга и давала возможность столичнымъ жителямъ воспользоваться на короткій срокъ гостепріимствомъ любезныхъ хозяевъ. По словамъ А. Никитенки ¹⁾, который гостилъ тамъ въ маѣ 1876 г., „барскій домъ былъ построенъ на берегу рѣки Тосны въ родѣ роскошнаго замка. Все въ домѣ было изящно, удобно и просто. Самая мѣстность усадьбы интересна. Ыдешь къ ней по гнусному ингерманландскому болоту и вдругъ неожиданно натываешься на рѣку Тосну, окаймленную высокими и живописными берегами. На противоположномъ ей берегу стоитъ домъ, который, такимъ образомъ, представляетъ красивое и поэтическое убѣжище“. Здѣсь гостили нерѣдко многіе изъ петербургскихъ литераторовъ и ученыхъ, Гончаровъ, Полонскій, Маркевичъ, Костомаровъ, Благовѣщенскій; здѣсь Каролина Павлова переводила „Трилогію“, и сюда въ 1867 г. Толстой привезъ актера Васильева, чтобы онъ „вдали отъ шумнаго свѣта“ могъ заняться изученіемъ роли Грознаго. Въ 1865 г. въ Пустынку пріѣзжали великіе князья Александръ Александровичъ, въ послѣдствіи государь Александръ III, и Владиміръ Александровичъ. Болеславъ Маркевичъ, который имѣлъ репутацію прекраснаго декламатора, читалъ имъ только-что оконченную трагедію „Смерть Іоанна Грознаго“.

Лично для Толстого Пустынка имѣла большую прелесть въ тѣ годы, когда онъ постоянно жилъ въ столицѣ. Сюда онъ убѣгалъ отъ свѣтскихъ удовольствій, дышалъ въ лѣсахъ полной грудью и билъ медвѣдей и лосей.

Съ выходомъ въ отставку, его резиденціей сдѣлался Красный-Рогъ. Тамъ онъ въ кругу семьи, съ 1859 по 1875 г., закончилъ почти всѣ свои крупныя произведенія. Жизнь Толстого въ это время можно назвать прямо завидной, потому что графиня Софья Андреевна дала своему мужу все счастье, которое женщина можетъ подарить любимому человѣку. „Графиня была некрасива, но сложена превосходно, и всѣ движенія ея были до такой сте-

¹⁾ Дневникъ А. Никитенки, т. 2, стр. 153.

пени мягки, женственны, а голосъ ея былъ такъ симпатиченъ и музыкаленъ, что очаровывалъ собесѣдника". — По словамъ Е. Ю. Хвощинской, изъ воспоминаній которой мы заимствуемъ эти строки ¹⁾, Софья Андреевна живая встаетъ передъ нашими глазами, когда читаешь поэтическія произведенія гр. А. Толстого. Особенно хорошо она описана въ слѣдующихъ строкахъ его извѣстнаго стихотворенія:

Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющій валъ.

Мнѣ станъ твой понравился тонкій
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой, и грустный, и звонкій,
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучитъ.

Въ чемъ бы ни состояла причина обаянія, но Толстой любилъ эту женщину всю жизнь и любилъ искренно только ее одну. Какъ она ему была дорога, насколько онъ былъ къ ней привязанъ до послѣднихъ дней своихъ, видно изъ слѣдующихъ писемъ, въ которыхъ страсть бьетъ ключомъ. „Я крѣпко увѣренъ, что предназначенъ написать что-нибудь хорошее, — пишетъ онъ ей изъ Курска 8-го декабря 1857 г. ²⁾); — я это чувствую, какъ какую-то вѣру, какое-то убѣжденіе, но еслибы ты для меня исчезла, священный огонь бы потухъ самъ собою. Я все отношу къ тебѣ: славу, счастье, существованіе; безъ тебя ничего мнѣ не остается и я себя сдѣлаюсь отвратительнымъ". Другое письмо, еще болѣе сердечное, написано въ 1876 г. ³⁾, т.-е. девятнадцать лѣтъ спустя: „Вотъ я опять въ Дрезденѣ, и мнѣ тяжело на сердцѣ, когда вижу опять эти улицы, эту гостиницу и эту комнату безъ тебя. Я только-что пріѣхалъ въ 3^{1/4} ч. утра и не могу лечь, не сказавъ тебѣ то, что говорю тебѣ уже двадцать лѣтъ, — что я не могу жить безъ тебя, что ты — мое единственное сокровище на землѣ, и я плачу надъ этимъ письмомъ, какъ плакалъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Кровь застываетъ въ сердцѣ при одной мысли, что я могу тебя потерять. Думая о тебѣ, я въ твоемъ образѣ не вижу ни одной тѣни, ни одной, все лишь свѣтъ и счастье“...

Секретъ такой сильной и постоянной привязанности кроется, конечно, въ умѣ и сердцѣ гр. Софьи Андреевны. Понятно, что

¹⁾ „Русская Старина“ 1894 г., т. 94, стр. 642.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1897 г., V, стр. 283.

³⁾ Тамъ же 1897 г., VII, стр. 65.

это была женщина недюжинная. Будущему біографу предстоитъ выяснить степень вліянія С. А. на творчество мужа. Но уже и теперь видно изъ цѣлаго ряда писемъ, что это вліяніе существовало въ сильной степени. Графъ читалъ ей свои произведенія и прислушивался къ ея указаніямъ, зная, что въ ея лицѣ онъ имѣетъ безпристрастнаго и дѣльнаго критика ¹⁾. Съ немалымъ уваженіемъ относился къ гр. Софѣѣ Андреевнѣ старый другъ ихъ семьи, Болеславъ Маркевичъ. „Если вы пріѣдете одни, то я требую, чтобы вы оставались у меня,—пишетъ онъ графу 3-го декабря 1870 г. ²⁾);—для меня было бы счастье читать и бесѣдовать съ вами среди глубокой ночи. Правда, отсутствіе графини будетъ очень чувствительно,—безъ нея нѣтъ настоящей бесѣды, нѣтъ магнита, нѣтъ почвы подъ ногами“.

Софья Андреевна не только критически относилась къ работамъ своего мужа, указывая ему замѣченные недостатки и подбодряя его своей похвалой, но и разыскивала для него матеріалы. Это особенно ясно установлено относительно „Посадника“, такъ какъ въ письмѣ отъ 10-го іюля 1870 г. Толстой набросалъ ей цѣлую программу для собиранія свѣдѣній о новгородской жизни XVI вѣка.

Однимъ словомъ, между графомъ А. К. Толстымъ и его женою установились самыя хорошія и теплыя отношенія: они жили общей жизнью, и жена была лучшимъ другомъ, помощникомъ и совѣтникомъ своего мужа.

Кромѣ самихъ супруговъ, семью Толстого составляла дѣтвора. Своихъ дѣтей у нихъ не было; поэтому гр. А. К. воспитывалъ племянниковъ жены и привязался къ нимъ всей душой. Объ его тепломъ и сердечномъ отношеніи къ дѣтямъ можно судить по слѣдующему письму. „Дѣти чувствуютъ, что я ихъ люблю; какъ только я вхожу въ комнату, всѣ кричатъ и бросаются мнѣ на шею. Андрейка первый. Они всѣ на меня садятся и дергаютъ во всѣ стороны. Андрейка мнѣ рассказываетъ длинныя исторіи о звѣряхъ. Онъ видитъ во снѣ, что я ему привожу ихъ и что мы вмѣстѣ путешествуемъ по Америкѣ... Я общалъ ему вскорѣ, что я его во снѣ поведу въ пальмовый лѣсъ, въ которомъ на всякомъ деревѣ будетъ сидѣть обезьяна и играть на скрипкѣ... и онъ ждетъ этого путешествія съ большимъ нетерпѣніемъ“... Необходимо добавить, что Андрейка, о которомъ идетъ рѣчь, былъ племянникомъ Софьи Андреевны. Когда онъ подростъ, то

¹⁾ „Вѣстн. Европы“ 1895 г., X, стр. 656; XI, стр. 179.

²⁾ Письма Б. М. Маркевича къ гр. А. К. Толстому. Сиб. 1888 г., стр. 12.

Толстой очень имъ гордился, считая его за честнаго и отличнаго малаго. Андрейна былъ его товарищъ по шахматной игрѣ и по охотѣ ¹⁾.

Кромѣ семьи, графа А. К. Толстого удерживала на югѣ его страстная любовь къ охотѣ и къ мѣстной природѣ.

Если въ Пустынкѣ, среди сѣверныхъ сосенъ, онъ былъ медвѣдей и лосей, то здѣсь, на югѣ, его любимая охота была на глухарей. Какъ онъ обожалъ южную природу и какъ благотворно она дѣйствовала на его душу, видно изъ слѣдующихъ писемъ, которыя полны поэзій.

„Еслибы вы знали, дорогой Яковъ Петровичъ, какое это великолѣпіе Красный-Рогъ лѣтомъ и осенью!—нишетъ онъ Полонскому ²⁾.—Лѣса кругомъ на пятьдесятъ верстъ и болѣе, луга и лощины такіе красивые, какихъ я нигдѣ не видалъ, а осенью, особенно въ эту осень, не выѣзжаешь изъ золота и пурпура. Это было до того торжественно, что слезы навертывались на глаза“...

„Я радуюсь, какъ ребенокъ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ Маркевичу,—случаю угостить Андрея новой охотой на глухарей, которую и вы, не будучи охотникомъ, все-таки бы оцѣнили ради ея поэтической обстановки. Вообразите себѣ весеннюю ночь, теплую, темную, звѣздную посреди лѣсовъ. Вы сидите у костра; сухой хворостъ пламенѣетъ, кричатъ цапли въ болотѣ... и потомъ, прыжокъ за прыжкомъ, вы подходите къ глухарю, поющему свою таинственную, возбуждающую пѣсню. А если ночь лунная, то вамъ видно, какъ глухарь распускаетъ хвостъ и охорашивается на вѣтѣхъ ели... Что можетъ быть поэтичнѣе на свѣтѣ?“

Третье письмо ³⁾: „Сегодня суббота, и звонъ колоколовъ нашей маленькой церкви сливается съ соловьинымъ пѣніемъ и жволгой... Ничто не молчитъ кругомъ, все поетъ и радуется веснѣ... Я самъ чувствую, что готовъ запѣть. Всѣ деревья зелены; глухари болѣе не токують, но лѣсные бекасы еще лучше запѣли... Господи, какая красота весна!... Неужто мы на томъ свѣтѣ будемъ еще счастливѣе, чѣмъ здѣсь весной?“

Кто можетъ говорить съ такимъ восторгомъ о лѣсѣхъ и природѣ, тому легче живется въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Но, поселившись въ своемъ помѣстьѣ, графъ не терялъ связи съ міромъ. Онъ почти ежегодно пріѣзжалъ въ столицу, въ особен-

¹⁾ „Вѣстн. Европы“ 1897 г., V, стр. 280; 1898 г., XI, стр. 181.

²⁾ „Русская Старина“ 1884 г., т. I, стр. 197.

³⁾ „Вѣстн. Европы“ 1895 г., X, стр. 645 и 661.

ности если этого требовали дѣла; всю зиму 1867 года, когда ставилась на Александринской сценѣ „Смерть Іоанна Грознаго“, онъ прожилъ въ Петербургѣ; нерѣдко гостилъ въ Крыму у государыни и каждый годъ ѣздилъ за границу. Благодаря своимъ связямъ, онъ во время этихъ поѣздокъ знакомился съ цѣлымъ рядомъ интересныхъ личностей; на примѣръ, съ историкомъ Грегоровіусомъ и съ его пріятелями Сабатье и Гильдебрантомъ, которые постоянно жили во Флоренціи и немало потрудились надъ ознакомленіемъ своихъ земляковъ съ жизнью и бытомъ Італіи. Съ ними онъ особенно сошелся зимой 1872 г., когда онъ самъ жилъ въ столицѣ Тосканы.

Очень интересно было для Толстого посѣщеніе Веймара. Великій герцогъ Карлъ-Александръ встрѣтилъ его какъ родного и напомнилъ ему тѣ годы, когда они были дѣтьми и вѣстѣ играли въ парѣ. По его желанію, въ 1868 г. „Смерть Іоанна Грознаго“ была поставлена въ мѣстномъ придворномъ театрѣ, въ переводѣ г-жи Павловой.

Но помимо герцога, Толстой нашелъ въ Веймарѣ рядъ другихъ лицъ, которые ему были очень близки. Тамъ проживала княгиня Каролина Сайнъ-Витгенштейнъ, и черезъ ея посредство онъ познакомился и подружился съ Листомъ. Съ тѣхъ поръ между этимъ послѣднимъ и Толстымъ установились самыя сердечныя отношенія. Знаменитому піанисту чрезвычайно нравились стихотворенія нашего поэта, которые онъ прочелъ въ переводѣ Павловой, а баллада „Слѣпой“ произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ написалъ къ ней музыку.

Такимъ образомъ Толстому удалось видѣть въ Веймарѣ оба періода расцвѣта этой скромной резиденціи: въ 20-хъ годахъ, когда его украшеніемъ былъ великій поэтъ Гёте, и въ 60-хъ—когда, благодаря Листу, онъ сдѣлался центромъ музыкальной жизни Германіи.

IV.

Живя у себя въ деревнѣ, гр. Толстой велъ оживленную переписку съ своими друзьями. Кругъ его сторонниковъ былъ великъ, такъ какъ онъ стоялъ вѣ партій и не участвовалъ въ журнальной работѣ. Но люди, которые держались одинаковыхъ съ нимъ воззрѣній на задачи искусства, были ему очень дороги. Къ числу ихъ мы должны отнести И. А. Гончарова, Я. П. По-

¹⁾ „Вѣстн. Европы“ 1895 г., X, стр. 645 и 661.

юнскаго и въ особенности Б. М. Маркевича. Къ сожалѣнію, корреспонденція Гончарова, по его личному желанію, не появилась въ печати. Но мы и при теперешней скудости матеріаловъ имѣемъ возможность указать нѣкоторые факты, характеризующіе отношенія обоихъ писателей. Въ своихъ письмахъ Толстой постоянно упоминаетъ Гончарова, прислушивается къ его указаніямъ и дорожитъ его похвалою. По его просьбѣ, гр. А. К. перевелъ для „Обрыва“ одно изъ стихотвореній Гейне; а когда „Смерть Іоанна Грознаго“ была готова, то авторъ выслалъ рукопись Гончарову, который и хлопоталъ о помѣщеніи ея въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Отрывки писемъ къ Полонскому мы уже привели и приведемъ еще нѣкоторые. Какъ ни малочисленны эти выдержки, но онѣ доказываютъ, что между обоими поэтами существовали сердечныя и дружественныя отношенія. Зато переписка съ Маркевичемъ издана довольно подробно. Она для насъ особенно интересна, потому что Толстой писалъ ему изъ деревенской глуши всякій разъ, когда ему хотѣлось побесѣдовать о задачахъ художественнаго творчества или поспорить о политическихъ вопросахъ ¹⁾. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, онъ рѣзко расходился съ своимъ другомъ. Отношенія у нихъ были очень старыя и близкія. Маркевичъ многократно и подолгу гостилъ у Толстого въ деревнѣ; одна изъ его повѣстей, „Марина изъ Алаго Рога“, посвященная гр. Софѣ Андреевнѣ, была задумана въ Красномъ-Рогѣ. Въ ней описана мѣстная усадьба, природа и лѣса, а главное лицо повѣсти, графъ Завальскій, во многомъ напоминаетъ самого хозяина. По этому поводу Маркевичъ пишетъ: „я и не думалъ описывать васъ въ моемъ Завальскомъ, но еслибы я васъ не зналъ, то едва ли создалъ бы его“ ²⁾. Когда Толстой заканчивалъ свои произведенія, то онъ обыкновенно посылалъ ихъ Маркевичу, который пользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы блеснуть въ петербургскомъ обществѣ своимъ мастерскимъ чтеніемъ и заинтересовать великосвѣтскіе салоны новыми произведеніями своего друга. Такимъ путемъ онъ даже проникъ въ интимный кружокъ государыни и читалъ тамъ „Донъ-Жуана“ въ началѣ мая 1861 г.

Причина ихъ дружбы вполнѣ понятна. Оба писателя были воспитаны на Пушкинѣ, оба они увлекались Шиллеромъ и вмѣстѣ читали „Валленштейна“ ³⁾; эта общность художественныхъ вкусовъ

¹⁾ „Вѣстн. Европ.“ 1896 г., XI, стр. 180.

²⁾ Письма Маркевича, стр. 129.

³⁾ Тамъ же, стр. 181.

соединяла ихъ и сглаживала рознь ихъ возрѣвій. А рознь эта несомнѣнно существовала, потому что Толстой былъ поэтъ чистой воды, а Маркевичъ, несмотря на свой несомнѣнный литературный талантъ, нерѣдко впадалъ въ тенденціозность, которая портила прекрасно задуманную вещь. Лучшимъ примѣромъ этого положенія можетъ служить та же „Марина изъ Алаго Рога“, гдѣ рядомъ съ художественными страницами встрѣчаются мысли, годныя для руководящей статьи ретроградской газеты.

Изъ переписки Толстого заслуживаютъ особаго вниманія его письма къ кн. Сайнъ-Витгенштейнъ. Они замѣчательно содержательны и затрогиваютъ цѣлый рядъ самыхъ серьезныхъ художественныхъ вопросовъ. Онъ бесѣдуетъ съ ней какъ съ близкимъ другомъ о многихъ изъ своихъ произведеній. Толстой не даромъ поддерживалъ эту переписку, ибо княгиня была личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Гергардъ Ролфсъ ¹⁾, знаменитый изслѣдователь Африки и другъ Листа, говоритъ, что княгиня была одна изъ самыхъ остроумныхъ женщинъ, какихъ онъ встрѣчалъ на своемъ вѣку. Даже въ послѣдніе годы ея жизни, когда болѣзнь приковала ее къ креслу, она отличалась большою живостью и умомъ; княгиню особенно интересовали вопросы искусства и литературы, и въ ея скромной квартирѣ на Via Babuino въ Римѣ встрѣчались художники и ученые всѣхъ странъ и народовъ ²⁾.

Мы такъ подробно остановились на этихъ лицахъ, потому что знакомство съ ними облегчаетъ чтеніе переписки, столь интересной для пониманія произведеній поэта и его личности. Затѣмъ намъ важно сохранить эти имена, такъ какъ одобреніе и участіе друзей поддерживали гр. А. К. Толстого въ его работѣ. Со стороны критики онъ всю жизнь слышалъ одну брань. Еслибы не было теплаго участія близкихъ, перо навѣрное выпало бы изъ его рукъ.

Толстой былъ, прежде всего, человѣкъ прямой, у котораго не существовало разлада между словомъ и дѣломъ. То, что онъ высказывалъ въ дружеской бесѣдѣ или въ письмахъ, то онъ и печаталъ, хотя бы пришлось плыть противъ теченія. То, что онъ проповѣдывалъ другимъ, то онъ дѣлалъ самъ; и доказалъ на дѣлѣ, что онъ готовъ на жертвы, когда отечество находится въ опасности. Поэтому ему были противны политическіе дѣльцы

¹⁾ Erinnerungen an Franz v. Liszt. Westermann's Monatshefte. Band 87. S. 677.

²⁾ La Mara. Fr. Liszt's Briefe an die Fürstin Caroline Sayn-Wittgenstein. Leipzig. 1899.

вродѣ Луи Блана, который другимъ проповѣдывалъ бѣдность, а самъ жилъ въ роскоши ¹⁾). Относительно друзей и знакомыхъ Толстой былъ крайне доброжелателенъ и всегда пользовался своими отношеніями къ сильнымъ міра сего, чтобы помочь ближнимъ, а въ особенности собратамъ по литературѣ. Примѣры такого образа дѣйствій очень многочисленны. Извѣстной писательницѣ Каролинѣ Павловой, которая сильно нуждалась въ деньгахъ, онъ выхлопоталъ пенсію отъ государя и великой княгини Елены Павловны ²⁾). Тургеневъ, составляя свой сочувственный некрологъ Гоголя, назвалъ его „великимъ“; за это онъ былъ посаженъ на одинъ мѣсяцъ на гауптвахту, а послѣ этого высланъ въ деревню ³⁾). Толстой, который въ день ареста обѣдалъ съ Тургеневымъ, былъ возмущенъ такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ образованнымъ и порядочнымъ человѣкомъ. Его взволновалъ до глубины души этотъ грубый произволъ въ особенности потому, что всѣмъ было понятно желаніе шефа жандармовъ унижить въ лицѣ Тургенева литературнаго дѣятеля съ крупнымъ именемъ. Гр. А. К. пустилъ въ ходъ свои связи и, наконецъ, добился, что позволили Тургеневу вернуться въ столицу ⁴⁾). Въ 1859 году ему пришлось хлопотать за И. С. Аксакова, который навлекъ на себя гнѣвъ смѣлыми статьями, появившимися въ его „Парусѣ“. Петербургскіе громовержцы возмѣнили намѣреніе сослать его въ Вятку, а журналъ запретить ⁵⁾). Толстой опять-таки поставилъ на ноги всѣхъ своихъ друзей и родню. Журналъ спасти не удалось, но, по крайней мѣрѣ, онъ избавилъ своего друга отъ незаслуженнаго наказанія. Подобной просьбой Толстой даже навлекъ на себя неудовольствіе императора Александра II. Зимой 1864—65 г., во время его пребыванія въ столицѣ Толстой былъ приглашенъ на царскую охоту въ новгородской губерніи. Егермейстеръ, распорядившійся охотой на медвѣдя, разставляя полукругомъ стрѣлковъ, поставилъ гр. А. К. рядомъ съ государемъ. Въ ожиданіи, пока всѣ займутъ свои мѣста, а собаки и загонщики поднимутъ звѣря, Александръ II подозвалъ Толстого и сталъ съ нимъ разговаривать въ полголоса и безъ постороннихъ свидѣтелей. Пользуясь этимъ моментомъ, гр. А. К. рѣшился за-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1897 г., IV, стр. 612.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1894 г., т. I, стр. 120. „Вѣстникъ Европы“ 1897 г., V, стр. 288.

³⁾ Дневникъ Никитенки, т. I, стр. 532.

⁴⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1897 г., IV, стр. 604. Дневникъ Никитенки, т. II, стр. 126.

⁵⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., X, стр. 631.

молвить свое слово за Чернышевскаго. На вопросъ государя, что дѣлается въ литературѣ и не написалъ ли онъ чего-либо новаго, Толстой отвѣтилъ, что „русская литература надѣла трауръ по поводу несправедливаго осужденія Чернышевскаго“... Но Александръ II не далъ ему даже и окончить этой фразы: „Прощу тебя, Толстой, мнѣ никогда не напоминать о Чернышевскомъ“, проговорилъ онъ недовольнымъ и непривычно строгимъ голосомъ и затѣмъ, отвернувшись въ сторону, далъ понять, что бесѣда ихъ кончена“¹⁾).

Подводя итогъ изложеннымъ фактамъ, мы можемъ съ смѣлостью сказать, что жизнь графа А. К. Толстого представляетъ собою нѣчто чистое и цѣльное. Нѣтъ же ни передъ обществомъ, ни передъ друзьями, ни передъ самимъ собою.

V.

Быть можетъ, кто-нибудь удивится, что, желая дать характеристику творчества А. К. Толстого, мы перенесли центръ тяжести нашей работы въ его біографію и сообщаемъ подробныя свѣдѣнія о его жизни, личности и литературныхъ отношеніяхъ. Но въ біографіи поэта можно найти ключъ для пониманія также и его произведеній.

Описание Краснаго-Рога и его лѣсовъ имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ природа этого живописнаго уголка Малороссіи отражается во многихъ произведеніяхъ Толстого. Красотѣ юга посвящено его первое стихотвореніе „Колокольчики“. Жизни въ Красномъ-Рогѣ мы обязаны тѣми чудесными картинами природы, которыми такъ богатъ „Князь Серебряный“. Припомните весенній вечеръ и первую встрѣчу съ станичниками, или осенній вечеръ въ монастырѣ, когда Серебряный пришелъ прощаться съ Еленой. Какъ все полно гармоніи: умирающая природа и конецъ ихъ любви!

Толстой былъ „мажорный“ поэтъ и самъ признавалъ, что онъ этимъ качествомъ и своимъ юморомъ обязанъ южной природѣ и солнцу. Чтобы доказать правильность нашего положенія, мы позволимъ себѣ нѣкоторую параллель. Толстой и Некрасовъ были страстные охотники. Такъ какъ они цѣлые дни проводили на лонѣ природы, то понятно, что описанія родныхъ лѣсовъ и

¹⁾ Воспоминанія графини А. А. Толстой. (Статья Из. Захарьина. „Вѣстникъ Европы“ 1905 г., IV, стр. 634).

полей часто встрѣчаются въ ихъ стихотвореніяхъ; но картины природы у нихъ прямо противоположны.

Для примѣра возьмемъ отрывокъ изъ „Коробейниковъ“:

Хороша наша губернія,
Славенъ городъ Кострома,
Да лѣса, лѣса дремучіе,
Да болота къ ней ведутъ,
Да пески, пески сыпучіе.

Или отрывокъ изъ другой поэмы:

Но вы, поля весеніи!
На ваши всходы бѣдные
Не весело глядѣть.

Обѣ картины правдивы и сильны, но онѣ сѣры и грустны; такъ и кажется, что у поэта въ голосѣ дрожать слезы и что онъ скорбитъ о бѣдности земли родной.

У Толстого мы находимъ инныя впечатлѣнія:

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!

Какая удаля, мощь и радость слышатся въ этихъ стихахъ!

Вторая біографическая подробность, которой мы придаемъ особое значеніе, это — ежегодныя поѣздки графа за границу, прекрасное знаніе иностранныхъ литературъ. Широкое и разностороннее образованіе отразилось прежде всего на разносторонности его творчества. Онъ бралъ сюжеты для поэмъ и балладъ не только изъ прошлаго своего отечества, но также изъ исторіи Испаніи и Италіи, какъ, напр., „Донъ-Жуанъ“ и „Драконъ“.

Затѣмъ, живя на Западѣ или у себя въ имѣніи, гр. Алексѣй Константиновичъ имѣлъ полную возможность сравнивать условія жизни у насъ, гдѣ письма отъ Петербурга до Краснаго-Рога шли двѣ недѣли, а иногда и совсѣмъ пропадали, — съ тѣмъ, что онъ видѣлъ за рубежомъ. Благодаря этому, онъ проникся полнымъ уваженіемъ къ западной культурѣ и не могъ сойтись съ славянофилами, несмотря на то, что они его усиленно манили въ свои объятія ¹⁾. Толстой былъ близокъ по своей религіоз-

¹ Письма Маркевича, стр. 47.

ности и любви къ родинѣ въ А. С. Хомякову и И. С. Аксакову. Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. В. А. Черкасскій были его товарищами по московскому университету ¹⁾. Но онъ мало сочувствовалъ ихъ одностороннимъ взглядамъ на необходимость усиленной руссификаціи окраинъ, какъ этого требовали Ю. Ѳ. Самаринъ и М. Н. Катковъ. Толстой считалъ, что если окраины ушли впередъ, то центръ не въ правѣ задерживать ихъ развитіе и тянуть ихъ въ свое болото, а долженъ самъ стремиться къ тому, чтобы поднять свою культуру на уровень окраинъ ²⁾.

По этому вопросу между Толстымъ и Маркевичемъ завязалась преинтересная переписка. Гр. А. К. произнесъ въ 1869 г. въ Одессѣ тостъ „за всѣхъ подданныхъ Государя Императора, какая бы ни была ихъ нація“. Маркевичъ пришелъ въ ужасъ и сталъ заклинять его „отказаться отъ тостовъ и писать баллады“ ³⁾. Но Толстой отвѣтилъ довольно твердо, что это его искреннее убѣжденіе, отъ котораго онъ не можетъ отречься, такъ какъ высказывалъ его неоднократно въ личной бесѣдѣ и въ печати. При этомъ графъ сослался на то объясненіе, которое Лепорелло даетъ предъ судомъ инквизиціи:

— Итакъ, сеньоръ, я долженъ вамъ сказать,
 Что донъ-Жуанъ говаривалъ не разъ:
 „Святые братья глупы. Человѣкъ
 Молиться воленъ, какъ ему угодно.
 Не влѣзешь силой въ совѣсть никому
 . И никого не вгонишь въ рай дубиной.
 Онъ говорилъ, что мавры и мориски
 Народъ полезный былъ и работающій;
 Что ихъ не слѣдовало гнать, ни жечь,
 Что коль они исправно платятъ подать,
 То этого довольно королю;
 Что явный мусульманинъ, иль еретикъ,
 Не столько вреденъ, сколь сокрытый врагъ;
 Что если бы сравняли всѣхъ правами,
 То не было-бы ни отъ кого вражды.
 Поэтому, такъ говорилъ мой баринъ,
 Святые братья глупы“...

Настоящей выпиской можно было бы покончить этотъ споръ, но сохранилось еще стихотвореніе ⁴⁾, не вошедшее въ собраніе

¹⁾ А. В. Мещерскій. „Русскій Архивъ“ 1900 г., № 7, стр. 376.

²⁾ „Вѣстн. Европы“ 1896 г., X, стр. 659.

³⁾ Письма Маркевича, стр. 115.

⁴⁾ „Русская Старина“ 1887 г., № 2.

сочиненій гр. А. К. Толстого, въ которомъ онъ съ удивительнымъ юморомъ возвращается къ тому же вопросу. Эта небольшая сатирическая пьеса заслуживаетъ, чтобы ее не забыли въ пыли старыхъ журналовъ, поэтому мы приводимъ ее цѣликомъ.

ЕДИНСТВО.

Друзья! ура единство!
Сплотимъ Святую Русь!
Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

Катковъ сказать, что, дескать,
Терпѣть ихъ—это грѣхъ,
Ихъ надо тискать, тискать
Въ московскій обликъ всѣхъ.

Ядро у насъ славяне,
Но есть и вотяки,
Башкиры и армяне,
И даже калмыки.

Есть также и грузины
(Конвоя цвѣтъ и честь),
И латыши, и финны,
И шведы также есть.

Недавно и ташкентцы
Живутъ у насъ въ плѣну,
Признаться-ль?—есть и нѣмцы,
Но это entre nous!

Страшась съ Катковымъ драки,
Я на ухо шепну:
У насъ есть и поляки,
Но также entre nous!

И многими иными
Обилень нашъ запасъ.
Какъ жаль, что между ними
Араповъ нѣтъ у насъ!

Тогда бы князь Черкасской,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазалъ бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

Съ усердіемъ столь смѣлымъ
И съ помощью воды
Самария теръ бы мѣломъ
Ихъ черные зады.

Катковъ, нашъ герцогъ Альба,
Имъ удлиннѣлъ бы носъ,
Маркевичъ восклицалъ бы:
Осанна! Аксіось!

Отъ вопроса о насильственномъ обрусеніи окраинъ — всего одинъ шагъ къ общему вопросу о политическихъ убѣжденіяхъ графа А. К. Толстого. На него легче всего отвѣтить ссылкой на извѣстное стихотвореніе:

„Двухъ становъ не боецъ, а только гость случайный“ ¹⁾,

—которое упоминаютъ всѣ критики, когда они желаютъ доказать, что нашъ поэтъ не принадлежалъ ни къ одной партіи. Это отчасти правда, потому что Толстой, какъ человекъ самостоятельный, шелъ своей дорогой и презиралъ ложь, которою нерѣдко прикрываютъ свои недостатки политическіе и литературные кружки. Но мы думаемъ, что этой лаконической ссылки нѣсколько мало, такъ какъ произведенія гр. Алексѣя Константиновича даютъ богатый матеріалъ для опредѣленія его воззрѣній на цѣлый рядъ существенныхъ вопросовъ. Стоитъ расположить баллады въ систематическомъ порядкѣ, чтобы понять его политическій идеалъ.

Онѣ распадаются на два цикла: кievскій („Сватовство“, „Илья Муромецъ“, „Садко“, „Алеша Поповичъ“) и московскій („Кн. Репнинъ“, „Старицкій воевода“, „Василій Шибановъ“). „Потокъ богатырь“ сопоставляетъ оба періода русской исторіи и переноситъ насъ въ третій — въ петербургскій. О томъ же государственномъ строѣ современной Россіи говорятъ „Сонъ Попова“ и „Русская Исторія“.

Если вѣрить поэту, то въ Кіевѣ княжилъ ласковый Владимиръ князь по правдѣ и закону, управляя страной при участіи народа и вѣча. Въ московскій же періодъ законъ исчезъ и былъ замѣненъ произволомъ московскаго хана; наконецъ, въ С.-Петербургѣ появился чиновникъ-министръ, говорящій либеральныя рѣчи и готовый при малѣйшемъ поводѣ пустить въ ходъ тотъ же произволъ.

Насколько правильны были воззрѣнія Толстого на кievскій періодъ, мы разбирать не будемъ. Но нельзя не сказать, что нашъ поэтъ, какъ и всѣ романтики, будучи недоволенъ совре-

¹⁾ Полное Собраніе Стихотвореній, изд. 1886 г., т. I, стр. 280.

жизненнымъ строемъ, искалъ лучшаго въ добромъ старомъ времени. Этой дорогой шли нѣмецкіе романтики А. W. Schlegel, Tieck, Graf Stollberg, Brentano, Fouqué и др., которыхъ такъ любилъ А. А. Перовскій. По тому же пути пошелъ и Толстой. Онъ остановился на кievской Руси, такъ какъ московскій періодъ, полный произвола, казней и злодѣяній, глубоко его возмущалъ. „Моя ненависть къ московскому періоду есть моя идиосинкразія... Моя ненависть къ деспотизму—это я самъ“... Эта фраза, извлеченная изъ его письма, дала Вл. С. Соловьеву основаніе утверждать, что ¹⁾ Толстой „стоялъ за живую силу свободной личности“. Слѣдовательно, онъ боролся за свободу совѣсти, вѣры и національности. А если такъ, то между его воззрѣніями и взглядами лучшихъ людей 60-хъ годовъ, Ростовцева, Н. Милютина, Замятина, Ровинскаго, Ив. Аксакова, не было существенной разницы: всѣ они стремились къ тому, чтобы въ русской странѣ водворился законный порядокъ. Толстой никогда не былъ ретроградомъ, но считалъ, что либерализмъ есть законность, а не своеволие. Недаромъ онъ вложилъ посаднику Глѣбу Мироновичу въ уста опредѣленіе, что есть воля и что неурядье:

Вотъ наша воля. Правъ своихъ держаться,
Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
Не прихоти князія исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что государь нашъ Новгородъ велитъ—
Вотъ воля въ чемъ! А чтобы всякій дѣлать
Волею былъ то, что въ голову взбрѣдетъ,
Нѣтъ, то была-бъ не воля—неурядье
То было бы!...

Поэтому Толстой отъ души ненавидѣлъ тѣхъ фальшивыхъ людей, которыхъ онъ называлъ „les parvenus de la science et du libéralisme“.

При наличности такихъ фактовъ, многіе съ удивленіемъ спросятъ, отчего же критика 60-хъ годовъ вела такую упорную борьбу противъ гр. А. К. Толстого и его произведеній?

Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно: ихъ разъединяли воззрѣнія на задачи искусства. Публицисты того времени не признавали „искусства для искусства“ и желали сдѣлать изъ поэзіи орудіе для соціальной борьбы. Вслѣдствіе этого 60-е годы, столь знаменательные въ исторіи Россіи, были неблагоприятны для развитія поэзіи. Мей погибъ въ буквальный смыслъ этого слова.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1895 г., V, „Поэзія гр. А. К. Толстого“.

А между тѣмъ это былъ крупный талантъ, лирическія и драматическія произведенія котораго не потеряли прелести и въ наши дни. Фетъ началъ печатать первыя свои стихотворенія, но, встрѣченный общимъ холодомъ, онъ замолкъ надолго. Правда, въ это время жилъ и писалъ Некрасовъ. Но это былъ человѣкъ другого лагерь; его муза не чужда тенденціи и злободневныхъ вопросовъ, и только въ лучшихъ вещахъ она вводитъ насъ въ свѣтлый міръ поэзіи. Необходимо добавить, что Некрасовъ находился въ исключительныхъ условіяхъ; какъ редакторъ „Современника“ и „Отечественныхъ Записокъ“, онъ имѣлъ полную возможность дать надлежащій отпоръ зазнавшемуся критику. Поэтому бороться съ нимъ было небезопасно.

Положеніе А. К. Толстого было иное; во-первыхъ, онъ стоялъ въ сторонѣ отъ журнальных партій, а во-вторыхъ, и это главное, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что искусство и прекрасное имѣютъ право на существованіе сами по себѣ. Между тѣмъ этого основного положенія публицисты того времени не признавали; поэтому они поносили не только Толстого, но и всѣхъ его друзей.

По настоящему вопросу сохранилось два интересныхъ письма, въ которыхъ гр. Толстой горячо отстаиваетъ свое *sredo*. Первое изъ нихъ написано по поводу разбора „Обрыва“ въ „Зарѣ“.

„Такъ чернить Гончарова нельзя. Сганный фактъ—вся наша критика находится въ рукахъ одной клики, за рѣдкими и робкими исключеніями; девизъ этой клики—война искусству. Будемъ обходиться и безъ ихъ мнѣнія“¹⁾.

Другое адресовано его старому другу, Якову Петровичу Полонскому, и написано 20 декабря 1868 г.²⁾: „Мы съ вами не поспѣдніе могиканы искусства; оно не умретъ и не можетъ умереть, какъ бы тамъ ни старались разные Чернышевскіе, Писаревы, Стасовы, Корфы и т. п., кто прямо, кто косвенно. Убить искусство такъ же легко, какъ отнять дыханіе у человѣка подъ тѣмъ предлогомъ, что оно роскошь и отымаетъ время даромъ, не вертитъ мельничныхъ колесъ и не раздуваетъ мѣховъ“.

Вообще, публицисты шестидесятыхъ годовъ, занимавшіеся критикой художественныхъ произведеній, далеко не стояли на высотѣ своего положенія. Тонкій вкусъ и любовь къ истинно-прекрасному, которыми отличался Бѣлинскій, у нихъ отсутствовали. Поэтому слабость серьезныхъ доводовъ они нерѣдко прикрывали рѣзкими нападкамі на своихъ противниковъ. Не только

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1895 г., XI, стр. 166.

²⁾ „Русская Старина“, 1884 г., т. 41.

писатели, испытывшіе на себѣ всю прелесть грубой полемики, но даже лица, которые стояли въ сторонѣ отъ борьбы, возмущались безцеремонностью публицистовъ. Такъ, напримѣръ, въ дневникѣ А. Никитенки мы находимъ слѣдующія строки: „Ныѣшніе крайніе либералы со своимъ повальнымъ отрицаніемъ и деспотизмомъ просто страшны. Они въ сущности тѣ же деспоты, только навыворотъ. Въ нихъ тотъ же эгоизмъ и та же нетерпимость, какъ и въ ультра-консерваторахъ... Они не допускаютъ свободу мнѣній“.

Какъ бы то ни было, но подъ вліяніемъ вѣчныхъ глумленій у Толстого образовалось желчное настроеніе, и въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что сталъ „посмѣшищемъ критики“ ¹⁾.

Подъ впечатлѣніемъ этой непрекращавшейся брани онъ и написалъ свои полемическія вещи: „Потокъ богатырь“, „Порой веселой мая“ (баллада съ тенденціей) и „Противъ течения“. Эти стихотворенія принято называть тенденціозными, но мы видимъ въ нихъ скорѣе антитенденціозныя вещи, въ которыхъ поэтъ въ шутливой формѣ отвѣтилъ на постоянныя нападенія ультра-либеральнаго лагеря. Они вызвали бурю негодованія. Когда Толстой послалъ первое изъ этихъ стихотвореній въ „Русскую Бесѣду“, то редакція отказалась ее напечатать, и „Потокъ“ появился на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ ²⁾. Всѣ громы либеральной печати посыпались на поэта, который сумѣлъ подшутить надъ своими противниками. Про Толстого кричали, что онъ до того отсталъ, что глумится надъ реформами Александра II и надъ судомъ присяжныхъ. Но близорукіе критики забыли, что онъ смѣялся не надъ судомъ присяжныхъ, а надъ тѣми ограниченными людьми, которые всю мудрость новаго суда видѣли въ оправдательныхъ вердиктахъ. Наконецъ, если даже допустить, что въ пылу спора Толстой хватилъ черезъ край, то это не даетъ права считать его ретроградомъ. Чтобы опредѣлить его политическія убѣжденія, необходимо изучить его шедевры и сопоставить ихъ съ письмами, а не судить по полемическимъ стихотвореніямъ, которые написаны для осмѣянія противника. По нашему мнѣнію, въ его полемическихъ стихахъ слышится болѣе голосъ оскорбленнаго эстетика, чѣмъ политическаго дѣятеля. Въ этомъ легче всего убѣдиться, прочитавъ балладу

¹⁾ 17 октября 1869 г. Книгинѣ Сайнъ-Витгенштейнъ. „Вѣстникъ Европы“, 1895 г., XII.

²⁾ Захарьинъ. „Жизнь Москвы“. („Историческій Вѣстникъ“, 1902 г., № 11).

„Порой веселой мая“, которая является парафразой приведеннаго нами письма Полонскому.

Во всемъ этомъ спорѣ Толстой стоитъ безконечно выше своихъ враговъ, ибо въ его стихотворенiяхъ чувствуется смѣхъ, а не желчь; онъ обладалъ тонкимъ юморомъ и не могъ небаиваться отъ прирожденнаго ему добродушия.

По поводу современной ему полемики гр. Алексѣй Константиновичъ прислалъ вв. Церетелеву слѣдующее стихотворенiе ¹⁾:

Боясь людей передовыхъ,
Страшуся милыхъ нигилистовъ,
Ихъ судъ правдивъ, ихъ натискъ лихъ,
Ихъ гнѣвъ губительно неистовъ.

Но все жъ подь-часъ бываетъ мнѣ
Прiятно, въ званъiи ретрограда,
Когда ихъ хлещетъ по спинѣ
Моя былина или баллада.

Насколько этотъ „натискъ былъ лихъ и гнѣвъ неистовъ“, мы можемъ убѣдиться изъ слѣдующаго отрывка ²⁾. „Графъ А. Толстой врагъ просвѣщенiя, поклонникъ и проповѣдникъ беззавѣтнаго холопства, а какъ поэтъ, посредственно даровитый дилеттантъ, вымучивающiй рифмованныя строки и склонный ради баловства сочинять безсмысленныя баллады“.

Этотъ критикъ не дожилъ до того дня, когда цензура разрѣшила представление „Царя Ѳедора“. Въ одинъ годъ эта трагедiя обошла сцены всѣхъ большихъ городовъ. Всѣ поняли, что „Царь Ѳедоръ“ — шедевръ, которымъ должна гордиться русская литература.

А. Левенстимъ.

¹⁾ „Русскiй Вѣстникъ“ 1900 г., XI, стр. 201.

²⁾ Изъ статьи Павлова: „Судьи Поэта“ („Русскiй Вѣстникъ“, 1876 г., VIII).

МАЦЬІ БОРЫНА

ЭСКІЗЪ

По польскому роману Реймонта: „Słotwi“.

I.

Солнце уже склонялось въ западу и, какъ бы разгорѣвшись на лету, краснѣло; прячась за высокій, черный лѣсъ, оно выростало въ огромный огненный шаръ. На поляхъ темнѣло. Мракъ сгущался и ползъ по холмамъ впередъ, притаивался во рвахъ, крѣпчалъ въ тѣсно поросшихъ долинахъ и мало-по-малу заливалъ землю, охватывалъ и гасилъ всѣ краски. Вотъ, уже однѣ только вышки деревьевъ, башенки и крыша костела догорали въ лучахъ.

Люди стали собираться съ полей ко дворамъ. Въ тихомъ сумрачномъ воздухѣ громче звучали голоса, ржанье, рычанье и случайное бряцанье колесъ о камень. Съ костела пронесся тихій звонъ на „Ангель Господень“, а люди пріостанавливались, и слышался шопотъ молитвы, будто шелестъ ниспадающихъ листьевъ въ потемкахъ.

Но, вотъ, раздались бойкіе окрики, веселыя пѣсни. Это сгоняли съ пастбищъ скотину. Она проходила кучками въ облакахъ пыли, среди которыхъ, то тутъ, то тамъ, проглядывало остріе роговъ, а иногда высовывалась и цѣлая могучая голова.

Кое-гдѣ слышалось блеянье овецъ, а въ иномъ мѣстѣ согнанные съ луга гуси взлетали вверхъ гурьбой и неслись ко дворамъ, озолоченные послѣднимъ лучомъ солнца, разсѣвая воздухъ своимъ пронзительнымъ крикомъ.

— Да, случилась бѣда у Борыны. Важная такая, тельная корова и ни за что пропала.

— Хозяйки у него, у Борыны-то, нѣтъ, ну и просѣивается все, какъ въ рѣшето.

— А Ганка что-жъ? Чѣмъ ему не хозяйка?

— Развѣ что для себя, а не для него. Споха ему, сидить у него съ мужемъ на хлѣбахъ, да оба смотрятъ, какъ бы себѣ что урвать, а отцово добро пусть песь стережетъ.

— Могъ бы Борына землю отдать сыну, Антку. Пора...

— А самому пойти къ сыну на кормѣжъ что-ли? Посмотрю на васъ, Лаврентій, стары вы, а глупы,—живо вступилась злая баба Ягустинка.—Охъ! Крѣпокъ еще онъ, Борына, того гляди женится; а дуракъ бы былъ, кабы свое отписалъ на дѣтей.

— Чего ему, уже двухъ женъ похоронилъ.

— А пусть бы похоронилъ и третью. Помоги ему Богъ, а дѣтямъ, пока живъ, нехай не даетъ ни загона, ни обрѣзка, ни хоть бы столько земли, сколько подошвой накроетъ. Обдѣлали бы они его, каналы, какъ мои дѣти меня. Дали бы ему кормѣжку такую, что на поденщину бы онъ пошелъ или на выпрошенный хлѣбъ, какъ нищій, а то и съ голоду подохъ бы. Только отдай дѣтямъ, что у тебя есть... а ужъ они тебѣ воздадутъ, какъ же! Какъ разъ хватить на веревочку да на камень къ шеѣ...

Хозяинъ Мацѣй Борына считался въ селѣ Липцахъ первымъ богачомъ. Такому жить хорошо, но и для богача не всегда бываетъ торная дорога. То тѣ, то другое станетъ поперекъ, а порой бываетъ и не одна забота, особливо для семейнаго да еще вдовца. Въ домѣ не все въ порядкѣ, а тутъ вдругъ надорвалась лучшая корова и пришлось ее дорѣзать. Вдобавокъ Борына получилъ въ то же время вызовъ въ гминный судъ, по жалобѣ Евки, которая прежде служила работницей у него, затяжелѣла и, по подговору злыхъ людей, предъявила послѣ родовъ искъ къ Борынѣ, требуя денегъ на содержаніе ея и ребенка...

Надо было переговорить съ гминнымъ войтомъ. Подъ-вечеръ Борына приодѣлся въ новый бѣлый суконный кафтанъ, обшитый по всѣмъ швамъ черной тесьмой, окрутился широкимъ краснымъ поясомъ и, накрывшись высокой черной шляпой, пошелъ степеннымъ шагомъ по дорогѣ вдоль пруда къ мельницѣ.

— Сколько еще работы, хотя и осень... Озимей не докончили обсеивать, капуста — въ полѣ... подстилки еще не накопили... подпахать бы должно подъ картофель... хорошо бы и подъ ярь... Нужно еще лѣсъ свозить на дрова... а тутъ поѣзжай судиться... Подлая лохмотница... Это будто я-то съ ней спалъ, мерзавка! Чтобъ тебѣ языкъ присохъ, тряпка поганая!..

Плюнувъ со злости, Борына остановился, набилъ короткую

трубку и долго чиркалъ спичкой о портки, пока закурилъ. Пошелъ онъ еще тише... Бости еще побаливали отъ дневной работы, да и коровы было жалъ. А еще припомнилась ему и жена-покойница, при которой хозяйство шло ладнѣ. Хоть и шибко озорная была на словахъ, и съ другими бабами вѣчно грызлась, но все-таки жена и хозяйка, какъ слѣдовало. Онъ вздохнулъ набожно и шелъ далѣе, продолжая жалтъ самого себя.

Сынъ, Антекъ, тянетъ на свою сторону; кузнецъ-зять только и глядитъ, какъ бы чтѣ стащить, а Юзя дочурка, еще ребенокъ, — такая отъ нея помога... Сноха Ганка, и та ни къ чему; то больна, то лазить, какъ муха по патокѣ, и за день не больше сработаетъ, чѣмъ песь наплачетъ.

Вотъ, все и валится. Сейчасъ корову зарѣзали, а на жатву здохъ поросенокъ... Гусенятъ развѣ что половина осталась, другую растаскали вороны... Все летитъ, сыплется, какъ сквозь рѣшето.

— А все-таки, не дамъ вамъ! — почти громко произнесъ онъ про себя. — Пока ногами ворочаю, не отпущу ни одного морга и на кормѣжъ къ вамъ не выйду... Какъ только мой Гржеля вернется изъ арміи, отошлю Антека на женину долю... Пусть себѣ... Шалишь, не дамъ!

— Слава Іисусу Христу! — поздоровался кто-то съ Борыной изъ окна.

— Во вѣки вѣковы! — отвѣчалъ онъ машинально и вошелъ въ длинный проходъ между двумя заборами, направляясь къ войтовой усадьбѣ. Вскорѣ пришелъ и войтъ.

— Эй, жена, ѣсть! Я голоденъ какъ волкъ... Присядьте, Мацѣй, съ нами къ ужину.

— Заплати вамъ Богъ, а я изъ лѣсу вернулся, такъ ужъ здорово поѣлъ.

Войтъ сѣлъ за блюдо только-что натертаго горячаго картофеля, обильно осдобленнаго поджареннымъ свинымъ саломъ. Рядомъ, въ мискѣ, стояла простокваша.

— Откушайте чтѣ есть! — упрашивала войтова жена, положивъ ложку. — Примитесь, не во вредъ будетъ... Вечера нынѣ долги стали.

Борына еще отпѣкивался, но сало сильно било ему въ шокдри, такъ что онъ рѣшился присѣсть на скамью и сталъ ѣсть медленно, деликатно, какъ велитъ обычай. А войтиха по временамъ вставала и подбавляла имъ то картофеля, то простоквашу.

— Я.къ вамъ по дѣлу...

— Да, это по Евкиной жалобѣ, знаю...

— По ея и есть... Будто я ее на заслуженномъ обшчиталъ! А я, вотъ какъ Богъ въ небѣ, выплатилъ ей все, да еще по добротѣ сердца, всендву далъ мѣшокъ овса за крестины.

— Но она баетъ, будто ребенокъ-то у ней отъ...

— Во имя Отца и Сына! Взбѣсилась она, что-ли?

— Ну, ладно, стары вы, Мацѣй, а еще мастеръ! — Войтъ и войтиха засмѣялись.

— Цыганить она, какъ песъ послѣдній... И не дотронулся я до ней, до лохмота этакого... Вѣдь подъ заборомъ издыхала и просилась принять ее хоть за одни харчи, за уголь, такъ какъ зима подходила. Я бы и не принялъ, да жена-покойница вступилась... Ну, дѣвка осталась, отбѣлась себѣ и постаралась о приплодѣ.

— Все-таки вамъ судиться.

— Буду, что дѣлать! Вамъ спасибо, что сказали. Я только слышалъ, что она жалуется на расчетъ. А что уплачено ей — поставлю свидѣтелей. Столько заботъ, а тутъ еще этакая подлая лгунья...

— У вдовца — все какъ межъ волковъ овца.

— Дѣло о коровѣ это съ усадьбой, потому, какъ ихъ лѣсникъ гналъ мою корову съ лужайки, она и надорвалась. Злѣтыхъ триста — цѣна ей. Тяжела была и стряслась на бѣгу, такъ что я зарѣзалъ. Ну, на усадьбу я подамъ въ судъ.

Войту, который обыкновенно держалъ сторону помѣщика, это не понравилось, и, попытавшись уговорить Борыну не начинать судебного дѣла, онъ далъ разговору иной оборотъ.

— Вамъ бы жениться, Мацѣй, и былъ бы присмотръ за домомъ.

— Смѣтается, что-ли? Вѣдь мнѣ на Внебовзятіе ¹⁾ пятьдесятъ-восемь стукнуло. Что вы... и покойная давно ли остыла.

— Подберите жену подъ свои лѣта, — совѣтовала войтова жена, убирая со стола, — и все поправится.

Призадумался Борына. Никогда еще это ему не приходило въ голову. — Вотъ бы люди языки распустили...

— Пускай. А что, вамъ люди возвратить корову-то или иной какой убытокъ, или хотъ пожалѣютъ они васъ?

— Да и постели вамъ не согрѣютъ. А мало ли дѣвушекъ на селѣ. Идешь промежъ хатъ, ажъ жаромъ оттуда валить. — Войтъ засмѣялся.

¹⁾ Успеніе. По-крестьянски — Богоматери „въ зелени“, такъ какъ въ этотъ день святятся травы, цвѣты и овощи.

— Ишь, развратникъ, о чемъ думаетъ! — пошутила войтиха.
 — Вотъ хоть бы Григорія Зоська, напрымѣръ; и собой красива, и не безъ приданого.
 — Да на что Мацѣю приданое? Первый у насъ хозяинъ.
 — Или Андржея Кася?
 — Сговорена, — заявила войтиха. — Вчера отъ Рохова Адама ходили сваты съ водкой.
 — Ну, Вероника, Стахова дочь.
 — Брюзга-дѣвка, гуляка и одно бедро у ней толще.
 — Мало ли у насъ этого сѣмени. Я вѣдь подбираю только, какія бы годились для Мацѣя.

— А вотъ ты и забыла о той, что въ самый разъ къ нему подошла бы. Покойнаго Доминика Пачеса дочь, Ягна... Важная дѣвка, рослая, жерди подъ ней трещать. И краса же у ней... Лицомъ бѣлая, а кругомъ — что твоя тѣлка...

Борына слушалъ со вниманіемъ. — Ягна? гм... О ней говорить, къ парнямъ ужъ очень ласкова.

— А кто былъ при этомъ? Такъ, мелютъ себѣ, пока перемелютъ, больше изъ зависти.

— Ну, однако, мнѣ пора! — Борына всталъ, поправилъ поясъ и, воткнувъ въ трубку уголекъ, раза два курнулъ. — Въ которомъ же часу на судъ?

— Написано въ повѣсткѣ — въ девять; вамъ до зари вставать, ежели пѣшкомъ.

— Зачѣмъ пѣшкомъ! Запрягу молодку, проѣдусь потихоньку. Оставляйтесь съ Богомъ. Благодарю за угощеніе и сосѣдскій совѣтъ.

— Идите съ Богомъ, да и подумайте, о чемъ говорилось... Пожелаете, самъ пойду отъ васъ къ ея пани-матери съ водкой и свадьбу еще до Рождества справимъ.

Борына только моргнулъ глазами и вышелъ. Назадъ выбралъ другую дорогу. „Что и говорить, — думалъ онъ, безъ бабы или разоришься, или дѣтямъ хозяйство надо отдать... А что она крупная, шельма, и какъ бы писаная, это тоже вѣрно. Пожалуй, оно и слѣдовало бы поискать жены... Послѣ покойницы сколько одѣжи осталось, пригодилась бы... Правда, мать, вдова Доминика — ухъ! зелье! Ну, у нихъ своя хата и земля, на своемъ бы и осталась. Трое ихъ, дѣтей, а морговъ пятнадцать; значить, на Ягну пять. Опять же выкупа съ нихъ за часть въ хатѣ и леventарѣ. А ихъ пять морговъ — земля акуратъ за моимъ картофелемъ. Рожь лѣтось сѣяли, да. Пять морговъ къ моимъ — было бы почти что тридцать-пять, здоровый кусокъ поля!“

Идя дальше, Борына уже велъ хозяйственный расчетъ, какъ бы на тотъ годъ подвезти навозу, да все поле въ тридцать-пять морговъ и пустить подъ пшеницу. И лошадь еще прикупить, и корову. Правда, корова будетъ дана за Ягной.

„Что дѣти подняли бы содомъ, это ужъ не иначе“... Но вдругъ онъ ощутилъ, какъ въ него, словно бы волной, ударила сила и увѣренность, и влилась въ сердце.—Земля моя, никому другому не отдамъ... А то...—Онъ вдругъ остановился передъ домомъ Ягны.

У нихъ было еще свѣтло. Горѣла лампадка, а изъ печи шелъ красный свѣтъ. Старая Доминикова вдова, нагнувшись надъ печью, что-то громко читала, а Ягна, возлѣ, сидѣла лицомъ къ окну и подщипывала гуса. Она была въ рубашкѣ, съ рукавами, засученными высоко для работы.

„Хороша, шельма“!—думалъ Борына, стоя въ тѣни. И отошелъ не сразу, а только когда ему какъ бы ударило въ голову. Онъ почесался, подтянулъ поясъ. „Красивая женщина!“ рѣшилъ онъ въ умѣ и затѣмъ пошелъ быстро, но, подходя къ своему забору, обернулся на ту сторону пруда, на домъ Пачесей, домъ Ягны. Какъ разъ кто-то изъ него вышелъ; видно было, какъ въ открытую дверь блеснулъ свѣтъ, заколебался и упалъ даже на воду. Послышались тяжелые шаги, потомъ плескъ зачерпнутой воды. Наконецъ, изъ-за полумрака и тумана, который шелъ съ полей, донеслось нараспѣвъ и вполголоса:

За широкой, за водой
Тамъ стоитъ голубчикъ мой.
И далеко — не достать —
Мнѣ его поцѣловать.
Я листочекъ поцѣлую,
Къ берегу тому пошлю я...
Вотъ, плыветъ къ тебѣ листокъ,
Поцѣлуй лови, дружокъ!

Обойдя свое хозяйство, когда всѣ уже спали и даже собаки на селѣ утихли, Борына раздѣлся, снялъ осторожно сапоги и самъ легъ. Но долго не могъ заснуть. Разныя мысли и заботы ходили у него въ головѣ. То простокваша пучила ему животъ, то воспоминанія о Ягнѣ и о нѣкоторыхъ про нее слухахъ смущали его, такъ что онъ самъ уже не зналъ, что дѣлать. Въ просонкахъ онъ даже, по давней привычкѣ, слегка приподнялся на локтѣ къ другой кровати, какъ будто бы могъ еще спросить совѣта у покойной жены. Но на этой кровати лежала теперь дочь его, маленькая Юзя, и слегка похрапывала. Вдохнувъ тяжко,

Борына перекрестился и забормоталъ: „Ave Maria“ — за покойницу и всѣ души, что въ чистилищѣ пребываютъ.

Дѣло въ судѣ съ Евкой Борына выигралъ, по отсутствію уликъ. Да впрочемъ онъ и былъ правъ, а Евку, должно быть, Борынинъ же зять — кузнецъ подговаривалъ начать дѣло. Но смѣху въ судѣ было немало. Ну, одной заботой меньше.

Сидѣли за обѣдомъ всей семьей. Въ воскресенье выпалъ теплый осенній день и обѣдали на крыльцѣ. Обѣдъ былъ сытный: мясной супъ съ картофелемъ, особо — мясо, капуста съ горохомъ, а въ концѣ миска ячневой каши, поджаренной на салѣ. Ъли степенно и молча, пока были голодны, а ужъ потомъ стали смаковать и поговаривать. Юзя, хотя еще дѣвочка, была хозяйкой и, сидя на концѣ скамейки, часто вскакивала, взглянуть, не стекаетъ ли наваръ, и, вынося изъ горницы горшки, докладывала кушанья, чтобы на блюдѣ не показалось дна.

— Куропатокъ носилъ добродѣю? — спросилъ Борына работникъ Кубу.

— Носилъ, носилъ! — И, положивъ ложку, Куба сталъ рассказывать, какъ у Ксендза въ домѣ хорошо, сколько тамъ однѣхъ книгъ и всякаго добра.

— Когда ему всѣ тѣ книги прочитать? — спросила Юзя.

— А по вечерамъ — ходитъ себѣ по покоямъ, чай попиваетъ, а самъ все съ книгой... Онъ еще и газету держитъ.

— Еще бы! — замѣтилъ старшій сынъ Борыны, Антекъ. — Въ газетѣ пишутъ, что на свѣтѣ дѣлается.

— Кузнецъ съ мельникомъ, тѣ тоже газету получаютъ.

— Ну, таковская она ужъ и есть, кузнецова газета! — отзывался хозяинъ съ пренебреженіемъ.

— Совсѣмъ такая же, какъ и Ксендзова! — рѣзко возразилъ Антекъ.

— А ты, что же, читалъ, значитъ?

— Да и не разъ.

— А все же не поумнѣлъ, хотя и съ кузнецомъ водишься.

— У отца только тотъ уменъ, у кого есть хоть полъ-уво-локи земли ¹⁾ или съ десятокъ коровьихъ хвостовъ.

— А ты заткни глотѣу, пока я добръ. Вотъ, вѣдь только и глядитъ, къ чему бы придратъся! Видно, это хлѣбъ тебя распыраетъ... мой хлѣбъ...

— Коломъ онъ у меня въ горлѣ стоитъ, какъ есть коломъ.

¹⁾ Włoka — 15 десятинъ.

— Таеъ поищи лучшаго. Попробуй на Ганкиныхъ трехъ моргахъ ¹⁾... Будешь булки кушать.

— Картофель жрать буду, но ужъ никто имъ меня не прекнетъ.

— Не попрекаю и я...

— А кто же? Работай какъ волъ, а еще и добраго слова не дождешься.

— На бѣломъ свѣтѣ лучше,—работать не надо, а получишь все.

— Съ голыми руками я не пойду.

— Палочку тебѣ дамъ, чтобы отъ собакъ отмахиваться.

— Отецъ!—вскрикнулъ Антекъ, вскочивъ со скамьи, но охватила его Ганка и усадила назадъ.

Старикъ взглянулъ грозно, перекрестился послѣ обѣда и, уходя въ горницу, произнесъ съ удареніемъ:

— На кормѣжъ къ тебѣ я не выйду.

II.

Пришла осень. Уже не слышно было болѣе пѣсенъ, ни веселыхъ возгласовъ, ни птичьяго щебетанья, ни громкихъ сосѣдскихъ зазывовъ. Только вѣтеръ подвывалъ надъ соломенными кровлями, а то дождь хлесталъ по стекламъ. Да еще днемъ раздавался глухой стукъ цѣповъ на гумнахъ.

Село Липцы замирало, какъ и вся окрѣга его полей, истощенныхъ послѣ жатвы, сѣрыхъ, ободранныхъ и уже стягиваемыхъ по утрамъ заморозками.

Осень пришла, родная мать земли. Люди тѣшились только тѣмъ, что дороги пока еще не размокли насквозь, что, авось, перестанетъ и дождь, хоть бы на день св. Кордуіи, день ярмарки въ сосѣдствѣ,—ярмарки знатной и послѣдней передъ Рождествомъ. Каждому было нужно на ярмарку. Кому прикупить на зиму нѣчто изъ одежды, кому что. Да и подати взимались въ ту пору, требовалось денегъ на гминныя раскладки, на разные платежи между собой, хоть бы и по займамъ, сдѣланнымъ весной, а то и на расчетъ со своими паробками, за службу.

Лишнихъ денегъ ни у кого не было, да и добывать-то ихъ становилось все труднѣе. И вотъ, одни молотили по цѣлымъ днямъ, изо всѣхъ силъ, чтобы поспѣть на ярмарку съ зерномъ,

¹⁾ Полторы десятины.

а другіе выбирали, что бы такое продать изъ инвентаря или приплода.

Борына также снарядилъ возъ съ пшеницей, а Ганка и Юзя подкормили супоросную свинью и кое-что изъ оставшейся густины. Антекъ съ Виткомъ-найденышемъ, чуть выдалась погода, свозили изъ лѣса хворость, а съ полей подготовленную солому, которая шла въ хлѣвъ, на подстилку.

Въ день ярмарки на зарѣ ударилъ сильный дождь, а уже по всѣмъ дорогамъ тянулись люди. Однако дождь скоро пересталъ, только день вышелъ сѣрый. Ганка съ Юзкой погнали свинью съ выкормленнымъ уже поросенкомъ. Антекъ поѣхалъ на возу съ десятью мѣшками пшеницы и съ запасомъ красного клевера. Дома остались Куба съ найденышемъ и старая Ягустинка, для присмотра. Самъ Борына пошелъ пѣшкомъ, рассчитывая присѣсть къ кому-либо на пути. Какъ разъ его догналъ органистъ съ женой.

— Да будетъ препрославленъ...

— Навѣки... Садитесь къ намъ!—сказала органистиха.

— Заплати вамъ Богъ!—Борына сѣлъ на передней скамьѣ, задомъ къ лошадямъ, и завязалась сосѣдская бесѣда. Между прочимъ, коснулись и Ягны, которая ѣхала съ матерью и братомъ, въ повозеѣ съ гусями, вытягивавшими шеи, и съ коровой, привязанной за рога. На недружелюбное замѣчаніе органистихи о Ягнѣ, Борына заступился.

— Когда она вамъ такъ нравится, то посылайте сватовъ,—возразила та. Борына же ничего больше не сказалъ, потому что не стоило. Этакой, вѣтромъ занесенной, городской тряпицѣ, которая, только знай, подглядываетъ хозяйскимъ курамъ подъ хвостъ, не несутъ ли для нея яицъ, или людямъ смотреть на ладонь, не подають ли за свадьбу или похороны,—нечего ей подсмѣиваться надъ родовитыми хозяйскими семьями.

На ярмаркѣ Борына пошелъ по своимъ дѣламъ, нашелъ Ганку съ Юзей, узналъ, что даютъ за свинью, назначилъ крайнюю цѣну—тридцать-пять бумажекъ, купилъ Юзѣ шолоховый платокъ, зашелъ къ деревенскому адвокату и велѣлъ при себѣ написать прошеніе въ судъ за корову, а послѣ, встрѣтивъ Ягну, сталъ провожать ее по лавкамъ. Дѣвушку, конечно, особенно тянуло къ матеріямъ, лентамъ и платкамъ. Одну ленту она уже было выбрала, но, сдѣлавъ усиліе, отошла, даже не спросивъ о цѣнѣ, зная, что она обойдется не меньше рубля, а то и десять злотыхъ. Въ другой лавкѣ Ягна не вытерпѣла и стала примѣрять

платокъ „мѣнявагося цвѣта, какъ бы на водѣ подѣ заходящимъ солнцемъ“. А еврейка держала передъ ней зеркальце.

Словно зарю намотала она платкомъ на мягкихъ и свѣтлыхъ, какъ ленъ, волосахъ. А синіе ея глаза такъ разгорѣлись радостью, что отъ нихъ отбивался какъ бы фіалковый отблескъ на покраснѣвшемъ ея лицѣ. И улыбалась она сама себѣ,—одно слово, такъ была хороша, что прохожій прошепталъ: —Барышня переодѣтая, что-ли?

Платокъ стоилъ пять рублей, такъ что дѣвушка со вздохомъ отошла, да и самъ Борына ея не задерживалъ. Она хотѣла отыскивать свою мать, но Борына просилъ ее сѣсть и поддержать купленный имъ платокъ и еще что-то, завернутое въ бумагу, пока онъ провѣдаетъ Антеа.—И онъ здѣсь?—спросила Ягна, причеми глаза ея заблестали опять.—Онъ остался при возѣ, тамъ, за угломъ. И видя, что дѣвушка водила глазами по платку, Борына прибавилъ:

— Возьми это себѣ, Ягуся.

— Дарите? Въ самомъ дѣлѣ? Иисусе, прелесть какая!—воскликнула она, вынувъ изъ бумаги понравившуюся ей равъше ленту.—Да вы это смѣтаете надо мной,—за что же бы вамъ мнѣ дарить?.. Чисто вѣдь шолковые, какихъ денегъ стоятъ.

— Бери, Ягусь, это я для тебя купилъ. А вотъ, какъ придутъ къ тебѣ отъ какого хлопца съ водкой, такъ ты не отпивай... Чего тебѣ спѣшить!—И Борына пошелъ къ Антеу.

Потомъ онъ зашелъ въ корчму, гдѣ засталъ зятя-кузнеца, и тотъ началъ приставать, когда же ему наконецъ будетъ выплата за женой, Борыниной дочерью.

— Сказано тебѣ, въ могилу съ собой не унесу, а равъше не выпущу ни одного морга.

— Они третьей жены для себя высматриваютъ,—замѣтилъ подвыпившій сосѣдъ,—а не то, что, напримѣръ, для дѣтей, того сего.

— Должно быть, что такъ,—сказалъ кузнецъ.

— А захочу, то и женюсь. Запретишь ты мнѣ, что-ли?

— Запретить—не запрещу, а все же...

— Моя воля. Вотъ, захочу, такъ хоть завтра пошлю съ водкой.

— Ну, и посылайте!—смирился хитрый кузнецъ, видя, что ничего не подѣлаетъ.—А мнѣ хотъ дайте того теленка, что у васъ остался по павшей коровѣ. У васъ свой разумъ есть, сами вѣдаете, что для васъ лучше.—Не разъ я и женѣ своей говорилъ, что вамъ нужна хозяйка для порядка.

— Въ самомъ дѣлѣ, Михалъ, говорилъ ты ей?

— Да пусть я исповѣди святой не дождусь, если неправда.

— Ну, вратъ-то ты, шельмецъ, гораздъ, ажъ паръ отъ тебя идетъ. Но такъ и быть, добромъ просишь, приходи завтра за телянкомъ. А судиться со мной захочешь — сучокъ ломанный возьмешь или еще похуже того...

Продавъ на ярмаркѣ все пригнанное и привезенное, и купивъ, что нужно, Борыновы дѣти сошлись съ нимъ въ корчмѣ. А старикъ, хотя скупъ былъ и надъ грошомъ дрожалъ, но такъ ихъ сегодня угостилъ и ѣдой, и питьемъ, да и добрымъ словомъ, что даже было удивительно. И ѣхали они домой ужъ къ ночи, ѣхали шибко, потому что принималъ уже холодъ, да и подгулявшій Антекъ подстегивалъ коней, такъ что только комья и брызги летѣли въ стороны отъ разбухшей дороги.

Дожди шли постоянно, и передъ домами мокли бочки, назначенныя для капусты. Скоро все село занялось подсѣканьемъ и свозкой ея. Работала и Ягна съ братомъ, и промокла насквозь.

— Скорѣй, Шимекъ, торопись, вѣдь ночь! — Она и сама взваливала себѣ на спину огромныя торбы съ капустой и высыпала ихъ въ корзинки, выстланныя соломой.

— Остальное свеземъ завтра! — скомандовала она, и наполненная ихъ телѣга двинулась къ дому, мимо Ганки и Юзи Борыновыхъ, занятыхъ тѣмъ же.

Юзя пропищала Ягнѣ изъ тумана: — Слыхали, Ягна? Завтра Юзефовъ Валежъ посылаетъ сватовъ къ Марысѣ.

— Рано. Давно ли она коровъ пасла.

— Къ ней спѣшать, за ней морговъ сколько...

— Поспѣшать и къ тебѣ, Юзя.

— Да, если раньше тата не женится на третьей, — отозвалась откуда-то Ягустинка.

— Чтѣ вы, чтѣ вы! — сказала Ганка: — только что по веснѣ мать похоронили.

— А хлопъ чтѣ? Каждый хлопъ — тотъ же боровъ; какъ бы вахравшись ни былъ, а къ новому корыту рыло таки воротить... Вотъ, хоть бы Сикора. Въ три недѣли по смерти первой, женился на другой.

— Такъ вѣдь тамъ было пятеро малыхъ ребятъ.

— Это вы такъ говорите... А не вѣрится, что онъ для дѣтей женился. Женился, просто потому, что скучно было одному подъ одѣяломъ... Хлопы — это тоже собачій народъ.

— А мы такъ отцу бы не позволили! — энергично заявила дѣвочка Юзя.

— Глупа ты еще... Отцова земля, отцова и воля.

— Однако и дѣти что-нибудь значать,—серьезно отозвалась Ганка:—у нихъ есть и свои права.

— Ну, ладно... Съ чужого-то воза слѣзай и средь мороза. Ягна не вмѣшивалась въ этотъ разговоръ. Только усмѣхнулась про себя, вспомнивъ о ярмаркѣ.

Шимекъ возжами тронулъ лошадь впередъ.

— Мы также сейчасъ. Ягна! А придешь къ намъ обирать капусту?

— Хорошо, Юзя. Скажешь, когда будете.

— А въ воскресенье хлопцы устриваютъ музыку у Клэмбовъ,—слышали?

— Знаю, Юзя.

Ганка, сказавши Ягнѣ на дорогу: „съ Богомъ“, прибавила:

— Антека съ телѣгой встрѣтите, такъ скажите, чтобы шелъ скорѣй. — Ягна пустилась бѣгомъ за своимъ возомъ, который зарывался въ мокрую землю по оси и колыбался на стороны, такъ что Шимеку и Ягнѣ приходилось мѣстами подпирать его.

Но совсѣмъ уже трудно было вѣхаться на гать, тѣмъ болѣе, что сильно стемнѣло. Братъ съ сестрой подталкивали, но съ передышкой, разъ даже едва только сдержали возъ, чтобы онъ не скатился назадъ.

— Вотъ, говорилъ я, не валите столько на одну лошадь!—послышалось спереди.

— Это вы, Антоній?

— Да, я.

— Торопитесь, васъ Ганка ждетъ. Только сперва намъ помогите, очень тяжело.

— Дайте сойти, ишь темень какая.—Но когда Антекъ подперъ возъ, то лошадь прошла безъ остановки на самый верхъ гати.

— Заплати вамъ Богъ. Но и сильны же вы, Боже мой! — Ягна протянула ему руку. И оба замолкли. Возъ ѣхалъ далѣе, а они шли подлѣ, не зная, что сказать и точно въ смущеніи. Молчаніе прервала она:—Опять назадъ пойдете?

— Я провожу тебя, Ягусъ, до мельницы,—тамъ на дорогѣ вода размыла яму... Будешь въ воскресенье на музыкѣ у Клэмбовъ?

— Развѣ мнѣ мать позволять...

— Приди, Ягусъ, приди!—просилъ онъ тихимъ голосомъ.

— А вы хотите этого? — также сказала она и заглянула ему въ глаза.

— О, Боже, вѣдь для тебя я и уговорилъ Клэмба, чтобы

вечеринку устроить у него, нанялъ скрипача изъ Воли, все для того же?—шепталь Антекъ.

Онъ такъ приблизился лицомъ къ ея лицу, что она встрепенулась и немножко отодвинулась отъ него.

— Идите ужъ себѣ... васъ ждутъ... да еще увидать насъ...

— А придешь?

— Приду... Приду,—повторила она, оглядываясь, но онъ уже исчезъ. По ней минутку прошла какъ бы дрожь, а севозъ сердце и мозгъ будто бы обожгло огнемъ. Бессознательно она развела руками, точно обхватить ими что хотѣла, и такъ что-то ее мutilo, что она безъ нужды стала сильно подталкивать возъ. А сама все еще видѣла его горѣвшіе глаза и лицо.

„Драконъ, будто, какой, да не хлопъ... Другого такого, какъ-жеся, и на всемъ свѣтѣ нѣтъ“,—такъ думалось Ягусѣ.

Когда они дотащились наконецъ до дому, а Ягна переодѣлась и стала налаживать къ ужину, неожиданно вошелъ Ямбровій, старый повстанецъ, лишившійся ноги, а теперь сторожъ при костелѣ. И выпить онъ, при случаѣ, былъ не глупъ.

Онъ воздавалъ хвалу Богу и повелъ разговоръ издали.

— Точно мнѣ одному у себя сдѣлалось, вотъ и вышелъ дѣвицъ провѣдывать, да съ тебя, Ягуса, и началъ.

— Вашу-то дѣвицу Костюхой зовутъ.

— Нѣтъ, та тоже молодыхъ больше любить, а про меня забыла.

— Присядьте къ мисѣ, покушайте, что есть,—пригласила мать Ягны, Доминикова вдова. Сыновья ея—Ендржей и Шимеъ—также сѣли за столъ. Рослые были ребята, подъ потолокъ хаты, но у старухи въ строгомъ состояніи повиновенія. Бывало, снмейку она подставитъ да за волосы и хватитъ, а то по рожѣ. Она ихъ и къ женскимъ работамъ приневоливала, которыя дѣвки дѣлаютъ. Все—чтобы свою Ягусю поберечь.

Послѣ ѣды Ямбровій закурилъ трубку, но дымъ пускалъ въ трубу, а самъ поглядывалъ на женщинъ.

— Сваты-то у васъ уже бывали?

— Не одинъ разъ.

— Прислалъ бы и еще кто-то, только что маленько они опасаются,—проговорилъ онъ въ полголоса.—Хозяинъ, какъ есть, на всю деревню и вдовецъ.

— Чужихъ дѣтей качать я не стану,—отвѣтила Ягна.

— Возрастныя, не бойся, Ягуса, возрастныя.

— На что ей старика?.. По ея лѣтамъ можетъ подождать и молодого, который понравится.

— Они могли бы и земли кусокъ отписать.

— А у Ягны и своей довольно, — возразила Доминикова вдова уже не совсѣмъ рѣшительно.

— Они, полагать надо, побольше бы ей отписали, чѣмъ бы получили за ней.

— Такъ вы говорите, таково ваше слово...

— Вѣстимо, не самъ я выдумалъ, не отъ себя и пришелъ.

Помолчали. Старуха лѣвой рукой вытягивала изъ кудели волокна льна, а правой пускала веретено, которое вертѣлось по полу и жужжало, какъ волчокъ.

— Ну, такъ какъ же? Присылать ему?

— Да о комъ говорите-то?

— Будто не знаете: о комъ же, какъ не о немъ?.. — Ямбровій указалъ на свѣтъ въ окнахъ Борыны, видный за прудомъ.

— У него дѣти взрослые, не скажутъ ей добраго слова, и опять же права у нихъ на свои части

— Такъ вѣдь онъ изъ своего бы отписать... А хозяйинъ какой... И въ себѣ крѣпокъ... мѣшокъ ржи на спинѣ тащить, вѣрно! Самъ я видѣлъ.

— Ты что же скажешь, Ягуса? — обратилась къ ней мать.

— А мнѣ все одно; прикажете, такъ и пойду... вашего ума это дѣло, не моего, — тихо проговорила она, приглядываясь къ огню. Ей и были всѣ равны, а только жутко подумалось о женатомъ Антѣ.

— Такъ какъ же?

— Что-жъ, пускай, вѣдь и сговоръ еще не свадьба, — отвѣчала Доминикова вдова. Ямбровій всталъ и тотчасъ пошелъ къ Борынѣ.

Ягна сидѣла молча. А мать стала ей объяснять, что хочетъ только ей добра. Старъ-то Борына, старъ, зато уважать ее будетъ больше. А мать ужъ постарается, чтобы онъ на нее записалъ морговъ съ шесть.

— Да и пора тебѣ идти за хлопа, чтобы перестали на языкахъ-то тебя обносить по деревнѣ.

Но Ягна едва ли и слышала родительскія слова. Ей что... Развѣ худо было и при матери? Чего ей было думать о моргахъ и записяхъ, да хотя бы и о мужѣ? Мало ли хлопцевъ за ней ухаживаютъ? Только махнуть, такъ всѣ прибѣгутъ... А если мать велитъ, то хотя и за Борыну; пожалуй и лучше другого... Вѣжливый, ленту ей и платокъ подарилъ... Но, конечно, подарилъ бы и Антекъ, и всякій другой, лишь бы деньги у него были.

Увидшія, почернѣвшія георгины, нагнутыя вѣтромъ, заглянули въ окно и привлекли ея вниманіе. Но продолжала она

смотрѣть не на нихъ и ни на что... Забыла обо всемъ, даже о себѣ самой, впала въ такое же безчувствіе, какъ сама земля родная въ темныя осеннія ночи. По правдѣ, и душа Ягуси была какъ эта земля: лежала въ глубинахъ никому невѣдомыхъ—велика и безсознательна, могуча и безъ воли, мертвенна, но безсмертна. И ее, какъ ту землю, охватывалъ любой порывъ вѣтра, кружилъ и несъ, куда хотѣлъ... И какъ землю весной будитъ теплое солнце, оплодотворяетъ жизнью, потрясаетъ желаніемъ, любовью—и она рождаетъ, потому что должна, живетъ, творитъ и губитъ—по велѣнію судьбы... Такъ и съ Ягвиной душой—она была какъ та земля святая, какъ та земля.

III.

На другой день дочери и сыновья болѣе достаточныхъ хозяевъ сошлись у Борыны, чтобы обирать капусту. Было и нѣсколько старшихъ женщинъ, въ томъ числѣ Ягустинка. Былъ странникъ Рохъ, учившій дѣтей и всѣмъ уважаемый, добровольный посредникъ и ходатай по крестьянскимъ дѣламъ. Былъ Петрекъ, Рафаловъ сынъ, со скрипкой, и игралъ онъ разныя разности. Такъ пальцами перебиралъ и смычкомъ проводилъ по струнамъ, что пѣсня какъ бы сама выходила. Игралъ онъ напѣвы набожныя, видимо для странника, а потомъ и простыя пѣсни, которыя распѣваются дѣвушками въ полѣ, хоть бы о Ясѣ, напримѣръ, какъ онъ на войну шелъ, пѣсни жалостливыя: отъ нихъ многихъ разбирало, а у Ягуси даже потекли слезы.

Но, вотъ, скрипачъ перешелъ на танцы, жарилъ отъ уха до уха залихватскія мазурки и обертасы такіе задорныя, что дѣвушки едва не срывались съ мѣстъ, съ дрожью въ колѣняхъ, и помахиwали рукой, хлопцы же притоптывали ногой въ ладъ съ музыкой, весело подпѣвая.

Вдругъ въ сѣняхъ жалобно завизжала собака, а потомъ завывала протяжно, такъ что все вокругъ замолчало. Рохъ бросился къ дверямъ, и скоро собака стала утихать. Оказалось, что кто-то, выходя, защемилъ ей хвостъ дверью. Рохъ поучалъ, что и пса обижать не слѣдуетъ, и рассказалъ по этому случаю былинну, какъ въ то время, когда Господь Іисусъ еще ходилъ по землѣ и самъ правилъ своимъ народомъ, у него также была собака, и онъ не позволялъ мучить ее; и будто съ тѣхъ-то поръ собака и приласкалась къ людямъ, стала съ ними жить.

Уже подъ самый конецъ вечеринки къ Борынѣ вошли гминный

войтъ и сельскій солтысъ, которые обходили хаты, наказывая, чтобы завтра люди выходили на повинность—поправлять за мельницей дорогу, размытую дождями. Войдя въ горницу, войтъ развелъ руками и сказалъ:

— Ага, старый хрычъ, небось, что ни-на-есть первѣйшихъ дѣвокъ къ себѣ собралъ.

И сказалъ онъ вѣрно: все были дочери хозяйскія, родовыя—и приданницы. Да и какъ же бы иначе? Борына слылъ первымъ хозяиномъ на все село, такъ не созывать же ему было дѣвокъ служебныхъ, нахлѣбницъ или хотя бы такихъ, что вдесятеро съ братьями за одинъ коровій хвостъ держались.

Стали расходиться, благодаря за угощеніе, и Борына благодарилъ каждого особо, а старшимъ женщинамъ отворялъ двери и провожалъ за двери. Такую минуту улучилъ Антекъ, накинулъ свитку и вышелъ потихоньку въ другую дверь. А Ягна возвращалась домой одна, онъ въ темнотѣ и высунулся изъ-за какого-то забора.

— Ягуса!—шепнулъ онъ.—Провожу тебя.—Онъ обернулся; темно было и звѣздъ не видно, вѣтеръ шумѣлъ деревьями. Онъ крѣпко ее обнялъ, и такъ, прижавшись другъ къ другу, они исчезли въ потемкахъ.

Между тѣмъ, въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, тѣ же войтъ и солтысъ, взявъ съ собой араку, пошли къ Доминиковой вдовѣ сватами отъ Борыны. А Борына остался поджидать ихъ въ корчмѣ.

Воздавъ хвалу Богу, сваты повели разговоръ, какъ водится, вкругъ да около, и будто зашли себѣ случайно. Потомъ перешли къ дѣлу. Сперва Доминикова вдова, по обычаю, отговаривалась, что Ягнѣ только девятнадцатый годъ пошелъ, могла бы она еще посидѣть у матери, и затѣмъ спросила, отъ кого они пришли, потому что о женихѣ не принято догадываться. А узнавъ, отъ кого, она стала его хулить, что старъ и вдовецъ, и что если онъ отойдетъ на тотъ свѣтъ, то дѣти мачиху выгонять. Но сваты подтвердили о записи, и, на усиленную просьбу войта, Ягна, наконецъ, отпила изъ рюмки, отвернувшись къ стѣнѣ, а остальное пролила на полъ. Тогда подана была закуска, и сваты стали приглашать всю семью въ корчму, гдѣ ихъ ожидалъ Борына.

Борына бросился обнимать и цѣловать ихъ, понявъ, что Ягна уже какъ бы его. Ей онъ сейчасъ отвѣсилъ поклонъ, а всѣхъ, кто былъ въ корчмѣ, сталъ угощать водкой, аракомъ и еще особой „эссенціей“, которую рекомендовалъ еврей-корчмарь. Не откладывая дѣла, Доминикова вдова уговорила Борыну

записать на Ягну шесть морговъ, потому что и за ней онъ возметь пять морговъ земли, да еще моргъ лѣса.

По нѣкоторомъ времени, всѣ они уже изрядно подвыпили. А Борына ходилъ какъ въ чаду, пилъ, угощалъ, упрасивалъ, говорилъ столько, какъ никогда, и часто подходилъ къ Ягусѣ со сладкими словами. Онъ гладилъ ее по щекамъ, потому что просто охватить ее за шею и цѣловать при всѣхъ было неприлично. Доминикова вдова съ Ягною вышли, и въ корчмѣ оставались уже одни мужчины, когда вошелъ туда мельникъ.

— Гуляете, ховяева! Ага, вотъ и войтъ, и солтысь, и Борына. Свадьба, что-ли?

— Вродѣ того. Выпейте съ нами, пане мельникъ!—пригласилъ Борына. И они выпили всѣ еще одну очередь.

— Когда такъ, то скажу вамъ новость, отъ которой хмель съ васъ сразу соскочить... Не далѣе, какъ часъ назадъ, нашъ дѣдичъ (помѣщикъ) продалъ вырубку на Волчьихъ-Ямахъ.

— Охъ, мошенникъ, песь плюгавый! Нашъ вырубъ продалъ!—крикнулъ Борына и въ ярости хватилъ бутылкой о полъ.

— Продалъ... продалъ...—бормоталъ пьяный Шимонъ.—Есть законъ и на дѣдича, и на всякаго, все же есть законъ.

— Да это неправда! Когда я, войтъ, увѣрю васъ, что неправда, вы ужъ мнѣ вѣрите.—Но Борына сталъ бить кулакомъ по столу.

— Продать, онъ продалъ! А только-что мы—вотъ какъ Богъ на небѣ—взять не дадимъ!—Мельникъ вышелъ, а они еще до поздней ночи держали совѣтъ и выкрикивали угрозы „дѣдичу“.

Вѣсть о сговорѣ стараго Борыны съ Ягною облетѣла село въ одинъ мигъ. Одинъ изъ сватовъ, войтъ, на другой день сказалъ своей женѣ, запретивъ впрочемъ ей рассказывать о томъ другимъ. Но она, разумѣется, тотчасъ забѣжала къ сосѣдкѣ за какой-то надобностью и сообщила. А тамъ ужъ, на бабьихъ языкахъ, извѣстіе пронеслось стрѣлой. Затѣмъ, въ воскресенье, состоялось и первое оглашеніе въ костелѣ. А наканунѣ Борына съ невѣстой и ея матерью ѣздили въ городъ, гдѣ у нотаріуса составленъ былъ актъ, которымъ на Ягну были отписаны шесть морговъ земли.

Дѣти Борыны были пришиблены этимъ происшествіемъ, кромѣ кузнеца, который недаромъ выпросилъ у Борыны теленка. Но сильнѣе всѣхъ былъ пораженъ Антекъ. Жаловался и онъ, вмѣстѣ съ другими, на отписъ земли.—Мы, вотъ, съ женой, служимъ у него, почитай, что за работниковъ, а онъ землю дарить чужой, кому попало.—Но еще хуже для него было нѣчто другое:—

Какъ же это, потерять ему Ягну! И кто ее беретъ — родной отецъ! Послѣ всего, что было... Вѣдь это и грѣхъ смертный.

Мысль объ этомъ легла ему на душу тяжкимъ бременемъ. Ни о чемъ другомъ онъ и думать не могъ, не могъ и работать. Руки у него повисли по бокамъ, и ходилъ онъ какъ полоумный, тяжелыми шагами, усталый, не находя покоя, — ходилъ, самъ забывая, куда и зачѣмъ, не уклоняясь передъ мокрыми вѣтвями деревь, которыя били ему по лицу. — Отцова она, Ягна, отцова! — повторялъ онъ себѣ втихомолку, точно молитву какую заучивалъ на память.

Сходилъ къ всендзу, спросить совѣта. Но попалъ не въ время. У всендза, какъ разъ, заблудилась куда-то старая, слѣпая кобыла, и онъ тужилъ о ней, разославъ всѣхъ искать ее, да и Антеа просилъ о томъ же. А впрочемъ, напомнилъ ему, что злиться на отца, или еще, не дай Богъ, возставать противъ него — грѣхъ великій, что у него самого, у Антеа — жена и дѣти, и онъ долженъ думать о нихъ, долженъ на нихъ работать.

— Отцова она уже, отцова! — повторялъ себѣ Антоній. — А тоже и этотъ всендзъ!... Нашелъ что сказать; работать его учить... Самъ-то ничего не дѣлаетъ, ни горя, ни хлопотъ никакихъ у него не бываетъ, такъ легко ему другихъ погонять. О женѣ ему и дѣтяхъ напомнилъ... Не забылъ ее и самъ онъ, Антекъ; довольно ее видеть; омерзѣло ему ужъ ея хныканье, и смиреніе это постылое, и ея нищенскіе, словно собачьи глаза... Не забылъ онъ ее, какъ же! Вотъ еслибы не она.. Еслибы онъ былъ воленъ!

Ходилъ онъ и къ кузнецу спрашивать, какъ тотъ думаетъ поступить. Но и кузнецъ совѣтовалъ ему не идти противъ отца, такъ какъ насильно ничего съ нимъ не сдѣлаешь, а лучше всѣмъ дѣтямъ собраться вмѣстѣ и напрямки переговорить съ отцомъ. Кузнецъ совѣтовалъ Антеку, чтобы ни въ какомъ случаѣ не противиться женитьбѣ отца, такъ какъ это дѣло уже проигранное, а говорить имъ всѣмъ только о землѣ. Что онъ на Ягну записалъ, то, пока живъ, онъ всегда и обратно къ себѣ отписать воленъ. А не захочетъ, такъ пусть всю остальную землю отпишетъ теперь же на Антеа и на сестру его, кузнецову жену. Юзъ и младшему брату Антеа, Гржелю, солдату, они сами выплатятъ слѣдующія части. Кузнецъ напиралъ на то, что самой этой слабостью отца къ Ягнѣ и слѣдуетъ воспользоваться, чтобы Антеку съ сестрой, женой кузнецовой, добыть формальное общеніе, при свидѣтеляхъ, о передачѣ имъ остальной земли. А тамъ, если послѣ отецъ и упрется, такъ вѣдь судъ есть, было бы и что уцѣпиться.

Все это Антекъ слушалъ недовѣрчиво.

Но когда кузнецъ прибавилъ, что Ягной пусть ужъ старикъ натѣшится, а такъ какъ съ Анткомъ Ягна дружить, то она и сама можетъ имъ помочь въ томъ, чтобы прибрать остальную землю, — это Антеа окончательно взорвало. Онъ обругалъ зятя Іудой и воровъ, схватилъ косу и бросился на него, такъ что кузнецъ удраля.

„Будь что будетъ! — рѣшилъ Антоній, самъ съ собой: — а слѣдуетъ мнѣ имѣть разговоръ съ отцомъ на прямоту... Вотъ Іуда нашелся, цыганъ, этакая бестія, совѣтчикъ! А что пере-говорить съ отцомъ должно, это онъ сказалъ вѣрно“.

На другой день, рано утромъ, когда Борына осмотрѣлъ лошадей, коровъ, даже свиной хлѣвъ и, ругнувъ по-хозяйски работниковъ Кубу и Витеа, вошелъ назадъ въ горницу, онъ засталъ тамъ и кузнецову жену, и прочихъ своихъ дѣтей, только самого кузнеца не было.

— Ладно! — замѣтилъ Борына, снимая кожухъ. — Всѣ какъ есть, словно на судъ собрались!

— Не на судъ, а съ просьбой къ вамъ, отецъ, — робко начала кузнециха. — Вотъ о чемъ... Скажи ты, Антекъ... Мы вѣдь только насчетъ той записи...

— Запись уже сдѣлана, а въ воскресенье — свадьба, вотъ что я вамъ скажу, — твердо отвѣчалъ Борына.

— Отписали вы цѣлыхъ шесть морговъ...

— Отписалъ; а захочу, сейчасъ отпишу ей же и всю остальную землю.

— Отпишете, когда вся она будетъ ваша! — возразилъ Антекъ.

— А теперь-то чья же она? Чья, говори!

— Дѣтская она, наша.

— Ну и баранъ же ты, какъ есть баранъ! Вся земля моя по закону, а ты мнѣ, что-ли, запретишь?

— И я, и всѣ мы... да и судъ вамъ не дастъ! — прикрикнулъ Антекъ, который уже терялъ силу надъ собой.

— Ты мнѣ судомъ грозить, что? Судомъ! Прикуси языкъ, не то пожалѣешь! — закричалъ Борына, бросаясь къ сыну съ сжатымъ кулакомъ.

Тутъ Анткова жена, Ганка, поднялась на ноги и развела ихъ рѣзкимъ голосомъ: — А обижать мы себя не дадимъ!

— Ты чего? Три морга песку за собой принесла, да старую тряпку, а тоже языкъ распустила... Коли обижаю васъ, — пошли всѣ прочь — искать, гдѣ лучше!

— Никуда мы искать не пойдемъ, — громко произнесъ Ан-

тебѣ. — Искать намъ нечего, здѣсь — наше. Наше по дѣдамъ и прадѣдамъ!

Старикъ не отвѣтилъ ничего, только словно обжёгъ сына взглядомъ. Присѣлъ къ печи и, взявъ короткую кочергу, онъ такъ заворочалъ головнями, что разлетѣлись искры... Сдерживалъ, значить, себя.

Наступило молчаніе. Только Ганка слегка всхлипывала, покачивая заплакавшаго ребенка. — Женитесь, коли ваша воля, мы этому не противимся.

— А противьтесь себѣ, — очень мнѣ это важно!

— Только запись-то отберите назадъ, — проговорила Ганка севозъ слезы.

Борына метнулъ кочергой въ печь такъ, что головни выпали. — Молчать, дурища!

— Ну, что записали, такъ записали, — вставила кузнецова жена, — а зато остальное ужъ запишите на насъ... Мы хотимъ только справедливости.

— Вотъ какъ возьму я палку, такъ и дамъ вамъ справедливость.

— Попробуйте, — возразилъ Антекъ, — тогда и свадьбы своей не дождетесь.

И поднялся въ горницѣ общій крикъ, причемъ Антекъ подходилъ къ отцу и хваталъ его то за руку, то за одежду; но Борына избѣгалъ драки, чтобы не послужить потѣхой сосѣдямъ. Женщины ревѣли, дѣти малыя также, а Ганка громко завопила рѣзкимъ, плаксивымъ голосомъ:

— По-міру намъ идти, по-міру... И за что? Мы ли не работали на васъ дни и ночи, какъ паробки, — накажи васъ Богъ... Цѣлыхъ шесть морговъ... А бусы-то, а одежда по матери, — кому пойдетъ все это? Свиць этакой... А, чтобы она издохла подъ заборомъ, сволочь, потаскуха подлая...

— Какъ ты сказала?! — Борына подскочилъ къ Ганкѣ: — Молчать, а не то... — Онъ сталъ трясти ее.

Но Антекъ загородилъ ее собой и началъ самъ кричать:

— И я подтверждаю, что потаскуха она, сволочь! А спать съ ней кто только хотѣлъ... И я самъ! — прибавилъ онъ, почти потерявъ сознание. И еще хотѣлъ продолжать. Но отецъ, выведенный наконецъ изъ себя, такъ его хватилъ съ размаха по лицу, что онъ ударился головой въ шкафчикъ съ полустеклянной дверцой и вмѣстѣ со шкапомъ повалился на полъ. Онъ всталъ въ крови и бросился на отца. Они схватились, какъ дикіе звѣри, и кружились по горницѣ, толкали другъ друга изо всей силы, били

другъ друга о кровать, объ стѣны, объ сундуки, только головы ихъ стучали. Крикъ еще усилился, женщины бросились ихъ разнимать. Но отецъ съ сыномъ повалились на полъ и тутъ вертѣлись, давили, душили другъ друга.

Наконецъ сбѣжались сосѣди и оторвали, отгородили ихъ одного отъ другого. Антека перенесли въ комнату по той сторонѣ двора и обливали водой, такъ какъ онъ ослабъ отъ усталости и потери крови. На лицѣ его были порѣзы отъ стекла. А у стараго Борыны только потрепана была куртка и на лицѣ видѣлись ссадины. Онъ тотчасъ всѣхъ выславъ изъ горницы, а на слѣдующее утро рано зашелъ на другую половину дома, гдѣ помѣщались Антекъ съ женой:

— Убираться вонъ, въ одинъ мигъ, изъ хаты! — крикнулъ онъ. — Чтобъ духа отъ васъ не осталось. Хочешь суда, жалуйся! Что ты посѣялъ, то лѣтомъ сожнешь, а теперь — вонъ отсюда! Слышишь! — прибавилъ Борына, такъ какъ Антекъ, съ обязаннымъ тряпкой лицомъ, поднялся съ кровати, но ничего не отвѣтилъ. — Чтобы до полудня васъ тутъ уже не было! — закричалъ Борына, выходя въ сѣни. Антекъ и на это не отозвался ни однимъ словомъ.

Онъ занялъ лошадь у Клэмба, — отцовской онъ запрягать не хотѣлъ, — положилъ на повозку свои вещи и повелъ воезъ, подпирая его, чтобы не упало что-нибудь. Ганка, плача, шла за воезомъ, держа на рукахъ грудного ребенка, а старшій шелъ за ней, держась рукой за купавейку матери. Ганка гнала передъ собой двухъ своихъ коровъ, двухъ поросятъ, нѣсколько гусей и по временамъ такъ ревѣла и вмѣстѣ проклинала, что по сторонамъ собирались люди и даже шли за ними, точно на процессію.

Вдругъ со двора выскочила собака и также погналась за ними, подобравъ хвостъ.

— И Лапа ушелъ съ ними, — сказала отцу плакавшая Юзя.

— Прибѣжить назадъ, не бойся, когда тамъ проголодается. Полно ревѣть, дура. Пойди, приברי, замети на той половинѣ, — тамъ Рохъ будетъ съ нами жить. Позови Ягустинку, она тебѣ поможетъ... И хозяйствомъ займись, ты хозяйка теперь... Ну, ладно, не реви же. — Отецъ положилъ ей на голову свои руки и сталъ ее гладить, прижималъ ее къ себѣ и голубилъ. — Вотъ, поѣду въ городъ, башмаки тебѣ куплю.

— Купите, татуса, въ самомъ дѣлѣ купите?

— Куплю, куплю и еще что-нибудь, только будь доброй дочкой и по хозяйству старайся, какъ слѣдуетъ... Теперь все на тебѣ...

Юзя вытерла глаза и повеселѣла.

— Такъ вы мнѣ уже и на кафтаникъ купите, на такой, знаете, какъ у Настуси Голэмбянки.

— Хорошо, дочка, куплю...

— И лентъ... Только этакихъ, знаете, длинныхъ, а то у меня ничего не будетъ на вашу свадьбу.

— Все, что тебѣ требуется, ты скажи, и получишь все.

IV.

Пришла зима. Спустилась на землю такая тишина, что ни одинъ листокъ не дрожалъ, ни одинъ звукъ не пробивался сквозь сыпавшійся съ неба пухъ. Будто подъ нимъ все замолчало, заглохло, онѣмѣло, точно передъ какимъ невиданнымъ чудомъ, и молча созерцало тихій полетъ снѣга, эту мертвую близну, что безконечно опускалась книзу и падала, падала...

Такъ шелъ снѣгъ кряду два дня и двѣ ночи и сразу завалилъ стѣвны хатъ, даже загородки совсѣмъ покрылъ. Въ хатѣ Ганкина отца, куда переселился Антекъ съ своей семьей, было сыро и холодно. Отецъ обѣднѣлъ и остался безъ вліянія въ домѣ. Убогое хозяйство взяли въ руки Вероника и мужъ ея Стахъ. И Анткова семья тотчасъ начала испытывать нужду. Вотъ, прошло уже три недѣли, какъ отецъ ихъ выгналъ изъ своего дома, а уже приходилось продавать одну изъ коровъ. Антекъ не брался за работу, а все сидѣлъ, курилъ и молча глядѣлъ куда-то. Давно уже отпраздновали Борынину свадьбу, отпраздновали на славу, съ плясками, пѣніемъ, угощеніемъ всѣхъ знатнѣйшихъ въ селѣ, съ торжественными „переносинами“ движимаго имущества молодой къ мужу и проводомъ ея самой.

А Антекъ даже не искалъ работы. Горько плакала Ганка, когда евреи уводили ея корову за сорокъ рублей, но нечего было дѣлать: нужда докучала, было холодно, дѣтей надо было пожалѣть. Работу Антку предлагали, но онъ былъ гордъ; не хотѣлъ работать у органиста, который самъ у людей побирается, а почитаетъ себя выше хозяевъ и сына готовить въ всендзы. Но не хотѣлъ также работать и у кого-либо изъ хозяевъ-односельцевъ, потому что видѣлъ кругомъ общее осужденіе своей ссоры съ отцомъ.

Напрашиваться къ сосѣдямъ онъ не будетъ, но и избѣгать ихъ не станетъ, и дороги имъ нигдѣ не уступитъ. За что? Что онъ подрался съ отцомъ? Велика важность, развѣ этого не бы-

васть? Нѣтъ, одному только ему вышла такая судьба! На кого Господь, на того и всѣ святые. Стариково это дѣло, стариково, но и отплатить же онъ ему!

Разъ собрался-было Антекъ идти въ міръ, искать работы, но, какъ нарочно, на дорогѣ встрѣтилъ отца, ѣхавшаго съ Ягной въ санихъ. Она и Антекъ на мгновеніе впились другъ въ друга глазами, и сани проѣхали. Образъ ея подошелъ Антву подь самое сердце. Онъ своротилъ къ корчмѣ и потребовалъ водки, усѣлся въ темномъ углу, и видѣлъ передъ собою только темно-голубые глаза, какъ васильки во льну. А смотрѣли они испуганно и жалобно, удивленно, но и радостно, горѣли живымъ огнемъ и насквозь проникали его душу. Долго и много пилъ Антоній, а все ихъ видѣлъ передъ собой, тѣ глаза... Не заплативъ денегъ и оттолкнувъ еврея, онъ вернулся въ избу.

Наконецъ, Ганка выпросила ему работу на лѣсопилнѣ у мельника, по три злотыхъ на день. Выпросила, но мужу сказала, что мельникъ самъ предложилъ. Антекъ, когда хотѣлъ, то работалъ дюже, силачъ былъ и во всему способный. Скоро мельникъ поставилъ его десятникомъ, а Антекъ выторговалъ за это четыре злотыхъ въ день и обѣдъ на работѣ.

Но и Ягнѣ—хотя она жила въ изобиліи, а старикъ, какъ говорится, свѣта изъ-за нея не видѣлъ и, оставаясь жесткимъ, требовательнымъ для всѣхъ, ей во всемъ уступалъ—все-таки было не по себѣ. Любовное приставанье только сердило ее, и она на всѣхъ огрызалась, работу сваливала на мать, на Юзю и на мужа, котораго часто провожала рѣзкимъ словомъ. Уже три мѣсяца она не видѣла Антка, котораго на свадьбѣ, разумѣется, не было. А тутъ кто-то, въ разговорѣ, случайно упомянулъ, что у Антка—нужда, дѣти болѣютъ, а самъ онъ такъ изъ себя перемѣнился, похудѣлъ, что его не узнать.

Когда ей случалось оставаться одной—а она искала такихъ случаевъ—Антекъ, какъ живой, являлся передъ ней, только исхудалый, печальный и съ укоромъ въ глазахъ.—„Ничѣмъ я передъ тобой не виновата, ничѣмъ, такъ зачѣмъ ты становишься передо мной, какъ душа на покаяніи, и страшишь, словно привидѣніе?“—И почему не являлись ей такъ ни Матеушъ, ни Стахъ, никто другой изъ тѣхъ, кто прежде ухаживали за ней? Удивительно это ей было—почему онъ одинъ, Антекъ?

„Что онъ тамъ, бѣдняга, дѣлаетъ? что думаетъ? Поговорить съ нимъ нельзя... да и не должно. Въ самомъ дѣлѣ, не должно, Іисусе дорогой, вѣдь это былъ бы грѣхъ великій, смертный грѣхъ... Такъ и ксендзъ на исповѣди сказывалъ... Хотя... почему бы и

не поговорить разочекъ, пусть и при свидѣтеляхъ, пусть... А то ужъ ни сегодня, ни завтра и никогда! Боряны она, — Боряны жена, на вѣки вѣковъ, аминь“.

И такъ зима дошла до Рождества. Вотъ заблестала и велемская звѣзда, за которой шли три восточныхъ царя.

Борынова семья сѣла за ужинъ, самъ Борына, Доминика вдова съ сыновьями, странникъ Рохъ, работникъ Петрекъ, Витекъ рядомъ съ Юзей, а Ягна присаживалась только по временамъ, заботясь по хозяйству. Ужинъ былъ постный: борщъ съ грибами и картофелемъ, селедки, вываленныя въ мукъ и жаренныя на коношинномъ маслѣ, клѣцки изъ пшенной крупы съ макомъ, а за ними капуста съ грибами, осдобенная тѣмъ же масломъ. Подъ конецъ подала имъ Ягна прямое уже лакомство — блинчики изъ гречневой муки, тертой съ медомъ, поджаренные на маковомъ маслѣ. Хлѣбъ ѣли простой, не трогая приготовленныхъ на праздникъ лепешекъ и сдобной булки — струцли, такъ какъ сочельникъ — день строгаго поста, когда запрещено даже и то, что дѣлается на молокѣ.

Но передъ самымъ приступомъ къ кушаньямъ всѣ они ломали другъ съ другомъ и стѣдали кусочки облатокъ — твердыхъ и прозрачныхъ листовъ освященнаго опрѣснова, носившихъ на себѣ изображенія креста и Христова имени. Послѣ ужина Рохъ читалъ имъ изъ книги о рожденіи младенца-Спасителя, о ясляхъ, о звѣздѣ, объ ангелахъ и о восточныхъ царяхъ, пришедшихъ на поклоненіе. А къ чтенію онъ прибавлялъ еще и свои слова, съ жалобами нараспѣвъ, о томъ, что божественному Дитятку пришлось родиться въ такой нуждѣ и униженіи, среди жидовъ, еретиковъ жестовыхъ, родиться въ хлѣвѣ, въ такой морозъ! Юзя громко расплакалась надъ такой долею сладчайшаго Младенца, да и у Ягны потекли слезы. Потомъ вдова Доминика сказала:

— Витекъ, зажги фонарь, въ коровникъ пойдемъ. Въ эту рождественскую ночь и скотина каждая понимаетъ человѣческое слово и сама можетъ отозваться людскимъ голосомъ, если къ ней проговорить человѣкъ безгрѣшный; вѣдь между ними родился Господь, и сегодня животныя эти равны людямъ и съ нами могутъ чувствовать. Мы должны пойти къ нимъ и подѣлиться съ ними облатками.

Обязанность эта падала на Ягну, какъ на хозяйку дома. Ягна раздѣлила одну облатку на пять частей и, наклонившись надъ каждой изъ лежавшихъ въ хлѣвѣ коровъ, крестила ее между рогами и всовывала имъ по кусочку въ ротъ на ихъ широкіе, жесткіе языки. Коровъ это оберегаетъ отъ болѣзней и прибавляетъ имъ

молока. Но доить ихъ нельзя завтра поутру, — только вечеромъ.

— А лошадамъ, что-жъ, не дадите?—спросила Юзка.

— Не было ихъ въ ту пору при рожденіи Господнемъ, такъ имъ и нельзя.

Когда онѣ возвратились, Рохъ сталъ читать другую набожную былинку. Но Витекъ, который въ первый разъ въ жизни понялъ, почему коровамъ дается въ эту ночь облатка, помянулъ съ собой Юзку, и оба они пошли къ коровамъ, послушать, не проговорятъ ли онѣ.

Витекъ наклонился надъ одной и не безъ дрожи прошепталъ ей въ самое ухо:— „Сивуша, Сивуша!“—Но она не произнесла ни одного слова, а только порывивала и жевала губами.

— Ей, можетъ быть, не дано.—И оба они присѣли подлѣ другой.—Пѣгушка, а Пѣгушка! — воззвалъ къ ней Витекъ, и наклонивъ ухо къ ея мордѣ, они прислушивались, сдерживая дыханіе. Но опять ни слова не услышали.

— Такъ, вѣрно, это мы грѣшны,—сказала Юзка.—Онѣ отвѣчаютъ тому, кто безъ грѣха.—Имъ стало жалко себя, и они признались себѣ въ своихъ грѣхахъ, а потомъ шмыгнули опять въ горницу, гдѣ никто не замѣтилъ ихъ отсутствія.

Въ то же время вошелъ и переодѣвшійся, чтобы идти въ костель, работникъ Петрекъ. Онъ недавно вернулся изъ солдатчины и все донашивалъ свою шинель. А люди удивлялись, какимъ онъ сталъ говорить страннымъ языкомъ,— „будто и по нашему, а словно не-божья тварь, такъ что иной разъ и не уразумѣешь“.

На праздникъ Янка приготовила ему крестьянское облаченіе и всѣ ахнули, когда онъ вошелъ.

— Смѣялись надо мной, буркомъ называли, вотъ я и переодѣлся!—весело сказалъ Петрекъ.

— Говорь-то свой перемѣни, а не то что одѣжу.

— Пробылъ пять лѣтъ на далекомъ свѣтѣ, не диво.

Вдругъ услышали далекій, но внятный звонъ колокола.—На пастерку ¹⁾ звонятъ, пора собираться.—И скоро всѣ они пошли въ костель, оставя стеречь домъ одну Ягустинку.

Ночь была морозная, звѣздная, синеватая. А маленькій колоколъ все звонилъ, чиликалъ, подобно птичье, созывая людей. И люди шли отовсюду, изъ окрестныхъ селъ и деревень, шли то въ разбродъ, а то и толпами, такъ что слышно было топанье ногъ, раздававшееся по сухому воздуху. Кто могъ—шли всѣ, по

¹⁾ Полунощная месса на Рождество Христово.

домамъ остались только больные или калѣки, или совсѣмъ уже дряхлые.

Издали уже видны были горѣвшія жаромъ окна костела и главный входъ, раскрытый настежь, изъ котораго также былъ сильный свѣтъ. И народъ наплывалъ туда, наполняя внутренность храма, украшенную елками, точно лѣсъ выросъ въ костелѣ, отражался на побѣленныхъ стѣнахъ, обросталъ алтарь, подымался и изъ-за скамей, шелъ кверху, чуть не до сводовъ и колыхался подъ напоромъ притекавшей людской толпы.

Наконецъ, костелъ наполнился битвомъ, а кто приходилъ послѣ, оставался уже за дверями, на морозѣ и молился оттуда. Ксендзъ вышелъ на первую мессу, и съ органа раздались густые, но тихіе и столь задушевные звуки, что они сразу пробирали насквозь. Порой ксендзъ оборачивался къ народу, а то снова къ алтарю; то вздымалъ руки, произнося латинскія молитвы. А въ народѣ нѣкоторые также простирали руки къ алтарю; иные глубоко вздыхали и молились усердно.

Когда месса кончилась, ксендзъ взобрался на амвонъ и долго поучалъ объ этомъ святомъ днѣ, остерегалъ отъ зла, руками встрахивалъ, грозилъ, пробиралъ словомъ, такъ что иные ударяли себя въ грудь или просто призадумывались, а кто помяче, особливо женщины—и до слезъ доходилъ.

Только передъ второй мессой, когда уже народъ былъ чувствительно растроганъ, по случаю такого дня, органъ ударилъ снова съ силой, а ксендзъ началъ гимнъ стихомъ:

Въ ясляхъ лежитъ, кто-жъ побѣдитъ...

Тогда народъ заколебался, весь поднялся съ колѣнъ и сразу подхватилъ согласнымъ гуломъ:

Колендовать малому,
Иисусу, Христу,
Днесь намъ нарожденному...

И такъ всѣ слились душою, вѣрой и голосами, что раздавался точно одинъ голосъ и гудѣлъ огромной пѣсней, которая вырывалась и неслась въ высоту.

Ягна молилась по книжкѣ и не глядѣла по сторонамъ, уже потому, что ея восковая свѣчка едва освѣщала страницы, да и вѣтви загораживали народъ. Только при возношеніи, когда она, опустившись на колѣни и ударяя себѣ въ грудь, наклонила голову, то почему-то взглянула въ бокъ... И въ ней замерло сердце: ей будто привидѣлось, что рядомъ съ ней, опустивъ голову ниже ея, стоялъ на колѣняхъ Антекъ.

Долго она не имѣла духа подняться, но наконецъ сѣла на скамью и прямо посмотрѣла туда... Да, это былъ Антекъ, только исхудавшій совсѣмъ, и въ потертомъ сукманѣ. Но глаза его, эти большіе, гордые и задорные глаза, глядѣли на нее такъ сладко и такъ жалостливо, что по ней прошла дрожь, а на глазахъ навернулись слезы.

Страхъ, радость, любовь, воспоминанія, обѣщанія разгорались въ нихъ обоихъ, шли изъ сердца въ сердце, жгли ихъ однимъ огнемъ. Антекъ приблизился къ ней еще и, стоя на коѣннѣхъ, уперся локтемъ въ ея коѣнно. А когда Ягна преклонила коѣнни, онъ шепнулъ ей горячими губами въ самое ухо:

— Ягуся, Ягуся! — И, наклонясь въ другой разъ, прибавилъ: — Выдь за навѣсь... Буду ждать каждый вечеръ... Ты не бойся... Поговорить мнѣ спѣшно съ тобой... Выдь...

Ягна ничего не отвѣтила, но на страстный шопотъ Антеа сердце ея забилося такъ, что сосѣди на скамьѣ могли услышать... Она и себѣ не отвѣчала на просьбу милаго, но, не сознавая того сама, чуть-чуть привстала со скамьи, словно чтобъ бѣжать сейчасъ туда, за навѣсь...

А Антекъ, незамѣтно выйдя изъ костела, постоялъ на морозѣ, освѣжился и почувствовалъ въ себѣ такую радость, такой вихрь силы, что для него стало вдругъ неслышимымъ набожное пѣніе и какъ бы пересталъ существовать весь свѣтъ. Онъ схватилъ горсть снѣгу, съ жадностью глоталъ его и вдругъ пустился бѣжать, перескочилъ низкую стѣнку ограды и понесся на поля.

Борына всячески угождалъ молодой женѣ и не неволилъ ее ни въ какой работѣ. Чтò она приказывала, то и дѣлалось въ домѣ. Старикъ, скупой и строгій ко всѣмъ, сталъ ей уступать, въ чемъ только она хотѣла. Такъ что Ягна повадилась прикиривать иной разъ и на него самого. А ужъ Юзю, Петрека и Витка она муштровала постоянно.

Вотъ, раскричалась она на нихъ, такъ что даже Борына сталъ ее успокаивать.

— Чтò съ тобой, Ягуся, чего ты? — И онъ погладилъ ее по щекѣ.

Но она грубо его оттолкнула.

— Ничего мнѣ!.. А вы бы не приставали... Нѣжитсѣ при людяхъ! — И думала она со злостью, что этакой старинашка, а тоже лѣзетъ. Въ первый разъ Ягна почувствовала прямо отвращеніе къ мужу, почти-что ненависть. А Борына, въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время вдругъ постарѣлъ, сталъ горбиться и даже иногда руки у него тряслись.

Сѣнной навѣсъ, о которомъ ей говорилъ Антекъ, стоялъ недалеко, черезъ дорогу, въ полѣ. Это было любимое мѣсто воробьевъ, которые скакали и чиликали на крышѣ навѣса и цѣлыми кучками влетали въ продѣланную въ сѣнѣ большую дыру. А продѣлалъ эту дыру работникъ, которому было лѣнь влѣзть каждый разъ по лѣстницѣ и сбрасывать сѣно сверху. Мало-помалу и образовалось широкое отверстіе, которымъ можно было пролѣзть въ самую глубь навѣса.

Каждый вечеръ Ягну брали и страхъ, и томленіе при мысли, что Антекъ теперь, вѣрно, тамъ—за навѣсомъ. Однажды, когда Борына, узнавъ, что евреи уже приступили къ рубкѣ лѣса на Волчьихъ-Ямахъ, собирался ѣхать съ жалобой къ комиссару по крестьянскимъ дѣламъ и велѣлъ ожидать себя только подъ-вечеръ, ей пришло въ голову, что сегодня, можетъ быть, и выйти бы туда. Однако страхъ овладѣлъ ею, и она упросила мужа взять ее съ собой.

Въ Липцахъ весь народъ былъ согласенъ въ томъ, чтобы рубки на Волчьихъ-Ямахъ не допускать, такъ какъ крестьянамъ принадлежалъ тамъ сервитутъ. А землевладѣлецъ, не обративъ вниманія на доводы крестьянъ и заявивъ имъ, что лѣсъ онъ и тамъ воленъ рубить по закону, разсердился на липчанъ и рѣшилъ никого изъ нихъ не нанимать для свозки лѣса, вообще, гдѣ бы порубка у него ни производилась. Для слабыхъ хозяевъ это было чувствительной потерей, такъ какъ никакихъ заработковъ зимой не имѣлось. Борына, конечно, не нуждался въ этомъ, но и ему все-таки досадно было потерять нѣсколько десятковъ рублей, которые онъ могъ бы заработать своими лошадьми на свозкѣ лѣса. Лошадей все равно надо было кормить и работника держать.

Къ этому времени назначено было въ гминномъ судѣ дѣло по иску Борыны къ тому же „дѣдичу“ за падѣжъ тельной коровы, которая была загнана полѣсовщикомъ и надорвалась. Къ Борынѣ пріѣхалъ войтъ съ повѣсткой отъ суда на завтра, и встати сталъ его уговаривать, чтобы онъ не противился рубкѣ лѣса, а лучше вступилъ бы въ компанію съ нимъ, войтомъ, и съ мельникомъ, по свозкѣ лѣса. Войтъ увѣрялъ его, что въ такомъ случаѣ и дѣло въ судѣ, по иску за корову, можетъ наладиться въ его пользу, потому что „дѣдичъ“ не станетъ упираться изъ-за мелочи. Борына согласился, а самъ про себя держалъ въ умѣ, что уплата за корову и свозка дерева, на которой можно была хорошо заработать, это—одна статья, а рубка лѣса на Волчьихъ-Ямахъ—другая статья; что пустяками его не подкупятъ и отъ обороны

крестьянскаго права онъ не отступится, вмѣстѣ съ войтомъ, этимъ панскимъ холоумъ и съ ростовщикомъ-мельникомъ. Нѣтъ, это ужъ—держи карманъ; онъ, Борына, стоять будетъ за народъ.

Покончивъ съ войтомъ, онъ въ веселомъ расположеніи пошелъ къ женѣ, предупредить ее, что завтра поѣдетъ въ судъ. Но долго нигдѣ не находилъ Ягны. Ему сказали, что она пошла кормить свиней. Однако ея не было ни въ хлѣвѣ, ни въ конюшнѣ, ни въ коровникѣ. Наконецъ, проходя дворъ, онъ замѣтилъ тѣнь, проскользнувшую съвозъ пролазъ въ изгороди.

— Гдѣ жъ ты это была?—крикнулъ онъ на Ягну, почувствовавъ подозрѣніе. Она сперва испугалась, но потомъ отвѣтила насмѣшливо:

— А была гдѣ-нибудь! Подите по вѣтру, можетъ, и найдете.

Но когда они уже укладывались спать, Борына проговорилъ уже примирительно:

— У Клѣмбовъ опять вечерница съ музыкой, пойдешь?

— Если не запретите, такъ мы съ Юзкой пойдѣмъ.

— Хочешь, я не задержу... А мнѣ въ судъ ѣхать надо, домъ останется на божьемъ промыслѣ; лучше бы тебѣ посидѣть дома.

— Неужто вы не вернетесь до сумерекъ?

— Развѣ что поздно ночью, должно быть; далеко, не успѣю...

А ужъ очень хочется, такъ иди себѣ, я запрету не владу.

V.

Было холодное зимнее утро, когда Борына пустился въ дорогу. Не такъ донималъ морозъ, какъ вѣтеръ, который не мѣшалъ идти мелкому, но сухому и жесткому снѣгу, похожему на недомолотую крупу и сѣвшему людей въ лицо. Несмотря на докучливую погоду, бѣдные люди оволо. полудня пошли въ лѣсъ за хворостомъ, такъ какъ запаса топлива они не имѣли, потому что имъ нечѣмъ было возить его, и приходилось таскать на себѣ. Пошла и Ганка со своимъ отцомъ, старымъ Былицей, и съ нѣсколькими безземельными крестьянами. По полямъ била и крутилась метель. Но въ лѣсъ она пробивалась только порывами...

Лѣсъ былъ могучій, большой, высокорослый, густой. Сосна стояла при соснѣ, однѣ ели располагались шире. Въ лѣсу снѣгъ уже не билъ, но валилъ ровно и густо, такъ что за входившими людьми скоро не оставалось и слѣдовъ. Тихо было въ самомъ нутрѣ лѣса и темновато, потому и день-то былъ хмурый.

Порою слышалось, однако, какъ вѣтеръ ломился въ лѣсъ, взывавая издали. Но потомъ и затихалъ, словно уставши, а въ самую гущу прорваться онъ не могъ. Въ такіе тихіе перерывы слышались издали отзвуки глухого учащеннаго гула.

— Лѣсъ рубятъ на Волчьихъ-Ямахъ, — сказалъ Былица и, наклонившись ухомъ къ землѣ, прибавилъ: — Густо валится.

Натерпѣлись бѣдные люди и холода, и усталости тащить на спинѣ тяжелыя вязанки хвороста, который концами ударался о стволы или упирался въ гущѣ и не давалъ пройти, да еще больно кололъ въ спину. Ганка разошлась съ отцомъ, когда они сбились съ дороги, и спѣшила изо всѣхъ силъ, чтобы выйти изъ лѣса, пока не совсѣмъ стемнѣло. Но уже на придорожной полянкѣ ее такъ осилила метель, что она теряла надежду донести вязанку. Съ плачемъ, проклиная Ягну, въ которой она видѣла причину своей злой доли, и напрягая послѣднія силы, тащилась бѣдная женщина и вдругъ услышала приближавшееся сзади побрякиванье бубенцовъ.

Ее догналъ возвращавшійся съ суда, съ Виткомъ и Ямброзіемъ, Боруна. Ъхали они тихо, такъ какъ снѣга мѣстами навалило груды, и громко каякали, посмѣиваясь. Знать, были навеселѣ. Ганка посторонилась съ дороги и насунула головной платокъ на глаза. Однако Боруна узналъ ее.

— Свали дерево въ кузовъ за санями и присядь, подвезу. — Ганка такъ привыкла прежде безпрекословно слушаться свекра, что тотчасъ исполнила его приказъ. — А отца твоего мы нашли подъ деревомъ; старикъ сидѣлъ и плакалъ. Его везетъ Бортекъ за нами.

Боруна присмотрѣлся къ снѣжкѣ. Исхудалая, съ лицомъ синимъ, съ бѣлыми пятнами на щекахъ отъ мороза, съ красными отъ слезъ вѣками, дрожавшая отъ стужи... Нельзя было смотрѣть на нее безъ жалости. А Боруна еще было извѣстно, что она беременна.

— Чего жъ ты, въ такую-то пору — въ лѣсъ?

— А кто же за меня пойдетъ?.. Дровъ не стало... варить не на чемъ.

— А хлопцы твои здоровы?

Тогда Ганка рассказала ему, какъ одинъ изъ нихъ былъ боленъ и, уже сдвинувъ платокъ съ лица, говорила смѣло, отвѣчала на всѣ разпросы свекра ясно и твердо, безъ прежней робости, но и безъ хныканья, ровно бы чужому и не о себѣ сказывала, точно чувство въ ней все уже замерло. Боруна удивлялся; такою онъ Ганки не видалъ.

— Вижу, переѣвилась ты.

— Перекуетъ бѣда человѣка лучше, чѣмъ кузнецъ желѣзо...

На это Борына не нашелся, что отвѣтить. Они заѣхали въ корчму выпить и обогрѣться, потомъ Борына довезъ сноху до дома ея отца.

— А заходи когда ко мнѣ, хоть бы и завтра... Вижу, дѣло-то ваше дрянъ: твой негодай все пропиваетъ, а тебѣ съ дѣтьми голодать, видно, пришлось.

— Выгнали вы насъ, какъ же бы я смѣла приходить?

— Не твое, дура, дѣло; сказано тебѣ, заходи; найдется что и для тебя.

— Заплати вамъ Богъ! Приказываете, такъ приду.

Послѣ этого Ганка и стала хаживать въ домъ къ Борынѣ и приносила оттуда разные припасы. Увидя это въ первый разъ, Антекъ раскричался на жену и велѣлъ ей тотчасъ все нести назадъ къ отцу. Но Ганка уперлась; хоть убей ее мужъ, она будетъ стоять за своихъ дѣтей, не дастъ имъ умирать съ голоду.

А въ тотъ вечеръ, когда Борына вывезъ изъ лѣса Ганку и ея отца, а самъ зашелъ въ корчму въ своемъ селѣ, отославъ лошадей домой, у Клѣмбовъ шла веселая вечерница, гдѣ сошлась молодежь изъ достаточныхъ крестьянскихъ домовъ, да и изъ помѣстныхъ нѣкоторые, особенно изъ женскаго пола. Иныя женщины принесли съ собой веретена и пряли, слушая музыку или былинны, а то и сказки. На дворѣ была февральская метель, а въ свѣтлой горницѣ было даже жарко отъ народу. И сказывали хорошо, особливо Рохъ: о королѣ великомъ; какъ онъ любилъ крестьянъ, о пресвятой дѣвицѣ, какъ она спасла душу грѣшника и покарала жаднаго ксендза. И другіе, кромѣ Роха, сказывали. Ягна съ Юзей были съ самаго начала, а подъ конецъ вошелъ и Антекъ, чего никто, кромѣ Ягны, не замѣтилъ, потому что Валентова жена очень ужъ интересную повела сказку о заколдованной королевнѣ, такъ что даже и веретена журчать перестали.

Вошелъ кто-то и сказалъ, что видѣлъ въ корчмѣ Борыну; вернулся онъ изъ суда и подкрѣпляется. Тогда Ягна потихоньку вышла, оставивъ Юзку досиживать вечерницу. Вслѣдъ за Ягною вышелъ укладкой и Антекъ, догнавъ ее въ сѣняхъ, у порога, крѣпко ухватилъ за руку и повелъ черезъ другую дверь на огородъ, а оттуда за гумно и сарай. Мало кто примѣтилъ выходъ ихъ: загадки стали разгадывать. „Липовое дерево весело спѣ-

васть, а конь на баранѣ хвостомъ виваетъ“ ¹⁾). И другія были загадки, совсѣмъ легкія.

А тѣ двое пропали въ темнотѣ, шли второпяхъ, прижавшись другъ къ другу, забывая о божьемъ мірѣ, въ радости и въ страхѣ.

— Ягуся!

— Чего?

— Ты, вѣдь?

— А кто же?

— Боишься?

— Съ тобой прошла бы я цѣлый свѣтъ, да хоть на смерть.

— Ждала меня?

— Еще бы!.. Только и глядѣла—не ты ли, когда кто входилъ.

— А я вошелъ, такъ ты и не посмотрѣла.

— Глупый, какъ же мнѣ себя выдавать? А подъ сердцемъ такъ мнѣ сперло, что испугалась, пожалуй упаду.

— Милая ты моя! Я такъ и думалъ, что застаю тебя у Клѣмбовъ, и мы выйдемъ вмѣстѣ.

— А я домой хотѣла... да, вотъ, ты приневолилъ.

— Тебѣ развѣ не хотѣлось быть со мной, Ягуся, а?

— Какъ же... Не развѣ думала и я, что пусть бы ужъ...

— Думала и ты!.. Думала! — страстно шепталъ онъ. — А теперь, вотъ, мы одни—и ночь такая...

— Одни!—шепнула и она ему, бросаясь на шею, и обняла его изо всей силы своей страсти и своего безпамятства.

— Ахъ, что со мной... Я съ ума сойду...

— Не кричи, Ягуся... Тихе...

— Сторю вся, ей Богу... дай вздохнуть...

— У меня самого... какъ только сердце не лопнетъ!

— О, Антекъ, пусти... не могу, право...

— Одна ты, одна во всемъ свѣтѣ...

— Антось мой, Антось!

Они все шли. Вдругъ Ягна заплакала.

— Что съ тобой?

— Не знаю... такъ придушило что-то до слезъ.

Онъ пожалѣлъ ее. Они присѣли за сараемъ. Антекъ пригнулъ ее и крѣпко прижалъ къ себѣ, какъ ребенка, и отиралъ ей слезы то рукой, то рукавомъ.

— Надо бѣжать домой, ужъ поздно,—шепнула Ягна, приподнимаясь.

¹⁾ Скрипка—изъ липоваго дерева, струны—бараньи, смычокъ—съ конскимъ волосомъ.

— Не бойся, еще не спать... Голоса слышны; это расходятся отъ Клѣмбовѣ.

— Я вадеи оставила, когда доила; ноги себѣ еще коровы поломають.

Они вдругъ замолчали, потому что послышался скрипъ снѣга подъ шагами и мелькнула чья-то высокая тѣнь.

— Тамъ кто-то есть, за заборомъ, притаился!—со страхомъ прошептала Ягна.

— Спрячемся въ снѣгъ подъ навѣсомъ.—Они осторожно пошли къ сараю и влѣзли въ глубокую нору, вырытую въ снѣгъ и чернѣвшую немного выше надъ сѣномъ.

На снѣгу, между тѣмъ, слышались, теперь уже ясно, осторожные, словно волчьи шаги. И тѣнь оторвалась отъ какой-то стѣны и поползла по снѣгу, то выростая, то останавливаясь... Потомъ мигнула въ пролазѣ и исчезла за деревьями.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ тѣнь показалась снова, а тутъ же, за ней, тащилась по снѣгу большущая вязанка соломъ. То былъ Борына. Онъ пріостановился, прислушался и, подскочивъ къ сараю, запихалъ соломою дыру, продѣланную въ снѣгъ. Чиркнула спичка, и вмигъ солома занялась пламенемъ. Огонь затрепеталъ, блеснулъ сотнями языковъ и, охвативъ стѣну сарая, поднялся кверху, какъ какая-нибудь широкая кровавая масса. А Борына, страшный какъ мертвецъ, нагнулся и, съ вилами въ рукахъ, ожидалъ...

Они скоро поняли опасность. Сарай сталъ наполняться вѣвшимъ глаза дымомъ, а сквозь солому пробился блескъ огня. Не находя выхода, они бились по стѣнамъ и уже едва могли дышать, когда Антекъ нащупалъ бокъ щита, прикрывавшаго сѣнникъ спереди, уперся въ него изо всѣхъ силъ и, вмѣстѣ со щитомъ, упалъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ вскочить на ноги, старикъ бросился на него и нанесъ вилами такой ударъ, что онъ воткнулся въ землю. Но онъ промахнулся; едва задѣтый, Антекъ вскочилъ, хватилъ отца кулаками въ грудь и бросился бѣжать.

Борына ринулся къ сараю, но и Ягна успѣла уже промелькнуть мимо. Тогда онъ закричалъ бѣшеннымъ голосомъ:—Пожаръ! Горить!—и сталъ бѣгать, съ вилами въ рукахъ, точно злой духъ, вокругъ столповъ огня, пожиравшихъ весь сарай... По селу пошли крики, кто-то ударилъ въ набатъ, народъ сталъ сбѣгаться, а огонь разлетѣлся во всѣ стороны и сѣялъ дождь искръ на другія постройки.

Пожаръ взбуторажилъ все село. На другой день мѣсто

пожарища еще тлѣло. Отъ сѣнника остались только два обгорѣвшихъ столба, но еще дымилось подъ остатками крышъ, сбитыхъ съ хлѣва и другого сарая, а также изъ-подъ нѣкоторыхъ грудъ сѣна, разбросанныхъ вокругъ. Сосѣди разбивали эти остатки баграми и палками, а новыя тлѣвшія мѣста притаптывали. Хлопецъ отъ Клѣмбовъ вытащилъ изъ сѣна обгорѣлую тряпку.

— Ягусинъ фартукъ!—крикнула одна изъ сосѣдокъ.

— Поищите-ка еще, хлопцы... не пайдутся ли и портки!

— Куда! На себѣ вынесъ, развѣ что по дорогѣ свалились!..

Всѣ приписывали пожаръ самому Антеку и проклинали его за этокое дѣло противъ родного отца, да еще и за то, что погорѣть могло все село. Приѣхали стражники и составили о пожарѣ протоколъ.

О Борынѣ же знали только то, что онъ здорово побилъ жену. Но ни онъ, ни Ягна, ни Антекъ, нѣкоторое время не показывались въ народѣ, а на селѣ тоже много бываетъ новаго, такъ что и о нихъ стали говорить меньше. Пришелъ послѣдній „жирный“ вторникъ на мясопустѣ, когда всѣ занялись печеньемъ „пончковъ“, отъ которыхъ запахъ расходился по улицамъ. На другой день, въ „попелецъ“, шли въ костель, посыпать главы пепломъ.

Въ домѣ вдовы Доминиковой собрались войтъ съ солтысомъ и, пригласивъ Борыну, уговаривали его помириться съ Ягной. Какъ ни какъ, она—хозяйка, и все равно вѣкъ надо жить вмѣстѣ. Долго ночью, до вторыхъ пѣтуховъ, виденъ былъ тамъ свѣтъ: это они все судились, и войтъ съ солтысомъ уговаривали Борыну принять жену къ себѣ въ домъ, такъ какъ послѣ того пожара Ягна перешла жить къ матери.

Антекъ, между тѣмъ, не принимался за работу, продать послѣднюю корову и пропивалъ ее въ корчмѣ съ немногими хлопцами, которые еще рѣшались держать съ нимъ компанію. Но и отъ Ягны онъ также не отсталъ. Еще не прошли на ней синяки отъ мужнина наказанья, а они ужъ стали опять сходиться, потихоньку отъ вдовы Доминиковой, въ ея сараѣ, о чемъ зналъ братъ Ягны, Шимекъ. Ягна выходила къ Антеку теперь уже неохотно, изъ страха передъ мужемъ. Но боялась она и Антека, который сказалъ ей, что если она посмѣетъ разъ не придти по его призыву, то онъ войдетъ къ нимъ въ домъ среди бѣла-дня, при всѣхъ, и вздуетъ ее еще лучше, чѣмъ Борына.

Когда послѣ „попельца“ Шимекъ сообщилъ Антеку, что Ягну съ мужемъ примирили и что она опять перешла въ мужниинъ домъ, то Антека это ударило какъ бы шкворнемъ по башкѣ.

— Скрыла отъ меня!—сказаль онъ себѣ, такъ какъ вчера еще видѣлся съ ней.

Вечеромъ ходилъ онъ вокругъ отцовоѣ хаты, ждалъ около пролаза, а когда Ягна не вышла, вырвалъ изъ ограды колъ и пошелъ-было къ двери, готовый на все, какъ вдругъ видъ отца представился ему такъ, какъ будто бы тотъ сталъ передъ нимъ. Не хватило духа у молодца, ни въ тотъ вечеръ, ни до конца недѣли, хотя цѣлые вечера онъ простаивалъ за пролазомъ, укрываясь при каждомъ звукѣ. Ягна не приходила. Не встрѣтилъ онъ ее и въ воскресенье утромъ, даромъ-что простоялъ всю службу передъ костеломъ. Тогда онъ рѣшилъ идти къ вечернѣ и ужъ какъ-нибудь найти средство шепнуть ей.

Но когда онъ вошелъ, вечерняя служба уже началась. Народъ пѣлъ подъ органъ „горькія скорби“ о страстяхъ Господнихъ:

Вбить на крестѣ Творецъ самъ неба;
Намъ надъ грѣхами плакать треба...

Ксендзъ скоро замѣтилъ Антка, который былъ ростомъ выше всѣхъ, и ксендзъ нѣсколько разъ пронизывалъ его взглядомъ. Но, вотъ, затихло народное пѣніе, закончившее вечерню, замолчалъ органъ, а ксендзъ, ставъ передъ алтаремъ, обратился къ народу съ поученіемъ. Всѣ начали тѣсниться впередъ, и Антку нельзя было выйти изъ костела иначе, какъ еслибы онъ сталъ проталкиваться изъ всѣхъ силъ. Онъ остался.

Ксендзъ говорилъ о страстяхъ, объ искупленіи, о любви къ людямъ Бога, ниспославшаго Сына на земную смерть за нихъ. А потомъ сталъ укорять грѣшныхъ, грозно взмахивая руками, и порою останавливалъ взглядъ на Анткѣ, придвинутомъ толпою ближе. Ксендзъ разгорался въ своихъ укорахъ за грѣхи; въ народѣ и памяти не стало о заповѣдяхъ Божіихъ, а живутъ они какъ тѣ же язычники поганые, въ вѣчныхъ между собою ссорахъ и дракахъ, и въ пьянствѣ, и во всѣхъ грѣхахъ тяжкихъ. Ксендзъ говорилъ все грознѣе, глаза его блестѣли, самъ онъ точно выросъ выше прежняго.

Въ толпѣ послышались тяжелые вздохи, послѣ раздался и громкій плачь съ призывомъ Иисусова имени. А ксендзъ вдругъ наклонился въ сторону Антка и громкимъ голосомъ обличалъ сыновей-выродковъ, поджигателей отцовскаго добра, соблазнительей и столь тяжкихъ грѣшниковъ, что не минуютъ ихъ ни земная кара, ни огонь вѣчный.

При этихъ словахъ страхъ обуялъ весь народъ; всѣ притали дыханіе, и взгляды всей толпы ударили въ Антка точно

градъ во время грозы. И нельзя было не понять, на кого падало слово осужденія. А онъ стоялъ прямо, но совсѣмъ поблѣднѣлъ и только оглядывался иногда по сторонамъ и замѣчалъ, какъ на него глядѣли испуганно и вмѣстѣ злобно, а кто былъ поближе, даже отодвигался отъ отверженнаго. Но ксендзъ еще не кончилъ; онъ сталъ уже прямо кричать на Антеа, не называя его, впрочемъ, по имени, грозилъ ему проклятіемъ и звалъ къ покаянію, а потомъ, обратившись къ народу, протянулъ руки и приказывалъ, чтобы всѣ оберегались такого разбойника, сторонились отъ него, не дѣлились съ нимъ ни хлѣбомъ, ни водой, ни огнемъ, отгоняли бы его отъ своихъ жилищъ, какъ оскверненнаго грѣхомъ, такого, который все заражаетъ и гадитъ, и если онъ не покается, не загладитъ винъ, то чтобы вырвали его, какъ злую крапиву, и выбросили вонъ отъ себя, на погибель.

Антекъ отвернулся отъ алтаря и медленно пошелъ къ выходу; люди отодвигались отъ него по пути, а во слѣдъ за нимъ раздавался бичевавшій его голосъ ксендза. Шелъ онъ, самъ не зная куда, лишь бы уйти отъ того голоса и тѣхъ глазъ. По топольей дорогѣ къ лѣсу, по лѣсу вглубь... Приостанавливался, а въ ушахъ его звонилъ колоколомъ все тотъ же голосъ.

Совсѣмъ стемнѣло и пошелъ дождь, холодный въ мартѣ мѣсяцѣ. Но Антекъ не замѣчалъ ничего, а весь жилъ только въ своей страшной бѣдѣ и обидѣ.

„Хуже ужъ и быть не можетъ!—думалось ему.—Онъ схватился за голову, какъ будто теперь только понялъ вины свои.—Такъ мнѣ и надо... А все черезъ него, черезъ отца.—Погода же... Всего, что ты со мной сдѣлалъ, не прощу тебѣ, нѣтъ!“

Возвратясь въ село, Антекъ зашелъ въ корчму и смѣло подошелъ къ кучкѣ знакомыхъ. Но мало кто подалъ ему руку, прочіе отплатнулись и стали выходить вонъ. И онъ самъ вышелъ, не допивъ шкалика.

— Ладно, — повторялъ онъ себѣ. — Правильно говорилъ ксендзъ. Онъ говорилъ свою правду... а я не прощу своей обиды... Не прощу, пѣсья кровь! Пусть околѣю, если прощу...

VI.

Спустя нѣкоторое время, по селу стало расходиться, что дѣдичъ принялся рубить уже не свой только лѣсъ, а и крестьянскій. Сперва этому не вѣрили. Дѣдичъ былъ себѣ, извѣстно, какъ дѣдичъ; не лучше другихъ. Но глупымъ онъ не считался. А

вѣдь развѣ что глупый сталъ бы рубить лѣсъ въ веснѣ, когда дерево начнетъ приходить въ сокъ. Къ Борынѣ съ вѣстью этой прибѣжала Ягустинка, да еще добавила отъ себя. Но старикъ ни словомъ не отозвался на это, а только сказалъ Ягнѣ:

— Лопату возьми и иди помогать Петрку, воду спускать съ огорода... вишь, натаяло... Да скорѣй мнѣ, слышала?—прикрикнулъ онъ.

— Что онъ, все еще такой сварливый?—спросила Ягустинка Юзю.

— А все!—Дѣвочка со страхомъ прислушивалась.

Такой онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ. Съ самаго того дня, какъ его помирили съ Ягной, да еще дивовались, что онъ согласился на это такъ скоро,—Борына вдругъ перемѣнился. И всегда-то онъ былъ жестокъ, а съ той поры словно камнемъ сталъ. Жену принялъ назадъ, въ свой домъ, и даже не попреталъ ее прямо, но зато обходился съ ней просто какъ съ дѣвкой. И хотя Ягна пробовала иной разъ подступать къ нему съ угожденьемъ и лаской, подлаживалась къ нему, но это ничуть не помогло. Борына не хотѣлъ и примѣчать этого, даже пересталъ слѣдить за женой, хотя навѣрное зналъ, что она все-таки сходится съ Антвомъ.

Дня черезъ два по примиреніи съ женой, старикъ поѣхалъ въ городъ и вернулся только на другой день, а въ селѣ шептали, что въ городѣ онъ былъ у нотариуса и подѣлалъ какія-то записи,—должно быть, отобралъ у Ягны назадъ то, что отписалъ-было ей. Но такъ ли это было, не зналъ навѣрное никто, конечно, развѣ что одна Ганка, которая теперь въ такой была у свекра милости, что онъ во всемъ довѣрялся ей и съ ней совѣтовался. А она, конечно, ни слова никому о томъ не говорила, въ домъ у старика бывала каждый день, а ужъ дѣти ея—тѣ почти изъ хаты не выходили, а часто и спали у дѣдушки,—такъ онъ ихъ ласкалъ.

Послѣ этой перемѣны Борына даже какъ-то поздоровѣлъ, выпрямился и опять поглядывалъ на свѣтъ гордо,—но только и ослился же онъ немало, сталъ тяжелъ для всѣхъ, особливо для Ягны. Никогда добраго слова ей не сказывалъ и къ работѣ такъ ее подгонялъ, какъ вную лукавую лошадь, и ни въ чемъ ей не уступалъ, такъ что дня не проходило безъ ссоры, а частенько пускался въ ходъ и ремень или даже что потверже, потому что и Ягуса не молчала. Что онъ велѣлъ, то она должна была дѣлать, какъ же иначе: мужнинъ хлѣбъ, мужнина и воля. А только на его обидное слово у нея въ отвѣтъ бывало десять; иной разъ такой

поднимала крикъ, что на всю деревню было слышно. Словомъ, въ домѣ постоянно кипѣлъ адъ. Не разъ она уходила опять къ матери и хотѣла остаться у нея. Но вдова Доминикова ни за что не соглашалась и даже угрожала силою доставить ее къ мужу на веревочкѣ.

Хуже всего было, что Ягна и къ Антонію охладѣла. Она винила его въ своей нестерпимой жизни, боялась его вѣчной хандры, завзятости и угрозъ; онъ сталъ похожъ будто на лѣснаго лиходѣя. Подѣйствовало и то, что всендѣз пригрозилъ ему въ костелѣ проклятіемъ, что всѣ на него показывали пальцемъ, вродѣ какъ бы въ него вселился нечистый. Правда, она все-таки выходила къ нему, потому что боялась угрозъ, и отдавалась ему со всей силы, когда закипала молодая кровь. Но она уже не была счастлива, а иной разъ ей даже думалось, — отпустилъ бы онъ ее скорѣй и самъ пошелъ бы прочь. Антекъ сталъ замѣчать ея холодность и упрекалъ ее, напоминалъ, что все его несчастье пришло отъ любви къ ней, разъ даже чуть было не приблизилъ ее, а только толкнулъ объ стѣну и ушелъ поспѣшно.

Ягна заплакала навзрыдъ и шла домой, не скрывая плача, а въ стѣнахъ встрѣтилась съ Клэмбовымъ сыномъ, который только просунулъ голову въ дверь хаты и крикнулъ: — Рубить лѣсъ, нашъ, крестьянскій! — и побѣждалъ дальше объявлять о томъ же всѣмъ хозяевамъ.

Какъ молнія, вѣсть эта облетѣла все село. Узнали, что Клэмбъ нарочно выслалъ двоихъ сыновей верхомъ на обѣздѣ порубки, чтобы разузнать дѣло навѣрняка. И вотъ, разузнали. Хотя былъ поздній вечеръ, но народъ сталъ собираться передъ домомъ Клэмбовъ; одинъ изъ его хлопцовъ былъ поставленъ на дорогу — смотрѣть, не покажется ли откуда стражникъ. Къ народу пришелъ и Мацѣй Боруна. По его слову, всѣ потянулись къ корчмѣ.

Еврей, который уже гасилъ-было свѣтъ, принужденъ былъ открыть двери и со страхомъ смотрѣлъ, какъ люди молчаливо входили и разсаживались по скамейкамъ. Сперва посматривали другъ на друга, — кому начать? Первый, Антекъ, извѣстно, какъ отчаянный, выскочилъ на середину и началъ ругать дѣдича и угрожать ему. Неохота была никому подтверждать слова такого человѣка, вродѣ какъ отщепенца. Но когда Антекъ сталъ ихъ корить, что они за себя постоять не умѣютъ, что сегодня у нихъ отнимаютъ лѣсъ, а потомъ отберутъ и землю, раздались крики: — „Не дадимъ! Не дадимъ!“

Сразу прорвалось. На середину стали пробиваться Матеушъ

и Кобусъ, и Козлова баба, и другіе. Кричали, угрожали дѣдичу, подстрекали, такъ что скоро по всей корчмѣ раздались брань, крики, проклятія, топанье ногами, удары кулаками по столу. Долго они такъ шумѣли, а помаленьку начали попивать пиво, чтобы горло прополоскать; другіе же и водки выпили для силъ подкрѣпленія. А иные еще, проголодавшись, потребовали и закусокъ. Какъ стали они угощаться такимъ манеромъ, то о лѣсѣ говорили уже меньше и разошлись, не рѣшивъ, что дѣлать.

Тогда Матеушъ съ Кобусомъ и Анткомъ пошли поздней уже порою по нѣкоторымъ хозяевамъ и съ ними о чемъ-то условились на завтра.

Какъ только начало свѣтать, Антекъ побѣжалъ на колокольню и ударилъ въ набатъ. А Матеушъ, Кобусъ и другіе бѣгали по селу съ крикомъ:

— Въ лѣсѣ! Выходи кто живъ! Подъ корчмой, въ лѣсѣ!

Народъ выходилъ изъ хатъ, бабы заголосили со своихъ огородовъ, заревѣли дѣти отъ страха. А тамъ люди все прибѣгаютъ и кричатъ:

— Въ лѣсѣ! Кто съ чѣмъ, съ косой, съ цѣпомъ, шкворнемъ, топоромъ—въ лѣсѣ!

— Вали, съ чѣмъ попало!

Рохъ сталъ на дорогѣ и пробовалъ удержать бѣжавшихъ. Появился всендзъ и свое тамъ, конечно, разводить началъ, уговаривая народъ. Такъ его не слушали, даже и шапки никто не связалъ.

— Платятъ ему, онъ и говорить!

— Проповѣдью обиды-то не заговоришь, какъ же...

Показался Борына.— Въ лѣсѣ! — раздались крики.— Въ лѣсѣ, съ нами... Ведите насъ, Мацѣй! — Борына сталъ говорить не сиѣша, но твердо; что слово, то какъ кусокъ правды отрѣзалъ. Что дѣдичъ все больше сталъ ихъ обижать, штрафовалъ, скотъ загонялъ, всякое дѣло въ судѣ противъ крестьянъ выигрывалъ, къ найму въ своемъ лѣсѣ не допустилъ, а теперь уже крестьянскій лѣсъ рубить сталъ. Жаловались на него — напрасно. — Нынче уже всякую мѣру перешелъ... За мной! Во имя Отца и Сына и св. Духа.

— Амины! — прозвучало въ народѣ, и двинулся онъ за Борыной, ѣхавшимъ въ саняхъ, ибо сиѣгъ въ лѣсу еще держался.

Когда они дошли до мѣста порубки, то Борына scomандовалъ дровосѣкамъ, чтобы каждый собралъ все, что у него принесено своего, и шелъ бы по добру по здорову восвояси. И дровосѣки, при видѣ народа съ цѣпами, топорами, колыями въ

рукахъ, стали собираться уходить, и только переругивались съ наступавшими. А липцовскіе подростки тотчасъ бросились гасить очаги и разваливать сложенные въ сажени дрова... Бабы же, увидавъ вдали шалаши, поставленные въ лѣсу, погнались туда и стали ихъ разбирать, растаскивая доски по лѣсу, чтобы и слѣда не осталось.

Тутъ Борына, видя, что дровосѣки отступали безъ боя, началъ было уговаривать своихъ, чтобы имъ, всѣмъ народомъ, прямо пойти и заявить дѣдичу, чтобы онъ не смѣлъ касаться лѣса, пока судъ не разберетъ, что — его, а что — крестьянское, собственное. Но не успѣли они сговориться, какъ бабы зашпилили и во всю прыть побѣжали отъ шалашей назадъ, спасаясь отъ дворовыхъ, прискакавшихъ верхами, на помощь дровосѣкамъ. Бабы они взяли въ бичи, а здоровенный эконома скакалъ впереди, крича:

— Ахъ, вы воры этакіе, сволочь вшивая! Бичами ихъ, вязать, въ тюрьму ихъ!

— Держись ко мнѣ! — командовалъ Борына, замѣтивъ, что люди стали разсыпаться. — Не сдавайся, палками подлецовъ! Коной цѣпами по ногамъ! — И самъ бросился въ середину противниковъ. Тогда начался бой въ рукопашную. Эконома стянули съ лошади, а люди такъ сцѣпились другъ съ другомъ, что и распознать нельзя было своихъ отъ чужихъ. Дворовые спѣшились, и бой пошелъ прямо на кулакахъ.

Между тѣмъ, верховые со двора все прибывали, а повелъ ихъ теперь старшій лѣсникъ, силачъ извѣстный. Соскочивъ съ лошади, онъ въ одиночку бросался на цѣлыя кучки липчанъ и валилъ ихъ надтмашъ, прикладомъ ружья, туда, сюда! Такъ что люди клонились отъ него, словно колосся. Бросился на него Стахъ Плошко, но эконома ухватилъ его за одежду, перевернулъ у себя надъ головой, отбросилъ какъ снопъ, и Стахъ, ударившись о землю, лежалъ безъ памяти. Лѣсника хватилъ цѣпомъ по плечу Вахникъ, но тотъ такъ его шарахнулъ кулакомъ между глазъ, что и Вахникъ повалился, успѣвъ только призвать имя Божіе.

Теперь лѣсникъ пошелъ на Борыну, который дрался въ толпѣ. Но путь лѣснику загородили бабы, съ визгомъ вцѣплялись въ него ногтями, на волосьяхъ его повисли, запутались съ нимъ и шатали его съ боку-на-бокъ, подобно какъ дворняжки охватываютъ здоровую овчарку, повисаютъ на ней и теребятъ въ разныя стороны.

Наконецъ, лѣснику удалось отбиться отъ нихъ, испаранному и оборванному, и онъ набросился на Борыну. Они схва-

тылись какъ медвѣди и старались повалить одинъ другого, сталкивались, топчась нѣсколько шаговъ, качались и бились о стволы деревь.

Въ это время появился Антекъ, держа что-то подъ кожукомъ. Онъ оглянулся вокругъ своими ястребиными глазами и спрятался за дерево. Лѣсникъ, видимо, бралъ верхъ надъ Борыной. То тотъ, то этотъ сбивалъ противника на земь. Но старикъ чаще приходился подъ лѣсникомъ и, потерявъ шапку, ударялся сѣдой головой о корни, отъ которыхъ она отскакивала.

Антекъ оглянулся кругомъ еще разъ, вынулъ изъ-подъ полы короткое ружье, припалъ къ землѣ и, перекрестясь, по привычкѣ, прицѣлился въ голову отца. Въ эту минуту Борына и лѣсникъ опять поднялись на ноги... Поднялся также Антекъ и приложилъ ружье къ щекѣ. Но вдругъ сердце его сжалось страхомъ и у него потемнѣло въ глазахъ. Онъ самъ не понималъ, чтѣ съ нимъ, и едва узналъ голосъ отца, въ короткомъ, сорвавшемся крикѣ:

— На помощь, люди! Спасите!

Въ этотъ мигъ лѣсникъ такъ хватилъ старика прикладомъ по головѣ, что у него кровь даже брызнула, и Борына, поднявъ руки, свалился на-земь, какъ колода. Антекъ, придя въ себя, оставилъ ружье и бросился къ отцу. У старика виднѣлся глубокий шрамъ по черепу и все лицо было залито кровью. Онъ жмъ еще и бился ногами, но когда Антекъ отеръ ему глаза, то увидалъ, что они уже закатились.

— Отецъ! Исусе мой! Отецъ... Убили его! — закричалъ Антекъ и схватилъ-было отца на плечи. Но подбѣжали люди, уложили Борыну на носилки и начали прикладывать ему къ головѣ свѣтъ.

А Антекъ, присѣвъ на землю, рвалъ на себѣ волосы и кричалъ:

— Убили его! Убили! — Вдругъ онъ, словно что-то вспомнивъ, вскочилъ на ноги и съ рычаньемъ бросился на лѣсника, а въ глазахъ у него пылало такое бѣшенство, что лѣсникъ, уже усталый въ борьбѣ, побѣждалъ отъ него, поднявъ свое ружье. Но, слыша, что тотъ его догоняетъ, лѣсникъ обернулся и выстрѣлилъ почти въ упоръ, направивъ въ грудь Антека, однако далъ промахъ.

Тутъ Антекъ навалился на него со свѣжей силой, и напрасно защищался лѣсникъ, напрасно вырывался и молилъ о пощадѣ. Антекъ впился ему одной рукой въ горло, такъ что оно захрустѣло, ухватилъ другой рукой за ногу, качнулъ, поднялъ кверху и хватилъ противникомъ по одному стволу, по другому, пока духъ изъ него не вылетѣлъ.

Потомъ Антекъ напалъ на прочихъ, бросался отъ одной кучки къ другой и, весь въ крови, какъ бы въ безпамятствѣ, страшный, громилъ ихъ, несмотря на число, такъ что дворовые стали въ ужасѣ разбѣгаться. Лѣсъ остался за липчанами, и они радостными криками провожали бѣгущихъ.

Бабы стали перевязывать раненыхъ. Борыну уложили въ сани и повезли. Онъ былъ безъ памяти, блѣденъ, похожъ на мертвеца. Только кровь продолжала течь изъ раны, заливая ему лицо. Рядомъ съ санями шелъ Антекъ, поддерживалъ ему голову на ухабахъ и тихо, просящимъ голосомъ, приговаривалъ:

— Отецъ, Бога ради, отецъ!..

А народъ пошелъ весело. Оборванные, помятые, они не чувствовали усталости; иные даже припѣвали, сердце росло у людей, что ихъ взяла. А вершины сосенъ колыхались вѣтромъ и защищенный лѣсъ провожалъ людей тихимъ, благодарственнымъ шумомъ.

Вдругъ Борына открылъ глаза и долго всматривался въ Антека, какъ бы себѣ не вѣря; лицо его на мигъ прояснилось радостью; онъ зашевелилъ губами и съ видимымъ усиленіемъ прошепталъ:— Ты это, сынъ мой... Ты?—потомъ впалъ опять въ забытѣе.

VII.

Пришла весна. Возвѣстили ее людямъ пѣсни жаворонковъ, солнечный жаръ, согнавшій снѣга, согрѣвшій землю, и ласковые вѣтерки, теплые и нѣжные, какъ поцѣлуи матери. Земля раскрылась, но лежала еще лѣниво, въ ожиданіи новаго посѣва.

Ожидать пришлось ей еще долго: вѣдь въ Липцахъ почти что не осталось мужчинъ. Дня черезъ три послѣ побоища пришли стражники, всѣхъ переписали и съ полсотни хлопцовъ увели съ собой, въ тюрьму, а Антека повели, закрутивъ ему руки назадъ. Прошли три недѣли, стала ужъ весна вполнѣ, пора пахать и сѣять, пора всякой работы, а тутъ остались на-лицо только войтъ, кузнецъ, нѣсколько дряхлыхъ стариковъ, а изъ всѣхъ паробковъ одинъ только Ясекъ, по прозвищу Выворотный, мастеръ на забавныя выдумки, но работникъ ледащій. Да еще тяжело побитые, — тѣ тоже остались, но безъ пользы. Вотъ, хоть бы Стахъ Плошко, Матеушъ Голомбъ, вдовы Доминиковой сынъ Шимекъ и другіе больные.

А хуже всѣхъ было съ Мацѣемъ Борыной. Лѣсникъ разбилъ ему голову. Лѣсника Антекъ положилъ мертвымъ на мѣстѣ, а Борыну, какъ привезли полумертваго, такъ онъ и посейчасъ

лежалъ, хотя не мертвый, но и не живой. Дышать—дышалъ, а только лежалъ какъ колода и въ память не приходилъ.

Въ домѣ у него стала хозяйничать Ганка, потому что послѣ Борыны хозяиномъ на всемъ дѣлѣ приходился Антекъ, а онъ—въ тюрьмѣ. Его, значить, жена—хозяйка. И прибрала Ганка все въ свои руки. Крѣпко за свое уцѣпилась; кузнеца нисколько не испугалась; даже такъ на него напустилась, что тотъ, поругавшись, плюнулъ и отошелъ.

Увидя, что ее не напугаешь, кузнецъ перемѣнилъ манеру, прикинулся доброжелателемъ и пробовалъ уговорить Ганку, чтобы она, вмѣстѣ съ нимъ, обыскала сундукъ, весь домъ и чуланы. У старика гдѣ-нибудь припрятаны деньги, а лежитъ онъ, все равно, какъ покойникъ и ничего не примѣчаетъ. Есть ли деньги, Ганка не знала, а только и разыскивать ихъ съ кузнецомъ втайнѣ она отказалась. Пока живъ Борына, деньги—его; да еслибы и померъ, то денегъ нельзя вынимать, не дождавшись Антека.

А Борына, и въ самомъ дѣлѣ, все лежалъ безъ памяти. Порой будто просыпался, звалъ Ягну и что-то хотѣлъ сказать, потомъ опять деревенѣлъ, не выговоривъ ни одного слова. Вдова Доминикова была женщина знающая: заговаривала болѣзнь. — Какъ же, вѣдь дочери ея и ей было важно, чтобы Борына выздоровѣлъ, а то Ганка все прибрала къ рукамъ.—Но это не помогло нисколько. Да и докторъ не помогъ. Привозилъ его Рохъ изъ города, стоило десять рублей. Прописалъ докторъ что-то на бумажкѣ, а пользы было не больше, чѣмъ отъ дарового заговариванія Доминиковой вдовы. Въ домѣ поняли, что Борынѣ ужъ не отлежаться, и оставили его въ покоѣ. Извѣстно, что если кто заболѣлъ на смерть, то какихъ ему докторовъ и лекарствъ ни привози, а больной все-таки помереть. Если же ему суждено выздоровѣть, такъ онъ и безъ всякой помощи поправится.

И вотъ, старались они около старика: часто перемѣняли ему мокрыя тряпки на головѣ, да пить давали воды и маленько молока, а ѣсть онъ ничего не могъ и все тотчасъ выбрасывалъ. Стали ждать смерти старика со дня на день; а смерть не приходила; даже и опротивѣло долгое ожиданіе, потому что хлопотливо было за нимъ ходить.

По одной сторонѣ двора жили Ганка съ Юзей и домочадцами, по другой сторонѣ лежалъ Борына, а рядомъ жила Ягна. Тамъ же находилась кладовая съ бочками, наполненными зерномъ. Ключъ отъ кладовой висѣлъ у Борыны надъ кроватью на крючкѣ, подъ Распятіемъ. Разъ дѣвочка въ испугѣ прибѣжала къ Ганкѣ и сказала, что съ отцомъ неладно.

Ганка застала Борыну сидящимъ на краю кровати и бросалась поддержать его, чтобы онъ не упалъ. А онъ водилъ по ней глазами, взглянулъ и на дверь, въ которую, какъ разъ, входилъ кузнецъ.

— Ганка!—громко сказалъ старикъ.

— Я здѣсь. А только не поднимайтесь,—докторъ не велѣлъ.

— Чтò тамъ у васъ?—спросилъ онъ разбитымъ, не своимъ голосомъ.

— Весна идетъ, тепло.

Онъ заговорилъ, перерываясь:—А встали всѣ? На поле пора... Отбивай, не поддавайся!—Помолчавъ, онъ молвилъ опять:—На-перво ячмень бы сѣять... Ко мнѣ, братцы, на помощь!—крикнулъ Борына и упалъ навзничъ.

— Помираетъ!.. Исусе!.. помираетъ! Михаилъ, бѣги за ксендзомъ!

Служанка втискивала Борынѣ въ руку зажженную восковую свѣчу. Но Борына уронилъ ее, открылъ опять глаза и произнесъ въ полной памяти:

— Ганка, вышли этихъ людей... Пошли вонъ! — повторилъ онъ.

— Выйдите хотя въ сѣни!—просила Ганка.

Но кузнецъ отвѣтилъ:

— Уходи, Магда, я не сойду съ мѣста.—Онъ догадывался, что старикъ хочетъ что-то сообщить Ганкѣ. Но и Борына услышалъ эти слова зятя, приподнялся на кровати и такъ грозно взглянулъ на кузнеца, показывая ему на дверь, что тотъ вышелъ, но притаился за окномъ, къ которому выходили подушки на кроватяхъ.

Старикъ велѣлъ Ганкѣ подсѣсть близко къ себѣ.

— Тамъ, въ кладовой, найдешь немного денегъ... Такъ спрячь ихъ у себя, чтобы кто ихъ у тебя не унесъ...

— Гдѣ?—Она дрогнула отъ волненія.

— Въ зернѣ... Антка береги... Половину хозяйства продай... а не уступай... ваше...—Но, не окончивъ, Борына свалился на постель, и всѣ опять сбѣжались, думая, что уже конецъ. А онъ лежалъ себѣ попрежнему, словно бормоталъ что-то, глаза у него были открыты; но ничего вокругъ себя онъ не видѣлъ и не примѣчалъ.

„Въ зернѣ?—размышляла Ганка.—Стало быть, въ которой изъ бочекъ“. Однако, и кузнецъ, подъ окномъ, прослышалъ что-то будто о зернѣ, только не былъ увѣренъ. Ганку онъ пытался спрашивать, но, само собой, ушелъ ни съ чѣмъ.

А когда подошло Воскресенье Христово и все село собралось подъ ночь въ костелъ на торжество „резурекціи“, Ганка также вышла съ домочадцами, а въ домѣ, при Борынѣ, оставила своего старика-отца. Съ дороги она вернулась и, поставивъ отца сторожить при дверяхъ, вошла въ кладовую и, пробывъ тамъ съ полчаса, вышла, старательно застегивая лифъ на платьѣ. И когда въ костелѣ народъ заколыхался при гимнѣ, въ-павшемъ —

Surrexit Dominus! Alleluja!

— она, подъ платкомъ, нащупывала что-то за лифомъ. То же самое сдѣлала она, двигаясь съ процессіею, когда народъ дружно подхватилъ родную пѣснь:

Веселый намъ днесъ день насталь,
Коею каждый изъ насъ ждалъ...
Нынѣ Христосъ изъ мертвыхъ всталъ!
Нынѣ Христосъ изъ мертвыхъ всталъ!
Аллеluja!

На праздникахъ Ганка слегла и въ ту же ночь родила сына. Спустя нѣсколько дней, были крестины. Въ кумовья были приглашены войти и Плошкова жена. Изъ костела ребенка несла Юзя, за ней шли крестные, а на порогъ ихъ встрѣтила вдова Доминикова. Перекрестясь, она взяла ребенка, и прежде, чѣмъ войти въ домъ, обошла его вокругъ, по обычаю, причеиъ приостанавливалась на углахъ и приговаривала:

— На восходѣ—вѣтряно, на полуночи—холодно, на закатѣ—темно, на полуднѣ—тутъ согрѣйся; а вездѣ зла берегись, душа человека, и только на Бога надѣйся.

Войтъ засмѣялся.

— Вѣдь набожная вы, Доминикова, а также поколдовать можете.

— Конечно. Молитва помогаетъ, а и заговоръ не вредить.

Шумно вошли они въ горницу. Вдова Доминикова распеленала ребенка и совсѣмъ голенькаго, краснаго какъ ракъ, подала матери на руки.

— Праведнаго христіанина, Роха именемъ при св. крещеніи нареченнаго, приносимъ вамъ, мати. Пусть растетъ на утѣшеніе.

Черезъ недѣлю Ганка встала съ кровати и пошла въ костелъ за молитвой.

Наступала уже поздняя весна, а въ Липцахъ на поляхъ рѣдко гдѣ можно было примѣтить плугъ или людей, согнувшихся надъ работой. Въ сосѣднихъ же деревняхъ въ полѣ шумѣло.

Въ Рудкѣ, Волѣ, въ Модлицѣ, всюду пахали, сѣяли, сажали картофель, а на песчаныхъ пашняхъ уже подымалась пыль вслѣдъ за боронами. Въ Липцахъ, вмѣсто того, работали однѣ бабы. Работали онѣ съ утра до ночи. Ганкѣ удалось даже и Ягну выгонять въ поле. А только вся эта бабья работа не стоила и того, что сдѣлали бы десять хлоповъ. Занимались онѣ картофелемъ да льнами, по остальнымъ же полямъ громко скригивались куропатки и вороны ходили стаями, а то и зайчикъ мигнетъ потихоньку. Однимъ словомъ, лежали на солнцѣ поля невоздѣланы, необсѣяны, какъ лѣнныя хлопы въ похмельѣ, и поростали лебедой, ежой, репейникомъ, коровьякомъ. У Борыновъ все же было лучше: пахалъ работникъ Петрекъ, хотя еще и непривычный. А у другихъ — совсѣмъ была бѣда.

Спасибо, помогли сосѣди. Ксендзу и страннику Роху удалось уговорить крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень, когда ими были прикончены у себя самыя спѣшныя работы, придти въ Липцы на два дня, пахать и сѣять. Вдругъ свалилось множество сосѣдняго народа и загорѣлась работа. И липцовскія хозяйки, ничего не жалѣя, хотя и мало что оставалось въ весеннюю пору, кормили и горѣлкой угощали сосѣдей-землевладѣльцевъ.

Только подъ Вознесенье возвратились, наконецъ, всѣ арестованные на лѣсномъ побоищѣ крестьяне. Радость великая была на селѣ. И за работы принялись они такъ, что все въ рукахъ горѣло. Вскорѣ вернулся и Гржеля съ военной службы, младшій сынъ Борыны.

Одного Антка все еще не было. За убійство лѣсника ему слѣдовало идти подъ судъ, но сперва кузнецъ, а послѣ и Рохъ провѣдали, что его могутъ выпустить изъ тюрьмы на поруки, особливо если будетъ внесенъ залогъ въ пятьсотъ рублей. Рублей семидесяти до этого не хватало въ тѣхъ деньгахъ, которыя Ганка, по приказанію старика Борыны, вынула изъ зерна въ владовой. То, чего недоставало, надо было какъ-нибудь промислить, и Ганка совѣтовалась объ этомъ съ Рохомъ, которому, какъ святому человѣку, сказала о вынутыхъ деньгахъ.

Рохъ, недѣли двѣ бывший въ отсутствіи, возвратясь, тотчасъ зашелъ къ Борынѣ.

— Ну, что, Мацѣй... Узнаете меня? — Старикъ слабо улыбнулся, заморгавъ и зашевелилъ губами, а голоса изъ себя добыть не могъ. — Ничего... дастъ Господь Іисусъ, такъ еще и выздоровѣете.

Видно, понялъ Борына, а только покачалъ головой и, какъ бы недовольный, отвернулся отъ него на другой бокъ.

— Правда, что отцу стало лучше?—спросила Ганка, когда Рохъ вышелъ. Онъ призадумался. Потомъ сказалъ наставительно:

— И лампа, которая погасаетъ, прежде вспыхнетъ. Мнѣ такъ кажется, что Мацѣю конецъ приходитъ.

— Вотъ и Ямбровій тоже говорилъ. И совѣтовалъ гробъ забавать, не дожидаясь.

— Что-жъ, велите сдѣлать, недолго и ждать придется.

Рохъ поѣлъ согрѣтаго Ганкой молока съ хлѣбомъ, а потомъ сталъ помогать ей въ устройствѣ передъ хатой алтаря для процессіи Тѣла Господня. Праздникъ этотъ приходился на другой день, и такіе временные алтарики, передъ которыми процессія должна была останавливаться для чтенія евангелія, устраивались въ разныхъ мѣстахъ села.

О больномъ Борынѣ не разъ вспоминали односельчане, когда судили о дѣлахъ и нуждались въ совѣтѣ.

— Было кого и послушать... А войти что?! Пустая голова.

— Теперь къ начальнику вызванъ. А писарь сказывалъ, что начальникъ велитъ ему собрать сходъ и составить приговоръ насчетъ школы для Липцовъ и для Модлицы.

— Пусть сзываетъ; а мы-то и не приговоримъ, — отозвался съ хитрой усмѣшкой хозяинъ Клѣмбъ.

— А то еще набавятъ сбору съ морга, какъ было въ Долахъ.

— Извѣстное дѣло. Только, если начальникъ прикажетъ, — вставилъ солтысъ, — такъ вѣдь должны будемъ послушаться.

— Да развѣ онъ намъ можетъ приказывать? Пусть-ка онъ лучше своимъ стражникамъ прикажетъ, чтобы они не крали виѣстъ съ ворами.

Солтысъ счелъ нужнымъ предостеречь запасного солдата Гржелю, Анткова брата.

— А ты бы, Гржелю, лишняго не говорилъ. Иного языкъ дальше повелъ, чѣмъ ему хотѣлось.

— Буду говорить, потому право наше знаю и начальства не боюсь. Это у васъ, барановъ, икры трясутся передъ любымъ стрипцимъ изъ чиновниковъ.

— Это правда, — сказалъ Клѣмбъ. — Школа совсѣмъ намъ не нужна. Вотъ мой Ядамекъ два года ходилъ къ учителю въ Волѣ, картофелю мы ему возили, масла, яицъ, а ничего не вышло. По молитвенной книжкѣ читать и не учился, а по-русски тоже — ни бе, ни ме... Младшихъ моихъ я ужъ нынче зимой посылалъ учиться къ Роху... И вотъ, вѣдь и господскія книги они читать могутъ, и даже писанное, такъ и то разбираютъ.

— Роха, значить, намъ и нанять, какъ слѣдуетъ, — совѣ-

товаль Гржеля.—Пусть онъ и дальше учить, всѣхъ пусть... Школа для дѣтей нужнѣе даже, чѣмъ сапоги.

На эти слова солтысъ двинулся въ самую середину кружка.

— Ужъ, конечно, лучше всѣхъ могъ бы Рохъ. Онъ и монхъ дѣтей обучилъ. А только—нельзя. Начальство, должно быть, уже пронюхало и слѣдить за нимъ глазомъ... Недавно старшій чиповникъ въ канцеляріи разспрашивалъ меня про него, а какъ я отпѣкивался, онъ осердился; „и я очень хорошо, говорить, знаю, что Рохъ дѣтей у васъ учить и польскія книжки да газеты раздаетъ людямъ“... Роха мы должны остеречь, — прибавилъ отъ себя солтысъ.

— Это вѣрно!—отозвался старый Плошко.—Человѣкъ онъ хорошій, набожный, а черезъ него бѣда можетъ на деревню свалиться.

Тутъ Гржеля не выдержалъ.

— Пожалуй, вы выдадите его отъ страха.

— Молодъ ты еще... А я хорошо помню, что дѣлалось въ ту войну, когда паны воевали... Ни за что, ни про что, всякое начальство возьметъ, бывало, да и вздуетъ крестьянъ плетми... Тутъ намъ впутываться нечего, не наше это дѣло.

— Въ войты думаешь выйти, а самъ глупъ, какъ дыривый сапогъ!—огрызнулся Гржеля.

VIII.

Подъ сѣновосъ Ганка ѣздила въ городъ и внесла залогъ за Антеа. Ей сказали, что его выпустятъ черезъ три дня. На другой день стали косить. Ганка съ Ягустинкой принесли ѣсть косарямъ, а сами пока присѣли на травѣ. Вдругъ прибѣжалъ Витекъ:

— Домой, хозяйка, скорѣе!—Ганка вскочила въ испугъ.

— Случилось что?

— Хозяинъ чего-то кричитъ!—Она побѣжала домой.

А случилось вотъ что. Борынъ въ послѣднее время стало въ самомъ дѣлѣ какъ будто лучше. Его выносили въ садъ, и въ самые жаркіе дни даже на ночь оставляли его на постели въ саду, потому что въ хатѣ было ему душно. Ъсть только онъ почти не ѣлъ, даже отъ молока сталъ отказываться. А въ это утро онъ чаще перевертывался съ боку-на-бокъ, вскакивалъ и все про себя бормоталъ, а то еще чего-то искалъ. А въ полуденное время вдругъ сталъ со всей мочи кричать.

Когда прибѣжала Ганка, онъ сидѣлъ и сразу закричалъ на нее:

— Сапоги-то мои куда вы запропастили?

— Сейчасъ принесу изъ чулана,—боязливо успокаивала его она. А старикъ, казалось, совсѣмъ пришелъ въ себя, но глядѣлъ грозно.

— Заспался я, песня ихъ кровь! А они тоже дрыхнуть...— Онъ широко зѣвнулъ.—А Куба, чтобъ онъ мнѣ сейчасъ борону выволокъ, сѣять пойдемъ.

Такъ онъ приказывалъ, а того не помнилъ, что Куба давно померъ. Домашніе всѣ стояли давно передъ Боруной, не зная, чтѣ имъ дѣлать, а онъ вдругъ повалился на земь. Однако, скоро опять проговорилъ:

— Ты, Гануся, не бойся... Это меня такъ только, затмило... А что Антекъ—въ полѣ, а?—Больного уложили на одѣялѣ. А онъ свое:—Въ полѣ, что-ли?

— Еще бы... Съ самага, какъ есть, свѣта...—Боруна осматривался вокругъ и все говорилъ, говорилъ. Только на одно слово путное—десять пустыхъ. Хотѣлъ одѣваться, сапоговъ искалъ, а порой, схватившись за голову, стоналъ такъ пронзительно, что Ганка велѣла внести его въ хату и послала за ксендзомъ.

Ксендзъ пришелъ съ причастіемъ, но только соборовалъ больного.

— Ничего ему уже не надо, въ любой часъ уснетъ.

Къ вечеру набралось въ хату народу, думали—уже помираетъ. Но старикъ успокоился и заснулъ. На другой день было то же самое. То онъ узнавалъ своихъ и говорилъ въ своемъ умѣ, то лежалъ какъ мертвый. Теперь сидѣть при немъ стала Ягна. Никто не отнималъ у жены ея права. Да и своего дѣла у каждаго было много. Шелъ сѣнокосъ, село было весь день на лугахъ.

Такъ прошло еще нѣсколько дней. А Антеа все не было. Только въ полночь однажды Боруна, проснувшись, сѣлъ на кровати, покивалъ головой, которую обливалъ свѣтъ мѣсяца, и пальцами сталъ перебирать по головѣ, лежа на постели, точно хотѣлъ побольше лучей набрать.

Онъ всталъ на полъ и пробормоталъ: — Уже свѣтаетъ... пора... — Подошелъ къ окну, и ему показалось, что уже день, что поздно, что торопиться надо...

— Пора, пора...

Онъ перекрестился нѣсколько разъ и сталъ искать, гдѣ сапоги;

потомъ забылъ о нихъ и вышелъ на дворъ. Проснулась собака, пошла за нимъ и, подскакивая, лизала ему руки.

Борына вошелъ въ конюшню и ласково потрепалъ лошадей, заглянулъ въ хлѣвъ; увидѣлъ на дворѣ телѣгу и хотѣлъ-было ее выдвинуть за дышло, но потомъ, примѣтивъ блестящій на мѣсяцѣ плугъ, пошелъ къ нему, но забылъ и о немъ по дорогѣ...

Тогда онъ вышелъ въ поле. Собака бѣжала за нимъ.

— Сѣять пора... — Онъ присѣлъ на загонѣ и, повертѣвъ рукой передъ рубахи, другой рукой сталъ наполнять этотъ будто мѣшокъ землею съ гряды и съ трудомъ поднялся на ноги. Потомъ перекрестился, сдѣлалъ размахъ рукою — и сталъ землею сѣять...

Борынѣ и отъ этой горсти земли было тяжело: Онъ наклонился впередъ и медленно шелъ, шагъ за шагомъ, обсѣивая гряды полукружнымъ, какъ бы благословляющимъ движеніемъ руки.

Когда земли ему не доставало, онъ набиралъ новой и все ходилъ между грядями, тихо, точно призракъ, осѣнявшій благословеніемъ каждую кучку развороченной земли и каждую въ ней былинку.

А когда мѣсяцъ зашелъ, звѣзды стали меркнуть и пѣтухи заплѣ передъ свѣтомъ, Борына забывалъ вновь набирать земли и сѣялъ пустою уже рукою, точно высѣивалъ на эту отцову и праотцову пашню — уже себя самого, всѣ прожитые дни, всю жизнь человѣческую; все это онъ въ свое время принялъ, а нынѣ возвращалъ тѣмъ же святымъ нивамъ — и Предвѣчному Богу!

Л. Полонскій.

НАШИ ЗАДАЧИ

НА

БЛИЖНЕМЪ ВОСТОКЪ

Несчастливая война съ Японіей была вызвана ближайшимъ образомъ нашей ошибочной политикой на Дальнемъ Востоке. Завладѣвъ по пекинскому договору 1860 года Уссурийскимъ краемъ, мы затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ 35-ти лѣтъ совсѣмъ какъ бы забыли о Дальнемъ Востоке. Но лѣтъ десять тому назадъ стали раздаваться голоса, что у насъ тамъ есть своя историческая миссія, что насъ стихійно влечетъ къ Тихому океану, что мы должны стать твердою ногою на его побережьяхъ и распространить свое культурное, политическое и военное вліяніе на сопредѣльные страны. И вотъ, задавшись цѣлями, въ сущности не нужными для Россіи, не вызываемыми насущными потребностями ея государственной жизни и потому непонятными для огромнаго большинства ея населенія, мы безъ всякой для себя надобности заняли Портъ-Артуръ, а затѣмъ и Манчжурію, и вторглись въ сферу жизненныхъ интересовъ другихъ государствъ. За эти ошибки нашей политики, за непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ, за полное незнакомство съ жизнью сосѣднихъ съ нами народовъ и игнорированіе ихъ потребностей и стремленій—намъ и пришлось поплатиться неслыханными пораженіями на сушѣ и на морѣ, и долго придется считаться еще и съ тяжелыми послѣдствіями неудачной войны. Этотъ кровавый урокъ, полученный нами на Дальнемъ Востоке, долженъ заставить насъ оглянуться и на другія наши якобы государственныя задачи и историческія миссіи и тщательно проанализировать, откуда взялись онѣ: вызваны ли онѣ къ жизни дѣй-

ствительными государственными нуждами Россіи, или составляютъ лишь плодъ фантазіи людей, не дающихъ себѣ труда ознакомиться подробнѣе съ дѣломъ и проникнуть глубже въ сущность его. Одной изъ такихъ задачъ, завѣщанныхъ намъ, будто бы, исторіей, является, по мнѣнію многихъ, овладѣніе Константинополемъ и турецкими проливами; изслѣдованію этого вопроса и посвящается предлагаемая статья.

Константинополь издревле пользовался славой города, имѣющаго мировое значеніе. Кому бы ни приходилось говорить о восточномъ вопросѣ, будь то скромный газетный дѣятель или такой авторитетъ въ вопросахъ политики и военнаго дѣла, какъ Наполеонъ, для всѣхъ крупное, капитальное значеніе Константинополя являлось аксіомой, исходной точкой всякихъ сужденій по этому вопросу. Въ извѣстномъ смыслѣ такое сужденіе о Константинополѣ было нѣкогда безусловно вѣрнымъ. Его дивное, единственное въ мірѣ географическое положеніе во всѣ времена привлекало къ себѣ вниманіе наблюдателей. Благодаря ему, Константинополь, обладая совершенно исключительною обороноспособностью, могъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть превосходною базой для наступательныхъ дѣйствій какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Тѣмъ не менѣе, его мировое значеніе обуславливалось не этою особенностью: она не помѣшала Византійской имперіи исчезнуть съ лица земли, какъ не могла удержать и Турцію на степеніи первоклассной державы. Выдающееся значеніе Константинополя обуславливалось единственно его положеніемъ по отношенію къ путямъ мировой торговли.

Находясь на границѣ двухъ міровъ, будучи главнымъ складочнымъ мѣстомъ произведеній Европы и Азіи, держа въ политической отъ себя зависимости прочіе города Леванта, онъ господствовалъ надъ мировымъ торговымъ путемъ, по которому товары богатѣйшихъ странъ міра, Китая, Индіи, Персіи и Аравіи, доставлялись въ Европу. Это господство было полнымъ въ средніе вѣка, когда вся торговля Европы съ Азіей шла исключительно черезъ Левантъ. Впервые оно пошатнулось съ открытіемъ морского пути въ Индію; показателемъ происшедшей тогда перемены явилось паденіе итальянскихъ республикъ, все могущество которыхъ основывалось на торговлѣ съ Константинополемъ и малоазійскими и сирійскими портами. По мѣрѣ развитія морскихъ сношеній значеніе Леванта, какъ мирового торговаго пути, падало все болѣе и болѣе, и уже въ прошломъ столѣтіи,

даже во времена Наполеона, вряд ли было справедливо говорить о мировом значении Константинополя. Но окончательный удар былъ ему нанесенъ открытіемъ въ 1869 году Суэцкаго канала, благодаря которому мировой торговый путь, нѣкогда шедшій черезъ Левантъ, отклонился къ югу и пошелъ черезъ Красное море въ Индійскій океанъ. За Константинополемъ и портовыми городами Леванта сохранилось лишь мѣстное торговое значеніе—складочныхъ пунктовъ для странъ, лежащихъ непосредственно за ними. И въ настоящее время на рынкахъ Константинополя, если и можно найти товары южной и восточной Азіи, то лишь въ самомъ незначительномъ количествѣ, едва достаточномъ для мѣстнаго потребленія. Вотъ въ какихъ словахъ характеризуется теперешнее торговое положеніе Константинополя съ компетентной стороны: „Въ настоящее время Константинополь, бывшій центромъ, откуда товары расходились по значительной части Турецкой имперіи и даже по Персіи и Балканскимъ государствамъ, опустился до степени рынка, удовлетворяющаго потребностямъ только своего округа, а бѣдность сводить эти потребности до крайняго минимума“. (Turkey. Diplomatic and Consular Reports. Trade of Constantinople for the years 1899 and 1900.—Foreign office, July 1901). Мировая торговля пошла другимъ путемъ, и Константинополь уступилъ свое мировое значеніе другому пункту Оттоманской имперіи, Суэцкому каналу.

Можетъ показаться, что съ осуществленіемъ проекта багдадской желѣзной дороги, которая соединитъ Константинополь съ Персидскимъ заливомъ и Индійскимъ океаномъ, откроется новый путь для торговли съ Востокомъ, который вернетъ Константинополю его прежнее значеніе. Однако, при всемъ желаніи смотрѣть на это дѣло съ оптимистической точки зрѣнія, сами составители проекта сомнѣваются въ возможности для багдадской желѣзной дороги конкурировать съ Суэцкимъ каналомъ; а тотъ фактъ, что постройка дороги безъ правительственной гарантіи представляется совершенно немислимой, лучше всего свидѣлствуетъ, какъ далеко ей до того, чтобы стать мировымъ путемъ. Она рассчитана, главнымъ образомъ, на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей въ путяхъ сообщенія, а еще вѣрнѣе, на возможность тянуть при ея помощи презрѣнный металлъ изъ турецкой казны. Возстановить мировое значеніе Константинополя онъ не можетъ: оно безвозвратно перешло въ Суэцкому каналу.

Какъ видно изъ этого, торговое значеніе Константинополя въ настоящее время весьма невелико и, повидимому, не имѣетъ ни какихъ шансовъ возрасти въ будущемъ. Въ политическомъ отно-

шеніи Константинополь, какъ по своему географическому положенію, такъ и по историческимъ традиціямъ, принадлежитъ всецѣло Балканскому полуострову. Послѣдній населенъ молодыми народами, греками, сербами, болгарами, только-что вступившими на арену независимой политической жизни, но уже доказавшими свою способность къ самостоятельной культурной жизни. Для нихъ Константинополь былъ и останется столицей Балканскаго полуострова, предметомъ ихъ современнѣйшихъ вождѣній: та непримиримая ненависть, которую эти народы безъ исключенія питаютъ къ туркамъ, въ значительной мѣрѣ исходитъ изъ факта владѣнія послѣдними Константинополемъ, исконною собственностью и историческимъ наслѣдіемъ балканскихъ народовъ. Тяжелая забота сдерживать вождѣнія ихъ лежитъ при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ на туркахъ; и въ усиліяхъ сдержать ихъ Турція истощаетъ свои послѣднія силы. И въ чьи бы руки ни перешелъ Константинополь впослѣдствіи, новый властелинъ сталъ бы также ненавистенъ балканскимъ народамъ, такъ какъ онъ отвѣчалъ бы у нихъ наслѣдіе, по естественнымъ и историческимъ основаніямъ принадлежащее имъ, и тѣмъ поставилъ бы непроходимую преграду на пути ихъ дальнѣйшаго политическаго развитія.

Сравнительно невелико также значеніе Константинополя и съ военной точки зрѣнія, хотя онъ и является столицей Оттоманской имперіи. Какъ извѣстно, на войнѣ важнѣйшими цѣлями операцій является сначала непріятельская армія, а затѣмъ обыкновенно столица государства, какъ крупнѣйшій населенный пунктъ страны съ большими запасами всякаго рода средствъ и матеріаловъ, какъ средоточіе высшихъ административныхъ учрежденій, а главнымъ образомъ какъ колыбель народа, создавшаго данное государство. Поэтому занятіе столицы, отодвигая оборону страны на окраины, въ большинствѣ случаевъ ведетъ къ серьезному ослабленію ея обороноспособности. Въ Турціи это не такъ: Оттоманская имперія зародилась въ Малой Азій, и оттуда, главнымъ образомъ, она и до сихъ поръ черпаетъ свои силы; по отношенію къ Турціи занятіе Малой Азій, а не Константинополя, имѣло бы то же значеніе, что въ другихъ случаяхъ занятіе столицы. Это обстоятельство въ значительной степени понижаетъ цѣнность Константинополя, какъ объекта военныхъ операцій.

Итакъ, столица Оттоманской имперіи сама по себѣ не имѣетъ большого значенія ни въ какомъ отношеніи; но чтобы вполне разбраться въ этомъ вопросѣ, необходимо рассмотреть, каково значеніе проливовъ Дарданельскаго и Босфора, съ которыми Констан-

вополь тѣсно связанъ, будучи расположенъ на берегахъ послѣдняго. Какъ извѣстно, проливы эти составляютъ единственный истокъ бассейна Чернаго моря. Вслѣдствіе этого вся система морей Азовскаго, Чернаго и Мраморнаго съ проливами Керченскимъ, Босфоромъ и Дарданеллами теряетъ характеръ открытаго моря и становится похожею скорѣе на одну обширную рѣчную систему: это точно одна рѣка, берега которой то раздвигаются на нѣсколько сотъ верстъ, то сближаются на нѣсколько сотъ сажень. Уподобленіе бассейна Чернаго моря съ его выходами рѣчной системѣ не лишено извѣстнаго значенія; оно отразилось на одномъ изъ самыхъ знаменитыхъ постановленій международнаго права: въ противоположность открытому морю, въ этихъ водахъ могутъ плавать военныя суда только тѣхъ націй, берега которыхъ ими омываются. Такимъ образомъ, международные трактаты, закрывающіе турецкіе проливы для иностранныхъ военныхъ судовъ, находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ географическими особенностями системы Чернаго моря, что оправдываетъ ихъ существованіе и служитъ лучшей гарантіей ихъ прочности.

У насъ въ Россіи есть рѣчная система, представляющая собою поразительную аналогію съ системою Чернаго моря и проливовъ: это система рѣки Невы. Нева также, какъ и Дарданеллы, является единственнымъ истокомъ нѣсколькихъ обширныхъ водныхъ бассейновъ, соединенныхъ между собою рѣками или проливами, и, подобно Дарданелламъ, выводитъ воды всей системы въ заливъ, богатый островами, и далѣе во внутреннее море, соединяющееся съ океаномъ узкимъ проливомъ. И что еще замѣчательнѣе, — двѣсти лѣтъ тому назадъ и политическая обстановка на берегахъ рѣкъ и озеръ системы Невы была похожа на ту, которая представляется нынѣ на берегахъ водныхъ пространствъ, истокомъ которыхъ служатъ Дарданеллы. Подобно тому, какъ нынѣ Турція, владѣя проливами, отрѣзываетъ Россію отъ Средиземнаго моря, такъ въ тѣ времена на сѣверѣ шведы, владѣя рѣкою Невкою, господствовали надъ морскими сношеніями Россіи съ западной Европой, хотя Россія и владѣла уже берегами озеръ Ильменя, Онежскаго и отчасти Ладожскаго, какъ нынѣ владѣетъ берегами Чернаго и Азовскаго морей. На этомъ, однако, сходство и кончается: совершенно другая общая политическая обстановка создаетъ для Россіи и инныя задачи по отношенію къ проливамъ сравнительно съ тѣми, которыя ей пришлось рѣшать тогда, двѣсти лѣтъ тому назадъ, относительно Невы. Въ тѣ времена Россія была отдѣлена отъ культурныхъ центровъ западной Европы враждебными ей государствами, Швеціей, Поль-

шей, Турціей, противъ которыхъ съ трудомъ отстаивала свою независимость и цѣлость. Петръ Великій, задавшись цѣлью сблизить Россію съ Европой, естественно долженъ былъ добиваться непосредственной связи съ нею путемъ прямыхъ сношеній моремъ: для этого ему необходимо было овладѣть рѣкою Невой отъ истоковъ до устья. Онъ начинаетъ со взятія Нотебурга у истоковъ Невы въ октябрѣ 1701 г., дѣлаетъ его укрѣпленной базой для дальнѣйшихъ операцій и кончаетъ основаніемъ Петербурга въ 1703 году. Этимъ достигалась цѣль, имъ себѣ поставленная,—прямая связь съ Европой стала возможной, что и выразилось въ томъ же году прибытіемъ перваго иностраннаго судна въ новый русскій портъ.

Въ настоящее время связь Россіи съ Европой неразрывна, ей нѣтъ надобности добиваться ея черезъ Средиземное море; нѣтъ у нея также и никакихъ другихъ крупныхъ государственныхъ задачъ ни въ Средиземномъ, ни въ другихъ моряхъ, къ рѣшенію которыхъ нужно бы было призвать морскія силы, создаваемые нами на Черномъ морѣ. Территорія Россійской имперіи вся находится на материкѣ Стараго Свѣта,—заокеанскихъ владѣній у нея нѣтъ; нѣтъ, слѣдовательно, и надобности пользоваться черноморскимъ флотомъ для обезпеченія какихъ-либо линій морскихъ сообщеній. Оборона побережій достигается если не полнѣе, то надежнѣе мѣропріятіями на сушѣ, чѣмъ при помощи боевого флота. Русскій торговый флотъ сравнительно невеликъ,—вся морская торговля Россіи ведется, главнымъ образомъ, на иностранныхъ судахъ; слѣдовательно, боевой флотъ не требуется и для защиты торговаго флота, который въ данномъ случаѣ лучше охраняется угрозами соотвѣтствующихъ репрессалій. Что же касается, наконецъ, обезпеченія сношеній съ нѣкоторыми изъ нашихъ отдаленныхъ окраинъ, то для этого правильнѣе и надежнѣе прибѣгнуть къ развитію желѣзныхъ дорогъ. Однимъ словомъ, съ какой точки зрѣнія ни взглянуть на дѣло, ни черноморскому флоту, ни вообще русскимъ морскимъ силамъ не представляется никакихъ задачъ государственнаго значенія по ту сторону проливовъ; нѣтъ, слѣдовательно, и надобности добиваться овладѣнія ими, и нахожденіе ихъ въ рукахъ посторонняго государства, съ этой точки зрѣнія, является для насъ въ сущности безразличнымъ.

Но, будучи выходами въ Средиземное море, проливы вѣстѣ съ тѣмъ образуютъ и входъ въ Черное море, и такъ какъ они принадлежатъ Турціи, то фактически отъ нея и зависятъ открыть или закрыть доступъ къ нашимъ черноморскимъ берегамъ торговымъ и военнымъ судамъ другихъ державъ. Въ мирное время

это обстоятельство не имѣетъ большого значенія: международными договорами плаваніе по проливамъ обезпечено для торговыхъ судовъ всѣхъ націй, въ томъ числѣ, конечно, и Россіи, и запрещено всѣмъ военнымъ судамъ; въ случаѣ же войны съ Турціей нахожденіе проливовъ въ ея власти ставитъ насъ въ необходимость считаться съ возможностью появленія въ Черномъ морѣ сильныхъ эскадръ морскихъ державъ, которыя могутъ находиться въ союзѣ съ Турціей. Въ виду этого возникаетъ вопросъ: не нужно ли стремиться къ овладѣнію проливами или хотя бы только частью Босфора съ чисто оборонительными цѣлями, — чтобы путемъ надлежащаго загражденія и укрѣпленія ихъ преградить доступъ въ Черное море всякому непріятельскому флоту и тѣмъ обезпечить себѣ какъ безопасность своихъ береговъ, такъ и свободу дѣйствій на морѣ?

Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, стремленіе къ проливамъ можетъ имѣть въ виду двоякую цѣль: либо окончательное присоединеніе части Босфора къ Россіи, чтобы навсегда обезпечить за нами владѣніе Чернымъ моремъ; либо только временный захватъ ея, вызванный стратегическими соображеніями—необходимостью обезпечить операціонную линію къ Константинополю по Черному морю. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и надлежитъ разсмотрѣть вопросъ.

Береговая линія Чернаго моря только на половину принадлежитъ Россіи: на югѣ и западѣ воды его омываютъ берега Турціи, Болгаріи и Румыніи. Поэтому стремленіе сдѣлать Черное море русскимъ озеромъ едва ли можетъ быть оправдано съ правовой точки зрѣнія и, конечно, встрѣтитъ противодѣйствіе со стороны трехъ названныхъ государствъ. Но, разумѣется, когда дѣло касается насущныхъ интересовъ великаго народа, какъ-то принято считать, что вопросы права отходятъ на второй планъ; и присоединеніе Босфора на вѣчныя времена къ Россіи могло бы быть признано вполне законнымъ, еслибъ оно вызывалось насущными государственными нуждами ея. Но этого-то и нѣтъ.

Черное море и его берега въ оборонительномъ отношеніи отнюдь не находятся въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ другія моря, омывающія берега Россіи; скорѣе наоборотъ: международныя постановленія, закрывающія входъ въ Черное море военнымъ судамъ всѣхъ націй, ограждаютъ русскіе берега его отъ внезапнаго нападенія враждебнаго флота, который могъ бы при иныхъ условіяхъ даже имѣть стоянку въ этомъ морѣ. Другими словами, оборона нашего черноморскаго побережья въ настоящее время лежитъ въ сущности на Турціи, на дарданелльскихъ батареяхъ,

черезъ которыя ни одинъ флотъ не рискнетъ пройти, не заручившись предварительно согласіемъ Порты. А дать его Порта едвали рѣшится, такъ какъ это повело бы къ войнѣ съ Россіей, отъ которой турки врядъ ли могутъ ждать добра для себя. Такого преимущества лишены другія моря Россіи,—лишено, на примѣръ, Балтійское море, которое, однако, также соединено съ океаномъ узкими проливами и на берегахъ котораго также находятся важныя въ коммерческомъ отношеніи города, и въ томъ числѣ Петербургъ, первый по торговымъ оборотамъ порты имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ столица ея. И тѣмъ не менѣе, никому и въ голову не приходило, чтобы Россіи, для обезпеченія береговъ Балтійскаго моря, необходимо было завладѣть Зундомъ и Бельтами. Если такимъ образомъ оборону береговъ Балтійскаго моря признано возможнымъ основать на иныхъ началахъ, чѣмъ захватъ проливовъ, ведущихъ въ него, то нѣтъ, повидимому, причинъ, почему бы оборона береговъ Чернаго моря не могла быть построена на тѣхъ же основаніяхъ.

И потому, самое предположеніе, что оборона Чернаго моря въ одномъ пунктѣ на верхнемъ Босфорѣ будетъ легче и потребуетъ меньшихъ затратъ и усилій, едвали можетъ быть доказано съ достаточною убѣдительностью. Если правда, что построенная на Босфорѣ крѣпость замѣнитъ цѣлую серію крѣпостей по берегамъ Чернаго моря, то вѣдь и значеніе ея будетъ гораздо выше каждой изъ нихъ въ отдѣльности; и потому устройство и содержаніе ея будутъ требовать гораздо большихъ средствъ и силъ сравнительно съ тѣмъ, что нужно для нихъ. Бріальмонъ, составляя свой проектъ обороны Константинополя, включилъ въ предѣлы предположеннаго имъ укрѣпленнаго лагеря весь Босфоръ и ближайшую часть Мраморнаго моря; стоимость осуществленія его проекта опредѣлялась въ 600 милліоновъ франковъ. По этому можно составить себѣ нѣкоторое представленіе, что можетъ стоить серьезная крѣпость на Босфорѣ. Къ тому же, надо думать, и существующія крѣпости врядъ-ли можно будетъ упразднить, такъ какъ иначе съ участіемъ укрѣпленій на Босфорѣ была бы связана участь всего черноморскаго побережья. Такимъ образомъ, устройство и содержаніе крѣпости на верхнемъ Босфорѣ не только не облегчило бы государственнаго бюджета, но легло бы еще новымъ тяжелымъ бременемъ на него.

Съ другой стороны, если численность гарнизона одной крѣпости на Босфорѣ и будетъ меньше того числа войскъ, которое нужно теперь для охраны береговъ Чернаго моря, то оставить его безъ готовыхъ резервовъ все же будетъ невозможно, и, слѣдователь о,

все равно придется держать въ извѣстной готовности нѣкоторое число войскъ, не говоря уже о томъ, что и самый гарнизонъ долженъ быть весьма значительной силы. Съ наступленіемъ же военнаго времени къ берегамъ Чернаго моря въ качествѣ резервовъ будутъ прикованы цѣлые корпуса: примѣръ крымской кампаніи показалъ, что упорная оборона одного пункта можетъ стоить десятковъ тысячъ человѣческихъ жизней. Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія экономіи въ численности войскъ, назначенныхъ для обороны черноморскаго побережья, результаты завладѣнія верхнимъ Босфоромъ представляются весьма гадательными.

Итакъ, крѣпость на Босфорѣ врядъ-ли чѣмъ улучшила бы военное положеніе Россіи на Черномъ морѣ и въ проливахъ; скорѣе наоборотъ: она поставила бы русскія владѣнія лицомъ къ лицу съ флотами морскихъ державъ, отъ которыхъ ихъ теперь отдѣляетъ Турція. А между тѣмъ политическія осложненія, къ которымъ можетъ повести захватъ даже части Босфора, трудно и предвидѣть въ настоящее время. Одно несомнѣнно—дальѣйшее пребываніе турокъ въ Константинополѣ станетъ невозможнымъ, и будетъ положено начало непримиримой вражды къ намъ балканскихъ народовъ: и то, и другое для насъ одинаково нежелательно.

Другою цѣлью экспедиціи къ Босфору можетъ быть, какъ сказано выше, временное занятіе его съ цѣлью обезпеченія проходящей моремъ операціонной линіи отъ русскихъ береговъ къ Константинополю, какъ непріятельской столицѣ. Эта тема особенно усердно разрабатывалась нѣмецкими военными писателями и публицистами въ цѣломъ рядѣ статей, брошюръ и книгъ подъ разными кричащими заголовками („Борьба за Константинополь“, „Константинополь — третья столица Россіи“, „Кратчайшій путь къ Константинополю“, „Можетъ ли Россія отважиться напасть на Босфоръ“ и т. п.), наводнившихъ книжный рынокъ въ эпоху возрожденія нашего черноморскаго флота. Тема эта сама собою напрашивалась послѣ опыта войны 1877—78 гг. Въ эту войну русскія войска, чтобы подойти къ Константинополю, должны были преодолѣть двѣ капитальныя преграды, Дунай и Балканы, сломить сопротивление непріятеля въ Плевнѣ, выдержать зимнее сидѣнье и бѣшенныя атаки турокъ на Шипкъ и, что еще хуже, обезпечить себѣ свободу дѣйствій въ Турціи соглашеніями съ Австріей и Румыніей. При такихъ условіяхъ послѣ войны у всѣхъ естественно возникла мысль, что въ будущемъ столѣтвеніи съ Турціей русскія войска могутъ попытаться подойти къ Константи-

нополю болѣе короткимъ путемъ, высадившись гдѣ-нибудь южнѣ Балканъ, въ обходъ всѣхъ названныхъ преградъ. Но такая операція мыслима только при условіи, чтобы сообщенія высадившихся войскъ по Черному морю съ базой были обезпечены отъ покушеній непріятельскаго флота, что достижимо лишь захватомъ и укрѣпленіемъ верхняго Босфора. Такимъ образомъ, захватъ верхняго Босфора и закрытіе непріятелю доступа въ Черное море представляются необходимыми предварительными операціями, которыя должны подготовить и обезпечить движеніе русскихъ войскъ къ непріятельской столицѣ, какъ объекту военныхъ дѣйствій. Въ сущности эти соображенія сохранили свою силу и до сихъ поръ, если поставить Константинополь цѣлью операцій, тѣмъ болѣе, что походъ къ нему черезъ Балканскій полуостровъ въ настоящее время прямо-таки невозможенъ по политическимъ условіямъ.

Обсуждая операцію высадки близъ Босфора съ этой точки зрѣнія, необходимо, однако, помнить, что условія обороны Константинополя значительно измѣнились за послѣднія двадцать-пять лѣтъ: укрѣпленія Босфора усовершенствовались; армія турокъ, вполне разстроенная послѣ войны 1877—78 гг., нынѣ, благодаря трудамъ нѣмецкихъ инструкторовъ, снова организована, а главное, той деморализаціи, которая явилась слѣдствіемъ ряда тяжелыхъ пораженій и появленія русскихъ войскъ подъ Константинополемъ, теперь нѣтъ и слѣда; напротивъ, чувствуется замѣтный подъемъ духа, вызванный успѣхами послѣдней войны съ греками. При такихъ условіяхъ высадка близъ Босфора едва ли выполнима, тѣмъ болѣе, что высадки сами по себѣ принадлежатъ къ числу труднѣйшихъ военныхъ операцій.

Но, оставляя даже въ сторонѣ рискованность десантной операціи крупныхъ размѣровъ, обширность и сложность подготовки къ ней, нельзя не признать, что операціонное направленіе моремъ на Константинополь при всѣхъ своихъ достоинствахъ, на которыя было указано выше, имѣетъ и крупные недостатки. Основное условіе, которому должна удовлетворять правильно избранная операціонная линія, заключается въ томъ, чтобы она вела къ важной въ военномъ отношеніи цѣли. Въ данномъ же случаѣ разсматриваемое операціонное направленіе ведетъ къ Константинополю, который имѣетъ второстепенное значеніе для хода военныхъ дѣйствій: главную свою силу Турція потерпаетъ не въ столицѣ и окружающей ее странѣ, а далеко отъ нея, въ нѣдрахъ Малой Азіи. Существующія въ Константинополѣ военныя учрежденія—склады, адмиралтейство, арсеналъ—приносятъ арміи сравнительно мало пользы, такъ какъ Турція потребно-

стигъ арміи въ вооруженіи удовлетворяетъ, главнымъ образомъ, покупкою за границей, что возможно, конечно, и въ военное время, даже въ случаѣ захвата Константинополя непріателемъ. Остается затѣмъ за Константинополемъ значеніе административнаго центра; но турки по природѣ — кочевники, которыхъ соединяетъ въ одно цѣлое не та или другая организація управленія ими, а привязанность къ религіи, къ единобѣрцамъ, къ представителю рода Османа, такъ что потеря даже такого крупнаго административнаго центра, какъ Константинополь, врядъ-ли отразится замѣтнымъ образомъ на ихъ обороноспособности. Нравственное же впечатлѣніе, которое произведетъ на турокъ переходъ Константинополя въ руки непріателя, совершенно не поддается оцѣнкѣ по трудности проникнуть въ духовный міръ этого народа, столь отличнаго отъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ; судя, однако, по тому, что въ его воспоминаніяхъ весьма слабо сохранились сказанія о его былой славѣ и бывшихъ несчастіяхъ, можно полагать, что и паденіе Константинополя мало отразится на психикѣ этихъ кочевниковъ, которыхъ гонять въ бой побужденія не патріотическаго, а религіознаго характера.

А потомъ, — и это самое важное, — избирая операціонное направленіе на Константинополь моремъ, пришлось бы отказаться отъ существеннѣйшаго преимущества русскихъ армій передъ турецкими. Достоинства послѣднихъ извѣстны: это — люди, какъ бы созданные для войны, крѣпкіе, здоровые, сильные, нетребовательные, трезвые, выносливые, глубоко религіозные, глубоко презирающіе христіанъ, слѣпо повинующіеся своимъ начальникамъ, видящіе въ этомъ повиновеніи, какъ и вообще во всѣхъ своихъ обязанностяхъ война, исполненіе религіознаго долга. Съ другой стороны, турецкимъ арміямъ присущи и серьезные недостатки: неспособность начальствующихъ лицъ — отъ высшихъ и до низшихъ — проникнуться духомъ европейскаго военнаго искусства, составляющаго результатъ всей культурной жизни европейскихъ народовъ, и, какъ слѣдствіе, неспособность примѣнить всѣ тѣ средства, которыя даетъ европейскимъ арміямъ высочайшій культурный уровень народа и научно подготовленный контингентъ начальствующихъ лицъ. Сложная организація европейскихъ армій не можетъ быть проведена съ должной послѣдовательностью и точностью въ турецкой арміи: нѣмецкимъ организаторамъ турецкихъ вооруженныхъ силъ удалось использовать весь имѣющійся матеріалъ въ людяхъ путемъ болѣе или менѣе хорошо соображенной системы резервовъ и создать многочисленную армію; но сдѣлать ее подвижною, способною къ маневрированію, къ активнымъ дѣйствіямъ,

организовать управление ею оказалось невозможнымъ: всѣ старанія разбиваются объ инертность народа, отсутствіе въ немъ духа предприимчивости и инициативы, объ его умственную тяжеловѣдность и неповоротливость, о полное равнодушіе къ точнымъ наукамъ и научнымъ изысканіямъ. Въ лучшей организаціи нашихъ армій, въ ихъ большей способности къ маневрированію, къ активнымъ дѣйствіямъ, къ наступленію, вьрется одна изъ важнѣйшихъ причинъ нашихъ успѣховъ въ войнахъ съ турками, и отказываться отъ использованія этихъ преимуществъ едва ли правильно. Въ минувшую кампанію русскія войска подошли къ Константинополю послѣ страшныхъ трудовъ, усилій и большихъ потерь; но зато на защиту Константинополя у турокъ оставались лишь разстроенные, деморализованные остатки ихъ армій. Избравъ же операціонное направленіе моремъ, русскія войска избѣгли бы, правда, тѣхъ жертвъ, съ которыми было связано наступленіе къ Константинополю въ 1877—78 гг., но зато имъ пришлось бы начать кампанію съ обороны у мѣстъ высадки и встрѣтить у стѣнъ Константинополя въ укрѣпленныхъ позиціяхъ свѣжую турецкую армію. А что такое турки на укрѣпленныхъ позиціяхъ—мы хорошо знаемъ по примѣру Плевны.

Такимъ образомъ, операціонное направленіе моремъ, приводя къ второстепенной цѣли, заставляло бы насъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ того образа дѣйствій, который до послѣдняго времени обезпечивалъ за нами успѣхъ въ войнахъ съ турками. Эти крупные недостатки морской операціонной линіи, очевидно, болѣе чѣмъ уравниваютъ тѣ достоинства ея, о которыхъ говорилось выше.

Подводя итоги, приходится признать, что настоящее положеніе вещей на юго-востокѣ Европы, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается проливовъ и Константинополя, какъ нельзя болѣе выгодно для Россіи. Тотъ фактъ, что проливами владѣютъ турки, не отражается сколько-нибудь вреднымъ образомъ на ея государственной жизни; наши торговые суда свободно плаваютъ по Черному морю и проливамъ; русскія войска и военные грузы, слѣдующіе на Дальній Востокъ или обратно, безпрепятственно проходятъ черезъ турецкую столицу и ряды батарей, преграждающихъ доступъ къ ней со стороны моря; ни одна морская держава не можетъ атаковать наши черноморскіе берега, не заручившись предварительно союзомъ съ турками. Съ другой стороны, завоеваніе Константинополя и проливовъ не дастъ Россіи сколько-нибудь серьезныхъ выгодъ. Константинополь, какъ торговый центръ, давно потерялъ свое бывшее значеніе и теперь представляетъ не

болѣе какъ рынокъ, служащій для удовлетворенія потребностей только своего населенія. И это обезцѣненіе Константинополя произошло не вслѣдствіе нахожденія его во власти турокъ, а вслѣдствіе того, что міровой торговый путь, нѣкогда пролегавшій черезъ него, теперь отклонился къ югу, прошелъ черезъ Суэцкій каналъ и оставилъ Константинополь въ сторонѣ; поэтому переходъ въ другія руки не возстановитъ его былого значенія. Овладѣніе проливами, конечно, откроетъ русскому черноморскому флоту доступъ въ Средиземное море; но этотъ результатъ не дастъ никакихъ выгодъ для Россіи, потому что у нея нѣтъ и въ близкомъ будущемъ не предвидится ни въ Средиземномъ морѣ, ни вообще гдѣ-либо за океаномъ никакихъ задачъ государственной важности, рѣшеніе которыхъ требовало бы наличія боевого флота. Съ точки зрѣнія оборонительной проливы также не нужны Россіи: берега Чернаго моря въ оборонительномъ отношеніи находятся даже въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ берега другихъ русскихъ морей; овладѣніе проливами и укрѣпленіе ихъ не удешевятъ и не облегчатъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ обороны Чернаго моря и ничѣмъ не улучшатъ нашего положенія на немъ. Захватъ проливовъ или даже одного только верхняго Босфора не нуженъ и для обезпеченія операціонной линіи къ Константинополю въ случаѣ войны съ турками, такъ какъ существенные недостатки ея вынудятъ избрать другое операціонное направленіе.

Но если, такимъ образомъ, утвержденіе Россіи на берегахъ Босфора, Мраморнаго моря и Дарданеллъ не вызывается какими-либо насущными государственными потребностями и не обѣщаетъ Россіи никакихъ выгодъ въ экономическомъ, политическомъ или военномъ отношеніяхъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что присоединеніе хотя бы одного даже верхняго Босфора будетъ имѣть крайне невыгодное вліяніе на отношенія ея ко всѣмъ державамъ, заинтересованнымъ въ судьбахъ Балканскаго полуострова, и особенно къ славянскимъ народамъ, населяющимъ его. Европейскіе берега Босфора, Мраморнаго моря и Дарданеллъ по географическимъ, этнографическимъ и историческимъ условіямъ составляютъ наслѣдіе народовъ Балканскаго полуострова — болгаръ, сербовъ, грековъ. Пришельцы-турки истощаютъ послѣднія свои силы, чтобы сдержатъ домогательства этихъ народовъ на ихъ законное наслѣдство. Захватъ проливовъ Россіей заставитъ турокъ уйти въ Азію, и тогда уже Россіи придется сдерживать стремленіе балканскихъ народовъ къ полному господству на полуостровѣ. Едва ли въ интересахъ Россіи возстановлять противъ себя родственные и единовѣрные народы, въ развитіи

которыхъ она, напротивъ, должна видѣть залогъ самобытнаго культурнаго развитія славянства. Поэтому въ интересахъ Россіи, какъ славянскаго государства, тщательно избѣгать всего того, что можетъ повести къ вѣчной, непримиримой враждѣ съ другими славянскими народами. А захватъ Константинополя и проливовъ болѣе, чѣмъ что-либо другое, разъединилъ бы навѣки Россію и родственные ей народы Балканскаго полуострова, пробудивъ въ послѣднихъ вполне понятное и, съ ихъ точки зрѣнія, законное чувство вражды къ народу, отнявшему у нихъ возможность дальнѣйшаго доступнаго имъ силамъ развитія.

Все это показываетъ, что Константинополь и проливы не нужны Россіи. Но если это такъ, то чего же мы рвались такъ упорно на югъ, для чего Россія въ теченіе почти полутора вѣка вела рядъ дорого стоившихъ войнъ съ Турціей на Балканскомъ полуостровѣ, не давшихъ ей почти никакихъ матеріальныхъ выгодъ? Для чего ей было ослаблять Турцію? Неужели всѣ эти войны были результатомъ ошибочнаго пониманія интересовъ Россіи государственными людьми, руководившими ея политикой? Конечно, нѣтъ. У Россіи на Балканскомъ полуостровѣ есть очень крупныя, очень серьезныя интересы; но это — не занятіе Константинополя и проливовъ, не стихійное стремленіе къ океану, будто бы существующее у русскаго народа, это не національныя интересы, а интересы высшаго порядка — расовыя, племенные. Борьба расъ въ человѣчествѣ — не мифъ, а несомнѣнная дѣйствительность: наши западные сосѣди вели и ведутъ ее на нашихъ глазахъ со свойственной имъ прямолинейностью. Многочисленныя славянскія племена, жившія нѣкогда по Эльбѣ и Одеру, вполне отмѣчены; теперь ожесточенная борьба идетъ въ восточныхъ областяхъ Пруссіи съ поляками, упорно не поддающимися германизации. Но виды германцевъ несомнѣнно простираются гораздо дальше — на востокъ и юго-востокъ Европы. Въ „Jahrbuch der Weltgeschichte“, издаваемомъ Карломъ Лентшемъ, за 1901 годъ, говорится, между прочимъ, (стр. 259): „Единственное средство сдѣлать русскихъ полезными членами человѣческаго общества и спасти отъ заболачиванія и песчаныхъ заносовъ драгоцѣнный черноземъ, который легко можетъ прокормить болѣе 100 милліоновъ человѣкъ, заключается въ широкой иммиграціи нѣмцевъ. Нѣмецкіе помѣщики, фабриканты, учителя, чиновники сдѣлали бы изъ способныхъ русскихъ дѣльныхъ и интеллигентныхъ рабочихъ, а изъ Россіи — цвѣтущую, богатую, счастливую страну“. Такой же взглядъ высказываетъ и издатель журнала „Zukunft“, Максимилианъ Гарденъ.

Эти и подобные имъ факты и мнѣнія краснорѣчиво подтверждаютъ мысль о несомнѣнности борьбы расъ между собою. Поэтому, чѣмъ болѣе будетъ независимыхъ славянскихъ государствъ, тѣмъ выгоднѣе для Россіи, какъ славянскаго государства. Для Россіи задача освобожденія родственныхъ ей славянскихъ народовъ гдѣ бы то ни было, въ томъ числѣ и на Балканскомъ полуостровѣ, и возрожденіе ихъ къ самостоятельной жизни не можетъ считаться проявленіемъ пустой сантиментальности, а напротивъ, являлось и является дѣломъ первостепенной важности. И чѣмъ сильнѣе будутъ эти народы, тѣмъ лучше: для Россіи они не могутъ сдѣлаться страшными, въ борьбѣ же съ другими расами и племенами они будутъ ея естественными союзниками. Ихъ существованіе рядомъ съ Россіей обезпечиваетъ самобытное культурное развитіе славянства. Большую часть своей задачи по отношенію къ славянамъ Балканскаго полуострова Россія уже выполнила: она освободила ихъ и вывела на путь самостоятельной жизни. Теперь ей остается лишь, не беря уже на себя главной роли, помочь имъ добиться полного господства на Балканскомъ полуостровѣ и оградить ихъ независимость отъ посягательствъ чуждыхъ славянству элементовъ. Когда турки уйдутъ въ Малую Азію, когда славянскія государства распространятся по всему Балканскому полуострову, когда проливы и Мраморное море будутъ служить естественной границей, раздѣляющей славянскія государства отъ Турецкой имперіи въ Малой Азіи,—тогда Россія можетъ считать свою миссію по отношенію къ Балканскому полуострову законченною. Въ настоящее время задача эта стоитъ на пути своего осуществленія. Если же Россія, поддавшись внушеніямъ газетныхъ политиковъ и стратеговъ, пустится въ авантюру и сдѣлаетъ попытку занять проливы или даже только верхній Босфоръ,—можно ли предвидѣть, какой оборотъ примутъ тогда дѣла на Балканскомъ полуостровѣ съ точки зрѣнія интересовъ славянства, а слѣдовательно, и Россіи?

Э. Х. Калнинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Листопадъ.

I.

Старога парка молчаніе,—
Вѣтра чуть слышится вздохъ;—
Стихло подъ горкой журчаніе:
Быстрый ручей пересохъ.

Чашею блѣдно-лазурною
Кажется здѣсь небосклонъ;
Въ чашѣ, межъ старыхъ колоннъ—
Статуя: дѣвушка съ урною.

Статуя—словно расколота,
Цоколь ея поврежденъ,
Падаютъ въ урну время
Листья червоннаго золота...

Въ вѣчность уходятъ часы,
И въ уходящемъ мгновеніи—
Жизни былой дуновение,
Призракъ минувшей красоты.

II.

Раздвинулись тучи густыя,
Лучъ солнца упалъ съ высоты,

Кружѣтся листы золотые,
Съ деревъ облетаютъ листы.

Въ паденіи ихъ молчаливомъ
Покорная дышетъ печаль,
Прозрачно-жемчужнымъ отливомъ
Подернулась блѣдная даль.

Кой-гдѣ остріями соломы
Щетинится поле вдали,
Вѣтвей обнаженныхъ изломы —
Повисли кой-гдѣ до земли.

Безжалостный слѣдъ урагановъ!
Но солнечный лучъ въ вышинѣ,
Прорвавшій завѣсу тумановъ —
Мечта о далекой веснѣ.

О. Чюмина.

Д Е Б Р И

РОМАНЪ.

— Upton Sinclair. The Jungle. London 1906² (W. Heinemann).

XIII *).

Въ то время какъ Юргись искалъ работы, умеръ маленький Христофоръ, самый младшій изъ дѣтей тети Ельзеты. Онъ былъ очень болѣзненный, хилый ребенокъ,—но мать любила его особой нѣжностью, и была въ отчаяньи, когда онъ умеръ. Трудно было съ точностью установить причину его смерти; очень возможно, что онъ умеръ отъ того, что съѣлъ утромъ колбасу, навѣрное сдѣланную изъ туберкулезнаго свиного мяса, признаннаго непригоднымъ для вывоза. Черезъ часъ послѣ того, какъ онъ поѣлъ, онъ сталъ плакать отъ боли въ желудкѣ, и съ нимъ сдѣлались судороги. Когда пришелъ докторъ, мальчикъ уже лежалъ мертвый. Его никто особенно не жалѣлъ,—все равно онъ былъ хромой, слабый, неспособный къ жизни; одна только тетя Ельзета была въ ужасномъ горѣ и ломала руки, рыдая надъ ребенкомъ. Юргись сказалъ, что пусть ребенка похоронятъ на счетъ города, такъ какъ они слишкомъ бѣдны, чтобы устраивать похороны. Но тетя Ельзета начала рыдать и возмущаться его жестокосердіемъ. Тогда Марія дала десять долларовъ, сосѣди тоже одолжили немного, и маленькаго Христофора отпѣли какъ слѣдуетъ, зарыли въ маленькую могилку и поставили на ней крестъ. Тетя Ельзета потомъ мѣсяцами не могла оправиться отъ своего горя. Она все говорила, что у бѣднаго ея ребенка не было счастья. Былъ вѣдь случай вылечить его болѣзную ножку: какой-то миллионеръ выпи-

*) См. сент., 276 стр.

самъ знаменитаго доктора изъ Европы, чтобы лечить свою дочку отъ такой же болѣзни, какъ у Христофора,—и докторъ объявилъ, что будетъ даромъ лечить всѣхъ бѣдныхъ дѣтей; ему нуженъ былъ матеріалъ для опытовъ. Газеты славилъ его великодушіе, но бѣдная Ельзбета не умѣла читать, и никто ей не разсказалъ въ надлежащее время о прїѣздѣ знаменитости. Впрочемъ, можетъ быть, это было къ лучшему,—все равно вѣдь не было денегъ, чтобы поѣхать на трамвай съ ребенкомъ,—и ни у кого не было времени свезти его.

Во время поисковъ работы Юргиса преслѣдовалъ одинъ призракъ, одна ужасная перспектива. Есть самая низшая степень, на которую можетъ опуститься человѣкъ, отчаявшись найти работу,—это поступить въ отдѣленіе, гдѣ изготовляется искусственное химическое удобреніе для полей, и Юргисъ былъ въ ужасѣ, что ему придется взяться за эту работу.

О ней говорили съ таинственнымъ ужасомъ; лишь одинъ человѣкъ изъ десяти брался за нее,—остальные знали о ней только по наслышкѣ. Работать въ этомъ отдѣленіи было хуже, чѣмъ умирать отъ голода. Юргисъ долго не рѣшался. Но развѣ онъ могъ жить на заработки Оны и отказываться отъ какаго бы то ни было дѣла? Какъ ни страшна была работа въ этомъ отдѣленіи, Юргисъ ходилъ навѣдываться, не возьмутъ ли его туда — съ тайной надеждой, что ему откажутъ.

Это отдѣленіе фабрики Дургэма лежало вдали отъ всѣхъ другихъ рабочихъ помѣщеній. Посѣтителъ туда чрезвычайно рѣдко заглядывали. Туда направлялись остовы тушъ и всевозможные отбросы. Тамъ высушивали кости. Въ затхлыхъ подвалахъ, куда никогда не попадало солнце, мужчины, женщины и дѣти стояли, согнувшись надъ станками, и пилили кусочки костей, самыхъ разнообразныхъ видовъ. Наполняя легкія пылью отъ костей, они обрекали себя на скорую смерть. Здѣсь добывали альбуминъ изъ крови и превращали разные зловонныя вещества въ еще болѣе зловонныя. Среди пыли и пара электрической свѣтъ сіялъ далекими мигающими звѣздочками. Запахи, наполнявшіе тамъ воздухъ, не поддавались никакимъ опредѣленіямъ словами. Входя туда, нужно было собраться съ духомъ, какъ передъ тѣмъ, чтобы броситься въ холодную воду. И во все время пребыванія тамъ посѣтитель чувствовалъ себя точно подъ водой, задыхался, прижимая платокъ къ лицу, давился, кашлялъ. И если онъ не уходилъ сейчасъ же, то у него такъ начинала кружиться голова отъ паровъ нашатыря, что онъ выскакивалъ какъ безумный, не будучи въ силахъ выдержать ни минуты дольше.

Надъ этимъ помѣщеніемъ были комнаты, гдѣ сушилась темная жилистая масса, которая оставалась отъ туши послѣ того, какъ оттуда извлекли весь жиръ и все сало до послѣдняго остатка. Это сухое вещество перемалывали въ тончайшій порошокъ и смѣшивали съ толченымъ бурымъ известнякомъ, который привозился туда въ огромныхъ количествахъ. Эту смѣсь нагружали въ мѣшки и развозили по всему міру, какъ искусственный фосфатъ для удобренія полей. Какой-нибудь фермеръ въ Калифорніи или Тексасѣ покупалъ это искусственное удобрение по двадцати-пяти долларамъ за тонну и удобрялъ имъ свои поля. И въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ того на поляхъ стоялъ невыносимый ѣдкій запахъ; запахомъ этимъ пропитывались на нѣкоторое время и самъ фермеръ, и его телѣга, и лошади, которая его везла. А между тѣмъ въ этомъ случаѣ изготовляемый изъ костей фосфатъ примѣшивался только въ небольшомъ количествѣ къ бурому известняку, и эта смѣсь распределялась на нѣсколько акровъ земли подъ открытымъ небомъ. Каково же было тамъ, гдѣ вещество это производилось въ чистомъ видѣ, гдѣ сотни и тысячи тоннъ его покрывали полъ на нѣсколько вершковъ, гдѣ воздухъ наполнялся удушливой пылью, которая при малѣйшемъ вѣтрѣ разлеталась тончайшимъ пескомъ и слѣпила глаза!

Къ этому-то помѣщенію, гдѣ изготовлялись искусственные фосфаты, Юргисъ приходилъ каждый день, точно его гнала туда какая-то невидимая сила. Въ маѣ было прохладно, рабочихъ тамъ было достаточно, и къ внутренней радости Юргиса его не принимали. Но послѣ страшной жары въ іюнѣ понадобились новыя силы въ этомъ аду. Разъ, когда Юргисъ пришелъ туда часа въ два дня, надзиратель подозвалъ его. Юргисъ почувствовалъ острую боль въ сердцѣ, направляясь на зовъ. Но уже черезъ десять минутъ онъ сбросилъ куртку и сталъ на работу. Передъ нимъ была новая трудность, которую нужно было побороть.

Работѣ своей онъ выучился въ нѣсколько минутъ. Его поставили передъ мельницей, которая молола фосфатъ: послѣдній выходилъ изъ отверстія большимъ коричневымъ потокомъ, отбрасывая вверхъ облако тончайшей пыли. Юргису дали лопату, и онъ долженъ былъ нагружать ею эту коричневую массу на повозку; эту же работу дѣлали еще шесть человѣкъ. Юргисъ зналъ, что подлѣ него работаютъ другіе люди только потому, что слышалъ звуки, и иногда наталкивался на товарищей, нагружая повозки; но видѣть ихъ онъ не могъ; въ пыли, засти-

лавшей глаза, ничего не видать было на разстояніи шести шаговъ. Наполнивъ одну повозку, онъ долженъ былъ ждать другую и ощупью искать ее. Черезъ пять минутъ онъ былъ весь съ головы до ногъ въ фосфатъ. Ему дали губку, чтобы привязать ее ко рту и дышать черезъ нее; но губы и рѣсницы были обтѣплены, а также уши до самыхъ краевъ. Температура была больше ста градусовъ; Юргисъ работалъ безъ куртки и жилета, и химическіе составы всасывались въ его тѣло черезъ поры. Черезъ пять минутъ у него разболѣлась голова; черезъ четверть часа онъ былъ оглушенъ и ослѣпленъ. Кровь громко стучала у него въ вискахъ; онъ чувствовалъ невыносимую боль въ темени и едва могъ дѣйствовать руками. Но все-таки онъ работалъ съ бѣшеной рѣшимостью одолѣть всѣ трудности, думая только объ ужасномъ времени безработицы. Черезъ полчаса у него началась сильнѣйшая рвота. Надзиратель сказалъ ему, что можно привыкнуть къ этой работѣ при достаточно твердой рѣшимости. Но Юргисъ увидѣлъ теперь, что нужно приучить не только волю, но и желудокъ.

Къ концу дня онъ уже едва держался на ногахъ и нѣсколько разъ прислонился къ столбу. Обыкновенно рабочіе прямо послѣ работы отправлялись въ кабакъ. Юргису было слишкомъ дурно, чтобы рѣшиться выпить, и онъ поспѣшилъ добраться до трамвая и поѣхалъ домой. Впослѣдствіи ему было смѣшно наблюдать за результатами своего появленія въ публикѣ послѣ работы, но въ первый разъ ему было такъ дурно, что онъ ничего не замѣчалъ. Онъ не видѣлъ, какъ всѣ въ вагонѣ стали задыхаться и зажимать носы платками, обращая на него взбѣшенные взгляды. Человѣкъ, противъ котораго онъ сталъ, не найдя мѣста для сидѣнья, моментально всталъ и уступилъ ему мѣсто; черезъ минуту сидѣвшіе направо и налево отъ него быстро поднялись и ушли. Черезъ минуту биткомъ набитый вагонъ совершенно опустѣлъ; тѣ, которые не нашли мѣста на площадкѣ, соскочили и продолжали путь пѣшкомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ его возвращенія домой, все вокругъ него прспиталось ужасающимъ запахомъ, который онъ принесъ съ собой. Онъ сталъ неистощимымъ источникомъ зловонія. Вся ѣда сразу имъ прониклась, и у всѣхъ сдѣлалась рвота. Самъ Юргисъ нѣсколько дней не могъ ничего ѣсть: ротъ и горло полны были яда, котораго онъ наглотался во время работы. Но Юргисъ все-таки продолжалъ работать, и черезъ недѣлю привыкъ, могъ ѣсть, и хотя голова продолжала болѣть, но не настолько, чтобы мѣшать ему работать.

Такъ прошло еще одно лѣто, сравнительно благополучное: у всѣхъ въ семьѣ Юргиса была работа; они выплатили долги и могли опять отложить кое-что. Но одна изъ семейныхъ жертвъ, принесенныхъ во время болѣзни Юргиса, оказалась пагубной по своимъ послѣдствіямъ. Два младшихъ мальчика совершенно развратились, продавая газеты въ городѣ. Подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ они научились отборной англійской брани, подбирали окурки сигаръ и приучались курить; научились также играть въ карты, знали всѣ городскіе притоны и имена хозяекъ,—могли направить туда пріѣзжихъ провинціаловъ; знали, гдѣ скрываются разныя темныя личности. Хуже всего было то, что они перестали возвращаться домой на ночь, предпочитая прикурнуть гдѣ-нибудь подъ лѣстницей въ городѣ, чтобы утромъ не торопиться и не пробираться мошенническимъ образомъ по трамваю. Они вѣдь приносили по полдоллара въ день каждый,—такъ не все ли равно, въ которомъ часу они забѣгаютъ домой отдать деньги! Но Юргисъ возмутился, говоря, что если имъ это позволить, то скоро они совсѣмъ сбѣгутъ изъ дому. Рѣшили поэтому, что Вилимъ и Николай опять начнутъ ходить въ школу, а вмѣсто того тетя Ельзбета поищетъ себѣ работы на фабрикахъ. Ея заботы по хозяйству можетъ взять на себя Котрина.

Какъ всѣ дѣти въ рабочемъ классѣ, Котрина сдѣлалась взрослой прежде времени. Она умѣла отлично нянчить младшаго брата и младенца Юргиса и Оны, умѣла варить, мыть посуду, готовить ужинъ къ приходу рабочихъ. Ей было всего тринадцать лѣтъ, но она безропотно исполняла всю домашнюю работу, и мать могла спокойно искать работы внѣ дома. Походивъ нѣсколько дней по дворамъ, Ельзбета нашла мѣсто работницы въ колбасномъ отдѣленіи. Ельзбета привыкла работать съ утра до вечера, но тутъ приходилось стоять весь день на одномъ мѣстѣ, не двигаясь, и это было ей очень тяжело. Въ первые дни она страдала не меньше, чѣмъ Юргисъ на фабрикѣ искусственнаго удобренія. Кромѣ того, помѣщеніе, гдѣ она работала, было въ подвалѣ, куда не проникалъ дневной свѣтъ. Приходилось всегда работать при электрическомъ свѣтѣ, въ страшной сырости. Полъ постоянно заливали водой, и въ комнатѣ стоялъ тошнотливый запахъ размоченнаго мяса. Люди, работавшіе тамъ, приспособлялись къ своей мастерской, какъ животныя приспособляются къ цвѣту окружающей природы. Лица у нихъ были такого же землистаго цвѣта, какъ „свѣжая деревенская колбаса“, которую они изготавляли.

Осмотрѣть колбасную было очень любопытно,—но только съ

тѣмъ условіемъ, чтобы не оставаться тамъ дольше, чѣмъ двѣ-три минуты, и, кромѣ того, не смотрѣть на работающихъ тамъ людей. Машины колбаснаго отдѣленія—наиболѣе замѣчательныя изъ всѣхъ на фабрикѣ. Вѣроятно, прежде колбасы набивались и разрѣзывались руками,—и любопытно было бы узнать, сколько рабочихъ лишились занятій съ изобрѣтеніемъ этихъ машинъ. Въ одномъ концѣ комнаты стояли огромнѣйшія лохани, куда наваливали груды мяса и приностей. Посрединѣ ихъ были вращающіеся ножи, которые дѣлали по двѣ тысячи оборотовъ въ минуту. Когда мясо было тончайшимъ образомъ изрублено, перемѣшано съ картофельной мукой и въ изобиліи смочено водой, то его направляли для начинки въ другой конецъ комнаты, гдѣ находились машины для начинки. Этими машинами управляли женщины. Онѣ держали въ рукахъ нѣчто вродѣ насоса. Каждая изъ нихъ брала длинную полосу колбасныхъ кожницъ и надѣвала одинъ конецъ на узкій конецъ насоса; затѣмъ она натягивала всю полосу—длиной въ двадцать-тридцать футовъ—какъ перчатку на палецъ. Это продѣлывалось съ необычайной быстротой. Послѣ того она нажимала рычагъ, и изъ машины вытекалъ цѣлый потокъ мясной начинки и попадалъ прямо въ приготовленные кожицы. Любопытно было стоять и наблюдать, какъ изъ машины выходила извивающаяся безконечная колбаса. Впереди было приспособленіе, захватывающее эту извивающуюся змѣю; двѣ женщины перехватывали ее и раздѣляли на отдѣльныя колбасы опредѣленной длины. Дѣлали онѣ это съ непонятнымъ для непосвященнаго искусствомъ. Онѣ разъ надавливали рукой—и получались ряды колбасъ, свѣшивающихся съ одного общаго центра. Женщины работали такъ быстро, что не было возможности услѣдить за ихъ движеніями, и видны были только возникающія ожерелья колбасъ. Но среди полумглы въ сыромъ помѣщеніи можно было все-таки замѣтить напряженное выраженіе лицъ, двѣ поперечныя морщины на лбу и мертвенно-блѣдныя щеки работницъ. А когда посѣтитель замѣчалъ это, онъ вдругъ соображалъ, что ему некогда, что онъ долженъ поскорѣе уйти отсюда. Но женщины, которыя начинали и разрѣзали колбасы, не уходили. Онѣ продолжали работать часъ за часомъ, день за днемъ, годъ за годомъ. Имъ платили поштучно, и болѣею частью каждая изъ нихъ должна была содержать семью. А по безпощадному экономическому закону это возможно было лишь въ томъ случаѣ, если она работала именно такъ, сосредоточивая всѣ силы духа и тѣла на работѣ, никогда не поднимая глазъ на изящно одѣтыхъ лэди и джентльменовъ, которые

приходили глазѣть на нее, какъ на дикое животное въ звѣринцѣ.

XIV.

Марія очищала на одной изъ фабрикъ порченныя туши, а теть Ельзбета работала въ колбасномъ отдѣленіи, — и такимъ образомъ вся семья имѣла случай ознакомиться съ мошенническими приемами, практикуемыми на фабрикахъ. Оказалось, что для изготавленія колбасъ берется то мясо, которое уже не пригодено ни на что другое, — до того оно сгнило. Іонасъ рассказывалъ имъ съ своей стороны о томъ, что дѣлается въ мастерскихъ, гдѣ изготавляютъ растворы и пропитываютъ ими мясо для консервовъ. Такимъ образомъ, они могли всесторонне изучить все, что продѣлывается съ испорченнымъ мясомъ на чикагскихъ фабрикахъ. Теперь только они поняли истинный смыслъ фабричной шутки о томъ, что фабриканты пускаютъ въ оборотъ въ свиньѣ все — кромѣ только ея писка.

Іонасъ рассказывалъ имъ, что мясо, лежавшее въ чанахъ съ химическимъ растворомъ, вынимали оттуда иногда совершенно прокисшимъ. Тогда его натирали содой — и продавали для даровыхъ завтраковъ съ благотворительной цѣлью. Онъ рассказывалъ имъ также о химическихъ чудесахъ, которыя тамъ продѣлывались съ цѣлью придать всякому мясу, свѣжему или соленому, цѣльному или рубленному, какой угодно запахъ и цвѣтъ. Для приготавленія консервовъ ветчины имѣлась остроумная машина, въ значительной степени ускорявшая работу. Она состояла изъ полой иглы, соединенной съ насосомъ. Втыкая ее въ ветчину и нажимая ногой педаль, рабочій пропитывалъ въ нѣсколько секундъ окорокъ острымъ химическимъ составомъ. Но иногда и послѣ того еще ветчина сохраняла невыносимый гнилой запахъ. Тогда въ нее накачивали вторую порцію раствора, еще болѣе крѣпкаго; это называлось „вливать тридцати-процентнаго“. Прежде случалось, что изъ приготавленныхъ въ продажѣ копченыхъ окороковъ довольно большое число приходилось браковать за полной испорченностью. Но потомъ фабриканты придумали способъ спасти ихъ: нужно было только вырѣзать кость, вокругъ которой сосредоточивалось все сгнившее мясо, и ввести въ отверстіе раскаленный желѣзный прутъ для прочистки.

Практиковалось также множество другихъ продѣлокъ въ томъ же родѣ: продавали, напримѣръ, „ветчину безъ костей“; на самомъ дѣлѣ это были отбросы свинины, которымъ придавался

видъ ветчины. Или же рекламировались „окорока, очищенные отъ кожи“: они изготовлялись изъ самыхъ старыхъ свиныхъ тушъ съ невозможно тяжелой грубой кожей.

Въ колбасную, гдѣ работала Ельзбета, ветчина попадала уже тогда, когда она окончательно протухала. Но она теряла всякій запахъ послѣ того, какъ подвергалась дѣйствию ножа, дѣлающаго дѣй тысячи оборотовъ въ минуту, и послѣ того, какъ ее перебивали съ тонной другого мяса. Для начинки колбасъ брали что попало, совершенно не стѣсняясь. Брали, напримѣръ, протухшую старую колбасу, присланную обратно изъ Европы, заплесневѣвшую, совершенно бѣлую. Ее обильно смачивали борной съ глицериномъ и начинали ею колбасы для продажи въ самой странѣ. Затѣмъ подбирали мясо съ полу, гдѣ оно валялось въ грязи и пыли. Его топтали ногами; оно покрыто было плевыми, содержащими мириады туберкулезныхъ микробовъ. Мясо для начинки навалено было въ складахъ огромными грудами, и на него стекалъ дождь изъ трещинъ въ крышѣ; по немъ бѣгали также полчища крысъ. Въ этихъ складочныхъ мѣстахъ было темно, но рабочему стояло только провести рукой, чтобы снять пригоршнями крысй пометь. Крысы эти были истиннымъ бѣдствіемъ, и чтобы избавиться отъ нихъ, имъ клали хлѣбъ съ отравой. Ядъ убивалъ крысъ, и тогда мертвыя крысы, хлѣбъ и мясо попадали вмѣстѣ въ лохани для рубленого мяса. Это не сказка и не шутка. Мясо перевозили изъ склада на повозкахъ. И бросая на повозки мясо лопатами, работникъ и не подумалъ бы отбросить мертвую крысу, даже еслибы замѣтилъ ее.

Да кромѣ того въ начинку для колбасъ попадало многое, въ сравненіи съ чѣмъ крысы были лакомымъ кускомъ. Такъ какъ рабочимъ негдѣ было мыть руки передъ обѣдомъ, то они мылись въ водѣ, которой смачивалась начинка для колбасъ. На фабрикахъ оставались также всегда неиспользованные куски копченaго мяса и разные другіе отбросы; все это бросалось въ старыя бочки въ погребѣ и оставалось тамъ. По системѣ строгой экономіи, практикуемой на фабрикахъ, нѣкоторыя работы совершались рѣдко; часто исполнять ихъ было невыгодно. Къ числу такихъ работъ относилась и чистка бочекъ съ отбросами. Она производилась каждую весну. Въ бочкахъ накоплялся разный соръ, заржавленные гвозди,—все это свозилось на повозкахъ въ колбасное отдѣленіе, шло въ лохани вмѣстѣ со свѣжимъ мясомъ и предлагалось потомъ публикѣ для употребленія въ пищу. Всѣ колбасы были совершенно одинаковыя. Но часть ихъ заворачи-

вали отдѣльно, вляли на нихъ штемпель: „высшій сортъ“ и продавали на два цента за фунтъ дороже.

Въ такихъ условіяхъ работала теперь Ельзбета, и такова была ея работа, лишавшая всякой возможности думать о чемъ бы то ни было. Рабочаго превращали въ часть машины и убивали въ немъ все, что не нужно было для управленія машиной. Но единственная отрада этой работы была именно въ томъ, что она приводила къ полной безчувственности. Ельзбета мало-по-малу погружалась въ полузабытѣе и совѣмъ перестала говорить. Вечеромъ послѣ работы она встрѣчала въ условленномъ мѣстѣ Юргиса и Ону, и они шли втроемъ домой, не произнося ни слова. И Она, которая прежде пѣла всегда какъ птичка, научилась теперь молчать. Она чувствовала себя больной, несчастной, и была едва въ силахъ дотащиться до дому послѣ работы. Дома они сѣдали, что было, и такъ какъ говорить было не о чемъ, какъ только объ ихъ горестномъ положеніи, то они предпочитали сейчасъ же лечь въ постели и лежать въ полузабытѣи до тѣхъ поръ, пока опять нужно было вставать, одѣваться при свѣчѣ и снова бѣжать къ машинамъ. Всѣ чувства въ нихъ такъ притупились, что они даже не страдали отъ голода, — только дѣти начинали хныкать, когда имъ мало давали ѣсть.

Но душа Оны не умерла, — у всѣхъ у нихъ души не умерли, а только спали. Иногда онѣ просыпались, и это было самое страшное. Они вспоминали о минувшихъ радостяхъ, о бывшихъ мечтахъ и надеждахъ, и тогда еще сильнѣе ощущали ужасъ своей теперешней жизни. Они уже не плакались на свою судьбу. Душа ихъ прониклась самымъ страшнымъ чувствомъ — сознаніемъ, что они побѣждены судьбой, что они окончательно погибли.

Жизнь выбросила ихъ за бортъ, — это было несомнѣнно. Когда-то они мечтали о свободѣ, о жизни въ новомъ прекрасномъ мірѣ, о томъ, что они узнаютъ много новаго. Они надѣялись, что ребенокъ ихъ вырастетъ свободнымъ, сильнымъ человекомъ. А теперь все кончено — ни одна изъ ихъ надеждъ не можетъ сбыться. Ихъ смело, какъ смело столькоихъ до нихъ. Имъ предстояло еще шесть лѣтъ упорнѣйшаго труда, прежде чѣмъ они могли надѣяться на малѣйшее облегченіе, на прекращеніе платежей за домъ. Но вѣдь не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что они не выдержатъ еще шесть лѣтъ такой жизни. Они падали въ пропасть, безъ надежды на спасеніе, — погибали такъ, какъ будто огромный городъ былъ океаномъ, пустыней. Часто Она просыпалась ночью, охваченная ужасомъ; разъ она громко крикнула и разбудила Юргиса. Но онъ былъ усталый и сер-

дитый, — и съ тѣхъ поръ она научилась плакать тихо, про себя. У нихъ не было теперь общихъ настроеній. Казалось, что надежды ихъ погребены въ отдѣльныхъ двухъ гробахъ.

У Юргиса было свое особое горе. Его преслѣдовалъ новый призракъ. Онъ никогда самъ объ этомъ не говорилъ, и никому другому не позволилъ бы говорить; онъ даже самъ себя не сознавалъ въ его существованіи. Но все-таки это былъ фактъ — Юргисъ сталъ пить.

Онъ работалъ въ своемъ аду день за днемъ, недѣлю за недѣлей, пока не было въ немъ частицы тѣла, которая не болѣла бы; въ головѣ у него все шло кругомъ, всѣ зданія танцевали передъ его глазами, въ ушахъ шумѣло, когда онъ шелъ по улицѣ. Но отъ этого ужаса было спасеніе: стоило выпить стаканъ водки, и онъ переставалъ чувствовать боль, могъ сбросить съ плечъ бремя, видѣлъ опять все ясно передъ собой, дѣлался хозяиномъ своихъ мыслей, своей воли. Въ немъ просыпалась его старая натура, онъ могъ попрежнему смѣяться и шутить. Онъ становился опять человѣкомъ и хозяиномъ своей жизни.

Не легко было Юргису выпить больше двухъ-трехъ стакановъ. Съ первымъ стаканомъ онъ съѣдалъ обѣдъ — и могъ убѣдить себя, что соблюдаетъ такимъ образомъ экономію. Со вторымъ стаканомъ онъ могъ вторично поѣсть. Но наступало время, когда ужъ онъ не могъ ѣсть, и тогда платить за водку казалось неслыханнымъ безразсудствомъ. Но разъ онъ отважился, пропилъ всѣ деньги, которыя у него были въ карманѣ, и вернулся домой навеселѣ. Онъ чувствовалъ небывалое блаженство, но, зная, что это состояніе не продлится долго, онъ въ то же время былъ въ бѣшенствѣ противъ всѣхъ, мѣшавшихъ его счастью. И кромѣ того онъ чувствовалъ глубокий стыдъ. Послѣ того, когда онъ увидѣлъ, въ какомъ отчаяніи его семья, и подсчиталъ, сколько денегъ онъ истратилъ, у него показались слезы на глазахъ, и онъ началъ вести упорную борьбу со своимъ врагомъ.

Борьба эта была совершенно безысходная, и Юргисъ не сознавалъ этого только потому, что у него не было времени разсуждать. Онъ только зналъ, что борется. Въ его состояніи, среди мрака его жизни, пройти по улицѣ было уже пыткой. На каждомъ углу — иногда на всѣхъ четырехъ углахъ и между однимъ угломъ и другимъ — были кабаки, протягивающіе ему свои гостеприимныя объятія, и каждый изъ нихъ имѣлъ свое особенное обаяніе. По дорогѣ на работу и возвращаясь домой, — передъ восходомъ солнца и послѣ заката, — можно было зайти туда, и тамъ навѣрное было свѣтло, тепло, вкусно пахло горячей пищей,

играла музыка и были пріятели, которые встрѣчали его добрымъ словомъ. Чтобы успѣшнѣе бороться противъ соблазна, Юргисъ сталъ выходить на улицу всегда подъ-руку съ Оной, крѣпко прижималъ ее къ себѣ и шелъ очень быстро. Онъ боялся больше всего, чтобы Она не догадалась; вѣдь она никогда въ ротъ ничего не брала и не могла его понять. Иногда, въ минуты отчаянія, онъ страстно хотѣлъ, чтобы и она стала пить и чтобы ему нечего было стыдиться ея. Они бы пили вмѣстѣ и спаслись бы отъ сознанія ужаса—хоть на короткое время.

Пришло время, когда вся сознательная жизнь Юргиса свелась къ борьбѣ противъ соблазна водки. Имъ овладѣвали отвратительныя мысли. Какой онъ былъ дуракъ, что женился, связалъ себя и сдѣлался рабомъ!—думалось ему. Не будь у него семья, онъ бы, какъ Іонасъ, ушелъ на всѣ четыре стороны. Тамъ, гдѣ онъ работалъ, почти не было холостыхъ, а если и были, то они поступали туда только на время, пока не подвернется что-нибудь другое. А пока у нихъ было утѣшеніе во время работы. Они вспоминали, какъ напились въ послѣдній разъ, и мечтали о томъ, какъ напьются опять. А отъ Юргиса требовали, чтобы онъ приносилъ домой все до послѣдняго гроша. Онъ даже днемъ не смѣлъ пойти выпить съ товарищами, а долженъ былъ сѣдѣть свой обѣдъ тутъ же, среди зловонія и пыли.

Конечно, такъ онъ разсуждалъ только въ очень злыя минуты. Онъ любилъ свою семью попрежнему. Но какъ разъ теперь было особенно тяжелое время. Даже вотъ маленькій Антоша, который всегда умиротворялъ его своей улыбкой, былъ теперь невозможный, весь въ прыщахъ. У него приключились одна за другой всѣ болѣзни дѣтскаго возраста: и скарлатина, и коклюшъ, и вѣтряная оспа. А теперь у него была корь. За нимъ ухаживала только Котрина, и это выразалось только въ томъ, что она подбѣгала въ свободныя минуты къ его кровати и плакала, глядя, какъ онъ мучается. А такъ онъ лежалъ одинъ въ страшномъ жару и всю ночь кричалъ, пока хватало силъ. На него было страшно взглянуть: изъ воспаленныхъ глазъ лился гной, все тѣло покрыто было прыщами. Но, къ счастью, маленькій Антоша былъ крѣпкій ребенокъ и вынесъ всѣ свои болѣзни отличнѣйшимъ образомъ. Это было дитя молодого счастья и цвѣтущей силы его родителей, и онъ отличался необычайнымъ здоровьемъ. Когда онъ выздоравливалъ, то сталъ обнаруживать большой аппетитъ, и такъ какъ на его долю приходилось недостаточно пищи, то у него было голодное выраженіе въ глазахъ, и онъ приставалъ ко всѣмъ, чтобы ему дали поѣсть.

Казалось, что всѣ силы его матери пошли на этого ребенка, и уже ничего не осталось для тѣхъ, которыя могли бы появиться на свѣтъ послѣ него. Она опять ожидала ребенка, и на нее было страшно смотрѣть. Даже Юргисъ, занятый своими тяжелыми мыслями, понималъ, что ихъ всѣхъ ожидаетъ еще нѣчто болѣе страшное, и содрогался при одной мысли о томъ, что предстояло.

Бѣдная Она была очень больна. У нея появился такой же кашель, который погубилъ старика Антона. Это началось съ того рокового утра, когда она должна была сойти съ трамвая подъ проливнымъ дождемъ, не имѣя пересадочнаго билета. А теперь кашель все усиливался, и она не могла спать по ночамъ. Но хуже всего были ея нервныя припадки. У нея бывали страшныя головныя боли и припадки безпричиннаго плача. Иногда она возвращалась домой, дрожа, и начинала стонать, потомъ ложилась на постель и безудержно рыдала. Юргисъ былъ внѣ себя. Ельзбета объясняла ему, что беспокоиться нечего, что истерическіе припадки часто случаются съ женщинами въ такомъ положеніи, но она не могла его убѣдить и успокоить. Онъ допытывался у Оны, что съ ней, говорилъ, что никогда ничего подобнаго съ нею не бывало, и что это чудовищно. Въ этомъ виновата жизнь, которую она ведетъ; проклятая работа убиваетъ ее,—говорилъ онъ. Нельзя, чтобы женщина такъ работала. Это должно быть запрещено закономъ. Если нельзя иначе обезпечить имъ жизнь, то лучше ихъ сразу убить. Бѣднымъ женщинамъ не нужно ни выходить замужъ, ни имѣть дѣтей. Еслибы Юргисъ зналъ, что женщины—такія слабыя существа, онъ бы не губилъ Ону, женился на ней. Такъ онъ говорилъ, доходя самъ до истерики. Тогда Она пересиливала себя и обвиняла его, прося, чтобы онъ пересталъ мучить себя, что все устроится къ лучшему. Потомъ она прислонялась къ его плечу и рыдала, а онъ глядѣлъ на нее, какъ звѣрь, раненый невидимымъ врагомъ.

XV.

Припадки у Оны начались лѣтомъ, и каждый разъ Она съ какимъ-то безумнымъ испугомъ въ голосъ обѣщала, что это не повторится, но не могла сдержать обѣщанія. Съ каждымъ разомъ Юргисъ все больше пугался и все менѣе вѣрилъ успокоительнымъ объясненіямъ Ельзбеты. Ему казалось, что съ Оной происходитъ нѣчто таинственно-страшное. Нѣсколько разъ онъ встрѣ-

чался съ ней взглядами, и замѣчалъ, что у нея видъ затравленнаго звѣря; среди истерическаго плача у нея вырывались возгласы отчаянія, наводившіе ужасъ на Юргиса. И онъ только потому сравнительно мало беспокоился, что самъ отупѣлъ отъ горя и страданій, и не думалъ о томъ, что съ Оной, когда припадки прекращались. Онъ жилъ какъ тупое животное, для котораго существуетъ только настоящая минута.

Опять приближалась зима, грозившая еще большими бѣдствіями, чѣмъ прежнія. Былъ октябрь и началась предпраздничная рабочая горячка. На консервныхъ фабрикахъ работали до поздняго вечера, приготовляя ѣду для рождественскаго стола. Марія, Ельзбетъ и Онъ, какъ частямъ фабричнаго механизма, приходилось работать по пятнадцати-шестнадцати часовъ въ сутки. Отказываться отъ лишнихъ часовъ нельзя было. Или исполни все, что прикажутъ—или вонъ съ фабрики. Къ тому же добавочные часы слегка повышали заработокъ, и онъ старался поэтому держаться, пока хватало силъ. Онъ становился на работу въ семь часовъ утра, обѣдали въ полдень и потомъ работали до десяти-одиннадцати вечера, не имѣя ничего во рту за все время. Юргисъ предлагалъ дожидаться ихъ по вечерамъ и отводить ихъ домой, но онъ и слышать объ этомъ не хотѣли. Въ его фосфатномъ отдѣленіи работа кончалась въ обычное время; значитъ, онъ поджидалъ бы ихъ въ кабаѣ. Онъ предпочитали возвращаться домой одни. Встрѣтившись на углу улицы, онъ шли втроемъ, или же, если освобождались въ разное время, то ѣздили по трамваю домой по одиночкѣ. Домой онъ добирались такіе усталые, что имъ уже не хотѣлось ѣсть и тяжело было раздѣться. Онъ часто ложились спать, не снимая обуви, и лежали какъ мертвые до утра. Но все-таки онъ кое-какъ держались въ надеждѣ, что потомъ будетъ немножко легче—если хватить на уголь зимой.

Въ началѣ декабря поднялась первая снѣжная метель. Она началась въ два часа дня, и къ вечеру все замело снѣгомъ. Юргисъ хотѣлъ-было обождать женщинъ, но зашелъ въ кабаѣ погрѣться, выпилъ два стакана и быстро побѣжалъ домой, спасаясь отъ своего бѣса-искусителя. Онъ прилегъ на постель, ожидая возвращенія работницъ, и сейчасъ же крѣпко заснулъ. Когда онъ открылъ глаза, ему показалось, что продолжается какой-то кошмаръ: около него стояла тетя Ельзбета и что-то кричала ему. Сразу онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло.

— Она не вернулась домой!—говорила она.

— Который же часъ?—спросилъ онъ.

— Уже утро, пора вставать. Она не ночевала дома. А на дворѣ страшная стужа, и выпалъ глубокой снѣгъ.

Юргисъ вскочилъ, надѣлъ сапоги, куртку и выбѣжалъ изъ дому; Марія плакала отъ страха, и дѣти вторили ея плачу. Но, очутившись на улицѣ, Юргисъ не зналъ, куда ему идти. Было еще темно, какъ ночью, и падали тяжелыя хлопья снѣга. Въ нѣсколько секундъ, пока онъ стоялъ, его всего занесло снѣгомъ.

Онъ побѣжалъ къ скотнымъ дворамъ, заходя по дорогѣ въ кабаки и спрашивая, не заходила ли туда Она, обезсилѣвъ по дорогѣ? Не случилось ли несчастія? На фабрикѣ, гдѣ она работала, сторожъ сказалъ, что, кажется, никакого несчастнаго случая не произошло; въ конторѣ онъ узналъ, что Она закончила работу наканунѣ тогда же, когда и другія. Юргису ничего другого не оставалось, какъ ждать жену здѣсь, у входа на фабрику. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по снѣгу, чтобы не замерзнуть. На дворахъ уже началась работа. Выгружали скотъ, носили двухсотфунтовые туши въ холодильники. Прежде чѣмъ стало свѣтать, стали приходить рабочіе, дрожа отъ холода, позвякивая своими жестянками съ обѣдомъ. Юргисъ сталъ у окна въ конторѣ, гдѣ было достаточно свѣтло, чтобы видѣть проходящихъ; но шелъ такой густой снѣгъ, что нужно было очень вглядываться въ окно, чтобы что-нибудь увидѣть.

Пробило семь часовъ — Юргису пора было идти на работу, но онъ стоялъ и ждалъ Ону, не помня себя отъ тревоги за нее. Черезъ четверть часа онъ увидѣлъ сквозь снѣжную пелену знакомую фигуру и кинулся ей навстрѣчу съ крикомъ. Это дѣйствительно была Она. При видѣ его, она побѣжала впередъ и почти упала ему на руки.

— Что случилось?—взволнованно спросилъ онъ.—Гдѣ ты была?

Она задыхалась и не сразу ему отвѣтила.

— Я не могла попасть домой, — проговорила она, нахвостъ.—Такой снѣгъ,—трамваи перестали ходить...

— Гдѣ же ты осталась?—спросилъ онъ.

— Я зашла переночевать къ знакомой,—къ Ядвигѣ.

Юргисъ облегченно вздохнулъ. Но Она плакала и дрожала, точно у нея опять начинался нервный припадокъ, чего онъ такъ боялся.

— Что съ тобой?—воскликнулъ онъ.—Что случилось?

— Я такъ боялась, Юргисъ!—сказала она, прижимаясь къ нему.—Мнѣ такъ тяжело!..

Они стояли у конторы, и всѣ на нихъ стали оглядываться. Юргисъ отвелъ ее въ сторону.

— Мнѣ было такъ страшно, такъ страшно! — говорила, рыдая, Она. — Я знала, что ты будешь беспокоиться, и не могла представить себѣ, что ты станешь дѣлать. Я пыталась добраться домой, но у меня не хватило силъ. О, Юргисъ, Юргисъ!

Онъ былъ счастливъ, что она вернулась, и ни о чемъ больше не думалъ. Ему не показалось страннымъ ея чрезмѣрное волненіе. Ея испуганный видъ и несвязныя увѣренія не беспокоили его больше. Онъ далъ ей выплакаться и отдохнуть отъ пережитой тревоги. А затѣмъ, такъ какъ было уже около восьми, и они рисковали лишиться платы и за весь слѣдующій часъ, то онъ поспѣшилъ уйти, оставивъ ее у дверей фабрики съ блѣднымъ какъ смерть лицомъ и глазами, въ которыхъ было выраженіе неизъяснимаго ужаса.

Прошло еще немного времени. Близилося Рождество, а такъ какъ опять непрерывно шелъ снѣгъ и стояли сильные морозы, то Юргисъ каждое утро провожалъ жену почти до самой фабрики, пробираясь съ ней въ темнотѣ. Но вскорѣ наступилъ конецъ всему.

Это было за три дня до Рождества. Марія и Ельзбета вернулись домой около полуночи, и громко вскрикнули отъ ужаса, узнавъ, что Она еще не возвращалась. Онѣ условились встрѣтиться съ нею, ждали ее, потомъ пошли въ ея мастерскую на фабрику, и тамъ имъ сказали, что работа кончилась часъ тому назадъ и всѣ работницы ушли. Вечеръ былъ не очень морозный, но шелъ снѣгъ, — а Она все-таки не пришла. На этотъ разъ навѣрное случилось несчастіе.

Онѣ разбудили Юргиса; онъ сѣлъ на постели и сердито выслушалъ ихъ. Навѣрное Она слишкомъ устала, чтобы возвращаться домой, и пошла ночевать къ Ядвигѣ, по сосѣдству съ фабрикой. Ничего съ ней не могло случиться, — а если и случилось, то до утра все равно ничего нельзя предпринять. Юргисъ повернулся къ стѣнѣ и снова захрапѣлъ, прежде чѣмъ они вышли за дверь. Утромъ, однако, онъ всталъ и вышелъ изъ дому на часъ раньше обыкновеннаго. Ядвига Марцинкусъ жила по близости отъ скотныхъ дворовъ съ матерью и сестрами въ одной подвальной комнатѣ. У жениха ея недавно отняли руку — у него сдѣлалось зараженіе крови, — и о свадьбѣ ихъ не было больше и рѣчи. Нужно было пройти черезъ узкій дворъ, чтобы попасть къ нимъ, и Юргисъ издали увидѣлъ свѣтъ въ окнѣ. Онъ поступалъ, почти увѣренный, что откроетъ дверь Она.

Но вмѣсто Оны онъ увидѣлъ одну изъ маленькихъ сестеръ Ядвиги; она глядѣла на него черезъ щель въ двери.

— Гдѣ Она?—спросилъ онъ, и дѣвочка съ удивленіемъ поглядѣла на него.

— Она?—переспросила дѣвочка.

— Ну да,—сказалъ Юргисъ.—Развѣ ея здѣсь нѣтъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила дѣвочка, и Юргисъ вздрогнулъ. Черезъ минуту появилась Ядвига, выглядывая надъ головой дѣвочки. Увидѣвъ, кто пришелъ, она отскочила, попросивъ Юргиса обождать минуту, пока она одѣнется.

— Мать больна,—начала-было она въ видѣ извиненія.

— Развѣ Она не у васъ?—прервалъ ее испуганнымъ голосомъ Юргисъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Ядвига.—Почему вы думаете, что она у меня? Развѣ она говорила, что собирается ко мнѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Но она не вернулась домой на ночь, и я думалъ, что она здѣсь,—какъ и тогда.

— Когда?—съ недоумѣніемъ спросила Ядвига.

— Да когда она здѣсь ночевала,—сказалъ Юргисъ.

— Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе,—быстро отвѣтила Ядвига.—Ни разу Она у насъ не ночевала.

Онъ прислонился къ стѣнѣ, стараясь сдержать свое волненіе. Ядвига пріоткрыла дверь.

— Она говорила, что была именно у васъ,—сказалъ Юргисъ,—разсказывала мнѣ про васъ, передавала ваши слова. Вы, можетъ быть, забыли.

— Да нѣтъ же,—снова повторила она, и въ это время раздался сердитый окрикъ:

— Ядвига, ты простудишь ребенка. Закрой дверь!

Юргисъ постоялъ еще съ минуту, что-то пробормоталъ, и понявъ, что больше онъ тутъ ничего не узнаетъ, извинился и ушелъ.

Онъ шелъ совершенно огушенный, не зная, куда направиться. У него кружилась голова! Она его обманула, солгала ему. Что это значитъ? Гдѣ она теперь? Онъ ничего не понималъ. И только чувствовалъ, что произошло страшное несчастіе.

Не зная, куда дѣваться, онъ направился на фабрику Оны, зашелъ въ контору и сталъ смотрѣть въ окно. Тамъ онъ прождалъ до восьми, и потомъ пошелъ въ мастерскую, гдѣ работала Она, чтобы навести справки у начальницы. Но оказалось, что она не пріѣхала. Что-то испортилось на электрической станціи, и электрическій трамвай не ходилъ со вчерашняго вечера, такъ что нельзя было пріѣхать изъ города. Ее замѣнила на этотъ разъ другая надзирательница. Дѣвушкѣ, которая давала Юргису

эти объясненія, было некогда, и она все озиралась, не слѣдять ли за ней; работницамъ запрещалось разговаривать. Потомъ появился рабочій съ тачкой. Онъ зналъ, что Юргисъ—мужъ Оны, и былъ заинтересованъ ея таинственнымъ исчезновеніемъ.

— Можетъ быть, и она не попала домой изъ-за того, что трамвай не ходили,—сказалъ онъ. — Быть можетъ, она въ городъ ѣздила.

— Нѣтъ, — сказалъ Юргисъ, — она никогда не ѣздитъ въ городъ.

— Не ѣздитъ? — сказалъ рабочій. Юргису показалось, что онъ переглянулся съ дѣвушкой, и онъ быстро спросилъ:—А вы что объ этомъ знаете?

Но рабочій увидалъ, что смотритель глядитъ въ его сторону, и отошелъ, увозя свою тачку.

— Ничего я не знаю,—сказалъ онъ черезъ плечо. — Какъ я могу знать, куда ѣздитъ ваша жена!

Юргисъ снова вышелъ и сталъ ходить взадъ и впередъ передъ фабрикой. Онъ провелъ такъ все утро, даже не думая идти на работу. Около полудня онъ пошелъ наводить справки въ полицію и, вернувшись, опять сталъ сторожить. Прождавъ еще нѣсколько часовъ, онъ отправился, наконецъ, домой. Онъ шелъ по Ашлэндъ-Авеню. Электрическіе трамвай возобновили движеніе, и мимо него проѣхало нѣсколько переполненныхъ вагоновъ. При видѣ ихъ Юргисъ вспомнилъ о странномъ, насмѣшливомъ замѣчаніи рабочаго. Онъ сталъ какъ-то машинально слѣдить за проѣжающими вагонами. Вдругъ онъ вскрикнулъ, остановился, и тотчасъ же бросился бѣжать, почти не отставая отъ трамвая. Поднявшая черная шляпа съ краснымъ цвѣткомъ, можетъ быть, принадлежала и Онѣ, но это трудно было предположить. Сейчасъ это выяснится, такъ какъ черезъ два квартала ей нужно будетъ сойти, если это дѣйствительно она. Юргисъ замедлилъ шагъ, и пропустилъ трамвай мимо себя.

Она вышла и повернула въ боковую улицу.

Юргисъ бросился бѣжать за ней. Онъ видѣлъ, какъ она повернула за уголъ по близости отъ ихъ дома, потомъ вошла въ домъ. Послѣ этого онъ повернулъ назадъ, походилъ минутъ пять взадъ и впередъ, сжавъ руки и стиснувъ губы отъ душевной муки. Потомъ онъ вошелъ въ домъ.

Открывъ дверь, онъ увидѣлъ Ельзбету, которая тоже ходила искать Ону и вернулась домой. Она ходила теперь на цыпочкахъ и приложила палецъ къ губамъ.

— Тихе! — шепнула она: — Она спитъ. Ей очень нехорошо.

Кажется, у нея въ головѣ неладно. Говорить, что всю ночь ходила по улицамъ и не могла найти дорогу. Я едва теперь только успокоила ее.

— Когда она вернулась?—спросилъ Юргисъ.

— Утромъ, вскорѣ послѣ того какъ ты ушелъ, — отвѣтила Ельзбета.

— А съ тѣхъ поръ она выходила?

— Нѣтъ. Она очень слаба, Юргисъ, она...

Онъ крѣпко стиснулъ зубы.

— Это ложь!—сказалъ онъ и, отстранивъ рукой Ельзбету, открылъ дверь въ спальню. Она сидѣла на постели, и съ испугомъ взглянула на Юргиса. Онъ заперъ дверь, не впустивъ Ельзбету, и подошелъ къ женѣ.

— Гдѣ ты была?—спросилъ онъ.

Она сидѣла, положивъ на колѣни крѣпко стиснутыя руки; лицо у нея было бѣлое, какъ бумага, искаженное отъ страданій. Она нѣсколько разъ перевела дыханіе, прежде чѣмъ была въ силахъ отвѣтить ему; потомъ начала говорить тихимъ, прерывистымъ голосомъ:

— Юргисъ, — я, кажется, была не въ своемъ умѣ. Я шла домой—и не могла найти дорогу. Я шла-шла всю ночь, и добралась до дому только утромъ.

— Тебѣ слѣдовало лечь въ постель, вернувшись домой, — сказалъ Юргисъ рѣзкимъ тономъ. — Зачѣмъ же ты вышла изъ дому во второй разъ?

Онъ глядѣлъ ей прямо въ лицо, и ясно видѣлъ выраженіе испуга въ ея глазахъ.

— Мнѣ нужно было пойти въ лавку, — пробормотала она едва слышно.

— Ты лжешь!—сказалъ Юргисъ, и подошелъ къ ней ближе, крѣпко сжавъ руки. — Зачѣмъ ты лжешь?—крикнулъ онъ. — Что ты такое сдѣлала, что должна теперь лгать и скрывать?

— Юргисъ! — испуганно крикнула она. — Юргисъ, что съ тобой?

— Ты солгала, говорю я тебѣ!—крикнулъ онъ. — Ты говорила, что ночевала у Ядвиги, и это неправда. Ты и тогда была тамъ же, гдѣ и теперь — гдѣ-то въ городѣ. Я видѣлъ, какъ ты сошла съ трамвая. Гдѣ ты была?

Этими словами онъ точно всадилъ ей ножъ въ сердце. Она зашаталась, взглянувъ на него съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ, и затѣмъ съ крикомъ подалась впередъ, протягивая ему руки. Онъ отстранился, — и она упала на постель, закрыла лицо

руками и зарыдала. Начался столь пугавшій всегда Юргиса истерическій припадокъ. Все тѣло Оны сотрясалось отъ рыдавій. Казалось, точно въ ней поднималось что-то страшное, охватывало все ея существо и терзало ее. Прежде видъ этихъ мучительныхъ рыдавій сводилъ съ ума Юргиса, а теперь онъ стоялъ неподвижно, крѣпко сжавъ руки; онъ не сдвинулся бы съ мѣста, казалось, еслибы она теперь на его глазахъ убила себя. Онъ только чувствовалъ, какъ холодѣетъ въ немъ кровь и дрожатъ его губы. Онъ почти почувствовалъ облегченіе, когда пріотворилась дверь и въ нее просунулось блѣдное отъ страха лицо Елизаветы. Съ ней онъ могъ говорить. Онъ накинута на нее съ бравью, выгоняя ее изъ комнаты, а когда она не уходила, пытаясь что-то сказать, онъ схватилъ ее за руку, почти вытолкнувъ ее изъ комнаты, захлопнулъ дверь и придвинулъ столъ къ двери. Послѣ этого онъ снова повернулся къ Онѣ и, глядя ей прямо въ лицо, крикнулъ:—А теперь говори!

Но она его не слышала,—она была во власти своего недуга, вся извивалась въ судорогахъ, рыдала и издавала какіе-то сдавленные звуки, которые подступали волнами къ ея горлу. Затѣмъ голосъ сталъ все возвышаться, и она разразилась дикимъ, страшнымъ хохотомъ.

Юргисъ не могъ выносить этого дольше. Онъ подскочилъ къ ней, схватилъ ее за плечи, началъ ее трести и кричалъ ей на ухо:

— Перестань! перестань, говорю тебѣ!

Она подняла на него глаза среди своихъ мукъ, потомъ упала къ его ногамъ и ухватила за нихъ руками такъ сильно, что Юргисъ не могъ отступить. Лежа лицомъ на полу, она продолжала рыдать, и Юргисъ закричалъ еще болѣе безсовѣстнымъ голосомъ:

— Да перестань же наконецъ!

На этотъ разъ она послушалась, глубоко вздохнула и замолкла, только всхлипывая такъ, что все тѣло судорожно вздрагивало. Съ минуту она лежала совершенно недвижимо, и Юргис охватилъ ужасъ; ему показалось, что она умираетъ. Но вдругъ раздался слабый звукъ ея голоса:

— Юргисъ, Юргисъ!

— Что?

Онъ нагнулся къ ней, потому что она была слишкомъ слаба, чтобы подняться. Она говорила умоляющимъ тономъ:

— Вѣрь мнѣ, Юргисъ—вѣрь мнѣ!

— Чему вѣрить?

— Вѣрь, что я—изъ любви. Не спрашивай—вѣрь. Я хотѣла добра. Повѣрь мнѣ. Я не виновата. Иначе нельзя было. Это ничего. Повѣрь, Юргись, только повѣрь!

Она пробовала встать, но не могла. Онъ чувствовалъ, какъ дрожать ея руки, и чувствовалъ ея прерывистое дыханіе, когда она прижималась къ нему. — Повѣрь мнѣ, — повторяла она, рыдая.

Но онъ въ бѣшенствѣ крикнулъ:—Нѣтъ, не вѣрю!

Она не отпускала его рукъ и громко рыдала.

— Подумай, Юргись, что ты говоришь! Ты насъ всѣхъ погубишь. Нѣтъ, нѣтъ, — не дѣлай этого! Я не выдержу. Нѣтъ, Юргись, вѣдь это я такъ; я съ ума сошла — ничего не случилось на самомъ дѣлѣ. Тебѣ незачѣмъ знать. Все будетъ по старому, мы будемъ любить другъ друга, какъ прежде. Только вѣрь мнѣ.

Его охватило бѣшенство отъ ея словъ. Онъ рѣзкимъ движеніемъ оттолкнулъ ее.

— Да скажешь ли ты мнѣ наконецъ, въ чемъ дѣло!—крикнулъ онъ.

Она опять опустилась на полъ и зарыдала — мучительно, какъ обреченная на вѣчную гибель душа, и Юргись не могъ этого дольше выдержать. Онъ стукнулъ кулакомъ по столу и снова крикнулъ:—Говори!

Она стала громко плакать и голосъ ея казался голосомъ раненаго звѣря.

— Я не могу, не могу!—кричала она.

— Почему не можешь?

— Не знаю, какъ сказать.

Онъ вскочилъ, схватилъ ее за руку и, поднявъ ее съ пола, взглянулъ ей прямо въ лицо.

— Скажи мнѣ, гдѣ ты была, — проговорилъ онъ задыхаясь. — Скорѣй, скорѣй!

Она отвѣтила шопотомъ, произнося каждое слово отдѣльно:

— Я была — въ томъ домѣ — въ городѣ.

— Въ какомъ домѣ? Я не понимаю.

Она пробовала отвести взглядъ, но Юргись глядѣлъ ей прямо въ лицо.

— Въ домѣ миссъ Гендерсонъ, — прошептала она.

Онъ не сразу понялъ ее.

— Въ домѣ миссъ Гендерсонъ? — повторилъ онъ, не вникая въ смыслъ словъ. Вдругъ страшная правда озарила его, и онъ отшатнулся съ дикимъ крикомъ. Онъ присловился къ стѣнѣ,

провелъ рукой по лбу, оглянулся вокругъ себя и прошепталъ:— Господи Иисусе!

Черезъ секунду онъ наклонился къ Онѣ, которая лежала у его ногъ, и схватилъ ее за горло.

— Кто повелъ тебя туда?—глухо крикнулъ онъ.

Она пыталась вырваться изъ его рукъ, но это его еще больше вывело изъ себя. Онъ подумалъ, что она боится его ударовъ, не понимая, что ее мучить сознание позора. Но она все-таки отвѣтила ему:

— Конноръ, смотритель. Тотъ...

Онъ сжалъ пальцы, и только когда она закрыла глаза, онъ сообразилъ, что душитъ ее. Тогда онъ отпустилъ ее и, подождавъ, пока она снова подняла вѣки, нагнулся къ ней совсѣмъ близко.

— Скажи мнѣ все!—прошепталъ онъ.

Она лежала недвижимо, и онъ долженъ былъ пританъ дыханіе, чтобы услышать ея слова.

— Я не соглашалась,—говорила она.—Я пыталась... избѣжать; но должна была уступить. Иначе мы бы погибли.

Опять въ теченіе нѣсколькихъ секундъ слышно было только его прерывистое дыханіе. Она закрыла глаза и продолжала говорить, не открывая ихъ.

— Онъ мнѣ сказалъ, что выгнать меня, что мы всѣ будемъ безъ работы, что онъ погубитъ всѣхъ насъ.

— Когда это началось?—спросилъ Юргисъ едва слышно.

— Мнѣ не было житья съ самаго начала,—отвѣтила она, говоря какъ загипнотизированная. Это все устроила она, миссъ Гендерсонъ. Она меня возненавидѣла. А онъ... ему... я нравилась. Онъ заговаривалъ со мной—ухаживалъ. Предлагалъ деньги—говорилъ, что любить меня. Потомъ сталъ грозить. Онъ зналъ все про наши дѣла, зналъ, что мы съ голоду погибнемъ. Онъ зналъ твоего смотрителя и Марьина. Онъ бы довелъ насъ до голодной смерти—такъ онъ говорилъ. А потомъ сказалъ, что если я... если я... то у насъ всѣхъ будетъ всегда работа. Разъ онъ схватилъ меня... и не отпускалъ... и... и...

— Гдѣ это было?

— На фабрикѣ... поздно вечеромъ... когда всѣ ушли. Я не могла противиться. Я думала о тебѣ... о ребенкѣ... о матери и дѣтяхъ. Я его боялась... боялась кричать.

За минуту до того лицо ея было почти сѣрое, — теперь оно покрылось густой краской. Она опять стала тяжело дышать. Юргисъ не произнесъ ни звука.

— Это было два мѣсяца тому назадъ,—продолжала она.— Потомъ онъ сталъ требовать, чтобы я пришла въ тотъ домъ, чтобы я тамъ осталась жить. Грозилъ, что лишитъ всѣхъ насъ работы. Онъ заставилъ меня приходить туда по вечерамъ. Тебѣ я говорила, что работаю вечеромъ на фабрикѣ. Когда—въ тотъ вечеръ—поднялась метель, я не могла вернуться. А вчера остановили трамвай. Это и погубило насъ... Я пробовала пойти пѣшкомъ,—но не могла. Я не хотѣла, чтобы ты узналъ... Все бы обошлось,—лишь бы только ты не зналъ. Я ему перестала нравиться,—онъ бы меня скоро оставилъ въ покоѣ. У меня скоро родится ребенокъ,—я становлюсь уродливой. Онъ уже это мнѣ вчера говорилъ. Онъ меня даже билъ вчера. А теперь... ты убьешь его—и намъ всѣмъ конецъ.

Все это она сказала совершенно твердо, лежа, какъ мертвая, съ закрытыми глазами. И Юргисъ тоже не произнесъ ни слова. Не взглянувъ даже еще разъ на жену, онъ подошелъ къ двери и открылъ ее. Онъ не замѣтилъ Ельзбету, которая въ ужасѣ прижалась въ уголъ. Онъ вышелъ изъ дому безъ шапки, не закрывъ за собой входную дверь, и какъ только очутился на улицѣ, пустился бѣжать изо всѣхъ силъ.

Онъ бѣжалъ какъ безумный, съ дикимъ выраженіемъ лица, не глядя по сторонамъ. На Ашлэндъ-Авеню онъ наконецъ остановился въ изнеможеніи. Увидѣвъ трамвай, онъ вскочилъ на него. У него были дикіе глаза, волосы разлетались по вѣтру, и онъ хрипло дышалъ, какъ раненый быкъ. Пассажиры трамвая не обратили, однако, особаго вниманія на его внѣшность; — можетъ быть, имъ казалось, что человекъ, отъ котораго идетъ такой страшный запахъ, долженъ имѣть и соотвѣтственный одичалый видъ. По обыкновенію всѣ быстро отходили отъ него, но Юргисъ ничего не замѣчалъ—мысли его были далеко. Вся душа его охвачена была огнемъ, и онъ весь притаился, точно готовясь къ прыжку.

Когда трамвай добѣжалъ до скотныхъ дворовъ, онъ соскочилъ, и такъ какъ успѣлъ уже перевести дыханіе во время ѣзды, то опять пустился бѣжать. На него люди оборачивались и глядѣли ему вслѣдъ, но онъ никого не видѣлъ. Онъ добѣжалъ до фабрики, быстро вошелъ туда и бросился бѣжать по корридолу. Онъ зналъ, гдѣ была мастерская Оны, и зналъ Коннора, смотрителя нагрузчиковъ, работавшихъ тутъ же рядомъ на платформѣ. Онъ сталъ оглядываться и искать смотрителя. Работа была въ полномъ разгарѣ, люди грузили ящики и бочки на повозки. Юргисъ быстрымъ взглядомъ оглянулся вокругъ себя—

того, кого онъ искалъ, тутъ не было. Но вдругъ онъ услышалъ громкій голосъ въ корридорѣ и быстро направился туда. Черезъ секунду онъ увидѣлъ передъ собой зрителя.

Это былъ плотный ирландецъ съ краснымъ грубымъ лицомъ; отъ него сильно несло водкой. Онъ увидѣлъ Юргиса, переступая порогъ, и поблѣднѣлъ. Одно мгновеніе онъ колебался, хотѣлъ уйти, но прежде чѣмъ онъ одумался, Юргисъ уже наскочилъ на него. Конноръ поднесъ руки къ лицу, чтобы защититься. Но Юргисъ изо всѣхъ силъ ударилъ его промежъ глазъ и повалилъ его. Въ слѣдующую минуту онъ налегъ на него и принялся души́ть его, вцѣпившись пальцами въ горло. Юргисъ обезумѣлъ отъ прикосновенія къ тѣлу врага. Все кружилось передъ его глазами, и онъ издавалъ бѣшеные крики, приподнимая свою жертву и стучая его головой объ полъ.

Поднялся шумъ, — женщины кричали, мужчины бросились на помощь Коннору. Но Юргисъ былъ такъ занятъ своей жертвой, что ничего не замѣчалъ и не понималъ. Только когда чело́вѣкъ шесть схватили его за ноги и за плечи и стали его тащить назадъ, — онъ понялъ, что у него отнимаютъ его жертву. Онъ быстро нагнулся и вонзилъ зубы въ щеку своего обидчика; когда его оттащили, онъ былъ въ крови и изо рта у него висѣли узкія полоски кожи.

Его положили на полъ, держа за руки и за ноги, и все-таки съ трудомъ справляясь съ нимъ. Онъ боролся какъ тигръ, оттаивая всѣхъ и порываясь кинуться снова на врага, который лежалъ безъ чувствъ. Но вбѣжали еще люди и наконецъ одолѣли его, надавивъ на него тяжестью своихъ тѣлъ. Его свесли въ полицейскій участокъ при фабрикѣ, и тамъ онъ лежалъ, пока не пріѣхала за нимъ вызванная изъ города стража, чтобы увести его въ тюрьму.

XVI.

Когда Юргисъ очнулся, онъ сталъ держать себя спокойно. Онъ обезсилѣлъ и былъ наполовину оглушенъ всѣмъ, что произошло; кромѣ того, онъ присмирѣлъ, увидавъ синіе мундиры полицейскихъ. Онъ ѣхалъ въ полицейскомъ фурго́нѣ, и вокругъ него было чело́вѣкъ шесть стражи, которые старались сидѣть подальше отъ него, изъ-за его запаха. Потомъ его ввели къ полицейскому сержанту, который записалъ его имя, адресъ и за что его арестовали. Онъ узналъ, что обвиняется въ нападеніи и нанесеніи ударовъ. По дорогѣ въ его камеру, хмурый полицейскій

накинулся на него съ бранью за то, что онъ повернулъ не туда, куда слѣдовало, и затѣмъ еще толкнулъ его, чтобы онъ быстрее шелъ. Но Юргисъ не поднялъ даже на него глазъ. Проживъ два съ половиной года на скотныхъ дворахъ, онъ зналъ, что съ чивагской полиціей шутки плохи. У себя въ логовищѣ она могла дѣлать все, что угодно, и за малѣйшее сопротивленіе его бы отволокли до крови. Случалось, что въ такихъ случаяхъ человѣку расшибали голову,—и въ рапортѣ тогда значилось, что арестантъ былъ пьянъ, упалъ и расшибся. Никто не провѣрялъ, правда ли это,—никому до этого не было дѣла.

Тяжелая дверь закрылась на замокъ за Юргисомъ; онъ сѣлъ на скамью и закрылъ лицо руками. Онъ былъ одинъ, и могъ обдумывать свое положеніе весь остатокъ дня и всю ночь. Сначала у него было только чувство животнаго удовольствія, какъ у звѣря. Онъ отдѣлалъ этого подлеца—не такъ еще, какъ бы могъ, еслибы ему не помѣшали, но все-таки недурно. Онъ еще чувствовалъ въ пальцахъ прикосновеніе къ горлу Коннора. Но, остывъ и одумавшись, онъ понялъ, что радоваться нечему. То, что онъ чуть не убилъ зрителя Оны, не облегчить ей участи, не смоетъ память объ испытанномъ позорѣ, не поможетъ ей прокормить себя и ребенка. Мѣсто она навѣрное потеряетъ, а что будетъ съ нимъ—одинъ Богъ вѣдаетъ.

Онъ проходилъ весь вечеръ по камерѣ, думая о случившемся, и въ первый разъ въ жизни не могъ заснуть отъ наплыва мыслей. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ пьяница, взятый подъ стражу за истязаніе жены, а въ другой камерѣ былъ сумасшедшій, не перестававшій громко стонать. Въ полночь полицейскій участокъ открывали для всѣхъ, не имѣющихъ крова, и они толпились въ корридорѣ передъ камерами. Нѣкоторые ложились на голый каменный полъ и тотчасъ же начинали храпѣть. Другіе сидѣли, смѣялись, разговаривали и ссорились. Воздухъ былъ душный и зловонный, но, несмотря на это, чувствовался спеціальнй запахъ Юргиса, и люди въ корридорѣ призывали на его голову всѣ проклятія; онъ въ это время лежалъ въ углу своей камеры, чувствуя, что у него голова какъ въ огнѣ.

Ему принесли ужинъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ кусковъ сухого хлѣба и кофе, къ которому примѣшивали снотворное питье, чтобы заключенные не шумѣли по ночамъ. Юргисъ заснулъ, но проснулся подъ утро и сталъ ходить по камерѣ. Его охватила мука, отъ которой ничто не могло его спасти. Онъ страдалъ не за себя: — человѣкъ, изготовляющій искусственное убрение на фабрикѣ Дургэма, ничего не боится; худшаго, чѣмъ

то, что есть, ему не можетъ предстоять. Но какъ жить съ сознаниѣмъ случившагося факта,—неизгладимаго для памяти? Отъ этого ужаса спасенія не было,—само небо не могло уничтожить прошлаго. И какъ онъ этого не предвидѣлъ? Онъ самъ во всемъ виноватъ. Какъ онъ пустилъ Ону на фабрику, какъ не уберечь ее отъ судьбы, ожидавшей всѣхъ фабричныхъ работниковъ? Нужно было не пускать ее на фабрику, — хотя бы имъ всѣмъ изъ-за этого пришлось умереть съ голоду на улицѣ. Какъ пережить теперь этотъ ужасъ? Онъ чувствовалъ, что жизнь кончена и для него, и для нея. Онъ зналъ, что какъ бы онъ ни хотѣлъ ее простить, какъ бы ни умолялъ ее на колѣняхъ забыть, что было, она не сможетъ больше взглянуть ему въ лицо, и никогда не будетъ ему женой. Сознаніе позора убьетъ ее; единственный исходъ для нея—смерть.

Такъ ему казалось, среди мучившаго его кошмара. Но потомъ онъ опять впалъ въ забытѣе, и новыя видѣнія стали мучить его: онъ видѣлъ Ону, умирающую съ голоду. Его будутъ держать въ тюрьмѣ мѣсяцы,—можетъ быть, годы. А Она навѣрное не сможетъ больше ходить на работу; она разбита всѣмъ пережитымъ. Ельзбету и Марію, вѣроятно, тоже разсчитаютъ. Если этотъ дьяволъ Конноръ захочетъ, то всѣхъ ихъ выгонятъ. Но если даже онъ не будетъ мстить, все-таки имъ невозможно прожить безъ него. Даже если мальчиковъ опять взять изъ школы, то безъ него и Оны нельзя будетъ покрыть всѣ расходы. У нихъ осталось всего нѣсколько долларовъ сбереженій. Они внесли плату за домъ недѣлю тому назадъ и съ просрочкой въ двѣ недѣли. Значитъ, уже черезъ недѣлю нужно сдѣлать новый взносъ. У нихъ не будетъ денегъ, и тогда домъ отнимутъ—послѣ всѣхъ долгихъ, мучительныхъ стараній удержать его за собой. Три раза агентъ предупреждалъ ихъ, что не допустить дальнѣйшихъ отсрочекъ. Можетъ быть, Юргисъ обнаруживалъ низменность чувствъ тѣмъ, что печалился о потерѣ дома, когда случилось такое страшное душевное потрясеніе. Но вѣдь сколько онъ и вся его семья выстрадали изъ-за этого дома, возлагая на него всѣ надежды на будущее! Всѣ ихъ деньги ушли на приобрѣтеніе этого дома. А они были бѣдные рабочіе люди, для которыхъ деньги были ихъ силой, самой ихъ сущностью, плотью и духомъ. Деньги означали для нихъ жизнь, отсутствіе денегъ—смерть.

И домъ этотъ у нихъ отнимутъ—ихъ выгонятъ на улицу, они будутъ ютиться гдѣ-нибудь въ углу. Юргисъ ясно представлялъ себѣ все, что ихъ ожидало. Они продадутъ мебель, потомъ столько всюду задолжаютъ, что нигдѣ имъ не будутъ да-

затъ въ долгъ. Немножко имъ дастъ взаймы Шедвила, дѣла котораго очень пошатнулись. Бѣдная больная Ядвига принесетъ отложенныя нѣсколько грошей; она отдавала всегда послѣднее голодающимъ. Тамопишъ Кушлейка принесетъ, что заработаетъ, проигравъ ночь на скрипкѣ. Такъ они будутъ перебиваться, пока онъ будетъ сидѣть въ тюрьмѣ. Но узнаютъ ли они, гдѣ онъ? Позволятъ ли ему видѣться съ семьей, или же въ его наказаніе входитъ также отсутствіе извѣстій о семьѣ?

Ему все рисовалось въ самомъ мрачномъ видѣ. Она больна, измучена; Марія потеряла мѣсто, маленький Станиславъ не можетъ идти утромъ на работу изъ-за снѣга, вся семья на улицѣ. Неужели имъ дѣйствительно предстоитъ лечь и умереть? Неужели никто имъ не поможетъ? Неужели они будутъ ходить по снѣгу, пока не замерзнутъ? Такъ онъ терзался мыслями до самаго утра. Тогда его опять повезли въ полицейскомъ фургонѣ вмѣстѣ съ пьяницей, колотившимъ жену, съ сумасшедшимъ и съ нѣсколькими „простыми пьяницами“ и ворами, которыхъ накрыли на кражѣ мяса изъ консервныхъ фабрикъ. Вмѣстѣ съ ними его ввели въ большую комнату съ бѣлыми стѣнами, очень душную и полную народа. На возвышеніи, за перилами сидѣлъ толстый человѣкъ съ мясистымъ лицомъ и багровымъ носомъ. Юргисъ смутно понялъ, что его привели на судъ. Но онъ не зналъ, за что его будутъ судить—жива ли его жертва, или умерла, и что въ послѣднемъ случаѣ съ нимъ сдѣлаютъ. Повѣсятъ? Или, можетъ быть, будутъ бить до смерти? Ничто бы не удивило Юргиса при его полномъ незнаніи законовъ. Но онъ достаточно наслышался о чикагскихъ заправилахъ, чтобы узнать, что человѣкъ за судейскимъ столомъ, говорившій такимъ зычнымъ авторитетнымъ голосомъ—знаменитый судья Калаганъ, имя котораго на скотныхъ дворахъ называлось съ ужасомъ.

„Патъ“ Калаганъ началъ заниматься политикой, когда еще былъ мальчишкой и служилъ въ мясной лавкѣ. Онъ сумѣлъ потомъ войти въ довѣріе крупныхъ фабрикантовъ и былъ большимъ пальцемъ той невидимой руки, которою скотопромышленники держали весь фабричный районъ въ своей власти. Онъ былъ въ свое время дѣловымъ агентомъ старика Дургэма, а потомъ не гнался за официальными должностями, а предпочиталъ орудовать партійной политикой, управляя въ то же время разными притонами, на которыхъ онъ наживался. Подъ старость, однако, когда у него подросли дѣти, онъ захотѣлъ занять почетное положеніе въ городѣ—и сдѣлался судьей. Это была очень

подходящая для него должность, въ виду его консерватизма и презрѣнія къ иностранцамъ.

Юргисъ сидѣлъ часа два въ ожиданіи своей очереди, и все оглядывалъ комнату, надѣясь, что увидитъ кого-нибудь изъ своихъ. Но никто не пришелъ. Наконецъ, его подвели къ судейскому столу, и противъ него выступилъ адвокатъ, защищавшій интересы фабрики. Онъ заявилъ, что Конноръ еще боленъ, и попросилъ судью отложить разбирательство дѣла на недѣлю. Судья потребовалъ триста долларовъ залога за освобожденіе до суда. Когда Юргису объяснили требованіе судьи, онъ только покачалъ головой въ знакъ невозможности представить залогъ, и прежде чѣмъ онъ ясно понималъ, что произошло, полицейскіе увели его. На этотъ разъ пришлось долго ѣхать въ полицейскомъ фургоны, и Юргисъ очень страдалъ отъ холода. Его повезли въ тюрьму на сѣверномъ концѣ города, въ девяти—десяти верстахъ отъ скотныхъ дворовъ. Тамъ Юргиса обыскали и оставили ему только его деньги—около пятнадцати центовъ. Затѣмъ его повели въ другую комнату и сказали, чтобы онъ раздѣлся до-нага для ванны. Послѣ того онъ долженъ былъ пройти голый по длинной галерей, мимо рѣшетчатыхъ дверей, за которыми сидѣли другіе заключенные. Для нихъ ежедневное появленіе новыхъ пришельцевъ, совершенно голыхъ, было единственнымъ развлеченіемъ, и они дѣлали всякаго рода замѣчанія на ихъ счетъ. Юргиса продержали въ ваннѣ гораздо дольше другихъ, въ тщетной надеждѣ, что послѣ этого исчезнетъ хоть отчасти запахъ фосфатовъ и кислотъ, который шелъ отъ него. Заключенныхъ помѣщали по двое въ каждой камерѣ, но на этотъ разъ оказался одинъ сверхъ ровнаго числа,—и таковымъ былъ Юргисъ. Его помѣстили въ камеру одного.

Камера Юргиса была пяти футовъ въ длину и семи въ ширину, съ каменнымъ поломъ и привинченной къ полу тяжелой деревянной скамейкой. Окна не было,—свѣтъ проникалъ изъ окна подъ крышей въ концѣ двора. Были также двѣ деревянныя лежанки одна надъ другой, и на каждой соломенный тюфякъ и сѣрое одѣяло—страшно грязное и полное паразитовъ всякаго рода. А когда Юргисъ поднималъ тюфякъ, то подъ нимъ зашуршали тараканы; ихъ было огромное количество, и они такъ же испугались Юргиса, какъ онъ ихъ. Вскорѣ ему принесли ужинъ—тоже сухой хлѣбъ, кофе съ подмѣшаннымъ къ нему снотворнымъ питьемъ и еще тарелку съ супомъ. Многіе арестанты брали ѣду изъ ресторана, но у Юргиса не было на это денегъ; другіе имѣли книги и читали, или играли въ карты, и жили

свѣчи, а Юргись сидѣлъ въ темнотѣ и одиночествѣ. Заснуть онъ опять не могъ отъ терзавшихъ его мыслей. Такъ онъ проходилъ взадъ и впередъ по своей камерѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, до полуночи. Онъ услышалъ, какъ на ближайшей церковной башнѣ пробило двѣнадцать,—но, къ великому удивленію Юргиса, колокола не остановились послѣ этого, а продолжали звонить. Что это значило? Ужъ не пожаръ ли въ тюрьмѣ? Прислушавшись, Юргись сталъ различать мелодію звона,—это былъ церковный звонъ, и онъ какъ бы пробудилъ городъ отъ сна. Со всѣхъ сторонъ ему стали вторить другіе колокола. Въ первую минуту Юргись былъ пораженъ до нѣльзя,—а потомъ вдругъ сообразилъ: это были рождественскіе колокола. Сегодня сочельникъ.

Онъ совсѣмъ забылъ про праздники. Ему вспомнилось Рождество въ дѣтствѣ, на далекой родинѣ. Да и здѣсь, несмотря на всѣ ихъ несчастія и нужду, они соблюдали праздники; это вносило немного свѣта въ ихъ мрачные будни. Въ прошломъ году на Рождествѣ, хотя и онъ, и Она работали до вечера въ сочельникъ и были съ утра на работѣ въ первый день праздника, все же они прошли съ дѣтьми по Ашлэндъ-Авэню, разглядывая выставленные въ окнахъ яства, сооруженія изъ сахара и игрушки. И у нихъ была съ собой тоже большая корзина для покупокъ. Они купили жаркое изъ свинины, капусты, ячменнаго хлѣба и мелкіе подарки для всей семьи. Начинка колбасъ и работа по изготовленію искусственныхъ фосфатовъ не вытравили у нихъ память о рождественскихъ праздникахъ. Юргису поэтому сдѣлалось еще тяжелѣе, когда онъ сталъ думать о томъ, какъ пройдетъ Рождество въ этомъ году для всей семьи: онъ—въ тюрьмѣ, Она больна, въ домѣ полное разореніе. Какая жестокость судьбы! Ужъ если его посадили въ тюрьму, то почему звонять въ колокола, напоминая ему о Рождествѣ?

Но колокола звонили, конечно, не для него,—съ нимъ просто никто не считается; его выбросили, какъ тряпку. Его жена, быть можетъ, умираетъ, дѣти, маленькій ребенокъ и вся семья страдаютъ отъ холода и голода,—а въ это время звонять рождественскіе колокола. И все какъ бы нарочно сошлось, чтобы истерзать его сердце. Онъ сидитъ тутъ, защищенный отъ снѣга и мороза, ему даютъ пить и ѣсть. Такъ почему же, если нужно было его наказать, не посадили лучше въ тюрьму его семью, и не оставили его на улицѣ? Неужели нѣтъ другого способа наказать его, какъ обрекая на голодную смерть трехъ беззащитныхъ женщинъ и шесть беспомощныхъ дѣтей?

Вотъ ихъ законы, ихъ справедливость! Юргись весь дрожалъ

отъ негодованія, и душу его охватили ненависть и злоба. Тысяча проклятій на нихъ и ихъ законы! Ихъ справедливость—гнусная ложь, злая насмѣшка, и тамъ, гдѣ она въ силѣ, жизнь не жизнь, а кошмаръ. Нѣтъ нигдѣ справедливости, нѣтъ правды—всюду тираннія, произволъ. Его растоптали, вытянули изъ него всѣ силы, убили старика-отца, погубили жену, раздавили всю его семью. А теперь его выбрасываютъ; онъ больше не пригоденъ, и никому нѣтъ дѣла до него. А за то, что онъ возсталъ противъ нихъ, сталъ имъ поперекъ дороги,—его заперли за рѣшетку, какъ дикаго звѣря, не имѣющаго ни разума, ни правъ, ни чувствъ. И даже съ дикимъ звѣремъ такъ не поступаютъ. Не оставляютъ его дѣтеннейшей на произволъ судьбы, словивъ его самого.

Эти часы рождественской ночи стали роковыми для Юргиса; въ душѣ его начался мятежъ; онъ потерялъ вѣру въ законы и справедливость. У него не было достаточнаго развитія, чтобы понять причину зла, которое сломало его жизнь. Онъ не зналъ, что сдѣлался жертвой систематической эксплуатаціи капиталистовъ, которые сплотились, образовали „трѣсть“ и забрали въ свои руки управленіе страной, сдѣлались хозяевами и судьями и замѣнили законность грубымъ произволомъ. Всего этого онъ не понималъ. Онъ зналъ только, что онъ жертва несправедливости и преслѣдованій,—и что преслѣдуютъ его всѣ сильные; что законъ, общество—его врагъ. И съ каждымъ часомъ душа его становилась мрачнѣе, каждый часъ онъ придумывалъ новые планы мести, питая этимъ свой гнѣвъ и свою непримиримую ненависть.

XVII.

На слѣдующее утро въ семь часовъ Юргиса выпустили изъ камеры съ тѣмъ, чтобы онъ принесъ воду и вымылъ свою камеру. Онъ выполнилъ эту работу очень аккуратно—не такъ, какъ другіе заключенные; у многихъ камеры были такъ грязны, что уже стража начинала протестовать. Потомъ Юргису опять дали хлѣбъ и кофе и выпустили на три часа гулять по длинному двору, обведенному кирпичной стѣной и съ стеклянной крышей. Тамъ толпились всѣ заключенные. По одну сторону двора было мѣсто для посѣтителей, отгороженное двумя проводочными перегородками на разстояніи фута одна отъ другой—для того, чтобы нельзя было ничего передать заключеннымъ. Юргисъ тщетно вглядывался въ кучку посѣтителей—къ нему никто не пришелъ.

Вскорѣ послѣ того какъ онъ вернулся въ свою камеру, сторожъ открылъ дверь и впустилъ молодого человѣка съ свѣтлыми усами, голубыми глазами и пріятнымъ лицомъ. Онъ бивнулъ Юргису, и когда сторожъ закрылъ за нимъ дверь, сталъ критически оглядываться въ камерѣ.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ, взглянувъ вторично на Юргиса. — Вотъ тебѣ и Рождество!

Юргисъ бивнулъ ему въ отвѣтъ. Новый заключенный подошелъ къ лежанкѣ, осмотрѣлъ одѣяла, поднялъ-было тюфякъ, но сейчасъ же опустил его.

— Однако! — воскликнулъ онъ: — Это хуже, чѣмъ все, что я видѣлъ до сихъ поръ. — Взглянувъ на Юргиса, онъ сказалъ: — А, вы ваете, и не ложились. Не рѣшались лечь сюда?

— Мнѣ не хотѣлось спать, — сказалъ Юргисъ.

— Вы съ которыхъ поръ здѣсь?

— Со вчерашняго дня.

Новый товарищъ Юргиса оглянулся и сталъ морщить носъ.

— Что это за ужасный запахъ? — спросилъ онъ.

— Это отъ меня, — спокойно сказалъ Юргисъ.

— Отъ васъ? Развѣ васъ не послали взять ванну?

— Ванна тутъ не поможетъ. Это отъ искусственного удобрения. Я работалъ на скотныхъ дворахъ. Запахъ остался въ платьѣ.

— Вотъ оно что! — сказалъ товарищъ Юргиса. — А я-то думалъ, что ужъ все знаю и черезъ все прошелъ. Это для меня новость. Вы за что здѣсь?

— Отколотилъ смотрителя.

— Недурно! А что же онъ вамъ сдѣлалъ?

— Онъ... нанесъ мнѣ обиду.

— Понимаю. Вы — то, что называется честнымъ рабочимъ?

— А вы? — спросилъ въ свою очередь Юргисъ.

— Я? — онъ разсмѣялся. — „Они“ утверждаютъ, что я громила, — отвѣтилъ онъ. — Ну, тамъ кассы и все такое, — прибавилъ онъ, видя недоумѣвающій взглядъ Юргиса.

— Да неужели? — Юргисъ посмотрѣлъ на него съ ужасомъ. — Вы — вламываете... чтобы...

— Да, — со смѣхомъ отвѣтилъ тотъ. — Такъ „они“ утверждаютъ.

Ему на видъ было не болѣе лѣтъ двадцати-трехъ, хотя оказалось, что ему тридцать. Онъ говорилъ какъ настоящій джентльменъ.

— Такъ вы за это сюда попали? — спросилъ Юргисъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ. — Я попалъ за безчинство. Они взбѣшены, потому что не имѣютъ никакихъ уликъ противъ меня. — А васъ какъ звать? — продолжалъ молодой человѣкъ послѣ короткаго молчанія. — Мое имя Дуанъ, Джэкъ Дуанъ. У меня болѣе дюжины именъ, но это—то, которое я говорю знакомымъ. — Онъ сѣлъ на полъ, спиной къ стѣнѣ, скрестилъ ноги и сталъ непринужденно разговаривать съ Юргисомъ; у него былъ видъ воспитаннаго человѣка, который не гнушается, однако, разговаривать съ простымъ рабочимъ. Онъ сталъ спрашивать Юргиса, и тотъ рассказалъ ему про себя все—кромѣ одного: объ этомъ онъ не могъ говорить. Потомъ Дуанъ сталъ рассказывать про себя разныя исторіи—не особенно добродѣтельныя. Тюрьма, повидимому, не угнетала его. Онъ сидѣлъ уже два раза и теперь не жаловался. Нужно же, говорилъ онъ, при его бурной жизни, отдохнуть отъ времени до времени отъ кутежей и женщинъ.

Съ появленіемъ товарища, тюремная жизнь Юргиса совершенно измѣнилась. Не могъ же онъ отвернуться къ стѣнѣ и молчать; приходилось отвѣчать Дуану, и бесѣды съ нимъ интересовали Юргиса. Въ первый разъ въ жизни онъ разговаривалъ съ образованнымъ и бывалымъ человѣкомъ, и съ наслажденіемъ выслушивалъ его рассказы о приключеніяхъ, объ опасностяхъ его ремесла, объ оргіяхъ и прокученныхъ въ одну ночь огромныхъ деньгахъ. Дуанъ относился къ Юргису дружелюбно, жалѣя его за то, что онъ все покорно терпитъ, и работаетъ какъ выносливый мулъ. Онъ, Дуанъ, тоже испыталъ удары судьбы, но не подставлялъ спины, а далъ отпоръ, и достаточно сильный. Онъ все время отстаивалъ себя и велъ неустанную войну съ обществомъ. Онъ живетъ теперь хищникомъ на счетъ своего врага, не чувствуя ни страха, ни позора. Побѣда не всегда ему улыбалась, но пораженія не убивали въ немъ силу духа.

У него было, повидимому, доброе сердце, — даже, кажется, слишкомъ доброе. Во время долгихъ бесѣдъ съ Джэккомъ Дуаномъ изо дня въ день Юргисъ узналъ всю исторію его жизни. Джэкъ Дуанъ былъ родомъ съ востока. Онъ получилъ хорошее образованіе, былъ электротехникомъ по специальности. Отецъ его запутался въ дѣлахъ и кончилъ самоубійствомъ. На его попеченіе остались мать и младшіе братъ и сестра. Онъ сдѣлалъ изобрѣтеніе—что-то, имѣющее касательство къ телеграфу, насколько понялъ Юргисъ, и на немъ можно было нажить миллионы. Но какое-то акціонерное общество украло у него это изобрѣтеніе. и всѣ деньги, которыя у него были, ушли на тяжбу. Потомъ ему дали денегъ, чтобы играть на скачкахъ; затѣмъ онъ пы-

тался вернуть свое состояніе при помощи чужихъ денегъ, бѣжать, — и съ этого все началось. Юргисъ спросилъ его, какъ ему пришла мысль взламывать кассы, — Юргису было жутко подумать о такомъ занятіи, — и тотъ отвѣтилъ, что научился у челявѣна, съ которымъ сидѣлъ вмѣстѣ въ тюрьмѣ. Ну, а думаетъ ли онъ, что стало съ семейю? — спросилъ Юргисъ. И Дуанъ сказалъ, что старается никогда не думать. — Это вѣдь не поможетъ, — не такова жизнь, чтобы питать семейныя чувства. Юргисъ рано или поздно это тоже пойметъ, — сказалъ Дуанъ, — и будетъ заботиться только о себѣ самомъ.

Дуанъ говорилъ съ Юргисомъ совершенно откровенно, видя, что онъ настоящее дитя по наивности и чистосердечію. Онъ рассказывалъ ему, — даже не скрывая именъ и мѣстъ, — о всѣхъ своихъ удачахъ и неудачахъ, о любовныхъ приключеніяхъ и печаляхъ. Онъ также познакомилъ Юргиса съ остальными заключенными, которыхъ онъ почти всѣхъ зналъ по именамъ. Юргису уже дали въ тюрьмѣ прозвище „вонючки“, — и онъ принялъ его, не разсердившись, такъ какъ оно дано было ему безъ злобы.

Юргисъ и прежде имѣлъ понятіе о подонкахъ городского населенія въ Чикаго, но теперь передъ нимъ поднялась вся грязь со дна болота, на которомъ онъ жилъ. Эта тюрьма была своего рода Ноевъ ковчегъ, куда направляли преступниковъ всякаго рода. Здѣсь были убійцы, грабители, сутенеры, мелкіе ворышки, бродяги, пьяницы, содержатели притоновъ, поддѣлыватели векселей, были бѣлые и черные, американцы и уроженцы всѣхъ странъ. Тутъ сидѣли закоренѣлые преступники и совершенно невинные люди, которые не могли внести за себя залогъ; были старики, были совсѣмъ молоденькіе мальчики. Это былъ гной изъ язва общества — ужасные люди съ виду, еще болѣе ужасные по разговорамъ и чувствамъ. Вся жизнь ихъ была сирадная, всѣ чувства обезображенные: любовь превратилась въ грубый животный инстинктъ; радость была доступна имъ только въ видѣ злорадства; Богъ поминался только для брани. Они ходили по двору, и Юргисъ прислушивался къ ихъ разговорамъ. Онъ въ сущности ничего не зналъ объ окружающей дѣйствительности, а эти люди прошли черезъ все на свѣтѣ, и онъ слышалъ отъ нихъ много новаго. Они знали всѣ ужасы о своемъ городѣ, гдѣ честь женщинъ и совѣсть мужчинъ покупались за деньги, гдѣ люди, какъ волеи, отбивали другъ у друга добычу. Въ эту свалку дикихъ звѣрей люди эти попали не по собственной волѣ, а потому что жизнь втолкнула ихъ въ нее. Поэтому и тюрьма не была для нихъ позоромъ. Игра противъ

нихъ велась съ неравными шансами, и если они утаивали мошенническимъ образомъ жалкіе гроши, то потому что ихъ считали съ ногъ грабители милліоновъ.

Въ обществѣ этихъ страшныхъ, все высмѣивавшихъ и проклинавшихъ людей Юргисъ провелъ цѣлую недѣлю, не имѣя за это время никакихъ вѣстей изъ дому. Изъ своихъ пятнадцать центовъ онъ израсходовалъ одинъ на „открытку“, и товарищъ его написалъ подъ его диктовку письмо, въ которомъ Юргисъ сообщалъ, въ какой онъ тюрьмѣ и когда его будутъ судить. Отвѣта онъ не получилъ. Подъ Новый годъ онъ лишился своего товарища. Джэкъ Дуанъ вышелъ на свободу и, прощаясь съ Юргисомъ, далъ ему свой адресъ, или, вѣрнѣе, адресъ своей подруги, приглашая его навѣдаться къ нему, когда онъ сможетъ. — Можетъ быть, я еще пригожусь вамъ, какъ-нибудь въ жизни, чтобы выпутаться изъ бѣды.

Юргиса повезли опять въ тюремномъ фургонѣ на судъ къ Калагану. Когда его ввели въ залу засѣданія, онъ сейчасъ же увидѣлъ тетю Ельзбету и маленькую Котрину. Онѣ сидѣли въ заднихъ рядахъ скамеекъ, блѣдныя, съ испуганными лицами. Онъ сѣлъ на скамью подсудимыхъ и, не отводя глазъ, съ тревогой глядѣлъ въ ихъ сторону. Съ ними не было Оны, — и онъ представлялъ себѣ всякіе ужасы. Вдругъ онъ выпрямился, и вся кровь бросилась ему въ лицо. Вошелъ человѣкъ, и хотя лицо у него было забинтовано, Юргисъ сейчасъ же узналъ его по фигурѣ. Это былъ Конноръ. Юргисъ задрожалъ и наклонился, точно готовясь къ прыжку. Тогда чья-то рука схватила его за воротъ и усадила его съ бранью на мѣсто. Онъ сѣлъ, но не отводилъ глазъ отъ своего врага. Конноръ остался живъ — это было для Юргиса разочарованіемъ; но все-таки пріятно было видѣть его такимъ искалѣченнымъ. Конноръ и адвокатъ фабриканта сѣли за перилами, подлѣ судьи. Черезъ минуту приставъ назвалъ имя Юргиса; полицейскій рѣзкимъ движеніемъ поставилъ его на ноги и подвелъ его къ судейскому столу, крѣпко держа его за руку, чтобы онъ не наскочилъ на Коннора. Въ присутствіи Юргиса Конноръ сталъ на свидѣтельское мѣсто и подъ присягой рассказалъ, какъ было дѣло: жена подсудимаго, сказалъ онъ, служила въ мастерской рядомъ съ его отдѣленіемъ, и ей отказали отъ мѣста за дерзость, которую она ему сказала. Полчаса спустя, на него кинулся подсудимый, смялъ его и чуть не задушилъ. У него есть свидѣтели.

— Ихъ, кажется, не будетъ надобности вызывать, — замѣтилъ судья и обернулся къ Юргису.

— Вы не отрицаете нападенія?—спросилъ онъ.

— На него?—спросилъ Юргисъ, указывая на Коннора.— Я его вздулъ, сэръ.

— Говорите: „господинъ судья“,—сказалъ полицейскій.

— Господинъ судья,—покорно прибавилъ Юргисъ.

— Вы пытались задушить его?

— Да, сэръ... господинъ судья.

— Были подъ судомъ?

— Нѣтъ, сэръ... господинъ судья.

— Что вы можете сказать въ свою защиту?

Юргисъ былъ въ нерѣшительности. Въ два съ половиной года онъ научился говорить по-англійски въ достаточной степени для житейскаго обихода, но у него не хватило бы словъ, чтобы объяснить, что этотъ человекъ запугалъ, совратилъ его жену. Онъ пытался-было что-то говорить, заикаясь, путаясь—и крайне раздражая своимъ присутствіемъ судью, который задыхался отъ запаха фосфатовъ. Въ концѣ концовъ, подсудимый заявилъ, что не знаетъ достаточно по-англійски; тогда привели переводчика, и Юргисъ сталъ говорить очень пространно, въ надеждѣ, что его выслушаютъ до конца. Онъ объяснилъ, какъ смотритель воспользовался своей властью, какъ онъ запугивалъ его жену угрозами. Переводчикъ передалъ все это судѣ,—и тотъ прервалъ дальнѣйшее объясненіе,—его автомобиль заказанъ былъ на опредѣленный часъ, и онъ торопился кончить засѣданіе.

— Ну да, я понимаю,—сказалъ онъ.—Но почему же ваша жена не пожаловалась инспектору или не отказалась отъ мѣста?

Юргисъ сталъ-было объяснять, что они бѣдны, что работу достать трудно.

— Ну да,—прервалъ его опять судья,—и вы поэтому предпочли броситься на него съ кулаками. Онъ обернулся къ потерпѣвшему и спросилъ:—Есть хоть доля правды въ томъ, что онъ говоритъ, м-ръ Конноръ?

— Все это выдуманно съ начала до конца, господинъ судья,—сказалъ смотритель.—Они всегда сочиняютъ такіа исторіи, когда на фабрикахъ отказываютъ отъ мѣста женщинамъ.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ судья.—Мнѣ не разъ случалось это слышать. Да онъ, однако, сильно васъ помялъ. Тридцать дней и издержки. Слѣдующее дѣло.

Юргисъ совсѣмъ растерялся. Только когда полицейскій толкнулъ его и повелъ назадъ, онъ понялъ, что приговоръ уже произнесенъ.—Тридцать дней!—крикнулъ онъ, задыхаясь, и обернулся къ судьямъ.—А что станетъ съ моей семьей? У меня

жена и ребенокъ; у нихъ нѣтъ ни гроша денегъ, и они умрутъ съ голоду.

— Нужно было думать о нихъ прежде, чѣмъ нападать,— сухо сказалъ судья и занялся слѣдующимъ подсудимымъ.

Юргиса схватили двое полицейскихъ и увели. Онъ увидѣлъ, какъ въ концѣ комнаты поднялись со своихъ мѣстъ испуганными Ельзбета и Котрина. Онъ рванулся къ нимъ, но одинъ изъ полицейскихъ схватилъ его за воротъ и толкнулъ въ двери; онъ наклонилъ голову и покорился.

На этотъ разъ его повезли въ „Брайдуэль“—небольшую тюрьму, гдѣ осужденные отбывали сроки наказанія. Тюрьма эта была еще болѣе грязная и переполненная, чѣмъ та, гдѣ Юргисъ сидѣлъ до суда. Сюда попадала мелкота, процѣженная изъ большой тюрьмы,—мелкіе ворюшки, мошенники, буяны и пьяницы. Товарищемъ по камерѣ у Юргиса оказался итальянецъ, фруктовщикъ, который не хотѣлъ дать взятку полицейскому; его арестовали и посадили въ тюрьму, придравшись къ тому, что онъ носитъ большой карманный ножъ при себѣ. Онъ не говорилъ ни слова по-англійски, и Юргисъ радъ былъ, когда онъ ушелъ, отбывъ свой срокъ. Его мѣсто занялъ норвежскій матросъ, страшный буянь. Онъ всячески ругалъ Юргиса за то, что тотъ поворачивался на своей лежанкѣ, и тогда всѣ тараканы сыпались на нижнюю лежанку. Съ такимъ дикимъ звѣремъ невозможно было бы жить въ одной камерѣ, еслибы не то, что заключенные цѣлый день работали, дробя камни.

Десять дней изъ тридцати Юргисъ провелъ, ничего не зная о семьѣ. Наконецъ разъ пришелъ сторожъ и сказалъ, что къ нему пришли на свиданіе. Юргисъ поблѣднѣлъ, и ноги у него такъ стали дрожать, что онъ едва смогъ выйти изъ камеры. Его провели по корридору и внизъ по лѣстницѣ, въ комнату для свиданій, тоже раздѣленную на-двое рѣшеткой. За рѣшеткой Юргисъ увидѣлъ кого-то сидящаго на стулѣ. Это оказался маленький Станиславъ. При видѣ одного изъ своихъ, у Юргиса закружилась голова. Онъ ухватился за спинку стула, чтобы не упасть, а другой рукой провелъ по лбу.—Это ты?—сказалъ онъ едва слышно.

Маленькій Станиславъ тоже весь дрожалъ, и отъ испуга едва могъ говорить.

— Меня наши послали сказать тебѣ...—началъ онъ и остановился, недоувѣрчиво глядя на служителя.

— Ничего,—крикнулъ Юргисъ, увидавъ его взглядъ,—говори! Что дома?

— Она очень больна, — отвѣтилъ Станиславъ, — и мы всѣ голодаемъ. Не знаемъ, что дѣлать. Мы думали, что ты намъ можешь помочь.

Юргисъ крѣпче схватился за стулъ. На лбу у него выступили капли пота и рука его дрожала. — Я не могу помочь вамъ!

— Она по цѣлымъ днямъ лежитъ у себя въ комнатѣ, — продолжалъ мальчикъ прерывающимся голосомъ. — Ничего не ѣстъ и все плачетъ; не говоритъ, что съ ней, и не ходитъ на работу. Агентъ ужъ давно приходилъ за деньгами. Онъ очень кричалъ, говорилъ, что выгнать насъ. А теперь вотъ еще несчастіе съ Марьей. — Станиславъ заплакалъ и не могъ продолжать.

— Что съ Марьей? — крикнулъ Юргисъ.

— Она порѣзала руку, — сказалъ наконецъ мальчикъ. — Еще хуже, чѣмъ въ первый разъ. Она не можетъ работать, рука вся пожелѣла. и фабричный докторъ говоритъ, что, можетъ быть, придется отнять. Марья все плачетъ. Деньги ея вышли, — мы не можемъ платить за домъ и проценты. У насъ нѣтъ угля, нечего ѣсть, въ лавкѣ не даютъ въ долгъ. И... и... такъ холодно! Простое воскресенье опять была метель, снѣгъ выпалъ по колѣни, и я въ понедѣльникъ не могъ попасть на работу.

— Господи! — крикнулъ Юргисъ въ полномъ отчаяніи и сдѣлалъ шагъ впередъ, точно хотѣлъ броситься на мальчика. Съ того утра, какъ онъ его побоями заставилъ пойти на работу, между ними была глухая вражда. — Негодный мальчишка! — крикнулъ Юргисъ: — ты и не попытался пойти!

— Нѣтъ, я два раза пытался, — съ плачемъ отвѣтилъ Станиславъ, и въ страхѣ отступилъ подальше отъ Юргиса. — Невозможно было. И мать не могла пойти. Намъ нечего было ѣсть. На третій день она пошла со мной, чтобы поискать работы для себя. Намъ ѣсть нечего. Но ее не приняли обратно на прежнее мѣсто.

Юргисъ весь задрожалъ. — И Она пошла опять на фабрику? — крикнулъ онъ.

— Она пробовала достать работу, — отвѣтилъ Станиславъ, съ удивленіемъ глядя на него. — Почему же ей не работать, какъ прежде?

Юргисъ съ трудомъ дышалъ. — Продолжай, продолжай! — проговорилъ онъ.

— Я пошелъ съ ней, — сказалъ Станиславъ, — но миссъ Гендерсонъ отказалась взять ее обратно. А Конноръ увидѣлъ ее и сталъ ругать. У него лицо все еще забинтовано. За что ты его побилъ, Юргисъ?

Мальчикъ чувствовалъ, что тутъ кроется какая-то интересная тайна, но не могъ ни отъ кого узнать, въ чемъ дѣло.

Юргисъ не могъ выговорить ни слова; онъ только глядѣлъ на мальчика измученнымъ неподвижнымъ взглядомъ.

— Она пробовала достать другую работу, — продолжалъ мальчикъ, — но она такъ слаба, что не можетъ держаться на ногахъ. И меня не берутъ обратно. Она говоритъ, что все это штуки Коннора. Я ѣзжу въ городъ продавать газеты съ мальчиками и Котриной.

— Котриной?

— Да, она тоже продаетъ газеты. Она, какъ дѣвочка, лучше всѣхъ торгуетъ. Только холодно ужасно — вотъ и сегодня тоже... Не знаю, какъ домой вернуться. Мать говорила, чтобы я непременно пошелъ, что ты въ тревогѣ о насъ, и что, можетъ быть, здѣсь кто-нибудь поможетъ твоимъ, разъ тебя посадили въ тюрьму. Я весь день ходилъ, пока добрался сюда, и съ утра ничего не ѣлъ. Мать тоже потеряла работу — колбасную закрыли. Она ходитъ съ корзинкой, и ей даютъ куски чего-нибудь съѣстного. Но вчера она почти ничего не набрала. У нея пальцы смерзли, и она плачетъ.

Станиславъ продолжалъ съ плачемъ рассказывать о домашнихъ дѣлахъ. Юргисъ крѣпко держался за столъ. Ему точно все наваливали тяжести на голову, и казалось, что голова, вотъ-вотъ, распадется на куски. Страшный кошмаръ душилъ его, и онъ не могъ шевельнуть рукой, не могъ ничего сказать. Станиславъ наконецъ остановился, — какъ разъ тогда, когда Юргисъ почувствовалъ, что больше онъ не выдержитъ. — Ты не можешь помочь намъ? — слабымъ голосомъ спросилъ онъ.

Юргисъ покачалъ головой.

— А когда ты выйдешь изъ тюрьмы? — спросилъ опять Станиславъ.

— Черезъ три недѣли, — отвѣтилъ Юргисъ.

Мальчикъ оглянулся съ нерѣшительнымъ видомъ.

— Ну, такъ я пойду, — сказалъ онъ.

Юргисъ кивнулъ головой. Потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то, онъ сунулъ руку въ карманъ. — Вотъ, — сказалъ онъ, отдавая свои четырнадцать центовъ. — Снеси это имъ.

Станиславъ взялъ деньги и, постоявъ, направился къ двери.

— Прощай, Юргисъ, — сказалъ онъ и вышелъ нетвердыми шагами, какъ показалось Юргису. Еще съ минуту Юргисъ стоялъ, держась за стулъ. Потомъ слуга тронулъ его за рукавъ, и онъ пошелъ дробить камни.

XVIII.

Юргисъ вышелъ изъ Брайдуэля позже, чѣмъ предполагалъ. Въ его приговорѣ значилось, что онъ платитъ судебныя издержки—полтора доллара за доставку его въ тюрьму,—а такъ какъ платить ему было нечѣмъ, то онъ долженъ былъ проработать лишнихъ три дня въ тюрьмѣ. Объ этомъ его никто не предупредилъ, и эти три лишнихъ дня заключенія довели его до полного отчаянiя. Онъ такъ ждалъ минуты освобожденiя, и не могъ понять, что собственно случилось, почему его держать. Наконецъ, рано утромъ на четвертый день, когда онъ выпилъ утреннiй кофе, явился служитель и заявилъ ему, что онъ свободенъ. Онъ вскочилъ, снялъ арестантское платье, надѣлъ свое старое, пропитанное фосфатнымъ запахомъ, и дверь тюрьмы закрылась за его спиной.

Въ первую минуту онъ стоялъ ошеломленный, самъ не вѣря своей свободѣ. Но холодъ скоро заставилъ его очнуться, и онъ быстро пошелъ впередъ. Какъ разъ наступила оттепель послѣ снѣжной метели, было вѣтрено и шелъ дождь, пронизывавшiй Юргиса до костей. Когда онъ выбѣжалъ изъ дому „раздѣлаться“ съ Конноромъ, онъ не надѣлъ пальто, и потомъ все время страшно страдалъ отъ холода, когда его возили въ судъ въ его потертомъ, изношенномъ платьѣ. Теперь онъ промокъ съ головы до ногъ, тѣмъ болѣе, что и сапоги у него были дырявые. Онъ весь дрожалъ, идя вдоль канала по пустынному предмѣстью, гдѣ стояла его тюрьма. По другую сторону было проложено множество рельсовъ и было гдѣ разгуляться вѣтру. Черезъ нѣсколько времени Юргисъ, который шелъ совершенно наугадъ, останавливалъ проходившаго мимо него мальчика.

— Послушай, голубчикъ...—началъ онъ.

Мальчикъ посмотрѣлъ на него, прищуривъ одинъ глазъ; по бритой головѣ Юргиса онъ сразу увидѣлъ, откуда тотъ шелъ.

— Что?—спросилъ онъ.

— Какъ пройти къ скотнымъ дворамъ?

— Какъ пройти?—повторилъ мальчикъ.—Вотъ по тому направлению,—сказалъ онъ, указывая на сѣверо-западъ черезъ рельсы.

— А далеко это?—спросилъ Юргисъ.

— Не знаю навѣрное. Верстъ двадцать или около того.

— Двадцать?—повторилъ Юргисъ упавшимъ голосомъ.—Онъ

зналъ, что все это пространство ему придется пройти пѣшкомъ, такъ какъ у него не было ни одного цента въ карманѣ. Но онъ все-таки пошелъ бодрымъ шагомъ, радуясь возвращенію домой. Наконецъ-то онъ узнаетъ, что случилось съ его семьей. Теперь онъ свободенъ и защититъ ихъ отъ всѣхъ бѣдъ. Такъ онъ проходилъ съ часъ и потомъ сталъ оглядываться вокругъ себя. Казалось, что онъ вышелъ за предѣлы города—передъ нимъ были только покрыты снѣгомъ поля. Вскорѣ онъ увидѣлъ фермера, который везъ возъ соломы, и заговорилъ съ нимъ.

— Эта дорога къ скотнымъ дворамъ?—спросилъ онъ.

Фермеръ почесалъ затылокъ.—Я не знаю, гдѣ скотные дворы; они, кажется, гдѣ-то въ городѣ, а вы какъ разъ идете по дорогѣ изъ города.

У Юргиса опустились руки отъ ужаса.—А мнѣ одинъ мальчикъ указалъ эту дорогу.

— Можетъ, онъ хотѣлъ подшутить надъ вами. Лучше всего возвращайтесь въ городъ и тамъ разспросите полицейскаго. Я бы васъ подвезъ, но я ѣду очень издалека, и возъ и безъ того тяжелый. Прощайте.

Юргисъ повернулъ назадъ и шелъ очень долго, пока наконецъ очутился въ самомъ Чикаго. Онъ шелъ по немощеннымъ улицамъ, мимо построекъ, гдѣ неосторожный прохожій можетъ на каждомъ шагу провалиться и сломать ноги, вдоль рельсовыхъ путей, по которымъ двигались тяжелые товарные поѣзда. Приходилось останавливаться и пропускать ихъ, и для Юргиса, горѣвшаго отъ нетерпѣнія попасть домой, каждое замедленіе было мучительно. Потомъ онъ перешелъ черезъ мостъ, и попалъ въ торговую часть города; улицы были черны отъ грязи, лошади скользили по размоченнымъ мостовымъ; женщины и дѣти перебѣгали съ панели на панель, крича отъ страха. По обѣ стороны улицъ возвышались высокія черныя зданія; люди мчались по всѣмъ направленіямъ, какъ муравьи, и бѣдный бродяга въ промокшемъ платьѣ былъ такъ же одинокъ среди этой толпы, не обращавшей на него вниманія, какъ еслибы онъ очутился одинъ въ пустынѣ за тысячи верстъ отъ человѣческаго жилья.

Полицейскій указалъ ему путь;—оказалось, что ему осталось пройти еще пять верстъ. Онъ опять попалъ въ бѣдные рабочіе кварталы, въ районъ кабаковъ, дешевыхъ лавокъ и товарныхъ складовъ, грязныхъ фабричныхъ зданій и сѣти рельсовыхъ путей. Вскорѣ Юргисъ поднялъ лицо вверхъ и остановился, — до него донесся издалека знакомый запахъ его квартала. Было уже далеко за полдень, и онъ проголодался; но обѣденнаго меню, вывѣ-

шенныя у дверей кабаковъ, были не для него. Наконецъ онъ пришелъ къ скотнымъ дворамъ, къ вулканамъ, извергающимъ клубы густого дыма, къ загонамъ скота, къ зловоннымъ бойнямъ. Тутъ, увидавъ переполненный вагонъ трамвая, онъ не могъ справиться съ нетерпѣніемъ, вскочилъ на платформу и спрятался за чьей-то спиной, такъ что кондукторъ его не замѣтилъ. Черезъ десять минутъ онъ доѣхалъ до своей улицы. Онъ почти бѣгомъ добѣжалъ до угла. Вотъ наконецъ и домъ! — но вдругъ онъ остановился и оглянулся съ растеряннымъ видомъ. Что случилось съ домомъ? Юргисъ оглянулся: вотъ кабакъ на углу, вотъ сосѣдній домъ, — значитъ, онъ не ошибся. Но его домъ сталъ другимъ, — его перекрасили. Онъ былъ сѣрый, а теперь сталъ желтымъ. Оконные переплеты были красные, а теперь они зеленые. Это совершенно измѣнило весь видъ дома.

Юргисъ подошелъ ближе, но все еще стоя на другой сторонѣ улицы. Его охватилъ внезапный страхъ. Что значилъ произведенный въ домѣ полный ремонтъ? — изъяны были исправлены, разбитыя окна вставлены; на окнахъ новыя занавѣски — бѣлыя, чистыя. Вдругъ открылась дверь дома. Юргисъ остановился, едва дыша отъ волненія. Изъ дома вышелъ какой-то чужой мальчикъ, толстый и краснощекій; у нихъ въ семьѣ дѣти были не такія. Юргисъ глядѣлъ на мальчика, ничего не понимая. Мальчикъ спустился по ступенькамъ крыльца, сбивая снѣгъ, и, остановившись внизу лѣстницы, сталъ дѣлать снѣжки. Когда Юргисъ сталъ медленно переходить улицу, направляясь къ нему, мальчикъ думалъ-было убѣжать, но потомъ рѣшилъ постоять за себя. Юргисъ ухватился за перила, чувствуя, что не можетъ твердо стоять на ногахъ.

— Что... что ты тутъ дѣлаешь? — спросилъ онъ, едва выговаривая слова отъ волненія.

— Уходите! — сказалъ мальчикъ.

— Что — снова началъ Юргисъ — что ты тутъ дѣлаешь?

— Я, — сердито отвѣтилъ мальчикъ, — я здѣсь живу.

— Что это значитъ? — Юргисъ поблѣднѣлъ и еще крѣпче ухватился за перила. — Такъ гдѣ же моя семья?.. Это — мой домъ.

— Уходите! — сказалъ опять мальчикъ. Въ это время дверь открылась, и мальчикъ крикнулъ. — Мама, иди сюда! Тутъ пришелъ какой-то человекъ и говорить, что это его домъ.

На крыльцѣ показалась толстая ирландка. — Въ чемъ дѣло? — спросила она, и Юргисъ обернулся къ ней. — Гдѣ моя семья? — крикнулъ онъ дикимъ голосомъ. — Я ихъ здѣсь оставилъ. Это мой домъ. Какъ вы сюда попали?

Женщина поглядѣла на него съ испугомъ, какъ на сумасшедшаго. — Вашъ домъ? Вы — ошибаетесь, сказала она. — Этотъ домъ новый. Такъ мнѣ сказали, когда я покупала.

— Куда же дѣвалась моя семья? — неистово крикнулъ Юргисъ.

Женщина начала соображать. Она и раньше несомнѣнно довѣряла словамъ агента, продавашаго ей домъ. — Я не знаю, гдѣ ваша семья, — сказала она. — Я купила домъ всего три дня тому назадъ; здѣсь никого не было, и мнѣ сказали, что домъ новый. Неужели же вы его нанимали до того?

— Нанималъ! — задыхаясь, проговорилъ Юргисъ. — Я купилъ этотъ домъ — платилъ за него. Онъ мой. А они... Боже мой! Не знаете ли вы, куда дѣвалась моя семья?

Онъ понялъ наконецъ, что ирландка ничего не знаетъ. Но больше онъ ничего не могъ сообразить. Его семью точно смело съ лица земли, — точно они никогда не существовали, а онъ только видѣлъ ихъ во снѣ. Онъ совершенно растерялся. Но вдругъ онъ вспомнилъ про бабушку Маюшкене, которая жила по сосѣдству, и поспѣшилъ къ ней, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Бабушка Маюшкене вышла ему на встрѣчу, когда онъ подходилъ къ ея дому, и вскрикнула отъ ужаса, увидавъ его такимъ блѣднымъ и дрожащимъ. Она поспѣшила сказать ему все, что знала; — семь его пришлось оставить домъ. Имъ нечѣмъ было платить и ихъ выгнали на улицу въ снѣгъ, а домъ заново перекрасили и опять продали черезъ недѣлю. Что съ ними стало теперь, она не могла ему сказать; она знала, что они опять поселились у Анели Юкненъ, у которой жили, какъ только пріѣхали. Она попросила Юргиса зайти къ ней отдохнуть. — Конечно, все это ужасно, — говорила она, выражая свое соболѣзнованіе. — Вся бѣда произошла отъ того, что онъ попалъ въ тюрьму.

Юргисъ повернулся и ушелъ, шатаясь. Но онъ не долго шелъ. Едва онъ завернулъ за уголъ, какъ совершенно обезсилья, сѣлъ на ступеньки у ближайшаго кабака и, закрывъ лицо руками, сталъ глухо рыдать.

Ихъ домъ потерянъ. Горе, отчаяніе, бѣшенство осыпали его. Въ его домѣ поселились чужіе и глядятъ изъ его оконъ на него недружелюбнымъ взглядомъ! Это неправдоподобно, чудовищно. Сколько они всѣ выстрадали изъ-за этого дома, — сколько денегъ на него пошло!.. Юргисъ вспомнилъ всю исторію пріобрѣтенія дома: какъ они сколотили триста долларовъ для перваго взноса, — отдавъ всѣ свои сбереженія на черный день. И потомъ, сколько они выносили лишений, чтобы уплачивать всѣ взносы и налоги. — они душу свою положили на это, платили слезами и потомъ —

даже болѣе того—цѣной жизни. Старикъ Антонъ умеръ только оттого, что сталъ искать заработка. Онъ бы жилъ до сихъ поръ, еслибы не работалъ въ темныхъ подвалахъ у Дургѣма, чтобы внести свою долю за домъ. И Она отдала свое здоровье и силу для уплаты за домъ,—это ее и погубило. А онъ самъ... Какой онъ былъ сильный, коренастый три года тому назадъ,—а теперь вотъ онъ сидитъ, дрожитъ и плачетъ, какъ ребенокъ. Они все оставили на карту—и теперь все потеряно. Все, что уплачено, пропало до послѣдняго цента,—и домъ отнять. Нѣтъ у нихъ дома; они опять отброшены назадъ, выброшены на улицу и умирутъ отъ голода и холода.

Теперь Юргису стало ясно, что онъ попалъ въ когти хищныхъ коршуновъ. Его истерзали и еще надсмѣялись надъ нимъ. Его и его семью поймали въ сѣть и высосали изъ нихъ кровь. Онъ вспомнилъ первое объявленіе о продажѣ дома, вспомнилъ, какъ ихъ заманили ложными обѣщаніями, какъ ихъ втянули въ обязательства, о которыхъ не предупреждали.—Знай они о процентахъ, налогахъ, страховыхъ,—они бы не затѣяли покупки. И такъ во всемъ. Онъ вспомнилъ всѣ продѣлки фабрикантовъ, отъ которыхъ зависѣла ихъ жизнь: прекращеніе производства, неправильность рабочихъ часовъ, жестокий способъ подгонять работу, сбавки заработной платы, дороговизну всѣхъ припасовъ. И добавокъ еще безжалостность климата, жары и холодъ, снѣжные метели, беспощадность обычаевъ и законовъ—все это соединилось во едино, и они погибли, очутившись въ когтяхъ хозяевъ, которые извлекли изъ нихъ все, что могли, и потомъ выбросили на произволъ судьбы. А теперь еще эта послѣдняя страшная жестокость: ихъ выгнали, отобрали у нихъ домъ и опять продали другимъ... И противъ этого ничего нельзя подѣлать; они связаны по рукамъ и по ногамъ; законъ противъ нихъ, вся машина общественного устройства въ услугамъ ихъ притѣснителей. Еслибы Юргись подвинулъ хоть палецъ на мошенника агента, его бы опять упрятали въ логовище, изъ котораго онъ только что вырвался. Но уйти отсюда значило покориться, признать себя побѣжденнымъ, оставить свой домъ чужимъ. Юргись просидѣлъ бы тутъ цѣлые часы, дрожа всѣмъ тѣломъ, еслибы не мысль о семьѣ. Можетъ быть, его ожидаютъ еще болѣе страшныя вѣсти: онъ подвинулся и пошелъ, оглушенный, едва ступая отъ усталости. Анея жила верстахъ въ двухъ за скотными дворами. Никогда дорога туда не казалась Юргису такой длинной, и когда наконецъ онъ увидѣлъ жалкій домикъ грязно-сѣраго цвѣта, у него сердце тревожно забилося. Онъ быстро взбѣжалъ

по лѣстницѣ и сталъ громко колотить въ дверь. Старуха Анеля вышла сама отворить ему. Она вся скорчилась отъ ревматизма съ тѣхъ поръ, какъ Юргисъ не видалъ ее, и ея маленькое, желтое какъ пергаментъ лицо едва возвышалось надъ ручкой двери. При видѣ Юргиса она съ ужасомъ отшатнулась.

— Здѣсь Она?—крикнулъ онъ, едва дыша.

— Здѣсь,—отвѣтила она.

— Что...—началь-было Юргисъ, и остановился, судорожно схватившись за ручку двери.

Откуда-то изнутри дома раздался страшный крикъ, — и онъ узналъ голосъ Оны. На минуту Юргисъ остоленѣлъ отъ ужаса, потомъ отстранилъ старуху и вбѣжалъ въ квартиру. Первая комната была кухня Анели, и тамъ подлѣ печки сидѣло нѣсколько женщинъ съ блѣдными, испуганными лицами. Одна изъ нихъ всохла при видѣ Юргиса. У нея былъ одичалый видъ, страшно исхудалое лицо и одна рука въ повязкѣ, — Юргисъ едва могъ сообразить, что это Марія. Онъ прежде всего оглянулся, ища Ону; не видя ея, онъ обернулся къ сидѣвшимъ женщинамъ, ожидая, что онѣ скажутъ что-нибудь. Но онѣ продолжали сидѣть молча, съ ужасомъ глядя на него. И черезъ секунду Юргисъ опять услышалъ пронзительный крикъ, откуда-то сверху, изъ задней половины дома. Юргисъ рванулся къ двери и открылъ ее; тамъ была лѣстница, которая вела черезъ трапъ на чердакъ, и онъ уже сталъ подниматься по ней, какъ услышалъ голосъ Маріи за собой. Она схватила его за руку своей здоровой рукой и съ ужасомъ окликнула его. — Остановись, Юргисъ, тебѣ нельзя туда!—крикнула она.

Юргисъ обезумѣлъ отъ испуга. — Въ чемъ дѣло? Что случилось?

Марія крѣпко держала его. Онъ слышалъ крики и рыданія Оны и опять рванулся, чтобы побѣжать навверхъ. — Нѣтъ, нѣтъ! — удерживала его Марія. — Это — ребенокъ.

— Ребенокъ?—повторилъ онъ, пораженный. — Антоень?

Марія отвѣтила шопотомъ: — Нѣтъ, новый.

Юргисъ остановился и чуть не упалъ съ лѣстницы, зашатавшись. — Что такое? Вѣдь еще не время, — проговорилъ онъ.

— Я знаю, — сказала Марія, — а все-таки началось...

Опять раздался страшный крикъ Оны, и Юргисъ поблѣднѣлъ отъ ужаса. Потомъ крикъ перешелъ въ жалобный плачь, и Юргисъ услышалъ слова: „Умереть бы скорѣе, Господи, умереть бы!“... Марія силой оттащила его и увела въ кухню. Онъ такъ ослабѣлъ, что безъ ея помощи упалъ бы тутъ же. Онъ сѣлъ на

стулъ, весь дрожа. Марія держала его руку; остальные женщины глядѣли на него съ вѣмымъ безпомощнымъ ужасомъ. Опять раздался крикъ Оны, и онъ вскочилъ со стула. — Какъ долго это длится?—спросилъ онъ наконецъ.

— Недавно только началось, — отвѣтила Марія, и потомъ, по знаку Анели, прибавила:—Послушай, Юргисъ, ты бы лучше ушелъ теперь. Ты все равно ничѣмъ помочь не можешь. Уйди — и приходи попозже. У нея Ельзбета, — дастъ Богъ, все обойдется благополучно.

— Нужно доктора, — проговорилъ Юргисъ. — Какого-нибудь знающаго человѣка.

Онъ схватилъ Марію за руку, и она шопотомъ проговорила:

— У насъ нѣтъ денегъ, нечѣмъ заплатить доктору. Потомъ, испугавшись лица Юргиса, она опять быстро заговорила: — Ты не безпокойся, Юргисъ. Никакой опасности нѣтъ, — ты только уйди.

Снова раздался голосъ Оны, и Юргисъ совершенно обезумѣлъ. Онъ никогда не слыхалъ такихъ криковъ. Ихъ первый ребенокъ родился въ его отсутствіе, и теперь онъ не могъ выдержать мысли, что Она такъ мучается. Женщины почти насильно вытолкали его за дверь; но онъ проходилъ четверть часа подъ окнами, слушая крики, и вернулся. Онъ никакъ не могъ повѣрить въ благополучный исходъ, — ему казалось, что Она умираетъ.

— Слушайте, слушайте, какъ она кричитъ! Нельзя оставить ее безъ помощи. Почему вы не позвали доктора? Можно вѣдь обѣщать ему заплатить потомъ.

— Какъ было обѣщать, Юргисъ?—возразила Марія. — Намъ нечѣмъ заплатить, — намъ ѣсть нечего.

— Я заплачу. Я буду работать и заплачу.

— Мы не знали, когда ты вернешься. А даромъ никто не идетъ. — Марія рассказала, какъ она ходила за акушеркой, — всѣ онѣ требуютъ десять, пятнадцать, даже двадцать-пять долларовъ, и непременно наличными. — А у меня ужъ ничего нѣтъ въ банкѣ, — сказала она. — Я задолжала доктору, который приходилъ лечить руку, — и онъ пересталъ ходить. Анелѣ мы за двѣ недѣли не платили, и она сама съ голоду умираетъ. Хозяинъ гонитъ ее съ квартиры.

— А дѣти?

— Они три дня не возвращались — не могли, вѣрно, въ метель. Про Ону они не знаютъ. Мы вѣдь ждали только черезъ мѣсяцъ, — а тутъ вдругъ началось.

Юргисъ держался рукой за столъ. Голова у него опустилась и руки дрожали; видъ у него былъ такой, что онъ, вотъ-вотъ, упадетъ. Вдругъ Анеля подвинулась со стула и, ковыляя, подошла къ Юргису. Пошаривъ въ карманъ, она вытащила тряпку, въ которой было что-то завязано.

— Вотъ, Юргисъ, — сказала она. — У меня еще есть немножко денегъ. На тебѣ.

Она вынула и сосчитала. Оказалось тридцать-четыре цента.

— Пойди, — сказала она, — и постарайся самъ привести кого-нибудь. И вы всѣ дайте ему сколько есть, — дайте, онъ вернетъ вамъ когда-нибудь. Пусть попытается. И хоть время пройдетъ, если даже онъ никого не достанетъ. Пока онъ вернется, — дастъ Богъ, все благополучно кончится.

Всѣ женщины вынули изъ кармановъ что имѣли, — ничего, кромѣ мелочи у нихъ не было, но онѣ отдали, что нашли. Сосѣдка, м-ссъ Ольчевская, дала около полу-доллара; мужъ ея былъ изъ хорошихъ рѣзниковъ, но пьяница. Въ общемъ набралось долларъ съ четвертью. Юргисъ сунулъ деньги въ карманъ и выбѣжалъ изъ дому.

XIX.

„Мадамъ Гауптъ, акушерка“ — гласила вывѣска у окна во второмъ этажѣ надъ однимъ изъ кабаковъ по близости; у дверей внизу была еще дощечка съ изображеніемъ руки, указывающей на лѣстницу. Юргисъ побѣжалъ наверхъ, переступая по три ступеньки сразу. Мадамъ Гауптъ жарила свинину съ лукомъ, и дверь ея квартиры была полуоткрыта, чтобы дать выйти чаду. Когда Юргисъ хотѣлъ постучать, дверь сама раскрылась настежь, и онъ увидѣлъ хозяйку; она какъ разъ опрокидывала въ ротъ содержимое какой-то черной бутылки. Юргисъ вторично постучалъ, и она отставила бутылку. Юргисъ увидѣлъ передъ собой непомѣрно толстую голландку. Все ея тѣло колыхалось, когда она ходила по комнатѣ, и въ буфетѣ звенѣла посуда отъ тяжести ея шаговъ. На ней былъ грязный синій капотъ.

— Что вамъ нужно? — спросила она Юргиса, поверкая англійскія слова на голландскій ладъ. Онъ такъ запыхался отъ быстрого бѣга, что не могъ сразу говорить. Видъ у него былъ совершенно дикій; волосы разметались, глаза вылѣзали изъ орбитъ.

— Моя жена... — проговорилъ онъ наконецъ. — Скорѣ идите со мной.

Мадамъ Гауптъ отставила сковороду и вытерла руки о капотъ.

— Вы меня зовете на практику? — спросила она.

— Да, — проговорилъ Юргисъ.

— Я только-что пришла съ практики, — сказала она, — и еще даже не пообедала. Но если нужна немедленная помощь...

— Очень нужна! — почти крикнулъ онъ.

— Сколько вы мнѣ заплатите?

— Сколько вы требуете?

— Двадцать пять долларовъ.

Лицо его осунулось.

— Этого я не могу заплатить.

Голландка внимательно поглядѣла на него.

— А сколько же вы можете?

— Нужно развѣ сейчасъ дать деньги?

— Да, мнѣ всегда платить впередъ.

— У меня нѣтъ теперь денегъ, — началъ Юргисъ дрожащимъ голосомъ. — Со мной случилось несчастье, и всѣ деньги ушли. Но я вамъ все выплачу — до послѣдняго цента. Я могу работать.

— Вы гдѣ работаете?

— Я теперь безъ мѣста. Но я достану работу.

— Сколько у васъ денегъ съ собой?

Онъ едва рѣшился сказать.

— Долларъ съ четвертью, — выговорилъ онъ наконецъ, и голландка презрительно засмѣялась.

— За долларъ съ четвертью я и шляпы надѣвать не стану, — сказала она.

— Больше у меня нѣтъ, — сказалъ Юргисъ прерывающимся голосомъ. — Моя жена умретъ, если не помочь ей. Поймите! Что мнѣ дѣлать?

Мадамъ Гауптъ отставила свинину съ лукомъ и обернулась къ Юргису.

— Дайте мнѣ наличными десять долларовъ, а остальное — черезъ мѣсяцъ.

— Да нѣтъ у меня ничего, кромѣ доллара съ четвертью.

Голландка опять занялась страпней.

— Не вѣрю я вамъ, — сказала она. — Нечего меня обманывать. Такой сильный человѣкъ, и чтобы не имѣлъ больше денегъ, чѣмъ долларъ съ четвертью!

— Я только-что вышелъ изъ тюрьмы, — сказалъ Юргисъ, готовый умолять эту женщину на колѣняхъ. — У меня нѣтъ денегъ, семья моя голодаетъ. Всѣ друзья наши тоже бѣдные, — эти деньги они дали. Поймите, у меня нѣтъ ничего...

— Неужели вы нигдѣ не можете занять? Нѣтъ у васъ кредита у знакомыхъ лавочниковъ?.. Послушайте, — продолжала она, когда Юргисъ отрицательно покачалъ головой, — вы сами потомъ будете рады. Вѣдь я вамъ спасу жену и ребенка, — а каково вамъ будетъ, если вы ихъ потеряете? Я вѣдь свое дѣло понимаю, — спросите, кого хотите.

Юргисъ не могъ слушать ее долѣе. Онъ повернулся къ двери, но она остановила его.

— Такъ и быть, я за пять пойду. Не отказывайтесь, — уговаривала она, идя вслѣдъ за нимъ. — Никто за меньшее не пойдетъ въ такой дождь. И то я никогда такъ дешево не беру. Я бы не могла платить за квартиру...

Юргисъ прервалъ ее.

— Да какъ же я вамъ заплачу, если у меня нѣтъ денегъ! — крикнулъ онъ. — Понимаете — нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Я бы заплатилъ сколько угодно, — да нѣтъ. — Онъ повернулся и вышелъ. На этотъ разъ онъ уже спустился наполовину съ лѣстницы, но мадамъ Гауптъ остановила его.

— Подождите, — крикнула она: — я пойду съ вами.

Онъ опять вернулся въ комнату.

— Не могу я допустить, чтобы бѣдная женщина страдала, и не помочь ей, — сказала она меланхоличнымъ голосомъ. — Я, конечно, все равно что даромъ иду къ вамъ, но такъ и быть. Далеко это?

— Три или четыре квартала отсюда.

— Три или четыре? Я вся промокну. Gott im Himmel! за долларъ съ четвертью, да еще въ такую погоду! Но вы мнѣ выплатите всѣ двадцать-пять долларовъ — ну, скажемъ черезъ мѣсяцъ?

— Хорошо, — сказалъ несчастный Юргисъ. — Все, что хотите. Только поторопитесь!

— Гдѣ же долларъ съ четвертью? — безпощадно настаивала мадамъ Гауптъ.

Юргисъ выложилъ деньги на столъ, и она ихъ спрятала. Затѣмъ, вытеревъ жирныя руки о капотъ, она стала медленно переодѣваться, кряхтя отъ толщины. Не стѣсняясь присутствіемъ Юргиса, она сняла капотъ, стала затягиваться и одѣваться; долго возилась, надѣвая шляпу, искала безъ конца затерянный зонтикъ, собирала медленно всѣ вещи, не обращая вниманія на нетерпѣніе и тревогу Юргиса. Наконецъ они вышли, и какъ онъ ни торопилъ толстую голландку, она останавливалась послѣ cadaго шага, чтобы отдышаться, прежде чѣмъ идти дальше.

Наконецъ они все-таки добрались до дома Анели и прошли въ кухню, гдѣ сбились въ кучку нѣсколько испуганныхъ женщинъ. Наверху все было попрежнему, — Юргисъ опять услышалъ крики Оны. Мадамъ Гауптъ раздѣлась, вынула изъ мѣшка старое платье и переодѣлась, затѣмъ вынула блюдечко съ гусинымъ жиромъ и намазала себѣ руки. Считалось, что употреблять одинъ и тотъ же гусиный жиръ въ возможно наибольшемъ количествѣ приноситъ счастье, — и потому мадамъ Гауптъ тщательно берегла свое блюдечко съ жиромъ, держа его среди грязнаго тряпья по мѣсяцамъ, иногда по цѣлымъ годамъ.

Наконецъ ее подвели къ лѣстницѣ наверхъ, и Юргисъ услышалъ, какъ она стала возмущаться:

— Gott im Himmel, зачѣмъ меня привели въ такой домъ? Не могу я карабкаться на такую лѣстницу — я убьюсь на смерть. Да развѣ можно помѣщать больную въ такомъ мѣстѣ! Какъ вамъ не стыдно!

Юргисъ стоялъ въ дверяхъ и слышалъ ея ругань, заглушающую стоны и крики Оны. Наконецъ Анеля кое-какъ успокоила ее и повела наверхъ на чердакъ; нужно было указать, какъ ей пройти, чтобы не провалиться тамъ, гдѣ не было пола. Наконецъ брань смолкла, и Юргисъ увидѣлъ, какъ исчезли въ отверстіи двери огромныя, какъ у слона, ноги; весь домъ зашатался, когда мадамъ Гауптъ стала черезъ минуту ходить наверху. Анеля подошла къ Юргису и взяла его за руку.

— А теперь, — сказала она, — уходи. Ты только мѣшаешь. Уходи, куда хочешь, и не возвращайся до утра...

Анеля и Марія вытолкали его за дверь и заперли ее за нимъ. Солнце недавно зашло, и становилось холодно. Юргисъ дрожалъ въ своей тонкой одеждѣ и, заложивъ руки въ карманы, быстро пошелъ впередъ. Онъ ничего не ѣлъ и чувствовалъ себя совсѣмъ слабымъ и больнымъ. Вдругъ онъ вспомнилъ, что тутъ по близости есть кабакъ, куда онъ прежде ходилъ обѣдать. Въ сердцѣ его проснулась надежда. Можетъ быть, они тамъ сжалятся надъ нимъ, или же, можетъ быть, онъ встрѣтитъ какого-нибудь знакомаго. Онъ быстрымъ шагомъ направился туда.

— Здравствуй, Джекъ, — сказалъ хозяинъ, когда онъ вошелъ; всякаго иностранца и простого рабочаго принято было звать Джекомъ. — Гдѣ ты пропадалъ?

Юргисъ подошелъ прямо къ стойкѣ. — Я былъ въ тюрьмѣ, — сказалъ онъ, — и только-что вышелъ. Я весь день добирался до дому, у меня нѣтъ ни одного цента и я ничего не ѣлъ съ утра. Домъ у меня отняли, жена больна. Все кончено.

Кабатчикъ поглядѣлъ на его одичалое, блѣдное лицо и дрожащія губы, и пододвинулъ ему большую бутылъ. — Пей! — сказалъ онъ.

У Юргиса такъ дрожали руки, что онъ не могъ налить себѣ водки. Хозяинъ налилъ ему, и онъ сразу выпилъ большой стаканъ; затѣмъ, по приглашенію хозяина, онъ подошелъ къ буфету и сталъ быстро и жадно ѣсть. Онъ сѣлъ, сколько смогъ, потомъ поблагодарилъ, какъ умѣлъ, хозяина и сѣлъ посрединѣ комнаты, у большой раскаленной печки.

Но все это было слишкомъ хорошо — и потому не могло продолжаться. Отъ его промокшаго платья пошелъ паръ, и комната наполнилась ужасающимъ запахомъ искусственнаго удобренія. А хозяинъ какъ разъ ожидалъ много посѣтителей, какъ всегда въ субботу вечеромъ; предполагалось, что придетъ музыка, скрипка и кларнетъ, и что устроятся танцы. Запахъ, который шелъ отъ Юргиса, разогналъ бы всѣхъ, и кабатчику пришлось удалить нежелательнаго гостя. — Прости, Джэкъ, — тебѣ придется уйти, — сказалъ онъ.

Много онъ видалъ пропавшихъ людей на своемъ вѣку и каждый вечеръ дюжинами выгонялъ ихъ изъ своего заведенія. Но они были дѣйствительно конченные люди, а въ Юргисѣ чувствовались еще слѣды порядочности, и кабатчику не хотѣлось выгнать его. Этотъ человѣкъ могъ еще подняться и стать хорошимъ кліентомъ. Онъ его поэтому провелъ въ заднюю половину кабака, на лѣстницу, которая вела въ погребъ. Тамъ Юргисъ провелъ вечеръ и часть ночи. Заснуть онъ не могъ, несмотря на усталость. Ему было очень холодно, и его мучила тревога о женѣ. Проходили часы за часами: онъ зналъ, что не наступило еще утро только потому, что изъ залы доносились крики, музыка, смѣхъ и пѣніе. Когда все стихло, онъ сталъ ждать, что придутъ и выведутъ его на улицу, но никто не явился, и онъ уже думалъ, что хозяинъ забылъ о немъ. Наконецъ онъ больше не могъ выдержать и сталъ колотить въ дверь. Пришелъ хозяинъ; его заведеніе оставалось открытымъ всю ночь, и онъ дремалъ, сидя за стойкой. — Я пойду домой, — сказалъ Юргисъ. — Жена очень больна, и я въ тревогѣ. Не могу дольше ждать.

— Чего же ты сразу не сказалъ? — спросилъ хозяинъ. — Я думалъ, что тебѣ некуда идти.

Юргисъ вышелъ. Было четыре часа утра и темно какъ ночью. Онъ побѣжалъ къ дому Авели.

Въ кухнѣ горѣлъ огонь и занавѣсъ не была спущена. Дверь

была открыта, и Юргисъ вбѣжалъ, не стучась. Анеля, Марія и остальные женщины сидѣли у печки, какъ и прежде. Юргисъ замѣтилъ, что пришло еще нѣсколько женщинъ—и что наверху теперь тихо.

— Ну что?—спросилъ онъ, но никто ему не отвѣтилъ. У нихъ всѣхъ были блѣдныя, испуганныя лица.—Ну что?—повторилъ онъ громче.

При свѣтѣ коптѣвшей лампы онъ увидѣлъ, что Марія отрицательно покачала головой.—Еще нѣтъ,—сказала она.

— Еще нѣтъ!—крикнулъ Юргисъ съ отчаяніемъ.—Еще нѣтъ!.. Но ея не слышно,—проговорилъ онъ помолчавъ.

— Она уже нѣсколько времени какъ притихла, сказала Марія.

Наступило молчаніе, и вдругъ сверху раздался крикъ:—Эй вы тамъ, сюда!

Нѣсколько женщинъ побѣжали къ лѣстницѣ наверхъ, а Марія подскочила къ Юргису.—Подожди здѣсь!—крикнула она, и оба они остановились, блѣдныя и дрожащія, прислушиваясь къ тому, что происходило рядомъ. Черезъ секунду они услышали, что мадамъ Гауптъ сходить внизъ по лѣстницѣ, браваясь и отдуваясь. Юргисъ взглянулъ на нее, поблѣднѣлъ и зашатался. Она сняла лифтъ и стояла съ голыми руками, какъ мясникъ на бойнѣ. Руки были у нея до верху въ крови, и все платье и лицо были забрызганы кровью. Она тяжело дышала и оглянулась въ комнату. Никто не произнесъ ни слова.

— Я сдѣлала все, что могла,—сказала она.—Теперь нечего и пытаться... Я не виновата,—продолжала она.—Нужно было позвать доктора съ самаго начала. Вы слишкомъ поздно призвали меня.

Наступило мертвое молчаніе. Марія изо всѣхъ силъ ухватилась за Юргиса, держа его за руку. Мадамъ Гауптъ обратилась къ Анелѣ:—Дайте мнѣ выпить чего-нибудь; нѣтъ ли коньяку?

Анеля отрицательно покачала головой.

— Нейт Gott!—воскликнула мадамъ Гауптъ.—Ну и люди!—Можетъ, вы хоть поѣсть мнѣ дадите. Я со вчерашняго утра не ѣла и работала здѣсь до потери силъ. Знай я это, я бы не пришла,—да еще чуть ли не даромъ.—Увидавъ Юргиса, она погрозила ему пальцемъ и сказала:—Помните, вы мнѣ все-таки выплатите все до послѣдняго цента. Я не виновата, что вы слишкомъ поздно призвали меня. Я не виновата, что ребенокъ былъ въ неправильномъ положеніи,—я всю ночь работала, да еще въ такомъ мѣстѣ, гдѣ только щенятамъ рождаться, а не

людямъ. И никакой ѣды, кромѣ того, что я принесла съ собой въ карманѣ!

Мадамъ Гауптъ остановилась на минуту, чтобы передохнуть. Марія, увидѣла, что у Юргиса выступили на лбу капли пота и что онъ весь дрожитъ; она тихо спросила акушерку:—Что же съ ней теперь?

— Что съ ней?—повторила мадамъ Гауптъ. — Какъ вы думаете, что съ ней можетъ быть, когда вы такъ съ ней обращаетесь! Сами виноваты. Я это сказала, когда послали за священникомъ. Она молода и сильна—и перенесла бы все, еслибы во-время подали помощь. Она, бѣдная, билась изо всѣхъ силъ—и пока еще жива.

Юргисъ дико вскрикнулъ:—Пока еще!

— Но она, конечно, сейчасъ умереть. Ребенокъ уже умеръ.

Чердакъ освѣщенъ былъ одной только свѣчей, прилѣпленной къ доскѣ; она уже догорала и дымила, когда вошелъ Юргисъ. Онъ едва смогъ различить кучку тряпья въ одномъ углу и одѣло поверхъ него; у подножья лежало Распятіе, и тутъ же священникъ бормоталъ молитвы. Въ другомъ углу прижалась Ельзбета; она плакала и стонала. На охапкѣ тряпья лежала Она.

Она была прикрыта одѣломъ, но плечи и одна рука высунились наружу. Ее почти невозможно было узнать—она была худа какъ скелетъ, съ бѣлымъ какъ мѣлъ лицомъ. Вѣки были закрыты, и она лежала точно мертвая. Юргисъ кинулся къ ней съ крикомъ:—Она! Она!—Схвативъ ее руку, онъ сталъ сжимать ее въ своей и кричалъ:—Она, посмотри на меня! Это я, Юргисъ. Я вернулся—ты не слышишь?—У нея слегка задрожали вѣки, и онъ опять крикнулъ:—Она, Она!..

Вдругъ она открыла глаза—на одну секунду. Она взглянула на него, и во взглядѣ ея мелькнуло сознание: она его узнала, а ему показалось, что она глядитъ откуда-то издалека, совсѣмъ издалека. Онъ протянулъ къ ней руки, сталъ звать ее дивнымъ голосомъ, съ безумнымъ желаніемъ удержать ее,—но напрасно. Она ускользнула отъ него и исчезла. Конецъ—ея нѣтъ... Онъ сжималъ ее въ объятіяхъ, рыдая навзрыдь,—но она лежала холодная, неподвижная. Она умерла. Ужасъ исчезновенія, ужасъ пустоты охватилъ его. Ледяной страхъ передъ одиночествомъ сжалъ его душу. Онъ стоялъ какъ испуганный ребенокъ: весь міръ точно исчезалъ передъ его глазами, превращаясь въ далекій призракъ. Онъ продолжалъ звать Ону, и его крики раздавались по всему дому, наводя ужасъ на женщинъ, прижавшихся другъ къ другу въ кухнѣ. Юргисъ совершенно обезу-

мѣлъ. Священникъ положилъ ему руку на плечо и что-то шепталъ, но онъ не слышалъ ни звука. Онъ пробирался гдѣ-то въ потемкахъ, среди тѣней, и тщетно пытался удержать душу, которая уже исчезла отъ него.

Стало свѣтать. Священникъ ушелъ, ушли и женщины, и Юргисъ остался одинъ на чердакѣ подлѣ неподвижной бѣлой фигуры. Онъ пересталъ рыдать и кричать, а только дрожалъ и стоналъ, не отводя глазъ отъ бѣлаго лица передъ нимъ. Онъ не могъ вынести мысли, что Она мертва. Такая молодая—почти дѣвочка. Ей едва минуло восемнадцать лѣтъ,—жизнь ея едва началась,—и вотъ она лежитъ, замученная на смерть.

Было уже утро, когда Юргисъ спустился въ кухню. Онъ шатался, лицо у него было пепельно-сѣрое. Пришли еще нѣсколько сосѣдей и молча глядѣли на него, когда онъ сѣлъ на стулъ и закрылъ лицо руками. Черезъ нѣсколько минутъ открылась наружная дверь. Ворвалась струя холода, и на порогѣ появилась маленькая Котрина, запыхавшаяся и синяя отъ холода.—Наконецъ-то я добралась!—громко сказала она.—Я едва...

Взглянувъ на Юргиса, она въ ужасѣ остановилась. Потомъ она посмотрѣла на всѣхъ, и поняла, что произошло несчастье. Она почти шопотомъ спросила:—Что случилось?

Прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ отвѣтить ей, Юргисъ вскочилъ со стула и подошелъ къ Котринѣ нетвердыми шагами:—Ты откуда?—спросилъ онъ.

— Продавала газеты.

— Сколько у тебя денегъ?

— Около трехъ долларовъ.

— Давай сюда!

Котрина, испуганная его видомъ, глядѣла на другихъ.

Давай!—крикнулъ онъ.—Она сунула руку въ карманъ и вынула горсть денегъ, завязанныхъ въ грязную тряпку. Юргисъ, не говоря ни слова, взялъ деньги и вышелъ изъ дому. Черезъ три дома отъ нихъ былъ кабакъ.—Водки!—крикнулъ онъ, входя. Когда кабатчикъ налилъ ставанъ, онъ вынулъ полъ-доллара изъ тряпки.—Сколько стоитъ бутылка?—спросилъ онъ.—Я хочу напиться.

XX.

На три доллара сильный человѣкъ не можетъ, однако, долго пьянствовать. Она умерла въ ночь на воскресенье, а въ понедѣльникъ вечеромъ Юргисъ вернулся трезвый и угнетенный, съ

мучительнымъ сознаніемъ, что онъ израсходовалъ все, что осталось у его семьи, и не смогъ купить на это ни минуты забвенія.

Ону еще не похоронили, но уже было дано знать полиціи, и на слѣдующій день ее должны были увести въ сосновомъ гробу и похоронить на кладбищѣ для бѣдныхъ. Ельзета ушла просить подаванія, чтобы было чѣмъ заплатить за панихиду, а дѣти сидѣли голодныя,—онъ пропилъ всѣ ихъ деньги.

Анеля стала громко попрекать его этимъ и не пустила его даже въ кухню, говоря, что всѣ ея жилища разбѣгутся отъ его запаха.—Пусть идетъ на чердакъ!—сказала она, прибавивъ, что и туда не будетъ пускать, если онъ не заплатитъ ей долгъ. Юргисъ не отвѣтилъ ни слова и пошелъ на чердакъ. Тамъ было совсѣмъ темно—денегъ на свѣчку у нихъ не было—и холодно, какъ на дворѣ. Въ одномъ углу сидѣла Марія и баюкала маленькаго Антона; въ другой забились дѣти. Марія ни слова не сказала Юргису, и онъ тихо пробрался къ тѣлу жены. Въ эту минуту онъ не думалъ о томъ, что дѣти сидятъ голодныя. Онъ весь отдался своему горю,—разрѣшая себѣ такую роскошь. Теперь только, сидя молча безъ слезъ у ея тѣла, онъ понялъ, какъ сильно онъ любилъ Ону. Въ немъ снова проснулась любовь, придавленная прежде заботами и нуждой. Все проснулось въ его памяти,—онъ вспоминалъ Ону такой, какой увидѣлъ ее въ первый разъ на родинѣ, прекрасной какъ цвѣтокъ, весело поющей, какъ птичка, вспомнилъ, какъ они поженились, вспомнилъ ея слова, ея слезы. Тяжкая жизненная борьба озлобила его, сдѣлала его жесткимъ,—Она же всегда оставалась прежней. До конца душа ея томилась и тянулась къ нему, прося любви и нѣжности. Сколько она выстрадала,—какимъ злымъ и безсердечнымъ онъ былъ съ нею! Теперь каждое жесткое слово, когда-либо сказанное имъ Онѣ, отзывалось невыразимой мукой въ его сердцѣ. Теперь душа его была полна любви,—но уже поздно. Онъ никогда не сможетъ выразить эту любовь. Тщетно протягивать теперь къ ней руки въ темнотѣ,—она ушла навсегда, она умерла. Ему хотѣлось кричать отъ ужаса и отчаянія, но онъ не смѣлъ пошевелинуться или произнести слово,—до того ему было стыдно, до того онъ ненавидѣлъ себя въ эту минуту.

Поздно ночью вернулась Ельзета. Она достала денегъ на панихиду и заплатила впередъ во избѣжаніе соблазна. Она принесла также хлѣба для дѣтей и дала имъ поѣсть. Потомъ она подошла къ Юргису и сѣла рядомъ съ нимъ. Она не стала его упрекать,—такъ они рѣшили съ Маріей. Но тутъ, у тѣла его жены, она хотѣла образумить его. Ельзета уже покорилась

судьбѣ. Ей предстояло хоронить дочь, — но она до того похоронила троихъ дѣтей, — и каждый разъ старалась осилить свое горе, чтобы продолжать жизненную борьбу для другихъ, оставшихся. Она, какъ насѣдка, у которой отнимали одного за другимъ ея цыплятъ, не клася объ оставшихся — до послѣдняго. Она дѣлала это безотчетно, не задаваясь вопросомъ о томъ, слѣдуетъ ли такъ поступать, не размышляя о безцѣльности жизни, въ которой, кромѣ горя, ничего не было и не предвидѣлось. Это инстинктивное чувство и заставляло ее теперь со слезами на глазахъ урезонивать Юргиса. О своихъ дѣтяхъ она не говорила — она сама и Марія кое-какъ прокормить ихъ; но маленькій Антонъ — его сынъ, — нужно о немъ позаботиться. Неужели онъ броситъ на произволъ судьбы ребенка Оны? Елизавета заклинала его память Оны стать снова человѣкомъ. Теперь, не имѣя дома, они смогутъ жить дешевле, и если всѣ, взрослые и дѣти, будутъ работать попрежнему, то можно будетъ сводить концы съ концами. Лишь бы только онъ не опускался. Елизавета уговаривала его съ лихорадочной настойчивостью. Она боролась за жизнь свою и дѣтей. Она не боялась, что Юргисъ сопьется, — на это у него не было денегъ. Но ее охватывалъ безумный ужасъ при мысли, что онъ оставитъ ихъ и уйдетъ, какъ Ионасъ. Юргисъ внялъ ея словамъ. Сидя подлѣ трупa Оны, онъ не могъ и думать о томъ, чтобы покинуть ея ребенка. Онъ общалъ работать ради маленькаго Антона, и рѣшилъ, что пойдетъ искать работы сейчасъ же, — не дожидаясь похоронъ Оны. Теперь ему можно повѣрить: онъ сдержитъ слово, что бы ни случилось.

На слѣдующее утро онъ до свѣту вышелъ изъ дому, отправился на прежнее мѣсто, въ фосфатное отдѣленіе на фабрику Дургэма, и попросилъ взять его обратно. Но смотритель очень рѣшительно покачалъ головой и сказалъ ему, что работы для него нѣтъ и не предвидится. Юргиса удивила рѣшительность отказа.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ. — Развѣ я не хорошо исполнялъ мое дѣло?

Но смотритель холодно посмотрѣлъ на него и повторилъ:

— Я уже сказалъ вамъ, что работы вамъ здѣсь не будетъ.

Юргисъ ушелъ очень подавленный, подозрѣвая, что подъ этимъ отказомъ таится что-то очень неладное. Онъ сталъ въ толпѣ голодныхъ, чающихъ работы людей подъ окнами конторы, въ свѣту, и прождалъ два часа безъ завтрака, пока полицейскій не разогналъ толпу палками. На этотъ день онъ работы не досталъ. Отчаиваться пока, конечно, было нечего. У Юргиса было

много знакомыхъ; онъ зналъ, что найдутся кабатчики, которые дадутъ ему поѣсть и выпить въ долгъ, знакомые по союзу, которые одолжатъ, въ крайнемъ случаѣ, нѣсколько грошей. Онъ сможетъ нѣсколько дней и даже нѣсколько недѣль перебиваться такимъ образомъ. Тетя Елизавета тоже соберетъ кое-что, проситъ милостыни; дѣти заработаютъ немного продажей газетъ, — и можно будетъ уплатить Анелѣ. Словомъ, кое-какъ еще можно будетъ протянуть.

Въ концѣ недѣли, проведенной въ поискахъ и въ кабакахъ, Юргисъ случайно попалъ въ одинъ изъ подваловъ большой консервной фабрики, гдѣ служилъ когда-то Іонасъ. Онъ увидѣлъ смотрителя и спросилъ, не найдется ли ему тутъ работы.

— Можете возить тачки? — спросилъ смотритель, и Юргисъ быстро отвѣтилъ:

— Могу.

— Какъ зовутъ? — спросилъ смотритель.

— Юргисъ Рудкусъ.

— Гдѣ работали прежде?

— На бойняхъ у Броуна и въ фосфатномъ отдѣленіи у Дургэма.

— Почему ушли?

— Съ перваго мѣста послѣ болѣзни отъ несчастнаго случая, а со второго — потому что меня посадили въ тюрьму.

— Попытайтесь работать у насъ. Приходите завтра утромъ и спросите м-ра Томаса.

Юргисъ вернулся домой въ приподнятомъ настроеніи: наконецъ-то у него есть работа, наступитъ конецъ ихъ испытаніямъ. Вечеромъ вся семья ликовала. На слѣдующее утро Юргисъ явился на работу за полчаса до другихъ. Вскорѣ пришелъ и смотритель; онъ подошелъ къ Юргису и сказалъ:

— Я обѣщалъ вамъ работу, но оказывается, что я ошибся. Нѣтъ у меня для васъ работы.

Юргисъ остолбенѣлъ.

— Почему? — проговорилъ онъ.

— Да просто вы мнѣ не нужны, вотъ и все, — сказалъ смотритель, поглядѣвъ на него такимъ же холоднымъ, враждебнымъ взглядомъ, какъ и смотритель въ фосфатномъ отдѣленіи. Юргисъ понялъ, что нечего больше спрашивать, повернулся и ушелъ.

Въ кабакахъ ему объяснили, въ чемъ дѣло. Очевидно, онъ попалъ въ „черные списки“ фабрикантовъ. Что онъ такое сдѣлалъ? — спрашивали его. — Чуть не убилъ смотрителя? Господи по-

милуй! Ну, конечно, послѣ этого ему такъ же невозможно получить мѣсто на фабрикахъ, какъ сдѣлаться чикагскимъ мэромъ. Какъ онъ самъ этого не понялъ, и терялъ время на поиски! Его имя теперь извѣстно въ Санъ-Луи и Нью-Йоркѣ, въ Омайѣ и Бостонѣ, въ Канзасѣ и Сентъ-Жозефѣ. Его осудили безапелляционнымъ судомъ, и онъ никогда не получитъ работы на консервной фабрикѣ. Напрасно было бы поступать подъ другимъ именемъ, — его сейчасъ же бы узнали. У нихъ есть свои шпионы, которые все выслѣживаютъ. Фабриканты не жалѣютъ денегъ, чтобы настоять на строгомъ выполненіи своихъ приговоровъ, — это у нихъ главное средство борьбы противъ агитаціи рабочихъ союзовъ.

Юргисъ вернулся домой очень угнетенный, и вся семья тоже пришла въ отчаяніе. Въ своемъ районѣ они все-таки обжились, завели друзей и могли въ самыя тяжелыя минуты найти поддержку. Но здѣсь всѣ фабрики и мастерскія составляли одно цѣлое со скотными дворами, — и всюду, значить, для Юргиса были закрыты двери. У нихъ возникла мысль, не переѣхать ли всѣмъ въ городъ, — и дѣтямъ, которыя продаютъ газеты, легче было бы не жить такъ далеко. Но этотъ планъ оказался непрактичнымъ; Маріи уже становилось лучше, рука зажила, и она надѣялась снова получить работу на фабрикѣ. Кромѣ того, хотя при наступившихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ Тамошисъ Кушлейка могъ приходиться къ ней очень рѣдко, все-таки ей не хотѣлось разстаться съ нимъ окончательно. И Ельзбетъ также обѣщала работу — мыть полы у Дургэма. Въ виду всего этого рѣшили, что пока Юргисъ поѣдетъ одинъ въ городъ искать счастья, — и если что-нибудь дѣйствительно устроится, тогда можно будетъ подумать о дальнѣйшемъ. Но въ городѣ онъ не могъ нигдѣ пообѣдать въ долгъ въ знакомомъ кабакѣ, или занять у кого-нибудь нѣсколько грошей, — а просить милостыню онъ не рѣшился, боясь, что его арестуютъ. Поэтому они условились, чтобы онъ ежедневно видался съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, и тѣ будутъ ему давать пятнадцать центовъ изъ своихъ заработковъ, чтобы ему было чѣмъ прокормиться. Такъ онъ пошелъ бродить по улицамъ съ сотнями и тысячами другихъ бездомныхъ, и принялся искать работы, заходя во всѣ магазины, склады и фабрики. По вечерамъ онъ прятался гдѣ-нибудь въ подвѣздѣ или подъ навѣсомъ до полуночи, — а тогда можно было зайти въ полицейскій участокъ, разложить газету на полу и лечь рядомъ съ бродягами и нищими, съ больными, грязными людьми, покрытыми паразитами, въ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ водки и самага сквернаго табаку.

Такъ Юргисъ прожилъ двѣ недѣли. Разъ онъ нанялся на полдня нагружать возъ; въ другой разъ снесъ чемоданъ старой дамѣ и получилъ за это четверть доллара. Это дало ему возможность спать въ теплой комнатѣ, заплативъ за ночлегъ, въ такіе вечера, когда онъ иначе навѣрное замерзъ бы на улицѣ. Кромѣ того, онъ могъ бы купить газету и пойти по объявленію о свободномъ мѣстѣ раньше, чѣмъ другіе, поджидающіе, пока кто-нибудь броситъ уже прочитанную газету. Но объявленія эти были большей частью обманныя. Ихъ печатали разные люди, заманивающіе обѣщаніями достать работу и выманивающіе предварительно уплату за посредничество. Юргисъ на эту удочку не попался, просто потому, что у него не было денегъ, чтобы заплатить впередъ. Наконецъ ему все-таки повезло. Онъ встрѣтился съ старымъ знакомымъ по рабочему союзу, и оказалось, что тотъ служитъ на заводѣ акціонерной компаніи, изготовляющей земледѣльческія орудія. Узнавъ, что Юргисъ ищетъ работы, онъ сказалъ, что попытается пристроить его тамъ же, и повелъ его съ собой на слѣдующее утро. Они прошли пять-шесть верстъ, потомъ, придя на фабрику, миновали толпу безработныхъ, ожидавшихъ у воротъ, и прошли въ мастерскія. Юргисъ едва устоялъ на ногахъ отъ радости, когда смотритель, поговоривъ съ нимъ, сказалъ, что, можетъ быть, для него найдется работа.

Юргисъ могъ справедливо радоваться этой удачѣ, потому что фабрики акціонерной компаніи были дѣйствительно образцовыя, какими гордятся филантропы и защитники мирныхъ реформъ. Мастерскія были большія, хорошо провѣтренныя; былъ дешевый ресторанъ, читальня, уютныя комнаты для отдыха молодыхъ работниковъ; не было ни грязи, ни безобразія, какъ на скотныхъ дворахъ и консервныхъ фабрикахъ. Съ каждымъ днемъ Юргисъ открывалъ все новыя и новыя диковинки и удобства, — и ему казалось, что онъ очутился въ раю. Зданія фабрикъ занимали пространство въ сто шестьдесятъ акровъ; тамъ работало пять тысячъ человѣкъ, изготовляя тридцать тысячъ машинъ въ годъ — значительную часть всего количества, потребляемаго въ странѣ. Юргисъ самыхъ машинъ почти не видалъ, — въ мастерскихъ работа была разбита на множество специальностей, какъ и на скотныхъ дворахъ. Каждая мелкая частица дѣлалась отдѣльно и иногда проходила черезъ сотни рукъ. Тамъ, куда опредѣлили Юргиса, была машина, которая отрѣзала и штамповала куски стали въ два квадратныхъ вершка каждый. Куски эти выпадали на поднось, и человѣческія руки нужны были только для того, чтобы складывать квадратики въ правильные ряды и отъ времени до времени

мѣнять подносы. Это дѣлалъ одинъ мальчикъ, который долженъ былъ сосредоточиться зрѣніемъ и мыслями исключительно на этой работѣ. Пальцы его работали такъ быстро, что стукъ падающихъ одинъ на другой стальныхъ квадратиковъ напоминалъ шумъ экспресса, когда слышишь его, лежа въ спальномъ вагонѣ. Конечно, это была поштучная работа, и для того, чтобы мальчикъ не лѣнился, машина рассчитана была на самую большую скорость, возможную для работы рукъ человеческихъ. Черезъ руки мальчика проходили тридцать тысячъ квадратиковъ въ день, девять или десять милліоновъ въ годъ. По близости отъ мальчика сидѣли люди, наклонившись надъ вертящимися точильными камнями, и заканчивали отдѣлку стальныхъ ножей для жатвенныхъ машинъ. Они брали ножъ правой рукой изъ корзины, прижимали сначала одной стороною, потомъ другой, къ точильному колесу и бросали лѣвой рукой въ другую корзину. Одинъ изъ этихъ рабочихъ рассказывалъ Юргису, что онъ въ теченіе тринадцати лѣтъ точилъ по три тысячи кусковъ стали въ день. Въ слѣдующей комнатѣ были удивительныя машины, которыя поглощали въ себя длинные стальные болты, разрѣзали ихъ, схватывали куски, приставляли къ нимъ головки, полировали ихъ и выбрасывали въ корзину готовыми для скрѣпа жатвенныхъ машинъ. Изъ другихъ машинъ выбрасывались десятки тысячъ стальныхъ засововъ, приспособленныхъ къ болтамъ. Въ другихъ мастерскихъ всѣ отдѣльныя части машинъ опускались въ чаны съ краской, высушивались и переправлялись въ комнату, гдѣ на нихъ наводили красныя и желтыя полосы, чтобы внѣшній видъ ихъ на полѣ былъ пріятенъ для глазъ.

Пріятель Юргиса работалъ наверху, въ комнатѣ, гдѣ изготовлялись гипсовые модели, и онъ дѣлалъ модели одной определенной части машины. Онъ набивалъ черный песокъ въ желѣзный приборъ, крѣпко вдавливалъ этотъ песокъ и отставлялъ, чтобы дать затвердѣть. Потомъ, когда форма была готова, въ нее вливалось раскаленное желѣзо. Ему тоже платили поштучно, — т.-е. за каждый удачный слѣпокъ. Онъ работалъ вмѣстѣ съ дюжиной товарищей съ бѣшеною скоростью, точно его подгоняла бѣсовская сила. Руки у него двигались какъ рычаги машинъ, волосы разлетались, съ лица катился потъ. Такъ онъ работалъ весь день, напрягая всѣ силы, чтобы наработать на двадцать-три вѣсто двадцати-двухъ центовъ въ часъ. А потомъ его работу осматривали специалисты, и торжествующіе промышленники проносили самодовольныя рѣчи на банкетахъ, хвастая тѣмъ, что американскіе рабочіе работаютъ вдвое быстрее, чѣмъ въ другихъ

странахъ. И оказывается, что американцы—самая великая нація въ мірѣ, главнымъ образомъ потому, что рабочіе принуждены работать съ безумной скоростью. Америка, впрочемъ, побиваетъ рекордъ и въ другихъ отношеніяхъ, между прочимъ въ потребленіи спиртныхъ напитковъ: ими выпивается на билліонъ съ четвертью долларовъ въ годъ;—и цифра эта съ каждымъ годомъ удваивается.

Была еще машина, которая выдѣлывала желѣзныя широкіи полосы, и другая, которая придавала имъ форму сидѣній. Эти сидѣнья нагружались на тачки, и работа Юргиса состояла въ перевозкѣ ихъ въ комнату, гдѣ машину собирали. Эта работа была для него дѣтской игрой, и онъ получалъ за нее въ день долларъ и семьдесятъ-пять центовъ. Въ субботу онъ заплатилъ Анелѣ свой долгъ за пользованіе чердакомъ и выкупилъ пальто, заложенное Ельзбетой, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Пальто ему было очень нужно, потому что приходилось въ холодъ идти пѣшкомъ или ѣздить по трамваю пять-шесть верстъ туда и обратно на работу. И такъ какъ дорога шла по двумъ разнымъ направленіямъ, то приходилось ѣздить по двумъ трамваямъ и платить дважды. Это было несомнѣнное мошенничество, такъ какъ обѣ линіи принадлежали одной и той же компаніи, во фактивно считалось, что собственники линіи—разные, и это было предлогомъ для вымогательства двойной платы. Юргисъ, какъ и другіе, предпочиталъ, вмѣсто того, чтобы тратить десять центовъ на проѣздъ, идти пѣшкомъ и заходить въ кабакъ обогрѣться, выпить и получить даровой обѣдъ въ придачу къ стакану воды.

Но хожденіе пѣшкомъ не составляло трудности для Юргиса. Въ сравненіи съ работой, отъ которой онъ освободился, все было пустяками. Юргисъ ожилъ и сталъ строить планы на будущее. Домъ ихъ, конечно, потерялъ, но зато они избавились отъ непосильныхъ взносовъ; когда Марія выздоровѣетъ и поступитъ опять на фабрику, можно будетъ опять начать откладывать. У Юргиса на фабрикѣ былъ товарищъ, литовецъ, про котораго рассказывали чудеса. Цѣлый день онъ работалъ у машины, изготовлявшей болты, а потомъ посѣщалъ вечерніе классы, чтобы научиться читать и писать по-англійски. Такъ какъ у него была семья въ восемь человекъ и жалованья его не хватало на то, чтобы ихъ прокормить, то онъ еще исполнялъ должность полицейскаго по субботамъ и воскресеньямъ, и улучалъ для ученія каждую свободную минуту. Юргисъ завидовалъ ему, такъ какъ онъ больше всего мечталъ объ ученіи два-три года тому назадъ. Онъ бы и теперь — будь только удача — могъ еще научиться кое-чему и

улучшить свое положеніе, сдѣлаться со временемъ зрителемъ на какой-нибудь фабрикѣ. Ему начинала улыбаться надежда. Работая при новыхъ условіяхъ, на фабрикѣ, гдѣ съ рабочими дѣйствительно обращались какъ съ людьми, а не какъ съ животными, онъ воспрянулъ духомъ и рѣшилъ, что ужъ тутъ поставится удержаться.

Но однажды, — на девятый день послѣ его поступленія, — уходя съ работы во время полуденнаго перерыва, онъ увидѣлъ группу людей, столпившихся вокругъ объявленія на дверяхъ. Въ объявленіи этомъ было сказано, что съ завтрашняго дня то отдѣленіе, въ которомъ Юргисъ работалъ, — отдѣленіе земледѣльческихъ орудій, — закрывается.

XXI.

Такъ они всегда поступали; не предупредивъ хотя бы за часъ времени, прекращали работу, когда хотѣли. Это не въ первый разъ, говорили Юргису товарищи, и такъ будетъ продолжаться и впредь. Фабрика изготовила столько жатвенныхъ машинъ, сколько требовалось въ данное время, и теперь нужно ждать, пока опять поднимется спросъ. Тысячи рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, выбрасывались на улицу среди зимы и должны были или жить на свои сбереженія, если таковыя у нихъ были, или же умирать съ голоду. По городу и такъ ходили десятки тысячъ бездомныхъ людей, прося работы, а теперь къ нимъ прибавились еще нѣсколько тысячъ.

Юргисъ получилъ свою плату и пошелъ домой совершенно разбитый. Еще одна завѣса упала передъ ними и открылась еще одна ловушка. Чего стоило хорошее обхожденіе хозяевъ, если они не обеспечивали ему работы, если фабрика изготовляла больше машинъ, чѣмъ могла продать? Какая дьявольская насмѣшка судьбы, что человекъ напрягаетъ всѣ свои силы, изготовляя машины, — а потомъ остается безъ работы только потому, что слишкомъ хорошо и быстро исполнялъ свое дѣло!

Два дня Юргисъ не могъ примириться съ новымъ разочарованіемъ. Онъ не пьянствовалъ, — тетя Елизавета прятала его деньги и не давала ему на руки, — а сидѣлъ на чердакѣ мрачный, упавшій духомъ. Нужно было, однако, снова приняться за поиски: маленький Антонъ голодалъ, деньги быстро таяли, и мадамъ Гауптъ, акушерка, приставала къ нему, требуя уплаты долга. Юргисъ опять принялся бродить по улицамъ, про-

сить работы въ лавкахъ и конторахъ, ресторанахъ и отеляхъ, въ докахъ, складахъ и фабрикахъ, гдѣ изготовлялись товары, отправляемые во всѣ страны свѣта. И всегда на одно-два свободныхъ мѣста были сотни кандидатовъ, и онъ ничего не могъ добиться. Опять онъ сталъ ютиться въ подворотняхъ и подъ навѣсами, прячась отъ холода, а послѣ полуночи шелъ спать на голомъ полу въ полицейскомъ участкѣ.

Нерѣдко ему приходилось вступать въ драку — за мѣсто у фабричныхъ воротъ, или съ конкуррентами при случайныхъ уличныхъ заработкахъ. Оказалось, что даже носить багажъ пассажировъ съ вокзаловъ было не такъ-то легко. Какъ только онъ завладѣвалъ пассажирскими вещами, на него нападали челоѣкъ десять мальчишекъ и взрослыхъ, и отгоняли его. Оказывалось, что полицейскій былъ у нихъ на откупъ и принималъ всегда ихъ сторону. Юргисъ не умиралъ съ голоду только благодаря дѣтямъ, которыя приносили ему часть своихъ грошевыхъ заработковъ, — но и на это нельзя было всегда разсчитывать. Во-первыхъ, холодъ былъ такой, что дѣти иногда не могли стоять на улицѣ съ газетами, а кромѣ того они тоже подвергались частымъ нападеніямъ болѣе сильныхъ соперниковъ, которые били ихъ и отнимали деньги. Законы были тоже противъ нихъ. Маленькому Вильмасу было одиннадцать лѣтъ, но на видъ ему нельзя было дать больше восьми. Его остановила разъ на улицѣ строгая старая дама въ очкахъ и сказала, что онъ слишкомъ малъ, чтобы работать, и что если онъ не перестанетъ продавать газеты, она укажетъ на него полиціи и его задержатъ. А Котрину разъ схватилъ за руку какой-то челоѣкъ и сталъ тащить, угваривая, чтобы она пошла съ нимъ куда-то въ темный погребъ. Она такъ перепугалась, что боялась ходить по улицамъ одна съ тѣхъ поръ. Наконецъ, въ воскресенье, когда напрасно было бы искать работы, Юргисъ отправился домой, путешествовалъ по трамвайнымъ линіямъ тайкомъ, не платя за проѣздъ. Оказалось, что дома его ждали съ нетерпѣніемъ уже три дня, чтобы сообщить ему о новыхъ шансахъ на мѣсто для него. Это была дѣлая исторія. Маленькій Юзепъ, изнемогая отъ голода, пошелъ просить милостыни. У него была одна только нога: его переѣхалъ тяжелый возъ, когда онъ былъ совсѣмъ маленькимъ, и ему отняли тогда одну ногу. Но онъ приспособилъ себѣ костыль изъ метлы и проворно бѣгалъ съ нимъ. вмѣстѣ съ другими дѣтьми онъ побѣждалъ на свальное мѣсто неподалеку отъ ихъ улицы. Туда сваливали каждый день сотни повозокъ мусора и отбросовъ изъ домовъ, выходившихъ на озеро. Въ домахъ этихъ жили бо-

гатые люди, и въ вучахъ, гдѣ рылись дѣти, они находили много съѣдобнаго: куски хлѣба, картофель, кости, сердцевинны яблокъ, — все это было замерзшее и неиспорченное. Юзепъ наѣлся самъ до сыта и принесъ въ газетной бумагѣ еще кое-что для маленькаго Антона. Онъ какъ разъ кормилъ его этими остатками, когда пришла домой Ельзбета. Она пришла въ ужасъ, увѣренная, что выброшенные остатки не могутъ быть пригодными для ѣды. Но никакого вреда дѣтямъ не приключилось, и на слѣдующій день она позволила Юзепу пойти на свальное мѣсто, когда онъ сталъ жаловаться на голодъ. Онъ вернулся домой съ рассказомъ о необыкновенномъ происшествіи: когда онъ копался палкой въ отбросахъ, къ нему подошла лэди, настоящая красавица лэди, въ шляпѣ съ перьями и съ длинной мѣховой змѣей вокругъ шеи; она стала его спрашивать о нихъ всѣхъ, потомъ общала придти къ нимъ и принести ему новый костюмъ. Она дѣйствительно пришла на слѣдующее же утро; оказалось, что она — членъ общества для устройства рабочихъ поселеній. Она стала спрашивать Ельзбету, и та такъ рада была, что нашла охотница слушать о ея несчастіяхъ, что рассказала про все: и про Ону, и про то, что Юргисъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, и про несчастный случай съ Маріей. Кончилось тѣмъ, что молодая дѣвушка разрыдалась, опустивъ голову на плечо Ельзбеты. Бѣдная Ельзбета перепугалась и еле согласилась докончить печальную повѣсть ихъ жизни потрясенной всѣмъ этимъ слушательницѣ. Молодая дѣвушка прислала имъ корзину съ ѣдой и дала рекомендательное письмо для Юргиса къ управляющему сталелитейнаго завода на югѣ Чикаго. — Онъ пристроить Юргиса, — сказала она, улыбаясь сквозь слезы. — А не то я не пойду за него замужъ.

Сталелитейный заводъ былъ въ пятнадцати верстахъ разстоянія отъ скотныхъ дворовъ, и по обыкновенію нужно было платить двойную плату за проѣздъ по двумъ линіямъ. Издали видны были на небѣ багряные отсвѣты пламени, поднимавшагося изъ цѣлаго ряда трубъ; было еще темно, какъ ночью, когда Юргисъ добрался туда. Это былъ цѣлый городъ, обведенный оградой. У воротъ ждала по обыкновенію большая толпа. Какъ только стало свѣтать, послышались свистки, и сразу точно изъ-подъ земли появились въ смутномъ сѣромъ свѣтѣ тысячи людей; они выходили изъ кабаковъ, изъ ночлежныхъ домовъ, изъ вагоновъ трамвая. Цѣлый потокъ вливался въ ворота и постепенно исчезалъ, остались только голодная толпа безработныхъ и полицейскій, ходившій взадъ и впередъ передъ воротами. Юргисъ далъ при-

вратнику свое письмо; его послали по назначенію, и вскорѣ пришелъ мальчикъ съ отвѣтомъ: Юргису сказали, чтобы онъ вошелъ и подождалъ. Ждалъ онъ послѣ этого два часа, и за это время успѣлъ оглядѣть мѣсто, гдѣ ему, можетъ быть, предстояло работать. Внутри ограды онъ увидѣлъ высокія черныя зданія, длинныя ряды навѣсовъ и лавокъ, рельсовые пути по всѣмъ направленіямъ, сѣрый пепелъ подъ ногами и океаны дыма надъ головой. По одну сторону шла желѣзная дорога, по другую было озеро и пристань, куда приходили грузиться пароходы. Потомъ Юргиса позвали въ контору, и къ нему подошелъ одинъ изъ надзирателей. Онъ сказалъ, что главный управляющій занятъ, но что онъ, надзиратель, пройдетъ по заводу съ Юргисомъ и посмотритъ, куда его можно будетъ пристроить.

— Вы никогда еще не работали на сталелитейномъ заводѣ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Юргисъ.

— Но возьметесь за всякую работу, какая найдетсѣ?

— Да.

— Ну, такъ пойдѣмъ.

Они отправились, и Юргисъ былъ совершенно ошеломленъ всѣмъ, что увидѣлъ вокругъ себя. Ему казалось, что онъ никогда не сможетъ работать среди оглушительнаго шума и рѣзкихъ свистковъ, дававшихъ ежесекундно непонятные сигналы. Мимо него со свистомъ пролетали миниатюрныя паровозы, со всѣхъ сторонъ мелькали раскаленные до бѣла полосы металла, взлетали на воздухъ струи пламени, сыпались искры прямо въ лицо. У рабочихъ были черныя, покрытыя сажей лица, съ впавшими глазами. Они работали съ бѣшеною напряженностью, не поднимая глазъ отъ работы. Юргисъ держался за своего проводника, какъ испуганный ребенокъ, въ то время какъ тотъ справлялся поочередно во всѣхъ отдѣленіяхъ, не нужеңъ ли тамъ еще одинъ простой рабочій.

Вскорѣ онъ попалъ въ колоссальныхъ размѣровъ сводчатую мастерскую, похожую съ виду на театр. Онъ сталъ со своимъ провожатымъ туда, гдѣ въ театрѣ былъ бы балконъ, и противъ себя, на сценѣ, увидѣлъ три гигантскихъ котла, въ которыхъ всѣ черти ада могли бы сварить себѣ достаточно пищи; котлы полны были чѣмъ-то бѣлымъ и ослѣпляющимъ; оно кипѣло, расплескивалось и клокотало, точно внутри извергались вулканы. Нужно было кричать изо всѣхъ силъ, чтобы сказать что-нибудь среди этого адскаго шума. Изъ котловъ вырывались брызги жидкаго пламени и падали на землю, какъ бомбы, а люди

тутъ же спокойно работали, къ ужасу Юргиса, который затаилъ дыханіе отъ страха. Потомъ раздался свистокъ, и на сцену со стороны занавѣси вѣхалъ маленькій паровозъ съ грузомъ, который опорожнился въ одинъ изъ котловъ. Затѣмъ второй свистокъ, и сзади появился другой паровозъ; затѣмъ одинъ изъ котловъ сталъ шипѣть и опрокидываться, и изъ него полилась струя шипящаго, влокачущаго пламени. Юргисъ въ ужасѣ отшатнулся, думая, что случилось несчастье: цѣлый столбъ бѣлаго пламени, ослѣпительнаго, какъ солнце, ринулся внизъ со свистомъ, какъ падающее въ лѣсу огромное дерево. Потокъ искръ пронесся по всему зданію, застилая все вокругъ. Юргисъ поднесъ руки къ лицу и сталъ глядѣть севозъ пальцы. Онъ увидалъ, какъ изъ котла полился каскадъ пламени неземной бѣлизны, жгущей глаза. Надъ каскадомъ сверкали радуги синихъ, красныхъ и золотистыхъ цвѣтовъ, но самый потокъ былъ бѣлый, несказанно прекрасный; онъ точно исходилъ изъ міра чудесъ. Казалось, что это рѣка жизни, и радость наполняла душу при видѣ ея. Потомъ большой котелъ откинулся назадъ пустой, и Юргисъ облегченно вздохнулъ; никакой бѣды не произошло, никто не пострадалъ. Послѣ того проводникъ Юргиса повелъ его по другимъ мастерскимъ, мимо раскаленныхъ печей, гдѣ толстые куски стали разрѣзались на кусочки, какъ мягкій сыръ, гдѣ вертѣлись колеса, опускались съ грохотомъ гигантскіе молоты, гдѣ со всѣхъ сторонъ надвигались желѣзныя руки и схватывали желѣзную добычу. Они пришли затѣмъ въ мастерскую, гдѣ изготовлялись стальные рельсы. Юргисъ услышалъ за спиной свистокъ и отскочилъ. Мимо него промчалась повозка, на которой лежала раскаленная до бѣла масса величиной съ человека. Раздался грохотъ, повозка остановилась, и раскаленная масса опрокинулась на подвижную платформу, гдѣ ее схватили желѣзныя руки, стали мять и плющить, а потомъ кинули въ объѣты какихъ-то цилиндровъ. Оттуда она выкатилась на другую сторону. Опять раздался лязгъ и грохотъ, и опять ее стали сплющивать, мять и переворачивать, какъ блинъ на сковородѣ; и съ каждымъ разомъ она становилась тоньше и длиннѣе. Расплавленный металлъ казался живымъ; онъ точно противъ воли совершалъ свой бѣшенный бѣгъ. Онъ очутился въ рукахъ судьбы. Его толкали, мяти, кидали изъ стороны въ сторону, и онъ только съеживался и шипѣлъ. Мало-по-малу металлическая масса вытягивалась, выходила изъ чистилища большой красной змѣей и шла катиться дальше, извиваясь и шипя. И катилась она безъ остановки, пока не становилась черной и холодной. Тогда оста-

валось только рѣзать ее на куски, скрѣплять и укладывать на рельсовый путь.

Какъ разъ здѣсь и нашлась работа Юргису.

Ѣзды на заводъ было два часа, и это стоило бы Юргису долларъ и двадцать центовъ въ недѣлю. Во избѣжаніе таковаго расхода, Юргисъ забралъ свою постель въ узелъ и привезъ на заводъ. Одинъ изъ товарищей повелъ его на квартиру къ знакомому поляку, гдѣ Юргису разрѣшено было за десять центовъ въ день стлать себѣ постель на полу. А по воскресеньямъ онъ ѣхалъ домой, забравъ съ собою постель, и большую часть заработка отвозилъ семьѣ. Ельзбета была недовольна переселеніемъ Юргиса на заводъ: она боялась, что онъ отвыкнетъ отъ семьи. Но ничего нельзя было подѣлать. На сталелитейномъ заводѣ для женщинъ работы не было, и кромѣ того Марин выздоровѣла и надѣялась снова поступить на консервную фабрику.

Черезъ недѣлю Юргисъ свыкся съ адскимъ шумомъ на заводѣ, не удивлялся ничему и сдѣлался такимъ же безумно неосторожнымъ, какъ и другіе. Среди рабочей горячки всѣ забывали о собственной безопасности. Странно было даже, до чего рабочіе отдавались интересамъ дѣла, въ прибыляхъ котораго они не участвовали. Имъ платили по часамъ и не прибавляли ни одного цента за усердіе. Они отлично знали, кромѣ того, что если будутъ искалѣчены по своей оплошности, то ихъ выбросятъ на улицу, не задумавшись о томъ, что съ ними станетъ. И все-таки они придумывали всякіе способы ускорить работу и сдѣлать ее наиболѣе производительной;—это всегда дѣлало ее и болѣе опасной. На четвертый день работы на заводѣ Юргисъ увидѣлъ, какъ человѣкъ поскользнулся, обгоняя паровозъ, и ему срѣзало ногу. Не прошло и трехъ недѣль, какъ случилось еще одно несчастье. Въ мастерской, гдѣ онъ работалъ, былъ рядъ раскаленныхъ печей, черезъ щели которыхъ сверкала бѣлая пылающая масса. Изъ многихъ печей пламя вылетало наружу, но люди работали, не обращая на это вниманіе; они открывали и закрывали дверцы печей, надѣвъ синіе очки. Разъ когда Юргисъ проходилъ мимо, изъ одной печи вырвалась струя расплавленного пламени и обдала ихъ огнемъ. Они упали на полъ и подняли страшный крикъ. Юргисъ бросился имъ на помощь,—и въ результатъ у него содрало почти всю кожу съ одной ладони. Заводскій докторъ забинтовалъ руку, но никакой благодарности за это онъ не получилъ—и еще пролежалъ дома недѣлю, лишившись заработка на это время.

Къ счастью, Ельзбета какъ разъ получила ту работу, ко-

торой давно помогала; ей поручено было мыть полость на одной из фабрик в пять часов утра. Юргис пролежал недѣлю в постели, много спал и развлекался игрой с маленьким сыномъ. Антону было уже полтора года, и онъ сдѣлался настоящей говорильной машиной. Онъ такъ быстро развивался, что Юргису казалось каждый разъ, когда онъ возвращался домой на воскресенье, что у него точно новый ребенокъ. Онъ радовался и восхищался имъ. Этотъ ребенокъ обновилъ его душу, сталъ его единственной надеждой на будущее. Какое счастье, что онъ мальчикъ—и, слава Богу здоровый, съ волчьимъ аппетитомъ! Ничто ему не вредило; всѣ лишения и болѣзни не ослабляли, а какъ бы, напротивъ того, укрѣпляли его организмъ, хорошо подготовленный въ жизненной борьбѣ. Съ нимъ трудно было справиться,—до того онъ уже отстаивалъ свои интересы и желанія. Но отецъ только радовался, глядя на него. Хорошо, что онъ приучается съ дѣтства отстаивать себя,—пусть готовится къ борьбѣ, которая ожидаетъ его въ жизни.

Юргисъ сталъ покупать по воскресеньямъ газету. Воскресныя газеты были кладомъ для рабочаго человѣка. За пять центовъ онъ получалъ цѣлую охапку печатныхъ листовъ и могъ на досугъ узнать новости со всего свѣта, прочесть о множествѣ интереснѣйшихъ происшествій, убійствъ, приключеній. Послѣ недѣли труда, поглощающаго всѣ силы и способности человѣка, это было наилучшимъ развлеченіемъ для усталой головы рабочаго, понятной и возбуждающей пищу для его воображенія. Кромѣ того, въ этихъ газетахъ было много юмористическихъ картинокъ, составлявшихъ неисчерпаемый источникъ радости для маленькаго Антона. Онъ собиралъ ихъ, раскладывалъ на полу и заставлялъ отца рассказывать, что на нихъ изображено. На нѣкоторыхъ картинкахъ были нарисованы звѣри, и мальчикъ умѣлъ называть ихъ по именамъ, указывая на нихъ маленькими пальчиками. Онъ напоминалъ все, что отецъ рассказывалъ, и потомъ повторялъ весь рассказъ, приводя въ восторгъ Юргиса своимъ очаровательнымъ дѣтскимъ лепетомъ. Время болѣзни прошло для Юргиса очень быстро въ вознѣ съ ребенкомъ, къ которому онъ за это время еще больше привязался.

Когда рука зажила, Юргисъ завязалъ въ узелъ свою постель и отправился на заводъ. Былъ апрѣль, и морозъ смѣнился холодными дождями; немощная улица, гдѣ стоялъ домъ Анели, превратилась въ каналъ. Юргисъ подумалъ о томъ, какъ трудно будетъ возвращаться домой въ темнотѣ, не застрявъ по поясъ въ грязи. Но онъ все-таки обрадовался; разливъ означалъ при-

ближеніе лѣта. Марія получила мѣсто на бойнѣ въ одной изъ маленькихъ фабрикъ, и онъ мысленно далъ себѣ обѣщаніе быть, наконецъ, осторожнымъ и не попадаться больше въ бѣду. Тогда, наконецъ, они смогутъ выкарабкаться изъ полосы неудачъ и несчастій. Можно будетъ отложить кое-что на зиму и нанять удобный домикъ. Дѣти поступятъ опять въ школу и въ жизни ихъ наступитъ нѣкоторое благообразіе. Такъ Юргисъ снова сталъ строить планы и мечтать.

Въ слѣдующую субботу онъ возвращался съ работы, и, соскочивъ съ трамвая, направился домой. Солнце стояло низко, выглядывая изъ-подъ тучъ, наславшихъ цѣлые потоки воды на грязныя улицы. На небѣ стояла радуга—и на душѣ его было радостно. Ему предстояло провести тридцать-шесть часовъ дома, съ ребенкомъ и со всей семьей. Вдругъ, подходя къ дому, онъ увидѣлъ, что у дверей собралась толпа. Онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ и увидѣлъ, что кухня Анели полна людей. Это такъ живо напомнило ему день, когда онъ вернулся изъ тюрьмы и засталъ Ону умирающей, что у него почти остановилось сердце отъ страха.

— Что случилось?—крикнулъ онъ.

Въ комнатѣ наступило гробовое молчаніе, и всѣ съ ужасомъ глядѣли на него. Онъ услышалъ съ чердака плачъ—и узналъ голосъ Маріи.

— Что случилось?—снова крикнулъ онъ и бросился къ лѣстницѣ. Но Анеля схватила его за руку.

— Нѣтъ,—крикнула она,—не ходи туда!

— Что случилось?

И старуха отвѣтила ему тихимъ голосомъ:

— Тамъ маленький Антонъ. Онъ мертвый. Онъ утонулъ на улицѣ.

XXII.

Юргисъ не сталъ кричать и рыдать. Онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, но сдержалъ себя; онъ постоялъ съ секунду посреди комнаты, сжавъ руки и стиснувъ зубы, потомъ отстранилъ Анелю и пошелъ наверхъ. Тамъ лежалъ мертвый ребенокъ; подлѣ него на полу лежала Ельзбета, видимо лишившись чувствъ, а Марія бѣгала по комнатѣ, рыдая и ломая руки.

— Какъ это случилось?—спросилъ Юргисъ жесткимъ, рывкимъ голосомъ.

Оказалось, что мальчикъ игралъ на улицѣ и упалъ съ тротуара, сдѣланнаго изъ полусгнившихъ досокъ, прямо въ воду;

онъ захлебнулся въ грязи, прежде чѣмъ успѣли его вытащить. Юргисъ выслушалъ, подошелъ къ ребенку и взглянулъ на него. Онъ не проронилъ ни слезы. Постоявъ, онъ повернулся къ лѣстницѣ, спустился и, пройдя черезъ кухню, вышелъ на улицу, не выговоривъ ни слова.

Когда умерла его жена, Юргисъ пошелъ въ ближайшій кабакъ и напился. Теперь онъ этого не сдѣлалъ, хотя у него въ карманѣ былъ недѣльный заработокъ. Онъ пошелъ по улицѣ, не видя ничего передъ собой, ступая по грязи и водѣ. Потомъ онъ сѣлъ гдѣ-то на ступенькахъ и сидѣлъ съ полчаса, закрывъ лицо руками и повторяя: „Умеръ! умеръ!“ Наконецъ онъ поднялся и пошелъ дальше. Уже совсѣмъ стемнѣло. Вскорѣ ему пришлось остановиться: передъ нимъ была желѣзная дорога, и онъ не могъ перейти; ворота были спущены, приближался товарный поѣздъ. Тогда Юргиса охватилъ какой-то безумный порывъ. Онъ забѣжалъ впередъ, и когда поѣздъ миновалъ переездъ, гдѣ стоялъ сторожъ, онъ вскочилъ на него и спрятался на багажной платформѣ. Тутъ онъ засѣлъ и сталъ соображать, что будетъ. Онъ рѣшилъ, что не прольетъ ни слезы,—все кончено. Нужно сбросить съ плечъ все прежнее, какъ кошмаръ, и стать новымъ человекомъ. Когда въ душѣ все-таки поднимались жалость и память о случившемся, онъ подавлялъ ее ругательствомъ и проклятіемъ. Онъ отчаянно боролся теперь за себя. Нужно покончить съ прошлымъ. Довольно слезъ и нѣжныхъ чувствъ,—они-то и превратили его въ раба. Теперь онъ сбросить съ себя путы. Хорошо, что такъ кончилось,—эта жизнь не пригодна для женщинъ и дѣтей, и ничего хорошего не ожидало Антоновъ, еслибы онъ остался въ живыхъ. Юргисъ рѣшилъ теперь отстоять себя.

Такъ онъ вырывалъ всѣ чувства изъ своей души, а поѣздъ мчался, мчался всю ночь, и Юргисъ вдыхалъ съ невообразимой радостью благоуханіе полей и луговъ. Когда стало свѣтать, онъ сталъ глядѣть жадными глазами на мелькающіе поля, лѣса и рѣки. Наконецъ онъ больше не могъ вытерпѣть, и какъ только поѣздъ остановился, онъ вылѣзъ изъ своей засады и сошелъ. На крышѣ вагона стоялъ служитель; увидавъ безбилетного пассажира, онъ сталъ грозить ему кулакомъ и ругаться, но Юргисъ насмѣшливо махнулъ ему рукой и пошелъ впередъ. Три года онъ ни разу не былъ въ деревнѣ, не слышалъ деревенскаго звука послѣ того, какъ всю прежнюю жизнь былъ крестьяниномъ. Теперь при видѣ деревьевъ онъ почувствовалъ себя какъ птица, выпущенная на свободу, и смотрѣлъ съ умиленіемъ на луга, на стада пасущихся коровъ, на изгороди, покрытыя іюньскими цвѣ-

тами шиповника, на птицъ, поющихъ въ деревьяхъ. Вскорѣ онъ увидѣлъ ферму и, запасшись палкой для защиты, направился туда. Фермеръ стоялъ передъ конюшней и чистилъ телѣгу. — Нельзя ли получить что-нибудь поѣсть?—спросилъ Юргисъ.

— Хотите работать?—спросилъ фермеръ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Юргисъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ ничего дать не могу,—сердито сказалъ фермеръ.

— Я заплачу,—сказалъ Юргисъ.—Я очень проголодался.

— Спросите хозяйку,—проворчалъ фермеръ.—Хозяйка оказалась болѣе милостивой, и за полцента дала Юргису два большихъ куска хлѣба съ масломъ, кусокъ пирога и два яблока. Онъ наскоро съѣлъ пирогъ, потомъ прошелъ съ остальнымъ къ ручью и, найдя удобное и пріятное мѣстечко, съѣлъ и съѣлъ свой завтракъ, утоляя жажду прямо изъ пруда. Тамъ онъ пролежалъ нѣсколько часовъ, озираясь вокругъ себя, радуясь виду зелени и простору, и наконецъ заснулъ. Проснувшись черезъ нѣсколько часовъ, когда солнце стояло уже высоко на небѣ, онъ выкупался въ ручьѣ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ изъ Литвы. Онъ прежде былъ опрятенъ, но нужда, голодъ и холодъ отучили его отъ привычки къ чистотѣ. Онъ не мылся всю зиму, а лѣтомъ только слегка обмывалъ лицо и шею. Теперь онъ съ наслажденіемъ вымылся, вычистилъ все тѣло пескомъ, отмывая грязь, долго держалъ голову въ водѣ, потомъ вымылъ всю свою одежду, высушилъ ее на солнцѣ, одѣлся, отломилъ суекъ, сдѣлалъ изъ него палку и пошелъ по дорогѣ. Вскорѣ онъ увидѣлъ опять ферму и подошелъ туда, прося, чтобы его накормили за деньги. Но фермеръ сердито сказалъ, что онъ не кормитъ бродягъ, и прогналъ его. Юргисъ ушелъ, не сказавъ ни слова въ отвѣтъ, но, проходя дальше по свѣже вскопанной землѣ, гдѣ посажены были молодыя персиковыя деревья, онъ повыврывалъ ихъ всѣ съ корнями и поразбросалъ по землѣ. Это былъ его отвѣтъ фермеру. Онъ рѣшилъ теперь стать борцомъ и не оставлять безъ отвѣта никакой обиды. За фруктовымъ садомъ Юргисъ попалъ въ лѣсъ, потомъ прошелъ черезъ поле и вышелъ на другую дорогу, гдѣ вскорѣ опять увидѣлъ ферму. Такъ какъ уже начинало темнѣть, то онъ попросилъ, чтобы его накормили и дали ему ночлегъ.—Я согласенъ спать на сѣновалѣ,—сказалъ онъ, видя, что фермеръ недовѣрчиво оглядываетъ его.

— А вы не курите?—спросилъ фермеръ.

— Курю иногда,—отвѣтилъ Юргисъ,—но буду курить на

воздухъ. Когда фермеръ изъявилъ согласіе, онъ спросилъ, сколько это будетъ стоить:—У меня денегъ немного,—сказалъ онъ.

Фермеръ назначилъ двадцать центовъ за ужинъ, не считая ничего за ночлегъ на сѣновалѣ. Юргисъ сѣлъ ужинать вмѣстѣ съ фермеромъ, его женой и полдюжиной дѣтей. Ужинъ былъ обильный: подали большое блюдо печеныхъ бобовъ съ картофелемъ и спаржей, ягоды, молоко и большіе куски хлѣба. Юргисъ съ самой свадьбы не садился за такой пиръ, и за свои двадцать центовъ наѣлся до отвала. За ужиномъ всѣ были очень голодны и не разговаривали. Но потомъ они сѣли на крыльцѣ покурить, и фермеръ сталъ спрашивать Юргиса, откуда онъ. Узнавъ, что онъ рабочій изъ Чикаго, и что онъ не рѣшилъ, куда идти теперь, фермеръ предложилъ Юргису остаться у него работать.

— Я не ищу пока работы,—отвѣтилъ Юргисъ.

— Я вамъ буду хорошо платить,—сказалъ фермеръ, оглядывая мощную фигуру Юргиса.—Долларъ въ день на всемъ готовомъ. Здѣсь теперь трудно достать рабочія руки.

— Вы нанимаете на лѣто и зиму?—быстро спросилъ Юргисъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ фермеръ.—Я бы не могъ держать васъ дольше, чѣмъ до ноября. Позже у меня не будетъ работы,—у меня ферма маленькая.

— Ну да,—сказалъ Юргисъ,—я такъ и думалъ. Однако рабочихъ лошадей вы не выгоняете на морозъ, когда работа кончена (Юргисъ началъ уже разсуждать).

— Это не то же самое,—возразилъ фермеръ.—Для такого сильнаго человѣка, какъ вы, всегда вѣдь найдется работа зимой въ городѣ.

— Такъ всѣ полагаютъ,—сказалъ Юргисъ,—и всѣ идутъ въ города. А когда тамъ приходится просить милостыню, или воровать, чтобы не умереть съ голоду, то въ городѣ спрашиваютъ, почему не идти работать въ деревню, гдѣ такъ нужны рабочія руки.

Фермеръ на минуту задумался.

— А когда выйдутъ деньги, что вы станете дѣлать? Придется вѣдь работать.

— Подожду, пока выйдутъ, а тамъ видѣе будетъ.

Онъ выспался на сѣновалѣ и утромъ плотно позавтракалъ: ему дали кофею, хлѣба, овсянки и вареныхъ вишенъ—и за все взяли только пятнадцать центовъ: доводы Юргиса, видно, повліяли на фермера. Потомъ Юргисъ попрощался и отправился дальше.

Такъ началась его бродяжническая жизнь. Не всегда онъ нападалъ на такихъ хорошихъ людей, какъ фермеръ, у котораго онъ провелъ первую ночь. Онъ сталъ избѣгать домовъ, ночевалъ большей частью въ полѣ, а въ дождь забирался куда-нибудь въ пустыя зданія, или же ночью пробирался на сѣноваль на ферму. Отъ собакъ онъ могъ защититься однимъ ударомъ палки,—на это у него еще хватало силы. Денегъ онъ почти не тратилъ: наступилъ сезонъ плодовъ, и онъ питался ягодами, а также, выходя на добычу подъ вечеръ, набивалъ себѣ полные карманы яблоками въ фруктовыхъ садахъ, выкапывалъ картофель на полѣ;—разъ онъ даже раздобылъ курицу и устроилъ цѣлый пиръ въ покинутой фермѣ. Это давало ему возможность беречь деньги;—но онъ не беспокоился, если приходилось расходовать немного; онъ видѣлъ, что можетъ достать работы, сколько угодно. За полчаса рубки дровъ ему охотно давали обильный обѣдъ и ужинъ, и, глядя на его работу, фермеры всегда уговаривали его остаться у нихъ работать.

Но Юргисъ не оставался. Его охватила любовь къ странствованію, и онъ наслаждался свободой. Послѣ долгихъ лѣтъ рабской жизни на скотныхъ дворахъ, просторъ и разнообразіе его теперешней жизни обновили въ немъ душу и тѣло. Онъ чувствовалъ, что возвращается молодость, воскресаетъ прежняя сила и энергія отъ жизни на свѣжемъ воздухѣ—при достаточной пищѣ и работая лишь сколько хотѣлъ. Онъ вставалъ по утрамъ бодрый, и шелъ, не зная, какъ еще употребить свою энергію, смѣясь и напѣвая пѣсни далекой родины, воскресшія въ его памяти. Иногда онъ не могъ отдѣлаться отъ мыслей объ умершемъ ребенкѣ, объ Онѣ—и часто ночью простиралъ руки въ пространство и горько плакалъ. Но утромъ онъ старался стряхнуть печаль и шелъ бодро впередъ. Онъ шелъ всегда наугадъ, безъ опредѣленнаго плана. По пути онъ встрѣчался съ другими такими же бродягами—и отъ нихъ узнавалъ много полезнаго. Они сказали ему, въ какіе города и деревни заходить, какіе обходить, посвятили его въ тайну секретныхъ знаковъ на заборахъ, объяснили, когда и гдѣ просить милостыню, когда и гдѣ воровать. Они высмѣяли Юргиса, когда узнали, что онъ платитъ иногда за ночлегъ и пищу,—они доставали все даромъ. Юргисъ иногда участвовалъ въ ихъ набѣгахъ по сосѣдству или же, подружившись съ кѣмъ-нибудь однимъ, уходилъ съ нимъ и бродилъ цѣлую недѣлю, дѣлясь разными воспоминаніями жизни.

Многіе изъ этихъ профессиональныхъ бродягъ были, конечно,

порочны по природѣ, но большинство изъ нихъ были прежде рабочими и потерпѣли неудачи, какъ и Юргисъ. Онъ встрѣтилъ потому и бродягъ другой категоріи—тоже бездомныхъ, но бродившихъ съ цѣлью найти случайные заработки. Это была огромная армія случайнаго труда, исполнявшая свое назначеніе въ природѣ. Они брали на себя всѣ случайныя работы, которыя должны были быть кѣмъ-нибудь исполнены. Они не знали, конечно, о томъ, что у нихъ есть „назначеніе“, а просто искали работу и знали, что нужно кочевать, чтобы находить ее. Раннимъ лѣтомъ они работали въ Тексасѣ, а потомъ подвигались на сѣверъ, сообразуясь со временемъ жатвы въ разныхъ мѣстахъ, и доходя такъ до Манитобы; а на зиму уходили въ города, живя тамъ на сбереженія и перебиваясь случайной работой, нагрузкой и разгрузкой кораблей, чисткой дорогъ отъ снѣга.

Въ концѣ іюля Юргисъ попалъ въ Миссури. Тамъ началась жатва, которую готовили упорной работой нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и которая могла вся погибнуть, если не достать достаточно рабочихъ рукъ на двѣ недѣли. Тамъ поэтому страшно нуждались въ рабочихъ, сзывали ихъ отовсюду, разсылали агентовъ, привозили почти насильно цѣлыя партіи рабочихъ въ повозкахъ и поѣздахъ. Имъ всѣмъ отлично платили,—но туда неохотно ѣздили на работу, такъ какъ въ это время свирѣпствовали страшныя лихорадки.

Юргисъ присоединился къ партіи жнецовъ и проработалъ двѣ недѣли по восемнадцати часовъ въ сутки. За это онъ получалъ такую сумму денегъ, которая въ прежнее время показалась бы ему цѣлымъ состояніемъ. Но теперь онъ не зналъ, что дѣлать съ деньгами. О банкахъ и кредитивахъ онъ, конечно, понятія не имѣлъ, держать при себѣ деньги было опасно—его ограбили бы гдѣ-нибудь на дорогѣ,—и потому единственное, что ему оставалось—это пользоваться деньгами, пока онѣ имѣлись. Въ субботу послѣ работы онъ отправился въ городъ съ товарищами, и такъ какъ былъ дождь, и имъ некуда было дѣваться въ другое мѣсто, то они отправились въ кабакъ. Тамъ сначала его угостили, потомъ онъ угостилъ другихъ, и пошло веселье, хохотъ, пѣсни—и попойка. Изъ слѣдующей комнаты ему улыбнулось лицо молодой дѣвушки. Онъ кивнулъ ей, она подошла къ нему, они вмѣстѣ выпили, потомъ онъ пошелъ къ ней,—потомъ начался общій кутежъ.

На слѣдующее утро у Юргиса не было ни гроша, и онъ опять пошелъ бродить. Ему было тяжело на душѣ, и досадно, кромѣ того, что онъ такъ глупо спустилъ деньги. Онъ утѣшался

только тѣмъ, что это ему послужить урокомъ на будущее, и что онъ больше такъ глупо не попадется. Онъ пошелъ быстро, и подъ влияніемъ ходьбы на свѣжемъ воздухѣ стала проходить мучившая его головная боль и поднялось настроеніе духа. Юргисъ не походилъ на другихъ своихъ товарищей-бродягъ, для которыхъ кутежъ былъ потребностью. Ихъ тянуло отъ времени до времени въ городъ. Юргисъ, напротивъ того, страдалъ теперь отъ сознанія безобразно проведенной ночи, и долго не могъ успокоить свою совѣсть.

Разъ вечеромъ его настигла по дорогѣ гроза, и онъ зашелъ въ маленькій домикъ на городской окраинѣ, проси позволенія переждать тамъ грозу. Оказалось, что хозяинъ домика бѣлорусъ, недавно только переселившійся въ Америку. Они разговаривали на родномъ языкѣ, и хозяинъ пригласилъ Юргиса поужинать съ нимъ и его семьей и остаться у нихъ переночевать. Юргисъ обогрѣлся, они поуживали и стали разговаривать о родинѣ, а потомъ объ Америкѣ и условіяхъ американской жизни. Въ это время жена хозяина принесла своего младшаго ребенка, приготовила ему ванну и стала его купать. Юргисъ пересталъ слушать своего земляка и глядѣлъ, не отводя глазъ отъ ребенка, который весело смѣялся. Лепетъ ребенка слишкомъ живо напомнилъ Юргису его маленькаго Антона, и онъ въ концѣ концовъ не могъ выдержать этого. Закрывъ лицо руками, онъ глухо зарыдалъ, въ изумленію и ужасу своихъ хозяевъ. Потомъ ему стало стыдно; онъ всталъ и быстро убѣжалъ, не попрощавшись.

Онъ пошелъ по дорогѣ, дошелъ до темнаго лѣса на пути, сѣлъ тамъ на землю и сталъ горько рыдать. Какой ужасъ, какое отчаяніе, когда раскрывались могилы воспоминаній и оттуда поднимались призраки его прежней жизни, чтобы терзать его! Какой ужасъ, что онъ никогда не будетъ такимъ, какимъ былъ прежде! Ему казалось, что Она, и его ребенокъ, и его прежнее „я“, простираютъ въ нему руки со дна пропасти,—но онъ чувствуетъ съ безграничнымъ ужасомъ, что все свѣтлое ушло, и что ему суждено задыхаться и сознавать свое паденіе.

Съ англ. З. В.

МЕРТВАЯ ПРАВДА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Жизнь въ Заоскольѣ измѣнилась.

Внѣшній обликъ города, правда, остался такой же, какъ и прежде: присутственныя мѣста открывались и закрывались, какъ и всегда, въ тѣ же опредѣленные часы; начальствующіе и подчиненные по старому выслушивали и дѣлали доклады; магазины торговали; театры разыгрывали драмы, комедіи и давали оперы; церкви благовѣстили; врачи ѣздили по больнымъ; заоскольцы разгуливали отъ трехъ до пяти часовъ по главному проспекту, поглядывая на катающихся модницъ; газетчики продавали губернский листокъ; заводы усиленно дымили...

Поверхностный наблюдатель, разумѣется, ни въ одномъ изъ этихъ явленій не замѣтилъ бы отступленія отъ обычнаго, заведеннаго годами обихода; но на самомъ дѣлѣ осталась неприкосновенной только наружная форма. Люди словно переродились: жили попрежнему, но мыслили какъ будто по иному.

Въ служебныхъ докладахъ уже не замѣчалось увѣренности; чиновники сидѣли за своими столами съ какой-то застѣнчивой напряженностью, какъ бы въ ожиданіи чего-то; торговцамъ плохо удавалось соблазнять покупателей заманчивыми выкриками; театры чаще пустовали; при церковномъ благовѣстѣ нервно вздрагивали впечатлительныя сердца, точно при звукѣ набата, и затѣмъ тотчасъ же уныло впадали въ сонливость; врачи, при осмотрѣ больныхъ, проявляли еще болѣшую поспѣшность, чѣмъ раньше, и все куда-то торопились; заоскольцы фланировали по главному

проспекту по привычѣ, какъ заведенныя куклы, витая мыслями въ совершенно другомъ мѣстѣ, и не увлекались модницами, которыя даже перестали рядиться и съ каждымъ днемъ все чаще и чаще измѣняли экипажу и ходили пѣшкомъ въ рядахъ сѣрой толпы; газетчики продавали губернской листокъ съ такимъ видомъ, что временами казалось, будто это — больничные бюллетени, свидѣтельствующіе о томъ, что въ городѣ лежитъ тяжкій больной, котораго боятся потревожить, такъ какъ онъ каждую минуту долженъ умереть; наконецъ, фабрики и заводы, хотя и дѣйствовали безъ всякой видимой перемѣны, тѣмъ не менѣе внутренній міръ обитателей этого гигантскаго машиннаго царства — рабочихъ — сталъ совсѣмъ другой, непохожій на прежній, — окрылился, обособился, сплотился и началъ громче и громче подавать убѣжденный голосъ въ защиту своихъ общечеловѣческихъ правъ.

Шерстобитовъ пришелъ домой въ обѣду съ сильнымъ запозданіемъ и, второпяхъ сбросивъ драповое пальто, изрядно-таки поношенное, „подбитое вѣтромъ“ (по собственному его опредѣленію), направился прямо въ столовую, небольшую низкую комнату, гдѣ уже сидѣла пятилѣтняя дочь, Варя, и молодая жена съ блѣднымъ грустнымъ лицомъ, свойственнымъ хрупкимъ, болѣзненнымъ натурамъ.

— Что-нибудь случилось? — спросила она, останавливая на мужѣ испуганные глаза, и вся насторожилась, заранѣе ожидая услышать непріятность.

Онъ сердито махнулъ рукой, но сейчасъ же смягчилъ невольно вырвавшійся жестъ тусклою, дѣланной улыбкой.

— Разную чепуху говорить... А давай-ка... что тамъ — разсольникъ, что-ли?.. Надо, вѣдь, опять спѣшить... Запоздалъ я съ этими разговорщиками.

Когда онъ ѣлъ, съ аппетитомъ проглатывая ложку за ложкой, его тонкія брови оставались сдвинутыми и на лбу лежала хмурая морщинка, — отраженіе внутренней досады и отчасти тревоги.

Людмила Николаевна не сводила съ него сосредоточеннаго взгляда, и онъ чувствовалъ это и сознавалъ, что необходимо объясниться.

— Роджерсъ хочетъ закрыть заводъ... Сказалъ — невыгодно. Заказы уменьшились... Если уступить требованіямъ рабочихъ — еще меньше придется получать; ну, онъ и не согласенъ: — бьетъ по карману. Собирается уѣхать въ Англію.

Шерстобитовъ говорилъ тихо, отчетливо, съ легкой дрожью

въ голосѣ и упорно слѣдилъ за движеніемъ маятника большихъ круглыхъ часовъ, висѣвшихъ на противоположной стѣнѣ.

— Заводъ закроетъ, значитъ и намъ — крышка. Пока найдешь мѣсто, — съ голоду пропасть можно. „Доки солнце зійде — роса очи выистъ“. Такъ-то, Федя!

Шерстобитовъ покачалъ головой, притворяясь изумленнымъ.

— Ты опять волнуешься по пустякамъ. Не жалѣешь себя. Нехорошо. Еще ничего нѣтъ, одни предположенія, а ты — сама не своя... и слезы на глазахъ. Какая нервная, просто бѣда! Полно, милуша!.. Не стѣдить... Однако мнѣ пора!.. Чтѣ на сладкое?.. Все?.. Ну, и ладно. Неужели свѣтъ клиномъ сошелся и, кромѣ какъ у англичанина, негдѣ пристроиться? Пустое!

Варя обѣдала молча.

Она понимала, когда можно разговаривать и когда нельзя. Папа — сердитый, значитъ нельзя, а любопытство подымало вопросъ за вопросомъ. Варя вообще любила спрашивать рѣшительно обо всемъ и подчасъ ставила втупикъ отца и мать.

Она и теперь уловила удобную минуту, когда папа гладилъ маму по головѣ и успокаивалъ.

— Папа, ты любишь дѣтокъ?

Тотъ разсмѣялся, хотя, можетъ быть, и уловилъ въ этомъ вопросѣ ребенка косвенный укоръ своимъ частымъ отлучкамъ изъ дому и подчасъ невольной холодности къ маленькому существу, привыкшему къ материнской ласкѣ.

— Конечно, люблю.

— У тебя есть дѣтки? — продолжались расспросы.

— Ты же — моя дѣтка.

— А еще есть?

— Больше нѣтъ. Ты одна. Бѣдовая! Съ ней только заговори, — и онъ потрепалъ ее по щекѣ и чуть-чуть потянулъ за шелковистую прядь темныхъ кудрей, непослушно рассыпавшихся въ разныя стороны.

Этотъ беспорядокъ шелъ къ ея миловидному наивному личику съ прозрачной кожей, особенно на вискахъ, гдѣ просвѣчивали сивія жилки.

„Слабенькая она у меня... въ мать“, — подумалъ отецъ, заглядывая въ ея каріе глаза, и вздохнулъ, но тутъ же заторопился, сталъ одѣваться и отправился на заводъ.

До восьми часовъ вечера онъ не принадлежалъ себѣ.

Шерстобитовъ служилъ кассиромъ на машиностроительномъ заводѣ Роджерса.

Квартира Шерстобитовыхъ была въ первомъ этажѣ и выходила на шумную улицу.

Людмила Николаевна любила сидѣть у окна и смотрѣть на нее подолгу, часами...

Своимъ безмолвнымъ наблюденіемъ она какъ бы духовно сливалась съ ней, проникалась всѣми оттѣнками ея измѣняемыхъ настроеній, участвовала въ ея жизни.

Это развлекало молодую женщину въ минуты одиночества, такъ какъ мужъ большую часть дня отсутствовалъ.

Иногда (бывали такіе случаи) ее охватывалъ какой-то необъяснимый, безотчетный, гнетущій страхъ, острая боязнь чего-то, въ особенности по вечерамъ. Малѣйшій шорохъ заставлялъ ее тогда вздрагивать и оглядываться. Но стоило ей прислониться лбомъ къ холодному оконному стеклу, и нервы понемногу успокаивались, становилось легче...

Она смотритъ на улицу.

Вонъ, въ сторонѣ, наискось, уже горитъ громадный круглый электрическій фонарь, матовый, съ красноватымъ отливомъ, висящій у дверей кафе-шантана.

Начинаетъ съѣзжаться публика. Мелькаютъ извозчики и пролетки и коляски собственниковъ.

Въ призывномъ свѣтѣ яркаго фонаря таятъ что-то заманчивое, дразнящее, и Людмилу Николаевну тянетъ туда... Впрочемъ, это лишь на короткое время... Уже ее занимаетъ освѣщенная широкая стеклянная дверь „Центрального магазина“, уютно расположившагося возлѣ веселаго угла.

Владѣлецъ торговаго дома сумѣлъ удачно сочетать всѣ отрасли товаровъ, начиная съ мясныхъ и рыбныхъ и кончая фруктами, винами и „деликатесами“. Мясныя туши, украшенныя гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ, дорогіе сорта грушъ и яблокъ, ананасы, ящики съ персиками, колоссальныя балыки и разукрашенные окорока и колбасы, словно для пасхальнаго стола, паштеты и всяческая дичь, — чего только здѣсь не было!.. Людмила Николаевна не можетъ разглядѣть этихъ яствъ, но отлично знаетъ, что они, какъ всегда, выставлены въ длинномъ рядѣ оконъ и наполняютъ горечью сердце хозяина бакалейной лавки, расположенной напротивъ „Центрального магазина“. Бакалейщикъ не въ состояніи затмить своего соперника и медленно переживаетъ дни былыхъ успѣховъ, съ негодованіемъ слѣдя за прежними покупателями, равнодушно проходящими мимо его скромной выставки...

А тамъ, далеко, горитъ огнями заводъ Роджерса, и на тем-

номъ сводѣ неба его стрѣльчатый фасадъ кажется средневѣковымъ готическимъ замкомъ. Изъ трубъ по временамъ вылетаютъ снопы искръ съ розоватымъ дымомъ. Вдругъ огни гаснутъ... работа окончена... Скоро придетъ Шерстобитовъ, и Людмила Николаевна высматриваетъ, какъ сейчасъ изъ бокового переулка замелькаютъ тѣни рабочихъ, быстрыхъ, порывистыхъ, ведущихъ нескончаемые горячіе споры...

При видѣ этой движущейся толпы, у нея постоянно сжималось сердце и являлась какая-то непонятная жуть и хотѣлось бѣжать...

„А вотъ и Одея!“ — радостно думаетъ она про себя, замѣчая плотную фигуру мужа, и улыбается собственнымъ мыслямъ. Страхъ такъ же внезапно исчезъ, какъ и пришелъ.

Людмила Николаевна уже суетится въ столовой, приготовляясь къ ужину.

Такъ проходилъ почти каждый день.

Временами Шерстобитовы отправлялись въ гости или въ театръ, рѣдко принимали кого-нибудь; Людмила Николаевна больше просиживала дома, а Оедоръ Кузьмичъ пытался поймать счастье у зеленого стола, ловилъ его, но оно упорно не давалось въ руки... Отсюда — постоянное сношеніе съ ломбардами и вѣчное безденежье, омрачавшее ихъ супружескую жизнь.

Одинъ разъ Шерстобитовъ вернулся домой поздней ночью нетрезвый.

Съ Людмилой Николаевной сдѣлался сердечный припадокъ.

Оедоръ Кузьмичъ далъ себѣ слово сдерживаться. Болѣзнь жены сильно на него повліяла, и онъ сталъ задумчивъ, даже сократилъ посѣщеніе клуба.

Въ общемъ онъ былъ не злой и не испорченный, но въ душѣ носилъ опасные зачатки типичнаго русскаго „никчемника“, неспособнаго ни на какой серьезный шагъ безъ посторонняго вліянія.

Какъ разъ въ это время проявилось движеніе на заводѣ Роджерса. Шерстобитовъ совсѣмъ растерялся, точно захваченный врасплохъ.

Новая струя жизни выбила его изъ колен. Налетѣвшій бурный порывъ распаталъ старые устои. Проснулось долго дремавшее самосознаніе.

Жизнь въ Заоскольѣ измѣнилась...

II.

Англичанину не сидѣлось въ уютномъ кабинетѣ.

Рослый и тучный, съ хитро подмигивающими, заплаканными глазами, коротко обстриженный, со свѣтлыми усами, безпорядочно торчащими вверхъ и внизъ, Роджерсъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ маленькими шагами, затѣмъ останавливался, прислушивался и опять начиналъ бѣгать. Его крохотный ротъ, кажущійся еще меньше отъ широко нависшихъ складками щекъ, шевелился, словно повторяя урокъ. Въ широкое окно съ зеркальными стеклами глядѣло хмурое сентябрьское небо. Моросилъ дождь, и слышно было, какъ съ промежутками, изрѣдка падали за окномъ и ударялись о желѣзо мелкія дождевыя капли. Роджерсъ всякій разъ тогда судорожно поводилъ плечомъ. Это его, видимо, раздражало. Наконецъ онъ пересталъ шевелить ротомъ, подошелъ къ столу, — мраморному, съ инкрустаціями, и залпомъ выпилъ давно уже налитый стаканъ краснаго вина, потомъ сѣлъ въ любимое кресло-качалку и задумался у пылавшаго камина.

Капиталистъ-заводчикъ былъ очень высокаго мнѣнія о своемъ ораторскомъ искусствѣ. Привыкши говорить юмористическіе спичи на обѣдахъ пріятелей-компатріотовъ, гдѣ слылъ за веселаго забавника, особенно среди дамъ, онъ не сомнѣвался, что и сегодня сумѣетъ покорить сердца рабочихъ, которыхъ созвалъ для окончательныхъ переговоровъ въ заводскій залъ нарочно въ воскресенье, чтобы придать бесѣдѣ болѣе важности и дѣловитости.

Когда домашній телефонъ извѣстилъ его короткимъ, рѣзкимъ звонкомъ о прибытіи рабочихъ, Роджерсъ, не спѣша, выпилъ еще стаканъ вина и, закуривъ сигару, отправился съ самоувереннымъ достоинствомъ черезъ рядъ комнатъ, затѣмъ спустился по винтовой лѣстницѣ и вышелъ во дворъ, въ глубинѣ котораго стоялъ заводъ.

Котелокъ, небрежно сдвинутый на затылокъ, и пальто, вскинутое на плечи, придавали ему видъ счастливаго беззаботнаго хозяина, обзрѣвающего въ минуту отдыха свои владѣнья. Попутно онъ останавливалъ то дворника, то сторожа и разспрашивалъ ихъ о постороннихъ вещахъ.

Залъ уже волновался и кишѣлъ, какъ муравейникъ. Раздавались протестующіе голоса:

— Разжирѣлъ... Артачится... Самъ же созвалъ, а мы—жди. Мы ему покажемъ!..

Шерстобитовъ ходилъ по группамъ и уговаривалъ успокоиться, ловя подчасъ молчаливые испытующіе взоры, какъ бы говорящіе: „да ты-то кто будешь?..“—и ему становилось неловко.

Быстро вошелъ Роджерсъ, съ сигарой въ зубахъ, и, кивнувъ головой, не снимая котелка, хотѣлъ сразу удариться въ краснорѣчіе, но его опытный взглядъ легко подмѣтилъ настроенье собравшихся (съ нимъ не поздоровались), и англичанинъ мигомъ измѣнился въ обращеніи.

— Привѣтъ гражданамъ!—громко отчеканилъ онъ хриплымъ голосомъ, старательно выговаривая каждую букву, чтобы замаскировать иностранный акцентъ, хотя это и не вполне ему удавалось, и замахалъ шляпой, потомъ протянулъ руку Шерстобитову и еще двумъ-тремъ изъ главныхъ, стоявшихъ вблизи, и остался съ непокрытой головой, стараясь какъ бы подчеркнуть свое уваженіе къ собранью.

Этого онъ никогда прежде не дѣлалъ, и кто-то крикнулъ было „ура!“, но другіе зашикали и опять воцарилось давящее, гробовое молчанье, которое съ самаго начала такъ поразило англичанина неожиданностью.

— Я собралъ васъ, господа, по очень важному дѣлу... Мой машиностроительный заводъ, директоромъ-распорядителемъ коего я состою,—моя вторая жизнь... И вы знаете, что я всегда принимаю близко къ сердцу все то, что касается завода, а слѣдовательно, и васъ, господа... Почтенный господинъ Шерстобитовъ излагалъ мнѣ ваши нужды, и я старался, по возможности, ихъ устранить...

— Это такъ, это точно,—послышалось въ первыхъ рядахъ.

— Тс... не перебивать!—долетѣлъ изъ другого конца зала сердитый властный окрикъ, покрывшій всѣ голоса.

Роджерсъ терялъ нить и волновался, чего раньше никогда въ себѣ не замѣчалъ, и хотѣлъ подбодриться шуткой.

— Не я ли завелъ, господа, для каждаго изъ васъ вѣшалки для платья, глицериновое мыло, гребенки и полотенца, чтобы вы могли, закончивъ работы...

Ему не дали продолжать рѣчь.

Поднялся шумъ; кто-то свистнулъ.

— Товарищи, онъ потѣшается надъ нами! Пускай говоритъ дѣло, или мы уйдемъ по домамъ! — опять покрылъ голоса все тотъ же властный призывъ.

— Bravo, Носковъ, bravo!.. Пускай его говоритъ дѣло, или

мы по домамъ пойдемъ,—загудѣли рабочіе, точно надвигающіяся волны морского прибоя.

— Господинъ Роджерсъ!—громко заявилъ Носковъ, пробиваясь сквозь толпу и выступая впередъ:—мы не желаемъ никого просить и никому кланяться. Наше отчаянное положеніе на виду у всѣхъ. Зачѣмъ вы пригласили насъ? Чтобы издѣваться?

Низкорослый, тщедушный, со впалой грудью и быстро бѣгающими острыми глазами, онъ обладалъ поразительнымъ умѣньемъ зажигать или успокаивать товарищей, и вообще удивительно понималъ душу толпы. Всегда въ красной рубашкѣ, надѣтой на выпускъ подъ кѣйчатый сѣрый пиджакомъ, онъ руководилъ обыкновенно всѣми собраньями Роджерскихъ рабочихъ и пользовался у нихъ неограниченнымъ довѣріемъ.

Англичанинъ посмотрѣлъ на Шерстобитова, словно нища у своего помощника поддержки, но, видя его смущеніе, подошелъ къ Носкову и слегка хлопнулъ его по плечу, все еще не разставаясь съ слабо дымившимся окуркомъ сигары, которой почти не выпускалъ изъ рта.

— Вы не такъ меня повали. Я не хочу никакихъ благодарностей за свои заботы...

— Еще бы!

— Ну да, никакихъ!.. Дайте же мнѣ договорить, господа. Я созвалъ васъ не затѣмъ, чтобы сводить съ вами личные счеты... Я, господа, долго думалъ, толковалъ съ коллегами, сносился съ ними по телеграфу и телефону, высчитывалъ, умножалъ и дѣлилъ... Въ результатъ — минусъ, минусъ и я почти банкротъ. Съ работами тише и тише, заказовъ все меньше и меньше... Восьмичасовой рабочей день для меня—зарѣзъ. Или десять часовъ, какъ теперь, или я закрываю заводъ и ѣду изъ Россіи, гдѣ прожилъ двадцать-пять лѣтъ... Двадцать-пять лѣтъ!..

Онъ ожидалъ сочувствія и вопросительно оглядывалъ лица рабочихъ,—блѣдныя, возбужденныя, встревоженныя.

Носковъ уже стоялъ къ нему влоборота и саркастическая усмѣшка скользила по его тонкимъ, запекшимся губамъ. Подбоченясь, онъ судорожно перебиралъ пальцами кавказскій поясъ и бросалъ въ толпу сверкающій взглядъ, въ которомъ загоралось что-то похожее на ненависть.

— Ну, что же, товарищи, какъ? — спросилъ онъ, вызывая ихъ на отвѣтъ и умышленно растягивая слова, точно играя ими.

Но всѣ были подавлены и молчали. Какое-то облако, неизвѣстно откуда налетѣвшее, на минуту какъ будто отдѣлило ихъ отъ Носкова, и боязнь близкой голодовки, лишеній, безра-

ботицы разбудила дремавшія гдѣ-то далеко, въ глубинѣ, грубые животные инстинкты и вызвала смуту.

Молодежь колебалась, но старики перевѣсили.

— Развѣ можно безъ работы! Опилки, что-ли, ѣсть?А?

— Безъ завода — смерть. Нѣшто заводъ можно закрывать! Бога побойся-то! Англичанину нипочемъ, а намъ каково будетъ! Смекай! То-то и оно!

Роджерсъ уже торжествовалъ, и его потныя жирныя щеки расплывались мало-по-малу въ плотоядную улыбку блаженства. Глаза совсѣмъ сузились. Оставались однѣ свѣтящіяся щеки. Ротъ опять начиналъ беззвучно шевелиться, словно пережевывая вкусную пищу.

И Носковъ тоже не падалъ духомъ.

Эти два контраста человѣческой природы — неподвижно-чувственное и стихійно-волевое — были безконечно чужды другъ другу. Они оба ждали, предоставляя бушующему валу прихлынуть и отойти, роняя на берегу остатки воздушной пѣны.

Уловивъ мигъ, когда острота впечатлѣнія миновала, англичанинъ обвелъ море головъ дружелюбнымъ маслянымъ взоромъ самодовольнаго шенипера, искося, однако, наблюдая и за Носковымъ.

„Буря улеглась,—подумалъ онъ: — а мертвая зыбь мнѣ не страшна!“

— Итакъ, граждане,—уже совсѣмъ повеселѣвшимъ, слегка покровительственнымъ тономъ замѣтилъ Роджерсъ:—мы—друзья, идемъ на мировую, и вы отказываетесь отъ вашего категорическаго предложенія?.. Вы не допустите закрытія и гибели завода? Мы будемъ работать рука объ руку?.. Оставьте притязанья, внушенные вамъ злонамѣренными людьми...

— Не правда ли, товарищи,—вмѣшался тутъ Носковъ, не давъ имъ отвѣчать и перебивая Роджерса, и голосъ его зазвенѣлъ, какъ металлъ, глаза пылали насмѣшливымъ огнемъ и щеки покрылись пунцовыми пятнами: — вы ото всего отречетесь, что мы постепенно съ такими усиліями завоевывали,—и отъ увеличенія заработной платы, и отъ обезпеченія насъ на случай болѣзни, и отъ хозяйскаго общанія не увольнять кого-нибудь изъ насъ безъ согласія товарищей? Отречетесь, можетъ быть, и отъ той клятвы, которую вы мнѣ давали передъ образомъ,—быть заодно и бороться до конца, до послѣдней капли крови?.. Такъ, что-ли, я говорю?

— Не отречемся! Заодно!.. заодно! Куда ты, туда и мы!—провнеся гулъ сотенъ голосовъ, и къ потолку полетѣли шапки:—Ура! „Вставай, подымайся, рабочій народъ“...

Носковъ нетерпѣливо махнулъ рукой, и пѣсня прекратилась.

— Закрѣть заводъ — развѣ это не издѣвательство? Сколько семей будетъ обречено на вѣрную голодовку!.. безбожно! Голодомъ хотѣтъ смирить насъ. Но пускай же знаютъ эти паразиты, — и онъ показалъ въ сторону Роджерса, уже совершенно потерявшаго недавнюю самоувѣренную осанку, позеленѣвшаго отъ злости и о чемъ-то думавшаго съ презрительно опущенными углами рта: — пускай понимаютъ, что голодный врагъ (а мы уже почти враги) опаснѣе врага сытаго! Фабриканты и заводчики насъ притѣсняютъ; черезъ насъ они нажили деньги, а мы разстраиваемъ свое здоровье, отдаемъ имъ всю свою жизнь, — и что же? Они отказываютъ намъ въ нашемъ законномъ и справедливомъ требованіи... Мы для нихъ — не больше, какъ было, рабы, и они, безъ разговора, взваливаютъ намъ на плечи непосильный трудъ... Нѣтъ, довольно, товарищи! Мы — нищіе, и они станутъ нищими, если оттолкнуть насъ. Такъ что же, товарищи, — восьмичасовой, значитъ, рабочій день и ни минуты больше?.. Вѣдь мы же не бараны!..

— Восьмичасовой! — протянула толпа.

— Вы, стало, отказываетесь отъ предложенія господина Роджерса?

— Отказываемся!..

— У каждаго изъ насъ должна быть на рукахъ расчетная книжка съ обозначеніемъ условленной платы и сдѣланной работы? Такъ или нѣтъ, товарищи?

— Такъ, — такъ! Обязательно должна быть!.. Во всемъ съ тобою согласны.

— Директору дать срокъ для обдумыванія.

— Пускай его думаетъ! Авось и надумаетъ.

Носковъ съ сіяющимъ видомъ побѣдителя кивнулъ имъ въ знакъ согласія, точно все исходило не отъ него, а отъ самихъ рабочихъ, и затѣмъ сталъ передъ Роджерсомъ и, не моргнувъ, посмотрѣлъ на него въ упоръ.

— Завтра — праздникъ, а послѣ-завтра никто не станетъ на работу. Утромъ, во-вторникъ, пришлемъ къ вамъ депутатовъ изъ насъ за окончательнымъ отвѣтомъ. Счастливо оставаться!.. За мной, товарищи!.. Потихоньку, безъ шума... — и всѣ двинулись за Носковымъ, торжественные, сосредоточенные, молчаливые...

Роджерсъ съ удивленіемъ и желчью поглядѣлъ имъ вслѣдъ. Шерстобитовъ съ трясущеюся нижнею челюстью приблизился къ нему.

— Если вы не уступите, мистеръ Роджерсъ, — можно ожидать серьезныхъ осложнений.

Англичанинъ не далъ ему никакого отвѣта, кажется, даже не разслышалъ его.

— Чтобъ ихъ чортъ подралъ! — выругался онъ себѣ подъ носъ и, погрозивъ кулакомъ въ пространство, сердито засѣмилъ ногами и вышелъ изъ зала.

Онъ запыхался, еле дышалъ и спѣшилъ на свѣжій воздухъ.

Шерстобитовъ, молча, слѣдовалъ за своимъ патрономъ и трусливо озирался, опасаясь, не слѣдуетъ ли за нимъ кто-нибудь изъ рабочихъ.

Но ихъ уже не было видно. Голоса тоже затихли.

Словно все умерло или уснуло. Только дождь продолжалъ назойливо моросить.

„Заварили кашу“, — подумалъ Шерстобитовъ и, замедливъ шаги, не пошелъ за Роджерсомъ, а свернулъ влѣво и отправился домой.

„Пускай-ка самъ расхлебываетъ!.. Съ нимъ еще въ грязную исторію попадешь... Стоить ли жертвовать собственной шеей?.. Изъ-за чего, спрашивается?.. Гм... гм... дѣла!..“

Онъ шелъ да шелъ по мокрому, длинному переулку; при поворотѣ на свою улицу машинально поднялъ глаза, узналъ жену..

Она, по обыкновенію, прислонившись къ окну, съ болѣзненнымъ любопытствомъ всматривалась въ уличную жизнь и даже, вѣроятно, еще не замѣчала его.

„Скучаетъ... Я — плохой мужъ!..“

Онъ снялъ шляпу, несмотря на дождь, и, улыбаясь, долго кланялся, пока, наконецъ, Людмила Николаевна не погрозила ему пальцемъ. Потомъ сейчасъ же выглянула и кудрявая головка Вари.

„Чего онъ сидятъ дома?.. Прогулялись бы...“

Небо плакало беззвучными, унылыми осенними слезами...

III.

Случай на Роджерскомъ заводѣ немедленно сталъ достояніемъ городскихъ сплетенъ, которыя выросли и покатались съ быстротой снѣжной лавины.

Къ вечеру, когда „цвѣтъ“ мѣстнаго общества долженъ былъ украсить раутъ высокопоставленнаго именинника, управляющаго

конторой государственнаго банка, Зырянова, жившаго на широкую аристократическую ногу съ тѣхъ поръ, какъ женился на графинѣ Заблудной,—вѣроятно, уже нельзя было бы найти ни одного заоскольца, не успѣвшаго ознакомиться (конечно, въ превратномъ свѣтѣ) съ подробностями заводскаго „бунта“.

25 сентября,—день Сергія Радонежскаго,—ежегодно праздновался Зыряновымъ, и всѣ охотно посѣщали его домъ, вполне увѣренные, что найдутъ хорошее угощеніе и, главное, встрѣтятся съ начальникомъ губерніи.

На этотъ разъ они тоже не ошиблись въ ожиданьяхъ.

Кулинарное искусство держалось на обычной высотѣ. Дальше некуда было идти. Хозяинъ словно хотѣлъ поразить гостей удивительной изобрѣтательностью.

Губернаторъ тоже поддержалъ блескъ вечера своимъ присутствіемъ. Онъ былъ какъ-то особенно любезенъ и снисходителенъ, но многіе замѣтили странность: на его лицѣ, обыкновенно румяномъ и здоровомъ, съ вѣчно застывшей стереотипной улыбкой, даже въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ или слушалъ о чемъ-нибудь печальномъ,—теперь лежалъ отпечатокъ какой-то загадочности и, пожалуй, плохо скрываемаго недоумѣнія по поводу чего-то. Казалось, онъ держалъ невидимыя нити, но не рѣшался отпустить ихъ или затянуть,—словомъ, былъ въ раздумьи.

Естественно, послѣ дипломатическихъ отступленій заговорили о рабочихъ.

Губернаторъ пожалъ плечами и неохотно процѣдилъ сквозь зубы хриповатымъ генеральскимъ басомъ:

— Уходя изъ своего кабинета, я стараюсь не думать ни о чемъ непріятномъ. Разъ я тутъ, у Сергія Константиновича,—стало быть, господа, государство пока не въ опасности, хе-хе-хе! Не такъ ли?

Губернаторскую фразу сейчасъ же начали толковать на всѣ лады.

— Нѣтъ, вы послушайте только, Петръ Петровичъ,—горячился кругленькій, толстенный уѣздный предводитель дворянства, обращаясь въ мировому судѣ и въ то же время смотря издали на губернатора, чтобы привлечь его вниманіе: —Минуту терпѣнья! „Я стараюсь не думать ни о чемъ непріятномъ...“ Очевидно,—есть непріятности! Затѣмъ далѣе: „разъ я тутъ, — государство пока не въ опасности...“ *Пока!*.. Пока—это уже угроза. Наконецъ, черезъ полчаса, примѣрно, его превосходительство соизволилъ уѣхать, и вотъ вамъ угроза сбывается... Непріятель осаждаетъ...

Мировой судья, массивный мужчина, подавлявший старообразного предводителя громадным ростомъ, философъ по натурѣ, сперва не хотѣлъ возражать по существу, хотя и не соглашался съ нимъ („Не стоитъ“, подумалъ онъ), однако не выдержалъ и промывчалъ послѣ минутнаго перерыва:

— Вы, какъ всегда, увлекаетесь. Его превосходительство, положимъ, дѣйствительно уѣдетъ домой (не здѣсь же ему ночевать!)... да-съ... сядетъ въ будуарѣ у супруги и примется за чтеніе французскаго романа, а вы этимъ временемъ уже готовы будете объявить свой уѣздъ на военномъ положеніи... Не годится!.. Согласитесь, въ вашемъ толкованіи есть логическая проскачка... да-съ...

Предводитель остался, видимо, недоволенъ отвѣдью и поспѣшилъ юркнуть въ сторону.

Зырянова, или графиня, какъ ее принято было называть въ Заосколѣ, поддерживала тихій разговоръ въ другой гостиной, уютно освѣщенной электрическими лампочками, скрываемыми мягкими затѣйливыми абажурами, въ видѣ бабочекъ, цвѣтовъ и разныхъ фигурныхъ изображеній. Изъ угла смотрѣли зеленые фосфорическіе зрачки кошки; у окна, среди вьющихся по трельяжу растений, выглядывалъ силуэтъ совы съ такими же сверкающими глазами.

Хозяйка говорила сдержанно, не возвышая голоса, взвѣшивая каждое слово; если смѣялась, то едва открывая ротъ, старательно пряча золотой зубъ.

— Я уловлю секунду спросить Сержа. Онъ что-то знаетъ, но молчитъ. Разумѣется, мы въ гнѣздѣ враголы. Виѣстѣ съ ростомъ ея численности, растетъ и самоувѣренность ея участниковъ. О, еслибы мой мужъ былъ здѣшнимъ губернаторомъ! Конечно, я рада, что его миновала чаша сія въ такую трудную эпоху,—спохватилась она.—Впрочемъ, Заосколье издавна славится бунтарями... Я не удивлюсь, если они придутъ въ какой-нибудь прескверный день, вродѣ нынѣшняго, и потребуютъ мои фамиліные брильянты. Та же приблизительно исторія и съ мистеромъ Роджерсомъ. Экономическія требованія тутъ ни при чемъ—одна ловкая приправа. Я хорошо знаю англичанина. Онъ человѣкъ энергіи, личнаго труда и просвѣщеннаго взгляда. Онъ сынъ свободной, конституціонной Англіи (конституціонной въ лучшемъ значеніи этого слова!) и не позволитъ надъ собой никакой грубой диктатуры. Ему угрожаютъ „браунингомъ“ и финскими ножами. Повѣрьте, тутъ одинъ выходъ—временно отступить и предоставить дѣйствовать другимъ. Вѣдь, правда? Несомнѣнно, мятежъ охватитъ и прочіе заводы. Надо дѣйствовать!

Ближайшая изъ слушательницъ заволновалась и нервно то складывала, то разбрасывала вѣеръ, то ударила имъ по мягкой подушкѣ дивана, не рѣшаясь заговорить. Ея пышная грудь высоко поднималась подъ легкимъ тюлевымъ корсажемъ, изъ-подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ сверкала негодующій взоръ. Она нѣсколько разъ собиралась отвѣчать Зыряновой, но холодныя слова графини, ея сухой голосъ, безжизненная интонація, каменное выраженіе лица, предвзятая мысли, подсказанныя не сердцемъ, а какими-то посторонними соображеніями, наконецъ необыкновенная авторитетность сужденій задерживали молодой порывъ, какъ въ тискахъ, и она, молча, выжидала заключительнаго вывода. Вопросъ, такъ смѣло поставленный Зыряновой, окончательно взорвалъ ее, и она вдругъ почувствовала, что блѣднѣетъ и не въ силахъ больше совладать съ собою.

— Какая же это правда! Побойтесь Бога, Юлія Львовна!.. Настоящая, святая правда давнымъ-давно лежитъ мертвой, ждетъ своего сказочнаго богатыря-воскресителя, а неправда волею по бѣлу свѣту рыщетъ и подбирается къ ней, помѣшавъ хотѣть ея воскресенію,—громко отчеканила Струцъ (жена профессора), и гостиная сразу точно проснувшись послѣ той гнетущей, обременительной тишины, въ какой она пребывала подъ монотонную проповѣдь хозяйки:—я ближе васъ стою къ рабочему движенію и прямо возмущаюсь вашимъ отношеніемъ къ современнымъ событіямъ. Смѣшивать требованія рабочихъ съ крамолой и чуть не съ разбоемъ по меньшей мѣрѣ наивно. На заводѣ Роджерса не было никакихъ посягательствъ ни на жизнь директора, ни на его капиталы. У нихъ немало нуждъ, которыя надо удовлетворить, а вы рекомендуете военный походъ... Стыдно!.. Ужасно!..

Зырянова кусала губы. Ей стоило большихъ усилій не выйти изъ рамокъ сдержанности.

— Я думаю, *ma chère*, мы оставимъ и сказочки, и политическіе споры до поры до времени, а то вы теперь такая... горячая... Пожалуй, простудитесь въ нашей прохладной казенной квартирѣ... Вы, какъ и почтенный профессоръ, — увлекающіеся люди.

И свѣтскій разговоръ зажуужалъ, какъ встревоженный рой мухъ.

Губернаторъ вскорѣ собрался уѣзжать, и всѣ засуетились. Нѣкоторые слышали, какъ онъ обратился къ имениннику съ успокоительной улыбкой, на ходу роняя слова утѣшенія:

— Все предусмотрѣно, устроено. Спите спокойно,—и крѣпко потрясъ его руку.

Было шумно и многолюдно, но не было весело, какъ въ прежніе года, и въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ сѣвшихъ за ужинъ замѣчалось напряженіе.

По обычаю поднимая бокалъ въ честь „дорогихъ гостей“, Зыряновъ сдѣлалъ рукой жестъ, показывающій, что онъ еще хочетъ что-то прибавить, выдержалъ легкую паузу и, медленно оглядѣвъ присутствующихъ сквозь черепаховые очки, добавилъ съ особеннымъ удареніемъ:

— А также, милостивые государи и государыни, позволяю себѣ выпить за тихое и мирное житіе въ Заоскольѣ... Ура!..

По торжественному голосу, какимъ произносился тостъ, и по важной осанкѣ, съ которой ораторъ опустился на стулъ, можно было заключить, что онъ, какъ гражданинъ, вполне доволенъ собой.

Юлія Львовна одобрительно кивнула ему головой и кружевнымъ платкомъ поспѣшно смахнула воображаемую слезу.

Ужинъ продолжался довольно долго, но безъ оживленія и безъ рѣчей. Ъли, злословили и зѣвали втихомолку, даже пили меньше обыкновеннаго.

— Будто мессу похоронную совершаемъ,—шепнулъ, наклоняясь къ сосѣду, мировой судья и грустно посмотрѣлъ на двери:—Что-то скажетъ время черезъ тридцать-шесть часовъ?.. Да-съ...

Но сосѣдъ не былъ философомъ.

— Черезъ тридцать-шесть часовъ... Это во вторникъ, значить? Я буду въ контрольной палатѣ подписывать бумаги,—равнодушно отвѣчалъ тотъ съ полнымъ ртомъ и засмѣялся, продолжая работать крѣпкими клыкообразными зубами.

— Посмотрѣлъ бы я, какъ вы будете подписывать бумаги! Да-съ...—не унимался мировой судья, осторожно наводя собесѣдника на какія-то отдаленныя мысли, но не высказывая ихъ прямо.

— Милости просимъ въ палату. Доставлю вамъ это удовольствіе,—послѣдовалъ прежній благодушный отвѣтъ.

— Нѣтъ ужъ, подписывайте. Я лучше посижу дома... да-съ... Оно поспокойнѣй,—съ явнымъ сожалѣніемъ и не безъ ироніи пробурчалъ судья и глубоко вздохнулъ.

IV.

Въ понедѣльникъ, 26-го сентября, былъ храмовой праздникъ въ церкви св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова.

Рабочіе зачастую посѣщали ее, такъ какъ заводъ Роджера находился въ этомъ приходѣ.

Они и сегодня сошлись сюда почти въ полномъ составѣ и усердно молились.

У молодежи настроеніе было приподнятое, радостное; старики держали себя сдержанно, съ сознаниемъ важности того шага, къ которому готовились.

Носковъ стоитъ поодаль сбоку и наблюдаетъ. Онъ вообще посѣщаетъ лишь главнѣйшія церковныя службы, да и то по обязанности, чтобы не показаться товарищамъ безбожникомъ. Умѣя владѣть ихъ волей, онъ умѣлъ въ иныхъ случаяхъ и подчиняться ей, когда заранѣе зналъ, въ чемъ именно они ему ни за что не уступятъ.

Отецъ Захарій, говорившій поученіе, нѣсколько разъ устремлялъ на рабочихъ косые, испытующіе взгляды и приводилъ тексты за текстами, словно стараясь подавить прихожанъ обиліемъ неопровержимыхъ доводовъ изъ священнаго писанія.

— Ничто, входящее въ человѣка извнѣ, не можетъ осквернить его, но что исходитъ изъ него, то оскверняетъ человѣка, — гремитъ проповѣдникъ, высоко поднимая указательный палецъ, и опять бросаетъ въ ту же сторону строгій взоръ, острый и мимолетный, какъ молнія: — горе волку, прикрывшемуся овечьей шкурой!...

У Носкова пробѣгаетъ по губамъ усмѣшка. Онъ догадывается, что священникъ дѣлаетъ какіе-то смутные намеки и тѣмъ-то недоволенъ... Онъ невольно оборачивается быстрымъ движеніемъ, чтобы убѣдиться, не устремлены ли въ этотъ мигъ на него глаза товарищей...

„Можетъ быть, они сейчасъ ждутъ отъ меня чего-нибудь, рѣшенія какого, горячаго слова поддержки?..“ Онъ ошибся. Рабочіе, казалось, не замѣчали его и слушали отца Захарія, неподвижно глядя впередъ.

Одна секунда — и болѣзненное впечатлѣніе сглаживается. Сильный запахъ ладана, повисшій въ воздухѣ голубоватымъ, сплоснымъ облакомъ, застилаетъ мысли Носкова... Мечты переносятъ его куда-то далеко, въ забытую, бѣдную, глухую деревню,

къ старой избушкѣ, склонившейся надъ обрывомъ... И въ груди что-то пробуждается, скребетъ, щекочетъ, подползаетъ къ сердцу... Сомнѣнье все глубже и глубже зарывается, проникаетъ въ самые сокровенные тайники души и незамѣтно разливаетъ медленную отраву... Минутная слабость, но онъ не поддается ей... „Долой робость! Долой сомнѣнье!... Побѣда близится, побѣда, побѣда, побѣда!“ — отбиваетъ у него въ мозгу.

А протоіерей все продолжаетъ поучать:

— Чтѣ вы сказали въ темнотѣ, то услышите въ свѣтѣ, и чтѣ говорили на ухо внутри дома, то будетъ провозглашено на кровляхъ. Горе, горе волку, прикрывшемуся овечьей шкурой! — еще разъ повторяетъ священникъ, заключая проповѣдь, и въ этомъ сдавленномъ возгласѣ слышится ясный упрекъ, обращенный къ невѣдомому врагу.

Прихожане расходятся. Мало-по-малу храмъ пустѣетъ. Церковные сторожа тушатъ предъ образами догорающія восковыя свѣчи.

Носковъ идетъ вслѣдъ за рабочими. Онъ смѣлъ и рѣшительнъ и съ досадой всматривается въ сумрачныя лица товарищей, вдругъ ставшихъ молчаливыми и озабоченными.

На улицѣ встрѣчные предупредительно даютъ имъ дорогу, сторонятся, пугливо осматриваютъ.

„Эге! Да насъ никакъ за разбойниковъ въ самомъ дѣлѣ принимаютъ!.. И попъ не выдержалъ, прошелся насчетъ волеа въ овечьей шкурѣ, и все другое-прочее какъ-то не того... не какъ всегда... Можетъ, назавтра ловушка готовится? Неужто Роджерсъ подстроилъ! Чудно!.. Не думаю... Ну, тогда извините-сь!..“ — пробѣгаютъ мысли въ головѣ Носкова, и онъ срываетъ съ себя картузъ, подставляя лобъ подъ холодную струю вѣтра, порывисто взбиваетъ ладонью курчавые, непокорные волосы и также послѣпно надвигаетъ картузъ козырькомъ прямо на глаза, будто желая хоть на мигъ отдѣлаться отъ виѣшняго міра, — трусливаго, пошлаго, сѣраго, какъ осенніе туманы. Ему хотѣлось до страсти, до боли жгучаго, яркаго солнца, безграничнаго синяго простора, свѣтлаго, золотого дня, а жизнь то душила, какъ тюрьма, то замораживала ледяными вѣтрами, то окружала безпросвѣтной мглой, и страшная злоба росла, и вѣрпла въ сердцахъ, и набиралась силъ.

Черноглазая Луша давно приглянулась Носкову.

Съ прошлой зимы онъ обратилъ на нее вниманье и, при

встрѣчахъ съ ней, терялъ обычную самоувѣренность и развязность, становился даже застѣнчивъ. Не терпя надъ собою ничьей власти, онъ кротко выслушивалъ насмѣшки, подчасъ болкіи замѣчанья беззаботной, шустрой дѣвушки и подчинялся ея капризамъ.

Она работала у модистки, и онъ нарочно дѣлалъ кругъ, возвращаясь съ завода, чтобы лишній разъ повидаться съ ней; иногда ждалъ на другой сторонѣ переулка, чтобы лучше разсмотрѣть, не мелькнетъ ли въ освѣщенномъ окнѣ нижняго этажа ея тонкая, полудѣтская фигурка, съ наивнымъ задорнымъ личкомъ, съ ямками на щекахъ.

Послѣ шумныхъ споровъ и огненныхъ рѣчей, недавній герой, онъ любилъ тихую, пугливую бесѣду, точно украденную или брошенную ему изъ милости, какъ нищему корка хлѣба, и жадно ловилъ каждое слово, каждый взглядъ или разсѣянную, снисходительную улыбку, рѣдко теплое пожатіе руки, большею частью небрежный поклонъ... Въ своемъ униженіи онъ почерпалъ какую-то непонятную прелесть и даже не пытался смѣло нарушить грань, раздѣлявшую ихъ, или разъ навсегда прекратить напрасное знакомство.

Выйдя изъ церкви и немного поотставъ отъ товарищей, Носковъ круто свернулъ вправо, не увѣренный, однако, что встрѣтитъ Лушу. Нѣсколько дней онъ не видѣлъ ея, и поэтому его сегодня тянуло къ ней какъ-то особенно сильно. Ему посчастливилось, и онъ просіялъ.

Луша бѣжала съ картонкой, узнала его и отвернулась нарочно, показывая, что спѣшитъ и не замѣчаетъ поклонника. На ходу она умышленно покачивала бедрами и вертѣла плечами, подражая нѣкоторымъ товаркамъ и думая, что такъ лучше. Догнать ее, конечно, было нетрудно.

— Здравствуйте,—обратился онъ къ ней упавшимъ вдругъ голосомъ и какъ будто сконфузился.

Она, молча, кивнула ему, потомъ ускорила шаги.

— Куда вы, Луша? Что-нибудь спѣшное?.. Мы съ четверга не видались. Сердиты?

— Какой вы смѣшной! — быстро-быстро затараторила она и нахмурила красиво изогнутыя, словно подрисованныя брови:— все пристааете безъ надобности... А другіе смѣются... Да съ вами теперь и ходить-то страшно...

Послѣднюю фразу Луша произнесла уже съ улыбкой и лукаво скосила глаза.

— Отчего же страшно? Костюмъ мой нехорошъ? Красная

рубашка наскучила? Не по-господски, значить?.. Да я и самъ знаю, что съ лица непригожъ, грудь не колесомъ, ростомъ не вышелъ... Ну, ужъ извините... Такимъ созданъ.

Обыкновенно онъ говорилъ съ Лушей мягче. Но его рѣзкій тонъ и беспокойный взоръ, вспыхнувшій обидой, сверхъ ожиданія, не разсердили дѣвушку, а напротивъ, произвели совсѣмъ обратное дѣйствіе.

Она посмотрѣла на него долгимъ, смѣющимся, открытымъ взглядомъ.

Носковъ не привыкъ къ этому; кровь бросилась ему въ глаза; онъ стремительно двинулся къ Лушѣ и, приближая свое пылавшее лицо къ ея нѣжнымъ щекамъ, прошепталъ коротко и страстно:

— Прости... милая!

— Все глупости на умѣ!.. „Красная рубашка“... „Съ лица непригожъ“... Гм... „Грудь колесомъ“... А вотъ зачѣмъ вы бунтуете? Завтра чтó затѣяли?.. Головы не жалко!.. Смѣйтесь?.. Забастовку придумали. Вонъ, Марья Семеновна сказывала, завтра всѣхъ васъ заберутъ и заводъ закроютъ. Жалко мнѣ васъ ужасно. Приходите ужѣ поразсказать... Ну, прощайте. Мнѣ въ этотъ подъѣздъ къ генеральшѣ. Давайте руку, что-ли... Бунтовщики!—и, разсмѣявшись, свернула зубами и скрылась.

Носковъ такъ и не успѣлъ ей ничего отвѣтить.

„Однако, чтó же это? Насъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ враговъ собираются встрѣчать... Слухи слухами, а надъ нами туча виситъ, гроза приближается... Неужто отступать, труса праздновать? Не таковский я, не на такого напали!..“

Онъ шелъ бодрой, увѣренной походкой, раздумывая о завтрашнемъ днѣ. Образъ Луши блѣднѣлъ, уступая мѣсто новымъ настроеньямъ.

Улица жила, шумѣла. Мелькали извозничьи пролетки. Люди сновали взадъ и впередъ, точно къ чему-то готовились, чего-то поджидали и нерѣшительно посматривали на безмолвно застывшій вдаль стрѣльчатый фасадъ Роджерскаго завода, — одни съ затаеннымъ злорадствомъ, другіе съ тупымъ равнодушіемъ или любопытствомъ, третьи съ робостью, четвертые съ грустнымъ сочувствіемъ... Заводъ, какъ живой гигантъ-сфинксъ, высоко выдѣлялся надъ прочими зданіями черными остовами трубъ и, казалось, думалъ глубокую, загадочную думу и терпѣливо ждалъ разгадки.

V.

Утро проснулось пасмурное, непривѣтливое.

Рабочіе подвались спозаранку. Въ ихъ убогихъ, грязныхъ жилищахъ, въ смрадныхъ сырыхъ подвальныхъ этажахъ еще копошились безформенныя тѣни умирающей ночи, словно борясь въ послѣднихъ судорогахъ съ наступающимъ хмурымъ днемъ. Что онъ несъ съ собой униженнымъ и обездоленнымъ? Радость ли сбывшихся надеждъ или, можетъ, новыя, болѣе тяжкія страданья?

Въ этой едва мерцающей таинственной полумглѣ ночныя тѣни сливались съ утренними призраками и долго не желали уступать другъ другу очередь. Тѣни сроднились съ обитателями подваловъ, будто присосались къ нимъ невидимыми щупальцами, пили ихъ кровь каплю за каплей и гнали прочь блѣдныхъ, изнуренныхъ вѣстниковъ тускалаго дня.

Дѣтскій плачь, гомонъ пробудившихся взрослыхъ, скрипъ и стукъ хлопающихъ дверей окончательно разорвали ночныя путы, и тѣни пугливо запрятались по щелямъ и угламъ. День побѣдилъ...

Къ восьми часамъ прояснилось и даже выглянуло солнце. У завода Роджерса, — и во дворѣ, и на улицѣ, — собрались почти всѣ рабочіе, расхаживали группами или по одиночкѣ, говорили, спорили, но больше курили и помалкивали, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ поджидая Носкова съ двумя выборными изъ ихъ среды, — Плѣшкана, — разсудительнаго, спокойнаго старика, представителя умѣренныхъ, и Понамарчука, — страшнаго силача и вообще человѣка съ горячей головой и необузданными стихійными порывами. Въ Заоскольѣ его побаивались и называли Стенькой Разиннымъ, съ которымъ онъ, какъ многіе считали, имѣлъ вѣшнее сходство. Депутація долго не возвращалась и волненіе росло. Порой голоса стихали, и только слышно было, какъ постукивали по булыжной мостовой сотни застоявшихся ногъ.

— Должно, согласился, коли вдосталь разговоры ведутъ. Не торчалъ бы Носковъ, кабы не такъ, — произнесъ кто-то въ толпѣ убѣжденнымъ голосомъ.

— Небось! — раздалось въ отвѣтъ, и восклицанье это можно было понять и такъ, и этакъ.

Потомъ опять все замерло, и снова началось однообразное постукиванье сапогъ по камнямъ.

Улица, между тѣмъ, наполнялась любопытными. Шумъ увеличивался. Появилось нѣсколько городскихъ. Околоточный слѣдилъ издали безпокойнымъ взглядомъ, ежеминутно разглаживая усы.

Съ визгомъ промчалась уличная собака, которую кто-то ударилъ, и вновь воцарилась напряженная нервная тишина. Такъ нерѣдко бываетъ на похоронахъ, когда толпа ожидаетъ выноса и вдругъ раздастся чей-нибудь громкій шопотъ: — „Несутъ!..“

И здѣсь тоже кто-то произнесъ: — „Идутъ!..“

Съ директорскаго крыльца, изъ глубины длиннаго двора бѣжалъ Носковъ, красный, возбужденный. Волосы его развѣвались, падали на лобъ. Онъ дѣлалъ нетерпѣливые знаки, размахивая картузомъ. И всѣ шарахнулись къ нему, инстинктивно почувствовавъ дурную вѣсть. У многихъ тревожно ёкнуло сердце. Плѣшканъ шелъ медленно, позади Носкова, видимо разочарованный. На его изможденномъ лицѣ съ бѣлой апостольской бородой ясно читалось: „Незачѣмъ спѣшить! Все равно — капутъ“. Понамарчулъ, наоборотъ, гнѣвно сверкалъ бѣлками и расправлялъ богатырскую грудь, будто приготовляясь къ единоборству. „Еще поспоримъ! Такъ не уступлю...“ — говорилъ его сердитый, воспаленный взглядъ, и одинъ его видъ уже могъ поднять толпу и ободрить, влить въ нее мужественную рѣшимость дерзновенія.

— Бѣда, товарищи! Будетъ съ насъ, помучились, — пора и за умъ взяться!.. Хозяинъ нашъ міроѣдомъ сталъ: на уступки не согласенъ, ничего не желаетъ для насъ, все для себя только хлопочетъ... Требуешь, чтобы на работу стали и — никакихъ... Полиціей грозить... Заводъ прикрытъ собирается. Товарищи, мы поклялись идти рука объ руку... Насъ нажимаютъ, и мы отпоръ дадимъ. Не станемъ на работу! Пускай не дымятся заводскія трубы, не движутся колеса машинъ; пускай валяются неоконченными заказы; пусть отдохнутъ наши усталыя плечи! Мы еще вернемъ счастье, украденное у насъ господами Роджерсами! Нашимъ потомъ и кровью насытились они и разжирѣли. Довольно! Съ нами поднялось дѣло, съ нами и утонетъ... Не мы первые, не мы послѣдніе. Забастовалъ рабочій народъ во многихъ городахъ, и мы забастуемъ... Такъ, что-ли, товарищи?.. Ахъ не по праву моя рѣчь? На заоскольскихъ фабрикахъ всѣ рабочіе ждутъ нашего почина. Всѣ за насъ!.. — Голосъ Носкова звучалъ съ каждой фразой громче и рѣшительнѣе. Слова вылетали быстро и смѣло. Сыпались сравненія, доводы, образы...

Маленькая, тѣлесная фигура оратора постепенно какъ бы выросла передъ слушателями, и тѣ сначала хранили молчанье, потомъ стали воодушевляться, мысленно сливаясь съ говорившимъ,

наконецъ совсѣмъ сплотились въ одно духовное цѣлое. Даже Плѣшканъ грозилъ пальцемъ по направленію къ окнамъ Роджерса, и его восковое прозрачное лицо покрылось блѣднымъ румянцемъ, словно отраженіемъ вспыхнувшей зари. Потухшіе зрачки свѣтились искрой проснувагося задора.

Шапки полетѣли вверхъ.

— Ура, Носковъ,— ура!.. Не станемъ работать... Забастуемъ. Не по-божески хозяинъ поступилъ. Пусть его сидитъ на сундукахъ и считаетъ гроши! Наплевать! Мы сами себѣ господа. Какъ рѣшимъ — такъ и будетъ! — откликнулись сотни голосовъ, и этотъ могучій крикъ гулко разносился и отдавался далеко на сосѣдніе улицы и переулки, и въ немъ чудился глухой стонъ набѣгавшихъ волнъ, которыя бьются сразмаху о гранитные уступы, набрасываются, пытаются взять ихъ приступомъ, мигъ — и падаютъ внизъ, чтобы примчаться съ новыми силами. Любопытные тѣсной стѣнной надвигались впередъ, поближе къ заводскимъ и слѣдили, какъ „бунтуютъ у англичанина“. Городовые не могли ихъ сдерживать.

Околоточный забылъ объ усахъ и, казалось, терялъ терпѣнье. Тутъ же, поодаль, прижавшись къ фонарному столбу, стояла Луша и жаднымъ взоромъ высматривала своего поклонника, стараясь въ то же время быть незамѣченной знакомыми.

Показался растерянный, дрожащій Шерстобитовъ и осторожно приблизился къ рабочимъ неуверенной, шаткой походкой, такъ не подходившей къ его плотной, коренастой сытости.

— Мистеръ Роджерсъ поручилъ мнѣ...

— Долой Роджерса! Не хотимъ Роджерса!..

Носковъ съ неудовольствіемъ покачалъ головой, стараясь водворить порядокъ.

— Мистеръ Роджерсъ, — съ обычной медлительностью выговаривалъ кассиръ, когда попріутихли въ толпѣ, — проситъ васъ или стать на работу, или разойтись... Я говорю по его желанію... Онъ мнѣ поручилъ... Я, право, не отъ себя... Онъ удивленъ вашей настойчивостью и боится, что вы можете повредить себѣ, если будете упрямиться... Примиритесь... успокойтесь... Уже губернаторъ спрашивалъ по телефону. Мистеръ Роджерсъ предостерегаетъ васъ... Онъ не отвѣчаетъ за послѣдствія, умываетъ руки...

— Довольно, Федоръ Кузьмичъ! Не лицемѣрьте!.. Некрасиво... Какое тутъ примиреніе! Нынѣ дни борьбы, а не примиренья. Не ошейники же намъ надѣвать! — нетерпѣливо перебилъ его Носковъ, показывая рѣзкимъ движеніемъ, что считаетъ разговоръ исчерпаннымъ: — мы знаемъ, что дѣлаемъ, а вы дѣлайте

по своему, соблюдайте хозяйскій приказъ... По домамъ, товарищи! Тутъ все равно ничего не дождетесь. Брюхо—глухо: словомъ не уймешь, словомъ сытъ не будешь.

Толпа одобрительно загудѣла и тихо двинулась ко двору. Шерстобитовъ испуганно попытился назадъ и вдругъ, забывъ важное достоинство посланника, опрометью пустился бѣжать обратно, къ дому Роджерса. На него никто уже не обращалъ вниманья.

Понамарчукъ выхватилъ изъ-за пазухи красный помятый флагъ и сталъ имъ размахисто вертѣть въ воздухѣ. Какъ по уговору, кто-то началъ громко выводить хорошо знакомый бурный нагѣвъ, и хоръ дружно подхватилъ его

Личныя обиды забывались. Гордые лица горѣли вдохновеньемъ, вызовомъ, страстнымъ желаньемъ пожертвовать собою за общее дѣло.

Они не успѣли еще подойти къ калиткѣ, какъ издали стали долетать странные крики. Всѣ насторожились. Глаза боязливо забѣгали по сторонамъ. Улица пришла въ движеніе, и черезъ какую-нибудь минуту толпой уже овладѣла паника. Рабочіе еще не понимали, въ чемъ дѣло, но оборвали пѣсню и съ недоумѣньемъ искали разгадки.

Кто-то крикнулъ имъ, отчаянно махая руками:

— Спасайся, кто можетъ, ребята! Казаки!..

Мѣрные удары подковъ по мостовой, которыхъ раньше не слышно было за многоголоснымъ крикомъ и гамомъ, явственно донеслись въ заводскій дворъ, и рабочими тоже овладѣлъ внезапный страхъ,—безсмысленный, плотской страхъ, не повинующійся разсудку.

— Останемся, товарищи! Мы ничего худого не сдѣлали. Тутъ мы въ безопасности, — началъ-было Носковъ, но ему никто не вѣрилъ теперь, никто не обращалъ на него вниманья.

Всѣ мчались вразсыпную, кто въ калитеу и на улицу, кто въ противоположный конецъ двора, кто въ домъ къ Роджерсу, но входная дверь была заперта и на звонки никто не появлялся, и тогда перелѣзали черезъ заборъ въ сосѣднее дворовое мѣсто и затѣмъ спасались въ боковой переулокъ.

Происходили столкновенія съ встрѣчной публикой, толпившейся около; всѣ перемѣшались, давили другъ друга, падали, вставали и опять бѣжали... бѣжали... съ проклятьями, стонами, угрозами, мольбами о помощи, дѣтскими воплями и женскими нервными возгласами.

Казацкій отрядъ надвигался, врѣзывался въ толпу, разливался

сплошной лавой... Подковы отбивали дробь, и отъ ударовъ ихъ по булыжникамъ сыпались мелкія искры.

День былъ совсѣмъ ясный, солнечный, несмотря на сѣрое утро, и душѣ не хотѣлось вѣрить въ несчастье, не хотѣлось убѣждаться въ томъ, что бездонныя ночи, зіяющія, какъ черныя бездны, часто бываютъ лучше свѣтлыхъ дней съ теплой синевой неба...

Понамарчукъ швырнулъ съ хохотомъ изодранный флагъ, который высоко закружился въ воздухѣ и сталъ падать зигзагами.

Одинъ изъ казаковъ замѣтилъ и бросился къ смѣльчаку, но тотъ, ловко изогнувшись, въюномъ ускользнулъ отъ просвиставшей надъ ухомъ нагайки и, шмыгнувъ за уголъ, какъ въ воду канулъ.

Заводъ скоро былъ опѣиленъ. Окрестныя улицы точно вымерли. Мистеръ Роджерсъ и Шерстобитовъ, когда заводъ очутился въ осадномъ положеніи, вышли во дворъ и давали первыя показанія.

Англичанинъ походилъ на оскорбленнаго собственника, защищающаго свои нарушенныя владѣнія, и все судорожно дергалъ плечомъ; его приближенный казался сконфуженнымъ, особенно когда встрѣчался глазами съ Носковымъ и сейчасъ же отворачивался.

Носковъ былъ задержанъ при выручкѣ Плѣшкана. Тому помогъ, а самъ попался. Порванная рубашка и кровавый рубецъ, краснѣвшій на щекѣ, смущали Шерстобитова, и онъ старался не глядѣть на нихъ.

Зато Роджерсъ, повидимому, радовался такому скорому исходу „бунта“, считая его законченнымъ. Носковъ чуть-чуть усмѣхался.

Неподвижно-чувственная и стихійно-волевая, — двѣ человѣческія натуры, какъ и тогда, на воскресномъ собраніи у Роджерса, безконечно чуждыя другъ другу, стояли рядомъ и ждали, чья правда побѣдитъ.

Изъ задержанныхъ рабочихъ было еще человѣкъ двадцать и съ десятокъ постороннихъ, попавшихъ по подозрѣнію въ соучастіи. Остальнымъ удалось скрыться.

Спѣшно прибыли судебныя власти.

Двери Роджерскаго завода открылись и начался допросъ.

На улицѣ подбирали убитыхъ и раненыхъ...

Людмила Николаевна приблизительно знала, что ожидалось на заводѣ, и въ своей любимой позѣ, съ безпокойствомъ и возроставшимъ нетерпѣньемъ, сидѣла у окна.

Волненія послѣднихъ дней замѣтно на ней отразились, и лицо ея, и безъ того блѣдное, изнуренное, еще болѣе осунулось и поблѣкло.

Улица была запружена лошадьми и людьми. Народъ толпился, какъ въ канунъ великаго праздника, спѣшилъ куда-то... Многие почти бѣжали.

Широкая стеклянная дверь „Центрального магазина“ внезапно закрылась деревяннымъ щитомъ.

Шерстобитова — сама не своя. Тревога въ сердцѣ усиливается. Тяжело... Какой-то клубокъ подкатывается и душитъ... Острая рѣзущая боль... а время, между тѣмъ, идетъ черепашнымъ шагомъ... Она хорошо понимаетъ и мыслями, и чувствами, что не въ силахъ усидѣть дома. Она зоветъ прислугу и наказываетъ ей строго-настрого не выходить съ Варей изъ комнатъ. Но Вара тоже хочетъ идти.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я вернусь, милая, — скоро вернусь. Будь умницей, — убѣждаетъ она дѣвочку, гладитъ ее по вудрявой, нѣжной головкѣ и крѣпко цѣлуетъ, возвращается и еще разъ жадно тянется губами къ ея недовольному личику съ ярко выступающими на вискахъ синими жилками.

— Приходи, мама, а то мнѣ скучно одной, — лепечетъ ребенокъ, когда мать одѣваетъ мѣховую кофточку: — папу приведи и вмѣстѣ гулять пойдемъ.

Людмила Николаевна выходитъ изъ воротъ.

„Мнѣ скучно одной!“ — Варинны слова почему-то больно отзываются въ ея груди.

Шумная волна увлекаетъ ее дальше и дальше, и она сперва безотчетно подчиняется этому стихійному порыву.

„Не ходи къ заводу... Здѣсь подожди...“ — твердитъ внутренний голосъ (по крайней мѣрѣ, ей кажется такъ).

Боязнь толпы удерживаетъ ее на минуту у перекрестка двухъ улицъ.

— О, Господи!.. Да, вѣдь, тамъ адъ-адамъ... Войска вытребованы... такое творится! — слышитъ она за спиной, и уже не можетъ побѣдить вспыхнувшей рѣшимости. Слѣпая жуть уступаетъ ей мѣсто.

Ее неудержимо тянетъ впередъ, несетъ, какъ на крыльяхъ. Она не слышитъ ногъ, не знаетъ усталости, не ощущаетъ прежняго страха.

„Что-то съ Оедей?.. Гдѣ-то Оеда?“ — встаетъ одинъ настоятельный вопросъ и сразу наполняетъ все ея слабое существо. Она спрашиваетъ въ этомъ жгучемъ вопросѣ.

Сердце бьется сильнѣе, сильнѣе; кровь кипяткомъ разливается по тѣлу; мозгъ точно налить расплавленнымъ свинцомъ.

Она различаетъ лица знакомыхъ рабочихъ.

„Да, это они, Роджерскіе!..“ — Отчаянье въ глазахъ... Нѣкоторые въ крови, въ истерзанныхъ платьяхъ, другіе безъ шапокъ... кричать.... грозятъ кому-то...

„Одея мой, Одея, Одея...“ — отбиваетъ мысль, а тамъ, вдали, въ глубинѣ, у самого завода, какая-то черная движущаяся стѣна...

Въ мукахъ рождалась свобода. Природа требовала, какъ бы въ искупленіе, свѣжихъ и свѣжихъ жертвъ, — вольныхъ и невольныхъ. Свобода и смерть сочетались въ непонятномъ, загадочно-тѣсномъ содружествѣ...

Кто-то промчался съ обрывкомъ красного знамени, крѣпко сжимая обломокъ древка въ заледенѣвшихъ пальцахъ.

Ноги Людмилы Николаевны скользятъ въ чемъ-то липкомъ. Кто-то лежитъ... Она желаетъ перешагнуть или обойти и вдругъ хватается за грудь... широко открываетъ ротъ, расширяетъ глаза и съ короткимъ, неяснымъ вздохомъ глухо падаетъ, какъ подкошенная, рядомъ съ тѣмъ же неизвѣстнымъ, на котораго только что натолкнулась. Еще жертва! Смерть сблизила ихъ.

Больное, хрупкое сердце не выдержало кроваваго кошмара и разорвалось.

Среди проходившихъ послышалось:

— Должно быть, ударъ или обморокъ... Врача бы! Да гдѣ его взять?.. Ну, да и времена наступили!..

Поговорили, поговорили, но никто не помогъ. Каждый заботился о себѣ и себя спасалъ, подчиняясь шкурному чутью. Лошадиный топотъ, стукъ копытъ, ружейные залпы, говоръ отъ шопота смерти до крика ужаса, — все это сливалось въ одномъ протяжномъ гулѣ и охватывало, какъ тяжелымъ душнымъ облакомъ, безмолвные каменные дома и улицы.

И синее небо потускнѣло, покрываясь обычной свинцовой окраской бездушной осени...

VI.

Прошелъ день, еще день, еще и еще... недѣля прошла, другая подходила къ концу.

Заосколье сдѣлалось совсѣмъ неузнаваемымъ.

Отовсюду приходили тревожные слухи, неутѣшительныя вѣсти. Газеты перестали получаться изъ другихъ городовъ. Останови-

лись желѣзныя дороги. Умолекъ мѣстный листокъ. Закрывались лавки и магазины, торгуя урывками. Не сзывалъ на работу утренній гудокъ ни на одной фабрикѣ. Трубы Роджерскаго и другихъ заводовъ не дымились и уныло чернѣли надъ громадными фасадами зданій, какъ неподвижныя, застывшія тѣни. Въ нихъ не было прежней жизни; онѣ какъ бы замерли въ тяжеломъ оцѣпенѣннѣи, въ мрачномъ, неразрѣшимомъ раздумьи.

По ночамъ онѣ наводили на впечатлительныхъ жителей Заосколья тайный ужасъ, снились имъ и наполняли ихъ сердца какой-то смутной загадкой, а трусливыя сердца ихъ не умѣли ее разгадать, или боялись этой разгадки и умышленно не желали къ ней подойти.

Порою чудилось заоскольцамъ, будто дома, прилежащія къ заводскимъ строеніямъ, боязливо, робко тѣснятся другъ къ другу въ жуткой поздней тишинѣ, сливаясь съ неясными, зыбкими очертаніями ночной мглы, которую слабо разсѣкали мерцающіе огни газовыхъ фонарей.

Всѣ чего-то ждали, но всякій по-своему: инымъ грезились кровавыя призраки недавнихъ воспоминаній, — и фантазія удваивала ихъ въ будущемъ; иныхъ ласкали радужныя надежды грядущихъ отличій; иныхъ угнетали мрачныя предчувствія нескорого избавленія отъ злой нужды и страданій; наконецъ, иные продолжали страстно вѣрить, что мертвая правда скоро воскреснетъ и побѣдитъ кривду.

Дни шли.

Носковъ не падалъ духомъ. Онъ закалялся и твердо вѣрилъ. Крѣпкія рѣшетки не смущали его, не принижали: и грѣзами, и душой онъ высоко парилъ надъ ними... Тюрьма не страшила его.

Онъ жилъ однимъ будущимъ.

А по улицамъ и закоулкамъ все чаще и чаще попадались худыя, изможденныя лица рабочихъ.

— Лишь бы Носкова выпустили! — иногда срывалось у нихъ съ языка или закипало въ груди въ часы, когда имъ приходилось особенно трудно, и въ тѣ минуты ихъ землистыя лица, — лица привидѣній, — на мигъ освѣщались, точно вспыхивалъ гдѣ-то тлѣющій забытый уголекъ...

В. Умановъ-Каплуновскій.

ВЪ ГОРАХЪ НОРВЕГІИ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

I.

Рано утромъ, 22-го іюля, нашъ большой пароходъ, безъ остановки плывшій изъ Копенгагена, бросилъ якорь.

Въ круглое окошечко каюты видны были берегъ и пристань. Въ сонной тишинѣ утра лежали не плоскіе берега Даніи, не каменистые шхеры Швеціи. Синія большія горы прекрасными очертаніями гордо высились надъ моремъ. За ними вставали дальнія вершины, и трудно было различить, гдѣ кончаются онѣ, и гдѣ начинаются темныя сизыя тучи.

Маленькій городокъ у берега, небольшая пристань. Бѣлый пароходикъ прижался къ ней, точно дремлющій лебедь,—лодки, безлюдье, тишина...

Это былъ городокъ Моссъ. Мы уже плыли нѣсколько часовъ фіордомъ Христіаніи.

Давнишняя наша мечта увидѣть Норвегію исполнилась. Невозможно было оставаться внизу, въ душной каютѣ. Мы постѣжили подняться на палубу.

Было очень холодно. Сумрачныя тучи заволакивали небо, снѣжили надъ горами. Нашъ пароходъ вступалъ въ самое узкое мѣсто фіорда. На западѣ открылся и тотчасъ сомкнулся за величественными горами узкій фіордъ Драммена. Справа, на востокѣ, горы были не такъ высоки. Казалось, будто всѣ онѣ покрыты зеленымъ бархатистымъ мхомъ. Это были сосновые лѣса.

Раннее утро лежало надъ горами, надъ островами, надъ моремъ. Чайки летали, одинокія лодки попадались навстрѣчу, пробѣжалъ бѣлый пароходикъ мѣстнаго сообщенія.

Въ горахъ до половины ихъ высоты были разсыпаны одинокіе „горды“, дворы. Въ такомъ „гордѣ“ каждый крестьянинъ живетъ самъ по себѣ, независимый, полагающійся только на свои силы...

Въ лицо дулъ сильный холодный вѣтеръ. Но сумрачная погода не портила впечатлѣнія. Наоборотъ, въ этомъ сѣромъ утрѣ и въ безконечности горъ справа и слѣва было какое-то тайное согласіе. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть фіордъ Христіаніи подъ ясной улыбкой сентябрьскаго солнца, голубымъ и наряднымъ въ его зеленыхъ стѣнахъ. Но первое впечатлѣніе врѣзалось глубже и сильнѣе.

Тихо и торжественно высятся горы, надъ ними сурово грозятся грозныя тучи, — но все ли тучи?.. Нѣтъ. Вѣдь это тамъ—гора. А дальше — хребетъ ли темнѣетъ, облака ли сгустились—нельзя разобрать... Земля и небо сливаются, сплетаются въ одно; все мрачно, строго, все въ темно-сѣрыхъ и черныхъ тонахъ. И фіордъ бушуетъ холодными стальными волнами, и гранитные острова упрямыми хребтами сѣрѣютъ надъ водой...

Жизни и движенія все больше. Фіордъ расширился. На скалахъ маяки. Пристань съ лѣснымъ товаромъ, доски, бревна, лѣсопила. Люди уже стали на работу.

— Уже Христіанія?—слышу я возлѣ себя.

— Да.

Неужели эта группа домовъ вдали на горной цѣпи—Христіанія? Что-то странно. Смотрю въ бинокль, недоумѣваю.

Нечаянно бросаю взглядъ въ другую сторону...

Горы сдвигаются, разступаются; внизу внезапно открываются въ сѣромъ туманѣ башни, колокольни, трубы, громады домовъ, лѣсъ мачтъ. Городъ какъ видѣнье плыветъ намъ навстрѣчу. Вотъ гавань, амбары, люди на пристани. Вдали—синія стѣна горъ...

Норвежскій „чистый“ флагъ привѣтствуетъ насъ, мы тихо подходимъ съ датскимъ *Данеброгомъ*, краснымъ съ бѣлымъ крестомъ, на нашей мачтѣ. Мы—друзья. На нашемъ пароходѣ нѣтъ ни одного шведа. Слышится только датская, норвежская и англійская рѣчь.

Тяжело громяхая цѣпами, падаетъ якорь. Привѣтъ тебѣ, норвежская земля!

II.

На другой же день поѣздъ мчалъ насъ изъ Христианіи на сѣверъ, по самой плодородной области Норвегіи.

Горы разступились и дали мѣсто долинѣ. Скошенное сѣно развѣшано на длинныхъ изгородахъ. Эти изгороди рядами стоятъ на лугахъ. Гладко подстриженная трава и ровная какъ столъ земля говорятъ о томъ трудѣ, кропотливомъ и упорномъ, который вложенъ здѣсь. Каменные ограды полей въ ростъ человѣка сложены терпѣливыми руками, съ невѣроятными усиліями. Всѣ эти гранитные валуны покрывали луга и пашни. Сколько мученья было, пока ихъ удалили, сложили въ ограды! Каждый аршинъ рыхлой земли есть дѣло рукъ человѣка. Вѣдь здѣсь—царство камня. Вотъ поѣздъ нашъ влетаетъ въ туннель, грубо и кое-какъ прорѣзанный въ гранитѣ. Торчатъ острия какъ ножъ глыбы; крѣпкій какъ желѣзо гранитъ мелѣется косыми своими полосами—красными, черными, бѣлыми... Туннель кончается, а по обѣимъ сторонамъ полотна все бѣгутъ грубо срѣзанныя скалы, и вы ярко чувствуете власть камня, его могущество здѣсь, и ту борьбу, которую человѣкъ ведетъ съ нимъ, покоряя его своей волѣ, тоже крѣпкой какъ желѣзо.

Въ длинныхъ рядахъ изгородей съ висящими прядями сѣна заключена для здѣшняго крестьянина половина его богатства.

Сѣно—это молоко, а молоко—деньги. Молочное хозяйство поддерживается кооперативными фермами. Такія фермы повсюду, гдѣ это только возможно. А тамъ, гдѣ непроходимыя или трудныя горныя дороги полагаютъ преграды единенію, тамъ и въ одиночку молочное хозяйство ведется съ рѣдкимъ усердіемъ и умомъ.

Зеленые скошенные луга смѣняются желтыми нивами. Конецъ іюля, а жатва только еще начинается. Кое-гдѣ на голомъ жнивѣ возвышаются высокіе шесты, на которые до верху нанизаны снопы, всѣ—колосьями къ югу. Мужчины жнутъ или косятъ рожь, женщины ее вяжутъ; тутъ же быстро вбиваютъ въ землю высокій коль, привязываютъ къ нему снопы парами, подставляютъ лѣсенку и такъ нанизываютъ снопы до самаго верху. Вѣтеръ и солнце высушатъ ихъ въ нѣсколько дней. Эти мохнатые шесты, рядами на голомъ жнивѣ, составляютъ характерную черту норвежскаго пейзажа позднимъ лѣтомъ.

Поѣздъ нашъ летитъ все дальше и дальше; мимо насъ мелькаютъ одинокіе крестьянскіе „горды“. Ни одной деревни. У

станцій — небольшой посёлокъ или городокъ, а потомъ опять поля и на нихъ разсыпанныя одинокія усадьбы.

Свѣжіе зеленые лѣса шумятъ подъ хмурымъ небомъ; шумитъ справа красивая рѣка Ворменъ. Поѣздъ мчится между скалъ, ныряетъ въ туннели, гремитъ по мостамъ; рѣка то справа, то слѣва катится по каменистому ложу.

Вотъ и озеро Мьёсенъ, внутреннее море Норвегіи. Длина его сто километровъ. Изъ него вытекаетъ Ворменъ въ восхитительной рамѣ горъ, которыя столпились здѣсь гурьбою.

На скалистыхъ отрогахъ всюду густые сосновые и лиственныя лѣса. Уже меньше пахотныхъ полей и луговъ, горы и лѣсъ вступаютъ въ свои права.

Слѣва на западѣ блистаетъ широкимъ воднымъ пространствомъ Мьёсенъ, а за нимъ поднимаются стѣною горы. Вода Мьёсена отликаетъ зеленымъ малахитомъ, великолѣпнымъ густымъ цвѣтомъ. Вѣдь онъ — сродни норвежскимъ глетчерамъ. Быстрыя горныя рѣки, дѣти ледниковъ, несутъ въ его лоно свои изумрудно-зеленыя волны. На его прозрачной скатерти бѣгаютъ взадъ и впередъ бѣлые пароходы, — издали они кажутся игрушечными. На пристаняхъ большіе плоты бревенъ; лѣсопилки дымятъ высокими трубами, около нихъ груды свѣжихъ желтыхъ досокъ.

Вотъ наконецъ и городокъ Лиллехамеръ въ широкой круглой долинѣ, у сѣвернаго конца озера. Это — послѣдній городъ. Дальше на сотни и сотни километровъ потянутся къ сѣверу однѣ пустынные горы, съ одинокими крестьянскими усадьбами: царство природы, гдѣ человѣкъ и его поселки — только случайные гости, гдѣ человѣческая культура — исключеніе, подобно оазису въ пустынѣ.

За Лиллехамеромъ начинается настоящая Норвегія, и кто ея не видѣлъ, тому останутся непонятны самыя главныя черты здѣшней жизни.

III.

Мы — въ горахъ.

Внизу узкой полосой вьется извилистая долина Гудбранда съ ея вѣтвями, которыя уходятъ во всѣ стороны межъ горами. Шумно бѣжитъ порожистая рѣка Логенъ, настоящая норвежская рѣка: великолѣпнаго зеленого цвѣта, съ бѣлыми пѣнистыми гривами, быстрая, шумная, прозрачная, богатая рыбою. Она мчится съ сѣвера къ югу и бросается въ сѣверный конецъ озера Мьёсенъ близъ Лиллехамера.

Съ нашей высоты слышно, какъ шумитъ она на порогахъ, но еще слышнѣе другой шумъ со стороны Лиллехамера. Въ ясную лунную ночь, съ вершины горы, мы видѣли вдали на высотахъ нагорья сверкающее въ полумглѣ серебро рѣки Месна. Съ этого нагорья Месна должна броситься внизъ въ долину, чтобы добѣжать до озера Мьёсена. И рѣка устремляется внизъ, низвергается девять разъ могучими водопадами, изъ которыхъ одинъ имѣетъ названіе *Ада*. Въ дикомъ лѣсу, по гранитнымъ скаламъ, валится внизъ пѣнная масса воды. Ея грозный гулъ слышенъ на нѣсколько верстъ вокругъ. Ею приводится въ движеніе множество лѣсопилковъ и мельницъ; она освѣщаетъ электричествомъ городъ. Этотъ водопадъ—одинъ изъ лучшихъ, какіе намъ пришлось видѣть въ послѣдствіи. Бѣшеное паденіе воды, стремглавъ летящей внизъ, заставляетъ человѣка затаить дыханіе; и странно тянетъ его въ эту буйную бездну, которая точитъ и рветъ гранитъ, которая такъ же летѣла стремглавъ тысячу лѣтъ тому назадъ и будетъ такъ же мчаться черезъ другую тысячу лѣтъ, безцѣльно, но грозно, красиво...

Съ маковки нашей горы открытъ широкій видъ на область Гудбранда.

На югѣ блистаетъ озеро Мьёсенъ, лежитъ какъ игрушечка Лиллехамеръ и зажигается по вечерамъ серебряными своими огнями. Со всѣхъ другихъ сторонъ—горы, горы безъ конца, точно стадо какихъ-то огромныхъ животныхъ, сбитыхъ въ тѣсную кучу, такъ что видны только однѣ шершавыя спины.

Отсюда можно убѣдиться, что въ Скандинавіи нѣтъ горныхъ хребтовъ, а только хаосъ и нагроможденіе высотъ, безпокойно-взбудораженная и мгновенно зачехлѣвшая волна земли. Не даромъ одинъ ученый сравниваетъ горный пейзажъ Скандинавіи съ огромной морской волной, которая постепенно нарастаетъ къ западу и вдругъ обрушивается внизъ съ безмѣрной высоты.

Итакъ, вотъ передъ нами норвежская земля! Гдѣ же человѣкъ? Онъ ютится въ узкихъ долинахъ между этимъ хаосомъ горъ; онъ распахиваетъ ихъ склоны, насколько можно подняться, карабкается съ лошадыю и плугомъ на крутизны, съ которыхъ, кажется, сейчасъ же слетишь внизъ. Вершины же горъ необитаемы. По ихъ крутымъ склонамъ, по первозданнымъ каменнымъ твердынямъ растутъ только лѣсъ, темный и строгій сосновый лѣсъ.

Съ нашей высоты черезъ маковки другихъ горъ мы видимъ кое-гдѣ на склонахъ верхніе „горды“, видимъ широкую, отлогую сторону какой-то горы, всю распаханную до щетинны лѣса, съ многочисленными усадьбами.

Дальше на горизонтѣ уже однѣ только синія вершины, а за ними, какъ видѣніе или грѣза, бѣлые ледяные зубцы Рондана. Солнце садится, ледники сверкаютъ и горятъ какъ алмазы. Дальше на голубомъ небѣ лежитъ длинное снѣговое поле и мѣстами пламенѣетъ розовымъ огнемъ. Отчетливо видны на этомъ огромномъ разстояніи впадины, зубцы, гладкія пространства. Чтѣ же это такое? Неужели ледники Ютунхейма? Да, это они за сотни верстъ выступаютъ въ хрустально-прозрачномъ воздухѣ, отчетливо и ясно, — вѣчное царство чистоты, молчанія, холода. Длинные воздушныя облака, бѣлыя какъ эти ледники, тихо спускаются за алмазную зубчатую стѣну, и снова сіяетъ она, неподвижная, на голубомъ эфирѣ.

Невыразимо легко и прозраченъ воздухъ на нашей горѣ; хочется смѣяться и пѣть, пока заря такъ пышно разгорается въ небесной глубинѣ.

Мои спутники снимаютъ шляпы, будто въ храмѣ, лица женщинъ принимаютъ вдругъ серьезное выраженіе, кое-кто откашливается, и всѣ запѣваютъ народный гимнъ Норвегіи, — стихи Бьерсона:

Ja, vi elsker dette Landet
som det stiger frem...

„Да, мы любимъ эту землю, которая поднимается надъ водами, обвѣтренная, морщинистая, съ тысячею своихъ жилищъ. Любимъ, любимъ ее и вспоминаемъ работу отцовъ и матерей, и мглу сказаній, которая опускаетъ грѣзы, грѣзы на нашу землю“...

Да, они всѣ любили свою прекрасную, скудную родину, и въ эти дни любили болѣе, чѣмъ когда-либо. Близокъ былъ рѣшительный день всенароднаго голосованія, когда на вопросъ шведскаго риксдага: *желаетъ ли норвежскій народъ расторженія унии* — вся страна отъ Скагеррака до Ледовитаго океана готовила въ отвѣтъ свое: *да*.

IV.

Нельзя довольно налюбоваться долиной Гудбранда, которая вьязу подъ горами.

Воды Логена — чистый аквамаринъ. Свѣжесть и тишина въ горѣ. На томъ берегу мы насчитали болѣе сорока „гордовъ“; они ра сыпаны между полями, лѣсами; одни — пониже, надъ рѣкою, — дргіе — высоко въ лѣсу, затерянные, одинокіе. Лѣтомъ не столько одиночество, да его и нѣтъ, потому что вся природа

жива и говорить тысячью голосами; а каково-то здѣсь зимою? Все подъ снѣгомъ, все застыло въ мертвой тишинѣ, — и одинокая семья наверху въ горахъ прислушивается къ воплямъ бури съ стѣсненіемъ въ душѣ...

До того хороша долина Гудбранда, что даже ненастье не портить ее.

Облака, подобно темной занавѣси, спускаются надъ озеромъ, медлительно подвигаются къ намъ. Они зацѣпляють горы, разрываються, застилають долину до самого ложа рѣчки. Все въ смятеніи, все перепуталось — и земля, и небо. Фантастично и печально. Невольно вспоминаешь драмы Ибсена, великаго писателя норвежской земли. Онъ — сынъ ея; его сумрачныя фантазіи зародились въ этихъ горахъ, питались такими картинами, какъ эта. Въ такихъ горахъ долженъ былъ блуждать Перъ Гюнтъ, должна была родиться Женщина съ моря, съ душою, открытой всему таинственному и тревожному.

Ночью надъ нами прогремѣла гроза, утромъ обрывки вчерашнихъ тучъ расползлись въ лохмотья. Бѣлые лоскутки ползли повсюду — по травѣ, по деревьямъ, по крышѣ нашего большого дома. Потомъ натянулось большое бѣлое, какъ вата, облако, и мы въ немъ просидѣли съ четверть часа, пока оно не ушло дальше, оставивъ въ кустахъ и въ вѣтвяхъ деревьевъ бѣлыя свои лохмотья.

Мы сидимъ на террасѣ и бесѣдуемъ.

Мнѣ, конечно, весьма интересно разузнать здѣшнія дѣла. Какъ живутъ эти крестьяне въ своихъ „гордахъ“? Что они читають, чѣмъ интересуются?

— Въ деревняхъ повсюду читають мѣстный листокъ. Здѣсь, напримѣръ, — ту газету, которая издается въ Лиллехамерѣ. А то есть еще „Örebladet“, то-есть, листокъ въ грошъ цѣною, и довольно приличный. Онъ въ большомъ ходу.

— Что же касается степени ихъ развитія, то справедливость заставляетъ сказать, что наши крестьяне, особенно въ заходистыхъ, — народъ тяжелый и неповоротливый. Если вы станете имъ рассказывать что-нибудь, хоть, напримѣръ, о Россіи, они выслушаютъ васъ, скажутъ: „Вотъ какъ!“ — и больше не заинтересуются.

Невольная улыбка моя остановила моего собесѣдника.

— А вотъ представьте себѣ, мнѣ то же самое, слово въ слово, говорили шведы о шведскомъ народѣ, и при этомъ прибавляли со вздохомъ: „Въ Норвегіи не такъ; тамъ народъ живой, интересуется политикой, много говорить, спорить, много читаетъ“.

Мы засмѣялись.

— Намъ хочется видѣть его еще болѣе развитымъ,—сказалъ прїѣзжій изъ Христіаніи. — Но бѣдность наша мѣшаетъ всему. Да, вы и понятія не имѣете о томъ, какой мы бѣдный народъ. Я не говорю уже о томъ, какъ трудно сыну такого вотъ крестьянина, живущаго въ горахъ, развить свои таланты и дарованія, если онъ съ ними родился въ свѣтъ. Въ школѣ, правда, всѣ учатся, и школы хорошия, — спору нѣтъ. Но вотъ вы видѣли нашего маленькаго кучера Іенса? Ему четырнадцать лѣтъ, онъ „кончилъ свое образованіе“. Ходилъ въ школу семь лѣтъ. Вотъ и все. И дальше уже — нигуда. Развѣ попадетъ въ земледѣльческую школу или въ крестьянскую „академію“. Нѣтъ, что ни говорите, у насъ все страшно трудно. И въ городахъ то же самое. Одинъ писатель съ большимъ талантомъ умиралъ, буквально, съ голоду.

— Кнудъ Гамсунъ.

— Онъ именно. Много талантовъ у насъ гибнетъ отъ бѣдности; даровитые люди не могутъ пробиться. Изъ иного вышелъ бы профессоръ, художникъ, поэтъ, — а онъ долженъ брать первое попавшееся мѣсто — и всю жизнь прозябаетъ какимъ-нибудь счетоводомъ или конторщикомъ.

— А университетъ?

— Университетъ у насъ даровой, но возьмите въ расчетъ дороговизну жизни въ Христіаніи, и вы поймете, что большинство студентовъ у насъ — сыновья зажиточныхъ родителей.

— Не слишкомъ ли мрачно смотрите вы и на этотъ вопросъ? Когда читаешь о томъ, сколько у васъ школъ и разныхъ учебныхъ заведеній на вашъ маленькій двухмилліонный народъ, то, право, чувствуешь зависть.

Но мой собесѣдникъ не сдавался.

— Школъ-то много, а пробиться въ люди трудно.

Впослѣдствіи, во время моей поѣздки въ горы, мнѣ постоянно приходилось разговаривать съ крестьянами, и гораздо чаще попадались люди живые и развитые, нежели неповоротливые увалыни.

V.

У насъ на террасѣ, на высокой тонкой мачтѣ, развѣвается довольно-таки линючій флагъ — „чистый“ норвежскій флагъ, безъ знака уніи. Онъ — малиноваго цвѣта, пересѣченъ синимъ крестомъ-молотомъ языческаго бога Тора, но этотъ языческій

молотъ okayмленъ бѣлымъ крестомъ христіанства, введеннымъ королемъ Олафомъ Свѣтымъ. Такими глубокими корнями уходитъ въ прошлое этотъ символическій крестъ на малиновомъ знамени Норвегіи.

И такіе же малиновые флаги развѣваются повсюду на горахъ по ту сторону рѣки.

Сегодня воскресенье 31 іюля, день всенароднаго голосованія.

Послѣ богослуженія въ маленькой церкви, которая обслуживаетъ всю эту мѣстность на много верстъ вокругъ, мы слышимъ три глухихъ выстрѣла старой пушки, которая, вѣрно, сама удивляется безконечнымъ раскатамъ въ горахъ. Мы всѣ спѣшимъ на террасу, и оттуда собственными глазами и съ помощью биноклей слѣдимъ за тѣмъ, что будетъ происходить.

Какъ разъ противъ насъ, по ту сторону Логена, въ развѣтвленіи долины стоитъ коммунальный домъ округа. Надъ нимъ развѣвается малиновое знамя. Такіе же флаги алѣютъ почти надъ каждой усадьбой. Стоитъ только взглянуть — вездѣ они есть.

И вотъ мы наблюдаемъ, какъ по дорогѣ изъ церкви ползутъ черныя точки: это люди идутъ пѣшкомъ, по одному или гурьбой, ѣдутъ на легкихъ каріоляхъ — и всѣ въ одномъ направленіи, къ коммунальному дому. Черезъ рѣку Логенъ отъ нашего берега то-и-дѣло отчаливаетъ перевозчикъ съ пассажирами, перевозить ихъ на песчаную отмель той стороны и съ пустой лодкой возвращается назадъ, чтобы снова посадить людей. Особенно оживленно на мосту, гдѣ сходятся нѣсколько дорогъ; тутъ ѣдутъ и идутъ безпрерывно. Черный людской потокъ льется часа два, три подъ-рядъ. Стоитъ взглянуть въ другую сторону, повыше на горы, какъ сейчасъ же замѣтишь людей, идущихъ изъ лѣса, шагающихъ по большой полянѣ все къ тому же коммунальному дому.

— Взгляните, — говоритъ, смѣясь, мой пріятель. — Видите, тамъ изъ лѣсу вышли на поле трое людей? Съ ними черная большая собака. Должно быть, и она идетъ сказать свое: да!

Всѣ у насъ оживлены праздничнымъ оживленіемъ. Мужчины уже давно отослали свое да въ письмѣ въ тотъ городъ, гдѣ имъ нужно подать голосъ. Хозяйка необыкновенно любезна, домъ украшенъ гирляндами изъ еловыхъ вѣтокъ, березы и рябины (красныхъ цвѣтовъ неоткуда было достать!), на площадкѣ накрывается столъ, подаютъ кофе и горячія вафли, національное печенье въ Норвегіи.

У коммунальнаго дома толпа людей начинаетъ расходиться. Повозки, стоявшія тѣсными рядами, одна за другою выводятся,

отъѣзжающіе садятся, катятъ назадъ къ мосту. Очевидно, голо-
сованіе кончено. Уже четыре часа.

У насъ на площадѣ собирается молодежь; къ ней при-
стаютъ старики, дамы, даже служанки въ красивомъ гудбран-
дальскомъ костюмѣ—черной юбкѣ и красномъ корсетѣ съ бѣ-
лыми рукавами.

Мой пріятель помахиваетъ тросточкой, всѣ обнажаютъ головы
и поютъ:

Да, мы любимъ эту землю...

Кончивъ гимнъ Бьерсона, совѣщаются, и поютъ одну пѣснь
за другою, стройно, съ одушевленіемъ.

Поютъ другіе стихи Бьерсона, тоже очень популярныя въ
Норвегіи:

Я буду защищать мою землю,
буду устранивать мою землю,
буду любить ее въ молитвахъ моихъ, въ дѣтяхъ моихъ,
буду умножать ея дары,
буду лечить ея раны...

Потомъ поютъ легенду о норвежскомъ героѣ, Олафѣ Трюг-
васонѣ, на которую написалъ чудную музыку Герульфъ, самый
вдохновенный и вѣжливый изъ новыхъ композиторовъ Норвегіи.

Парусъ надъ Сѣвернымъ моремъ плыветъ,
въ утреннемъ свѣтѣ стоитъ у руля
Эрлингъ Шяльсонъ изъ Сола,
моря предѣлъ озираетъ вокругъ:
„Гдѣ ты, Олафъ Трюгвасонъ?“

Пятьдесятъ-шесть загорѣлыхъ людей
парусъ спустили, съ тревогой глядятъ
въ сторону датской земли:
„Гдѣ же остался корабль его, Змѣй?
Гдѣ ты, Олафъ Трюгвасонъ?“

Солнце снова надъ моремъ встаетъ,
мачты подъ небомъ не видно нигдѣ,—
бурей звучатъ голоса:
„Гдѣ же остался корабль его, Змѣй?
Гдѣ ты, Олафъ Трюгвасонъ?“

Тихо, тихо стоятъ они всѣ,
слышать—несется съ дальней земли
стонъ надъ морскою волной:
„Взять ужъ давно корабль его, Змѣй,
паль Олафъ Трюгвасонъ!“...

Долгіе годы прошли съ той поры.
 Въ лунную ночь тихій вздохъ надъ водой
 слышитъ норвежскій морякъ:
 „Взять ужъ давно корабль его, Змѣй,
 умеръ Олафъ Трюгвасонъ...“

Хорошій, ясный вечеръ, праздничное настроеніе долго еще одушевляютъ нашихъ пѣвцовъ.

Пропѣвъ всѣ пѣсни, какія только были имъ извѣстны, они наконецъ поютъ *шведскій* національный гимнъ:

Du gamla, du friska, du fjällhöga Nord...

—поютъ съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ и свои пѣсни, ничуть не смущаясь, что этимъ они закончатъ свой праздникъ отдѣленія и независимости.

Въ эти же дни шведскія газеты были переполнены злобными статьями; онѣ являли, называли праздникъ голосованія ловлею насиліемъ политикановъ надъ совѣстью норвежскаго народа...

VI.

На другой день мы отправились смотрѣть земледѣльческую школу нашего округа, а оттуда поѣхали въ Лиллехамерь.

Маленькій, чистенькій городокъ, въ которомъ съ десятокъ улицъ, дома—деревянные, двухэтажные. Все напоминаетъ нашу провинцію, за исключеніемъ чистоты, порядка и какаго-то неуловимаго оттѣнка высокой культуры.

Всѣ еще взволнованы вчерашнимъ днемъ. По улицѣ ходятъ группы людей, толкуютъ о результатахъ голосованія. Съ необычайнымъ усердіемъ голоса за-ночь подсчитаны по всей Норвегіи, кромѣ дальнихъ округовъ, приведены въ извѣстность.

На углу видимъ на стѣнѣ дома вывѣшенные листы съ цифрами. Передъ ними толпа, люди со всѣхъ сторонъ идутъ сюда же. Человѣкъ въ обыкновенномъ городскомъ платьѣ, только съ фуражкой, обшитой узкимъ золотымъ позументомъ (похоже на нашихъ швейцаровъ въ гостинницахъ), стоитъ тутъ же и дружески разговариваетъ съ горожанами.

Это—единственный полицейскій на весь Лиллехамерь.

Мы тоже подходимъ и читаемъ, что нашъ округъ единогласно подалъ свое *да*. Въ городѣ Хамарѣ одинъ голосъ сказалъ: *нѣтъ*.

— Должно быть, шведъ,—говорятъ вокругъ.

— Въ Норвегіи болѣе сорока тысячъ шведовъ,—говорятъ

моя спутница, народная учительница изъ Христианіи.—Шведы чувствуютъ себя у насъ отлично. Они пользуются болѣе широкими правами, чѣмъ у себя на родинѣ.

Впослѣдствіи оказалось, что шведы, изъ уваженія къ приютившей ихъ странѣ, въ огромномъ большинствѣ воздержались отъ голосованія.

Въ тотъ день еще не былъ извѣстенъ окончательный выводъ всенароднаго опроса; черезъ недѣлю выяснилось, что только 184 голоса отвѣтили: *нѣтъ*.

Эта недѣля дала норвежскому народу радостное, счастливое сознаніе своего единства.

Женщины, которыя имѣютъ въ Норвегіи только коммунальныя права наравнѣ съ мужчинами, показали себя въ эти дни истинными гражданами.

Всѣ женскія общества, всѣ женскіе союзы, клубы, общины голосовали у себя вопросъ о расторженіи уніи и единогласно отвѣтили: *да*.

Онѣ обратились съ такимъ воззваніемъ къ правительству: „Къ норвежскому стортингу и правительству!“

„Норвежскій народъ—мужчины—должны подать теперь свой голосъ, согласны ли они съ совершившимся расторженіемъ уніи. Мы не сомнѣваемся въ исходѣ. Мы знаемъ, что единодушное *да* раздается съ одного края страны до другого.

„Норвежскія женщины обладаютъ пока только коммунальными правами, и потому не могутъ положить свои голоса на чашу вѣсовъ. Еслибъ онѣ имѣли на то право, онѣ засвидѣтельствовали бы, что *весь* норвежскій народъ стоитъ за одно.

„Наши союзы включаютъ въ себѣ многія тысячи норвежскихъ женщинъ. Потому мы можемъ знать настроеніе женщинъ по всей Норвегіи. Мы знаемъ, что къ радости по поводу предстоящаго рѣшенія у нихъ примѣшивается скорбь о томъ, что онѣ по закону не могутъ принять участіе своимъ единогласнымъ *да*.

„Хорошо сознавая серьезную отвѣтственность, мы объявляемъ, что за голосующимъ народомъ стоятъ женщины, поддерживая норвежскую семью въ томъ рѣшеніи, которое будетъ принято.

„Христианія, 13-го августа 1905“.

Это заявленіе подписано 565-ю союзами.

Газеты въ это время были переполнены разсказами о томъ, какъ прошелъ день голосованія въ разныхъ мѣстахъ.

Повсюду города были украшены флагами, повсюду послѣ торжественнаго богослуженія люди стремились къ урнамъ, по-

всюду передъ избирательными зданіями стояла празднично-разодѣтая толпа и ждала подсчета голосовъ и вывѣшенныхъ списковъ. Каждое единогласное *да* покрывалось криками ура! Вечеромъ всюду зажгли иллюминацію, люди ходили по улицамъ, жалко было расходиться по домамъ.

Множество случаевъ доказали, какъ принялъ къ сердцу народъ подачу голосовъ. Къ слову сказать, потомъ оказалось, что почти втрое большее число людей воспользовалось своимъ правомъ голоса по сравненію съ послѣдними выборами въ стортингъ.

Въ Христіаніи явился въ школу, гдѣ шло голосованіе, живущій въ настоящее время въ долинѣ Сергъ. Онъ прошелъ сорокъ верстъ пѣшкомъ въ Христіанію, чтобы голосовать тамъ, гдѣ онъ жилъ въ 1903 году (время послѣднихъ выборовъ).

— Я пользовался моимъ правомъ голосовать каждый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ я имъ владѣю,—сказалъ онъ съ гордостью.— Тѣмъ болѣе хотѣлось мнѣ воспользоваться имъ теперь.

Другой проѣхалъ на велосипедѣ 170 верстъ, чтобы поспѣть къ голосованію.

Многіе были въ смущеніи относительно вопроса, гдѣ они должны подавать голосъ: непременно ли тамъ, гдѣ жили въ 1903. Одинъ человекъ былъ въ сомнѣніи, гдѣ ему голосовать,—въ Христіаніи или въ мѣстечкѣ Аскеръ. Для него снеслись по телефону съ Аскеромъ, и оказалось, что онъ записанъ гласнымъ въ тамошнемъ выборномъ комитетѣ. Тогда этотъ человекъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ на станцію желѣзной дороги и съ первымъ поѣздомъ поспѣшилъ въ Аскеръ.

Старики, которые прежде совсѣмъ не пользовались своимъ правомъ голоса, всюду были видны среди толпы, которая стремилась къ урнамъ.

Девяностолѣтній старецъ, много лѣтъ не выходившій изъ комнаты, поѣхалъ на выборы самъ, ни за что не соглашався послать свой голосъ по почтѣ.

Въ Осло голосовали двое, изъ которыхъ одинъ родился въ 1819 году, а другой въ 1820-мъ.

Повсюду паромы, разукрашенные флагами, и моторы даромъ возили гласныхъ въ города; ящики даромъ поставляли экипажи и лошадей, въ Христіаніи дрожки со значкомъ норвежскихъ цвѣтовъ тоже даромъ развозили старыхъ и слабыхъ.

Въ большинствѣ случаевъ голосовали послѣ обѣдни въ школьныхъ и коммунальныхъ домахъ. У дверей становились два человека: одинъ съ билетиками, гдѣ было напечатано: *да*, другой—

съ такими, гдѣ стояло: *нѣтъ*. Во многихъ мѣстахъ нельзя было за деньги найти человѣка, который согласился бы стоять у дверей выборнаго собранія съ билетиками *нѣтъ*.

Даже прибрежные жители, островитяне, отдѣленные бурнымъ моремъ отъ континента, выѣхавшіе далеко въ море на ловлю, всѣ эти суровые, совсѣмъ мало занимающіеся политикою моряки и рыбаки прислали очень большое количество голосовъ.

Интересъ къ голосованію былъ такъ великъ, что газеты разбирались нарасхватъ. Одна изъ нихъ напечатала въ это воскресенье вечернее изданіе на 30.700 экземпляровъ болѣе, чѣмъ въ обыкновенные дни. При двухъ-милліонномъ народѣ и при множествѣ другихъ вечернихъ газетъ это—цифра огромная.

Были единичные голоса и противъ расторженія уніи.

Одинъ пасторъ-проповѣдникъ въ Христіаніи съ высоты своей церковной катедры громилъ правительство и доказывалъ текстами, что Христосъ—противъ расторженія шведско-норвежской уніи. Объ этомъ же пасторъ писалъ и въ своихъ книгахъ. Легко представить себѣ, съ какимъ чувствомъ слушали его прихожане, у которыхъ *да* было уже давнымъ-давно рѣшено. Вступилась власть. Пасторъ былъ лишенъ на мѣсяцъ права проповѣди, но писать онъ могъ все, что ему было угодно.

VII.

Впрочемъ, наша поѣздка въ Лиллехамеръ не имѣла отношенія къ голосованію.

Какъ сказано выше, мы поѣхали осматривать земледѣльческую школу нашего округа, и благодаря любезности одного изъ учителей,—котораго мы сначала приняли за простаго рабочаго,—познакомились со всѣмъ обиходомъ школы и съ ея программами, одинаково обстоятельными по научной части и по практической.

Человѣкъ двадцать молодыхъ крестьянъ только-что вернулись съ полевыхъ работъ и съ удовольствіемъ показывали намъ свои классы, свои скудные и чистыя каморки въ верхнемъ этажѣ. Все здѣсь дышало трудомъ и суровой простотой,—и люди съ мозолистыми руками и обвѣтренными лицами, и голыя стѣны съ необходимѣйшими пособіями въ большихъ шкапахъ деревенской работы.

Пробывъ нѣсколько часовъ въ школѣ, мы отправились дальше въ городокъ. Намъ хотѣлось увидѣть знаменитый музей норвежской старины на открытомъ воздухѣ.

Моя спутница давно уже, съ гордостью истой патриотки, рассказала мнѣ исторію этого музея.

Зубной врачъ Сандвигъ, житель Лиллехамера, совершенно самостоятельно задумалъ и создалъ его.

У него были нѣкоторые средства, и онъ рѣшилъ употребить ихъ на оригинальное предпріятіе, имѣющее теперь огромную художественную цѣнность. Онъ ѣздилъ по захолустьямъ, скупалъ старинные шкапы и кровати съ рѣзбою и живописью, собиралъ старинную утварь и посуду, тканые ковры съ изображеніемъ богатырей и сценъ изъ былинъ, кольца и запястья, серебряные свадебные вѣнцы, старинныя одежды и вышивки.

Мало того,—онъ задумалъ перенести цѣликомъ старинные дома, церкви и амбары въ родной Лиллехамеръ.

Онъ покупалъ избу, которая стояла гдѣ-нибудь въ глухомъ горномъ захолустьи нѣсколько сотъ лѣтъ, стояла забытая и заключенная со всею утварью давнихъ временъ. Подъ его строгимъ, терпѣливымъ руководствомъ рабочіе разбирали потемнѣвшія отъ времени бревна, принявшія цвѣтъ сосновой шишки, разбирали весь срубъ и каждое бревно помѣчали цифрою. Бережно перевозился и переносился по частямъ разобранный домъ горными тропами до первой большой дороги и отправлялся дальше въ Лиллехамеръ.

Въ Лиллехамерѣ, за городомъ, на лѣсистой и холмистой площадкѣ было предназначено мѣсто для дома. Онъ снова складывался здѣсь, его крыша покрывалась зеленымъ дерномъ, вокругъ него шумѣли березы и сосны совершенно какъ на старомъ мѣстѣ, а внутри все разставлялось такъ, какъ было разставлено въ старину.

Такъ перевозился въ Лиллехамеръ одинъ старинный домъ за другимъ, образовался какъ бы поселокъ—только безъ людей,—состоящій изъ жилыхъ домовъ, амбаровъ, клѣтушекъ, погребовъ и даже одной церкви, долгое время служившей хлѣбнымъ складомъ.

Посрединѣ этого поселка—прудь, гдѣ полощутся утки и журавли и гдѣ отражаются темноворичневые, оригинальныя строенія.

Если вы обойдете ихъ и внимательно рассмотрите ихъ устройство и убранство, передъ вами пройдутъ различныя степени культуры съ древнѣйшихъ временъ.

Вотъ около церкви, у подножія холма, древняя избушка, Орестюэ. Въ такихъ хижинахъ жили норманы въ тѣ времена, когда у нихъ шла усобица между племенами, когда человѣкъ человѣку былъ врагъ въ дремучихъ лѣсахъ и горныхъ тропкахъ.

Изба эта не имѣетъ оконъ. Посрединѣ сложенъ изъ каменныхъ глыбъ очагъ; дымъ проходилъ черезъ дыру въ потолокъ, и эта же дыра пропускала свѣтъ. Въ стѣнахъ вырѣзаны четырехугольныя отверстія, которыя затыкались затычкою изъ дерева. Выглянетъ человѣкъ, окинетъ бояливымъ взглядомъ окрестность, и поскорѣе опять заткнетъ дозорное окошечко. Подъ скамьями въ стѣнахъ понадѣланы щели для стрѣльбы. Все убранство хижины состоитъ изъ лавоѣ и длиннаго стола. Скамьи съ ножками изъ цѣльнаго ствола дерева съ вѣтвями: ножки обдѣланы изъ вѣтвей. На столѣ—деревянные чашки, блюда, ковши. На бревенчатыхъ стѣнахъ висятъ сѣкиры, топоры, ножи, копыя, лукъ со стрѣлами. Поодаль развѣшана хозяйственная утварь: красной мѣди котелъ, желѣзная сковорода; тутъ же на скамѣ деревянный жбанъ для пива. Большой тканый узорчатый коверъ виситъ на другой стѣнѣ.

Я смотрю на эту низкую, темную хижину, и чудится мнѣ осенній вечеръ, холодъ, вѣтеръ въ горахъ,—огонь пылаетъ на очагѣ, озаряетъ краснымъ свѣтомъ рослыхъ людей въ грубыхъ одеждахъ и женщинъ, поднимающихъ сильными руками котелъ съ кипящимъ варевомъ. Дики ихъ взгляды и дики разговоры о борьбѣ со звѣремъ въ лѣсной трущобѣ, о жести и крови, о войнѣ, засадахъ, опасностяхъ. Хозяинъ зоркимъ взглядомъ осматриваетъ мѣстность черезъ отверстіе въ стѣнѣ; собираются ужинать, ѣсть съ жадностью и пить, въ смутной радости, что они цѣлы, живы еще, не убиты. Потомъ хозяйка закроетъ дыру надъ очагомъ рамою, на которую натянуть пузырь,—и всѣ заснутъ съ чуткостью людей, готовыхъ ежеминутно вскочить и обороняться съ сѣкирой и мечомъ противъ внезапнаго врага.

И даже на такой низкой степени развитія человѣкъ уже имѣетъ потребность красоты! Дыра въ крышѣ представляетъ деревянную обшивку съ великолѣпнымъ рѣзнымъ орнаментомъ, тканый коверъ изященъ по краскамъ и по рисунку, деревянная и мѣдная утварь имѣетъ художественную форму.

Другія строенія составляютъ слѣдующія ступени человѣческой культуры въ Норвегіи.

Вотъ изба съ *окномъ*, хотя очень маленькимъ, съ слюдяною рамою, оправленной въ олово. Сбоку грубый очагъ безъ трубы, съ отверстіемъ на потолокъ. Рѣзьба украшаетъ притолку у дверей, полки, ножки стола, деревянные изящной формы ковши и миски.

А потомъ мы переходимъ въ третій домъ, являющій собою третью степень культуры.

Большое длинное окно съ рамою изъ оловяннаго переплета

съ маленькими стеклышками; дверь, окованная желѣзными скрѣпами; длинный столъ для веселаго пира богатырей; тѣсныя великолѣпныя ковры по стѣнамъ вмѣсто картинъ; дивной работы шкѣпчикъ и утварь; скамья, покрытая ковромъ, и надъ нею, вдоль спинки, продолговатое окно или прорѣзъ въ стѣнѣ въ другую комнату, — спальню, — и рядомъ низкая дверь въ эту спальню, — дверь съ высокимъ порогомъ, черезъ который шагали многія цоколѣвнѣ и вытоптали въ немъ выемку.

Что составляетъ главную прелесть этого дома и его особенную красоту — это глубоко-художественная гармонія всѣхъ его частей. Здѣсь нѣтъ дерева, раскрашеннаго „подъ мраморъ“, и металла, размалеваннаго „подъ дерево“. Матеріалъ разработанъ въ его собственномъ видѣ. Дерево покрыто рѣзбою, утварь имѣетъ простыя и гармоничныя формы, мѣдъ блеститъ богатыми красными оттѣнками, желѣзо строго темнѣетъ синимъ отливомъ; ковры изящны, ярки, декоративны. И всюду господство одного матеріала, дерева, и любовь къ нему, умѣнье опѣнить его качества и показать ихъ въ художественной обработкѣ. Потому дерево и деревянные издѣлія производятъ здѣсь то же впечатлѣніе, какъ мраморъ въ Италіи.

Это древнее норвежское искусство удивительно близко нашему, оно сродни ему, — это чувствуется въ каждомъ орнаментѣ. Кто у кого заимствовалъ, кто у кого учился такъ художественно понимать матеріалъ, данный природою, кто кого вдохновлялъ въ тѣ далекія времена, когда скандинавскіе князья ѣздили въ богатую „Гардарику“, въ Кіевъ, — въ метель и вьюгу мчались къ радушному Ярославу, спасаясь отъ враговъ?

Затѣмъ мы и выходимъ на темное крылечко съ точеными столбиками. Справа — чуланъ съ красивымъ кованымъ замкомъ на двери, а рядомъ — узкая и почти отвѣсная лѣстница наверхъ, въ дѣвичій теремъ.

На площадкѣ лѣстницы и въ узкой длинной горницѣ маленькія окна въ оловянномъ переплетѣ. Тутъ когда-то стояли русыя, статныя дѣвушки, облокотясь на подоконникъ, смотрѣли вдаль, въ горы, на дорогу, мечтали о своемъ счастьи, гадали.

Въ длинныхъ сундукахъ копилось ихъ приданое — холсты, ковры, платье. Въ высокомъ шкапу за стекломъ сіяютъ тяжелые серебряные вѣнцы, которые были для нихъ предметомъ завѣтныхъ думъ. Много вышитыхъ, рѣдкихъ нарядовъ, кружевъ, колець и запястій собрано здѣсь, — всего и не пересмотришь.

Мы идемъ дальше, въ другія зданія, и заходимъ въ уютную церковку на холмѣ, потомъ осматриваемъ домъ шкипера XVII-го

вѣка и домъ деревенскаго священника той же эпохи; заходимъ въ амбаръ—стабуръ,—настоящую „избушку на курьихъ ножкахъ“, ходимъ столько, что уже и голова начинаетъ кружиться, а все жалъ уйти изъ этого очаровательнаго уголка.

VIII.

Сумерничали мы на площадѣ передъ нашимъ домомъ, и смотрѣли, какъ напротивъ въ темныхъ горахъ зажигались огни въ усадьбахъ.

Надъ Мьёсеномъ ночь, только справа за горами свѣтъ еще не погасъ.

Мы разговорились о Норвегіи и ея порядкахъ.

— Миѣ не нравятся ваши студенты, ихъ благоразуміе, вялость, ограниченность ихъ интересовъ. — Я ихъ критикую и рассказываю, что такое у насъ студентъ.

— А у насъ въ Норвегіи сорокъ-пять тысячъ лишнихъ женщинъ, — говоритъ одинъ изъ сидящихъ на скамейкѣ, — богатъ, имѣющій корабельную верфь. Онъ нравится миѣ своимъ юморомъ и недюжиннымъ умомъ. — Да, сорокъ-пять тысячъ! Потому молодые люди должны быть осторожны. У насъ матери учатъ сыновей, чтобъ они опасались молодыхъ дѣвицъ. Долго ли поймать!

Но другой мой собесѣдникъ переводить разговоръ на другое.

— Наши студенты все-таки патріоты, — вступается онъ за нихъ.

— У васъ они патріоты, а у насъ народолюбцы.

— Позвольте! И у насъ есть такіе „народолюбцы“, какъ вы говорите. Въ Христианіи есть кружокъ свободомыслящихъ студентовъ, Den frisindede studenterforening, который издаетъ книжки для народа.

— Но скажите, это — большинство или меньшинство? Въ этомъ вся суть.

— Что говорить! — перебилъ „консулъ“. — Большинство вотъ какое: или бережливы, расчетливы, осторожны, сидятъ за книгами, чтобы лучше сдать экзаменъ; или же любятъ удовольствія, веселье, компанію и пропадаютъ въ пивныхъ и ресторанахъ.

— Экзамены сдаются на права?

— Да. Такъ называемый служебный экзаменъ. Чтобы быть къ нему допущеннымъ, нужно сначала сдать экзаменъ философ-

скій. Тутъ главный предметъ — философія, а кромѣ нея пять другихъ предметовъ по выбору кандидата. Къ этому готовятся два или три полугодія. Потомъ уже, сдавъ его, готовятся къ служебному экзамену, который даетъ права на должности.

— Сколько же времени готовятся къ нему?

— Смотря по факультетамъ. Богословіе сдаютъ послѣ девяти полугодій, юристамъ полагается восемь семестровъ, врачамъ—14, филологамъ 10 и естественникамъ тоже 10.

— Ну, ужъ и учатся у васъ!..

— Да, знаете, я на такую канитель не былъ способенъ,— говорить „консулъ“ съ откровеннымъ смѣхомъ.— Я люблю больше живое дѣло и учился въ кораблестроительной школѣ. Развѣ можно сравнить хорошо выстроенный, новенькій, быстроходный и легкій пароходъ съ увѣсистыми томами богословія или латинскихъ классиковъ?

— У насъ въ Норвегіи очень хорошія техническія школы,— прибавляетъ другой господинъ, тоже имѣющій какія-то дѣла на верфи въ одномъ изъ южныхъ приморскихъ городовъ.

Моя пріятельница, народная учительница изъ Христіаніи, не можетъ пропустить случая, чтобы не поговорить о томъ дѣлѣ, которому она служитъ.

— Когда вы вернетесь въ Христіанію, вы должны непременно посмотрѣть нашу школу, Фосскую школу. Вѣдь у насъ три тысячи дѣтей, пяти-этажный огромный домъ. Учатся въ двѣ смѣны, потому что заразъ для всѣхъ не хватаетъ мѣста. Первая партія дѣтей приходитъ въ восемь часовъ утра и остается до часу; въ часъ является вторая партія и занимается до четырехъ.

— Неужели несчастные учителя работаютъ съ восьми до четырехъ?

— Нѣтъ, конечно. И для учителей есть смѣна. Я, напримеръ, въ нынѣшнемъ году буду заниматься въ первую очередь съ восьми до часу, а въ будущемъ перейду на вторую смѣну. Непременно пріѣзжайте въ Фосскую школу. Я вамъ покажу все, попрошу нашего ректора показать, что только для васъ интересно. У насъ великолѣпная гимнастическая зала. Вы увидите въ ней знамя нашей школы, бѣлое полковое съ богатымъ шитьемъ.

— Для чего это знамя?

— Семнадцатаго мая, въ праздникъ нашей конституціи, всѣ дѣти изъ народныхъ школъ Христіаніи проходятъ со своими знаменами и съ музыкой по главнымъ улицамъ. Это замѣча-

тельное зрѣлище. Народъ толпится, изъ оконъ и съ балконовъ смотреть на наше шествіе, — всѣ любятъ, какъ отчетливо маршируютъ ребятишки, — молодая Норвегія.

Другія учительницы подсаживаются къ намъ и начинаютъ рассказывать про свои школы. Одна изъ нихъ учительствуетъ въ городѣ Stenkjaer, сѣвернѣе Тронъема, гдѣ зимою почти всѣ школьные часы проходятъ при ламповомъ освѣщеніи. Другая учитъ въ школѣ для слѣпыхъ. Она показывала мнѣ наканунѣ большую и очень толстую книгу съ наколами, по выпуклостямъ которыхъ слѣпые читаютъ пальцами. Этотъ томъ былъ евангеліе отъ Іоанна.

Обѣ учительницы, да и вообще большинство женщинъ, жившихъ на этой горѣ, были необыкновенно богомольны. Онѣ охотно читали сообща духовныя книги, проповѣди и многое другое въ этомъ родѣ, постоянно посѣщали по утрамъ молитвенныя собранія, слушали проповѣди пастора (а за неимѣніемъ пастора — толстенькаго купца) и пѣли свои гимны. Пріѣздъ пастора былъ для нихъ событіемъ.

Къ намъ подошла и сѣла въ темнотѣ на скамейку толстая старушка и тотчасъ же свела разговоръ со школьнаго дѣла на благочестивыя дѣла. Она съ величайшимъ жаромъ доказывала, что главное дѣло христіанъ — миссіонерство, что мы *должны* заботиться о душахъ язычниковъ. Почему-то ей сердцу были особенно дороги язычники Мадагаскара. Она сама работала для Мадагаскара и призывала всѣхъ насъ помочь обращенію на путь истинный грѣшнаго Мадагаскара, и сыпала текстами.

Весьма интересно было слушать эти разговоры. Въ норвежскихъ газетахъ — лучшихъ — постоянно мнѣ приходилось видѣть и читать проповѣди; въ маленькомъ сборникѣ „Seip's Visebog“ (пѣсенъ для семьи) изъ 332 нумеровъ больше половины, къ моему изумленію, оказались духовными стихами... Разъ на вышкѣ горы, за отсутствіемъ пастора, одна учительница энергично собрала всѣхъ (и прислугу), сказала проповѣдь и выбрала гимны для пѣнія. И всѣ были очень довольны.

Не характерно ли для настроенія норвежскаго народа и норвежской семьи то обстоятельство, что изъ 565 женскихъ обществъ около 270 — религіозныя? Большинство изъ нихъ носитъ названіе миссій, mission. Тутъ всякія: миссіи для просвѣщенія язычниковъ и миссіи для просвѣщенія заблудшихъ овецъ своего стада. Есть миссія для Мадагаскара (со множествомъ отдѣленій), для зулусовъ, для Китая, для Наталя, для Индіи, для лапландцевъ, для евреевъ. „Внутреннія миссіи“ спасаютъ матросовъ

(т.-е. ихъ нравственность), заблудшихъ женщинъ, прислугу, испорченныхъ дѣтей. Къ этому нужно еще прибавить общества трезвости и нравственности подъ разными названіями: *Блмая Лента*, *Синяя Лента*, общество *Добрыхъ Храмовниковъ* съ лозжами различныхъ наименованій. Въ такихъ обществахъ члены—обоого пола. Мужчины точно также имѣютъ, кромѣ того, свои религиозные кружки.

За вычетомъ всего этого, въ Норвегіи оказывается очень немногo политическихъ и общественныхъ союзовъ.

Когда толстая старушка окончила свою рѣчь и въ достаточной мѣрѣ пристыдила равнодушныхъ, зашелъ разговоръ о *санитарномъ обществѣ*, созданномъ въ Христіаніи десятью энергичными лицами. Этотъ рассказъ какъ нельзя лучше характеризовалъ предпримчивость скандинавской расы, ея талантъ организоваться, добиться намѣченной цѣли.

Десять человекъ—безъ гроша—начинаютъ дѣло, обходятъ квартиры, собираютъ средства, учреждаютъ общество. Это общество по выгоднымъ цѣнамъ наготовливаетъ все нужное для санитарной помощи, и въ нѣсколько лѣтъ дѣло принимаетъ характеръ государственной важности. За отсутствіемъ войны, посылаютъ помощь погорѣльцамъ, а кромѣ того открываютъ въ Христіаніи колонію для бѣдныхъ, больныхъ чахоткою.

IX.

Отъ этихъ проповѣдей и разговоровъ, отъ „буржуазныхъ“ студентовъ. и „богомольныхъ“ женъ меня опять потянуло въ горы, къ природѣ.

Съ маковки нашей горы меня манили широкіе горизонты, дразнили молчаніемъ своимъ и величіемъ свѣжяя очертанія ледниковъ.

Спустишься оттуда внизъ, къ людямъ,—и хочется „разбить свои скрижали“, уйти опять подальше, какъ можно дальше.

И вотъ настало то счастливое, хотя и хмурое утро, когда нашъ 14-ти-лѣтній Іенсъ, „окончившій свое образованіе“, подалъ лошадь, и маленькая его коляска повезла меня внизъ, въ долину, гдѣ рядомъ съ зеленымъ Логеномъ извивался желѣзный путь. У маленькой деревянной станціи, прекраснаго стиля, съ рѣзными украшеніями, на одну минуту остановился рѣзвый поѣздъ, забралъ меня и еще двухъ-трехъ пассажировъ и помчался дальше на сѣверъ по долинѣ Гудбранда.

Съ этимъ поѣздомъ пужно было достигнуть Отты, конечнаго пункта дороги въ горахъ, а оттуда предстояло ѣхать на лошадахъ.

Мы мчались въ узкой, стиснутой горами долинь, если можно назвать такъ полосу земли, по которой протекаетъ рѣчка и остается только еще нѣкоторое пространство для береговой дороги. Дикія скалистыя горы загромождали течение рѣчки; Логенъ извивался между ними какъ зеленая змѣя. Изъ окна вагона видно было, какъ за нами смыкались за поворотомъ горы, и передъ нами точно также стояла гранитная лѣсистая стѣна, которую мы или огибали, или провизывали туннелемъ.

Шумно прыгалъ Логенъ бѣлыми гривами по каменнымъ глыбамъ своего русла, гремѣлъ безчисленными водопадами, и всѣ эти водопады бѣжали намъ навстрѣчу, то-есть на югъ, въ Скагерракъ.

По временамъ узкое ущелье расширялось въ долину, то пошире, то поуже. Гдѣ было больше простора, тамъ все было воздѣлано до лѣсистаго пояса горъ. Въ этотъ день—15-го августа—здѣсь жали. Можно было видѣть семьи, которыя работали на своемъ участкѣ, — мужчины, женщины и даже дѣти. Рожь была жидкая и тонкая. Жали ее серпами. Между зеленою луговъ и лѣсовъ желтыя четырехъ-угольныя нивы казались платками, брошенными на землю. Вверху въ горахъ, которыя становились все выше, выше и сумрачнѣе, виднѣлись избушки сѣте-ровъ. На станціяхъ цифры показывали высоту желѣзнодорожнаго пути: 300 метровъ, и съ каждой станціей цифра росла...

Дикая мѣстность лежала кругомъ. Горы были отиѣсны и темнаго камня, съ причудливыми очертаніями — какъ будто самая маковка слѣзла у нихъ къ югу, и онѣ ее нахлобучили себѣ на глаза, какъ шапку. Внизу, тамъ гдѣ кончались щетиистые сосновые лѣса, были разсыпаны „горды“. Строенія всѣ почти были темнокоричневыя, и въ усадьбѣ число ихъ было отъ пяти до десяти. Кое-гдѣ стояли бѣлыя церкви съ острыми шпилями.

Въ узкихъ мѣстахъ Логенъ прыгалъ и пѣнился какъ будто съ отчаяніемъ, а гдѣ долина расширялась, текъ спокойно, широкою лентой.

Желѣзнодорожный путь былъ пробить въ скалахъ и постоянно мѣнялъ берега. Скалы казались несокрушимой крѣпости; онѣ были срѣзаны грубо, торчали острыми клиньями, точно зубами. Чахлая сосны пѣплялись за нихъ и скудно покрывали своею зеленою каменъ. Только дальніе лѣса казались бархатно-густыми.

Мы внезапно летимъ въ туннель, изъ туннеля прямо на мостъ

черезъ .Логенъ. Новая — широкая — долина, новые виды, горы все выше и выше.

Глазу, уже привыкшему въ горнымъ тѣснянамъ, долина Рингебю кажется просторной. Въ самомъ дѣлѣ, она похожа на огромное корыто и напоминаетъ широкій амфитеатръ горъ у Лиллехамера. Вся она представляетъ точно шахматное поле своими безчисленными квадратами желтаго и зеленаго цвѣта. Во множествѣ разсыпаны „горды“; человекъ точно обрадовался тутъ простору и поспѣшилъ занять драгоценную землю. Дома зажиточны, и крестьяне этихъ мѣстъ извѣстны своимъ гордымъ нравомъ. По норвежской мѣрѣ, и земледѣліе, и скотоводство въ Рингебю — значительны. Множество сѣтеровъ въ горахъ; тамъ глѣтомъ пасется скотъ и ведется молочное хозяйство. Эти горные склоны, которыми окаймлено корыто долины, — не чтò иное, какъ обрывы нагорій, имѣющихъ высоту болѣе 1.000 метровъ и тянувшихся на многіе десятки и сотни верстъ.

Но даже въ Рингебю, въ этомъ культурномъ оазисѣ, человеку нужно было много потрудиться, чтобы привести землю въ ея настоящій видъ. Огромныя кучи камней у каждой усадьбы; высокія ограды изъ валуновъ безмолвно говорятъ о томъ, чтò такое была долина Рингебю въ прежнія времена.

Рингебю — самая плодородная мѣстность изъ всей долины Гудбранда. Дальше горы опять смыкаются, и полоса скотовъ, гдѣ можно пахать и жать, опять дѣлается круче и уже. Только-что успѣло солнце поиграть лучами на прелестной веселой картинѣ, какъ она скрылась изъ глазъ, и опять гранитъ, гнейсъ, темный и блестящій шиферъ, и на этихъ каменныхъ породахъ сосны, сосны безъ конца, и только кое-гдѣ все болѣе и болѣе одинокіе „горды“.

Промелькнули на одной изъ станцій осанистые крестьяне въ красныхъ фригійскихъ колпакахъ; въ нашъ вагонъ входятъ рыбаки съ припасами и снарядами (Логенъ и впадающія въ него рѣчки богаты форелью); за ними вслѣдъ — крестьянскія дѣвушки въ черныхъ юбкахъ съ красными нашивками, въ красныхъ корсетахъ и бѣлыхъ рукавахъ. Разговоръ трудно понять, — они говорятъ на народномъ нарѣчій; я люблю ихъ спокойными, умными лицами, ихъ красивыми типами, ихъ статными фигурами. Они выходятъ на слѣдующей маленькой станціи, гдѣ изъ боковой долины въ Логенъ бросается горный потокъ, должно быть очень рыбный.

А мы летимъ дальше.

Все бѣднѣе растительность, все глуше мѣста. Крестьянскіе

дома всё покрыты дерновыми кровлями. Они напоминаютъ избушки въ музеѣ Лиллехамера. Трубы высокія, шершавыя, искривленные бурями. Онѣ сложены изъ черныхъ шиферныхъ плитокъ, и края этихъ плитокъ торчатъ неровными зубцами. Только дома побогаче крыты шиферомъ.

Красиво лежатъ въ горахъ полустанки: Винстра, Квамъ, Шуа... Изъ узкихъ долинъ справа и слѣва бѣгутъ въ Логенъ ручьи и потоки. Наконецъ, появляется высокая гора Формокампенъ и у ея подножія съ десятокъ строеній—Отта.

Дальше уже нѣтъ паровозовъ и вагоновъ: тамъ—царство дикихъ горъ и хмурыхъ надгорій.

X.

Наслушавшись разсказовъ о нестерпимомъ холодѣ въ горахъ въ августъ мѣсяцѣ, я ни за что не хочу ѣхать на лошадяхъ безъ шубы. Хозяинъ гостиницы смѣется моему шведско-норвежскому языку, и безъ дальнихъ разговоровъ выноситъ мнѣ великолѣпную медвѣжью шубу, въ которой не страшно было бы ѣхать и на Шпицбергенъ.

Ни денежнаго залога за нее, ни платы брать не хотятъ.

Я вспоминаю разсказъ знакомаго норвежца, который видѣлъ у самой дороги на камнѣ, гдѣ-то въ горахъ, записочку и изрядную сумму денегъ бумажками и серебромъ. На запискѣ былъ адресъ, кому положены деньги, и „конечно“, прибавилъ разсказчикъ, „никто ихъ не укралъ,—ихъ взялъ тотъ, кому онѣ были адресованы“.

Такъ кладутъ при дорогѣ письма, газеты, посылки...

Какъ хорошо въ этой прелестной Оттѣ въ уютной ложбинѣ между горъ—такъ бы и остался здѣсь!..

Но коляска уже подана, пара сытыхъ лошадей Ромсдала уже бьетъ копытами. Меня провожаютъ хозяинъ гостиницы и хозяинъ экипажной станціи, дружески, точно мы десять лѣтъ знакомы,—моему вучеру даются самыя точныя указанія на трехдневный путь,—улыбки, поклоны,—и мы ѣдемъ черезъ шумный Логенъ на ту сторону. Не проходитъ и пяти минутъ, какъ все—железная дорога, станція, Отта и всѣ горы вокругъ нея—пропадаютъ за поворотомъ дороги, уходящей въ горы на сѣверо-западъ.

День клонится къ вечеру, нашъ путь не далекъ: мы заночуемъ на постояломъ дворѣ Брендхугенъ, куда должны пріѣхать въ десятомъ часу.

Послѣ грохота вагона какое наслажденіе откинуться на мягкомъ сидѣньи коляски и предать себя этой неспѣшной, ровной ѣздѣ по гладкой дорогѣ! Въ лицо вѣетъ свѣжій, легкій воздухъ; тишина, одиночество, и только передъ глазами проходитъ въ красотѣ и безмолвіи одна картина за другой.

Отчего такъ свѣжъ воздухъ? Мы не видимъ ледяныхъ горъ Рондана, но онѣ недалеко. Ихъ загораживаетъ отъ насъ стѣна горъ, у подножія которыхъ бѣжитъ дорога. Воздухъ, если можно такъ сказать, пахнетъ снѣгомъ, и въ продолженіе многихъ дней мы будемъ упиваться имъ.

Среди ледниковъ Рондана зарождается горная рѣчка Ула. Она течетъ въ надгорьяхъ, а потомъ вдругъ обрушивается со своей высоты почти къ намъ на голову. У самой дороги по крутизнѣ летитъ пѣнная масса воды и подъ мостомъ стремится въ Логенъ. Пѣсня водопада оглашаетъ всю окрестность. Мы ѣдемъ дальше и снова видимъ водопадъ, но уже не столь могучій. Другая какая-то рѣчка, должно быть родная сестра Улы, низвергается внизъ, но не всю скатертью своихъ водъ, а множествомъ свѣжннхъ нитей, точно кто по зеленой стѣнѣ начертилъ бѣлыя извилистыя полосы.

Горная стѣна отступаетъ отъ дороги и вдругъ являетъ картину грознаго разрушенія.

Огромный обвалъ когда-то поросшей лѣсомъ горы обнажилъ ея нѣдра до половины. Почти отвѣсно подымается голая выѣтренная стѣна. Части ея, въ видѣ большихъ и малыхъ глыбъ, загромождали все внизу. Вверху въ чистомъ воздухѣ рисуются края обвала, и кажется, что вотъ-вотъ отколетса скалистый выступъ и рухнетъ внизъ.

Вечерѣтъ. Съ другой стороны бѣлѣтъ первая станція, но мы минуемъ ее. На той сторонѣ Логена, по крутому скату горъ, видны сжатые нивы. Лохматые шесты со снопами стоятъ рядами, другъ надъ другомъ. Какъ ухитрился человѣкъ вспахать эти крутые склоны! Какъ не свалился внизъ съ плугомъ и лошадыю! Бѣдность, малоземелье норвежскаго крестьянина становятся все понятнѣе—чѣмъ дальше ѣдешь въглубь страны.

А горы все бесплоднѣе и круче. Вотъ онѣ сомкнулись передъ нами, образовали щель.

Эта щель взорвана по краямъ, чтобы проложить дорогу. Въ ущельѣ внизу отчаянно бурлитъ Логенъ. Взыгравъ на каменныхъ глыбахъ снѣжной пѣной, онъ яростно мечется дальше, зацѣпляя за камни бѣлыми гривами. Ему тѣсно, некуда выкинуться; онъ мечется и мчится намъ навстрѣчу, точно спѣшитъ вырваться отсюда.

Дорога притулилась сначала съ правой стороны, но потомъ, упершись въ горы, перешла черезъ мостъ налѣво. Съ этого моста великолѣпный видъ на ущелье и рѣку, а всего съ одной стѣны горъ до другой нѣсколько сажень.

Дикая и грозная тѣснина, шумъ прозрачнаго и пѣнистаго Логена, ясный вечеръ, позволявшій видѣть отчетливо окружающія высоты,—все это произвело на меня яркое, увлекательное впечатлѣніе.

Вырвавшись изъ этого ущелья, мы попали въ новую, сначала узкую долину. Она чѣмъ дальше, тѣмъ больше расширялась. По ней бѣжалъ тотъ же Логенъ, уже не такой бѣшеный, но все же сердитый, съ свѣжей пѣной на порогахъ, и всѣ его маленькіе и большіе водопады попрежнему бѣжали намъ на встрѣчу.

Ясная лазурь меркла, на западѣ за горами горѣла багряная заря. Передъ нами затемнѣли очертанія постоялаго двора. Мы остановились у крыльца стариннаго крестьянскаго дома, подлѣ котораго стояли хозяйственные постройки.

Кучеръ сталъ отпрягать лошадей. Воздухъ былъ свѣжъ и чистъ какъ хрусталь. Невозмутимая тишина нарушалась только буйнымъ ропотомъ Логена. Съ горъ слышался мелодическій дѣвичій голосъ, звавшій домой стадо. Голосъ пѣлъ одну и ту же музыкальную фразу: соль-фа-ми-ре-до!... и на нее издали отзывались мычаніемъ коровы и телята, блеяніемъ—козы, и всѣ послушно шли на привычный зовъ.

Домъ, гдѣ мнѣ предстояло переночевать, былъ почтенный, старинный крестьянскій домъ. Внизу было нѣсколько комнатъ, гдѣ уцѣлѣли еще такіе же дивные рѣзные шкапы и полки, какіе мнѣ пришлось видѣть въ музеѣ Лиллехамера. Верхній этажъ, похожій на просторный чердакъ, былъ приспособленъ въ боковой части для проѣзжихъ. Намъ надо было подняться туда по крутой и узкой лѣсенкѣ, пройти подъ стропилами крыши мимо раскрашенныхъ сундуковъ, мимо всякаго хозяйственного скарба въ ту или другую комнату. Одна была предназначена для женщинъ, другая для мужчинъ. Въ каждой имѣлось по нѣскольку кроватей. Старинная мебель здѣсь была такъ интересна, картины такъ любопытны, что глаза разбѣгались, глядя на всю эту благодать.

Звѣзды зажглись надъ горами, стадо пришло домой, мычало, зогнило колокольчиками. Внизу гудѣлъ Логенъ. И все обнимала съ бою та тишина, которая бываетъ только въ горахъ.

XI.

Послѣ этого ночлега почти-что въ музеѣ намъ предстоятъ длинный и утомительный переѣздъ черезъ надгорья Доврэ до Ромсдала.

Уже старинный крестьянскій дворъ Брендхугенъ принадлежалъ къ церковному приходу Доврэ. Когда вчера вечеромъ за нами сомкнулось ущелье за мостомъ, то долина Гудбранда имъ и кончилась.

Рано утромъ пускаемся мы въ путь.

Несмотря на высоту въ 2.000 метровъ, зубчатые ледники Ронданэ такъ и остаются для насъ скрытыми за ближними горами. Они посылаютъ намъ только свое свѣжее ледистое дыханіе.

День наступилъ великолѣпный. Дорога идетъ душистыми сосновыми лѣсами. Эти лѣса растутъ на плодородныхъ моренахъ, которыя сползли въ долину въ давнія времена. На такой же моренѣ стоитъ слѣва церковь Доврэ, одна на огромную область.

Передъ нами на сѣверо-западъ тянется широкая долина. Логенъ теряется въ ней. Впереди — снѣговое остріе ледника Хорунгеръ.

Кажется, будто здѣсь больше простора для человѣка, во между тѣмъ „горды“ гораздо бѣднѣе, нежели въ долину Гудбранда. Мы проѣзжаемъ мимо такого нищенскаго домишка, что ему хоть бы сейчасъ къ намъ. Здѣсь всѣ „горды“ стоятъ на солнечной сторонѣ.

Мы уже на высотѣ 600 метровъ, окруженные надгорьями въ 1.000 метровъ. Недалеко на востокъ снѣга Ронданэ, а впереди остріе Хорунгера указываетъ на близость угрюмаго Доврэ съ его вершинами и ледниками.

Бѣдные темные дворы въ три строенія попадаютъ гораздо чаще, нежели новыя и богатія усадьбы. Рожь еще не сжата, и до чего она скудна! Песчаные и каменные холмы становятся все обнаженнѣе, чѣмъ дальше мы ѣдемъ. Обвѣтренные мѣловые обрывы бѣлѣютъ мертвой бѣлизной.

И все впечатлѣніе отъ этой картины мертвенное, несмотря на веселое солнце и теплый денекъ. Какимъ-то унылымъ запустѣніемъ вѣетъ отъ бѣдныхъ избъ съ вихрастыми дерновыми крышами, съ длинными шершавыми трубами изъ чернаго шифера, кривыми и несчастными.

Чѣмъ дальше идетъ день и наша дорога, тѣмъ бѣднѣе даже

лѣсъ. Всюду камни, между ними торчатъ чахлая сосенки, песчаные пустыри кругомъ, Логенъ ушелъ далеко отъ дороги къ горамъ.

Горы крутыя и темныя, даже издалека сосновая ихъ одежда кажется скудной. На вершинахъ лежатъ снѣга.

Въ серединѣ дня мы добираемся песками и чахлыми пере-лѣсками до постоялаго двора Думось. Здѣсь дорога расходится въ разныя стороны. Одной вѣтвью она взбирается на верхнюю ступень нагорья Доврэ и мимо ледниковъ Хорунгера и Снэхотты уходитъ на сѣверъ къ городу Тронъему, другая же вѣтвь ея идетъ на сѣверо-западъ въ Ромсдаль, къ фюрду Ромсдаля.

Мы беремъ эту дорогу. Лошади устали, мы ѣдемъ медленно, какъ во снѣ... Однообразные пустыри тянутся справа и слѣва. Порою попадаетъ сосновый лѣсъ получше; отъ него пахнетъ необыкновенно сильно смолою. Воздухъ насыщенъ тѣмъ же, но имѣстъ съ тѣмъ онъ свѣжъ какъ снѣгъ.

Ребятишки бѣгутъ за коляской, радуются брошенной мелочи. Кому знакомъ гордый нравъ норвежцевъ, тотъ изъ одного этого пойметъ, до чего бѣдны люди въ здѣшнихъ мѣстахъ. Женщины въ старыхъ, обтрепанныхъ юбкахъ стоятъ въ дверяхъ, смотреть вслѣдъ за проезжими. Въ полѣ жнутъ скудный ячмень, рожь. Какъ ни весело небо и солнце, все почему-то хочется думать о томъ, какой видъ имѣютъ эти мѣста подъ воемъ осеннихъ бурь, подъ хмурымъ небомъ декабря. Если теперь они щемятъ сердце своею скудостью, суровостью, печалью,—то чтѣ же это за картина должна быть въ бурю и метель?.. Картина изъ драмъ Ибсена, конечно...

Мы, кажется, гдѣ-то отдыхаемъ, гдѣ-то обѣдаемъ, куда-то заѣзжаемъ покормить лошадей, — все это какъ во снѣ, не на яву; и не успѣешь отѣхать отъ постоялаго двора, забываешь, какъ его звали, какое убранство внутри,—только остается смѣшанное впечатлѣніе ихъ всѣхъ мѣстъ,—чуждой рѣзвы шкапы и столы и полки, живопись по дереву, серебряныя старинныя вещи за стекломъ, уютныя кухни, гдѣ обѣдаетъ вся семья съ работниками, гдѣ тикаютъ столѣтніе часы...

Вотъ кончилась безконечная долина съ ледянымъ остріемъ Хорунгера впереди. Вершина эта куда-то дѣлась, мы ѣдемъ по новой долині, — должно быть, загнули еще западнѣе, — и ледники Доврэ остаются въ сторонѣ.

Новая долина такъ же широка, такъ же окаймлена вдали горами, и тоже впереди стоитъ, сколько мы къ ней ни ѣдемъ, снѣговая гора, только не остроконечная, а округлая. Это — Стурхей, западная вершина Доврэ.

Потеряли мы зеленый, прозрачный Логенъ съ его бѣлыми гривами, ушелъ онъ отъ дороги на другую сторону долины, подъ самыя горы. И такъ мы его больше не увидимъ. Его родина здѣсь, въ этой долинѣ. Онъ беретъ здѣсь начало въ длинномъ озерѣ Лесѣе, которое ради выгоды теперь почти все засыпано землею и обращено въ луга и пашни. Съ высотъ нагорій отовсюду бѣгутъ потоки. Куда ни взглянешь, всюду видишь снѣжно-бѣлыя нити водопадовъ, то побольше, то поменьше. Они-то и несутъ ледяныя струи въ Логенъ и даютъ ему великолѣпный зеленый цвѣтъ.

Уже вечеръ.

Среди скудныхъ полей, между одинокими бѣдными „гордами“ мелькаетъ вдали вода. Нельзя разобрать, озеро или рѣка. Потомъ болота, топи. Песчаная отмели засыпаннаго Лесѣе заросли низкимъ ивнякомъ.

Здѣсь водораздѣлъ между Скагерракомъ и Атлантическимъ океаномъ.

Мы ѣдемъ дальше, къ дорогѣ опять подходитъ рѣчка, но это уже не Логенъ. Это — Раума, такая же зеленая красавица съ бѣлыми снѣжными гривами, но всѣ ея водопады уже бѣгутъ отъ насъ прочь — къ Атлантическому океану!

Холодный, ясный какъ хрусталь вечеръ.

Мы подъѣзжаемъ къ бѣлому дому, куда ведетъ красивая березовая аллея. Ионасъ распрягаетъ усталыхъ лошадей. Но моя усталость внезапно пропала. Рѣзкій воздухъ возбуждаетъ и опьяняетъ какъ вино. Послѣ долгаго сидѣнья хочется бѣгать, двигаться. Вершины горъ рдѣютъ темно-краснымъ огнемъ, въ лагури горятъ золотыя и багряныя облака. Все вдругъ переименилось точно по волшебству. Все кажется великолѣпнымъ, пышнымъ, богатымъ. Земля и снѣговыя горы полны тишины и непорочной чистоты.

Съ Мельмена начались новаго типа постоянные дворы. Здѣсь мы впервые увидѣли огромный сосновый сарай въ два этажа съ неимовернымъ числомъ комнатъ. Такіе сараи, построенные для лѣтней публики, преслѣдовали насъ своимъ безвкусіемъ цѣлую недѣлю, пока мы наконецъ не забрались опять въ дебри.

XII.

Послѣ печальнаго Доврѣ, Ромсдаль показался свѣтлымъ раемъ. Все было богаче: природа, люди.

Здѣсь мнѣ удалось наконецъ побывать въ крестьянскихъ усадьбахъ.

Мой кучеръ Іонасъ, родомъ изъ Нэса, былъ сынъ и братъ экипажныхъ хозяевъ, которые кромѣ того торговали въ Нэсѣ и имѣли тамъ домъ.

Всего этого было достаточно для Іонаса, чтобы въ свои семнадцать лѣтъ быть глупымъ, скучнымъ и толстымъ. На мои неотступныя просьбы остановиться въ пути онъ упрямо молчалъ. Никакія лишнія кроны его не соблазняли. Онъ видимо считалъ униженіемъ для краснаго плица своей коляски остановку передъ мужицкими „гордами“. Это было *шокиннз*, и никто изъ американцевъ и англичанъ, настоящихъ господъ, такими глупостями не занимался; настоящіе господа интересовались только качествомъ обѣда на станціяхъ.

Но мое упрямство пересилило.

Итакъ, мнѣ удалось побывать въ разныхъ „гордахъ“, и побогаче, и побѣднѣе; мнѣ показывали всѣ домашнія постройки внутри и снаружи; мы лазали въ стабуръ на курьихъ ножкахъ, обходили саран и хлѣва.

Достаточно было сказать, что я — „рюссискъ“ и люблю Норвегію, какъ ни одну страну въ свѣтѣ, — и люди привѣтствовали меня съ широкой улыбкой. Меня сажали въ почетный уголъ, угощали, рассказывали про свое житье-бытье.

Начинали съ политики, съ расторженія уніи. Полное единодушіе по этому пункту завязывало нашу дружбу. Потомъ говорили о Россіи... Грубыя рабочія руки жали мою руку. Несмотря на мой шведско-норвежскій ломаный языкъ и ихъ народное нарѣчіе, мы понимали другъ друга отлично. Въ одномъ небогатомъ „гордѣ“, — какъ сейчасъ помню, — старуха-крестьянка прижала кончикъ своего передника къ влажнымъ глазамъ, слушая мои рассказы о нашихъ порядкахъ.

Послѣ этихъ разговоровъ уже съ величайшей охотой и безъ прикрасъ начинали рассказывать съ полною откровенностью про свое житье.

Какъ и вся крестьянская Норвегія, Ромсдалъ живетъ на треть доходовъ — земледѣліемъ, а на двѣ трети — молокомъ.

Въ это время жатва здѣсь кончалась и была средняго качества. Большая часть полей была подъ *olandkorn*, то-есть засѣяна смѣсью ржи и овса.

Меня удивило, что въ домахъ было мало молодежи. Оказалось, что молодежь вверху — въ нагорьяхъ, въ сѣтерахъ. Въ каждомъ сѣтерѣ шла оживленная работа: собирали молоко, приготавливали

Потеряли мы зеленый, прозрачный Логенъ, а холодными
 гривами, ушелъ онъ отъ дороги на другую, стѣться ввѣтъ,
 подъ самыя горы. И такъ мы его больше не
 здѣсь, въ этой долинѣ. Онъ беретъ здѣсь жный фіордъ. Въ
 озерѣ Лесье, которое ради выгоды тепе, а высокой цѣнѣ.
 землю и обращено въ луга и пашни. Оттуда забирали за-
 всюду бѣгутъ потоки. Куда ни взглянь. При мнѣ въ одномъ
 бѣлыя нити водопадовъ, то побол, или изъ лѣсу листья и
 несутъ ледяныя струи въ Логенъ, ормъ скотинѣ.
 зеленый цвѣтъ.

Уже вечеръ.

Среди скудныхъ полей, ьтъ на дѣловитую, хлопотливую
 мелькаетъ вдали вода. Нел. Все было чисто-чисто; бережно
 болота, топи. Песчаныя, ринныя вещи, посуда, утварь. Все въ
 кимъ ивнякомъ.

Здѣсь водораздѣ, абыло почтенный видъ давности. И среди
 океаномъ.

Мы ѣдемъ л, абыло далеѣе отъ городовъ, что долженъ самъ о себѣ
 уже не Логенъ, абыло далеѣе отъ городовъ, что долженъ самъ о себѣ
 бывшими снѣж, абыло далеѣе отъ городовъ, что долженъ самъ о себѣ
 нась прочъ, абыло далеѣе отъ городовъ, что долженъ самъ о себѣ
 Холо, абыло далеѣе отъ городовъ, что долженъ самъ о себѣ
 Мы, абыло далеѣе отъ городовъ, что долженъ самъ о себѣ
 резовъ, абыло далеѣе отъ городовъ, что долженъ самъ о себѣ
 устр, абыло далеѣе отъ городовъ, что долженъ самъ о себѣ
 ня, абыло далеѣе отъ городовъ, что долженъ самъ о себѣ
 г, абыло далеѣе отъ городовъ, что долженъ самъ о себѣ

Въ одной изъ усадебъ помѣщалась лавка мѣстнаго потреби-
 тельнаго общества.

Мнѣ показывали чудесныя вещи изъ дерева съ рѣзьбою, ра-
 боту адѣшнихъ крестьянъ въ долгія скучныя зимы. Эти вещи
 говорили о тонкомъ вкусѣ и большомъ терпѣніи.

Иногда въ глубь Ромсдала забираются англичане-рыболовы,
 живутъ недѣлями въ уединенномъ „гордѣ“ и съ увлеченьемъ
 предаются ловлѣ рыбы въ зеленой Раумѣ. Здѣсь водится форель
 и лосось. Прїѣздъ такого любителя даетъ хозяевамъ лишніе до-
 ходы. Но большинство прѣзжаетъ мимо.

Я слушаю рассказы о школьныхъ дѣлахъ, о созывѣ милиціи
 въ виду враждебности Швеціи; мнѣ говорятъ о здѣшней комму-
 сонъ, которая имѣетъ полное самоуправленіе и вѣдаетъ всѣ мѣст-
 ныя дѣла. Жалуются на земельную тѣсноту (всѣ усадьбы лѣнятся
 у подножія крутыхъ горъ), но тутъ же прибавляютъ: „у насъ
 еще — благодареніе Богу, хорошіе лѣса, въ другихъ мѣстахъ и
 того нѣтъ“...

яки нашъ Ингваръ въ Америкѣ, — замѣтила ста-
вернулась въ печь какъ бы за кофею.

развеселить, сталъ разсказывать, какъ хо-
въ Иллинойсѣ, и показатъ мнѣ его по-
а также открытки съ американскими
ча узкую долину Ромсдала. Письмо
ѣ съ живописью и, видимо, чита-

не выгоднѣ ли общинное пользованіе
нѣ всегда отвѣчали одно и то же: у нихъ
нальныя земли и сейчасъ, а именно выгоны
рьяхъ, гдѣ у нихъ сѣтеры, и лѣса по склону
касается пашень, то они энергично защищали свое
дѣтъ ими лично.

Это хорошо у васъ, — говорили мнѣ, — а у насъ отцы и
работали, прежде чѣмъ расчистить кусокъ земли. Они ра-
ботали именно для своихъ внуковъ и дѣтей. Такъ и я. Еслибъ
я не сворачивалъ годъ за годомъ тяжелые камни, вы думаете,
тутъ что-нибудь выросло бы? А почему я надрывался, не жа-
лѣлъ силъ? Хотѣлъ дѣтямъ оставить землю получше, да увели-
чить запашку.

Въ Ромсдалѣ народъ необыкновенно крѣпкій и здоровый. У
всѣхъ румяныя щеки, блестящіе голубые глаза, особенная бѣ-
лизна кожи; всѣ статны, ловки, широкоплечи. Впрочемъ, въ кра-
сивой рамкѣ природы какъ будто и человекъ красивъ и полонъ
силъ...

СЕРГѢЙ ОРЛОВСКІЙ.

МИССИЯ

М-РА ЮСТЭСА ГРИНА

РАЗСКАЗЪ ГИЧЕНСА.

— The black spaniel and other stories, by R. Hichens. London 1906.

I.

Миссисъ Юстэсъ Гринъ сморщила свой лобъ, выдающійся, благородный лобъ, описанный въ газетахъ обоихъ полушарій, отложила въ сторону американское патентованное перо и вздохнула. Былъ унылый и дождливый осенній день, шуршали падающіе листья, слабо позванивали колокольчики трамваевъ, и велико-свѣтскій Бельгрэвъ-сверъ казался печальнымъ даже великой романисткѣ, проложившей себѣ туда путь перомъ. На улицѣ виднѣлся лишь туманъ и полисмены; мчавшіеся мимо моторы казались тѣнями; ихъ громкое пыхтѣніе звучало въ ушахъ м-ссъ Гринъ какъ вздохи чудовищъ, страдающихъ астмою. Она снова вздохнула и прошептала глубокимъ контральто: „Такъ должно быть“... Затѣмъ она встала, прошла по пушистому персидскому ковру, купленному на гонораръ за одну изъ раннихъ ея новеллъ, и нажала пальцемъ пуговку электрическаго звонка.

Съ быстротою молніи на порогѣ явился напудренный гигантъ-лакей.

— Мистеръ Гринъ дома?

— Такъ точно, сударыня.

— Гдѣ онъ?

— У себя въ кабинетѣ, сударыня, — велеиваетъ послѣдній вырѣзки изъ газетъ въ новый альбомъ.

М-ссь Гринъ улыбнулась. Безсознательный великанъ вызвалъ передъ нею отрадную картину.

— Очень сожалѣю, что принуждена побеспокоить м-ра Грина,—отвѣтила она съ тою граціозной, даже вкрадчивой мягкостью, которая покоряла ей всѣ сердца,—но я желаю видѣть его. Будьте добры—попросите его ко мнѣ на минуту.

Гигантъ въ шолковыхъ чулкахъ, исполняя приказаніе, помчался наверхъ, между тѣмъ какъ м-ссь Гринъ, въ ожиданіи супруга, опустила въ рѣзное дубовое кресло епископальнаго вида. Эта скромно одѣтая дама была замѣчательною женщиною, своего рода знаменитостью. Своимъ американскимъ перомъ она завоевала славу, богатство, домъ въ Бельгрэвъ-скверѣ, не поступившись при этомъ своими принципами. Будучи воплощенной добродѣтелью, она относилась ко злу и страданіямъ міра сего съ точки зрѣнія, не шокирующей самыхъ строгихъ блюстителей нравственности. Читатели утверждали, что она анализировала глубину человѣческой природы и не извлекала оттуда ничего такого, что могло бы скандализировать бабушку викарія или тетку архидіакона, и это было настолько справедливо, что она зарабатывала кучу денегъ. Ея объемистыя, солидныя книги красовались на каждомъ столѣ; онѣ лежали—правда, не разрѣзанныя—даже въ свѣтскихъ будуарахъ, придавая интеллигентный отблескъ пріюту хорошенькихъ женщинъ. Всѣ духовныя лица пріобрѣтали ихъ, епископы цитировали ихъ въ своихъ проповѣдяхъ; издатели еженедѣльныхъ журналовъ платили за нихъ баснословныя цѣны, о нихъ говорили въ предмѣстьяхъ, провинція восхищалась ими, дворянство не признавало иной литературы; словомъ, м-ссь Юстэсъ Гринъ пользовалась неслыханнымъ успѣхомъ.

Почему же она такъ глубоко вздыхала, сидя у себя въ Бельгрэвъ-скверѣ? Почему ея интеллигентная рука взволнованно поднималась къ глянцеvitымъ бандо каштановыхъ волосъ, обрамлявшихъ ея выдающийся лобъ, между тѣмъ какъ ея спокойныя черты принимали выраженіе тревоги и недоумѣнія?

Дверь отворилась, и со словами: „Въ чемъ дѣло, Юджени?“ м-ръ Гринъ появился на порогѣ.

М-ръ Гринъ былъ на много лѣтъ моложе своей знаменитой жены и казался моложе своихъ лѣтъ. Это былъ элегантный господинъ съ гладкими, черными какъ смоль волосами, раздѣленными посрединѣ пробормомъ, съ пріятными темными глазами, съѣдившимися мягкимъ блескомъ, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица и стройною фигурой. Видно было, что онъ воспитывался въ Итонѣ

и когда-то мечталъ о военной службѣ; исторію его можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Вскорѣ послѣ своего появленія въ свѣтъ онъ встрѣтился и обвѣнчался съ м-ссь Юстэсъ Гринъ, называвшейся тогда миссъ Юдженией Ганнибалъ-Баркеръ. Онъ не успѣлъ перебѣситься, не успѣлъ объясниться въ любви хорошенькой вельвершѣ или затѣять романъ съ актрисой, не успѣлъ не только сдѣлать ничего дурного, но и уяснить себѣ различіе между добромъ и зломъ.

Миссъ Юджения появилась на его горизонтѣ, и онъ немедленно спустилъ свой флагъ передъ супружествомъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ ея мужемъ, онъ никогда ни на одну секунду не преступалъ границъ самой строгой нравственности и былъ невнянѣйшимъ изъ людей, хотя и состоялъ въ сношеніяхъ съ главнѣйшими лондонскими издателями. Купаясь въ золотѣ, благодаря своей талантливой женѣ, онъ смотрѣлъ на нее какъ на богиню. Она вносила въ банкъ цѣлыя тысячи, и съ появленіемъ каждой новой тысячи онъ все болѣе убѣждался въ ея божественномъ происхожденіи. Сказать, что онъ глядѣлъ на нее снизу вверхъ—было бы слишкомъ мало: она казалась ему столь же недосигаемо высокою, какъ вершина Монблана для туриста въ Шамуни.

— Садись, другъ мой,—прошептала она.

М-ръ Гринъ присѣлъ у камина, поставивъ на его рѣшету свои лакированные ботинки съ узкими носками.

На улицѣ туманъ все сгущался и звонки звучали все жалобнѣе; пламя камина, озарявшее величественныя черты м-ссь Гринъ, придавало имъ нѣчто рембрандтовское. Ея волоокій взоръ былъ неподвиженъ и задумчивъ; послѣ краткой паузы она сказала:

— Юстэсъ! мнѣ придется отправить тебя съ миссіей.

— Съ миссіей, Юджения!—воскликнулъ м-ръ Гринъ съ вѣчайшимъ удивленіемъ.

— Крайне важной и до извѣстной степени—щекотливой.

— Она имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ издательству?

— Нѣтъ.

— Придется ѣхать далеко?

— Вотъ это меня и огорчаетъ. Очень далеко.

— Уѣхать изъ Лондона?

— О, да!

— Неужели изъ Англіи?

— Да, ты долженъ ѣхать въ Алжиръ.

— Боже милостивый!—воскликнулъ м-ръ Гринъ.— Мнѣ придется ѣхать одному?

— Разумѣется, ты возьмешь съ собою Дэрреля. — Дэррель былъ слугою м-ра Грина.

— Что же я стану дѣлать въ Алжирѣ?

— Ты долженъ добыть матеріалъ для шестого тома „Раскаіянія Катерины“. — „Раскаіяніе Катерины“ былъ огромный романъ, надъ которымъ м-ссь Гринъ работала въ данную минуту.

— Не скрою отъ тебя, Юстэсъ, — продолжала м-ссь Гринъ, — что въ моемъ настоящемъ произведеніи творчество мое принимаетъ нѣсколько иной поворотъ.

— Но, кажется, мы здѣсь такъ хорошо устроились, — отвѣтилъ м-ръ Гринъ.

Съ каждою новою книгой они перѣзжали на новую квартиру. „Гарріэтъ“ перевезла ихъ изъ скромнаго Филлиморъ-Гарденсъ въ Квинсгэтъ; „Желанія Джэмъ“ — на уголь Слоанъ-стритъ; съ „Богатствомъ Изабеллы“ они перѣехали на Кэрзонъ-стритъ; „Тщеславіе Сусанны“ устроило ихъ на Кобургской площади; и, наконецъ, „Заблужденіе Маргариты“ дало имъ возможность основаться въ Бельгрэвъ-скверѣ. А такъ какъ м-ссь Гринъ заявляла, что съ каждымъ изъ этихъ гениальныхъ произведеній творчество ея принимаетъ „новый поворотъ“, то замѣчаніе м-ра Грина является вполне понятнымъ.

— Это правда, но намъ остается еще Паркъ-Лэнъ.

Она на минуту задумалась; затѣмъ, облокотившись на рѣзныхъ львовъ своего кресла, продолжала:

— До сихъ поръ, описывая въ моихъ произведеніяхъ людскіе пороки и легкомысліе, я касалась ихъ очень мягко. Я не слѣдовала примѣру Зола...

— Зола! дорогая моя! — воскликнулъ м-ръ Гринъ: — надѣюсь, ты не вздумаешь подражать ему теперь? (Намъ пришлось бы въ такомъ случаѣ перебраться въ Кенсингтонъ, — мелькнула у него тайная мысль).

— Нѣтъ. Но въ шестомъ томѣ „Катерины“ мнѣ придется имѣть дѣло съ грѣхомъ, съ нарушеніемъ долга, съ африканскою распушенностью нравовъ. Это неизбежно.

Она еще разъ вздохнула: новая книга, очевидно, была для нея тяжкимъ бременемъ.

— Африканская распушенность?! — прошепталъ изумленный Юстэсъ.

— Между тѣмъ, ни ты, ни я, другъ мой, не имѣемъ понятія объ этомъ предметѣ, — продолжала м-ссь Гринъ.

— Конечно нѣтъ, душа моя, вѣдь мы не бывали дальше Люцерна.

— Итакъ, намъ необходимо съ нимъ ознакомиться, тебѣ— по крайней мѣрѣ. Сама я не могу оставить Лондонъ. Физическое переутомленіе можетъ подвергнуть опасности процессъ мозговой работы. Морское путешествіе могло бы повредить моему книгѣ въ ея настоящемъ положеніи.

— Разумѣется, тебѣ необходимо спокойствіе, душа моя, но тогда...

— Ты поѣдешь за меня въ Алжиръ и добудешь нужные матеріалы. Боюсь, что тебѣ придется побывать въ туземныхъ кварталахъ; поэтому купи два револьвера: одинъ для себя, другой—для Дэрреля. Мнѣ необходимы свѣдѣнія объ африканскихъ порокахъ—на цѣлыхъ сто страницъ убористаго шрифта. Я сумѣю такъ расположить и обработать привезенный тобою сырой матеріалъ, что впечатлѣніе отъ него получится самое возвышенное. Понимаешь ли ты меня, Юстэсъ?

— Я долженъ ѣхать въ Алжиръ ознакомиться съ мѣстными нравами, сдѣлать замѣтки и привезти ихъ тебѣ?

— Именно.

— Долго ли мнѣ придется тамъ пробывать?

— До тѣхъ поръ, повуда ты не ознакомишься съ глубиною африканскаго легкомыслія.

— Недѣль трехъ будетъ достаточно?

— Я полагаю. Возьми лекарство противъ морской болѣзни, побольше антипирина, мѣховое пальто для переѣзда и бѣлый племъ съ зонтикомъ—для Алжира... Чѣмъ скорѣе ты поѣдешь, тѣмъ лучше,—у меня остановка за матеріаломъ. Можешь выѣхать съ парижскимъ экспрессомъ послѣ-завтра.—Она нѣжно взглянула на него и прибавила:—Разлука будетъ тяжела.

— Очень тяжела,—отвѣтилъ м-ръ Юстэсъ Гринъ.

Онъ былъ потрясенъ. М-съ Гринъ нѣжно положила на его рукавъ свою руку, переселившую ихъ изъ Филлиморъ-Гарденсъ въ Бельгрэвъ-скверъ.

— Подумай о результатѣ,—сказала она.—Величайшее изъ моихъ произведеній! Это—книга, которая не умретъ; это—книга, второй суждено...

— Переселить насъ въ Паркъ-Лэнъ,—прошепталъ онъ.

Она кивнула своею рембрантовскою головою. Благородныя черты, похожія на черты безупречнѣйшаго изъ римскихъ императоровъ, прояснились. Въ эту минуту отворилась дверь, и слуга доложилъ:

— Не можетъ ли m-lle Вербэнâ повидать васъ на минуту, сударыня?

М-лле Вербэнэ была французскою гувернанткой маленьких Гриновъ. Великая романистка удостоила стать матерью.

— Разумѣется.

Черезъ минуту м-лле Вербэнэ присоединилась къ группѣ у камина.

II.

Мы уже упомянули, что м-лле Вербэнэ была гувернанткой маленьких Гриновъ, т.-е. она обучала ихъ французскому языку, и м-ръ съ м-ссь Гринъ считали ее француженкою. Но жизнь не лишена ироніи, и пребываніе м-лле Вербэнэ въ домѣ великой и уважаемой романистки было именно такою ироніей судьбы. Она родилась въ Портъ-Сандѣ отъ туземныхъ родителей и была по происхожденію левантинкой. Я ничего не говорю противъ Портъ-Санда, но, тѣмъ не менѣе, мало найдется матерей, которыя пожелали бы взять отсюда воспитательницу для своихъ дѣтей, и м-лле Вербэнэ была достаточно умна для того, чтобы это сознавать. Поэтому, скрывая, что отецъ ея былъ сотрудникомъ Лес-сенса, т.-е. землепомѣ, а мать—служанкою въ трактирѣ, она давала понять, что впервые увидѣла свѣтъ въ предмѣстьѣ St.-Нопгё, а родители ея были графомъ и графиней „ancien régime“.

Это убѣжденіе, усвоенное ею съ дѣтскихъ лѣтъ, наложило извѣстный отпечатокъ на ея внѣшность и манеры. Она была весьма изящною и даже привлекательною маленькою особой съ хитрыми темными глазами, всиня-черными волосами и прехорошенькими ручками и ножками. Она обратила на себя вниманіе м-ссь Гринъ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ она относилась къ собору св. Павла. Каждую свободную минуту она проводила, по словамъ ея, въ этомъ дивномъ соборѣ св. Павла!

Войдя въ святилище оракула, она опустила глаза и видимо затрепетала.

— Въ чемъ дѣло, миссъ Вербэнэ?—ласково освѣдомилась м-ссь Гринъ, желая ободрить бѣдную маленькую француженку.

М-лле Вербэнэ затрепетала еще сильнѣе.

— Я получила дурныя извѣстія, madame.

— Сожалѣю объ этомъ. Какого рода эти извѣстія?

— Моя бѣдная мать заболѣла бронхитомъ въ тяжелой формѣ.

(на призываетъ меня.)

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Врачи утверждаютъ, что она должна умереть.

— Это очень печально:

Левантинка заплакала, м-ръ Гринъ сочувственно высморкался, а м-съ Гринъ повторила, что это очень печально.

— Madame, если я завтра же не уйду къ моей матери, я не застаю ее въ живыхъ.

М-lle Вербенъ внезапно кинулась на персидскій коверъ, къ ногамъ м-съ Гринъ, обливая ихъ слезами и повторяя душу раздирающимъ голосомъ:

— Madame отпустить меня, madame дозволить мнѣ уѣхать къ моей бѣдной матери—я должна закрыть ея умирающіе глаза, обнять ее въ послѣдній разъ...

М-ръ Гринъ былъ потрясенъ и даже м-съ Гринъ нѣсколько выбита изъ колен; она отодвинулась и заставила м-lle Вербенъ встать.

— Гдѣ же ваша бѣдная мать?

— Въ Парижѣ, madame, въ улицѣ St.-Honoré, гдѣ я родилась. О, если она умретъ тамъ, если...

— Вы желаете поѣхать къ ней?—прервала м-съ Гринъ.

— Если madame позволитъ, я желала бы ѣхать завтра.

— Завтра? Это слишкомъ скоро.

— Но бронхитъ не ждетъ, madame, смерть тоже не ждетъ...

— Хорошо. Я даю вамъ мое разрѣшеніе, но возвращайтесь скорѣе. Адольфъ утратитъ всякое понятіе о неправильныхъ глаголахъ, въ которыхъ онъ и безъ того нетвердъ...

Новый потокъ признательныхъ слезъ, и м-lle Вербенъ удалилась—укладывать свои вещи. Она уѣхала на слѣдующій день.

Это былъ день сборовъ въ дорогу, суеты и волненій для м-ра Грина и его камердинера Дэрреля. Помимо ящика съ лекарствами, револьверовъ, зонтика и проч., была приобрѣтена полдюжина тетрадей для африканскихъ замѣтокъ и пачка карандашей. Къ вечеру, когда всѣ приготовленія были окончены, м-ръ и м-съ Гринъ, оставшись послѣ обѣда вдвоемъ въ великолѣпной гостиной, почувствовали, какъ ихъ охватило жгучее чувство близости предстоящей имъ разлуки.

— Какой одинокой ты будешь безъ меня, Юджения!—сказалъ м-ръ Гринъ.—Я цѣлый день думалъ объ этомъ.

— А ты, Юстасъ, какою безотрадною будетъ твоя жизнь! Я все время объ этомъ размышляю. Ты будешь вспоминать обо мнѣ каждый часъ.

— Ты такъ привыкла имѣть меня всегда подъ рукою. Я облегчаю трудъ твоей жизни. Я прямо не представляю себѣ, какъ ты обойдешься безъ меня.

— А ты—для кого я трудилась, строила планы, рассчиты-

вала... Каковы будутъ твои ощущенія, когда ты поймешь, что насъ раздѣляютъ цѣлыя моря!..

Каждый изъ супруговъ былъ преисполненъ нѣжной жалости къ другому. Однако, послѣ первыхъ изліяній разговоръ ихъ принялъ болѣе практическій оборотъ. М-ръ Гринъ началъ соображать: трудно ли ему будетъ получить желаемыя свѣдѣнія? Во всѣ такія мѣста, вѣроятно, не легко попасть? Они, конечно, избѣгаютъ дневного свѣта. М-съ Гринъ приняла глубокомысленный видъ.

— Разумѣется... Зло ищетъ покрова темноты. Тебѣ придется поступать точно такъ же.

— Ты думаешь, что я долженъ буду производить мои изслѣдованія ночью?

— Я думаю. Тебѣ придется обратиться къ Куку.

— Въ какихъ же выраженіяхъ? Видишь ли, душа моя, вѣдь это вопросъ нѣсколько... спеціальный, не такъ ли?

— Очень спеціальный. Но ни подъ какимъ видомъ не вадумай намекать, что ты пріѣхалъ въ Алжиръ ради „Катерины“. Это попадетъ въ газеты, объ этомъ передадутъ по телеграфу въ Америку, и это можетъ отразиться на распространеніи книги...

Мистеръ Гринъ взглянулъ на свою жену съ благоговѣніемъ; въ такія минуты онъ совнавалъ съ особенною остротою ея высокое положеніе.

— Я буду остороженъ. Что же ты мнѣ посоветуешь сказать?

— Я посоветовала бы тебѣ выдать себя за обыкновеннаго туриста, слегка интересующагося... скрытою стороною жизни.

— По всей вѣроятности, ты желаешь, чтобы я посѣщалъ публичныя мѣста?

— Я желаю, чтобы ты видѣлъ все, имѣющее отношеніе къ африканскому легкомыслію. Ходи всюду, ко всему присматривайся. Привези мнѣ свои замѣтки, и я выберу изъ нихъ такіе отрывки, которые послужатъ къ назиданію человѣчества. Я очищу ихъ въ горнилѣ моего творчества.

— Я думаю, что угловой домъ въ Паркѣ-Лэнѣ рядомъ съ герцогомъ какъ разъ былъ бы для насъ подходящимъ,—замѣтилъ м-ръ Гринъ послѣ нѣкотораго размышленія.

— Мы можемъ сдать здѣшнюю квартиру. Ты не понапрасну съѣдешь въ Алжиръ, Юстэсъ.

— Любовь моя,—заговорилъ м-ръ Гринъ рѣшительно,—сейчасъ же по прибытіи, я обращусь къ Куку, и если я увижу, что агентъ ихъ не все показываетъ, что нужно, въ особенности—въ Казбахѣ, который, какъ я вычиталъ изъ путеводителя, счи-

тается кварталомъ съ самой дурной репутаціей, я обращусь къ кому-нибудь другому.

— Вотъ именно. А теперь пора ложиться спать.

На ночь они имѣли обыкновеніе пить овсяную воду, послѣ чего м-съ Гринъ садилась за свой дневникъ, а м-ръ Гринъ курировалъ некрѣпкую сигару. Такъ и теперь: онъ чиркнулъ спичкой, она вложила ключъ въ ящикъ бюро, но тутъ до слуха м-ра Грина долетѣло контральтовое восклицаніе. Онъ быстро обернулся.

— Душа моя, что случилось?

Жена его рылась въ ящикѣ обѣими руками.

— Мой дневникъ пропалъ!

— Твой дневникъ?

— Да, его нигдѣ нѣтъ. Въ немъ заключаются тайны, которыя не должны быть извѣстны свѣту, мои помыслы, мои стремленія... Въ немъ заключается исторія моей души.

— Великій Боже, онъ долженъ быть найденъ!

Они перерыли весь письменный столъ, всю комнату — дневникъ не находился.

— Не отнесла ли ты его ко мнѣ? — предположилъ м-ръ Гринъ.

Они кинулись туда, но и тамъ ничего не нашли. Слуги уже легли спать, и они искали вдвоемъ. М-съ Гринъ начала серьезно волноваться, ея классическія черты исказились.

— Это ужасно! — восклицала она: — кто-нибудь унесъ мой дневникъ, зная, что ему нѣтъ цѣны. Его издадутъ въ Америкѣ. Онъ принесетъ тысячи, но не намъ, не намъ!

Она заломила руки. Было уже около полуночи.

— Постарайся припомнить, душа моя! — восклицалъ м-ръ Гринъ: — онъ былъ здѣсь вчера вечеромъ?

— Конечно. Я помню, какъ вписала въ него, что ты отплывешь въ Алжиръ въ нынѣшній четвергъ на кораблѣ „Генералъ Бертранъ“. Я вписала это наканунѣ того дня, когда намѣревалась сообщить тебѣ о твоей миссіи. Ты знаешь, я имѣю привычку писать заранѣе о томъ, что я намѣрена сдѣлать и даже — подумать на слѣдующій день.

Они продолжали поиски, и, войдя въ классную комнату, м-съ Гринъ испустила крикъ: дневникъ лежалъ на столѣ m-me Вербена — раскрытый на послѣдней страницѣ.

— Что это значитъ? — проговорила м-съ Гринъ.

— Рѣшительно не понимаю, душа моя! — отозвался ея супругъ.

III.

Прощаніе м-ра и м-ссы Гринъ было необыкновенно трогательно. Оно происходило на вокзалѣ среди небольшой толпы почитателей таланта, узнавшихъ знаменитую романистку и очень заинтересовавшихся тѣмъ, какъ она станетъ держать себя.

М-ръ Гринъ былъ потрясенъ событіями прошлой ночи. Несмотря на то, что всѣ слуги были разбужены и допрошены, вслѣдствіе чего буфетчикъ попросилъ разчета, переселеніе дневника изъ запертаго ящика бюро на столъ въ классной -- такъ и осталось невыясненнымъ. Заподозрили-было м-лле Вербенъ, но м-ръ Гринъ запротестовалъ. Ея покойный отецъ былъ графъ, при томъ она не умѣетъ читать по-англійски.

Послышался шопотъ почтительнаго сочувствія, когда м-ссы Гринъ вѣжно заключила въ объятія своего супруга, прижавъ его голову къ своей шляпѣ цвѣта сливъ. Раздался свистокъ, поѣздъ тронулся. Высунувшись изъ окна купе перваго класса, м-ръ Гринъ махалъ платкомъ все время, пока могъ видѣть римскій профиль своей супруги, рѣзко выдѣлявшійся на фонѣ лондонскаго дыма и тумана. Наконецъ, профиль поблѣднѣлъ, затупевался, сдѣлался похожимъ на блѣдный набросокъ карандашомъ. Тогда м-ръ Гринъ откинулся на подушки дивана, — онъ былъ одинъ! Дэррель съ его дорожнымъ несессеромъ ѣхалъ во второмъ классѣ.

Какое странное ощущеніе — ѣхать въ Алжиръ одному! М-ръ Гринъ какъ-то не могъ собраться съ мыслями. Онъ до такой степени не привыкъ къ свободѣ, онъ такъ долго не имѣлъ ни малѣйшаго желанія пріобрѣсти свободу, что эта внезапная свобода прямо пугала его. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, взволнованнымъ, „ужасно неженатымъ“.

Для того, чтобы развлечься, онъ вытащилъ тетрадь съ карандашомъ и вывелъ на первой страницѣ крупными буквами: „*Африканскіе леккіе нравы* (замѣтки)“. Не сводя глазъ съ своего перваго литературнаго произведенія, онъ спрашивалъ себя, что онъ будетъ дѣлать въ Алжирѣ?

Онъ смутно представлялъ себя въ африканскихъ гостиницахъ, въ мечетяхъ, среди дервишей, на базарѣ, который рисовался ему въ видѣ благотворительныхъ лондонскихъ базаровъ въ восточномъ вкусѣ. Передъ его умственнымъ взоромъ проносились дамы съ движеніями полными нѣги, съ миндалевидными глазами,

съ черными косами, облеченныя въ широкія турецкія шаровары. Онъ очнулся отъ сна при приближеніи къ Дувру. Во время переѣзда онъ чувствовалъ себя очень скверно и оправился уже передъ концомъ пути.

Въ Парижѣ онъ едва успѣлъ пообѣдать, спѣша на скорый поѣздъ, отходившій въ Марсель. Поѣздъ уже былъ поданъ; м-ръ Гринъ обернулся, ища Дэрреля съ дорожнымъ несессеромъ, но ихъ нигдѣ не было видно. Между тѣмъ пассажиры уже занимали мѣста, пожилыя дамы раскладывали подушки и жевали бисквиты, пожилые джентльмены съ желтыми лицами покупали газеты; голоногихъ дѣтей вталкивали въ купэ. Агентъ Кука объяснял туристу-шотландцу разницу между словами „oui“ и „non“. Суматоха отъѣзда висѣла въ воздухѣ, но Дэрреля все не было видно. М-ръ Гринъ оставилъ его на платформѣ, давъ ему самыя точныя указанія относительно часа отхода поѣзда, но, тѣмъ не менѣе, тотъ исчезъ. Самые бѣшеные поиски, самые отчаянные разспросы служащихъ и постороннихъ не привели ни къ чему, и въ концѣ концовъ м-ръ Гринъ былъ, буквально, втолкнутъ въ wagon-lit и подхваченъ контролеромъ, такъ какъ поѣздъ уже трогался.

Онъ упалъ въ полномъ изнеможеніи на красныя плюшевыя подушки, сознавая всю отчаянность своего положенія. Онъ чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, чѣмъ когда-либо: безъ слуги, безъ зубной и головной щетки, безъ бритвы, безъ губокъ, безъ жакетки, безъ туфель. Кто облегчитъ его страданія во время морского переѣзда, кто будетъ служить ему въ Алжирѣ и сопровождать его въ сомнительныхъ ночныхъ экскурсіяхъ, предприняемыхъ ради „Катерины“? Когда вошелъ контролеръ, м-ръ Гринъ сообщилъ ему свою печальную исторію.

— Безъ сомнѣнія, его сманили, monsieur. Вашъ несессеръ — дорогая вещь?

— Крокодиловая кожа съ золотыми украшеніями.

— По всей вѣроятности, monsieur уже не увидитъ своего лакея. Его легко могли ограбить и сбросить въ Сену.

М-ръ Гринъ вздрогнулъ: плохое предзнаменованіе для его экспедиціи! Въмѣсто овсяной воды онъ выпилъ на ночь виски съ содою, и ему всю ночь снились кровавые сны. Въ Марсели онъ купилъ новый несессеръ, выбрился, позавтракалъ и поѣхалъ на пристань. По дорогѣ онъ встрѣтилъ двоихъ арабовъ и постѣшилъ занести этотъ фактъ въ свою тетрадку. Они показались ему способными на... на всякое преступленіе; на какое именно — онъ до этого никакъ не могъ додуматься. Его понятія о злѣ

были очень ограничены, и онъ впервые устыдился этого. Онъ утѣшился мыслью, что недѣли черезъ двѣ-три онъ несомнѣнно просвѣтится въ этомъ отношеніи, и потому видъ корабля „Геральдъ Вертравъ“, стоявшаго въ гавани и готоваго отплыть въ полдень, вызвалъ на устахъ его легкую улыбку. Большинство пассажировъ было уже на кораблѣ, но когда м-ръ Гринъ вышелъ изъ каба, стройная маленькая леди въ простомъ черномъ платьѣ съ изящнымъ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ легкою походкой поднялась впереди него по сходнямъ. М-ръ Гринъ посмотрѣлъ на нее и вздрогнулъ: эта стройная талія показалась ему знакомой, но гдѣ видѣлъ онъ ее раньше? Это была тонкая, даже шикарная талія, одна изъ тѣхъ талій, которымъ нѣтъ необходимости странствовать одиноко по свѣту, талія несомнѣнно привлекательная, пожалуй—обольстительная. Онъ вспомнилъ талію своей жены, плоскую, могучую, ничего не общающую. Эта была совсѣмъ въ другомъ вкусѣ, болѣе... алжирская, быть можетъ. Ему смутно пришло въ голову, что встрѣча съ подобной таліей могла бы способствовать ближайшему его ознакомленію съ африканскимъ легкомысліемъ.

Въ это время къ нему подошелъ завѣдующій, чтобы проводить его въ его каюту, и вслѣдъ затѣмъ всѣми его помыслими завладѣло море...

Уже наступили сумерки, когда мысли его настолько прояснились, что ему захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ пролежалъ неподвижно, соображая, какъ это сдѣлать? Затѣмъ онъ всталъ и снова предался размышленіямъ, сидя уже на полу каюты. Онъ зналъ, что на кораблѣ имѣлась палуба; онъ помнилъ, что видѣлъ ее при входѣ на корабль. Продолжая сидѣть на полу, м-ръ Гринъ натянулъ на себя мѣховое пальто, что отняло у него очень много времени. Наконецъ, процессъ одѣванія былъ законченъ, и съ помощью койки и умывальника ему удалось встать на ноги.

Корабль проявлялъ необыкновенную, чисто американскую подвижность. Онъ подумалъ, что большее спокойствіе было бы желательнѣе, и все выжидалъ, покуда полъ каюты перестанетъ приподниматься и опускаться; но такъ какъ желаніе его не осуществлялось, онъ, переждавъ еще съ минуту, сталъ подыматься по лѣстницѣ. Это было очень странное ощущеніе, и сознание его одиночества охватило его съ удвоенною силой. Когда онъ опомнился, онъ уже сидѣлъ на доскахъ подъ сѣрымъ небомъ, крѣпко ухватившись за перила, являвшіяся единственною преградой между нимъ и вѣчностью. Сначала онъ сознавалъ только

шумъ вѣтра и воды и видѣлъ передъ собою нѣчто сѣрое, но внезапно на краю его горизонта показалось черное пятно, которое то появлялось, то исчезало. Онъ не могъ понять, что это такое, и тщетно старался опредѣлить его мѣстопребываніе. Ему казалось, что оно должно быть у него на лѣвой щекѣ, и онъ съ величайшимъ усиліемъ вытащилъ свой носовой платокъ, но вдругъ пятно приняло чудовищные размѣры; онъ повернулъ голову и увидѣлъ даму въ черномъ платьѣ, которую замѣтилъ на пристани.

Она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, облокотившись на бортъ, въ позѣ, выражающей глубокое уныніе; лица ея не было видно, но ея правое плечо показалось ему такимъ же странно-знакомымъ, какъ и ея талія; поворотъ ея головы—также. Онъ сильно закашлялся, дама не обратила на это вниманія, онъ снова кашлянулъ, любопытство его обострилось, и онъ рѣшилъ увидѣть ея лицо.

На этотъ разъ она обернула къ нему свое блѣдное лицо, по выраженію котораго было видно, что она совершенно не знаетъ его присутствія. Съ секунду она бессознательно смотрѣла на него, а онъ—на нее, затѣмъ онъ вздрогнулъ отъ изумленія, что-то просвѣтлѣло у него въ мозгу и онъ воскликнулъ:

— M-lle Вербенъ!

— Monsieur!—отделинулась она тономъ глубокаго удивленія.

— M-lle Вербенъ, неужели, неужели это вы?—Онъ, пошатываясь, подошелъ къ ней.

— M-lle Вербенъ, развѣ вы не узнаете меня? Это — я, Юстэсъ Гринъ, отецъ вашихъ питомцевъ, мужъ м-ссъ Юстэсъ Гринъ.

Лицо дамы приняло удивленное выраженіе; какъ бы не довѣряя себѣ, она нагнулась къ самому лицу м-ра Грина, заглянула ему въ глаза и воскликнула:

— Боже мой! въ самомъ дѣлѣ? Вы такъ измѣнились, что я не узнала васъ съ перваго взгляда. Что же вы дѣлаете здѣсь, въ открытомъ морѣ, и вдали отъ madame?

— А вы?—спросилъ м-ръ Гринъ.

IV.

— Увы, monsieur!—проговорила m-lle Вербенъ своимъ серебристымъ голосомъ. — Я отправилась къ моей бѣдной матери...

— Но, насколько я понялъ, она умерла въ Парижѣ?

— Да, по когда я прѣѣхала въ улицу St.-Honoré, я узнала, что ее отправили въ Алжиръ. Африканское солнце, теплый климатъ — одни могутъ спасти ее, по словамъ докторовъ. Они не успѣли меня увѣдомить, ее увезли немедленно. И вотъ я ѣду туда, хотя, быть можетъ, уже не застаю ее въ живыхъ.

Крупныя слезы катились у нея по щекамъ; м-ръ Гринъ былъ глубоко огорченъ и замѣтилъ, что нужно надѣяться на лучшее. Левантинка постаралась улыбнуться.

— Но вы, monsieur, почему вы здѣсь? Впрочемъ, madame, быть можетъ, съ вами? Позвольте мнѣ пойти къ ней, я хочу еще разъ поцѣловать ея милыя руки...

— Я здѣсь одинъ, — грустно проговорилъ м-ръ Гринъ.

Онъ не могъ сказать правды относительно „Катерины“, и потому принужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости.

— Я... я внезапно заболѣлъ инфлюенцой, — проговорилъ онъ смущенно; — докторъ мнѣ посоветовалъ перемѣну воздуха и указалъ на Алжиръ...

— Mon Dieu! такъ же, какъ моей бѣдной мамѣ!

— Вотъ именно! Наши организмы, безъ сомнѣнія, схожи... Я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы пополнить мои свѣдѣнія относительно африканскихъ нравовъ и обычаевъ.

На лицѣ m-lle Вербенá мелькнула странная улыбка, перешедшая въ болѣзненную гримасу. Оказалось, что у нея страшно болятъ зубы; она сойдетъ въ каюту, чтобы помолиться за свою бѣдную мать и за monsieur.

М-ръ Гринъ удержалъ ее, — даже присутствіе левантинки было утѣшеніемъ для его одинокаго сердца. Онъ чувствовалъ расположеніе къ этой несчастной дѣвушкѣ, которую, быть можетъ, ждетъ на чужбинѣ такой ударъ.

— Побудьте здѣсь, — сказалъ онъ: — воздухъ принесетъ вамъ пользу.

— Ахъ, не все ли равно, еслибы я даже умерла! Кромѣ моей бѣдной мамы, кому я нужна? И кто нуженъ мнѣ?

— А м-ссь Гринъ! — воскликнулъ супругъ писательницы. — И, наконецъ... соборъ святаго Павла, — помните соборъ святаго Павла?

— Ахъ, этотъ дивный храмъ! Увижу ли я его когда-нибудь?

Она взглянула на м-ра Грина, и вдругъ, самъ не зная почему, м-ръ Гринъ вспомнилъ исторію съ дневникомъ и покраснѣлъ.

— У monsieur жаръ! — воскликнула m-lle Вербена.

М-ръ Гринъ покачалъ головой; левантинка съ любопытствомъ взглянула на него.

— Monsieur что-то хочетъ сказать мнѣ и не рѣшается?

М-ръ Гринъ сдѣлалъ усиліе надъ собою. Теперь, стоя рядомъ съ нею, видя ея блѣдное кроткое лицо, заплаканные глаза, простое черное платье; онъ приходилъ въ ужасъ отъ предположенія, что она могла открыть ящикъ бюро поддѣльнымъ ключомъ. Онъ ощутилъ непреодолимое желаніе сказать правду и въ нѣсколькихъ словахъ передалъ m-lle Вербенѣ исторію съ дневникомъ. Настала ея очередь вспыхнуть отъ ужаса.

Дневникъ, священный дневникъ madame, побывавшій въ чужихъ рукахъ, прочтенный дѣтьми, быть можетъ, слугами! Какъ Томасъ навѣрное пронюхалъ всѣ секреты madame? Онъ способенъ на это—со своимъ длиннымъ носомъ... Ахъ, ахъ, ахъ!

Она разразилась истерическимъ смѣхомъ, болѣе ужаснымъ, чѣмъ слезы. М-ръ Гринъ очень обезпокоился; онъ умолялъ ее перестать, но она хохотала до тѣхъ поръ, пока слезы не потекли у нея по щекамъ. Мысль о Томасѣ, заглядывающемъ въ дневникъ м-ссы Гринъ, страшно энервировала ее, и м-ръ Гринъ могъ изъ этого видѣть, какъ были велики ея привязанность и уваженіе къ м-ссы Гринъ. Наконецъ, онъ проводилъ ее до каюты, предложивъ ей руку, на которую она тяжело оперлась. У самыхъ дверей она спросила:

— Кто бы могъ взять дневникъ?

— Томасъ, вѣроятно, — отвѣтилъ м-ръ Гринъ, покраснѣвъ.

M-lle Вербенѣ съ секунду пристально глядѣла на него, затѣмъ воскликнула:

— Да благословить васъ Богъ!

— За что?—удивился онъ.

— Вы — благородный человѣкъ... Вы не оскорбили беззащитную дѣвушку недостойными подозрѣніями. А что говоритъ madame?

— М-ссы Гринъ убѣждена, что это Томасъ, — пробормоталъ м-ръ Гринъ. — Увѣряю васъ, она — она первая такъ рѣшила...

M-lle Вербенѣ нѣжно пожала ему руку.

— Madame—ангелъ, да благословить Богъ васъ обоихъ!

Она, шатаясь, вошла въ свою каюту, и когда дверь закрылась за нею, м-ръ Гринъ снова услышалъ ея ужасный истерическій смѣхъ.

На слѣдующій день близость Африки уже сдѣлалась замѣтной, море было синее и спокойное, на небѣ — ни облачка.

Непріятно поражавшая м-ра Грина усиленная дѣятельность корабля прекратилась, и, поднявшись рано утромъ на палубу, m-lle Вербенѣ нашла его, уже расположившагося тамъ и быв

шаго очевидно въ отличномъ настроеніи. Увидя ее, онъ всталъ и съ рыцарской любезностью подалъ ей стулъ.

Всѣмъ извѣстно, что во время морского путешествія люди легче сближаются. Къ тому времени, какъ бѣлые дома Алжира поднялись изъ лона волнъ, м-ръ Гринъ и m-lle Вербенъ сдружились... ну, хотя бы какъ братъ и сестра. Она рассказывала ему о своемъ дѣтствѣ; о кончинѣ графа—своего отца, шептавшего передъ смертью имя Людовика XVI; о бѣдности матери своей—графини; о своей собственной рѣшимости порвать съ аристократическими предразсудками и начать самой зарабатывать себѣ хлѣбъ. Онъ въ свою очередь повѣдалъ ей о школьныхъ дняхъ въ Итонѣ, о своемъ влеченіи къ военной службѣ, о своей ранней женитьбѣ на миссъ Юджени Ганнибалъ-Барберъ. Дойдя до этого пункта и умолчавъ о „Катеринѣ“, онъ все же намекнулъ, что леченіе инфлюэнцы не было единственнымъ поводомъ къ предпринятому имъ путешествію.

— Я хочу изучить туземныхъ мужчинъ и женщинъ,—шепнулъ онъ ей на розовое ушко,—я хочу узнать ихъ страсти, ихъ желанія, ихъ безумства...

— Ахъ, еслибы я могла помочь вамъ, monsieur! Но я лишь бѣдное, неопытное существо, и притомъ я буду все время у постели моей больной матери.

— Но вы дадите мнѣ вашъ адресъ? Вы позволите мнѣ справиться о здоровьи графини?

— Охотно, но я еще не знаю, гдѣ остановлюсь. А вы проѣдете въ „Grand-Hôtel“? Я напишу вамъ, какъ только увидаюсь съ бѣдной мамой, а покуда...

Они входили въ гавань. Уже видѣлись вершины Мустафы, деревья парка, башни „Hôtel-Splendide“.

— А покуда я попрошу monsieur не... не сообщать кому бы то ни было въ Англію о томъ, что я здѣсь.

М-ръ Гринъ изумился; она опустила головку и продолжала:

— Свѣтъ такъ золъ... Можетъ показаться страннымъ, что я и monsieur—такой красивый и обворожительный молодой человекъ... что мы вдвоемъ на одномъ кораблѣ и со мною нѣтъ никого изъ старшихъ... Enfin...

Она не могла продолжать, но ея деликатность, ея предупредительность тронули м-ра Грина до слезъ.

— Ни слова,—сказалъ онъ:—вы совершенно правы. Свѣтъ дѣйствительно очень золъ, и потому я—никому ни слова.

Онъ рискнулъ пожать ея руку, какъ это могъ бы сдѣлать старшій братъ. Въ первый разъ ему пришло въ голову, что

свѣтъ можетъ заподозрить и жену Цезаря, т.-е. супруга м-съ Юстэсъ Гринъ. Но тутъ толпа арабовъ разлучила ихъ, и ему оставалось только поѣхать въ отель.

Напившись чаю, онъ въ тотъ же вечеръ отправился въ агентство Кука. Входя туда, онъ слегка волновался. Въ конторѣ не было никого изъ туристовъ, и любезный клеркъ съ блестящими проницательными глазами тотчасъ же занялся имъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ, сэръ?

— Я здѣсь въ первый разъ,—началъ м-ръ Гринъ,—и потому хотѣлъ бы какъ можно ближе познакомиться съ городомъ, вы понимаете?

— Вамъ нуженъ проводникъ? Альфонсо!

Изъ сосѣдней комнаты явился смуглый, коренастый субъектъ, съ еврейскимъ носомъ, французскими чертами лица и сильно косившими арабскими глазами.

— Превосходный проводникъ, сэръ,—отрекомендовалъ его клеркъ:—онъ говоритъ на двадцати-пяти языкахъ.

Толстый человѣкъ, щеголявшій въ швейцарскомъ костюмѣ, шляпѣ-панамѣ и нѣмецкихъ ботинкахъ, объяснявшійся ломаннымъ англійскимъ языкомъ съ примѣсю китайскихъ словъ, обратился къ м-ру Грину, спрашивая его, какія достопримѣчательности угодно ему видѣть: мечети, базары, бани генеральнаго штаба, монастырь траппистовъ, Мустафу, St.-Eugène, Villa Anti-Juif?..

— Пойдите, — прервалъ его м-ръ Гринъ, — могу я пристѣсть?

— Пожалуйста садитесь, сэръ, и переговорите съ Альфонсо.

Клеркъ погрузился въ огромную счетную книгу, а м-ръ Гринъ усялся напротивъ Альфонсо, стоявшаго предъ нимъ въ мавританской позѣ, но гладѣвшаго, очевидно, по направленію къ Марсели.

М-ръ Гринъ таинственно понизилъ голосъ.

— Видите ли, я пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ...

— Вы желаете видѣть la belle Фатъмъ? Я это устрою; она принимаетъ у себя каждый вечеръ. La belle Фатъмъ—красивѣйшая женщина во всей Африкѣ. Она принимаетъ...

— Простите, одинъ вопросъ: что эта дама?...—м-ръ Гринъ колебался:—она... очень порочна?

Альфонсо совершенно по-африкански всплеснулъ руками.

— Порочна! La belle Фатъмъ! Она пользуется безупречной репутаціей, извѣстной всему городу. Вы приходите къ ней въ домъ въ восемь часовъ, вы пьете кофе, разговариваете съ красавицей, смотрите танцы и слушаете музыку. Не беспокойтесь,

сэръ, это такъ же прилично, какъ на вашей родинѣ — въ Англіи...

— Если это такъ прилично, мнѣ незачѣмъ туда ходить, — прервалъ м-ръ Гринъ: — я не желаю даромъ тратить время.

Клеркъ поднялъ голову отъ книги; Альфонсо, повернувшись къ м-ру Грину бокомъ, ухитрился, наконецъ, остановить на немъ свой блуждающій глазъ.

— Я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы видѣть приличные вещи, — продолжалъ м-ръ Гринъ, слегка вспыхнувъ: — совсѣмъ наоборотъ.

— Сэръ?!

Голосъ Альфонсо звучалъ почти угрожающе. М-ръ Гринъ вспомнилъ о своей возлюбленной женѣ, о тетрадахъ, о томъ, что онъ могъ быть военнымъ, и сдѣлалъ отчаянный призывъ къ своему мужеству.

— Совсѣмъ наоборотъ, — твердо повторилъ онъ: — я пріѣхалъ въ Африку съ намѣреніемъ осмотрѣть Казбахъ и всѣ кварталы, пользующіеся дурной репутаціей.

— Съ какою цѣлью, сэръ?

— Съ цѣлью ознакомиться съ порокомъ, — отвѣтилъ м-ръ Гринъ, густо покраснѣвъ.

Изъ за-большой книги послышалось легкое фырканье, которое сейчасъ же стихло. Въ конторѣ царилъ мертвое молчаніе, прерываемое лишь отдаленнымъ гуломъ моря и сопвнѣмъ Альфонсо, тяжело переводившаго духъ.

— Я желаю видѣть всѣ мѣста, гдѣ ютятся пороки и преступленіе, всѣ до одного.

За книгою снова послышалось фырканье, но мысль о „Катеринѣ“ придавала мужества м-ру Грину.

— Я дѣлаю это по желанію моей жены, — вдругъ выпалилъ онъ, забывъ о предостереженіи м-ссы Гринъ.

За книгою послышался настоящій вой, между тѣмъ какъ Альфонсо, еще далѣе отодвинувшись отъ м-ра Грина для того, чтобы удобнѣе пронизывать его своимъ взглядомъ, воскликнулъ, смѣшивая всѣ арійскія нарѣчія:

— Сэръ, я почтенный неженатый человѣкъ. Я родился въ Буэносъ-Айресѣ, воспитывался въ Смирнѣ, достигъ совершеннолѣтія въ Стамбулѣ, служилъ проводникомъ въ Багдадѣ и другихъ замѣчательныхъ городахъ. Я отказываюсь имѣть что-либо общее съ вами и съ вашею женою!

Съ этими словами онъ кинулся въ сосѣднюю комнату и захлопнулъ за собою дверь, между тѣмъ какъ клеркъ предался

необузданному порыву веселья, а м-ръ Гринъ весь въ холодномъ поту выскочилъ изъ агентства, чувствуя себя болѣе виновнымъ, чѣмъ любой убійца.

Это былъ ошеломляющій ударъ. Обвѣщаемый морскими вѣтеркомъ, онъ прислонился къ каменному парапету и думалъ о м-сѣ Гринъ, которой Альфонсо выразилъ свое презрѣніе.

Послѣ того какъ его выгнали отъ Куза, что оставалось ему дѣлать? Очевидно, Алжиръ—не безъ грѣха, но гдѣ искать его? Онъ видѣлъ только приближеніе вечера и толстыхъ французовъ, тянувшихъ абсентъ.

— Не желаетъ ли monsieur побывать въ Казбахъ сегодня ночью?

О, сладостный голосъ! М-ръ Гринъ обернулся и увидѣлъ передъ собою высокаго, тонкаго молодого человѣка, отчаяннаго вида, съ черными какъ смоль усами и великолѣпными глазами.

— Кто вы такой?

— Проводникъ, monsieur, вотъ мои свидѣтельства.

Онъ вытащилъ изъ кармана связку грязныхъ бумагъ, но м-ръ Гринъ отстранилъ ее. Вотъ человѣкъ, который поведетъ его къ пріютамъ порока. Этого было достаточно; онъ былъ преисполненъ рѣшимости отчаянія и выражался сообразно этому.

— Послушайте,—заговорилъ онъ быстро,—вы—дурной человѣкъ?

— Очень дурной, monsieur.

— Хорошо, т.-е. хорошо для меня.

— Monsieur очень добръ.

— Да, но вы должны мнѣ показать все, что есть въ Алжирѣ самаго ужаснаго.

— Съ удовольствіемъ, monsieur, но подѣ условіемъ.

— Какія ваши условія?

— Двѣсти фунтовъ, monsieur. Вы думали, что это будетъ стоять дороже? Но такъ какъ monsieur очень понравился мнѣ, я готовъ уступить пятьдесятъ фунтовъ. Расходы на счетъ monsieur.

— Разумѣется. А сколько времени на это понадобится?

— На то, чтобы осмотрѣть все ужасное? Двѣ, три недѣли—это зависитъ отъ monsieur, если онъ выносливъ и можетъ обходиться безъ сна...

— Намъ придется не спать по ночамъ?

— Безъ сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ я буду спать днемъ, и мы покончимъ все въ двѣ недѣли. Приходите сегодня вечеромъ въ „Grand Hôtel“ въ десять часовъ.

— Ровно въ десять часовъ я буду тамъ.

Получивъ въ задатокъ двадцать фунтовъ, молодой человѣкъ отчаяннаго вида граціозно раскланялся, и м-ръ Гринъ, вернувшись въ „Grand-Hôtel“, выпилъ за обѣдомъ цѣлую бутылку шампанскаго.

Онъ еще допивалъ кофе съ ликеромъ, когда старшій кельнеръ, имѣвшій сильное сходство съ Наполеономъ I, не безъ таинственности приблизившись къ нему, въ полголоса доложилъ ему о приходѣ джентльмена, который долженъ проводить топ-иенгъ въ Казбахъ. М-ръ Гринъ вспыхнулъ отъ сознанія своей виновности. Проговоривъ: „сейчасъ“, онъ бросился къ себѣ наверхъ, захватилъ тетрадь и карандашъ, накиннулъ на себя темное пальто, сунулъ въ карманъ одинъ изъ револьверовъ и поспѣшилъ въ вестибюль отеля, гдѣ отчаяннаго вида молодой человѣкъ стоялъ, окруженный выѣздными въ свѣтлыхъ ливреяхъ, алжирскими лакеями и швейцарско-германскими разсыльными, сочувственно улыбающимися и подмигивавшими ему.

— А, вотъ и вы!—воскликнулъ м-ръ Гринъ голосомъ браваго военнаго служака, выдаваго вида на своею вѣку.—Ну что жъ, отправимся въ мечеть.

— Вотъ именно, monsieur, въ мечеть.

Одинъ изъ грумовъ, мальчикъ лѣтъ восьми (счастье его, что онъ еще не имѣлъ ни о чемъ повятія) разразился визгливымъ смѣхомъ. Лакеи поспѣшно отвернулись, а остальные служащіе занялись своимъ дѣломъ. У подъѣзда ожидала коляска, и м-ръ Гринъ трепетнымъ голосомъ освѣдомился о томъ, куда они ѣдутъ?

— Мы ѣдемъ на высоты, смотрѣть Уледъ,—отвѣтилъ проводникъ,—en avant!

Онъ помѣстился рядомъ съ м-ромъ Гриномъ, кучеръ щелкнулъ бичомъ, и лошади помчались.

V.

На слѣдующій день, сойда къ завтраку въ четверть третьяго, м-ръ Гринъ нашелъ возлѣ своего прибора письмо. Почеркъ былъ женскій. Онъ дрожащею рукою распечаталъ его и прочелъ:

„Rue du Petit Nègre. 1.

„Дорогой Monsieur. Я здѣсь. Мама въ больницѣ, и мнѣ газръшають навѣщать ее два раза въ день. Остальное время провожу въ слезахъ и молитвѣ. Я надѣюсь, что вы хорошо

провели ночь? Что до меня—я не спала всю ночь, думая о мамѣ. Теперь иду въ церковь.—Адель-Вербена“.

Онъ положилъ письмо и глубоко вздохнулъ. Какъ оно невинно, просто, искренно! Даже и въ Алжирѣ есть еще чистыя души. Не странно ли, что онъ знаетъ одну изъ нихъ, онъ, не только заполнившій африканскими впечатлѣніями всю тетрадку, но перенесшій часть ихъ даже на обертку ея!? Слезы проступили на его глазахъ, когда онъ положилъ письмо рядомъ съ яйцами и поджаренными ломтиками хлѣба съ масломъ, озаренными жгучимъ африканскимъ солнцемъ. Предлагая м-ру Грину сахару и сливокъ, старшій вельнеръ многозначительно улыбался; улыбались и другіе служащіе. Восьмилѣтній грумъ, еще не познавшій жизни, встрѣтилъ его веселымъ смѣхомъ и восклицаніемъ: „Oh la-la!“, навлекшими на него выговоръ со стороны хозяина отеля. Вообще, волна общественной симпатіи охватила м-ра Грина, пепельно-сѣрое лицо котораго и тусклые глаза указывали на бессонную ночь.

— Скушайте, сэръ,—вы почувствуете себя лучше послѣ завтрака.

Величественный вельнеръ, прислуживая м-ру Грину, бросалъ укоризненные взоры на маленькаго грума, заглядывавшаго въ столовую.

— Я чувствую себя очень хорошо,—отвѣчалъ м-ръ Гринъ съ напускною веселостью, и тутъ же освѣдомился у своего собесѣдника:—хорошо ли онъ знаетъ Алжиръ?

— Я здѣсь родился, monsieur. Если вы желаете сегодня вечеромъ снова посѣтить Казбахъ?..

Но м-ръ Гринъ остановилъ его почти рѣзко. Нѣтъ, онъ желаетъ знать: гдѣ находится улица du Petit Nègre?

— Monsieur отправляется туда сегодня ночью?

— Нѣтъ, я ѣду туда теперь, сейчасъ же послѣ завтрака.

— Monsieur прямо изумителенъ! Я въ жизни не видалъ подобнаго туриста! — Кельнеръ весь сіялъ насмѣшливымъ изумленіемъ. — Но вамъ лучше взять экипажъ. Подъемъ очень крутъ.

— Такъ прикажите подать коляску. Я ѣду сію минуту.

Онъ отстранилъ поджаренный хлѣбъ и медленно двинулся за вельнеромъ.

— Коляску для monsieur! Monsieur желаетъ ѣхать на улицу du Petit Nègre.

Весь штатъ служащихъ собрался у подъѣзда, словно для проводовъ члена королевскаго дома. Путь м-ра Грина лежалъ

по узкимъ, извилистымъ, многолюднымъ улицамъ, мимо базаровъ, мечетей, католическихъ церквей, казармъ и кофеенъ, куда экипажъ не свернулъ въ аллею, круто поднимавшуюся въ гору. Кучеръ заявилъ, что здѣсь monsieur долженъ сойти и подняться по ступенямъ. Улица du Petit Nègre—на вершинѣ горы. Monsieur прикажетъ ему обождать здѣсь?

— Да.

Кучеръ принялся свертывать папиросу, между тѣмъ какъ м-ръ Гринъ, слѣдуя его указаніямъ, увидѣлъ арку, ведущую во дворъ, вымощенный бѣлыми и синими плитами и украшенный апельсиновыми деревьями въ кадкахъ. Посрединѣ двора онъ увидѣлъ трехъ-этажный домъ съ плоскою кровлею, и толстая француженка, которую онъ спросилъ: здѣсь ли живетъ m-lle Вербенъ, тотчасъ провела его въ салонъ съ желтою репсовою мебелью и попросила присѣсть.

Минуты черезъ двѣ вышла m-lle Вербенъ, осушая глаза маленькимъ носовымъ платкомъ и принуждая себя улыбнуться. Онъ безмолвно пожалъ ей руку, она сѣла на стулъ и они поглядѣли другъ на друга.

— Mais, mon Dieu! До чего monsieur измѣнился!—воскликнула левантинка.—Еслибы madame видѣла его! Что случилось?

— Миссъ Вербенъ,—отвѣтилъ м-ръ Гринъ,—сегодня ночью на высотахъ я видѣлъ Уледъ.

— Что это такое—Уледъ?—спросила Адель, поднося платокъ къ лицу, по которому пробѣжала спазма.

— Я не смѣю сказать вамъ.

— Нѣтъ, скажите, я жажду выразить вамъ мое сочувствіе.

М-ръ Гринъ колебался, но онъ такъ нуждался въ сочувствіи, ему хотѣлось облегчить свою душу.

— Уледъ—танцовщица изъ Сахары,—отвѣтилъ онъ.

— Что же она танцуетъ—вальсъ? польку? кадрили?

— О, еслибы только это!—И м-ръ Гринъ, будучи не въ силахъ долѣе сдерживаться, описалъ въ нѣсколько смягченныхъ чертахъ видѣнную имъ пляску пустыни.

— Какъ это ужасно!—воскликнула она, выслушавъ его.—И сколько же вы заплатили за это грѣховное зрѣлище?

— Я далъ ей двадцать фунтовъ. Мой проводникъ, Абдалла-Джэкъ, сообщилъ мнѣ, что такова цѣна. Онъ говоритъ, что эти танцы запрещены закономъ, и каждый разъ какъ Уледъ танцуетъ, она рискуетъ тюрьмою.

— Бѣдняжка! Тяжело зарабатывать такимъ образомъ свой

хлѣбъ вмѣсто того, чтобы преподавать грамматику родного языка милымъ дѣтямъ monsieur!

— Вы—ангелъ! — воскликнулъ м-ръ Гринъ, тронутый этимъ намекомъ, вызвавшимъ передъ нимъ картину счастливаго дома въ Бельгрэвъ-скверѣ.

— И что же, вы снова пойдете смотрѣть эту бѣдную Уледъ?

— Да. Кажется, что она имѣетъ сношенія со всѣми... словомъ, подозрительными людьми Алжира, и ихъ можно видѣть черезъ нее. Абдалла-Джэкъ сказалъ мнѣ, что покуда я останусь здѣсь, я долженъ платить ей жалованье каждую недѣлю, а она покажетъ мнѣ за это всѣ ужасные туземные обряды. И потому я рѣшилъ...

— А, такъ вы рѣшили?..

На секунду въ глазахъ Адели вспыхнулъ такой огонекъ и голосъ ея прозвучалъ такъ странно, что м-ръ Гринъ вздрогнулъ, но она сейчасъ же проговорила своимъ обычнымъ грустнымъ, нѣжнымъ тономъ:

— Сердце мое обливается кровью за эту несчастную Уледъ... Какъ ее зовутъ? Айша? Она хороша собою?

— Право не знаю. Она раскрашена, кажется—татуирована, она такъ... такъ непохожа на м-ссъ Гринъ.

— Какъ это печально! Какъ ужасно! Вы, безъ сомнѣнн, сильно тоскуете по madame?

Тоскуетъ ли онъ? М-ръ Гринъ задалъ себѣ этотъ вопросъ. Какъ ни былъ онъ шокированъ, измученъ своими изысканіями, онъ все же не отдавалъ себѣ яснаго отчета: желалъ ли бы онъ перенестись обратно на Бельгрэвъ-скверъ, пить овсяную воду, вклеивать вырѣзки въ новый альбомъ, слушать чтеніе новаго романа въ рукописи? Какъ странно, какъ ужасно, что онъ и самъ этого не знаетъ!

— Развѣ это не такъ?—спросила Адель.

— Конечно, мнѣ недостаетъ моей возлюбленной жены, — отвѣтилъ м-ръ Гринъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ. — А какъ здоровье вашей бѣдной милой матери?

— Плохо, очень плохо, monsieur... Но все же есть слабая надежда на ея выздоровленіе. Сидя здѣсь одна въ чужомъ городѣ, я терзаюсь опасеніями, я боюсь, что скоро я останусь одинокою въ этомъ жестокомъ, жестокомъ мірѣ...

М-ръ Гринъ принялся утѣшать ее. Не надо падать духомъ. Нужно надѣяться.

— Какъ могу я надѣяться, сидя здѣсь одна?

— Вамъ не слѣдуетъ сидѣть здѣсь одной! (Внезапное вдохновеніе осянуло м-ра Юстеса Грина).

— Вамъ необходимо осмотрѣть городъ, развлечься, показаться...

— Но куда же дѣвушка можетъ пойти одна, да еще въ Алжирѣ?

— Боже сохрани! Я буду вашимъ кавалеромъ.

Улыбка невинной радости озарила ее лицо, но вдругъ она снова опечалилась. Будетъ ли это прилично?

Но м-ръ Гринъ вдругъ махнулъ рукою на приличія. Почему же нѣтъ? И притомъ ихъ никто здѣсь не знаетъ.

— Это правда.

— Въ такомъ случаѣ надѣвайте вашу шляпку и ѣдемъ.

Когда m-lle Вербенá вернулась въ вязанной черной шляпкѣ и плотно обхватывавшей ее станъ жакетѣ, онъ оглядѣлъ ее взоромъ бравого служаки. Въ рукахъ у нея былъ ярко-красный зонтикъ.

— Это ужасно, что я должна ходить съ такимъ зонтикомъ въ то время, какъ моя бѣдная мать борется со смертью, но у меня нѣтъ денегъ на покупку другого, а солнце такое ослѣпительное, что я не рискую выйти безъ зонтика.

Она съ огорченіемъ раскрыла его, но м-ръ Гринъ нашель, что этотъ цвѣтъ очень выгодно отгвѣняетъ ее черный туалетъ, и дерзнулъ сказать ей объ этомъ.

Толстая француженка проводила ихъ сочувственнымъ взглядомъ.

— Кажется, она дала отставку своему черномазому — эта хитрая маленькая лиса. Что-жъ! У англичанъ есть свои хорошія стороны.

VI.

Тѣмъ временемъ въ Бельгрэвъ-скверѣ м-съ Юстасъ Гринъ начинала слегка тревожиться, чему способствовали нѣкоторые вмѣстѣ взятые обстоятельства. Во-первыхъ: m-lle Вербенá не написала ей ни слова о болѣзни своей матери и о томъ, когда она думаетъ возвратиться. Во-вторыхъ: юный Адольфъ, въ силу ея отсутствія, окончательно утратилъ всякое понятіе о неправильныхъ глаголахъ, въ которыхъ онъ и безъ того былъ нетвердъ. Въ-третьихъ: Дэррель вернулся не только безъ несессера своего (арина, но и безъ своего собственного имущества. Онъ разсказалъ, что покуда онъ ждалъ м-ра Грина въ Парижѣ на вокзалѣ, къ нему подошелъ пріятной наружности иностранецъ, убѣдившій его выпить рюмочку абсента въ кафе насупротивъ. Что было

затѣмъ—онъ не знаетъ, такъ какъ онъ пришелъ въ себя уже въ одной изъ пассажирскихъ залъ Сѣвернаго вокзала, куда его доставили таинственнымъ образомъ. Въ карманѣ у себя онъ не нашелъ ни денегъ, ни часовъ, но лишь возвратный билетъ второго класса до Лондона; онъ пробродилъ по улицамъ до разсвѣта, а затѣмъ вернулся домой уничтоженный и проклинаящій „французскихъ мазуриковъ“ отъ всей полноты своего британскаго сердца.

Тревога м-ссъ Гринъ о мужѣ, оставшемся одинокимъ на негостеприимномъ берегу Африки, еще усиливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что пребываніе его тамъ затягивалось и даже нельзя было предвидѣть, когда онъ вернется. Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ со дня ихъ разлуки. Правда, онъ часто писалъ ей, и письма его были полны нѣжныхъ воспоминаній о Бельгрэвъ-скверѣ; ему хотѣлось быть снова дома, пить овсяную воду и вклеивать вырѣзки. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не возвращался, даже болѣе—онъ писалъ, что ему не скоро удастся вернуться. Оказывалось, что до злого начала въ Африкѣ не такъ-то легко добраться. Оно не лежало на поверхности, но таилось въ глубинахъ, къ которымъ обыкновенному туристу не было доступа. Въ письмахъ м-ръ Гринъ описывалъ свои неустанныя и героическія усилія заполнить тетради матеріаломъ, могущимъ способствовать исправленію человѣчества. Онъ подробно передавалъ свой разговоръ съ Альфонсо у Кука и свое постыдное удаленіе изъ агентства. Послѣ этого событія онъ провелъ двѣ недѣли, не напавъ на слѣдъ грѣха, хотя посѣщалъ кафе, публичный „bar“, театры, велодромы, бродилъ по ночамъ на базарахъ и вокругъ цирка. И всюду онъ встрѣчался съ безобидными увеселеніями народа, которому мысль о грѣхѣ и злѣ казалась столь же чуждою, какъ желаніе—пропѣть англійскій національный гимнъ.

Въ теченіе третьей недѣли дѣла нѣсколько поправились. Гуляя въ поискахъ происшествій по набережной, м-ръ Гринъ увидѣлъ однажды, какъ переутомленный кейфомъ носильщикъ-арабъ винулся на двоихъ почтенныхъ заклинателей змѣй, собиравшихся отплыть въ Тунисъ. Это происшествіе заполнило нѣсколько страницъ первой тетради, но затѣмъ наступила продолжительная мертвая тишь, если не считать пустыяковъ вродѣ поджога лавочки въ еврейскомъ кварталѣ, не имѣющихъ значенія для „Катеринъ“.

Между супругами произошелъ дѣятельный обмѣнъ письмами, но съ книгою вышла остановка. Сначала м-ссъ Гринъ довольствовалась письмами, но затѣмъ прибѣгла къ телеграммамъ—объяснительнымъ, обвинительнымъ, наставительнымъ и даже—

грознымъ. Она горько сокрушалась по поводу несомѣнной невинности своего супруга, и сожалѣла, что не отправила своимъ посломъ дядю, отставного морского капитана, который скорѣе бы попалъ на слѣдъ грѣха, чѣмъ бѣдный Юстэсъ. Лучше бы, наконецъ, сама она рѣшилась переплыть море въ поискахъ за матеріаломъ, котораго принуждена ждать съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

Ея тревога достигла высшей точки, когда она получила извѣщеніе, что домъ на углу Паркъ-Лэна сданъ какому-то миллионеру изъ Венецуэлы. Она телеграфировала объ этомъ въ Алжиръ со слѣдующимъ заключеніемъ:

„Это не годится. Ты слишкомъ невиненъ, и не видишь того, что у тебя передъ глазами. Добудь помощниковъ. Обратись къ британскому консулу“.

М-ръ Гринъ телеграфировалъ въ отвѣтъ:

„Слѣдую твоему совѣту. Телеграфирую о результатѣ. Сожалѣю о моей невинности, но сокрушаюсь о томъ, что ты такъ сильно осуждаешь ее“.

Получивъ это извѣстіе за своимъ одинокимъ обѣдомъ, м-ссъ Юстэсъ Гринъ была глубоко потрясена. Она поняла, что поступила необдуманно. Ей было извѣстно, что немногія изъ женщинъ обладаютъ мужьями до такой степени чуждыми мужскихъ слабостей. Но, съ другой стороны, приходится думать о „Катеринѣ“, о домѣ въ Паркъ-Лэнѣ. Она была такъ огорчена, что впервые въ жизни отказалась отъ своего любимаго пирожного, къ которому имѣла пристрастіе еще со временъ своей первой небольшой повѣсти. Не успѣла она отослать блюдо, какъ ей подали вторую депешу, гласившую:

„Британскій консулъ въ ужасѣ. Меня постыдно изгнали изъ консульства. Большой скандалъ. Очень пораженъ, но ради тебя готовъ продолжать.— Юстэсъ“.

Какъ только зловѣщій смыслъ этихъ словъ проникъ наконецъ въ гигантскій мозгъ м-ссъ Гринъ, густой румянецъ покрылъ ея благородныя черты. Она поднялась изъ-за стола съ рѣшимостью, поразившею ужасомъ сердца напудренныхъ служителей, и, выправившись во весь свой ростъ, произнесла:

— Пошлите сейчасъ же м-ссъ Форбсъ ко мнѣ въ кабинетъ. Вы слышите: сейчасъ же!

Черезъ минуту на порогѣ святилища появилась м-ссъ Форбсъ, горничная великой романистки, очень опрятная особа въ черномъ шолововомъ платьѣ, состоявшая при м-ссъ Гринъ уже много

лѣтъ, а потому пользовавшаяся въ людской громадномъ авторитетомъ по литературнымъ вопросамъ.

— Чтѣ прикажете, сударыня? — освѣдомилась она почти-тельно.

М-ссъ Гринъ молчала, погруженная въ размышленія. М-ссъ Форбсъ вздохнула. Она только-что собиралась поужинать.

— М-ссъ Форбсъ, — заговорила наконецъ ея госпожа, — на женщинѣ возложена въ этомъ мѣрѣ великая миссія.

— Совершенно вѣрно, сударыня. Я именно такъ и сказала буфетчику Филиппу сегодня за обѣдомъ.

— Мы должны охранять мужчинъ, ни болѣе, ни менѣе.

— Это самое я сегодня же заявила за чаемъ младшему лакею Арчибальду, сударыня.

— Мужчина нуждается въ руководствѣ, и мы... т.-е. я должна его поддержать. Въ эту минуту, м-ссъ Форбсъ, — продолжала съ возрастающимъ жаромъ м-ссъ Гринъ, — онъ выхватываетъ ко мнѣ изъ Африки. Онъ съ робкою мольбою простираетъ ко мнѣ руки...

— Я надѣюсь, что съ м-ромъ Гринномъ не случился одинъ изъ его желудочныхъ припадковъ? — спросила м-ссъ Форбсъ.

М-ссъ Гринъ улыбнулась ея наивности.

— Вы не понимаете меня, — проговорила она снисходительно, — я къ этому привыкла. Многіе меня не понимаютъ.

М-ссъ Форбсъ улыбнулась.

— Я ѣду въ Африку завтра утромъ, вы будете сопровождать меня. Слышите? Пусть дѣвушки помогутъ вамъ уложиться. Выберите самыя скромныя мои платья и шляпки. Я имѣю свои причины для того, чтобы прибыть въ Алжиръ инкогнито.

Наступило молчаніе; м-ссъ Гринъ подняла глаза и, замѣтивъ угрюмое выраженіе на лицѣ м-ссъ Форбсъ, спросила: чтѣ это значитъ?

— Мы ѣдемъ черезъ Парижъ, сударыня?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ я очень сожалѣю, сударыня, но я не рискну на это, хотя бы...

— Но чтѣ за причина? Почему вы такъ боитесь Лютеціи?

— Я не боюсь никакой Лютеціи въ юбкѣ, сударыня, но ѣхать въ Парижъ для того, чтобы васъ опоили абсентомъ и свезли куда-нибудь какъ поклажу, — я не соглашусь на это, сударыня, хотя бы мнѣ пришлось оставить службу въ вашемъ домѣ.

М-ссъ Гринъ поняла, что инцидентъ съ лакеемъ произвелъ впечатлѣніе на ея горничную.

— Вы не отойдете от меня.

— Они опоятъ васъ абсентомъ, сударыня.

— Вы пойдете со мною первымъ классомъ въ спальномъ вагонѣ.

— Хорошо, сударыня, только — изъ уваженія къ вамъ. Я не сдѣлала бы этого ни для какой другой дамы.

— Я прибавлю вамъ жалованья. Вы — преданный человѣкъ.

— А баринъ ждетъ насъ? — освѣдомилась м-ссъ Форбсъ, готовясь уйти.

Свѣтлая, вѣжная улыбка оварила лицо м-ссъ Гринъ. Она устремила на собесѣдницу свои большіе глаза съ поволокою.

— Нѣтъ! Но я скажу вамъ, м-ссъ Форбсъ, великую истину.

— Какую, сударыня?

— Сладчайшія минуты нашей жизни, возносящія насъ на небеса, тѣ минуты, въ которыя мы благодаримъ небо за дарованную намъ жизнь, — бываютъ зачастую неожиданными.

Она думала о восторгѣ м-ра Грина, когда онъ увидитъ передъ собою на чужой сторонѣ величественную фигуру своей возлюбленной, явившейся изъ Бельгрэвъ-сквера съ тѣмъ, чтобы утѣшить, успокоить, направить его на вѣрный путь. Она отерла слезу.

— Ступайте, м-ссъ Форбсъ.

И м-ссъ Форбсъ съ улыбкою удалилась.

Можно было бы написать поэму по поводу путешествія великой романистки въ Африку: о томъ, какъ она прибыла, укутанная въ черный газовый вуаль, на станцію, объ ея думахъ въ то время, какъ доброе судно „Императрица Индіи“ подпрыгивало на подобіе пробки по волнамъ, о завтрашъ ея, состоявшемъ изъ морского сухаря, о прибытіи ея въ Парижъ съ закатомъ дня. Быть можетъ, все это и будетъ современемъ описано — ею самой.

Въ Парижѣ она претерпѣла много непріятнаго, вслѣдствіе истеричности м-ссъ Форбсъ, которая, опасаясь „абсента“, обвиняла разныхъ неповинныхъ людей въ покушеніи на ея имущество и особу. Въ открытомъ морѣ она натерпѣлась еще болѣе, такъ какъ вѣтеръ все время былъ противный, и путешественницы прибыли въ Алжиръ съ опозданіемъ и въ такомъ состояніи, которое легче вообразить, нежели описать. Геній, нуждающійся въ рюмѣ шартрѣза для поддержанія еле теплющейся въ немъ искры жизни — слишкомъ прискорбный сюжетъ даже для дружественнаго пера. Достаточно будетъ сказать, что даже толпа горлающихъ арабовъ смолкла при видѣ м-ссъ Гринъ и м-ссъ Форбсъ, которыя въ шляпкахъ, надѣтыхъ задомъ напередъ, въ разстегнутыхъ ботинкахъ и мокрыхъ платьяхъ, пытались выса-

даться на берегъ. Видъ Африки произвелъ на обѣихъ такое подавляющее впечатлѣніе, что онѣ какъ во снѣ позволили усадить себя въ карету и увезти въ отдаленнѣйшій отель. Тутъ разыгралась тяжелая сцена. Вступивъ въ мавританскій вестибюль, м-съ Гринъ освѣдомилась о своемъ супругѣ, и получила вѣжливый отвѣтъ, что господина съ такою фамиліею нѣтъ въ отелѣ. Тогда ее осѣнила мысль, что, быть можетъ, онъ живетъ въ Алжирѣ подъ чужимъ именемъ, и она потребовала, чтобы всѣ посѣтители отеля продефилировали передъ нею, что встрѣтило нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ многіе изъ нихъ сидѣли въ это время за обѣдомъ. Ей принесли книгу, на переплетѣ которой золотыми буквами значилось: „Отель Лубэ и Коронованныхъ Особъ“, но автографа м-ра Грина тамъ не было, и послѣ непріятныхъ объясненій, м-съ Гринъ и м-съ Форбсъ, дорого заплативъ за проѣздъ туда, куда онѣ вовсе не желали ѣхать, были усажены въ другой экипажъ и доставлены въ девять часовъ вечера въ „Grand-Hôtel“.

Ихъ почтительно ввели въ ярко освѣщенную пріемную, гдѣ ихъ окружили хозяинъ отеля, *maitre d'hôtel*, его помощники, выездные, прислуга—лица, близко знающія м-ра Грина. Послѣ примѣненія спирта, нюхательной соли и жженныхъ перьевъ, м-съ Гринъ пришла въ себя, опомнившись отъ овладѣвшаго ею латгическаго состоянія, и освѣдомилась о м-рѣ Гринѣ. На лицахъ окружающихъ ее людей промелькнула веселая улыбка.

— М-ръ Гринъ, намѣревающийся провести здѣсь зиму?—спросилъ хозяинъ отеля.

— М-ръ Юстэсъ Гринъ,—прошептала великая романистка, хватаясь обѣими руками за шляпку.

Maitre d'hôtel приблизился къ ней.

— *Madame* желаетъ видѣть м-ра Грина, но его нѣтъ дома. Онъ всегда отсутствуетъ по ночамъ.

Глаза маленькаго грума, еще ничего не понимавшаго въ жизни, засверкали лукавствомъ. М-съ Форбсъ кашлянула. Глаза великой романистки наполнились слезами.

— Да благословить Богъ моего Юстэса!—прошептала она, тронутая его преданностью интересамъ ея искусства.—Куда же отправляется м-ръ Гринъ?—продолжала она, не замѣчая изумленія, выразившагося на лицахъ окружающихъ.

— Въ Казбахъ, *madame*.

— Я это знала, — воскликнула она оживленно, — я знала, что такъ оно и будетъ.

— *Madame* знакома съ м-ромъ Гриномъ?—спросилъ *maitre*

d'hôtel, между тѣмъ какъ кольцо любопытныхъ сузилось вокругъ нихъ.

— Я м-съ Юстасъ Гринъ, жена м-ра Юстаса Грина, — отважно отвѣтила романистка. Наступила минута торжественнаго молчанія, за которою послѣдовало громкое, провозительное: „Oh la-la!“, вырвавшееся изъ невинныхъ устъ маленькаго грума и сопровождавшееся такимъ неудержимымъ хохотомъ, что впечатлительнаго ребенка пришлось извлечь изъ пріемной, дабы онъ могъ на свободѣ предаться своему веселью передъ лицомъ африканскихъ звѣздъ.

— Въ которомъ же часу обыкновенно выѣзжаетъ м-ръ Гринъ? — спросила она у хозяина, лицо котораго теперь подергивалось, словно отъ зубной боли.

— Сейчасъ же послѣ обѣда, сударыня. Иногда и ранѣе.

— И онъ поздно возвращается?

— Очень поздно, сударыня.

Нервные подергиванія лица оказались заразительными; они сообщились не только всему персоналу отеля, но и по лицу м-съ Форбсъ пробѣжала легкая судорога.

— Въ которомъ часу онъ возвращается? — спросила м-съ Гринъ, голосомъ, замирающимъ отъ нѣжности и состраданія.

— Право, не сумѣю вамъ сказать, сударыня, — пробормоталъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ хозяинъ: — быть можетъ, maître d'hôtel это знаетъ?

М-съ Гринъ обратила къ нему свои глаза съ поволокою.

— М-ръ Гринъ рѣдко возвращается ранѣе семи—восьми часовъ утра. Затѣмъ онъ уходитъ къ себѣ и является къ завтраку часамъ въ четыремъ пополудни.

М-съ Гринъ была глубоко тронута. Ея супругъ жертвовалъ ей всѣмъ — своимъ сномъ, здоровьемъ, быть можетъ — самой жизнью. Пора положить конецъ этому самопожертвованію, прекратить эти розыски сегодня же. Лучше пусть гибнетъ романъ ея, чѣмъ ея мужъ.

Она тяжело поднялась съ кресла, покачнулась, оправилась и приказала:

— Велите сейчасъ же подать мнѣ обѣдъ и пусть доставятъ экипажъ и хорошаго проводника.

— Madame желаетъ выѣхать? Но она больна, измучена и изнеможена?..

— Ничего. Я отправляюсь въ Казбахъ — искать моего мужа.

— Я провожу madame.

Хозяинъ, *maître d'hôtel*, слуги—все обернулись на звукъ этого голоса.

Передъ м-ссь Гринъ стоялъ со своими темными сверкающими глазами и свирѣпо закрученными усами—Абдалла-Джэкъ.

VII.

Человѣкъ—самообманщикъ. Поэтому находится подъ сомнѣніемъ: дѣйствительно ли обольщенный алжирскими приманками м-ръ Юстэсъ Гринъ утратилъ чувство долга и рѣшился зажить въ свое удовольствіе, пренебрегая послѣдствіями и священными узами, соединявшими его съ Бельгрэвъ-скверомъ? Мы предпочитаемъ думать, что имъ руководило смутное желаніе согласовать оба долга: одинъ—по отношенію къ самому себѣ, а другой—по отношенію къ м-ссь Юстэсъ Гринъ. По всей вѣроятности, онъ былъ не вполне преступенъ, но, тѣмъ не менѣе, то, что онъ лгалъ своей возлюбленной женѣ—несомнѣнно. Въ ту минуту, какъ она сидѣла въ бѣлой съ золотомъ столовой отелі за котлеткой и рюмкой кларета, дюжина тетрадей лежала наверху въ комнатѣ м-ра Грина, переполненныхъ до краевъ африканскимъ легкомысліемъ. Заключавшагося въ нихъ матеріала хватило бы на цѣлую библиотеку „Катеринъ“, и тѣмъ не менѣе м-ръ Гринъ медлилъ возвращеніемъ и даже телеграфировалъ домой завѣдомо ложные отзывы объ алжирской добродѣтели. Онъ даже давалъ понять, что его собственная добродѣтель мѣшаетъ ему получить необходимыя свѣдѣнія, между тѣмъ какъ онъ могъ бы дать десять очковъ впередъ любому бравому служакѣ.

Онъ былъ неправъ, и моралистъ вправѣ осудить его, но не забудемъ, что онъ подпалъ подъ вліяніе левантинки.

Мать *m-lle* Вербенъ, скрывавшаяся въ невѣдомомъ алжирскомъ госпиталѣ, — повидимому, принадлежала къ числу тѣхъ обладающихъ необыкновенною живучестью пожилыхъ лѣди, которыя, не умирая, могутъ находиться безконечно долгое время между жизнью и смертью. Эту живучесть дочь, очевидно, наслѣдовала отъ нея. Несмотря на свою тревогу, *m-lle* Вербенъ, будучи въ обществѣ, проявляла замѣчательную веселость и даже—весьма обольстительную живость въ обращеніи. По ея словамъ, она не считала себя вправѣ взваливать бремя своей скорби на чужія плечи. Поэтому она старалась казаться веселою въ тѣ часы, когда она обѣдала, закусывала, ужинала съ м-ромъ Гринъ, каталась съ нимъ на лодкѣ по лазурнымъ волнамъ и

лива, поднималась на горы выше Эль-Біаръ или слушала съ нимъ въ ложѣ бель-этажа оперетку. Лишь однажды, во время поѣздки въ монастырю La Тгарре, лицо ея омрачилось тѣнью печали, и она откровенно созналась, что ея всегдашнимъ желаніемъ было—поступить въ монахини, но необходимость зарабатывать деньги для содержанія престарѣлыхъ родителей—помѣшала ей послѣдовать ея призванію. Со времени первого вечера въ Алжирѣ м-ръ Гринъ не видалъ Уледъ, но черезъ посредство Абдаллы-Джэка онъ продолжалъ выплачивать ей жалованье, такъ какъ эта таинственная дама изъ своего убѣжища руководила имъ въ поискахъ его за африканскими грѣховными впечатлѣніями. М-ръ Гринъ познакомилъ м-лле Вербенъ съ Абдаллой-Джэкомъ, но она не обратила на проводника никакого вниманія, а тотъ въ свою очередь почувствовалъ къ ней антипатію и нѣсколько разъ настоятельно совѣтовалъ м-ру Грину рѣже посѣщать ее. По его мнѣнію, ее давно бы слѣдовало посадить въ гаремъ за желѣзную рѣшетку. Вообще, за недѣлю, предшествовавшую прибытію м-ссы Гринъ, настроеніе проводника сдѣлалось настолько непріятнымъ, что м-ру Грину приходила охота отказать ему. Но ранѣе этого онъ пожелалъ еще разъ повидаться съ Уледъ, и Абдалла-Джэкъ сумрачно обѣщалъ это устроить. День посѣщенія совпалъ какъ разъ съ днемъ пріѣзда м-ссы Гринъ, и въ то время, какъ м-ръ Гринъ находился въ Казбахѣ, м-лле Вербенъ проводила вечеръ у постели своей бѣдной матери. Абдалла-Джэкъ выражалъ сильное желаніе присутствовать при свиданіи м-ра Грина съ танцовщицей, но м-ръ Гринъ, которому дурное настроеніе проводника дѣйствовало на нервы, рѣшительно отклонилъ это.

Таково было положеніе дѣлъ, когда м-ссы Гринъ встала изъ-за стола въ своемъ коричневомъ броваровомъ платьѣ и шляпѣ „сарапоте“, намѣреваясь отправиться въ Казбахъ съ Абдаллой-Джэкомъ.

Ночь была свѣтлая. На ясномъ небѣ сіяли звѣзды, и море, успокоившееся послѣ того, какъ великая романистка ступила на твердую землю, тихо плескалось у извилистыхъ береговъ. Пальмовыя деревья въ городскомъ саду, гдѣ играла музыка, лѣниво шевелили широкими листьями въ мягкомъ, благоуханномъ воздухѣ. Закутанныя фигуры арабовъ окутывали парящій набережной. Въ ярко освѣщенныхъ ресторанахъ сидѣли за столами богатые французы, а оборванные нищіе глазѣли на устрицы, шампанское и перья на экстравагантныхъ женскихъ шляпкахъ.

Когда м-ссы Гринъ, въ сопровожденіи м-ссы Форбсъ и Абдаллы, появилась на тротуарѣ, — она обвела все окружающее вопро- сительнымъ взглядомъ. Эта полная нѣги обстановка показала

ей похожею на сонъ, и словно сама она была не м-съ Гринъ, а кто-то другой. Быть можетъ, нѣчто подобное ощутила и м-съ Форбсъ, такъ какъ она внезапно поднесла руку къ своему лѣвому боку и покачнулась. Абдалла-Джэкъ поддержалъ ее. Она громко вскрикнула.

— Сударыня, со мною—обморокъ... Обмираю...

Она дѣйствительно казалась больною, лицо ея позеленѣло.

— Позвольте мнѣ лечь, сударыня,—взмолилась она,—это обмираніе...

Въ обыкновенное время м-съ Гринъ предписала бы ей подышать казахскимъ воздухомъ, но теперь она разрѣшила м-съ Форбсъ удалиться и сѣла съ Абдаллой-Джэкомъ въ экипажъ, быстро помчавшійся по улицамъ.

— Вы знаете моего мужа?—спросила она у проводника.

— Да, я довольно хорошо узналъ его,—отвѣтилъ Абдалла загадочно.

— Какой у него видъ?—спросила она нѣжно.

— Monsieur Гринъ бѣлѣе полотна, которое развѣшено на казахской стѣнѣ,—отвѣтилъ проводникъ, закуливъ папироску и обволакивая великую романистку облакомъ дыма;—онъ тонокъ, какъ копье спаги, и болѣе нервнѣе, чѣмъ листы эвкалипта, когда вѣтеръ дуетъ съ сѣвера.

— Почему я не пріѣхала раньше!—мысленно укорила себя разстроенная м-съ Гринъ.

— М-г Гринъ хуже всѣхъ англичанъ,—продолжалъ Абдалла зловѣщимъ голосомъ, — онъ хуже туристовъ Кука, которые смѣются у входа въ мечеть. Даже проводникъ Кука отъ него отказался. Я пошелъ къ нему только потому, что я — злой человѣкъ.

М-съ Гринъ начала ощущать смутное безпокойство и пожалѣла, что поддалась „обмороку“ м-съ Форбсъ. Она искоса взглянула на собесѣдника. Экипажъ былъ тѣсный, кончики усовъ Абдаллы почти касались ея лица. Ее не тревожило то, что онъ говорилъ о Юстэсѣ, пожертвовавшемъ для нея своею репутаціей, но отзывъ его о самомъ себѣ—обеспокоилъ ее.

— Мнѣ кажется, что вы несправедливы къ себѣ,—проговорила она мягко.

Экипажъ круто свернулъ съ ярко освѣщеннаго приморскаго проспекта въ узкую и темную боковую улицу.

— Madame не знаетъ меня.

Справедливость этого заявленія болѣзненно кольнула м-съ Гринъ.

— Я дурной человекъ, — продолжалъ Абдалла-Джэкъ, — поэтому м-ръ Гринъ и выбралъ меня въ проводники.

Романистка испугалась. Неужели она въ первый же вечеръ по приѣздѣ настолько ознакомится съ африканскою преступностью, что съ нею будетъ достаточно до конца жизни? И долго ли она проживетъ послѣ этого ознакомленія? Экипажъ свернулъ въ другую улицу — еще болѣе узкую и темную, чѣмъ первая.

— Туда ли мы ѣдемъ, куда слѣдуетъ?

— Нѣтъ, madame, мы ѣдемъ туда, куда не слѣдуетъ: въ худшую часть города.

— Но увѣрены ли вы, что мужъ мой будетъ тамъ?

Абдалла-Джэкъ саркастически разсмѣялся.

— Monsieur Гринъ не бываетъ въ иныхъ мѣстахъ. Онъ хуже безумнаго туарега пустыни.

— Вы не совсѣмъ понимаете моего мужа, — сказала м-ссь Гринъ, чувствуя, что должна заступиться за бѣднаго облеветаннаго Юстэса: — все, что бы онъ ни дѣлалъ, — дѣлается имъ по моей особенной просьбѣ.

— Madame хочетъ сказать?..

— Я говорю, что м-ръ Гринъ поступаетъ во всемъ сообразно моимъ указаніямъ.

Абдалла-Джэкъ вытаращилъ на нее свои огромные глаза.

— Вы — его жена, и вы велѣли ему приѣхать сюда и поступать такъ, какъ онъ поступаетъ?

— Да-а... Да! — запнулась м-ссь Гринъ, чувствуя себя впервые въ жизни преступницей, влекомой на скамью подсудимыхъ за оскорбленіе нравственности.

— Значитъ, все, что говорятъ у насъ на большомъ каналѣ — справедливо, — замѣтилъ онъ сдержанно.

— Что же тамъ говорить? — освѣдомилась м-ссь Гринъ.

— Что Англія — страна женщинъ-дьяволовъ, — отвѣтилъ проводникъ, въ то время какъ экипажъ сталъ подниматься въ гору между двухъ рядовъ неосвѣщенныхъ домовъ.

М-ссь Гринъ чуть не задохнулась, но усталость и негодование не позволили ей проронить ни слова. Лошади карабкались какъ кошки въ темнотѣ, изъ которой словно сыпались сверху пронзительные звуки музыки, хриплые крики и хохотъ. Колеса прыгали по камнямъ, попадали въ колеи, задѣвали фундаментъ домовъ. И Абдалла-Джэкъ сидѣлъ рядомъ съ м-ссь Гринъ, глядя на нее съ такимъ же безмолвнымъ ужасомъ, съ какимъ жена англійскаго пастора взирала бы на людоѣда.

Внезапно экипажъ остановился, Абдалла-Джэкъ выпрыгнулъ

и предложилъ м-ссъ Гринъ сдѣлать то же самое. — Тутъ надо пройти пѣшкомъ. — Она затрепетала. Какъ? Они оставляютъ кучера?

— Я одинъ провожу madame.

Языкъ великой романистки прилипъ къ гортани, но дѣлать было нечего.

— Куда мы идемъ?

Абдалла-Джэкъ указалъ рукою на каменныя укрѣпленія, смутно видѣвшіяся вдаль при свѣтѣ звѣздъ.

— Внизъ, въ аллею Мертвыхъ Дервишей.

М-ссъ Гринъ едва не вскрикнула отъ ужаса. Она дала бы тысячу фунтовъ для того, чтобы м-ссъ Форбсъ была съ нею. Абдалла схватилъ ее за руку и безжалостно повлекъ за собою. Озираясь вокругъ испуганными глазами, она видѣла лежащій внизу городъ, огни на улицахъ, огни на корабляхъ, стоящихъ въ гавани. Она услышала звукъ трубы, игравшей зорю, и пожелала быть зуавомъ, находящимся въ безопасности въ казармахъ. Одно поддерживало ее въ этотъ часъ испытаній — мысль о восторгѣ мужа при ея появленіи на аренѣ его трудовъ, отъ которыхъ она избавляетъ его отнынѣ. Аллея Мертвыхъ Дервишей показалась м-ссъ Гринъ безконечною. Она шла, спотыкаясь, поддерживаемая рукою Абдаллы, начавшаго обнаруживать признаки какого-то страннаго лихорадочнаго возбужденія, и скоро сдѣлалась центромъ всеобщаго любопытства. Немытые арабы, франтоватые зуавы, вѣчные жида различныхъ національностей, тап-повщицы безъ покрывалъ — глядѣли съ изумленіемъ на коричневое брокеровое платье и шляпу „капотъ“. Они даже указывали на нее пальцами, дѣлая замѣчанія личнаго характера. М-ссъ Гринъ подвигалась среди толпы; кое-гдѣ въ окнахъ мерцали огни и доносилась изнутри дикая музыка.

— Мы пришли, — сказалъ проводникъ, — вотъ домъ Узедъ.

При этихъ словахъ онъ горько разсмѣялся и втащилъ захавшуюся м-ссъ Гринъ въ переднюю изъ поддѣльнаго мрамора, увѣшанную олеографіями. Изъ комнаты направо, рядомъ съ винтообразною лѣстницей, ведущею наверхъ, раздавались изъ-за опущенной занавѣси звуки ужасающей музыки, сопровождаемой пѣніемъ и смѣхомъ.

— Они здѣсь! — воскликнулъ Абдалла-Джэкъ, скрестивъ руки на груди и глядя на м-ссъ Гринъ. — Ступайте въ вашему супругу!

М-ссъ Гринъ схватилась обѣими руками за голову и неровными шагами двинулась впередъ. Она толкнула дверь, она вошла. Тамъ, среди зеркалъ въ золоченыхъ рамахъ и искусственныхъ розъ, она увидѣла своего супруга, въ клѣтчато-мъ костюмѣ

и бѣлой шляпѣ, выдѣлывавшаго невѣроятныя пѣ, между тѣмъ какъ напротивъ него особа въ пестрыхъ шелкахъ и монетахъ, татуированная, накрашенная, начерченная и раздушенная, увѣнчанная страусовыми перьями, выкрикивала въ носъ восточную пѣсню и подпрыгивала какъ наэлектризованная обезьяна.

— Юстэс!—воскликнула м-ссъ Гринъ, прислонясь къ олеографіи для того, чтобы не упасть.

Онъ обернулся.

— Юстэс!—повторила она:—это я!

Онъ стоялъ, окаменѣвъ. Она двинулась къ нему, и вдругъ взоръ ея остановился на Уледѣ, которая, переставъ плясать, въ свою очередь, казалось, была изумлена, даже—смущена появленіемъ великой романистки.

— Миссъ Вербенъ!—воскликнула м-ссъ Гринъ:—миссъ Вербенъ въ Алжирѣ!

— Юженія,—хрипло произнесъ м-ръ Гринъ,—что ты говоришь? Это—Уледъ, танцовщица.

У двери послышался насмѣшливый хохотъ. Тамъ стоялъ Абдалла-Джэкъ. Онъ грубо подошелъ къ Уледѣ.

— Ну, пойдемъ,—сказалъ онъ гнѣвно,—довольно повытянули мы денегъ у иностранца. Завтра я женюсь на тебѣ, и мы уѣдемъ домой на большой каналъ. Левантинка не станетъ больше учить дѣтей англійскихъ дьяволовъ, но займетъ мѣсто въ гаремѣ своего господина.

— М-ле Вербенъ!—прошепталъ м-ръ Гринъ.—Но гдѣ же... какъ же... ваша умирающая мать?..

— Она умерла много лѣтъ тому назадъ, monsieur. Надѣюсь, что мадамъ можетъ теперь безпрепятственно заняться почтенною „Катериной“.

И, сдѣлавъ насмѣшливый реверансъ, левантинка исчезла въ сопровожденіи своего нареченнаго.

„Рассказаніе Катерины“, вышедшее объемистымъ томомъ нѣсколько недѣль тому назадъ, было снабжено предисловіемъ м-ра Юстэса Грина. Когда въ послѣдній разъ мы видѣли его, онъ сидѣлъ въ великолѣпной библіотекѣ уголовного дома въ Паркѣ-Лэнѣ, ближайшаго къ дому герцога Ибурійскаго, и тщательно вклеивалъ рецензіи о величайшемъ произведеніи м-ссъ Гринъ въ великолѣпный новый альбомъ.

Съ англійск. О. Ч.

УКЛОНЕНІЕ ОТЪ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

Законъ 18-го августа 1906 г.

Въ приказъ по военному вѣдомству, отъ 20-го августа 1906 года, № 522, объявлено:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу соединеннаго собранія главныхъ военнаго и военно-морского судовъ объ установленіи наказанія за упорный отказъ, съ цѣлью уклоненія отъ исполненія воинской повинности, отъ несенія обязанностей строевой или нестроевой службы, въ 18-й день августа 1906 года Высочайше повелѣть соизвоилъ, въ дополненіе раздѣла II главы III воинскаго устава о наказаніяхъ (св. воен. пост. 1869 г. XXII, изд. 3), постановить:

„Ст. 125¹. За упорный отказъ, съ цѣлью совершеннаго уклоненія отъ исполненія воинской повинности, отъ несенія строевой или нестроевой службы, виновный подвергается: лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ четырехъ до шести лѣтъ, — или лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на время отъ четырехъ до шести лѣтъ“.

I.

Изъ всѣхъ обязанностей, налагаемыхъ современнымъ государствомъ на гражданина, самой тяжелой является несомнѣнно обязанность личнаго отбыванія воинской повинности. Начало всеобщности, т.-е. оди-

накового распространения обязанности на всѣхъ гражданъ мужескаго пола, независимо отъ происхожденія и имущественной состоятельности, если и умаляетъ ея тяжесть, то только въ идейномъ отношеніи. Въ отношеніи же реальной тяготы, всеобщность, само собою разумѣется, не можетъ имѣть значенія для лица, подлежащаго поступленію въ войска.

Каждому солдату, въ теченіе долгихъ лѣтъ дѣйствительной службы и пребыванія въ запасѣ, грозитъ постоянная опасность лишиться вышшаго человѣческаго блага—жизни. Въ теченіе тѣхъ же лѣтъ и также постоянно ему грозитъ опасность быть вынужденнымъ убивать такихъ же, какъ и онъ, гражданъ, исполняющихъ обязанность военной службы,—только принадлежащихъ къ другому государственному союзу. Эта, ни съ чѣмъ несравнимая, тяжесть воинской повинности — тяжесть, связанная съ войной, постоянно угрожаетъ солдату, правда, только какъ возможность. Войны ведутся сравнительно рѣдко, и далеко не всѣмъ призываемымъ приходится участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но всѣмъ приходится проводить опредѣленное число лѣтъ подъ знаменами, т.-е. переносить тяготу военной службы въ мирное время.

Воинская повинность отрываетъ человѣка отъ привычной обстановки жизни и ставитъ въ суровыя условія военныхъ дисциплинарныхъ отношеній. Она, если не разрушаетъ окончательно, то, во всякомъ случаѣ, рѣзко нарушаетъ семейныя и иныя привязанности. На два года, на три или на пять,—человѣкъ свободный обращается въ подневольнаго. Онъ лишается возможности заработка и дѣлается бременемъ для экономически необеспеченной семьи. Если не юридически, по закону, то фактически, воинская повинность отдаетъ человѣка во власть характера, темперамента и возрѣвнѣи на задачи и средства военного воспитанія случайно попавшагося начальника. Она, наконецъ, заставляетъ нести большой трудъ, подрывающій силы не столько суммой затрачиваемой энергіи, сколько формой ея траты...

При такихъ условіяхъ, у отдѣльныхъ лицъ, конечно, не можетъ не быть стремленія къ уклоненію отъ воинской повинности, а у поступившихъ въ войска — отъ продолженія начатой военной службы. А потому не можетъ не быть и уголовно-правового воздѣйствія на уклоняющихся со стороны государства.

Борьба съ уклоненіемъ отъ службы проходитъ красной нитью черезъ исторію военно-уголовнаго права. Переходъ отъ системы рекрутской повинности, съ продолжительными сроками службы, къ системѣ нынѣшней, со сроками во много разъ меньшими, измѣненіе всей постановки дѣла воспитанія и обученія солдата и улучшеніе его бытового и правового положенія — значительно понизили интенсивность явленія, но съ корнемъ его не уничтожили. Ничто не могло и не

можетъ впредь этого сдѣлать — пока въ основѣ военной службы лежить принципъ обязанности. Гдѣ обязанность — тамъ стремленіе отдѣльныхъ лицъ къ ея нарушенію и неизбежность уголовныхъ каръ.

Опредѣленія закона объ уклоненіи отъ военной службы въ современныхъ европейскихъ кодексахъ, а также и въ нашемъ правѣ, охватываютъ двѣ главные формы дѣянія: уклоненіе съ помощью обмана и уклоненіе посредствомъ самовольнаго оставленія службы (побѣгъ). Общимъ ихъ признакомъ является намѣреніе виновнаго вовсе и навсегда освободить себя отъ несенія службы, и этимъ признакомъ уголовно-наказуемое уклоненіе отъ службы отличается отъ дисциплинарнаго проступка — отъ уклоненія, путемъ обмана или просто по нерадѣнію, отъ исполненія какой-либо отдѣльной служебной обязанности (отъ дежурства, отъ явки въ караулъ и т. п.), или, путемъ оставленія мѣста служенія, — отъ исполненія всякаго рода служебныхъ обязанностей, но на время (самовольная отлучка). Различіе же между ними состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ намѣреніе представляется скрытымъ, а во второмъ оно выражается явно. Въ первомъ случаѣ, виновный предпринимаетъ рядъ дѣйствій, направленныхъ къ тому, чтобы ввести въ заблужденіе начальство и быть уволеннымъ со службы; во второмъ — виновный открыто, явно оставляетъ свое мѣсто служенія.

Уклоненіе съ помощью обмана, въ свою очередь, можетъ выражаться въ весьма разнообразныхъ формахъ. Въ видахъ освобожденія отъ службы, виновный можетъ совершить то или иное преступленіе, за которое въ законѣ положено наказаніе, соединенное съ исключеніемъ изъ службы или съ лишеніемъ воинскаго званія; или средствомъ уклоненія можетъ быть указаніе на несуществующую, мнимую болѣзнь или на органическій недостатокъ. Къ этому же виду уклоненія относится умышленное учиненіе поврежденія своего здоровья, т.-е. приведеніе себя въ состояніе невозможности отбывать службу (членовредительство, Selbstbeschädigung), сущность котораго состоитъ также въ намѣреніи, путемъ обмана, добиться увольненія. Но членовредительство имѣетъ и специфическую особенность: въ дѣяніяхъ этого рода обманъ не прикрывается вымышленнымъ предлогомъ, а является наличность хотя и искусственно созданной, однако реальной причины для увольненія.

Всѣ формы уклоненія посредствомъ обмана могутъ быть совершаемы какъ послѣ поступленія на военную службу, такъ и до этого момента. Побѣгъ, въ точномъ смыслѣ понятія, до поступленія на службу не можетъ быть совершенъ, ибо основной внѣшній признакъ дѣянія — самовольное оставленіе мѣста служенія. Но можетъ быть совершено дѣяніе аналогичное — неявка. По преступному дѣйстви такимъ образомъ, уклоненіе отъ военной службы является однород

нымъ, какъ для лицъ, уже на военной службѣ состоящихъ, такъ и для подлежащихъ только призыву и поступленію въ войска. Однородность преступнаго дѣйствія, однако, не обращаетъ дѣяній въ одинаковость. Для первыхъ уклоненіе составляетъ воинское правонарушеніе, влекущее отвѣтственность по военно-уголовнымъ законамъ. Для вторыхъ—общее, влекущее отвѣтственность по законамъ уголовнымъ общимъ.

Это послѣднее различіе строго проведено и нашимъ законодательствомъ,— приче́мъ терминологія до закона 18-го августа была выдержана съ полной послѣдовательностью. Воинскій уставъ о наказаніяхъ, подъ заголовкомъ: „Объ уклоненіи отъ службы“ (ст. 124—127), трактуетъ о формахъ совершенія дѣянія воинскими чинами. А дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ, подъ заголовкомъ: „Объ уклоненіи отъ воинской повинности“ — о тѣхъ же формахъ его совершенія со стороны подлежащихъ поступленію на военную службу.

II.

Судебная практика еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ показала, что изложенная конструкція преступнаго уклоненія отъ военной службы и отъ исполненія воинской повинности оставляетъ огромный пробѣлъ. Охватывая разнообразныя дѣйствія лица, направленныя къ самовольному освобожденію отъ поступленія въ войска или отъ несенія военной службы, она пропускаетъ самый фактъ отказа отъ службы, не выраженный ни въ обманѣ, ни въ членовредительствѣ, ни въ побѣгѣ, ни въ неявкѣ, ни въ какихъ-либо иныхъ самовольныхъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ, такой отказъ—по причинамъ религіознымъ и политическимъ—вполнѣ возможенъ, и у насъ въ Россіи уже почти двадцать лѣтъ съ нимъ приходится встрѣчаться, какъ съ явленіемъ далеко не единичнымъ.

У насъ существуютъ двѣ секты, рѣшительно отвергающія военную службу: менониты и духоборы. Кромѣ того, есть не мало непринядающихъ къ опредѣленнымъ сектамъ послѣдователей ученія „о сопротивленіи злу“ насиліемъ, которые одинаково смотрятъ на войско и на военную службу. Когда вводился уставъ о воинской повинности 1874 г., религіозное отрицаніе войны менонитами было принято во вниманіе. Для нихъ было установлено изъятіе—служба, взаи́мъ военной, въ лѣсныхъ командахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. О духоборахъ тогда вопросъ не возникалъ, такъ какъ они съ 1841 г. были переселены въ Закавказье,—какъ извѣстно, съ той цѣлью, чтобы, живя въ сосѣдствѣ съ „незамирными“ горами, они постигли „лживость“ своего вѣроученія,—а на Закавказьѣ распространеніе дѣйствія

устава не предполагалось. Въ 1887 г., когда уставъ получилъ примѣненіе къ Закавказью, былъ разгаръ реакціи вообще и религіозныхъ преслѣдованій въ частности. Никакихъ льготъ духовоборамъ, сумѣвшимъ, вопреки мудрымъ предположеніямъ правительства, ужиться съ горцами безъ употребленія оружія, не было дано. Ихъ стали призывать на военную службу на общемъ основаніи—и начались всѣ ужасы мученичества и издѣвательства надъ самыми святыми чувствами человека.

Это были именно—издѣвательства. Люди говорили: „мы отказываемся поступать на военную службу; если это преступно, судите и наказывайте насъ, какъ хотите“. А ихъ за отказъ отъ службы не судили и не наказывали. Ихъ зачисляли на службу и потомъ систематически судили и наказывали за то, въ чемъ отказъ выражался—за неповиновеніе тому или другому приказанію по службѣ. За первый случай неповиновенія ихъ отправляли въ дисциплинарные баталіоны и тамъ изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія томили въ карцерахъ, а неизъятыхъ—безчеловѣчно (отъ 100 до 300 ударовъ) сѣкли,—или пока человекъ дѣлался физически негоднымъ къ службѣ и его переводили „досигивать срокъ“ въ тюрьму гражданскаго вѣдомства, или пока карцеръ и розги не ломали „упорства“ въ исповѣданіи вѣры.

Въ началѣ девятидесятихъ годовъ заграницей была издана запрещенная книга, которая обратила вниманіе широкихъ слоевъ общества, а затѣмъ и властей на дѣло нѣкоего несчастнаго Дрозжина. Дрозжинъ былъ, такъ называемымъ, толстовцемъ. По наступленіи для него времени призыва, онъ явился въ воинское присутствіе и заявилъ, что, отрицая войну и военную службу, а вмѣстѣ съ тѣмъ присягу, какъ требующую клятвы, онъ отказывается и отъ службы, и отъ принесенія присяги. Онъ полагалъ, что самымъ фактомъ этого двойного отказа совершаетъ тяжкое правонарушеніе, за которымъ должно послѣдовать наказаніе, и былъ готовъ его перенести, лишь бы не нарушать своихъ религіозныхъ убѣжденій. Но онъ оказался плохимъ законовѣдомъ—такимъ же плохимъ, какъ тѣ прокуроры, которые въ настоящее время включаютъ въ выводы обвинительныхъ актовъ „страшныя“ слова, вроде: „забывъ присягу“, или „вопреки присягѣ“ и т. п. Быть можетъ, Дрозжинъ имѣлъ въ виду, что въ 1881 г. В. Г. Короленко—и далеко не одинъ—за отказъ отъ присяги былъ сосланъ въ Якутскую область. Если это такъ, то, очевидно, не зная, что это была ссылка не на основаніи закона, а на основаніи усмотрѣнія министровъ внутреннихъ дѣлъ въ сверхзаконномъ порядкѣ.

Противно распространенному мнѣнію, въ Россіи присяга юридически не обязательна, и отказъ отъ нея подъ страхомъ наказанія не воспрещенъ. Отказъ отъ отбыванія воинской повинности до зако

18-го августа—также, самъ по себѣ, воспрещенъ не былъ. А потому заявленіе Дрозжина выслушали, какъ слова совершенно безразличныя, и имя его внесли въ списокъ принятыхъ въ постоянныя войска. Списокъ прочли „во всеуслышаніе“ и, согласно многократнымъ разъясненіямъ главнаго военнаго суда, что такое прочтеніе списка должно считать начальнымъ моментомъ военной службы,—онъ сдѣлался солдатомъ.

Послѣ разнообразныхъ мытарствъ по канцеляріямъ и по карцерамъ и послѣ не имѣвшаго успѣха „усовѣщиванія“ черезъ священника, Дрозжина привели въ роту. Тамъ сейчасъ же приступили къ его обученію вмѣстѣ со всѣми новобранцами. Унтеръ-офицеръ ему сказалъ: „возьми ружье и стань въ строй“. Дрозжинъ отказался, мотивируя отказъ отрицаніемъ военной службы вообще и, слѣдовательно, всего того, изъ чего она складывается и въ чемъ выражается. Унтеръ-офицеръ доложилъ по начальству. Начальство—сперва мелкое, потомъ большое—стало поочередно его требовать и повторяло приказаніе—не отказываться отъ службы—объ этомъ съ нимъ даже не говорили, а просто „взять ружье и стать въ строй“. Дрозжинъ указывалъ на невозможность для него исполнить приказаніе и просилъ сдѣлать съ нимъ, что угодно, только избавить отъ военной службы. Начальство его не слушало. Черезъ нѣсколько дней Дрозжинъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, получивъ приказаніе отъ такого-то начальника взять ружье и стать въ строй, онъ приказанія этого умышленно не исполнилъ,—т.-е. въ неповиновеніи. На судѣ повторилось то, что было до суда. Дрозжинъ говорилъ свое, а судьи—свое. Онъ просилъ, чтобы его судили за отказъ отъ службы и отъ принесенія присяги, а ему вынесли приговоръ къ отдачѣ въ дисциплинарные батальоны за то, что въ такой-то опредѣленный день онъ умышленно не исполнилъ приказанія взять ружье и стать въ строй.

Пока совершалась предсудебная процедура, Дрозжинъ содержался подъ арестомъ и фактически не сталкивался съ необходимостью исполнять какія-либо обязанности военной службы. Тоже было—пока его препровождали въ дисциплинарный батальонъ и пока онъ, по прибытіи въ батальонъ, первое время, согласно закону, сидѣлъ въ одиночномъ заключеніи. Но какъ только его перевели изъ одиночной камеры въ общую казарму, онъ снова получилъ приказаніе взять ружье и т. д. Приказанія онъ не исполнилъ, и противъ него опять возникло обвиненіе въ неповиновеніи. За это второе неповиновеніе Дрозжину не были назначены розги, такъ какъ онъ по своимъ правамъ былъ изъятъ отъ тѣлеснаго наказанія, но срокъ пребыванія въ батальонѣ увеличился на годъ.

Опять пока онъ содержался до суда и нѣсколько мѣсяцевъ послѣ

суда въ одиночномъ карцерѣ, онъ новаго неповиновенія не совершалъ. Но опять же, какъ только истекъ срокъ одиночнаго заключенія, онъ его совершилъ, былъ преданъ суду и получилъ въ добавокъ еще годъ пребыванія въ батальонѣ. Словомъ, по истеченіи полторыхъ лѣтъ своей „службы“, Дрозжинъ уже обязанъ былъ отсидѣть въ дисциплинарномъ батальонѣ четырнадцать лѣтъ. Кого и о чемъ онъ только не просилъ! Онъ просилъ, въ видѣ милости, чтобы его сослали на поселеніе въ Сибирь или хоть даже въ каторгу. На одно изъ прошеній пришелъ милостивый отвѣтъ: во вниманіе къ просьбѣ Дрозжина, сослать его въ Сибирь на поселеніе, но „послѣ отбытія срока заключенія въ дисциплинарномъ батальонѣ“. Отвѣтъ прозвучалъ насмѣшкой... Для Дрозжина этотъ срокъ уже равнялся четырнадцати годамъ и предстояло ежемѣсячно его безконечное увеличеніе.

Скоро здоровье Дрозжина разрѣшило неразрѣшимый юридическій казусъ. Полтора года мученичества сломило его силы. Онъ заболѣлъ, былъ признанъ неспособнымъ къ продолженію военной службы, и его перевели для отбытія заключенія въ гражданскую тюрьму. Тамъ черезъ нѣсколько недѣль онъ умеръ...

Въ 1896 г., „милость“, дарованная Дрозжину подъ условіемъ предварительнаго отбытія въ дисциплинарномъ батальонѣ, буквально, безконечнаго числа лѣтъ, была распространена на всѣхъ уклоняющихся отъ военной службы въ силу религіозныхъ убѣжденій. 5-го августа 1896 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о ссылкѣ ихъ безъ суда въ Восточную Сибирь на 18 лѣтъ, т.-е. на весь срокъ службы дѣйствительной и въ запасѣ. Это была кара за убѣжденія, т.-е., за то, что не подлежитъ карательному воздѣйствію, и къ тому же несообразно суровая, но она все-таки давала выходъ изъ положенія. Журналомъ комитета министровъ, Высочайше утвержденнымъ 26 февраля 1905 г., повелѣніе о ссылкѣ въ Сибирь за отказъ отбывать воинскую повинность было отмѣнено. Семьдесятъ-два лица вслѣдствіе этого получили право вернуться въ Россію. Но юридически вопросъ вновь сдѣлался неразрѣшимымъ.

III.

Трудность нормальной постановки въ законѣ вопроса о лицахъ, отвергающихъ службу по религіознымъ убѣжденіямъ, заключается, съ одной стороны, въ чрезвычайной тяжести воинской повинности для всѣхъ гражданъ, независимо отъ ихъ религіи, съ другой—въ неиможности, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, безъ какихъ-либо внѣшнихъ показателей отличить дѣйствительныя религіозныя убѣжденія уклоняющагося отъ мнимыхъ.

Полное освобождение отъ отбыванія воинской повинности, посылкѣ на религіозныя убѣжденія, неизбежно создало бы крайнюю несправедливость и повлекло бы за собой безчисленные злоупотребленія. Поэтому допустимо освобождение только *условное*, съ замѣной военной службы какой-либо иной искусственно созданной натуральной повинностью, какъ это сдѣлано было въ 1874 г. для менонитовъ. Но и такая замѣна широко практиковаться не можетъ. Уже не говоря о бьющей въ глаза нелѣпости существованія организованныхъ на подобіе войска лѣсныхъ командъ—съ воинской дисциплиной, съ отвѣтственностью по военно-уголовнымъ законамъ за дѣянія, искусственно подводимыя подъ признаки воинскихъ правонарушеній, и т. п.,—нельзя забывать, что никакую натуральную повинность немислимо сдѣлать равноцѣнной по тяжести воинской, такъ какъ льгота освобожденія отъ опасностей войны при всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ, все-таки, останется неуравновѣшенной. Наиболее логично было бы образованіе изъ отрицающихъ военную службу особыхъ санитарныхъ командъ для обслуживанія госпиталей и лазаретовъ въ мирное время и полей сраженій—въ военное. Но, во-первыхъ, служба въ этихъ командахъ требовала бы, во всякомъ случаѣ, нѣкотораго компромисса съ совѣстью для послѣдователей принципа непротивленія злу насиліемъ. А во-вторыхъ, такая мѣра создала бы на войнѣ какую-то привилегированную категорію неприкосновенныхъ и не обязанныхъ сражаться солдатъ.

Единственно при переходѣ отъ системы повинности къ системѣ добровольнаго поступленія на военную службу можетъ быть сохранено полное уваженіе государствомъ религіозныхъ и политическихъ вѣрованій и убѣжденій, поскольку они не нарушаютъ общаго правового строя. До тѣхъ же поръ, пока войско комплектуется на началахъ личной повинности, уклоненіе отъ нея усмотрѣнію лица не можетъ быть отнюдь предоставлено. Изъ этого вытекаетъ, прежде всего, абсолютная недопустимость отказа отъ службы по убѣжденіямъ политическимъ. Войско—не политическій союзъ людей однородныхъ убѣжденій или политическихъ воззрѣній. Войско—государственный институтъ, органъ его силы, во всемъ связанный съ государствомъ и воплощающій въ себѣ идею неразрывнаго государственнаго единства. Какъ таковое, войско должно стоять внѣ существующихъ внутри государства разнородныхъ политическихъ теченій. Иначе оно теряетъ свой смыслъ, а для бытія правового государства наступаетъ чрезвычайная опасность быть подавленнымъ—вѣрнѣе, раздавленнымъ—колоссальной силой, представляемой войскомъ. Съ практически-житейской точки зрѣнія, если допустить право отказа отъ воинской повинности по политическимъ убѣжденіямъ, то

войска не будетъ. Въ моментъ призыва всѣ новобранцы окажутся отрицающими военную службу.

Иное дѣло—убѣжденія религиозныя. И здѣсь, однако, массовое освобожденіе отъ поступленія въ войска, съ замѣною воинской повинности какой-либо другою, возможно только тогда, когда наличность у призываемыхъ извѣстныхъ религиозныхъ убѣжденій опредѣляется ихъ принадлежностью къ формально обособленному религиозному единенію, т.-е. къ той или другой сектѣ. А въ отношеніи прочихъ лицъ остается одинъ исходъ—освобожденіе индивидуальное, на основаніи судебного разбора каждаго конкретнаго случая.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется любопытный документъ—заявленіе, поданное подлежащему начальству осенью, 1904 года, однимъ прапорщикомъ запаса.

„Въ настоящее тяжелое время, конечно, единственно дѣйствительной помощью безчисленнымъ жертвамъ войны, больнымъ и раненымъ является немедленное заключеніе мира. Тѣмъ не менѣе, получивъ предложеніе поѣхать на Дальній Востокъ въ санитарный отрядъ, я отвѣтилъ согласіемъ. Какъ видно изъ прилагаемой справки, я далъ согласіе поѣхать безвозмездно и исполнять обязанность, какая будетъ необходимѣе и какую мнѣ назначать, хотя бы и санитаря. Но препятствіемъ къ немедленному выѣзду на Дальній Востокъ является призывъ меня въ качествѣ прапорщика въ Н пѣхотный полкъ, для несенія гарнизонной службы. Мнѣ предлагали подвергнуть себя медицинскому освидѣтельствованію, въ виду той болѣзни въ области сердца, по которой я былъ освобожденъ въ 1903 году отъ лагернаго сбора. Но, чувствуя себя лучше, я отказался. Затѣмъ, предлагая командировку отъ Краснаго Креста, мнѣ сообщили, что она можетъ освободить отъ военной службы, и указывали на бывшіе примѣры и на тѣ соображенія, что командировка Краснымъ Крестомъ на Дальній Востокъ, сопровождаясь разными ужасами, опасностью отъ пуль и болѣзней, тяжелѣе и труднѣе гарнизонной службы. Говорили также, что командировка Краснымъ Крестомъ важнѣе многихъ должностей и различныхъ обстоятельствъ, признаваемыхъ уважительными для отсрочки. Воинскій начальникъ не могъ рѣшить этого вопроса, въ управленіи же начальника мѣстной бригады, допуская возможность снятія съ очереди моего призыва, сказали мнѣ, что это зависитъ отъ главнаго штаба.

„Считаю долгомъ заявить, что командировка меня Краснымъ Крестомъ имѣетъ еще и другое значеніе: я совершенно не отвѣчаю тѣмъ требованіямъ, которымъ долженъ удовлетворять военный, тѣмъ болѣе офицеръ. По своимъ убѣжденіямъ, какъ христіанинъ, какъ человѣкъ проникнутый пожеланіями всеобщаго мира, провозглашенными въ

мирной нотѣ 1898 г., я не могу принимать участія въ обязанностяхъ, соединенныхъ съ убійствомъ людей, и даже состояніе въ запасѣ является для меня нравственной тягостью. Я не считаю возможнымъ скрыть это, ибо было бы нечестно съ моей стороны надѣвать военный мундиръ и тѣмъ самымъ дѣлать видъ и обѣщать исполнить то, на что я не способенъ, между тѣмъ какъ въ Красномъ Крестѣ я смогу быть полезнымъ, не насилуя своей совѣсти. Объ этомъ мое начальство было поставлено въ извѣстность еще задолго до войны.

„Итакъ, я прошу снять съ очереди мой призывъ и дать мнѣ отсрочку на время командировки меня Краснымъ Крестомъ на Дальній Востокъ, или замѣнить мнѣ военную службу какой-либо другой, хотя бы и болѣе опасной, но не соединенной съ обязанностью участвовать въ убійствѣ людей. Позволяю себѣ надѣяться на удовлетвореніе моей просьбы, между прочимъ, и потому, что нашъ законъ съ уваженіемъ относится къ религіознымъ требованіямъ иностранныхъ пришельцевъ-менонитовъ, замѣняя имъ военную службу, а моя неспособность и отвращеніе къ дѣйствию оружіемъ являются неодолимымъ препятствіемъ къ строевой службѣ, быть можетъ болѣе неодолимымъ, чѣмъ перенесенны въ уставѣ въ качествѣ таковыхъ. Если мнѣ будетъ отказано быть полезнымъ въ Красномъ Крестѣ путемъ исключенія изъ военной службы или отсрочки призыва, то я роковымъ образомъ буду поставленъ въ положеніе невольнаго нарушителя военныхъ законовъ“.

Авторъ приведеннаго заявленія, какъ человѣкъ со средствами и со связями, могъ предложить свои безвозмездныя услуги Красному Кресту и могъ добраться до высокаго начальства, которое сочло возможнымъ, въ нарушение закона, исполнить его просьбу. Онъ, въ концѣ концовъ, устроился и уѣхалъ на войну въ качествѣ уполномоченнаго при одномъ изъ санитарныхъ отрядовъ. Но нельзя сомнѣваться, что онъ представлялъ не единичное исключеніе, и весьма вѣроятно, что и по-сейчасъ еще несутъ кару тѣ, кто, подобно ему, не могли пересилить себя, чтобы „принимать участіе въ обязанностяхъ, соединенныхъ съ убійствомъ людей“.

Итакъ, въ законѣ долженъ быть общій запретъ, подѣ страхомъ наказанія, отказа отъ воинской повинности. Законъ не можетъ принципиально не считаться съ „упорнымъ“ нежеланіемъ служить по какому бы то ни было побужденіямъ. Даже въ отношеніи такихъ дѣяній, какъ побѣгъ, существуетъ условный срокъ, послѣ котораго прекращается принужденіе къ продолженію службы. Согласно 131 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, нижніе чины за повтореніе побѣга въ третій разъ приговариваются къ наказанію, влекущему лишеніе воинскаго званія. При иной постановкѣ, будутъ неустраняемы явленія, подобныя дѣлу Дрозжина.

Запретъ этотъ долженъ охватывать всѣ случаи настойчиваго отказа, кромѣ, однако, отказа по религіознымъ убѣжденіямъ. Если отказывающійся принадлежитъ къ сектѣ, отвергающей военную службу, онъ долженъ подлежать условной замѣнѣ повинности въ силу закона. Если онъ къ такой сектѣ не принадлежитъ, преступность его дѣянія должна быть устанавливаема судебнымъ приговоромъ, съ устраненіемъ отвѣтственности при доказанной наличности твердыхъ религіозныхъ убѣжденій.

IV.

Поскольку мѣра, принятая 18-го августа, восполняетъ пробѣлы и устраняетъ засѣченіе людей на смерть (для заключенныхъ въ дисциплинарные батальоны розги манифестомъ 11-го августа 1904 г. не отмѣнены) или издѣвательства въ формѣ сужденія и наказанія не за то, въ чемъ состоитъ внутренняя сущность правонарушенія, — мы, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, относимся къ ней положительно. Но передъ нами — не провозглашеніе отвлеченнаго принципа. Передъ нами — уголовно-правовая норма, съ момента ея изданія ставшая дѣйствующимъ, для всѣхъ обязательнымъ закономъ. Какъ таковая же, она не находитъ оправданія, ни по содержанію, ни съ формальной стороны — въ отношеніи порядка изданія.

Прежде всего — редакціонныя замѣчанія. Вновь созданная ст. 125¹ Воинск. Уст. о нак. предусматриваетъ „упорный отказъ отъ несенія строевой или нестроевой службы“, „съ цѣлью совершеннаго уклоненія отъ исполненія воинской повинности“. Въ виду различенія нашихъ законодательствомъ терминовъ „воинская повинность“ и „военная служба“, въ примѣненіи къ уклоненію, данная редакція заключаетъ въ себѣ несомнѣнное противорѣчіе. Возникаетъ вопросъ: распространяется ли дѣйствіе ст. 125¹ на упорный отказъ, заявленный послѣ фактическаго начала лицомъ отбыванія воинской повинности, т.-е. послѣ того, какъ обязанность повинности обратилась для него въ обязанность службы, или законъ имѣетъ въ виду исключительно отказъ въ моментъ призыва? Если въ основу толкованія принимать первую половину приведенной формулы, то получается одно рѣшеніе. Если же вторую, — то другое, ибо для лица, состоящаго на службѣ, реально возможно — какъ цѣль дѣянія — уклоненіе отъ несенія службы, но никакъ не отъ обязанности поступить по призыву въ войска.

Далѣе, ни въ одной статьѣ Воинскаго Устава о наказаніяхъ, трактующихъ объ уклоненіи, до сихъ поръ служба строевая не противопоставлялась нестроевой, а говорилось вообще: „для освобожденія себя

отъ обязанности нести службу“ (ст. 126), или „съ цѣлью уклоненія отъ службы“ (ст. 127). И отправляясь отсюда, кассационная практика обыкновенно относилъ уклоненіе отъ извѣстнаго рода службы (въ кавалеріи, въ строю и т. п.), безъ намѣренія покинуть службу вообще, къ маловажному проступку уклоненія отъ исполненія отдѣльныхъ служебныхъ обязанностей (ст. 124). Текстъ же ст. 125¹ вызываетъ недоумѣніе: должно ли распространять ея дѣйствіе только на полное уклоненіе отъ службы всякаго рода, какъ строевой, такъ и нестроевой, или она можетъ быть примѣнима, напр., къ упорному отказу служить въ строю и къ такому же требованію назначенія на нестроевую должность и наоборотъ? Хотя слово „совершеннаго“ въ характеристикѣ цѣли дѣянія, по нашему мнѣнію, не допускаетъ разрѣшенія недоумѣнія во второмъ смыслѣ, но при общей склонности военно-судебной практики къ распространительному толкованію уголовно-правовыхъ опредѣленій, назначающихъ высшія кары, есть полное основаніе ожидать, что въ ст. 125¹ буква восторжествуетъ надъ разумомъ.

Въ содержаніи разбираемаго закона обращаетъ на себя вниманіе, во-первыхъ, то, что имъ признается абсолютно преступнымъ всякій „упорный отказ“,—а слѣдовательно и отказъ по религіознымъ убѣжденіямъ. Такимъ образомъ, законодатель прямо и откровенно сталъ на точку зрѣнія карательнаго воздѣйствія на религіозныя вѣрованія—безразлично къ тому, является ли догматъ отрицанія войны личнымъ достояніемъ индивидуума, или усвоенъ имъ въ силу принадлежности къ опредѣленному и исторически сложившемуся религіозному единенію людей. Если отсутствіе откровенности вызывало для духоборовъ мученичество безъ закона, то теперь настало для нихъ время гоненія по закону. И это устанавливается послѣ торжественнаго провозглашенія свободы совѣсти и вѣроисповѣданія.

Во-вторыхъ, обращаетъ еще большее вниманіе размѣръ кары. Отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ четырехъ до шести лѣтъ замѣнила собою, съ отрицною ссылкой по старому уложенію и по Воинскому Уставу о наказаніяхъ, ссылку въ Сибирь на поселеніе. Такимъ образомъ, составители закона 18-го августа приняли за критерій наказуемости Высочайшее повелѣніе 5-го августа 1896 года, отиѣненное—надо полагать—уже никакъ не за его мягкость, и вышій предѣлъ довели до каторги на шесть лѣтъ. Виѣстъ съ тѣмъ, обративъ кару административную въ судебную, они снабдили ее познаннымъ праволишеніемъ и довели до разрушенія правъ семейственныхъ, имущественныхъ и наслѣдственныхъ, не говоря уже о словесныхъ и политическихъ. Создалось такое положеніе, что не будетъ ничего страннаго, если духоборы станутъ просить, какъ милости, от-

мѣны манифеста о вѣротерпимости и возстановленія для нихъ административной ссылки въ Сибирь на 18 лѣтъ...

Размѣръ отвѣтственности по ст. 125¹ ясно показывается, что это законъ боевой, и что восполненіе пробѣла въ конструкціи уклоненія отъ военной службы если и имѣлось въ виду при его изданіи, то какъ цѣль второстепенная. Его прямая цѣль могла быть другая: угрожать тѣмъ, кто при предстоящемъ въ нынѣшнемъ году призывѣ къ отбыванію воинской повинности, подъ вліяніемъ политическаго положенія минуты, отвѣтять на призывъ „упорнымъ отказомъ“. Законъ 18-го августа—мѣра одного рода съ отдачей политическихъ агитаторовъ на расправу войску (законъ объ усиленіи репрессіи за пропаганду въ войскахъ) и съ военно-полевыми судами. Что это такъ—доказывается еще тѣми очевидными отступленіями отъ порядка, установленнаго основными законами 23 апрѣля для изданія въ Россіи законовъ, и только подъ условіемъ которыхъ онъ могъ стать правовой нормой.

Въ вступительныхъ словахъ приказа по военному вѣдомству, за № 522, говорится, что новое правило издано „въ дополненіе раздѣла II, главы III воинскаго устава о наказаніяхъ“. Дополненіе есть присоединеніе однороднаго и неизбѣжно предполагаетъ внутреннюю связь дополняющаго съ дополняемымъ. Въ чемъ же состоитъ связь опредѣлений третьей главы второго раздѣла устава съ включенною въ нее статьею 125¹? По субъекту—связи нѣтъ, ибо всѣ опредѣленія названной главы предусматриваютъ формы уклоненія со стороны военно-служащихъ, т.-е. лицъ, состоящихъ на военной службѣ, а статья 125¹ дѣлаетъ—характеристикой намѣренія виновнаго—сомнительнымъ ея примѣненіе къ этимъ лицамъ, и даже устраняетъ сомнѣнія въ отношеніи примѣненія къ лицамъ, на военную службу еще не поступившимъ. По преступному дѣйствію—связи тоже не существуетъ, ибо во всѣхъ статьяхъ главы третьей Воинск. Уст. намѣреніемъ выставлено освобожденіе отъ службы, а не отъ исполненія воинской повинности.

Въ дѣйствительности новая ст. 125¹ Воинск. Уст. имѣетъ полную внутреннюю связь съ другими уголовно-правовыми опредѣленіями, и издана она не какъ самостоятельный законъ, а „въ дополненіе“—только не третьей главы второго раздѣла Устава, а первой главы шестого раздѣла Уложенія о наказаніяхъ (ст. 506—519). Именно здѣсь трактуется объ уклоненіи отъ воинской повинности лицъ, еще на военную службу не принятыхъ. И именно сюда подлежала бы включенію ст. 125¹. По содержанію она предусматриваетъ не воинское, а общее правонарушеніе и составляетъ законъ обще-уголовный, а не специально-военный.

Изданъ же этотъ обще-уголовный законъ „по всеподданнѣйшему

докладу соединеннаго собранія главныхъ военнаго и военно-морского судовъ“.

Такой порядокъ опредѣленъ въ ст. 55 основныхъ законовъ для „постановленій по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ“. Когда въ Государственной Думѣ разсматривался вопросъ объ отмигнѣи смертной казни, Дума усвоила пониманіе ст. 55, точно вытекающее изъ ея смысла. Дума признала, что изъятіе изъ общаго порядка разсмотрѣнія законопроектовъ законодательными учрежденіями, съ замѣною ихъ соединеннымъ собраніемъ главныхъ судовъ, установлено исключительно въ отношеніи военныхъ процессуальныхъ правилъ и не касается даже матеріальнаго военно-уголовнаго законодательства. Министры и нѣкоторые изъ членовъ Государственнаго Совѣта это пониманіе оспаривали. Теперь Думы нѣтъ,—и, конечно, не отъ министерства можно ожидать уважительнаго отношенія къ ея воззрѣніямъ и рѣшеніямъ. Но въ данномъ случаѣ его и не требовалось. Достаточно было бы, еслибы министерство осталось въ предѣлахъ своего пониманія ст. 55. И тогда оно не могло бы подвести общій уголовный законъ подъ понятіе „постановленій по военно-судебной части“.

Ст. 1075 — 1089 Военно-судебнаго Устава не оставляютъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что опредѣляемый ими порядокъ разсмотрѣнія законодательныхъ вопросовъ не распространяется на вопросы, „имѣющіе связь съ общими въ государствѣ законами или касающіеся не исключительно однихъ военно-сухопутнаго и морского вѣдомствъ“. Какъ могъ военный министр, которому принадлежитъ одному въ военномъ вѣдомствѣ право возбужденія законодательныхъ вопросовъ, не усмотрѣть связи съ Уложеніемъ о наказаніяхъ вопроса объ упорномъ отказѣ съ цѣлью уклоненія отъ исполненія воинской повинности — мы не понимаемъ.

Возьмемъ примѣръ. Подлежащій призыву явился въ воинское присутствие и заявилъ „упорный отказъ“ отъ несенія всякаго рода военной службы съ цѣлью совершеннаго уклоненія отъ исполненія воинской повинности. Игнорировать его заявленіе и молча внести его имя въ списокъ призванныхъ въ постоянныя войска, какъ было сдѣлано съ Дрозжинимъ, теперь, за силою закона 18-го августа, нельзя. Воинское присутствие обязано занести заявленіе въ протоколъ и начать судебное преслѣдованіе. Слѣдствіе по поводу заявленія будетъ производить гражданскій судебный слѣдователь, а предасть обвиняемаго суду судебная палата, судить же будетъ мѣстный окружный судъ, — ибо заявившій отказъ, согласно 244 ст. Военно-судебнаго Устава и 219 ст. Устава уголовного судопроизводства, какъ совершившій преступленіе не во время состоянія на дѣйствительной военной службѣ, подлежитъ

общей подсудности, а не военной. И всѣ общіе судебные органы будутъ дѣйствовать въ отношеніи гражданскаго лица на основаніи закона, изданнаго въ порядкѣ изданія постановленій по военно-судебной части, не имѣющихъ связи съ общими въ государствѣ законами и касающихся одного военнаго вѣдомства!

Революціи, говорятъ, объявлена безпощадная война. А на войнѣ все разрѣшается. Нѣтъ, и въ самомъ жаркомъ бою не все разрѣшается и не можетъ быть допустимо подобное нарушеніе элементарныхъ началъ права... Государственная Дума второго созыва можетъ не признать изданіе закона 18-го августа дѣйствіемъ законодѣрнымъ.

В. Кузьминъ-Караванъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1906.

Правительственное сообщеніе 24-го августа. — Предѣлы, въ которыхъ насиліе законно можетъ быть отражаемо насиліемъ. — Военно-полевые суды и диктатура. — Гдѣ таится жажда власти? — Новый видъ православныхъ братствъ. — Вопросы, признаваемые неотложными. — Земство и недоимки. — Возможно ли измѣненіе избирательнаго закона? — Еще о партіи мирнаго обновленія. — Общеземская организація продовольственной помощи.

Въ положеніи дѣлъ, натянутомъ и тревожномъ, обнародованіе правительственнаго сообщенія 24-го августа произвело перемѣну скорѣе къ худшему, чѣмъ къ лучшему. Это не могло быть иначе: въ странѣ все больше и больше чувствовалась потребность въ возвращеніи къ законности, въ прекращеніи чрезвычайныхъ мѣропріятій — а правительственное сообщеніе предвѣщало новое обостреніе репрессій. „Злодѣйства“ — говорилось здѣсь — „должны пресѣкаться безъ колебаній; если государство не дастъ имъ дѣйствительнаго отпора, то теряется самый смыслъ государственности“. Когда же, однако, злодѣйства оставались у насъ безъ „рѣшительнаго отпора“? Неужели недостаточно рѣшительными были дѣйствія военныхъ отрядовъ подѣ Москвой, въ Сибири, въ Прибалтійскомъ краѣ, приговоры военныхъ судовъ во всѣхъ концахъ имперіи, распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ при П. Н. Дурново? И что получилось, какъ результатъ этой рѣшительности? Достигала ли она хоть какихъ-либо прочныхъ результатовъ, водворялось ли хоть гдѣ-либо истинное спокойствіе? Заключая отъ прошедшаго къ будущему, можно ли было ожидать, что путь, до тѣхъ поръ ни къ чему не приводившій, внезапно окажется единственной дорогой къ внутреннему миру?.. „Правительство“ — читаемъ мы дальше — „противопоставить, не колеблясь, насилію силу“. Насиліе облекается въ самыя различныя формы. Когда возникаетъ открытое

возстаніе, когда совершается вооруженное нападеніе на войско, на должностныхъ лицъ, на мирныхъ жителей,—такое насиліе можетъ быть останавливаемо и подавляемо насильственно, уже потому, что недѣйствительны и непримѣнны, въ *данную минуту*, всѣ другія средства охраны и защиты. Иное дѣло—насиліе, выразившееся въ законченномъ дѣйствіи: реакція, имъ вызываемая, въ правовомъ государствѣ не должна принимать характеръ насилія, не должна быть *только* употребленіемъ силы. Единственнымъ законнымъ ея проявленіемъ служить уголовная кара, налагаемая, на основаніи закона, нормально организованнымъ и нормально дѣйствующимъ судомъ.

Всегда ли, однако, возможно ограничиваться этимъ видомъ государственной обороны? По словамъ правительственнаго сообщенія, „обыкновенное судебное производство не вполне приспособлено къ обстоятельствамъ настоящаго времени и не даетъ возможности достаточно быстрой репрессіи за преступленія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ“. Основные начала суда не допускаютъ *приспособленій*: они должны оставаться неизмѣнными и неизмѣнными. Можно стремиться къ ускоренію судебной процедуры, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно совмѣстимо съ всестороннимъ освѣщеніемъ дѣла, съ огражденіемъ правъ подсудимаго. Можно, наприимѣръ, установить для той или другой категоріи дѣлъ изыятіе изъ очереди; можно, пожалуй, сократить сроки обжалованія, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они оставались достаточными для обдуманнаго, тщательнаго изложенія поводовъ къ отиѣнѣ приговора. У насъ уже до 24-го августа практиковались, въ обширныхъ размѣрахъ, отступленія отъ главныхъ нормъ судебной процедуры. Совершенно обычной стала передача политическихъ дѣлъ, подсудныхъ общему суду и подлежащихъ дѣйствію общаго уголовного закона, на разсмотрѣніе военныхъ судовъ, по законамъ военнаго времени. Къ этимъ судамъ меньше всего примѣнимъ упрекъ въ медленности производства; нельзя сказать также, чтобы они не обладали „приспособляемостью“ къ обстоятельствамъ. Смертные приговоры произносились ими, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, неукоснительно и быстро; убійца генерала Мина была казнена, наприимѣръ, черезъ двѣ съ небольшимъ недѣли послѣ совершенія преступленія. Съ точки зрѣнія министерства оказалось, однако, нужнымъ сдѣлать еще одинъ шагъ отъ права къ силѣ: одновременно съ правительственнымъ сообщеніемъ обнародованы временныя правила о военно-полевомъ судѣ.

Первымъ условіемъ, которому долженъ удовлетворять всякій правильно организованный судъ, является постоянство состава, предназначеннаго для разрѣшенія цѣлаго ряда дѣлъ, а не создаваемого *ad hoc*, для даннаго случая. Въ военно-окружномъ судѣ засѣдаютъ, въ

качествѣ предсѣдателя и постоянныхъ членовъ, военные судьи, получившіе специальную юридическую подготовку; къ нимъ присоединяются временные члены изъ среды фронтовыхъ офицеровъ, но присоединяются на четырехмѣсячный срокъ, участвуя, до его истеченія, въ рѣшеніи *всѣхъ* дѣлъ, поступающихъ на разсмотрѣніе суда. Въ этомъ отношеніи временные члены военно-окружного суда имѣютъ много общаго съ присяжными засѣдателями, полномочія которыхъ распространяются на всѣ дѣла, разсматриваемыя въ продолженіе данной судебной сессіи. Такой способъ привлеченія временныхъ участниковъ суда весьма затрудняетъ тенденціозный подборъ и, вмѣстѣ съ принадлежащимъ подсудимому правомъ отвода, служить нѣкоторымъ ручательствомъ въ томъ, что въ рѣшеніе дѣла не будетъ внесено предвзятой мысли. Совершенно иначе поставленъ военно-полевой судъ. Онъ учреждается особымъ каждый разъ распоряженіемъ генералъ-губернатора или другого, облеченнаго аналогичною властью должностнаго лица—учреждается специально для разрѣшенія даннаго дѣла: это видно изъ пун. 3 правилъ о военно-полевыхъ судахъ, по которому приказъ объ учрежденіи военно-полевого суда и *самое его сформированіе* должны слѣдовать безотлагательно за совершеніемъ преступнаго дѣянія. Выборъ предсѣдателя и членовъ военно-полевого суда предоставленъ всецѣло усмотрѣнію начальства. О правѣ отвода судей не сказано ни слова: очевидно, оно признано несомнѣннымъ съ быстротою, обязательною для суда. Въ виду такого способа образованія военно-полевого суда онъ не можетъ быть признаваемъ судомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Столь же мало обезпеченной, какъ и безпристрастіе военно-полевого суда, представляется его способность къ правильному исполненію возложенной на него задачи. Отъ его предсѣдателя и членовъ, назначаемыхъ изъ числа офицеровъ войска или флота, требуется—и то не безусловно, а *по возможности*—только неопороченность по суду и предшествующая четырехлѣтняя служба. Циркуляромъ главнаго военнаго прокурора разъяснено, что въ составъ военно-полевого суда отнюдь не должны быть вводимы чины военно-судебнаго вѣдомства. Юридическое образованіе, приучающее къ осторожности и сдержанности, дающее почву для развитія судейскихъ навыковъ, признается, такимъ образомъ, излишнимъ тормазомъ работы, ожидаемой отъ военно-полевого суда. Распросъ обвиняемаго и свидѣтелей, критическое отношеніе къ ихъ показаніямъ, оцѣнка уликъ и доказательствъ, опредѣленіе степени и вида виновности—все это предоставляется лицамъ, никогда, можетъ быть, не присутствовавшимъ при судебномъ разбирательствѣ, никогда не бравшимъ въ руки военно-судебный уставъ и воинскій уставъ о наказаніяхъ и подавленнымъ, притомъ,

тяжестью внезапно павшаго на нихъ отвѣтственнаго порученія. Да, члены военно-полевого суда являются именно исполнителями порученія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не соответствующаго ихъ силамъ. Самостоятельности, столь необходимой для судьи, отъ нихъ можно ожидать только въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Существенною принадлежностью нормальнаго суда признается, наравнѣ съ постояннымъ составомъ, опредѣленный кругъ дѣйствій. Этой черты мы также не находимъ въ учрежденіи военно-полевого суда. Въ мѣстностяхъ, гдѣ объявлено военное положеніе или чрезвычайная охрана, на разсмотрѣніе военно-полевого суда можетъ быть передано, единоличнымъ распоряженіемъ административной власти, любое преступное дѣяніе, лишь бы только учиненіе его даннымъ лицомъ являлось настолько очевиднымъ, что нѣтъ надобности въ его разслѣдованіи. Очевидность—понятіе до крайности эластичное: очевидное для одного можетъ быть болѣе чѣмъ сомнительнымъ въ глазахъ другого. Ошибка возможна даже тогда, когда обвиняемый захваченъ *in flagranti*, на мѣстѣ совершенія преступления и вслѣдъ за его совершеніемъ; шансы ошибки растутъ съ каждой истекшей минутой, съ каждымъ увеличеніемъ разстоянія—а ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи правила о военно-полево́мъ судѣ никакого предѣла „очевидности“ не устанавливаютъ. Преданъ суду, въ силу очевидности, можетъ быть и тотъ, кого опозналъ, нѣсколько часовъ спустя и въ другой части города, „достоверный“ свидѣтель преступления; а въ опредѣленіи достоверности субъективный элементъ играетъ столь же важную—и столь же ненадежную—роль, какъ и въ опредѣленіи очевидности. Взвѣшивать и провѣрять данныя, говоряція за очевидность, у предающаго суду нѣтъ времени; распоряженіе о преданіи суду должно слѣдовать *безотлагательно* за совершеніемъ преступления, по возможности въ теченіе сутокъ. Столь же безотлагательно долженъ быть сформированъ и судъ, приступающій къ разбору дѣла *немедленно* и оканчивающій разсмотрѣніе его не долѣе какъ въ теченіе *двухъ сутокъ*. Этотъ послѣдній срокъ устраняетъ, во многихъ случаяхъ, возможность собранія дополнительныхъ доказательствъ и повѣрки тѣхъ, болѣею частью немногихъ, данныхъ, которыя сообщаются суду одновременно съ обвиненіемъ. Скорость судопроизводства обращается въ стремительность, тѣмъ болѣе опасную, чѣмъ менѣе опытенъ судья. А между тѣмъ, при отсутствіи предварительнаго разслѣдованія и даже сколько-нибудь обстоятельнаго дознанія, подробное, неторопливое судебное слѣдствіе представлялось бы особенно необходимымъ. Въ двухдневный срокъ далеко не всегда можно предпринять и закончить такіа судебныя дѣйствія, безъ которыхъ дѣло останется неоправданно неполнымъ и рискуетъ получить явно неправильное разрѣшеніе. Нельзя

напримѣръ, въ теченіе двухъ дней вызвать и допросить свидѣтелей, живущихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста нахождения суда; нельзя, въ тотъ же промежутокъ времени, произвести сколько-нибудь сложную судебную экспертизу. Процессуальныя правила, на которыя сдѣлана ссылка въ законѣ о военно-полевыхъ судахъ, даютъ полный просторъ усмотрѣнію суда—а требованіе необычайной быстроты заставляетъ судъ пользоваться этимъ усмотрѣніемъ во вредъ подсудимому.

Защита черезъ повѣреннаго въ военно-полевымъ судѣ не допускается вовсе. Положеніе подсудимаго, лишеннаго совѣтовъ и помощи защитника, всегда до крайности тяжело; но особенно тяжелымъ оно становится при быстротѣ процесса, начинающагося почти непосредственно вслѣдъ за арестованіемъ подсудимаго. Захваченный въ самый моментъ совершенія преступленія, онъ не имѣетъ времени придти въ себя, одуматься, припомнить все то, что можетъ быть сказано въ его пользу. А что, если онъ преданъ суду по недоразумѣнію, всегда возможному въ тревожное время? Едва узнавъ, въ чемъ его обвиняютъ, онъ долженъ отвѣчать на непредвидѣнные, иногда непонятные для него вопросы, разъяснять неизвѣстные или мало извѣстные ему факты, опровергать, экспромтомъ и при гнетущей, смущающей обстановкѣ, случайно павшія на него подозрѣнія. При такихъ условіяхъ невинный легко можетъ показаться виновнымъ—и кажущаяся виновность можетъ навлечь на него тяжкую кару. Шансовъ исправленія судебной ошибки, разъ что она допущена, нѣтъ никакихъ: приговоры военно-полевого суда обжалованію не подлежатъ и приводятся въ исполненіе безотлагательно, во всякомъ случаѣ не позже сутокъ, по распоряженію военного начальника, который не въ правѣ ни смягчить наказаніе, ни отложить приведеніе его въ дѣйствіе до разсмотрѣнія кѣмъ слѣдуетъ просьбы подсудимаго о помилованіи. А наказаніе, налагаемое военно-полевыми судами—почти всегда смертная казнь; переходитъ отъ нея къ болѣе мягкимъ карамъ они не въ правѣ... Чрезвычайно поучительна параллель, проводимая профессоромъ А. С. Лыкошинымъ („Право“, № 34) между новыми военно-полевыми судами и старыми, дѣйствовавшими до военно-судебной реформы 1867-го года. Въ этихъ послѣднихъ судахъ подсудимые имѣли право избирать себѣ защитниковъ; судебное разбирательство происходило публично; при разгласіи по вопросу о назначеніи наказанія избиралось слабѣйшее; рѣшенія суда восходили на ревизію военного начальства; при конфирмаціи рѣшенія военное начальство могло смягчить участь осужденнаго. „Такимъ образомъ“—воскликаетъ А. С. Лыкошинъ—„даже до-реформенныя полевые суды, наводившіе нѣкогда ужасъ, являются болѣе совершенною формою отправленія правосудія, чѣмъ военно-полевые суды по закону 20-го августа“.

Нелегко понять, какимъ образомъ учрежденіе, названное судомъ, но, кромѣ имени, не имѣющее въ себѣ ничего судебного, могло найти сторонника въ лицѣ А. И. Гучкова, виднаго дѣятеля партіи, считающей себя конституціонною. Ссылкою на „необходимость“ нельзя оправдать, нельзя даже извинить слишкомъ явное нарушеніе справедливости. Сомнительна, притомъ, и самая „необходимость“ военно-полевыхъ судовъ, понимаемая въ смыслѣ ихъ цѣлесообразности. Никакого вліянія на тѣ виды преступности, къ подавленію которыхъ они призваны, они до сихъ поръ не оказали. За первыя три недѣли со времени ихъ учрежденія казнены 26 человѣкъ, казнены, болѣею частью, на другой же день послѣ открытія суда—а въ числѣ политическихъ убійствъ и грабежей замѣтнаго уменьшенія не происходитъ. Повторяется то же явленіе, которое представляетъ собою лѣтопись военнаго суда: смертная казнь потеряла свое устрашающее значеніе (правильнѣе, быть можетъ, было бы сказать, что она никогда его и не имѣла). Кто сознательно идетъ на рискъ погибнуть въ самый моментъ совершенія преступления, того не испугаетъ и не остановитъ перспектива смерти отъ руки палача. Единственный результатъ массовыхъ казней—постоянный ростъ взаимнаго озлобленія, все болѣе и болѣе пониженіе цѣнности человѣческой жизни.

Дальше предѣловъ, достигнутыхъ въ концѣ августа, быстрота и интенсивность правительственныхъ репрессій идти, повидимому, не можетъ. Есть, однако, люди, все еще обвиняющіе власть въ „слабости“ и „трусости“, все еще рекомендующіе диктатуру, какъ единственное средство спасенія. Еслибы имъ былъ предложенъ вопросъ, въ чемъ именно провозглашеніе диктатуры могло бы расширить и обострить существующія уже функціи власти, они были бы, думается намъ, поставлены въ затруднительное положеніе. Недостаётъ, въ самомъ дѣлѣ, только *слова*: соотвѣтствующее ему понятіе осуществлено въ полной мѣрѣ. Вся Россія покрыта сѣтью мелкихъ по географическому кругу дѣйствій, но облеченныхъ безмѣрно широкими полномочіями диктатуръ, объединяемыхъ центральной диктатурой министра внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣднемъ, по времени, призывѣ къ формальной диктатурѣ, принадлежащемъ перу дворянина Н. А. Павлова (см. № 224 „Московскихъ Вѣдомостей“), мы находимъ только одно косвенное указаніе на задачу, исполненіе которой должно быть возложено на диктатора. „Полевой судъ“ — восклицаетъ г. Павловъ, — „полевой судъ какъ угроза, безъ примѣненія его одновременно въ сотнѣ мѣстъ и случаевъ, лишь ослабитъ значеніе этого послѣдняго, когда-то грознаго суда“. Итакъ, бѣда въ томъ, что слишкомъ мало дѣлъ предоставляется на рѣшеніе военно-полевымъ судамъ—другими словами, слишкомъ мало падаетъ головъ въ силу скоропалительныхъ,

якобы судебныхъ приговоровъ. Но какъ же поправить эту бѣду? Вѣдь военно-полевому суду, со времени введенія его въ дѣйствіе, предаются, повидимому, *все* схваченные на мѣстѣ преступленія грабители и убійцы, разъ что они предполагаются дѣйствовавшими съ политическою цѣлью. Что же можно еще сдѣлать для увеличенія числа осуждаемыхъ военно-полевымъ судомъ? Распространить его сферу дѣйствій на дѣла, возникшія до его установленія? Это было бы вопіющимъ беззаконіемъ, такъ какъ и составъ военно-полевого суда, и его процедура представляютъ собою громадную перемѣну къ худшему, сравнительно съ прежде дѣйствовавшимъ порядкомъ. Предавать военно-полевому суду на основаніи подозрѣній, догадокъ, предположеній? Это значило бы воскресить худшіе завѣты французскаго революціоннаго террора и широко раскрыть двери для злоупотребленій всякаго рода. Учреждать военно-полевой судъ послѣ каждого политическаго грабежа или убійства, хотя бы преступникъ скрылся и не былъ найденъ? Это значило бы облечь военно-полевой судъ вовсе не свойственными ему слѣдственными функціями и увеличить до крайности шансы судебныхъ ошибокъ. Другихъ средствъ для „одновременнаго примѣненія военно-полевого суда въ сотни мѣстъ и случаевъ“ мы не видимъ. Слова г. Павлова являются или пустой фразой, или требованіемъ замѣнить для несогласно мыслящихъ практикуемые теперь административный арестъ или административную ссылку болѣе радикальной и болѣе дешевой мѣрой—устраненіемъ изъ числа живущихъ.

Въ статьѣ г. Павлова, какъ и во многихъ другихъ статьяхъ реакціонной печати и постановленіяхъ реакціонныхъ партій, проглядываетъ, кромѣ жажды крови, еще другая жажда—жажда власти. „Отчего“—спрашиваетъ г. Павловъ—„ни одинъ союзъ, ни одинъ чело-вѣкъ, вѣрный долгу, не былъ одобренъ, поддержанъ, воодушевленъ властью? Отчего въ загонѣ множество отличныхъ людей изъ среды общества за ихъ консерватизмъ?.. Ничего для себя не прося, вѣрные долгу ждуть съ нетерпѣніемъ разгона и смѣны половины чиновниковъ, своею ложью и тунеядствомъ всячески помогающихъ революціи“. Очевидно, что и безъ всякой особой просьбы мѣста чиновниковъ, „разогнанныхъ и смѣненныхъ“ по требованію людей, „вѣрныхъ долгу“, должны были бы достаться не кому другому, какъ именно этимъ людямъ... Еще яснѣе мысль: *ôte-toi de là que je m'y mette*, звучитъ въ статьѣ кн. А. Щербатова („Московскія Вѣдомости“ № 211), предлагающаго брать въ министры „людей дѣла, людей жизни“. „Въ министры финансовъ“—говоритъ бывшій предсѣдатель московскаго общества сельскаго хозяйства—„нужны люди, выросшіе при торговлѣ, при обращеніи съ деньгами; въ министры земледѣлія—люди, вырос-

шіе при землѣ, при скотѣ; въ министры народнаго просвѣщенія—живые люди, понявшіе изъ самой жизни, какая нужна подготовка для будущихъ дѣятелей на русской общественной и государственной нивѣ. Указать такихъ людей должны и могутъ, по мнѣнію кн. Щербатова, особыя совѣщанія, составленныя изъ выборныхъ отъ „дѣльных торговцевъ“ и „хорошихъ хозяевъ“. Получилось бы, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ своеобразнаго парламентскаго министерства, при чемъ роль парламента сыграли бы неизвѣстно кѣмъ назначенные купцы и землевладѣльцы. Какъ шутка, предложеніе кн. Щербатова было бы довольно забавно; но далеко не шуткой оно является въ глазахъ самого автора. Это—настоящій „проектъ“, достойный фигурировать рядомъ съ тѣми, о которыхъ говоритъ Салтыковъ въ „Дневникѣ Прованціала“. Въ семидесятихъ годахъ обиженные эманципацией крѣпостники мечтали о возстановленіи ихъ власти надъ деревней; теперь, по прошествіи тридцати лѣтъ, ихъ преемники мечтаютъ о сохраненіи господствующей роли въ управленіи государствомъ. Солидарные, активно или пассивно, со всѣмъ тѣмъ, что привело Россію на край гибели, они стараются отдѣлать себя отъ бюрократіи, съ которою такъ долго шли рука объ руку, и возложить на нее одну отвѣтственность за бѣдствія, пережитыя и переживаемыя Россіей. „Вина не въ режимѣ, а въ людяхъ“, говоритъ кн. Щербатовъ; но почему же режимъ не находилъ другихъ людей, или почему много разъ мѣнявшіеся люди всѣ поддавались дѣйствию режима?..

Тому же, кажется, князю Щербатову принадлежитъ инициатива учрежденія „православнаго братства животворящаго креста Господня“, отъ имени котораго печатаются широковыщательныя объявленія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Оно задается мыслью объединить православныя приходы всей Россіи „въ утвержденіи вѣры православной и русской государственности“. Несчастьемъ православной церкви была до сихъ поръ терпѣливо, даже охотно переносимая зависимость отъ „свѣтской руки“. Теперь эта зависимость ослабѣваетъ; для духовенства, какъ и для прихожанъ, становится доступной нѣкоторая свобода, дѣйствій. Ограниченіе ея добровольнымъ подчиненіемъ новому игу, еще худшему, чѣмъ прежнее, было бы равносильно самоубійству. Въ устахъ учредителей братства „утвержденіе православной вѣры“ означаетъ вражду со всѣми другими исповѣданіями, съ сектантствомъ и расколомъ, „утвержденіе русской государственности“—возвратъ къ принципамъ, безповоротно осужденнымъ жизнью. „Улучшеніе приходскаго хозяйства“, „увеличеніе общаго благосостоянія и началахъ взаимопомощи“—только декорация, прикрывающая настоящую цѣль братства: „борьбу съ лжеученіями враговъ *святорусскаго* народа“. Напрасно увѣряютъ учредители братства, что эта борьба

будетъ ведена „силою истинной науки и истинныхъ знаній“. Такою силой русскій обскурантизмъ никогда не располагалъ и теперь меньше чѣмъ когда-либо располагаетъ. Привыкшіи разсчитывать на содѣйствіе грубой силы, онъ только въ ней можетъ искать опоры и въ будущемъ. *Убѣждать* онъ не въ состояніи; *принуждать*, надѣмся, ему дано не будетъ.

Возвращаясь къ правительственному сообщенію, остановимся на той его части, гдѣ перечислены реформы, проектируемыя министерствомъ. „Правительство“—читаемъ мы здѣсь—, „сознаетъ, что передъ нимъ стоятъ вопросы разнаго порядка. Одни подлежатъ разрѣшенію Государственной Думы и Государственного Совѣта; по этимъ вопросамъ высшая администрація обязана подготовить вполнѣ разработанные законопроекты, которые служили бы основаніемъ для сужденія въ законодательныхъ учрежденіяхъ. На это долженъ быть использованъ весь промежутокъ времени до созыва Государственной Думы. Другіе, по чрезвычайной неотложности своей, должны быть проведены въ жизнь немедленно. Это такіе вопросы, частичное разрѣшеніе которыхъ не можетъ связать свободы дѣйствій будущихъ законодательныхъ учреждений и направленіе которыхъ уже предрѣшено. На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ задачъ стоитъ вопросъ земельный и землеустроительный... Проведены будутъ также нѣкоторые неотложныя мѣропріятія въ смыслѣ гражданскаго равноправія и свободы вѣроисповѣданія. Предположено отмѣнить отжившія ограниченія, стѣсняющія крестьянъ и старообрядцевъ, съ опредѣленіемъ правъ послѣднихъ точными законодательными постановленіями. Равнымъ образомъ и въ области еврейскаго вопроса безотлагательно будетъ разсмотрѣно, какія ограниченія, какъ вселяющія лишь раздраженіе и явно отжившія, могутъ быть отмѣнены немедленно, и какія, какъ касающіяся существа отношеній еврейской народности къ коренному населенію, являются дѣломъ народной совѣсти, почему предрѣшеніе ихъ стѣснило бы послѣдующую работу законодательныхъ учреждений“. Къ той же категоріи неотложныхъ мѣръ относится расширеніе сѣти народныхъ школъ и лучшее матеріальное обезпеченіе народныхъ учителей.

Итакъ, неотложными вопросами правительственное сообщеніе признаетъ такіе, частичное разрѣшеніе которыхъ не можетъ связать свободы дѣйствій будущихъ законодательныхъ учреждений и направленіе которыхъ уже предрѣшено. Подходить ли подъ эти условія вопросъ земельный, въ той мѣрѣ, въ какой его коснулся Высочайшій указъ 27-го августа ¹⁾? Общее направленіе земельной реформы зави-

¹⁾ Объ указѣ 12-го августа, касающемся удѣльныхъ земель, мы не говоримъ.

силь отъ соглашенія всѣхъ участниковъ законодательной власти—Монарха, Государственного Совѣта и Государственной Думы. Такого соглашенія до сихъ поръ нѣтъ, и потому земельный вопросъ ни въ какой своей части не можетъ считаться предрѣшеннымъ. Съ другой стороны, частичное его рѣшеніе несомнѣнно „стѣсняетъ свободу дѣйствій будущихъ законодательныхъ учреждений“. По смыслу ст. 87 законовъ основныхъ, въ промежуткахъ между сессіями Думы могутъ быть принимаемы только такія законодательныя мѣры, которыя вызываются „чрезвычайными обстоятельствами“ и, въ случаѣ послѣдующаго несогласія Государственной Думы или Государственного Совѣта, подлежатъ отміну безъ нарушенія приобрѣтенныхъ правъ, безъ внесенія замѣшательства въ теченіе государственной и общественной жизни. Указъ 27-го августа чрезвычайными обстоятельствами не мотивированъ, и мотивированъ быть не могъ; прекращенія волненій въ крестьянской средѣ, вслѣдствіе нѣкотораго, въ иныхъ мѣстностяхъ, увеличенія количества земли, предлагаемой къ покупкѣ, ожидать, очевидно, нельзя. Между тѣмъ, основанія продажи казенныхъ земель, установленныя указомъ 27-го августа, могутъ оказаться несоотвѣтствующими общимъ началамъ аграрной реформы, которыхъ будетъ держаться новая Государственная Дума; указъ 27-го августа можетъ потерять свою силу, послѣ чего нелегко будетъ опредѣлить судьбу покупокъ, совершенныхъ при его дѣйствіи. „Свободу дѣйствій будущихъ законодательныхъ учреждений“ указъ 27-го августа, такимъ образомъ, несомнѣнно стѣсняетъ. Торопиться съ его изданіемъ не было никакой надобности; слишкомъ немногихъ онъ удовлетворитъ и успокоитъ, слишкомъ незначительно, поэтому, будетъ его вліяніе на настроеніе избирателей. Весьма вѣроятно даже, что онъ подѣйствуетъ на крестьянскую массу отрицательно, показавъ еще разъ, что правительство не расположено къ радикальному разрѣшенію земельного вопроса.

Меньше возраженій встрѣчаетъ признаніе неотложными вопросы о юридическомъ положеніи крестьянъ, старообрядцевъ и евреевъ. Эти вопросы дѣйствительно во многомъ предрѣшены общественнымъ мнѣніемъ, и если временныя мѣры, проектируемыя министерствомъ, окажутся недостаточно рѣшительными, то ихъ придется не отмінувать, а только углублять и дополнять. Чтò предполагается сдѣлать въ видахъ уравниванія крестьянъ съ другими сословіями — это уже теперь извѣстно изъ газетныхъ сообщеній. Къ отміну предназначаются всѣ правила, стѣсняющія вступленіе крестьянъ на государственную службу и въ учебныя заведенія, выходъ ихъ изъ состава сельскихъ обществъ,

потому, что для него можетъ быть найдено основаніе—далеко, впрочемъ, не безспорное,—въ той статьѣ основныхъ законовъ, гдѣ идетъ рѣчь объ удѣльныхъ имѣніяхъ.

полученіе ими постоянныхъ видовъ на жительство. Отмѣняется также цѣлый рядъ постановленій, ограничивающихъ гражданскія права крестьянъ и создающихъ для нихъ особыя уголовныя проступки и особыя карательныя мѣры; отмѣняется дискреціонная власть земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ, въ силу которой ими налагались, безъ формальнаго производства, административныя взысканія; отмѣняется назначеніе земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ губернаторомъ, изъ числа выбранныхъ волостными сходами кандидатовъ. Всѣ эти мѣры настолько стоятъ внѣ сомнѣній, что откладывать ихъ до возобновленія нормальной законодательной работы нѣтъ никакой надобности. Далеко не безразлично, получать ли крестьяне большую свободу передвиженія, большую охрану отъ произвола теперь же или лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Не знаемъ, входитъ ли въ расчеты министерства *carptatio benevolentiae* крестьянъ, но думаемъ, что на результатъ выборовъ перемѣна къ лучшему въ правовомъ положеніи крестьянъ не отразится. Слишкомъ она запоздала, чтобы возбудить особую признательность; слишкомъ еще свѣжа память о мѣропріятіяхъ совершенно другого, прямо противоположнаго свойства, которыя уготовляло для крестьянъ министерство В. К. Плеве, при дѣятельномъ участіи г. Гурко, управлявшаго тогда земскимъ отдѣломъ, а теперь состоящаго товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Подобныя метаморфозы не принадлежатъ къ числу условій, вызывающихъ довѣріе къ администраціи... Само собою разумѣется, что необходимо не ограниченіе власти земскихъ начальниковъ, а совершенное упраздненіе этого злосчастнаго института; но оно неразрывно связано съ полнымъ обновленіемъ мѣстныхъ судебныхъ установленій, которое можетъ быть проведено только нормально дѣйствующею законодательною властью.

Сказанное нами о крестьянахъ примѣнимо и къ стороообрядцамъ. И здѣсь необходимо покончить какъ можно скорѣе съ остатками порядка, осужденнаго уже полтора года тому назадъ, но все еще цѣпко держащагося за длинный рядъ формально не отмѣненныхъ постановленій; и здѣсь воспоминанія о вѣковомъ гнетѣ не могутъ быть изглажены позднимъ поворотомъ къ справедливости. Весьма можетъ быть, что временный законъ о старообрядцахъ не будетъ свободенъ отъ недомолвокъ и пробѣловъ; но серьезныхъ препятствій къ ихъ устраненію, когда начнется работа Государственной Думы, ожидать нельзя. О намѣреніяхъ министерства относительно еврейскаго вопроса трудно сказать что-либо опредѣленное; изъ правительственнаго сообщенія не видно, гдѣ пройдетъ демаркаціонная черта между „ограниченіями явно отжившими“ и правилами, „касающимися существа отношеній еврейской народности къ коренному населенію“. Чѣмъ шире окажется сфера „явно отжившаго“, тѣмъ яснѣе министерство подчеркнетъ свою

несолидарность съ разными категориями „истинно-русскихъ людей“, съ особымъ ожесточеніемъ возстающихъ противъ всякой перемены къ лучшему въ положеніи евреевъ и доходящихъ иногда до требованія выселить всѣхъ евреевъ, *безъ различія въ происхожденіи* (1), изъ предѣловъ Россіи ¹⁾). На исходѣ выборовъ льготы, предоставленныя евреямъ, отзовутся, по всей вѣроятности, столь же мало, какъ и перемены къ лучшему въ положеніи крестьянъ и старообрядцевъ.

Со всѣхъ сторонъ доходятъ вѣсти о бѣдственномъ положеніи земства, вслѣдствіе крайне слабаго поступленія земскихъ сборовъ и колоссальнаго роста недоимокъ. Этимъ вызванъ обнародованный на дняхъ циркуляръ губернаторамъ и управляющимъ казенными палатами. „Населеніе“—гласитъ циркуляръ—„должно быть приведено къ повиновенію закону, упорство недоимщиковъ должно быть сломлено *вѣсти законными мѣрами*, сколь бы суровы и рѣшительны онѣ ни были“. Итакъ, взысканіе недоимокъ должно быть производимо только законными мѣрами, къ числу которыхъ не принадлежитъ насиліе надъ личностью недоимщика, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. Можно ли, однако, быть увѣреннымъ въ томъ, что дѣло обойдется безъ насилія? Вѣдь отказъ въ платежѣ зависитъ иногда отъ соображеній политическаго свойства — а въ искорененіи политической неблагонадежности администрація привыкла не стѣсняться закономъ. За бездѣятельность и нерадивость при взысканіи недоимокъ циркуляръ грозитъ преслѣдованіемъ съ примѣрною строгостью; подъ влияніемъ этой угрозы легко придти къ убѣжденію, что лучше допустить превышеніе власти, чѣмъ навлечь на себя обвиненіе въ ея бездѣйствіи. Замѣтимъ, далѣе, что именно въ настоящее время обычныя мѣры взысканія—продажа движимости и недвижности, отобраніе надѣла, наложеніе ареста на заработную плату, назначеніе къ неисправному плательщику опекуна—могутъ оказаться трудно примѣнимыми или вовсе не примѣнимыми. Между тѣмъ, всякая произвольная, внѣ-законная мѣра взысканія можетъ произвести крайне неблагопріятное впечатлѣніе среди крестьянъ — тѣмъ болѣе неблагопріятное, что ничего подобнаго, конечно, не будетъ предпринято противъ недоимщиковъ-землевладѣльцевъ, которыхъ вездѣ очень много и на которыхъ числятся очень крупныя недоимки. Есть, такимъ образомъ, большое основаніе опасаться, что циркуляръ о взысканіи недоимокъ — если онъ не останется мертвой буквой—приведетъ къ крайне нежелательнымъ послѣдствіямъ.

¹⁾ См. въ № 162 „Страны“ выписку изъ телеграммы „вѣрноподанныхъ жителей Иркутска“, напечатанной въ „Русскомъ Знамени“.

Противъ глубоко вкоренившагося зла слѣдуетъ бороться глубоко проникающими мѣрами. Одна изъ такихъ мѣръ указана въ сентябрьской хроникѣ нашего журнала: это — возвращеніе къ системѣ представительства Положенія 1864-го года, отмѣна закона о фиксациі земскаго обложенія, ограниченіе административныхъ полномочій въ земской сферѣ. Намъ кажется, что это могло бы быть сдѣлано теперь же, путемъ изданія временныхъ правилъ. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, которыми оправдывалась бы такая чрезвычайная мѣра, нѣтъ недостатка: вѣдь оскудѣніе земскихъ финансовъ, влекущее за собою совершенное разстройство земскаго хозяйства, съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названо государственнымъ и общественнымъ бѣдствіемъ. Насиліемъ его устранить нельзя, равнодушно относиться къ нему невозможно: остается только приступить, не теряя времени, къ радикальному леченію болѣзни. Мы видѣли выше, что министерствомъ предполагено отмѣнить одно изъ постановленій дѣйствующаго закона о земскихъ учрежденіяхъ; нѣтъ, слѣдовательно, формальныхъ препятствій и къ болѣе крупнымъ его измѣненіямъ. Еслибы возвращеніе къ Положенію 1864 года было признано неудобнымъ, слѣдовало бы ввести, по меньшей мѣрѣ, новый порядокъ избранія гласныхъ-крестьянъ, непосредственно волостными сходами, по одному отъ каждаго. Этимъ путемъ значительно увеличилось бы число гласныхъ-крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и довѣріе крестьянства къ земству, въ которомъ оно съ 1890-го года играетъ роль совершенно не отвѣчающую его численности и его значенію въ мѣстной жизни.

Намъ могутъ замѣтить, что сколько-нибудь серьезная переимѣна въ составѣ земскихъ учреждений, нарушающая существующее отношеніе между различными ихъ элементами, была бы въ настоящую минуту весьма невыгодна для министерства. Въ земской средѣ, какою она является при дѣйствіи Положенія 1890-го года, совершился, въ послѣднее время, довольно чувствительный поворотъ вправо. Въ губерніяхъ московской, тверской, новгородской и др. многія землевладѣльческія избирательныя собранія замѣнили прежнихъ „либеральныхъ“ гласныхъ сторонниками реакціи или политическими индифферентами. Такой результатъ выборовъ оказался возможнымъ только благодаря нынѣшней избирательной системѣ, до крайности ограничивающей число избирателей и ставящей составъ земскихъ собраній въ зависимость отъ измѣчивыхъ настроеній небольшихъ группъ, за которыми искусственно закрѣплена господствующая роль въ земскомъ дѣлѣ. Такъ напримѣръ, въ одномъ изъ „повернувшихъ“ уѣздовъ тверской губерніи на собраніе крупныхъ землевладѣльцевъ явилось менѣе половины избирателей, внесенныхъ въ списокъ, и торжество консерваторовъ было рѣшено большинствомъ 18-ти голосовъ противъ 15-ти. Такія побѣды ничего, оче-

видно, не предвѣщаютъ относительно исхода выборовъ въ Государственную Думу, производимыхъ при существенно другихъ условияхъ, совершенно другимъ составомъ избирателей. Ошибочно было бы думать, что эволюція въ земствѣ, идущая всецѣло отъ одной, наименѣе многочисленной его части, усилить хоть сколько-нибудь положеніе министерства; наоборотъ, она можетъ явиться источникомъ новыхъ для него затрудненій, увеличивъ сумму недовольства въ массѣ населенія. Земству, перемѣнившему курсъ, крестьяне будутъ платить еще менѣе охотно, чѣмъ земству прежней окраски. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, нѣтъ препятствій къ принятію мѣры, о которой мы говорили выше. Земство, созданное закономъ 1890-го года, переживаетъ, во всякомъ случаѣ, свои послѣдніе дни; чѣмъ скорѣе начнется его преобразование, тѣмъ лучше.

Мы говорили, мѣсяцъ тому назадъ, о юридической невозможности измѣнить, въ настоящее время, избирательную систему, установленную положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу. Министерство, повидимому, продолжаетъ держаться того же взгляда; но агитация, толкающая его на другой путь, скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ. Къ реакціонной печати присоединилось, на дняхъ, курское чрезвычайное дворянское собраніе — то самое, которое ознаменовало себя исключеніемъ изъ своей среды четырехъ бывшихъ членовъ Государственной Думы. „Дворянство“ — гласить докладъ курскаго губернскаго предводителя, графа Доррера — „дворянство, въ теченіе столѣтій стоявшее во главѣ умственнаго движенія страны, едва ли можетъ быть устранено отъ участія въ будущемъ законодательномъ учрежденіи. Оно видитъ единственное для себя спасеніе въ сословныхъ выборахъ и полагаетъ, что всѣми признанныя историческія его заслуги дадутъ право на нѣкоторое къ нему вниманіе и снисхожденіе... Избирательный законъ, слѣпно созданный подъ влияніемъ революціонной дѣятельности, далъ результаты прямо обратные тѣмъ, которые отъ него ожидались; предполагалось обезпечить въ Думѣ представительство извѣстныхъ группъ и классовъ населенія, а на самомъ дѣлѣ получилась картина типичная для выборовъ по системѣ всеобщаго голосованія“. Необходимо, по мнѣнію гр. Доррера, пересмотрѣть теперь же избирательный законъ, съ цѣлью внести въ него такія измѣненія, которыя обезпечили бы участіе въ Думѣ лицъ, понимающихъ необходимость дѣйствовать въ единеніи съ правительствомъ. Крестьянамъ должно быть предоставлено избраніе крестьянъ, землевладѣльцамъ — землевладѣльцевъ и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть введены пропорціональные выборы. Дворянское собраніе, соглашаясь съ гр. Дорре-

ромъ, рѣшило ходатайствовать о внесеніи въ избирательный законъ вышеуказанныхъ поправокъ и обратиться къ другимъ дворянскимъ обществамъ, учрежденіямъ и союзамъ съ просьбою о поддержаніи этого ходатайства. Нужно надѣяться, что подражателей примѣръ курскаго дворянства найдетъ немного; слишкомъ уже ясна несостоятельность его аргументаціи. Выдающуюся роль въ умственномъ движеніи Россіи играли многіе *дворяне*, но никогда не играло *дворянство*, какъ сословіе; наоборотъ, оно всегда отставало отъ требованій жизни, заботясь только о своихъ классовыхъ интересахъ. Дворянскія собранія, за самыми рѣдкими исключеніями, всегда служили опорой застою и рутины; своими прерогативами, сравнительно широкими, они либо не пользовались вовсе, либо пользовались въ ущербъ народному благу. Никакихъ особыхъ правъ на „вниманіе и снисхожденіе“ они не имѣютъ; менѣе чѣмъ когда-либо можно ожидать отъ ихъ избранниковъ плодотворной работы на общую пользу. Теперь, когда все больше и больше ступенчиваются различія между сословіями, сословные выборы въ Государственную Думу были бы явнымъ анахронизмомъ; служа источникомъ раздора, они извратили бы характеръ народнаго представительства. Не время говорить и о пропорціональныхъ выборахъ: удовлетворительное ихъ устройство сопряжено съ большими затрудненіями, преодолѣть которыя можетъ только правильно функционирующая Дума. Необходимой предпосылкой пропорціональныхъ выборовъ служить, притомъ, прочная организація партій—настоящихъ политическихъ партій, объединяемыхъ идеей, а не рѣшимостью „дѣйствовать въ единеніи съ правительствомъ“.

Судя по тѣмъ, быть можетъ неполнымъ, свѣдѣніямъ о постановленіи курскаго дворянства, которыя мы нашли въ газетахъ, графа Доррера и его единомышленниковъ вовсе не занималъ вопросъ о *легальности* рекомендуемаго ими измѣненія въ избирательномъ законѣ. Разработку этого вопроса, первостепенная важность котораго не требуетъ доказательствъ, принимаетъ на себя реакціонная печать. „Новое Время“ продолжаетъ дѣло, начатое „Московскими Вѣдомостями“ — продолжаетъ его съ безцеремонностью, достойною публицистовъ Страстного бульвара. Ссылку на ясный до очевидности смыслъ основныхъ законовъ органъ А. С. Суворина называетъ „базуистикой канцелярскихъ крючковъ, заставляющей законъ быть орудіемъ преступленія и подводящей всяческія мины подъ фортецію правды“. „Наши основные законы“ — продолжаетъ охранитель фортеціи — „не договоръ между монархомъ и страной, ибо страна при изданіи ихъ никакого участія не принимала. Основные законы наши—актъ стараго государственнаго права, по которому *suprema lex—regis voluntas*. Даровавъ представительству народному право согласія на всѣ даль-

нѣйшіе законы, монархъ не спросилъ согласія именно на основные законы, предоставивъ одному себѣ инициативу въ измѣненіи ихъ. Измѣненіе конституціи, въ смыслѣ дальнѣйшаго ея развитія, не есть нарушение конституціи и ни въ какомъ случаѣ не отбѣна ея. Конституція наша октроирована, дана Государемъ добровольно, подъ давленіемъ крайне разносторонней и главнымъ образомъ вѣншей необходимости. Государь взялъ на себя государственный переворотъ, и было бы странно думать, чтобы онъ, отвѣтственный передъ исторіей, съ созывомъ первой неудачной Думы считъ свою роль оконченной. Конституція у насъ введена, но лишь въ высшей степени вчернѣ. Данъ можетъ быть только первоначальный, слабый эскизъ великой постройки. Намѣчены лишь устои. Было бы невѣроятно, еслибы Верховная власть, положившая эти устои, отказала себѣ въ правѣ упрочить ихъ, утвердить, внести тѣ измѣненія, которыя выдвигаетъ опытъ. Нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы конституціонный строй введенъ былъ сразу; всюду примѣривали семь разъ, прежде чѣмъ отрѣзать. Тамъ, гдѣ конституція октроирована, учрежденіе ея совершается тою же властью, въ которой ея источникъ. Было бы несогласно ни съ духомъ, ни даже съ буквой нашего государственнаго права, еслибы корона постѣснилась ввести въ систему выборовъ тѣ поправки, которыя въ интересахъ самого представительнаго начала. Предположимъ, что по оплошности власти въ законъ проникло бы условіе, которое парализуетъ его или дѣлаетъ явно вреднымъ. Неужели верховная власть не въ правѣ вернуть законъ къ его первоначальному замыслу? Безъ сомнѣнія, власть не только въ правѣ, но и обязана это сдѣлать, и притомъ возможно скорѣе“.

Таковы дешевые софизмы, съ помощью которыхъ реакціонныя сирены стараются склонить власть къ принятію явно нелегальной и крайне опасной мѣры. Посмотримъ, прежде всего, въ какой степени основательна ссылка на уроки исторіи. Нѣтъ — увѣряютъ насъ — ни одной страны, гдѣ бы конституціонный строй введенъ былъ сразу. А Пьемонтъ, конституція котораго, данная въ 1848-мъ году, ни разу не была ни нарушаема, ни даже измѣняема и усвоена всецѣло итальянскимъ королевствомъ, въ которомъ дѣйствуетъ и теперь? А Бельгія, конституція которой оставалась неизмѣнной съ 1831 по 1893 годъ, когда подверглись пересмотру — конечно, въ законномъ порядкѣ, — нормы избирательнаго права? А Румынія, въ конституцію которой, обнародованную въ 1866-мъ году, внесены, также легальнымъ путемъ, только немногія и не особенно существенныя измѣненія? А германская имперія, въ которой, за тридцать-пять лѣтъ ея существованія, единственнымъ конституціоннымъ новшествомъ было удлиненіе полномочій рейхстага съ трехъ до пяти лѣтъ? Чѣмъ подтверждается, дальше,

общепринятость односторонняго измѣненія октроированной конституціи? Примѣромъ Пруссіи? Конституція, данная королемъ 5-го декабря 1848-го года, была, правда, пересмотрѣна, но съ участіемъ палаты, и только по одобреніи ими получила, въ 1850-мъ году, тотъ видъ, который сохраняетъ и понынѣ. Примѣромъ Франціи? Но даже Карлъ X-ый не рѣшался существенно измѣнить, собственною властью, хартію, октроированную его братомъ, и пытался обосновать извѣстные іюльскіе ордонансы одною изъ статей этой хартіи. Примѣромъ Австріи? Но патентъ 26-го февраля 1861-го года былъ только дальнѣйшимъ развитіемъ диплома 20-го октября 1860-го года, а основные законы 21-го декабря 1867-го года, какъ и новеллы, ихъ измѣняющія, изданы съ согласія обѣихъ палатъ рейхсрата. На воздухѣ висить, слѣдовательно, увѣреніе автора, что „тамъ, гдѣ конституція октроирована, *учрежденіе ея совершается* тою же властью, въ которой ея источникъ“. Для неприкосновенности конституціи вовсе не нужно, чтобы она была „договоромъ между монархомъ и страной“; разъ что она существуетъ, измѣненіе ея, какъ и измѣненіе каждаго отдѣльнаго закона, не входитъ въ сферу дѣйствій единоличной власти. Послѣ манифеста 17-го октября, установившаго это основное начало конституціоннаго строя, *regis voluntas* и у насъ перестала имѣть значеніе *suprema lex*. Инициатива монарха въ измѣненіи основныхъ законовъ, предусмотрѣнная манифестомъ 20-го февраля, не имѣетъ ничего общаго съ произвольнымъ ихъ измѣненіемъ. Какъ бы слабъ и недостаточенъ ни былъ „эскизъ“ русской конституціи, обратиться въ законченную картину онъ можетъ только при содѣйствіи всѣхъ факторовъ законодательства. Да и гдѣ доказательство тому, что проектируемая „поправка“ избирательнаго закона соотвѣтствовала бы „интересамъ представительнаго начала“? Гдѣ ручательство въ томъ, что она устранила бы изъ него опасное и вредное, а не полезное и необходимое? Болѣе чѣмъ вѣроятно, наоборотъ, что содержаніе новаго избирательнаго закона, еслибы ему суждено было теперь состояться, оказалось бы настолько же неудовлетворительнымъ, насколько нелегальна была бы его форма.

Въ послѣднее время много говорятъ о *реальной политикѣ*. Нетрудно показать, что и съ ея требованіями произвольное измѣненіе избирательнаго закона находилось бы въ самомъ рѣшительномъ противорѣчій. Опять былъ бы поставленъ вопросъ о бойкотѣ Думы; опять возникло бы сомнѣніе въ возможности мирнаго рѣшенія всѣхъ назрѣвшихъ вопросовъ. Противъ законности состава Думы, избранной на основаніи новаго закона, могли бы быть приведены всѣя возраженія, заранѣе подрывающія авторитетъ ея рѣшеній. Ко всѣмъ трудностямъ положенія прибавилась бы еще одна, весьма существенная. Плохую услугу дѣлу порядка и мира оказываютъ тѣ, кто старается

уменьшить силу обѣщаній, ничѣмъ, на самомъ дѣлѣ, не отличающихся отъ обязательствъ.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 212—14 и 216) напечатана обширная статья В. Е. Якушкина о партіи мирнаго обновленія. Строго, даже сурово относясь и къ способу ея образованія, и къ ея программѣ, онъ приходитъ, однако, къ менѣе отрицательному выводу, чѣмъ В. М. Гессенъ ¹⁾. „Если сравнивать программу (политическую) мирнаго обновленія“—говоритъ В. Е. Якушкинъ,—„съ тѣмъ, что провозглашается болѣе правыми партіями, то мирное обновленіе можетъ показаться очень смѣлымъ и вполне конституціоннымъ... Союзъ 17-го октября весьма близокъ къ официальной программѣ, неосуществляемой и неосуществимой, тогда какъ программа мирнаго обновленія, несмотря на всѣ свои уступки и смягченія выше мѣры, все-таки ставить серьезно вопросъ о государственной реформѣ“. Аграрная программа партіи мирнаго обновленія удовлетворяетъ В. Е. Якушкина еще меньше, чѣмъ политическая, но это не мѣшаетъ ему признать, что обновленцы далеко опередили правительственные взгляды; громаднымъ преимуществомъ является уже признаніе партіей мирнаго обновленія принципа принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. По вопросу о предвыборномъ соглашеніи между партіями народной свободы и мирнаго обновленія В. Е. Якушкинъ не высказывается прямо, но общій смыслъ его статьи—скорѣе въ пользу утвердительнаго рѣшенія. Изъ письма кн. Е. Н. Трубецкого, появившагося въ № 216 „Русскихъ Вѣдомостей“, видно, что сближеніе обѣихъ партій признано желательнымъ и на совѣщаніи, происходившемъ недавно между ихъ представителями. Многое зависитъ отъ того, какія установятся отношенія между партіей мирнаго обновленія и союзомъ 17-го октября. Извѣстный отвѣтъ А. И. Гучкова кн. Е. Н. Трубецкому и послѣдовавшій за нимъ выходъ Д. Н. Шипова изъ союза 17-го октября устраняютъ возможность колебаній: партія мирнаго обновленія должна заявить прямо и открыто о своемъ разрывѣ съ союзомъ, продолжающимъ идти рука объ руку съ А. И. Гучковымъ. Среди искреннихъ конституціоналистовъ нѣтъ мѣста для партіи, одобряющей репрессивную политику „министерства роспуска Думы“, до военно-полевыхъ судовъ включительно.

Жестокій неврожай, постигшій значительную часть Россіи, вызвалъ обычные явленія: съ одной стороны—заботливость лучшихъ

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

земскихъ и общественныхъ дѣателей о своевременной и достаточной помощи населенію, съ другой стороны—крикливое отрицаніе голода и протесты противъ „кормленія голодающихъ“, подкрѣпляемые самымъ безцеремоннымъ извращеніемъ исторіи недавнихъ голодовокъ ¹⁾. Среднюю позицію, какъ и прежде, занимаетъ администрація, освѣдомленная настолько, чтобы признавать необходимость помощи, но не настолько, чтобы правильно установить ея формы и размѣры. Опять подтвердилась полнѣйшая неудовлетворительность порядка, созданнаго временными правилами 1900-го года; опять обнаружилась неспособность земскихъ начальниковъ организовать и вести продовольственное дѣло. Въ прошломъ году пробѣлы официальной дѣятельности восполняла, до извѣстной степени, общеземская организація; теперь ея средства должны значительно уменьшиться, такъ какъ суммы, прежде отпускавшіяся въ ея распоряженіе, министерство рѣшило направлять въ отдѣльныя губерскія земства. Насколько объединеніе лучше разрозненности, насколько приобрѣтенный опытъ облегчалъ исполненіе трудной задачи—это понятно само собою. Въ реакціонной печати распоряженіе министерства встрѣчено, однако, громкимъ ликоваемъ. „Главная цѣль общеземской организаціи“—увѣряютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 222)—„заключалась въ сѣяніи смуты среди населенія и въ возбужденіи его противъ правительства“. Благодаря министерству, у оппозиціи „отняты милліоны, которые на выборахъ должны были принести богатые проценты“; „народные милліоны, назначенные на прокормленіе населенія“, не будутъ „затрачены на революціонированіе народной массы и на выборы конституціонно-демократической партіи“. Подтверждено ли столь серьезное обвиненіе хоть тѣмъ, что на юридическомъ языкѣ называется „началомъ доказательства“? Нѣтъ: московская газета говоритъ только о какихъ-то „неопубликованныхъ письмахъ, полученныхъ съ мѣста работы агентовъ общеземской организаціи“. Нетрудно себѣ представить, что это за письма, которыя не рѣшается опубликовать реакціонная печать... Гораздо правдоподобнѣе другое объясненіе министерскаго распоряженія, предлагаемое „Русскими Вѣдомостями“. Уполномоченные общеземской организаціи—читаемъ мы здѣсь—„видятъ на мѣстахъ непорядки продовольственнаго дѣла, и черезъ нихъ эти непорядки дѣлаются достояніемъ гласности; идя же изъ столь авторитетнаго источника, эти разоблаченія получаютъ особое значеніе. (покойное въ своей неосвѣдомленности министерство вовсе не желаетъ такой гласности. Оно предпочитаетъ передать дополнителныя

¹⁾ См., напримѣръ, статью: „Кормленіе голодающихъ“ въ № 180 „Московскихъ Вѣдомостей“.

ассигнованія, о которыхъ ходатайствовала общеземская организація, въ распоряженіе губернскихъ земствъ, которыя теперь являются очень зависящими отъ мѣстной администраціи и ни къ какой излишней гласности склонными не являются". Да, печальны обстоятельства, при которыхъ губернскимъ земствамъ (едвали, впрочемъ, всѣмъ) удалось заслужить довѣріе министерства...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1906.

I.

— Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Идеалы декабристовъ. М. 1907.

Въ числѣ книгъ, обобщающихъ сравнительно обширный рядъ недавно открытыхъ матеріаловъ о декабристахъ, трудъ г. Довнаръ-Запольскаго займетъ, несомнѣнно, видное мѣсто. По своему характеру онъ представляетъ собой не столько строго-историческое изслѣдованіе, сколько историко-публицистическій этюдъ, спѣшно, повидимому, обработанный и посвященный уясненію смысла и политическаго значенія дѣятельности тайнаго общества, въ связи съ событіемъ 14-го декабря. Событія и настроенія, переживаемыя въ настоящее время русскимъ обществомъ, замѣтно отражаются у автора, сказываясь и въ общемъ характерѣ освѣщенія изслѣдуемой эпохи, и въ приемахъ изображенія дѣятельности современнаго декабристамъ правительства.

„Великая русская революція, которая проходитъ передъ нашими глазами,—такъ формулируетъ г. Запольскій свою точку зрѣнія,—въ нашемъ историческомъ прошломъ имѣла въ движеніи декабристовъ одну серьезную попытку освободиться отъ ига самовласти. Тайное общество, члены котораго получили названіе декабристовъ, въ теченіе почти десятка лѣтъ готовилось къ ниспроверженію самодержавно-бюрократическаго режима. Это движеніе не было случайной вспышкой либерализма. Оно опиралось на глубокое негодованіе мыслящей части русскаго общества и выступало въ цѣляхъ освобожденія всѣхъ классовъ народа отъ тяжелаго рабства. Декабристы весьма серьезно отнеслись къ предстоящей имъ задачѣ. Они внимательно изучали современное имъ положеніе Россіи и стремились выяснить, при какой

формѣ правленія русское государство можетъ достигнуть наивысшаго процвѣтанія. Такимъ образомъ, въ освѣщеніи декабристовъ проходитъ какъ критика самодержавнаго строя, такъ и идеалъ будущаго государственнаго устройства. Тотъ режимъ, противъ котораго подняли знамя борьбы декабристы, — тотъ самый, съ которымъ борется наше поколѣніе. Охватывая этотъ режимъ съ точки зрѣнія теоретической, декабристы старались подготовить современное имъ общество къ перевороту, и сами дѣятельно готовились къ революціи“.

Весь вопросъ о декабристахъ авторъ разбиваетъ на три части: на исторію тайныхъ обществъ, составлявшихся декабристами, на исторію декабрьской революціи и на уясненіе государственныхъ и общественныхъ идеаловъ декабристовъ. Настоящая книга, соотвѣтствующая послѣднему вопросу, въ свою очередь дѣлится на три части: первая, подъ заглавіемъ „періоды реакціи“, не носитъ самостоятельнаго характера и играетъ роль вводной статьи; вторая изображаетъ русскій государственный строй въ освѣщеніи декабристовъ; третья озаглавлена „свобода и конституція“.

Въ первой части г. Довнаръ-Запольскій останавливается на Аракчеевѣ и на состояніи администраціи въ его время, характеризуетъ умственное и нравственное положеніе общества, преимущественно реакціонной части, въ связи съ дѣятельностью кн. А. Н. Голицына, Магницкаго, Рунича и др., и даетъ въ концѣ списокъ „наиболѣе важныхъ сочиненій и статей, тракующихъ о второй половинѣ царствованія императора Александра I“.

Во второй части авторъ изображаетъ настроеніе либеральной части общества, создававшееся на почвѣ критическаго отношенія къ общей правительственной политикѣ и государственному строю и даетъ бѣглый очеркъ современнаго состоянія государственнаго хозяйства, администраціи и военнаго дѣла. Пользуясь, преимущественно, бумагами декабристовъ, авторъ очерчиваетъ тѣ общія условія, при которыхъ критическая мысль вызвала въ общественной средѣ недовольство и вела къ протесту. Затѣмъ авторъ переходитъ ко взглядамъ декабристовъ на сословные вопросы, останавливается на роли и вліяніи европейскихъ событій на отдѣльные умы и намѣчаетъ пути, по которымъ шло стремленіе къ выработкѣ опредѣленнаго общественнаго міросозерцанія.

Говоря объ оцѣнкѣ, сдѣланной различными декабристами Александровскому режиму, г. Запольскій замѣчаетъ, что эта оцѣнка не должна разсматриваться, какъ результатъ субъективныхъ впечатлѣній, принадлежавшихъ людямъ, которые были разгорячены теоретической ненавистью къ извѣстному режиму. „Исторія на основаніи массы вполне объективныхъ данныхъ, на основаніи актовъ дѣятельности самаго ре-

акціоннаго правительства могла провѣрить то, о чемъ говорили декабристы въ своихъ показаніяхъ, и можетъ лишь подтвердить полную справедливость ихъ характеристики. Мало того, акты правительственной дѣятельности весьма часто раскрываютъ еще болѣе ужасающіе факты реакціи; они вскрываютъ такое положеніе страны и такое господство произвола, что эта эпоха, даже въ сравненіи съ другими періодами русскаго самодержавія, является одной изъ наиболѣе тяжелыхъ: вѣдь надо помнить, что множество фактовъ насилій, произвола, лихоимства, совершенныхъ въ тиши канцелярій, не было извѣстно современникамъ и сдѣлалось лишь достояніемъ историковъ.

„Критика декабристовъ уже обрисовываетъ намъ и положительные идеалы, коими было проникнуто мировоззрѣніе декабристовъ. Конечно, въ деталяхъ, положительные требованія ихъ были не одинаковы: одни изъ нихъ довольствовались бы умѣренными реформами, другіе, напротивъ, были весьма радикально настроены. Но во всякомъ случаѣ ихъ идеалы были неизмѣримо далеки отъ существующаго рѣжима въ смыслѣ формы правленія и отъ того тяжелаго положенія государства, которое она прикрывала“.

Указавъ на важное значеніе шедшихъ разными путями западно-европейскихъ теченій для образованія общественнаго міросозерцанія передовой части общества въ александровскую эпоху, г. Запольскій отводитъ имъ очень опредѣленное мѣсто, отмѣчая, что далеко не исключительно ими питалась современная критическая мысль. „Пробываніе въ Западной Европѣ,—говоритъ авторъ,—а затѣмъ и чтеніе книгъ для огромнаго большинства декабристовъ послужило лишь однимъ изъ стимуловъ въ ихъ стремленіи выработать собственное міросозерцаніе. Примѣръ князя Волконскаго можетъ служить весьма убѣдительнымъ доказательствомъ того, что не за границей декабристы проникались ненавистью къ существующему строю; заграничныя впечатлѣнія иногда давали лишь матеріалъ, который, при сравненіи съ русскими порядками и уже на русской почвѣ, способствовалъ выработкѣ политическаго міросозерцанія. Для многихъ, какъ бывшихъ за границей, такъ и для не видавшихъ западно-европейскаго строя, дѣло именно шло о выработкѣ, путемъ самообразованія, общаго міросозерцанія политическаго, философскаго и религіознаго. Люди проходили періодъ сомнѣній, колебаній, усиленнаго исканія истины, пока, наконецъ, не останавливались на опредѣленныхъ воззрѣніяхъ“.

Въ третьей части, посвященной взаимоотношенію понятій свободы и конституціи, какъ это взаимоотношеніе реализовалось на русской почвѣ въ изслѣдуемую эпоху, авторъ характеризуетъ современное декабристамъ пониманіе „блага отечества“ и тѣхъ государственныхъ формъ, въ которыхъ декабристы видѣли возможное осуществленіе сво-

боды. Приступая къ разсмотрѣнію различныхъ проектовъ улучшеннаго государственнаго строя, г. Запольскій даетъ такую общую характеристику политическому міросозерцанію декабристовъ. „Все міросозерцаніе декабристовъ,—говоритъ онъ,—проникнуто чувствомъ глубокой любви къ родинѣ и стремленіемъ доставить ей свободу, доставить ей политическое и матеріальное благополучіе. Пусть потомство указываетъ на недостатки декабристовъ, пусть указываютъ тѣ или нныя отрицательныя черты личныхъ качествъ того или другого лица; можно указать на рядъ, можетъ быть, не вполне симпатичныхъ сторонъ въ дѣятельности тайнаго общества, но никогда нельзя отнять у нихъ того, что ихъ стремленія исходили изъ теплаго чувства любви къ отечеству, изъ высокихъ патріотическихъ побужденій, изъ любви къ обездоленной братіи. Въ ихъ стремленіяхъ нѣтъ эгоизма: это вѣдь люди, которыхъ житейское благополучіе именно при самодержавномъ режимѣ могло бы быть удовлетворено наилучшимъ образомъ: для честолюбивыхъ эгоистическихъ цѣлей такой режимъ могъ представить все, особенно для лицъ, уже и безъ того выдававшихся по своему происхожденію, связямъ и служебному положенію.

„Въ конечномъ итогѣ, идеалъ декабристовъ сводится къ простому выводу: самодержавіе есть тираннія; никакое улучшеніе государства при такомъ образѣ правленія невозможно. Для того, чтобы двинуть государство по пути прогресса, необходимо первоначально низвергнуть тираннію. Для этого существуетъ одинъ путь—путь революціонной борьбы; но къ революціи надо долго подготавливаться, надо подготовить и революціонеровъ, и широкіе круги общества, вообще еще мало культурнаго“.

Книга г. Довнаръ-Запольскаго читается съ интересомъ, особенно если смотрѣть на нее, какъ на поучительную параллель къ переживаемымъ нами событіямъ и не слишкомъ требовать отъ нея исторической перспективы.—W.

II.

— Іоаннъ-Георгъ Корбъ. Дневникъ путешествія въ Московію (1698 и 1699 гг.). Переводъ и примѣчанія А. І. Малеина. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1906.

Первое изданіе полного перевода Дневника Корба появилось въ 1867 году въ „Трудахъ“ московскаго общества исторіи и древностей и давно уже вышло изъ продажи. Поэтому во второмъ изданіи ощущалась настоящая необходимость, тѣмъ болѣе, что сочиненіе Корба служитъ однимъ изъ интереснѣйшихъ, хотя и недостаточно изслѣдованныхъ историческихъ источниковъ. О своемъ отношеніи къ труду

первыхъ переводчиковъ (Б. Женева и М. Семева) г. Маленинъ говорить слѣдующее: „Что касается моей работы, то, при выполненіи ея, я, конечно, долженъ былъ постоянно считаться съ трудомъ Женева и Семева, оказавшимъ мнѣ въ общемъ значительное подспорье. Вѣстѣ съ тѣмъ, хотя названные переводчики и старались, по ихъ словамъ, о возможной близости къ оригиналу, они все же часто и при томъ безъ особой нужды удалялись отъ него; кромѣ того, въ ихъ переводѣ встрѣчается значительное количество болѣе или менѣе досадныхъ промаковъ... Въ своей работѣ прежде всего я преслѣдовалъ ту цѣль, чтобы настоящій переводъ по возможности замѣнялъ подлинникъ, какъ тѣмъ лицамъ, которымъ недоступно чтеніе Дневника въ оригиналѣ, такъ и тѣмъ ученымъ, которые не могутъ пользоваться латинскимъ подлинникомъ, вслѣдствіе его рѣдкости. Однимъ словомъ, мнѣ хотѣлось, по словамъ Гёте въ „Wahrheit und Dichtung“, дать такой „критическій переводъ, который составляетъ съ оригиналомъ“. Поэтому я переводилъ по возможности буквально, и въ этихъ видахъ стремился сохранить не только расплывчатый, неуклюже-витіеватый и темный слогъ Корба, но и его тяжело-нѣсные періоды“. Въ краткихъ примѣчаніяхъ переводчикъ преимущественное вниманіе обращаетъ на сопоставленіе извѣстій Корба съ подлинными русскими документами, относящимися какъ къ тѣмъ событіямъ и лицамъ, которые были связаны съ самымъ фактомъ пребыванія Корба въ Россіи, такъ и къ тѣмъ происшествіямъ, очевидно, которыхъ онъ былъ. Примѣчанія эти, исключительно фактическаго характера, слишкомъ кратки и, что особенно жаль, въ нихъ весьма недостаточны ссылки на аналогичныя свидѣтельства иностранцевъ, посѣтившихъ Россію приблизительно въ то же время, какъ и Корбъ. Библиографическая исторія труда Корба весьма обстоятельно, съ другой стороны, разсмотрѣна въ краткомъ введеніи „отъ переводчика“.

Какъ извѣстно, авторъ Дневника Іоганнъ Георгъ Корбъ посѣтилъ Россію въ самомъ концѣ XVII в. Онъ былъ секретаремъ посольства, отправленнаго къ Петру Великому римскимъ цесаремъ Леопольдомъ I, послѣ заключенія въ 1697 г. Австріей, Россіей, Польшей и Венеціей оборонительнаго и наступательнаго союза противъ турокъ. Корбъ пробылъ въ Россіи отъ апрѣля 1698 г. до конца іюля 1699 г., и во время своего пребыванія имѣлъ возможность наблюдать одинъ изъ тревожнѣйшихъ моментовъ русской исторіи. Онъ видѣлъ возвращеніе Петра В. изъ его перваго заграничнаго путешествія и былъ близкимъ свидѣтелемъ потрясающихъ сценъ усмиренія стрѣleckаго мятежа. По своему положенію онъ могъ наблюдать Петра не только въ официальныхъ случаяхъ, и многое могъ слышать о немъ отъ лицъ

хорошо освѣдомленныхъ. Не обладая литературнымъ талантомъ и не задаваясь цѣлями историческаго изложенія, Корбъ заносилъ въ свой Дневникъ непосредственныя впечатлѣнія, итоги дня, событія, происходившія на его глазахъ, факты изъ посольской жизни и т. д. Все это придаетъ Дневнику Корба значительный и общій интересъ, усиливающийся еще той частью его сочиненія, въ которой онъ собралъ и какъ бы подготовилъ обширный матеріалъ для обстоятельнаго описанія представлявшихся ему особенностей государственной, общественной и частной жизни обитателей Московіи. „Книга Корба,—говоритъ г. Маленинъ,—была первымъ наиболѣе обстоятельнымъ сочиненіемъ, познакомившимъ Европу того времени не только съ отдаленной Московіей, о которой писали уже многіе, но особенно съ личностью ея молодого и энергичнаго государя. Желая сблизиться съ Западомъ и приобщиться его культурѣ, московское правительство, естественно, должно было дорожить европейскимъ мнѣніемъ, а потому книга, въ которой описывались многія непривлекательныя интимныя стороны изъ жизни цѣлаго народа и его владыки, отнюдь не могла быть пріятной ни царю, ни его приближеннымъ. Къ этому надо прибавить и то почти болѣзненное самолюбіе, съ которымъ московская Русь относилась къ поддержкѣ своей чести и достоинства среди иноземцевъ. Такъ, дѣяки выговаривали полякамъ за то, что тѣ писали царю Θεодору, а не Θεодору, или царю Ивану, а не Іоанну, а князь В. В. Голицынъ, прочитавъ въ изданной Потоцкимъ книгѣ такіа выраженія, какъ „невѣрная Русь, дурная Москва, упрямый Москвитинъ“, прямо говорилъ польскимъ посламъ: „И послѣ этакихъ нестерпимыхъ, лютыхъ и явныхъ досадительствъ, можете ли вы надѣяться когда-нибудь получить Кіевъ? Возможенъ ли между нами вѣчный миръ?“

Книга Корба произвела, дѣйствительно, неблагоприятное впечатлѣніе на первыхъ русскихъ, познакомившихся съ ней. Кн. П. А. Голицынъ въ своемъ письмѣ къ Ѳ. А. Головину выразилъ сильное негодованіе по адресу посла Гваріента, видя въ немъ какъ бы автора книги, при чемъ писалъ: „таково поганца и ругателя на московское государство не бывало; съ прїѣзду его сюда насъ учинили барбарами“. Гваріенту пришлось отречься отъ навязывавшагося ему авторства и даже отказываться отъ сана посланника при русскомъ дворѣ. Оцѣнка, данная книгѣ Корба княземъ Голицынымъ, въ сущности, была вѣрна лишь отчасти. Корбъ не имѣлъ въ виду преднамѣренно изобразить москвитовъ въ дурномъ свѣтѣ, но все его изложеніе проникнуто такимъ по временамъ непониманіемъ духа страны, въ которой онъ жилъ, что въ его сообщеніяхъ москвиты, дѣйствительно, рисуются варварами, полудикарями. Это въ особенности касается свѣдѣній о народной

массѣ, стоявшей за предѣлами официального круга, въ которомъ вращался Корбъ. Самое изложеніе его носить характеръ нѣкоторой официальнойности и дипломатической осторожности. Онъ чрезвычайно почтителенъ въ выраженіяхъ не только о царѣ Петрѣ или о „господинѣ послѣ“, при которомъ онъ состоялъ, но и обо всѣхъ сановныхъ людяхъ. Изображая ужасныя казни и пытки стрѣльцовъ, Корбъ не выходитъ изъ границъ придворно-официальнаго пониманія стрѣльцкаго возмущенія... Личность молодого царя произвела на него сильное впечатлѣніе. Приведемъ одну характерную сценку: „День этотъ омраченъ казнью двухсотъ человѣкъ и во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ скорбнымъ; всѣ преступники были обезглавлены. На очень обширной площади, весьма близко отъ Кремля, были разставлены плахи, на которыхъ должны были сложить голову виновные. Я самъ измѣрилъ длину (площади?) шагами; ширина ея равнялась двумъ плахамъ (?). Его Царское Величество прибылъ въ двухколѣ съ нѣкимъ Александромъ, общество котораго доставляетъ ему наибольшее удовольствіе, и, проѣхавъ злополучную площадь, вступилъ на находящееся рядомъ съ ней мѣсто, гдѣ тридцать осужденныхъ искупили смертью преступленіе своего нечестиваго умысла. Между тѣмъ бѣдственная толпа виновныхъ наполнила описанное выше пространство, и Царь вернулся туда же, чтобы въ его присутствіи подверглись наказанію тѣ, которые въ его отсутствіе задумали въ святотатственномъ замыслѣ столь великое нечестіе. Писецъ, становясь на приносимую солдатами скамейку, въ разныхъ мѣстахъ читалъ составленный противъ мятежниковъ приговоръ, чтобы стоявшая кругомъ толпа тѣмъ лучше узнала всю громаду ихъ преступленія и правоту налагаемой за него казни. Когда онъ замолчалъ, палачъ началъ трагедію: у несчастныхъ была своя очередь, всѣ они подходили одинъ за другимъ, не выражая на лицѣ никакой скорби или ужаса предъ грозящей имъ смертью. Но я не рѣшился бы объяснять это презрѣніе къ смерти величіемъ ихъ духа, а полагаю скорѣе, что они доведены до подобнаго самозабвенія и презрѣнія къ жизни безславіемъ своего ужаснаго позора и воспоминаніемъ о жестокихъ мукахъ, испытываемыхъ ими каждый день. Одного вплоть до самой плахи провожали жена и дѣти съ громкими, ужасными воплями. Готовясь лечь на плаху, онъ, вмѣсто послѣдняго прощанія, отдалъ женѣ и малымъ дѣткамъ, горько плававшимъ, свои рукавицы и платокъ, который у него оставался“.

Разсказывая о жестокостяхъ, которымъ подвергались стрѣльцы, Корбъ весь на сторонѣ Петра и его преобразовательныхъ стремленій. Когда слухъ объ ежедневныхъ ужасныхъ пыткахъ дошелъ до патриарха, послѣдній явился къ Петру съ иконой и старался смягчить гнѣвъ царя. „Но проявленіе показного благочестія, — замѣчаетъ

Корбъ,—не могло измѣнить истинныхъ основъ правосудія“... „Дѣло обстояло такъ, — говоритъ онъ далѣе, — что о благѣ всей Москвитин приходилось заботиться мѣрами жестокости, а не благочестія“. И Корбъ развиваетъ ту мысль, что подобная суровая расправа неудачно называется тиранніей, и бываютъ случаи, когда для общаго оздоровленія организма необходимо отсѣкать больные члены. Это варварское міросозерцаніе, достойное своей варварской эпохи, даетъ основной тонъ всему изложенію Корба и является типичнымъ образчикомъ историческаго освѣщенія событій своего времени. При всѣхъ этихъ особенностяхъ личность Петра рисуется отчетливо и ярко: необузданный, вспыльчивый, отходчивый, вѣчно безпокойный, жестокий, страстный, Петръ осязательно чувствуется въ изложеніи Корба. Корбъ внимательно отмѣчаетъ всѣ случаи своихъ встрѣчъ съ Петромъ, его поведеніе, рѣчи, настроенія—и все въ неизмѣнномъ стилѣ дипломатической осторожности и почтительности. По окончаніи одной изъ расправъ, царь обѣдалъ у знаменитаго Гордона. „Царь отнюдь не имѣлъ веселаго настроенія, а наоборотъ горько жаловался на упорство и упрямство виновныхъ. Онъ съ негодованіемъ рассказывалъ Генералу Гордону и присутствовавшимъ Московскимъ Вельможамъ, какъ одинъ изъ осужденныхъ проявилъ такую закоренѣлость, что, готовясь лечь на плаху, дерзнулъ обратиться къ Царю, вѣроятно стоявшему очень близко, съ такими словами: „Посторонись, Государь! Это я долженъ здѣсь лечь“. Изъ 150 только трое признали себя виновными въ преступленіи и измѣнѣ и просили о помилованіи присутствовавшего при казни его Царское Величество. Оказавшись достойными милосердія своего Государя, они были поэтому освобождены отъ смертной казни и получили прощеніе своей вины. На завтрашній день готовилась новая расправа, на которую Царь пригласилъ Генерала Гордона, говоря, что онъ хочетъ карать виновныхъ новымъ и необычнымъ для своего народа способомъ, именно не топоромъ, а мечемъ. Въ этотъ же вечеръ часто упоминаемый мною Александръ (т.-е. Меньшиковъ) ѣздилъ въ двуколѣ по всѣмъ перекресткамъ города и почти непрерывно показывалъ всюду обнаженный мечъ, давая этимъ понять, какъ ждетъ онъ кровавой трагедіи завтрашняго дня“.

Это былъ разгаръ уже опредѣлившейся борьбы Петра съ общественнымъ мнѣніемъ, которое возставало на него за жестокости и грубо вводившіяся новшества; на ропотъ, достигавшій въ отдѣльных случаяхъ открытаго возмущенія, Петръ отвѣчалъ репрессіями, которыя принимали видъ настоящаго „террора“, по выраженію С. М. Соловьева. Эта сторона дѣятельности Петра—борьба съ общественнымъ мнѣніемъ, имѣвшимъ за собой очень опредѣленные основанія, ускольз-

нула отъ вниманія Корба, разглядѣвшаго только одну видимую сторону—подавленіе бунта мятежниковъ.

Кромѣ собственно Дневника, вторую часть книги занимаетъ какъ бы итогъ вынесенныхъ впечатлѣній и наблюденій—цѣлый рядъ небольшихъ главъ, изъ которыхъ одна часть составляетъ сжатое описаніе „опаснаго мятежа стрѣльцовъ въ Московѣ“, а другая посвящена фактическимъ свѣдѣніямъ о различныхъ сторонахъ русской придворной и общественной жизни.

Книга сопровождается рисунками и указателями.

III.

— Фаресовъ, А. И. Мужики и начальство. Спб. 1906.

Очерки г. Фаресова посвящены изображенію современной деревни. Они представляютъ собой результатъ непосредственныхъ наблюденій надъ крестьянской жизнью въ небольшомъ районѣ Псковской губерніи, но, поскольку они отражаютъ въ себѣ средне-крестьянское міросозерцаніе, воспитанное въ общихъ условіяхъ исторической и бытовой жизни, они являются во многихъ отношеніяхъ типичными для выраженія того сложнаго процесса, который переживаетъ крестьянская масса въ наше время. Какъ непосредственное отраженіе близкой къ намъ живой дѣйствительности, они очень любопытны закрѣпленіемъ извѣстнаго историческаго момента, и въ этомъ смыслѣ они, можно думать, сохраняютъ свое значеніе и на будущее время; но выраженные въ нихъ личныя предположенія и чаянія автора, связанныя съ созывомъ первой Государственной Думы, уже утратили свой публицистическій интерес и смѣшались въ хаосъ свершающихся событій съ безконечными попытками разобратся въ броженіи разлагающейся деревни и указать выходъ къ ея обновленію. Государственная Дума пришла, взволновала крестьянскую душу горячими рѣчами о народныхъ правахъ, о землѣ и волѣ и разошлась по всей землѣ русской, опечаленная, обезличенная, но близкая и народной душѣ, и народной скорби. Деревня, которую засталъ г. Фаресовъ передъ созывомъ Думы—не та, въ смыслѣ правосознанія, какова она теперь. Тѣми же остались пока коренныя причины ея нестроенія, ея темнота, ея безпомощность, ея деморализованность, при которыхъ господству низменныхъ и хищныхъ инстинктовъ предоставленъ полный просторъ. Страницы, посвящаемыя г. Фаресовымъ передачѣ того, что совершается въ нѣдрахъ почуявшей свои силы крестьянской массы, и являются наиболѣе цѣнными въ его книгѣ, не претендующей ни на сгущеніе красокъ съ цѣлью указать,

гдѣ корень зла (что въ настоящее время можетъ почитаться достаточно яснымъ), ни на преклоненіе передъ мужицкой добродѣтелью и здравымъ смысломъ, что давало бы поводъ заподозрить автора въ сочиненности его деревенскихъ очерковъ.

Деревенскіе типы г. Фаресова разнообразны. Они не описаны, не „изображены“, а эскизно выхвачены изъ окружавшаго мірка. Но кажущееся разнообразіе этихъ типовъ схематизируется приблизительно въ двухъ направленіяхъ: одни изъ нихъ—„озорники“, „деревенскіе хулиганы“, другіе представляютъ собой элементъ, сознательно относящійся къ своему положенію среди обстоятельствъ переживаемаго времени и старающійся извлечь изъ этого положенія, сообразно своему пониманію, возможныя выгоды. Каково это пониманіе—вопросъ другой, но крестьянинъ созналъ, если вѣрить г. Фаресову, что устройство его судьбы зависитъ только отъ него, и извѣрился въ спасительной опекѣ „начальства“. Извѣрившись въ начальственной заботѣ, крестьянство, по крайней мѣрѣ то, которое наблюдалъ г. Фаресовъ, проявило свою застарѣлую со временъ крѣпостничества вражду къ помѣщикамъ, противившимся „уравненію земель“. На почвѣ озлобленія возникли аграрные безпорядки и запылали барскія усадьбы. Г. Фаресовъ дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе о томъ, что аграрныя волненія разыгрываются на исторической почвѣ „господскихъ грѣховъ“. „Нужна ли здѣсь пропаганда, и если найдутся арестованныя за это лица, то можно ли приписывать имъ успѣхъ и распространеніе аграрныхъ безпорядковъ? Народъ прибѣгаетъ къ нимъ по издавной привычкѣ къ „красному пѣтуху“ въ расчетѣ на то, что у землевладѣльца не хватитъ ни энергіи, ни желанія вернуться въ разоренную усадьбу, вновь обстроить ее и жить среди настроеннаго противъ него населенія. Эту „психологію“ народъ отлично понималъ и ранѣе, и въ настоящее время рассчитываетъ на нее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, совершенно независимо отъ партійныхъ программъ интеллигенціи. Чему-нибудь крѣпостнической и бюрократической гнетъ научилъ же народныя массы, и будетъ вполне справедливымъ поставить на его счетъ весь ужасъ аграрныхъ безпорядковъ. Тамъ, гдѣ къ нимъ примыкаютъ „агитаторы“, не слѣдуетъ забывать ту же историческую выучку, преподаванную народнымъ массамъ ихъ вѣковымъ гнетомъ. Благодѣтельность манифеста 17-го октября,—еслибы онъ сопровождался свободными выборами въ Государственную Думу,—именно и заключается въ томъ, что впервые дается русскому народу урокъ о новой борьбѣ съ гнетущими его условіями жизни путемъ избирательной борьбы, и какъ только онъ привыкнетъ къ „голосованію“ и увидитъ благотворность и могущество его, такъ начнется мало-по-малу исчезновеніе у насъ пугачевщины“.

Благодѣтельность манифеста 17 октября... сколько прекрасныхъ

словъ наговорено на эту тему, сколько прекрасныхъ мечтаній родилось подъ нашимъ туманнымъ небомъ и исчезло при первыхъ порывахъ морознаго вихря! Сколько обывательскаго прекраснудшія слилось въ эти дни съ горячей любовью къ народу и родинѣ, съ жадной самопожертвованія во имя идеаловъ свободы! Мечтанія исчезли, идеалы остались неосуществленными, жизнь вся раскололась и затрепетала ужасомъ и кровью. А деревенская дѣйствительность обнаружилась еще безотраднѣе, не оставляя мѣста оптимистическимъ вождельніямъ на новыя 17-ыя октября. Безчисленные факты приносятъ подтвержденіе, что въ деревнѣ все шире и шире развивается тотъ процессъ одичанія, характерные образчики котораго даны въ книгѣ г. Фаресова. Изображая типы деревенскихъ „озорниковъ“, буяновъ, пьяницъ, воровъ, клятвопреступниковъ, съ которыми нѣтъ средствъ бороться въ самой деревнѣ („ни грамотнаго челоуѣка у насъ, ни газетинны, ни правъ. Одна голодная земля!“), г. Фаресовъ считаетъ ихъ представителями „отживающихъ началъ русской деревни“. Этотъ оптимизмъ намъ былъ бы не совсѣмъ понятенъ, еслибы мы не указали, что авторъ писалъ свои очерки, когда всѣ надежды его были обращены къ Государственной Думѣ. „Съ дарованіемъ сверху народу голосованія и культурнаго его подъема снизу, я не сомнѣваюсь въ томъ, что деревенскіе „озорники“ будутъ стыдиться своихъ „гулявокъ“; водка перестанетъ играть первую роль на торжествахъ и дѣловыхъ собраніяхъ крестьянъ... Будетъ чѣмъ и куда оттянуть народныя симпатіи отъ вымирающаго міра въ другую сторону. Мы говоримъ о народномъ парламентѣ и самодѣятельности страны“.

Но въ томъ-то и дѣло, что народнаго парламента пока не дадутъ, а самодѣятельность страны направляется далеко не въ сторону созидательной культурной работы. И происходитъ это отъ многихъ сложныхъ причинъ, одно признаніе которыхъ разбиваетъ всѣ теоретическія построенія г. Фаресова. Не соглашаясь съ ними, читатель отдастъ должное наблюдательности автора и его знанію быта и „новыхъ настроеній“ современной деревни.

IV.

— Е. В. Пѣтуховъ. Императорскій юрьевскій, бывшій дерптскій, университетъ въ послѣдній періодъ своего столѣтняго существованія (1865—1902). Историческій очеркъ. Спб. 1906.

Настоящій трудъ является дополнительной частью вышедшей три года тому назадъ исторіи юрьевскаго университета за время 1802—1865 гг.; здѣсь рассматриваются судьбы этого учрежденія за послѣдній

періодъ его дѣятельности вплоть до его столѣтняго юбилея въ 1902 г. Изложеніе автора носитъ почти сплошь фактическій характеръ и чуждо запросамъ широкаго культурнаго освѣщенія. Авторъ вращается преимущественно въ сферѣ архивнаго матеріала, скупясь на выводы и на такіе факты, которые освѣщали бы внутреннюю сторону университетскаго быта. Въ этомъ отношеніи очеркъ г. Пѣтухова является скорѣе добросовѣстной компиляціей, чѣмъ историческимъ изслѣдованіемъ, если сдѣлать задачей послѣдняго осязательное выясненіе культурнаго взаимодействія между высшимъ разсадникомъ знанія и тѣмъ краемъ, которому, прежде всего, онъ призванъ служить.

Изслѣдуемую въ настоящемъ трудѣ эпоху дерптскаго-юрьевскаго университета авторъ дѣлитъ на два періода: первый, обнимающій собою дѣйствіе устава 1865 г., и второй, обнимающій послѣдующія тринадцать лѣтъ послѣ реформы 1889 г. Первый періодъ, въ смыслѣ историческаго матеріала, представляется автору въ значительной степени законченнымъ; второй—еще не отошелъ въ область исторіи, и изложеніе его лишено желательной автору полноты.

„Красная нить, проходящая черезъ исторію,—говоритъ г. Пѣтуховъ,—двухъ первыхъ періодовъ жизни дерптскаго университета—опредѣленіе своихъ отношеній къ государственному языку, а также стремленіе занять среди другихъ университетовъ въ имперіи особенное положеніе и, до извѣстной степени, руководить культурно-политическими возрѣніями мѣстнаго общества—получаетъ въ третьемъ періодѣ существованія университета еще болѣе яркую окраску, но результатомъ взаимодействія этихъ стремленій съ одной стороны и возрѣній правительства и значительной части русскаго общества съ другой—является новый моментъ въ жизни университета, совпавшій съ правительственными стремленіями привести и вообще Прибалтійскій край къ болѣе тѣсной культурной связи съ остальной Россіей. Активная роль въ этомъ процессѣ сближенія, какъ прежде, такъ и теперь, принадлежала руководящимъ правительственнымъ начинаніямъ и идеямъ, шедшимъ изъ центра, а университету приходилось такъ или иначе реагировать на эти послѣднія, подходя, однакоже, постепенно, силою вещей, къ такому его состоянію, которое должно было, въ концѣ концовъ, явиться необходимымъ слѣдствіемъ совокупной дѣятельности указанныхъ условій“.

Какъ совершался процессъ „реагированія“ на „активные начинанія“ правительства, мы не видимъ изъ очерка г. Пѣтухова, составленнаго, по большей части, на основаніи официальныхъ данныхъ. Но даже изъ этихъ данныхъ читатель можетъ сдѣлать самостоятельный выводъ, что политика правительства въ отношеніи и дерптскаго университета не отличалась ни послѣдовательностью, ни доста-

точнымъ вниманіемъ къ его нуждамъ. Любопытны нѣкоторыя черты. Въ 1867 г. имп. Александръ II сообщилъ представителямъ разныхъ сословій, во время своего посѣщенія Риги, о своемъ намѣреніи провести рядъ обрусительныхъ реформъ въ краѣ, „образующемъ нераздѣльную часть съ Россіей“. Въ связи съ этимъ уже въ томъ же 1867 г. комитетъ министровъ одобрилъ предложенныя гр. Д. А. Толстымъ мѣры къ усиленію преподаванія въ Прибалтійскомъ краѣ русскаго языка, а черезъ годъ государю была подана записка о необходимости коренныхъ преобразованій въ краѣ, юношество котораго „пронитывается на школьныхъ скамьяхъ духомъ совершенно чуждымъ всему русскому“. „Несмотря, однакоже, — говоритъ г. Пѣтуховъ, — на такое настроеніе и въ правительственныхъ сферахъ, и въ печати, и въ значительной части русскаго, особенно мѣстнаго прибалтійскаго общества, дѣло реформы встрѣтило, повидимому, сильный отпоръ со стороны столь авторитетной, что уже 12-го декабря 1871 года на университетскомъ актѣ официальный ораторъ могъ сказать, вспоминая о нѣкогда обѣщанной университету его августѣйшимъ основателемъ защитѣ: „мы стоимъ теперь крѣпко и спокойно, не сокрушенные вражескими нападеніями, на насъ направленными въ недавнее время“.

Сдѣлавъ цитату изъ „Окраинъ Россіи“ Ю. Самарина, скептически отиѣчавшаго отсрочку реформы (писано было въ 1871 году), г. Пѣтуховъ продолжаетъ: „Такимъ образомъ, назрѣвшая уже реформа учебной системы въ Прибалтійскомъ краѣ, въ томъ числѣ и университета, была приостановлена почти на цѣлую четверть вѣка; въ связи съ этимъ, для многихъ тогда необъяснимымъ явленіемъ не лишено интереса сообщеніе въ 1889 году, когда, наконецъ, реформа относительно университета начала фактически осуществляться, газеты „Темпс“, будто въ 60-хъ годахъ, когда реформа была окончательно подготовлена, Государь, по особымъ мотивамъ, рѣшилъ отложить ея осуществленіе на приблизительно двадцатипятилѣтній срокъ. Наблюденіе надъ событіями, предшествовавшими моменту этого рѣшенія, а также отчасти и слѣдовавшими за нимъ, даетъ возможность съ большою вѣроятностью предполагать, что на рѣшеніе Государя не остались безъ вліянія энергическіе голоса противъ реформы изъ среды нѣмецкаго общества, какъ на мѣстѣ предполагавшейся реформы, такъ и въ Петербургѣ, напримѣръ, докладныя записки на высочайшее имя лифляндскаго и эстляндскаго дворянства 1870 года“.

Конечно, какъ это и констатируетъ г. Пѣтуховъ, при такомъ положеніи дѣла никто изъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу высшаго управленія краемъ, не могъ взять на себя инициативы въ проведеніи реформъ, и положеніе вещей оставалось въ прежнемъ неопредѣленномъ и неустойчивомъ видѣ. Не входя совершенно въ существо во-

проса, насколько реформы въ обрусительномъ духѣ дѣйствительно соотвѣтствовали научнымъ и культурнымъ потребностямъ университета и мѣстнаго общества, замѣтимъ, что, даже признавая въ принципѣ введеніе обрусительныхъ реформъ одною изъ положительныхъ задачъ русской политики въ Прибалтійскомъ краѣ, мы ожидали бы встрѣтить со стороны русскаго правительства стремленіе обставить какъ можно лучше дерптскій университетъ въ научномъ отношеніи, не останавливаясь ни передъ какими матеріальными затратами. Но, увы!—правительство, повидимому, мало полагалось на культурныя воздѣйствія русской науки и съ величайшей неохотой отзывалось на ходатайства объ отпускѣ необходимыхъ средствъ, сравнительно ничтожныхъ. Такъ, даже при осуществленіи „реформы“ 1889 г. вопросъ о матеріальныхъ нуждахъ университета остался открытымъ. Факты говорятъ сами за себя. „Что касается,—пишетъ г. Пѣтуховъ,—увеличенія и упорядоченія средствъ и способовъ обученія въ университетѣ примѣнительно къ обще-русской университетской нормѣ устава 1884 года, то въ этомъ отношеніи съ самаго начала былъ избранъ весьма ненадежный путь, заключающійся, какъ мы видѣли, въ томъ, что реформа должна была быть произведена, по возможности, безъ особыхъ ассигнованій изъ казны, одними „спеціальными средствами“ университета. Чтобы отвѣтить предъявляемымъ къ нему запросамъ, университетъ принужденъ былъ, при чрезвычайномъ напряженіи своихъ спеціальныхъ средствъ, вводя преподаваніе по новымъ предметамъ и расширяя его по старымъ, ходатайствовать то о новыхъ каеэдрахъ, то объ обращеніи доцентуръ въ профессуры, то о созданіи новыхъ или преобразованіи старыхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений; особенно давали себя чувствовать въ этомъ отношеніи многообразныя нужды медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ съ ихъ многочисленными и требующими большихъ расходовъ кабинетами, клиниками и лабораторіями. Все это ложилось непомерно тяжелымъ бременемъ на спеціальныя средства университета, въ явный ущербъ не только другимъ его болѣе общимъ нуждамъ (постройка и ремонтъ зданій, хозяйство, бібліотека, вознагражденіе нѣкоторыхъ служащихъ), но несомнѣнно и качеству самой реформы; многое было сдѣлано лишь по мѣрѣ силъ, съ крайней экономіей и урѣзками противъ предполагаемаго.

Шли годы; мѣнялись министерства, пребывавшія неизмѣнно глухими къ дѣйствительнымъ культурнымъ нуждамъ университетовъ и самой русской науки, и канунъ столѣтняго юбилея, 1900-й г., застаеъ бывшій дерптскій университетъ въ такомъ положеніи, лучшая оцѣнка котораго была сдѣлана бывшимъ попечителемъ г. Шварцомъ въ официальномъ представленіи въ министерство. „Отзвукомъ этихъ непрерывныхъ ходатайствъ университета,—говоритъ г. Пѣтуховъ,—объ

улучшеніи своего матеріальнаго положенія являются и слѣдующія слова новаго попечителя А. Н. Шварца, въ представленіи въ министерство отъ 12-го мая 1900 года: „Запущенность и бѣдность нѣкоторыхъ важнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений университета, особенно клиникъ, таковы, что оставлять ихъ далѣе въ такомъ же положеніи невозможно; судебные иски, возбужденные противъ отдѣльныхъ институтовъ, лишенныхъ возможности производить научныя изслѣдованія, не дѣлая иногда довольно крупныхъ долговъ, являются позорящимъ обстоятельствомъ для высшаго учебнаго заведенія въ край, зорко слѣдящемъ за всѣмъ, что дѣлается въ этомъ заведеніи, и, наконецъ, невозможность промовировать профессоровъ, имѣющихъ право на дальнѣйшее движеніе, ставитъ университетъ въ крайне печальную необходимость терять прекрасныхъ преподавателей и замѣнять ихъ молодыми людьми, нерѣдко не имѣющими даже ученыхъ степеней, такъ какъ только таковыя обнаруживаютъ желаніе начать службу при тѣхъ сравнительно тяжелыхъ условіяхъ, при которыхъ приходится служить на окраинахъ“.

„Но, несмотря на всѣ эти ходатайства,—продолжаетъ г. Пѣтуховъ,—Юрьевскій университетъ такъ и остался до конца описываемаго періода при старомъ штатѣ, перенося, конечно не безъ ущерба дѣлу, всю тяжесть своихъ ежегодныхъ дефицитовъ на спеціальныя средства“.

Не удивительно поэтому, что, какъ свидѣтельствуетъ авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ вопросѣ о замѣщеніи вакантныхъ кафедръ до 1889 г., т.-е. до введенія преподаванія на русскомъ языкѣ, играли очень видную роль иностранцы, и только съ этого времени начнутся замѣщенія вакантныхъ кафедръ научными силами — преимущественно молодыми — изъ внутренней Россіи. Какъ извѣстно, при замѣщеніи кафедръ молодыми русскими учеными допускались, въ отдѣльныхъ случаяхъ, льготныя условія. Какъ этотъ порядокъ замѣщенія кафедръ, практиковавшійся до послѣднихъ лѣтъ описываемаго періода отразится на развитіи русской науки въ Прибалтійскомъ край, покажетъ, конечно, будущее, но любопытно, что виднѣйшіе изъ приводимаго авторомъ списка русскіе профессора оставляли бывшій дерптскій университетъ послѣ нѣкотораго пребыванія, смотря на него, можно думать, какъ на извѣстный этапъ въ достиженіи кафедры въ одномъ изъ столичныхъ или вообще русскихъ университетовъ.

Сводя столѣтнюю дѣятельность дерптскаго университета къ одному общему итогу, авторъ видитъ его миссію въ дѣлѣ культурнаго посредничества между Россіей и Западной Европой, причемъ университету ставилась двойная задача — служить наукѣ вообще и просвѣтителемъ края въ частности. Чрезвычайно осторожно обходя скользкій вопросъ о „политическомъ элементѣ“, которому, по выраженію г. Пѣ-

тухова,—„въ известной степени не чуждъ былъ дерптскій университетъ по условіямъ и цѣлямъ своего существованія“, авторъ понимаетъ борьбу двухъ національных началъ такимъ образомъ, что, съ одной стороны, передъ дѣятелями университета вопросъ объ отношеніи къ интересамъ „Россіи“ время отъ времени „затуманивался“, что и вызывало центральную власть на борьбу. Такимъ образомъ, въ то время какъ дерптскій университетъ только „не былъ чуждъ“, и то въ известной степени, политическому элементу, русская центральная власть, какъ это можно видѣть изъ книги самого же г. Пѣтухова, если и проявляла свою заботу объ университетѣ, то лишь по преимуществу изъ политическихъ соображеній, преслѣдовавшихъ цѣли административнаго объединенія и далеко стоявшихъ отъ задачъ мирнаго развитія. Будущее покажетъ, какое мѣсто въ исторіи университета и всего края займетъ та реформа конца 80-хъ годовъ, на которую авторъ возлагаетъ большія надежды въ томъ смыслѣ, что университету суждено идти по болѣе широкой дорогѣ культурнаго служенія—не только интересамъ Прибалтійскаго края, но и всей остальной Россіи.

V.

- Ларенко, П. Страдине дни Портъ-Артура. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1906.
- Веревкинъ, Н. (артурскій обитатель). Странички изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура. Изд. П. А. Артемьева. Спб. 1906.
- Ножинъ, Е. К. Правда о Портъ-Артурѣ. Ч. I. Изд. П. А. Артемьева. Спб. 1906.
- Купчинскій, Ф. П. Въ японской неволѣ. Изд. П. А. Артемьева. Спб. 1906.

Читая эти книги, невольно задаешься вопросомъ: прочтутъ ли ихъ тѣ, которые создали кровавую эпопею на Дальнемъ Востокѣ, обнимутъ ли они мысль все море слезъ и крови, созданное ими, и если обнимутъ и поймутъ, то какой судъ произнесутъ сами себѣ и какими глазами будутъ смотрѣть на міръ Божій? Есть языкъ, который превосходить самыя титаническія усилія творческаго воображенія авторовъ, это—языкъ фактовъ. Нѣтъ ничего убійственнѣе языка фактовъ, когда имъ пишутся цѣлыя ужасныя страницы униженія всей страны и превращаются въ сплошной кошмаръ національнаго оскорбленія и обиды. И прискорбнѣ всего сознавать, что эти огненные страницы остаются непонятными для тѣхъ, кому мы обязаны своимъ безславіемъ и паденіемъ.

Портъ-Артуръ въ дни послѣдней войны явился тѣмъ нарывомъ, въ которомъ собрались всѣ разлагающіе элементы нашего государственнаго организма. Здѣсь все было налицо: словно намѣренный под-
боръ специально бездарныхъ начальствующихъ лицъ и полная ненод-

готовленность темной, неграмотной арміи, и казнокрадство въ гигантскихъ размѣрахъ, и мелкое соперничество на почвѣ честолюбія и зависти, и самодурство, и невѣжество—все можно найти въ лѣтописяхъ минувшей войны, и все это было на сторонѣ тѣхъ лицъ, которыя, поवादѣвшись на темную доблесть русскаго солдата, вели его умирать „за родную Корею“.

Имена главныхъ виновниковъ запишетъ исторія не на золотыхъ скрижаляхъ, а судъ исторіи пишется теперь куда быстрѣе, чѣмъ прежде, когда его источниками были невнятные письмена да мертвыя каменные глыбы... Имена же видѣйшихъ участниковъ—у всѣхъ на глазахъ. О нихъ свободно и открыто говорятъ перечисленныя книги.

Языкъ фактовъ отодвигаетъ на второй планъ оцѣнку художественныхъ достоинствъ упоминаемыхъ книгъ, и авторы не посѣтуютъ на насъ, если мы, не вдаваясь въ подробный разборъ, отмѣтимъ ихъ общій характеръ и фактическую цѣнность. Общая цѣль, которой задаются авторы,—изобразить то, что они видѣли и слышали,—просто и правдиво. Въ этомъ, прежде всего, значеніе подобныхъ книгъ. „Наше повѣствованіе,—говоритъ г. Ларенко,—расходится неоднократно съ официальными данными, частью опубликованными; также расходится оно съ объясненіями нѣкоторыхъ лицъ, болѣе или менѣе причастныхъ и отвѣтственныхъ по защитѣ крѣпости. Но именно это и есть одна изъ причинъ появленія въ печати нашихъ наблюденій, пережитаго нами и переживаемого, что въ общей суммѣ составило въ насъ непоколебимое убѣжденіе,—дало намъ выводы.

„Правда остается въ фактахъ и ихъ послѣдствіяхъ, дальнѣйшихъ фактахъ. Разберитесь въ нихъ и найдете правду. Такой отвѣтъ можно дать на вопросъ—кому же, наконецъ, вѣрить—именно въ то время, когда факты и небылицы сбросаны въ общую, хаотическую кучу.

„Просматривая то, что писалось объ Артурѣ въ то время, когда мы были отрѣзаны отъ всего міра, и что писалось еще долго послѣ сдачи крѣпости съ явной тенденціей въ ту или другую сторону—становится и смѣшно и досадно. Боже мой—чего, чего только не писали!“

Замѣтимъ, что и трудно было знать своевременно всю правду при существованіи двухъ цензуръ и, какъ увидимъ ниже, во время гонимій на дѣятелей печати.

„Общая заглядывать,—продолжаетъ г. Ларенко,—и дать заглянуть читателю кое-гдѣ за кулисы, мы отвергаемъ напередъ всякое обвиненіе въ разглашеніи какихъ бы то ни было тайнъ. Если тайны эти имѣли когда-то какое-либо значеніе, то въ данное время его ужъ нѣтъ. Факты, обнаружившіеся на дѣлѣ и ставшіе достояніемъ непріятеля, притомъ непріятеля всѣхъ европейскихъ народовъ, угрожающаго

всей нашей вѣковой культурѣ, — какими мы считаемъ японцевъ въ эту и въ несомненно грядущихъ войнахъ, — нивагъ не могутъ считаться уже тайною. Завладѣвъ Портъ-Артуромъ, японцы завладѣли многими нашими тайнами, не убереженными нами. По улицамъ уже сданной крѣпости носило иногда вѣтромъ бумаги съ надписью „секретно“, „не подлежить оглашенію“ и т. д. Поэтому въ оглашеніи какого-нибудь изъ такихъ документовъ виновенъ тотъ, кто обязанъ былъ уберечь эти тайны. Если же мы приведемъ что-либо изъ содержанія такихъ документовъ, то только для необходимаго разъясненія того или другого случая или для указанія извѣстнаго фактора въ общемъ ходѣ вещей“.

Главное вниманіе г. Ларенко направляетъ преимущественно на тѣ моменты и фазисы осады, до капитуляціи включительно, которые, по наблюденіямъ и свѣдѣніямъ автора, неправильно освѣщались въ официальныхъ донесеніяхъ и отчетахъ. Его ближайшая цѣль — привести къ сознанію необходимости цѣлаго ряда нетерпящихъ отлагательства коренныхъ реформъ. Сводя ихъ, по преимуществу, къ военному дѣлу, г. Ларенко приводитъ ихъ въ связь со всѣмъ строемъ нашего государственнаго механизма. „Артуръ, — говоритъ онъ, — это Россія въ миниатюрѣ“. Произволь нашелъ себѣ въ осажденномъ городѣ типичное выраженіе въ отношеніяхъ генерала Стесселя къ мирнымъ обывателямъ, у которыхъ онъ не признавалъ ровно никакихъ правъ. Фактамъ Стесселевскаго самодержавія и геройства отведено много страницъ въ книгѣ г. Ларенко, страницъ, основанныхъ на документахъ и никѣмъ еще не опровергнутыхъ.

Очерки г. Веревкина были помѣщены первоначально на страницахъ „Новаго Края“ въ 1904 г., въ періодъ осады Портъ-Артура. Здѣсь они дополнены тѣми, которые не были пропущены мѣстной военной цензурой, а также написанными послѣ сдачи Портъ-Артура, когда дѣятельность газеты прекратилась. Г. Веревкинъ былъ постояннымъ сотрудникомъ „Новаго Края“, и рѣдкій номеръ выходилъ безъ его статьи. „Исключительность юмористическаго таланта артурскаго обывателя заключалась въ томъ, между прочимъ, что онъ особыми оборотами эзоповскаго языка нашелъ возможность вѣщать артурскимъ читателямъ то, что подъ гнетомъ самоуправнаго режима бывшаго начальника укрѣпленнаго района, какъ вопль душевный, просилосъ наружу. Будучи свидѣтелемъ той бездѣтельности, которая царилла благодаря этому режиму, „Новый Край“, въ своемъ безсиліи говорить правду, могъ только на своихъ столбцахъ замалчивать имя начальника укрѣпленнаго района и долженъ былъ прибѣгнуть къ эзоповскому языку, понятному однако каждому артурцу“.

Цѣлью этой книги было, какъ сообщаетъ г. Артемьевъ, дать русскому обществу возможность хотя отчасти уяснить условія, при ко-

торыхъ печать должна была служить своему дѣлу. Какъ видно изъ перечисленныхъ книгъ, однимъ изъ этихъ условій были японскія бомбы, разрушавшія типографію и помѣщеніе редакціи, а другимъ, еще тѣтчайшимъ, были гоненія двойной (военной и морской) цензуры, получавшей инструкціи отъ главнѣйшаго изъ „дутыхъ героев“, разоблаченію которыхъ пыталась служить газета.

Имя наиболѣе „дутаго героя“ разоблачено у г. Ларенко. Это—все тотъ же генералъ Стессель.

Факты, характеризующіе отношеніе генерала Стесселя къ геройски дѣлавшей свое дѣло газетѣ, такъ ярки, что мы не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ—не потому только, что они имѣютъ отношеніе къ доблести г. Стесселя, уже достаточно освѣщенной въ общественномъ сознаніи, но потому, что въ нихъ заключена страшная, роковая мораль, все еще не понятая тѣми, которые мѣшаютъ печати быть свободной выразительницей общественныхъ стремленій и нуждъ.

Въ печати была въ свое время рассказана исторія гоненія г. Стесселя на военнаго корреспондента Э. К. Ножина, котораго „оклеветали въ шпіонствѣ“ и заставили бѣжать. „Вчера,—записываетъ г. Ларенко въ свой дневникъ подъ 21 сентября,—вышелъ приказъ генерала Стесселя № 678: Военнаго корреспондента Ножина я лишаю права быть военнымъ корреспондентомъ—Свидѣтельство на право быть военнымъ корреспондентомъ сдать въ штабъ крѣпости, а сему штабу представить въ штабъ укрѣпленнаго района. вмѣстѣ съ симъ—лишается права посѣщать батареи, форты и позиціи“.

„Неизвѣстно, — замѣчаетъ г. Ларенко, — кто надоумилъ генерала Стесселя, что по законамъ онъ можетъ лишить г. Ножина званія военнаго корреспондента (конечно, если имѣются на то основанія), но не запретить ему писать или газетѣ печатать написанное имъ“.

О томъ же дѣятелѣ „позорной сдачи Портъ-Артура“ г. Ларенко записываетъ одно сообщеніе, къ которому мы не рѣшаемся прибавить какія бы то ни было комментаріи: „Не менѣе интересную для меня новость рассказали мнѣ два почтенныхъ артурскихъ старожила; новость очень грязнаго свойства“. Эта новость—знаменитая исторія исчезновенія пекинскаго серебра. Она обошла всѣ газеты, и мы передавать ее не будемъ.

„И вотъ вамъ—не угодно ли,—воскликаетъ по этому поводу г. Ларенко,—герои дѣла объ исчезнувшихъ десяткахъ пудовъ чужого серебра и золота—желаютъ сыграть роль героевъ, спасающихъ отечество!.. Бѣдное наше отечество!“

Книга г. Ножина—громадный обвинительный актъ по дѣлу злополучнаго генерала Стесселя, захватившаго въ осажденномъ городѣ власть и противопоставившаго непріятелю, вмѣсто крѣпкой, сплочен-

ной организаціи, внутренній, имъ же создаваемый раздоръ, хаосъ и интриганство. За первой, по положенію, фигурой Стесселя выступаютъ фигуры генерала Фока, котораго въ Портъ-Артуръ всѣ знали подъ именемъ „сумасшедшаго муллы“, Рейса, Никитина, Савицкого, по поводу которыхъ авторъ находитъ нужнымъ замѣтить, что они были, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, не „убѣжденными революціонерами“, для блага Россіи губившими Портъ-Артуръ, но просто интриганамъ, служившими своимъ низменнымъ личнымъ цѣлямъ.

О томъ, каково жилось русскимъ плѣннымъ въ Японіи, рассказываетъ г. Купчинскій. Подобно предыдущимъ книгамъ, и книга этого автора обильно иллюстрирована снимками о томъ, какъ незаслуженно тяжело жилось русскимъ въ японской неволѣ. „Кто не былъ самъ въ плѣну,—говоритъ авторъ,—тотъ не понимаетъ всего, что подразумѣвается въ этомъ словѣ: тамъ и униженіе, и обида, и жалость къ другимъ, и жгучая тоска по свободѣ и родинѣ, страшная тягость безцѣльной, томительной неизвѣстности, горькія минуты нарождающихся событій внутренней безыдейной, бессмысленной жизни... и много, много еще другого, о чемъ говорить можно было бы очень долго“... Въ заключеніе г. Купчинскій останавливается на причинахъ солдатскаго бунта, на отчужденности отъ солдатъ русскихъ офицеровъ, дѣлившихъ съ ними японскую неволю, и даетъ одно изъ объясненій того, почему „солдаты возвращаются не такими, какими уѣхали“... Между прочимъ, г. Купчинскій устанавливаетъ фактъ, что японцы организовали во многихъ городахъ школы грамотности для нашихъ солдатъ. „Русское начальство не сочло нужнымъ научить своихъ солдатъ грамотѣ, и это сдѣлали японцы!.. Поистинѣ, русскіе могутъ отъ души поблагодарить своихъ враговъ“.

Уже изъ нашего краткаго обзора видно, насколько изданія г. Артемьева цѣнны для уясненія событій, разыгравшихся на Дальнемъ Востока. — Евг. Л.

VI.

— Г. Галина. Предразсвѣтныя пѣсни. Спб. 1906.

Что-то чрезвычайно милое, искреннее и наивное слышится въ этихъ пѣсняхъ. Въ нихъ чувствуется именно та простота и безыскусственность, которой тщетно порою добиваются лучшіе поэты. Г-жа Галина говорить, напр.:

Нѣтъ, нѣтъ, я не могу понять,
Какъ это можетъ быть?
Идти затѣмъ, чтобъ убивать
Иль дать себя убить,—

и эти простые строки, съ наивными, незамысловатыми приемами, съ нѣкоторымъ прозаизмомъ выраженій, какъ-то легко и свободно входятъ къ вамъ въ душу. При своей непосредственности, поэзія г-жи Галиной отличается благородствомъ и серьезностью идейнаго содержанія. Но при всѣхъ этихъ качествахъ г-жа Галина никакъ не можетъ выбиться изъ затертыхъ образовъ, привычныхъ, затверженныхъ нагѣвовъ, ничего не говорящихъ эпитетовъ и вообще всѣхъ условныхъ оборотовъ русскаго стихотворнаго обихода. Если разсмотрѣть, напр., систему ея эпитетовъ, которые всегда служатъ нѣкоторымъ показателемъ творческой силы поэта, то получится нѣчто, говорящее о банальности, о шаблонѣ.

Когда угрюмый дождь стучитъ въ мое окно
И лампы огонекъ такъ ласково мерцаетъ,
Я думаю о томъ, кто въ этой тьмѣ блуждаетъ,
Кому найти пріютъ всю ночь не суждено.
О, если-бъ я могла ту лампу, какъ маякъ,
Поставить на окно, какъ вызовъ ночи темной,
И гостемъ бы вошелъ ко мнѣ мой братъ бездомный,
Оставивъ за собой осенній дождь и мракъ!
Но мы условности трусливые рабы,—
Ни ярко чувствовать, ни жить мы не умѣемъ,
И голову поднять свободно не посмѣемъ
Изъ-подъ ярма приличій и судьбы.

Дождь у г-жи Галиной—непремѣнно „угрюмый“, огонекъ—„ласковый“, ночь—„темная“, рабы—„трусливые“,—гдѣ же здѣсь хоть какой-нибудь намекъ на живое, творческое переживаніе поэтическихъ воспріятій, на самостоятельную личную работу чувства,—несомнѣнно искреннаго и чрезвычайно симпатичнаго! Нѣтъ, поэтесса совершенно права:

Ни ярко чувствовать, ни жить мы не умѣемъ!

Иначе мы никогда не писали бы такихъ благообразныхъ и старообразныхъ стиховъ:

Отъ будничной тоски, тревоги и заботъ
Я уйду въ мой міръ фантазіи туманной.
Мнѣ обликъ видится тогда смѣшной и странный,
Въ нарядѣ рыцарскомъ безумный Донъ-Кихотъ.
Идетъ онъ на своихъ безчисленныхъ враговъ,
Желаньемъ подвига душа его объята
Въ защиту бѣднаго обиженнаго брата,
Въ защиту слабого онъ мечъ поднять готовъ... и т. д.

Даже оставляя въ сторонѣ скудость поэтическаго языка и не подчеркивая, что толпа у г-жи Галиной—„сытая“, душа—„больная“, а фан-

тазія—„туманная“,—нельзя не признать, что вся эта пьеса сильно отзывается какимъ-то школьнымъ сочиненіемъ на заданную тему, гдѣ привычными словами излагается привычный, давно уже разработанный сюжетъ. Писательница словно не чувствуетъ, что старательно и подробно выяснять въ рѣмованныхъ строчкахъ значеніе *Донъ-Кихота*—занятіе нѣсколько запоздалое и потому излишнее. Вообще, тотъ родъ литературы, которому г-жа Галина посвящаетъ больше всего силъ и дарованія—гражданская поэзія—наименѣе доступенъ ей. Лучше всего удаются г-жѣ Галиной лирическія описанія природы, хотя и здѣсь зима „сковываетъ землю льдомъ“, и „тропинка бѣжитъ змѣю“. Но все же въ этихъ стихахъ г-жа Галина часто находитъ и свѣжія слова, и свѣжія мелодіи:

Что со мною сдѣлалъ этотъ воздухъ вешній...
 Солнце, всюду солнце!.. Сердце, какъ въ бреду...
 Залетали птицы надъ родной скворешней,
 Къ милымъ старымъ соснамъ полемъ я иду...
 И зовутъ и манятъ сосны, зеленѣя,
 Разлилась широко голубая даль...
 И сама не знаю, что въ душѣ сильнѣе:
 Новая ли радость, старая-ль печаль?

Жаль только, что поэтесѣ съ такимъ трудомъ дается техника стиха; въ книжкѣ ея то-и-дѣло попадаютъ слова: нѣждо (стр. 3), блѣдно (стр. 16), передъ тобой (стр. 41), гдѣ удареніе приносится въ жертву ямбу. Не рѣдкость у г-жи Галиной и рѣмы, вродѣ: словъ и любовь (стр. 40), еще и горячо, спокойно и бойня (стр. 10 6), что по временамъ ослабляетъ общее впечатлѣніе, производимое на читателя искренностью ея симпатичнаго дарованія.—К. Ч.

VII.

— К. Качоровскій. Народное Право. Москва, 1906. Стр. 251.

Послѣ длиннаго періода равнодушнаго отношенія русскаго общества къ „мужикѣ“, смѣнившаго время, когда этотъ мужикъ былъ главнымъ героемъ литературы,—наступилъ опять моментъ усиленнаго вниманія къ крестьянамъ. Этой послѣдней переизмѣною мы обязаны той роли, какую, неожиданно для общества, стали играть крестьяне въ борьбѣ за политическое освобожденіе страны. Вопреки представленіямъ, господствовавшимъ въ обществѣ еще такъ недавно, мужикъ кажется намъ теперь чуть ли не рѣшающей инстанціей въ дѣлѣ освобожденія нашего отъ тисковъ самодержавной бюрократіи. Но онъ какъ бы поста-

вилъ условіемъ этого освобожденія передачу земли ему. Политическій переворотъ намѣчается у насъ, такимъ образомъ, неразрывно спаяннымъ съ переворотомъ экономическимъ. Политическую свободу Россія приобрѣтетъ не путемъ исключительно политическихъ пертурбацій, — какъ это предполагалось чуть не всѣми нашими партіями наканунѣ смуты. Политическія преобразованія представляются намъ теперь, какъ естественный шагъ къ широкимъ социальнымъ реформамъ, въ которыхъ нѣтъ и политической свободы. Очередная общественная задача — вопреки предположеніямъ интеллигенціи — логикою самихъ событій получила, поэтому, у насъ ту постановку, какую эта задача имѣла въ представленіи наиболѣе активной части русской интеллигенціи семидесятихъ годовъ, призывавшей, какъ извѣстно, русскій народъ къ социальной реформѣ. Это сходство двухъ моментовъ въ одномъ отношеніи ведетъ къ ихъ сближенію и въ другихъ. Въ семидесятихъ годахъ русское общество живо интересовалось мужикомъ, потому что *провидѣло* его рѣшающую роль въ социальномъ преобразованіи Россіи; современное общество не можетъ не интересоваться имъ, потому что воочію *видитъ* такую его роль.

Сознаніе важности крестьянскаго элемента въ дѣлѣ общественнаго развитія Россіи естественно выдвигало на очередь вопросъ о томъ, чего можно ожидать отъ активнаго участія народа въ политической жизни страны. И такъ какъ высшіе и низшіе классы русскаго общества были совершенно разобщены другъ съ другомъ, то отвѣта на этотъ вопросъ приходилось искать путемъ систематическаго изученія матеріальнаго положенія, нуждъ, настроенія и воззрѣній народа. Много было затрачено въ свое время энергіи и таланта на производство экономическихъ и этнографическихъ изслѣдованій, на наблюденіе народнаго быта, на попытки проникновенія въ то, что можно бы назвать народной душой. Въ 80-хъ годахъ, подъ влияніемъ всѣмъ извѣстныхъ событій, настроеніе общества рѣзко измѣнилось. Мужика перестали считать возможнымъ активнымъ дѣятелемъ прогресса, и вопросъ о его психической фізіономіи потерялъ жгучій практической интересъ. Но реакція прежнему настроенію пошла гораздо дальше этого. Было подвергнуто сомнѣнію существованіе вообще какихъ-либо цѣнныхъ психическихъ чертъ у русскаго крестьянина; отвергалась наличность той системы народныхъ воззрѣній, которая еще недавно съ такимъ вниманіемъ и любовью изучалась и разрабатывалась въ литературѣ, отвергалось существованіе обычнаго народнаго права и т. п. Тогда какъ въ предшествующій періодъ на изученіе этого права было затрачено столько силъ, что одна библіографія предмета занимаетъ въ трудѣ покойнаго Якушкина до тысячи страницъ большого формата — наиболѣе осторожные изъ современныхъ писателей высказываютъ, что народные

обычай „существуютъ едвали не исключительно по дѣламъ о наслѣдованіи... да и то не вездѣ“, а болѣе рѣшительные, не обинуясь, заявляютъ, что приговоры волостныхъ судовъ по „неизвѣстнымъ даже крестьянамъ *обычаямъ*... являются не болѣе, какъ прямымъ произволомъ выборныхъ судей“ (цитирую по Качоровскому). Въ послѣдніе дни настроеніе образованнаго общества опять измѣняется, и эта перемѣна вызвана, какъ мы видѣли, тѣмъ, что мужикъ объявилъ о своемъ рѣшеніи выйти изъ состоянія объекта для чужихъ экспериментовъ и самому взяться за устройство своей судьбы. Еслибы это рѣшеніе отъ начала до конца могло быть проведено собственными силами народа, то культурнымъ слоямъ общества оставалось бы только примкнуть къ послѣднему и участвовать въ выполненіи заявляемыхъ имъ пожеланій и проектовъ. Но такъ какъ въ процессѣ социальнаго преобразованія Россіи интеллигенція, стоящей внѣ народа, предстоитъ играть руководящую роль; такъ какъ именно на образованныхъ классахъ общества лежитъ разработка проектовъ грядущихъ преобразованій, а эти проекты будутъ приняты народомъ, если они отвѣчаютъ не только его потребностямъ, но и взглядамъ и социальнымъ симпатіямъ,—то для плодотворности всей этой работы интеллигенція должна имѣть ясное понятіе о социальныхъ тенденціяхъ, настроеніяхъ и симпатіяхъ народа. Уже обсужденіе аграрнаго вопроса въ Думѣ и внѣ Думы показало, что различныя народности Россіи рисуютъ себѣ весьма разнообразныя формы удовлетворенія одного и того же общаго имъ всѣмъ желанія: передачи всей земли въ пользованіе трудового крестьянства. И чтобы разрѣшить рачіонально и по возможности спокойно аграрный вопросъ, нельзя не справляться съ психикой тѣхъ народностей, которыхъ онъ касается. То же самое въ большей или меньшей степени приложимо и ко многимъ другимъ вопросамъ, выдвинутымъ прогрессивнымъ развитіемъ страны. Старыя, внѣ народа стоящія творческія силы упраздняются, а новыя требуютъ, чтобы преобразование страны происходило въ духѣ не только ихъ интересовъ, но и симпатій и воззрѣній. Оттого-то наше общество и задается теперь вопросомъ о томъ, что собственно представляетъ собою русскій народъ, чего онъ хочетъ и что намъ обѣщаетъ.

На этой точкѣ зрѣнія необходимости познанія народа для того, чтобы успѣшно работать на полѣ предстоящаго созидательнаго преобразованія Россіи, стоитъ и авторъ указаннаго въ заголовкѣ этой замѣтки труда по народному праву. „Для Россіи въ настоящій моментъ мнѣ представляется самымъ основнымъ и наиболѣе неотложнымъ изученіе народнаго права, правосознанія трудовыхъ массъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ“, говоритъ онъ на стр. 5 своего труда. „Эти трудовыя массы составляютъ огромное большин-

ство русскаго народа, и уже по этому одному будущая судьба Россіи—теперь, когда она, наконецъ, пробилась на свободную политическую дорогу—рѣшится ими. Ясно, что всѣ тѣ, кто это признаетъ, должны прежде всего какъ можно точнѣе и глубже изучить эти массы, чтобы установить, въ какомъ именно направленіи онѣ движутся и двигаютъ Россію, и до какой степени и въ какихъ формулахъ способны онѣ стать подъ знамя той или иной партійной программы. Очевидно, что только та партія сыграетъ наибольшую роль, только та программа послужитъ планомъ для перестройки Россіи, которая всего ближе и точнѣе придется къ уже назрѣвшимъ, уже болѣе или менѣе отчетливо опредѣлившимся желаніямъ самихъ трудящихся массъ, т.-е., иначе говоря, къ ихъ правосознанію“. Если теперь задаться вопросомъ о томъ, извѣстно ли намъ правосознаніе народа, то придется дать очень малоудовлетворительный отвѣтъ. Тѣ области быта, въ которыхъ выражается это правосознаніе, „только начаты изслѣдованіемъ народниками въ 60-е, 70-е и частью 80-е годы, но потому это изслѣдованіе было брошено и донинѣ не возобновляется“. Мало того, въ обществѣ склонны отрицать даже существованіе самостоятельнаго народнаго правосознанія, и задача разсматриваемаго нами труда—доказать наличность такого правосознанія и „намѣтить его основныя характерныя черты“.

Эти основныя черты г. Качоровскій видитъ, между прочимъ, въ господствѣ трудового начала, причемъ, слѣдуя преимущественно г-жѣ Ефименко, онъ выясняетъ значеніе въ народномъ правосознаніи идеи затраченнаго труда или, какъ онъ выражается, права труда; а основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ земельной общины, онъ доказываетъ наличность въ народномъ правосознаніи и другой идеи—права на трудъ, права cadaго на пользованіе средствами производства для того, чтобы добывать средства своего существованія. Эти двѣ идеи не вполне солидарны, частью даже противоположны другъ другу. Право, вытекающее изъ затраты труда, въ большинствѣ случаевъ „проникнуто личнымъ началомъ и представляетъ собою индивидуальное право“ (стр. 151), уже потому, что промыселъ земледѣльческаго населенія (правосознаніе котораго здѣсь и изучается) имѣетъ индивидуальную, а не общественную форму. Право же на трудъ „по самому существу своему коллективно“, такъ какъ обезпеченіе кому-либо возможности жить своимъ трудомъ предполагаетъ доставленіе ему средствъ производства, регулированіе пользованія послѣдними, новое перераспредѣленіе ихъ между членами болѣе или менѣе широкаго союза (стр. 171). Не трудно понять, какъ легко оба элемента народнаго права приходятъ во враждебное столкновеніе другъ съ другомъ. Чтобы убѣдиться въ томъ—достаточно наблюдать споры въ ка-

кой-либо общинѣ при первомъ возбужденіи вопроса объ уравнительномъ распредѣленіи земли. „Сколько я работалъ на землѣ, полилъ ее потомъ, сколько переплатилъ за нее!“—апеллируетъ къ праву затраченнаго труда многоземельный домохозяинъ. „Чѣмъ мы виноваты, что у насъ семьи большія народились? Душить намъ, что ли, своихъ дѣтей или съ голоду помирать?“—„Я исты хочу, якъ же мини жити!..“ возражаютъ малоземельные, считающіе, что они имѣютъ право на средства производства, обезпечивающія возможность прилагать ихъ трудъ для поддержанія существованія ихъ самихъ и ихъ семей.

Эти два права столкнутся другъ съ другомъ и въ моментъ переустройства аграрныхъ отношеній нашего отечества. Оба они согласны въ томъ, что капиталистическая земельная собственность должна быть уничтожена. Но они диктуютъ различныя системы порядковъ, идущихъ ей на смѣну. „Право *труда*, отрицая нетрудовое капиталистическое землевладѣніе, не только не замѣняетъ его необходимо трудовымъ коллективнымъ владѣніемъ, но, благодаря неколлективности мелкаго земледѣльческаго производства, стремится или къ подворной собственности, или къ узко-коллективной, общинной. Право же на *трудъ*, напротивъ, немислимо безъ уравнительнаго распредѣленія, а значить и безъ той или иной широкой формы коллективнаго владѣнія. Употребляя образныя крестьянскія выраженія, право труда стремится раздробить землю на участки, становящіеся какъ бы „родными дѣтьми“ земледѣльца; право же на трудъ хочетъ обратить землю въ „мать-кормилицу“, вѣчно равно пекущуюся обо всѣхъ своихъ дѣтяхъ-людяхъ и равно питающую ихъ“ (с. 200). Стихийное столкновение этихъ двухъ началъ народнаго права или двухъ интересовъ можетъ привести къ великимъ народнымъ бѣдствіямъ; и предстоящая намъ задача заключается въ томъ, чтобы предупредить или найти мирное разрѣшеніе этого столкновения. Его можно искать, конечно, лишь въ области народнаго же правосознанія. Соответственно своимъ идеальнымъ представленіямъ, авторъ призываетъ къ работѣ разрѣшенія этого конфликта въ пользу идеи права на трудъ. Нужно „сознательно распутаться въ сложныхъ нитяхъ народнаго правосознанія, критически выдѣлить подходящіе элементы для переплавки въ максимально-коллективистическую программу и рѣшительно бросить всю мощную силу сознательности и организованности на ту чашу вѣсовъ, колеблющуюся между индивидуализмомъ и коллективизмомъ народнаго правосознанія, гдѣ исторія сконцентрировала высшее начало права на трудъ“ (с. 200). „Для этого надо ясно различать въ народномъ правѣ эти сложно сплетшіеся элементы. А для того надо широко и глубоко изучить народное право и правосознаніе. И чтобы это изученіе не запоздало,

имѣло не историческое, а практическое значеніе, надо произвести его неотложно“ (с. 251).

Изложивъ въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе вполне своевременнаго труда автора „Русской Общины“ и замѣтивъ, что мы въ значительной мѣрѣ соглашаемся съ его основными взглядами, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не выразить сомнѣнія въ томъ, чтобы у насъ теперь имѣлось время для *изученія* народнаго правосознанія, какъ предварительнаго условія преобразования аграрнаго строя Россіи. Преобразование это, если угодно, уже началось, и намъ остается участвовать въ немъ тѣми средствами, которыя уже имѣются въ наличности. Наши познанія въ области народной психологіи очень ограничены. Этимъ ресурсомъ для воздѣйствія на грядущія событія мы можемъ пользоваться, поэтому, очень недостаточно. Но есть другое средство воздѣйствія на эти событія: поддержаніе симпатичныхъ намъ тенденцій путемъ развитія и организациі соотвѣствующихъ народныхъ элементовъ. Разъясненіе народу нашихъ идей и толкованіе смысла совершающихся событій — вотъ главные средства содѣйствія разрѣшенію выросшихъ передъ нами задачъ въ духѣ права на трудъ предпочтительно передъ правами труда. Сильнымъ союзникомъ въ этой работѣ право на трудъ имѣетъ въ объективномъ ходѣ вещей, который, по нашему убѣжденію, тянетъ Россію къ коллективизму, а не къ индивидуализму. Разъясненіе народу этого хода и смысла совершающихся у насъ событій кажется намъ, поэтому, наиболее дѣйствительнымъ средствомъ поддержанія коллективистическаго теченія.

VIII.

— И. Х. Озеровъ. Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. Москва. 1906. Ц. 1 руб.

Эта очень интересная по содержанію, — несмотря на недостаточную разработку въ ней сырого матеріала, — книжка заключаетъ описаніе, на основаніи матеріаловъ архива министерства финансовъ, политики этого вѣдомства относительно такъ называемаго рабочаго вопроса. Цѣннымъ дополненіемъ данныхъ этого рода служить сообщеніе самого автора относительно исторіи гласныхъ организацій московскихъ рабочихъ, эпизода, въ которомъ принималъ нѣкоторое участіе и самъ проф. Озеровъ вмѣстѣ съ другими интеллигентами г. Москвы.

Министерство финансовъ въ послѣднее, описываемое г. Озеровымъ, десятилѣтіе соприкасалось съ рабочимъ вопросомъ, главнымъ образомъ на почвѣ надзора за выполненіемъ фабричныхъ законовъ, нако-

дившихся въ его вѣдѣніи. И хотя, по смыслу фабричнаго законодательства, таковое имѣть защитительный характеръ, но на нашей почвѣ фабричный надзоръ превращается въ нѣчто, совершенно не соответствующее его основному назначенію. Объясняется это явленіе тѣмъ, что русское правительство смотрѣло на рабочій вопросъ „только съ точки зрѣнія порядка“ (с. 37), и такому отношенію къ дѣлу подчинилось въ концѣ концовъ и министерство финансовъ, у котораго вовсе не было „серьезнаго намѣренія приняться за рабочій вопросъ (какъ таковой), урегулировать его сообразно духу новаго времени“ (с. 21). Оттого-то фабричные инспектора постоянно получали отъ своего начальства циркулярныя наставленія вродѣ слѣдующаго, относящагося къ 1895 г.: „Какъ люди, ясно понимающіе важность лежащихъ на васъ обязанностей, какъ люди образованные и близко знакомые съ фабричнымъ бытомъ, вы должны пользоваться каждымъ подходящимъ случаемъ, чтобы внушать рабочимъ, что не только незаконность притязаній, но даже стремленіе къ достиженію законныхъ правъ, но противозаконнымъ или насильственнымъ путемъ, будутъ неизбѣжно приводить не къ улучшенію, а къ ухудшенію ихъ положенія, ибо правительство при такихъ обстоятельствахъ не можетъ допустить осуществленія желанія рабочихъ даже въ томъ случаѣ, еслибы фабриканты, подъ вліяніемъ угрозъ или по добродушію, проявили согласіе на уступки, а законъ призванъ одинаково ограждать какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ“ (с. 25). Циркуляръ этотъ направленъ, повидимому, лишь противъ незаконныхъ дѣйствій рабочихъ: но если принять во вниманіе, что рабочіе были лишены права всякаго совмѣстнаго воздѣйствія на фабрикантовъ, то слѣдуетъ яснымъ, что циркуляръ имѣетъ въ виду всякіе способы организованной дѣятельности рабочихъ. Точно также и относительно утвержденія циркуляра, что законъ „призванъ одинаково ограждать какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ“, нельзя не замѣтить, во-первыхъ, что, въ противоположность рабочимъ союзамъ, синдикаты фабрикантовъ „не только разрѣшались, но и покровительствовались“; во-вторыхъ, что тогда какъ за нарушеніе условій найма рабочіе подвергались уголовной карѣ, фабриканты могли нести отвѣтственность лишь въ гражданскомъ порядкѣ, по искамъ рабочихъ. „Наше законодательство, такимъ образомъ, вполне опредѣленно стояло на сторонѣ предпринимателей и нарушало законные интересы рабочихъ“ (с. 18). Это привилегированное положеніе фабрикантовъ по закону усугублялось на практикѣ политикой министерства финансовъ. Фабричнымъ инспекторамъ рекомендовалось поменьше составлять протоколовъ, чтобы не подрывать престижа фабричной администраціи въ глазахъ рабочихъ. Дѣла о наказаніяхъ, налагаемыхъ на предпринимателей за нарушеніе фабричныхъ законовъ, окружа-

лись величайшей тайной. Фабричная инспекція при наблюденіи за соблюденіемъ законовъ должна была избѣгать всего, что могло подорвать авторитетъ фабрикантовъ въ глазахъ рабочихъ. Циркуляромъ 1897 г. имъ предлагалось, напримѣръ, при контролѣ правильности исполненія фабрикантами закона, „избѣгать личнаго опроса рабочихъ“ (с. 27). Когда же инспекторъ рѣшался на такой опросъ — „изъ боязни упрековъ за возбужденіе неудовольствій среди рабочихъ, онъ предпочиталъ бесѣдовать съ рабочими въ присутствіи фабричной администрации, когда у рабочихъ нѣмѣютъ уста“. Были даже случаи недозволена директорами фабрикъ бесѣды инспектора съ рабочими наединѣ (с. 84). Министерство финансовъ и многими другими своими дѣйствіями выказывало преимущественныя симпатіи къ предпринимателямъ. Въ межвѣдомственныхъ коммиссіяхъ по фабричнымъ дѣламъ оно обыкновенно держало сторону фабрикантовъ противъ другихъ вѣдомствъ, считавшихъ нужнымъ сдѣлать кое-что и для рабочихъ, и тѣмъ предупреждать ихъ волненія. Такъ, оно высказалось въ 1901 г. противъ усиленія уголовной репрессіи за нарушеніе фабрикантами обязательныхъ постановленій (с. 142). „Министерство внутреннихъ дѣлъ находить,—писало оно около того же времени,—что чины инспекціи обязаны быть непременно односторонними, защищая лишь интересы рабочихъ. Съ такой постановкою вопроса нельзя никоимъ образомъ согласиться“ (с. 181). Оно высмѣивало указанія помощника шефа жандармовъ, Пантелѣева (въ концѣ 90-хъ гг.), на антигигіеничность фабричныхъ помѣщеній для работы. „Гигіена учитъ—иронизировало министерство финансовъ по этому предмету,—что самая нормальная температура для жизни человека—14° Реом.; а посему надлежитъ воспрещать всѣ производства, гдѣ, по техническимъ условіямъ, требуется высшая температура. Равнымъ образомъ, должно воспрещать всякаго рода фабрично-заводскія работы въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ такія времена года, когда температура воздуха подымается выше 14°,—напримѣръ, въ Астрахани запретить работы на все лѣто, въ московской губерніи—на весь іюль мѣсяцъ, и т. д. Такъ какъ по ученію гигиены шумъ и стукъ раздражаютъ нервы, то надлежитъ устранить изъ употребленія на фабрикахъ орудія, дѣйствіе которыхъ основано на ударѣ, т.-е. пользованіе молоткомъ, тѣлцкимъ станкомъ, не допускать подковку въ кузницахъ, клепку котловъ и т. п.“ (с. 176). Министерство финансовъ стояло, наконецъ, за широкое примѣненіе къ волнующимся рабочимъ мѣръ административнаго пресѣченія и взысканія. Ограничимся по этому вопросу приведеніемъ телеграммы министра финансовъ г. Иващенкоу во время крупныхъ рабочихъ забастовокъ въ Петербургѣ лѣтомъ 1896 г. „Для меня эти безпорядки не неожиданность,—значится въ телеграммѣ.—Цѣлый годъ подбрасы-

вали прокламаціи, и я удивляюсь, что полиція не открыла очевидно существующую шайку. Я совершенно вашего мнѣнія, что никакихъ уступокъ дѣлать невозможно и опасно. Нужно всѣхъ зачинщиковъ выслать изъ города“ (с. 34).

Неудивительно, если при такихъ условіяхъ фабричная инспекція стала обращаться въ простое полицейское учрежденіе, и находились инспектора, считавшіе своей специальной обязанностью борьбу съ свободолобивыми стремленіями рабочихъ. „Фабричные инспектора какъ бы гарцуютъ на министерскихъ циркулярахъ; нерѣдко все ихъ стремленіе сводится къ тому, чтобы не столько умиротворить изволнованныхъ рабочихъ, сколько показать, что стачка кончилась безъ уступокъ рабочимъ“ (с. 39). „Только подъ моимъ давленіемъ“,—хвалится, напримѣръ, въ 1896 г. главный фабричный инспекторъ костромской губерніи,—одинъ фабрикантъ отказался отъ уступокъ рабочимъ, и было „объявлено приглашеніе для нежелающихъ работать на прежнихъ условіяхъ получить расчетъ“ (с. 43). Фабричный инспекторъ рязанской губерніи настоялъ на неудовлетвореніи требованій рабочихъ Хлудовской мануфактуры, вопреки мнѣнію самого губернатора, считавшаго нужнымъ сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки (с. 56). Другой фабричный инспекторъ доноситъ жандармскому офицеру о существованіи у рабочихъ тайной кассы, прося его произвести разслѣдованіе. Родителямъ работницъ онъ предлагаетъ „слѣдить за тѣми, кто ведетъ среди нихъ агитацію, и указывать агитаторовъ полиціи“ (с. 115). Рижскій инспекторъ доносилъ о появленіи въ мѣстной газетѣ статьи, излагавшей рефератъ въ ученomъ обществѣ о переутомленіи рабочихъ. „Убѣдительно прошу,—пишетъ онъ,—путемъ сношеній съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предотвратить возможность появленія такихъ статей. Завтра же я передамъ этотъ № губернатору, хотя и не ожидаю отъ этого никакой пользы. Весьма, однако, желательно, чтобы не сообщалось, что № представленъ мною, такъ какъ тогда намъ еще труднѣе будетъ существовать“ (с. 118). Доносы на газетныя статьи и на публичныя лекціи подавались и нѣкоторыми другими фабричными инспекторами. Нѣкоторые инспектора въ дѣлѣ поисковъ крамолы шли далеко впереди жандармовъ и жаловались на слабость репрессіи послѣднихъ. Мы видѣли, впрочемъ, что и самъ министръ финансовъ упрекалъ петербургскую полицію въ томъ, что она допустила стачки 1896 г.; а директоръ департамента мануфактуръ и торговли, Ланговой, по поводу тѣхъ же стачекъ телеграфировалъ г. Витте: „несмотря на всѣ наши старанія и принудительныя мѣры, беспорядки, вслѣдствіе крайне нерѣшительныхъ мѣръ градоначальника, распространяются на черезчуръ большое число мануфактуръ“ (с. 128). Тотъ же г. Ланговой признавался, что „при

первыхъ требованіяхъ стачечниковъ о сокращеніи рабочаго дня фабриканты готовы были пойти на соглашеніе, еслибы не категорическое запрещеніе инспекціи какихъ бы то ни было уступокъ впредь до полного прекращенія стачки“ (с. 130). Это уже смахиваетъ на провокацію!

При такой политикѣ по отношенію къ рабочему вопросу правительственной власти вообще и фабричнаго надзора въ частности — неудивительно, если въ рабочей средѣ развилось полнѣйшее недоуѣріе къ правительству.

IX.

— Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ земельномъ вопросѣ. Изслѣдованіе *П. Н. Соковнина*. Спб. 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.

Въ № 4 „В. Е.“ помѣщена рецензія на статистическое изслѣдованіе г. Соковнина подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Это изслѣдованіе вышло теперь вторымъ изданіемъ, — измѣненнымъ и значительно расширеннымъ. Въ первомъ изданіи работы автора касались среднихъ погубернскихъ данныхъ, а въ новомъ они обнимаютъ и данныя поуѣздныя. Въ виду этого мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ изслѣдованіи.

Въ этомъ изслѣдованіи г. Соковнинъ производитъ расчетъ сравнительной доходности крестьянскаго полеводства въ 467 уѣздахъ 46 губерній европейской Россіи: онъ даетъ намъ для каждой губерніи и уѣзда свѣдѣнія о средней площади двороваго крестьянскаго участка надѣльной пахотной земли и посѣва на немъ различныхъ растений, о среднемъ сборѣ этихъ послѣднихъ съ площади посѣва и о валовомъ денежномъ доходѣ отъ высѣваемыхъ растений, приходящемся на дворъ, на десятину пахотной земли и на десятину посѣва. Онъ, кромѣ того, производитъ уравненіе площадей надѣльной пахотной земли по сбору зерна и валовому доходу съ десятины посѣва и съ десятины пахотной земли. Излишне останавливаться на томъ, какое важное значеніе для экономическихъ изслѣдованій и соображеній имѣютъ подобные готовые расчеты доходности крестьянскаго полеводства и наглядное выраженіе сравнительной доходности послѣднихъ для всѣхъ уѣздовъ и губерній отведеннаго себѣ авторомъ района, если данныя, служившія имъ основаніемъ, и приемы ихъ обработки заслуживаютъ должнаго довѣрія. Скажемъ поэтому нѣсколько словъ объ этой сторонѣ разсматриваемаго изслѣдованія.

Основными данными для вычисленій служили г. Соковнину свѣдѣнія о числѣ наличныхъ крестьянскихъ дворовъ и пахотной надѣль-

ной земли, собранныя центральнымъ статист. комитетомъ въ 1893 г. Хотя искомую величину пахотнаго участка средняго крестьянскаго двора очень просто получить дѣленіемъ одного изъ вышеуказанныхъ чиселъ на другое,—такимъ-то именно путемъ и получены имъ размѣры пахотныхъ участковъ средняго двора для губерніи, заимствованныя авторомъ изъ „Свода стат. свѣд. по сельск. хоз. Россіи къ концу XIX в.“; для вычисленій же поуѣздныхъ среднихъ крестьянскихъ участковъ г. Соковнинъ прибѣгнулъ къ кружному пути (стр. 4), — менѣе точному и давшему площадь средняго пахотнаго участка не земельного, а всякаго крестьянскаго двора даннаго района. Такой приемъ вычисленій употребленъ авторомъ вслѣдствіе недостаточнаго его знакомства съ источниками сельско-хозяйственной статистики Россіи. То же незнаніе было причиной того, что, имѣя въ виду использовать новѣйшія свѣдѣнія о площади посѣвовъ на крестьянской землѣ различныхъ хлѣбовъ, авторъ заимствовалъ таковыя не изъ послѣдняго отчета центр. стат. ком. объ урожаѣ, а изъ своднаго изданія о посѣвныхъ площадяхъ; въ качествѣ же „позднѣйшихъ“ свѣдѣній этого рода у него фигурируютъ данныя не 1904, а 1899 года. Основываясь на данныхъ центр. ст. ком. о площади посѣва разныхъ растений на надѣльной землѣ цѣлаго уѣзда или губерніи и на свѣдѣніяхъ объ урожаѣ этихъ растений, г. Соковнинъ опредѣляетъ площадь посѣва и сборъ разныхъ хлѣбовъ, приходящіеся на среднюю десятину крестьянскаго посѣва, на десятину средняго крестьянскаго пахотнаго участка и на всю посѣвную площадь средняго крестьянскаго двора каждаго уѣзда и губерніи. Опѣнивая же сборы растений по мѣстнымъ цѣнамъ, авторъ получаетъ сумму валового денежнаго дохода отъ десятины крестьянскаго посѣва, десятины крестьянской пашни и денежный доходъ полеводства средняго крестьянскаго двора. Изъ того, что было выше сказано о приемахъ вычисленій г. Соковнина, слѣдуетъ, что результаты его изслѣдованій о доходности крестьянскаго полеводства нужно считать нѣсколько преуменьшенными сравнительно съ дѣйствительностью. Они, впрочемъ, ниже дѣйствительныхъ доходовъ еще по той причинѣ, что свѣдѣнія о посѣвахъ, собираемыя центр. ст. ком., не вполне соответствуютъ дѣйствительности. Но это — общій порокъ нашей сельско-хозяйственной статистики, съ которымъ мы вынуждены мириться, потому что не можемъ обойтись безъ всякихъ свѣдѣній о положеніи сельскаго хозяйства.

Въ изслѣдованіи г. Соковнина есть и болѣе ошибочныя заключенія. Это—его расчеты о среднемъ пахотномъ участкѣ крестьянскаго двора и о доходности средней десятины такого участка. Расчеты эти основаны на собранныхъ въ 1893 г. центр. ст. комитетомъ черезъ сельскія власти данныхъ о площади надѣльной пахотной земли. Самъ

центр. ст. комитетъ говоритъ, что сельскія власти сплошь и рядомъ, вмѣсто свѣдѣній о пахотной, сообщали свѣдѣнія о всей культурной крестьянской землѣ. А критическій анализъ этихъ свѣдѣній показываетъ, что такія неправильныя сообщенія сильно отразились на среднихъ величинахъ не только уѣздовъ, но и цѣлыхъ губерній. Для примѣра укажемъ на такія заключенія г. Соковнина: въ петербургской губерніи подъ посѣвомъ находится будто бы лишь 38% крестьянской пахотной земли, въ новгородской—35,5%, а въ олонеккой—всего 16%! Или,—вопреки общеизвѣстному факту о бѣдности сѣверныхъ губерній пахотной землею,—средняя величина пахотнаго крестьянскаго участка въ олонеккой губ. равняется будто бы 15,6 десятины! Довольство г. Соковнина такими заключеніями представляется тѣмъ менѣе понятнымъ, что онъ самъ признаетъ господство на крестьянской землѣ трехпольнаго сѣвооборота, при которомъ посѣвъ долженъ занимать $\frac{2}{3}$ пахотной земли. Правда, г. Соковнинъ пытается объяснить преувеличенныя данныя центр. ст. ком. о крестьянской пахотной землѣ соображеніями о томъ, что, вслѣдствіе скудости удобренія, часть пашни крестьяне изъ черноземныхъ районовъ должны запускать подъ покосы. Но временный недостатокъ удобренія не можетъ быть причиной обращенія подъ покосы болѣе третьей части пахотной земли (какъ напр. въ пермской губ.) или даже $\frac{2}{3}$ ея (олонеккая губ.). Если же запущеніе пахотной земли обратилось въ постоянное явленіе,—запущенную часть слѣдуетъ исключить изъ состава пахотнаго угодья. Г. Соковнинъ не сдѣлалъ этого, и его работы относительно пахотнаго участка крестьянина нужно, поэтому, считать лишенными научнаго значенія.

В. В.

Въ сентябрѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

- Аделунгъ, Н. И.*—Памяти Анри де-Соссюра. Спб. 906.
Айхенвальдъ, Ю.—Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.
Александровичъ, В. И.—Школа артиллерійскаго солдата. Ч. II: Матеріальная часть. Спб. 906. Ц. 75 к.
Баженовъ, Н., д-ръ.—Психологія казнимыхъ. М. 906. Ц. 15 к.
 ——— Психологія и политика. М. 906. Ц. 15 к.
Базилевичъ, М.—Вѣрообразныя и лучистыя основы въ устояхъ клѣточныхъ новообразованій. Житомиръ. 906.
Бакунинъ, М.—Богъ и государство. Съ франц. Спб. 906. Ц. 12 к.
Барн, К. А., д-ръ.—Бѣшенство. М. 906. Ц. 25 к.
Борецкій-Берфельдъ, Н.—Борьба Венгріи за независимость. Историческій очеркъ. Книгоиздат. „Новое товарищество“. М., 906. Стр. 111. Ц. 22 к.

Булмаковъ, С.—Религія челоѣкобожества у Л. Фейербаха. М. 906. Ц. 30 к.
Бѣлозерскій, Ж.—Слово и дѣло въ „Правдивомъ Словѣ“ Р. Келлера. М. 906.
Вейнбергъ, Петръ.—Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. Спб. 907.
Волжонскій, кн. А. М.—Армія и правовой порядокъ. Спб. 906. Ц. 10 к.
Волжонскій, кн. Григ.—Обязательная наслѣдственная аренда. Съ предисловіемъ А. А. Карелина. Спб. 906.

Высотскій, д-ръ, Ст.—О постановкѣ средней школы, съ точки зрѣнія государства и семьи. Варшава. 906. Ц. 20 к.

Гатти.—Соціализмъ и аграрный вопросъ. М. 906. Ц. 50 к.

Гейсманъ, П. А., ген.-м.—Введеніе въ исторію русско-турецкой войны 1877—78 гг. Спб. 906.

Гіацинтовъ, Н. В.—О періодахъ. Тѣмы и планы для письменныхъ работъ по русскому языку. Рига. 906. Ц. 30 к.

Глозевъ, С., проф.—Матерія и духъ. Вып. пятый. Спб. 906.

Гольдштейнъ, М.—Печать передъ судомъ „Рѣчи“ по дѣламъ „Руси“, „Нашей Жизни“ и „Сына Отечества“. Спб. 906. Ц. 30 к.

Горманъ, ген.-м.—Школа артиллерійскаго солдата. Ч. III. Сборникъ новейшихъ свѣдѣній по всѣмъ отдѣламъ строевой службы. Спб. 906. Ц. 1 р. 75 к.

Григорьевъ, В. Ю.—Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ инородцевъ Минусинскаго края. Спб. 901.

Грубе, д-ръ, Карлъ.—Діететическое и гигиеническое леченіе сахарной болѣзни. Съ нѣм. д-ръ Т. Блумбергъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Гулю фонъ-Горфмансталь.—Драмы. Перев. С. Орловскаго. М. 906. Ц. 1 р.

Гюисманъ, Ж. К.—Наоборотъ. Перев. М. А. Головкиной. М. 906. Ц. 1 р.

Данаевъ, д-ръ Ин. В.—Народное здравіе и насущные вопросы медицинскоіи организаціи. Спб. 906.

Де-Волланъ, Гр.—Открытое письмо къ русской молодежи. Спб. 906. Ц. 25 к.

Доель, А. С.—Кровь, изъ чего она состоитъ и для чего она нужна животному организму. Спб. 906. Ц. 25 к.

Езерскій, Оед.—Учебникъ счетоводства. Полная теорія всѣхъ системъ, двѣ книги въ трехъ частяхъ. Изд. 16-ое. Спб. и М. 906. Ц. 75 к.

Жаковъ, К.—Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на сѣверѣ. Спб. 906. Ц. 40 к.

Жоресъ, Жакъ.—Интернаціонализмъ и патріотизмъ. Съ франц. И. Биллинь и Я. Кернесъ. Кіевъ. 906. Ц. 12 к.

Задѣра, Г. П.—Л. Н. Толстой о медицинѣ и врачахъ. Спб. 906.

Ивановъ, К. А.—Стихотворенія. Спб. 906. Ц. 2 р.

Ивановъ-Разумникъ.—Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX вѣка. Спб. 907. Т. I. Ц. за оба тома 3 р.

Каминтаръ, Алек.—Аграрныя проблемы. Тифл. 906. Ц. 10 к.

Камицкій, К.—Грозненскій нефтяной районъ, съ 3 карт. и 3 таблицами. Спб. 906.

Камтфмейеръ, Ц.—Юнкеръ и Крестьянинъ. Развѣіе аграрныхъ отношеній. Соц.-полит. этюдъ. Кіевъ. 906. Ц. 8 к.

Карайиль, Том.—Теперь и прежде. Съ англ. Н. Горбовъ. М. 906. Ц. 3 р.

Картинскій, А.—О трохилискахъ. Спб. 906.

Карьевъ, Н.—Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изд. 5-е. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к. въ перепл.

Келтуаль, В. А.—Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для само-

образованія. Ч. I: Исторія древней русской литературы. Кн. 1-я. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Краснопольскій, А.—Геологическое описаніе Невьянскаго горнаго округа. Спб. 906.

Кресинъ, Р.—Еврейскій вопросъ, съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ интересовъ русскаго народа. Харьковъ. 906. Ц. 15 к.

Крулюкъ, А. В.—Живая бумага для дѣтей школьнаго возраста. М. 906. Ц. 1 р.

Круковскій, Адр.—Владимір Соловьевъ, какъ мыслитель и человѣкъ. Вильна. 906. Ц. 10 к.

Крюковъ, Н. А.—Государственное хозяйство Россіи по росписямъ доходовъ и расходовъ. М. 906. Стр. 72. Ц. 30 к.

Кудашевъ, кн. А. С.—Аграрный вопросъ въ Россіи съ точки зрѣнія сельскохозяйственной техники. Кіевъ. 906. Ц. 20 к.

Кузминскій, Н. П.—„Красный адмиралъ“ (лейтенантъ Шмиттъ). Драма-быль изъ недавняго прошлаго. Спб. 906. Ц. 1 р.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—„Революціонное выступленіе“ Дуны и земельный вопросъ. Спб. 906. Ц. 25 к.

Кузьнецовъ, Н. И.—Реорганизация земства на основахъ всеобщаго избирательнаго права. Воронежъ. 906. Ц. 10 к.

Лазаревскій, Б.—Повѣсти и рассказы. Т. II. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Левенстимъ, А.—Судѣбное и уголовное право. Исслѣдованіе по исторіи русскаго права и культуры. Харьковъ. 906.

Либкнехтъ, В.—Безъ компромиссовъ. Объ отношеніи соц.-дем. къ буржуазнымъ партіямъ. Съ нѣм. К. Василенко. Кіевъ. 906. Ц. 15 к.

Ловицкая, Евг.—Въ деревнѣ. Спб. 906. Ц. 75 к.

Луи Бланъ.—Іюльскіе дни 1830 г. Изъ исторіи десяти лѣтъ. Съ франц. Н. Козаренко. Кіевъ. 906. Ц. 40 к.

Любомудровъ, И. М.—Введеніе въ исторію метафизики. Ковровъ. 906.

Маръ, Анна.—Миніатюры. Харьковъ. 906.

Мейснеръ, Валер.—Микроскопическіе представители водной фауны Аральскаго моря и выпадающихъ въ него рѣкъ, въ связи съ вопросомъ объ условіяхъ ихъ распредѣленія. Спб. 906.

Менстроуъ, свящ. М.—Отъ земли къ небу. Рядъ рассказовъ и статей на евангельскія тѣмы. Спб. 906.

Метерлинь, М.—Сочиненіе, въ 3-хъ томахъ. Съ предисловіемъ Н. Минскаго, З. Венгеровой и В. Розанова. Т. I. Спб. 906. Ц. 2 р.

Миллеръ, Орестъ.—Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ И. Шляпкина. Т. I: И. С. Тургеневъ—О. М. Достоевскій. Изд. 4-е. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Мускатблитъ, Ф.—Первый русскій парламентъ. Избирательная кампанія и ея итоги. Съ предисл. А. Изгоева. Одесса 906. Ц. 20 к.

Мюллеръ, I. П.—Моя система. 15 минутъ ежедневной работы ради здоровья! Спб. 906.

Нелидовъ, Ѳ. Ѳ.—Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. I. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Нечеладовъ, А.—Отъ раззоренія къ достатку. Спб. 906. Ц. 80 к.

Нордау, М.—Ложь капиталистическаго строя. Съ нѣм. Спб. 906. Ц. 20 к.

Ножинъ, Е. К.—Правда о Портъ-Артурѣ. Ч. I. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Озеровъ, И. X., проф.—Большіе города, ихъ задачи и средства управленія. Съ 15 діаграммами. (Публичная лекція). М. 906. Стр. 135. Ц. 25 к.

Омулевскій (И. В. Ѳедоровъ). — Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. П. В. Быкова. Въ 2-хъ томахъ. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. — Т. I. 443 стр., т. II—504 стр. Цѣна каждого тома 1 р. 50 к.

Петерсонъ, В. П. — Русская стенографія. Практическое руководство для школъ и самообученія. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 137 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ, М. Н. — Лекціи по Всемирной исторіи. Т. II: Исторія среднихъ вѣковъ. Ч. 1-я, періодъ первый: Время происхожденія новыхъ государствъ Европы и Азій. Спб. 906. Ц. 1 р.

Плещеевъ, А. Н. — Стихотворенія. Четвертое дополненное изданіе. Подъ ред. П. В. Быкова. Спб. 1905. Изданіе А. Ф. Маркса. Стр. 834 + XIII. Ц. 4 р.

Порфирьевъ, В. — „Жить стыдно“. Спб. 906. Ц. 2 к.

Потоцкій, графъ Томашъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. Варшава. 906.

Пытинъ, А. Н. — Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. Историческіе очерки. Изд. 3-е. Спб. 906. Ц. 3 р.

Рагозина, З. А. Исторія одной души (Елена Келлеръ). Съ 17 портретами, автографами и рисунками. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 243 стр. Ц. 80 к.

Реберъ, А. — Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій. Перев. Н. де-Жоржъ. Изд. 4-е исправл. Спб. 906. Ц. 85 к.

С—въ, I. — Чего недостаетъ средней школѣ. Спб. 906.

Сиповскій, В. В. — Исторія литературы, какъ наука. Спб. 906. Ц. 30 к.

Скрибанти, А. — Вычисленіе продольной крѣпости корабля. Съ итальянск. А. Титовъ. Съ 30 черт. Спб. 906.

Смилъ. — Зигзаги. Паломничество С. Ю. Витте въ Портсмутъ. Спб. 906. Ц. 60 к.

Стипина, О. П. — На гастроляхъ. Спб. 905. Ц. 60 к.

Соколовъ, П. Н. — Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ земельномъ вопросѣ. Съ поуѣздными данными по 46 губерніямъ Европ. Россіи. Изд. Комитета по землеустроительнымъ дѣламъ. Спб. 906. Стр. 629. Ц. 2 р. 50 к.

Стекловъ, Ю. — Историческое подготовленіе русской социаль-демократіи. Ц. 25 к. Спб. 906.

Твердохлбовъ, В. — Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ. Ч. I: Государственное обложеніе. Одесса. 906.

Толстой, гр. Л. Н. — Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой. Т. II. Спб. 906. Ц. 65 к.

Торнау, баронъ Н. Н. — Атласъ по отечествовѣдѣнію. Ч. II. Сибирь и Туркестанъ. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. Цѣна въ папѣѣ 1 р. 20 к.

Туланъ-Барановскій, М. — Націонализація земли. Спб. 906. Ц. 60 к.

— Теоретическія основы марксизма. Спб. 906. Ц. 75 к.

Тютрюмовъ, Н. М. — Законы гражданскіе (Св. зак. т. X, ч. I, изд. 1900 г.), съ разъясненіями Правительствующаго Сената и комментаріями русскихъ юристовъ. Спб. 906. Стр. 1330. Ц. 5 р.

Фирдуси, Абулькассимъ. — Книга о царяхъ (Шахнаме). Съ персид. С. Соколовъ. Вып. 1. М. 906.

Череванскій, Вл. — Исчезнувшее царство. Историческая монографія, въ двухъ частяхъ, со многими гравюрами и рисунками. Спб. 906. Ц. 4 р.

Чернышевскій, Н. Г. — Прологъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ч. I: Прологъ Пролога. Ч. II: Дневникъ Левицаго. Спб. 906. Ц. 1 р.

Чернышевъ, И. — Памятная книжка марксиста. Спб. 906. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. — Разсказы и пьесы. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 262 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Чечулинъ, Н. Д.—Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Шимкевичъ, В.—Будущее человѣчества съ точки зрѣнія натуралиста. Спб. 906. Ц. 20 к.

Шинко, Л. (П. Батинъ).—Очерки по вопросамъ экономіи и исторіи. М. 906. Ц. 60 к.

Шифферсъ, Э. С.—Самоучитель шахматной игры. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 328 стр. Ц. 2 р.

Штирнеръ, М.—Единственный и его собственность. Съ біографіей, написанной д-ромъ Кронебергомъ, портретомъ и факсимиле автора. Съ нѣмецкаго В. Ульрихъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Шуфъ, Влад.—Въ край иной... Сонеты. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Федоровъ, С. П., проф.—Трудъ госпитальной хирургической клиники. Т. I. Спб. 906.

Фурсовъ, Н. Н.—Разиновщина, какъ социологическое и психологическое явленіе народной жизни. Съ 3 портретами. Спб. 906. Ц. 20 к.

Эрве, П.—Въ разгаръ революціи. Съ франц. пер. С. Русовой. Спб. 901. Ц. 30 к.

——— *Geschichte der „Frankfurter Zeitung“.* 1856—1906. Frankf.-am-M. 1906.

——— *Un danger pour l'Europe.* Leipz. 906.

——— Батумъ и его окрестности. Бат. 906.

— Изданія Иванова, С. И. и К°.—1) Адвокатъ, Пропорціональная система выборовъ и выборы въ германскій рейхстагъ. Ц. 10 к. 2) Олышевскій, Очеркъ изъ исторіи бюрократіи. Кіевъ. 906. Ц. 10 к.

— Изданія „Новаго Товарищества“: 1) А. Черновъ, Какъ венгерцы борются за свои права, ц. 4 к. 2) И. Николаевъ, Невидимыя подати, ц. 4 к. 3) Е. Звягинцевъ, Земельное переустройство въ городахъ, ц. 4 к. 4) А. Мотье, Соціальный вопросъ во время французской революціи 1789 года, ц. 5 к. 5) А. Будъ, Командитъ и его общественная роль, ц. 5 к. 6) „Разстрига“. М. 906. Ц. 3 к.

— Изданіе О. Н. Поповой: 1) Т. Липпсъ, Руководство къ психологіи, съ нѣмецк. М. Лихаревъ, ц. 1 р. 50 к. 2) Н. Коробка, Свобода совѣсти, ц. 5 к. 3) М. Боголюбъ, Девять миллиардовъ рублей. Русскій государственный долгъ, ц. 5 к. 4) С. Лозинскій, Революція 1848 года въ Венгріи, ц. 12 к. 5) Б. Юлюдинъ, Народная школа и рабочій классъ, п. р. Н. Рожкова, ц. 8 к. 6) С. Сергѣевъ-Ценскій, Убіиство, ц. 2 к. 7) В. Гюго, На баррикадѣ, ц. 20 к. 8) А. Мезіеръ, Въ поискахъ правды и смысла жизни, ц. 30 к. Спб. 906.

— Изданіе „Сѣятеля“: 1) Н. Граціановъ, Народные университеты въ З. Европѣ, Сѣв.-Америкѣ и въ Россіи, ц. 10 к. 2) М. Оленина, Весна народовъ, великая французская революція.

— Изданіе товарищества „Знаніе“: 1) Сборникъ за 1906 г. кн. XI, ц. 1 р. 2) Э. Лиссагаръ, Исторія парижской коммуны въ 1871 г. Спб. 906. Ц. 70 к. 3) Ф. Фаньо, Рабочее профессиональное движеніе въ Англіи, съ франц. Спб. 906. Ц. 12 к. 4) П. Лафаръ, Аграрная программа, съ франц. Спб. 906. Ц. 5 к. 5) Записки революціонера, съ предисл. Г. Брандеса, съ нѣм. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Изданія фирмы „Правда“: 1) Эд. Вальянъ, Рабочее законодательство и гигиена, ц. 10 к. 2) В. Либнехтъ, Безъ компромиссовъ, съ нѣм. К. Васи-

ленко, ц. 15 к. 3) К. Каутскій, Революціонныя перспективы, ц. 20 к. 4) Аграрный вопросъ и Соціалъ-демократія, д-ра Конштадта, ц. 60 к.

— Исторія одного русскаго изобрѣтенія. М. 906. Ц. 20 к.

— Исторія социализма въ монографіяхъ. Предшественники новѣйшаго социализма. Ч. II: Отъ Том. Мура до конца великой французской революціи — К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Изд. 2-е. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Общество Востоковѣднія. Средне-азиатскій отдѣлъ. Туркестано-Сибирская жел. дорога. Спб. 906.

— Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 года. Численность и составъ рабочихъ въ Россіи на основаніи данныхъ первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 1897 г. Составлено по порученію мин. финансовъ, промышленности и торговли. Спб. 906 г. Т. I и II.

— Предметовѣдніе. Пособіе при веденіи уроковъ вещественнаго (реального) разбора и объяснительнаго чтенія. Матеріалы и планы для предметныхъ бесѣдъ въ низшихъ училищахъ и въ низшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составлено п. р. С. Старошвильскаго. М. 907.

— Протоколы Бердянскаго очереднаго уѣзднаго земскаго собранія. Бердянскъ. 906.

— Свободная совѣсть. Литературно-философскій сборникъ. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1903 годъ. Годъ семнадцатый. Херсонъ. 1906.

— Тысяча 906-й годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. III. Спб. 906.

— Уголовное уложеніе 22 марта 1903 г. Глава II: О нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій съ мотивами, измѣненіями и дополненіями по закону 17 апрѣля 1906 г. Изданіе Н. С. Таганцева. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Уставъ полевой службы и наставленіе для дѣйствія въ бою отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія. Изд. неофициальное. Спб. 906. Ц. 35 к.

— Щукинскій Сборникъ. Вып. 5. М. 906.

ИВ. С. ТУРГЕНЕВЪ ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ СОВРЕМЕННОКОВЪ И ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ КЪ НИМЪ.

— *Erinnerungen, Reden und Studien von Ludwig Friedländer. Erster Theil. Strassburg, 1905.*

Воспоминанія Л. Фридендэра о Тургеневѣ впервые вышли въ свѣтъ еще въ 1886 году, въ журналѣ „Deutsche Rundschau“, и прошли почти незамѣченными въ нашей печати. Въ 1905 году Фридендэръ издалъ отдѣльною книгою свои „Воспоминанія, рѣчи и изслѣдованія“, куда включилъ и воспоминанія о Тургеневѣ. Въ газетахъ появилась отиѣтка по поводу этой книги и той ея части, которая касается Тургенева. Но эти воспоминанія заслуживаютъ быть воспроизведены у насъ подробнѣе, такъ какъ въ нихъ характеризуются любопытные взгляды Тургенева на нѣкоторыхъ изъ его современниковъ и современныя ему событія. Будущимъ біографамъ великаго писателя-художника, жизнь котораго требуетъ самыхъ всестороннихъ и до мелочей подробныхъ свѣдѣній, записки Фридендэра могутъ немало послужить, дополняя и уясняя многое въ жизни Тургенева.

Къ воспоминаніямъ приложено нѣсколько выдержекъ изъ переписки Тургенева съ Фридендэромъ, до настоящаго времени нашей публикѣ незнакомыхъ.

Принадлежа къ числу выдающихся нѣмецкихъ филологовъ и археологовъ, самъ Фридендэръ, состоявшій въ теченіе многихъ лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ Тургеневу, всегда пользовался почетной извѣстностью въ ученомъ мірѣ Германіи. Въ продолженіе сорока слишкомъ лѣтъ онъ былъ профессоромъ кѣнигсбергскаго университета. Изъ его ученыхъ трудовъ наиболѣе извѣстны изслѣдованія, посвященныя Гомеру, и „Очерки изъ исторіи римскихъ нравовъ“.—С. Б.

I.

Воспоминанія о Тургеневѣ.

Съ Тургеневымъ, — пишетъ Фридендэръ, — я познакомился незадолго до его послѣдняго переѣзда въ Парижъ. Послѣ того, какъ мы обмѣнялись нѣсколькими письмами, онъ предложилъ мнѣ навѣстить его въ Баденъ-Баденъ. Тамъ я гостилъ у него два раза: въ сентябрѣ

1869 года и въ октябрѣ 1871 года; первый разъ вмѣстѣ съ его старымъ другомъ, Людвигомъ Питшемъ ¹⁾, второй разъ—одинъ. Трудно было догадаться, что оба эти раза Тургеневъ чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ,—съ такимъ необыкновеннымъ вниманіемъ заботился онъ о развлеченіи своихъ гостей.

Во время перваго моего посѣщенія онъ считъ долгомъ извиниться за нѣкоторую свою молчаливость, объясняя ее меланхоліей, которая иногда овладѣвала имъ, и съ которой онъ тщетно пытался бороться. Другой разъ его мучилъ приступъ подагры. Я выразилъ ему свое сожалѣніе и замѣтилъ, что подагра считается здоровой болѣзнью.

— Вы напомнили мнѣ одно замѣчаніе Пушкина,—сказалъ Тургеневъ. — Разъ, когда Пушкинъ находился въ очень тяжеломъ положеніи, одинъ изъ друзей утѣшилъ его изреченіемъ: „Несчастье—прекрасная школа“.— „Но счастье—самый лучший университетъ!“ — отвѣтилъ Пушкинъ“.

Тургеневъ говорилъ по-нѣмцки совершенно бѣгло. Очень рѣдко прибѣгалъ онъ къ англійскимъ или французскимъ словамъ, когда не могъ подыскать сразу соотвѣтственнаго нѣмецкаго. Рассказывалъ онъ такъ же живо и увлекательно, какъ и писалъ. Писалъ онъ только тогда, когда чувствовалъ неуклонную необходимость изобразить на бумагѣ нахлынушіе на него картины и образы.

— Еслибы мнѣ была предоставлена возможность выбора, — сказалъ разъ Тургеневъ,—то я желалъ бы сдѣлаться писателемъ вродѣ Гиббона“.

Замѣчаніе довольно странное въ устахъ автора „Призраковъ“, гдѣ онъ спасается бѣгствомъ при появленіи Юлія Цезаря ²⁾.

Многое, чтó Тургеневъ писалъ, если не всегда, то часто было связано съ его жизнью, и связь эта была не только внутренняя, но и вѣшняя. Напримѣръ, — начало „Вѣшнихъ водъ“.. Какъ тамъ Санина, такъ Тургенева, еще молодого человѣка, возвращавшагося изъ Италіи домой, во Франкфуртъ-на-Майнѣ, въ кондитерской, испуган-

¹⁾ Людвигъ Питшъ—художникъ по образованію—пріобрѣлъ большую извѣстность какъ иллюстраторъ, художественный критикъ и журналистъ. Восторженный почитатель Тургенева, онъ былъ связанъ съ нимъ тѣсной дружбой, часто бывалъ у него въ Баденъ-Баденѣ и написалъ также воспоминанія, которые даютъ самыя подробныя свѣдѣнія о баденской жизни Тургенева.

²⁾ Вотъ этотъ отрывокъ изъ „Призраковъ“:

„...Голова императора стала медленно выдвигаться изъ-за развалин... На языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ для выраженія ужаса, который сжалъ мое сердце. Мнѣ казалось, что раскрой эта голова свои глаза, разверзи свои губы — и я тотчас же умру.

— Элисъ, — простоналъ я: — я не хочу, я не могу, не надо мнѣ Рима, грубаго, грознаго Рима! Прочь, прочь отсюда!..“

ная красивая дѣвушка просила оказать помощь ея брату, упавшему въ глубокий обморокъ. Только это была не итальянская, а еврейская семья, и у заболѣвшаго были двѣ сестры, а не одна. Тургеневъ поборолъ тогда свое всмхнувшее увлеченіе дѣвушкой скорымъ отъѣдомъ.

Со старымъ пѣвцомъ Панталеоне познакомился онъ позже, въ домѣ одного русскаго князя.

Я спросилъ разъ Тургенева, почему въ его разсказахъ не встрѣчаются дѣти.

„— Ихъ очень трудно изображать,—отвѣчалъ онъ.—Вполнѣ естественными они никогда не выходятъ. И маленькій Домби не составляетъ исключенія“.

Какъ требователенъ былъ къ себѣ Тургеневъ въ отдѣлкѣ своихъ произведеній, знаетъ каждый его читатель. Если онъ и говорилъ, что иногда, недостатокъ энергіи и терпѣнія мѣшали ему писать такъ, какъ онъ бы желалъ, то я склоненъ думать, что этого не бывало. Во всякомъ случаѣ даже надъ самыми мелкими разсказами онъ работалъ съ большой художественной добросовѣстностью.

Онъ прислалъ мнѣ, вмѣстѣ съ отдѣльнымъ оттискомъ изданной въ 1869 году на нѣмецкомъ языкѣ „Странной исторіи“, десять вариантовъ и дополненій, написанныхъ имъ позднѣе, которые затѣмъ всѣ вошли въ послѣднее изданіе его сочиненій.

„Странная исторія“ взята изъ жизни. Молодая мечтательница, бросающая родительскій домъ для того, чтобы сопровождать въ качествѣ служанки юродиваго, была дочь директора одной казенной зеркальной фабрики. Своимъ поступкомъ она хотѣла загладить грѣхи отца, который грабилъ казну.

Впрочемъ, молодая дѣвушка вернулась въ родительскій домъ и даже вышла замужъ.

При всемъ отвращеніи Тургенева къ громкимъ фразамъ можно себѣ представить удовольствіе, которое онъ испыталъ, когда одинъ благосклонный критикъ его произведеній посоветовалъ ему писать побольше „красивыхъ мѣстъ“, которыя легко бы запоминались, какъ, напримѣръ, слѣдующая сентенція у Шербулье: „L'amitié c'est l'amour sans ailes“.

Тургеневъ былъ совершенно чуждъ авторскаго тщеславія. Его разъ разсмѣшилъ Бертольдъ Ауэрбахъ, сказавъ: „Великое это время, въ которое мы съ вами живемъ“.

Онъ былъ не только скромнѣе, но даже несправедливъ къ себѣ. Графа Льва Толстого онъ считалъ гораздо выше себя. Пушкина, изъ патріотизма, онъ причислялъ къ первымъ поэтамъ всѣхъ временъ. Изъ французскихъ авторовъ особенно любилъ онъ Меримэ и Флобера,

1869 года —

рымъ дру

было до

совсѣмъ

тился

Р

за

иг

г

ВСТѢНІЕ КРОМЪ
 Но „Замбо“ онъ считалъ не-
 рымъ дру-
 было до-
 совсѣмъ
 тился
 Р
 за
 иг
 г
 съ авторами такъ лично друзей. Но „Замбо“ онъ считалъ не-
 утѣшнымъ примечаніемъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе чересчуръ
 детальной обработки какъ главнаго, такъ и мелочей.
 Покой классической старины не была чужда Тургеневу. Онъ даже
 старался (разумѣется, по переводу) добиться пониманія Пиндара, но
 безуспѣшно.

— Иногда что-то мерцало точно сквозь туманъ,—говорилъ онъ,—
 потому все опять исчезало.”

О немецкихъ писателяхъ я слышалъ отъ него мало отзывовъ.
 Когда я въ первый разъ гостилъ у Тургенева, къ нему пріѣзжали
 изъ своей виллы дочери Віардо, Клавдія и Маріанна ¹⁾, для того,
 чтобы вмѣстѣ съ нимъ ежедневно прочитывать по главѣ изъ „Экке-
 харда“ Шеффеля.

Мнѣніе Юліана Шмидта ²⁾ онъ очень цѣнилъ и считалъ вполнѣ
 искренней страстность его полемики. Онъ называлъ его „A good
 hater“ ³⁾.

— „Питшъ,—говорилъ Тургеневъ,—открылъ его“.

Тургеневъ имѣлъ обыкновеніе давать ему дружески-шутливые эпи-
 теты: „великій“, „безсмертный“ и др.

Послѣ поэзіи больше всего Тургеневъ любилъ искусство и, на
 первомъ мѣстѣ, музыку. Каждый знаетъ, какой живой интересъ про-
 являлъ онъ къ всемірно-извѣстной интернаціональной музыкальной
 жизни въ домѣ Віардо. Восторговъ передъ музыкой Вагнера онъ не
 раздѣлялъ. Наиболѣе близкими ему композиторами были Бетховенъ,
 Шубертъ и Шуманъ.

Я никогда не забуду того вечера, когда г-жа Віардо, по просьбѣ
 Тургенева, до поздняго часа пѣла, со свойственной ей одной геніаль-
 ностью, романсы Шуберта (между ними такъ рѣдко исполняемый
 „Wenn meine Grillen schwirren“), сама себѣ аккомпанируя.

Изъ произведеній Тургенева видно, что онъ тонко понималъ иску-
 ство. Въ восторженномъ описаніи пергамскихъ горельефовъ (онъ го-
 ворилъ, что счастливъ, что не умеръ, не увидѣвъ ихъ), особенно ха-
 рактерна его радость, что и пластика грековъ, „этихъ аристократовъ
 человѣческой породы“, имѣла свой романтизмъ и реализмъ.

¹⁾ Первая въ замужествѣ—Шамеро, вторая—Дювернуа.

²⁾ Юліанъ Шмидтъ—историкъ литературы и публицистъ—былъ горячимъ по-
 клонникомъ Тургенева, ставилъ его имя очень высоко среди его современниковъ,
 и вообще принадлежалъ къ кружку берлинскихъ друзей Тургенева, куда входили
 знаменитые представители германскаго искусства, литературы, науки: Мендель,
 Пауль Линдау, Боденштедтъ и др.

³⁾ „A good hater“—хорошій ненавистникъ, т.-е. человѣкъ, умѣющий ненавидѣть.
 Выраженіе это встрѣчается у Тургенева:—„Вѣлискій умѣлъ ненавидѣть“,—говоритъ
 онъ во II-й главѣ своихъ литературныхъ воспоминаній.

Въ кабинетѣ Тургенева въ Баденъ-Баденѣ постоянно висѣли два превосходныхъ голландскихъ ландшафта XVII-го вѣка, которые, если не ошибаюсь, отъ времени до времени мѣнялись.

Тургеневъ говорилъ, что нерѣдко проводилъ въ Парижѣ цѣлые часы на аукціонахъ картинъ въ „Hôtel Drouot“.

— „Это бываетъ передъ размягченіемъ мозга“,—замѣчалъ онъ, шутя, при этомъ.

Одинъ знакомый (не помню, французъ или русскій) разъ высказалъ ему свое удивленіе, что онъ живетъ въ Германіи, въ странѣ, гдѣ искусство отстало и гдѣ въ его области сдѣлано такъ мало совершеннаго (гдѣ нѣтъ, напримѣръ, такого художника, какъ Мейсонье и др.). Тургеневъ возразилъ, что пребываніе въ Германіи все-таки предпочитаетъ другимъ мѣстамъ. Одной изъ причинъ такой привязанности, быть можетъ, была та, что только нѣмцу дано быть *просто человекомъ*.

На мое поздравленіе съ днемъ рожденія Тургеневъ отвѣтилъ мнѣ:

— „О моемъ рожденіи въ этомъ году только вспомнили трое нѣмцевъ,—и мнѣ послѣ этого не любить Германіи?!“

Отвѣтъ этотъ нужно, конечно, принять за простую любезность. Но что нѣмецкая культура и нѣмецкіе нравы были ему глубоко симпатичны—это долженъ признать каждый внимательный и безпристрастный его читатель. Мнѣ стоитъ въ доказательство того напомнить только описаніе путешествія въ горы Hundsrück) въ „Асѣ“¹⁾.

Нечего и говорить, что отъ такого наблюдателя, какъ Тургеневъ, не ускользали дурныя стороны и мелочность нѣмецкой жизни.

Отношеніе Тургенева къ Германіи въ 1870 году извѣстно. Въ ночь объявленія войны онъ ѣхалъ изъ Россіи по Германіи. Эта ночь, говорилъ онъ, навсегда осталась въ его памяти. Всѣ вокзалы

¹⁾ Приводимъ изъ „Аси“ небольшой отрывокъ въ подтвержденіе словъ автора: „...Я отдалъ себя всего тихой игрѣ случайности, набѣгавшимъ впечатлѣніямъ: неторопливо смѣнялись, протекали они по душѣ и оставили, наконецъ, одно общее чувство, въ которомъ слилось все, что я видѣлъ, слышалъ, ощутилъ въ эти три дня,—все: тонкій запахъ смоли по гѣсамъ, крикъ и стукъ дятловъ, немолчная болтовня свѣтлыхъ ручейковъ съ пестрыми форелями на песчаномъ днѣ, не слишкомъ смѣлыя очертанія горъ, хмурыя скалы, чистенькія деревеньки съ почтенными старыми церквями и деревьями, аисты въ лугахъ, уютныя мельницы съ проворно вертящимися колесами, радушныя лица поселянъ, ихъ синіе камзолы и сѣрые чулки, скрипучіе медлительные возы, запряженные жирными лошадьми, а иногда коровами, молодые длинноволосые странники по чистымъ дорогамъ, обсаженнымъ яблонями и грушами... Даже и теперь мнѣ пріятно вспоминать мои тогдашнія впечатлѣнія. Привѣтъ тебѣ, скромный уголокъ Германской земли, съ твоимъ незатѣйливымъ довольствомъ, съ повсемѣстными слѣдами прилежныхъ рукъ, терпѣливой, хотя неспѣшной работы... Привѣтъ тебѣ и миру!“

были переполнены, но нигдѣ не было ни шума, ни суматохи; вездѣ чувствовалась серьезная рѣшимость:

— „Видно было, что поднималась крупная сила“.

Мнѣ неизвѣстно, насколько измѣнились въ Парижѣ его взгляды на Германію. Во всякомъ случаѣ у Тургенева была натура устойчивая.

Политическія его убѣжденія, подѣ влияніемъ условій, при которыхъ Россія находилась въ царствованіе Николая I-го, выработались въ демократическомъ направленіи.

Онъ рассказывалъ, какъ однажды его лакей, подавая ему утромъ самоваръ, сказалъ равнодушнымъ тономъ:

— „Государь умеръ!“

Тургеневъ послѣшилъ ко дворцу, передъ которымъ уже собралась большая толпа и, сдѣлавъ печальное лицо (къ стыду своему, какъ онъ признавался) спросилъ у жандарма, правда ли это. Послѣдній въ свою очередь отвѣтилъ вопросомъ, неужели онъ думаетъ, что кто-нибудь осмѣлится на подобную ложь?

Тургеневъ отправился къ одному изъ своихъ друзей (если не ошибаюсь, Анненкову), у котораго засталъ патетически ораторствовавшего генерала.

Когда тотъ ушелъ, оба они бросились другъ къ другу въ объятія!

Я спросилъ, что слышно о наслѣдникѣ престола и можно ли съ увѣренностью надѣяться на будущее.

— По крайней мѣрѣ извѣстно,—отвѣчалъ Тургеневъ,—что это не такой жестокий, черствый человѣкъ, какъ Николай.

Лично Тургеневъ въ то время мало пострадалъ. Постановленіе, по которому „неслужащій литераторъ“ Тургеневъ въ 1852 году былъ высланъ въ свое имѣніе, въ орловскую губернію, за нарушеніе цензурныхъ правилъ, примѣнялось очень снисходительно. Въ началѣ каждаго мѣсяца къ нему являлся чиновникъ, который, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, клалъ передъ нимъ засаленную бумагу, гдѣ говорилось, что Тургеневъ подлежитъ его надзору.

Чиновникъ всякій разъ спрашивалъ:

— „Что мнѣ съ этимъ дѣлать?“

И всякій разъ Тургеневъ отвѣчалъ, давая ему пятирублевую бумажку:

— „Исполняйте вашъ долгъ“, — послѣ чего его оставляли въ покоѣ.

Хотя онъ не испыталъ на себѣ всей страшной силы давленія тупого и грубаго деспотизма, но видѣлъ слишкомъ много насилія, произвола, беззаконія и взяточничества, чтобы, при своей глубокой любви къ родинѣ и народу, не возненавидѣть тотъ строй, который принесть столько бѣдствій.

— „Смѣхъ русскаго человѣка, называемый Гоголевскимъ „Ревизоромъ“, — сказалъ онъ разъ, — горькій смѣхъ!“

Насколько онъ ненавидѣлъ беззаконіе, настолько истинно любилъ человѣчество и болѣлъ душою за трудящихся и обремененныхъ; стоитъ только вспомнить „Записки Охотника“.

Въ каждомъ, кто бы онъ ни былъ, Тургеневъ прежде всего видѣлъ и уважалъ человѣка. На смертномъ одрѣ онъ смѣло могъ сказать:

— „Я всегда любилъ“.

Онъ былъ совершенно чуждъ односторонности, партійности. Его отношеніе къ самымъ разнообразнымъ событіямъ и направленіямъ, были ли они ему симпатичны или нѣтъ, отличалось такой объективностью, что приводило даже къ недоразумѣніямъ. Вѣдь повѣрили въ Россіи, что Базаровъ — карриатура на молодое поколѣніе, и, къ непріятному изумленію Тургенева, старые генералы привѣтствовали его въ московскомъ дворянскомъ клубѣ за то, что онъ усиленно отстаиваетъ существующій строй ¹⁾.

Далекій отъ партійной страстности, онъ нисколько не увлекался демократическими иллюзіями. Онъ зналъ, что послѣдователи крайнихъ убѣжденій почти всегда смотрятъ на вещи съ ложной точки зрѣнія, и достаточно часто наблюдалъ, какъ ихъ пророчества не сбывались.

— „За этимъ самымъ столомъ, гдѣ сидимъ мы съ вами, — рассказывалъ разъ Тургеневъ, — Н. (извѣстный глава южно-нѣмецкой демократіи) говорилъ мнѣ весною 1866 года, что въ этомъ самомъ году его партія войдетъ въ Берлинъ съ распущенными знаменами“.

Онъ покачалъ отрицательно головою на замѣчаніе Луи Віардо ²⁾, что внезапная революціонная вспышка 1869 года грозитъ бонапартизму паденіемъ, и видѣлъ въ принцѣ Людовикѣ Наполеонѣ будущаго вѣроятнаго наслѣдника республики, хотя права его считалъ очень незначительными.

Одному молодому русскому, посѣтившему его разъ въ Баденъ-Баденъ, онъ заявилъ, что не вѣритъ въ социализмъ.

У меня съ Тургеневымъ зашла разъ рѣчь объ его страхѣ передъ небытіемъ, который такъ ярко выступаетъ въ „Призракахъ“ и осо-

¹⁾ Какъ извѣстно, и самъ Тургеневъ признавалъ, что одинъ и тотъ же его взглядъ толковался самымъ противоположнымъ образомъ. Стоитъ вспомнить его статью „По поводу Отцовъ и Дѣтей“.

²⁾ Луи Віардо, мужъ Полины Віардо-Гарсія, былъ авторомъ многихъ сочиненій по эстетическимъ и культурно-историческимъ вопросамъ. Заслуги его, какъ переводчика, имѣютъ отношеніе къ Россіи. Онъ ознакомилъ французовъ съ Пушкинымъ, Гоголемъ и Тургеневымъ. Изъ-подъ его пера вышли прекрасные переводы „Капитанской дочки“, „Драматическихъ сочиненій“ Пушкина (переводъ сдѣланъ въ сотрудничествѣ съ Тургеневымъ), „Тараса Бульби“ и „Избранныхъ рассказовъ“ Гоголя, „Сценъ изъ русской жизни“ и „Драматическихъ произведеній“ Тургенева и др..

бенно въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“ ¹⁾. Въ маѣ 1874 года, мы ѣхали вмѣстѣ изъ Берлина въ Кѣнигсбергъ. Поѣздъ отошелъ незадолго до полуночи; мы были одни въ купѣ. Просидѣвъ нѣкоторое время молча, Тургеневъ началъ:

— „Скажите, если вопросъ мой не нескромный, что вы думаете о безсмертіи?“

Завязался длинный разговоръ, который Тургеневъ заключилъ слѣдующими словами:

— „Что тамъ ни говорите, а все-таки отъ будущаго насъ отдѣляетъ пропасть: въ одномъ случаѣ она темная—въ другомъ свѣтлая“.

II.

Письма Тургенева Фридендэру.

1.

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3. Четвергъ, 22 іюля 69 г.

М. Г. — Посылаю вамъ второй томикъ моихъ „избранныхъ“ сочиненій. Только первый изъ четырехъ рассказовъ, „Несчастная“, вамъ незнакомъ. Самому мнѣ онъ мало нравится: въ немъ слишкомъ много патологии. Рассказъ этотъ—плодъ воспоминанія юности ²⁾.

Всякое предложеніе перевести его на французскій языкъ я отклонялъ. Нѣмецкому переводчику, какъ вѣроятно вамъ извѣстно, не нужно обращаться за разрѣшеніемъ къ автору.

Разъ „Несчастная“ напечатана, то, при вашей благосклонности къ моимъ произведеніямъ, я не считаю себя въ правѣ скрыть этотъ рассказъ отъ васъ. Изображеніе нѣкоторыхъ нравовъ, быть можетъ, заинтересуетъ васъ.

2.

Баденъ-Баденъ. Вторникъ, 12 октября 69 г.

Любезный другъ! Письмо ваше и брошюру о Менаандрѣ ³⁾ получилъ. Прочелъ ее съ большимъ интересомъ. Она даетъ прекрасное

¹⁾ Напримѣръ, „Конецъ свѣта“, „Старуха“.

²⁾ По поводу рассказа „Несчастная“ въ книгѣ Ив. Иванова: „Ив. Серг. Тургеневъ. Жизнь, личность, творчество“, помѣщено слѣдующее:

„Фактъ относится къ студенческой жизни Тургенева. Онъ зналъ героиню, и режилъ вмѣстѣ съ нею трагическіе моменты ея печальной исторіи. „Эта дѣлушка писалъ онъ, „дѣйствительно сидѣла на окнѣ у меня въ комнатѣ московскаго дома и дѣйствительно царапала ногтемъ льдинки“.

³⁾ Горкель, „Жизненная мудрость Менаандра“.

изображеніе тонкаго, умнаго грека блестящей эпохи, котораго боги, пожалуй даже съ избыткомъ, наградили своимъ лучшимъ даромъ человеку—чувствомъ мѣры.

Новой была для меня подкладка горечи, которая повсюду чувствуется.

Отрывки подобраны весьма удачно.

Очень вамъ благодаренъ за ваше указаніе на „Психею“ и на рисунки Карстенса ¹⁾. „Психею“ я, по всей вѣроятности, опишу.

3.

Баденъ-Баденъ. Четвергъ, 11 ноября 69 г.

М. Г. — Посылаю вамъ „Странную Исторію“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько дополненій, которыя впервые пришли мнѣ въ голову, когда я переписывалъ второй разъ оригиналъ, передъ отправкой его въ Петербургъ. Это штрихи, которые, мнѣ думается, дадутъ картинѣ больше ясности.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ вашу статью ²⁾. То, что вы говорите, какъ будто вылилось изъ моей души. Самъ я, конечно, реалистъ и сынъ своего вѣка, но больше всего люблю и преклоняюсь передъ античнымъ искусствомъ и его произведеніями.

Мнѣ очень пріятно, что вамъ нравятся романы г-жи Полины Віардо.

Въ васъ говорить несомнѣнное музыкальное чутье, что встрѣчается не часто.

Клавдія ³⁾ нарисовала ко дню моего рожденія прекрасное Святое Семейство. Мы всѣ очень хотѣли бы поѣхать въ Веймаръ, для того, чтобы она могла серьезно заняться, но, кажется, весьма трудно найти тамъ хорошую квартиру.

Разсказъ Простѣ ⁴⁾ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе по своей силѣ и, хотѣлось бы мнѣ сказать, по своей яркой рельефности.

¹⁾ Асмусъ-Яковъ Карстенсъ родился въ 1754 году. Самоучкой изучилъ живопись, короткое время посѣщалъ копенгагенскую академію художествъ, получилъ на конкурсѣ медаль, ѣздилъ въ Италію и въ Мантуѣ изучалъ фрески Джуліо Романо. Последние годы жизни провелъ въ Римѣ, гдѣ и умеръ въ 1798 году. Карстенсъ принадлежитъ къ академической школѣ германской живописи и представляетъ изъ себя не столько типъ живописца, сколько разсудочнаго художника, выработавшаго самостоятельный стиль рисунка.

²⁾ Объ античномъ искусствѣ въ противоположность современному.

³⁾ Дочь г-жи Віардо.

⁴⁾ *Анетта Простѣ* баронесса Гюльсгофъ (род. въ 1797 г., сконч. въ 1848 г.) — поэтесса и писательница. Здѣсь, какъ видно изъ имѣющагося въ нѣмецкомъ текстѣ примѣчанія автора, идетъ рѣчь о сборникѣ новеллъ Простѣ Гюльсгофъ, озаглавленномъ: „Еврейскія книги“.

Только дѣйствіе такъ запутанно, что, въ концѣ концовъ, нельзя разо-
браться во всей исторіи.

Во всякомъ случаѣ, хотя это и не установившійся, но очень сильный
талантъ.

Быть можетъ, мы еще встрѣтимся въ Берлинѣ. Шлю вамъ сер-
дечный привѣтъ и жму вашу руку.

4.

Баденъ-Баденъ. 29 августа 70 г.

М. Г. — Только вчера получилъ ваше письмо отъ 18-го — шло
оно цѣлыхъ десять дней — и спѣшу вамъ на него отвѣтить.

Я собирался на обратномъ пути изъ Россіи остановиться на нѣ-
сколько дней въ Кёнигсбергѣ, но такъ какъ уѣхалъ изъ Петербурга
лишь 14-го іюля, то изъ-за надвигавшейся опасности войны Франція
съ Германіей пришлось торопиться, и я едва-едва доѣхалъ до Ба-
дена: черезъ день всѣ желѣзныя дороги были уже заняты воинскими
поѣздами.

Мы провели здѣсь тяжелые дни. Не разъ укладывали свои вещи,
чтобы перебраться въ Вильдбадъ и дальше. Но счастливый оборотъ,
который неожиданно приняла война, сдѣлалъ то, что здѣсь все стало
тихо, какъ никогда. Очень тихо, но и очень пустынно. Извѣстную
скуку побѣждаетъ постоянное волненіе отъ ожиданія; можетъ быть,
это очень хорошо для поддержанія душевнаго равновѣсія.

Излишне говорить вамъ, какъ я всей душой стою на сторонѣ
нѣмцевъ. Это настоящая война цивилизаціи противъ варварства, но
не въ томъ смыслѣ, какъ воображаютъ себѣ господа французы. Бо-
напартизму долженъ быть положенъ конецъ, чего бы это ни стоило,
если только предстоить, вообще, какое-нибудь будущее нравствен-
ности, свободѣ и самостоятельности Европы!

Какую уродливость, лживость, глубокую лѣнь и ничтожность
проявляетъ „великая нація“! Она должна была имѣть свою Іену,
свой Севастополь, Кениггрецъ, и если она не счѣмѣетъ воспользоваться
урокомъ, то ей конецъ!..

Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы слушаемъ глухой и непрерыв-
ный шумъ: бомбардируютъ Страсбургъ. Это очень мучительно и пе-
чально, но необходимо!

Статья о смертной казни ¹⁾, о которой вы говорите, очень меня бы
заинтересовала, и я былъ бы вамъ крайне благодаренъ за ваши сообщенія.

¹⁾ Профессора Іона, въ сборникѣ Вирхова и Гольтцендорфа (1867). Это бы-
ла знаменитый юристъ и ученый (род. 1827 г. — сконч. 1889 г.). Онъ занималъ кафедру
права въ Геттингенѣ и Килѣ.

Переводъ „Казни Тропмана“, къ сожалѣнію, сдѣланъ довольно грубо и въ немъ есть нѣсколько крупныхъ ошибокъ.

Плю вамъ сердечный и дружескій привѣтъ и остаюсь преданный вамъ.

5.

Парижъ. 48, Rue de Douai, 2 апрѣля 74 г.

М. Г. — Мнѣ очень стыдно, когда я думаю, сколько времени я вамъ не писалъ! Это совершенно непростительно, потому я и не пытаюсь оправдываться и просто полагаюсь на вашу доброту.

Черезъ три недѣли я покидаю Парижъ и ѣду черезъ Берлинъ и Кёнигсбергъ въ Россію. На этотъ разъ я, конечно, все сдѣлаю, чтобы имѣть удовольствіе повидаться и поговорить съ вами. Но я пишу вамъ не для того только, чтобы увѣдомить васъ объ этомъ; маленькая змѣя, которая „in herba latet“ ¹⁾, заключается въ слѣдующемъ: на дняхъ, вѣроятно, вы получите только-что вышедшую книгу моего друга Флобера, „La tentation de Saint Antoine“. Я пошлю ее вамъ и могу горячо рекомендовать. По моему мнѣнію, это выдающееся произведеніе. Если вы, какъ я надѣюсь, согласитесь съ моимъ мнѣніемъ и, быть можетъ, сочтете не лишнимъ написать отзывъ объ этомъ литературномъ явленіи, — то очень обрадуете моего друга и несказанно меня обяжете.

Итакъ, „Dixi et animam salvavi“ ²⁾.

6.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Четвергъ, 27 января 76 г.

Прошедшій годъ прошелъ для меня недурно. Вскорѣ послѣ нашего совмѣстнаго путешествія у меня началась въ Россіи жестокая подагра, которая прекратилась въ январѣ 1875 г., т.-е. меньше, чѣмъ черезъ годъ. Съ тѣхъ поръ болѣзнь моя оставляла меня болѣе или менѣе въ покоѣ.

Лѣтомъ я провелъ шесть недѣль въ Карлсбадѣ. Работалъ я очень мало; написалъ только маленькій рассказъ ³⁾, который появится въ февральской книжкѣ „Deutsche Rundschau“ и который я рекомендую вашему снисходительному вниманію. Мой большой романъ ⁴⁾, начатый тѣсколько лѣтъ назадъ, подвигается впередъ очень медленно.

¹⁾ „Прячется въ травѣ“.

²⁾ „Сказалъ и спасъ душу“.

³⁾ „Часы“.

⁴⁾ „Новь“.

А что вы дѣлаете хорошаго? Черкните мнѣ пару словъ, наперекоръ моей лѣни и молчаливости. Конечно, сердечно меня обрадуете.

Можетъ быть, въ концѣ апрѣля я поѣду въ Россію. Если дѣйствительно это мнѣ удастся и вы будете тогда еще въ Кѣнигсбергѣ, то я съ удовольствіемъ останусь тамъ на день и, такимъ образомъ, исполню свое старое обѣщаніе.

Не попадалась ли вамъ въ руки книга Тэна: „*Les origines de la France contemporaine*“, первая ея часть—„*L'ancien régime*“. Если нѣтъ, то достаньте это удивительное сочиненіе. Мало французовъ способно на такую основательность и объективность. Въ цѣломъ получается нѣсколько безцвѣтное впечатлѣніе, но событія, факты, цитаты говорить за себя ¹⁾.

Здѣсь, кажется, умѣренная республика желаетъ приобрести себѣ права гражданства. Она нашла себѣ выдающагося руководителя, сильную индивидуальность въ лицѣ Гамбетты. Кто бы ожидалъ этого отъ легкомысленнаго адвоката? Во всякомъ случаѣ, въ данное время во Франціи это величайшій государственный человѣкъ.

7.

Парижъ, 50, Rue de Douai. 26 декабря 1878 г.

Любезнѣйшій господинъ Фридендэръ! Я бы давно долженъ былъ поблагодарить васъ за вашъ интересный подарокъ ²⁾, но за десять дней только сегодня я въ состояніи писать въ удобномъ сидячемъ положеніи. Мой старый врагъ, подагра, послѣ восьмимѣсячнаго перемирія, снова напалъ на меня съ страшной силой и, какъ говорятъ французы, пригвоздилъ меня къ постели. Теперь мнѣ уже значительно лучше, и я надѣюсь, что скоро встану.

Портретъ въ общемъ не очень похожъ, но для меня онъ имѣетъ особый интересъ, и я еще разъ васъ сердечно благодарю. Г-жа Виа́рдо проситъ передать вамъ ея благодарность и поклонъ.

Моя поѣздка въ Петербургъ отложена на нѣкоторое время; во всякомъ случаѣ не позднѣе, чѣмъ до начала марта. Не подлежитъ

¹⁾ По словамъ Гонкуровъ (*Journal des Goncourts*. Tome V. Paris. 1891, p. 174), Тургеневъ отзывался о Тэнѣ иногда не совсѣмъ благопріятно:

„Сравненіе мое неважное, но позвольте мнѣ, господа, сравнить Тэна съ бывшей у меня охотничьей собакой: она искала, дѣлала стойку изумительно, вообще все, что дѣлаетъ охотничья собака, ей только не доставало чутя, и я долженъ былъ продать ее“. (Ср. у Иванова, стр. 277).

²⁾ Портретъ Полины Виа́рдо-Гарсія, писанный въ 1843 году Гензелемъ, извѣстнымъ художникомъ, профессоромъ берлинской академіи.

никакому сомнѣнію, что на этотъ разъ я остановлюсь въ Кёнигсбергѣ. По всей вѣроятности, я выѣду изъ Берлина съ утреннимъ поѣздомъ и ночь проведу въ Кёнигсбергѣ. Извѣщу васъ объ этомъ телеграммой.

Очень благодарю за пожеланіе. Мнѣ бы хотѣлось снова взяться за перо, но до сихъ поръ не чувствую въ себѣ этой возможности. Манфредъ Байрона (типъ мало мнѣ симпатичный) говоритъ въ концѣ трагедіи: „Oldman! it's not so difficult to die“ ¹⁾. Я бы сказалъ вмѣсто „to die“—„not to write“ ²⁾. Къ этому совершенно привыкаешь.

Буживаль. Les Frères. 11 іюля '82 г.

Я не читалъ того, что написалъ обо мнѣ Питшъ. По дружбѣ онъ, вѣроятно, многое преувеличилъ.

Къ сожалѣнію, твердо установлено одно: моя болѣзнь хотя не опасна и не слишкомъ мучительна, но принадлежитъ къ разряду неизлечимыхъ. Скверно то, что пока болѣзнь существуетъ — нельзя и думать ни о путешествіи, ни о работѣ. Нужно отказаться отъ этой мысли...

Съ нѣм. СЕРГѢЙ БЕРТЕНСОНЪ.

¹⁾ „Старикъ! не такъ ужъ трудно умирать!“

²⁾ Вмѣсто „умирать“—„не писать“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1906 г.

Рѣчи Вильгельма II и прусскій монархизмъ.—Консервативная оппозиція противъ короля.—Внутреннія дѣла Пруссіи и Германіи.—Соціалистическій съѣздъ въ Мангеймѣ.—Критскій вопросъ.—Реформы въ Китаѣ и Персіи.

Императоръ Вильгельмъ II часто даетъ матеріалъ для газетной критики своими дѣйствіями и рѣчами, не только какъ конституціонный монархъ, но и какъ самостоятельный политическій дѣятель, имѣющій свои особые взгляды и высказывающій ихъ публично по разнымъ поводамъ и случаямъ. Недавно, 8-го сентября (нов. ст.), при открытіи памятника Фридриху Великому въ Силезіи, близъ города Бреслава, онъ произнесъ двѣ небольшія, но весьма характерныя рѣчи, которыя надѣлали много шума въ нѣмецкой печати. Ссылаясь на специальное попеченіе божественнаго Промысла о прусскомъ народѣ и государствѣ, онъ между прочимъ выразилъ твердую увѣренность, что при повтореніи грозныхъ событій, съ которыми такъ блистательно справился его великій предокъ, современные силезцы и пруссаки тоже вышли бы побѣдителями, ибо всѣ попрежнему дѣйствовали бы единодушно, съ полною преданностью и любовью къ отечеству, и только при такихъ условіяхъ будущность страны можетъ считаться обезпеченною. „Фридрихъ II долженъ служить поучительнымъ примѣромъ въ тѣ моменты, когда люди теряютъ охоту къ труду, когда они падаютъ духомъ, когда умомъ овладѣваютъ черныя мысли и опасенія“... „Прочъ съ этимъ!—продолжалъ Вильгельмъ II.—Подобно тому какъ великій король никогда не былъ покинутъ своимъ старымъ союзникомъ (Богомъ!), такъ и наше отечество и эта прекрасная провинція всегда останутся близкими его сердцу. Изъ сокровища этихъ воспоминаній и общихъ проявленій вѣрноподданинческихъ чувствъ мы почерпнемъ новый обѣтъ: отнынѣ, съ напряженіемъ всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, посвятить себя только одной задачѣ, *двинуть впередъ нашу страну, работать для нашего народа, совмѣстными усиліями разныхъ вѣроисповѣданій противодѣйствовать безвѣрію, и прежнему всего сохранить свободный взглядъ на будущее и никогда не отчаиваться въ себѣ и въ своемъ народѣ. Живущимъ принадлежитъ міръ. Людей мрачныхъ воззрѣній я не терплю, и кто не пригоденъ для работы, тотъ пусть удаляется, или, если хочетъ, пусть ищетъ себѣ*

лучшую страну. Отъ нашихъ силезцевъ я жду, что они вновь объединятся въ рѣшеніи слѣдовать за своимъ герцогомъ въ его работѣ и особенно въ его мирной работѣ на пользу народа, придерживаясь великихъ цѣлей и образцовъ“.

Въ этихъ рѣчахъ мы видимъ, съ одной стороны, самое яркое проявленіе монархической идеи: Вильгельмъ II говоритъ о Богѣ, какъ о „старомъ союзникѣ“ прусскихъ королей, и провозглашаетъ первымъ долгомъ гражданина безусловную вѣрность и преданность своему монарху; онъ ставитъ себя лично и свою династію на недостижимую высоту, и всѣ обращающіеся къ нему съ привѣтствіями и благодарственными рѣчами раздѣляютъ, повидимому, его точку зрѣнія, употребляя напыщенно-льстивыя формулы преувеличеннаго низкопоклонства. Условныя фразы о престолѣ и отечествѣ дышатъ искренностью: въ этомъ отношеніи король приписываетъ себѣ лишь то, что охотно признаютъ за нимъ его подданные. Необыкновенно великое призваніе Гогенцоллерновъ, особыя связи ихъ съ божественнымъ Промысломъ, исключительная роль Пруссіи и Германіи во всемірной исторіи, — все это входитъ въ обычный кругъ понятій и разсужденій огромнаго большинства современныхъ прусско-нѣмецкихъ патріотовъ. Но, съ другой стороны, кому и для чего служить это величіе династіи и самого Вильгельма II? Высшею и единственною цѣлью остается служеніе родинѣ, неустанная и самоотверженная работа на пользу отечества, стремленіе двинуть впередъ свою страну, увеличить ея могущество и славу среди другихъ культурныхъ націй. Король-императоръ прямо и всецѣло подчиняетъ свои монархическія права и преимущества высшимъ правамъ и интересамъ государства; онъ не выдѣляетъ своего высокаго положенія, какъ чего-то обособленнаго и самодовлѣющаго, а ставитъ его въ неразрывную связь съ интересами развитія и процвѣтанія страны. Онъ не думаетъ ограждать свою власть и авторитетъ отъ народныхъ требованій и притязаній, а напротивъ, всю свою власть и весь свой авторитетъ онъ отдаетъ на службу народу въ широкомъ смыслѣ этого слова. Какъ онъ понимаетъ это служеніе народу, какіе интересы государства кажутся ему наиболѣе важными, — это другой вопросъ; но несомнѣнно, что онъ смотритъ на свою миссію исключительно какъ на совокупность служебно-патріотическихъ обязанностей относительно Пруссіи и Германіи. Въ его словахъ и дѣйствіяхъ нѣтъ даже отдаленнаго намека на какой-либо антагонизмъ между монархическою властью и населеніемъ; династія и народъ составляютъ для него одно цѣлое, и мысль о томъ, чтобы пожертвовать интересами страны для возвеличенія и упроченія королевско-императорскихъ правъ, оказывается совершенно чуждою Вильгельму II и его вѣрнѣйшимъ почитателямъ. Это своеобразное сочетаніе сильно

развитого монархическаго культа съ идеей неуклоннаго, почти фанатическаго служенія государству и націи является существенною характерною чертою прусскаго традиціоннаго монархизма и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ его внутренней силы и крѣпости при современномъ свободномъ развитіи демократическихъ нравовъ и воззрѣній. На этой почвѣ національнаго служенія домъ Гогенцоллерновъ дѣйствительно можетъ стоять незыблемо, какъ „гранитная скала“ (*rocher de bronze*), о которой говорилъ когда-то Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Въ Пруссіи нѣтъ и не можетъ быть такихъ монархистовъ, которые во имя монархіи отрицали бы народныя права или стремились бы вести борьбу противъ общихъ интересовъ и потребностей государства; оттого тамъ и нѣтъ отдѣльной монархической партіи, и самый вопросъ о монархіи не существуетъ для практической политики. Только у насъ возможны „патріоты“, горячо ратующіе за сохраненіе завѣдомо опаснаго для страны неограниченнаго режима, доведшаго ее до разоренія и позора,—мнимые монархисты, готовые желать своему отечеству повторенія Мукдена и Цусимы, лишь бы остались въ силѣ выгоды и привилегіи ихъ самовластия,—люди, ставящіе династію внѣ и выше государства и народа. Правда, монархисты подобнаго рода, откровенно отдѣляющіе монархію отъ реальныхъ интересовъ отечества, образуютъ у насъ ничтожное меньшинство, но это меньшинство обладаетъ еще громаднымъ фактическимъ вліяніемъ и пользуется, по недоразумѣнію, особымъ покровительствомъ двора. Еслибы наши охранители способны были серьезно проникнуться пониманіемъ тѣхъ интересовъ, которые они будто бы охраняютъ, они могли бы многому поучиться у прусскихъ консерваторовъ и ихъ авторитетнаго главы, Вильгельма II; они узнали бы тогда, что сила монархической государственности—не въ томъ, чтобы вести страну назадъ, поддерживая въ ней систему произвола и безправія, и не въ томъ, чтобы воевать противъ общества и народа, защищая злоупотребленія власти. Само собою разумѣется, что идеалы прусскаго монархизма далеко не совпадаютъ съ стремленіями крайнихъ элементовъ германской націи; но если заранее признается принципъ, что династія не имѣетъ и не можетъ имѣть другихъ цѣлей и интересовъ, кромѣ государственно-народныхъ, то исчезаетъ опасность односторонняго торжества враждебной или нежелательной народу политики, и въ концѣ концовъ монархія будетъ поневолѣ идти по тому пути, который соответствуетъ потребностямъ и стремленіямъ демократіи.

По своимъ общимъ намѣреніямъ и цѣлямъ, особенно во внѣшней политикѣ, Вильгельмъ II несомнѣнно является выразителемъ большинства вѣмцакаго народа; критика—иногда довольно рѣзкая и еднородная—вызывается только его своеобразными взглядами по вну-

треннимъ вопросамъ, въ которыхъ рѣшающее слово принадлежитъ однако не ему, а народному представительству. Нѣмецкія газеты не стѣсняются возражать королю-императору по поводу его отзывовъ о задачахъ и обязанностяхъ благонамѣренныхъ гражданъ; даже консервативные публицисты протестуютъ противъ желанія навязать обывателямъ какой-то самодовольный оптимизмъ, доходящій до отрицанія правъ на существованіе „людей мрачныхъ воззрѣній“ (Schwarzseher). Никто не имѣетъ права предлагать гражданамъ уходить изъ своего отечества и искать лучшую страну, если они недовольны существующимъ порядкомъ вещей: ибо недовольство существующимъ есть источникъ того постоянного стремленія впередъ, которое провозглашается самимъ Вильгельмомъ II. Мрачный пессимизмъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ классовъ населенія можетъ вполне оправдываться обстоятельствами; онъ заставляетъ людей добиваться коренныхъ реформъ, которыя мало-по-малу становятся все болѣе осуществимыми и неизбежными, и которыя безспорно клонятся къ общему благу и пользѣ государства. Народныя массы въ Пруссіи не могутъ быть довольны, на примѣръ, устройствомъ и составомъ своихъ парламентскихъ учреждений, обеспечивающихъ широкое представительство только богатымъ классамъ населенія; устарѣлая и явно несправедливая система выборовъ въ прусскую палату депутатовъ давно уже осуждена всѣми прогрессивными партіями, и до послѣдняго времени наиболѣе многочисленный рабочій классъ даже совершенно устранился отъ участія въ выборахъ въ эту палату, созданную преимущественно для землевладѣльцевъ, капиталистовъ и крупныхъ плательщиковъ податей; защитники интересовъ трудящагося населенія превращались поневолѣ въ мрачныхъ пессимистовъ, но изъ этого еще не слѣдовало, что они должны были бы „искать лучшую страну“ и очистить мѣсто смиреннымъ поклонникамъ существующаго порядка вещей. Такъ же точно весьма вѣскія основанія для недовольства и пессимизма даются чрезмѣрнымъ господствомъ милитаризма, сосредоточеніемъ военной власти въ рукахъ привилегированнаго дворянства и всѣмъ сословнымъ строемъ прусской монархіи; люди мрачныхъ воззрѣній давно находятъ, что этотъ традиціонный строй подлежитъ полному преобразованію для пользы отечества. и, конечно, они не могутъ считать себя лишними въ своей странѣ только потому, что ихъ ненавидитъ и боится могущественное землевладѣльческое „юнкерство“.

Среди газетной полемики, вызванной рѣчами Вильгельма II, обращаютъ на себя вниманіе критическія размышленія благонамѣреннѣйшаго нѣмецкаго органа, имѣющаго отчасти офиціозный характеръ, — именно „Кѣльнской Газеты“. „Либеральные и національные круги въ Пруссіи и Германіи, — говоритъ газета, — всего менѣе желали бы за-

жимать ротъ монарху; ихъ политическія стремленія могутъ только выиграть отъ того, что носитель короны находится въ живомъ общеніи съ народомъ и публично высказываетъ свои мнѣнія. Однако, чѣмъ рѣзче выступаетъ оттѣнокъ программы въ заявленіяхъ императора, чѣмъ сильнѣе они вторгаются непосредственно въ текущіе партійные споры, тѣмъ болѣе они поддаются различнымъ и неправильнымъ толкованіямъ, и такъ какъ не принято, въ отвѣтъ на разнорѣчія въ общественномъ мнѣніи, официально разъяснять и комментировать императорскія слова, то они рискуютъ въ концѣ концовъ усилить путаницу, которую они должны были устранить. Въ виду этой крайне нежелательной возможности, либералы, усматривающіе въ монархическомъ строѣ гарантію прочности и успѣшнаго развитія нашего государства, были бы виновны въ неисполненіи своего долга, еслибы упустили выразить съ полной ясностью и, по мѣрѣ надобности, съ подобающимъ почтеніемъ свое отношеніе къ подобнымъ рѣчамъ монарха, въ качествѣ вѣрноподданнѣйшей „оппозиціи его величества“. Именно въ этихъ кругахъ теплый призывъ императора къ содѣйствію всѣхъ и каждому, къ общему труду на пользу отечества, встрѣтитъ радостный откликъ; но разныя толкованія начнутся неизбежно, когда рѣчь зайдетъ о способахъ практическаго примѣненія указываемаго императоромъ способа борьбы съ невѣріемъ, при помощи совмѣстныхъ усилій всѣхъ вѣроисповѣданій. Это императорское слово объ объединеніи разныхъ исповѣданій для борьбы съ невѣріемъ напоминаетъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ недавняго съѣзда католиковъ въ Эссенѣ, гдѣ такое объединеніе выставлялось лозунгомъ будущей идеальной тактики ультрамонтанства. Еслибы приверженцы вѣроисповѣдной политики истолковали императорскую рѣчь въ томъ смыслѣ, что они призваны играть роль самостоятельной силы въ государствѣ, то мы заранѣе отвергаемъ такое толкованіе и будемъ возставать противъ него самымъ рѣшительнымъ образомъ, хотя бы оно прикрывалось императорскимъ щитомъ“. Въ этомъ религіозномъ политиканствѣ, которое съ такимъ успѣхомъ воплощается католичествомъ, газета видитъ злѣйшаго врага современнаго государства: положительная попытка осуществить мысль, высказанную императоромъ, „открыла бы только дорогу для социаль-демократіи и революціи“. Притомъ безвѣріе, зависящее отъ нравственнаго и умственнаго состоянія общества, не можетъ быть предметомъ политическихъ мѣропріятій, и искусственные вѣроисповѣдные союзы не внесутъ на этой почвѣ ничего другого, кромѣ раздраженія. „Kölnische Zeitung“ протестуетъ также противъ пренебрежительнаго отношенія къ пессимистамъ. Если ирраціональныя взгляды на современное положеніе дѣлъ приводятъ къ политическому бездѣйствію и равнодушію, то они несомнѣнно должны быт

сурово осуждаемы; „но—говорить далѣе газета—императоръ, очевидно, не имѣетъ достаточно данныхъ, чтобы правильно судить о силѣ и объемѣ пессимистическаго настроенія въ нашей странѣ“... „Еслибы слѣланъ былъ практическій выводъ изъ его рѣзкихъ словъ, то могло бы случиться, что потокъ людей, уходящихъ изъ отечества, выросалъ бы и увеличивался бы безпредѣльно, и носитель короны, осматривая ряды оставшихся, долженъ былъ бы придти къ заключенію, что далеко не худшіе удалились для отысканія лучшей страны. Времена столь серьезны, что мы позволяемъ себѣ апеллировать къ лучше осѣдомленному императору. Тѣ, которые призваны быть совѣтниками короны, несутъ на себѣ тяжелую отвѣтственность; пусть они прежде всего изслѣдуютъ причины мрачнаго недовольства, охватившаго нашъ народъ, и представлятъ императору откровенно, безъ прикрасъ, результаты своего добросовѣстнаго изученія; пусть они также изъ своей среды удалятъ людей, „непригодныхъ къ работѣ“. Въ кругахъ пессимистовъ (Schwarzseher) господствуетъ убѣжденіе, что недугъ, разѣдающій національную жизнь, дѣйствуетъ не только въ народѣ, что и правительство и система, управляющая нами, имѣютъ свою значительную долю участія въ распространеніи зла, и что настоятельно-нужныя разъясненія этого обстоятельства не докладываются императору. Императоръ призываетъ всѣхъ, въ томъ числѣ и правящихъ, къ общей работѣ: пусть же они идутъ впереди, пусть они предоставлять городскому классу, служащему опорой монархіи въ Пруссіи, то положеніе въ государствѣ, которое принадлежитъ ему по праву и котораго онъ такъ давно и такъ тщетно домогается;—тогда и мрачный взглядъ на вещи въ верхнихъ и низшихъ слояхъ общества уступить мѣсто общему возбужденію и подъему всѣхъ силъ...“

Это не лишнее ядовитости обращеніе къ правящимъ, къ совѣтникамъ и приближеннымъ самого Вильгельма II,—какъ и вся вообще критика императорскихъ словъ въ „Kölnische Zeitung“,—показываетъ намъ наглядно ту степень свободы печати, и слѣдовательно политической свободы вообще, какою пользуются на практикѣ пруссаки и нѣмцы при всемъ несовершенствѣ или устарѣлости своихъ государственныхъ учрежденій и законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ независимый и убѣжденный тонъ газеты почти офиціозной, поддерживающей близкія связи съ министерствомъ и получающей обыкновенно свои „достоверныя“ свѣдѣнія и сообщенія изъ Берлина, характеризуетъ политическую добросовѣстность и гражданское мужество нѣмецкихъ умѣренно-либеральныхъ публицистовъ. Пруссіе національ-либералы никогда не отличались смѣлостью и самостоятельностью въ защитѣ своихъ идей; они считаются образцами скромности въ политикѣ, и тѣмъ большее впечатлѣніе производитъ твердый и ясный протестъ,

выражаемый отъ ихъ имени въ авторитетной „Кельнской Газетѣ“ противъ отдѣльныхъ заявленій Вильгельма II. Съ точки зрѣнія нѣмецкихъ патріотовъ, вѣрноподанные граждане имѣютъ не только право, но и обязанность говорить правду своему монарху и бороться противъ такихъ его желаній или предположеній, которыя вытекаютъ изъ ошибочной или односторонней оцѣнки фактовъ и могутъ принести вредъ государству. Въ этомъ здоровомъ пониманіи патріотическаго долга нѣмецкая „вѣрноподанныйшая оппозиція его величества“ остается вполне солидарною съ основными идеями короля-императора объ исключительномъ служеніи всѣхъ и каждого общимъ интересамъ отечества.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ полемика касалась въ сущности не какихъ-нибудь практическихъ проектовъ или программъ, а только личныхъ мнѣній монарха по предметамъ довольно отвлеченнымъ; объ силезскія рѣчи не были даже напечатаны въ официальномъ органѣ имперскаго правительства—„Reichsanzeiger“, хотя и воспроизводились всѣми газетами по официально провѣренному тексту берлинскаго телеграфнаго агентства. Оппозиционная пресса находить неправильнымъ и незаконнымъ это уклоненіе правительства отъ официального обнародованія императорскихъ рѣчей, такъ какъ отсутствіе текста ихъ въ „Имперскомъ Указателѣ“ дѣлаетъ невозможнымъ обсужденіе ихъ въ имперскомъ сеймѣ, въ силу установившейся парламентской практики; но жалобы оппозиціи на это обстоятельство едва ли справедливы. Нужно ли желать, чтобы монархъ съ такимъ темпераментомъ, какъ Вильгельмъ II, воздерживался отъ публичнаго выраженія своихъ особыхъ взглядовъ, или чтобы всякіе взгляды, имъ высказываемые, имѣли официальный авторитетъ и непременно приводили къ известнымъ практическимъ послѣдствіямъ? Казалось бы наоборотъ, что уклончивость правительства въ данномъ случаѣ представляетъ большія удобства для оппозиціи: пока императорскія слова не нашли себѣ мѣста въ официальномъ органѣ имперіи, до тѣхъ поръ они никого ни къ чему не обязываютъ и подлежатъ свободной критикѣ, какъ чисто личныя мнѣнія, изъ которыхъ не слѣдуетъ дѣлать выводы о намѣреніяхъ и цѣляхъ государственной власти; само правительство можетъ игнорировать эти заявленія, какъ не входящія въ область практической политики, а прогрессивная печать можетъ доказывать ихъ ошибочность и несостоятельность—прежде чѣмъ они воплотились въ официальные акты. При такой системѣ сохраняется свобода мнѣній монарха и гарантируется безвредность его ошибокъ или увлеченій для интересовъ страны.

Какую важную роль играетъ общественное мнѣніе въ Германіи въ вопросахъ практической политики, несмотря на формальную незави-

симость правительства отъ парламента, — можно видѣть изъ новѣйшихъ перемѣнъ въ управленіи колоніальнымъ вѣдомствомъ имперіи. Систематическія нападки газетъ на военно-бюрократическія особенности этого управленія побудили, наконецъ, государственную власть принять радикальную мѣру — поставить во главѣ колоніальнаго вѣдомства не сановника-бюрократа, а опытнаго и энергическаго коммерческаго дѣятеля, свободнаго отъ всякихъ служебно-канцелярскихъ традицій. Принцъ Гогенлоэ-Лангенбургъ, управлявшій этимъ самостоятельнымъ департаментомъ имперскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, долженъ былъ выйти въ отставку, и на его мѣсто назначенъ директоръ торгово-промышленнаго банка въ Берлинѣ, Бернгардъ Дернабургъ, сынъ извѣстнаго фельетониста „Berliner Tageblatt“, Фридриха Дернабурга. Такое назначеніе простого коммерсанта-банкира на высокий правительственный постъ, съ присвоеніемъ ему званія „дѣйствительнаго тайнаго совѣтника“ и титула „превосходительства“, произвело необыкновенную сенсацию въ прусско-германскомъ чиновничьемъ мірѣ; оно сильно взволновало старыя консервативныя партіи, — не говоря уже о бюрократіи, — и встрѣчено было съ большимъ восторгомъ всею либеральною буржуазіею. Многимъ кажется, что это назначеніе предвѣщаетъ общую перемѣну въ системѣ выбора кандидатовъ на видныя правительственныя должности, и что предприимчивые дѣловые люди, вроде Дернабурга, призваны обновить и оживить своимъ коммерческимъ духомъ обветшалыя формы администраціи. Такого рода ожиданія и предположенія, по всей вѣроятности, окажутся преувеличенными; тѣмъ болѣе, что событіе, давшее къ нимъ поводъ, не заключается въ себѣ ничего особенно новаго съ точки зрѣнія общеизвѣстныхъ взглядовъ и симпатій Вильгельма II. Германскій императоръ всегда обнаруживалъ исключительное уваженіе и довѣріе къ крупнымъ торгово-промышленнымъ дѣльцамъ, какъ отечественнымъ, такъ и заграничнымъ; американскаго милліардера Пирпонта Моргана онъ принималъ какъ коронованную особу, и въ числѣ крупныхъ нѣмецкихъ предпринимателей-коммерсантовъ всегда бывало нѣсколько лицъ, считавшихся фаворитами и любимыми собесѣдниками монарха. Слабость къ финансовымъ и промышленнымъ тузамъ не свидѣтельствуетъ еще о готовности къ широкимъ демократическимъ реформамъ правительственнаго строя, и не съ этой стороны можно ожидать плодотворныхъ перемѣнъ, о которыхъ заговорили нѣмецкія газеты. Купецъ смѣнилъ принца въ качествѣ колоніальнаго директора просто потому, что потребовалось совершить въ этомъ вѣдомствѣ основательную чистку, какую способенъ былъ предпринять только ничѣмъ не стѣсненный организаторъ, привыкшій безконтрольно распоряжаться въ своей банкирской или торгово-промышленной конторѣ. Дѣйствовать

рѣшительно могутъ и военные, но они склонны заботиться больше о своихъ подчиненныхъ, чѣмъ о массѣ населенія, и часто обнаруживаютъ легкомысліе въ пониманіи хозяйственныхъ интересовъ, какъ это доказалъ въ послѣднее время прусскій министръ земледѣлія, генералъ Подбѣльскій. Газетная кампанія противъ этого генерала выдвинула вопросъ объ его отставкѣ, и очень можетъ быть, что и его преемникомъ явится какой-нибудь банкиръ, болѣе осторожный и компетентный въ экономическихъ вопросахъ. Въ Пруссіи никто уже не сомнѣвается въ правѣ печати безпощадно контролировать и преслѣдовать правительственныхъ дѣятелей, возбуждившихъ противъ себя почему-либо недовѣріе или недовольство. О стѣсненіи прессы въ этомъ отношеніи нѣтъ и рѣчи, хотя газетныя обвиненія далеко не всегда основательны и нерѣдко принимаютъ отбѣнокъ настоящей травли. Никому не приходитъ въ голову ограждать министровъ отъ контроля и нападеній печати, ибо всѣ понимаютъ, что общественные интересы, представляемые печатью, неизмѣримо выше и важнѣе политической карьеры отдѣльныхъ сановниковъ и генераловъ.

Нѣмецкая социаль-демократическая партія имѣла свой обычный делегатскій съѣздъ въ Мангеймѣ, 23 — 29 сентября (нов. ст.), и эта „красная недѣля“ давала газетамъ богатый матеріалъ для разсужденій. Соціалистическій съѣздъ,—собраніе людей, неоднократно объявленныхъ врагами государства,—не нуждается ни въ чьемъ разрѣшеніи или дозволеніи; на этотъ разъ онъ собирался на территоріи великаго герцогства Баденскаго, но въ прошломъ году онъ происходилъ въ предѣлахъ Пруссіи, въ Іенѣ, и въ будущемъ году онъ также предполагается въ прусскихъ владѣніяхъ, въ Эссенѣ. Нѣмецкимъ бюрократамъ не приходится задумываться надъ вопросомъ, разрѣшить ли или не разрѣшить собраніе взрослыхъ гражданъ, причисляющихъ себя къ социалистамъ; въ этомъ отношеніи они счастливѣе своихъ русскихъ коллегъ, для которыхъ даже невинный съѣздъ „кадетовъ“ останаеся предметомъ головоломныхъ заботъ и опасеній.

Первое собраніе социаль-демократовъ въ Мангеймѣ происходило въ роскошномъ городскомъ зданіи, гдѣ вслѣдъ затѣмъ предстояли празднества по случаю семейнаго велико-герцогскаго юбилея; для дальнѣйшихъ засѣданій отведено было помѣщеніе въ одномъ изъ городскихъ театровъ. Послѣ привѣтственной рѣчи мѣстнаго дѣятеля, члена имперскаго сейма и прусской палаты депутатовъ Дреесбаха, произнесъ вступительное слово знаменитый глава партіи, Бебель, которому сдѣлана была восторженная и продолжительная овація. Дѣловыя засѣданія начались 24 сентября подѣ председательствомъ берлинскаго

депутата Зингера. Прежде всего сказано было нѣсколько трогательныхъ фразъ по адресу многочисленныхъ заграничныхъ представителей, прибывшихъ на сѣздъ, причемъ спеціально выражено сочувствіе русской делегаткѣ, госпожѣ Балабановой; отвѣчали Грисмансъ изъ Брюсселя, Гюберъ изъ Вѣны, Рапопортъ изъ Парижа, и другіе. Съ напряженнымъ вниманіемъ выслушанъ былъ представитель польской социалистической партіи, г. Роттеръ, который между прочимъ объяснилъ, что военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ доставило революціонерамъ огромныя выгоды: оно способствовало организаціи городскихъ и сельскихъ массъ, обезпечило свободу подпольной печати и подготовило всеобщее вооруженіе рабочихъ. Предсѣдатель Зингеръ упомянулъ по этому поводу о заслугахъ г-жи Розы Люксембургъ, пытавшейся лично оказать поддержку русско-польскимъ товарищамъ и поплатившейся за это продолжительнымъ арестомъ. Отъ имени русскихъ социалистовъ говорила съ большимъ успѣхомъ г-жа Балабанова; краткими заявленіями еще двухъ делегатовъ закончилась эта международная часть программы сѣзда. Собраніе перешло къ весьма щекотливому и важному вопросу объ отношеніяхъ партіи къ профессиональнымъ рабочимъ союзамъ, имѣющимъ свою самостоятельную центральную организацію и располагающимъ огромными матеріальными средствами; члены рабочихъ союзовъ большею частью причисляются къ социаль-демократамъ и дѣйствуютъ за-одно съ ними на выборахъ, но не входятъ формально въ составъ партіи; этимъ создаются взаимныя неудовольствія и пререканія, принимающія иногда серьезный принципиальный характеръ. Такъ, на прошлогоднемъ партійномъ сѣздѣ въ Іенѣ принята была, по предложенію Бебеля, резолюція въ пользу массовой политической забастовки, какъ способа достиженія извѣстныхъ общихъ цѣлей рабочаго класса; между тѣмъ состоявшееся позднѣе совѣщаніе представителей рабочихъ союзовъ высказалось рѣшительно противъ забастовки, вслѣдствіе чего постановленіе партіи утратило всякое практическое значеніе, — ибо всѣхъ организованныхъ социаль-демократовъ числится въ Германіи менѣе 400 тысячъ, а членовъ рабочихъ союзовъ — приблизительно полтора милліона. Между обѣими организаціями начаты были переговоры о соглашеніи, для выработки плана совмѣстныхъ дѣйствій; ходъ этихъ переговоровъ былъ изложенъ въ особомъ протоколѣ, который долженъ былъ считаться секретнымъ, согласно прямо выраженному желанію генеральной комиссіи рабочихъ союзовъ; однако протоколъ былъ все-таки напечатанъ комитетомъ социаль-демократической партіи, и представители послѣдней должны были публично сознаться въ некорректности своего поступка, хотя и пытались оправдать его разными тактическими соображеніями. Очевидно, нѣмецкая социаль-демократія, около

которой въ извѣстные моменты группируются всѣ наличныя силы рабочаго класса, не можетъ ничего предпринять безъ участія рабочихъ союзовъ; послѣдніе въ свою очередь охотно пользуются ея услугами и почерпаютъ въ ней нравственную силу во время избирательныхъ и иныхъ движеній, но не хотятъ подчиниться ея постоянному руководству, а заставить ихъ признать надъ собою авторитетъ партіи немислимо. Обѣ организаціи стоятъ рядомъ, дополняя себя взаимно при обоюдномъ согласіи и обезсиливая другъ друга при конфликтѣ: одна богата духовными и умственными силами, а другая имѣетъ въ своемъ распоряженіи главныя рабочія массы и обширные матеріальные ресурсы. Сознаніе этого фактическаго превосходства профессиональных рабочихъ союзовъ и безусловная необходимость достигнуть съ ними прочнаго соглашенія легли въ основу новаго проекта резолюціи, внесеннаго комитетомъ партіи по спорному вопросу о массовой забастовкѣ. Бебель вынужденъ былъ перетолковать и измѣнить свое прошлогоднее заключеніе такимъ образомъ, чтобы оно могло быть одобрено представителями генеральной комиссіи рабочихъ союзовъ; представители послѣднихъ вносили еще дополнительные поправки и давали вообще чувствовать, что рѣшающая сила—на ихъ сторонѣ.

Пренія о массовой забастовкѣ заняли полныхъ два дня; все утреннее засѣданіе 26-го сентября посвящено было замѣчательной рѣчи Бебеля, который подробно изложилъ спорные пункты и съ обычнымъ искусствомъ и остроуміемъ мотивировалъ свои новѣйшіе практическіе выводы, безъ ущерба для принципиальныхъ взглядовъ прошлогодняго съѣзда. Въ совѣщаніяхъ съ представителями рабочихъ союзовъ онъ признавалъ неосуществимость и нецѣлесообразность массовой забастовки при данныхъ условіяхъ, и этого мнѣнія онъ придерживается и теперь; однако въ принципѣ онъ стоитъ за массовую забастовку, какъ за сильнѣйшее оружіе въ защиту основныхъ правъ рабочаго класса, и онъ остается вѣрнымъ этому принципу. Въ Пруссіи массовая забастовка, по словамъ Бебеля, была бы обречена на полнѣйшую неудачу. „Противъ рабочихъ дѣйствуютъ здѣсь сплоченныя силы королевской власти, юнкерства и промышленныхъ хозяевъ. Всякая попытка насильственной забастовки была бы подавлена самымъ безпощаднымъ и грубымъ образомъ. При несовершенствѣ нашихъ организацій такая попытка была бы даже безсовѣстна, и мы не могли бы принять за нее отвѣтственность на себя. Бываютъ, конечно, такіе моменты въ жизни народовъ и націй, когда нужно рѣшиться на борьбу во что бы то ни стало, хотя бы угрожало поражение; но полководецъ, который безъ надобности поведетъ свою армію на вѣрную гибель, былъ бы признанъ сумасшедшимъ или достойнымъ разстрѣліянія по военному суду въ двадцать-четыре часа“. Впрочемъ, Бебель не думаетъ, чтобы

массовая забастовка непременно сопровождалась кровопролитіемъ; нельзя вообще предвидѣть способы дѣйствія и шансы успѣха возмущенныхъ народныхъ массъ. „Революціи не создаются намѣренно, — продолжалъ ораторъ, — а являются только необходимыми послѣдствіями чрезмернаго угнетенія сверху. О такихъ вещахъ вообще не философствуютъ и не дѣлаютъ постановленій на партійныхъ сѣздахъ. Одно только можно сказать несомнѣнно: еслибы предпринято было посягательство на право выборовъ въ имперскій сеймъ или на существующее, и безъ того ограниченное, право союзовъ, то вовсе не возникало бы вопроса, желаемъ ли мы, а мы должны были бы подняться. Свободу, которою мы обладаемъ, мы не дадимъ отнять у насъ, — въ противномъ случаѣ мы были бы жалкими, ничтожными людьми“. Одинъ изъ делегатовъ предлагалъ постановить, что массовая забастовка должна быть объявлена, если Германія вмѣшается въ русскія дѣла для противодѣйствія революціи; но Бебель справедливо отвергаетъ эту резолюцію, какъ относящуюся къ такому событію, которое по существу совершенно немыслимо. Резолюція, предложенная Бебелемъ отъ имени комитета партіи, сводится къ признанію равноправности партійной организаціи и представительства рабочихъ союзовъ; для массовой забастовки, какъ и другихъ общихъ предпріятій для пользы рабочаго класса, требуется предварительное соглашеніе обѣихъ организацій. Смыслъ компромисса ясенъ: располагая только арміею въ 400 тысячъ человѣкъ, социаль-демократія не можетъ декретировать что-либо для двухъ или трехъ миллионовъ неподвластныхъ ей рабочихъ, изъ которыхъ большинство имѣетъ свои особые организаціи въ видѣ рабочихъ союзовъ. Чтобы отстоять правоту своей партіи въ спорѣ съ профессиональными союзами и въ то же время не обидѣть этихъ могущественныхъ рабочихъ союзовъ, Бебель разсуждалъ очень дипломатично, и его тонкой игрѣ только отчасти мѣшали доктринерскія поправки Каутскаго и откровенныя возраженія главнаго противника и вмѣстѣ съ тѣмъ союзника, предсѣдателя генеральной комиссіи рабочихъ союзовъ, Легина; но принципиальное соглашеніе было достигнуто, хотя прямолинейные социаль-демократы находили въ немъ слѣды непримиримыхъ внутреннихъ противорѣчій. Г-жа Роза Люксембургъ никакъ не могла понять, какимъ образомъ провозглашеніе принципа массовой забастовки совмѣщается съ практическимъ его отрицаніемъ, и ея остроумныя критическія замѣчанія, направленные противъ Легина и его единомышленниковъ, вызывали шумные аплодисменты. Послѣ очень долгихъ и запутанныхъ преній, въ которыхъ участвовало множество ораторовъ, предсѣдатель Зингеръ предложилъ высказаться сначала Легину, а потомъ Бебелю; но Легинъ считалъ за собою право послѣдняго слова и требовалъ, чтобы раньше гово-

рилъ Бебель, а когда въ этомъ ему было отказано, то онъ вовсе не пожелалъ говорить, и заключительное слово было предоставлено Бебелю. Въ концѣ этого засѣданія 27 сентября предсѣдатель Зингеръ привѣтствовалъ явившагося на съѣздъ г. Плеханова, причемъ рекомендовалъ его собранію какъ „русскаго Каутскаго“; это опредѣленіе, повидимому, понравилось публикѣ, такъ какъ оно встрѣчено было общимъ сочувственнымъ смѣхомъ. Голосованіе состоялось уже въ засѣданіи 28-го числа: резолюція Бебеля-Легина была принята большинствомъ 323 противъ 62 голосовъ. Затѣмъ Бебель предложилъ выразить сочувствіе русскому освободительному движенію, и послѣ этихъ общихъ, такъ сказать международныхъ вопросовъ, съѣздъ занялся болѣе специальными темами—о народномъ образованіи, о семейномъ воспитаніи и обученіи дѣтей, о желательныхъ реформахъ уголовного права и судопроизводства, объ организаціи молодежи для физическихъ упражненій, и т. п. Интересный докладъ г-жи Клары Цеткинъ о воспитаніи дѣтей былъ прерванъ неприятымъ инцидентомъ: референтка внезапно почувствовала себя дурно и опустилась на стулъ въ полномъ обморокѣ; по этому поводу рѣшено было не обсуждать ея реферата, а образовать особую комиссію для обсужденія затронутыхъ ею вопросовъ. На слѣдующій день, 29-го сентября, объявлено было объ окончаніи занятій съѣзда, и участники его разошлись при пѣніи рабочей марсельезы.

Существуютъ международные вопросы, незначительные сами по себѣ, но мучительные по своей безотрадной постановкѣ и по тому упорству, съ какимъ они искусственно, въ теченіе многихъ лѣтъ, ограждаются отъ правильнаго и разумнаго рѣшенія. Сколько разъ волновала умы въ Европѣ роковая судьба кандіотовъ, возстававшихъ противъ турецкаго гнета и опять подпадавшихъ подъ старое иго! Ни одна изъ областей Оттоманской имперіи не подвергалась такимъ жестокимъ испытаніямъ, какъ этотъ злополучный островъ: различныя части Турціи успѣли добиться національнаго освобожденія при содѣйствіи или безъ содѣйствія великихъ державъ, а Кандія, при всѣхъ своихъ кровавыхъ усиліяхъ, неизмѣнно оставалась въ томъ же печальномъ положеніи, которое почему-то настойчиво охранялось европейскою дипломатіею. Въ послѣдніе годы кандіоты, жаждущіе соединенія съ Греціею, имѣютъ противъ себя уже не Турцію, а только Европу, европейскихъ солдатъ и европейскіе броненосцы. Для Крита придумана была особая полу-автономія, съ греческимъ губернаторомъ, но безъ прямыхъ связей съ остальнымъ греческимъ народомъ, подъ номинальною властью турецкаго султана. Населеніе имѣетъ нѣчто

зродѣ выборнаго представительнаго собранія, которое однако ничего существеннаго постановлять не можетъ; во главѣ мѣстнаго правительства поставленъ былъ сынъ греческаго короля, но только съ тѣмъ, чтобы ни правительство, ни населеніе не смѣли мечтать о національномъ единствѣ съ Греціею.

Фальшивое положеніе королевича Георгія, находившагося съ одной стороны подъ неустаннымъ контролемъ иностранныхъ представителей, а съ другой—подъ тревожнымъ воздѣйствіемъ туземныхъ патріотовъ, сдѣлалось наконецъ невыносимымъ, и злосчастный губернаторъ долженъ былъ буквально бѣжать съ острова, гдѣ населеніе желало сохранить его во что бы то ни стало, даже съ употребленіемъ насилія. Королевичъ Георгій былъ для кандіотовъ символомъ воссоединенія съ Греціею, и жители держались за него только потому, что видѣли въ немъ залогъ будущей свободы; но играть роль безсильнаго заложника было слишкомъ трудно для живого человѣка, и онъ отрекся отъ своей миссіи, вопреки протестамъ населенія. На его мѣсто назначенъ теперь другой представитель греческой націи, бывшій министръ и извѣстный политическій дѣятель Заннись, а Кандія остается подъ прежнимъ уродливимъ режимомъ, которому нѣтъ опредѣленнаго названія. Кому нужны эти безконечные дипломатическіе опыты надъ кандіотами—неизвѣстно, и весь этотъ критскій вопросъ представляется намъ какою-то международно-психологическою загадкою.

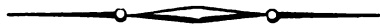
Въ газетахъ сообщаются отъ времени до времени какія-то странныя свѣдѣнія о реформахъ въ Китаѣ и Персіи. Нѣсколько китайскихъ чиновниковъ послано было въ Европу для изученія вопроса объ усовершенствованіи государственнаго строя Небесной имперіи; они возвратились съ почтительнымъ докладомъ о томъ, что Китаю нужна конституція. Дворъ тотчасъ же усвоилъ эту интересную мысль и обнародовалъ императорскій декретъ о цѣломъ рядѣ будущихъ предварительныхъ преобразованій для подготовки китайцевъ къ новому конституціонному режиму. Вмѣстѣ съ тѣмъ опубликована подробная программа предстоящихъ работъ по всѣмъ отдѣламъ законодательства и управленія; множество столичныхъ и провинціальныхъ сановниковъ назначено для обсужденія различныхъ пунктовъ этой программы и для внесенія въ нее желательныхъ перемѣнъ. Манифестъ, составленный вдовствующею императрицею и изданный отъ имени императора, — по свидѣтельству пекинскаго корреспондента лондонскаго „Times“—написанъ въ отличномъ тонѣ и произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Его величество серьезно обѣщаетъ ввести конституціонную правительственную систему, когда народъ окажется до-

статочно къ ней подготовленнымъ. „Съ самаго начала нашей династїи, — говорится въ этомъ знаменательномъ актѣ, — существовали мудрые императоры, которые издавали законы, соотвѣтствовавшіе условіямъ того времени. Нынѣ, когда Китай имѣетъ сношенія со всѣми націями, наши законы и наша политическая система устарѣли, и потому мы должны расширить наши знанія и выработать новый кодексъ законовъ: иначе мы будемъ недостойны довѣрія нашихъ предковъ и нашего народа“. Императоръ приводитъ изъ доклада ѣздившихъ за границу комиссаровъ указаніе на то, что „причина слабости Китая заключается въ антагонизмъ между правителями и управляемыми“; поэтому теперь явилась потребность приучить народъ къ надлежащему пониманію его отношеній къ правительству, для того, чтобы сдѣлать возможнымъ установленіе конституціи. Необходимый для этого періодъ времени „будетъ зависѣть отъ скорости, съ какою нація будетъ идти впередъ по пути къ просвѣщенію“.

Четырнадцать высшихъ должностныхъ лицъ Китая ежедневно собираются на совѣщанія съ упомянутыми выше императорскими комиссарами, и результаты этихъ совѣщаній съ большимъ интересомъ ожидаютъ партією „молодого Китая“, жаждущею реформъ. Окончательное рѣшеніе предоставлено тремъ высокимъ сановникамъ—президенту „вай-ву-пу“, страстному курильщику опиума и всегдашнему защитнику старыхъ административныхъ порядковъ, князю Чину, — восьмидесятилѣтнему Сунъ-кіа-наи, и министру Ху-хунъ-чи, очень часто удивлявшему иностранцевъ своимъ невѣжествомъ въ дѣлахъ вѣшной политики. Ни одинъ изъ этихъ высокихъ сановниковъ не обладаетъ элементарными свѣдѣніями, обязательными для всякаго образованнаго человѣка въ Европѣ; ни одинъ изъ нихъ, въ частности, не имѣлъ случая думать о крупныхъ государственныхъ преобразованіяхъ, но они все-таки знаютъ, что реформы нужны, ибо, съ одной стороны, многіе требуютъ ихъ, ссылаясь на примѣръ Японіи, а съ другой—противникамъ нововведеній грозятъ неожиданные взрывы, опасные для жизни. Поэтому, какъ предполагаетъ корреспондентъ газеты „Times“, уступки духу времени будутъ сдѣланы и какія-нибудь реформы выработаются со временемъ, хотя сущность ихъ остается пока предметомъ неопредѣленныхъ догадокъ.

Еще болѣе оригинальны сообщенія о реформаторскомъ движеніи въ Персіи. Какъ только стало извѣстно, что шахъ рѣшилъ даровать своему народу конституцію, тотчасъ же всѣ обыватели Тегерана, считавшіеся приверженцами реформъ, бросили свои обычныя занятія и искали защиты подъ британскимъ флагомъ, собравшись огромною толпою въ обширномъ паркѣ посольства. Численность этой толпы, бѣжавшей въ ужасѣ отъ проекта персидской конституціи, доходила одно

время до 16.000 человекъ. Оказалось, что великій визирь грозилъ казнить или выслать изъ страны всѣхъ вольнодумцевъ, которые осмѣлятся отнестись одобрительно къ колебанію исконныхъ началъ персидскаго государственнаго строя, а народъ хорошо зналъ правительственные приемы и обычаи всемогущаго правителя, распоряжавшагося въ странѣ отъ имени „царя царей“. Впослѣдствіи, отчасти подъ вліяніемъ британскаго посольства, суровый великій визирь былъ смѣненъ; но преемникъ его также не допускалъ реформъ, предложенныхъ шахомъ, и внутренній кризисъ не разрѣшился даже формальнымъ указомъ о введеніи народнаго представительства. Общаются или производятся какія-то конституціонныя реформы, а тѣмъ временемъ періодически повторяется бѣгство персидскихъ обывателей подъ сѣнь благотѣльнаго британскаго флага. Почетная роль этого флага въ Персіи дѣлаетъ больше для укрѣпленія и распространенія авторитета британскаго имени въ странѣ, чѣмъ всѣ дипломатическія и финансовыя комбинаціи другихъ державъ, имѣющихъ или стремящихся имѣть торговые или иные интересы въ Персіи.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Georg Brandes. Henrik Ibsen. („Die Literatur“, Bard-Marquardt. Berlin. 1906).

Смерть Ибсена текущимъ лѣтомъ прибавила къ столь обширной литературѣ о великомъ норвежскомъ драматургѣ цѣлый рядъ очерковъ, посвященныхъ общей оцѣнкѣ его творчества. Новаго въ сущности отъ этихъ посмертныхъ очерковъ ожидать не приходится, такъ какъ литературная дѣятельность Ибсена закончилась уже за нѣсколько лѣтъ до его смерти, и послѣдніе годы его жизни ничего не прибавили къ итогу его произведений. Ибсенъ—рѣдкій, быть можетъ единственный примѣръ писателя, знавшаго, что онъ пишетъ послѣднее произведение задолго до смерти. Свою послѣднюю драму, „Когда мы мертвые пробуждаемся“, онъ назвалъ эпилогомъ, такъ же твердо и методично завершивъ свою литературную дѣятельность, какъ твердо и методично онъ писалъ новую драму каждые два года. Послѣднія шесть лѣтъ жизни онъ былъ боленъ, и духовная смерть наступила задолго до физической.

Но хотя Ибсенъ былъ въ достаточной мѣрѣ изученъ и обсужденъ критикой всѣхъ странъ при жизни, все же только теперь можно безпристрастно говорить о томъ, что составляетъ главную силу Ибсена и въ чемъ наиболѣе сильно сказывается его вліяніе. Пока появлялись его новыя пьесы, Ибсенъ какъ-то гипнотизировалъ своимъ мрачнымъ голосомъ, который будто бы звалъ къ свободѣ, но въ то же время давилъ душу, раскрывая неумолимые желѣзные законы жизни. Только когда драмы его стали какъ бы входить въ составъ культурной жизни, можно было взглянуть на нихъ изнутри, отдѣлить въ нихъ гениальнаго художника отъ спорнаго мыслителя. И вотъ теперь, когда всѣ его драмы кристаллизировались въ сознаніи культурнаго человѣчества, можно поставить и болѣе или менѣе опредѣленно рѣшить вопросъ: чѣмъ великъ Ибсенъ?

Отвѣтъ намъ кажется яснымъ: Ибсенъ—гениальный художникъ. Будучи самъ выученикомъ старыхъ французскихъ мастеровъ сцены, онъ совершенно преобразовалъ технику театральнаго искусства. Онъ изгналъ всѣ эффекты, все „искусство подготовленія“, всю искусственность стараго театра—и драматическое искусство загорѣлось новой жизнью; все на сценѣ стало неожиданнымъ, простымъ и безыскусственнымъ, и въ то же время безконечно сложнымъ, внутренне необходимымъ и волшебнымъ фантастичнымъ. Типы и характеры стараго театра

исчезли; явились люди, каждое лицо стало органически цельным в своей самобытности, возсозданное во всей своей обособленности, вплоть до своих причудъ. На сценѣ воцарилась дѣйствительность, и условность стараго театра отошла въ прошлое, была изболѣдена и уничтожена. И смѣнилъ ее Ибсенъ не реализмомъ, не правдой быта, а только своимъ даромъ синтеза, цѣлостностью своихъ твореній, внутренней закономерностью своихъ образовъ, индивидуальных до странности, до дикости. И еще великъ художникъ-Ибсенъ атмосферой своихъ драмъ—духовной напряженностью дѣйствія: каждое житейское обстоятельство дѣлается у него глубокимъ переживаніемъ души, борющейся съ законами жизни. Умѣніе представить съ гипнотизирующей силой дуэль между волей и судьбой и составляетъ гениальность Ибсена. Мрачнымъ гипнозомъ вѣетъ отъ всѣхъ его драмъ, и онъ властно увлекаетъ за собой міръ въ подземелья духовной жизни, въ шахты, откуда онъ извлекаетъ благороднѣйшій металлъ—правду человѣческой души. Образъ рудокопа больше всего символизируетъ искусство Ибсена, и онъ самъ сливается съ этимъ образомъ въ стихотвореніи „Bergmann“, изъ котораго Брандесъ приводитъ въ своей книгѣ два характернѣйшихъ для Ибсена стиха: „Пусть открой, тяжелый молотъ,—мнѣ ты прямо въ сердце горь“. Какая угодно изъ драмъ Ибсена можетъ служить нагляднымъ примѣромъ величія Ибсена какъ художника. Возьмемъ хотя бы „Росмерсхольмъ“. Трагическая героиня драмы съ ея чувственной волей такъ мощно противопоставлена во всей сложности своей индивидуальной жизни „воспитателю избранниковъ духа“ (Adelsmenschen), гипнозъ угрюмаго замка такъ сливается съ мрачной правдой душъ, живущихъ только въ своей истинѣ, что каждое вѣдѣнное обстоятельство какъ-то раскрывается само собой и обнаруживаетъ все, что въ немъ затаено. Безконечная масса подробностей, психологія, разработанная до того, что она стала какъ бы ясновидѣніемъ, полный реализмъ, т.-е. жизнь, взятая въ своихъ непосредственныхъ житейскихъ интересахъ, и все это преобразованное въ мистерію, въ открытія послѣдней правды душъ,—такой представляется эта трагедія, гдѣ воля жизни и законъ души изображены въ отчаянной, послѣдней борьбѣ. Каждый моментъ дѣйствія напряженъ до безконечной выразительности, и реальное теченіе жизни становится образомъ скрытой правды душъ. Гипнозъ охватываетъ зрителя съ перваго момента, когда раскрывается внутренняя исторія двухъ жизней, протекающихъ рядомъ въ кажущейся гармоніи—и во внутренней борьбѣ за преобладаніе каждая своей жизненной основы. И гипнозъ не оставляетъ зрителя до момента конечнаго торжества духа отрицанія и освобожденія.

За художникомъ Ибсеномъ есть Ибсенъ, волновавшій современные умы подвѣтными имъ вопросами. Одно время онъ казался однимъ изъ не-

многих истинныхъ учителей жизни. Онъ поднималъ вопросъ, составляющій сущность современныхъ исканій и въ жизни, и въ творческой мысли — вопросъ о личности, противопоставленной законамъ общественности. А затѣмъ, углубляя внутренній смыслъ индивидуализма, онъ освѣтилъ трагическую борьбу между волей и законами духа. Выводомъ его проникновенія въ область индивидуальнаго творчества должно было быть ученіе о свободѣ. Ибсенъ долго казался пророкомъ новой свободы, разрушающей и условности стараго быта, и основы старой нравственности. Семья, буржуазная честность, любовь, материнство, все, что составляло устой стараго порядка, безпощадно обезцѣнивалось во имя новой свободы, достигаемой на разныхъ путяхъ: на пути эстетизма („Гедда Габлеръ“), самопознающей индивидуальности („Нора“) и, главное, во имя побѣды очищающаго и возвышающаго духа надъ рабскою волей страстей и инстинктовъ. Реалистъ Ибсенъ съ его мятежомъ противъ условностей стараго человѣчества доходить въ своихъ исканіяхъ свободы до высочайшаго идеализма, до славословія побѣды желаній надъ дѣйствительностью въ области свободы и радости духа, неосуществимой на землѣ. Лучшія двѣ драмы Ибсена — „Строитель Сольнесъ“ и „Росмерсхольмъ“, гдѣ облагораживающій духъ приводитъ просвѣтленную имъ волю къ невоплотимой на землѣ радости и свободѣ, — т.-е., къ подвигу, находящему исходъ въ смерти. Въ этихъ двухъ драмахъ освѣщены напряженнѣйшіе предѣлы исканій свободы, и другія пьесы — тоже мистеріи вѣчныхъ противорѣчій силы страстей и законовъ духа.

Но все же, хотя Ибсенъ освѣтилъ исканіе высшей свободы въ современной душѣ, учителемъ свободы его назвать нельзя. Въ его драмахъ чувствуются пути протестантской морали — хотя бы уже въ томъ, что аскетизмъ представляется у него всегда свѣтомъ, побуждающимъ свободу страстей, и затѣмъ принципъ индивидуальной свободы и принципъ нивелирующаго демократизма переплетаются у него въ странное противорѣчіе. Детерминистъ, написавшій „Призраки“, провидитъ мистическую побѣду воли надъ дѣйствительностью въ „Сольнесѣ“; обличитель общественной несправедливости, въ то же время врагъ демократіи, разрушитель нравственныхъ устоевъ, идеализируетъ строгихъ судей нравственности, возвеличиваетъ Росмера, врага радости жизни, апостола отреченія. Всѣ эти противорѣчивыя идеи драмъ Ибсена художественно воссоздаютъ трагизмъ жизни, но идеала свободы въ нихъ Ибсенъ не создалъ, потому что, освѣщая всѣ святини, которыми люди живы, онъ ни одну изъ нихъ не возводитъ въ правду жизни. Рядомъ съ свободой у Ибсена есть другой, казалось бы, еще болѣе опредѣленный идеалъ — правда. Главное — быть цѣльнымъ, не бояться глубочайшихъ обнаженій души, быть вѣрнымъ своей правдѣ, быть мученикомъ ея — таково, казалось бы, ученіе „Бранта“ и дру-

гихъ героевъ Ибсена. Но и въ этомъ вопросѣ Ибсенъ не знаетъ твердыхъ рѣшеній. Онъ обличаетъ ложь, какъ жизненный кумиръ слабой толпы, въ „Дикой Уткѣ“, но онъ рисуетъ цѣлый рядъ людей, которые создаютъ дѣйствительность въ воображеніи и не считаются съ объективной правдой, точно она ниже ихъ. Таковы всѣ его мечтатели и идеалисты—отъ Пэра Гинта до Сольнеса и Гильды.

Объясненіе этихъ идейныхъ противорѣчій—простое. Ибсенъ понималъ современную душу, угадалъ противорѣчія, составляющія ея трагическій законъ, и возсоздаетъ эту трагедію какъ великій художникъ. Но не нужно искать у него отвѣтовъ. Въ своихъ идейныхъ замыслахъ Ибсенъ не былъ творцомъ истинъ, руководящихъ жизнью.

Для характеристики Ибсена, какъ художника, очень интересенъ новѣйшій очеркъ Георга Брандеса, вышедшій черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Ибсена въ серіи литературныхъ монографій, „Die Literatur“. Брандесъ посвящаетъ свой очеркъ личности Ибсена и психологіи его творчества. Онъ болѣе чѣмъ кто-либо можетъ быть авторитетомъ въ этомъ отношеніи. Брандесъ зналъ Ибсена и былъ его другомъ болѣе тридцати-пяти лѣтъ, первый назвалъ его имя въ литературѣ, первый познакомилъ съ нимъ европейскую публику въ Скандинавіи и сталъ апостоломъ его литературной славы. Брандесъ упоминаетъ объ этомъ въ своемъ очеркѣ съ нѣкоторой—легко понятной—гордостью. Можетъ быть, главная заслуга Брандеса, какъ литературнаго критика, и заключается въ томъ, что онъ первый понималъ величіе двухъ людей, далеко не сразу признанныхъ, но зато завоевавшихъ потомъ всемірную славу—Ибсена и Нитцше. Брандесъ былъ другомъ обоихъ и указалъ культурному міру на ихъ духовную силу—не какъ единомышленникъ, не какъ соратникъ, а какъ объективный оцѣнщикъ ихъ таланта.

Въ теченіе столь многолѣтняго знакомства съ Ибсеномъ, Брандесъ имѣлъ возможность изучить его характеръ во множествѣ жизненныхъ случаевъ, и весь собранный имъ психологическій матеріалъ подтверждаетъ тоже, что Ибсенъ—художникъ, но не учитель, пришедшій съ новымъ откровеніемъ.

Главная черта характера Ибсена, которая выясняется въ характеристикѣ Брандеса—полное, доходящее до оригинальности и дикости отсутствіе добродушія. Онъ постоянно размышлялъ о жизни, но самъ дичился ея, былъ очень непріятенъ въ обращеніи, не улыбался. Брандесъ рассказываетъ рядъ анекдотовъ о его дикости. Ибсенъ никого не допускалъ къ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ знаменитъ. Брандесъ рассказываетъ съ юморомъ объ обѣдѣ, который онъ устроилъ Ибсену по просьбѣ небольшого кружка художниковъ и нѣсколькихъ дамъ, въ томъ числѣ одной извѣстной актрисы. Но уже съ первой рѣчи—Брандеса—Ибсенъ сталъ вставлять непріятныя замѣчанія. А когда потомъ

одинъ изъ гостей, по порученію актрисы и отъ ея имени, выразилъ благодарность Ибсену за созданныя имъ роли, Ибсенъ круто остановилъ его, сказавъ, что онъ создавалъ людей, а о роляхъ и актерѣхъ никогда не думалъ. Можно себѣ представить, какая установилась атмосфера на обѣдѣ послѣ рѣзкостей чествуемаго героя торжества. И одинъ только Ибсенъ не замѣтилъ настроенія сконфуженныхъ гостей—и потому благодарилъ Брандеса за удавшееся торжество. Самое характерное—именно то, что онъ не замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвелъ на гостей. Ибсенъ, какъ много большихъ художниковъ, былъ въ житейскомъ смыслѣ эгоистъ: онъ не замѣчалъ окружающихъ, не питалъ никакихъ объективныхъ чувствъ. Субъективно онъ былъ въ высшей степени чутокъ къ дѣйствительности, все видѣлъ, угадывалъ, провидѣлъ и перевоплощалъ въ художественные образы. Но въ отношенія къ своему творчеству онъ не замѣчалъ людей и не любилъ ихъ. Ибсенъ жилъ безъ любви къ людямъ. Это ясно видно изъ всего, что до того извѣстно было объ Ибсенѣ,—и это подтверждается свидѣтелемъ его жизни, Брандесомъ. Фактъ этотъ знаменателенъ. Ибсена считали апостоломъ анархизма—мятежникомъ противъ устоевъ общества во имя свободнаго человѣчества, закономъ котораго будетъ не долгъ, а любовь. Но въ основѣ анархизма, какъ теоріи будущаго свѣтлаго царства добра, лежитъ любовь къ человѣчеству, вѣра въ творчество человѣчества въ области добра. Ибсенъ же идеализируетъ только тѣхъ, которые ставятъ желанія выше жизни и подрываютъ корни, связывающіе ихъ съ дѣйствительностью. Людей, коренящихся въ жизни, онъ осуждаетъ. И то, что въ своей собственной жизни онъ относился къ людямъ въ лучшемъ случаѣ равнодушно, а большей частью враждебно и злобно, соответствуетъ его литературному облику.

Брандесъ объясняетъ мизантропію Ибсена его озлобленіемъ, вызваннымъ отношеніемъ къ нему и его творчеству. Онъ не могъ простить своимъ соотечественникамъ долгаго непризнанія своихъ заслугъ. Но и это, конечно, только доказываетъ, до чего Ибсенъ былъ чловѣкъ темперамента, а не мудрый искатель истины. Все въ немъ субъективно—все онъ освѣщаетъ изъ себя, своимъ отношеніемъ къ дѣйствительности.

Самое любопытное въ очеркѣ Брандеса—то, что онъ рассказываетъ о психологіи творчества Ибсена. Всѣ произведенія Ибсена связаны съ личными переживаниями, всѣ его образы—перевоплощенная дѣйствительность, и процессъ этого перевоплощенія крайне интересенъ. Данные, которыя сообщаетъ Брандесъ, многое поясняютъ и разъясняютъ. Онъ рассказываетъ о томъ, какъ сильно отразилось въ творчествѣ Ибсена его соревнованіе съ Бьернсономъ. Изъ нихъ двухъ Бьернсонъ моложе, но онъ сразу приобрѣлъ большую славу, и какъ

человѣкъ болѣе близкій къ уровню толпы, не пугающій своей особенностью,—какъ Ибсенъ,—имѣлъ шумный успѣхъ. Угрюмый чародѣй Ибсенъ не находилъ отклика,—онъ всходилъ, по выраженію Брандеса, „какъ блѣдный мѣсяцъ при солнечномъ сіяніи славы Бьернсона“. Ибсенъ очень отъ этого страдалъ, очень озлобился,—но для литературы эти страданія были плодотворны; они непосредственно воплотились въ его творчествѣ. Отраженіемъ ихъ литературнаго соперничества были „Претенденты на престолъ“, гдѣ поднять вопросъ объ избранничествѣ, о вѣрѣ въ себя. Въ лицѣ неразмышляющаго, непосредственно творческаго Гакона представленъ Бьернсонъ, а въ болѣе глубокомъ искателѣ—Скуле, который вѣчно терзается сомнѣніями въ своемъ призваніи, Ибсенъ изобразилъ себя, сдѣлавъ все, чтобы возвысить высоту его требованій, глубину сомнѣній Скуле надъ легковѣсной самонадѣянностью Гакона. Ибсенъ прошелъ черезъ путь глубокихъ сомнѣній, закалился въ самоопредѣленіи; на слѣды этой внутренней борьбы Брандесъ указываетъ въ лирической поэзіи Ибсена. Этимъ онъ объясняетъ ожесточенность Ибсена противъ своего счастливаго соперника, которому и творчество, и слава давались такъ легко—именно потому, что онъ не творилъ на глубинѣ. Брандесъ указываетъ затѣмъ на дальнѣйшее проявленіе соперничества съ Бьернсономъ. Ибсенъ писалъ карикатуры на него. Оказывается, что пустопорожній фразеръ Стинсгардъ въ „Союзѣ молодежи“ списанъ съ Бьернсона, и рѣчь Стинсгарда, выражающаго свою благодарность за общую любовь къ нему, готовый „просить у всѣхъ прощенія за то, что Богъ далъ ему настолько больше, чѣмъ всѣмъ другимъ“ — намекъ на Бьернсона въ молодости. Самъ Бьернсонъ такъ это и понялъ, и отвѣтилъ стихотвореніемъ, въ которомъ жаловался на предательство въ собственномъ лагерѣ. Отношенія между Бьернсономъ и Ибсеномъ перешли потомъ въ открытую вражду; Ибсенъ злобствовалъ по поводу „пангерманизма“ Бьернсона, хотя самъ потомъ питалъ нѣмецкія симпатіи. На фонѣ этихъ политическихъ разногласій съ Бьернсономъ была противоположность ихъ темпераментовъ, и, какъ свидѣлствуетъ Брандесъ, чѣмъ жизнерадостнѣе и благодушнѣе дѣлался удачникъ Бьернсонъ, тѣмъ больше дичился и боялся свѣта, тѣмъ молчаливѣе и уединеннѣе становился Ибсенъ. Бьернсонъ всегда былъ патріотомъ, человѣкомъ партіи, всегда говорилъ: „мы“—Ибсенъ былъ самъ по себѣ, постоянно противопоставлялъ себя всѣмъ, вѣчно отстаивалъ свою личность отъ враждебной толпы. Эта психологія очень объясняетъ его философское отношеніе къ дѣйствительности. Онъ индивидуалистъ изъ самообороны, и въ дальнѣйшемъ его творчествѣ—послѣ „Kronprätendenten“—обозначается еще не разъ мотивъ самозащиты. Брандесъ видитъ его въ „Докторѣ Штокманѣ“, написанномъ послѣ омрачившаго его неуспѣха „Призраковъ“,

и грубыхъ нападокъ прессы на безнравственность драмы. Свою психологию, борьбу съ окружающимъ; Ибсенъ возсоздаетъ въ цѣломъ рядъ драмъ, въ горькомъ самообличеніи Грегора Верле въ „Дикой уткѣ“, въ „Габріэль Боркманъ“, гдѣ герой ждетъ въ своемъ уединеніи, что къ нему вернуться, что его позовутъ и преклонятся передъ нимъ,—и еще болѣе въ его послѣдней драмѣ-эпилогѣ, „Когда мы мертвые пробуждаемся“. Тамъ онъ опять поднимаетъ вопросъ о жизни и объ искусствѣ, объ искусствѣ, на алтарь котораго нужно сложить жизнь, отказавшись отъ ея радостей,—съ тѣмъ, чтобы въ концѣ опять очутиться на распутьи съ мучительнымъ вопросомъ въ душѣ: гдѣ правда? въ полнотѣ жизни или въ полнотѣ отрицанія? Кромѣ драмъ чисто субъективныхъ, и другія, возсоздающія психологию современности, основаны на фактическихъ данныхъ. Брандесъ отмѣчаетъ ихъ реальную подкладку, и показываетъ, какъ Ибсенъ слѣдилъ за развитіемъ наблюдаемыхъ имъ жизненныхъ фактовъ для того, чтобы отразить ихъ въ драмахъ. Вотъ для примѣра разсказанная Брандесомъ исторія Норы. Намекъ на Нору есть уже въ „Союзѣ молодежи“, въ образѣ Зельмы, которая жалуется на то, что съ ней обращаются какъ съ куклой, слишкомъ оберегая ее отъ жизненныхъ заботъ. А затѣмъ Ибсенъ состоялъ въ перепискѣ съ одной дамой, которая жаловалась на тяжкія заботы, не объясняя ихъ причины. Ибсенъ по своей привычкѣ сталъ доискиваться, въ чемъ состоятъ эти заботы. Наконецъ, онъ догадался и сказалъ своей корреспонденткѣ, радуясь своей догадливости и совершенно равнодушный къ открытой имъ печальной правдѣ: „Я понимаю. Васъ мучаютъ денежные заботы“. Такъ оно и оказалось: эта дама добыла себѣ деньги, давъ фальшивую подпись,—но не для того, чтобы спасти мужа, какъ Нора, а чтобы купить новую мебель. Мужъ узналъ, и былъ очень возмущенъ. Вотъ грубый фактъ, послужившій основой для Норы; интересно въ этомъ случаѣ то, какъ Ибсенъ работалъ надъ живымъ матеріаломъ, какъ онъ угадывалъ психологическіе законы, управляющіе внѣшними фактами,—и перевоплощалъ ихъ въ художественное цѣлое. Всѣ его образы имѣютъ прототипы въ жизни. Эйлертъ Левбергъ изъ „Гедды Габлеръ“, гений, загубленный кутежами, созданъ изъ ряда отдѣльныхъ личныхъ наблюденій Ибсена надъ однимъ молодымъ датчаниномъ, къ которому онъ относился съ большой симпатіей. Разъ онъ получилъ въ Мюнхенѣ отъ него пакетъ, въ которомъ нашелъ свои старыя письма къ нему и подаренный имъ ему свой портретъ—безъ слова объясненія. Для него это превратилось въ психологическую загадку, и надъ разрѣшеніемъ ея онъ размышлялъ, пока не нашелъ рѣшенія, которое казалось ему логичнымъ. Онъ рѣшилъ, что молодой человѣкъ сошелъ съ ума и затѣмъ спуталъ его съ кѣмъ-нибудь другимъ—вѣроятно, съ любимой имъ дѣвушкой,—Ибсенъ зналъ,

что онъ былъ влюбленъ, — которая, поссорившись съ нимъ, потребовала обратно письма. Оказалось, что онъ почти угадалъ правду. Юноша съ ума не сошелъ, но сталъ пить, — и онъ дѣйствительно перепуталъ письма Ибсена съ письмами невѣсты, съ которой разошелся. Потомъ Ибсенъ узналъ, что этотъ молодой человѣкъ потерялъ въ пьяномъ видѣ рукопись своей книги. Эти факты создали образъ возлюбленнаго Гедды Габлеръ, — причеиъ и всѣ остальные факты этой драмы тоже происходили въ разныхъ комбинаціяхъ въ дѣйствительности. И всегда, зная начало фактовъ, Ибсенъ предугадывалъ ихъ дальнѣйшее значеніе. Праобразъ Бранта — знаменитый датскій писатель, Серенъ Киркегоръ, праобразъ Пера Гинта — датчанинъ, котораго Ибсенъ зналъ на Капри, гдѣ онъ художественно лгалъ всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, изображая себя героемъ и потомкомъ знатнаго рода. Процессъ перевоплощенія фактовъ дѣйствительности въ драмахъ Ибсена — поразительно глубокий примѣръ проникновенія въ законы жизни, и тѣ факты, которые приводитъ Брандесъ — въ высшей степени интересны и характерны.

Очень любопытна въ книгѣ Брандеса рассказанная имъ исторія возникновенія „Строителя Сольнеса“. Оказывается, что эта драма, гдѣ говорится о томъ, какъ юность постучалась въ дверь къ строителю, связана съ личнымъ переживаніемъ Ибсена уже на склонѣ лѣтъ. Въ 1889 году онъ провелъ лѣто въ Тироли и познакомился съ молодой дѣвушкой изъ Вѣны. Ей было восемнадцать лѣтъ, ему — шестьдесятъ-одинъ. Послѣ этого они больше не видѣлись; онъ ей написалъ двѣнадцать писемъ, — и она была, какъ онъ написалъ ей на своей карточкѣ, „майскимъ солнцемъ его сентябрьскихъ дней“. Въ послѣднемъ письмѣ къ ней — Ибсенъ намѣренно прекратилъ эту переписку — онъ писалъ, что лѣто въ Госенсасѣ было самымъ счастливымъ и прекраснымъ въ его жизни. Ее, эту дѣвушку, онъ звалъ „принцессой“, и она послужила первообразомъ Гильды въ „Сольнесѣ“. Драма эта, какъ Ибсенъ самъ говорилъ, написана соп атоге и возсоздаетъ его личную драму. Онъ написалъ въ альбомъ своей „принцессѣ“: „Какое высокое горестное счастье — бороться за недосыгаемое“, и долго думалъ только о томъ, чтобы воплотить это стремленіе въ художественное произведение. Таковымъ и сталъ „Строитель Сольнесъ“. Всѣ двѣнадцать писемъ Ибсена напечатаны теперь въ книгѣ Брандеса. Въ печати на Брандеса нападали за то, что онъ предалъ гласности эту интимную переписку Ибсена. Но едвали его слѣдуетъ упрекать. Вся эта исторія послѣдней любви поэта очень красива и нѣжна въ своей тишости и смягчаетъ суровый образъ угрюмаго искателя свободы и правды внѣ общенія съ людьми — въ борьбѣ противъ челоуѣчества и челоуѣчнаго. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1906

Два террора.—Письмо А. И. Гучкова.—Торжество революціонныхъ элементовъ справа.—Исключеніе бывшихъ членовъ Думы изъ курскаго дворянскаго собранія.—Родительскіе комитеты въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Пріѣздъ англійской депутаціи.—Л. Е. Оболенскій †.

Кровавыя событія не прекращаются... Одна сторона бросаетъ бомбы и стрѣляетъ изъ браунинговъ. Съ другой стороны—вѣшаютъ и разстрѣливаютъ... Не прекращается и въ иныхъ формахъ грубѣйшее попраніе элементарныхъ основъ права съ обѣихъ сторонъ. Одни съ револьверами въ рукахъ „экспроприруютъ“ государственную, общественную и частную собственность. Другіе—безъ суда и даже безъ предъявленія обвиненія лишаютъ свободы, ссылаютъ, казнятъ несовершеннолѣтнихъ и женщинъ—тѣхъ, кого по закону нельзя казнить, обстрѣливаютъ городскія улицы продольнымъ артиллерійскимъ огнемъ, подъ видомъ законодательныхъ нормъ устанавливаютъ правила съ очевиднымъ отрицаніемъ порядка ихъ разсмотрѣнія и изданія... По всей Россіи идетъ бой—бой не на животь, а на смерть. Бой—междоусобный, партизанскій, въ которомъ сражающіеся не считаются ни съ чѣмъ, лишь бы больнѣе и сильнѣе поражать врага... Всѣ спрашиваютъ: гдѣ же правительство? Гдѣ законодательная власть государства? Гдѣ власть исполнительная?.. Почему правительство не останавливаетъ кровопролитія? Неужели оно не въ силахъ заставить обѣ стороны уважать законъ?.. Законодательная власть—„временно“ упразднена, чтобы она не мѣшала успѣху боя. Исполнительная—обратила себя въ воюющую сторону... Не революціонные монархисты борются съ революціонными анархистами: борется само государство въ лицѣ единственной существующей теперь исполнительной власти...

„Пора—писала, съ мѣсяцъ тому назадъ, оффиціозная „Россія“—признать революціонеровъ воюющей стороной и во всѣхъ случаяхъ примѣнять къ нимъ законы военнаго времени во всей ихъ строгости. Пора реформировать наши мѣста заключенія, превративъ ихъ изъ мѣстъ увеселенія и спокойной жизни въ настоящія тюрьмы, хотя бы на англійскій манеръ, заковывая въ кандалы наиболѣе тяжелыхъ и безпокойныхъ преступниковъ. Пора бросить нашу лжегуманность во взглядахъ и обращеніи съ преступниками и вспомнить, что наказаніе, налагаемое закономъ, не есть шутка, что наказаніе есть положеніе,

къ которому преступникъ не скоро пожелалъ бы возвратиться"... Что можетъ быть нелѣпѣ этой тирады, если въ нее вдуматься! Съ одной стороны, рекомендуется признать революціонеровъ „воюющей стороны“, а съ другой — обратить лишеніе свободы въ причиненіе тѣлесныхъ и психическихъ мученій. Въ видѣ связи стоитъ примѣненіе законовъ военнаго времени „во всей ихъ строгости“. Редакторы и вдохновители офиціоза, очевидно, слышали, что существуютъ строгіе законы военнаго времени, что тѣ, въ кого на войнѣ стрѣляютъ, называются „воюющей стороной“ и что въ англійскихъ тюрьмахъ разрѣшается примѣнять наложеніе оковъ за опредѣленные случаи нарушенія тюремной дисциплины. Слышали—и въ цѣляхъ борьбы съ революціей смѣшали все слышанное въ общую кашу. Они, конечно, сами никогда не сидѣли ни въ каторжныхъ, ни въ иныхъ тюрьмахъ, и въ кругъ ихъ служебныхъ обязанностей не входило читать Достоевскаго, Мельшина, Кеннана и другихъ авторовъ. Но отговариваться невѣдѣніемъ дѣйствующихъ законовъ имъ, во всякомъ случаѣ, еще менѣе приличествуетъ, чѣмъ гражданамъ, ибо на нихъ лежитъ обязанность посвящать досугъ чтенію свода законовъ. И если бы они эту обязанность исполняли, то знали бы, что наши „Уставъ о ссыльных“ и „Уставъ о содержащихся подъ стражей“ отъ „лжегуманности во взглядахъ и въ обращеніи съ преступниками“ очень и очень далеки и что въ ряду дисциплинарныхъ мѣръ для отбывающихъ заключеніе у насъ сохранены даже розги. Изъ приложенія къ ст. 23 второго тома Свода Законовъ и изъ Военскаго Устава о наказаніяхъ они также могли бы почерпнуть совершенно, какъ оказывается, новую для нихъ истину, что „законы военнаго времени во всей ихъ строгости“ могутъ и должны быть примѣняемы, прежде всего, къ совершающимъ правонарушенія чинамъ своего войска, затѣмъ—къ мѣстнымъ жителямъ, своимъ подданнымъ, нейтральнымъ и непріятельскимъ—словомъ, ко всѣмъ, кромѣ чиновъ непріятельской арміи, и именно потому, что они—воюющая сторона.

Мы не останавливались бы на словахъ „Россіи“, еслибы дѣйствія правительственныхъ властей не показывали, что въ основѣ ихъ лежатъ тѣ же самыя мысли, и если не то же юридическое невѣжество, то одинаковая логическая ошибка въ отправномъ положеніи: революціонеры въ одно время и воюющая сторона, и преступники. Понятія эти взаимно исключаютъ другъ друга. Представителя воюющей стороны нельзя наказывать. Въ преступника нельзя стрѣлять. Боевая революціонная дружина, стрѣляющая съ баррикадъ, совершающая черезъ лѣсъ обходное движеніе, укрѣпившаяся въ домѣ и т. п., есть воюющая сторона, и бой съ такой дружиной составляетъ дѣйствіе цѣлесообразное и логичное. Революціонеръ же, бросающій бомбу или

убивающій городского изъ-за угла, или подготовляющій и организующій террористическій актъ, есть преступникъ. Государственныя мѣры противъ него—розыскъ, судъ, наказаніе. Типичнѣйшимъ выраженіемъ смѣшенія понятій: воюющій и преступникъ—служать вошедшіе въ обиходъ и какъ будто уже не рѣжущіе уха термины: „карательный военный отрядъ“ или „карательная военная экспедиція“. „Военный отрядъ“—значить отрядъ войска, назначеніе котораго вести военныя операціи противъ такой же силы, какъ и онъ. А „карательный“—значить наказывающій, т.-е. дѣйствующій во имя принадлежащаго ему права, лишь опирающагося на силу. Результатомъ такого смѣшенія является массовое убійство людей, въ данный моментъ не причиняющихъ вреда и лишенныхъ возможности его причинять—за то, что они прежде вредъ причиняли или чтобы впредь не могли его причинить,—сѣченіе взрослыхъ, стариковъ и дѣтей и уничтоженіе огнемъ имущества послѣ одержанія полной побѣды надъ „врагомъ“—согласно закону, предоставляющему на войнѣ уничтожать постройки, препятствующія обстрѣлу непріятельской позиціи... Въ 1900 г. „карательными экспедиціями“ Европа мстила Китаю за избіеніе христіанъ и за убійство германскаго посланника. Черезъ шесть лѣтъ Россія мститъ такими же экспедиціями своимъ подданнымъ...

Сплошной ужасъ событій притупилъ чувства. Но когда пройдетъ немного времени, то, восстанавливая въ памяти такіе факты, какъ сѣдлецкій разгромъ, мы невольно будемъ спрашивать себя: неужели все это было?.. Кто-то совершилъ преступленіе: покушаясь на убійство, произвелъ выстрѣлъ въ военный патруль. Въмѣсто того, чтобы принять мѣры къ розыску неизвѣстнаго и къ послѣдующему сужденію и наказанію его, власть открыла военныя дѣйствія. Въ городѣ началась стрѣльба изъ ружей и изъ пушекъ... Жители прислали депутацію—просить пощады. Въ отвѣтъ—требованіе выдать виновныхъ, подъ угрозой продолженія стрѣльбы—пока требованіе не будетъ исполнено... „Бой“ прекратился черезъ два дня. На одной сторонѣ погибъ одинъ солдатъ. На другой—свыше ста человѣческихъ жертвъ, разрушены дома и разграблено имущество... Мы отнюдь не утверждаемъ, что грабили войска. Нѣтъ, въ городѣ всегда найдется достаточно грабителей, если власть перестанетъ быть властью и станетъ воюющей стороной... Всего замѣчательнѣе въ описаніяхъ того, что происходило въ Сѣдлецѣ, это переговоры начальства съ депутаціей отъ жителей. Требованіемъ выдать виновныхъ власть признала свое безсиліе осуществлять функціи управленія. Она этимъ самымъ сказала равнину и сопровождавшимъ его лицамъ, что функціи управленія въ данный моментъ принадлежать не ей, а имъ. А угрозой продолжать до выдачи преступниковъ военныя дѣйствія она противопоставила себя уже не

революціонерамъ, а всему населенію города. Депутація на такой отвѣтъ имѣла полное основаніе заявить: такъ и передайте управленіе въ наши руки, пусть органы розыска и обнаруженія преступниковъ дѣйствуютъ по нашимъ указаніямъ... Она, конечно, ничего подобнаго не заявила. Она молча удалилась.... и городъ громился два дня....

Не менѣе характерно свидѣтельствуютъ о томъ, что правящая власть стала на скользкую почву признанія своего безсилія, приказы генералъ-губернаторовъ объ оштрафованіи цѣлыхъ волостей, или о закрытіи учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ, пока не прекратится бойкотъ тѣхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе ведется на русскомъ. А вотъ еще корреспонденція газеты „Сегодня“ изъ Вендена:

„6-го августа, у Дростенгофской церкви, на глазахъ большой толпы народа, былъ убитъ урядникъ Рейнвальдъ. Убийца, угрожая револьверомъ, заставилъ молодого крестьянина Шульмейстера отвезти его на первой попавшейся лошади до ближайшаго лѣса, гдѣ благополучно скрылся. Явившаяся вскорѣ карательная экспедиція арестовала, по указанію мѣстнаго урядника и, какъ полагаютъ, помѣщиковъ, 49 лицъ, которымъ угрожала разстрѣломъ, если они до слѣдующаго утра не выдадутъ убійцу. Арестованные, даже подъ страхомъ смерти, не могли дать о немъ никакихъ свѣдѣній... 11-го августа у церкви были собраны всѣ мужчины волости въ возрастѣ отъ 14 до 80 лѣтъ, числомъ до 1.000 человекъ. Командиръ отряда объявилъ имъ, что за убійство Рейнвальда онъ велитъ разстрѣлять учителя Широу (мирнаго, стараго труженика), старика Шульмейстера и сына его, отвоzivшаго убійцу до лѣса; за слѣдующее подобное убійство будутъ казнены 9 латышей-революционеровъ; если же въ дростенгофской волости случится еще третье политическое убійство, то разстрѣлу подвергнутся 27 латышей. Названныхъ трехъ лицъ поставили у вырытой ямы; грянулъ залпъ,—рухнули тѣла, застучали лопаты“...

Эта корреспонденція—едвали не самое ужасное изъ всего, что приходилось читать со времени объявленія безпощадной войны революціи. Она была перепечатана всѣми петербургскими газетами еще въ августѣ. Въ прошлой хроникѣ мы не рискнули ее привести: мы ждали опроверженія. Его не послѣдовало...

И въ такое время, при такихъ условіяхъ, завершается политическое воспитаніе русскаго общества! Годъ, минувшій послѣ манифеста 17-го октября, показалъ, насколько русское общество сильно въ критикѣ и въ отрицаніи, и насколько оно мало подготовлено къ твор-

честву—къ созидательной работѣ государственнаго правового и социально-экономическаго обновленія. Въ творествѣ тоже, конечно, нужна практика. А потому отсутствіе у насъ готовыхъ положительныхъ общественныхъ силъ въ моментъ возвышенія перелома было вполне естественно. Но еще болѣе нужно для творчества сознаніе обязанности созидать—съ полной, ни на кого не перелагаемой отвѣтственностью за ближайшія слѣдствія и конечные результаты. Въ русскомъ же обществѣ, которое не только было въ теченіе вѣковъ устранено отъ активной государственной дѣятельности, но по отношенію къ которому власть явилась если не всегда врагомъ, то всегда стороннимъ опекуномъ, для развитія такого сознанія необходимо, чтобы оно познало дѣло государственнаго законодательства и управленія.

Этого познанія не дали томительные шесть мѣсяцевъ съ октября до созыва первой Думы и семьдесятъ-два дня думскихъ засѣданій. Лозунгъ гражданской свободы на началахъ конституціоннаго строя, съ которымъ выступило министерство графа Витте, скоро оказался пустымъ звукомъ. Реальнымъ его выраженіемъ явились военное положеніе, разнообразныя временныя правила, давшія вмѣсто формъ гражданской свободы одинъ сплошной рядъ ограниченій, замедленіе выборовъ, ссылки, аресты и разстрѣлы. Общество во-очію увидѣло, что законодательство и управленіе остались въ такихъ же чуждыхъ ему рукахъ, какъ были руки Плеве или Трепова. Оппозиціонно-отрицательное настроеніе продолжало расти и вылилось въ избраніи сплошь оппозиціонной Думы... Несмотря на всю свою оппозиціонность, члены Думы—по крайней мѣрѣ, большинство—пришли, однако, не для разрушенія только, т.-е. не для одной отрицательной работы, уничтоженія произвола и т. п., а главнымъ образомъ, для живой созидательной работы. Это они ясно выразили въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь. Но сейчасъ же затѣмъ, послѣ памятнаго „безусловно недопустимо“, Дума оказалась въ положеніи совѣщательнаго представительства. Она въ сущности ничего не рѣшала. Призванная по закону рѣшать, она фактически могла лишь требовать, осуждать,—не только не имѣя увѣренности, что каждое сказанное ею слово осуществится въ жизни, но, напротивъ, имѣя ежечасныя доказательства обратнаго.

Немного болѣе года назадъ, когда шелъ споръ, какому представительству быть въ Россіи—совѣщательному или рѣшающему,—мы писали, въ другомъ мѣстѣ: „Совѣтовать легко, рѣшать трудно. Что можетъ быть легче, какъ дать совѣтъ и, когда исполненіе обнаружитъ его ошибочность, успокоить совѣсть словами: рѣшеніе отъ меня не зависѣло, я только совѣтовалъ! Что можетъ быть тяжелѣе авторитетнаго рѣшенія по предмету, съ которымъ связаны интересы и судьба другого или другихъ?.. Совѣтующій категориченъ, сомнѣнія

его не мучаютъ. Ему всякое дѣло рисуется простымъ и яснымъ. Онъ недоумѣваетъ, что заставляетъ рѣшающаго колебаться. Рѣшающій, полный сознанія принимаемой на себя отвѣтственности, вдумчивъ, остороженъ. Передъ его взоромъ сами собой встаютъ возможные возраженія. Онъ силится охватить и оцѣнить вопросъ не съ казовой только стороны... Въ совмѣстной дѣятельности людей получаютъ особенно яркое выраженіе и сильныя, и слабыя стороны человѣческаго духа. Не составляетъ исключенія и отмѣчаемая черта. Напротивъ: она проявляется съ исключительной рѣзкостью. Одна и та же коллегія поразительно мѣняетъ свою физіономію, какъ только переходитъ отъ безотвѣтственнаго мнѣнія, ходатайства, указанія къ отвѣтственному рѣшенію. Сознаніе отвѣтственности—не внѣшней, проблематической и случайной, а внутренней, и неустрашимой, и самой реальной—вотъ въ чемъ сила самостоятельныхъ общественныхъ организацій. Тѣ сужденія человѣка только цѣнны, которыя онъ произноситъ, стоя открыто передъ лицомъ неумолимыхъ судей—своей совѣсти и общественнаго мнѣнія,—когда нѣтъ щита, за который ему можно спрятаться“.

Эта психологическая легкость совѣта и трудность рѣшенія, по нашему мнѣнію, самый сильный аргументъ противъ совѣщательнаго представительства. И близко наблюдая дѣятельность Государственной Думы, мы много разъ вспоминали слова,—казалось, къ Думѣ неприменимы. Министръ финансовъ, требуя кредитовъ на продовольственную кампанію, заявлялъ, что необходимо ассигновать, притомъ немедленно, не менѣе 50 милліоновъ, и что найти эту сумму за счетъ сбереженій въ расходной смѣтѣ невозможно. Дума, не оспаривая исчисленія размѣровъ нужды, ассигновала всего пятнадцать милліоновъ, а на вторую половину заявленія своимъ рѣшеніемъ сказала:—А вы поищите! Развѣ это было по существу рѣшеніе? Развѣ такъ могли поступить народные представители, еслибы они фактически имѣли рѣшающій голосъ? О сотняхъ запросовъ, принимавшихся въ самой категоричной и рѣзкой формѣ на основаніи случайно полученныхъ и непровѣренныхъ извѣстій,—мы уже не говоримъ...

Послѣ роспуска Государственной Думы, первая попытка вывести общественное настроеніе изъ русла критики и отрицанія была сдѣлана графомъ П. А. Гейденомъ, Н. Н. Львовымъ и М. А. Стаховичемъ. Они готовы были привести исключительно большую жертву и войти въ составъ кабинета, распустившаго первыхъ избранниковъ народа. Попытка ихъ связать общество съ министерствомъ не удалась. Вторую сдѣлало само министерство—правительственнымъ сообщеніемъ отъ 24 августа. Третью—А. И. Гучковъ, открытымъ письмомъ на имя князя Е. Н. Трубецкого—письмомъ, которое получило такую широкую

живѣистость. Что и эту попытку постигнуть неудача,—сдвали могутъ быть сомнѣнія. Ея ближайшимъ слѣдствіемъ былъ расколъ между А. И. Гучковымъ и Д. Н. Шиповымъ.

Письмо А. И. Гучкова продиктовано самыми лучшими намѣреніями. Убѣжденный конституціоналистъ, патріотъ—правда, съ нѣсколько своеобразной окраской—и вдумчивый человѣкъ, онъ видитъ всю глубину той пропасти, куда неудержимо толкаютъ Россію полная разобщенность между властью и населеніемъ. И онъ совершенно правъ, когда говоритъ, что и въ данный моментъ не отступилъ отъ принциповъ, высказывавшихся имъ ранѣе. Союзъ 17 октября сложился во время ноябрьскаго земскаго съѣзда прошлаго года. Большинство съѣзда, не питая довѣрія къ правительству, отказалось тогда слить свою работу съ его работой и рѣзко отмежеваться съ лѣвой стороны. Меньшинство же, съ А. И. Гучковымъ во главѣ, признавало, что основная задача минуты—„разобщить прогрессивное движеніе отъ революціоннаго“. Большинство исходило изъ той мысли, что общій врагъ—бюрократическій строй, съ чиновничьимъ произволомъ и самовластіемъ—еще не побѣжденъ и оружія не сложилъ. Меньшинство—что актъ 17 октября безповоротно покончилъ съ прошлымъ. Большинство непосредственно вслѣдъ за съѣздомъ дало кадры конституціонно-демократической партіи—партіи по характеру преимущественно оппозиціонной. Меньшинство образовало союзъ 17-го октября—союзъ, главной отличительной чертой котораго стало отрицаніе революціи.

А. И. Гучковъ пишетъ: „Какъ это ни странно, но наши политическія группировки опредѣляются въ настоящій моментъ не столько внутреннимъ содержаніемъ партій, ихъ задачами и программами, сколько внѣшнимъ фактомъ того или иного отношенія къ революціи, къ революціонному способу борьбы, къ революціоннымъ организаціямъ“. И далѣе:—„Если общество отречется отъ союза съ революціей, изолируетъ революцію, отниметъ у нея иллюзію общественныхъ симпатій, разсѣетъ миражъ возможнаго успѣха, то революція побѣждена. И чѣмъ раньше общество это сдѣлаетъ, тѣмъ меньше падетъ жертвъ съ той и съ другой стороны“. Но что разумѣетъ г. Гучковъ подъ отреченіемъ отъ революціи? Не замѣчая бездны противорѣчій, въ которыя онъ впадаетъ, онъ требуетъ отказа отъ союза съ „боевымъ обновленіемъ“ (лозунгъ социалистовъ-революціонеровъ: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“) для того, чтобы вступить въ союзъ, по мѣткому выраженію кн. Трубецкаго, съ „обновленіемъ военнымъ“. Принимая слова министерской программы, онъ закрываетъ глаза на дѣйствія правительства. Онъ не усматриваетъ „безвыходности положенія“, которое создало для себя министерство приступомъ къ рѣшенію аграрнаго вопроса на основаніи принятія за авторитетное предуказаніе для бу-

душей Думы своего собственного воззрѣнія на вопросъ, рѣзко противорѣчащаго волѣ народа. Наконецъ, онъ договаривается до оправданія военно-полевыхъ судовъ, не замѣчая, что эта организація, ничего не имѣя общаго съ государственно-судебной, есть въ сущности точное воспроизведеніе тѣхъ революціонныхъ трибуналовъ, которые тоже дѣйствуютъ на манеръ судовъ....

Для истиннаго конституціоналиста, какъ не можетъ быть союза съ красной революціей, такъ его не можетъ быть—съ революціей черной или бѣлой. „Я дѣйствительно—отвѣтилъ А. И. Гучкову князь Е. Н. Трубецкой—вынужденъ разсматривать правительство и крайнія партіи какъ равноправныя воюющія стороны. Я никогда не позволилъ бы себѣ сказать, что онѣ равноправны, если бы правительство стояло на почвѣ закона. Но мы уже видѣли, что оно опирается не на законъ, а на захватное право. Въ чемъ же разница между нимъ и революціонерами? И приче́мъ тутъ право, которое попирается обѣими сторонами!“...

Кровавыя событія даютъ торжество однимъ крайнимъ воззрѣніямъ. Крайнимъ—слѣва и справа. Чувство протеста противъ насилія и крови естественно заглушаетъ все остальное. На чью психику болѣе давятъ факты насилія террористовъ съ лѣвой стороны—тѣ передвигаются къ правому полюсу. На чью—факты насилія правительства, тѣ передвигаются къ лѣвому. Въ какой мѣрѣ усиливается идейное революціонное теченіе влѣво, непосредственно наблюдать сейчасъ нельзя: эта волна общественной мысли загнана въ подполье. Но за то шумно даетъ о себѣ знать революціонное теченіе вправо. Контръ-революція организуется, собираетъ силы и готовится къ выступленію.

Передъ нами № 231 газеты „Русское Знамя“—органа союза русскаго народа. Когда мы прочли этотъ листокъ, то помимо воли въ нашей памяти воскресли газеты, издававшіяся въ ноябрѣ прошлаго года, въ короткій періодъ существованія свободы печати. Тотъ же тонъ—чуждый сомнѣній и абсолютно-самоувѣренный. Та же рѣзкость и откровенность, чтобы не сказать болѣе, по адресу правительства. Одни заглавія статей чего стоятъ: „Издѣвательство надъ законопослушнымъ населеніемъ Россіи“, „Красная юстиція“, „Какъ министры помогаютъ революціонерамъ“. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что на ряду съ этими виѣшними признаками сходства не менѣе бросаются въ глаза и черты различія. Въ лѣвыхъ революціонныхъ газетахъ всегда сквозили широта теоретической мысли и опредѣленность идеаловъ и чувствовалась талантливость. Газета же г. Дубровина поражаетъ убожествомъ мысли и изложенія. Евреи и еврейство—на каждомъ шагу. Конституція отождествляется съ еврейскимъ

равноправіемъ. Министровъ газета безъ обиняковъ именуетъ „еврейскими лакеями“—и это не министровъ кабинета графа Витте, а нынѣшняго кабинета П. А. Столыпина. Газету возмущаетъ отсутствіе опроверженія слуховъ, что потерпѣвшіе отъ разгрома сѣдлецкіе евреи не будутъ преданы военно-полевому суду. Она называетъ такое отношеніе къ революціонерамъ „подлизываніемъ“ и пишетъ: „Подлизываніе къ революціонерамъ заходитъ такъ далеко, что не рѣшаются опровергнуть появившіяся въ заграничныхъ газетахъ извѣстія о томъ, что, по требованію Англіи и международныхъ банкировъ, первый министръ Столыпинъ предложилъ варшавскому генералъ-губернатору Скалону не предавать военно-полевому суду сѣдлецкихъ евреевъ, устроившихъ нападеніе на офицеровъ и на казармы русскихъ войскъ... Для кого же введены военно-полевые суды, ужъ не для устрашенія ли тѣхъ русскихъ людей, которые не согласны помириться съ введеніемъ въ Россіи конституціи и еврейскаго равноправія? Только русскихъ, вы, господа еврейскіе лакеи, не устрашите!“...

„Законопослушное населеніе“—по терминологіи автора передовой статьи, г. Булацеля—это тѣ, кто называетъ злодѣями членовъ бывшей Государственной Думы. „Издѣвательство“, по его мнѣнію, состоитъ въ привлеченіи къ судебной отвѣтственности предсѣдателя кievскаго отдѣла союза русскихъ людей, г. Постнаго, „за телеграмму, въ которой онъ называетъ бывшихъ членовъ Думы злодѣями“. „Бога ради—воскликаетъ онъ—русскіе сановники, русскія женщины, придворныя дамы (?) и русскіе писатели, не продавшіе свою совѣсть и честь еврейско-масонскому заговору, спасите Постнаго отъ поруганія!“ Далѣе г. Булацель грозитъ: „Вѣдь терпѣніе русскихъ людей лопнуло, вѣдь кромѣ телеграммъ они и вся армія могутъ выразить свое негодованіе въ такой формѣ, которая поразитъ весь міръ“...

Кто же стоитъ за гг. Дубровинымъ, Постнымъ и Булацелемъ? Они стремятся къ тому, конечно, чтобы за ними стояло крестьянство. Пока что—этого нѣтъ. Но за ними уже стоятъ... губернаторы и архіереи. „Къ намъ, въ Калугу—пишетъ корреспондентъ „Рѣчи“ (№ 169),—пріѣзжалъ полковникъ князь Ширинскій-Шихматовъ. При участіи губернатора, архіерея и прочихъ властей, была сдѣлана попытка организовать союзъ русскаго народа, но попытка эта увѣнчалась успѣхомъ только съ пріѣздомъ „самого Дубровина“ и какого-то присяжнаго повѣреннаго. Въ городской думѣ состоялось два собранія союза. Первое собраніе было довольно многолюдно, былъ губернаторъ, архіерей и другіе. Были выписаны и крестьяне, но собраніе имъ не понравилось. Собраніе открылось молебномъ, затѣмъ говорили рѣчи о задачахъ союза“... Кто слѣдилъ за газетами въ послѣднее время, тотъ знаетъ, что отнюдь не въ одной Калугѣ отдѣлы „союза рус-

скаго народа“ возникли при непосредственномъ участіи архіереевъ, губернаторовъ и „прочихъ властей“. Да, вѣрными словами обмолвился въ своей статьѣ г. Булацель: „Въ настоящее время все такъ перепуталось, что чѣмъ невѣроятнѣе извѣстіе, тѣмъ оно правдоподобнѣе“...

Правительство, въ лицѣ органовъ центральной власти, еще не объединилось съ союзомъ русскаго народа. Ихъ еще разъединяетъ невозможность — по признанію правительственнаго сообщенія отъ 24-го августа— „пріостановить всѣ преобразованія, пріостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу съ крамолою, сосредоточившись на проявленіяхъ зла и не углубляясь въ его существо“. Въ частности, ихъ разъединяетъ еврейскій вопросъ, въ области котораго министерство, какъ видно изъ того же сообщенія, допускаетъ, что есть такіа ограниченія, которыя „вселяютъ лишь раздраженіе“ и представляются „явно отжившими“. Эти послѣднія слова сообщенія, однако, какъ оказывается, отнюдь не могутъ служить неустранимымъ препятствіемъ для единенія органовъ центральной и губернской власти подъ флагомъ, выкинутымъ г. Дубровиннымъ: отъ нихъ можно и отказаться. А общая фраза о невозможности пріостановить всю жизнь страны и т. д., такъ широка, что въ нее легко укладывается все, что угодно.

Что въ ограниченіяхъ для евреевъ болѣе отжило и вселяетъ лишь ненужное раздраженіе, какъ не закрытіе процентной нормой дверей учебныхъ заведеній? И министерство, съ нынѣшняго учебнаго года, если ограниченія этого не уничтожило, то значительно ослабило. Зорко слѣдящіе за евреями „истинно-русскіе“ люди вознегодовали и послали изъ Кишинева всеподданнѣйшую телеграмму съ жалобой на министра народнаго просвѣщенія. Черезъ день—министръ опубликовалъ не то оправданіе, не то извиненіе. Онъ объявилъ, что процентная норма пріема евреевъ въ среднія учебныя заведенія имъ оставлена безъ измѣненія, а въ отношеніи высшихъ—пріемъ евреевъ сообразованъ „съ усиленнымъ наплывомъ желающихъ получить высшее образованіе и съ единогласными заключеніями совѣщаній изъ выборныхъ отъ всѣхъ профессорскихъ коллегій, собиравшихся въ минувшемъ учебномъ году подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія“, — „въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ продолжительнымъ бездѣйствіемъ высшей школы“... Остроумно и зло вышутила это укрытіе „провинившагося“ министра за ширму заключеній совѣщаній и за спину предмѣстника газета „Переломъ“ (тоже пріостановлена на время дѣйствія положенія о чрезвычайной охранѣ!)...

Предыдущія строки были уже нами написаны, когда мы прочли въ „Странѣ“ (№ 167) бесѣду съ губернаторомъ одной изъ южныхъ губерній. Губернаторъ скорбитъ, что монархическія партіи во ввѣ-

ренной ему губерніи „крайне ничтожны и вліянія ихъ на населеніе равно нулю“.— „Какія же средства придать большую силу монархическимъ партіямъ?“—спросилъ его интервьюеръ. Губернаторъ отвѣтилъ:— „Этотъ вопросъ, очевидно, свелъ васъ всѣхъ въ Петербургъ съ ума! Къ какому начальству ни поѣду,—все одинъ и тотъ же вопросъ. Средство одно—разъ власть признаетъ себя слабой, чтобы убить революцію слѣва, не мѣшайте революціи справа. Это, и только это—дать могучую силу монархическимъ партіямъ, такъ какъ, увѣряю васъ, революціонеры пожинаютъ растерянность обывателей и, не имѣя серьезныхъ противниковъ въ лицѣ властей, связанныхъ по рукамъ и ногамъ (чѣмъ? не военно-полевыми ли судами?), безнаказанно творятъ безчинства... Разъ вы сами не умѣете раздѣлаться съ ними, такъ не мѣшайте тѣмъ, въ комъ оскорбленное чувство патріота и гражданина готово пренебречь опасностью, чтобы раздѣлаться съ врагами родины... Пока не поздно“.

Агитація „союза русскаго народа“ имѣетъ непосредственной цѣлью предстоящіе вторые выборы въ Государственную Думу. Преслѣдуя ту же цѣль, курское дворянство—а за нимъ, кажется, и бессарабское—прибѣгло къ приему, который свидѣтельствуетъ о многомъ, но никакъ не о сохраненіи среди дворянъ, собравшихся въ Курскъ на экстренное собраніе, традицій дворянскаго благородства. Курское собраніе постановило исключить изъ своей среды за подписаніе выборгскаго воззванія бывшихъ членовъ Думы: князя Петра Долгорукова и гг. Якушкина, фонъ-Рутцена и Ширкова. Фактъ—самъ по себѣ болѣе курьезный, нежели важный. Для освободительнаго движенія—это булавочный уколъ. Для исключенныхъ—не безчестье. И еслибы исключеніе состоялось не передъ выборами, то онъ не заслуживалъ бы особеннаго вниманія.

Нашъ законъ къ числу лицъ, устранимыхъ отъ выборовъ, между прочимъ, относитъ: „лишенныхъ духовнаго сана или званія за пороки и исключенныхъ изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ“. Такимъ образомъ, если рѣшеніе курскихъ дворянъ получить силу—для этого оно еще должно пройти черезъ собраніе предводителей и депутатовъ и затѣмъ черезъ очередное губернское дворянское собраніе,—то четверо бывшихъ членовъ Государственной Думы не будутъ имѣть возможности ни баллотировать при вторыхъ выборахъ, ни баллотироваться. „За что?“—спросятъ избиратели, которые дали имъ полномочія при первомъ избраніи безсословныхъ представителей народа.— За то, что они имѣли несчастье быть внесенными въ дворянскія ро-

дословныя книги курской губерніи и за то, что они не угодили тѣмъ, кто навѣрное подавалъ голосъ противъ нихъ въ мартѣ, но остался въ меньшинствѣ. Они именно „не угодили“—и только. Право дворянъ на исключеніе изъ собраній обусловлено либо совершеніемъ преступнаго дѣянія, либо совершеніемъ безчестнаго поступка. Какъ извѣстно, противъ бывшихъ членовъ Государственной Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе, имѣетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе, ибо прокуроръ петербургской судебной палаты усмотрѣлъ въ этомъ дѣйствіи признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 129 уголовного уложенія. Но развѣ усмотрѣніе прокурора есть авторитетное признаніе преступности совершеннаго? Такимъ признаніемъ можетъ служить одинъ вступившій въ законную силу судебный приговоръ. И пока приговора не послѣдовало, фактъ подписанія выборгскаго воззванія есть голый фактъ, но не преступленіе. Ни конкретная, ни юридическая его природа не установлена. Дѣло еще можетъ быть прекращено. Судъ, наконецъ, можетъ вынести оправдательный вердиктъ. Что касается безчестности дѣйствій, выразившагося въ подписаніи воззванія, то какъ можно считать безчестнымъ открытое выраженіе мнѣнія, хотя бы по содержанію революціоннаго? Курскіе дворяне требуютъ, чтобы въ нарушеніе основныхъ законовъ было немедленно измѣнено положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Это требованіе несомнѣнно революціонное. Но мы никогда не позволили бы себѣ назвать ихъ безчестными людьми. Мы не позволили бы себѣ этого, даже еслибы курскіе дворяне потребовали перевѣшать всѣхъ, несогласно съ ними мыслящихъ. Вотъ, пользованіе лазейкой для устраненія отъ избирательныхъ урнъ опасныхъ конкурентовъ—дѣло иного рода...

Законъ о правѣ дворянъ исключать изъ собраній давно себя пережилъ и оставался мертвой буквой. Помнится, въ 1904 г. его вспомнили было въ тверской губ. по поводу „страннаго“ образа дѣйствій мѣстнаго дворянина, производившаго ревизію земства по порученію В. К. Плеве. Хотя сопоставленіе ревизіи съ послѣдовавшимъ затѣмъ закрытіемъ тверскаго губернскаго и новоторжскаго уѣзднаго земствъ, съ весьма грѣшившимъ противъ истины официальнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ принятіе „чрезвычайныхъ мѣръ“, и съ высылкой изъ предѣловъ губерніи многихъ заслуженныхъ земскихъ дѣятелей—давало поводъ основательно кое въ чемъ усумниться, но и тогда этотъ законъ примѣненія не получилъ. Очевидно, какъ на мертвую букву, на него смотрѣли и составители положенія 6 августа 1905 г. Разъ же обнаружилась тенденція пользованія имъ въ избирательной кампаніи, то или онъ долженъ быть отмѣненъ, или должно быть отмѣнено основывающееся на немъ ограниченіе избирательнаго

права. Иначе можетъ оказаться, что въ однѣхъ губерніяхъ будутъ лишены права войти въ Думу второго созыва дворяне, подписавшіе выборгское воззваніе, въ другихъ—отказавшіеся его подписать, въ третьихъ — вообще излюбленные мѣстнымъ населеніемъ, какъ кандидаты.

Положеніе о выборахъ построено на началахъ безусловности. Какое дѣло крестьянамъ, мѣщанамъ и почетнымъ гражданамъ, что тотъ, кого они хотятъ выбрать, не раздѣляетъ политическихъ воззрѣній большинства мѣстныхъ дворянъ, составляющихъ въ общемъ числѣ избирателей ничтожное меньшинство!.. Отъ курской губерніи всего членовъ въ Государственной Думѣ было десять и, сверхъ того, одинъ отъ города Курска. Сколько изъ нихъ дали подписи подъ выборгское воззваніе, мы точно не знаемъ, но имѣемъ основаніе думать, что не только четыре исключенные изъ собранія дворянина. Допустимъ, что начатое судебное преслѣдованіе не повлечетъ обвинительнаго приговора и что разсмотрѣніе дѣла въ судебномъ порядкѣ не будетъ умышленно замедлено до окончанія выборовъ. Тогда подписавшіе воззваніе не-дворяне получатъ полную возможность вновь быть избранными. А дворяне—нѣтъ. Даже въ другихъ губерніяхъ, гдѣ у нихъ, быть можетъ, тоже имѣются цензы, они не будутъ обладать правомъ кандидатуры... Какъ прекратить дворянамъ, путемъ добровольнаго выхода изъ сословія, свою крѣпостную зависимость—законъ отвѣта не даетъ...

Вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ многими признается, что одной изъ главнѣйшихъ причинъ неудовлетворительнаго хода дѣла въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ является отсутствіе единенія между школой и семьей. Прошлагодня забастовки вынудили нашихъ педагоговъ обратиться къ семьѣ со словомъ призыва для совмѣстной дѣятельности.

25 ноября 1905 г., министромъ народнаго просвѣщенія было сообщено въ среднія учебныя заведенія для исполненія удостоившееся Высочайшаго одобренія постановленіе совѣта министровъ, отъ 13-го ноября слѣдующаго содержанія: „Разрѣшить образованіе при каждомъ среднемъ учебномъ заведеніи совѣщаній родителей учениковъ всей школы и отдѣльныхъ ея классовъ, съ предоставленіемъ родителямъ права организаціи родительскаго комитета, въ составъ коего должны входить члены, избранные на одинъ годъ родителями учениковъ каждаго класса, а предсѣдателемъ его должно быть лицо, избранное общимъ собраніемъ родителей для предсѣдательства въ общихъ собраніяхъ и въ комитетѣ. Предсѣдателю родительскаго комитета должны быть предоставлены права, одинаковыя съ правами почетнаго

понечителя гимназій, какъ въ педагогическомъ совѣтѣ, такъ и въ хозяйственномъ комитетѣ учебнаго заведенія. Постановленія общаго родительскаго совѣщанія и родительскаго комитета, въ случаѣ внесенія ихъ въ педагогическій совѣтъ, должны быть въ немъ обсуждаемы. Общія родительскія совѣщанія должны созываться по постановленію родительскаго комитета или педагогическаго совѣта. Въ послѣднемъ случаѣ совѣщаніе происходитъ подъ предсѣдательствомъ директора и на немъ долженъ присутствовать педагогическій персоналъ“.

И отдѣльныя слова, и общій характеръ этого постановленія, показывали, что родительскіе комитеты и совѣщанія предположено поставить въ положеніе организацій самостоятельныхъ и самодѣятельныхъ, связанныхъ съ педагогическими совѣтами участіемъ въ послѣднихъ предсѣдателяхъ комитетовъ. Такъ и взглянули комитеты на свои задачи—по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Они рѣшительно устранили всѣ стремленія учебнаго начальства къ иному пониманію постановленія: самостоятельно собирались и созывали общія и классныя совѣщанія, самостоятельно ставили на обсужденіе вопросы и выносили рѣшенія. Въ виду не прекращавшагося до конца учебнаго года броженія, главнымъ предметомъ занятій служило изысканіе мѣръ успокоенія воспитанниковъ—путемъ выясненія основаній предъявлявшихся ими требованій и настойчиваго воздѣйствія на начальство для удовлетворенія требованій справедливыхъ и не заходящихъ за предѣлы допустимаго и возможнаго. Но кромѣ того комитеты немало поработали и въ иномъ направленіи, во-первыхъ, выясняя органическіе пороки школьной системы и намѣчая средства ихъ устраниенія, и во-вторыхъ, обнаруживая тѣ мелкія упущенія въ отдѣльныхъ заведеніяхъ, къ которымъ администрація и педагогическіе совѣты такъ привыкли, что не замѣчали ихъ. Какъ-ни-какъ—учебный годъ удалось закончить. И большая заслуга въ этомъ принадлежитъ родительскимъ организаціямъ.

Но прошлагодня организація безслѣдно исчезли и въ начавшемся учебномъ году должны возникнуть, внѣ всякой съ ними связи, новыя, которыя въ маѣ 1907 г. также безслѣдно исчезнутъ. Годичный срокъ полномочій членовъ родительскихъ комитетовъ министерство народнаго просвѣщенія растолковало не въ смыслѣ ежегоднаго обновленія состава непрерывно существующихъ и функціонирующихъ учреждений, а въ смыслѣ каждагодняго ихъ образованія съ началомъ учебнаго года и упраздненія—съ концомъ. Циркуляръ министра отъ 5-го августа прямо считаетъ, что „съ окончаніемъ 1905—6 учебнаго года истекъ срокъ полномочій родительскихъ комитетовъ“, хотя въ постановленіи совѣта министровъ отъ 13-го ноября глухо говорилось объ избраніи на одинъ годъ, почему родители имѣли полное право выбирать не на годъ учебный, а на календарный,—и вовсе не допускаетъ созыва общаго

и классныхъ совѣщаній по распоряженію комитетовъ. Такое распоряженіе и предсѣдательство въ совѣщаніяхъ возложено на начальниковъ учебныхъ заведеній, „съ отвѣтственностью за правильность хода выборов“.

Практическій результатъ: уже болѣе мѣсяца, какъ начался учебный годъ, а родительскія организациі не образованы. И для полного ихъ образованія циркуляръ создалъ большое затрудненіе: „для дѣйствительности выборовъ предсѣдателя комитета и его замѣстителя требуется, чтобы въ собраніи участвовало не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ живущихъ въ городѣ родителей и опекуновъ учащихся; въ случаѣ неявки такого числа назначается новое собраніе, которое считается состоявшимся при наличности $\frac{1}{2}$ общаго числа означенныхъ лицъ“...

3-го октября готовится въ Петербургѣ событіе крупнаго общенациональнаго и международнаго значенія—пріемъ депутаціи англійскаго народа, пріѣзжающей для врученія бывшему предсѣдателю Государственной Думы, С. А. Муромцеву, слѣдующаго, появившагося въ печати адреса:

„Мы, члены парламента, представители муниципальныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій и другіе британскіе граждане, желаемъ, въ виду закрытія первой сессіи перваго русскаго парламента, передать ему выраженіе нашихъ симпатій и уваженія. Наша собственная исторія научила насъ той истинѣ, что только представительный образъ правленія и гражданская свобода суть единственные надежныя основы, на которыхъ могутъ покоиться національный прогрессъ и народное благосостояніе. Полные добрыхъ пожеланій по отношенію къ Россіи, мы слѣдили съ живѣйшимъ интересомъ и горячими надеждами за созданіемъ Думы и за ея борьбой за власть. Мы научились преклоняться передъ гениемъ русскаго народа. Сердца всѣхъ мужественныхъ людей были тронуты зрѣлищемъ его героизма, его жертвъ и страданій, претерпѣнныхъ имъ въ его долгой и тяжелой борьбѣ за свободу. Мы надѣемся, что въ недалекомъ будущемъ свобода восторжествуетъ въ Россіи, и тогда, наконецъ, слѣдается возможнымъ для народовъ Англіи и Россіи оформить ту дружбу, которая уже соединяетъ ихъ,— дружбу, основанную на общности идеаловъ культуры, опирающейся на миръ“.

Подъ адресомъ подписались, безъ различія партій, многіе наиболѣе выдающіеся представители политической, общественной и религіозной жизни Англіи, ея литературы, искусства, науки; почти 300 членовъ парламента, болѣе 60 епископовъ и духовныхъ лицъ, лорды, профессора, литераторы, художники, редакторы 26 главныхъ органовъ печати, болѣе 40 мэровъ различныхъ городовъ и почти всѣ

вожди крупнѣйшихъ trady-yononovъ. „Адресъ, такимъ образомъ, по справедливости представляетъ собою выраженіе чувствъ и мыслей англійской націи“,—какъ заключаетъ распорядительная коммиссія по устройству приѣма англійской депутаціи.

23 сентября, скончался здѣсь скоропостижно Леонидъ Егоровичъ Оболенскій. Покойный родился въ 1845 году въ Малоярхангельскѣ; среднее образованіе получилъ въ Орлѣ въ частномъ учебномъ заведеніи извѣстнаго въ свое время педагога Рашевскаго, а въ 1862 г. вступилъ въ петербургскій университетъ, откуда перешелъ въ военно-медицинскую академію и наконецъ въ московскій университетъ, по юридическому факультету, но впоследствии любимымъ предметомъ его занятій была наука философіи, и въ этой области онъ потрудился немало. Въ 1878 г. Л. Е. поселился въ Петербургъ, гдѣ онъ и посвятилъ себя литературной и публицистической дѣятельности; въ 1883 г. онъ приобрѣлъ журналъ „Русское Богатство“ и издавалъ его до 1891 года. Въ нашемъ журналѣ были также помѣщены нѣкоторые изъ трудовъ Л. Е.: въ 1903 г.—„На развалинахъ“, романъ въ 2-хъ ч. (февр.—іюнь); въ 1904 г.—„Ницшеанцы о воспитаніи“ (апр.); въ 1905 г.—„Габріель Тардъ и его соціологическая и философская система“ (авг.—сент.); и „Изъ поѣздки въ Саровъ“ (окт.—нояб.).

ОПЕЧАТКИ.

Въ сентябрьской книжкѣ журнала слѣдуетъ исправить:

		Напечатано:	Вмѣсто:
На	страницъ	дворянства	боярства
235,	стр. 8	12 января 1866	12 января 1867
236,	стр. 11	1 февраля 1876	1 февраля 1867
240,	стр. 21	западное	восточное.
248,	стр. 17		

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Переживаемая страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагоприятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступления въ Фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій Фонда—лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ Фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдать изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репрессіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писателей, нуждавшихся въ помощи Фонда. Такое стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 января сего года *по расходному капиталу—изъ котораго, по Уставу, только и можетъ быть производима большая часть выдачъ Фонда—*дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей обращающихся въ Фондъ за пособіемъ просителей вновь повлекло за собою превышеніе расходовъ надъ поступлениями. Еслибы Фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составитъ уже теперь около 2.000 руб.

Такое положеніе дѣла побудило Комитетъ Фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію нарастанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія Фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды; считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышеизложеннаго, Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердной просьбой приходить ему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и

ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраний, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

Предсѣдатель Комитета П. Вейнбергъ.

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззвание Соединенной Организаци С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымели поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльных мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ нищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо*. Ожидаются цыгга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь*. Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавашагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организаций. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организаци С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертво-*

ванная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая. Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организациі будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организациа избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровский и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровский.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организациі С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политическомъ Обществѣ“ (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Конышенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45),

III.—Отъ Общества вспомошествованія студентамъ имп. университета св. Владиміра.

Общество вспомошествованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполне

матеріально обеспеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполне увѣрена, что должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*олашенію въ печати соответствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ разысканныхъ пока должниковъ, просить письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соответственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомошествованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

IV.—Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.

Учрежденіе имѣетъ цѣлью практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность учрежденія направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

Въ основѣ практической дѣятельности учрежденія положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, леченіе, примѣненіе специальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соответствуютъ потребностямъ каждаго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ—для развитія интеллектуальныхъ силъ и общенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ)

въ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами — для дѣтей, одаренныхъ частичными способностями; 4) лѣтомъ — занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству; 5) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей; 6) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; гимнастика.

Согласно съ своей задачей, учрежденіе организуетъ амбулаторный пріемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими.

Дѣти, поступающія въ учрежденіе, подраздѣляются — въ зависимости отъ индивидуальности и пола — на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ.

*С.-Петербургъ, Вас. Остр., 12 линія, д. 19; четвергъ и воскресенье
11—12 дня и 6—7 веч.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, 1906.

Книга девятая. — Сентябрь.

	СТР.
Англия и ея автономныя колоніи. — Историческій очеркъ. — Барона Б. Э. НОЛЬДЕ.	5
Въ порогахъ. — Повѣсть. — Окончаніе. — I — XXVII. — Н. СЪВЕРОВА.	68
СЕМЬ ЛѢТЪ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ БАНКѢ. — По личнымъ воспоминаніямъ. — Окончаніе. — III — IV. — Ф. Ф. ВОРОПОНОВА.	127
Иммиграція въ С.-А. штаты. — По новѣйшимъ даннымъ американской статистики. — К. Г. ВОБЛАГО	156
Америка и Японія. — Письмо изъ Америки. — П. А. ТВЕРСКОГО	166
Не родной сынъ. — Романъ Клари Фибихъ. — Einer Mutter Sohn. Rom. v. Cl. Viebig. — Часть третья. — Окончаніе. — XIII. — Съ нѣм. О. Ч.	175
Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ и С. М. Соловьевѣ. — I — IX. — Д. А. КОРСАКОВА	221
Джери. — Романъ. — Upton Sinclair. The Jungle. — V — XII. — Съ англ. З. В.	273
Хроника. — „Революціонное выступленіе“ Думи и земельный вопросъ. — I — VI. — В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА	318
Внутреннее Овозрѣніе. — Тяжелое время. — Единственный выходъ изъ ужаснаго положенія. — Высочайшій указъ 12-го августа. — Несостоявшееся либеральное министерство. — Возможно ли теперь измѣненіе избирательнаго закона? — Партія мирнаго обновленія и отношеніе къ ней другихъ конституціонныхъ партій. — Партія народной свободы и крайніе лѣвые. — Думскій законопроектъ о неприкосновенности личности. — Ф. Г. Тернеръ †. — Postscriptum.	243
Литературное Овозрѣніе. — I. Андреевъ, Л., Мелкіе рассказы. Т. III. — II. Довнаръ-Запольскій, М. В., Мемуары декабристовъ. — III. Изъ писемъ и показаній декабристовъ, п. р. А. К. Бороздина. — IV. Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694), изслѣд. Н. В. Чарикова. — Евг. Л. — V. Карлъ Каутскій, Этика и материалистическое пониманіе исторіи. — К. Ч—скій. — Новые книги и брошюры.	363
Иностранное Овозрѣніе. — Годовщина Портсмутскаго мира. — Перемены въ общемъ международномъ положеніи, подъ вліяніемъ упадка русскаго могущества. — Либеральная политика Англіи. — Личная роль короля Эдуарда VII. — Особныя преимущества его конституціоннаго положенія. — Вильгельмъ II и его министры. — Неудобства безотвѣтственности правительства. — Церковный вопросъ во Франціи. — Балканскія дѣла.	396
Новости Иностранной Литературы. — I. John Galsworthy, „The Man of Property“. — II. Saint-Georges de Bouhelier. „Le Roi sans couronne“. Pièce en 5 actes. — З. В.	407
Изъ Овещественной Хроники. — Мѣсяцъ кровавыхъ событій. — Военные бунты. — Покушеніе на П. А. Столыпина. — Чтò можетъ положить конецъ? — Политики реакціи повернутъ общественное настроеніе. — Отношеніе деревни къ „черносотенцамъ“. — Критическое положеніе земства. — Къ предстоящему началу учебнаго года. — Новые средства борьбы съ революціонной пропагандой въ войскахъ	422
Библиографическій Листокъ. — Политическая Энциклопедія. Т. I, вып. 2-ой. — Проф. В. А. Косинскій. Къ аграрному вопросу. Вып. I. — Крестьянское и помѣщичье хозяйство. — Проф. П. П. Мигулинъ. Аграрный вопросъ. — М. Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и социализма.	
Объявленія. — I — VIII.	

Книга десятая. — Октябрь.

стр.

Общественное мнѣніе и законодательство въ Англіи. — I—III. — В. О. ДЕРЮЖИНСКАГО	441
Графъ А. К. Толстой, его жизнь и произведенія. — I—V. — А. ЛЕВЕНСТИМА	487
Мафай Борина. — Эскизъ. — По польскому роману Реймонта: „Chłopi“. — Л. ПОЛОНСКАГО	521
Наши задачи на Ближнемъ Востока. — Э. Х. КАЛНИНА	571
Стихотворенія. — Листопадъ. — I—II. — О. Н. ЧЮМИНОЙ	586
Деври. — Романъ. — Upton Sinclair. The Jungle. — XII—XXII. — Съ англ. З. В. МЕРТВАЯ ПРАВДА. — Разсказъ. — В. В. УМАНОВА-КАПЛУНОВСКАГО	588
Въ горахъ Норвегіи. — Изъ путевыхъ замѣтокъ. — I—XII. — СЕРГѢЯ ОРЛОВСКАГО	661
Миссія мистера Кутэса Грина. — Разсказъ Гичинса. — The black spaniel and other stories, by R. Hichens. — I—VII. — Съ англ. О. Ч.	688
Хроника. — Уклоненіе отъ воинской повинности. — Законъ 18-го августа 1906 г. — В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА	720
Внутреннее Овозрѣніе. — Правительственное сообщеніе 24-го августа. — Предѣлы, въ которыхъ насиліе законно можетъ быть отражаемо насиліемъ. — Военно-полевые суды и диктатура. — Гдѣ таится жажда власти? — Новый видъ православныхъ братствъ. — Вопросы, признаваемые неотложными. — Земство и недоимки. — Возможно ли измѣненіе избирательнаго закона? — Еще о партіи мирнаго обновленія. — Общеземская организація продовольственной помощи	756
Литературное Овозрѣніе. — I. Довнаръ-Запольскій, М. В., проф., Идеалы декабристовъ. — II. I. Г. Корбъ, Дневникъ путешествія въ Москву, перев. А. И. Малеина. — III. Фаресовъ, Мужики и начальство. — IV. Е. В. Пѣтуховъ, Императорскій прѣвскій, бывшій дерптскій университетъ, 1865—1902 г. — V. Ларенко, Страдные дни Портъ-Артура. — Верекинъ, Н., и Ножинъ, Е. К., — объ осадѣ Портъ-Артура. — Купчинскій, Ф., Въ японской неволѣ. — Евг. Л. — VI. Г. Галина, Предразсвѣтныя лѣтніи. — Е. Ч. — VII. Каторовскій, Народное право. — VIII. И. Х. Озеровъ, Политика по рабочему вопросу въ Россіи, за послѣдніе годы. — IX. Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ земельномъ вопросѣ. — изслѣд. П. Н. Соковина. — В. В. — Новыя книги и брошюры	771
Изв. С. Тургеневъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и въ его письмахъ къ нимъ. — Erinnerungen, Reden und Studien von Ludwig Friedländer. Erster Theil. — I. Воспоминанія о Тургеневѣ. II. Письма его къ Фридендэру. Съ нѣм. СЕРГѢЙ БЕРТЕНСОНЪ	791
Иностранное Овозрѣніе. — Рѣчи Вильгельма II и прусскій монархизмъ. — Консервативная оппозиція противъ короля. — Внутреннія дѣла Пруссіи и Германіи. — Соціалистическій съѣздъ въ Мангеймѣ. — Критскій вопросъ. Реформы въ Китаѣ и Персіи	829
Новости Иностранной Литературы. — Georg Brandes, Henrik Ibsen. — З. В.	842
Изъ Общественной Хроники. — Два террора. — Письмо А. И. Гучкова. — Торжество революціонныхъ элементовъ справа. — Исключеніе бывшихъ членовъ Думы изъ курскаго дворянскаго собранія. — Родительскіе комитеты въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Пріѣздъ англійской депутаціи. — Л. Е. Оболенскій +	858
Извѣщенія. — I. Отъ Комитета Литературнаго Фонда — II. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія. — III. Отъ Общества вспоможенія студентамъ имп. университета св. Владиміра. — IV. Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маларевскаго и Е. П. Радина	866
Библиографическій Листокъ. — Череванскій, Вл., Исчезнувшее царство. — А. Н. Пипинъ, Характеристики литературныхъ мѣтій отъ 20-хъ до 50-годовъ. Третье изданіе. — В. Святловскій, Къ исторіи политической эноміи и статистики въ Россіи. — М. Оленовъ, Такъ-называемый „дузисъ марксизма“. — Жоржъ Вейль, Исторія соціальнаго движенія Франціи (1852—1902 г.).	882
Объявленія. — I—VIII.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

ЧЕРКАСОВСКИЙ, Изъ Искусственное царство (эпоха Семирамиды). Историческая монография, из двухъ частей, со многими гравюрами и рисунками. Сб. 906. Стр. 303 и 309. Ц. 4 руб.

Этотъ сочиненный трудъ, богато обставленный интересными иллюстрациями и снимками съ древнихъ памятниковъ, представляетъ намъ вернуться на сроки жизни въ намныхъ дней, въ предполагаемой эпохѣ Семирамиды, столь известной царини Ассирио-Вавилонской, хотя еще не вполне известно, существовала ли она тогда, или была только фантазией той эпохи, когда на берегахъ Тигра и Евфрата зарождалась первичная культура въ историч. человечества. „Искусственное“ около 25 страницъ тому назадъ царство, оставшееся до промежуточного столѣтія не только въ развалинахъ, но и глубоко погребеннымъ подъ землею, — нини, благодаря усиленнымъ раскопкамъ англичанъ и французскихъ ученыхъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ возникаетъ предъ нашими глазами въ такой подробности, сохраняющихся въ видѣ остатковъ древнѣйшей ассирио-вавилонской культуры, съглажившей нини предметомъ особой науки — ассириологии. Если такими изысканіями и изслѣдованіями воссоздавался нашъ авторъ, тобы реставрировать предъ нами во всѣхъ подробностяхъ жизнь этого „искусственного“ царства, ни устройство, законодательство, военное дѣло и вообще культуру, вторая, какъ теперь оказывается, послужила основой для всѣхъ изысканій въ культуру человечества, не исключая и вавилонской; многое въ послѣдней, во замѣчаніяхъ автора, можетъ быть вполнѣго теперь при помощи изученія культуры ассирио-вавилонской.

А. П. Пипил. Характеристики литературныхъ нини въ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ. Историческое очеркомъ. Изданіе третье. Сб. 906. Ц. 3 руб.

Известный трудъ покойнаго А. П., несмотря на то, что первоначальная работа надъ нини была закончена въ началѣ сороковыхъ годовъ, и появлялась впервые отдельными изданіями въ издѣмъ журналь въ 1872—73 году, и до сихъ поръ не утратила своего значенія, доказательствомъ чему служатъ изысканіе новаго его изданія. Оно является на этотъ разъ въ свѣтъ съ дополненіями и слабыми привѣтствіями и указателями собственными именъ, встречающихся въ текстѣ. Въ приложеніи помѣщена одна изъ послѣднихъ работъ А. П., а именно: „Значеніе Гюль въ социальномъ современномъ международномъ положеніи русской литературы“.

В. Свѣтловский. Въ исторіи политическаго строя и статистика въ Россіи. Сборникъ статей. Сб. 906. Стр. 200. Ц. 1 р.

Книга г. Свѣтловскаго является въ свѣтъ историко-критическими этюдами, излагающими ходъ развитія экономическихъ идей въ вѣкахъ отечества, начиная съ воззрѣній Давида Якобиника и „Демитри“ и кончая современнымъ фансомъ марксизма. Шесть статей посвящены болѣе или менѣе далекому прошлому: „Начальнѣ мерантизма“, „Филаретизмъ въ Россіи и начало изученія экономіи свѣтловскаго хозяйства“, „Появленіе ученія Адама Смита въ

Россіи“, „Появленіе идей самодѣльной торговли и протекционизма“ (Нин. Тургоновъ и гр. Н. Мордвиновъ), „Фурьеризмъ въ Россіи“ (Петрашевскій), и „Изъ исторіи русской статистической литературы“; каждая статья, „Отъ славянофильства до идеализма“, — говоритъ уже объ обществѣнныхъ теченіяхъ нашей эпохи.

Мих. Озерновъ. Такъ-названный „древній марксизмъ“. Ч. I. „Кризисъ“ теоріи П. Кризисъ русскаго марксизма. Сб. 906. Стр. XI + 221.

Книга г. Озернова является отчетъ жизни и деятельности въ большой начитанности автора, все же принадлежать къ числу тѣхъ мало полезныхъ работъ, которыя, по нини своего самостоятельнаго реального андершайна, подтверждать нужды теоріи, мысли и изысканія, или, вѣрнѣе, обрисовъ нужды теоріи, мысли и изысканія, для изысканія и оправданія какого-нибудь изысканнаго авторитета и для объясненія логичности его противниковъ. Такъ, авторъ въ началѣ же строкъ книги вѣдъ изъ начала въ изысканіи уже видно, что хочеть доказать авторъ, то въ сущности онъ жеть бы изысканія себя отъ дѣлываемаго изысканія: вѣрнѣе вѣдѣтъ, что „древній марксизмъ“ существуетъ только въ изысканіяхъ, что въ дѣлываемости изысканія остается дѣлать и изысканіемъ, что всѣ его критики будутъ изысканіями при изысканіи искусства подборки цитатъ изъ ихъ рассужденій, и что эти изысканіе притомъ легко дѣлается общедоступными приемами спеціально-марксистскаго остроумія. Дѣломъ автора жеть попытка — убѣдительною толка въ изысканіи марксизма, а для нини онъ уже изысканія. Между тѣмъ г. Мих. Озерновъ потратилъ много времени и труда въ сочиненіи двухъ первыхъ частей своей книги, и предполагаетъ напечатать еще дѣлываема „изысканія“ въ томъ же родѣ, безъ особеннаго изысканія и нини для нини бы то ля было, — о чемъ жеть не изысканія.

Жюль Виль. Исторія социальнаго движенія во Франціи (1852—1902 г.). Перев. М. Игнатовскаго. Сб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ, въ предисловіи къ своему обширному труду, изысканія, что нини жеть социальнымъ движениемъ разумѣеть всю массу усилій, какія предпринимаются для изысканія экономическаго положенія людей рабочаго класса. Особовное изысканіе изысканія авторъ изысканія въ отношеніяхъ между правительствомъ и рабочими классомъ, а потому и его исторія социальнаго движенія во Франціи, за которую помѣщена истинная статистика, начиная со второй половины, есть прежде всего исторія политическая, изысканія изысканія, такими образомъ рабочій классъ ставился и разрывался различными правительственными и рабочими партіями во Франціи, особенно — партіей социалистическою. Достоинство этого интереснаго труда заключается именно въ томъ, что авторъ изысканія общими изученіемъ идей съ изысканіемъ фактовъ. Само же изысканіе начинается съ момента, наступившаго послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 года, и оканчивается въ политическую часть законодательными выборами въ май 1902 года.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1907 Г.

(Сорокъ-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

Выходитъ въ перемѣхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ:

По полугодію:

По четверти года:

		Павловскъ	Иванскъ	Литовскъ	Алтайскъ	Иванскъ	Самарскъ
Билетъ доставки въ Контръ-журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	4 р. 90 к.	4 р. 90 к.	4 р. 90 к.	4 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	10 . . .	8 . . .	8 . . .	4 . . .	4 . . .	4 . . .	4 . . .
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл. . .	17 . . .	9 . . .	8 . . .	6 . . .	4 . . .	4 . . .	4 . . .
За границей, въ годъ, почтой, собою . . .	19 . . .	10 . . .	9 . . .	6 . . .	5 . . .	6 . . .	4 . . .

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въслѣдъ разорванія годовой подписки на журналъ, подписка на полгодіе: въ январѣ и въ июлѣ, и въ числѣмъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — боѣе поавщеніи годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Контръ-журнала, В.-О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Контры: при книжныхъ магазинахъ К. Риплера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20;

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. И. Ослободина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Контръ-журналы Н. Печниковой, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Риппельскаго, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Предѣловіе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, а по почтѣ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и жительство и съ ближайшимъ близкимъ къ дому постояннаго жительства, гдѣ (НП) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ тѣхъ учрежденій въ данномъ мѣстожительствѣ, гдѣ можно было бы получить журналъ. — 2) *Пересылка адресъ* долженъ быть сообщенъ Контръ-журнала своевременно, съ раздѣленіемъ прожитой суммы, при чемъ требуется податства, которая въ мѣсяцѣ, доплачиваетъ 1 руб. — 3) *Жалобы* на несовершенство доставки доставляются исключительно въ Редакцію Журнала, если подписка была сделана въ редакцію, иначе въ мѣсяцѣ, доплачиваетъ 1 руб. — 4) *Платежи* на получение журнала принимаются Контръ-журналомъ только въ наличномъ или въ кредитномъ, который принимается въ наличномъ суммѣ 14 коп. наличными деньгами.

Издателъ и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб. Газетная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас.-Остр., Академич. пер., 7.

RECEIVED